

63.3(7)

11-90

История Латинской Америки

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Антигуа и Барбуда, Аргентина, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Виргинские острова, Гаити, Гайана, Гваделупа, Гватемала, Гондурас, Гренада, Доминика, Доминиканская республика, Каймановы острова, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мартиника, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Сент-Висент и Гренадины, Сент-Люсия, Суринам, Тринадад и Тобаго, Уругвай, Чили, Эквадор, Ямайка

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА (исп. AMERICA LATINA), общее название стран, расположенных в Южной Америке и в южной части Северной Америки, включая Вест-Индию, южнее реки Рио-Гранде-дель-Норте. Латинамериканские земли расположены между Тихим и Атлантическим океанами.

НБ ПНУС
659908

МОСКВА — КИЕВ
АЛЬТЕРНАТИВА — ЕВРОЛИНЦ
2003

ББК 63.3(4)

И 60 и-90

Печатается по изданиям:

Р.М. Бланк. Америка. Париж. 1928.

Дж. Бейкер. История географических открытий. М., 1950.

А. Деберль. История Юж. Америки от завоевания до нашего времени. СПб., 1899.

Страны Латинской Америки. М., 1949.

Д.С. Миллс. Панамский канал. История и описание его. СПб., 1914.

В.Е. Тимонов. Мировой водный путь через Панамский перешеек. СПб., 1914.

В.Л. Снесарев. Конкистадоры. Историческая хроника XVI века. М., 1936.

Ю. Махальский. Пиратство. М., 1952.

Ф. Маршалл, Д. Крэйн. Боливар. М., 1944.

Идея издания: Елены Каревой

Составители: С.А. Шумов, А.Р. Андреев

Обложка: Церковь Сан-Мартин в Теноцотлане.

Дом конкистадора Франсиско де Монтехо в Мериде.

Редакционный совет:

Александр Андреев, Александр Булдаков, Сергей Булатов,
Виктор Гринцов, Елена Карева, Алексей и Владимир Турусовы,

Сергей Шумов

им. Василя Стефаника

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА

65.990.8

И65 История Латинской Америки. М.—К., Альтернатива-Евролинц, 2003, 712, илл.

ISBN 5-93662-030-1

Издание содержит работы западных и русских авторов по истории Латинской Америки — Р.М. Бланка, Дж. Бейкера, А. Деберля, Д. Миллса, В. Тимонова. Публикуется и часть обширного труда польского историка Ю. Махальского — «Пиратство в Карибском море».

В издании также полностью печатаются работы — В.Л. Снесарев. «Конкистадоры. Историческая хроника XVI века» и Ф. Маршалл, Д. Крэйн. «Боливар».

ББК 63.3(4)

ISBN 5-93662-030-1

© «Альтернатива», «Евролинц», 2003

© С.А. Шумов, А.Р. Андреев, 2003

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Американский континент — Америка, или Новый Свет, состоящий из двух материков — Северной и Южной Америки, — четвертый, ставший известным европейцам — Старому Свету в составе Европы, Азии и Африки.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА, материк в Западном полушарии, включает Центральную Америку и Вест-Индию, на юге соединяется с Южной Америкой, граница с которой проходит по Панамскому перешейку, через который в 1914 году был прорыт канал. На территории Северной Америки расположены государства: США, Канада, Гренландия, Мексика, Гватемала, Белиз, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Гаити, Доминиканская республика, Куба, Тринадад и Тобаго, Ямайка, Доминика, Барбадос, Багамские острова, Гренада, Сент-Люсия, Сент-Висент и Гренадины, Антигуа и Барбуда.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА, материк в Западном полушарии, между Тихим океаном на западе, Атлантическим океаном на Востоке, Карибским морем на севере и Магеллановом проливом на юге. Панамским перешейком соединена с Северной Америкой. Длина более 7000 километров, ширина более 5000 километров. Крупнейшие реки — Амазонка, Парана, Ориноко. На территории Южной Америки расположены государства — Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор.

Время открытия Америки в точности пока не известно. Северо-восточное американское побережье было открыто примерно тысячу лет назад норманнами, почти не оставивших следов на континенте. С древнейших времен Америка была заселена индейскими племенами, создавшими в мексиканских горах и Андах развитые государства ацтеков и инков. Именно из Америки по всему миру распространились картофель, кукуруза, томаты, фасоль, подсолнечник, какао, а также и табак. Индейские племена по ряду признаков (рост, цвет кожи и пр.) разделяются на три большие группы: североамериканскую, центральноамериканскую и южноамериканскую.

Европейцами Америка была открыта 12 октября 1492 года генуэзцем на испанской службе Христофором Колумбом, искавшим западный путь в

Индию, после тяжелейшего плавания достигшим Багамских островов в Вест-Индии, и позднее побывавшим в Венесуэле, Панаме и Гондурасе.

ХРИСТОФОР КОЛУМБ (исп. *Colón*, 1451, Генуя — 1506), великий мореплаватель.

В 1492—1493 годах возглавлял испанскую морскую экспедицию, искавшую кратчайший путь в Индию. Три каравеллы Колумба — «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья» пересекли Атлантический океан и достигли острова Сан-Сальвадор 12 октября 1492 года, что стало официальной датой открытия Америки, и позднее — Багамских островов, Кубы, Гаити в Вест-Индии. В морских экспедициях 1493—1496, 1498—1500, 1502—1504 годов Христофором Колумбом открыты Антильские острова и побережье Центральной и Южной Америки.

ВЕСТ-ИНДИЯ, WEST INDIES (ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ), общее название островов Атлантического океана между Северной и Южной Америкой — Багамские, Большие Антильские, Малые Антильские острова.

После 1497 года флорентиец на испанской службе Америго Веспуччи, совершивший несколько плаваний к новым землям, в своих письмах, ставших широко известными, писал: «Страны эти следует назвать Новым Светом. Никто из наших предков понятия не имел об этих землях». После 1507 года открытые Колумбом земли были названы Америкой. Дальнейшее открытие и описание американских земель были совершены экспедициями итальянца Кабото, португальца Кабрала, испанцев Пинсона и Бальбоа, французской экспедицией Магеллана. В 1519 году экспедиционные войска испанца Эрнандо Кортеса завоевали государство ацтеков на мексиканских землях, а в 1534 году отряды Франсиско Писарро — государство инков в землях Перу, Боливии и Эквадора.

АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ, VESPUCCI (1454—1512), флорентиец, мореплаватель, участник нескольких испанских и португальских экспедиций к берегам Южной Америки 1499—1504 годов, названной им Новым Светом. Первым заявил, что эти земли — новый континент, который знаменитый лотарингский картограф М. Вальдземюллер в 1507 году назвал в его честь Великой Америкой.

ФЕРНАН МАГЕЛЛАН (1480—1521), португалец, великий мореплаватель, совершивший первое кругосветное путешествие в 1519—1521 годах. Убит в бою на Филиппинских островах.

ЭРНАНДО КОРТЕС, CORTES (1485—1547), испанский конкистадор. В 1504—1519 годах служил на Кубе; в 1519—1521 годах возглавил завоевание Мексики, ставшей испанской колонией; в 1522—1528 годах губернатор, в 1529—1540 годах генерал-капитан Новой Испании — Мексики.

ФРАНСИСКО ПИСАРРО, PIZARRO (1470—1541), испанский конкистадор; участник захвата Панамы и Перу, командовал успешным для испанцев завоеванием государства инков — Тауантинсуйю. Убит конкурентами.

Северная Америка до реки Рио-Гранде была колонизирована англичанами и французами, а Южная и Центральная Америка, включая Мексику — португальцами и испанцами.

В 1776 году стали независимыми Соединенные Штаты Америки. Почти все испанские колонии в Америке стали суверенными государствами в первой трети XIX века. Английские и французские колонии в Вест-Индии получили независимость после второй мировой войны.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА, один из крупнейших регионов мира (1/7 площади суши), включающий около сорока независимых государств и занимающий один континент — Южную Америку — полностью, и значительную часть другого континента — Северную Америку. В прошлом регион называли «Ибероамерика», «Индоамерика», «Испанская Америка», а с середины 30-х годов XX века — «Латинская Америка».

Население — индейцы, потомки европейских переселенцев, метисы, мулаты, негры, более полумиллиарда человек. Официальные языки — испанский, португальский, английский, французский, голландский.

В Латинской Америке находятся: Антигуа и Барбуда, Антильские острова, Аргентина, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Виргинские острова, Гаити, Гайана, Гваделупа, Гватемала, Гондурас, Гренада, Доминика, Доминиканская республика, Каймановы острова, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мартиника, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Суринам, Тринадад и Тобаго, Уругвай, Чили, Эквадор, Ямайка.

Во времени вторжения европейских завоевателей в конце XV века на территории Латинской Америки существовали древнейшие государства, созданные индейцами майя, инками, ацтеками, кечуа, аймара.

МАЙЯ, группа индейских племен, создавших древнюю развитую культуру на американском континенте.

История майя до X века известна очень плохо. Первоначально майя населяли течение реки Усмасинты и северные районы Гватемалы и Гондураса. До прихода испанцев в стране майя существовало большое количество мелких владений. Поселение Маляпан, под управление династии Коком, имело, по преданию, как бы гегемонию в общем союзе. По словам индейцев, оно было разрушено за 125 лет до прихода испанцев. Древнейшие развалины более 100 городов и сооружений майя сохранились в Копане, Киригуа, Тикеале, Паленке.

Между X и XII веками значительная часть древних поселений майя по неизвестным причинам были заброшены. В то же время поселения майя стали возникать на севере полуострова Юкатан: Чичен-Итца, Майяпан, Усмал, Тулум. В XII веке образовался союз племен майя, распространивший свое господство почти на весь Юкатан.

После покорения испанцами Юкатана в начале XVI века майя были лишены большей части своих земель, фактически обращены в рабство и почти истреблены.

ИНКИ, группа индейских племен, создавших древнее государство Перу. Согласно индейской мифологии культура и государство инков были созданы Манко Капоком, «Сыном солнца», и его сестрой Койей, ставшей его женой. После Манко Капока и до испанского завоевания государства инков в 1532 году традиция насчитывает 11 властителей, господство которых охватывает период около 300 лет.

Как предполагают, инки были потомками племени, некогда завоевавшего Перу и основавшего в стране нечто вроде «деспотической теократии на коммунальных основах». Инки стремились подчинить покоренные племена своим законам и обычаям, навязывали им свой язык, свои праздники и обряды. В создавшемся таким образом однородном государстве верховный Инка был неограниченным повелителем, как представитель высшего божества, воплощение бога Солнца. Приказания Инки не терпели никаких возражений и выполнялись немедленно, как бы они не были жестоки. Внешним знаком отличия Инки была шерстяная головная повязка с кистью над лбом.

Пораженные размерами, богатством и внутренней организацией государства инков Тауантинсуйу, испанские конкистадоры перед его захватом назвали монархией, а правящего Инку уподобили испанскому королю.

В XVI веке инки покорены испанскими конкистадорами.

АЦТЕКИ, северо-американское индейское племя, занимавшее в XI—XIV веках обширные пространства срединной части Северной Америки. Ацтеками в 1325 году основан город Мехико и позднее в соединении с другими городами-государствами, Тецкопо и Тласкопан, создано обширное, могущественное и интересное по высокому уровню культуры государство на территории современной Мексики со столицей в Теночтитлане. В основе королевской власти ацтеков лежало выборное начало. Короли избирались из среды ближайших родственников умершего государя четырьмя представителями высшей знати страны. Живя в роскоши, ацтекские государи правили неограниченно при содействии особого тайного государственного совета и под охраной личной стражи, набранной из знатнейших семейств. Законодательная власть находилась всецело в руках короля. Законы были также писанные и весьма суровые.

Ацтекская цивилизация была уничтожена испанскими конкистадорами в XVI веке.

После путешествий Христофора Колумба (1492—1504), открывшего Вест-Индию, побережье Центральной Америки и Венесуэлы, первые испанские поселения были основаны на островах Эспаньола (Гаити) и Кубе, которые стали опорными пунктами дальнейшего проникновения в глубь американского континента.

Экспедиции Бальбоа (1513), Э. Кортеса (1519—1521), Ф. Писарро (1532—1534) и других конкистадоров привели к утверждению испанского господства на территории Мексики, Калифорнии, Флориды, Центральной Америки и на всем южноамериканском континенте, за исключением территории Бразилии, которую завоевала Португалия, и Гвианы, захваченной Англией, Голландией и Францией.

Завоевание Америки, начавшееся в конце XV века испанцами и португальцами, завершилось к началу XVII века.

Французское вторжение в Португалию (1807—1811) и Испанию (1808—1813) создало благоприятные условия для начавшейся в 1810 году Войны за независимость испанских колоний в Америке, завершившейся в 1826 году уничтожением колониального режима — почти все испанские колонии завоевали политическую независимость.

Энциклопедии Российской империи, СССР, России

Р. М. БЛАНК

АМЕРИКА

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Глава 1.

Предшественники Колумба. Христофор Колумб

Среди великих открытий эпохи Возрождения, поднявших Европу на высшую ступень человеческой культуры, открытие Америки было одним из величайших, как по своему значению для того времени, так, в особенности, по своим последствиям для дальнейших судеб культурного мира.

Сфера влияния последнего расширилась, благодаря этому открытию, до такой степени, что вызванные им новые возможности до сих пор, после четырех столетий напряженных усилий, использованы лишь в малой доле. Америка и теперь еще остается «страной неограниченных возможностей»...

Сделано было это великое открытие *случайно*, как много других великих открытий. Но оно, так же как все открытия, было, по существу, естественным продуктом своего времени, находясь в тесной, непосредственной связи с логическим ходом научной мысли и со всей предшествующей историей культурного мира.

Христофор Колумб искал *Индию*, т. е. *Азию*, а нашел *Америку*. Но он был прав, когда уверял, что Индия находится почти «напротив» Испании и был вполне логичен, делая из этого вывод, что должен быть *западный путь* туда. Это был прямой вывод из установленного наукой факта шарообразной формы нашей планеты.

Этот вывод был сделан за много веков до Колумба, тотчас после того, как тот факт был установлен или только предположен. Уже греческий географ Эратосфен, живший в III веке до Рождества Христова, говорил, что от Испании до Индии можно бы добраться по прямой параллели, если бы — «Атлантический Океан не был так велик»... А двумя века-

ми позже философ Сенека уже уверял, что это путешествие можно бы совершить, при благоприятном ветре, в несколько дней.

Здесь были преувеличения, но, по существу, Эратосфен и Сенека были правы: это путешествие, действительно, было бы возможно, если бы по дороге не лежала Америка...

Но последнего ученые не знали и во времена Колумба до самой его смерти.

Кое-кто, правда, слышал и рассказывал в туманной форме о какой-то земле на Западе между Европой и Азией. Но в этих рассказах было так много фантастического, что ученые не могли придавать им серьезного значения. Только значительно позже, уже в наше время, исследованы были источники этих рассказов и установлено было их фактическое основание. Открыты были следы пребывания в Северной Америке норвежских викингов и исследованы отголоски этих путешествий в норвежских сагах.

Но и викинги не были первыми европейскими посетителями Америки. Раньше их туда стали ездить исландские рыбаки. Ведь от Исландии до Гренландии, прямым путем, всего около 300 километров. Но исландские рыбаки не ставили себе памятников.

Норвежские памятники найдены в Гренландии, на Лабрадоре, в Новой Шотландии и, уже довольно далеко внутри американского материка, в штате Миннесоте.

Последний памятник относится к XIV веку и имеет следующую запись на норвежском языке:

«Восемь готов и двадцать два норвежца на пути из Винеярда на Запад. Наша стоянка находилась вблизи двух скалистых островов, лежащих на расстоянии одного дня пути от этого камня. Утром мы отправились на рыбную ловлю. Когда мы вернулись, мы нашли десять наших мертвыми и в крови. Нас же святая Мария спасла от гибели. Год 1362».

Эти первые путешествия европейцев в Америку имели, вероятно, своею главною целью рыбную ловлю.

Иная сила влекла туда Колумба и его товарищей: *золото*, которого по рассказам известного путешественника XIII века, Марко Поло, было в Индии, Китае и других азиатских странах несметное, сказочное количество.

Но, каковы бы ни были личные побуждения Колумба, его путешествие в Америку составляет одно из величайших событий мировой истории. И великие силы были нужны для выполнения этой исторической миссии: великая вера в свое призвание, великая настойчивость в преследовании своей цели и полная непреклонность в борьбе со стоящими на пути препятствиями. Во всех этих отношениях Христофор Колумб едва ли уступал кому-либо из великих героев человечества.

Не уступал он им также в отношении трагизма личной жизни. Жизнь Колумба больше походила на жизнь мученика за великую идею, чем на карьеру завоевателя нового мира. Первая половина его жизни прошла в борьбе с противниками его стремлений, вторая — в борьбе с завистниками его достижений. Когда ему удалось, наконец, осуществить свои планы, все плоды его трудов были предательски отняты у него, а он сам унижен, заброшен и забыт. Обыкновенная история в те жестокие времена, — не совсем необыкновенная и в наше время.

Родился Христофор Колумб в Генуе, — по одним сведениям в 1446 году, по другим в 1451 г., в семье скромного ремесленника. Он рано пристрастился к мореплаванию и, совершив ряд морских путешествий, поселился в Португалии, занимавший в то время первое на поприще мореплавания. Здесь, при близком ознакомлении с открытиями, предположениями и теориями географов и мореплавателей, мысль о поездке в Азию западным путем впервые овладела Колумбом, около 1479 года. Зародилась ли эта мысль в собственном мозгу Колумба, или она была заимствована им у других, как подозревают некоторые историки, установить невозможно. Но отдался Колумб этой идее всей своей душой, всецело посвятив себя ее осуществлению.

Для последнего необходимы были довольно значительные средства и самое высокое покровительство. Этого Колумб добился лишь в 1492 году, после бесчисленных тщетных поисков и тяжких мытарств. Как нищий, с протянутой рукой, блуждал он по миру от одного к другому из сильных мира сего, чтобы вымолить помощь и поддержку для своих великих планов. Много раз он, казалось, был близок к цели, но, когда ему удавалось зажечь своим энтузиазмом сердца «высоких особ», на сцену выступала низость «верных слуг» последних и своим ядовитым жалом отправляла успех Колумба в самое зародыше.

Характерен следующий случай.

Колумбу удалось после продолжительных усилий, серьезно заинтересовать своим планом португальского короля Жоана II и получить от него обещание поддержки. Тогда приближенные короля, чтобы расстроить дело Колумба, посоветовали королю послать сначала маленькую экспедицию без Колумба, якобы для проверки некоторых утверждений последнего. Король последовал этому совету, экспедиция была отправлена и через несколько дней вернулась с докладом о якобы полной ошибочности уверений Колумба.

Возмущенный этим коварством, Колумб покинул Португалию и переехал, в 1484 г, к сопернице последней, Испании, для которой открытие западного пути в Азию представляло особый интерес, так как восточный путь составлял монополию Португалии. Но и в Испании советники монарха были против планов Колумба. Прошло еще семь лет тщетных условий.

Колумб постарел, поседел, исчах от постигших его испытаний и стал более походить на злосчастного Дон Кихота, чем на отважного мореплавателя. На него стали указывать пальцами, как на смешного маньяка.

Тогда Колумб решил снова переменить место и попытать счастья во Франции.

Взяв с собою своего сына Диего, которому тогда было всего 11 или 12 лет, он отправился — пешком, как утверждают, совершенно обнищав, — в порт Палос, чтобы сесть на первое судно, отходящее во Францию. Недалеко от Палоса Колумб остановился у францисканского монастыря Ла Рабида, чтобы, как передают, попросить кусок хлеба для своего голодного мальчика. И здесь, у «последней черты», счастливая встреча послужила поворотным пунктом в жизни Колумба и привела к осуществлению его мечты.

Настоятель монастыря Ла Рабида, Хуан Перес, бывший духовником испанской королевы Изабеллы, заинтересовался судьбою Колумба, проникся сочувствием к его стремлениям и отправился к королеве, чтобы привлечь ее симпатии к последним. Это ему удалось. Королева повлияла на короля и через некоторое время заключен был формальный договор с Колумбом, по которому последнему была обещана полная поддержка и, — случае успеха его предприятия, — потомственное звание адмирала, высоко ценившееся тогда в Испании, прерогативы вице-короля во всех открытых им землях, десятая часть всех доходов от этих земель и проч.

Колумб решительно настаивал на всех этих условиях, которые, после некоторого сопротивления, были удовлетворены, — скорее вследствие легкого отношения к предприняемому Колумбом делу, чем по справедливой оценке его значения. Договор был подписан королем и королевой 17-го апреля 1492 года.

Королева теперь очень тепло относилась к Колумбу, тронутая его указанием на новые широкие перспективы, открывавшиеся по ту сторону океана для распространения христианства. Колумб также уверял королеву, по некоторым сведениям, что он намерен отдать свою долю золота, добытого там, на организацию нового крестового похода для освобождения Святых Мест. Эти моральные мотивы, может быть, сыграли решающую роль в критическую минуту.

Глава 2

Первая экспедиция Колумба. Открытие Вест-Индии

В материальном отношении первая экспедиция Колумба была обставлена крайне скудно. И в этом виде она стала возможной только благодаря поддержке частного лица, судовладельца Мартина Пинсона из Пало-

са, настолько уверовавшего в успех дела Колумба, что он решился принять личное участие в экспедиции.

Вся экспедиция состояла из трех небольших парусных судов, «каравелл», из которых самое значительно имело всего 90 футов, т. е. 13—14 сажень длины и 20 футов ширины. Экипаж экспедиции состоял из 90 человек, набранных большею частью из подонков портового населения. Нелегко было управлять таким экипажем. Не один раз возникали в его среде бурные мятежи с настоятельными требованиями немедленного возврата в Испанию и самыми свирепыми угрозами по адресу Колумба.

Но ничто более не смущало и не пугало Колумба, после того, как он добился, наконец, долгожданной экспедиции. Твердость и мудрость, проявленные им в его отношениях с экипажем во время плавания на чуждом и страшном для него самого, как и для всех участников, «Море Мрака», как называли тогда Атлантический океан — равно как на том берегу великого океана, в Новом Свете, в сношениях с новыми людьми совершенно особого рода, с дикими туземцами, — твердость и мудрость, проявленные Колумбом в бесчисленных, крайне тяжелых испытаниях, выпавших при этом на его долю, показывают, что он отнюдь не был случайным удачником, сорвавшим зрелый плод с дерева познания, благодаря счастливому стечению обстоятельств. Великое дело открытия Нового Света было совершено великим человеком.

Выехала экспедиция Колумба из гавани Палоса 3-го августа 1492 года, за полчаса до восхода солнца. В первый раз очертания новых земель начали выделяться перед взорами измученных страданиями и сомнениями участников экспедиции ровно через десять недель, 12-го октября, по нынешнему стилю 21-го октября, в два часа утра.

То был один из Багамских островов. Какой именно, не установлено в точности. Колумб окрестил этот остров именем Сан-Сальвадор, но нельзя сказать с уверенностью, что то был остров, называемый ныне этим именем, так как имеются основания подозревать, что картографы XVII века перенесли это имя, по недоразумению, на другой остров той же группы, тогда как Колумб окрестил этим именем нынешний остров Ватлинг или о. Самару. Туземцы называли остров, на котором высадился Колумб, — по его словам: «Гванахани», — по другим сведениям: «Кайос».

Высадился Колумб на этот остров тотчас же после своего прибытия к его берегам, утром 12 октября. Туземцы ждали его на берегу в крайнем возбуждении. Они были уверены, что то прибыли к ним из-за горизонта, — оттуда, где «небо сходится с землей, — *небожители*... Они распростерлись у ног Колумба и его свиты с выражениями глубочайшего благоговения и полной покорности. Тронутые этим приемом, испанцы щедро одарили их безделушками и милостиво приняли от них их драгоценные подарки.

Торжественно провозгласив остров владением благочестивой королевы Изабеллы, Колумб отправился с тою же целью на соседние острова, затем на о. Кубу, о. Гаити и проч., в полном убеждении, что он находится в том сказочном индийском царстве, о котором он столько лет мечтал.

С этой радостной вестью Колумб поспешил обратно в Испанию, оставив часть своего экипажа на острове Гаити, названном им Эспаньолой, «маленькой Испанией». Обратное путешествие Колумбу пришлось сделать на маленьком беспалубном кораблике, «Нинья» («Младенец»), так как «Санта-Мария», на которой он приехал, получила пробоину и ее пришлось оставить на Гаити, а третьим судном экспедиции, «Пинтой», овладел «друг» Пинсон, отплывший раньше Колумба и втайне от него, чтобы первым привести королю благую весть и получить королевскую благодарность за свои заслуги.

На маленькой «Ниньи» Колумбу пришлось выдержать страшную бурю, продолжавшуюся несколько дней. Сомневаясь в благополучном исходе этого путешествия, Колумб, дабы не погибли вместе с ним его открытия, составил два сообщения о них на пергаменте и, тщательно обернув их тканями, покрытыми толстым слоем воска, вложил их в бочонки и бросил один в море, а другой оставил на корабле.

К счастью, опасения Колумба не оправдались. Он вышел цел и невредим из этих испытаний, точно также, как из не менее значительных опасностей, угрожавших ему в Португалии, куда он был прибит бурей, где составлен был заговор для его убийства.

13-го марта 1493 года Колумб благополучно прибыл в Палос, а в апреле состоялся его торжественный въезд в Барселону и чрезвычайно милостивый прием у короля и королевы. Король и королева плакали от радости, слушая доклад Колумба об открытых им землях и великолепных перспективах, открывающихся там для Испании: несметное количество золота и всевозможных других драгоценностей, неисчислимое количество новых подданных, необъятные новые владения и проч.

Такую чрезвычайную милость Божью к бедной Испании благочестивый король и добрая королева, а в особенности Святая Инквизиция приписали, как передают, особому благоволению Всевышнего к Испании за незадолго перед тем состоявшееся истребление мавров...

Глава 3

Вторая экспедиция Колумба. Козни врагов Колумба. Третья и четвертая экспедиции. Конец Колумба

Новую экспедицию снарядили в широком масштабе, употребив на это капиталы, отнятые у евреев при их изгнании. Это был целый флот из

17 кораблей. Охотников принять участие в этой экспедиции было больше, чем можно было поместить. Отправилось 1500 человек. Приняли участие представители самых знатных фамилий Испании. Присоединились также представители церкви для распространения христианства среди индейцев. 24-го сентября того же, 1493, года Колумб выехал во главе этой экспедиции из Испании и 27-го ноября прибыл в Эспаньолу, к месту, где им была основана первая испанская колония в Вест-Индии.

Печальная картина ожидала его здесь. От колонии остались одни развалины, и — ни одной живой души. При ближайшем знакомстве с оставленными там испанцами, индейцы скоро убедились, что они — отнюдь не боги и, возмущенные их насилиями, истребили их без остатка. Это было роковым предзнаменованием для будущих взаимных отношений между испанцами и индейцами.

Но ближайшей задачей Колумба было дальнейшее исследование этой части света. Он почти всецело посвятил себя этому, предоставив управление колониями своим помощникам. Самым значительным результатом этой экспедиции было исследование Антильского архипелага.

Американского материка Колумб коснулся лишь в следующей, третьей, экспедиции, состоявшейся в 1498 году. Он вошел при этом в устье реки Ориноко на севере Южной Америки и объехал берега Центральной Америки, будучи, впрочем, все время уверен, что он находится в Азии.

Это было очень интересно, но пока что мало полезно для Испании: золота и других обещанных драгоценностей Колумб доставлял мало, а расходы все возрастали.

Между тем соперницы Испании, Португалия, могла похвастать новым блестящим успехом: Васко да Гама, отправившийся в 1497 году в Индию восточным путем, привез оттуда чудные вещи и еще более чудесные рассказы о восточных сокровищницах. Над Колумбом стали посмеиваться. Его Вест-Индию стали называть «Царством Москитов», «Империей Тщеславия и Обмана», «Кладбищем для испанских рыцарей» и т. п.

Этим настроением воспользовались враги Колумба, число которых постоянно возрастало, как в Испании, так равно в основанных им колониях. Пущены были в ход всевозможные наветы и клеветы, и, в конце концов, короля убедили назначить ревизию деятельности Колумба.

Ревизором был назначен некий Франсиско де Бабадилла, человек без чести и совести, который во всем деле интересовался только возможностью занять место Колумба во главе Вест-Индии. Он прибыл в Сан-Доминго 23 августа 1500 года с полномочием, в случае подтверждения возведенных против Колумба обвинений, отстранить его от должности вице-короля Вест-Индии и занять его место. С последнего и начал свою деятельность этот ревизор. На другой день после своего приезда он потре-

бовал от Диего Колумба, брата Христофора, замещавшего последнего во главе управления, вследствие его отсутствия, передать ему, Бабадилле, всю власть. Когда Диего отказался исполнить это требование, Бабадилла арестовал его и заключил в тюрьму. Такая же участь постигла самого Христофора Колумба, когда он вернулся в Сан-Доминго. Он был брошен в тюрьму и закован в цепи.

Только после этого Бабадилла приступил к ревизии, которая, конечно, дала результаты, соответствовавшие его личным целям. Между прочим, он при этом открыл, будто Колумб подготавливал восстание индейцев против королевской власти...

На основании этого результата ревизии Бабадилла немедленно отправил Колумба в цепях в Испанию для суда. Так, в кандалах, Христофор Колумб и был доставлен в Испанию и проведен там по улицам Кадиса.

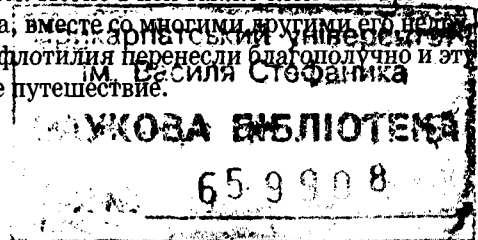
Когда весть об этом позоре распространилась в Испании, она вызвала глубокое негодование, и в Кадис был послан приказ о немедленном освобождении Колумба. В то же время король и королева послали ему собственноручное любезное письмо с приглашением пожаловать к ним. Прием Колумба монархами был очень трогательный. Король выражал свое крайнее негодование против действий Бабадиллы и обещал Колумбу полное удовлетворение, королева плакала, в Колумб рыдал без удержу, припав к ее ногам.

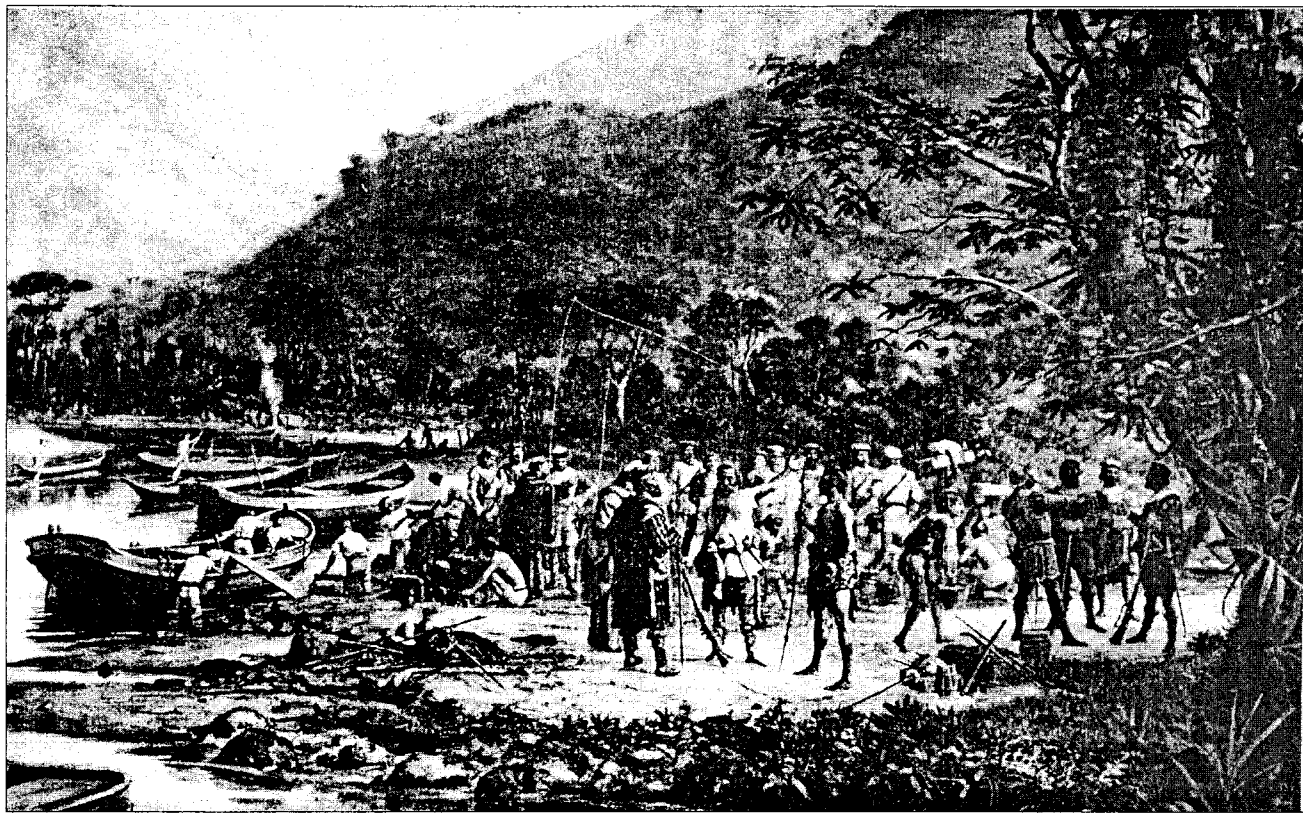
Но королевские обещания не были выполнены. Колумб не был восстановлен в своих правах. Губернатором Эспаньолы был назначен Николас Овендо, отправленный туда в феврале 1502 года во главе флотилии из 30 кораблей. А Колумб должен был довольствоваться разрешением продолжать свои географические исследования. 11-го мая того же года он отправился в свое четвертое путешествие в Америку, имея в своем распоряжении только четыре маленьких каравеллы, вместимостью от 50 до 70 тонн.

Бабадилла получил свое возмездие от самой судьбы: он погиб на обратном пути в Испанию в июле 1502 года.

Унизительное положение, в которое Колумб был теперь поставлен, ярко проявилось по прибытии его в Гаити. Предвидя наступление страшной бури, Колумб хотел переждать ее в гавани Сан-Доминго. Но его туда не пустили. Он должен был снова выйти в море и искать убежища в каком-нибудь другом месте.

Разразившаяся вскоре после этого буря была чрезвычайной силы. В ней погибло 20 испанских кораблей, находившихся на пути в Испанию с набранным в Вест-Индии добром. Погиб в ней также злейший враг Колумба, Франсиско де Бабадилла, вместе со многими другими его людьми. Колумб и его маленькая флотилия перенесли благополучно и эту бурю, и он мог продолжать свое путешествие.

Дорога на Пиратинингу

Он обследовал берега Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики и Панамы. Дальше он не мог идти, так как его каравеллы пришли в полную ветхость. С трудом добрался он до Ямайки. Высадившись на берег, Колумб послал преданного человека в Сан-Доминго к губернатору с мольбой о помощи.

Посланец благополучно прибыл в Сан-Доминго, но преемник Колумба не хотел спасать его и, под разными предложениями, затягивал ответ. Только, когда весть об этом коварстве распространилась и вызвала всеобщее негодование, Овендо доставил Колумбу возможность перебраться в Эспаньолу, после целого года ожидания в ужасном положении.

Пробыв здесь некоторое время, Колумб пустился в обратный путь, в Испанию, куда он прибыл 7 ноября 1504 года.

В это время его покровительница, королева Изабелла, доживала свои последние дни. Она скончалась через три недели, 26 ноября. Это было также концом карьеры Колумба, вернувшегося из своего последнего путешествия совершенно разбитым, физически и морально.

Прожил он после этого еще 18 месяцев, но уже в полном одиночестве, покинутый и забытый, в крайней нищете, сохранив на память о своих заслугах перед Испанией только кандалы, в которые его заковал королевский ревизор, Бабадилла, повешенные им, как передают, над его изголовьем.

Скончался Колумб в маленьком местечке, Валладоне, 20 мая 1506 года. Не вспомнили о нем и в эту трагическую минуту. Он так мало интересовал теперь испанцев, которым открыл целый новый мир, что местный летописец, отмечавший все местные происшествия, не считал нужным отметить в своей летописи это историческое событие.

Глава 4

Продолжение дела Колумба. Джованни Кабото. Америго Веспуччи. Фернандо Магеллан. Витус Беринг

Интерес к открытым Колумбом странам был всеобщий, неопиcуемый, во всем культурном мире. Со всех сторон направлялись туда, по указанному Колумбом пути, новые экспедиции.

Отметим наиболее значительные по своим последствиям.

В мае 1497 года отправился из Бристоля во главе английской экспедиции Джон Кабот, как его звали англичане, земляк Колумба, генуэзец Джованни Кабото. Взяв направление прямо на запад, он, как полагают, — в точности это неизвестно, — достиг Ньюфаундленда или Лабрадора. Он был, вероятно, первым европейцем, посетившим после норвежцев Северную Америку. Сам он, однако, подражая Колумбу и в этом отношении,

был уверен, что достиг Китая, «Царства Великого Хана». С этой благой вестью Кабот поспешил обратно, в Англию, чтобы сообщить ее английскому королю. Последний, Генрих VII, был чрезвычайно обрадован и подарил ему десять фунтов стерлингов.

Первым признал Америку особой частью света Америго Веспуччи, тоже итальянец, почему она и была окрещена его именем в его латинской форме: Americus. Высказал это Веспуччи в первый раз в 1503 году, в частном письме к своему другу Лоренцо де Медичи, поспешившему осведомить о том ученый мир. Письмо Веспуччи было опубликовано и произвело неописуемое впечатление. Новая часть света, о которой ничего не знали не только ученые, но даже Святая Библия! Поразительная весть быстро облетела всю Европу. Письмо Веспуччи читалось нарасхват всеми, кто умел тогда читать. В течение одного года оно было перепечатано одиннадцать раз.

Но Веспуччи имел при этом в виду только Бразилию, открытую им во время путешествия, предпринятого им по поручению португальского короля. Больше Веспуччи ничего не знал об Америке. Америкой, поэтому, называли вначале только нынешнюю Бразилию, или даже только часть последней. Отсюда это имя было распространено сначала на всю Южную Америку, а затем и на всю Северную Америку, по мере открытия территориальной связи между ними.

Относительно Южной Америки эта заслуга принадлежит, в первую очередь, Фернандо Магеллану, португальскому мореплавателю на испанской службе. Магеллан спустился в конце 1519 года вдоль восточного берега Южной Америки от Пернамбука, в Бразилии, до самого пролива, отделяющего Америку от Огненной Земли, прошел в конце 1520 года через этот пролив, названный потом его именем, и вышел в Тихий океан, Pacific (Мирный), названный так самим Магелланом, очарованным, после страшных бурь, испытанных им в Атлантическом океане, величественной тишиной, найденной им здесь.

Этот западный путь в великий океан, омывающий берега сказочного Востока, был, наконец, открыт. Мечта Христофора Колумба была осуществлена Фернандо Магелланом.

Этот великий подвиг стоил Магеллану жизни. Он погиб в Тихом океане. Добравшись с большим трудом, вследствие истощения всех своих продовольственных запасов, до Филиппинских островов, он высадился на берег острова Зебу и, найдя там относительно многочисленное население, отдался, со свойственным ему энтузиазмом, делу обращения этих язычников в христианство. Первые шаги были очень удачны, или казались таковыми. Принял христианство сам князь этого народца вместе с последним. Более того, — он предложил Магеллану свое содействие для рас-

пространения христианства на других островах Филиппинского архипелага. Магеллан принял это предложение с восторгом и отправился со своими товарищами на соседние острова.

Но этот филиппинский князь, только что принявший католичество, оказался самородным «Макиавелли»: христианство для него было только средством, его целью было завоевание новых земель. Когда Магеллан был убит во время похода, он пригласил его товарищей к себе и истребил их. От христианства он затем отрекся и снова поклонился недавно сожженным старым богам. Оставшиеся в живых испанцы могли наблюдать со своих кораблей, как идолы снова были поставлены на пьедесталы со всеми языческими почестями. Они поспешили покинуть эти опасные места.

Спустившись мимо о. Борнео до мыса Доброй Надежды, они, обогнув последний, поднялись вдоль западного берега Африки до островов Зеленого Мыса, занятых португальцами, обошедшимися с ними не много лучше язычников о. Зебу, и, наконец, 6-го сентября 1522 года наиболее счастливые из них, — 18 человек из 280, выехавших оттуда три года раньше, — прибыли в Севилью. Они совершили, таким образом, первое кругосветное путешествие.

Северный проход из Атлантического океана в Тихий был вполне исследован лишь двумя веками позже. Эта задача была значительно труднее, ее можно было одолеть только шаг за шагом, по частям. Последний шаг был сделан со стороны России, — экспедицией Витуса Беринга (в России его звали Иван Ивановичем), снаряженной по распоряжению Петра I.

Правда, открытие Берингова пролива было новостью только для ученого мира. Камчадалы давно знали этот пролив и, вероятно, уже в отдаленной древности пользовались им для поездок в Америку, берега которой находятся всего на расстоянии 92 километров от Камчатки. Известно, что в 1684 году через Берингов пролив прошел якутский казак Семен Дежнев. Но это стало известно много позже. До путешествия Беринга ученый мир ничего не знал о существовании этого пролива, считая более вероятным, что в том месте американский материк соединен с азиатским.

Для выяснения этого важного вопроса голландские ученые обратились в 1717 году к Петру I, во время его пребывания в Голландии, с просьбой о снаряжении экспедиции. В 1724 году с такою же просьбою обратились к Петру Парижская Академия Наук, после чего русский царь и отдал свой памятный приказ с собственноручной инструкцией Берингу следующего содержания:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. на оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется та земля часть Америки.

3. для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтобы доехать до какого города европейских владений или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оный куст называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту, приезжать сюды».

Тотчас приступили к подготовке экспедиции, закончившейся, однако ж, лишь через три года, в 1728 году, уже после смерти Петра I.

13-го июля 1728 года экспедиция Беринга вышла в море из устья Камчатки и, придерживаясь северного направления, достигла после месячного плавания $67^{\circ}18'$ с. ш. Убедившись, что отсюда берега Азии уходят в западном направлении, Беринг признал этим доказанным, что «нельзя Азии соединяться с Америкой». Считая свою миссию выполненной, он повернул обратно и вернулся в Камчатку 2-го сентября 1728 года.

Только после этого было окончательно установлено, что Америка образует совершенно отдельную часть света, *Mundus novus*, как ее назвал Америго Веспуччи в 1503 году.

ПРИРОДА И ЛЮДИ В АМЕРИКЕ

Глава 1

Пространство. Строение поверхности

Америка занимает почти третью часть всей суши земного шара, обнимая, не считая Гренландии и арктического архипелага, более 38 335 800 кв. км. Из этого пространства Северная Америка занимает немного более половины: 19 812 000 кв. км. На долю Южной Америки приходится 17 733 000 кв. км. Центральная Америка имеет 547 300 кв. км., а Вест-Индия 244 478 кв. км.

Длина всей Америки составляет около пятнадцати тысяч километров. Ширина ее уменьшается в обеих половинах, Северной и Южной, по направлению к Югу, вследствие чего обе имеют форму треугольников, обращенных вершинами на Юг. В своих самых широких местах, — в Северной Америке между Лабрадором и Британской Колумбией, в Южной Америке между Бразилией и Перу, — они имеют около 5000 километров ширины, тогда как в Мексике и у Магелланова пролива расстояние между противоположными океанами, Атлантическим и Тихим, составляет всего несколько сот километров.

Вследствие этого, отдаленность Америки от Европы и Африки с одной стороны, от Азии с другой стороны — возрастает, как в Северной,

так и в Южной Америке, по мере приближения к их южным окраинам, удаляясь все более и более от культурных центров старого мира. Это, вероятно, было одной из главных причин малонаселенности Америки, не только до ее открытия Христофором Колумбом, но также еще долго после того, почти до нашего времени, когда, наконец, благодаря пару и электричеству, переезд от одного берега Великого океана до другого требует меньше времени и меньше усилий, чем когда-то переезд с одной стороны Средиземного моря на другую.

Природные условия Америки ни в чем не уступают природным условиям Старого мира, в некоторых отношениях превосходят их. Почти две трети ее поверхности образуют равнины, обильно орошенные, изрезанные во всех направлениях широкими полноводными речными системами, с климатом, большей частью умеренным, в некоторых частях наилучшим в мире.

Горные цепи Америки сосредоточились преимущественно на ее окраинах. На западе тянется почти на всем ее протяжении горная цепь Кордильеров, величайшая горная цепь всего земного шара, оставляющая в Северной Америке довольно широкую полосу между собою и Тихим океаном, приближающаяся в Южной Америке большей частью к самому берегу океана, погружаясь в некоторых местах на дно последнего. На востоке сосредоточились — в Северной Америке Аппалачские или Аллеганские горы, в Южной Америке горные группы Венесуэлы, Гвианы и Бразилии, более отдаленные от океана, чем Кордильеры, менее высокие, но более широкие, принимая часто форму огромных плоскогорий, изрезанных обширными долинами.

Не менее величественны речные системы Америки. В Южной Америке одна река Амазонка, длиннейшая после Нила река земного шара, содержит больше воды, чем все восемь величайших рек Азии вместе. А в Северной Америке река Миссисипи имеет одна больше воды, чем все реки Европы, больше и малые, вместе.

Река Миссисипи покрывает вместе со своими притоками пространство в два миллиона квадратных километров, протекая почти через всю длину Северо-Американских Соединенных Штатов. Вторая речная система Северной Америки, бассейн реки Св. Лаврентия простирается на 1 266 400 кв. км.

В Южной Америке бассейн реки Ла-Плата покрывает пространство немного менее трех миллионов кв. километров (2 879 800), а река амазонка охватывает вместе со своими двумястами притоков больше пяти с половиной миллионов квадратных километров, т. е. больше половины всей поверхности Европы.

Америка имеет также величайшую в мире группу озер, Великие Озера, у истоков Св. Лаврентия, занимающие пространство в 238 971 кв. км.

Благодаря этому обилию внутренних вод и извилистой форме материка, облегчающей доступ внутрь страны морским парам, которых дальнейшее движение задерживается высоким горным барьером, Америка орошается лучше и равномернее, чем наше полушарие. Безводных и бесплодных пустынь в Америке мало. Там где по географическому положению можно было бы ожидать африканскую жару и пустыню, Америка поражает относительно умеренным климатом и пышной растительностью. Центральная Америка, напр., занимающая общую широту с Сахарой, покрыта роскошной растительностью.

Долину Миссисипи, очарованный ею автор знаменитой книги об Америке, Алексис де Токвиль, назвал «лучшим из мест, созданных Господом для человека». Но Америка имеет еще лучшие места, ничем не уступающие библейскому описанию земного рая. При первом знакомстве с этими местами испанцы, действительно, готовы были поверить, что именно здесь находится тот рай, из которого наши предки были изгнаны за свои грехи.

Глава 2

Климат. Флора. Фауна. Минералы

Простираясь почти во всю длину земного шара от северного полюса до южного (Америка занимает четыре пятых всего расстояния между полюсами), — проходя почти через все градусы северной и южной широты, — поднимаясь в одних местах до самых высоких вершин земной коры, — опускаясь в других местах до самого уровня моря, — Америка совмещает в себе бесчисленные комбинации климатических и других естественных условий.

Северная Америка имеет в общем более низкую температуру, чем лежащие на одной с нею широте европейские страны. Так, напр., Нью-Йорк, находящийся на одной широте с Неаполем, имеет более суровый климат, чем Петербург, точно также, как Филадельфия, лежащая южнее Мадрида, или Вашингтон, находящийся на одной широте с о. Корфу.

Вызывается это понижение нормальной температуры в Северной Америке холодными ветрами, дующими с Ледовитого океана и распространяющимися беспрепятственно по великой равнине, тогда как в Европе климат смягчен на Севере теплыми морскими течениями, а на юге защищен горным барьером. На востоке от Кордильер нет в Северной Америке ни одной области совершенно свободной от морозов. Зато нет также в ней таких жаров, как в Азии или Африке, даже в области тропиков. На западном побережье Северной Америки, отделенном от цент-

ральной равнины Кордильерами и обвеванном влажными ветрами Тихого океана, температура теплая и равномерная во все времена года.

В Южной Америке, наоборот, температура в общем умереннее, чем на противоположной стороне Атлантического океана. Будучи значительно, уже, чем Африканский материк, Южная Америка пользуется до самых центральных своих областей смягчающим влиянием океана, тогда как отдаленная от океана Центральная Африка образует бесплодную пустыню. Большое влияние на климатические условия Южной Америки имеют также ее мощные горные цепи, обширные плоскогорья, огромные долины с многоводными реками и проч. Комбинируясь между собою в самых разнообразных сочетаниях, все эти разнородные влияния создали здесь настоящий калейдоскоп всевозможных климатов.

Это чрезвычайное разнообразие климатических условий Америки сопровождается таким же разнообразием ее флоры и фауны.

Америка подарила Старому Миру целый ряд ценных растений, совершенно ему неизвестных до ее открытия, — пищевых, лечебных, красочных и проч., поразительных по яркости и пышности. Самыми ценными в экономическом отношении оказались, однако, самые скромные по внешности: картофель и кукуруза, родина которых находится, как полагают, в Южной Америке; родина картофеля, вероятно, в Чили, родина кукурузы или маиса, — в Парагвае.

В общих четах растительное царство Америки делится на следующие зоны:

На крайнем севере обширные тундры, подобные нашим сибирским, покрытые лишь мохом и лишаем.

Затем, около 60—65 градусов северной широты, следует область ягодных кустарников и начинают появляться одинокие деревья, соединяющиеся по мере движения на юг, все более и более, в рощи, — еловая, сосновые, березовые и пр.

Около сорока градусов северной широты начинается область гигантских лиственных лесов, — дубовых, буковых, кленовых, липовых, каштановых и пр., — и необозримых степей, — травяных и хлебных.

Немного южнее наступает область вечнозеленой листвы. Появляются апельсиновые, масличные и лавровые деревья, пышные магнолии, платаны, пальмы, тюльпаны. Поля покрыты пшеницей, маисом, рисом, сахарным тростником, табаком, хлопком и проч. Мы в области вечной весны. Здесь температура редко опускается ниже 19 градусов Цельсия, но столь же редко поднимается выше 26 градусов.

Около 25 градусов сев. широты начинается область тропиков, проходящая через всю Центральную Америку и часть Южной. Растительность принимает самые пышные формы и исполинские размеры: бананы, анана-

сы, хлебные деревья, кофейные деревья, кокосовые деревья, — непроходимые леса красных, бакаутовых, кампешных, бразильских, хинных деревьев, — роскошнейшие виды пальм, разнообразнейшие формы кактуса, — всевозможные пряные, лечебные и красильные растения. Травы достигают поразительной высоты, — вьющиеся растения, бесконечно переплетаясь между собою, образуют непроницаемую сеть, — кактус покрывает целые долины, — хинное дерево образует целые века. — Это область вечно лета. Здесь средняя температура самого холодного месяца составляет 24 градуса Цельсия.

В Южной Америке широта, т. е. отдаленность от экватора не имеет такого влияния на характер растительности, вследствие наличия ряда других влиятельных факторов. Поэтому здесь растительность не поддается делению на параллельные зоны. Но она от этого отнюдь не теряет, ни в качественном, ни в количественном отношении. Никакая другая часть света не дала миру такого обилия ценных растений, — в продовольственном, лечебном или промышленном отношении, — как Южная Америка. Она подарила миру, как уже было упомянуто, картофель и маис, она же принесла ему ананас, какао, томаты, хинин, каучук и прочее.

Животное царство Америки также занимает первое место среди всех частей света, как в отношении разнообразия форм. Так и в отношении их яркости и мощи.

Млекопитающие представлены в Америке 48 видами, из которых 13 видов впервые были здесь открыты. Птичье царство представлено 80 видами, из коих 36 найдены только здесь. Более многочисленны и разнообразны, чем где-либо, также рептилии и амфибии Америки. А разнообразие и численность насекомых превосходит всякое воображение.

Для «царя природы» это, правда, отнюдь не всегда удобно и еще менее приятно, но оно свидетельствует о чрезвычайном обилии жизненных соков, бьющих ключом из всех пор.

Зато в отношении домашних животных Америка была, до пересадки их из старого мира, очень бедна. Она имела только двух домашних животных, и из самых малоценных: собаку и ламу, тогда как Старый Мир имел к своим услугам 10 пород домашних животных. Этому недостатку некоторые социологи приписывают отсталость Америки до прихода туда европейцев.

Чрезвычайно богата Америка также в минеральном отношении. В изобилии как самые ценные металлы: золото и серебро, так и самые полезные в практическом отношении: железо, каменный уголь, нефть и проч. В Америке впервые была открыта платина. В Калифорнии и Центральной Америке больше серебра и едва ли меньше золота, чем в какой-

либо другой части света. В Бразилии, Колумбии, Чили и Перу много драгоценных камней.

Одного только было недостаточно в Америке при ее открытии: активных и рациональных человеческих сил. Для использования всех благ, которыми ее наделила природа, их недостаточно и в наше время.

Глава 3

Население. Индейцы. Негры. Европейцы

Туземцев открытых им земель Христофор Колумб, уверенный, что эти земли составляют часть Индии, назвал «индейцами» (Indios, по-испански). Несмотря на то, что скоро обнаружилось, что ни эти страны, ни их население ничего общего с Индией не имеют, это имя распространено было затем на всех туземцев Америки, которые, правда, между собою, имеют много общего в этнографическом отношении.

И эти имя так крепко пристало к этим американцев, что многократные попытки заменить его другим, более правильным, были совершенно тщетны. В ученом мире их часто называют «американцам», что теоретически не может вызвать никаких возражений. Но практически это имя теперь совершенно неудобно, так как «американцами» называют себя теперь все граждане Северо-Американских Штатов, и они не желают отказаться от этого имени.

Сколько было «индейцев» в Америке до прихода европейцев, установить невозможно. Но судя по тому, сколько их было истреблено одними испанцами, по собственному признанию последних, их должно было быть тогда много миллионов.

Не менее трудно установить происхождение «индейцев». Из бесчисленных предположений, сделанных учеными и более или менее ими исследованных, наиболее вероятным представляется предположение, что они пришли в Америку, в наш «Новый Свет», из «Старого Мира», из Европы или Азии, в те отдаленные времена, когда все части света были связаны между собою широкими перешейками. Таким образом, Америка уже в те отдаленные времена была страной *иммиграции*, и колыбель краснокожих также стояла, как колыбель белокожих и чернокожих, в Старом Мире.

Их взаимные отношения, правда, отнюдь не были братскими. Большинство индейцев были истреблены белыми по всей Америке, в особенности в Вест-Индии, где произошла их первая встреча. Здесь индейцы были уничтожены почти без остатка. Образовавшуюся пустоту испанцы восполнили африканскими неграми, составляющими ныне большинство населения Вест-Индии и вытесняющими оттуда, в свою очередь, белых...

Немало, однако, осталось индейской крови в жилах испанцев, как в Вест-Индии, так и в других бывших испанских колониях Америки. Испанцы не брезгали смешивать свою кровь ни с индейской, ни с негритянской, в особенности в первое время, когда белых женщин там было мало или вовсе не было. Число *метисов*, т. е. испано-индейцев, значительно в Америке числа чистокровных испанцев, или «креолов», как себя называют потомки испанских колонистов Америки. Довольно значительно также количество *мулатов*, т. е. испано-негров.

В Северной Америке только французы смешали свою кровь с индейской. Случалось это, вероятно, также с англосаксами, но очень редко. Население С. А. Соединенных Штатов, в общем, чистокровное во всех своих частях: европейской, африканской и индейской. Индейцев, однако, осталось тут только 200—300 тысяч, хотя таких истреблений, как в испанских колониях, никогда не было в английских колониях.

Но и мирное соприкосновение с европейцами имело роковое влияние на индейцев. Потому ли, что они были поставлены европейцами в ненормальные для них условия жизни, или вследствие неумеренного пользования некоторыми продуктами европейской цивилизации: спиртными напитками и т. п., но индейцы вымирали в С. А. Соединенных Штатах и после того как их взаимные отношения с белыми стали совершенно мирными.

В противоположность к индейцам, негры, пересаженные в Америку из отдаленной Африки, не перестают плодиться и множиться и в Северной Америке. В некоторых южных штатах они теперь составляют большинство населения.

Вообще же в Северной Америке подавляющее большинство населения европейского происхождения. Национальное происхождение этих европейцев, однако, невозможно установить, так как национальный состав поселенцев Северной Америки был с самого начала очень смешанный, язык же скоро стал для всех один: английский. Полагают, что большинство принадлежит англосаксам.

Азиатов в Америке немного, хотя тяга сюда с их стороны огромная. Но американцы питают к ним предубеждение и боятся этой тяги из переполненных людским материалом азиатских империй. В С. А. Соединенные Штаты доступ теперь совершенно закрыт для них.

Значительно ограничен теперь доступ в С. А. Соединенные Штаты также для европейцев. Но все другие государства Америки по-прежнему, или почти по-прежнему, широко открыты для последних. И по очень веской причине: эти страны не меньше нуждаются в европейской иммиграции, чем последняя в них. Америка, включающая почти половину всей годной для сельскохозяйственной культуры почвы вселенной, — имеет лишь немногим более десятой части ее населения.

КОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ

Глава 1. Испанская колонизация. Португальская колонизация

Колонизация Америки имела в начале чисто хищнический характер. Не для производительного труда устремились испанцы в Вест-Индию. Эта мысль была так далека от них, что в тех случаях, когда им по необходимости приходилось добывать свой хлеб в поте лица, это вызывало с их стороны глубокое возмущение, как профанация их национальной миссии и унижение их национального достоинства.

Испанцы ехали в Новый свет не для того, чтобы пахать и сеять, а для того, чтобы пожинать плоды чужих трудов. Все, что можно было отнять у злосчастных индейцев, было тотчас же отнято, вплоть до права распоряжения собою и своей рабочей силой. Где это было возможно, индейцы были обращены в рабство.

Индейцы, конечно, не сдавались без борьбы. Но это имело для них ужасные последствия. Жестокости, которыми сопровождалась испанская колонизация, превосходят всякое воображение. Королева изабелла, мечтавшая о мирной проповеди христианства среди индейцев, пришла в ужас, когда до нее дошла весть об этом. А индейцы, встретившие испанцев, как богов, спустившихся к ним с неба для их спасения, не только возненавидели их, как своих смертельных врагов, но также стали презирать их «богов».

Характерен следующий случай, отмеченный испанским историком XVI века, Геррера, в его «*Historia des las Indias*», изданной в Мадриде в 1601 году.

На острове Кубе стоял во главе одного индейского плени мудрый касик по имени Гуэтуэй. Когда до него дошла весть о предстоящем прибытии в его княжество испанцев, он, имея уже вполне определенное представление об испанцах на основании рассказов своих сородичей, созвал всех старшин своего племени и, положив посреди площади огромный слиток золота, обратился к собравшимся с таким воззванием:

«Вот это (*золото!*) бог белых, преклонимся перед ним, выразим ему наше благоговение и попросим его, чтобы он внушил белым доброе отношение к нам».

Горячо и страстно стали индейцы молиться «богу белых», выражая ему свое почитание всеми доступными им способами: подарками, танцами, песнями и проч.

Но этот бог был неумолим и как только испанцы прибыли, они первым делом схватили самого касика и подвергли, во славу божью, аутодафе.

Правда, когда этот злосчастный корчился на костре в предсмертных судорогах, к костру подошел католический патер и, поднося умирающему крест, предложил ему принять христианство, чтобы обеспечить себе царство небесное. Но индеец ответил, что, если там господствуют христиане, он предпочитает быть подалее...

Ужасный ответ, ужасный приговор! Но испанская Церковь, в общем, едва ли заслуживала его и в те страшные времена (времена Торквемады). Представители церкви также были возмущены чинимыми над индейцами жестокостями и боролись с ними. Если положение индейцев улучшилось с течением времени, то ни этим обязаны прежде всего христианскому духовенству.

Уже в 1511 году доминиканский монах Антонио Монтезино произнес в Сан-Доминго горячую проповедь против жестокого обращения с индейцами и прямо заявил виновным в том испанцам, что они имеют столь же мало шансов попасть в царство небесное, как мавры и турки. Эту проповедь сам Монтезино называл «гласом вопиющим в пустыне». Но он не был одинок, — тем же духом была проникнута целая группа доминиканцев, прибывших в Эспаньоолу в 1510 году.

Было бы ошибкой думать, что испанское духовенство было всецело проникнуто зловецким духом инквизиции. Даже во времена Торквемады в составе испанского духовенства были люди, которыми могло бы гордиться и самое передовое духовенство нашего времени. Достаточно упомянуть Лас Касаса, которому беспристрастный американский историк Джон Фиске дает следующую характеристику:

«Для оценки такой жизни, как жизнь Лас Касаса, все хвалебные слова кажутся слабыми и легкими. Историк может только благоговейно преклониться перед этой личностью, самой прекрасной в некоторых отношениях и самой возвышенной во всей истории христианства со времен апостолов...»

Чудом кажется появление такого человека в такое время. Лас Касас родился в 1472 году, — он, следовательно, вырос и возмужал в самые страшные времена испанской инквизиции, когда во главе последней стоял Томас де Торквемада (1481—1498), и — стал одним из самых гуманных людей во всей истории человечества, с глубоким отвращением ко всякому насилию и глубоким уважением к свободе совести.

Религиозная идеология Лас Касаса была бы и в наше время признана самой возвышенной и благородной. Насильственное обращение в христианство он считал делом грешным, преступным, допуская только один путь для распространения христианства даже среди диких индейцев: проповедь, убеждение. И он доказал на деле, что этот путь самый целесообразный, обратив, между прочим, в христианство самым мирным образом одно из самых свирепых индейских племен — племя людоедов, твердо веровавших до тех пор, что и для богов самый любимый напиток — кровь человеческая.

Под влиянием Лас Касаса и двух его товарищей-доминиканцев, эти дикари сами отреклись от язычества и людоедства, сожгли своих идолов и добровольно приняли христианство. И страна, в которой господствовало это племя, известная до тех пор под именем «Очага Войны», так как в ней война никогда не прекращалась, превратилась в *страну мира*, почему и была окрещена именем «Истинный Мир» («Vera Paz»). Она стала одной из главнейших точек опоры для распространения христианства среди индейцев.

В Вест-Индию Бартоломе де Лас Касас прибыл из Испании в 1502 году и поселился на Эспаньоле. Будучи аристократического происхождения, он, однако, занялся в Вест-Индии тем же, чем занимались там другие испанцы, т. е. эксплуатацией несчастных индейцев. Но, собрав большие богатства, он охладил к этой деятельности и принял духовное звание. Принципиальным противником рабства он стал только в 1514 году. Он освободил своих рабов и стал проповедовать то же самое другим испанцам.

Последние, однако, за немногими исключениями, были глухи к его проповеди. Как он сам рассказывал, уверение, что грешно обращать в рабов индейцев, казалось испанцам столь же странным, как «если бы им сказали, что грешно держать в рабстве домашних животных».

Тогда Лас Касас стал действовать «сверху», со стороны высшей власти. Он отправился в Испанию, чтобы просить у короля поддержки своим стремлениям. Но ко времени его прибытия в Севилью, 23-го января 1516 года, короля Фердинанда уже не было в живых и власть находилась в руках регента, епископа Хименеса. Дело Лас Касаса не пострадало от этой перемены. Хименес отнесся к стремлениям Лас Касаса с полным сочувствием и обещал полную поддержку. Он назначил Лас Касаса официальным «протектором индейцев» и облеч его всеми полномочиями для борьбы против порабощения последних.

Лас Касас отправился обратно в Вест-Индию во главе комиссии, назначенной регентом для расследования положения и выработки необходимых мер для прекращения злоупотреблений. Но комиссия эта, хотя и состояла из благочестивых монахов, скоро подпала под влияние своекорыстных испанских колонистов и охладела к делу Лас Касаса. Снова

очутившись в моральном одиночестве, преследуемый ненавистью своих соотечественников, Лас Касас вынужден был отказаться от своих планов и ушел в монастырь.

Восемь лет оставался он в монастыре, отдаваясь религиозным и философским размышлениям и историческим исследованиям. Затем его опять потянуло к живому делу на пользу несчастных и обездоленных. Около 1530 года Лас Касас вернулся с новыми силами к своей благотворной деятельности.

В это время начиналось завоевание Перу, — обычными способами, с обычными жестокостями по отношению к туземцам. Лас Касас отправился в Испанию и исходатайствовал у короля, Карла V, декрет, формально запрещающий обращение в рабство население Перу. Это мало помогло. Но в 1537 году дело Лас Касаса получило мощную поддержку со стороны главы католической церкви: папа Павел III издал буллу, запрещающую под угрозой отлучения от церкви обращение в рабство индейцев.

Однако, эта папская булла, точно также, как новый декрет Карла V 1542 года, запрещала только новые порабощения, не касаясь уже раньше обращенных в рабство. Лас Касас требовал полной отмены рабства и ему после новых настояний удалось добиться королевского декрета в этом смысле.

Но это, по-видимому, было слишком много для того времени. Испанские колонисты так решительно запротестовали против этого покушения на их «право собственности», что король счел необходимым уступить им и представить им право пользования их рабами еще в течение двух поколений. Но положение рабов было улучшено и они постепенно были переведены на положение крепостных. Полная эмансипация индейцев осуществлена была лишь к середине XVIII века.

Но к тому времени индейцев осталось немного. Они гибли массами от непосильного труда и невыносимых жестокостей, а также от прямого истребления. Нередко они сами кончали с собой. Чтобы скорее прекратить это ужасное существование.

Образовавшиеся вследствие этого пробелы в трудовом населении испанцы восполняли африканскими неграми, число которых быстро возросло, — до того, что они с течением времени составили в некоторых областях большинство населения.

Это имело роковое влияние на судьбы так называемой Испанской Америки. Смешение разнородных рас: американцев, африканцев и испанцев крайне осложнило взаимные отношения классов и сословий и вызвало брожение, не улегшееся до наших дней и сделавшее Испанскую Америку страной перманентных революций.

Испанская Америка, как ее называют до сих пор, включает Вест-Индию, т. е. Антильский архипелаг, Мексику, Перу, Чили, аргентину и все

прочие страны Центральной и Южной Америки, за исключением Бразилии. Часто, впрочем, Бразилию также причисляют к Испанской Америке, так как по своему характеру она мало отличается от последней.

На Бразилию наложила свою руку Португалия. 26-го апреля 1500 года португальский адмирал Кабраль, случайно занесенный в эти места бурей, высадился на берег и, водрузив крест, провозгласил власть португальского короля над всей страной, названной им Островом Истинного Креста, полагая, что он попал на новый остров открытой Колумбом «Вест-Индией». Бразилией, т. е. страной бразильского красного дерева, эта часть Южной Америки была названа позднее.

Получив от Кабрала сообщение о его открытии, португальский король отправил туда Америго Веспуччи, давшего стране свое имя. Колонизация Бразилии, однако, началась лишь в 1531 году. Она имела такой же характер, как испанская колонизация, т. е. преимущественно хищнический. Как испанцы, португальцы полагали, что Господь подарил им Америку не для того, чтобы оплодотворить ее своим трудом, а для того, чтобы собирать плоды трудов американцев или «индейцев», как они также прозвали туземное население. Повторилась трагедия испанских колоний: индейцы не могли выдержать наложенного на них бремени и погибали массами, если им не удавалось скрыться от португальских «культуртрегеров» в дремучих лесах Бразилии.

Для трудовой жизни прибыли в Бразилию в середине XVI века французские гугеноты, надеявшиеся найти там убежище от религиозных преследований. Они основали в Бразилии несколько благоустроенных колоний и могли бы иметь благотворное влияние на индейцев, с которыми у них установились добрые отношения. Но благочестивые португальские католики не считали возможным терпеть в «своей» стране протестантских грешников и истребили всех гугенотов до последнего.

Португальцы, впрочем, и друг друга не щадили: в португальских колониях почти не прекращались кровавые междоусобицы.

В 1580 году Бразилия подпала на некоторое время под власть испанского короля, а в 1624—44 гг. ею, мало-помалу, овладели голландцы. Но в 1654 году португальские колонисты Бразилии прогнали голландцев и снова признали себя подданными португальского короля. Дань последний принимал охотно, в особенности после того, как в Бразилии были открыты золото (в 1696 г.) и алмазы (в 1727 г.), но сделать со своей стороны что-нибудь для этой страны он не считал себя обязанным. Только когда королю пришлось самому искать убежища в Бразилии, вследствие изгнания его Наполеоном из Португалии, он занялся благоустройством этой прекрасной страны.

Глава 2

Колонизация Северной Америки. Испанцы. Французы. Англосаксы

В Северной Америке испанцы укрепились только в Мексике. Северная половина Нового Света была предназначена судьбою англосаксам. И они выполнили свою миссию совершенно иным образом, чем испанцы. Делали попытки пустить там корни так же французы, но безуспешно. Еще менее успели голландцы и шведы.

В 1534 году французский мореплаватель Жак Картье, исследуя течение реки Св. Лаврентия, провозгласил французским владениям всю примыкающую к этой великой реке территорию, назвав ее Новой Францией. Но использовали французы эти владения в течение всего XVI века только для вывоза пушнины. В 1604 году французы основали в нынешней Новой Голландии колонию Порт-Рояль (нынешний Анаполис) и сделали попытку систематической колонизации Канады. Сам кардинал Ришелье принял это дело под свое покровительство. Во главе дела он поставил очень талантливого и энергичного администратора, Самюэля де Шамплена, назначив его губернатором Новой Франции. Шамплен занимал эту должность с 1608 по 1635 г. и много сделал для исследования Канады. Но ему не удалось привлечь значительного числа французских колонистов. В 1660 г. всех французов скопилось в этой огромной стране всего около двух тысяч душ.

Тем не менее, французские путешественники все глубже проникали внутрь страны, дошли до реки Миссисипи, спустились вниз по ее течению и провозгласили всю великую долину владением Людовика XIV, назвав ее в честь последнего Луизианой (в 1682 г.). На всем пути была воздвигнута линия крепостей. Франция готовилась овладеть всей Северной Америкой.

Но Англия уже тогда имела в Северной Америке в двадцать раз больше колонистов, чем Франция. Началась борьба между англичанами и французами, продолжавшаяся, с более или менее значительными перерывами, около ста лет. Окончилась она лишь в 1763 году Парижским миром, по которому вся Новая Франция перешла к Великобритании.

Твердой ногой стали англичане в Новом Свете с основания 13-го мая 1607 года колонии Джеймстауна на полуострове, превратившемся со временем в остров, у устья реки Джеймс. Предшествовавшие попытки ко-

лонизации потерпели неудачу. Колония Джеймстауна основана была торговой компанией, преследовавшей чисто меркантильные цели.

Иной характер имела вторая сохранившаяся английская колония в С. Америке, основанная 21 декабря 1620 года в нынешнем штате Массачусетс: *Новый Плимут*. То была колония пуритан, искавших в Новом свете надежного убежища для своей веры и свободы от преследований, которым они повергались на родине; знаменитая колония «пилигримов», выехавших с женами и детьми в числе 102 душ из английского порта Плимут на корабле с символическим названием «Майский Цветок» («*Mayflower*»).

Одушевленные самыми высокими идеалами, пилигримы дружно принялись за работу, организовав свою колонию на коммунистических началах. Но им скоро пришлось перейти к обычному индивидуальному хозяйству. Коммуна продержалась только три года. Эти две английские колонии стали краеугольными камнями всей англосаксонской колонизации в Америке — первая в Виргинии, вторая в Новой Англии.

Они типичны для двойного характера этой колонизации, в которой самый разнузданный меркантилизм причудливо переплетался с самыми бескорыстными стремлениями. В Виргинии английские колонисты занялись прежде всего, по примеру испанцев, поисками золота, а затем эксплуатацией труда индейцев. Золота они не нашли, а попытки порабощения индейцев вызвали со стороны последних отпор, дорого обошедшийся англичанам. Велика была поэтому радость этих колонистов, когда, в 1619 году, голландцы предложили более податливых рабов — африканских негров. Так было положено начало и в Северной Америке рабству негров, приведшему через два века к позорной гражданской войне, в которой погибло больше полумиллиона граждан великой заатлантической республики. Благодаря дешевому рабскому труду, Виргиния быстро расцвела и уже в 1628 году могла вывезти в Европу продуктов — главным образом табаку — на 500 000 фунтов стерлингов. Колонии Новой Англии были организованы на началах свободного труда самих колонистов. Они развивались медленнее. Но со временем далеко оставили за собою также в экономическом отношении, как во всех других отношениях, колонии, основанные на рабском труде. В колонии Новой Англии прибыли в течение десятилетия 1630—1640 гг. около двадцати тысяч новых поселенцев, почти все пуритане.

В 1621 году голландцы основали колонию Новую Голландию, а в 1638 шведы основали Новую Швецию. Но и эти колонии скоро перешли к англичанам, быстро завоевавшим в Северной Америке первенствующее положение, заняв в течение XVII века область нынешних штатов Виргиния, Каролина, Мэриленд, Делавэр, Пенсильвания, Нью-Йорк и Нью-Джерси.

В пуританских колониях господствовала железная дисциплина. Строгие к себе самим, пуритане были еще более строгими к другим, в особенности в религиозном отношении. Хотя они сами не мало пострадали от религиозной нетерпимости и вынуждены были из-за этого покинуть свою родину, пуритане отнюдь не были носителями религиозной терпимости. Таков был дух того времени. «То было время, — замечает по этому поводу Вудро Вильсон в своей «Истории американского народа, — когда все требовали терпимости для себя, но ни одна секта не имела великодушия предоставлять ее другим».

Режим, установленный пуританами в их колониях, имел, по существу, теократический характер. Духовное сословие господствовало не только во всей духовной жизни, но также во всей общественности. Только мало-помалу освободились эти колонии от диктатуры пуританизма и представили полную свободу и равные права всем сектам и всем гражданам. Медленно, шаг за шагом, вырабатывались в Новом Свете основы демократического строя, послужившие затем образцом для Старого Мира.

Глава 3

Борьба колоний за самоуправление. Отделение от метрополий

Лишь к концу XVIII века эти основы достаточно окрепли, чтобы стать фундаментом новой государственности. Как только английские колонисты это почувствовали. Они тотчас же начали борьбу за самоуправление, перешедшую, вследствие упорного сопротивления английского правительства, в войну за полную самостоятельность и независимость. В 1776 году английские колонии Северной Америки объявили себя независимыми Соединенными Штатами Америки, а в 1783 году Великобритания официально признала эту независимость в мирном договоре, подписанном в Париже.

Эта первая полная победа демократии произвела огромное впечатление во всем культурном мире, как благовест новых времен. Но особенно сильно было впечатление в самом Новом Свете. Примеру английских колоний последовали испанские колонии и одна за другой стали требовать самостоятельности. Вспыхнувшая вскоре великая французская революция осветила эту борьбу новым ярким светом, как борьбу за естественные права человека.

Но Испания еще менее, чем Англия, способна была понять и признать необходимость этой борьбы народов за права народов. На требование права она ответила требованием покорности. Вспыхнули революции.

Начались войны. Но то, что не удалось могущественной Британии, еще менее могло удаваться расслабленной Испании. Одна за другой испанские колонии освобождались из-под власти испанских губернаторов и вице-королей и становились независимыми республиками. К концу первой четверти XIX эта борьба была закончена почти на всем американском континенте. Только в Бразилии борьба затянулась почти до конца XIX века. Бразильцы только в 1889 году расстались со своим императором, отправив его на родину, в Португалию.

Освободившись от опеки своих метрополий, американские колонии, ставшие самостоятельными и свободными республиками, мощно развернули свои силы и в течение одного века почти сравнялись, в некоторых отношениях опередили, старейшие государства старого мира.

В Америке насчитывается в настоящее время двадцать одно независимое государство, столько же, сколько в Европе. Некоторые из американских государств, правда, уступают в отношении количества населения многим из наших губерний, но то же самое ведь можно сказать относительно некоторых европейских государств. Зато в пространственном отношении американские государства большею частью далеко превосходят европейские.

Та, например, Аргентинская республика, имевшая по переписи 1920 года всего около восьми с половиной миллионов населения, т. е. в семь раз меньше, чем Германия, превосходит последнюю в отношении пространства в *шесть* раз. А Соединенные Штаты Бразилии, имевшие в том же году только население Германии, имеют в своем распоряжении в *восемнадцать раз* больше земли, чем последняя. Канада же, при населении в 8—9 миллионов, по своему пространству, больше, чем все государства Европы вместе.

При столь огромных размерах сосредоточение всей власти в одной центре невозможно физически. Столь же невозможно это политически и социально, вследствие крайней разнородности состава и характера населения. Поэтому наиболее значительные американские государства все организованы на основах широкого областного самоуправления и федеративных началах, образуя своего рода «республик республик», как назвал Брайс Северо-Американские Соединенные Штаты. Так организованы, кроме последних, Канада, Мексика, Бразилия, аргентина, а также некоторые менее значительные государства Америки.

Однако, пока только в С. А. Соединенных Штатах и в Канаде эти основы достаточно окрепли, чтобы стать незыблемым фундаментом государственности. В Центральной и Южной Америке, начиная с Мексики, т. е. в т. наз., Латинской Америке, государственный строй поражает своей неустойчивостью. Здесь до сих пор еще не изжиты испанские по-

литические традиции и привычки. При формально республиканском и демократическом образе правления здесь фактически, большей частью, одна диктатура сменяет другую. Перевороты и революции почти не сходят с очереди дня.

Эта политическая неустойчивость Латинской Америки, вероятно, служит одной из главнейших причин ее экономической отсталости от англосаксонской Америки, в особенности от Северо-Американских Соединенных Штатов. Последние главенствуют в Америке во всех отношениях — в политическом, экономическом и культурном.

Областное самоуправление пустило глубокие корни в английских колониях Америки еще до их освобождения из-под ферулы королевского правительства. Ко времени провозглашения независимости демократическая государственность имела здесь готовый прочный фундамент. Демократическая федеративная республика С. А. Соединенных Штатов выросла *снизу*, из народных недр, естественным, органическим путем. «Правительство народа, через народ, для народа», — так охарактеризовал, кратко и метко, американскую государственность Авраам Линкольн, сам едва ли не самый характерный для американской государственности из политических деятелей С. А. Соединенных Штатов.

Именно здесь, в С. А. Соединенных Штатах, новая государственность Нового Света воплотилась в самой чистой, кристаллизованной форме. И отсюда эта новая государственность пересажена была, мало-помалу, в передовые страны старого мира, который только шаг за шагом, с большими усилиями и тяжкими потугами, приближается к своему образцу, сбрасывая с себя «ветхого Адама» и облачаясь в новые ризы. Не без некоторого основания граждане северо-американской республики только себя считают истинными американцами и назвали свою страну, составляющую лишь часть северной половины американского материка Соединенными Штатами Америки (United States of America). Действительно, только тут, в этой великой республике воплотился в полной мере новый дух Нового Света.

Одним порывом освободился этот народ от королевской опеки и создал в короткое время государство, превосходящее по своей жизненности, мощности и прочности все государства мира. Сто пятьдесят лет прошло со времени основания этого государства, 150 лет, в течение которых во всех других государствах политические перемены, перевороты, революции, войны почти не прекращались. Здесь за все это бурное время была только одна значительная попытка переворота: попытка южных штатов отделиться от северных. Подавлена была эта попытка с большими усилиями, но то были неизбежные муки роста, неизбежная борьба за зрелость и крепость государственного организма и государственные ус-

той. И здесь, во время этого кризиса, *государственная власть* была носительницей прав человека и гражданина и отстаивала принципы свободы и равенства, борясь за эмансипацию негров и их права человека и гражданина.

Это был единственный опасный кризис за все время существования Северо-Американских Соединенных Штатов.

Конституция С. А. С. Штатов ни разу не отменялась за все время их существования, развиваясь мирно, органически, как сама республика, имевшая в своем составе при ее основании только 13 штатов с населением около трех миллионов душ и насчитывающая ныне 48 штата, — не завоеванных огнем и мечом и насильно присоединенных, а мирно, добровольно вошедших в ее состав, — и около 12 миллионов душ населения, самого разнородного характера и происхождения, расы и веры, но более сплоченных в государственном отношении, чем граждане какого-либо другого государства при полной однородности происхождения и веры.

Северо-Американские Соединенные Штаты имеют теперь больше населения, чем все другие государства всей Америки, Северной, Средней и Южной, вместе, тогда как при своем основании они имели меньше населения, чем одна Мексика или Бразилия. Так расцвела эта страна под животворящими лучами свободы, мира и труда.

Печатается по изданию: Р.М. Бланк. Америка. Париж, 1928

ДЖ. БЕЙКЕР

ХРИСТОФОР КОЛУМБ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

В то время как португальцы прокладывали путь на Восток вдоль западного побережья Африки, произошло событие, весьма существенно отразившееся на всей истории Европы. Это событие мы иногда называем открытием Америки; люди же XV в. думали, что были открыты либо какие-то совершенно новые острова в океане, о которых до того ходили только басни, либо группа островов, лежащих, как было известно, у юго-восточного побережья Азии. Последующее открытие огромного материка, расположенного между Европой и Азией, было в лучшем случае только вторичным открытием Америки¹.

Инициатива в области этих новых открытий принадлежала Христофору Колумбу. Он родился в 1451 г. в Генуе, в семье бедного ткача. В первый раз Колумб отправился в море в 1474 или 1475 г., когда он совершил путешествие в страны Леванта. В 1477 г. он побывал в Англии, но рассказ о якобы предпринятой им поездке оттуда в Исландию, по-видимому, вымышлен. Позже, в 1479 г., он обосновался в Лиссабоне, познакомился с выдающимися деятелями из среды португальских исследователей и, как предполагают, в 1482 г. принял участие в португальском путешествии к гвинейскому берегу. Приобретенный в этой экспедиции опыт и собранные им различные сведения общего характера вдохнули в него страсть к дальнейшим открытиям. Выдвинутые им проекты не встретили поддержки в Португалии, и в 1484 г. Колумб переехал в Испанию. Здесь с помощью своего брата-картографа² очень известной в торговых кругах семьи Пинсонов³ он развил и обосновал свои предложе-

¹ Осторожная фраза автора о том, что путешествия Колумба и его последователей были «были в лучшем случае только вторичным открытием Америки» достигли норманны; вероятно, что до Колумба там побывали представители и других западноевропейских народов.

² Из двух младших братьев Христофора Колумба картографией занимался Бартоломе Колумб, сыгравший крупную роль в истории покорения и колонизации Эспаньолы. Другой (самый младший) брат Колумба, Джакомо (Диго), также принимал участие в колонизации Эспаньолы. — *Прим. ред.*

³ Из семьи Пинсонов, андалузских судовладельцев (из города Палос), большую роль в организации и удачном завершении первой экспедиции Колумба сыграл старший брат — Мартин Пинсон. Младший его брат, Висенте Пин-

ния, заручился поддержкой влиятельных церковников и, в конце концов, завоевал доверие королевы¹.

Колумб занимает такое важное и видное положение в истории географических открытий, что следует приветствовать все попытки выяснить всю правду о нем. Критики поработали немало, чтобы рассеять всю романтику, окружающую путешествия Колумба, а один из них, Г. Виньо, стал даже на ту точку зрения, что большая часть связанных с именем Колумба традиционных рассказов выдумана². Яростные споры шли и идут вокруг вопроса о том, что думал и к чему стремился Колумб. Некоторые считают, что, идя на запад через Атлантику, он вовсе не искал лежащих у берегов Азии островов пряностей (Молуккских), а просто искал какой-либо остров посреди океана. На картах того периода фигурирует множество легендарных островов. Существовала легенда, что в 578 г. св. Брандан посетил остров того же имени, и поиски этого острова продолжались до 1721 г. одни утверждали, что архиепископ города Опорто достиг острова Антилии в 734 г.³, другие — что он был открыт в 1414 г. «Остров Бразил» привлекал внимание бристольских купцов с конца XV в. Все эти острова фигурируют на отражавшем наиболее передовые географические представления своего времени большом глобусе 1492 г., изготовленном Мартином Бехаймом. На этом глобусе нет никакого массива суши между Европой и азиатскими островами.

Традиционное предание о Колумбе и Тосканелли уже так долго является общим местом в истории, что мы коснемся его только очень кратко. Согласно этому преданию, итальянский ученый Тосканелли обратился к португальцу Мартинешу⁴ с письмом, в котором высказал ту точку зрения, что, плывя все время на запад, можно достичь Азии. Для нагляд-

сон, также принимавший участие в первой экспедиции, позднее совершил замечательные открытия у восточного побережья Южной Америки. — *Прим. ред.*

¹ Речь идет об Изабелле Католичке (1451—1504), королеве Кастилии (с 1474), жене Фердинанда II Католика (1452—1516), короля Арагона (с 1474). — *Прим. ред.*

² Виньо (H. Vignaud) — американец французского происхождения, автор ряда работ о Колумбе на французском и английском языках, опубликованных в первой четверти XX в. Виньо — один из самых решительных «антиколумбистов», стремившихся умалить роль Христофора Колумба в подлинном открытии Америки. — *Прим. ред.*

³ Испано-португальская легенда о семи епископах (среди них — архиепископ Опорто), бежавших в VIII в. н. э. за океан от мусульманских завоевателей Пиренейского полуострова и основавших «семь городов» на западных островах в Атлантическом океане. После того как атлантические острова были исследованы и там не было найдено «семи городов», их стали искать на материке Северной Америки. — *Прим. ред.*

⁴ Мартинеш был лицом, близким к португальскому двору. — *Прим. ред.*

ности Тосканелли приложил к своему письму карту. Согласно этому же преданию, когда Колумб обратился с изложением своего проекта к Тосканелли, тот в виде ответа послал ему копию своего письма Мартинешу и карты. Тем самым он поддержал Колумба в его стремлении плыть на запад, и подчеркнул те торговые и политические выгоды, какие могло дать успешное осуществление этого замысла.

Виньо считает, что весь рассказ о Тосканелли и Колумбе вымышлен с начала до конца и что было бы ошибкой основывать западное путешествие Колумба на каких-либо выводах из карты Тосканелли. Виньо считает, что вся эта история является выдумкой брата Колумба, рассказавшего ее Лас Касасу¹, который, в свою очередь, пересказал ее и тем ввел в заблуждение сына и биографа Колумба — Фернандо². Мы не можем входить в подробности этого спора, но даже если на минуту допустить, что Виньо прав, все же остается фактом, что не один Бехайм имел доступ к материалам, на основе которых он построил свой глобус, и что-либо на основе этих материалов, либо другого глобуса того же типа можно было вывести заключение о возможности достичь Индии, идя на запад. Ведь нет доказательств того, что Колумбу не попала карта такого типа. Более вескими являются аргументы, почерпнутые из «договора». Заключение между Фердинандом и Изабеллой, с одной стороны, и Кристовалем Колонем (Христофором Колумбом) — с другой. В этом датированном 30 апреля 1492 г. документе цели путешествия Колумба сформулированы следующим образом: «Поскольку вы, Кристоваль Колон, отправляетесь по нашему повелению для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане на наших кораблях и с нашими людьми... мы считаем разумным и справедливым вознаградить вас за труды³.

Не говоря уже о том, что Азия нигде прямо не упоминается, не похоже на то, что неясное выражение «некоторые острова и материк в море-океане» могло бы относиться к такому району, как юго-восточная Азия, и уже совсем невероятно, чтобы правители Испании замыслили их присоединение с таким незначительным числом судов и людей.

¹ Бартоломе Лас Касас (1474—1566) — знаменитый испанский историк открытия и завоевания Америки, лично знавший Колумба и принимавший непосредственное участие в колонизации «Западной Индии». — *Прим. ред.*

² Фернандо Колон (испанская транскрипция фамилии Колумба) — младший (внебрачный) сын Христофора Колумба, предполагаемый автор биографии великого мореплавателя; испанский оригинал этой биографии утерян, но сохранился итальянский перевод, опубликованный в Венеции в 1571 г. — *Прим. ред.*

³ Цитата, приведенная в тексте, взята автором не из договора между «католическими» королями и Колумбом, а из «свидетельства о пожаловании» Колумбу титула от 30 апреля 1492 г. (договор был заключен был 17 апреля 1492 г.). — *Прим. ред.*

Не опровергают этой точки зрения и записи в «Дневнике» Колумба. В нем он говорит, что испанские король и королева «решили отправить меня... в Индию... и повелели, чтобы в ту сторону, но западным путем...». В том же «Дневнике», уже после того как он сделал несколько открытий, Колумб записывает: «Я все еще полон решимости добраться до материка и города Кинсая». Подлинный «Дневник» Колумба потерян, но сохранился сделанный Лас Касас конспект, точность которого считается сомнительной.

Далее, следует учитывать, что космографические воззрения Колумба носили средневековый характер. Он пользовался «Трактатом об образе мира Пьера д'Айи¹, в которой можно было найти взгляды, высказанные Роджером Бэконом в его «Opus Majus» еще в конце XIII века². У Колумба не было никаких «новейших» для его времени идей. Когда ему нужно было доказать, что открытые им острова были «острова Пряностей», он ссылаясь на распространенный труд своего времени, причем совершенно не отдавал себе отчета в том, что он пользовался космографическими взглядами средневекового мыслителя.

Все же необходимо подыскать то или иное объяснение для такого бесспорно замечательного путешествия. Виньо видит это объяснение в том упоминаемом Лас Касасом факте, что около 1484 г. Колумб встретился на острове Мадейре с каким-то неизвестным лодчманом. Этот лодчман был якобы когда-то отнесен атлантическими бурями далеко на запад и открыл Антильские острова. Во время свидания на Мадейре он будто бы поведал об этом Колумбу, а тот решил использовать полученные сведения и сделать новые открытия в океане. В те годы, когда Лас Касас писал свою «Историю Индии», легенда о лодчмане была на устах у всех, но он не высказывает никакого суждения о ней. Гомара³ в своей «Истории» принимает ее за истину, но все же большинство ученых, за исключением Виньо, подвергает ее сомнению. Один из новейших писателей по этому поводу высказал предположение, что этим «неизвестным» лодчманом был сам Колумб, но его доказательства неубедительны.

¹ Пьер д'Айи — французский епископ, называвший себя также латинизированным именем «Петр Аллиакус», космограф начала XV в. Его «Трактат» был закончен в 1410 г. — *Прим. ред.*

² Роджер Бэкон (1214—1294) — известный английский средневековый философ, монах-францисканец, преследовавшийся католической церковью за «еретические» высказывания в его трудах. Важнейший дошедший до нас его труд «Opus Majus» закончен в 1267 г. и включает ряд географических сведений, полученных в Европе благодаря монахам-путешественникам в ставку великого хана монголов (в частности — сведения Рубрука). — *Прим. ред.*

³ Гомара — испанский историк XVI в. Факты, которые он приводит в своей «Истории» относительно Колумба, заимствованы им у его предшественников, историков «завоевания Индии», без всякой критики. — *Прим. ред.*

Нет никакой необходимости далее разбираться в споре, имеющем преимущественно академический интерес, и мы отметим лишь, что критический воззрения Виньо не получили всеобщего признания. «Письма» Колумба, стоящие совершенно особняком от его «Дневника» и написанные сразу же после открытия, ясно говорят о том, что автор их считал, что достиг Индии. Коротко говоря, общепринятые взгляды опровергаются лишь некоторыми высказываниями самого Колумба и его биографов. Все же он хоть иногда говорил правду, и ее можно противопоставить обычной якобы лживости его биографов. Утверждение, будто Колумб отправился в плавание определенно в поисках какого-то острова в Атлантическом океане, остается недоказанным.

Недавно Шарль де ла Ронсьер нашел карту, которая, как он считает, является свидетельством целей путешествия Колумба, а именно, достижения некоего атлантического острова и побережья Азии. Но и его оказательства неубедительны. Свидетельством истинных намерений Колумба может служить и другая карта, вычерченная в 1513 г. в Турции на основании материалов, захваченных у испанцев: из карты можно заключить, что Колумб разметил карту, похожую на глобус Бехайма, и нанес на нее Атлантические острова, Японию (Гаити) и материк Азии (Кубу). Автор ряда трудов по этому вопросу Сесил Джейн в своих недавних работах очень резонно избегает какой-либо категоричности, как ее избегал сам Колумб. Как говорит Джейн, Колумб «имел в виду возможность достижения берегов Сипанго и Катайо [Японии и Китая], Антилии или других островов в океане», но наряду с этим и другую цель — открыть новую землю, положения которой он не мог определить и о которой он сам не мог составить себе никакого ясного представления.

Целесообразнее обратиться к тому, чего Колумб добился на деле. Отплыв из Испании 3 августа 1492 г., а с Канарских островов — 9 сентября, он шел западным курсом примерно до 68° западной долготы, но 7 октября изменил курс на северо-западный. Эту перемену курса предложил накануне вечером Мартин Пинсон; поэтому некоторые критики считают несостоятельным утверждением, что Колумб собирался найти Индию, держа курс на запад. Через четыре дня после этого на горизонте показалась земля. Индейцы называли ее Гуанахани, и это был, по-видимому, остров Уэтлинг Багамской группы¹. Открыв еще несколько дру-

¹ Колумб назвал первый открытый им остров Сан-Сальвадором. О местонахождении этого острова историки и географы спорили в течение двух последних веков. Первым отождествил остров Уэтлинг с Сан-Сальвадором испанский историк Муньос в конце XVIII в., но вполне правдоподобны и другие допущения, которые высказывались очень компетентными учеными (испанец Наваррете, немец Гумбольдт, американец Харрис и т. д.). Мнение Муньоса было принято большинством историков только в конце XIX в. — *Прим. ред.*

гих островов этой же группы, 28 октября Колумб подошел к Кубе и объявил команде, что это Сипанго (Япония). После небольшого исследования внутренней части острова и открытия неизвестного европейцам табака, Колумб направился к Гаити. Тем временем стало ясно, что Куба никак не могла быть Японией, и поэтому Японией стал теперь остров Гаити, хотя Колумб и дал ему название Эспаньолы. 16 января 1493 г. он отправился в обратный путь и, держа курс сначала на северо-восток, а потом прямо на восток, через 34 дня достиг Азорских островов, а в начале марта — Испании.

Не говоря уже об открытии новой земли (тогда еще точно не было установлено — какой земли), Колумб совершил смелое плавание по Атлантическому океану и там, где на картах были указаны легендарные острова, действительно нашел острова. Он проложил новый огромного значения путь и доказал, что из вновь открытых земель можно было вернуться на родину. Поэтому и принято говорить, что он проложил правильный и надежный морской путь для парусных судов через Атлантический океан. Однако это открытие могло быть делом случая, и поскольку в последующие плаванья Колумб шел другими курсами, оно не было в то время даже понято. Возможно также, что прокладка этого морского пути была заслугой не его, а кого-либо из сопровождавших его кормчих. Его современники приписывали ему более крупные заслуги. Некоторые считали, что он нашел Индию; у других же вскоре зародилось предположение, что он открыл неизвестный до того континент.

Главной целью второго путешествия Колумба (1493) было дополнение исследований предыдущего года к востоку от Гаити¹, где им была основана колония Навидад. На этот раз Колумб взял курс несколько южнее и в воскресенье 3 ноября завидел землю, названную им «Доминикой» (по-испански — воскресенье), как она именуется и в настоящее время.

¹ Предположение автора, будто «главной целью второго путешествия Колумба было дополнение исследований предыдущего года к востоку от Гаити», основано на записи в так называемом «Дневнике первого путешествия» Колумба 16 января 1493 г. Там говорится, что к юго-востоку от Гаити, по словам индейцев, находится остров Кареб (т. е. остров, населенный людоедами-карибами), «остров Матинино, населенный безмужними женщинами», и что адмирал (Колумб) собирался уже тогда направить к этим островам свои корабли, но, боясь потерять попутный ветер, повернул на северо-восток, прямо к берегам Испании. Нет никаких других, более определенных указаний на такую «главную цель». Но несомненно, что при вторичном переходе через Атлантический океан Колумб держался ближе к экватору, чем в первый раз, надеясь по пути открыть «остров Кареб», и что на этом южном пути он действительно открыл ряд островов (Малых Антильских) именно к юго-востоку, а затем к востоку от Гаити (это подтверждает и участник второй экспедиции Колумба, доктор Чанка). — *Прим. ред.*

За этим последовало открытие ряда мелких островов. От Доминики Колумб отправился дальше через острова Мария-Галанте и Подветренные, включая Монтесеррат, Невис, Сан-Кристофор и Санта-Крус, к Пуэрто-Рико¹, и, наконец, пришел к поселению на острове Гаити. Оно оказалось безлюдным, так как все колонисты были убиты туземцами. Вместе с братом Колумб заложил новый город, Изабеллу, откуда изыскательские партии отправились за золотом в горы Сибао.

После этого Колумб пошел далее, вдоль южного побережья Кубы, а затем повернул в сторону Ямайки. Открыв северное побережье этого острова, он повернул обратно, на Кубу, чтобы закончить исследование ее южного берега. Придя к заключению, что Куба вовсе не остров, а часть материка Азии, Колумб вернулся в город Изабеллу и оттуда, взяв с собой образчики птиц, плодов и растений, включая кукурузу и ямс, 10 марта 1495 г. отплыл обратно в Испанию. Вначале он взял курс на Гваделупу, а потом пошел в северо-восточном направлении почти прямо в лоб пассату. Плавание было настолько трудным и продолжительным, что суда прибыли в Кадис лишь 11 июня. Прямой путь отнял сорок один день, обратный — шестьдесят два. Эти цифры лучше всего показывают, с какими трудностями приходилось бороться мореплавателям того времени, ставя в то же время под сомнение приписываемое Колумбу искусство судоходства.

В третье путешествие Колумб отправился 30 мая 1498 г. он направился к островам Зеленого Мыса, имея в виду плыть вдоль параллели 8°30' ю. ш. прямо на запад². Но штиты у африканского побережья опрокинули его планы, и лишь через шестьдесят два дня после отплытия из Испании, 1 августа, он достиг острова Тринидад. Здесь был найден жемчуг, а далеко в океане была обнаружена пресная вода реки Ориноко. Отплыв от Тринидада, Колумб завидел массив южноамериканского континента у Парии, но, не останавливаясь для его обследования, отправился дальше³. По прибытии на Гаити он был арестован и отправлен обратно в Испанию.

¹ Колумб назвал остров «Сан-Хуан-Бенито». Название «Пуэрто-Рико» (Богатая гавань) дано было острову позднее. Спутник Колумба, доктор Чанка, указывает, что его туземное название было «Борикен». — *Прим. ред.*

² По рассказу биографов, Колумб при своем третьем переходе через Атлантический океан взял еще более южное направление, чем во время второй экспедиции, надеясь найти в «полуденной Индии» близ экватора «жителей черного или коричневого цвета, доставляющих драгоценные камни, золото, пряности и лекарства». — *Прим. ред.*

³ В 1498 г. Колумб, несомненно, останавливался для обследования к западу от Тринидада этой земли, приняв ее за остров, названный им «Прелесть» («Грасия»); на самом деле это был полуостров Пария южноамериканского континента. Он высылал своих людей на эту землю, говорил с индейцами и захватил четырех из них. По одному свидетельству, ввиду болезни Колумба

В этот момент на исторической арене открытия Нового Света появляется следующая крупная фигура — Америго Веспуччи, в оценке достижения которого среди ученых и историков нет единства. Некоторые считают его выдающимся исследователем, другие — солидным мясоторговцем по профессии и ничтожеством во всех других отношениях. По данным самого Веспуччи, он совершил четыре путешествия — в 1497, 1499, 1501 и 1503 гг. новейший и в общем более обоснованный анализ этого вопроса приводит к заключению, что первое и четвертое путешествия вымышлены. Результатом этого мнимого первого, принимаемого всерьез некоторыми учеными путешествия явилось будто бы открытие мексиканского побережья у залива Кампече, а также восточного побережья Северной Америки.

Второе путешествие Америго совершил совместно с Охедой, хотя они друг с другом не сотрудничали. Охеда достиг побережья Южной Америки у Суринама и проследовал вдоль него до залива Маракайбо. Веспуччи же, по-видимому, коснулся берега континента примерно у 5° ю. ш. и кое-что дополнил в исследованиях Охеды. Если это путешествие действительно имело место, то Веспуччи открыл Бразилию¹.

Третье путешествие Америго совершил уже на службе португальского короля. Он прошел вдоль восточного побережья Южной Америки, которое он, по-видимому, обследовал, начиная от 5° до 50° ю. ш. Это было уже первоклассным открытием и опять-таки, если оно не вымышлено, дало Веспуччи право занять одно из самых выдающихся мест среди путешественников эпохи великих открытий².

В эту годы большую активность на побережье Южной Америки проявляли испанцы. В 1500 г. Алонсо Ниньо высадил группу испанцев в центре жемчужного промысла на острове Маргарита и исследовал материк на запад от куманы. В том же 1500 г. Висенте Пинсон достиг 8°20' ю. ш. у бразильского побережья, а Родриго Бастидас завершил открытие северного побережья — от достигнутого Охедой залива Маракайбо до залива Дарьен.

формально вступил во владение островом «Прелесть» его уполномоченный. Так или иначе, первая доказанная высадка на берег южноамериканского континента сделана людьми Колумба. — *Прим. ред.*

¹ Бесспорное открытие восточного выступа Южной Америки, т. е. части Бразилии, было совершено в 1500 г. испанскими экспедициями Висенте Пинсона и Лепе, действовавшими независимо друг от друга, и португальской экспедицией Кабрала. — *Прим. ред.*

² Роль Америго Веспуччи в открытии материка, названного его именем, не выяснена. По этому вопросу есть обширная литература; большинство историков считает, что и четырех трансатлантических плаваний, приписанных себе Веспуччи, только одно достоверно (совместное с Охедой), но и в нем он вряд ли занимал командную должность. — *Прим. ред.*

Возможно, что к этому времени ряд испанцев уже понял, что открыт целый новый континент. Сам же Колумб все еще считал острова Западной Индии лишь помехой на пути в Азию и в своем четвертом путешествии пытался прорваться сквозь этот барьер. Настоящие открытия Колумб начал делать лишь в конце июня 1503 г. у побережья Гондураса¹. Он проследовал вдоль побережья на юг до залива Дарьен, но нигде не нашел прохода на запад. Вблизи того места, где теперь расположен Грейтаун², до него дошли слухи о богатой золотом стране Верагуа, и Колумб решил, что находится где-то вблизи реки Ганг.

Но в этом году Колумб закончил свои труды. В 1506 г. он умер, так, вероятно, до конца не представляя себе, что же он открыл. Имя его увековечено в ряде географических названий в Новом Свете, достижения его стали общим местом в учебниках истории. И если даже принять всерьез ту критику, какой были подвергнуты Колумб и его биографы, он все же навсегда останется центральной фигурой великой эпохи европейской заокеанской экспансии.

В то время как испанцы и португальцы направляли усилия на пересечение Атлантики к югу от Европы, англичане довольствовались более мелкими и скромными предприятиями. Уже многие годы моряки западной Англии, в особенности Бристоля, вели торговлю рыбой и солью с Ирландией и Исландией. В 1486 г. они обратились к Генриху VII с жалобой на упадок этой торговли. Однако одними жалобами они не ограничились. В 1480 г. некий Джон Джей организовал на свои средства экспедицию для нахождения острова Бразил, лежавшего, как предполагали, на запад от Ирландии. Экспедиция пробыла в плавании шесть недель и вернулась ни с чем.

Начиная с 1490 г. бристольские купцы ежегодно посылали по два, три или четыре судна, чтобы найти остров Бразил. Можно сказать, что они были психологически полностью подготовлены к приему Джона Кабота³. В какой мере Кабот был в долгу у Колумба, останется навсегда невыясненным, но, по словам Кабота, он сам достиг большого искусства в мореходном деле, и, по-видимому, на основании собственного опыта выдвинул и разработал план путешествия на запад, в Индию. Рассуждал он и умно и дельно.

¹ Непонятно, почему автор все предшествующие открытия Колумба считает «ненастоящими». — *Прим. ред.*

² Грейтаун (испанское название Сан-Хуан) — приморский поселок на юго-восточной окраине Никарагуа у границы с Коста-Рикой. — *Прим. ред.*

³ Джон Кабот (Джованни Кабото, 1450—1498) — генуэзец, переселившийся в Венецию, а затем в Англию, в Бристоль. Свои экспедиции он организовал с денежной помощью бристольских купцов. — *Прим. ред.*

«Кабот утверждал, что в своих прежних путешествиях он бывал в Мекке, куда караваны привозят пряности из дальних стран. Когда он спрашивал тех, кто привозил эти пряности, о том, где они произрастают, ему отвечали, что не знают, что пряности им на родину привозят другие караваны из еще более отдаленных стран, а те, в свою очередь, тоже получают их из еще более дальних местностей. Из этого Кабот вывел заключение, что если жители Востока рассказывают южанам о том, что они достают эти редкие товары в отдаленных местах, а те — в еще более отдаленных и так далее, и если исходить из того, что земля — шар, то конечная из этих стран должна лежать где-то на северо-западе» (Вильямсон)¹.

При всяком сравнении достижений Кабота и Колумба не надо упускать из виду еще одно обстоятельство. Если Кабот имел ту выгоду, что начал свои путешествия позже, то совершал он их в гораздо более высоких широтах, где географические условия много хуже, и хотя он плывал летом, переход под парусами по бурным водам северной части Атлантического океана был далеко не шуткой.

В 1496 г. Джон Кабот получил патент на «... плавание ко всем местам, областям и берегам восточного, западного и северного морей... чтобы искать, открывать и исследовать всяческие острова, страны, области и провинции язычников и неверных, остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились».

Первое свое плавание Кабот совершил в 1497 г., но мы почти ничего не знаем о том, как он плыл и каких мест достиг. Можно быть более или менее уверенным лишь в том, что он видел берега Ньюфаундленда или Новой Шотландии; сообщение же о том, что он проследовал вдоль побережья на триста миль, не может не быть преувеличением, так как между его отплытием из Бристоля и возвращением туда же прошло всего три месяца.

Успех первого плавания полностью оправдывал организацию второго, в которое Кабот отправился, по-видимому, в мае 1498 г. Ничего достоверного об этом плавании мы не знаем. Если карта Ла Косы может считаться надежным свидетельством², то Кабот прошел большое расстояние вдоль

¹ Вильямсон, Дж. А. — автор книги «Путешествия Каботов и английские открытия в Северной Америке при Генрихе VII и Генрихе VIII», 1929. Это — новейшая английская сводная работа на данную тему. — *Прим. ред.*

² На испанской карте Ла Косы (кормчего Колумба), которую большинство историков-картоведов относит к 1500 г., к северо-востоку от Эспаньолы (Гаити) и Борикена (Пуэрто-Рико) нанесены фантастические берега огромного континента; у этих берегов изображен ряд английских флажков, а между ними — надпись: «Море. Открытое англичанами». — *Прим. ред.*

побережья «до Делавэра или Чезапика, а может быть, еще дальше (Вильямсон). Показательно, что когда правители Испании выдали в 1501 г. Охеде патент, они включили в него наказ «... идти далее и изучать открытый вами берег (то есть северное побережье Южной Америки), который, по-видимому, тянется на запад, ибо он простирается до того района, где, по дошедшим до нас сведениям, делают открытия англичане».

Второе плавание Кабота было неудачным, так как найти богатства Восточной Азии опять не удалось. Единственной ощутимой выгодой от выполнения проектов Кабота было открытие богатых рыбой отмелей у берегов Ньюфаундленда. Рыбный промысел привлекал мореходов всех национальностей. Нет почти никаких сомнений в том, что кое-какие открытия вблизи Ньюфаундленда должны были произвести французы, но точного представления о результатах их работы нет.

Тем временем в дело исследования северной части Атлантического океана включились португальцы. В 1500 г. Гаспар Кортереал вновь открыл Гренландию¹, а во время своего второго плавания, в 1501 г., прошел от Гренландии к побережью Северной Америки, вдоль которого и последовал до открытой Каботом земли. Кортереал так и не вернулся из этого путешествия; погиб также его брат Мигел, отправившийся в 1502 г. на Ньюфаундленд. Посланная в 1503 г. новая экспедиция не нашла никаких следов исчезнувших путешественников.

Некий португалец по имени Фернандеш, быть может, сопровождавший Гаспара Кортереала в его путешествии в Гренландию, переселился в Англию и вместе с группой бристольских купцов получил патент на производство открытий в странах, «которые донныне и в настоящее время остаются неизвестными христианскому миру». Возможно, что они ставили себе задачей исследование Девисова пролива между районами, открытыми Джоном Каботом, и районами, открытыми Кортереалом; в 1501 и 1502 гг. были предприняты экспедиции, но мы очень мало знаем о них. Что они нашли нечто заманчивое, явствует хотя бы из того, что бристольские купцы продолжали посылать суда в эти северные воды в течение ряда последующих лет. В 1509 г. Себастьян Кабот² отплыл из Бристоля на запад.

¹ Нельзя категорически утверждать, будто Гаспар Кортереал в 1500 г. «вновь открыл Гренландию», а не какую-либо другую землю на северо-востоке Америки. Харрис, автор монографии о Кортереалах, предполагает, что он тогда посетил полуостров Лабрадор, и отсюда возникло это португальское название (по-португальски «Тера до Лаврадо» значит «земля пахаря»). Но и это оспаривается рядом историков, особенно французскими, приписывающими открытие Лабрадора бретонским или нормандским рыбакам. — *Прим. ред.*

² Себастьян Кабот — сына Джона Кабота; возможно, принимал участие во второй экспедиции своего отца (1498). — *Прим. ред.*

Сведения об этой экспедиции чрезвычайно сбивчивы, но есть основания предполагать, что ей удалось найти нечто вроде «прохода» — либо между уже открытыми странами, либо в обход их. Вильямсон допускает, что Себастьян Кабот прошел Гудзоновым проливом в Гудзонов залив, но что льды и недовольство экипажа лишили его возможности проникнуть дальше; поэтому он повернул обратно и, следуя вдоль североамериканского побережья, достиг широты 38°. когда Себастьян Кабот вернулся в бристолю, на престоле сидел уже новый король, Генрих VIII, отказавший ему в поддержке. Спустя три года Кабот перешел на испанскую службу. По своем возвращении в Англию в 1548 г. Себастьян Кабот был встречен как авторитет по вопросам открытий в странах Севера и в скором времени сделался советником по вопросам намеченного исследования Северо-восточного прохода.

ИСПАНЦЫ В НОВОМ СВЕТЕ

1. Мексиканский залив и Флорида

Четвертое путешествие Колумба не разрешило проблемы морского пути на Восток через вновь открытые земли, но сузило зону, где можно было его искать. Именно в поисках такого рода прохода или пролива испанцы взялись за исследование Мексиканского залива и в течение очень короткого времени установили всю его береговую линию¹. Выскаянная в 1500 г. Хуаном де ла Косой догадка о том, что Куба — остров, нашла себе полное подтверждение через восемь лет². В 1513 Понсе де Леон открыл Флориду, правда, не подозревая, что она была частью материка³. В

¹ Из многочисленных испанских экспедиций, исследовавших и описавших все берега Мексиканского залива в первую четверть XVI в., лишь очень немногие действительно ставили своей основной задачей поиски прохода через вновь открытые земли к берегам Азии. Основная их цель была — захват и разграбление богатых стран, действительных и легендарных, расположенных сравнительно недалеко к западу и северу от Кубы, Гаити и Пуэрто-Рико (слухи о таких богатых странах дошли до испанских конкистадоров через пленных индейцев). — *Прим. ред.*

² На карте Ла Косы (1500 г.) Куба изображена в виде острова; окончательно это доказано было испанской экспедицией в 1508 г. — *Прим. ред.*

³ Экспедиция Понсе де Леона, губернатора острова Пуэрто-Рико, была организована с целью открытия легендарного острова Бимини, где бьют источники вечной молодости. В поисках Бимини испанцы открыли северную группу Багамских островов и полуостров Флориду, который сначала приняли за остров. Поэтическая характеристика Понсе де Леона дана Генрихом Гейне в его известной поэме «Бимини». — *Прим. ред.*

различные точки побережья залива были посланы небольшие экспедиции, пока, наконец, в 1519 г. Пинеда не прошел вдоль всего побережья залива от Флориды до самой границы Мексики. Эта последняя экспедиция, с учетом предшествующих исследований, полностью установила тот факт, что из этой части Атлантического океана никакого прохода в Азию нет. Тогда испанцы, продолжая поиски того же пролива, стали исследовать восточное побережье Флориды к северу, вплоть до Чезапикского залива, которого и достигли в 1526 г. Дальнейшая история исследования этого побережья в других местах нашей работы.

Между тем предприимчивые искатели наживы с острова Кубы открыли в 1517 г. часть юкатанского побережья, обнаружили «густо населенные страны с домами каменной кладки и людьми, одетыми в хлопчатобумажные ткани, владевшими золотом и возделывавшими кукурузные поля» (Берналь Диас)¹. В следующем году была послана вторая экспедиция², подтвердившая сообщение первой, а в 1519 г. выступил уже хорошо организованный отряд под начальством Эрнандо Кортеса с заданием основательно исследовать новую страну³. Первые же впечатления искателей наживы подтвердили их самые смелые надежды. Им показалось, что они попали в страну «столь же богатую, как та, из которой царь Соломон черпал золото для построения храма» (из письма Кортеса). После короткого пребывания на нездоровом побережье близ нынешнего города Веракрус Кортес выступил в поход к городу Мехико. Во время пути он воспользовался смелой идеей одного из подчиненных ему военачальников и послал группу людей на покрытый снегами Попокатепетль, с вершины которого можно было видеть большое озеро, на котором стоит город Мехико. Кортес выбрал дорогу, позволившую ему приблизиться к городу с юга, и в начале ноября 1519 г. вышел к цели похода — к городу Мехико.

В скором времени внимание испанцев было отвлечено нарушением их коммуникации с берегом. Им пришлось силой оружия пробивать себе дорогу от города Мехико и отступить по дороге, огибающей озеро с севе-

¹ Берналь Диас дель Кастильо (1492 (1496?—1584) — испанский конкистадор, рядовой участник экспедиций Кордовы и Грихальвы (1517—1518 гг.), открывших Мексику до мексиканских походов Кортеса; автор замечательной «Правдивой истории завоевания Новой Испании», переведенной на многие языки. Книга Берналя Диаса — один из самых ценных первоисточников по изучению истории открытия и завоевания Мексики. — *Прим. ред.*

² Речь идет об экспедиции Грихальвы. — *Прим. ред.*

³ Целью экспедиции Эрнандо Кортеса было, конечно, не географическое исследование, а завоевание и разграбление Мексики. Об этом прямо и с большими подробностями говорит солдат Берналь Диас. — *Прим. ред.*

ра, к прибрежной области, заселенной племенами, дружелюбно настроенными к испанцам. Здесь они отдохнули, получили небольшое, но очень нужное пополнение людьми и произвели тщательную подготовку ко второму наступлению. На этот раз их ожидал полный успех, и в августе 1521 г. им удалось овладеть городом Мехико.

За захватом столицы, естественно, следовало покорение остальной территории страны, и, хотя движущей силой в этом случае вовсе не была жажда знания, а погоня за богатством, географический горизонт испанцев сильно расширился в результате этого завоевания. Историк Берналь Диас писал, что «у Кортеса были высокие замыслы, и в своем стремлении повелевать и господствовать он подражал Александру Великому». Кортес послал экспедиции во всех направлениях, «основал большие города» Оахака, Сакатула (в нынешнем штате Герреро), Колима, Веракрус, Пануко и Коатцалькоалькос (нынешний Пуэрто-Мехико) и двинул свои армии за нынешние границы мексиканского государства.

Кортес послал Альварадо в Гватемалу, которую тот частично покорил, а Кристовала де Олида — на Кубу¹ с приказанием: «...взять с Кубы курс на Игерас (Гондурас), чтобы попытаться в какой-либо подходящей гавани заложить город, замирить местных туземцев, разведать, есть ли там золото и серебро, и постараться отыскать пролив, а если удастся достигнуть южного берега, узнать, какие там есть гавани» (Берналь Диас).

Олид достиг южного берега Гондурасского залива и послал людей для разведки внутренних районов, но его изменническое поведение по отношению к Кортесу побудило последнего послать против него карательную экспедицию. Некоторые участники этой экспедиции после неудачной попытки умертвить бунтовщика добились его казни по суду. К этому времени Кортес сам сильно беспокоился о судьбе посланной им второй экспедиции и решил лично выйти на ее поиски. В октябре 1524 г. он покинул город Мехико и через провинцию Табаско направился к Гондурасскому заливу. Этот поход, о котором Кортес очень образно повествует в одном из своих писем, сопровождался тяжелыми лишениями и не дал почти никакого результата. Однако после того как экспедиция вышла к заливу, Кортес разослал в различных направлениях разведывательные партии, которым удалось проделать значительную работу. Сам Кортес занялся закладкой нового города, ныне называемого по имени его основателя Пуэрто-Кортес, откуда он и рассылал экспедиции. Через некоторое время он отплыл в город Трухильо, который в свою очередь превратил в центр рассылки дальнейших разведывательных партий.

¹ На Кубе были заготовлены для отряда Олиды съестные припасы и лошади. — *Прим. ред.*

Пока Кортес занимался покорением туземцев на территории, прилегающей к порту Трухильо, его подчиненный Сандоваль делал то же в долине Чамелекона¹. Здесь он встретился с группой испанцев, пробившихся сюда через Никарагуа. Таким образом, в течение каких-нибудь трех лет испанцы пронесли свое оружие через всю Центральную Америку — от Мексики до Панамы. Кортес вернулся в Мексику морем, другая же часть его сил возвратилась обратно долгим и трудным сухим путем через территорию современных Сальвадора и Гватемалы.

Вернемся теперь к рассмотрению дальнейшего хода испанских открытий в северной Мексике. Так же, как и в отношении юга страны, базу для рассылки ряда разведывательных партий на север обеспечил захват столичного города Мехико. К 1522 г. завоеватели достигли тихоокеанского побережья, где и основали порт Сакатулу. В противоположном направлении подобные же партии обследовали всю местность до реки Пануко. Продвижение испанцев на север шло если и медленно, то упорно. Испанцы проникли на территорию нынешних Соединенных Штатов до Калифорнии на этом направлении был сделан Нуньо де Гусманом, который, двинувшись из Мехико, завоевал провинции Халиско и Синалоа. Сделав такой крупный шаг, испанцы, возможно, на этом и остановились бы, но с ним совпало по времени одно курьезное событие. В 1528 г. на полуострове Флорида высадился некий испанец Кавеса да Века, который, после ряда приключений, в 1536 г. попал в Мексику. Он привез с собой целые легенды о громадных богатствах еще неисследованного Севера. Рассказы его казались правдоподобными, и оставалось только проверить их на месте. Еще через три года францисканский монах Маркос де Ниса, проделавший путешествие на север в пределы нынешних штатов Аризона и Нью-Мексико, вернулся оттуда и рассказал, что он издала видел один из «семи городов Сиболы»². Его восторженные рассказы служили как бы подтверждением недавних сообщений Кавесы де Ваки. В результате этого в 1540 г. испанцы послали на север экспедицию под начальством Франсиско Васкес де Коронадо.

Экспедиция Коронадо имело чрезвычайно большое значение с географической точки зрения, поскольку в сочетании с экспедицией де Сото она дала миру возможность заглянуть в огромную внутреннюю область северного континента и создала основу для его картографирования.

¹ Чамелекон — река, впадающая в Гондурасский залив (на северо-западе современной республики Гондурас). Близ устья ее находится гавань Пуэрто-Кортес. — *Прим. ред.*

² «Семь городов Сиболы» — легендарная заокеанская группа городов, куда будто бы в средние века бежали из Опорто от завоевателей мусульман семь христианских епископов. — *Прим. ред.*

Благодаря ей удалось узнать о существовании оседлых племен пуэбло на юго-западе нынешних Соединенных Штатов Америки, о промышленно охотой племенах Великой равнины, о Большом Каньоне реки Колорадо, о ее нижнем течении, о громадных стадах бизонов и о том, как глубоко и всесторонне зависит от них все хозяйство охотников-индейцев.

Прежде чем идти на Сиболу, испанцы послали разведывательную партию, составленную из самых деятельных и способных людей, на север и запад искать побережья. В ходе своего продвижения экспедиция набрела на реку и в 15 лигах¹ от ее устья увидела надпись на дереве, гласившую: «Здесь был Аларкон. Письма — под деревом». Письма эти были оставлены другой, посланной в дополнение к первой, экспедицией, совершившей плавание от Сан-Бласа до верхней части Калифорнийского залива и вернувшейся оттуда обратно, так как плыть дальше было некуда. Аларкон доносил, что Южная Калифорния — полуостров. Сухопутный отряд обошел верхнюю часть залива и прошел южнее, несколько углубившись в Нижнюю Калифорнию.

Из Сиболы экспедиция отрядила другую разведывательную партию, чтобы проверить слухи о том, что за пустыней находилась река.

После двадцатидневного похода они пришли к каньону реки. Расстояние от края до края каньона по прямой линии было от 3 до 4 лиг, а внизу, в таких берегах, текла река. Местность здесь высокая, очень холодная и открытая с севера. Повсюду много низкорослых и кривых сосен. Даже лето жить в этом месте нельзя из-за холодов. Они провели у этого каньона трое суток, ища, как бы спуститься к реке, которая, как казалось, сверху была не шире шести футов, хотя индейцы говорили, что ширина ее была равна половине лиги.

Так впервые увидели испанцы Большой Каньон реки Колорадо.

В погоне за богатством испанцы продвинулись далее на юго-восток через реки Рио-Гранде-дель-Норте и Пекос, где они увидели, наконец, стада знаменитых бизонов. Через 10 дней после того как они перешли реку Пекос, «они наткнулись на поселения людей, живших наподобие арабов»². В последние два дня пути испанцы все время видели «коров», а теперь узнали, что обнаруженные ими племена жили в палатках, сделанных из дубленой кожи этих «коров», что они все передвигались вслед за стадами этих «коров», а когда нуждались в пище, забивали животных из этих стад.

¹ Испанская лига равна 5,57 км. — *Прим. ред.*

² То есть наподобие арабов-кочевников (бедуинов). Но местные индейцы были, конечно, не кочевниками-скотоводами, а бродячими охотниками. — *Прим. ред.*

Дойдя до восточной реки Колорадо (системы Миссисипи), главный отряд вернулся к отправной точке — на этот раз уже более прямым путем. Коронадо же с небольшой группой проследовал дальше в Кивиру, о богатстве которой до него дошли слухи. Кивирой называли страну, находившуюся, по-видимому, там, где ближе всего сходятся течения рек Арканзас и Канзас. И здесь испанцев постигло разочарование, так как «у здешнего племени не оказалось ни золота, ни серебра, ни даже следа их. Вождь их носил на шее медную бляху, которой очень гордился».

Летом 1542 г. Коронадо вернулся в Мексику, но привезенные им неблагоприятные известия вконец погубили его карьеру. Экспедиция его привлекла к себе гораздо меньше внимания, чем она заслуживали. Хотя золотой сон и оказался только сном, «географические результаты его похода были очень велики».

Теперь нам необходимо вернуться к событиям, имевшим место в области к северу от Мексиканского залива. В 1528 г. Панфило де Нарваз отплыл во главе экспедиции во Флориду. Ему было дано право завоевывать и заселять всю местность между восточной Мексикой и Флоридой. Экспедиция высадилась на западном берегу Флориды у залива Тампа и прошла сушей на север параллельно побережью до залива Аппалачи. Здесь экспедиция обнаружила, что она потеряла всякую связь со своими судами и оказалась в состоянии полной изоляции в совершенно незнакомой стране. Тогда участники экспедиции построили пять лодок и на них поплыли дальше. Через некоторое время лодки разъединились и потеряли друг друга из виду. В конце концов, в ноябре 1528 г. 80 испанцев встретились на «Острове Несчастий» у берега Техаса. За зиму большинство их умерло. Один из пятнадцати оставшихся в живых, Кавеса де Вака, перебрался на материк и поселился у туземцев. Через пять лет совместной жизни с ними он с одним спутником отправился на юг, переправился через реки Брасос и Колорадо и вышел к заливу Сан-Антонио. В конце концов ему удалось бежать в Мексику. В апреле 1536 г. он достиг Сан-Мигеля в 100 лигах от Компостелы, а в июле того же года — города Мехико. Из Мексики он отправился на родину и 10 августа 1537 г. высадился в Лиссабоне.

«За это время, — пишет он, — мы прошли землю от моря до моря; и если исходить из собранных нами с большой тщательностью сведений, расстояние от одного берега до другого в самом широком месте равно двум тысячам лиг; и узнали мы также, что на берегу Южного моря (Тихого океана) есть жемчуг и большие богатства и что вблизи него лежат лучшие и богатейшие государства».

Как мы уже объясняли, это замечательное путешествие оказалось чреватое важными последствиями для экспедиции Коронадо.

Когда Кавеса де Вака достиг Испании, где он надеялся получить большую награду за привезенные им сведения, он узнал там, что губернатором Кубы был назначен профессиональный военный Эрнандо де Сото, отличившийся при завоевании Центральной Америки и Перу. Кавеса де Вака отказался сообщить все, что он знал о виденной им стране, но все же дал понять друзьям, что она «была самой богатой на свете», и поэтому де Сото пытался привлечь его к себе на службу. Попытки эти оказались тщетными, и де Сото выехал на Кубу без него. В мае 1539 г. он достиг наконец Флориды.

Экспедиция де Сото, так же как и экспедиция Коронадо, имела первостепенное значение, и обе они вместе взятые представляют собой самое основательное усилие испанцев в исследовании внутренних областей североамериканского континента. Обе они охватили своими маршрутами почти весь континент от нынешней Джорджии до Калифорнийского залива. Поход де Сото был первым обширным исследовательским путешествием по территории современного Юга Соединенных Штатов; благодаря ему мир впервые узнал о жизни и обычаях южных индейцев, результатом его было открытие реки Миссисипи, вниз по течению которой экспедиция проделала свой обратный путь.

Нет возможности детально проследить весь путь де Сото, но из отдельных дошедших до нас сообщений можно восстановить его в общих чертах. Высадившись неподалеку от залива Тампа, участники экспедиции прежде всего начали расспрашивать, где «страна, богатая золотом и серебром». Индейцы направили их «на закат», где народ был будто бы так богат, что воины выступали в поход в золотых шлемах. Начавшаяся таким образом погоня за золотом привела испанцев к верхней части залива Аппалачи, откуда они прошли через территорию современного штата Джорджия. Здесь они получили другие сведения — на этот раз о том, что манившие их богатые земли находились «в направлении на восход». Испанцы пошли в другом направлении и остановились лишь в двух днях пути от Атлантического океана. Здесь они услышали, что золото было «на севере». Отряд снова повернул в глубь страны и пошел по направлению к Аппалачским горам и к реке Алабама, следуя течению которой до самого устья он дошел до страны «Манилья». Вынужденные «в поисках места, где можно было бы прокормиться зимой», повернуть на северо-запад, испанцы переправились через Миссисипи, по-видимому, где-то в районе нынешнего Мемфиса, и некоторое время шли по ее западному берегу в надежде открыть «дорогу на север, по которой можно было бы выйти к Южному морю». Потерпев неудачу, экспедиция повернула «в южном направлении», пробилась себе дорогу на запад к Озаркскому плато, «очень неровной холмистой стране», но, в конце концов, оказалась

вынужденной вернуться к реке Миссисипи. Новая вылазка на запад в более южных широтах также потерпела неудачу, и де Сото решил, наконец, повернуть на юг, к морю. Посланный им в разведку капитан вернулся и доложил, что он не смог найти ни дороги, ни тропинки через громадные болота, тянущиеся от Большой реки (то есть Миссисипи), после чего де Сото «заболел и умер». командование экспедицией перешло в руки Луиса де Москосо, который, в надежде достигнуть Мексики, приказал экспедиции выступить в поход на запад. Переходя от одного племени индейцев к другому и «каждый раз попадая во все более скудные области», Москосо «решил, наконец, вернуться в ту местность, где умер де Сото, так как там можно было построить суда и уйти на них из этой страны». Так, в конце концов, испанцы и сделали: вышли к устью реки и следовали далее, все время держась побережья, пока «не достигли реки Пануко, где их дружелюбно встретили христиане».

Так кончилось великолепное, хотя и неудачное путешествие де Сото. Если посещенные им места, хотя бы в основном, правильно опознаны учеными, то он почти дошел до страны Кивира, откуда отряд Коронадо повернул обратно на родину. Подобно Коронадо, он не сумел достичь главной цели своего путешествия, но поход его намного расширил объем географических знаний того времени. Английский перевод одного из описаний этого путешествия был опубликован Ричардом Хаклюйтом в 1607 г.

Позже, в XVI в., несмотря на катастрофический конец более ранних предприятий этого рода, испанцы сделали не одну попытку колонизовать и исследовать Флориду. В 1558 г. была организована и послана экспедиция для изучения возможностей заселения побережья. Был создан поселок, но он быстро развалился. Флорида привлекала и французов, которые обосновались в ней в 1560 г. Заняв хорошую стратегическую позицию, чрезвычайно удобно расположенную для нападения на испанские колонии и на груженные сокровищами суда, французы быстро сделались бельмом на глазу у испанцев. Когда терпение испанцев истощилось, они выслали в 1565 г. сильную экспедицию, командующий которой, Мендес, расправился с французами и произвел исследование как части побережья Флориды, так и местности дальше к северу. Он основал также город Сан-Аугустино, где, несмотря на лишения и на дурное управление, испанцам удалось продержаться до конца века.

Пока испанские экспедиции под командованием де Сото и Коронадо открывали новые, хотя и малообещающие северные земли, их соотечественники на юге обнаружили громадные богатства государства инков. Первые попытки проникновения в Центральную Америку были безуспешными, но в 1513 г. Васко Нуньес де Бальбоа пересек Панамский

перешеек и из залива Сан-Мигель своими глазами узрел Тихий океан*. Влекомые легендами о золоте, одна экспедиция за другой шли обследовать и обыскивать ту узкую полоску земли, что соединяет Мексику с Южной Америкой. Им пришлось бороться с большими трудностями, которые сам Бальбоа следующим образом описывал в своем письме испанскому королю:

«А страна здесь такая, что если тот, кому доверено управление, заснет, то по своему желанию ему не проснуться, ибо правитель здесь должен всегда бодрствовать. Страна трудно проходима из-за многих рек, болот и гор, и многие наши люди мрут здесь из-за тяжелого труда и лишений, и каждый день мы тысячу раз глядим в глаза смерти».

Когда в 1514 г. присланный из Испании новый губернатор Педрариас Авила прибыл в Центральную Америку, он обнаружил, что испанцы обосновались в Дарьене, куда авантюристы из окрестных районов сносили все золото, что могли захватить, и в погоне за золотом разоряли и опустошали страну. Из Дарьена испанцы произвели исследование ближайших из лежащих западнее стран. Один из испанцев — Гаспар де Моралес — достиг Жемчужных островов (островов Перлас), другой проследовал по северному побережью почти до современного Пуэрто-Белы. Бальбоа перенес через перешеек суда из Аклы и плывал на них по заливу Сан-Мигель. Позднее он был изобличен в заговоре против Педрасиаса Авилы и казнен, губернатор же сам проделал путешествие до Панамы, где в 1519 г. и основал город Панаму.

Местность к юго-западу от Панамы была исследована испанцами, которых возглавлял Гонсало де Бадахос-и-Эспиноса, еще за несколько лет до основания нового порта, превратившегося теперь в исходную базу для дальнейших операций. Уже в 1518 г. одна из такого рода экспедиций обследовала на судах побережье на 100 лиг от Панамы до Кабо-Бланко, откуда вернулась сушей. Однако же одно из судов пошло дальше, «до залива, называемого ими Сан-Лукар... в начале земли Никарагуа». Еще три года спустя испанцы прошли по берегу за те пункты, «где теперь стоят Леон и Гранада», до залива Фонсека, а другой отдельный отряд вышел для «покорения и заселения Никарагуа». Из Никарагуа испанцы вошли в соприкосновение со своими соотечественниками, прибывшими сюда на юг из Мексики. Было послано множество и других экспедиций как из Панамы, так и из Гондураса, и постепенно в ходе завоевания Центральной Америки выяснились основные черты ее географии.

Тем временем испанцы в Мексике продолжали работу по исследованию побережья за пределами, достигнутыми посланными из Панамы

* Бальбоа назвал открытое им водное пространство «Южным морем», так как оно расположено к югу от Панамского перешейка» — *Прим. ред.*

партиями. Первая экспедиция была послана в 1527 г., а в 1530 г. уже были заняты Теуантепек, Акапулько и Сакатула. В 1532 г. исследовательские партии продвинулись дальше на север, но что именно они сделали, осталось неизвестным; в следующем году они достигли Нижней Калифорнии. Вначале ее приняли за остров, но в 1539 г. это предположение было опровергнуто Франсиско де Ульоа, проникшим до верхней части залива. Позже Ульоа проследовал вдоль побережья полуострова, обогнул мыс Сан-Лукас и открыл часть западного побережья на некотором расстоянии за островом Седрос. В следующем году и Аларкон достиг устья реки Колорадо и поднялся на несколько миль вверх по ней. Наконец в 1543 г. экспедиции под начальством Хуана Родригеса Кабрильо удалось продолжить исследование западного побережья, возможно, до мыса Мендосино или даже дальше, примерно до 44° с. ш.

2. Южная Америка

Год 1519, год основания города Панамы, является вместе с тем годом начала поисков сказочно богатого государства инков. Кое-какие смутные слухи о его существовании дошли до испанцев в результате путешествий Моралеса и Андагойи в лежащую к юго-западу от Дарьена страну Биру, но честь подлинного открытия Перу принадлежит прежде всего Бартоломе Руису, а затем — его начальнику Франсиско Писарро. Последний отплыл из Панамы в ноябре 1524 г., но после многочисленных, почти трехлетних попыток сумел достичь лишь реки Сан-Хуан. В течение всего этого периода им не удалось нигде найти хорошей земли — одни болота и затопленные безлюдные места. Руис отплыл из устья реки Сан-Хуан на небольшом судне, пересек экватор и дошел до «земель, очень богатых золотом и серебром и населенных более смышленными туземцами, чем все встречавшиеся до тех пор». Он привез с собой образчики минералов и несколько пленников. Писарро был настолько воодушевлен этим успехом, что отправился до Тумако, откуда вернулся назад в Панаму. Оттуда он направился в Испанию, где добился права на открытие и завоевание этой вновь найденной страны, и в 1531 г. отправился в это предприятие. Первую остановку Писарро сделал на острове Пуна, откуда направился к Тумбесу, с которого, собственно, и начал завоевание и эксплуатацию этой области. Основав в долине реки Пиуры поселение, Писарро отправился сушей в Кахамарку, «славившуюся своими богатствами по всему королевству». Путь его лежал по краю пустыни, и он обнаружил, что все деревни располагались по долинам рек, где было побольше воды для орошения. Прибыв в Кахамарку и обнаружив, что она была намного богаче, чем предполагалось, он узнал там, что на юге лежат области еще богаче. В соответствии с этим он послал отряды в Куско и прилегающую к нему

местность. Эти отряды убедились в том, что Куско был «большим и величественным городом» и, судя по тому, что они видели, очень богатым. Та большая военная добыча, какую они принесли в Кахамарку и отдали Писарро, была лучшим свидетельством их успеха. В конце 1533 г. Писарро сам пошел походом на Куско и овладел им.

Перу превратилось в исходный пункт ряда новых предприятий, в ходе выполнения которых испанцы проникли далеко в глубь Южной Америки. В 1533 г. из первоначального поселения в долине Пиуры к северу на Кито вышел отряд во главе с Беналькасаром. Этот отряд приступил к систематическому завоеванию территории нынешнего Эквадора. Мы откладываем рассмотрение дальнейших операций отряда до того момента, когда мы перейдем к деятельности других экспедиций, искавших Эльдorado¹ с северного побережья, тесно связанной с последующими передвижениями этого отряда. Тем временем в 1535 г. был основан город Лима, который Сьева де Леон вскоре описывал как «первый во всем перуанском королевстве и второй после Куско по значению».

В том же 1535 году Альмагро вышел с отрядом на Чили через территорию современной Боливии. Путь его лежал через исключительно труднодоступную местность, через горы, не только крутые и обрывистые, но притом еще покрытые снегом. По сохранившимся отчетам, этот переход стоил жизни 10 тысячам индейцев и 150 испанцам. Когда оставшиеся в живых участники похода спустились, наконец, на чилийские равнины, они вовсе не нашли страны, сравнимой по ископаемым богатствам с той, которую они оставили. Альмагро проник далеко в глубь страны, примерно до 37° ю. ш., но, услышав о том, что в Перу вновь вспыхнули военные действия, поспешил обратно, отказавшись от прочного завоевания.

Во время своего пребывания в Куско в 1539 г. Писарро получил сообщение, что за городом Кито и за пределами ранее управлявшейся инка-

¹ Эльдorado (el dorado) значит по-испански «позолоченный человек. Среди конкистадоров во второй половине XVI в. распространилась легенда о том, что среди индейских «королей» (вождей) Южной Америки есть один, правящий такой богатой страной, что он каждое утро покрывает свое тело (смазав его предварительно жирной глиной) золотым песком и каждый вечер смывает золото в водах священного озера. Легенда эта основана на некоторых действительных периодических торжественных религиозных церемониях, устраиваемых некоторыми индейскими племенами в бассейне реки Магдалены — так называемыми «чибчами» (муисками), стоящими на сравнительно высокой ступени культурного развития. Поиски «страны Эльдorado» сыграли очень большую роль в истории открытия бассейнов рек Магдалены и Ориноко и Гвианского нагорья, т. е. всей северной части Южной Америки — территории современных республик Колумбии и Венесуэлы, гвианских колоний и прилегающих частей Северной Бразилии. — *Прим. ред.*

ми империи находится большая область, где растет корица. Тогда он решил послать своего брата Гонсало для завоевания новой области, наподобие того, как он сам покорил Перу. Гонсало Писарро вышел из Куско на Кито через Пиуру и Гваякиль и на Рождество 1539 г. приступил к разведке. По истечении примерно шести недель он и его люди начали «переход через снежные Кордильеры, где шел такой густой снег и где было так холодно, что многие индейцы замерзли насмерть...». По другую сторону гор они нашли необычайную страну, где «дожди шли, не переставая ни один день в течение двух месяцев». Здесь, в долине Напо, Гонсало Писарро оставил большую часть своего отряда, сам же с несколькими наиболее крепкими участниками экспедиции отправился «на поиски какой-либо дороги на случай, если таковая найдется, чтобы двинуться дальше, ибо вся местность, которую они прошли до сих пор на протяжении около 100 лиг, была покрыта густым лесом, через который приходилось продираться силой и с помощью топоров». Продвижение было медленным и трудным, посылаемые вперед разведчики неизменно доносили, что страна покрыта густыми лесами, полна озер и болот, через которые пройти вброд невозможно. Гонсало Писарро прервал путешествие, чтобы построить судно. Когда оно было закончено, часть разведчиков отправилась в дальнейший путь на судне, часть — берегом. Через два месяца они услышали о «населенной стране, изобилующей продовольствием, золотом и всем другим потребным». Судно было послано вперед, и капитану его, Франсиско де Орельяна, был дан приказ: по прибытии на место запастись продовольствием и привезти его обратно вверх по реке, «чтобы вывести остальных из тяжелого положения». Орельяна достиг указанного ему места в три дня, не обнаружил никакого продовольствия и продолжил свое плавание вниз по Амазонке до океана. Вернуться он, по-видимому, был уже не в состоянии, да и кроме того у него не было уверенности, что если он вернется, он найдет Гонсало Писарро на прежнем месте¹.

Между тем Писарро сам выступил в дальнейший путь и выслал на поиски Орельяны два отряда, вернувшиеся ни с чем. Дойдя до слияния Напо с главным течением реки, экспедиция нашла там лишь одного

¹ Автор принимает версию, исходящую от самого Орельяны и его спутника монаха Карвахала. По другой версии, исходящей от спутников Гонсало Писарро, Орельяна имел возможность и должен был вернуться к главному отряду, чтобы сообщить о результатах своей разведки, но поступил как изменник. Ряд историков-географов считает более достоверной именно эту последнюю версию: «Орельяна хотел ценой измены присвоить себе славу и, может быть, выгоду открытия» (Э. Реклю). Несомненно, что гибель большей части главного отряда объясняется именно так, что Гонсало Писарро потерял много времени, напрасно ожидая и затем разыскивая Орельяну. — *Прим. ред.*

человека, высаженного Орельяной на берег. Испанцы с трудом прошли еще сто лиг, но, убедившись в том, «что плыть вверх по течению невозможно... повернули в лес, пробивая себе дорогу топорами и алебардами». Не считая тех, кто отплыл с Орельяной, 4 тысячи индейцев и 210 испанцев умерли, а остальные, «одеты в звериные шкуры, пешие, босые, измученные и исхудавшие до такой степени, что еле узнавали друг друга», в начале июня 1542 г. добрались до Кито.

Эту путешествие, в сочетании с рядом отдельных походов в лесную область к востоку от Анд, не только обогатило представление испанцев о величайшей реке мира, но и привело их к заключению, что богатых металлами районов не так уж много.

К 1540 г. Перу было завоевано и испанцы смогли перейти к исследованию Чили. На этот раз, под предводительством сначала Вальдивии, а позже Мендосы, им удалось более основательно изучить и частично даже заселить эту страну.

Колонизационная практика Вальдивии, проникшего в долину Кокимбо в Чили, по необходимости коренным образом отличалась от методов заселения Перу. Вальдивия исходил из того, что в Чили не было легко поддававшихся разработке крупных минеральных ресурсов, и составил свой отряд почти целиком из испанцев-крестьян. Однако же заселение задержалось, а временами и прерывалось из-за враждебности туземцев, которая все усиливалась по мере того, как испанцы осваивали страну вплоть до основанного ими в 1552 г. города Вальдивии, а вскоре после этого продвинулись дальше, примерно до 40° ю. ш. В это же время морские экспедиции достигли Магелланова пролива, и Вальдивия задумал исследование всего южного побережья, тем более, что его «генерал-лейтенант морской службы» Хуан Баутиста де Пастене донес ему, что имеющиеся морские карты полны ошибок. Вальдивия хотел, чтобы планируемая им морская экспедиция координировала свою работу с другой, сухопутной, по поводу которой он писал: «В апреле [1552 г.] я основал Вилья-Рика, откуда должно вестись исследование Северного моря [то есть Атлантического океана]; завоеывая и исследуя, я буду продвигаться все дальше, пока не дойду до выхода из пролива [Магелланова]». Вальдивия считал, что пролив лежит двумя градусами южнее города Вальдивии и что он дошел бы до него летом 1552 г., если бы ему не помешала «чрезвычайно полноводная река, шириною более мили».

Вальдивия послал отряд и на восток для исследования местности по ту сторону Анд, где им была обнаружена большая река, по всей вероятности, Негро или Колорадо. Далее, он покорил также область Куйо, ныне часть Аргентины. Выполнить все свои планы Вальдивии однако же не удалось, так как вскоре после того, как он объявил о большой экспедиции на юг, он был убит в бою с индейцами. Он стремился к тому, чтобы

Чили не отставала экономически от других областей Америки, и проделал там большую работу. Если его достижения и носили менее сенсационный характер, то ему пришлось бороться с не меньшими трудностями и добиться не меньших успехов, чем Писарро или любому другому из крупных испанских конкистадоров.

При Мендосе испанцы проникли еще южнее и в 1577 г. открыли архипелаг Чилоэ. Все же вновь открытая страна Чили вначале сильно страдала как от того, что в ней имелись лишь слишком небольшие силы, так и от пренебрежительного отношения к ней, вытекавшего из сравнения с нынешней Боливией, где в 1545 г. были открыты знаменитые серебряные рудники Потоси. Борьба испанцев с туземцами в Чили длилась весь XVI в.¹ В противоположность этому, область Потоси была быстро заселена; и испанцы и индейцы бросились туда в поисках наживы, и через короткое время Потоси занял место Куско в качестве самого богатого города Южной Америки.

Однако же само Перу страдало от междоусобиц среди испанцев, и отчасти именно с целью избавиться от беспокойных элементов солдатни вице-король маркиз де Каньете послал Педро Урсуа в экспедицию в долину реки Амазонки. Конечно, им руководили и другие соображения: в те времена как в городе Лима, так и по всем провинциям Перу ходили слухи (распространяемые индейцами Бразилии) о существовании каких-то богатых областей, будто бы виденных ими на пути от бразильского побережья. В этих областях жил «золотой человек» (эль-дорадо). Вот каким образом испанские искатели приключений в перу втянулись в те же поиски Эльдорадо (мифической золотой страны), которыми испанцы в северо-западной части Южной Америки занимались вот уже тридцать лет.

Экспедиция Урсуа вышла из Лимы в 1560 г. и в июле дошла до одного из истоков Амазонки, реки Уальяга; в конце сентября «горы уже исчезли из виду, кругом была плоская местность, продолжавшая оставаться ровной, пока они не вышли к берегу Северного моря». Уже с самого начала их старания найти «страну богатств» были неудачны, так как «туземцы никогда не слышали даже ее названия». К концу года некоторые участники похода стали выражать недовольство, так как «они прошли уже больше семидесяти лиг и не нашли ни тех богатых областей, что они искали, ни даже хоть малейшего указания на то, в каком направлении они лежат». Беспокойство перешло в открытый бунт, и 1 января 1561 г., в то время как часть отряда была занята в другом месте «открыти-

¹ Это неверно. Борьба испанцев с наиболее организованным индейским чилийским племенем — аракуанцами — продолжалась и в течение следующих трех столетий после покорения Северного и Среднего Чили. Окончательно аракуанцы были покорены лишь в последней четверти XIX в. — *Прим. ред.*

ем двух безлюдных деревень», Урсуа был умерщвлен. Руководство экспедицией перешло в руки Фернандо де Гусмана, и все еще расколота на две враждующие группы экспедиция продолжала свой путь вниз по реке. Дальнейшая ее история целиком заполнена раздорами, заговорами и стычками, победителем из которых вышел человек до тех пор незаметный, а именно «дикий зверь Агирре». Каким путем экспедиция шла дальше неясно. Но есть основания думать, что от Амазонки она проследовала вверх по течению Рио-Негро до реки Ориноко, следуя которой и достигла Атлантического океана. Судя по той путанице, которую вне с собой отчет об этой экспедиции, географическая ценность ее была ничтожна. Что касается Агирре, то о нем есть следующее сообщение: «Он сеял столько раздоров и беспорядков во всех областях, что его нельзя было уже больше терпеть ни в одной». Поэтому он, в конце концов, был пойман и расстрелян в Венесуэле.

Первоначальные попытки испанцев обосноваться на северном побережье Южной Америки, вроде, например, экспедиции Охеды и Никуэсы к Дарьенскому заливу в 1510 г., заканчивались лишь стычками с туземцами и исследованием разбросанных клочков побережья. Однако постепенно трудности были преодолены, и испанцам удалось раскинуть ряд небольших колоний вдоль всего побережья. В 1520 г. была основана Кумана, в 1525 г. — Санта-Марта, двумя годами позже — Коро и, наконец, в 1532 г. — Картахена.

Отправлявшиеся в глубь страны экспедиции можно разбить на три группы. На северо-западе исходным пунктом для путешествий в тот район, что позже получил название Новой Гранады, была Картахена. Пользуясь большими долинами рек Магдалены и Кауки, испанцы достигли плато Богота. Первый шаг в этом направлении был предпринят в 1532 г., когда была исследована часть нижней долины р. Магдалены. На следующий год в Картахену прибыл Эредиа и выступил с отрядом вверх по течению реки Сину. Другой, вышедший в 1534 г. из этого же пункта, отряд достиг долины Кауки. Однако же подлинное завоевание Новой Гранады было делом Кесады. Он организовал крупную военную экспедицию и в 1536 г. выступил во главе ее из Санта-Марты. Часть экспедиции двинулась сушей, часть — водой по реке Магдалене. Этот последний отряд после нескольких несчастий в начале пути соединился, в конце концов, с главными силами на реке Магдалене, близ ее слияния с Каукой. Дальше вдоль реки Магдалены Кесада двигался через совершенно безлюдную местность с очень трудными естественными условиями. В конце концов ему пришлось бросить главную долину и перейти в долину Опона. Здесь он нашел признаки какой-то цивилизации, а в скором времени — на плато Богота — и народа, являвшийся ее носителем. Кесада назвал Боготу «долиной дворцов». Вслед за этим Кесада покорил город Санта-Фе-де-Богота.

Другим пунктом, откуда отправлялись экспедиции, был город Коро, где обосновались агенты торгового дома Вельзеров из Аугсбурга¹. В 1530 г. уполномоченный этого торгового дома Альфингер² вышел в южном направлении, где, по слухам, находился сказочный золотой город. его отряд преследовал к долине реки Магдалены, а оттуда повернул в горы на восток, претерпев тяжелые лишения, так что предводитель его в дороге умер. уцелевшая часть отряда вышла к долине реки Кукуты и после двух-летнего отсутствия вернулась в Коро.

Другая экспедиция, руководимая неким Георгом Спиро³, вышла в 1536 г. и, стараясь держаться подальше от гор, зашла далеко в леса и болота долин верхних бассейнов Ориноко и Амазонки. Поиски сказочно богатого королевства привели этих искателей приключений к реке Какета, откуда в 1538 г. они вернулись в Коро. Один из младших офицеров этого отряда, Федерман, сбежал и пустился в собственное авантюрное путешествие, в ходе которого пересек долины рек Касанаре и Меты, а в 1538 г. достиг города Боготы.

Еще более обширное путешествие было предпринято в 1541 г. Филиппом фон Гуттенем. Его отряд проследовал морем из Коро до порта Бурбурата на северном побережье, а оттуда — вглубь страны, где он услышал о какой-то другой экспедиции, спустившейся в низины из Боготы. В конце концов фон Гуттен достиг реки Гавьяре близ так называемого города Макатоа, самого по себе не отличавшегося богатством, но где ходили слухи о богатом племени индейцев омага, жившем южнее. Фон Гуттен выступил в поход для покорения племени омага, но его отряд оказался слишком слаб против превосходящих сил индейцев; ему пришлось отступить и, в конце концов, вернуться в Коро. Все же его сообщение об омага, о которых слышал и Орельяна, возбудило живое любопытство; впрочем, в открытую им область и после этого нога европейца так и не ступила в течение более двухсот лет.

¹ Банкиры германского императора Карла V (он же испанский король Карл I) Вельзеры (из Аугсбурга) и Эхингеры (из Констанцы), действуя совместно, добились от императора, бывшего их неоплатным должником, патента на завоевание и колонизацию «стран, лежащих у морского берега восточнее Санта-Марты» (т. е. приморской территории нынешней Венесуэлы). Карлу V было уплачено, по разным подсчетам, от 5 до 12 тыс. кг золота. Компания Вельзеров и Эхингеров получила право обращаться в рабство и распоряжаться, как своей полной собственностью, всеми туземцами, которые откажутся подчиняться распоряжениям ее агентов. — *Прим. ред.*

² Альфингер — искаженный испанцами немецкая фамилия Эхингер. Здесь идет речь об Амвросии Эхингере, прозванном испанцами «жестоким из жестоких». — *Прим. ред.*

³ Спиро — искаженная испанцами немецкая фамилия Шпейер или название южно-германского города, уроженцем которого был этот наемник. — *Прим. ред.*

В 1538 г. в Боготе произошла встреча трех людей, странствия которых привели в совокупности к одному из самых выдающихся в истории открытию. Одним из них был Кесада, который, как мы уже указывали выше, достиг Боготы из Санта-Марты по долине реки Магдалены; другим — Федерман, явившийся из лежащей к востоку от Анд низменности; и, наконец, третьим — Беналькасар, который прошел из Перу в Кито, проследовал далее на Попаян, откуда разослал отряды в долины реки Кауки, основал пост Кали и, наконец, в 1538 г. достиг Боготы. Все три искателя приключений спустились совместно вниз по течению реки Магдалены к Картахене¹.

В заключение истории исследования северо-западной части Южной Америки нам остается коснуться еще двух путешествий. В 1538 г. Вадильо из Сан-Себастьяна (от залива Ураба) перевалил через горы Абибе и спустился в долину Кауки, откуда с сильно поредевшим отрядом достиг Кали. Отсюда он через Попаян и Кито вышел к перуанскому берегу у Пайты в устье Пиуры. Тем самым два испанца — Бенкалькасар и Вадильо — соединили самое старое испанское поселение в Перу с первоначально открытыми областями в заливе Дарьен и с несколько позже основанным городом Картахеной. В 1539 г. до Кали удалось добраться также с западного побережья, на котором Андагойа² открыл бухту Буэнавентура, откуда он прошел через лесистые горы, потеряв там всех своих коней, в долину реки Кауки.

Третьим театром исследовательской деятельности был северо-восточный угол Южной Америки, где неумолкавшие разговоры об Эльдорадо повели ко множеству отдельных исследований страны, а в конце концов принесли несчастье знаменитому английскому авантюристу Уолтеру Рэли³. В 1531 г. Диего де Ордас поднялся вверх по течению реки Ориноко до порогов Алгорес. Дальше продвинуться он не смог отчасти из-за

¹ Плоскогорье (Куиндинамарка), на котором стоит Богота, было закреплено за Кесадой, который откупился от немецких наемников Федермана и договорился с испанцем Беналькасаром о разграничении своих новых владений. — *Прим. ред.*

² Это тот самый Андагойа, который первый сообщил испанцам о богатой стране Биру (Перу) к югу от Панамы. — *Прим. ред.*

³ Рэли (Рэлей) — знаменитый авантюрист, фаворит английской королевы Елизаветы, организатор на материке Северной Америки первой английской колонии, Виргинии, просуществовавшей пять лет (1585—1590). После смерти королевы Елизаветы (1603 г.) просидел много лет в тюрьме по обвинению в заговоре против короля Якова I. Был выпущен в 1616 г. на свободу, так как обещал королю найти Эльдорадо. Но вместо поисков «золотой страны» Рэли организовал пиратский набег на одну из испанских колоний в тропической Америке и после возвращения в Англию был казнен по жалобе испанского правительства (1618). — *Прим. ред.*

порогов, отчасти из-за сопротивления индейцев. В 1533 г. за ними последовал Алонсо де Эррера, который поднялся до Ориноко и вошел в устье реки Меты, где был убит индейцами. Вскоре последовало замечательное путешествие фон Гуттена. Слухи о сказочном королевстве внутри континента как будто бы подтверждались. Был снаряжен ряд экспедиций, главной из которых была уже упомянутая нами экспедиция Педро де Урсуа. Все попытки отыскать Эльдorado оказывались пока безуспешными, но жажда найти его все еще пылала, хотя территория, на которой его следовало искать, суживалась.

В 1569 г. Педро Малавер де Сильва, выйдя из Бурбураты¹, дошел до равнин внутренней части Венесуэлы, не достигнув при этом основной своей цели. Не больший успех в этот период имели и другие экспедиции. Еще через пять лет Сильва сделал вторую попытку, высадившись на побережье между дельтами Амазонки и Ориноко, где погибли все члены его экспедиции, кроме одного — Хуана Мартина де Альбухара. Этот последний прожил у индейцев десять лет, по истечении которых ему удалось пробраться в Маргариту, где он поразил всех своими рассказами о чудесных богатствах королевства Эльдorado.

Двумя годами раньше, в 1582 г., Антонио де Беррео совершил замечательное путешествие из Новой Гранады по рекам Касанаре, Мете и Ориноко на остров Тринидад, губернатором которого он и сделался. Его известия, так же как рассказы Альбухара, повели к посылке новой экспедиции в 1595 г. — в том же самом, когда свою попытку сделал Рэли. Как та, так и другая попытки оказались безрезультатными, и на них кончились поиски Эльдorado в XVI в. Хотя сами по себе они успеха не имели, они повели к открытию для европейцев обширнейших областей Южной Америки, на большей части которых до тех пор не ступала нога европейца.

В первые года XVI в. большая часть восточного побережья Южной Америки была исследована очень поверхностно. Сравнительно подробно был известен только северо-восточный угол материка. Первой экспедицией, внесшей крупный вклад в изучение восточного побережья, была экспедиция Хуана Диаса де Солиса, открывшего в 1515 г. такой первостепенный эстуарий реки Ла-Платы. Возможности дальнейшего проникновения в глубь континента, какие открывал этот широкий эстуарий, были очевидны, и мы можем предполагать, что ряд экспедиций, оставшихся для нас в подробностях неизвестными, должен был заняться исследованием побережья в этом районе и дальше к югу с целью найти

¹ Бурбурата была расположена у залива Тристе Карибского моря, на территории современной Венесуэлы. — *Прим. ред.*

какой-либо проход — наподобие найденного через несколько лет Магелланом. Самый эстуарий более или менее подробно изучил Себастьяно Кабото в 1527 г. Он поднялся по реке Парагвай до устья Бермехо и по реке Парана до порогов Апипе, где кончается судоходство. Он нашел признаки кое-каких богатств у туземцев, но в общем путешествие его может считаться неудачным.

Согласно заключенному в 1494 г. в Тордесильясе договору, часть Южной Америки, лежащая к востоку от меридиана 47° з. д. (приблизительно), должна была отойти к Португалии¹. Сообщение Кабото подстегнуло португальцев, которые проявили некоторую активность, и в 1531 г. основали военный пост близ современного Сантоса. Испания приняла вызов, выслала свою экспедицию под начальством Педро де Мендосы, которая прибыла в эстуарий Ла-Платы в 1535 г. По прибытии на место Мендоса сразу же принялся за постройку города, названного им Буэнос-Айрес; но индейцы оказали сопротивление; испанцев было мало, силы их были ослаблены откомандированием части людей в экспедицию вверх по реке, и поселок вскоре погиб. Главное достижение экспедиции, от которой до нас дошел довольно неточный отчет, заключалось совсем не в том, что намечал ее начальник. Отряженная в плавание вверх по реке часть экспедиции под начальством Хуана де Айоласа поднялась по течению Параны и обосновалась в местности нынешнего города Санта-Фе. Отсюда «измученный недугами» Мендоса вернулся в Испанию. Мы не можем подробно разбирать маршруты отдельных отрядов, на которые впоследствии разбилась экспедиция. В 1536 г. Хуан де Айолас достиг местности нынешнего Асунсьона, где в следующем году был заложен испанский поселок. Отсюда Айолас поднялся по реке Парагвай и достиг, по видимому, границ Перу, но был вынужден вернуться к Парагваю, где был убит индейцами.

По возвращении Мендосы в Испанию, его преемником во главе экспедиции был послан прославившийся своими приключениями в Северной Америке Кавеса де Вака. Прибыв на остров Санта-Катарина, он узнал о судьбе Айоласа, смерть которого ставилась в связь с дезертирством

¹ По договору 1494 г. испано-португальская демаркационная линия была проведена от северного до южного полюса через Атлантический океан в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса (в договоре не указано, от какого именно острова этого архипелага нужно отсчитать 370 лиг). Право открытий к западу от этой линии принадлежало испанцам, к востоку — португальцам. Так как Южная Америка в 1494 г. еще не была открыта, португальцы, конечно, не могли тогда предполагать, что проведенная таким образом линия обеспечивает им право на восточную часть южноамериканского континента. Фактически они воспользовались своим правом только начиная со второй четверти XVI в. — *Прим. ред.*

его заместителя Доминго де Иралы. Новый губернатор, Ирала, «думал, что, для того чтобы как можно скорее вызволить из беды испанцев как в Асунсьоне, так и в порту Буэнос-Айрес, следует найти туда путь посуху с острова, и таким образом отправился в указанные места, где пребывали христиане, а также послал корабли морем в Буэнос-Айрес».

Сухопутный переход был начат 2 ноября 1541 г. и следовал путем, ранее разведанным Педро Дорантесом.

«Идя девятнадцать дней, они перешли высокие горы, прорубили в лесу просеку, по которой провели коней и прошли сами, ибо вся та земля была безлюдна. И в конце девятнадцатого дня пути, съев до последней крошки все продовольствие, что они несли на себе, ...они повстречали первых жителей».

К началу декабря они дошли до Икуасу, крупного притока Параны, следуя в основном которому вышли к самой Паране. Судов, которым было приказано выйти туда из Асунсьона, на месте не оказалось, что явилось большим ударом. Губернатор присоединил реку к владениям испанского короля, переправился через нее и после успешного перехода 11 марта 1542 г. достиг, наконец, Асунсьона. Через месяц туда прибыли больные, отправленные вниз по Паране на плотах. Кавеса де Вака сразу же взялся за работу по восстановлению престижа и могущества Испании. Он послал отряд, чтобы восстановить порт Буэнос-Айрес «в наиболее удобном для этого пункте, так как такого рода колония была необходима как для безопасности и процветания всех испанцев в этой области в настоящее время, так и для тех, кто поселится здесь в будущем»; с индейцами были установлены дружественные отношения; но если убеждение не помогало, посылались карательные экспедиции; в самом испанском поселке тоже были заведены кое-какие дисциплина и порядок. После этого губернатор отплыл вверх по Парагваю, являвшемуся, согласно сообщению Доминго де Иралы, лучшей дорогой во внутреннюю часть страны, и через некоторое время достиг болотистой области Ксарайес, о жителях которых испанцы писали: «Люди эти — землепашцы, но сеют они мало, ибо годной для обработки земли немного, большая же ее часть залита водой или покрыта сухими песками. Они бедны и снискивают себе пропитание главным образом рыбной ловле в озерах неподалеку от их жилищ». Работа по исследованию затруднялась, так как продовольствие было на исходе, индейцы же «давали очень неточные указания». Посоветовавшись, вожаки экспедиции решили, что время возвращаться. Кавеса де Вака послушался их совета и, «очень недовольный тем, что не продвинулся дальше», вернулся обратно в гавань Лос-Рейес. Маленький отряд, посланный для разведки местности за достигнутым экспедицией рубежом, донес, что дальнейший путь шел «через местность, настолько за-

росшую лесом и кустарником, что тропинку через нее надо было прорубать топорами» и что «до того как идти туда, надо ждать пока не сойдет вода». Болезнь и москиты принудили, в конце концов, губернатора повернуть обратно в Асунсьон, где подчиненные ему отряды открыто взбунтовались, арестовали Кавесу де Ваку и отправили его в Испанию (1545 г.).

Два года шла междоусобная война между самими испанцами, пока они не убедились в том, что жизнь всех их в Южной Америке стоит под угрозой. Наконец в 1548 г. «Доминго Мартинес Ирала собрал всех испанцев и задал им вопрос: согласны ли они, чтобы он с группой людей вышел во внутренние области на поиски золота и серебра». Его предложение встретило одобрение. Ирала отправился вверх по реке Парагвай и далее, через верховья реки Мадейра, пока не набрел на людей, знавших испанский язык и уведоивших его, что они были подчинены Перансуресу, уже исследовавшему эту местность из Перу. В скором времени Ирала получил известия от гонцов из Лимы и в свою очередь послал в Перу четырех человек, которые направились через Потоси и Куско в Лиму. Так впервые была установлена связь между восточной частью Южной Америки и Перу, и хотя этот путь не сразу был освоен, его освоение, его открытие имело большое значение.

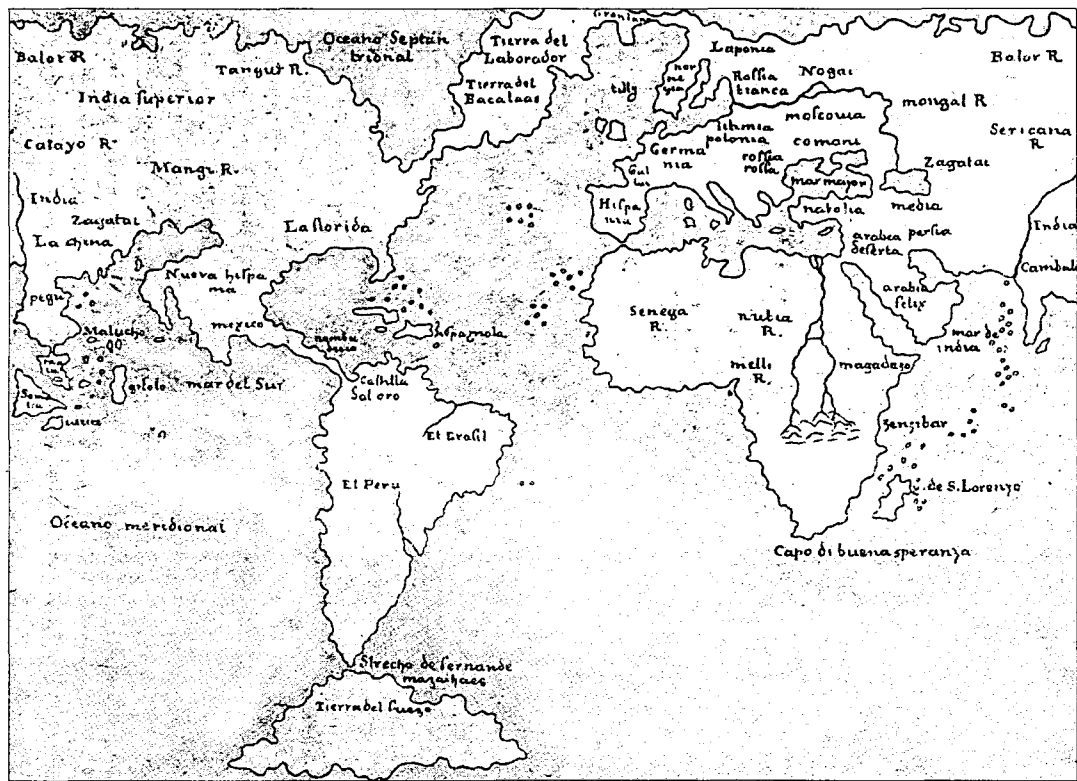
Связь между восточным и западным побережьем более укрепилась в результате двух других экспедиций, первая из которых, вышедшая из Перу, заложила в 1553 г. город Сантьяго-дель-Эстеро, а вторая, вышедшая из Чили в 1559 г., — город Мендосу. В следующем году начал строиться город Санта-Крус-де-ла-Сьерра¹, и, собственно, с него и следует датировать установление настоящей связи между эстуарием Ла-Платы и Перу, так как именно через него продукты долины Параны — Парагвая попадали в Европу.

---

*Печатается по изданию:
Дж. Бейкер. История географических
открытий и исследований. М., 1950.*

---

¹ Город на восточном склоне Боливийского нагорья, на одном из верховий Мадейры (бассейн Амазонки). Боясь нападений пиратов на испанские суда в Южной Атлантике, контроль над которой никогда не был под силу Испании, правительство Метрополи всю торговлю с Ла-Платой разрешало вести только круглым путем — через Панаму, Лиму и Санта-Крус-де-ла-Сьерра. Только во второй половине XVIII в. была разрешена прямая торговля между Испанией и Ла-Платой. — *Прим. ред.*

Гравюра 1548 года, на которой достаточно правильно изображена Южная Америка. Северная же представлена как часть Восточной Азии

ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ ОТ ЗАВОЕВАНИЯ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Глава первая ОТКРЫТИЕ

Американский континент, открытый раньше Колумба. —
Путешествия Христофора Колумба. — Суждения об этом человеке.

Скандинавы исследовали и даже очень рано колонизировали северные части американского континента. В конце X в. исландец Эрик Рыжий обосновался в Гренландии, открытой сто лет раньше одним из его соотечественников, Гумбьерном. Появившиеся вслед за ним пираты устроили поселения в 1000 г. на Ньюфаундленде, а потом в странах, входящих теперь в состав Новой Шотландии и Массачусетса. Сношения между Исландией и ее колониями продолжались до середины XIV в.; но затем политические события, совершавшиеся в Дании, повлекли за собой уничтожение их. Дорога была потеряна, но память о ней не исчезла.

Действительно, в то же время, когда нормандский дворянин Жан де Бетанкур завоевывал Канарские острова (1402 г.), другие искатели приключений покрыли новыми поселениями восточный берег Гренландии. Современные исследования прослеживают этих предприимчивых людей до берегов Бразилии; есть указания, что они, пройдя через всю северную Америку, поселялись в провинции Багиа и что об этих важных разведках знали в Европе. Указывают на одного морского капитана из Дьеппа, который доходил до берегов Южной Америки много лет раньше первого путешествия Христофора Колумба; но как бы то ни было бессмертному гегуэзпу было суждено привлечь взоры Старого Света к Новому.

Говорят, правда, что дело великого мореплавателя сводится к официальному принятию во владение этой части земного шара; у него оспаривали честь открытия; отняли у истории легенду, путившую в течение четырехсот лет корни, и установили, что не Колумб первым ступил на почву Америки. Пусть будет так, но слава Колумба блещет более всего в исполнении его проекта; здесь она принадлежит ему всецело и никто, кроме него, не имеет на нее права.

Он появился в век отдаленных предприятий; честолюбие открытий повело к усовершенствованию морской науки и породило мореплавателей. В Генуе и в Венеции, в Испании и Португалии, в Англии и Франции главной заботой было открыть морскую дорогу в Индию.

Скромный, никому не известный, бедный и не пользовавшийся доверием моряк искал, как и многие другие, путь, ведущий в азиатские страны. Сочинения древних, сравнения их с произведениями Марко Поло, научные вычисления, поддерживаемые преданиями, собранными, как говорит, во время одного путешествия в Исландию, привели его к мысли, что, ввиду сферической формы Земли, плывя на запад должно достигнуть восточных стран Азии. Он и не подозревал, что свободный путь туда ему преградит Америка.

Долгие несчастья Колумба известны. Этот умирающий от голода чужеземец, покрытый пылью, стоящий у ворот монастыря на дороге, идущей в Палос, и просящий милостыню, кусочек хлеба и воды для своего ребенка, — это был тот человек, который должен был сделать Испанию настолько великой, чтобы солнце никогда не заходило в ее владениях. Он прибыл в Португалию, где Жоан II отнесся к нему, как к мечтателю, вследствие чего он отправился искать счастья в Испанию (1484 г.). Новые испытания ждали его в этой стране. Борясь с нищетой, почти всеми отвергаемый, он должен был преодолеть недоверие, испытать насмешки, бороться с духовным советом, противопоставлявшим его расчетам библейские тексты. Он бы снова взял свой страннический посох и направил бы свой путь дальше, если бы его не удержала любовь. В Кордове Беатриса Энрикес полюбила бедного великого человека, была ему товарищем в тяжелые дни и подарила ему сына Фернандо. В течение восьми лет он боролся против сомнений религиозного характера, ставших между короной и им. Наконец, духовник королевы дал свой отзыв; он пришел к заключению, на основании мнения богословов, что предприятие Колумба было суетно и химерично. Удрученный Колумб направился во Францию, куда его звал Карл VIII, но в это время Изабелла, уступая настояниям Луиса де Сант-Анхела, сборщика податей в Арагоне, и францисканца Хуана Переса, друзей Колумба, решила призвать его. В то же время из Англии с благоприятным ответом возвратился его брат Бартоломе, которого, отчаявшись в успехе, он послал к Генриху VII. От такой случайности зависело то, что Америка не стала добычей Англии или Франции.

«Конечно, говорит Жан Рейно, если бы инквизиция, которая тогда только что зародилась, обладала бы уже в то время всей своей будущей силой, дело получило бы совсем иное направление. Ясно, что Колумб был еретиком в географии в том же смысле, как Галилей был им в астрономии, и что он заслуживал осуждения за открытие антиподов, как Галилей за открытие вращения земли». Действительно, католическая цер-

ковь никогда не допускала относительно формы Земли другого мнения, кроме того, которого держался Моисей и пророки. Земля рассматривалась докторами церкви, как гладкая поверхность, окруженная океаном, а небо раскидывалось над ней, как шатер. Поэтому Колумб, явившись в Саламанку перед церковным советом, собранным для рассмотрения его проекта, был встречен текстами, почерпнутыми из библии, псалмов и пророков. Науке и гению было запрещено идти дальше св. Иоанна Златоуста, св. Августина, св. Иеронима и других отцов, решительных противников шарообразности Земли.

Испанская королева дала в распоряжение Колумба горсть авантюристов; город Палос получил приказ снарядить две каравеллы, род легких беспалубных кораблей. Колумб и его друзья соорудили за свой счет еще одно судно и вскоре все было готово к отъезду. Колумб должен был получить вице-королевство во всех завоеванных им землях, с правом заведывать юстицией, представлять к назначению губернаторов, должность великого адмирала навсегда, как для себя, так и для своих потомков и наследников, и, наконец, долю участия во всех выгодах предприятия в размере около одной пятой части.

Маленькая флотилия покинула порт Палос в пятницу 3 августа 1492 г., на заре, но уже через три дня она пришла в такое расстройство, что должна была сделать остановку на Канарских островах. Ремонт продолжался почти целый месяц. 6 сентября были снова подняты паруса в порту Ла Гомера, чтобы избежать трех португальских кораблей, крейсировавших в этих областях океана, как говорят, с целью захватить смелого мореплавателя. Перипетии этого путешествия придают облику Колумбу чрезвычайное величие и становится понятным, что умы, склонные к мистицизму, были так поражены им, что готовы были смотреть на него, как на сверхъестественное существо. И без того многочисленные опасности увеличивались еще неповиновением матросов. Эти бедные люди считали себя погибшими в безбрежном океане; неизвестность наводила на них ужас; они не желали проникать далее в эту таинственную бесконечность и хотели возвращения назад. Колумб их утешал, возбуждал бодрость, рисуя самыми яркими красками богатые страны, которые они должны были завоевать. 1 октября флотилия была уже на расстоянии 760 лье от Канарских островов, а цель всего предприятия — берега Индии — все еще не показывалась. Бездна овладела спутниками адмирала; безветрие привело их в отчаяние, но вера Колумба оставалась непоколебимой. 11 октября, около десяти часов вечера, когда он в беспокойстве всматривался в пространство и окружавший мрак, а позади него озлобленный экипаж поговаривал о том, чтобы бросить его, как безумца, в море, ему показалось, что вдали он различает свет. Это кратковременное

мерцание, брошенное очагом какого-нибудь дикаря, было жалким маяком, возвещающим близость нового мира!

12 октября, в два часа по полуночи, матрос по имени Родриго ди Триана, стоя на «Пинте», шедшей во главе флотилии, наконец увидел землю. Раздавшийся среди Океана пушечный выстрел заставил адмирала вздрогнуть — то был условный сигнал. Тотчас, в ожидании утра, были убраны паруса и корабли легли в дрейф. С рассветом мало-помалу выступил из вод цветущий зеленью остров. Совершенно голые мужчины и женщины, выйдя из лесу и рассыпавшись по берегу, проявили своими жестами столько же страх, сколько и удивление при виде кораблей, принесенный ночью волнами. Вооруженные шляпки с матросами и распущенными знаменами, при звуках инструментов и гуле выстрелов, приблизились к острову.

Колумб первым ступил на неизвестный берег. Украшенный всеми знаками своего достоинства адмирала и вице-короля, в богатом яркочерном плаще, он выступил вперед со шпагой в одной руке и королевским знаменем в другой, преклонил колени и поцеловал землю. Остров назывался Гванагани, Колумб назвал его Сан-Сальвадор и торжественно принял его во владение от имени Кастильской короны. Он принадлежал к группе Лукайских или Багамских островов, идущей до берегов Флориды, и находится более чем в тысяче лье к западу от Ла Гомера, который был местом выхода маленькой испанской эскадры. Будучи убежден, что это — выступающая далеко в океан части Индии, к которой он плыл, Колумб называл жителей острова воображаемым именем индейцев, которое однако сохранилось за ними, пережив ошибку мореплавателя. Отсюда происходит также название Западной Индии, которое долго давалось Америке.

Эти индейцы были вооружены только копьями с наконечниками из кости или кремня; употребление одежды им было неизвестно, но большинство их носило в виде украшений маленький золотые пластинки в ушах и ноздрях. На знаки, которыми их спрашивали, откуда происходит этот драгоценный металл, они отвечали, показывая на юг. Не сомневаясь найти в этом направлении сказочные страны Катэ и Сипанго (Китай и Японию), в которых государи ходили по полу, сделанному из золота, испанцы возвратились на своем корабле. Им пришлось идти по опасным рифам, благодаря которым Багамский архипелаг получил название Лукайских островов (los caños — рифы), и они запутались в каналах, разделяющих множество островов, неравной величины, но одинаково утопающих в зелени. На трех из них, названных Колумбом, о. Зачатия, о. Св. Девы Марии и о-вом Фердинанда и Изабеллы, они высаживались, все еще не подозревая о существовании громадного континента, великолепными аванпостами которого были открытые ими острова. И здесь снова

туземцы давали понять, что золото, которым они украшали себя, приходило к ним с юга. Продолжая двигаться в том же направлении, Колумб через три дня плавания достиг берегов Кубы. «Это самый прекрасный остров, пишет он в своих заметках, из всех, которыми любовался человеческий взор. Хотелось бы навсегда поселиться на нем; там не знают ни болезни, ни смерти». Страна была обработана во многих местах и испанцы думали, что за горами, видневшимися вдаль, они найдут образованные страны, золотые рудники и сказочные чудеса Азии. Эти мечты разжигали их воображение а в сердцах пробуждалась алчность. Алонсо Пинсон, капитан «Пинты», лучшего по ходовым качествам судна, отделился от эскадры, желая первым прийти в Гаити, изобиловавший, по рассказам дикарей, драгоценным металлом. Колумб, сделав вид, что считает это случайным уклонением корабля с указанного им пути, сам с кораблями «Санта-Мария» и «Нинья» направился к юго-востоку и 6 декабря достиг острова Гаити, который он назвал Эспаньола, т. е. Малая Испания. Континент ему не давался. Постоянная забота о средствах утолить алчность своих спутников и удовлетворить ожидание своих покровителей заставила его повернуть назад, как раз в то время, когда он мог дойти до материка. «Американский архипелаг, говорит Ламартин, путая его и сбивая с дороги от одного острова к другому, казалось, нарочно отклонял Колумба от цели, к которой он, сам того не зная, был уже очень близок. Призрак Азии, приведший его в Америку, теперь становился между Америкой и им, оставляя ему химеры и закрывая от него великую действительность». У жителей Гаити было много золота; они отдавали его в обмен за стеклярус, булавки и разные мелкие ничего не стоящие вещи; но алчность разгоралась, явилось желание узнать, где находились самые рудники. Показывали на горные области, расположенные в восточной части острова. Колумб отправился вдоль берегов к указанному месту и в это время, ночью 24 декабря, корабль «Санта-Мария» натолкнулся на риф и проломил себе дно. Испанцам однако удалось спасти груз с помощью туземцев. Из писем Колумба видно, что он был тронут добротой и великодушием этого народа, касик которого, ставший первым другой европейцев, вскоре сделался их первой жертвой. «Во всей вселенной, говорит он, нет лучшего народа и лучшей страны. Они любят своих соседей, как самих себя, разговаривают всегда мягко и вежливо, с нежной улыбкой на устах. Правда, они голы, но их прикрывает собственная благопристойность и скромность».

Колумб был убежден, что им наконец открыт источник сказочных богатств, о которых сообщали путешественники по Азии, и думал скоро возвратиться в Испанию, чтобы оповестить о своем торжестве, тем более, что боялся, как бы изменник Пинсон не отплыл в Европу раньше с целью опередить его и приписать успех экспедиции себе.

Он предполагал оставить часть своего экипажа на Гаити. Те, которые соглашались оставаться здесь ждать его возвращения, должны были научиться языку островитян, обойти всю страну, открыть рудники и, наконец, положить основание новой колонии, существование которой он должен был обеспечить по возвращении. Тридцать восемь человек, прельщенных приманкой богатств, которые, казалось, имелись на острове, вызвались остаться; Колумб поставил их под начальство Педро де Арена. Для безопасности поселения был выстроен маленький форт; выкопали глубокий ров и воздвигли вал, обнесенный палисадом и прикрытый с боков пушками, спасенными при крушении корабля «Санта-Мария». В десять дней работа была окончена благодаря неустанной энергии, с которой наивные островитяне помогали воздвигнуть первый памятник своего рабства.

Адмирал уехал 4 января 1493 г., нагруженный подарками кацика и увозя с собой многих индейцев. Огибая остров, он встретился с Пинсоном, который, плавая отдельно, исследовал северный берег Гаити; они вместе пустились в море. До 14 января путешествие было счастливо, но в этот день страшная буря опять разделила их. Наконец 15 марта Колумб снова вошел в тот же порт Палос, из которого он уехал семь месяцев и одиннадцать дней тому назад. Путешествие его до Барселоны, где тогда находился двор, было настоящим триумфальным шествием и въезд в город совершился с большой торжественностью.

«Америка, говорит Ж. Рено, спасла Колумба, который не искал ее и который без нее потерялся бы в безбрежном пространстве океана или вынужден был бы постыдно возвратиться назад. Как ни было счастливо для него это открытие, тем не менее оно опровергло его теорию и разрушило его смелый проект. Он победил все препятствия для того, чтобы достигнуть Индии, но сама Америка противопоставила ему только одно, но такое, которого он не предвидел и никогда не мог преодолеть. Она являлась барьером, растянувшимся через весь океан между двумя краями Старого Света и недосягаемым для кораблей. С этого времени начинается, собственно говоря, историческая жизнь Христофора Колумба. До сих пор темная и богатая только мечтаниями и надеждами, она теперь, внезапно изменяясь, стала полной блеска и великолепия, но также и всякого рода превратностей и несчастий: вице-король Индии, виновник величайшего завоевания новых времен, родоначальник колоний, благодетель Испании, вызывает у нас больше сожаления, чем скромный путешественник, отправляющийся просить у монастырских ворот хлеба своему больному ребенку!»

Эта история, в которой неблагодарность королей соперничает со злобой правоты, описана много раз; мы возьмем из нее только то, что безусловно необходимо для дальнейшего изложения.

25 сентября 1493 года Колумб отправился из Кадисской бухты во второе путешествие. Три большие корабля и четырнадцать каравелл составляли флот, представленный на этот раз Испанией в его распоряжение. Он увозил с собой 1500 человек: дворян, рабочих, духовных лиц и искателей приключений, привлеченных неизвестностью и чудесностью, толкаемых жадностью или верой, торговым духом или жаждой славы. По дороге им были открыты многие из Антильских островов, которым он дал священные имена: Доменика, Мари-Галанти, Гваделупа, Монте-серра, Санта-Мария-ла-Ретонда, Санта-Мария-ла-Антигуа, Сан-Мартин, Санта-Крус. Эти острова, известные также под названием Карибских, были населены каннибалами, доходившими в своих поисках добычи до Лукайских островов. Открыв острова Одиннадцати тысяч дев и Пуэрто-Рико, флот прибыл 22 ноября в Гаити. Берег был безлюден, форт разрушен и только одни кости испанцев белели на песке. Маленький гарнизон злоупотребил гостеприимством касиков, притеснял туземцев, забирал у них золото и отнимал их дочерей и жен. Жертвы напали на своих тиранов, между которыми притом не было согласия, и численность взяла перевес над огнестрельным оружием. Таким образом, между двумя человеческими расами, одна из которых несла другой рабство и уничтожение, был брошен первый зародыш ненависти. Колумб удалился от этого берега, обогранный кровью, и основал на некотором расстоянии от него Изабеллу, первый город, построенный испанцами в Новом Свете, мать всех последующих колоний, получившим потом название Сан-Доминго, по имени отца Колумба. При этом произошел следующий романтический эпизод. На корабле находилось несколько молодых индианок, взятых в плен на соседних островах. Одна из них пленила молодого вождя из тех, которые посещали корабль Колумба, и посредством знаков они условились устроить бегство. В ту самую ночь, когда Колумб поднял паруса, пленница и ее товарки, обманув бдительность своих похитителей, бросились в волны. Преследуемые на лодках, они продолжали плыть к берегу, где молодой вождь, чтобы указать им направление, зажег огонь. Двое влюбленных, соединившиеся благодаря такому чуду силы и смелости, нашли себе убежище в окружающих лесах.

5 августа 1494 г. Колумб отправил в Испанию из всего числа своих судов двенадцать кораблей с образцами золота, найденного в рудниках Сибао. Раньше он подавил восстание, зачинщики которого были преданы смерти, а главные соучастники отправлены в Испанию. Недовольные, завистники, во главе которых были Педро Маргарит и монах Бойль, возвратились в Испанию на кораблях, захваченных ими в порту. Поддерживаемые епископом Бадахоса Фонсекой, они обвиняли Колумба в честолюбии и жестокости. Повелением от 10 апреля 1495 г. и в противность договору, король разрешил всем своим поданным селиться на Эспаньо-

ле и предпринимать путешествия с целью открытий и торговли в Новом Свете. В это время Колумб укрепил Изабеллу, назначил для управления ею совет (хунту), исследовал страну и открыл Ямайку, на которой он впервые применил против туземцев жестокий способ, очень часто употреблявшийся с этих пор, а именно — дрессированных собак. Он посетил южный берег Кубы и дал находящемуся здесь множеству островов, в виду богатства и благоухания растительности на них, общее название Сада Королевы. Не ограничиваясь нарушением всякой дисциплины, испанцы истощили терпение индейцев. Дерзость и вероломство молодого и вспыльчивого Охеды довели касиков до отчаяния и вызвали восстание, и хотя виноваты были не они, но Колумб прибег к суровым мерам: победив их в стычке, он наложил на них тяжелую дань, особенно золотом. Множество пленников было посажено на четыре корабля и отправлено, как скот, для позорной торговли в Испанию. Тогда война превратилась как бы в охоту на человека. Дворовые собаки, специально выдрессированные для преследования дикарей в лесах, выслеживали их, рвали, хватили несчастных за горло и помогали палачам губить свои жертвы.

Между тем при испанском дворе враги Колумба торжествовали. Хуан Агуадо, придворный офицер короля Фердинанда, получил поручение отправиться проверить состояние колоний; тогда Колумб счел необходимым самому явиться ко двору, чтобы оправдаться лично. Он уехал 10 марта 1496 г., передав все своим полномочия своему брату Бартоломе, и прибыть в Кандос 11 июня. Его присутствие вызвало соблезнование королевы, когда, полный забот и огорчений, он явился к ней в Бургос в одежде францисканца, босой, «как гениальный челобитчик, пришедший просить прощения за свою славу», говорит Ламартин. Королева взяла его под свою защиту, но тем не менее только после двухлетней борьбы против всякого рода интриг он смог возвратиться для новых открытий.

Колумб отправился в свое третье путешествие с шестью кораблями 30 мая 1498 г. из порта Сан-Люкар де Баррамеда и на этот раз открыл уже самый материк. Направившись сперва на юг к экватору, он повернул затем прямо на запад, надеясь встретить более мягкий климат. Терзаемый жестокой головной болью, он, по словам Антонио де Геррера, дал обе назвать именем Троицы первую страну, которую встретит «и, прибавляет историк, едва им дано было это обещание, как увидели берег острова (Тринидада)». Это было 31 июля.

На другой день, осматривая остров, чтобы найти на нем место для якорной стоянки, он открыл к югу землю, тянувшуюся вдаль, сколько мог видеть глаз, а вдоль ее берега устье широкой реки, стремительные волны которой, не смешиваясь с волнами океана, виднелись в нем на протяжении трех лье. Из этого он заключил, что такая громадная масса воды должна вытекать из обширного континента и не ошибся: Ориноко

со своими пятьюдесятью устьями, многими притоками и течением на протяжении 2000 километров действительно орошает громадную страну; ее половодья, когда она разливается на 100 километров в ширину, — ужасны. Эта низменная земля, среди которой реку, изливающуюся в океан, была берег Колумбии, — континент Нового Света. Но Колумб даже и не подозревал, что это был Новый Свет; постоянно мечтая достигнуть Индии, он думал, что это восточный край Азии, а огромное количество золота и жемчуга, добытых им посредством обмена у туземцев этой страны в разных местах, к которым он приставал, богатство продуктов растительного царства, разнообразие птиц, — все утверждало его в этом мнении. Он думал, что нашел земной рай и в рассказе его об этом путешествии есть длинное отступление, стремящееся доказать, что Ориноко есть та знаменитая река, которая берет свое начало в самом Эдеме. Полный энтузиазма, он исследовал берег на протяжении двадцати лье к западу от того места, где впоследствии был построен город Каракас. Он с сожалением покинул эту волшебную страну с намерением, восстановив свои истощенные силы и снабдив эскадру съестными припасами, вновь возвратиться сюда, чтобы закончить свое важное открытие. 30 августа он прибыл в Гаити, открыв по дороге острова Кубагуа и Маргариты, ставших знаменитыми своими ловлями жемчуга.

Между тем основанная им колония находилась в состоянии полной анархии; поселенцы разделились на несколько партий, между которыми дело часто доходило до рукопашных схваток. Охеда за свой счет нанял корабли в Испании; он крейсировал и высаживался на южном берегу острова, заключив союз с Рольданом. Потом последний изменил Охеду и снова признал власть Бартоломе Колумба, который, несмотря на имевшиеся в его распоряжении силы, едва справлялся с положением. Остров превратился в тюрьму и место постоянной резни несчастных островитян, с которыми обращались вероломно и жестоко; но эта была только прелюдия еще более ужасного притеснения, в котором религиозный фанатизм иногда пересиливал алчность. В то время, как Колумб старался достигнуть умиротворения, Фердинанд и Изабелла, осведомленные о несчастьях острова, обвиняли в них его самого. Они послали Франсиско де Бовадилла, который арестовал Колумба, овладел всем его имуществом и, как пленника, отправил в Испанию. Но сами монархи устыдились этого поступка; когда же увидели человека, которому были обязаны целым новым миром, привезенного закованным в цепи, общественное мнение возмутилось. Отозванный и впавший в немилость Бовадилла погиб во время кораблекрушения по дороге из Гаити; однако же вице-королевство не было возвращено Колумбу. Ему едва было разрешено четвертое путешествие и в 1502 г. он снова поднял паруса, прибавив к своим открытиям Мартинику, гавань Порто-Белло, берега Коста-Рики и Гонду-

рас. Изгнанный из Гаити своими прежними товарищами, он должен был бороться с голодом и болезнью и мог только тем заставить индейцев снабжать его съестными припасами, что предсказал им солнечное затмение. Наконец в 1504 г. он возвратился в Испанию изнуренный, павший духом, состарившийся. Изабелла уже умерла и Фердинанд предоставил ему умирать в Севилье в бедности и горе. По крайней мере он не дожил до того, чтобы узнать, что открытому им Новому Свету присвоено имя сопровождавшего в его путешествиях лоцмана — Америго Веспуччи.

Не без основания можно пожалеть, что Колумб легко поддался блеску первого открытия и не сделал для ознакомления с новыми землями всего того, что требовали от него географические познания. «Быть может, мы имеем право упрекнуть его, пишет Ж. Рено, за постоянную заботу о добывании золота, за его политическое ничтожество, несправедливость в отношении невинного населения Америки, отсутствие гуманности и, если можно так выразиться, за недостаток гения, но мы чтим смелого исследователя Атлантики, основателя первых колоний Испании в Новом Свете. Колумб, превращавший в рабов этих несчастных островитян, принявших его с распростертыми объятьями, подал сигнал тому преступному и разрушительному делу, которое так долго обгаграло кровью почву Америки и обесчестило летописи христианства. Он заплатил, в отношении своей славы, дань духу своего времени, действуя согласно жестокой политической нравственности, которой была пропитана тогдашняя эпоха. Предаваясь произволу, грабя, обращая в рабство, убивая, испанцы пользовались в Америке только общим правом, установленным церковью и знаменитой буллой папы Александра Борджиа, предоставлявшего язычников Африки и Востока Португалии, а язычников Запада — Испании».

Глава вторая

ЗАВОЕВАНИЕ

Исследование морского побережья. — Конквистадоры. — Кортес с Мексике; Писарро, Диего д'Альмагро и Фернан де Люк в Перу. — Писарро — единственный владыка Перу. — Бразилия и Гвианы.

Булла, изданная в 1493 г. папой Александром VI, была очень определена: «По собственному побуждению, на основании точных сведений и в силу своей апостолической власти» это непогрешимое чудовище¹ жало-

¹ Догматы римской католической церкви объявляют папу непогрешимым. Папа Александр VI вошел в историю как клятвopеступник, отравитель и развратник, не только имевший нескольких незаконных детей, но и не остановившийся даже перед кровосмесительной связью с родной дочерью Лукрецией. Не уступал папочке в преступлениях и его сынок Чезаре.

вало Их Католическим Величествам Фердинанду и Изабелле право завоевания, присоединения и управления западными Индиями. «Всякий, оказавший сопротивление этому, должен считаться нанесшим оскорбление всемогущему Богу и блаженным апостолам Петру и Павлу». Отец Лукреции и Чезаре Борджиа, начертав своим святым перстом разделительную линию между Азорскими островами и Зеленым мысом, окончательно поделил мир неверных между двумя соперничающими нациями. Нужно сказать, однако, что ни испанцы, ни португальцы не питали к этой чудесной линии того уважения, которое ожидалось, и, увлекаемые лихорадкой завоеваний, не раз переступали через нее. Что касается испанцев, то сильные верховными полномочиями представителя Бога на земле, они считали, что, устраивая Америку по своему произволу, они осуществляли не право завоевания, но право собственности и, едва открыв ее, уже затопили ее кровью; преисполненные жадности и фанатизма, они набросились на свою добычу со зверской жестокостью...

Раньше мы уже видели, что, начиная с 1495 г., испанский двор, вопреки своих обещаниям, разрешил всем своим подданным снаряжать корабли и отправляться искать счастья в стране золота. Он надеялся без всяких издержек увеличивать свои владения и при этом обогащаться той долей, которую он себе присваивал из прибылей от таких экспедиций; но прошло несколько лет прежде чем поданные Фердинанда и Изабеллы воспользовались этим разрешением и только в последний год столетия они надумали сделать это. Как только португалец Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, проложил дорогу к Индии, как чувство соревнования овладело испанцами: все они наперерыв хотели броситься за тем, что до сих называли химерами. В то же время и Англия, усвоив идеи Колумба, со своей стороны также сделала подобную попытку. В 1497 г. Джон и Себастьян Кабот, отец и сын, первые достигли северного континента; поставленные Генрихом VII во главе маленькой эскадры, они открыли Ньюфаундленд, обогнули Лабрадор, а на обратном пути доходили до Флориды.

Алонсо де Охеда, сопровождавший Колумба в его втором путешествии, был первым испанцем, предпринявшим серьезный поход. Это было до безумия бесстрашный человек. Будучи пажом Изабеллы, он однажды, когда королева вошла на вершину башни Жиральда в Севилье и удивлялась ее поразительной высоте, бросился по узкому бревну вдоль зубцов, дошел до его края, и повертываясь на одной ноге, показал чудеса силы и ловкости с единственной целью понравиться своей повелительнице. С помощью богатых спекулянтов Охеда снарядил чегыре корабля и вышел в море в 1499 г. в сопровождении Америго Веспуччи. Он пристал в Марокпана в двухстах лье к востоку от Ориноко и обогнул эту часть южного

континента, сначала названного им Твердой Землей. Он дошел до мыса Ла Велья. Несколько месяцев раньше его на этом же месте побывали, но исключительно с торговыми целями, Алонсо Ниньо и Кристоваль Гуэрра. Братья Пинсоны, сотоварищи Колумба в его первом путешествии, отправились из Палоса в декабре 1499 года с флотилией, состоявшей из четырех каравелл; в январе они подошли к берегу у мыса св. Августина, составляющего оконечность Бразилии, открыли устье реки Амазонки и прежде, чем идти в Гаити, обошли берега материка на протяжении шестисот лье. Несколько месяцев спустя, Диего де Лепе и Алонсо Велес прибыли в те же места и убедились, что и по другую сторону мыса св. Августина берег тянется по направлению к юго-западу. Они же первые нарисовали карту этих стран. В том же году португалец Педро Альварес Кабрал, идя в Индию, был отнесен течениями к западу и достиг Бразилии. 24 апреля он бросил якорь в порту, названном им Порто-Сегуру, а 1 мая, отслужив мессу, он поставил деревянный крест с гербом Португалии, как знак владения над страной, которая, называясь сначала Вера-Крус, через несколько лет стала известна под именем Бразилии. Кабралу, таким образом, принадлежит честь открытия Бразилии; его предшественники не оставили ни малейших зародышей колонизации и были во враждебных отношениях с народами, с которыми сталкивались. Эту честь никто не оспаривал у него, и Европа признала права португальской короны на эту новую страну. Итак, если бы Колумб даже и не открыл Америки, то Кабрал, благодаря океанским течениям, уклонившим его от первоначального пути, все-таки узнал бы о ее существовании. От каких случайностей зависит слава! Колумб был самой поразительной жертвой ее капризов: Новый Свет назван по имени одного из его подчиненных. Америго Веспуччи, давшие первое описание путешествия во вновь открытые страны, конечно, был человеком с большими достоинствами, хороший моряк и знаменитый географ, но ему много помог случай. Родриго Бастидос и Хуан де ла Коза, дополняя исследования Алонсо де Охеды, в 1501 г. прошли, начиная до мыса де ла Велья, сто лье по неизвестным дотеле берегам, которые несколько лет спустя прославились несчастьями Никуса и самого Алонсо де Охеды и где вскоре у Дарьенского залива возникли города Санта-Марта, Картахена и Нобр-де-Диос.

Португалия не оставалась бездеятельной. Она послала в 1500 г. к берегам Гренландии, Лабрадора и Ньюфаундленда Гаспара Коргереля, который во втором путешествии туда погиб, а за ним погиб и его брат, посланный на розыски его. Николас Овандо, бывший губернатор Сан-Доминго после Бовадиллы, подчинил (в 1505 г.) своей власти весь остров Гаити. Жестокие меры, принимавшиеся им в отношении туземцев, сделали память его ненавистной. Он совершил страшное избиение этих не-

счастливых и затем, не имея более достаточно людей для разработки рудников, обезлюдел и Лукайские острова. В следующем году Хуаном Диасом де Солис и Янусом Пинсоном были открыты берега Твердой Земли, Гондураса и восточной части Юкатана. В 1512 г. Хуан Понсе де Леон занял Пуэрто-Рико и получил право управления им, а потом основал колонию во Флориде. Однако только четверть века спустя испанцы вступили в действительное обладание не только Флоридой, но и большей частью Луизианы. В следующем году Васко Нуньес де Бальбоа, авантюрист, сделавшийся начальником маленькой колонии Дарьен, перешел горы, идущие по Панамскому перешейку, и, отправившись искать страны, богатые золотом, открыл Великий Океан. Он в полном вооружении вошел по колена в воды океана и, обнажив шпагу, именем короля вступил во владение Южным Морем. Во время этого путешествия Бальбоа узнал о существовании Перу, этой обетованной земли, превосходившей все, что могло дать воображение, и с энтузиазмом сообщил об этом. Была задумана экспедиция, но по интригам у него было отнято начальствование над ней. Обвиненный в вымышленных преступлениях, он был отправлен на эшафот Педро Ариасом, назначенным Фердинандом губернатором на его место и желавшим воспользоваться всеми выгодами его открытий. Таким образом этот Педро Ариас открыл страну, которая потом последовательно называлась Твердой Западной Землей, Новой Гранадой и Соединенными Штатами Колумбии. Его сопровождала куча авантюристов, из которых ни один не проник в глубь страны. В то же время Диас де Солис исследовал бухту Рио-де-Жанейро, первый проник в Рио-де-ла-Плата и на берегах Мальдонадо попал в руки индейцев-каннибалов, которые съели его и его спутников в 1516 году. Четыре года спустя Магеллан открыл Патагонию и прошел в Великий океан через пролив, названный его именем.

До сих пор исследователи отваживались идти только вдоль берегов, не теряя из виду своих кораблей, но теперь явилась новая порода людей, так называемых конкистадоров, готовая броситься на добычу, открывав-

Васко Нуньес де Бальбоа

Конкистадор Васко Бальбоа вступает во владение Южным морем.
Вверху его портрет. (С гравюры XVI века)

шуются для их appetитов. Эти смелые бандиты начинают действовать силой оружия, хитростью и предательством, истребляя воинственные народности, грабя и порабощая мирные племена. Самый знаменитый из них, Фернанд Кортес, воспитанный в школе страшного губернатора Сан-Доминго — Овандо, помог Диего Веласкесу покорить Кубу. Получив поручение подчинить Мексику, где только что открывший ее Грихальва не осмелился оставаться, он отправился туда в 1518 г. с шестью или семью сотнями испанцев, восемнадцатью лошадьми и с четырнадцатью маленькими пушками. Менее чем в три года он покорил могущественную империю Монтесумы. Вознагражденный за это такой же неблагодарностью со стороны Карла V, как Колумб от Фердинанда, Кортес был устранен от гражданского управления завоеванной им страной. К сделанному им завоеванию он прибавил открытие Калифорнии и Багряного моря (в 1533 г.), но в это время он должен был возвратиться в Испанию, где и умер от огорчения. Однажды, когда он протискивался сквозь толпу, чтобы добраться до короля, последний спросил — что это за человек?.. «Это тот, — твердо ответил Кортес, — который дал вам более провинций, чем ваши отцы оставили вам городов».

Два больших полуострова, образующие американский континент, были узнаны, оставалось только воспользоваться его неисчерпаемыми богатствами. Из года в год стала увеличиться доля каждой из европейских наций в грабеже и захвате обширных стран этой территории, составляю-

щей почти третью часть обитаемых стран земного шара. Однако мы не должны выходить за рамки нашей задачи и из всех завоеваний Старого Света в Новом мы укажем только те, которые относятся специально к Южной Америке. Ее три обширные равнины, орошаемые реками Амазонкой, Ла Платой и Ориноко, были театром подвигов, достойных эпопеи. Героизм побежденных и отвага победителей напоминают сказочные времена. В этих сценах резни, полных дикого величия, главными фигурами являются монахи и священники, обнаруживавшие ужасающее рвение. Он разрушает храмы, разбивают священные изображения, уничтожают иероглифы, как творения дьявола, крестят население добровольно или насильственно, и мешают струи святой воды и морями крови.

Мексика в Северной Америке и Перу в Южной представляли собой особенно драгоценные части Америки; но был еще народ, цивилизацию которого можно бы сравнить с цивилизацией древнего Египта, населявший территорию более чем в 600 квадратных лье и центром могущества которого была горная возвышенность Боготы. Мы имеем в виду хибхасов, истребление которых совершилось с такой быстротой, что уже несколько лет спустя почти не было возможности восстановить предания страны. Даже имя их должно было исчезнуть, потому что завоеватели вследствие ошибки, допущенной в первое время и повторяющейся у современных историков, называли их мюискас или москас, т. е. словом, обозначающим на языке хибхасов отдельного человека.

На эти три могущественных народа, соперничавшие своими цивилизациями, набросились первые завоеватели, оставив в стороне болотистые равнины и непроходимые леса, так как в них не предполагалось существования золота, этого предмета их вожделений.

В то время, как Кортес торжествовал в Мексике, Франсиско Писарро готовил вместе с Диего д'Альмагро и Фернаном де Люком завоевание Перу. Писарро, в юности бывший свинопасом, никогда не научился даже читать; Альмагро, бедный подкидыш, носил имя той деревни, где он родился; Фернан де Люк, доминиканский монах, был школьным учителем в Панаме. Эти три смелые товарища одни из первых прибыли в Америку искать счастья; они соединили свое имущество и свое огромное честолюбие. Сдружившиеся и всегда помогавшие друг другу в годы несчастий, они, разбогатевав, разошлись; но до этого они любили друг друга, как братья. С 1524 г. и до 1527 г. они подвигались вперед по еще неисследованным странам к югу от Панамы. После нескольких неудачных попыток, они получили наконец помощь испанского правительства, с ходатайством к которому отправился Писарро. Было снаряжено три корабля. Отправление сопровождалось религиозными церемониями; призывалась помощь неба на начинавшееся дело. Знамена были освящены, офицеры и солдаты в числе ста восьмидесяти человек, из которых сто сорок четыре пехотинца и тридцать шесть кавалеристов, выслушали мессу и приняли причастие. Четыре духовных лица — Фернан де Люк, Винсенто де Вальверде, «этот монах с подкладкой палача», Педраса и Олиас — сопровождали, по приказу Карла Пятого «армию». Таков был состав отряда, который должен был смести целую империю!

Эта империя была в четыре тысячи километров в длину и от шестисот до восьмисот километров в ширину; она граничила с севера Голубой рекой, идущей почти вдоль экватора, а с юга рекой Маули. Ее территория образует в настоящее время республики Эквадор, Перу, Боливию и Чили. Куско (пуп земли) была ее столицей; горные равнины Кито и озера Титикака были двумя другими важнейшими центрами.

Экспедиция отправилась в феврале 1531 года и прежде всего овладела островом Пуцна, чтобы облегчало вторжение в Перу, где в это время шла междоусобная война. Два брата соперника Гуаскар и Атагуальпа, сыновья последнего инки Гуана Капака, оспаривали друг у друга корону с оружием в руках. Поглощенные своей борьбой, они не сделали ничего, чтобы остановить чужеземцев.

Молва не замедлила преувеличить могущество испанцев. Пораженные внезапным появлением бородатых людей, владеющих громами и сидящих на животных, казавшихся очень страшными, перуанцы видели в пришельцах сверхъестественные существа. На пути Писарро получил посольство от Гуаскара, умолявшего о защите. Оставив позади себя маленький гарнизон для обеспечения себя в случае необходимости отступления, Писарро продолжал свой поход с шестьюдесятью всадниками и двумястами пехотинцами. В это время Гуаскар был разбит Атагуальпой, отправившим навстречу испанцев двух послов с великолепными подар-

ками. Сверх того Атагуальпа согласился встретиться с Писарро в Капсмарке, где тот стоял лагерем. 16 ноября 1532 г., в день, назначенный для свидания, инка с полным доверием приближался к испанскому стану, несомый на носилках из массивного золота, когда отец Винсенте Вальверде, духовник экспедиционного отряда, направился к нему с крестом в руке и заявил, что, так как папа пожаловал испанскому королю Перу, то он должен признать себя вассалом Карла V и принять христианство. Атагуальпа, по-видимому, ничего не понял из сказанного ему; в это время Писарро, выстроивший своих солдат в боевом порядке вдоль стены, приказал сделать залп по перуанцам и, пользуясь ужасом, наведенным на них грохотом огнестрельного оружия и истребив его конвой, захватил императора. Это вероломство было завершено не менее гнусным образом. Под вымышленным предлогом будто Атагуальпа отдал тайный приказ истребить испанцев, его осудили на смерть. Тогда он потребовал, чтобы его отправили в Испанию к монарху, главенство которого он соглашался признать; но ему предложили сохранить жизнь и свободу, если он примет крещение и наполнить золотом комнату в двадцать футов длиной, шестнадцать в ширину и высотой в человеческий рост. Когда Атагуальпа выполнил все эти условия, его привязали к столбу и удавили. Такой варварский образ действий обеспечивал покорение страны, но в то же время увеличивал в ней смуту и анархию. Писарро был сделан наместником Перу, Фернан де Люк — епископом Куско, а Диего д'Альмагро *аделентантом* или генерал-губернатором территории, начиная от границу Перу и далее к югу на протяжении двухсот лье.

Так совершилось завоевание Перу; менее чем в один год была подчинена вся область между Кито и Куско. 13 ноября 1532 г. испанцы вступили в Куско. Этот день остался днем траура для туземцев. Каждый год в это число можно видеть на церковной паперти несколько наивно верующих коленопреклоненных индейцев, которые, прильнув к земле, прислушиваются, не зашепчут ли веющие волны озера, находящегося под зданием собора. В числе бесчисленных богатств, которыми завоеватели считывали овладеть при разграблении столицы, была золотая цепь, которую Гуано Копак приказал сделать по случаю первой обрезки волос своего сына Гуаскара. Она имела толщину обыкновенной железной цепи, весила несколько тысяч килограмм, имела восемьсот метров длины и служила для ограждения большой площади в Куско во время праздников равноденствия *Райми* и *Циттуя*. Туземцы, желая спасти эту колоссальную драгоценность, вверили ее глубоким водам озера Уркос. Сорок испанцев и двести индейцев работали в течение трех месяцев над исследованием и осушением озера, но золотая цепь Куско не была найдена. К тому же, раздраженные варварским отношением к себе и чувствуя свое бессилие возвратить свободу, перуанцы решились по крайней мере скрыть

от алчности своих палачей громадные сокровища; они их прятали и притом так, что следы их никогда не могли быть найдены. Тем не менее сколько поисков было уже сделано и сколько делается еще теперь в этом направлении, но время крепко хранит свою тайну! В окрестностях маленькой деревни Эндахес находится извилистый и глубокий проход, в котором были зарыты бесчисленные богатства. Несколько лет тому назад один испанец по имени Видагура захотел снова попытаться проникнуть в это подземелье; он дошел до его конца, где оно становится очень узко и, когда приступил к розыскам в его стене, от свода отделилась глыба, закрыла отверстие и несчастный очутился точно в западне. Не одно только золото утаивали перуанцы от солдат Писарро; они не хотели предоставить своим неумолимым врагам пользоваться своими роскошными дворцами и великолепными храмами, сооруженными их предками; они с яростью отчаяния истребляли памятники своей прошедшей цивилизации. Завоеватели нелепо соперничали с ними в деле такого разрушения. Две великолепные, вымощенные и окаймленные высокими оградами дороги соединяли Куско и Кито на протяжении не менее 2640 километров; они шли с горы на гору, проходя над долинами, для того, чтобы обойти озера, — эти дороги исчезли.

Кито, куда испанцы дошли в 1533 г., было предано огню и залито кровью, а все мужское население истреблено до такой степени, что когда один из помощников Писарро пожелал совершить экскурсию в одну из внутренних провинций, то вместо мужчин, которых он требовал для переноски багажа и прокладки дороги среди лесов, явились только женщины и дети. Он счел это за желание посмеяться над ним и в бешенстве приказал тут же перерезать все это человеческое стадо. Не был ли это Беналькасар, которому Писарро поручил управление Кито?

Этот Беналькасар занял Пасто, Папаян, где основал Гуаякиль, проник в долины Каука и Богота и дошел до Антильского моря, пройдя таким образом всю Новую Гранаду. Он прибыл туда как раз в то время, когда Кундинамарка была завоевана Кесадой.

Гонсало Хименес Кесада (ок. 1495—1546) успешно действовал там, где за семь лет до этого потерпел неудачу Альфингер и его товарищи, отправившиеся из Коро (Венесуэла). Альфингер не мог перейти через Кордильеры. Придя в отчаяние от неудачи, терпя все ужасы болезней, холода и голода и предоставив своему отряду съесть последних индейцев, бывших при нем, он повернул обратно, но вскоре был убит в сражении. Кесада, отправившийся из Санта-Марта в 1537 году, организовал два экспедиционных отряда, которые должны были согласовать свои действия, один поднимаясь по Магдалене, а другой идя сухопутным путем. Вынужденный отослать лодки с больными назад к берегам моря, он, подобно Альфингеру, вступил в Кордильеры и шел неизменно к югу, пере-

секая теперешние штаты Сантандер и Боуяка. Хроники полны подробностями страданий и лишений, которые пришлось переносить испанцам во время этого похода. Вынужденные питаться в течение многих недель травами, растениями и насекомыми, они дошли до того, что ели кожу ремней, перевязи шпая и конскую сбрую.

Но возвратимся в Перу. В то время, как Писарро основывал Лиму (1535), Альмагро направился в Чили, которому ему досталось по разделу. Он имел собой пятьсот семьдесят испанцев и полторы тысячи индейцев, данных ему Манко-Капаком, вторым этого имени, братом и наследником Атагуальпы. Инка поручил своему брату Пауло Топа и первосвященнику Велегома отправиться вперед и приготовить дороги. На пути они передали Альмагро 90.000 песо чистым золотом (около 2.500.000 франков), которые были посланы инке его данниками из Чили. Несколько дней спустя, первосвященник и один из переводчиков, не вынеся унижений, бежали. Переводчик был пойман и четвертован.

Альмагро направился к Снежным горам — это была кратчайшая дорога; впереди шел его помощник Сааведра, получивший приказ остановиться, когда будет на расстоянии ста пятидесяти лье от Куско. Место, где устроился Сааведра, сделалось городом Париа, входящим в настоящее время в состав Боливии. Многие из солдат аделантада погибли — одни от голода и утомления, другие от стрел дикарей, непрерывно тревоживших отряд. Сто пятьдесят испанцев и десять тысяч перуанцев пали или исчезли на пути, пока отряд достиг равнин Копиапо. Альмагро вступил во владение территорией, произнеся обычную формулу, составленную по повелению папы особой комиссией из теологов и юристов, которую впервые применил Охеда в 1509 году. Вооружившись с головы до ног и имея на себе знаки своего достоинства, окруженный офицерами и касиками, явившимися, благодаря посредничеству перуанского главы, засвидетельствовать свою покорность, он вынул шпагу, взял в руку горсть земли и обращаясь к туземцам, сказал:

«Я, Диего де Альмагро, служитель высочайшего и всемогущего императора Карла Пятого, короля Кастилии и Леона, его аделантад и посол, объявляю и указываю вам во всем объеме полученных мною полномочий, что Господь Бог наш, единый и вечный, создал небо и землю, а также мужчину и женщину, от которых произошли и вы, и мы, и все люди, которые жили или будут жить в целом свете».

Аделантад объяснил, что последовательные поколения в течение более пяти тысяч лет рассеялись по разным частям света и разделились на множество государств, так как одна страна не могла их содержать и дать им все необходимое для существования, и что Бог передал заботу обо всех этих народах одному человеку, по имени Петр, которого он поставил господином и главой человеческого рода, дабы все люди, где бы они ни

родились и в какой бы вере ни воспитались, повиновались ему. Этот человек и его наследники назывались *папами*, что означает дивный, великий отец и наставник. Один из таких первосвященников, как глава всего мира, отдал твердую землю и острова на океане королю Кастилии и его наследникам. Вследствие этого он, Диего де Альмагро, повелевал своим слушателям признать себя подданными и вассалами его государя и согласиться, что миссионеры проповедовали им истинную веру.

«Его величество и именем его я, прибавил аделантад, мы встретили вас с любовью и кротостью и представим вам, вашим женам и детям, свободным от рабства, пользоваться собственностью всего вашего имущества. Сверх того Его Величество пожалует вам многие привилегии, вольности и награды. Если же вы откажетесь и станете злостно уклоняться от подчинения моему повелению, тогда с Божьей помощью я насильно войду в вашу страну, беспощадно стану воевать с вами и подчиню вас игу церкви и короля; я захвачу все ваше имущество и сделаю все то зло, которое буду в силах сделать вам, как непокорным подданным, отказывающимся подчиниться своему законному государю. Я заранее заявляю, что вся кровь, которая будет пролита, и все несчастья, которые будут последствиями вашей непокорности, все это падет на вас одних, а не на Его Величество и не на меня или на тех, кто служит под моим начальством. А посему, сделав вам это заявление и требование, я прошу присутствующего при сем нотариуса выдать мне во всем этом удостоверение в надлежащей форме».

Туземные воины, свидетели этой церемонии, без сомнения весьма мало поняли из этой речи, любопытного памятника отвратительного лицемерия, вышедшего из папской лаборатории и вполне достойного, чтобы им пользовались те звери в человеческом образе, которые были спущены королевском образе, которые были спущены королевским правительством в Америку, чтобы задушить ее. В своем неведении туземцы окружали аделантада уважением и смотрели на него, как на посланца их Бога Вицакохи; но как-то случилось, что три солдата-мародера были убиты в драке и тогда Альмагро приказал схватить начальника племени, его брата и двадцать семь воинов и всех их сжег живыми. С этой поры индейцы поклялись в непримиримой ненависти к этим чужестранным варварам. Альмагро собрал все свои силы и попытался проникнуть на территорию промауканов, но на берегах Рио-Кларо потерпел поражение. Находясь в таком критическом положении, он узнал, что в Перу вспыхнуло восстание и что окруженный в Лиме Писарро отделен от своих сотоварищей, в свою очередь осажденных большими силами в Куско. Он счел этот момент благоприятным для того, чтобы отомстить своему старому товарищу, которого он теперь считал ненавистным соперником, — снял свой лагерь и отправился в поход.

Что же произошло в Перу? Манко Капак царствовал в Куско, но только по имени, под опекой Писарро и под наблюдением трех братьев конкистадора. Из своего дворца, ставшего его темницей, он мог сношаться на таинственном языке куипосов с друзьями, оставшимися верными делу своей страны. Составился заговор. Писарро, занятый основанием Лимы, мечтал о разрыве своего договора с королем Испании и хотел объявить *сыном солнца*, наследником инков, предварительно же хотел устроить празднество в окрестностях будущей столицы и разрешил государю Куско явиться присутствовать на нем. Случай оказался благоприятным для исполнения уже давно созревшего плана. Едва Манко Капак оставил стены Куско, во все империи раздался клич к войне. Двести тысяч воинов собрались под знаменами Инки; братья Писарро, осажденные в Куско, безнадежно отбивались, тогда как он сам выдерживал самые упорные приступы в Лиме.

Таково было положение Перу, когда в него вступил Альмагро; он внес в него раздоры. Наступило время, когда завоеватели стали оспаривать друг у друга с оружием в руках право соперничать в жестокостях и гнусности. После самого тяжелого похода через покрытые снегом Анды и ужасные пустыни, подверженные страшным ураганам, Альмагро появился перед Куско с остатками своей армии, потеряв всех лошадей и весь багаж. К нему собралось довольно значительное число сторонников и во главе их Альмагро бросился на братьев Писарро, которые однако боролись с ним в течение девяти месяцев, при чем один из них, Хуан, был убит; но, наконец, он заставил их сдаться. Вскоре после этого он сам был разбит и попал в руки Писарро, приказавшего задушить его в темнице, а затем обезглавить на площади. Альмагро в это время было уже семьдесят пять лет. Таким образом в апреле 1538 года погиб этот жестокий, честолюбивый и алчный авантюрист, одаренный всеми качествами разбойника, в характере которого была только одна хорошая черта — неустранимость. Он завещал свое наследие сыну, которого имел от индианки, и императору Карлу Пятому.

Оставшись единственным обладателем Перу и желая занять находившихся под его начальством подчиненных, Писарро разослал их на исследование страны. Знакомство с внутренними частями континента быстро распространялось по направлению к востоку от Андов. Верхнее Перу было обследовано до границ Гран-Чако и новые города прибавились к тем, которые были там ранее. Гонсало Писарро, отправившись из Кито к северу для исследования провинции Каннеля, дошел до берегов Рио-Напо и спустился по ней, пройдя таким образом большую часть ее течения. Сопутствовавший ему Орельяно оставил его и, продолжая плавание, достиг до Амазонки, а затем на бригантине прошел по ней до самого ее

устья. Несколько лет раньше соперница Амазонки р. Ориноко была открыта Диего де Ордасом, который проследил ее до впадения в нее реки Мета. Этот Ордас, один из завоевателей Мексики, горделиво хвастался будто бы он собрал серу в кратере Попокатепетля и получил в воспоминание этого подвига право прибавить к своему гербу огнедышащий вулкан. По его просьбе, Карл V предоставил ему управление страной, которую ему удастся завоевать между Бразилией и берегом Венесуэлы. Он отправился в путь; индейцы ему показывали изумруды «величиной в кулак» и указали горы, где они добывались. Кораблекрушение разрушило все его надежды; но крайне преувеличенные описания богатств, на которые он рассчитывал, послужили к укреплению веры в Эльдorado.

Ла-Плата также не осталась позабытой. В 1535 году Педро де Мендоса, богатый дворянин из Кадиса, предложивший Карлу V завершить за свой счет открытие и завоевание Парагвая, основал Буэнос-Айрес. В то же время Айоляс и Ираля поднялись по Паране, проникли через р. Парагвай до лагун Ксарейес и основали на их берегах город Асунсьон. Тукуман, Кьюйо, север пампасов были пройдены и там возникли колонии. В общем движении этой необыкновенной эпохи ни одна часть Америки не была забыта. В Бразилии португальцы положили основание своего могущества и покрыли колониями берега материка.

Тогда же Писарро в личных целях задумал вновь взяться за дело, начатое Альмагро. Он поставил во главе двухсот испанцев и отряда перуанцев Педро де Вальдивия, помогавшему ему разбить аделантада. К этому войску, долженствовавшему основать колонию, он прибавил несколько женщин и священников. Вальдивия с оружием в руках проник до берегов Мапохо и здесь основал Сантьяго (1541 г.).

В это время Писарро отправил в Испанию часть сокровищ, отнятых у побежденных; этим он обеспечивал себе благосклонность Карла V, который дал ему обширные привилегии, пожаловал орден Святого Иакова и даже сделал его маркизом Лас Харкас. Уполномоченный управлять завоеванными им обширными владениями, этот необразованный солдат, у которого здравый смысл и проницательность восполняли недостаток воспитания, разделил Перу на округа, учредил суды, устроил администрацию, заботился о внутреннем порядке, упорядочил сбор налогов, разработку рудников, обращение с индейцами, но в то же время он злоупотреблял победой и не отступал ни перед какими преступлениями для укрепления своей власти. Окруженный любовницами, в числе которых была сестра инки Атагуальпы, он предавался в своем дворце в Лиме всевозможным излишествам и особенно игре, которую любил до безумия. Среди оргий он отдавал самые тиранические приказы. Между его братьями, сторонниками и друзьями были поделены самые большие округа и в качестве невольников целые народы. Это были чистые сатрапы, присво-

ившие себе абсолютное право разбоя и притеснений. Служившие под начальством Альмагро или подозревавшиеся в сочувствии его делу не только не получили никакой доли в разделе земель и должностей, но были разыскиваемы и преследуемы до такой степени, что наконец решились освободиться от деспота и отомстить за смерть своего начальника. 19 июня 1541 г., среди дня, несколько смельчаков напали на конкистадора в его дворце, убили его ударами шпaga и провозгласили сына Альмагро генерал-губернатором; но с этим последним вступил в борьбу Вако де Кастро, разбил его при Хупасе и затем казнил (1542 г.).

Террор и произвол над несчастными индейцами во время этих междоусобиц стал еще более ужасен. Жаждавшие разбогатеть и убежденные, что грабеж есть только справедливое вознаграждение за их труды и подвиги, испанцы всюду оставляли за собой одни развалины, отнимая все у своих жертв, убивая их тысячами, обращая в самое омерзительное рабство, налагая на них самые тяжелые и непрерывные работы. Многие из этих несчастных не пожелали погибнуть от такого ужасающего владычества и, следуя за своими касиками, удалились в глубь лесов; другие, доведенные до крайности и жертвуя своей жизнью, пытались мстить. Таким образом монах Винсенте Вальверде, ставший после Фернана де Люка в 1538 г. епископом Куско, был убит три года спустя индейцами провинции Квиспиканхи. Жестокости, совершенные во имя религии этим чудовищем, сделали его предметом ужаса.

Лас Касас защищал перед испанским двором дело угнетенных, и Карл V послал к ним в качестве вице-короля Нуньеса Веля. Гонсало Писарро, явившийся в Перу после убийства брата, выступил против вице-короля, прогнал его из Лимы, заставил отступить к Кито и под стенами этого города разбил и убил его 17 января 1546 г. После этого он совершил свое торжественное вступление в Лиму и, отвергнув корону, которую ему предлагали солдаты, ограничился принятием титула генерал-капитана; затем он вновь выступил против Диего Чентена, ставшего во главе королевских войск и совершенно уничтожил их при Гуарина 16 октября 1547 года; но атакованный в следующем году президентом Ла Гаска, присланным из Испании с неограниченными полномочиями, и покинутый своими войсками, он был разбит в свою очередь. Осужденный на смерть, как бунтовщик, он был обезглавлен и голова его была вставлена на виселице в Лиме, а дом его был снесен.

Затем было произведено всеобщее избиение его сторонников, а брат его, Фернан, отослан в Мадрид, в темницах которого он потом томился в течение двадцати трех лет. Эти страшные репрессии не прекратили анархию: она продолжалась и в царствование Филиппа II.

Надежда найти страну, изобилующую, как говорили, золотом, страну, которая, казалось, таинственно скрывалась от тех, кто ее искал, продол-

жала воодушевлять прежним жаром авантюристов, являвшихся из Европы, и заставляла их пренебрегать всеми опасностями и преодолевать все затруднения. Думали, что эта воображаемая страна, по рассказам удивительно богатая золотом и драгоценными камнями, находится неподалеку от какого-то озера Парима в нынешней Венесуэле. Говорили, что Гуаянакапак, один из сыновей Атагуальпы, проник с несколькими тысячами беглецов в обширную область между Амазонкой и Ориноко, называвшуюся общим именем Гвианы, завоевал ее и основал там более могущественную империю, чем Перу, блеск и богатства которой не имеют ничего подобного в целом мире. Уверяли, что в столице этой империи Маноа были дворцы с колоннадами, усеянными изумрудами, и храмы, покрытые массивным золотом, а вокруг Маноа озеро Парима катило свои золотые волны по жемчужному ложу. Алмазы там заменяли кремни. Что же касается самого государя, то он каждое утро намазывался благоуханной смолой, после чего обкатывал свое тело тончайшим золотым порошком. Вечером, перед отходом ко сну, они принимал простую ванну, которой было достаточно, чтобы освободиться от этой единственной драгоценной одежды. Хуан Мартинес, испанский солдат, осужденный на смерть, но в виде смягчения наказания посаженный в лодку, пущенную по Ориноко, уверял, что таким образом он достиг Маноа и прожил там семь месяцев. Пораженный чудесами, которые ослепили его, он назвал этот город Эльдorado. Сообщение Мартинеса было помещено после его смерти в архивы Пуэрто-Рико. С этих пор все страны, расположенные между верховьями Ориноко и рекою Мараньон или Амазонкой, стали театром всякого рода вымыслов, которыми питалось народное воображение. Там жили воинственные женщины, вооруженные луками, с которыми, как рассказывали, пришлось сражаться Орельяне, — новые амазонки, которые, утомясь игом воинов и желая освободиться от их власти, вели кочевую жизнь по берегам великой реки; там же помещали среди других диковинок людей без головы, с глазами на плечах и ртом на груди. Многочисленные экспедиции, имевшие целью разыскать Эльдorado, *страну золота*, романтические приключения, их сопровождавшие, продолжение этого верования до конца XVIII века, когда испанец Антонио Сантос предпринял еще одно путешествие, имея в виду то же открытие, — все это дает ряд фактов, которые однако не должны казаться удивительными в эту удивительную эпоху. Возбужденные преувеличенными рассказами индейцев и первых мореплавателей, товарищи Писарро бросились на розыски стран, где по всеобщей молве были нагромождены сокровища. Орельяно говорил, что ему удалось видеть их во время экспедиции 1541 года; в 1549 г. он снова отправился на трех кораблях, но, потеряв два из них, умер на Каракасском берегу с горя, что не мог достигнуть этих стран.

Гонсало Писарро, за отсутствием озера Парима, волны которого были из «жидкого золота», по крайней мере, сделал интересную находку. Он открыл американский коричневый лавр и таким образом положил начало торговле пряностями. Другие военачальники, одновременно с ним отправившиеся из Венесуэлы, Новой Гранады, Перу, Бразилии и Рио-дела-Плата на завоевание *областей позолоченного короля*, встретили только труды, лишения и разочарования. Один из самых смелых солдат конкистадора Педро де Урсуа, отправившийся из Куско во главе храбрых сотоварищей, был убит в дороге своим лейтенантом Лопе де Агирре, желавшим, по мнению одних, сделаться самому начальником экспедиции, а по мнению других — для того, чтобы избавиться от неудобного супруга и сблизиться с прекрасной Инессой (1560).

Эти экспедиции привели к неожиданным открытиям. Испанские дезертиры, также отправившиеся на поиски Эльдorado, нашли золото в долинах Каравайи. Прежде всего они изгнали оттуда всех туземцев, поселились на их местах и, променяв мечты на действительность, принялись за разработку богатств, случайно доставшихся в их руки. Это произошло в 1550 году. Слух о находке распространился и вице-король, желая овладеть большей частью доходов, которые могли получиться оттуда, послал в эти места колонистов, солдат, инженеров и каменщиков. Возникли многие поселения и Карл V в обмен за слиток золота весом в двести восемнадцать фунтов, посланных городками Сан-Габан и Сан-Хуан дель Оро, пожаловал их в *имперские города* и возвел всех жителей в дворянское достоинство. Разработка девятнадцати долин, образующих восточную часть Каравайи, продолжалась более двух столетий и принесла испанской короне много миллионов.

Таким образом к середине XVI в. большая половина Америки была уже известна. До сих пор испанцы играли первую роль, потом явились португальцы, но во второй половине того же века и те и другие начали встречать соперников и среди других народов. Бразилия, поделенная с 1534 г. на капитанства, а с 1549 г. управляемая генерал-губернатором, уже с первых дней своего открытия видела французских торговцев, появлявшихся в бухте Рио-де-Жанейро для меновой торговли красильным деревом. Они жили в полном согласии с племенем тамайосов, населявших эти местности. За торговыми и контрабандными операциями вскоре последовала попытка завоевания. В 1555 году бывший мальтийский рыцарь Вильгельм, пользуясь покровительством адмирала Колиньи¹ и поддерживаемый французским правительством, явился с большим чис-

¹ Гаспар де Колиньи (1519—1572) — французский адмирал, полководец и политический деятель. Один из лидеров гугенотов во время Религиозных войн. Убит в Варфоломеевскую ночь.

лом кальвинистов, чтобы поселиться и укрепиться на островке, носящем до сих пор его имя. Этот человек, соединявший со страстью к приключениям большую склонность к религиозным распрям, не был лишен некоторых талантов. К несчастью, его вероломство, чрезмерное тщеславие, доходившее до того, что он требовали, чтобы его называли *королем Бразилии*, сделало его невыносимым для тех, кто прибыл с ним. Он возвратился в Европу заклейменный протестантами именем американского Каина; но колония, в союзе с тамайосами, жила хорошо и получила подкрепление в триста человек, привезенных в 1559 году Буа-ле-Контон, что дало возможность образовать новое поселение на западном берегу бухты. Вся территория, которой овладел Виллеганьон и единственным властелином которой он хотел сделаться, была названа им *Антарктической Францией*. В течение десяти лет французские кальвинисты подвергались многократным нападениям португальцев и, наконец, после героической защиты, они были совершенно истреблены в январе в 1567 года. Большая часть их владений была предоставлена отцам иезуитам и истребительная война с непримиримыми врагами португальцев тамайосами продолжалась с остервенением. Наивный и интересный рассказ Лери, участвовавшего в экспедиции Виллеганьона, дает первые положительные сведения о Бразилии.

Знаменитый английский моряк Дрейк, воспитавшийся в плаваниях у берегов Франции и Голландии, наводил в течение двадцати лет ужас на испанские колонии. 22 лет отроду, в 1573 году, он начал свои подвиги тем, что овладел городами Номбр де Диос и Вера Крус на Панамской перешейке. Пройдя в 1578 г. через Магелланов пролив, он разорил берега Чили и Перу и, насытившись грабежом, с громадной добычей возвратился в Англию. Семь лет спустя он разорил берега Чили и Перу и, насытившись грабежом, с громадной добычей возвратился в Англию. Семь лет спустя он разорил Сан-Доминго, Картахену и Флориду; в 1594 г. он предался новым грабежам в Антильском море и сжег в 1596 г. Санта-Марту и Рио-де-ла-Гаша на берегах Новой Гранады. Во время этой экспедиции пушечное ядро пробило корабль Дрейка и снесло кресло, на котором он сидел, не нанеся ему никакого вреда. Неудачи в Пуэрто-Рико и Панаме так его огорчили, что он умер с горя. Таким образом испанцы избавились от своего самого опасного врага.

Англия, снарядившая экспедиции Кабота, чтобы отнять обратно часть американской территории, должна была преследовать намеренную ею двоякую цель: увеличить свое могущество и ослабить Испанию. Такова была славная мечта всей жизни Уолтера Рэли, этого очаровательного фаворита Елизаветы. Он также верил в химерическое Эльдorado. В начале 1595 года он пустился на завоевание чудесной страны. 22 марта Рэли

пристал к острову Тринидад, овладел фортом, построенным здесь испанцами и взял в плен его коменданта и офицеров. Индейцы сообщили Рэли, что до него уже двадцать три экспедиции отправились с этого места; но их неудача не ослабила его пыл. Он прошел сто лье, но, будучи остановлен дождями и разливом рек, вынужден был возвратиться на Тринидад, а затем и в Англию, предварительно разграбив все поселения на его берегах и взяв с них выкуп. В следующем году он послал Лоуренса Кеймиса во вторую экспедицию. Кеймис исследовал все побережье между Амазонкой и Ориноко, но не нашел Эльдorado, которое, по его предположению, должно было находиться около Ояпока. Он также сообщает, что французы в это время являлись в Гвиану за красивым деревом.

Около 1604 г. они попытались там утвердиться. Страна, образовавшая Гвиану, сначала называлась *Равноденственной Францией*. Рэли снарядил третью экспедицию и начальство над ней поручил Томасу Мэшему, который отправился в путь 14 октября 1596 г., но скоро возвратился за неимением достаточных сил, чтобы удержаться против испанцев, которые уже начали укрепляться в этих странах. В 1617 г. упрямый Рэли снова отправился туда во главе эскадры из двенадцати кораблей. Сын его Уолтер и Кеймис напали на Сан-Томас и предали его пламени. При этом был убит Диего де Паламека, именованный губернатором Гвианы, Эльдorado и Тринидада, но и молодой Уолтер тоже поплатился жизнью. Кеймис вместо того, чтобы идти вперед, возвратился к Рэли, но, не будучи в состоянии вынести упреков последнего, лишил себя жизни. Рэли возвратился безутешным и совершенно разоренным. Арестованный по жалобе Испании, обвинявшей его в насильственном захвате испанской территории, он отвечал, что следовало обвинять не его, а испанцев, которые присвоили себе земли, принадлежавшие Англии, потому что в царствование Елизаветы ее корабли первыми вступили именем Англии во владение Гвианой. Король Иаков, продолжал он, подтвердил это обладание, пожаловав Чарльзу Лейгу и Гаркуру часть земель в Гвиане, и сверх того, он Рэли, ни в чем не преступил полномочий, данных ему королем. Но напрасно защищал он и себя, и право первенства своей родины, Испания требовала его головы, и Иаков, этот коронованный педант, имел низость дать свое согласие. Против Рэли было возобновлено обвинение в измене, на основании которого пятнадцать лет тому назад он был осужден на смерть, и его отправили на эшафот. Прежде чем получить смертельный удар, Рэли взял топор из рук палача, осмотрел его лезвие и, найдя его соответствующим своему назначению, сказал: «Это острое средство, но оно излечивает от всех болезней». Так кончил свою жизнь на шестьдесят шестом году один из величайших людей Англии, низко принесенный в жертву соперничающей нации.

Пять государств долго оспаривали право владения Гвианой: Испания, Португалия, Франция, Англия и Голландия. Было пролито много крови и много городов обращено в развалины, прежде чем эти государства разделили между собой спорную землю; впоследствии Испания и Португалия во время войн за независимость полностью потеряли все свои владения в Южной Америке.

К концу XVI века оставалось сделать очень немного важных открытий в Южной Америке; поэтому первые годы XVII века, за немногими исключениями, более замечательны участием, принимаемым европейскими народами в общем колониальном движении, чем теми авантюристическими экспедициями, которые характеризовали период первого завоевания. Прежде чем расстаться с ними, следует отметить одну попытку захвата, сделанную испанцами в 1584 г., возле мыса Фроурда, в Магеллановом проливе. Название Порт Фамине (Голодный), оставленное колонистами за тем местом, которое они пытались занять, дает представление об испытанных ими страданиях. Шесть лет спустя, более счастливые иезуиты положили в Парагвае основания тому колоссальному могуществу, которое продолжалось более двух веков и о котором мы будем еще иметь случай говорить.

В 1616 году голландский мореплаватель Жак Лемер совместно с лоцманом Шутейном открыл на юге Америки, между островами Штатов и Огненной землей, пролив, который носит его имя. Он прошел в Великий океан, показав морякам более короткий и легкий путь в нем, чем Магелланов пролив. В то же время делались новые исследования в Бразилии, где, несмотря на изданные португальским двором запреты проникать внутрь страны, паулисты совершали в громадных размерах облавы (это название здесь вполне уместно) по берегам Амазонки и до границ Перу. Зарождающееся процветание края не могло не привлечь взоры других государств Европы. Французы, которые беспрестанно бродили вдоль берегов, основали, как при устье Амазонки, так и вверх по ее течению, несколько недолго просуществовавших поселений. В 1544 г. Жак Риффо, арматор из Дьеппа, занял остров Маранам, в то время никому не принадлежавший, и заключил союз с индейцами. Потом он возвратился на родину, организовал во Франции морскую компанию, которая вооружила большую экспедицию под начальством Даниэля де ла Равардьера. Последний основал на острове колонию Сен-Луи в честь Людовика XIII, обещавшего свою помощь. Колонисты построили форт и довольно далеко распространили свои завоевания, но затем были разбиты в сражении, в котором принимали участие в их рядах полторы тысячи индейцев (1614) и, наконец, были совершенно изгнаны с острова (1615).

В 1624 г. голландцы под начальством адмирала Виллекенса начали завоевание Бразилии нападение на Багию, которой овладели и предали

разграблению. Прогнанные испанскими войсками (Португалия в то время была под властью Испании), они возобновили нападение в 1630 г., взяли Пернумбуко и овладели соседними провинциями. После нескольких лет ожесточенной войны они удержали за собой северную часть страны, которую потом, когда Португалия возвратила себе независимость, Жоан IV, по договору в 1641 г., окончательно предоставил в их владение с целью иметь в них союзников. Но насилия голландцев вызвали восстание колонистов, которые после кровопролитных битв, изгнали их в 1654 году. Четыре человека, представлявшие собой различные расы, составлявшие население Бразилии, подготовили и совершили этот великий акт национального освобождения. Белый — Видаль, мулат — Фернандес Виейра, негр Диас и индеец Камеран, вот те люди, которые явились освободителями страны, и глава их мулат Виейра, истинный герой всего дела, оставил власть, как только оно было завершено.

«Ни одна эпоха из истории Бразилии не имеет такого величественного и драматического характера, как эта, говорит Фердинанд Дени. Тут мы видим Виейру, который, завоевав большую часть прибрежных городов и будучи облечен верховной властью, оставляет ее, чтобы передать в руки, которые он считал более сильными и искусными; тут другой вождь, который на формальное приказание прекратить враждебные действия, отвечает, что он готов получить возмездие за свое ослушание лишь после того, как он вернет короне ее лучшее украшение. Здесь индеец Камеран, остаток великих исчезнувших плен, участвует во всех битвах, где была так необходима его храбрость, и который до такой степени ценит свое достоинство индейского вождя, что никто и никогда не слышал, чтобы он говорил на языке своих властителей, хотя он понимал его, как свой собственный, но боялся, что не сумеет выразиться на нем с должным благородством. Здесь Энрике Диас, обладавший всей стремительной храбростью африканской расы, который, лишившись одной руки, хватает свое оружие другой, еще оставшейся у него, и бросается в самый жар битвы».

27 января 1654 г. Бразилия увидела себя свободной от чужеземного владычества. Долго она оставалась, так сказать, неизвестной другим народам Европы, для которых она была заперта. За исключением контрабанды, производившейся там англичанами и французами, только изредка, по особому снисхождению, от времени до времени допускалось заходить туда военным кораблям, и от них в Европе узнавали кое-что о происходившем в этих отдаленных странах. Это обстоятельство придавало особое значение экспедиции Дюклерка в 1710 году. Португалия тогда вела войну с Францией; Дюклерк прибыл в Рио-де-Жанейро в августе и высадился с 900 человеками в Гватарибе; здесь он был атакован тремя тысячами португальцев и пятью тысячами мулатов и негров, но разбил их и проник сухим

путем в город, но тут, подавленный численностью неприятеля, уничтожаемый убийственным огнем, направляемым из домов, он был побежден и затем убит, а большая часть его спутников погибла от голода в темницах. В следующем году Дюгэ-Труэн, отправленный для отпущения, ворвался в порт, овладел городом и наложил на него громадную контрибуцию.

В Чили война между испанцами и арауканцами, длившаяся в течение целого века, отчасти прекратилась после заключенного в 1641 году мира. Арауканцы сохранили владение своей территорией; они обещали не допускать высаживаться у себя никакому другому народу и сдержали слово, но нужно было еще более столетия для того, чтобы другой договор положил конец враждебным действиям, возникавшим очень часто и стоившим Испании много крови и большого числа солдат.

В 1667 году французские корабли проникли в первый раз в Тихий океан; они производили там значительную торговлю вплоть до Утрехтского мира, положившего конец Войне за Испанское наследство (1713 г.). В это время совершились научные путешествия астронома и ботаника Фейлье (1699—1707), инженера Фрезье (1711) и Бретон Лабарбинэ Ле Жантиль (1715), которые впервые дали точные сведения о Перу и Чили.

Архипелаги Чилое и Хонос, Патагония и Галапагосские острова были снова исследованы в последние годы XVII и в начале XVIII века двумя англичанами — Нарборо и Вудом, и французами Деженном и Бушен-Гуэном.

Эта эпоха характеризуется постоянно возрастающим прогрессом колониального движения внутрь страны; оно особенно заметно в Бразилии, Парагвае, вдоль реки Амазонки и ее притоков. Приморские берега также становятся более известны. Однако, еще только сто лет спустя, в 1799 г., Гумбольдт и Бонплан предприняли путешествие, сделавшее знаменитым и можно сказать установившее наконец географию Ориноко, Колумбии, Перу и Мексики и закончившееся не ранее 1805 года. С этого времени путь для научных исследований уже становится открытым и, таким образом, за кровавыми деяниями завоевания идут мирные триумфы знания; позже, освобождение испанских колоний и Бразилии, открыв более широкое поле для деятельности всех народов, вызвало множество наблюдений и открытий, которые к уже известным чудесам прибавили много новых, но только на этот раз та армия, которая движется по Америке, не без больших опасностей для себя, имеет в виду не грабеж и истребление. Она идет не для того, чтобы затоптать под ногами целый мир и не проливать кровь; ее начальники уже не пена старых цивилизаций, не варварские авантюристы прежнего времени, не разведчики и флибустьеры всех народов, но избранники науки, которая гуманизировалась; это — географы, ботаники, астрономы, врачи, все — люди знания и исследования, слава которых во всяком случае никому не стоила ни одной слезы.

Глава третья

КОЛОНИЗАЦИЯ

Испанцы, португальцы, голландцы и французы в Южной Америке. — Туземцы, избиваемые испанцами и португальцами. — Францисканцы, кармелиты и иезуиты. — Административная организация колоний. — Эксплуатация страны. — Иезуиты в Парагвае. — Волнение среди туземцев и креолов в конце XVIII века.

История колонизация Нового Света является вторым актом страданий и мученичество несчастных индейцев.

«Лютый иберийский лев, набросившись от Геркулесовых столбов на империи Монтесумы и Атагуальпы и овладев несчастной Америкой, в течение нескольких веков высасывал всей ее соки», писали в 1825 г. депутаты, подписавшие акт о независимости Верхнего Перу (Боливии).

Старый Свет овладел Новым в силу чудовищной аксиомы, что сила выше права. Чтобы сохранить добычу и выжать из нее все ее богатства, все средства считались одинаково хорошими. Никто не задавался иной целью, кроме полного порабощения как людей, так и имущества края. Мысль о том, чтобы заставить завоеванные народы разделить выгоды цивилизации и торговли метрополии к выгоде ее самой, — принадлежит Новому времени. Росси, обсуждая вопрос о колониях, заметил, что идея призыва к некоторого рода гражданской и политической жизни людей иной расы, иного языка, на которых смотрели, как на неверных и с которыми не имели ничего общего, даже по цвету кожи, — не могла зародиться в умах того времени. Как и в древности, добивались одного только полного господства, предоставлявшего туземцам на выбор рабство или смерть.

Поэтому только небольшое количество дикарей Америки пережило завоевание. В некоторых местах, например, на Сан-Доминго, они совершенно исчезли. Страшное могущество оружия, превосходство тактики, уловки искусной политики оказывали одинаково свое действие, как на уже организованные народы, так и на не сложившиеся еще орды; да к тому же первые из них были жертвами соперничества своих государей, а остальные не имели между собой ничего связующего.

Колонизация не могла совершиться без жестокой борьбы; она продолжалась более чем столетие. Испанцы смотрели на себя как на единственных или почти единственных владык Нового Света. В Южной Америке, которую мы имеем в виду, они владели ко времени войны за не-

зависимость Новой Гранады, Перу, Чили, Рио-де-Ла-Платой, капитанством Каракас, превратившимися потом в независимые республики. Это составляло территорию, превышавшую почти в шестнадцать раз пространство самой Испании. Португальцы удержали за собой Бразилию до 1821 года; французы голландцы и англичане разделили Гвиану. Патагония, источник несогласий между Чили и Аргентиной, осталась во власти туземных народов. При испанском владычестве она считалась входящей в состав вице-королевства Ла-Платы, несмотря на то, что занимающие ее номады были тогда, как и теперь, свободны от какого бы то ни было ига.

Говорят, что завоеватели думали внести американским народам цивилизацию посредством религии. Предлог был найден хороший; говорили, что они убивают их ради служения Богу и вере и предают индейцев неумолимой и кровавой инквизиции только из-за священного ужаса, внушаемого идолопоклонством. Из прославленных бандитов хотели бы создать нечто вроде апостолов и видеть в них только ревнителей христианства, веровавших, что похвально и достойно нападать и всякого язычника и убивать его; но нет большей лжи, чем эта! Совершенно верно, что перед сражением они выслушивали мессу и шли резать в сопровождении священников, но эта была с их стороны мера предосторожности в виде сохранения установленных отношений с Небом. Единственной их целью — и они никогда не имели другой — было разыскание золота; даже сама центральная власть не имела более благородного двигателя, как корыстолюбие. Сцены избиений, осквернившие первые шаги европейцев, проливают на все это достаточно света. Всем известно, как радужные и кроткие племена, явившиеся без малейшего недоверия к чужестранцам, были безжалостно преданы, ограблены и перебиты. Инки были казнены, империи разрушены, цивилизация уничтожена; храмы предавались огню, статуи разбивали, а драгоценные сосуды расплавляли. Квиписы, летописи, написанные посредством особой комбинации узлов, были рассеяны по ветру и труд целых веков пропал. Разрушение было быстро, как грабеж, жестоко, как преступление, и тем бессмысленнее и неумолимее, что тут мрачный фанатизм монахов соединился с животной алчностью рейтара. Развалины и пепел, слезы и кровь, — вот что принесли с собой испанские авантюристы, когда они основывали Америку. Они внесли в эту девственную землю, которую природа осыпала лучшими дарами, свой язык, свои нравы и всего более свои пороки. Они, — эти бандиты старой Европы, по большей части отъявленные негодяи и мошенники, — они хотели спасти все эти чистые души, которые не почитали еще истинного Бога в лице папы Александра VI; они обращали волей или неволей всех, кого встречали, а средством для убеждения у них была пушка. Благодаря этому «последнему доводу королей» крещение требовалось всюду, куда проникала монашеская ряса. Когда

они уставали расстреливать, четверговать и сжигать тех, кто не хотел быть обобранным, порабощенным и евангелизированным, они брались за оружие для сведения своих личных счетов и убивали друг друга. Только немногие из этих героев избежали насильственной смерти, а некоторые из них, в критических обстоятельствах, когда голод заставлял себя сильно чувствовать, были даже съедены собственными своими солдатами.

Нельзя без глубокого ужаса читать рассказ о жестокостях, сопровождавших открытие Нового Света. Испанская монархия навеки покрыла себя позором и католическая церковь, как бы ни старались об этом разные писатели, никогда не очистится от него. Во всем этом она была главной руководительницей светской власти и следовательно ее вина бесконечна. Не она ли держала в своих искусных руках самую королевскую власть? Эта последняя, совершенно поглощенная при Карле V его безумными войнами, а при Филиппе II коварными дипломатическими интригами, предоставляла ей назначение губернаторов и вице-королей; то же самое было и с португальским двором. Это государство, сначала превратившееся в испанскую провинцию, а потом в течение шестидесятилетней борьбы с Голландией потерявшее свое значение и наконец пришедшее в совершенный упадок, мало заботилось о преступлениях и вымогательствах своих высших сановников. Словом, иберийский вампир обращался к Америке только для того, чтобы высосать из нее золото, а вместе с золотом и ее кровь.

Громадная бразильская территория была с 1534 года разделена на наследственные капитанства, в 50 лье по береговой линии, и совершенно независимые друг от друга. Эти капитанства с чрезвычайными сеньоральными полномочиями и некоторыми королевскими прерогативами давались в уделы лицам, обязывавшимся колонизировать их на свой счет и риск, управлять ими и защищать от внешних и внутренних посягательств на них. Во главе всего колониального правительства стоял генерал-губернатор. Такая система продолжалась в течение двух столетий. Ей помогали францисканцы, кармелиты и особенно иезуиты, которые, однако, не один раз сумели защитить индейцев от зверской жестокости колонистов; но от этого далеко еще до того, чтобы сказать вместе с Кретино-Жоли, что иезуиты были «отцами, учителями и друзьями новообращенных», хотя несомненно, что они имели «решительное влияние на них». В 1562 и 1563 годах своевременное вмешательство иезуитов положило конец войне между тамайосами и португальцами. В 1640 г., благодаря их усилиям, булла Павла III в пользу туземцев Перу была распространена Урбаном VIII и на Бразилию. Это вызвало большое раздражение колонистов Рио-де-Жанейро и паулистов, которые взялись за оружие, чтобы изгнать их. Иезуиты смирились; они подчинились с целью получить возможность возвратиться и приняли условия, которые, можно ска-

зять, совершенно уничтожали требования буллы. Потом, когда коллегия их увеличилась и миссии прочно основались, они вновь подняли голову и в сущности хотели образовать государство в государстве; декретом от 3 сентября 1759 г. они были окончательно изгнаны из страны.

Самыми деятельными агентами колонизации в Бразилии были паулисты, знаменитые bandeiras (экспедиции) которых победоносно проходили через обширные территории, гигантские реки и самые высокие горные цепи, достигали самых отдаленных пустынь, где и основывали первые поселки. Эти легендарные в истории Бразилии и отважные авантюристы, сыновья белых и индианок, были настоящими завоевателями внутренних областей страны. Занимаясь охотой на дикарей, скрывавшихся в лесах, — тем, что они называли «спускать индейцев», эти seratejos св. Павла безжалостно убивали тех, кто не хотел подчиниться необходимости стать рабов, а остальных отправляли на рынок, где и продавали в особом магазине, называвшемся Курраль (парк). Один современный бразильский писатель де Мачедо замечает по этому поводу: «каковы бы ни были смуты, вызывавшиеся отцами-иезуитами в их распрях за господство над индейцами и управление ими, каковы бы ни были злоупотребления, которые они совершали во имя чисто мирских и материальных выгод, несомненно, что их влияние, поступки, система, действительные или вероятные планы на господство и временное величие могут заслужить благословение человечества, если сравнить их с пожарами индейских деревень, с ужасными избиениями, с обращением тысяч индейцев в рабство, со всем тем, что делали бандейрас и со всеми другими преступлениями, совершавшимися колонистами, на которых, однако, смотрели почти что как на героев, но чудовищные поступки которых в настоящее время достойно оценены образованным человечеством».

Иезуит со всеми его недостатками был святой в сравнении с португальским колонистом, убивавшим индейцев сотнями и при том единственно ради удовольствия проливать кровь и наводить ужас. Примером может служить тот Педро да Коста Фавелла, который в 1665 году при устье р. Урубубу сжег тридцать деревень, принадлежавших племени кабоквенас, расстрелял восемьсот несчастных жителей, а остальных увел в рабство. Этим способом он отомстил за смерть нескольких солдат, посланных для ловли краснокожих и убитых кабоквенасами, защищавшими свою свободу. При этом следует сказать, что всякий раз, когда недоставало рук для работ в городах и деревнях, такие «облавы» производились по приказу свыше. Одна из таких экспедиций, предпринятая в 1628 г., встретила со стороны индейцев ожесточенное сопротивление; но что могли сделать голые люди с их копьями и стрелами против дисциплинированных и вооруженных огнестрельным оружием врагов? Тогда было

произведено такое избиение этих несчастных, что губернатор Пары Франсиско Село де Карвальо, смущенный всеобщим ропотом, поспешил отозвать своих эмиссаров и отменил декрет, разрешавший ловлю людей во всякое время, заменив его другим, по которому прежняя постоянная охота на них ограничивалась ежегодно двумя облавами и притом с предварительного разрешения властей. Но хотя декрет и был издан, однако охота продолжалась по-прежнему, только без участия войск.

В этом порядке вещей, с течением времени, произошли некоторые перемены. Всемогущий министр Жозе I, маркиз де Помбал, издал повеление, которым туземцы признавались перед законом равными португальцам. Он установил наказания для тех, кто пожелал бы поддерживать установленные иезуитами и колонистами унижительные различия между индейцами и европейцами. К несчастью, ошибочные политико-экономические воззрения заставили его ограничить свободу торговли в отношении ввоза и вывоза товаров. Полагая, что запреты и монополия могут обогатить Португалию, он создал компанию Большой Пары и Маранхамы и предоставил ей чрезмерные привилегии. С другой стороны приказы, имевшие целью разные реформы, не всегда приводились в исполнение. О том, каковы были в то время португальские проконсулы, можно судить по одному из них, Франсиско Суза Кутины, бывшему (1800 г.) двадцать пятым губернатором Пары. Когда его любовница умерла от родов, он приказал сначала высесть, а потом утопить, с камнем на шее акушерку Валера и ее двух помощниц.

Поселения португальцев в Бразилии вызывали в начале XVI века зависть со стороны испанцев. Мы уже говорили, что эти два народа, будучи соседями, как в Старом, так и в Новом Свете, находились в постоянном соперничестве. Испания старалась создать в Америке систему колонизации и управления, могущую быть противовесом системе, принятой Португалией. Посредством набегов она стремилась охватить Бразилию со все сторон и отторжение Парагвая в известной степени обязано этому стремлению. Споры двух государств о границах их завоеваний время от времени прекращались, но только для того, чтобы вскоре вновь разгореться с еще большей силой. Нелепый раздел, произведенный папой Александром VI, только послужил поводом для самых произвольных и недобросовестных толкований.

Испанские владения, подобно португальским, были предоставлены управлению сатрапов, которые, приезжая с полуострова, торгуя людьми и всем, чем было возможно, и, будучи вне какого бы то ни было контроля, быстро составляли себе состояния, а затем как можно скорее возвращались назад, чтобы на родине мирно пользоваться плодами своего грабежа. Во главе каждой большой административной единицы Испания

ставило лицо, титуловавшееся губернатором, президентом или генерал-капитаном. Он начальствовал над армией и над губернаторами, был высшим главой юстиции, председательствовал в *audiencia real* и в других высших судебных местах. Он зависел непосредственно от короля; но в случае войны должен был подчиняться вице-королю. Этот последний имел местопребывание в Перу. В течение почти двух веков, власть из Лимы распространяли свою юрисдикцию до Буэнос-Айреса, т. е. на протяжении почти тысячи лье. Только в 1776 г. Ла-Плата была возведена в вице-королевство со столицей в Буэнос-Айресе; в 1718 г. Новая Гранада, зависевшая от Перу, была также превращена в вице-королевство.

Каждая провинция управлялась префектами или коррехидорами. По закону эти чиновники должны были назначаться испанским королем, но ввиду отдаленности страны, губернаторы часто присваивали себе право назначения на вакантные префектуры. Власть коррехидоров распространялась как на гражданскую, так и на военную часть. В столице каждой провинции имелся особый совет управления (*cabildo*), состоявший из нескольких постоянных членов (*regidores*), знаменосца, прокурора, провинциального алькада, альгвазила или главного судьи и двух алькадов или консулов. Эти последние ежегодно избирались советом из местных дворян.

Королевская аудиенция, настоящее министерство беззаконий, судила в качестве высшей инстанции все гражданские и уголовные дела, за исключением таких, иск по которым превышал десять тысяч эску. В последнем случае дело поступало в Великий Совет Индии, учрежденный испанскими королями для издания *Resopilacion de Indias*, сборника законов и повелений; но не приведший ни к каким практическим результатам. Составленные исключительно из европейцев, эти аудиенции никогда не ограждали права ни туземцев, ни креолов, и ссылали всех, на кого указывали влиятельные люди. Аудиенция разделялась на два отделения или декастера: на канцелярию и уголовную палату. Каждое из этих отделений состояло из управляющего (регента), фискала или королевского прокурора, попечителя (протектора) индейцев и нескольких аудиторов, назначаемых самой аудиенцией и щедро вознаграждаемых. Были еще палаты финансов, крестовых походов, пустопорожних земель и торговли или консульства. Мы не говорим о церковном управлении, ведавшем множество диоцез, но заметим только, что в Лиме находился особый инквизиционный трибунал, имевший в главных городах всех капитанств комиссаров-инквизиторов и множество подчиненных чиновников. Некоторые провинции, например Ла-Плата, находились в состоянии непрерывной анархии вследствие постоянного стремления разных лиц захватить высшую власть, причем испанский двор признавал пра-

вым того, кто был наиболее смелым или ловким, и кому путем ли насилия или иными средствами удавалось избавиться от соперников. Нуньес Кабеса де Вака, богатый дворянин, движимый тем же рыцарским духом, который несколько раньше погубил Мендосу, получил от Карла V титул аделантада провинций Ла-Платы. Он получил приказ не допускать «ни адвокатов, ни прокуроров, завоевывать туземцев мягкостью и предоставить всем свободные сношения с ними». Вака дал доказательства человечности в отношении невольников из индейцев и этого было достаточно, чтобы против него поднялись и колонисты, и королевские чиновники. Посаженный насильно на корабль, он был препровожден в Испанию, где хотя и оправдался, но не смог добиться восстановления в своей должности. И так было со всеми людьми, сколько-нибудь одушевленными справедливостью и состраданием. Наоборот, некто Ирала, избавившийся от соперника тем, что отрубил ему голову, был утверждён в звании губернатора, которого он добивался. Однако нужно отдать справедливость его управлению: оно было менее насильственно и произвольно, чем того можно было ожидать, судя по способу, каким он добился власти. Он с большим умением устроил *commanderies*, подчиненные его власти. Название *commanderies* давалось учреждениям. В которых первые завоеватели собирали рабов-индейцев, содержавшихся в течение известного времени на собственный счет, а затем поступавших в королевскую собственность. Позже была организована другая категория *commanderies*, поступавших в десятилетнее пользование каждого лица, которому удавалось образовать маленькое землевладельческое поселение из индейцев или креолов. Но при применении этой меры церковная власть не замедлила получить преобладающее влияние и таким образом были положены первые основы того теократического управления иезуитов, о котором мы будем еще говорить дальше. Ирала умер в 1558 г. В 1753 г. епископ Асунсьона присвоил себе право назначения губернатора колоний и некий Гарей, которого он назначил на это место, поступил очень просто с законным губернатором — приказал заковать его в цепи, после чего тот вскоре и умер; его племянник, временно облеченный тенью власти, был убит фанатизированными индейцами. Правда и Гарей не замедлил подвергнуться той же участи, потому что там, роковой волей судьбы, сегодняшний победитель назавтра становился побежденным.

После смерти Карла V финансы Испании оказались обремененными долгами; недовольный народ роптал и правительство считало, что только Америка может спасти его. «Нужда подавила всякую жалость, говорит Фамин, а потребности минуты не позволяли думать о будущем. Испанское правительство, не довольствуясь тем, что довело туземцев до отчаяния и перерыло всю поверхность завоеванных провинций, дабы извлечь

из их недр все заключающееся в них золото и серебро, стало продавать все должности с публичного торга. Тот, кто покупал ее, конечно, заставлял платить своих подчиненных, эти — других и так далее до последнего звена общественной цепи, до рабочего, на которого смотрели, как на вьючное животное, обременяли страшными тягостями, забивали палками и которому только поневоле бросали жалкую пищу. Метрополия в торговых отношениях с колонией присвоила себе не только большую часть всего, что она могла дать, но желала получить все. Таким образом, например, требовалось, чтобы Чили перестало разводить виноградники и оливки, а потребляло исключительно вина и масла, привозимые из Испании. Таможенные пошлины, налагаемые на все, идущее из колоний, были чрезвычайно высоки. Богатства Южной Америки должны были переходить в метрополию и американцам не разрешалось покупать у других народов даже те продукты потребления, которые в Испании вовсе не производились. Исключительно только одним испанцам предоставлено было право селиться в американских колониях. Самая сильная подозрительность охраняла эти владения по ту сторону океана; для того, чтобы иностранный корабль мог пристать к их берегам, нужно было особое разрешение со стороны мадридского правительства. Из этого правила не делалось исключения даже для несчастных случаев, и всякое судно, искавшее убежища против бури, даже когда оно принадлежало союзному государству, было захватываемо, а экипаж заковывался в цепи».

Интересуясь исключительно неисчерпаемыми доходами, которые сулила ей эта богатая страна, Испания с самого начала захвата стала делить ее на участки, которые и распределяла под названием энкомиенд (пожалований), образуя таким образом настоящие лены. Когда могли установиться начатки организации, власть на деле уже принадлежала владельцам этих ленов, которые и располагали ею по своему произволу. Энкомендеросы или жалованники были ленными господами завоеванной страны. Индейцы сделались их законными рабами, они превратились в вещь, которую они приравнивали к вьючному скоту, требуя от них самых тяжелых работ и не давая в замену ни малейшего вознаграждения. Начиная с тринадцатилетнего возраста, каждый индеец должен был платить подать и, если он был не в состоянии выполнить этого, его продавали, как невольника. Но и это еще не все. Невинные обычаи несчастных жертв были решительно запрещены; они должны были оставить некоторые украшения, которые в их глазах свидетельствовали о древнем благородстве или служили знаком особого достоинства. Так, например, были семьи, пользовавшиеся со времени Манко-Капака привилегией стричь волосы на лбу под прямым углом или вытягивать возможно длиннее мочку ушной раковины. Писарро и его грубые помощники не щадили на-

смешек в отношении высших сановников, считавших за честь сохранение в неприкосновенности этих драгоценных привилегий. Какой-нибудь важный чиновник отличался от своих подчиненных длиной своих волос, которые не должно было коснуться никакое железное орудие. Его силой приказывали сбрить. Были приняты стеснительные меры против некоторых, без сомнения странных или казавшихся таковыми, обычаев, которые тем не менее следовало, хотя бы временно, уважать. Подобное насилие не было пригодно для того, чтобы обеспечить устойчивость колонизации и последствием его являлось обезлюдение, исчезновение туземцев, которые, если не гибли в сражениях, шли умирать на работах в рудниках. Оно же породило торговлю неграми, так как явилась нужда заменить руки, которые ежедневно гибли тысячами вследствие войн, дурного обращения и убийственного труда.

Филантроп, епископ Лас Касас, пришел к убеждению, что нет другого средства для спасения последних представителей коренной расы, как обречь на те же работы, хотя бы временно, другую расу — негров, физические качества которых давали возможность лучше переносить палящий зной экваториальных стран. Увы! Эта временная мера, сделавшаяся постоянной, никого не спасла. Индейцы продолжали работать без отдыха: одни — согнувшись над землей под солнцем, которое убивало их, другие — погруженные в море, где должны были искать жемчуг, или погребенные в рудниках, без надежды когда-нибудь выбраться на поверхность. Под предлогом улучшения их участи Карла V установил так называемые *mite*, нечто вроде гражданского рекрутского набора, которые не только не послужили на пользу индейцев, но явились источником их страданий. Каждый округ должен был ежегодно доставлять необходимое число людей к услугам тех, кто разрабатывал почву. Всякий владелец рудника или земель имел право требовать нужное ему число индейцев, причем в одном Перу было тысяча четыреста разрабатывавшихся рудников. Всякий мужчина от восемнадцати до пятидесяти лет подлежал *mite* и тот, на кого падал жребий, знал ожидающий его печальный конец. Вызов его был равносителен смертному приговору, потому что из пяти таких несчастных жертв алчности обыкновенно переживал эту ужасную службу только один. Перед отправлением все делали свои последние распоряжения, родственники совершали такие же похоронные церемонии, как над трупом; но их палачи были набожны: по их требованию совершалась месса, которая являлась еще одним лишним налогом на индейцев, потому что если их заставляли слушать ее, то главным образом для того, чтобы заставить заплатить за нее. По окончании литургии священник приводил их к присяге в верности и послушании испанскому королю, окроплял святой водой, произносил обычный возглас *Vete*

con Dio и затем уходил, после чего их отправляли на богатые золотоносные залежи. Обреченные на производство раскопок, они спускались в колодцы и галереи, причем внезапный переход от свежего воздуха в зараженной атмосфере вызывал у них нечто вроде астмы, от которой они погибали к концу года, если крайнее переутомление, скверная пища и отчаяние не убивали их раньше. В одном только Перу мита дала восемь миллионов жертв. Во все время работы индеец должен был получать четыре реала в день, из которых третья часть возвращалась хозяину за пищу; но хозяева устраивали так, что могли присваивать и остальные две трети, выдавая авансы на одежду и крепкие напитки. По истечении миты индеец, если случайно оставался жив, должен был продолжать еще службу до погашения своего долга.

Так как авантюристы, наехавшие в Америку, были чересчур гордые идалго, чтобы ходить пешком, а лошадь стоила около сорока тысяч франков, то они при больших расстояниях приказывали людям носить себя, гораздо менее заботясь о потере нескольких индейцев, чем о потере дорогой верховой лошади. Когда они предпринимали путешествие, каждый из них брал с собой пять или шесть тяжело нагруженных индейцев, прикованных к одной цепи. Если во время перехода кто-то из них падал от утомления, ему, чтобы не отпирать замка от надетого на него ошейника, просто отрубали голову, а тело, брошенное на дороге, служило пищей плотоядным животным. По рассказу капитана Паломино, вот что происходило, когда хозяева Нового Света отправлялись для ознакомления с провинциями и деревнями, которыми желали завладеть. «Если жители встречали их дружески, их предавали мукам, чтобы заставить признаться, где находятся их драгоценности; если же, напротив, они покидали свои дома, то испанцы предавали последние огню, уничтожали все запасы в складах и травили их, как диких зверей, нарочно дрессированными для этой ужасной охоты собаками. Поля оставались невозделанными, вследствие чего настал такой голод, что целые толпы индейцев умирали на дорогах».

Побежденные не могли зарыть всех своих драгоценностей, а тем более скрыть существование рудников. В этом заключалось отмщение, потому что, как замечает Эрнест Шартон, эти баснословные богатства, далеко не удовлетворив победителей, сделались для них источником разорения и развращенности. «В течение трех веков, в которые они владели Южной Америкой, они ограничивались только разработкой золотых и серебряных жил и, так как работы туземцев было бы недостаточно для утоления их алчности, они ввели еще рабов-негров. Между тем нет другой страны, где бы растительное царство было настолько богато, как в странах, соседних с экватором, где почва так плодородна, а воды столь

изобильны. Однако, испанцы пренебрегали изучением средств завоеванных провинций; они не знали не только названий, но даже не подозревали существования многих больших рек, которые могли бы сделаться важными торговыми артериями. Занятые исключительно добычей золота, они никогда не подумали бросить взгляд на будущее и презирали полезные работы, которые открыли бы последующим поколениям неисчерпаемые источники благосостояния. Испания, провозгласив себя королевой двух океанов и двух миров, умела только разрушать, но не создала ничего ни великого, ни прочного». Испанцы нагромождали вокруг себя только одни развалины; дороги исчезли, мосты обрушились, плотины прорвались; оросительные каналы завалились и вскоре не осталось более ничего из того, что создал гений туземных народов под властью Инков.

С другой стороны, земледелие было в совершенном пренебрежении. Америка могла производить превосходные вина, не уступающие мадере и каштадту; оливки могли там произрастать как нельзя лучше, но Испания запретила культуру винограда и оливкового дерева, чтобы иметь возможность продавать в Америке свои вина и свои оливки. Всякого рода промышленные заведения были запрещены. Рубка деревьев в лесах могла дать огромные доходы, но о ней никто не думал, потому что требовалось немедленное получение продуктов; что же касается будущего, то кто о нем заботился? Вся деятельность была направлена на добычу золота, только ему покровительствовало государство, потому что из него оно несомненно извлекало доходы. Солдат, сделавшийся господином, копал почву только для того, чтобы извлечь из нее драгоценный металл, и думал только о том, как бы поскорее разбогатеть за счет стада туземцев, которыми он располагал именем короля и папы. «Тут, по замечанию Н. М. Гвардиа, была проявлена неизмеримо худшая и в тысячу раз более убийственная гнусность и жестокость, чем во время завоевания, навлекшего столько упреков на Испанию... Без сомнения, Испания не невинна в пролитии крови во времена завоевания, прибавляет тот же писатель, но что никогда не может быть прощено ей, так это та возмутительная и нелепая административная и финансовая система управления, которая без малейшего колебания жертвовала для обогащения горсти авантюристов и бродяг целой расой и выгодами государства. Центральная власть, жадная и непредусмотрительная, была безжалостна и с отвратительным искусством пользовалась самыми скверными человеческими страстями. Скрещивание белой и индейской расы только и могло подготовить будущее процветание, производя крепкое население; но против него восставали расовые предрассудки, укрепленные еще воспоминаниями о завоевании, а центральная власть содействовала этим предрассудкам, не допуская метисов пользоваться какими бы то ни было гражданскими правами

или почетными отличиями. Даже креолы считались ниже природных испанцев, так что управление завоеванными землями, предоставлялось исключительно людям, которые, не имея никаких корней в стране, думали только о том, как бы разбогатеть, с тем, чтобы пользоваться своим достоянием в ином месте. Таким путем все шло к разрушению и гибели добрые зародыши... испанское правительство, действуя исключительно в своих интересах, устраняло всякую торговлю, всякое сообщение с иностранными землями. Для более прочного обеспечения монополии, оно прибегало к строгим мерам надзора и разобщения и, благодаря такой нелепой системе, Южная Америка оказалась предоставленной исключительно Испании, которая, начиная с конца XVI века, была самой отсталой из всех европейских наций».

Только что мы говорили об *мита*; *репартиемента* являлось другим средством притеснения и тирании. Так называлось предоставление коррехидорам привилегии продажи индейцам всех необходимых предметов потребления. Коррехидоры цинично пользовались привилегией и принуждали туземцев покупать по чрезмерно высоким ценам совершенно бесполезные или ничего не стоящие предметы. Наконец, сбор королевских податей давал еще один предлог для гнусных вымогательств, а священники, прибывшие из Испании нарочито для спасения душ неверных, отнимали последнее, что им оставалось от неумолимой алчности официальных хищников. Испанские миссии, о благодеяниях которых так много писали, на самом деле также обращались не слишком нежно к населению. Поль Маркуа, автор весьма интересного путешествия по Южной Америке, дает о перуанских миссиях, порядки которых были далеко не отеческими, интересные подробности, которые мы считаем нужным привести здесь. «Катехумены, — которых заставляли усиленно работать, худо кормили и сильно били, — умирали как мухи. Для пополнения образовавшегося недостатка людей и поддержания в их учреждениях надлежащего количества христианского населения, достопочтенные отцы иезуиты посылали на судне, вооруженном для военных действий, духовных лиц и солдат с целью грабежа — выражение это грубо, но вполне уместно — берегов Амазонки и миссий, основанных их бразильскими единоверцами и соперниками. В то время, как священники обирали новообращенных, солдаты захватывали и разоряли их жилища, становившиеся после этого совершенно бесполезными. Подобные вещи не представляли ничего необыкновенного для страны, недавно завоеванной. По окончании компании, морская экспедиция возвращалась с пением церковных гимнов, а пленники, захваченные во имя Христа, распределялись по обезлюдившим деревням. Нередко их отправляли в центральные миссии Верхней и Нижней Гауллаги, где они ожидали, как

товар в складах, пока где-нибудь не почувствуется нужда в душах и руках. Насильственное поселение в Перу омагвасов, живших в бразильских владениях, но прежде перешедших сюда из Попаяна и Новой Гранады по реке Хапури, было результатом одного из таких набегов. Наконец Бразилия, когда ей надоели эти апостолические разбойники, тем более, что увеличивающийся увод туземцев совершался в ущерб ей, задумала укрепить в видах охраны территории г. Ягуарате. Здесь был построен форт, и этот маленький Гибралтар получил приказ стрелять по всякому судну, которое будет спускаться по реке и не будет в состоянии отвечать на опрос часовых установленными словами: *Идем по приказу*.

Иезуиты очень рано задумали основать в Америке такое учреждение, которое принесло бы их ордену новый источник богатства и преуспеяния. Они уже проникли до Чили и берегов Тукумана, когда основали в конце XVI века коллегию в Асунсьоне, в Парагвае. Раз утвердившись там, они терпеливо и без шума ждали наступления благоприятного момента для осуществления своих проектов. Столкновение между губернаторами и епископами, желавшими вполне подчинить себе гражданскую власть, не замедлило дать им тот повод, на который они рассчитывали. Им помогла система командерисов и, под предлогом сбора индейцев в учреждения этого рода, они положили в 1609 г. на правом берегу Параны основы того в своем роде теократического и коммунистического государства, которое получило громкую известность под именем Парагвайских *Миссий* или *Редукций*. Они сразу обратили в христианство всех гваранисов, сделали им перепись, образовали из них нечто вроде военных поселений, сделали их землевладельцами и безусловно заперли весь край для иностранцев. Образовалось тридцать два поселка, в которых собралось сорок тысяч семейств. Эти ловкие руководители людей, столько же апостолические миссионеры, сколько и управители всего мирского, искусно эксплуатировали туземцев, которые «в своей счастливой простоте, если поверить Шелю, не знали ни вождей, ни начальников, можно бы даже сказать самого Провидения, а только одних Отцов».

Вся торговля была в их руках; они установили в свою пользу монополию, дававшую им возможность получать громадные доходы. Послушаем г. Кретино-Жоли, их явного апологиста: «Иезуиты были руководителями христиан, соединенных в парагвайскую общину. Ввиду неспособности этих дикарей, цивилизованных посредством религии, многие испанские короли и Филипп V декретом от 28 декабря 1743 г., возобновляя и подтверждая прежние указы, предоставили миссионерам право отчуждения продуктов с земель, обрабатываемых новообращенными, равно как и продуктов их промыслов. Декрет 1743 г. может дать далеко не полное понятие о способе действий, усвоенном иезуита-

ми в Парагвае. Никогда и никому, не исключая и испанских королей, не дано провидеть результаты своих деяний. «Из наведенных справок, актов совещаний и из других источников явствует, что, ввиду неспособности индейцев в отношении пользования своим имуществом, необходимо назначить каждому из них определенный участок земли для обработки, чтобы тем, что он извлечет из нее, он мог содержать свою семью; а затем остальные земли оставить в общем владении и то, что соберут с нее в виде зерна, корней, съедобного и хлопчатника, поступало бы в распоряжение индейцев, под управлением священников, а также травы и стада, и чтобы все это делилось на три доли, из которых первая должна поступать в виде подати в королевское казначейство и из нее уплачивалось бы жалованье священников; вторая — на украшение и подержание церквей, а третья на пищу и одежду вдовам, сиротам и немощным, тем, кто несет другие обязанности и также на другие надобности, какие могут встретиться, так как между ними почти нет никого, кто бы имел землю для обработки и получения необходимого для своего существования в течение года».

Иезуитские писатели много говорят о природной беспечности парагвайских народов и по-видимому в их глазах этой беспечности достаточно для того, чтобы насильно наградить их благами цивилизации, т. е. чтобы дать себе право обратить их в рабов. Они преднамеренно напирают на полную неспособность индейцев; она им кажется достаточно оправдывающей коммерческую эксплуатацию этого людского стада, труд которого обращался исключительно к выгоде пасущих, и которое, сверх того, должно было проливать за них свою кровь в постоянных войнах. Нужно сказать, что и в этом отношении Редукции были далеки от того состояния мира, который так расхваливали в Европе. Новообращенные составляли милицию, обученную по-европейски, и в их руки часто давалось оружие, чтобы бороться с многочисленными врагами их наставников и владык. Едва ли защитники иезуитов могут сознавать, что при этом мораль подвергается большому риску. В сущности для Отцов гораздо важнее было приобретение денег, чем душ. Торговля их была преступна с самого начала и они, под покровом религии, искусно торговали работой тысячей созданий, систематически удерживаемых в невежестве, бедности и самым бессовестным образом фанатизированных. Благодаря системе исключительно хозяйственного производства, эти благочестивые промышленники были в состоянии пускать свои продукты по самым низким ценам, вследствие чего вокруг их была убита всякая торговля, и соседнее население, не имея возможности конкурировать с ними, прекратило обработку земли: предприимчивость исчезла, и повсюду царил нищета и отчаяние. Жалобы и беспрерывные заявления торговцев Асун-

сьона не оказывали никакого действия. Доходы, извлекаемые иезуитами из их учреждений, были громадны; об это знали, хотя цифру их никогда не могли установить точным образом. Они имели искусство тщательно скрывать от Европы все, что происходило в их Редукциях. Каждый поселок был окружен рвами, назначенными для того, чтобы помешать новообращенным выходить из него, а иностранцам проникать в него; губернаторам и даже епископам было отказано в разрешении посещать их. На границах каждой Миссии, в определенном месте, совершался торговый обмен, но без участия неофитов, которым всякое соприкосновение с посторонними было строго воспрещено. Королевские декреты не доходили до этих изобретательных владетелей, которые были абсолютными господами в своих доменах и смеялись над регламентами, указами и декретами, а в случае надобности направляли своих озверевших воинов против самих губернаторов. «Таким образом, говорит Фамин, иезуиты, которые в записках, подаваемых испанскому правительству, а равно и в печатаемых ими книгах, говорили с энтузиазмом о спасении душ этих бедных индейцев и о счастье привлечения к цивилизации этой дикой расы, в сущности руководились исключительно только чисто земными интересами. Что же касается до просвещения, которое они будто бы давали своим неофитам, то оно ограничивалось тем, что их заставляли работать для выгод Ордена, так что после 150-летней культуры гуаранисы находились почти на той же степени развития, как и до нее».

2 января 1767 года парагвайские иезуиты были изгнаны из испанских владений подобно тому, как несколько лет раньше они были изгнаны из португальских, а имущество их было конфисковано. Территория, занятая ими, была уступлена Испании в 1750 г. Португалии, вступившей во владение ею только одиннадцать лет спустя. Все, что можно сказать в пользу отцов, это то, что они для пополнения личного состава Миссий и для удержания кочующего населения в их деревнях, почти никогда не прибегали к силе, а приобретали неофитов преимущественно своей ловкостью. После их отъезда уже не было вопроса о Парагвае, так как Испания в своей административной неспособности позабыла о нем.

Словом, притеснения, насилия, дух грабежа составляли общее правило в испанских колониях и не одни только индейцы находили ярмо их чересчур тяжелым. Метисы имели много оснований для жалоб и даже из чистокровных испанцев только те пользовались настоящими правами, кто занимал известные места или принадлежал к церкви. Подавлять колонистов налогами, всячески унижать их и держать в невежестве, — такова была политика Испании. «Для того, чтобы креолы жили в подчинении, их следует, говорили тогда, обучать только христианскому вероисповеданию». В провинции Велес (Новая Гранада) владельцы уделов

довели индейцев племени тунебос до такой бедности, что они целыми семьями бросались с вершины скалы в четыреста метров высотой в реку Ниеву. Племена агатоев и кокомоев в одну ночь всей массой прибегли к самоубийству, чтобы избавиться от своих палачей. Многие индейцы вешались от отчаяния, чтобы не попасть в руки испанцев и не сделаться рабами. Один из интендантов отправился с веревкой в руке на то место, где многие из этих несчастных собрались, чтобы покончить с собой, и грозил им, что если они не прекратят упорства, то он повесится вместе с ними. Несчастные испуганные люди разошлись, предпочитая жизнь, как бы тяжка она ни была, ужасу снова встретиться за гробом с одним из своих тиранов. В конце концов, целые народы, выведенные из терпения гнусностями и жестокостями, подняли восстание. Жители Аконкагу в провинции Канас, раздраженные увеличением дани в виде золотого песка, которую они были обязаны уплачивать, захватили испанского сборщика, грубо требовавшего уплаты, и заставили его выпить расплавленное золото, чтобы посредством этого средства удовлетворить неутолимую жажду сборщика, говорит Флорес, рассказывающий этот случай в книжке.

Совершив эту казнь, они покинули свое селение и их никогда более не видели. Ночью в декабре 1767 года, потомки первых обитателей долин Каравайи, Карангасы и Сучимани свели счеты с испанцами Сан-Габана за узурпацию, продолжавшуюся более двух веков. Они сожгли город и перебили стрелами и дубинами его обывателей. Рассказывают, что, узнав об этом событии, вице-король Антонио Амаат поклялся на части креста Господня истребить всех без исключений туземцев Перу. Актриса Маринита Галлегас, — прозвище которой Перикола, связь с вице-королем и назидательный конец в монастыре сделались знаменитыми, — вступилась за них. Она указала своему любовнику, что долг христианина и вице-короля в таком деле состоит в том, чтобы установить на вечное время поминки по жертвам и послать их палачам миссионеров, которые просветили бы их и окрестили. По-видимому, Амаат сдался на доводы Периколы.

В 1780 году терпение жертв пришло к концу. Бессовестность и жадность коррехидоров были в это время таковы, что в силу репартиемента они принуждали туземцев, ходивших босыми и у которых вовсе не росла борода, покупать у них по невероятным ценам такие бесполезные предметы как бритвы, шелковые чулки, даже очки и географические карты. Однажды Кондаркванкви, касик Тогасуки, захватил коррехидора Тинта, наложившего в одном и том же году три репартиемента в сто пятьдесят тысяч пиастров каждый и собственноручно повесил его. Этот касик происходил от Инки Тупак-Амару, обезглавленного испанцами в песнях, называемых *Печаль*, которые они слагают во время общественных праздников. Он принял имя своего предка и одежду Инков и подал

сигнал к восстанию. Это был образованный человек, получивший в монастыре в Куско тщательное воспитание; его личные достоинства внушали уважение, но им была допущена ошибка в том отношении, что он не сделал своего дела общим и для креолов, также беспрестанно оскорбляемых в их наиболее священных правах; он считал их своими врагами и обратил их против себя. Индейцы толпами стекались под его знамена и хотя у них не было оружия, но, благодаря отчаянной храбрости своих воинов, он повел дела удачно и поднял все Верхнее Перу. Борьба продолжалась более года, когда Тупак-Амару был предан другим касиком, которому испанцы обещали полковничьи эполеты, — обещание, мимоходом сказать, никогда ими не исполненное, — взят в плен и препровожден в Куско. Он был судим и осужден Хосе Антонио де Арехом. Этот изверг произнес ужасное решение, достойное самых варварских времен, которое и было выполнено во всех подробностях. Жена касика, его два сына и зять Бастидас были казнены на его глазах, после чего палач отрезал ему язык, а затем его, связанного, привязали к четырем лошадям и разорвали на части. Туловище было сожжено, а руки, ноги и голова разосланы в поселки, участвовавшие в восстании. Дом его был снесен, имущество конфисковано, а род объявлен обесчещенным на вечные времена. Один из братьев был отправлен в Испанию в тюрьму для каторжных, где он и оставался в течение тридцати лет. Таким способом надеялись навести страх на индейцев, но вместо этого только обострили их ненависть. Жестокие, как и все вообще униженные народы, восстающие против своих притеснителей, индейцы предались ужасному мщению. Рассказы о зверствах в Куско сделали то, что многие племена, остававшиеся до сих пор нейтральными, поспешили присоединиться к восставшим, которые под предводительством племянника Тупак-Амару Андреса и другого вождя, Катари, сражались с отчаянным мужеством. Рассказывают, что каждая жертва, погибшая в Куско, стоила испанцам пятисот голов. Андрес начал осаду г. Сората, где скрылись окрестные испанские семьи со всеми своими богатствами. Укрепления, защищенные артиллерией, представляли для осаждающих, лишенных огнестрельного оружия, почти непреодолимое препятствие. Андрес собрал в громадном бассейне, запруженном плотинами, воды окрестных гор, покрытых снегом, и затем направил их на город, стены которого были смыты потоком и таким образом открыли широкую брешь для индейцев. В Сорате заперлось двадцать тысяч человек, из них спасся только один священник. Инсургенты мстили за своего касика жестокостями, подобными жестокостям судьи Ареха. Смерть главных вождей, преданных и проданных за деньги их собственными слугами, положила конец восстанию и тирания без труда воцарилась по-прежнему, однако кровь была пролита не даром: *репартиемента* были отменены.

Со своей стороны креолы не менее терпеливо переносили порядок управления, которым они подвергались. Измученные преследованиями и видя как интересы их родины приносятся в жертву ненасытности Испании, они составляли широкие проекты освобождения. Около того времени, когда индейцы пытались освободиться, Сокорро, провинция в Новой Гранаде, поднялась, будучи не в силах выносить стеснительных налогов. Патриоты дошли даже до стен Боготы, на их знамени было написано: «Много лет королю, смерть дурным управителям!» Архиепископ, одетый в полное облачение и со святыми дарами в руках, вышел навстречу и успокоил волнение; но несколько времени спустя Сокорро было строго наказано и большая часть жителей ее разосланы в нездоровые округа морского побережья, где они и погибли.

Однако после этого были сделаны попытки кое-каких реформ; но было уже поздно! Основы убийственного трехвекового господства были поколеблены. Революция Соединенных Штатов дала этому новый толчок, а французская революция довершила его уничтожение. Декларация прав человека, тайно напечатанная в Боготе и ходившая по рукам, зажгла все сердца и породила пылкие стремления к независимости. Власть слепо поражала людей вокруг себя; трудное дело рождения свободы имело своим жертвы и своих героев. Боливар, путешествовавший в это время по Италии, еще совсем молодой и неизвестный, дал клятву на Монте Санто освободить свою родину от чужеземного владычества. Он сдержал свое слово. Образовавшийся из разнородной смеси народ был готов пролить свою кровь. Законоведы, мелкие собственники, низшее духовенство, молодые военные из туземцев были преисполнены энтузиазмом и жадной свободой. Когда же сама Испания была завоевана чужеземцами, час отпадения колоний настал: его подготовили испанские короли своими ошибками и преступлениями.

Глава четвертая

Освобождение.

Образование различных национальностей

Последствия для Америки революции в Аранхуэсе (1808). — Восстание в Каракасе (1810). — Независимость Венесуэлы (1811). — Восстание в Чили (1810). — Боливар; он создает *Республику Колумбия* (1819). — Автономия Бразилии (1821) и Парагвая (1811). — Независимость Ла-Платы (1821).

Освобождение южно-американских колоний от их метрополий составляет в истории этих стран третий период, начавшийся для испанских владений событиями в Каракасе и Буэнос-Айресе в 1810 г., а для

португальских объявлением независимости Бразилии, преобразовавшейся в 1822 году в конституционную империю.

Мы уже видели каково было настроение умов в конце XVIII века. Испания могла еще предупредить катастрофу, но ее ослепление было из тех, которые не знают никаких границ. Она продолжала нарушать все интересы, противодействовать всем желаниям. Было как бы решено, что она до конца останется глуха ко всем предостережениям, что все в ее бессмысленном поведении сделает неизбежным восстание, которое должно было произойти, и оправдает его перед судом истории. Это восстание было единодушно.

Революция в Аранхуэсе была репающим событием. 18 мая 1808 года испанский народ сверг слабого Карла IV, который, будучи исключительно поглощен забавами охоты и заботами о своей конюшне, допустил королеву передать все государственные дела в руки ее любовника Годоя. Фердинанд VII, злой и презренный сын преступной матери и слабоумного отца, старался получить корону. Между этими Бурбонами начались постыдные споры, которые были прекращены вмешательством Наполеона. Заточение жалкой семьи в Валансэ, отказ от своих прав за ренты и пенсии, вступление на престол наполеоновской династии, нашествие французов, безнравственное и неловкое поведение относительно колоний различных, вновь возникавших в Испании политических учреждений, споривших за власть, — все эти обстоятельства ускорили разрыв и дали возможность американцам убедиться, что восстание для них является действительно долго, и притом одним из наиболее священных. Несчастье подавленных народов состоит в том, что они находят удовольствием в своем рабстве; Америке удалось избежать этого рокового закона. Она вовсе не хотела разделить участь завоеванной Испании, этой мачехи, которая даже в момент своего поражения пыталась еще навязать ей свои капризы. Сверх того, — кому повиноваться? Постановления и прокламации всех партий доходили в колонии одновременно; одни шли от Карла IV, другие от Фердинанда VII, иные, наконец, от случайного короля, самозванца Жозефа [Бонапарта]. Прибавьте к этому многочисленные декларации хунт — Кадисской, Севильской, Астурийской и другие, которые все считали себя законными и требовали повиновения, наконец еще акты советов регентства. Это была настоящая анархия. Когда сила палача со всех сторон подрывалась, для жертвы блеснул луч надежды.

При таких обстоятельствах Кито, первородок независимости, в 1809 г., попыталась освободиться. Движение было подавлено; два патриота заплатили своими головами за попытку, которая однако в следующем году (2 августа) снова повторилась и на этот раз с успехом.

Сначала можно было думать, что метрополия желает устранить всякий предлог к прежним жалобам со стороны колоний. Она получила

оттуда субсидии и различные приношения с 1808 по 1810 год и, без сомнения, хотела вознаградить такую верность в несчастьи спасительными реформами. Королевским декретом от 22 января 1809 г. испано-американские провинции были объявлены нераздельной частью монархии с теми же правами, как и провинции самой метрополии, но это была только хитрость. В следующем году Севильская хунта, обращаясь к испано-американцам, говорила: «Наконец вы возведены в достоинство свободных людей! Вы уж не живете в то время, когда, согбенные под невыносимым игом, вы были жертвами произвола, корыстолюбия и невежества. Помните, что, посылая своих уполномоченных в национальный конгресс, вы освобождаете своим судьбы от министров, вице-королей и губернаторов, и что они теперь в ваших собственных руках». Но это громкое заявление относительно способа, каким Испания управляла своими колониями, сопровождалось декретом, который ограничивал число представителей только одним, и то от столичного города. Кроме того, он должен был быть избран по жребию из числа трех, которые будут избраны муниципалитетами, причем самая форма избрания предоставлена была усмотрению вице-короля.

Центральная хунта приказом, изданным в 1809 г., высказалась в пользу свободу торговли; но почти тотчас же этот приказ был уничтожен Кадисским регентством, которое заменило центральную хунту. Такое неблагоразумие не замедлило принести свои плоды. Как только последнее распоряжение стало известным в Каракасе, — гроза разразилась. В этом капитанстве, из всех колоний юга, принципы французской революции имели наибольшее число последователей. Муниципальный совет захватил власть, образовал верховную хунту (19 апреля 1810 г.) и, безусловно признавая королем Фердинанда VII, отказался повиноваться регентству и его декретам. Прибывшие в это время из Европы агенты с требованием присяги в верности Жозефу, были встречены криками: *Да здравствует Фердинанд!* Все единодушно были против josephinos, afrancesados (жозефистов, офранцузенных) и когда распространился слух, что французские войска угрожают Новой Гранаде, вся область Кундинамарка взялась за оружие (в июле); вице-король, обвиненный в желании продать Америку наполеону, был сослан в Картагену. Этот город и провинции Памплона и Скоро также восстали за несколько времени до того; на севере, провинции: Тунха, Казанаре, Антиоквиа, Чоко, Нейва и Марекита поднялись одновременно со второй попыткой освобождения, сделанной в Кито, о которой мы уже говорили. Вице-королевство Новая Гранада исчезло раньше конца года. Главный город каждой провинции желал иметь свою хунту и не хотел зависеть от других; но для полного торжества необходимо было единство действий. Хунта, образовавшаяся в Сан-

та-Фе-де-Богота, признала своим королем Фердинанда VII и пригласила хунту Каракаса, сделав то же, действовать сообща. Каракас объявил, что представителям провинции Венесуэлы будет поручено образовать свободное правительство. Действительно, конгресс, собравшийся в Каракасе из депутатов провинций Каракас, Барселона, Кумана, Маргарита, Трухильо и Мерида, которая только что отделилась от Маракайбо, провозгласил 5 июля 1811 года независимость Венесуэлы и установил республику.

Подобные же события происходили и во многих других местах Америки. С 1804 по 1807 год Буэнос-Айрес и Монтевидео должны были поддерживать войну с Англией, эскадра которой явилась для блокады портов Ла-Платы. Жак де Линье, француз на испанской службе, пользуясь мужеством креолов, отразил нападение. Молодые солдаты, гордые своей победой, были приняты и обласканы людьми, уже участвующими в заговоре, каковы Морено, Кастели, Бельграно, Балькарче, т. е. людьми пропитанными духом революционных сочинений, доставлявших во время английской оккупации из Соединенных Штатов и Франции. Таким образом инсurreкционная армия сформировалась. В Буэнос-Айресе почва была подготовлена. Собрание шестисот нотаблей отрешило нового вице-короля Сиснероса от должности (май 1810 г.). Кастели и Бельграно руководили движением. Несмотря на помощь, присланную из Португалии по настоянию королевы, жены Жоана VI, и войск под начальством перуанского вице-короля, роялисты были в нескольких стычках разбиты буэнос-айресскими патриотами. Борьба была непродолжительна; испанские военачальники, покинутые своими войсками, были взяты в плен. Сначала Монтевидео служило убежищем и главной квартирой роялистов, но вскоре хунты образовались в Парагвае и во всех провинциях Ла-Платы. Со своей стороны, в июле 1810 г., восстало и Чили, причем победы осталась за ним. Здесь революционеры имели в своем распоряжении очень мало ружей; многие отряды были вооружены только бычачьими ярами; артиллерия состояла из деревянных пушек, разрывавшихся при четвертом выстреле, и при таких-то условиях они торжествовали; — таково могущество магического слова «свобода»!

Нижнее Перу, остававшееся в повиновении, представляло еще серьезную точку опоры для испанцев; но Верхнее Перу боролось отчаянно. Революционный взрыв произошел в первый раз в Чаркасе и Ла-Пасе в мае 1809 года. Вокруг небольшого отряда, явившегося в следующем году из Буэнос-Айреса, собралось много патриотов и Кастели и Балькарче вошли победителями в Потози. Правительству в Лиме, вынужденному бороться против независимых в Кито, Верхнем Перу и Чимо, и тем сбросать свои силы, было много дела, так что даже самые победы только ослабляли его. С другой стороны революция, особенно в прекрасной Лиме,

роскошном и изленившемся городе, была принята не всеми классами общества с одинаковым энтузиазмом. Противниками ее были благородные кастильцы, семейства чиновников и сановники церкви; но простые священники были везде заодно с ней. Молодые люди из высших классов во многих местах являлись драгоценными пособниками революции. Из благородного чувства патриотизма они великодушно подчинились всем требованиям рекрутского набора, где он был установлен, например, в Венесуэле, тогда как в правительственную армию пришлось приводить людей низшего сословия, надевая на них ручные оковы. Остывшие от рабства, воспитанные в послушании, негры и индейцы безразлично шли за и против того, что должно было сделать из них свободных людей. Во многих местах, например, в Буэнос-Айресе, некоторые племена воспользовались смутами, чтобы снова начать свои набеги и совершать жестокие грабежи. Таким образом, война за независимость сопровождалась то успехами, то неудачами. Испании в это время быть может только недоставало дальновидного человека, который, мудро взвесь события, сумел бы спасти то, что еще было возможно, предоставив революции ее завоевания, и который посредством соответствующих реформ укрепил бы за короной прекрасные и обширные страны, остававшиеся покорными ей. Подобно всем другим большим общественным потрясениям, война за независимость должна была произвести необыкновенных людей; из них самым великим и знаменитым был Симон Боливар. Это — герой Южной Америки; в нем, можно сказать, олицетворялась эта гигантская борьба угнетенного с угнетателем, борьба, которая должна была продолжаться в течение пятнадцати лет. Родина наградила его титулом Освободителя, а одно из государств, обязанное ему своей независимостью, назвалось его именем.

Симон Боливар, родившийся в 1783 г., был младшим из четырех детей донна Хуана-Висенте Боливар-и-Понте, полковника ополчения долины Арагуа, человека богатого и уважаемого. Сирота с шести лет и владелец состояния, приносявшего ему двести тысяч ливров дохода, он был еще юношей отправлен в Мадрид к своему дяде, маркизу де Паласиос, для окончания своего образования. Ему было семнадцать лет, когда он сделал предложение донне Терезе, своей кузине, дочери маркиза дель Торо. Его отправили путешествовать; он побывал в Париже, но вскоре возвратился в Испанию, где и женился, восемнадцати лет от роду. Он увез свою молодую жену в Каракас, но через пять месяцев она умерла от желтой лихорадки. Эта потеря сильно огорчила его. В 1803 г. он снова отправился в Европу, побывав в 1804 г. во Франции, и только в 1809 г. возвратился на родину через Соединенные Штаты. Он присутствовал в Париже и Милане при апофеозе Наполеона, как императора и короля, прожив все это время среди энергичного народа, собственными усилиями завоевавшего себе свободу. Во Франции он позволил себе высказать

некоторые суждения, за которые императорская полиция была намерена его преследовать. Побывав в Соединенных Штатах, он преисполнился глубоким уважением к честному и великому Вашингтону.

Когда началась революция, Боливар жил в своих поместьях в Арагуа; тотчас же он предложил ей свои услуги и был отправлен в Англию, вместе с Лопес-и-Мендесом, просить защиты и посредничества. Оба посланцы встречены были холодно, так как в это время английское правительство вело сообща с кортесами войну с Францией, а потому и отказывалась помогать движению, враждебному Испании. Боливар возвратился в Америку, но привез небольшое количество оружия и доставил генерала Миранду, старого и храброго патриота, подобно ему родом из Каракаса, который, после одного заговора для освобождения своей родины, удалился из отечества и в течение двадцати пяти лет перебивал в разных странах мира, всюду ища сотрудников американскому делу. Миранда служил во Франции в армиях республики; наскучив ожиданием, он в 1806 г. на свой счет и на счет некоторых друзей снарядил небольшой отряд, с которым высадился сначала в Окумаре, потом в Коро, но должен был возвратиться, так как был очень дурно встречен населением. Теперь он снова явился, хотя и состарившийся, но не потерявший бодрости, чтобы отдать себя, шестидесятилетнего старика, на службу родине. Ему было предоставлено главное начальство. В это время дела испанцев неожиданно поправились: землетрясение, случившееся в святой четверг 1812 г. и разрушившее девять десятых всех домов в Каракасе, навело ужас на население и послужило для духовенства средством доставить именем неба торжество тирании. Монтеверде, капитан корабля, человек грубый и жестокий, стал во главе роялистов, сумел снова овладеть Венесуэлой и заставил Миранду сдаться на капитуляцию. Страна опять подпала под власть Испании. Миранда получил обещание амнистии патриотам; но оно было нарушено и несчастный старик был первой жертвой вероломства и наступившей реакции. Монтеверде отправил его умирать в темницах Кадиса. Достоинно сожаления, что Боливар был в числе врагов Миранды. Он был недоволен его несколько педантскими теориями, нерешительностью и неудачами; быть может, он действительно верил и обвинениям в интригах с Англией. Как бы то ни было, но в этом деле он сыграл прискорбную роль. Монтеверде своими варварствами навел ужас на всю страну; тюрьмы переполнились, сигнал к казням был подан. Убийство и грабеж были возведены в политическую систему, в деревнях толпились множество несчастных, изгнанных из города, которым предварительно отрезали носы и уши, вырезали щеки, прошивали плечи, подрезали сухожилия и сдирали кожу с пяток. Казалось, дело освобождения погибло в Венесуэле. Не лучше было и в Новой Гранаде.

Чили также ослабевало. Прежде чем храбрый Мариньо возвратился во главе новых отрядов, чтобы опять отнять эту страну у испанцев, реакция взяла верх и в Кито. К счастью, Ла-Плата освободилась совершенно, и армии Артигаса и Лопеса задерживали испанцев на границах Чили и Перу. В Ла-Плате дело роялистов было потеряно навсегда.

Боливар вместе со своим двоюродным братом Феликсом Рибасом бежал на остров Кюрасао; здесь он собрал изгнанников и повел их на Картахену. Он намерен был, заручившись помощью этой, остававшейся свободной, провинции, явиться для освобождения Венесуэлы и заодно спасти Новую Гранаду. Картахенский конгресс дружелюбно встретил его. Президент Торрисес снабдил его деньгами, оружием, военными припасами и дал пятьсот человек под начальством Мануэля Кастильо. Боливар привел три венесуэльцев. Рибас был вторым начальником. Эта маленькая армия покинула Картахену в январе 1813 г.; но вскоре Кастильо захотел действовать независимо, а Боливар получил от конгресса приказание занять Баранкас, городок на р. Магдалина, и там держаться. Однако он не пожелал оставаться в бездействии и пошел далее, решившись заглавить свое неповиновение славой успеха. Прежде всего Боливар овладел городом Тенерифе на правом берегу Магдалены, потом Монпоксом и наконец Окана; он разделил силы неприятелей, разбил и рассеял их. Когда он проник в Венесуэлу, Новая Гранада уже была освобождена. Жестокости Монтеверде сделались источником спасения революции, так как бросили в лагерь патриотов всех умеренных. Новые солдаты являлись со всех сторон; когда Боливар проник в Анды в окрестностях Памплонны, с ним было только две тысячи человек, но теперь под его знамена стекались тысячи волонтеров, а когда его армия соединилась с Рибасом на венесуэльской территории, последний привел еще шестьсот гренадцев, посланных конгрессом, собравшимся в Тунха. Одновременно прибыл с отрядом и полковник Бричено, который был послан к Гвадалито. Без малейшего замедления Боливар атаковал роялистов у Грита, потом в Мериде и овладел всем округом этого имени. С такой же быстротой он занял провинцию Вариньяс. В других провинциях действовал Мариньо, молодой студент, который в несколько месяцев прошел все ступени военного звания и уже считался одной из самых надежных опор революции. Он разбил Монтеверде, сделался полновластным распорядителем в провинциях Кумана и Барселона и принял титул главнокомандующего и диктатора восточных провинций Венесуэлы. Поддержанный этими событиями, хотя они и противоречили его видам на единство, Боливар разделил свою армию на два корпуса, один под своим начальством, а другой под командой Рибаса и, гоня перед собой испанцев, разбил Монтеверде, а затем пошел на Каракас. Это было в августе 1813 года. Вступление его в

столицу вызвало неопишущий восторг; двенадцать молодых девушек везли его на колеснице, а народ приветствовал титулом Освободителя. В несколько месяцев он прошел сто пятьдесят лье, выиграл пятнадцать больших сражений и множество стычек. Его слава была бы еще большая, если бы во время этой памятной кампании он не отвечал кровавыми экзекуциями на жестокости Монтеверде. Правда, испанцы, говоря о независимых, объявляли, что ни одну из этих каналов не должно щадить, и убивали даже женщин и детей из страха, что они могут служить шпионами для революционеров.

Венесуэла, казалось, освободилась. Боливар владел большей половиной всего генерал-капитанства, Мариньо остальной частью. Во власти испанцев остались некоторые пункты, не имевшие никакого значения, и сам Монтеверде был блокирован в Пуэрто-Кабельо. Ничто не предвещало, что счастье обратился против патриотов.

Боливар принял титул диктатора западных провинций Венесуэлы. По-видимому, он не был склонен восстановить гражданское управление, но общественное мнение ему подсказало это и он, осознав свою ошибку, созвал собрание, которому отдал отчет во всех своих действиях и планах и подал в отставку. Ее отвергли и диктатура его была продолжена до того времени, когда Венесуэла будет иметь возможность соединиться с Новой Гранадой.

Однако роялисты не считали свое дело окончательно потерянным; она вооружили своих рабов, обещав им свободу. Во главе этих кровожадных зверей отличался свирепый Пюи, который, овладев Вариньясом, расстрелял в нем пятьсот патриотов. Пюи был одним из помощников Бовеса, самого опасного из противников Боливара. Этот Бовес, родом из Кастилии, был моряком, потом служил в пограничной страже, затем стал разносчиком и наконец за разные преступления попал в тюрьму. Он бросился, сам не зная почему, в ряды роялистов. Будучи до поражения испанцев капитаном милиции, он собрал бродяг, осужденных судами, негров, вообще цветных, и таким образом организовал шайку, заслужившую за свою свирепость название *Адского легиона*, храбрость которого он возбуждал приманкой грабежей. В этой банде участвовали льянеросы, варвары равнин, одновременно и пастухи, и мясники, привыкшие усмирять самых диких лошадей и быть постоянно в седле, — кавалеристы, не имевшие себе соперников. Льянеросы презирали как горцев, унижавшихся до ходьбы пешком, так и европейцев, чувствовавших усталость после шестнадцатичасовой непрерывной скачки. Они ездили голыми, не имея другой одежды, кроме чего-то похожего на панталоны. Припав к седлу, с копьем на перевес, с кружащимся лассо в руке, они с быстротой молнии налетали на врага, поражали и истребляли его. Ника-

кая регулярная кавалерия не могла выдержать нападения этих казаков колумбийских степей, оставлявших за собой ужасные следы. Жадность этих номадов была разожжена обещаниями раздела между ними земель, отнятых у побежденных. Скоро шайки Бовеса насчитывали уже до восьми тысяч человек. Их вмешательство повлекло за собой репрессии: тысяча двести пленников были зарезаны в один день. Тогда война приняла бешеный характер; и та, и другая сторона стали соперничать в жестокости. Энергия Бовеса много раз была парализована беспечностью испанских генералов. Боливар неоднократно разбивал его и его помощников мулата Розетте и начальника герильясов Янеса; но потом имел неосторожность двинуться на широкие равнины, где его встретила кавалерия Бовеса. Войска Боливары были рассеяны в Ла-Пуэрта (14 июня), а разбитый почти вслед за ним Мариньо отброшен к Кумана. Победитель достиг Каракаса с такой быстротой, что диктатор едва успел броситься в лодку, предоставив спасение республике на волю стихий. Ривас собрал независимых и продолжал поддерживать войну; однако Бовес разбил его окончательно при Урика, но сам умер от раны на поле битвы. Свирепые солдаты устроили ему достойные его похороны: женщины, дети, старики — все были перерезаны; взятый в плен Ривас — расстрелян, а голова его отослана в Каракас для публичного выставления (декабрь 1814 г.).

Боливару снова удалось достигнуть Картахены, которая с провинцией Санта-Марта образовала отдельную республику, президентом которой все еще был Торрисес. В Новой Гранаде были постоянные несогласия. Мы сказали раньше, что в июле 1810 г. образовалась временная хунта в Боготе. Провинциальные депутаты, собравшись на конгресс, составили федеральный учредительный акт, который однако не был принят всеми провинциями, после чего отделившиеся выбрали другую хунту, так называемую хунту Кундинамарка. В 1812 году это собрание издало свой проект конституции, который был встречен не лучше прежнего. Анархия была в полном разгаре. 10 сентября 1814 г. открылся в Тунха третий конгресс и Боливар предложил ему свои услуги. Получив поручение идти против Боготы и ее диктатора Альвареса, он заручился формальным обещанием, что отпавшие провинции присоединятся к конфедерации. В вознаграждение за это прежняя столица должна была сделаться центром управления. Устроившись в Боготе, конгресс прежде всего подумал о средствах отражения испанцев, появление которых ожидалось с часу на час. Наполеон пал, Фердинанд вступил в Мадрид и вскоре узнали, что им выслан в помощь роялистам флот и десять тысяч шестьсот сорок два человека под начальством Морильо. Всем вице-королям были посланы уведомления о скором прибытии этого сильного подкрепления. Мадридский кабинет питал надежду, что одной этой новости будет дос-

таточно, чтобы все бунтовщики, охваченные ужасом, покорились. Это значило сильно рассчитывать на престиж испанского оружия, которое в это время не пользовалось, однако, славой непобедимого; сверх того, это событие совпало с капитуляцией Монтевидео, последнего убежища метрополии в древнем вице-королевстве Буэнос-Айрес, превратившемся с этого времени в независимое государство. Новая республика снарядила эскадру и лаплатские моряки разбили испанский флот. Монтевидео с гарнизоном в пять тысяч пятьсот человек сдалось и Испания потеряла единственную территорию, которой еще обладала на всем восточном берегу Южной Америки. Падение Монтевидео было до некоторой степени вознаграждено событиями в Чили, снова подпавшем под власть Испании в 1814 г. и преданном всем ужасам доведенных до крайности репрессий, хотя предводитель герильясов Родригес и не переставал постоянно тревожить роялистов. Зато в Перу провинции Куско, Гуаманга и Арекипа, бывшие до тех пор покойными, поддались, наконец, внушениям Бельграно и Буэнос-Айресского правительства и объявили себя заодно с защитниками независимости. Лима также удерживалась роялистами только с большим трудом.

Тем временем вожди Гранады и Венесуэлы пришли к соглашению. Кастильо, Кабаль и Урданета действовали в интересах Новой Гранады, Боливар и Мариньо — Венесуэлы. На юг были посланы отряды для обуздания правительства в Кито, на западе Урданета должен был прекратить опустошительные набеги Пюи. Боливар, назначенный генерал-капитаном Новой Гранады и Венесуэлы, спустился по Магдалене во главе трех тысяч человек, захватил Монпокс, где расстрелял четыреста пленников, и обратился к Торрисесу с просьбой о подкреплении с целью напасть на Санта-Марта, но Торрисес, более занятый охранением независимости Картахены от Боготы, чем изгнанием неприятеля, упорно отказывал в помощи. Боливар решил заставить президента подчиниться и, вместо того, чтобы продолжать свое движение вперед, направился на Картахену, вследствие чего потерял драгоценное время. Войска роялистов приближались и общая опасность помешала братоубийственной борьбе. Боливар присоединил свои войска к войскам Картахены, а сам оправился на Ямайку, откуда надеялся доставить подкрепления. Возвратясь со свежими войсками, он узнал о капитуляции Картахены после четырехмесячной героической защиты. Таким образом второй период войны за независимость кончился еще несчастнее, чем первый. Морильо вступил в Картахену 6 декабря 1815 г. Этот город представлял одни развалины; он жестоко испытал свой отказ в содействии общему спасению; все усилия неприятеля направлены против него, так как отсюда им открывалась вся страна.

Сначала Морильо обнаружил миролюбивые наклонности, но вскоре, уступая советам Моралеса, издал приказ, чтобы в отношении восставших

забывались «все рассуждения о человечности». Повсюду начались повальные казни, массовые ссылки заключением в тюрьму, насильственные контрибуции и захват имущество. Однако защитники независимости с большим мужеством и упорством держались на равнинах. Одержав важную победу при Пуэнте (16 февраля 1816 г.), Морилльо, в свою очередь, был разбит Урданетом и Торресом. Был момент, когда его положение было критическим: пятьсот испанцев перешли к патриотам; корсары захватили прикрытие; один из его кораблей был взорван; Брион, богатый голландец-негоциант, назначенный правительством Каракаса капитаном корабля, потом адмиралом, доставил Боливара, Мариньо и полторы тысячи смельчаков, из которых тысяча негров были посланы Петиионом¹.

Недобросовестность Морилльо, его тиранические меры и бесчеловечность бросили в ряды восставших большое число людей, убедившихся, что капитуляции и обещания прощения были только ловушками. Так, например, бригадиру Латорре по формальному договору, обеспечивавшему общую амнистию, сдалась Богота, но Морилльо не нашел ничего лучшего, как поспешил нарушить слово, данное от его имени. Торрес, Лопано, Торрисес, Кабаль, Мигель де Помбо, математик Кальдас и более двухсот других патриотов были расстреляны, семьи их изгнаны, а имущество конфисковано. Этот человек, одаренный бесспорными военными способностями, не обладал ничем, что нужно для умиротворения страны. Ожесточая побежденных, он приводил их к невозможности подчиниться. Явившись для того, чтобы отвоевать Америку, Морилльо обусловил ее потерю; он верил в действенность придуманных им гнусных и произвольных мер, исполнение которых поручил *постоянному военному совету, совету очищения, хунте секвестрации* и, наконец, *полевым военным советам*. Испанское знамя снова развевалось над всей территорией Новой Гранады. Такой результат ослепил Морилльо; он преувеличивал свое могущество и думал сделать его непоколебимым и продолжительным посредством террористического управления, которое желал распространить и на уstraшенное перу; вместе с тем он мечтал раздавить и Буэнос-Айрес. Однако, Боливар разрушил такие мечтания; он тайно вышел из Кайеса; экспедиционный отряд его, почти целиком организованный на средства Бриона, состоял из двух военных кораблей и тринадцати транспортных судов. 2 марта Брион разбил испанскую флотилию и взял в плен два судна, а 3-го Боливар высадился на острове Маргарита, находившемся под властью мулата Арисменди, и там, четыре дня спустя, инсургенты, образовав общее собрание, провозгласили «единую и нераздельную республику Венесуэлу» с Боливаром во главе. Арисменди вручил

¹ Президент Гаити.

диктатору тонкую трость с золотым набалдашником, «эмблему высшей власти в стране, которая может гнуться от противных ветров, но никогда не сломится».

Шотландцу Мак-Грегору во главе шестисот решительных людей было поручено идти на помощь Мариньо и Пиару, которые продолжали держаться в Гвиане, в то время как Паэс, взяв базой для своих действий провинцию Апуре, должен был изгнать из нее Морилльо. Индеец Паэс, молодость которого прошла среди льянеросов, задумал отделить от реакционеров этих опасных противников и привлечь их к делу независимости. Он достиг своей цели. Разочаровавшись в благодарности испанского правительства, которое, считая, что больше не нуждается в них, пренебрежительно распустило отряды льянеросов и при том без всякого вознаграждения, — они стали служить делу революции и сделались для нее самым действенным орудием окончательного успеха. Паэс, благодаря своему справедливому и благородному характеру, был идолом этих диких натур, а подвиги сделали из него легендарного героя. О нем ходили самые удивительные рассказы; уверяли, что он прогнал испанскую пехоту, напустив на нее диких быков, и зажег степи, чтобы помешать преследованию своего отряда; говорили, что на Апуре он со своими кавалеристами, бросился в плавь в реку и захватил несколько канонерок; что в одной сшибке он своими страшным копьём убил до сорока неприятелей, а если ему случалось встречать бегущий отряд, то силой своего голоса и страхом, который внушал, он останавливал отступление. Одаренный баснословной силой и неукротимой энергией, он разделял со своими солдатами все радости и опасности. Во главе диких льянеросов он начал свои подвиги, сделавшие из него пугало испанских войск.

Тем временем Боливар, которому снова изменило счастье, должен был отступить еще раз. Удалившись на Ямайку, он едва не погиб там от кинжала роялистов, но ничто не могло ослабить его мужества; деятельный, находчивый в приобретении ресурсов, неутомимый в отыскании средств, он, по-видимому, потеряв все, ждал только момента, когда бы мог снова воспрянуть и снова действовать. Неповиновение некоторых вождей, его соперников, могло бы сделаться как нельзя более губительным для дела независимости и было бы еще опаснее, если бы испанские вожди, в свою очередь, также не враждовали между собой и при том в такой степени, что Морилльо должен был арестовать двух своих генералов, Моралеса и Реалья. После долгих переговоров Арисменди, Виа, Паэс, Роксас, Монагас, Седеньо и Бермудес согласились признать Боливара главнокомандующим и он созвал общий конгресс на острове Маргарита. Барселона сделалась местопребыванием временного правительства, во главе которого стал он с титулом президента республики Венесуэлы. Сюда явился

Морилльо и приступил к осаде города, но был разбит, и его лагерь попал в руки республиканцев; что же касается испанской эскадры, то она только чудом избежала полного уничтожения, когда Боливар приказал зажечь свои собственные корабли, чтобы отрезать ей выход из порта. Счастье снова улыбнулось независимым, они получили перевес во многих местах и противники пали духом. Но Боливар и Мариньо не могли вполне согласиться между собой; один хотел осады Куманы, другой имел в виду Каракас. Удаление Мариньо ослабило силы Боливара, но к его большому счастью инсurreкционное движение распространилось по Новой Гранаде; многочисленные шайки герильясов действовали в провинциях Антиоквиа, Кито и Попаян, а Пиар, которому помогал Брион, занял Гвиану. Со своей стороны, Паэс, воюя на равнинах, одержал две блестящие победы и разбил самого Морилльо. Испанская армия, находившаяся в критическом положении, уже была готова очистить Каракас, когда полученное подкрепление в четыре тысячи человек дало ей возможность двинуться против Мариньо и выгнать его из провинции Кумана. Затем, ввиду того, что остров Маргарита был местопребыванием венесуэльского адмиралтейства, Морилльо двинулся против него, но потерпел поражение и в течение двух месяцев потерял все четыре тысячи человек.

Боливар устроил свою главную квартиру в Ангостуре. Быстрота его движений приводила неприятеля в замешательство; разбитый в одном месте, он появлялся и побеждал в другом. Популярность его не страдала от неудач и под его знамена являлись волонтеры из Англии и Франции. Из них он составил образцовый легион, более чем в две тысячи человек. В то же время он отправил послов в Вашингтон и Лондон. В Англии Лопес Мендес, которому было поручено заключить займы и набирать солдат, был завален деньгами и людьми. Венесуэла насчитывала до девяти тысяч иностранных борцов. Отчаявшись победить Освободителя, попытались убить его; двенадцать человек проникли ночью в его палатку, но он почти голым успел спастись от их кинжалов.

К концу 1818 г. положение республиканцев стало превосходным. Боливар собрал в Ангостуре национальный конгресс; он лично открыл его 15 февраля 1819 г. и представил проект конституции. Президентство его было утверждено и тогда он решился нанести окончательный удар. Действовать сразу в нескольких пунктах и, делая вид, что предполагается наступление на Каракас, идти к югу Новой Гранады, которой испанцы спокойно владели уже в течение двух лет, — таков был его план. Морилльо, по-видимому, не угадал его. Мариньо было поручено занять восточные провинции и взять Куману и Барселону, пока диктатор совершит свой поход. Боливар отправился, имея с собой только генеральный штаб и около двух тысяч человек, но он рассчитывал на подкрепле-

ние отрядом иностранцев, на льянеросов Паэса и на гранадское население. Патриоты Казанаре поднялись снова и признали власть Сантандера, друга и агента Боливара. Дело шло о том, чтобы добраться до них, овладеть с их помощью Боготой и возвратиться в Венесуэлу с новыми силами; но для этого нужно было перейти через Анды в период дождей, двигаясь по скалистым, бесплодным и перерезанным потоками местностям, пройти по пустыням, где миражи усиливали муки, причиняемые жаждой, проникать под проливным дождем в леса, в которых дневной свет совершенно закрыт деревьями баснословной высоты; идти целыми часами по наводненным долинам по пояс в воде, по горам, где нет никакой растительности, но где царят вихри с ледяными ветрами; по снегу, где только кости погибших путников указывают дорогу. Когда после семидесятидневных ужаснейших страданий маленькая армия достигла западного склона гор, ее состояние было самое плачевное и состав очень уменьшился. Часть военных припасов должна была быть брошена, лошади погибли все, а люди совершенно изнурены; но цель была достигнута и герои вскоре получили награду за свою храбрость: 1 июля в долине Сагамозо Боливар встретил три тысячи пятисот испанцев, атаковал их, опрокинул и в тот же вечер Тунха была в его руках. Решительная битва при Бойака открыла ему ворота Боготы (10 августа 1819). Эта вторая блестящая кампания продолжалась семьдесят пять дней. Выполняя свой заветный план, Боливар сделал из Новой Гранады и Венесуэлы одну республику. Доверив вице-президентство Сантандеру, он снова пошел по дороге на Ангостуру. Возвращение его обратилось в триумфальное шествие. Конгресс под председательством Антонио Сеа утвердил слияние двух провинций, принявших в честь Христофора Колумба название *единой и нераздельной республики Колумбия* (17 декабря).

Прежде чем продолжать рассказ, бросим беглый взгляд на политическое положение различных южно-американских стран и прежде всего посмотрим, что сделалось с Бразилией. Браганцкий дом, спасаясь от французов, высадился 17 января 1808 г. в Рио-де-Жанейро. Он нашел страну в волнении, охваченной идеями о свободе и готовой к революции. Мечты об освобождении пустили в ней такие же корни, как и в соседних странах. В 1789 г. молодыми людьми, проникшимися чтением французских писателей, был даже устроен заговор. Глава их, Жозе да Силва-Ксавье заплатил виселицей за свои благородные патриотические порывы, остальные заговорщики были сосланы. Теперь, после того, как Рио-де-Жанейро стало местом пребывания португальского короля, Бразилия перестала быть колонией; ее порты открылись для торговли и сделаны были многие нововведения, доставившие стране неизвестное до сих пор процветание. Однако, мысль о независимости снова пробудилась. Титул

королевства, присвоенный Бразилии принцем-регентом, царствовавшим с того времени под именем Жоана VI, успокоил страну только на время. В 1817 г. республиканцы в Пернамбуко попытались произвести восстание, но оно было залито кровью; в других местах также происходили революционные движения, вызванные чрезмерными требованиями королевского правительства, увеличением налогов и дурным устройством юстиции.

Вскоре настало время, когда антагонизм между португальцами и бразильцами привел к крайне произвольным и нелепым мерам, за которыми последовали ужасные насилия, вроде, например, страшного избиения в здании риодежанейрской биржи, в феврале 1821 года.

В Парагвае революция совершилась без пролития крови 14 и 15 мая 1811 года. Здесь образовалось нечто вроде республики, имевшей во главе пожизненного диктатора, странного человека, имевшего много общего с Людовиком XI, — доктора Франсиа. Этот подозрительный деспот, восприняв традиции иезуитов, отдал распоряжение, абсолютно воспрещавшее всякие сношения Парагвая со всеми остальными странами всего мира.

Провинции Ла-Платы окончательно отделились от метрополии; дела освобождения, бесповоротно совершившегося в 1813 года, ничто не могло остановить: ни война с испанцами Верхнего Перу, ни вооруженные попытки со стороны бразильских португальцев, ни усилия роялистских групп поддержать анархию, ни соперничество вождей, ни неповиновение армии, ни, наконец, интриги европейских царствующих домов, стремившихся захватить эту страну. Пользуясь пленом членов испанского дома, Браганцкий дом ссылался на права Шарлоты Бурбонской; Франция предлагала герцога Орлеанского и герцога Луккского; другие выставляли кандидатуру Франсиско-де-Пауло, брата Фердинанда VII. Все эти соперничества стоили много крови; первые десять лет революции представляли собой сплошную борьбу, но магические слова «отечество и свобода» соединили воедино в момент высшей опасности все враждовавшие между собой партии и молодая республика вышла торжествующей над препятствиями, которые ей ставили со всех сторон. Не раз для нее, казалось, все было потеряно. Смуты от борьбы партий происходили в самой столице; Артигас напал на Банда-Ориентале (Уругвай), где он желал захватить правление; в провинциях, не хотевших подчиняться Буэнос-Айресу, сепаратистские стремления грозили государству распадом; опасность одновременного нападения испанской эскадры и бразильской армии, полная возможность нашествия с двух сторон испанцев после успехов, достигнутым испанским генералом Песуэла в Верхнем Перу и полковником Озорио в Чили, — все эти опасности были устранены в 1816 г. во время управления Пиуредона. Артигас, овладевший по собственному почину Санта-Фе и Монтевидео, был признан буэнос-айресским прави-

тельством главой Банда-Ориентале (Уругвай). Отразив в следующем году нападение португальцев, желавших захватить всю страну до Ла-Платы, он заставил их войти в переговоры с республикой Буэнос-Айрес. Акт о независимости соединенных провинций Рио-де-Ла-Платы, в состав которых входила и часть областей Верхнего Перу (Боливии), был вотирован 9 июля 1816 года в Тукумане конгрессом, собранным «ради которого и священного дела независимости народов». Таким образом, республика могла бы жить покойно, если бы проект великих европейских держав создать для Луккского герцога королевство на территории Ла-Платы не довел в ней анархию до крайней степени. Пиуредон, облеченный верховной властью, был заподозрен в сочувствии к этим гибельным для свободы замыслам. Возникла всеобщая смута. Республика распалась на столько государств, сколько было провинций; возникла вражда одних городов против других. Северные провинции начали так называемую войну федералистов и выступили против юнионистов Буэнос-Айреса. Артигас в серьезной битве при Чепеда разбил сторонников монархии. Наконец, 23 февраля 1820 г., мирный договор был заключен в Эль-Пиляр. Было достигнуто образование одной конфедерации с центральным управлением, и важное значение этого события было отпраздновано многими торжествами. Если бы Испания в это время не была занята внутренними осложнениями, она попыталась бы нанести и здесь, как в Колумбии, решительный удар. Она завещала Бразилии продолжение войны, основанной на претензии Браганцкого дома на обладание восточной провинцией Уругвай, захват которого и совершился в 1822 г. В силу Эль-Пиларского договора федеральная республика соединенных провинций Ла-Платы образовалась из шести округов: Буэнос-Айрес, Мендоса, Тукуман, Кордова, Сальта и Кориентес с населением около одного миллиона двадцати тысяч жителей. Федеральная армия превышала тридцать тысяч человек, в числе которых было четырнадцать тысяч семьсот восемнадцать кавалеристов, тринадцать тысяч сто девяносто три пехотинца и двенадцать тысяч девяносто шесть артиллеристов; остальная часть армии состояла из милиционеров и пастухов равнин.

Усилия Ла-Платы не ограничивались только мерами, обеспечивающими ее собственную независимость. Несмотря на постоянно возникающие затруднения, молодая республика предлагала и оказывала помощь другим провинциям, желавшим освободиться. Пиуредон завязал в 1815 г. деятельные сношения с Боливаром; он сносился также и с О'Хиггинсом, знаменитым чилийским патриотом, который, будучи осажден в Ранкагуа и не имея, за недостатком снарядов, последние выстрелы из пушек долларами, пробился при зареве пожара с оружием в руках через неприятеля и достиг Сантьяго с тремястами драгунов, последними остатками

своей армии (1814). Чили покорно переносило систему преследований, введенную главнокомандующим Сан-Бруно, но люди, пользовавшиеся влиянием, готовили торжество свободы, находясь в сношениях с правительством Буэнос-Айреса; оно было также в постоянных сношениях со всеми начальниками шаек инсургентов в Верхнем и Нижнем Перу. Так образовался тот союз, о который вскоре должны были разбиться последние усилия Испании.

Отряд в четыре тысяч человек под предводительством Сан-Мартина, губернатора Мендосы, был послан на помощь Чили. Сан-Мартин проникнул в эту страну через проход в Андах, считавшийся до тех пор непроходимым. Победив испанцев у Чакабуко (14 февраля 1817), он вручил бразды правления О'Хиггинсу, а затем кровавая битва близ Майпо (5 апреля 1818) повлекла за собой окончательное удаление испанцев из Чили. Радость в Сантьяго, вызванная этим торжеством, была настолько велика, что один старик, узнав о нем, тут же умер, а многие граждане помешались. С этого времени чилийцы уже не довольствовались защитой своей территории, а по соглашению с буэнос-айресцами поспешили на помощь братским народам, которых Испания еще держала в подчинении. Флот, отправившийся из Испании с двумя тысячами войска, назначенного для высадки, был разбит соединенными силами обеих стран; вскоре чилийский флот был приведен в такое состояние, что мог уже выйти в открытое море и доставить на берег Перу пять тысяч человек под начальством английского офицера лорда Кохрэна. Задачей лорда Кохрэна и Сан-Мартина было освободить Перу из-под власти испанцев; 21 июля 1821 г. они овладели Лимой и в тот же день была провозглашена независимость этой страны, а 3 августа Сан-Мартин объявлен верховным диктатором Перу.

Из предыдущего видно, в каком состоянии находились испано-американские во время революции 1820 г. Она вспыхнула как раз тогда, когда Фердинанд VII готовил в Кадисе большую экспедицию, предназначенную им для усмирения непокорных провинций, чтобы навсегда подчинить их своей власти. Двадцать две тысячи недовольных и худо дисциплинированных человек было собрано в одном месте в ожидании отъезда, который за недостатком перевозочных средств не мог состояться немедленно. Эти солдаты, предназначенные к отправке в Америку для уничтожения там революции, сами совершили ее в Андалузии и доставили ей торжество в Мадриде. Боливар предложил Морилльо прекратить борьбу, которая и без того продолжалась слишком долго; 25 ноября 1820 г. между испанскими и колумбийскими генералами было заключено перемирие в Трухильо, ратифицированное на другой день Боливаром и Морилльо, между которыми произошла торжественная встреча в деревне Санта-Анна, где они вместе обедали и даже отдыхали всю ночь в одной

комнате. Недовольные кортесы отозвали Морилльо и с насмешкой отнеслись к попыткам переговоров. Через три с половиной месяца после подписания перемирия Боливар объявил генералу Латорре, заместившему Морилльо, о прекращении перемирия. 24 июня он двинулся на главную испанскую квартиру и разбил ее после блестящей атаки Паэса. В тот же вечер Боливар занял Валенс. Каракас и Гуаира добровольно признали его власть, а Картахена и Кумана были вынуждены сдаться.

Собравшийся в Кукуте конгресс положил основы нового правительства. Конституция, опубликованная 30 августа 1821 г. и скопированная с конституции Соединенных Штатов, отменяла инквизицию, признавала долги обоих государств, разделяла законодательную власть между двумя палатами и предоставляла исполнительную власть президенту, избираемому на четыре года. Боливар был снова облечен высшей властью. В 1822 году Соединенные Штаты Америки признали независимость Колумбии, а с Перу, Буэнос-Айресом, Чили и Мексикой были заключены союзные договоры. В конце 1823 г. последний испанский гарнизон в Пуэрто-Кабелло сложил оружие. Освободитель был в это время в Лиме, где роялисты производили беспорядки; ввиду этого, для спасения дела освобождения, он снова перешел через Анды. Колумбийский генерал Сукре, победитель вице-короля при Пинчинча (1822 г.), вступил в Кито и Куаякиль. Представители этих провинций вотировали присоединение к Колумбии, вследствие чего население последней увеличилось до двух миллионов шестисот пятидесяти жителей. Памятные победы при Хунине и Айякучо (1825) обеспечили освобождение Перу, а сдача Каллао закончила его и 1826 год был свидетелем того, как последний испанский солдат оставил отныне свободную Южную Америку. Испания навсегда потеряла свои богатые колонии, из которых она до сих пор непрерывно черпала средства; эта постыдная неудача была справедливым искуплением за ее поведение по отношению к народам, которые она так жестоко тиранила. Освободительная армия достигла цели своих подвигов; вся империя инков была освобождена и между знаменами, отнятыми у испанских полков, в течение четырнадцати лет боровшихся против независимости Перу, находилось одно, имевшее особую ценность, — то было знамя, с которыми Писарро вошел триста лет тому назад в столицу Атагуальпы.

Печатается по изданию: А. Деберль. История Южной Америки от завоевания до нашего времени. СПб., 1899

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

АНТИГУА И БАРБУДА

АНТИГУА И БАРБУДА, ANTIGUA AND BARBUDA, государство на островах Антигуа, Барбуда и Редонда в группе Малых Антильских островов, член Содружества — объединения в составе Англии и ее бывших колоний, получивших независимость.

Население около 100 тысяч человек, в основном негры, антигуанцы.

Официальный язык — английский. Основная религия — протестантизм. Столица — Сент-Джонс. Административно-территориальное деление — 6 общин и 2 района.

Глава государства и правительства — королева Великобритании, представленная генерал-губернатором.

Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древности на Малых Антильских островах обитали индейские племена.

В 1493 году острова Антигуа и Барбуда открыты Христофором Колумбом и стали испанской колонией.

С 1632 года острова — британская колония; с 1967 года — «ассоциированное с Великобританией государство».

С ноября 1981 года Антигуа и Барбуда — независимое государство.

АРГЕНТИНА

АРГЕНТИНА (ARGENTINA), АРГЕНТИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА (REPUBLICA ARGENTINA), государство, федеративная республика, на юго-востоке Южной Америки.

Население более 35 миллионов человек, более 70% — аргентинцы.

Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Буэнос-Айрес. Административно-территориальное деление — 22 провинции, федеральный столичный округ и восточная часть острова Огненная земля.

Глава государства — президент. Законодательный орган — двухпалатный Национальный конгресс.

С древности аргентинские земли населяли индейские племена.

В первой половине XVI века Аргентину завоевали испанские конкистадоры, создавшие большие плантаторские хозяйства с использованием труда негров-рабов, привозимых из Африки. Аргентинские земли вошли в состав вице-королевств Перу и Чили, а в 1776 году — в состав вице-королевства Рио-де-Ла-Плата наряду с Боливией, Парагваем и Уругваем.

В 1816 году во время войны за независимость испанских колоний в Америке было создано независимое государство Объединенной провинции Ла-Платы, в 1826 году преобразованное в Федеративную Республику Аргентина.

В 1946—1955 и 1973—1974 годах президентом Аргентины был Х.Д. Перон, обладавший большим влиянием.

Исторический очерк

Ко времени начала европейской колонизация Аргентина была заселена индейскими племенами.

Первые испанцы, проникшие на территорию Аргентины, направлялись туда в поисках водного пути в Индию через Атлантический океан. Мореплаватель Солис, получивший от испанского короля такое задание, вошел в 1516 г. в устье нынешней реки Ла-Плата, которую он назвал Мар-Дульсе (Пресное море). Солису не удалось проследовать далеко в глубь страны — при высадке на сушу он был убит индейцами. Вслед за ним в поиски пролива отправился Магеллан. Двигаясь в 1520 г. по реке Ла-Плата (которую он назвал рекой Солис), Магеллан повернул на юг и в 1521 г. прошел через пролив, названный его именем, в Тихий океан.

Более подробное обследование бассейна Ла-Платы было предпринято Каво. В 1526 г. Каво поднялся по реке Ла-Плата и дальше по Паране и Парагваю, выше того пункта, где теперь расположен город Асунсьон (Парагвай). Вернувшись к Атлантическому побережью, экспедиция свыше года прождала подкреплений из Испании и, не получив их, отплыла на родину. На этот раз испанцы искали уже не пути в Индию, а благородных металлов. Встречавшиеся у туземных индейцев серебряные украшения наводили на мысль о том, что где-то поблизости должны находиться залежи серебра. Серебро добывалось в районе нынешней Боливии. Из ошибочного представления о месторождении серебра река Солис, а также и вся окружающая территория и получили название Ла-Платы (т. е. Серебряной).

Несколько лет спустя испанская корона приняла меры для того, чтобы закрепить за собой новую территорию, которая подвергалась угрозе захвата со стороны португальцев, обосновавшихся в Бразилии. Король

особой грамотой даровал отдельным выходцам из феодальной знати — аделантадо — право на определенную территорию, которую те обязывались завоевать и подчинить Испании. Обычно право аделантадо давалось двух поколениям — отцу и сыну. После их смерти земля становилась собственностью короля. Аделантадо был феодальным сеньором, полунезависимым вассалом короля. Он сам набирал свою армию и получал часть захваченной добычи, остальное он был обязан отдавать королю. На завоеванной территории он соединял в своих административную, военную и судебную власть.

Первым аделантадо Ла-Платы был назначен Мендоса, который отбыл в путь в 1535 г., взяв с собой около 1 200 человек на 14 судах. Поселенцы взяли с собой некоторое количество лошадей, которые впоследствии положили начало многочисленным табунам диких лошадей, распространившимся по степям Ла-Платы. Экспедиция вошла в реку Ла-Плата и у впадения у нее реки Риачуэла основала порт Санта-Мария-дель-Буэнос-Айрес. Часть экспедиции проследовала дальше вверх по рекам Парана и Парагвай в поисках золота и дошла до Верхнего Перу (нынешняя Боливия). На ее пути было основано несколько фортов, в том числе форт на месте будущего города Асунсьон.

Жизнь в Буэнос-Айресе была опасна, поскольку он подвергался непрерывным нападениям со стороны индейцев, боровшихся с испанскими колонизаторами. Жившие же в районе города Асунсьон индейцы племени гуарани не отличались воинственностью, поэтому представлялась возможность эксплуатировать их рабочую силу. В связи с этим в 1541 г. все поселенцы переехали из Буэнос-Айреса в Асунсьон, который в течение почти полувека был центром колонизации Ла-Платы. Буэнос-Айрес был восстановлен только в 1580 г. губернатором Гараем, которому удалось несколько оттеснить индейцев.

Тем временем шла колонизация внутренних районов нынешней Аргентины переселенцами, направлявшимися туда из Верхнего Перу в Чили. Так были основаны города Мендоса (1560 г.), Кордова (1573 г.), Сальта (1582 г.) и др.

Социальный состав испанских поселенцев наложил отпечаток на весь облик колонии. В Ла-Плату, как и в другие колонии Испании, шли большей частью разорившиеся дворяне, авантюристы, искавшие легкой наживы и считавшие труд позорным занятием. В Ла-Плате они получали огромные участки земли с прикрепленным к ней туземным населением, труд которого они беспощадно эксплуатировали. Рабство индейцев было формально запрещено. Введенная испанцами система «энкомиенды» представляла своеобразную форму феодально-крепостнической эксплуатации индейского населения. Индеец считался «свободным», имел право

пользоваться своим клочком земли, но передавался на попечение помещика, который отвечал за «спасение души» опекаемого, за что имел право полностью распоряжаться рабочей силой опекаемых, мог их судить и подвергать наказаниям. В 1595 году был разрешен ввоз в Ла-Плату негров-рабов, однако применение труда негров не получило там большого распространения.

Индийские племена, отказывавшиеся подчиниться завоевателям, безжалостно истреблялись. Воинственные кочевые племена, населявшие Пампу, оказывали упорное сопротивление проникновению белых вплоть до последней четверти XIX в., но и они в конце концов были стерты с лица земли.

В 1591 году во главе администрации ла-платской колонии был поставлен губернатор, подчиненный вице-королю в Лиме.

Основным занятием населения было скотоводство. Тучные пастбища Пампы обеспечивали в течение круглого года корм скоту, который быстро размножался. Ла-Плата экспортировала шкуры, шерсть, сушеное мясо и поставляла живой скот в горнодобывающие районы Перу. Однако экономические возможности колонии не могли быть полностью реализованы из-за строгих ограничений, налагаемых метрополией в интересах испанских купцов-монополистов. В колонии запрещалось основывать какие-либо промышленные предприятия и производить сельскохозяйственные продукты, могущие конкурировать с испанскими (виноград, оливки). Вывозить разрешалось только такие сельскохозяйственные продукты, которые не производились в Испании. Торговля отдельных колоний друг с другом и другими странами, кроме Испании, была запрещена. Ввиду опасности нападения пиратов, торговые суда шли караваном под охраной военных кораблей. Такие конвои отправлялись в Америку два раз в год. При этом торговый путь из Испании в Буэнос-Айрес шел не прямым, а кружным путем — через Панамский перешеек в Перу, а оттуда через Анды по назначению. Благодаря этим ограничениям в лаплатской колонии со временем чрезвычайно распространилась контрабандная торговля английскими и голландскими товарами, которые оказывались значительно дешевле товаров, доставлявшихся испанскими купцами законным путем. На почве этой контрабандной торговли рос и развивался порт Буэнос-Айрес; она же давала стимул к увеличению товарности сельского хозяйства. В 1713 г. по Утрехтскому мирному договору Англия получила исключительное право торговли неграми в портах Испанской Америки в течение 30 лет. Английские агенты по торговле рабами одновременно организовывали и контрабандную торговлю английскими товарами.

Испании становилось все труднее сохранять за собой монополию торговли в связи с конкуренцией со стороны Англии, Голландии и Фран-

ции, и она постепенно переходила к более либеральной торговой политике. В 1740 г. была отменена система конвоев, а в 1764 г. была разрешена прямая торговля между Испанией и рядом южно-американских портов. Таким образом, Ла-Плата освободилась от экономической зависимости от Перу. Несколько позднее, в 1774 г., была разрешена торговля между отдельными колониями; торговля с другими странами по-прежнему оставалась под запретом.

В 1776 г. была учреждена независимая от Перу административная единица — новое вице-королевство Ла-Плата, в которое были включены земли нынешней Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая. Мера эта была продиктована необходимостью укрепления местной власти в Ла-Плате ввиду поползновений Англии закрепиться на побережье Патагонии и обострения конфликта с португальцами, неоднократно пытавшимися расширить свои владения в Южной Америке и утвердиться у Ла-Платы. Административная власть в колонии была сосредоточена в руках выходцев из Испании. Потомки испанских переселенцев — креолы — не допускались к занятию более или менее видных должностей. Они играли роль только в органах городского самоуправления — кабилдо, которые впоследствии явились организаторами борьбы за освобождение от испанского господства.

Навязываемый метрополией ограничения, препятствовавшие развитию производительных сил колонии, вступали во все более сильные противоречия с интересами растущей торговой буржуазии и части землевладельцев, стремившихся к расширению внешних рынков для сбыта своей продукции и получению дешевых промышленных изделий из-за границы. Идеи французской буржуазной революции конца XVIII в. и пример Северо-американской войны за независимость действовали на умы креольских помещиков, буржуазии и интеллигенции. Движение за отделение от Испании поддерживала неофициально Англия, искавшая новых рынков для своей растущей промышленности. В течение некоторого времени выдвигался даже план объявления Ла-Платы протекторатом Англии. Испания, давно уже переживавшая экономический упадок, была к тому же ослаблена длительными войнами и после вторжения армии Наполеона уже не имела сил удержать свои владения в Америке.

Еще в 1796 г., когда Англия объявила войну Испании, экономические связи Испании с ее колониями были прерваны, поскольку Англия господствовала на море. В 1806 и 1807 гг. англичане дважды пытались захватить Буэнос-Айрес, но оба раза были отброшены. Организаторами сопротивления англичанам были креольские сепаратисты при полной инертности вице-короля, бежавшего от англичан из Буэнос-Айреса. Оборона Буэнос-Айреса подорвала авторитет испанских властей и в то же время

пробудила в населении веру в свои силы и способность самостоятельно отстаивать свою независимость. После захвата наполеоновскими войсками Испании креолы Буэнос-Айреса образовали в 1810 г. совет под названием «Временное правительство провинции Рио-де-Ла-Плата». Вице-король был выслан. Началась вооруженная борьба революционной армии с испанскими войсками. Эту борьбу сначала возглавлял Мануэль Бельграно, а затем Хосе Сан-Мартин, который перешел в 1817 г. с армией Анды и разбил испанских роялистов в Чили, а затем в Перу.

Первые десятилетия существования республики характеризуются ожесточенной борьбой между так называемыми унитариями — сторонниками объединения страны на основе сильной центральной власти, представлявшими интересы торговой буржуазии и помещиков Буэнос-Айреса, с одной стороны, и федералистами, стремившимися отстаивать широкую автономию отдельных провинций, — с другой. Последние были представлены так называемыми каудильо (вождями), крупными феодальными помещиками, пользовавшимися в пределах своих провинций почти неограниченной властью и располагавшими вооруженными отрядами, которые они набирали из числа своих батраков, главным образом пастухов (гаучо), находившихся у них в крепостной зависимости. Корни этой борьбы лежат в господстве в стране феодальных отношений и экономической разобщенности отдельных районов. Внутренние районы страны были экономически теснее связаны с Чили или Перу, чем с Буэнос-Айресом, а потому противились политической гегемонии последнего.

Созванный в 1816 г. в Тукумане конгресс, в котором участвовали представители всех провинций, входящих в нынешнюю Аргентину, 9/VII объявил независимость «Соединенных провинций Ла-Платы» (в 1826 г. было принято название Аргентинской федеративной республики) и избрал верховным правителем с неограниченными полномочиями Пуэйрредона, отличившегося в 1806—1807 гг. в борьбе против англичан. Независимость Аргентины была признана США в 1822 году и Англией — в 1823 году. В 1819 году Пуэйрредон был вынужден уйти в отставку ввиду усилившегося сопротивления провинций центральному правительству. После короткого периода междувластия унитарии снова одержали верх. Во главе правительства стал Ривадавия — представитель буржуазно-помещичьих кругов Буэнос-Айреса, решительный сторонник сильной центральной власти. Ривадавия принял меры к развитию внешней торговли и судоходства, открыл в Буэнос-Айресе университет, лишил духовенство ряда привилегий. При нем в 1824 г. был заключен первый внешний заем Аргентины у английского банкирского дома «Братья Беринг» на номинальную сумму в 1 млн. фунтов стерлингов (из них Аргентина фактически получила только 570 тыс. фунтов стерлингов). В 1825 г. Ар-

гентина вступила в войну с Бразилией за Уругвай, захваченный последней. Неудачное перемирие, заключенное Ривадавией с Бразилией в 1827 г., по которому Уругвай оставался в пределах Бразилии, послужило поводом для выступления федералистов против Ривадавия.

Вооруженная борьба между унитариями и федералистами, истощавшая экономику страны, закончилась победой последних. Демагогически используя ненависть деревенской бедноты к унитаристскому правительству, войска федералистов, предводительствуемые Хуаном Мануэлем Росасом, овладели Буэнос-Айресом (1829 г.). Росас был избран губернатором провинции Буэнос-Айрес. В январе 1831 г. провинции Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Энтре-Риос и Коррьентес подписали так называемый федеральный пакт, по которому отдельные провинции сохраняли свою автономию и поручали губернатору провинции Буэнос-Айрес только ведение внешних сношений и руководство в вопросах объявления войны и заключения мира. Впоследствии Росас принудил и остальные провинции примкнуть к федерации. В 1835 г. Росасу были предоставлены диктаторские полномочия. Росас был крупным помещиком-скотоводом провинции Буэнос-Айрес. За время пребывания у власти он округлил свои владения за счет государственных земель и сделался крупнейшим землевладельцем в Аргентине. Представляя интересы помещиков-скотоводов, он опирался на самые реакционные элементы страны, в том числе на католическую церковь. Под предлогом борьбы с унитариями Росас беспощадно расправлялся со всеми неугодными ему лицами при помощи созданных им специальных вооруженных отрядов «масорка». Выступая в качестве федералиста, Росас на деле значительно укрепил центральную власть в стране, сломив господство отдельных каудильо. Широко применявшаяся им практика продажи и бесплатной раздачи государственных земель крупными участками способствовали закреплению в стране системы крупных латифундий.

Конфликты с Англией и Францией в связи с попыткой Росаса аннексировать Уругвай и закрыть судоходство по реке Ла-Плата привели к блокаде Аргентины англо-французским флотом в 1845 г. Уже раньше, в 1843 г., англичане захватили Фолклендские острова, господствующие на подступах к Магелланову проливу. В 1849 г. Росас был вынужден подписать конвенцию о свободе плавания по Ла-Плате и признать независимость Уругвая.

Оппозиция Росасу внутри страны росла и среди кругов, прежде поддерживавших его. В начале 1852 г. его бывший сторонник генерал Уркиса, получив военную помощь от Бразилии и Уругвая, выступил против Росаса и нанес его войскам поражение. Росас бежал из Аргентины.

Созванный Уркиса в 1852 г. Учредительный конгресс, в котором участвовали представители всех провинций, кроме Буэнос-Айреса, принял в 1853 г. новую конституцию, действующую с некоторыми изменениями до настоящего времени. В основу конституции, составленной по образцу конституции США, был положен принцип федерации. Однако, наряду с предоставлением отдельным провинциям широкой автономии, конституция предусматривала право президента и парламента вмешиваться в их внутренние дела, назначая вместо выборных губернаторов специальных правительственных комиссаров (интервенторов). Этим правом широко пользовались впоследствии отдельные президенты, превращая, таким образом, автономию провинций в пустой звук. Широко применялась также практика объявления в стране осадного положения, что автоматически вело за собой отмену конституционных гарантий.

В 1854—1859 гг. в Аргентине происходила гражданская война, вызванная отказом унитариев участвовать в Учредительном конгрессе, созванном федералистами в Санта-Фе, и признать новую конституцию Аргентины, выработанную на конгрессе. Война закончилась поражением унитариев и перенесением столицы из Буэнос-Айреса в Парану. Финансовое положение центрального правительства было затруднительным. Ему пришлось взять на себя платежи по государственным долгам, а в то же время оно было лишено главного источника доходов — таможенных сборов, поскольку вся внешняя торговля шла через Буэнос-Айрес. В 1856 г. национальным портом был объявлен Росарио; все суда, заходившие по пути в Буэнос-Айрес, облагались в Росарио двойной пошлиной. Эта мера вызвала вскоре вооруженное выступление унитариев Буэнос-Айреса. В 1861 г. войска унитариев под водительством Митре одержали победу над федералистами. Президентом был избран Митре. Столица была снова перенесена в Буэнос-Айрес.

При Митре в Аргентине начало разворачиваться концессионное железнодорожное строительство. Так называемый «закон Митре», на основе которого английский капитал предпринял широкое строительство железных дорог, гарантировал железнодорожным компаниям доход в 7% годовых и предоставлял им безвозмездно 10-километровую полосу вдоль всего рельсового пути. В 1865 г. Аргентина вступила в союз с Бразилией и Уругваем в кровопролитную войну против Парагвая. Военные неудачи аргентинской армии подорвали престиж Митре, что способствовало победе на выборах 1868 г. кандидата провинций Сармьенто. При Сармьенто было предпринято строительство государственных железных дорог на средства, полученные от внешних займов. Сильно расширилось английское концессионное строительство. Увеличилась иммиграция. Была создана сеть начальных школ.

На выборах в 1874 г. победу одержал правительственный кандидат Авельянеда. Митре, выступивший кандидатом в президенты от унитариев, потерпел поражение и поднял восстание, которое было подавлено войсками во главе с генералом Рока. Получив пост военного министра в правительстве Авельянеда, Рока взял на себя задачу окончательного очищения территории Аргентины от независимых индейских племен, населявших южную часть страны. Снаряженной им в 1879 г. экспедиции был дан приказ беспощадно расправляться с индейцами. Немногочисленные остатки индейцев были оттеснены далеко на юг — в бесплодные районы Патагонии. Захваченные земли попали в руки спекулянтов и иностранных компаний.

Во время президентских выборов в 1880 г. имело место последнее вооруженное столкновение между Буэнос-Айресом и провинциями, в котором победа осталась на стороне последних. Буэнос-Айрес был отделен от провинции и преобразован в федеральный округ. Новый президент Рока, опиравшийся на армию, быстро подавлял отдельные выступления в провинциях. Необходимость упрочения власти в стране диктовалась интересами как буржуазии, так и феодальных помещиков, все больше втягивавшихся в мировой товарооборот. В этом был заинтересован также английский капитал, который в возрастающих масштабах притекал в Аргентину и оказывал все большее влияние на внутреннюю политику страны.

К концу XIX в. Аргентина стала крупным поставщиком продовольствия для Англии. От вызова шкур, шерсти, соленого и сушеного мяса она перешла к вывозу живого скота, а вскоре после этого — к вывозу замороженного и охлажденного мяса. Это дало толчок к улучшению пород скота. Во второй половине XIX в. Аргентина выступила на мировом рынке также как крупный производитель пшеницы. Страна стала аграрным придатком Великобритании. Вся ее экономика была построена на экспорте продуктов сельского хозяйства и импорте промышленных изделий. Направление железных дорог выбиралось не согласно с интересами экономического развития страны, а с учетом интересов торговых компаний, монополизировавших внешнюю торговлю. Все большая часть национального дохода попадала в руки иностранных капиталистов в виде процентов по займам и дивидендов. Богатые естественными ресурсами внутренние районы остались в стороне от экономического развития.

Господствующую роль в экономике страны играл английский капитал. Англичане контролировали все важнейшие железнодорожные линии, в их руках находилось коммунальное хозяйство крупнейших городов, крупные поместья, мясохладобойни и т. д. Аргентинская крупная буржуазия и помещики были связаны крепкими узами с английским ка-

питалом. Значительные капиталовложения имела в Аргентине Франция. В конце XIX в. и начале XX в. конкурентом Англии выступила Германия. Немцы открыли в Аргентине два банка, захватили в свои руки электрохозяйство, значительно расширили свой товарооборот с Аргентиной.

Происшедшие в стране экономические сдвиги и огромный приток иммигрантов из Европы изменили социальный состав населения. Выросла мелкая и средняя городская буржуазия, формировался рабочий класс. Среди этих слоев населения усиливалась оппозиция против господствующей феодально-буржуазной олигархии и хозяйничавшего в стране иностранного капитала. Во время тяжелого финансового кризиса 1890 г. это недовольство вылилось в восстание, в котором участвовала часть армии. Восстание было подавлено, однако президент Сельман (1886—1890 гг.) по требованию парламента был вынужден уйти в отставку. Его сменил вице-президент Карлос Пельегрени (1890—1892 гг.). За ним следовали Луис Саэнс Пенья (1892—1895 гг.), вновь генерал Рока (1898—1904 гг.), Мануэль Кинтана (1904—1906 гг.), Хосе Фигероа Алькорта (1906—1910 гг.) и Роге Саэнс Пенья (1910—1914 гг.), которого заменил вице-президент Викторино де ла Пласа (1914—1916 гг.).

Оппозиция группировалась вокруг возникшей в 1887 г. буржуазной партии «Гражданский союз», переименованной в 1891 г. в «Гражданско-радикальную партию». Эта первая в Аргентине партия, организованная в общенациональных масштабах, стала со временем самой крупной и влиятельной партией в стране. Первоначально радикалы провозгласили лозунг необходимости захвата власти путем вооруженного восстания. Однако вскоре «Радикальный гражданский союз» перешел к тактике пассивного сопротивления, систематически объявляя в виде протеста бойкот выборам и прибегая к обструкциям в парламенте.

Консерваторы, представлявшие интересы феодальных помещиков и крупной торговой буржуазии, е имели общенациональной партийной организации, а представляли собой коалицию отдельных провинциальных партий, объединявшихся под различными названиями — национальная автономистская партия, консервативная партия, партия национальной концентрации.

В конце XIX в. и начале XX в. быстро росли политическое влияние и организованность рабочего класса. В 1896 г. была образована социалистическая партия. Среди рабочих имел значительное влияние и анархосиндикализм. В начале XX в. рабочие развернули стачечную борьбу за улучшение своего экономического положения. Особенно большого размаха стачечное движение достигло в 1905 г. под влиянием революционных событий в России.

Избирательная реформа, проведенная президентом Роге Саэнс Пенья в 1912 г., ввела тайное голосование и предоставила право голоса всем

гражданам мужского пола, достигшим 18 лет, за исключением лиц духовного звания и чинов регулярной армии. Первые выборы, проведенные на основании нового избирательного закона в 1916 г., обеспечили победу радикалам. Президентом был избран лидер радикальной партии Иригойен. Вступив на пост президента во время первой мировой войны, он продолжал принятую его предшественником политику нейтралитета, несмотря на сильное давление со стороны США и Англии. Во внутренней политике он мало считался с парламентом и широко прибегал к вмешательству во внутренние дела провинций. Для того чтобы привлечь на свою сторону рабочие массы, правительство ввело закон о минимуме зарплаты, об охране труда, разрешило свободу профсоюзов. Однако во время развернувшегося стачечного движения Иригойен применил самые жестокие методы борьбы. Организованная им «Патриотическая лига» использовалась для кровавого подавления рабочего движения. Октябрьская революция в России дала мощный толчок развитию массового рабочего движения в Аргентине и формированию в социалистической партии левого течения, представители которого приняли участие в работе первого конгресса Коммунистического Интернационала. 10.01.1919 г. в Буэнос-Айресе происходила всеобщая забастовка, которая затем охватила другие города страны. В Буэнос-Айресе имели место уличные бои с войсками. Иригойен назначил в столице военного диктатора с неограниченными полномочиями, по всей стране было объявлено военное положение. На военных кораблях были устроены концлагеря для политических заключенных. Всеобщая забастовка была прекращена 18.01.1919 г. В 1920 г. организационно оформилась компартия Аргентины.

Во время и после первой мировой войны началось бурное проникновение в Аргентину северо-американского капитала. По темпам капиталовложений США значительно перегнали Англию и представляли для нее серьезную угрозу. Борьба между английским и северо-американским империализмом за влияние в Аргентине отражалась и на внутренней политике страны и на борьбе отдельных групп господствующего класса между собой. Наиболее ожесточенно протекала борьба за аргентинскую нефть между американской нефтяной компанией «Стандард Ойл» и британской «Ройял Датч». В основном, однако, Аргентина оставалась в сфере влияния Англии. Английский капитал преобладает в Аргентине, и Англия является, кроме того, главным покупателем аргентинской сельскохозяйственной продукции, в то время как США по ряду товаров выступают на внешнем рынке конкурентом Аргентины.

Германия, потерявшая свои экономические позиции в Аргентине во время первой мировой войны, сумела, начиная с 20-х годов, снова восстановить их как в области внешней торговли, так и в области капиталовло-

жений. Одновременно Германия использовала англо-американские противоречия для усиления своего влияния в Аргентине с тем, чтобы сделать ее своей опорной базой на южно-американском континенте. На первой ассамблее Лиги наций в Женеве в декабре 1920 г. представитель Аргентины потребовал немедленного принятия в Лигу всех суверенных государств, включая Германию. После отклонения этого предложения Аргентина отказалась участвовать в деятельности Лиги наций. Формально Аргентина продолжала числиться членом Лиги, но лишь в 1933 г. аргентинский парламент постановил возобновить сотрудничество с Лигой наций.

Преемник Иригойена, Альвеар (1922—1928 гг.), лидер правых радикалов, представляющих крупных землевладельцев, организовал в 1924 г. группы недовольных Иригойеном радикалов и образовал отдельную партию — «Антиперсоналистский гражданский радикальный союз». Связанный с английским капиталом, Альвеар выступил против господства США в Латинской Америке. В частности, в 1928 г. Альвеар поручил представителю Аргентины на подготовительной конференции по разоружению заявить, что доктрина Монро является односторонней декларацией и необязательна для других государств. В 1928 г., во время выборов, антиперсоналисты примкнули к помещичьей консервативной партии, выступив против вторичного избрания Иригойена на пост президента.

Иригойен все же одержал победу и, придя к власти, продолжал проводить свою прежнюю политику «личного режима». Он мало считался с парламентом, смещал губернаторов провинций и т. п. В отношении рабочего класса он, с одной стороны, прибегал к демагогии, с другой — жестоко подавлял рабочее движение. Внешнеполитически Иригойен ориентировался на Англию, что нашло свое отражение в его позиции в отношении США. Внутри Панамериканской лиги Аргентина выступала против США; правительство отказалось предоставить северо-американской компании нефтяные концессии. Аргентинская буржуазия и помещики демагогически использовали ненависть народных масс Латинской Америки к империализму США, фактически являясь его прислужниками.

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис сильно ударил по Аргентине. Цены на экспортируемые Аргентиной сельскохозяйственные продукты катастрофически пали, экспорт снизился, курс песо упал. Кризис принес с собой нищету рабочим, массовое разорение крестьян и арендаторов и городской мелкой и средней буржуазии. Уступки, на которые пошел Иригойен в результате забастовочного движения — введение 8-часового рабочего дня, восстановили против него господствующие классы. Воспользовавшись затруднительным положением правительства, консерваторы при помощи армии свергли Иригойена. Военный переворот в сентябре 1930 г., возглавленный генералом Урибу-

ру, был проведен при поддержке США. Однако вследствие экономической зависимости Аргентины от Англии Урибуру вскоре переориентировался на последнюю. Урибуру повел решительное наступление на рабочий класс. Для борьбы с рабочим движением он создан фашистские банды — «Гражданский легион». Компартия была загнана в подполье; тысячи демократов были сосланы. В 1931 г. Урибуру реорганизовал партию консерваторов, переименованную в национал-демократическую. При помощи неприкрытого насилия и фальсификации Урибуру обеспечил победу на выборах 1932 г. кандидата коалиции национал-демократов и антиперсоналистов генерала Хусто (антиперсоналист), который был связан с английским империалистом, но одновременно пользовался поддержкой американофильских помещиков.

Правительство Хусто продолжало начатое Урибуру дело разгрома рабочего движения и преследования компартии. Репрессиям подвергались и члены радикальной партии. С другой стороны, росли силы, противодействовавшие реакции. В 1933 г. происходили восстания матросов во флоте и солдат в армии. В том же году на похоронах Иригойена около 500 тыс. человек демонстрировали в Буэнос-Айресе против диктатуры Хусто. В годы кризиса грозные для правительства размеры приняло движение арендаторов. «Аграрная федерация» Аргентины вынесла решение о походе на столицу для предъявления правительству экономических требований. В борьбе против народных масс правительство Хусто прибегало к жесточайшим репрессиям, стремясь превратить Аргентину в оплот реакции в Южной Америке. В декабре 1933 г. было подавлено восстание радикалов в Санта-Фе, бывший президент Альвеар был выслан из Аргентины, многие лидеры радикалов сосланы в Патагонию. В 1935 г. Хусто, Варгас и Терра (президенты Аргентины, Бразилии и Уругвая) заключили своего рода «антикоминтерновский пакт». Хусто издал закон о смертной казни за участие в компартии. Тем не менее, в 1936 г. в правление Хусто возникает и одерживает победу Народный фронт.

Уже во время первой мировой войны в Аргентине начала развиваться обрабатывающая промышленность, главным образом легкая. Промышленная буржуазия, связанная с внутренним рынком, требовала развития сырьевых ресурсов страны и защиты промышленности от иностранной конкуренции путем высоких протекционистских тарифов. В полном противоречии с этим стояла политика Хусто, представлявшего интересы крупных землевладельцев, считавших, что если Аргентина не будет импортировать промышленные изделия, она лишится рынков для сбыта своей сельскохозяйственной продукции. Уступки, на которые шло правительство генерала Хусто в отношении иностранного капитала, в част-

ности заключение торгового договора с Англией в 1933 г., предоставившего ей, в обмен за возможность экспортировать аргентинское мясо, значительные привилегии в ущерб экономическим интересам страны, вызывали протесты буржуазных кругов.

Преемник Хусто, Ортис (1938—1940 гг.), проводил в отношении радикалов примирительную политику. Радикалам удалось обеспечить за собой большинство мест в Палате депутатов. До своего президентства Ортис был директором «Унион Телефоник». Вся телефонная сеть Аргентины принадлежит американским компаниям и, таким образом, Ортис был тесно связан с финансовым капиталом США. В области внешней политики Ортис поддерживал США. Он снизил таможенные тарифы на импорт промышленных изделий из США. Заболевшего и вскоре умершего Ортиса сменил в 1940 году вице-президент Кастильо, склонный к сотрудничеству с гитлеровской Германией. На Панамериканской конференции в Рио-де-Жанейро в январе 1942 г., по настоянию Аргентины, была отклонена резолюция о немедленном разрыве дипломатических отношений с державами «оси». Буэнос-Айрес стал при президенте Кастильо центром деятельности гитлеровцев в Южной Америке.

Одним из центральных вопросов, отражавшихся на всей внутренней политике, был со времени начала второй мировой войны вопрос о внешнеполитической позиции Аргентины. Проводимая правительством политика нейтралитета, отказ от разрыва отношений со странами-агрессорами, терпимость, проявляемая к подрывной деятельности гитлеровской агентуры в Аргентине, вызывали протесты широких кругов населения. В стране с конца 1941 г. действовало осадное положение, свобода слова и печати фактически отсутствовала, антифашистские элементы подвергались гонениям.

Политика нейтралитета встречала одобрение со стороны Англии, опасавшейся, что вступление Аргентины в войну на стороне Объединенных наций повлечет за собой более тесное сотрудничество между Аргентиной и США и тем самым укрепит в Аргентине позиции североамериканского капитала. 14.10.1941 г. Аргентина заключила с США торговое соглашение, усилившее опасения английских империалистов. В виду того что европейские рынки из-за войны стали малодоступны, Аргентина добивалась расширения своего экспорта в США. Торговое соглашение обусловило снижение пошлин на ввоз в США аргентинской шерсти, льняного семени и других товаров.

Оппозиция, готовясь к назначенным на сентябрь 1943 г. выборам, консолидировала свои силы. В мае 1943 г. был образован антифашистский избирательный блок, в который вошли радикалы, социалисты и прогрессивные демократы. Господствующая клика, не надеясь на благопо-

лучный для нее исход выборов, прибегла к помощи армии. 4.06.1943 г. группа военных во главе с генералом Раусоном и генералом Рамиресом захватила власть. Правительство Рамиреса установило военную диктатуру, отменило выборы и распустило парламент. Была введена жесткая цензура печати. Ряд антифашистских деятелей был арестован. Политические партии были запрещены.

26.01.1944 г. под давлением со стороны США и Англии Аргентина порвала отношения с Германией и Японией, а затем с Болгарией, Венгрией и Румынией. Этот шаг и последовавшие за ним слухи о том, что правительство намерено объявить войну Германии, вызвали отпор со стороны профашистской группы военных. В армии прогитлеровские тенденции насаждались германской военной миссией, которая в течение 25 лет (до 1940 г.) играла руководящую роль в аргентинской армии. Так называемая «Группа объединенных офицеров», возглавлявшаяся полковником Пероном — заместителем военного министра и секретарем труда и социального обеспечения в кабинете Рамиреса, произвела переворот. Рамиреса вынудили подать в отставку (24.02.1944 г.) и передать власть вице-президенту Фаррелю. Перон, ставший главной фигурой в новом правительстве, занял пост вице-президента, военного министра и секретаря труда и социального обеспечения. Лишь 27.03.1945 г., накануне капитуляции гитлеровской Германии, Аргентина объявила состояние войны с Германией и Японией. 9.04.1945 г. Англия, США и латиноамериканские страны возобновили дипломатические отношения с Аргентиной, прерванные было после захвата власти кликой Фарреля — Перона. 20.04.1945 г. на конференции в Сан-Франциско Аргентина по настоянию США была принята в Организацию Объединенных наций.

Правительству Фарреля удалось внести раскол в рабочее движение, образовав при помощи нескольких правых лидеров Всеобщей конфедерации труда свою ВКТ, поставленную под правительственный контроль.

Демагогический лозунг правительства о борьбе с засильем иностранного капитала привлек на его сторону часть мелкой и средней буржуазии. На президентских выборах 24.02.1946 г. подержал победу Перон, выступивший в качестве кандидата от созданной им Рабочей партии и выдвинувший демагогическую программу, рассчитанную на то, чтобы привлечь на его сторону рабочие и крестьянские массы. Он обещал раздел земли крестьянам, повышение заработной платы, участие в прибылях и жилищное строительство рабочим и служащим, экспроприацию иностранных предприятий общественного пользования. Перона поддерживало несколько независимых групп (так называемые гражданские центры), а также часть отколовшихся радикалов, образовавших отдельную партию. Кроме того, избранию Перона благоприятствовало то, что он

слыл противником северо-американского империализма. Попытки США предотвратить избрание Перона помогли ему получить голоса части заблуждавшихся в действительном положении избирателей, стремившихся предотвратить превращение аргентины в сателлита США.

Против Перона выступил антифашистский избирательный блок «Демократический союз», созданный (в 1945 г.) коммунистической, социалистической, прогрессивно-демократической и основной частью радикальной партии.

4.06.1946 г. Перон вступил на пост президента республики. В начале он внешне пытался оказывать известное сопротивление нажиму со стороны США, бесцеремонно вмешивающихся во внутренние дела Аргентины. 6.06 были установлены дипломатические отношения с СССР. Но вскоре в борьбе против сил демократии и прогресса Перон фактически капитулировал перед американским империализмом.

Демагогическая политика правительства не дала желаемых результатов, о чем свидетельствует рост забастовочного движения и снижение производства. В 1946 г. было 142 забастовки, в которых участвовало 334 тыс. рабочих. В 1947 забастовочное движение усилилось — бастовало около 400 тыс. рабочих. В 1948 — в январе бастовало 40 тыс. рабочих боен. В сентябре — 500 тыс. торговых служащих и 50 тыс. рабочих текстильщиков.

Не выполнив ни одного из своих предвыборных обещаний, правительство Перона вступило на путь жестоких репрессий против рабочего движения, преследования компартии и прогрессивной интеллигенции. Подписав на межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро договор «об обороне Западного полушария», оно фактически согласилось на контроль США над аргентинскими вооруженными силами. Опираясь на поддержку США, Аргентина в 1947 г. предъявила свои права на Фолклендские острова, находящимися под властью Великобритании. Предоставив займы Чили, Боливии и др. странам, Аргентина пытается играть роль лидера группы латиноамериканских стран, и в сфере межамериканских отношений оказывает некоторое противодействие экспансионистской политике Соединенных Штатов Америки. Так, на межамериканской конференции в Боготе (март — май 1948 года) аргентинская делегация выступила против попыток Соединенных Штатов Америки узаконить свою гегемонию и получить право на вмешательство во внутренние дела Латинской Америки.

Политические партии

Перонистская партия. Создана на основе Единой партии национальной революции, которая, в свою очередь, была учреждена по приказу

Перона от 28.05.1946 г. на базе распущенной Рабочей партии, фракции радикалов и «хунты обновления», возглавлявшейся вице-президентом Кихано. Объединяет главным образом правительственных чиновников и частично рабочих увлеченных демагогией Перона. По официальным данным, число членов партии достигает 1 млн. человек.

1—2 декабря 1947 г. в Буэнос-Айресе состоялся Учредительный конгресс перонистов, на котором были одобрены доктрины и устав партии, получившей официальное название Перонистская партия. Принципы партии, повторяющие утверждения итальянского фашизма о «социальном мире», «классовой гармонии в обществе», служат для того, чтобы прикрыть диктатуру аргентинской крупной буржуазии и помещиков, ставленником которых является последователь Муссолини, генерал Перон.

Партия имеет в Сенате 28 представителей (из общего числа — 30) и в Палате депутатов — 111 (из 158).

Социалистическая партия — самая крупная из всех социалистических партий Южной Америки. В своей программе ограничивается социально-реформистскими задачами. Под давлением масс выступает против так называемой рабочей политики Перрону. Насчитывает до 10 тыс. членов. Лидер партии — Алиса Мореау де Хусто.

Гражданско-радикальная партия (или партия «персоналистов» — сторонников бывшего президента Иригойена) — ведущая оппозиционная мелкобуржуазная партия в стране. Образована в 80-х гг. XIX в. Долгое время была правительственной партией. В настоящее время представлена в правительстве правым проперонистским крылом. Партия входила в демократический блок на выборах 1946 г. (получила 80 тыс. голосов). Имеет 43 мандата в Палате депутатов. Выступает против американского плана стандартизации вооружения и против «доктрины Трумэна».

Национально-демократическая партия (Консервативная партия). Создана генералом Урибуру. Ведет открытую борьбу за феодальные привилегии крупных землевладельцев. Влияние партии незначительно. Имеет 2 мандата в Палате депутатов.

Прогрессивно-демократическая партия. По программе близка к социалистической партии. оплотом партии является провинция Санта-Фе. Партия участвовала в движении Народного фронта. Имеет 1 мандат в Палате представителей.

Коммунистическая партия. В январе 1918 г. исключенное из социалистической партии левое крыло организовало интернациональную социалистическую партию. Последняя в 1919 г. была принята в Коммунистический интернационал, а в 1920 г. переименована в коммунистическую. Впервые признана легальной в 1930 г.

Прочие партии: *Рабочая партия* — политическая группировка, состоящая из лиц, отколовшихся от правительственной партии. Радикалы-антиперсоналисты — отколовшееся правое крыло партии радикалов (или «персоналистов — сторонников Иригойена»). Партия отражает интересы крупной буржуазии.

БАГАМСКИЕ ОСТРОВА

БАГАМСКИЕ ОСТРОВА, СОДРУЖЕСТВО БАГАМСКИХ ОСТРОВОВ (THE COMMONWEALTH OF THE BAHAMAS), островное государство в Вест-Индии, член Содружества.

Население более 300 тысяч человек, в основном негры и мулаты.

Официальный язык — английский. Основная религия — протестантизм. Столица — Нассо. Багамские острова — курорт с мировой известностью.

Глава государства и правительства — королева Великобритании, представленная генерал-губернатором.

Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древности на Багамах жили индейские племена.

В 1492 году Багамские острова были открыты испанцами. За острова в течение нескольких веков боролись Испания, Великобритания, Франция. Пираты превратили несколько островов в свои базы для ремонта судов и отдыха.

С 1783 года Багамы — колония Великобритании. С 1946 года Багамские острова стали превращаться в зимний курорт Европы и США.

С июля 1973 года Багамские острова — независимое государство.

БАРБАДОС

БАРБАДОС, BARBADOS, государство на острове Барбадос к востоку от Малых Антильских островов в Вест-Индии, член Содружества.

Население около 300 тысяч человек. Столица — Бриджтаун.

Глава государства и правительства — королева Великобритании, представленная генерал-губернатором.

Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древности остров Барбадос населяли индейские племена араваков и карибов.

В начале XVI века Барбадос открыт испанцами.

С 1625 года Барбадос — колония Великобритании, центр Британской Вест-Индии.

С 30 ноября 1966 года Барбадос — суверенное государство.

БЕЛИЗ

БЕЛИЗ, BELIZE, государство на востоке полуострова Юкатан в Центральной Америке, член Содружества.

Население около 200 тысяч человек, в основном негры, мулаты, индейцы. Официальный язык — английский. Столица — Бельмопан.

Глава государства и правительства — королева Великобритании, представленная генерал-губернатором.

Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древности земли Белиза населяли индейские племена.

В 1509—1524 годах территория Белиза была завоевана испанцами, включившими север Белиза в состав Мексики — Новой Испании, а юг — в состав генералкапитанства Гватемала.

С 1862 года Белиз — колония Великобритании — Британский Гондурас.

С 1973 года страна получила официальное название — Белиз.

С сентября 1981 года Белиз — независимое государство.

БОЛИВИЯ

БОЛИВИЯ, РЕСПУБЛИКА БОЛИВИЯ (REPÚBLICA DE BOLIVIA), государство в Южной Америке.

Население около 8 миллионов человек, индейцы кечуа и аймара, испаноиндейские метисы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Сукре, фактически Ла-Пас. Административно-территориальное деление — 9 департаментов.

Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — Национальный конгресс.

С древности боливийские земли населяли индейские племена, имевшие государственные образования.

В XIV веке территория Боливии была завоевана инками, в начале XVI века — испанцами, включившими боливийские земли в состав вице-королевства Перу, а в 1776 году — в состав вице-королевства Ла-Плата под названием Верхнее Перу. Открытая в 1545 году в Боливии серебряная гора Серро-р-ко-де-Потоси сделала страну в XVI—XVII веках экономическим центром Южной Америки, а боливийское серебро стало одним из основных источников доходов испанской короны.

В 1825 году, в ходе войны за независимость испанских колоний в Америке 1810—1826 годов, страна была освобождена армией Симона Боливара, в честь которого и была названа.

Исторический очерк

Территория современной Боливии, заселенная различными индейскими племенами (из них самые крупными аймара и кечуа), была завоевана инками и включена в начале XIV в. в состав их государства (см. Перу, Исторический очерк).

После покорения испанскими конкистадорами Инкской империи (1531—1533 гг.) Верхнее Перу (территория позднейшей Боливии) вошло в состав образованного испанцами вице-королевства Перу (1544 г.), составив аудиенсию Чаркас (1559 г.), позднее оно было включено в состав образованного испанцами в 1776 г. нового вице-королевства Ла-Платы. После открытия в 1545 г. богатейших залежей серебра в горе Потоси, Верхнее Перу сделалось экономическим центром Южной Америки. Город Потоси, возникший поблизости от серебряных разработок, являлся в середине XVII в. самым крупным городом в Западном полушарии. Сюда потянулись в поисках легкой наживы разорившиеся испанские дворяне, получавшие от испанской короны обширные поместья и рудники.

Право собственности на недра принадлежало по закону королю. Владельцы разработок должны были отдавать королю пятую часть добытого металла, но многие разработки велись непосредственно короной. В качестве рабочей силы привлекались индейцы, которые в принудительном порядке должны были отбывать так называемую Питу — трудовую повинность. Индейцы привлекались также к строительству дорог и к сельскохозяйственным работам. Тяжелые условия труда вызывали высокую смертность — погибло около 1/3 привлеченных на работу в рудниках (по подсчетам, погибла до 8 млн. индейцев). Сопrotивление индейцев против безжалостных методов эксплуатации выливалось в частые восстания, которые жестоко подавлялись испанцами.

Одно из крупнейших восстаний такого рода охватило в 1780—1781 гг. часть Перу и Боливии.

Движение феодальных помещиков и владельцев рудников за отделение от Испании началось в Верхнем Перу одновременно с другими испанскими колониями в Америке. В 1809 г. креолы городов Чукисака (нынешний город Сукре) и Ла-Паса свергли испанские власти и организовали хунты. Восстание было подавлено, однако борьба продолжалась. Только после сражения под Аякучо (9.12.1824 г.), в котором колумбийская армия Боливара одержала под командованием генерала

Сукре решающую победу над испанцами, была провозглашена независимость Верхнего Перу, которое в честь Боливара было названо Боливией. Президентом новой республики был провозглашен Боливар, а Сукре — его заместителем.

На территорию Боливии претендовали как Перу, так и Аргентина. Боливар, со своей стороны, выдвинул план создания крупного государства — Великой Колумбии, в состав которой должна была войти и Боливия. Эта идея не встретила достаточной поддержки в Боливии.

К началу периода независимости Боливия была экономически истощена в результате хищнического хозяйничанья испанцев. Знаменитые серебряные рудники уже почти не давали добычи. Население сильно сократилось в результате высокой смертности среди индейцев. В 1821 г. в Боливии насчитывалось менее 1 млн. человек. Основным занятием до конца XIX в. было земледелие. Экспроприация индейских общинных земель в пользу феодальных помещиков продолжалась в еще больших масштабах после объявления независимости в течение всего XIX и начала XX вв. Восстания крестьян, противившихся этой экспроприации, подавлялись самыми жестокими средствами.

Внутриполитическая жизнь Боливии характеризовалась частыми военными переворотами, отражавшими борьбу за власть между отдельными кланами внутри господствующей феодально-помещичьей олигархии. В течение первых 73 лет существования Боливии как независимой республики в ней имело место не менее 60 военных переворотов и восстаний.

В результате экономической и политической слабости Боливия теряла одну часть своей территории за другой. Особенно болезненной была для нее потеря принадлежавшей ей части Атакамской пустыни, богатой залежами гуано и селитры. В результате так называемой селитряной войны (1879—1883 гг.) между Чили, которую поддерживала Англия, с одной стороны, и Перу и Боливией — с другой, Боливия потеряла свою часть Атакамской пустыни, а тем самым и выход к океану. Вопрос о взаимоотношениях с Чили стоял долгое время в центре политической жизни страны и являлся главным пунктом разногласий между двумя основными политическими партиями — консерваторами и либералами. Окончательный мирный договор с Чили был заключен лишь в 1904 г. Чили предоставило Боливии право свободного транзита через порт Арика и обязалось построить железную дорогу из этого порта в Боливию (железная дорога Ла-Пас — Арика).

С последней четверти XIX в. началось проникновение в Боливию иностранного капитала, направлявшегося главным образом в добывающую промышленность. Строились железные дороги, росла внешняя торговля, в которой преобладающее значение имела Англия. Однако волна

иммиграции, направлявшейся в ряд южно-американских стран из Европы во второй половине XIX в. и в начале XX в., не коснулась Боливии в силу ее изолированного географического положения и неблагоприятных для европейцев климатических условий, а также слабого развития капитализма. Сельское хозяйство оставалось на низком уровне, крестьяне находились в полукрепостной зависимости от феодальных помещиков.

С 1895 г., в связи с увеличением спроса на олово на мировом рынке, в Боливии начали разрабатываться английскими и американскими компаниями оловянные месторождения. Олово стало вскоре главным предметом экспорта Боливии и заняло первенствующее место в ее экономике. Приток северо-американского капитала в добывающей промышленности значительно усилился во время и после первой мировой войны.

В результате военного переворота, организованного республиканцами в 1920 г., либеральное правительство английского ставленника Герры было свергнуто. Президентом стал Сааведра, связанный с американским капиталом. Опираясь на специальную гвардию, Сааведра установил свою диктатуру. В 1922 г. он пригласил для реорганизации армии бывших германских офицеров, отклонив протест Франции. Это положило начало германскому влиянию в боливийской армии, а впоследствии способствовало росту фашистских сил в стране. Займы, предоставленные правительству Сааведра нью-йоркскими банкирами, были даны под обеспечение государственными доходами Боливии. Финансы Боливии были поставлены под контроль специальной комиссии, в которую входили представители северо-американских банкиров, что фактически ограничивало суверенитет страны. В 1922 г. Сааведра сдал северо-американской компании «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» крупные концессии на эксплуатацию нефтяных месторождений на юго-востоке страны.

Преемник Сааведра Силес (республиканец), президент с января 1926 г., продолжал политику своего предшественника. При обоих президентах внешние долги Боливии увеличились в 10 раз. Большая часть сумм, полученных от займов, была израсходована на покупку вооружения и на покрытие дефицитов государственного бюджета. Половина национального дохода уходила на платежи по внешним долгам. Ближайшим помощником Силеса был начальник генерального штаба немецкий генерал Кундт.

Тяжелое положение, в котором оказалась страна в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., усилило недовольство масс диктаторским режимом Силеса. Падение цен на олово вызывало безработицу и ухудшало финансовое положение страны. США отказали ему в поддержке. В июне 1930 г. Силес был свергнут, а в январе 1931 г. был избран республиканец Саламанка, выдвинутый коалицией либералов и

республиканцев. В декабре 1931 г. в Нью-Йорк была послана финансовая миссия для переговоров с американскими банками о кредитах.

Стремление «Стандард Ойл» расширить свои концессии в Боливии и открыть выход для экспорта нефти к Атлантическому океану по реке Паране и Парагваю привело к кровопролитной войне за область Чако (1932—1935 гг.) между Боливией и Парагваем (которого поддерживала Англия). После того как Парагвай захватил три четверти спорной территории, США выступили в качестве посредника, стремясь предотвратить дальнейшие поражения боливийской армии. Война была прекращена в июне 1935 г., но мирный договор подписан лишь в 1938 г. В качестве арбитров, решавших условия мира, выступили президенты США, Аргентины, Бразилии, Перу, Чили и Уругвая. Парагвай получил ... территории Чако, а Боливии был предоставлен выход к реке Парагваю.

Война, закончившаяся неудачно для Боливии и стоившая ей громадных жертв как людьми, так и материалами, еще больше ухудшила экономическое положение страны. В кругах мелкой буржуазии и студенчества росли антиамериканские настроения и возмущение политикой господствующей олигархии. Эти настроения находили отклик и в армии. Полковник Торо (социалист), пришедший к власти в 1936 г. в результате военного переворота, пытался проводить политику, направленную против американского капитала.

В июле 1937 г. Торо был свергнут подполковником Германом Бушем. В марте 1938 г. Буш назначил выборы в Учредительное собрание, которое обнародовало новую конституцию и избрало Буша президентом. В апреле 1939 г. Буш распустил парламент, отменил конституцию и установил диктатуру. Буш (по национальности немец), находившийся под влиянием гитлеровцев, провел ряд мероприятий, направленных против англо-американского капитала. В августе 1939 г. Буш покончил жизнь самоубийством.

Генерал Энрике Пеньяранда, избранный в 1940 г. президентом, ориентировался на США. В обмен на заем в 25 млн. долл. от Экспортно-импортного банка США правительство приняло решение уплатить «Стандард Ойл» 17 млн. долл. возмещения за конфискованную в 1937 г. Торо собственность. Это вызвало протесты в парламенте. В июле 1941 г. Боливия заключила с США закупочное соглашение, согласно которому в течение последующих пяти лет США закупают олово, медь и другое сырье, добываемое в промышленности Боливии. Этот договор свидетельствовал о дальнейшем усилении зависимости Боливии от США. Сильное возмущение демократических кругов вызвала также позиция правительства во время крупной забастовки на оловянных рудниках в декабре 1942 г. Высланные для подавления забастовки войска стреляли в рабочих, причем было много убитых и раненых.

26 января 1942 г. Боливия порвала дипломатические отношения с Германией, Италией и Японией, а в апреле 1943 г. она объявила им войну.

В декабре 1943 г. организация «Революционно-националистическое движение» совместно с частью армии совершила переворот и поставила у власти Гуальберта Вильяроэля. Новое правительство ориентировалось на Аргентину. Оно опубликовало демагогическую программу, обещающую крестьянам раздел земли, а рабочим — проведение социального законодательства. Укрепившись у власти, оно подвергалось гонениям демократические элементы. Растущее недовольство рабочих и интеллигенции вылилось в вооруженное восстание в июле 1946 г., в результате которого Вильяроэль был свергнут и убит. К власти пришла хунта, обещавшая провести демократические преобразования. В январе 1947 г. состоялись выборы. Президентом был избран Энрике Эрсог, кандидат «Национально-социалистического союза», образовавшегося из блока нескольких правых партий, пользовавшийся поддержкой католической церкви, американских империалистов и владельцев оловянных рудников. Правительство Эрсога в 1947—1948 гг. дважды вводило в стране осадное положение для борьбы с забастовочным движением и оппозиционными организациями. В начале 1948 г. в Боливии имели место два восстания крестьян-индейцев, направленные против помещиков.

В основных вопросах международной политики Боливия следует США; в вопросах межамERICANских отношений на Боливию значительное влияние оказывает Аргентина.

18.04.1945 г. между СССР и Боливией установлены дипломатические отношения.

Политические партии

Национально-социалистический союз. Правительственная буржуазно-помещичья партия. Создана в 1946 г. из блока нескольких правых партий; пользуется поддержкой феодально-клерикальных кругов. Является проводником интересов американских монополий. На выборах 5.01.1947 г. получила 45 мест (из 110) в Палате депутатов и 14 мест (из 27) в Сенате.

Левая революционная партия — прогрессивная партия, отражающая интересы трудящихся классов Боливии. Организована в 1940 г. С момента свержения диктатуры Вильяроэля (21.07.1946 г.) играет видную роль в политической жизни страны.

На выборах 1947 г. получила 35 мест в Палате депутатов и 4 места в Сенате.

Либеральная партия — реакционная буржуазная партия. Организована в 1880 г. Отражает интересы владельцев оловянных предприятий.

С 1898 г. по 1920 г. находилась у власти. На выборах 5.01.1947 г. получила 15 мест в Палате депутатов и 6 мест в Сенате.

Революционно-националистическое движение — профашистская партия, создана в 1942 г. Руководство состоит из сторонников убитого в 1946 г. диктатора Вильяроэля. Имеет 2 места в Палате депутатов.

Боливийско-социалистическая фаланга. Фашистская партия типа испанской фаланги.

БРАЗИЛИЯ

БРАЗИЛИЯ, ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА БРАЗИЛИЯ, REPUBLICA FEDERATIVA DO BRASIL, государство в Южной Америке. Главные реки — Амазонка, Сан-Франсиску, Парана.

Население около 180 миллионов человек, более 95% — бразильцы, сформировавшиеся как нация при смешении португальских переселенцев с местными индейцами и привезенными африканцами. Официальный язык — португальский. Основная религия — католицизм. Крупнейшие города — Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро. Столица — город Бразилия.

Федерация в составе 26 штатов и столичного округа.

Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — двухпалатный Национальный конгресс.

С древнейших времен бразильские земли населяли индейские племена.

В начале XVI века территория Бразилии завоевана португальскими конкистадорами.

22 апреля 1500 года португальская морская экспедиция во главе с Педру Альваресом Кабралом открыла Бразилию, которая первоначально получила название «Земля Святого Креста».

В 1530—1540 годах территория Бразилии колонизирована португальцами, организовавшими систему земельных латифундий — фазенд, на которых стали работать привезенные из Африки негры.

Первая группа португальских колонистов во главе с Афонсу ди Суза, отправленная в Бразилию в конце 1530 года, основала в нынешнем штате Сан-Паулу колонию Сан-Висенти. Португальцы организовали крупные сельскохозяйственные плантаторские хозяйства с использованием труда привозимых из Африки с 1574 года негров. Порт Байа на 300 лет стал центром работорговли.

Открытие запасов золота в 1692 году, а позднее и алмазов, способствовало тому, что город Рио-де-Жанейро, откуда вели наиболее удобные пути к горнопромышленным районам, стал важнейшим экономическим центром.

С 1714 года центральная власть в Бразии была сосредоточена в руках вице-короля.

После вторжения войск Наполеона Бонапарта в Португалию регент принц Жуан, ставший в 1816 году королем Жуаном IV, под охраной английского флота бежал в Бразилию. Рио-де-Жанейро временно стал центром Португальской империи.

В 1815 году Бразилия была объявлена составной частью Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгавры и перестала быть колонией.

После португальской революции 1820 года в 1822 году Бразилия была провозглашена независимым государством — империей. В 1824 году в стране была принята конституция, через два года созван первый в Бразилии парламент.

15 ноября 1889 года бразильская армия подняла восстание и свергла императора Педру II. Бразилия была объявлена федеративной республикой. В 1891 году в стране была принята новая конституция, составленная по образцу конституции США.

В 1917 году Бразилия, единственная страна Южной Америки, вслед за США, на стороне Антанты участвовала в первой мировой войне.

В ноябре 1937 года правительством Жетулио Варгаса была отменена конституция, конгресс и политические партии распущены.

Во второй мировой войне Бразилия участвовала на стороне антигитлеровской коалиции.

В октябре 1945 года правительство Варгаса было свергнуто, политические партии воссозданы, проведены парламентские и президентские выборы, а через год принята новая конституция.

В 1956—1960 года построена новая столица страны — Бразилия.

После военного переворота 1964 года у власти в Бразилии находились военные правительства.

В октябре 1988 в Бразилии принята новая конституция, определяющая возврат к демократическому правлению*.

ВЕНЕСУЭЛА

ВЕНЕСУЭЛА, РЕСПУБЛИКА ВЕНЕСУЭЛА, REPUBLICA DE VENEZUELA, государство на севере Южной Америки.

Население около 22 миллионов человек, в основном венесуэльцы, нация, образовавшаяся смешением испанцев, индейцев и негров. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Каракас.

¹ В 2003 году в издательстве вышла «История Бразилии»

Федерация в составе 21 штата, 1 федеральной территории, федерального округа и федерального владения. Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — двухпалатный Национальный конгресс из Палаты депутатов и Сената.

С древнейших времен венесуэльские земли населяли индейские племена.

В XVI веке территория Венесуэлы была завоевана испанскими конкистадорами и в течение трехсот лет была испанской колонией.

В результате десятилетней борьбы за независимость от Испании, во главе которой встал Симон Боливар (1773—1830), в 1821 году испанцы были изгнаны из Венесуэлы.

В 1819—1830 годах Венесуэла входила в состав республики Великая Колумбия.

С 1830 года Венесуэла — самостоятельное государство, республика.

С конца 60-х годов XX века в Венесуэле утвердилась демократическая форма правления в условиях фактически сложившейся двухпартийной системы.

Исторический очерк

В 1498 г., в период своего третьего плавания к берегам Америки, Христофор Колумб открыл землю, получившую вскоре название Венесуэлы («Малая Венеция»). В 1499 г., в результате завоевательной экспедиции испанца Алонсо де Охеда, в которой участвовал и Америго Веспуччи, Венесуэла стала испанской колонией. Индейские общины жестоко эксплуатировались завоевателями. В 1525 г. император Карл V в уплату по займам передал право на управление Венесуэлой аугсбургским банкирам Вельзерам. Эксплуатируемые как немецкими откупщиками, так и испанскими губернаторами, сменившими в 1555 г. администрацию откупщиков, колонисты-венесуэльцы, возглавляемые Лопе де Агирра, восстали (1561 г.). Испанцы жестоко расправились с восставшими. Стремясь сохранить Венесуэлу как источник сырья и рынок сбыта своих товаров, колонизаторы препятствовали развитию национальной промышленности и ряда отраслей сельского хозяйства, могущих конкурировать с метрополией. Освободительное движение в Венесуэле в колониальный период в основном охватило лишь часть помещиков-креолов и местную интеллигенцию. Движение было направлено против власти колонизаторов-испанцев, за захват испанских и церковных поместий, ликвидацию испанской торговой монополии и внутренних пошлин.

В 1806 г. генерал Миранда (1750—1816 гг.), виднейший представитель креольского сепаратистского движения в Испанской Америке, принял неудачную попытку восстания в Венесуэле. Вторжение войск

Наполеона I в Испанию послужило испанским колониям в Южной Америке сигналом к провозглашению независимости. В 1811 г. был созван Национальный конгресс, провозгласивший независимость Венесуэлы (5.07.1811 г.), 1-ю Венесуэльскую республику.

Главой исполнительной хунты и главнокомандующим республиканской армией Конгресс избрал Миранду, который, однако, в 1812 г. был побежден испанцами и, преданный своими подчиненными, заточен в испанскую тюрьму, где и умер.

Во главе движения за независимость встал Симон Боливар (1783—1830 гг.), стремившийся к объединению всей Латинской Америки в одну независимую федеративную республику под своей диктаторской властью. Но вторая попытка отделения от Испании, предпринятая Боливаром (нач. 1813 — авг. 1814 гг. — 2-я Венесуэльская республика), также окончилась неудачно.

Только в 1821 г. республиканская армия Боливара освободила от испанских властей Венесуэлу (окончательно испанцы были побеждены в битве при Аякучо 9 декабря 1824 г.). Возникла Великая Колумбийская республика в составе Венесуэлы, Колумбии и Эквадора. Через 11 лет, в 1829 г., Венесуэла выделилась из этого союза в самостоятельное государство.

С этого времени обострилась ожесточенная борьба внутри страны между либералами, которые представляли главным образом интересы буржуазии, и консерваторами, опиравшимися на поддержку духовенства и помещиков. Очень часто эта борьба принимала острый характер, страна постоянно находилась на «военном положении». Менее чем за 100 лет Венесуэла пережила свыше 50 государственных переворотов.

В экономике и политике страны с начала XIX в. большую роль стал играть английский капитал. Влиянию Англии благоприятствовал захват ею в 1797 г. важной морской базы — острова Тринидад, контролирующего морские пути к Венесуэле. В конце XIX — начале XX вв. английские и американские нефтяные компании получили обширные концессии. Столкновение интересов английских нефтяных трестов, завоевавших в начале XX в. преобладание в Венесуэле, и перешедшего после первой мировой войны в наступление американского капитала оказывало серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Венесуэлы.

В 1895 г. возник спор между Англией и Венесуэлой по вопросу о границе Венесуэлы с Британской Гвианой (т. н. Венесуэльский конфликт). Несмотря на вмешательство США, выступивших на основании «доктрины Монро» против английских требований, Венесуэла все же лишилась части спорной территории (1899 г.), на которую продолжает претендовать и теперь.

В 1902 г. возник новый конфликт между Венесуэлой, с одной стороны, и Великобританией, Италией и Германией — с другой, в связи с

требованием этих последних возмещения убытков, причиненных их подданным гражданской войной в Венесуэле.

В результате блокады побережья Венесуэлы морскими силами названных европейских держав Венесуэла была вынуждена согласиться на уступки.

В 1909 г., во время конфликта между Венесуэлой и Соединенными Штатами из-за навигации по реке Ориноко, вице-президент Хуан Висенте Гомес при поддержке США объявил низложенным президента Кастро, а себя провозгласил президентом.

На протяжении 27 лет, вплоть до 1935 г., в стране существовала диктатура Гомеса. Гомесовский режим был диктатурой блока местных помещиков и иностранного капитала. Гомес сам назначал всех депутатов, сенаторов и судей, оформляя свои назначения «выборами», в которых принимали участие в основном лишь переодетые солдаты под наблюдением начальства. По распоряжению Гомеса арестовывались сотни и тысячи «подозрительных», которых без предъявления обвинения годами держали в одной из самых страшных тюрем Южной Америки — Ротунде. Только в политической эмиграции в период гомесовского режима находилось 70 тыс. человек. Огромную роль в проведении законов гомесовского «демократического правительства» (Гомес и его клика именовали себя «демократической партией») играло католическое духовенство. Гомес был одним из крупнейших помещиков не только Венесуэлы, но и всей Южной Америки; на принадлежавших ему плантациях хлопка, кофе, какао, каучука работало 12 тыс. человек.

Гомеса после его смерти (1935 г.) сменил генерал Лопес Контрерас (1936—1940), который при Гомесе в течение ряда лет занимал пост военного министра. Контрерас действовал в условиях резкого обострения противоречий, расшатывавших диктаторский режим в Венесуэле; он поставил своей целью добиться сохранения власти путем постепенного установления конституционного режима. В 1936 г. была провозглашена конституция Венесуэлы. В свою очередь каждый из 20 штатов страны принял собственную конституцию по аналогии с общегосударственной.

В начале 1941 г. президентом стал генерал Исаяс Медина Ангарита, занимавший пост военного министра в правительстве Контрераса. В декабре 1941 г. Венесуэла разорвала дипломатические отношения с Германией, Италией, Японией, но объявила войну Германии и Японии лишь в феврале 1945 г. В мае 1945 г. президент подписал обновленную конституцию, включающую ряд важных изменений. В частности, была предусмотрена легализация основанной еще в 1931 г. коммунистической партии, которая, согласно конституции 1936 г., запрещалась, женщины получили активное и пассивное избирательное право при выборах в муниципальные учреждения.

С октября 1945 г. по декабрь 1947 г. страной управляла Хунта, возглавляемая Бетанкурром, пришедшая к власти в результате восстания и низвержения правительства Медины. Молодые офицеры при поддержке «партии демократического действия», руководимой Бетанкурром, восстали, объявив свое движение «демократическим и антифашистским».

В декабре 1945 г. правительство объявило о частичных конституционных гарантиях. Оно пыталось оказать поддержку национальной промышленности. 27.10.1946 г. состоялись выборы во временную Конституционную ассамблею. Абсолютное большинство в Ассамблее получила правительственная партия «Аксион демократика». Реакционные круги, опиравшиеся на поддержку американских империалистов, вели подготовку к государственному перевороту. Попытка переворота, предпринятая 11.07.1946 г., потерпела неудачу. Реакционеры, однако, сохранили значительное влияние и не прекратили своей заговорщической деятельности.

В борьбе с массовым забастовочным движением, с особенной силой развернувшимся летом 1947 г., Хунта ослабила свои позиции и на выборах 14.12.1947 г., происходивших на основе принятой в июле 1947 г. конституции потеряла часть голосов, но все же провела в президенты своего лидера писателя Ромуло Гальегос. Под давлением народных масс правительство Гальегоса провело некоторые демократические мероприятия (в частности, доходы нефтяных компаний были обложены высоким налогом). В ноябре 1948 г. в результате государственного переворота, инспирированного американскими нефтяными компаниями (контролирующими 70% добычи нефти в Венесуэле), президент Гальегос был отстранен от власти. Во главе государства стала военная хунта.

Политические партии

«Демократическое действие» («Аксион демократика»). Создана в 1941 г. Бетанкурром, руководителем революционной Хунты, захватившей власть в октябре 1945 года. По данным ее руководства, имеет 200 тыс. членов. По социальному составу неоднородна. Будучи правительственной, партия провела закон о свободе печати, о предоставлении права голоса всем гражданам, достигшим 18-летнего возраста, легализована рабочие организации.

На выборах 14.12.1947 г. в Конституционную ассамблею получила 83 места (или 111) в Палате депутатов и 36 мест (из 54) в Сенате.

«Комитет по организации независимой избирательной политики», или партия «Копей» — реакционная партия, опирающаяся на финансовые и деловые круги, крупных землевладельцев, католическую церковь. Насчитывает до 40 тыс. членов. Выступает против прогрессивных мероприя-

тий правительства, за ограничение прав рабочих организаций. На выборах 14.12.1947 г. получила 21 место в Палате депутатов и 6 мест в Сенате.

«Республиканско-демократический союз» (УРД). Основан в 1946 г. насчитывает до 20 тыс. членов. Партия буржуазного «центра». Связан с элементами, поддерживающими свергнутого президента Медина. Требуется создания коалиционного правительства. На выборах 14.12.1947 г. получил 4 места в Палате депутатов и 1 место в Сенате.

Коммунистическая партия. Возникла в 1931 г. На декабрь 1946 г. насчитывала 20 тыс. членов. Имеет наиболее сильное влияние в столице Каракасе и нефтяных районах. На выборах 14.12.1947 г. получила 3 места в Палате депутатов и 1 место в Сенате.

ВИРГИНСКИЕ ОСТРОВА

ВИРГИНСКИЕ ОСТРОВА, VIRGIN ISLANDS, группа небольших островов в Вест-Индии, более 100, владение Великобритании с населением около 15 тысяч человек с центром в Род-Тауне, и США с населением около 100 тысяч человек с центром в Шарлотте-Амалии.

С древнейших времен острова населяли индейские племена.

Виргинские острова открыты Христофором Колумбом в 1493 году.

С 1625 года Виргинские острова — колония Испании, Франции, с 1762 года Великобритании, Мальтийского ордена, Дании, в 1917 году продавшей свою часть островов США.

ГАИТИ

ГАИТИ, РЕСПУБЛИКА ГАИТИ, REPUBLIQUE HAÏTI, государство в западной части острова Гаити, в группе Больших Антильских островов, открытом в 1492 году Христофором Колумбом, назвавшим его Эспаньола.

Население около 8 миллионов человек, в основном негры. Официальный язык — французский. Основная религия — католицизм. Столица — Порт-о-Пренс.

Административно-территориальное деление — 9 департаментов.

Глава государства и правительства — президент.

С древнейших времен остров населяли индейские племена.

Гаити был открыт 6 декабря 1492 года экспедицией Христофора Колумба, назвавшего остров Эспаньолой.

В конце XV века остров Гаити был завоеван испанскими конкистадорами, ввозившими негров из Африки для работы на плантациях.

В конце XVII века запад острова — Сан-Доминго — перешел к Франции, восток — Санто-Доминго — остался у Испании.

В 1804 году после продолжительной освободительной борьбы гаитянского народа во главе с Туссенем-Лувертюром провозглашена независимость острова, ликвидировано рабство и восстановлено индейское название — Гаити.

В 1844 году на Санто-Доминго была образована Доминиканская Республика.

В 1915—1934 годах Гаити был оккупирован США.

В 1957—1986 годах у власти в Гаити находился диктатор Дювалье и его семья.

Исторический очерк

Во времени открытия острова Колумбом в 1492 г. на Гаити находилось многочисленное (по оценке Лас Касаса — 3 млн.) население. Завоевание острова испанцами было облегчено борьбой между двумя группами индейских племен — ароваками и караибами. Вскоре население острова было почти целиком истреблено испанцами. Для работы в рудниках и на плантациях сахарного тростника с 1505 г. на Эспаньолу (как Колумб назвал Гаити) стали ввозить рабов — негров. На основе труда рабов на северо-востоке развилось колониально-плантационное хозяйство. На юго-востоке острова образовалось вольное смешанное мулатское население, главным образом занимавшееся скотоводством. В начале XVII в. на побережье Гаити и расположенных вблизи островах (Торту и др.) появились флибушеры. Связанными с французскими купцами и банкирами, они оттеснили испанцев и захватили северную и западную части Гаити. По Рисвикскому миру 1697 г., эта часть Гаити была передана Франции. К началу французской буржуазной революции 1789 г. политическое господство на Гаити принадлежало землевладельческой аристократии — крупным плантаторам. Вскоре после падения Бастилии местная буржуазия из среды белых и мулатов начала борьбу за политические свободы. Французское Учредительное собрание, не желая задевать интересов плантаторов, державших в рабстве свыше 400 тыс. негров, ограничилось созывом колониальной ассамблеи. В 1790 г. началось восстание мулатов, а затем — еще более мощное — негров. С обострением социальной борьбы плантаторы отказались признать республиканское правительство Франции и для подавления восстания негров обратились за помощью к англичанам и испанцам. Прибывшие на Гаити в 1793 г. комиссары Конвента провозгласили отмену рабства. В феврале 1794 г. Конвент предоставил неграм политические права. Во главе со своим национальным героем Туссенем Лувертюром, объявившим о передаче бывших рабовладельческих поместий освобожденным рабам, негры помогли французскому республиканскому генералу Лаво изгнать из Гаити английских

(1798 г.) и испанских интервентов. По Базельскому миру 22/VII 1795 г. Испания уступила свою часть острова Франции. В 1801 г. колониальная ассамблея утвердила выработанную Туссеном Лувертюром республиканскую конституцию и избрала его пожизненным правителем острова.

Наполеон пытался вновь подчинить Гаити французскому управлению и восстановить там рабство. Отправленная им экспедиция генерала Леклерка, однако, успеха не имела. Вероломный захват Туссена Лувертюра и отправка его во Францию (где он в 1803 году и умер в крепости Жю) лишь усилили освободительную борьбу негров.

В 1803—1804 гг. велась ожесточенная борьба между отрядами туземного населения острова Гаити, возглавлявшимися мулатом Дессалином и присланными на остров Наполеоном I оккупационными войсками, результатом которой явилось изгнание французов и провозглашение независимости острова (1/I 1804 г.). Пожизненным правителем Гаити был провозглашен Дессалин, принявший в 1804 г. императорский титул. Восточная часть острова (Санто-Доминго) вновь подпала под власть Испании (1808—1812 гг.). В 1806 г. Дессалин был убит. Президентом Гаити стал мулат Петион (1806—1818 гг.). 2/VI 1816 г. в Гаити была принята конституция, введившая двухпалатное Национальное собрание, пожизненное президентство и подтвердившая упразднение рабства. Петион безуспешно пытался объединить всю западную часть острова. Это было достигнуто при президентстве Буае (1818—1843 гг.), которому в 1822 г. удалось захватить также и восточную часть острова. Буае ввел в Гаити гражданский и уголовный кодексы. В 20-х гг. XIX в. последовало признание Гаити большинством европейских государств. В 1843 г. против Буае вспыхнуло восстание, в результате которого он вынужден был отказаться от власти. Вспыхнувшее в феврале 1844 г. восстание в восточной части острова привело к образованию Доминиканской республики. Негр Сулук, находившийся на посту президента с 1847 по 1858 гг. вновь пытался объединить весь остров, но в марте 1849 г. был разбит войсками Доминиканской республики. 26/VIII 1849 г. Сулук провозгласил себя императором Гаити. Со свержением Сулука в 1858 г. генералом Жеффром в Гаити наступил период ожесточенной борьбы за власть и частой смены президентов.

С конца XIX в. в Гаити, представлявшую собой экономически отсталую аграрную страну, началось усиленное проникновение североамериканского капитала. Американские займы вытеснили французские. В июле 1915 г. США оккупировали Гаити. Президентом Гаити был избран ставленник США Дартигенав (1915—1922 гг.), а при правительстве республики были назначены американские советники, в руках которых сосредоточилось фактическое руководство экономической и политической

жизнью республики. В июле 1918 г. против оккупантов вспыхнуло восстание, жестоко подавленное американской полицией и моряками. Американцы подавили также восстание крестьян в 1929 г. В 1930 г. в Гаити вновь началось движение против оккупантов. В августе 1934 г. США вывели из Гаити свои оккупационные силы. Несмотря на вывод оккупационных войск, страна находится в полной экономической и политической зависимости от США. Со вступлением США во вторую мировую войну республика Гаити 8.12.1941 г. объявила войну Японии, а 12.12.1941 г. — Германии и Италии. Президентом Гаити был избран в апреле 1941 г. Леско на пятилетний срок. В 1944 г. его полномочия были продлены до 1951 г. В стране началось массовое движение против диктатора, вылившееся в восстание. Опасаясь исхода восстания, США направили в Гаити военные корабли. 11.01.1946 г. власть перешла в руки военной хунты. В мае 1946 г. президентом был избран ставленник реакции Думарсейс Эстиме. Правительство одобрило законопроект о запрещении деятельности коммунистов и распустило народно-социалистическую партию. Во внешней политике правительство Гаити всецело следует за предписаниями империалистов США.

ГАЙАНА

ГАЙАНА, КООПЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГАЙАНА, REPUBLIC OF GUYANA, государство в Южной Америке, член Содружества.

Население около миллиона человек, индийцы, негры, мулаты. Официальный язык — английский. Верующие — индуисты, христиане, мусульмане. Столица — Джорджтаун.

Глава государства — президент. Законодательный орган — Национальное собрание.

С древнейших времен Гайану населяли индейские племена.

В XVII веке земли Гайаны в жесткой борьбе с англичанами и французами захвачены голландцами.

С 1814 года Гайана — колония Великобритании, с 1831 года получила название Британская Гайана.

С 1966 года Гайана — независимое государство, с 1970 года — республика.

ГВАДЕЛУПА

ГВАДЕЛУПА, GUADELUPA, остров в группе Наветренных островов в Вест-Индии, французское владение.

Население около полумиллиона человек. Официальный язык — французский. Основная религия — католицизм. Столица — Бас-Тер.

С древнейших времен остров Гваделупа населяли индейцы карибы. Остров Гваделупа открыт в 1493 году Христовором Колумбом.

С 1674 года Гваделупа — французское владение, за которое активно боролась Великобритания.

С 1946 года Гваделупа — «заморский департамент» Франции.

ГВАТЕМАЛА

ГВАТЕМАЛА, РЕСПУБЛИКА ГВАТЕМАЛА, REPUBLICA DE GUATEMALA, государство в Центральной Америке.

Население около 10 миллионов человек, индейцы и метисы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Гватемала. Административно-территориальное деление — 22 департамента.

Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — однопалатный Национальный конгресс.

С древнейших времен Гватемалу населяли индейские племена; во II—IX веках на гватемальских землях существовала цивилизация индейцев майя.

В 1523 году Гватемалу завоевали испанские конкистадоры во главе с Педро де Альварадо.

В 1650 году было образовано генерал-капитанство Гватемала в составе почти всей Центральной Америки и части Мексики.

В 1821 году Гватемала стала независимым государством; до 1823 года в составе мексиканской империи Итурбиде; с 1823 по 1839 год — в составе Соединенных провинций Центральной Америки со столицей в городе Гватемала. В результате гражданской войны Соединенные провинции распались на пять самостоятельных государств — Гондурас, Коста-Рику, Сальвадор, Никарагуа и Гватемалу, вновь ставшую независимой.

Исторический очерк

В 1522—1524 гг. территория Гватемалы была захвачена испанцами. Значительная часть индейских плен, оказавших завоевателям решительное сопротивление, была истреблена.

Территория Гватемалы, наряду с территориями Никарагуа, Гондураса, Сальвадора, Коста-Рики и части Мексики, была включена в состав генерал-капитанства, называвшегося Гватемалой. Порабощая индейцев, испанцы насильственно распространяли среди них христианство и жестоко эксплуатировали их на плантациях. В Гватемале сложились крепольские помещицы и буржуазные группы, начавшие борьбу против испанского владычества. 15.09.1821 года Гватемала провозгласила свою неза-

висимость от Испании. В 1822 г. она была присоединена к мексиканской империи Итурбиде. 1.07.1823 г. Гватемала вошла в состав федерации республик Центральной Америки. Упорная борьба между отражавшими интересы буржуазии федералистами-либералами и консерваторами, которые, опираясь на землевладельцев и на духовенство, защищали позиции автономии, привела к распаду федерации. С распадом Центрально-Американской федерации в 1839 г. Гватемала (как и входившие в федерацию Никарагуа, Гондурас, Сальвадор, Коста-Рика) стала отдельной республикой. Лидер консерваторов Рафаэль Каррера в 1844 г. был избран президентом Гватемалы и установил в стране реакцию диктатуру. Со смертью Каррера в 1865 г., влияние либералов на политическую жизнь Гватемалы значительно возросло. В мае 1873 г. президентом Гватемалы стал лидер либералов Хусто Руфино Баррьос. Последовали изгнание из страны иезуитов, конфискация имущества духовенства, репрессии против консерваторов. Стремясь восстановить федерацию стран Центральной Америки, Баррьос в 1885 г. вторгся в пределы Сальвадора, но был убит.

В период диктатуры главы консерваторов президента Эстра да Кабрера (1898—1920 гг.) Гватемала попала в экономическую и политическую зависимость от США. В последующем эта зависимость еще более усилилась. Вмешавшись в 1906 г. в войну стран Центральной Америки, США в 1907 г. созвали в Вашингтоне конференцию 5 республик и руководили заключением конвенций о мирном урегулировании конфликтов между этими странами. В 20-х годах в Гватемале началось рабочее движение; имели место массовые стачки. Борьба между консерваторами и либералами привела к падению Кабрера. В 1921 г. президент Карлос Эррера (консерватор-унионист) заключил с Гондурасом и Сальвадором договор о создании федерации стран Центральной Америки. 7.12.1921 г. Эррера был свергнут либералами. На пост президента был избран либерал генерал Хосе Мария Орельяна (1922—1926 гг.). Он заявил о выходе Гватемалы из федерации 3 республик, и федерация распалась. Его преемник президент Чакон 16.12.1930 г. был свергнут в результате переворота, возглавленного генералом Орельяна. Последний, не добившись признания со стороны США, был вынужден подать в отставку. В феврале 1931 г. президентом был избран генерал Убико, установивший режим реакционной диктатуры.

С конца 20-х годов началось проникновение в Гватемалу германского капитала. Со вступлением США во вторую мировую войну Гватемала 8.12.1941 г. объявила войну Японии, а 11.12.1941 г. — Германии и Италии и предоставила США свои военно-морские и военно-воздушные базы. В июле 1944 г. диктатура генерала Убико была свергнута. 17.12.1944 г. президентом был избран Хуан Хосе Аревало. Придя к власти, правитель-

ство Аревало провело некоторые прогрессивные мероприятия (легализация профсоюзов, осуществление программы просвещения индейского населения и др.). Гватемала порвала дипломатические отношения с франкистской Испанией и 10.09.1945 г. признала испанское республиканское правительство. В 1947—48 гг. при поддержке империалистов Соединенных Штатов Америки (в первую очередь из «Юнайтед Фрут К^о») значительно активизировались реакционные элементы. Под их давлением правительство Аревало запрещает создание коммунистической партии.

В 1948 г. обострились отношения между Гватемалой и Англией в связи с требованием Гватемалы о возвращении ей территории Белиза (Британский Гондурас). В мае 1948 г. Гватемала и Англия решили передать свой спор относительно суверенных прав на Белиз на рассмотрение Международного суда. Претензии Гватемалы были поддержаны целым рядом латиноамериканских стран на конференции в Боготе (30.03 — 2.05.1948 г.).

19.04.1945 г. между СССР и Гватемалой были установлены дипломатические отношения.

ГОНДУРАС

ГОНДУРАС, РЕСПУБЛИКА ГОНДУРАС, REPUBLICA DE HONDURAS, государство в Центральной Америке.

Население около 5 миллионов человек, в основном испано-индейские метисы. Официальный язык — испанский. Основная религия — христианство. Столица — Тегусигальпа. Административно-территориальное деление — 18 департаментов.

Глава государства — президент. Законодательный орган — однопалатный Национальный конгресс.

С древнейших времен Гондурас населяли индейские племена.

В 1524 году Гондурас завоевали испанские конкистадоры.

15 сентября 1821 года Гондурас стал независимым государством; с 1823 по 1838 год Гондурас в составе Соединенных провинций Центральной Америки.

С 1839 года Гондурас — суверенная республика.

Исторический очерк

Гондурас был открыт Колумбом во время его последнего плавания (1502 г.). В 1525 г. Кортес основал здесь первые испанские поселения, а в 1539 г. Гондурас был включен в генерал-капитанство Гватемалу. Индейское население было большей частью истреблено испанцами или вымирало от непосильного труда на плантациях, в золотых и серебряных копях. Испанцами в Гондурас было ввезено значительное число негров. В

1821 г. Гондурас провозгласил свою независимость от Испании. В 1822 году вместе с остальной частью Центральной Америки был присоединен к Мексиканской империи Итурбиде. В 1823 г. вступил в федерацию центрально-американских республик. Вся история Гондураса в последующие года, как и история других центрально-американских республик, заполнена борьбой консервативной и либеральной партий, междоусобной борьбой и военными переворотами (пронунсиаменто). Географическое положение Гондураса, расположенного в центре американских республик, заставило его принимать участие во всех многочисленных военных столкновениях между ними.

После распада федерации центрально-американских республик в 1839 г., стоявшие у власти либералы были свергнуты консерваторами, опиравшимися на помощь Гватемалы. Вождь либералов генерал Морасан пытался объединить Гондурас, Сальвадор и Никарагуа, но был захвачен консерваторами в плен и расстрелян (1842 г.). Так же неудачно окончилась аналогичная попытка либерального президента Каваньяса (1853—1855 гг.). Конституция Гондураса как самостоятельной республики была принята в 1848 г.

В середине XIX в. Великобритания, ведя борьбу с американским капиталом в странах Центральной Америки, использовала свою колонию Британский Гондурас для временного захвата части территории Гондураса (1849—1852 гг.). В 1860 г. Гондурас отразил нападение экспедиции американских флибустьеров во главе с Уокером (см. Никарагуа. Исторический очерк). В течение 70-х годов Гондурас пережил ряд новых войн и переворотов. Столица была перенесена из Комаягуа в Тегусигальпу (1880 г.). В 1895 г. Гондурас вступил вместе с Никарагуа и Сальвадором в Великую центрально-американскую республику, вскоре распавшуюся. В 1907 г. Гондурас вел войну с Никарагуа. На Вашингтонской конференции 1907 г. был прокламирован нейтралитет Гондураса. Последующий период заполнен смутами и восстаниями, возникавшими при участии американских империалистов.

В 1907 г. с помощью правительства Никарагуа президентом Гондураса стал Мигель Давила. Против него поднял в 1910 г. восстание Мануэль Бонилья. На следующих выборах в президенты был избран Бонилья (1911 г.), а после его смерти (1913 г.) президентом стал Берtrand. Новый переворот поставил у власти генерала Лопеса Гутьерреса (1920—1924 гг.), установившего диктатуру. Во время своего правления он был вынужден подавлять многочисленные восстания (в феврале — августе 1923 г. произошло 33 восстания).

С 1925 по 1928 г. президентом Гондураса являлся деятель национальной партии Мигель Бараона. В 1929 г. президентом был избран Ко-

линдрес. В 1933 г., после новых междоусобиц либералов и националистов, власть перешла к генералу Кариас Андино, установившему в стране режим кровавого террора, для чего он употреблял оружие, полученное от США. В декабре 1941 г. Гондурас вслед за США объявил войну державам «оси».

В 1941 г. Кариас Андино предоставил новые торговые привилегии американским компаниям.

В 1942 г. Кариас Андино в нарушение конституции в третий раз продлил свои полномочия президента до 1949 г. Против режима Кариаса Андино имел место ряд народных выступлений. В январе 1947 г. произошли восстания в основных хозяйственных районах страны.

Политические партии

Националистическая партия («голубые») — правительственная партия. Отражает интересы землевладельцев, тесно связанных с американским капиталом. Сторонница усиления влияния церкви на государство. Лидер партии — диктатор Кариас Андино.

Либеральная партия («красные») — отражает интересы буржуазии. Сторонница полного отделения церкви от государства.

«Националистическая» и «Либеральная» партии возникли в период объявления Гондурасом независимости.

Прогрессивные демократические партии и организации находятся на нелегальном положении.

ГРЕНАДА

ГРЕНАДА, GRENADA, государство на острове Гренада и в Южной части островов Гренадины в Вест-Индии, член Содружества.

Население более 100 тысяч человек, в основном негры и мулаты. Официальный язык — английский. Основная религия — христианство. Столица — Сент-Джоржес.

Глава государства — королева Великобритании, представленная генерал-губернатором.

Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древнейших времен Гренаду населяли индейские племена.

В 1498 году остров Гренада открыт Христофором Колумбом.

С 1650 года остров Гренада — колония Франции.

С 1783 года Гренада — колония Великобритании.

С 1967 года Гренада — «ассоциированное с Великобританией государство».

С 7 февраля 1974 года Гренада — независимое государство.

ДОМИНИКА

ДОМИНИКА, DOMINICA, государство на острове Доминика в группе Малых Антильских островов, член Содружества.

Население около 100 тысяч человек, в основном негры и мулаты.

Официальный язык — английский. Основная религия — католицизм. Столица — Розо.

Административно-территориальное деление — 10 районов.

Глава государства — президент. Законодательный орган — однопалатный парламент.

С древнейших времен Доминику населяли индейские племена карибы.

В 1493 году остров открыт Христофором Колумбом и попеременно был колонией Испании и Франции.

С 1763 года Доминика — колония Великобритании.

С 1978 года Доминика — независимое государство.

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА, REPUBLICA DOMICANA, государство на востоке острова Гаити в Вест-Индии.

Население около 8 миллионов человек, в основном мулаты. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Санто-Доминго.

Административно-территориальное деление — 29 провинций и 1 национальный округ.

Глава государства и правительства — президент.

Законодательный орган — двухпалатный Национальный конгресс.

С древнейших времен остров Гаити населяли индейские племена.

Остров Гаити, в группе Больших Антильских островов, был открыт в 1492 году Христофором Колумбом, назвавшим его Эспаньола.

С конца XV века восток острова Гаити стал колонией Испании — Санто-Доминго, ставшей в начале испанских завоеваний в Новом Свете основным опорным пунктом Испании в Америке.

В 1821 году на острове Гаити провозглашена независимость, с 1822 года Санто-Доминго в составе Республики Гаити.

С 1844 года Доминиканская Республика — независимое государство.

С 1916 по 1924 год Доминиканскую Республику оккупировали США.

С 1930 по 1961 год Доминиканской Республикой правил президент Р. Трухильо.

Исторический очерк

История восточной части острова Гаити, на которой образовалась впоследствии Доминиканская республика, до конца XVII в. связана с историей острова в целом (см. Гаити, Исторический очерк). По Рисвикскому миру 1697 г. северо-западная часть Гаити отошла к Францам, а восточная, получившая название Санто-Доминго, осталась под владычеством испанцев. Но по Базельскому миру 1795 г. Испания уступила восточную часть острова Гаити Франции, объединившей таким образом в своих руках весь остров.

В 1804 г. восстание негров под предводительством Дессалина привело к изгнанию французов, в 1808 г. испанцы снова завоевали Санто-Доминго, которое оставалось под их властью до 1821 г., т. е. до общего восстания испанских колоний в Америке против своей метрополии. Санто-Доминго вошло в колумбийскую федерацию, но уже в 1822 г. включено было в состав гаитянской республики. Однако объединение это, ввиду расхождения экономических интересов мулатов-скотоводов, жителей Санто-Доминго, и негритянского земледельческого населения Гаити, было непрочным, и в 1844 г. Санто-Доминго в результате восстания освободилось и образовало самостоятельную Доминиканскую республику. В 1861 г. Испания, воспользовавшись гражданской войной в Соединенных Штатах, снова завладела страной, но в 1865 г. недовольство управлением Испании вызвало революцию, и испанцы вынуждены были окончательно покинуть страну.

Во внутренней жизни страны происходила борьба клик и смена их у власти, прекратившаяся только на время продолжительного президентства У. Эро (1882—1899 гг.). Убийство Эро открыло новый период военных заговоров и переворотов. В конце XIX в. усиливается борьба за господство в Центральной Америке между американским и английским капиталом.

В 1904 г. прекращение Доминиканской республикой платежей по государственным займам, вызванное хозяйственной разрухой, дало повод для вмешательства европейских держав и США, закончившегося установлением финансового контроля США и назначением американского финансового агента для сбора таможенных пошлин. Вмешательство США, успешных к этому времени в значительной мере вытеснить английский капитал с его позиции, еще более усилилось в последующие годы. В 1915 г. американское правительство потребовало от Доминиканской республики назначения американского финансового советника. 15.05.1916 г. США оккупировали Доминиканскую республику: 2000 американских матросов высадились в Санто-Доминго. Американцы распустили парламент, изгнали президента, а военный губернатор США стал

неограниченным диктатором Доминиканской республики. Местные органы власти были ликвидированы. Американские военные силы были высажены и в других пунктах страны.

В 1922 г. между руководящими политическими кругами Доминиканской республики и военным губернатором США было заключено соглашение, в силу которого США обещали «в близком будущем» увести свои войска из Доминиканской республики при условии, что парламент одобрит все законы и распоряжения военного губернатора и что контроль над государственными финансами и сбор таможенных пошлин будет по-прежнему производиться США. 26.06.1924 г. Доминиканская республика ратифицировала договор, предложенный США, и 12.07 оккупационные войска покинули страну, оставив только американского чиновника для сбора пошлин. Президентом на 4 года был в 1924 г. избран ставленник США Орасио Васкес, получивший американский заем в размере 10 млн. долларов. По существу Доминиканская республика превратилась в колонию американского империализма. Финансирование основных отраслей народного хозяйства Доминиканской республики почти целиком находится в руках нью-йоркских банков. Но Доминиканская республика представляет интерес для США не только как сфера вложения капиталов, сколько как важнейший стратегический пункт в Карибском море. В 1927 г. произошел пересмотр конституции для продления полномочия Васкеса до 1930 г. В 1929 г. вызванное мировым экономическим кризисом падение цен на сахар, играющий главную роль в экономике Доминиканской республики, обострило недовольство господством американского империализма. Президент Васкес был свергнут в результате военного переворота в феврале 1930 г. После трехмесячного правления временного президента Уренья в стране установилась диктатура генерала Трухильо (май 1930 г.), неоднократно с тех пор «переизбиравшегося» на пост президента. Выборы 16.05.1947 г. проходили в обстановке усилившейся реакции: запрещение участвовать в выборах народно-социалистической партии и организации «Демократическая молодежь», многочисленные аресты прогрессивных деятелей сделали возможным «переизбрание» генерала Трухильо на четвертый срок. Режим террора, установленный диктатором, вызвал волну протеста внутри страны и в среде эмигрантов.

Вслед за США Доминиканская республика объявила в 1941 г. войну Японии, Германии и Италии. 8.03.1945 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Доминиканской республикой.

Партии

«*Партидо доминикано*» — правительственная профашистская партия диктатора Трухильо. Служит интересам американского капитала. Единственная партия в стране, допущенная к выборам в Конгресс. Создана в 1931 г.

Национальная рабочая партия — реакционная партия; тесно связана с диктатором Трухильо, хотя и считается оппозиционной. Организована в 1946 г.

Народно-социалистическая партия была создана на базе коммунистической партии. Запрещена Трухильо в августе 1947 г. и находится в подполье.

КАЙМАНОВЫ ОСТРОВА

КАЙМАНОВЫ ОСТРОВА, CAYMAN ISLANDS, три острова — Большой Кайман, Малый Кайман, Кайман-Брак — расположенные между Кубой и Ямайкой в Карибском море, владение Великобритании. Крупнейший мировой финансовый центр.

Население более 20 тысяч человек. Столица — Джорджтаун.

Каймановы острова открыты Колумбом в 1503 году.

С 1670 года Каймановы острова — собственность Великобритании.

КОЛУМБИЯ

КОЛУМБИЯ, РЕСПУБЛИКА КОЛУМБИЯ, REPUBLICA DE COLOMBIA, государство на северо-западе Южной Америки.

Население более 45 миллионов человек, колумбийцы — метисы, мулаты, креолы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Богота. Административно-территориальное деление 32 департамента и столичный округ Богота.

Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — конгресс из Сената и Палаты представителей.

С древнейших времен колумбийские земли населяли индейские племена с развитой культурой, в конце XV века создавшие около 20 небольших государственных образований, крупнейшими из которых были Баката, Ирака, Дуитама, Гуанета, Тайрона.

К 1556 году Колумбия была завоевана испанскими конкистадорами, образовавшими колонию Новая Гренада со столицей Санта-Фе-де-Богота.

В 1819 году Новая Гренада стала независимой и до 1830 года входила в состав республики Великая Колумбия, президентом которой стал герой освободительной войны Симон Боливар.

С 1830 по 1861 годы Новая Гренада — независимая республика, с 1861 по 1886 годы — Соединенные Штаты Колумбии.

С 1886 года страна — Республика Колумбия.

С 1991 года в стране действует новая конституция.

Исторический очерк

Территория Колумбии была открыта испанцами в 1499 г. Завоевав ее в 1536—1540 гг. и захватив индейскую столицу Богота, они образовали колонию Новая Гранада. Коренное индейское население колонии подверглось в значительной части истреблению. Захватив огромные земельные владения, испанцы обрабатывали их, беспощадно эксплуатируя закрепощенных ими индейцев. Для разработки золотых месторождений колонии испанцы использовали труд ввозившихся ими рабов-негров. В 1739 г. колония Новая Гранада была преобразована в вице-королевство, включавшее в свой состав, наряду с территорией Колумбии, Панама и Эквадор. С развитием капитализма и появлением буржуазии в конце XVIII в. в Новой Гранаде оформилось национально-освободительное движение, ставившее себе целью добиться независимости от метрополии, искусственно препятствовавшей ее дальнейшему экономическому развитию. В результате восстания, вспыхнувшего в Боготе, была, 21.12.1810 г. образована революционная Хунта. Некоторые провинции, однако, отказались признать власть Боготской хунты. В 1811 г. на Конгрессе провинций Новой Гранады произошел раскол между представителями Боготской хунты (провинция Кундинамарка) и представителями других провинций, перешедший затем в вооруженную борьбу. В 1813 г. в Боготе была принята декларация независимости. По окончании в 1815 г. наполеоновских войн испанцы попытались вновь подчиниться себе Новую Гранаду. Однако восставшее население Новой Гранады во главе с перешедшим на ее территорию из Венесуэлы Симоном Боливаром в 1819 г. разбило королевские войска. 17.12.1819 г. в городе Ангостуре (ныне город Боливар в Венесуэле) было провозглашено образование федеративной республики — Великая Колумбия, включавшей в свой состав всю Новую Гранаду и Венесуэлу, а с 1822 г. — также и Эквадор. Первым президентом Великой Колумбии был избран Боливар, который приобрел исключительно большую власть. Попытка Боливара создать на Панамской конгрессе 1826 г. федерацию всех стран Южной Америки потерпела неудачу главным образом вследствие сопротивления Англии и США. Проектировавшееся им создание т. н. Андской федерации в составе Колумбии, Перу и Боливии также не было осуществлено. В 1829 г. от Великой Колумбии отделилась Венесуэла, а в 1830 г. — Эквадор. Это повлекло отказ Боливара от поста президента. В 1830 г. была образована республика Новая Гранада, состоявшая первоначально из пяти мало связанных между собой департаментов. Президентом ее был избран Москера. Слабость центральной власти определила частую смену правительств. В 1832 г. была выработана

конституция Новой Гранады, на основе которой президентом был избран Сантандер, возглавивший сформировавшуюся в то время партию либералов. Последняя, отражая интересы национальной буржуазии и защищая идею федеративной республики, вела ожесточенную борьбу с консерваторами, представлявшими интересы землевладельческой аристократии. В 1837 г. президентом был избран консерватор де Маркес. Продолжая борьбу против консерваторов, либералы подняли в июле 1839 г. федералистское восстание «супремосов», возглавленное генералом Овандо. Избранный в 1841 г. на пост президента консерватор генерал Педро Алкantara Эрран подавил восстание, которое было окончательно ликвидировано в 1842 г. В 1843 г. консерваторы приняли новую конституцию, значительно усилившую центральную власть. Иезуиты, изгнанные из страны еще на основе королевского эдикта 1767 г., были возвращены.

В 1845 г. президентом был избран крайний консерватор генерал Томас Киприано де Москера, правление которого повлекло образование мощной оппозиции со стороны либералов. Последним удалось в 1849 г. провести избрание на пост президента генерала Хосе Лопеса. Подавив организованные консерваторами восстания, он провел ряд половинчатых реформ, изгнал иезуитов и в 1851 г. отменил рабство негров, компенсировав бывших рабовладельцев. Однако экономическая зависимость негров от прежних владельцев полностью сохранилась, и негры продолжали подвергаться жестокому угнетению. В 40-х годах XIX в. США, учитывая огромную стратегическую важность Панамского перешейка, перешли к политике усиленного проникновения в его зону. В 1846 г. был заключен договор между Новой Гранадой и США «О дружбе, мире, навигации и торговле», этот договор был направлен против Англии и резко усилил влияние США в Новой Гранаде. Под давлением США Новая Гранада была вынуждена в 1855 г. предоставить Панаме самоуправление. В начале 50-х годов XIX в. либеральная партия раскололась: умеренная часть либералов во главе с президентом Лопесом выступила против радикальной части либералов, требовавшей включения в конституцию свободы вероисповедания и всеобщего тайного голосования. В 1853 г. президентом был избран лидерал Хосе Мария Овандо, который в 1854 г. вышел в отставку. К власти пришло диктаторское правительство во главе с Мануэлем Мариа Мальярино. В 1857 г. на пост президента был избран крайний консерватор Мариано Ospina. 22.05.1858 г. Новая Гранада была преобразована в конфедерацию 8 штатов под названием «Конфедерация Гранадина». Массовое недовольство режимом крайней реакции привело в 1860 г. к гражданской войне; против Мариано Ospina выступили либералы, возглавленные перешедшим к ним от консерваторов бывшим президентом Москера. Последний в 1861 г. занял Боготу и Ospina был свергнут.

Собравшаяся в 1863 г. в Рио-Негро конституционная ассамблея избрала Москеру президентом (на 1 год). 8.05.1863 г. была принята конституция, давшая стране название Соединенных Штатов Колумбии, в состав которых были включены 9 штатов, располагающих правом обладать вооруженными силами и отменять федеральные законы. Либералы оставались у власти последующие 20 лет, тщетно пытаясь преодолеть воцарившуюся анархию (за 20 лет в стране было более 40 вооруженных конфликтов).

Непрерывная смена правительства и междоусобные распри объяснялись главным образом соперничеством между США и Англией за экономическое и политическое влияние в стране. В 1880—1882, 1884, 1885—1894 годах на посту президента находился консерватор Рафаэль Нуньес. В августе 1886 г. Национальный Совет в Боготе выработал новую конституцию: страна была превращена в централизованную республику, получившую название Колумбия. Центральная власть была резко усилена, штаты были превращены в департаменты. В 1898 г. пост президента занял консерватор Санклементе; 17.10.1899 г. либералы подняли мятеж. Началась гражданская война, в ходе которой в июне 1900 г. Санклементе был свергнут. Гражданская война, продолжавшаяся до 1902 г., окончилась поражением либералов. Крайнее обострение партийной борьбы в Колумбии было вызвано резким столкновением в стране империалистических интересов США и Великобритании. Великобритания опиралась в то время в Колумбии на консерваторов, а США — на либералов. Переход в 1902 г. панамской компании по сооружению канала в руки США усилил экспансию США в Колумбии. Навязанный США неравноправный договор Хэй-Эрран (в 1903 г.) вызвал возмущение широких масс и прогрессивных слоев Колумбии, под влиянием которого Колумбийский Конгресс отказался ратифицировать этот договор. В ответ на это США организовали «восстание» в Панаме, в результате которого Панама 3.12.1903 г. была объявлена формально независимой, попав фактически под полный контроль США.

В 1904 г. президентом был избран крайний консерватор Рафаэль Рейес. Попытка Рейеса в 1909 г. официально признать под давлением США независимость Панамы вызвала в стране массовое недовольство, вследствие которого Рейес был вынужден уйти в отставку. В 1910 г. в Боготе происходили волнения, направленные против империалистической экспансии США. В 1910—1914 гг. пост президента занимал Карлос Рестрепо — ставленник Республиканского союза (Union Republicane), представлявшего блок либералов и консерваторов. 6.04.1914 г. Колумбия подписала договор с США о признании ею независимости Панамы (этот договор был ратифицирован лишь в 1921 г.). Со второго десятиле-

тия XX в. подчинение экономической жизни Колумбии капиталу США стало быстро возрастать. Империалисты США, стремясь окончательно подчинить себе экономику Колумбии, всемерно направляли ее по монокультурному пути развития и задерживали рост ее индустрии. Консервативные президенты Хосе Винсенте Конча (1914—1918 гг.) и Марко Фидель Суарес (1918—1921 гг.) способствовали усилению политического и экономического влияния США в Колумбии. В 1921 г. в связи с массовым протестом против проамериканской политики Суареса, он вынужден был уйти в отставку.

В 1922 г. президентом был избран консерватор генерал Педро Нель Ospina (1922—1926 гг.). Консервативный президент Мигель Авадия Мендес (1926—1930 гг.) был смещен либералом Энрико Олая Эррера, выражавшим интересы национал-реформистской буржуазии. В 1930 г. была создана компартия Колумбии. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г., значительно подорвал экономику Колумбии. Вследствие резкого ухудшения положения трудящихся масс и безработицы, страна была охвачена рабочими и крестьянскими волнениями. В 1932 г. в связи с захватом Перу колумбийской крепости Летисия на реке Амазонке, между Колумбией и Перу вспыхнула война, явившаяся следствием империалистического соперничества США и Англии. Согласно заключенному 25.05.1934 г. в Рио-де-Жанейро мирному договору между Колумбией и Перу, Летисия была возвращена Колумбии.

Избранный в 1934 г. на пост президента лидер радикальных либералов Альфонсо Лопес провел ряд реформ: отделение церкви от государства (1936 г.) и др. 25.06.1935 г. были установлены дипломатические отношения между Колумбией и СССР. Деятельность Лопеса вызвала недовольство со стороны консерваторов и либералов — противников Лопеса. В 1938 г. глава последний Эдуардо Сантос стал президентом. В конце 30-х годов усилилось проникновение в Колумбию германского фашизма, опиравшегося на занимавшую прогитлеровские позиции часть консерваторов во главе с Луареоно Гомесом. При Сантосе влияние США в Колумбии еще более увеличилось. В декабре 1941 г. Колумбия разорвала дипломатические отношения с Японией, Германией и Италией.

Проводя дальнейшее экономическое и политическое закабаление Колумбии, США предоставили ей в 1941 г. заем в 12 млн. долларов, заключили с ней в марте 1942 г. соглашение о лендлизе, а также соглашение о поставке в США из Колумбии в течение 5 лет всего производства каучука (июль 1942 г.). В 1942 г. в развитие дипломатических отношений, установленных в 1935 г., состоялось соглашение об обмене посланниками между СССР и Колумбией. 26.11.1943 г. Колумбия формально объявила Германии войну. В связи с неоднократными попытка-

ми консерваторов свергнуть президента Лопеса, он принужден был выйти в отставку (июль 1945 г.). Пост президента занял Льерас Камарго, в составленное им правительство вошло много консерваторов. В 1946 г. президентом был избран консерватор Перес Ospina, образовавший коалиционное правительство. Победа консервативного кандидата стала возможной лишь вследствие раскола либеральной партии. пытаясь преодолеть раскол, обе фракции либеральной партии выступили совместно на выборах в Конгресс и муниципалитеты в марте 1948 г. и одержали решительную победу над консерваторами. После выхода в отставку ряда министров-либералов, входивший в состав коалиционного правительства президент Ospina образовал кабинет из одних консерваторов. В апреле 1948 г., во время заседания в Боготе Межамериканской конференции, убийство лидера либеральной партии Гаитана послужило поводом для стихийного народного восстания против консервативного правительства Ospina, проводившего политику подчинения национальных интересов Колумбии реакционно-экспансионистской политике США. В стране было введено осадное положение. Столица Колумбии стала ареной серьезных боев. Напуганная широким размахом восстания, колумбийская реакция выступила против восставшего народа единым фронтом.

Либералы забыли о своих разногласиях с консерваторами, оказав им поддержку. По всей стране усилился террор. Для борьбы против собственного народа правительство пригласило большое количество различных полицейских специалистов из США. Государственный департамент США стремится обвинить в организации восстания коммунистическую партию Колумбии, с целью усиления похода реакционных правительств ряда стран Латинской Америки против коммунистов и спровоцировать разрыв дипломатических отношений между Колумбией и СССР. В результате переговоров между либералами и консерваторами 11.04.1948 г. был создан коалиционный кабинет во главе с лидером либеральной партии Дарио Эчандиа. В конце апреля в Боготе имело место преднамеренное лишение советской миссии связи с Москвой и открытое посягательство на неприкосновенность советских дипломатических представителей, в связи с чем Правительство СССР заявило протест правительству Колумбии.

Политические партии

Либеральная партия. Влиятельная буржуазная партия. Перед выборами 1946 г. раскололась на две группы — правых и левых. Правые либералы во время апрельских событий 1948 г. открыто примкнули к реакционным элементам консервативной партии. Левые либералы, во главе которых стоял Гаитан (убит 9.04.1948), находятся в умеренной оппози-

ции к правительству Переса Оспины. Используя демагогические лозунги, они ведут за собой часть отсталых рабочих и значительную часть крестьянства. Партия имеет 73 места (из 131) в Палате представителей и 35 мест в Сенате.

Консервативная партия объединяет наиболее реакционные элементы крупных землевладельцев и крупной буржуазии, тесно связанных с североамериканскими монополиями. Поддерживается католической церковью. Возглавила наступление на демократические организации Колумбии. Консерваторы явились инициаторами разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1948 г. в Палате представителей имеет 58 мест.

Коммунистическая партия. Организована в 1930 г. Наибольшим влиянием пользуется среди рабочих-нефтяников.

КОСТА-РИКА

КОСТА-РИКА, РЕСПУБЛИКА КОСТА-РИКА, REPUBLICA DE COSTA RICA, государство в Центральной Америке.

Население около 4 миллионов человек, костариканцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Сан-Хосе. Административно-территориальное деление — 7 провинций.

Глава государства и правительства — президент.

Законодательный орган — Законодательная ассамблея.

С древнейших времен Коста-Рику населяли индейские племена.

В начале XVI века Коста-Рика завоевана испанскими конкистадорами.

В 1821 году Коста-Рика провозгласила независимость; с 1823 года — в составе Соединенных провинций Центральной Америки.

С 1838 года Коста-Рика — независимое государство.

Исторический очерк

Побережье Коста-Рики (по-испански — «богатый берег»), обитаемое до появления европейцев несколькими независимыми индейскими племенами, было открыто Колумбом в начале XVI в. Испанское завоевание началось с 1530 г. и окончилось к концу 60-х гг. XVI в. Территория Коста-Рики была включена испанцами в генерал-капитанство Гватемалу как одна из ее провинций. В первые десятилетия после завоевания в стране побывало много авантюристов, надеявшихся найти золото и переселявшихся после неудачных поисков его в другие, более богатые испанские владения в Америке. Как и в других странах Центральной Америки, испанские завоеватели создали крупные плантации, на которых использовался труд порабощенного и жестоко эксплуатируемого индейского населения.

Кратковременный период экономического оживления при генерал-капитане Сандовале (1637—1647 гг.) проложившем дорогу от Картаго к морю, привел к росту числа кофейных плантаций и увеличению торговли кофе. Но вскоре берега и территория Коста-Рики подверглись опустошительным набегам английских и голландских пиратов. Экономика страны пришла в упадок. Индейское население было большей частью истреблено или погибло от непосильного труда. Число испанских колонистов росло чрезвычайно медленно.

В XVIII веке стране находилась в отсталом состоянии, даже по сравнению с другими испанскими колониями.

Вместе с другими испанскими колониями Центральной Америки Коста-Рика восстала против испанского господства и провозгласила свою независимость 29.10.1821 г. В 1822 г. она была присоединена к созданной Итурбиде Мексиканской империи. В 1823 г. Коста-Рика вошла в состав федерации республик Центральной Америки. После ее распада в 1839 г. Коста-Рика вошла в состав федерации республик Центральной Америки. После ее распада в 1839 г. Коста-Рика стала отдельной республикой.

В течение последующих десятилетий власть целиком находилась в руках небольшого числа владельцев плантаций. Однако наличие значительного количества крестьян, потомков испанских переселенцев, владевших землей, определяло особенности развития Коста-Рики. В отличие от других латиноамериканских республик, число индейцев в ней крайне незначительно, так как большинство их было уничтожено в период конкисты (завоевания).

При президентах Хуане Мора (1824—1833 гг.), Рафаэле Гальегос (с 1833 г.) и Браулио Каррильо, вступившем в должность в 1835 г., значительно возрос экспорт кофе. Победенный на выборах (1837 г.), Каррильо вновь захватил власть в 1838 г. и диктаторски правил страной до 1842 г., когда бы свергнут известным деятелем центрально-американской федерации Франсиско Морасаном, опиравшимся на буржуазную партию либералов. Морасан был, однако, в том же году свергнут и расстрелян. В 1843 г. в Коста-Рике была принята реакционная конституция. Последующие годы были периодом междоусобиц и непрерывных смен правительств. В 1847 г. либералы изменили в более демократическом духе конституцию. Во время президентства Рафаэля Мора (1849—1859 гг.) Коста-Рика приняла активное участие в войне против американского авантюриста Уокера (см. Никарагуа, Исторический очерк). Свергнутый в 1859 г. Мора был убит. Президентом стал Монтеалегре, а позже Хименес (с 1863 г.) и Кастро (с 1866 г.). После нового переворота в 1870 г. диктатором Коста-Рики стал Гуардия, оставшийся у власти

вплоть до 1882 г. В дальнейшем страной последовательно правили президенты: Фернандес (1882—1885), Сото (1885—1889), Родриес (1889—1894), Иглесиас (1894—1902). Очень сильное уже во второй половине XIX в. влияние американского капитала на экономику Коста-Рики стало резко возрастать с начала XX в. Следующими президентами были Эскивель (1902—1906), Викес (1906—1910), Хименес (1910—1914) и Флорес (1914—1917). Попытки последнего ввести прогрессивный подоходный налог вызвали недовольство буржуазии, чем воспользовался военный министр Тиноко, произведший в 1917 г. пронунсиаменто (военный переворот). Тиноко, оказался неприемлемым кандидатом для американским империалистов и не был признан США. В 1919 г. он был свергнут не без содействия США.

Президентами Коста-Рики с 1920 г. были: Акоста (1920—1924), Риккардо Хименес (1924—1928), Гонсалес Викес (1928—1932), Риккардо Хименес (1932—1936), Кортес Кастро (1936—1940), Кальдерон (1940—1944).

Под маской «посредничества» американские империалисты разрешили в соответствии со своими интересами пограничные споры Коста-Рики с Никарагуа (1896 г.) и с Панамой (1921 г.). Вслед за США Коста-Рика объявила 8.12.1941 г. войну Японии (11.12.1941 — Германии и Италии). Во время второй мировой войны американский капитал окончательно подчинил себе всю экономику Коста-Рики.

В феврале 1944 г. президентом Коста-Рики был избран Теодоро Пикадо, опиравшийся на поддержку демократических сил.

Состоявшиеся в феврале 1948 г. президентские выборы происходили в обстановке террора и злоупотреблений со стороны реакции. «Избранным» оказался ставленник реакции и североамериканской «Юнайтед Фрут Компани» Улате. Народные массы Коста-Рики, возмущенные злоупотреблениями реакционеров, потребовали проведения новых выборов. Чрезвычайная сессия Конгресса (созванная президентом Пикадо) признала февральские выборы недействительными. Сторонники Улате начали вооруженную выборы недействительными. Сторонники Улате начали вооруженную борьбу с правительством Пикадо. Конфедерация трудящихся Коста-Рики и партия «Народный авангард» организовали для борьбы с мятежниками отряды народной милиции. Однако Пикадо под давлением посла США капитулировал перед военным руководителем мятежников полковником Фигересом. 8.05.1948 г. Фигерес создал так называемую Хунту второй республики.

8.05.1944 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Коста-Рикой.

Политические партии

Национально-республиканская партия — объединяет широкие круги буржуазии и интеллигенции. С 1940 по 1948 г. была правительственной. Наиболее влиятельная партия страны.

Демократическая партия — объединяет буржуазные круги, тесно связанные с американской Фруктовой компанией. Находилась в оппозиции к правительствам Кальдерона и Пикадо.

Национальный союз — объединяет наиболее реакционную буржуазию города и крупных землевладельцев.

Народный авангард — прогрессивная партия. Создана в 1943 г. на основе существовавшей с 1931 г. компартии. Выступает против проникновения империализма США в Латинскую Америку. Запрещена в 1948 г. правительством Фигереса.

КУБА

КУБА, РЕСПУБЛИКА КУБА, REPUBLICA DE CUBA, государство в Вест-Индии на острове Куба, Хувентуд и 1600 более мелких островах.

Население более 11 миллионов человек, кубинцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Гавана. Административно-территориальное деление — 14 провинций и остров Хувентуд.

Высший орган государственной власти — однопалатная Национальная ассамблея народной власти, избирающая Государственный Совет.

Глава государства и правительства — председатель Государственного Совета.

С древнейших времен остров Куба населяли индейские племена.

18 октября 1492 года остров Куба был открыт Христофором Колумбом, записавшим в своем дневнике, что глаза человека еще не видели более прекрасное острова.

С 1510 по 1514 год Куба колонизирована испанцами, сделавшими Гавану основным испанским портом в Америке. В результате испано-американской войны 1898 года Испания отказалась от прав на Кубу. 1 января 1899 года Куба была оккупирована войсками США.

В результате освободительной войны кубинского народа во главе с Хосе Марти, Антонио Масео и Максимо Гомеса с 1902 года Куба — независимая республика. Однако в конституцию Кубы была внесена так называемая «поправка Платта», отмененная в 1934 году, по которой США имели право на вмешательство во внутренние дела Кубы.

В 1898—1902, 1906—1909, 1912, 1917—1922 годах Куба была оккупирована США.

В 1952 году к власти на Кубе пришел генерал Батиста, осуществивший военный переворот.

1 января 1959 года в результате многолетней борьбы и революции к власти на Кубе пришел руководитель Повстанческой армии Фидель Кастро Рус, ставший главой нового кубинского правительства.

Исторический очерк

Куба была открыта в 1492 г. Колумбом, который принял ее за часть азиатского материка. Однако в 1508 г. другой мореплаватель — Себастьян Окампо — обнаружил ошибку Колумба, обойдя Кубу вдоль ее берегов. Для завоевания вновь открытой страны испанское правительство снарядило экспедицию под начальство Диего де Веласкеса. В 1511 г. Диего де Веласкес с жестокостью, необычайной даже для своего времени, покорил населявшие остров индейские племена. Большая часть индейцев при этом была истреблена.

Вскоре на Кубе возникли испанские города. Важнейшими портами стали Гавана и Сантьяго-де-Куба. Завоеватели захватывали земли, основывали табачные и сахарные плантации, беспощадно эксплуатируя остатки уцелевшего местного населения. Однако основой плантационного хозяйства стали рабы-негры, в большом количестве привозимые из Африки.

На обладание Кубой, кроме Испании, претендовали также Англия и Франция. Английские, голландские и французские пираты в течение XVI—XVII вв. не раз опустошали остров.

Первое время после открытия Куба не имела в глазах испанской короны серьезного экономического значения. Конкистадоров привлекали прежде всего драгоценные металлы, на Кубе же запасы золота оказались незначительными. А когда в Перу и Мексике открыли залежи серебра, Куба опустела. Зато она сразу же приобрела важное стратегическое значение: порт Гавана, расположенный на берегу глубоко врезающейся бухты, представлял собой чрезвычайно важную морскую крепость и использовался поэтому как склад для колониальных товаров и основной транзитный пункт на пути в метрополию.

В XVII в. на Кубе усиливается развитие сахарных и табачных плантаций, увеличивается добыча меди. Однако политика абсолютистской Испании, которая установила монополию на эксплуатацию естественных богатств острова и не давала кубинским скотоводам, плантаторам и шахтовладельцам права свободной торговли, естественно, тормозила хозяйственное развитие Кубы. Недовольное всем этим креольское население

поднимало ряд восстаний против метрополии. Наиболее крупными были восстания 1717, 1721 и 1723 гг.

В 1762 г., в период Семилетней войны, на Кубу прибыла английская экспедиция под начальством лорда Альбермарля. После двухмесячной осады англичане в августе 1762 г. взяли Гавану, заняли затем всю Кубу и провозгласили режим свободной торговли. Это сразу же резко увеличило товарооборот Кубы: только за один год остров посетило более 1 000 иностранных судов. По Парижскому договору от 6.07.1763 г. Куба была возвращена Испании в обмен на Флориду, но толчок к дальнейшему экономическому развитию острова был уже дан, испанский колониальный режим смягчен, а возможности для внешней торговли расширены.

Большое влияние на политическое развитие Кубы оказали война за независимость английских колоний в Северной Америке (1775—1783 гг.) и буржуазная революция во Франции в конце XVIII в. Усилилось освободительное движение на Кубе против испанского колониального владычества. Активное участие в нем принимали негры-рабы, которые от стихийных, разрозненных бунтов перешли к организованной борьбе против рабства. Крупное восстание негров произошло на Кубе в 1812 г., когда под руководством Хосе Апонте была предпринята неудавшаяся попытка создать негритянскую республику.

Волнения рабов страшили господствующие классы Кубы, поэтому их требование независимости острова не подкреплялось достаточно энергичными действиями. Тем не менее, испанское правительство было вынуждено пойти на дальнейшие уступки: в 1818 г. Испания предоставила Кубе право свободной торговли.

Расширение экономических возможностей для кубинских помещиков имело своим следствием усиление эксплуатации рабов и свободных крестьян и захват помещиками еще не принадлежавших им земель. Это ускорило в стране процесс классовой дифференциации и обострило классовую борьбу. Наиболее крупными революционными выступлениями этого периода были восстания негров в 60-х гг. XIX в. Они закончились кровавой расправой помещиков над повстанцами.

Борясь против трудящихся классов своей страны, помещики и нарождающаяся буржуазия Кубы не оставляли идеи об отделении от Испании, рассчитывая добиться независимости без участия народа. С середины XIX в. господствующие классы Кубы стали ориентироваться на Соединенные Штаты Америки, надеясь с их помощью избавиться от испанского господства и одновременно укрепить рабовладельческий строй на Кубе при поддержке южных рабовладельческих штатов США. В 1851 г. США помогли кубинским рабовладельцам совершить попытку освободиться от Испании. Эта попытка закончилась неудачей.

В 1868 г. на Кубе вспыхнуло всенародное восстание против Испании. В том же году революционный Конгресс принял республиканскую конституцию, избрал президентом Кубы одного из вождей восстания (Карлос Мануэль де Сеспендес) и провозгласил освобождение рабов. Война с Испанией продолжалась в течение 10 лет. Лишь в 1878 г. военное превосходство Испании вынудило руководителей восстания подписать договор в Занжоне. Метрополия все же вынуждена была согласиться на некоторые уступки: были обещаны отмена рабства, представительство Кубы в испанских кортесах, амнистия повстанцам. В 1880—1885 г. рабство формально было ликвидировано.

В последнюю четверть XIX в. на экономике Кубы сказалась сильная конкуренция на мировом рынке свекловичного сахара. Возникла необходимость удешевления производства сахара — введения усовершенствованных машин, разработки новых земель, улучшения транспорта. Это было сделано с помощью американского капитала.

Чтобы закрепить и расширить свои экономические и политические позиции на Кубе и овладеть стратегически важным районом, США в апреле 1898 г. вступили в войну с Испанией якобы во имя «освобождения» Кубы. При этом американцы воспользовались тем, что на острове под руководством мулата Масео и негра Монкадо уже с 1895 г. происходило общенародное восстание против испанского господства. Согласно Парижскому договору 1898 г. между Испанией и США, Куба была объявлена независимой республикой. Фактически Куба стала полуколонией США.

Конституция новой республики, принятая в 1901 г. и провозгласившая парламентский строй, была выработана под наблюдением американского военного губернатора Кубы, генерала Вуда, и закрепила влияние США на Кубе. В конституцию были включены семь «поправок сенатора Плата». Первая и вторая поправки устанавливали, что Куба не может заключать с другими государствами договоры, нарушающие ее независимость, а также заключать соглашения о займах, уплата процентов по которым будет превышать ее обычные доходы. Поправка третья гласила: «Правительство Кубы согласно с тем, что США могут осуществлять право интервенции для охраны кубинской независимости, для сохранения правительства, способного защитить жизнь, собственность и индивидуальную свободу, и для выполнения обязательств по отношению к Кубе, возложенных на США Парижским договором». Поправка седьмая давала США возможность получить на территории Кубы угольные станции и морские базы.

Договором США с Кубой от 22.05.1903 г. все «семь поправок Плата» были оформлены в качестве обязательства Кубы перед США. В соответствии с этими обязательствами был подписан торговый договор, превра-

щавший Кубу в рынок сбыта для американской промышленности и в поставщика сельскохозяйственных продуктов для США. Заключен был также договор о предоставлении США в аренду части территории Кубы для создания военно-морских баз (в частности в Гуантанамо).

Первый президент Кубы Эстрада Пальма (1902—1906 гг.) был ставленником американского империализма и связанных с ним буржуазно-помещичьих кругов Кубы.

После установления фактической опеки США на Кубой большая часть богатств острова перешла в руки американских капиталистов. Не довольствуясь этим, США широко пользовались своим, обусловленным в кубинской конституции, «правом» вооруженной интервенции. За первой американской оккупацией (1899—1902 гг.) последовала вторая (1906—1909 гг.), поводом для которой послужил рост революционного движения в стране и свержение президента Пальмы. Последующие президенты — Хосе Гомес, лидер либеральной партии (1909—1913 гг.), Менокаль, представитель консерваторов (1913—1921 гг.) и Саяс (1921—1925 гг.) содействовали закабалению страны североамериканским капиталом.

В первой мировой войне 1914—1918 гг. Куба выступила на стороне США. Война, вызвавшая рост цен на сахар, способствовала увеличению производства тростникового сахара на Кубе. Но когда в начале 20-х гг. разразился сахарный кризис, большинство мелких и средних производителей было разорено. Американские компании воспользовались этим и скупили ряд сахарных заводов и плантаций. В 1921 г. банки Моргана предоставили правительству Кубы заем в размере 5 млн. долларов. После этого, по просьбе кубинского правительства, на Кубу был прислан американский финансовый советник. Огромным влиянием пользовался на Кубе дипломатический представитель США, генерал Кроудер, возведенный в 1923 г. в ранг посла.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на рост массового рабочего движения на Кубе, которое проходило не только под лозунгами повышения жизненного уровня, но и под лозунгами антиимпериалистической борьбы. Широкий размах приняло также движение колонов (арендаторов и мелких земельных собственников). В 1925 г. колоны, объединившиеся в «Сельскохозяйственный блок», отказались срезать сахарный тростник, пока не будут улучшены условия труда. Многие из них сожгли свои посевы. Президент Кубы, ставленник США Мачадо (1925—1933) подавил движение военной силой.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. тяжело отразился на экономике Кубы, почти целиком зависящей от торговли с США. Кубинский экспорт, около 80% которого направлялось в США, упал с 272 млн. долларов в 1929 г. до 84 млн. долларов в 1933 г. Таким образом, за

годы кризиса экспорт Кубы уменьшился больше, чем в 3 раза. Сокращение экспорта сахара и падение цен на сахар вызвали резкое сокращение производства. Это, в свою очередь, повлекло за собой массовую безработицу и понижение жизненного уровня трудящихся.

Правительство Мачадо приняло так называемый «план Чедбёрна». Этот план, принятый в 1931 г. на конференции в Брюсселе, предусматривал снижение производства сахара в надежде добиться таким путем повышения цен. Для Кубы намечено было снижение производства сахара на 36,5%. На самом деле в 1933 г. производство сахара уменьшилось на Кубе на 50% по сравнению с 1929 г.

Кризис 1929—1933 гг. привел к усилению экономической и финансовой зависимости Кубы от американского финансового капитала. В 1929 г. капиталовложения США на Кубе достигли 1,5 млрд. долларов (в 7 раз больше, чем в 1913 г.). Из этой суммы 800 млн. долларов были инвестированы в сахарную промышленность.

4.08.1933 г. на Кубе произошла всеобщая забастовка. Через 3 дня после этого парламент принял закон, облакавший Мачадо чрезвычайными полномочиями. Действие конституции было прекращено на 30 дней. Во многих местностях вся полнота власти была передана армии. США всеми мерами пытались сохранить Мачадо у власти. В частности, в Вашингтоне напоминали о существовании «поправки Плата» и о возможности вмешательства США в защиту Мачадо. После того как попытки подавить движение масс потерпели неудачу, Мачадо бежал с Кубы, и было сформировано 14.08.1933 г. правительство Сеспедеса. В образовании правительства активное участие принимал посол США, а несколько американских военных кораблей прибыли в гавани Кубы «для защиты жизни и имущества американских граждан».

Однако забастовки, сочетавшиеся с солдатскими волнениями, продолжались, и 5.09.1933 г. Сеспедес был свергнут. К власти пришло буржуазное национал-реформистское правительство Грау Сан-Мартина, «революционным командующим всеми вооруженными силами» был назначен сержант Батиста. В каждом министерстве посты заместителей министров заняли военные.

Реальная власть все в большей степени сосредоточивалась в руках руководителя армии Батисты. В январе 1934 года Грау Сан-Мартин был свергнут, и временным президентом, при поддержке Батисты, превратившегося фактически в диктатора Кубы, стал реакционер Мендиэта. В мае 1934 г. был заключен американо-кубинский договор, формально отменявший «поправку Плата». Однако крупнейшая военно-морская база Кубы Гуантанамо, переданная американцам по договору 1902 г., по-прежнему оставалась в распоряжении США. В августе 1934 г. было заключено торговое соглашение. На 25% снижались пошлины на импорт

кубинского сахара в США. Продолжающаяся борьба масс вынуждала реакцию к частой смене правительственных декораций. Лишь за 1933—1936 гг. сменилось восемь президентов, но реальная власть по-прежнему находилась в руках Батисты.

В 1940 г. была принята новая, более прогрессивная конституция. 14.07.1940 г. президентом Кубы был избран Батиста. В 1941 г. вашингтонский Экспортно-импортный банк предоставил Кубе крупный заем. В декабре 1941 г. Куба объявила войну Японии, Италии и Германии, а в 1942 г. предоставила в распоряжение США военно-морские базы для действий против германских подводных лодок. В мае 1946 г. США вернули Кубе авиабазы Сан-Антонио и Сан-Хульян. Важнейшая военно-морская база Гуантанамо по-прежнему находится в руках американцев.

В октябре 1942 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Кубой.

В мае 1944 г. президентом Кубы был избран Грау Сан-Мартин, пользовавшийся поддержкой реакционных элементов. Однако под давлением прогрессивных сил он сперва был вынужден проводить относительно либеральную политику (повышение зарплат, запрещение сгона крестьян-арендаторов и т. д.). После окончания второй мировой войны правительство Грау Сан-Мартина в соответствии с курсом политики империалистов США перешло к преследованию деятелей народно-социалистической партии и профсоюзов и установило режим террора. В апреле 1948 г. фашистские элементы совершили нападение на миссию СССР.

1 июня 1948 г. президентом Кубы был избран один из лидеров Кубинской революционной партии Приа Сокаррас.

МАРТИНИКА

МАРТИНИКА, MARTINIQUE, остров в группе Наветренных островов, владение Франции.

Население более 400 тысяч человек, мулаты, негры. Официальный язык — французский. Основная религия — католицизм. Столица — Форде-Франс.

Управление островом возглавляет комиссар, назначаемый французским правительством.

С древнейших времен остров Мартиника населяли индейские племена.

В 1502 году остров Мартиника открыт Христофором Колумбом.

С 1685 года остров Мартиника — колония Франции, неоднократно захватывавшийся Великобританией.

С 1946 года Мартиника — «заморский департамент» Франции.

МЕКСИКА

МЕКСИКА, MEXICO, МЕКСИКАНСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ, ESTADOS UNIDOS MEXICANOS, государство на юге Северной Америки, самая крупная испаноязычная страна мира, одно из крупнейших латиноамериканских государств.

Население более 90 миллионов человек, мексиканцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Мехико.

Федеративная республика в составе 31 штата и столичного федерального округа.

Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — Национальный конгресс из Палаты депутатов и Сената.

С древнейших времен мексиканские земли населяли индейские племена с высоким уровнем цивилизации — тольтеки, майя. В начале XIV века на мексиканских землях создали могущественное государство индейские племена — ацтеки. Красота и величие ацтекской столицы Теночтитлана поразили испанских конкистадоров, с начала XVI века начавших завоевание Латинской Америки.

Отряду испанца Эрнандо Кортеса удалось разгромить государство ацтеков — в первой трети XVI века Мексика была завоевана испанскими конкистадорами, назвавшими страну Новой Испанией.

15 сентября 1810 года в Новой Испании началось и было жестоко подавлено крупнейшее антииспанское восстание во главе со священником Мигелем Идальго. В Мексике началась партизанская война.

В 1820 году в Испании произошла революция.

В 1821 году в ходе Войны за независимость испанских колоний в Америке 1810—1826 годов Мексика добилась независимости и в 1824 году была провозглашена республикой.

В 1836 году при поддержке Соединенных Штатов Америки от Мексики отделился Техас, позднее крупнейший центр нефтедобычи. В ходе войны 1846—1848 годов Мексика потеряла около половины своей территории, захваченной США — Верхнюю Калифорнию с богатейшими месторождениями золота, Аризону, Новую Мексику.

В результате гражданской войны 1854—1860 годов к власти в Мексике пришло правительство Бенито Хуареса, осуществившее ряд позитивных реформ в стране. Тогда же Мексика пережила интервенцию

Франции, Великобритании и Испании — после четырехлетней кровопролитной войны в 1867 году европейские армии покинули страну. После смерти Хуареса Мексикой в течение тридцати пяти лет руководил генерал Порфирио Диас.

В результате народной революции 1910—1917 годов, возглавленной Франсиско Вильей и Эмилиано Сапата в Мексике была принята конституция, в которой было провозглашены права мексиканского народа на землю и национальные богатства страны.

Исторический очерк

Древнейший период

Еще за несколько тысячелетий до христианской эры на территории Мексики жили индейские племена отоми, уастеки, тараски и др. Уже тогда население страны было знакомо с земледелием (культура маиса), гончарным ремеслом, ткачеством.

Наиболее высокой степени развития из населявших Мексику в 1-м тысячелетии н. э. племен достигли майя и тольтеки. Последние принадлежали к большей группе племен, говоривших на языке «нахуатль».

Самым известным племенем этой группы были ацтеки, появившиеся в Мексике около X в. н. э. и основавшие обширное государство. Наибольшего могущества ацтекское государство достигло в XIV—XV вв. н. э. Около 1325 г. ацтеки основали на месте современного города Мехико свою столицу — Теночтитлан.

Жестокая эксплуатация ацтекской верхушкой как своих собственных низших каст, так и покоренных племен вызывала недовольство, которым впоследствии воспользовались испанские завоеватели.

Основой хозяйства ацтеков было земледелие (культуры маиса, бобов, картофеля, зерна и др.). Чрезвычайно развиты были садоводство, ремесла и торговля.

Для религии ацтеков было характерно многобожие (первоначально каждый род имел свое божество). Верховным богом являлся бог войны Хуитцилопоцли. От второго имени этого бога — «Мекситли» — произошло современное название Мексики.

Завоевание и колониальный период

Первыми европейцами, достигшими Мексики, были испанцы Фр. Эрнандес де Кордова (1517 г.) и Хуан де Грихальва (1518 г.), экспедиции которых были снаряжены губернатором Кубы Веласкесом.

Третью и наиболее многочисленную экспедицию возглавил Фернандо Кортес (1485—1547), с именем которого связано завоевание Мексики.

18.10.1518 г. флот из 6 кораблей под командой Кортеса отплыл из Кубы. Вооруженные силы Кортеса (вместе с присоединившимися к нему на 5 судах добровольцами) состояли из около 550 солдат (в том числе 13 мушкетеров), 16 всадников, 110 моряков при 14 орудиях и фальконетах.

В апреле 1519 г. отряд Кортеса высадился в бухте, где впоследствии им был основан порт Веракрус. Кортесу удалось привлечь на свою сторону недовольные господством ацтеков племена и почти беспрепятственно дойти до Теночтитлана (ноябрь 1519 г.).

Пользуясь своим превосходством в вооружении (огнестрельное оружие, стальные латы, кавалерия, внушавшая никогда не видавшим лошадей индейцам суеверный страх), военной организации и тактике, а также умело используя вражду между отдельными племенами, Кортес и менее чем за 2 года завоевал «ацтекскую империю». Последний император Монтесума II был захвачен в плен и впоследствии убит. Однако зверства и грабежи завоевателей вскоре вызвали восстание ацтеков. Испанцы с большими потерями отступили от Теночтитлана (июнь 1520 г.). Только получив подкрепления с Кубы и собрав большие силы индейских союзников, Кортес вновь осадил ацтекскую столицу. После почти трехмесячных напряженных боев город был взят и разрушен испанцами. Взятие Теночтитлана (август 1521 г.) означало конец организованного сопротивления ацтеков.

В 20-х гг. XVI в. в руках конкистадоров были уже основная территория Мексики и Центральная Америка.

В 1522 г. император Карл V назначил Кортеса губернатором Новой Испании (так называлась Мексика в течение всего 300-летнего колониального периода).

Административная организация этой новой колонии в основном оформилась к 1585 г. Мексика была объявлена вице-королевством Новая Испания. К концу испанского господства в ее состав входили: современная территория Мексики, Центральная Америка и южная часть современных США. Управление было построено по образцу испанской абсолютистско-феодальной монархии. Во главе Новой Испании стоял вице-король, которому принадлежала высшая военная, гражданская и судебная власть. Назначался он непосредственно испанским королем. Кроме своего монарха, вице-короли подчинялись «Верховному совету Индий» в Мадриде, подготавливавшему законы для американских колоний.

Городами и сельскими округами управляли коррехидоры, которым подчинялись в большинстве случаев наследственные индейские старшины-касики.

Основную ценность для Испании Мексика представляла как источник снабжения золотом и серебром. Так, в 1790 г. из общей суммы стоимо-

сти вывоза из Мексики в Испанию — 22 млн. песо — стоимость вывезенного серебра составляла 14 млн. песо. При этом горнодобывающая промышленность отличалась необычайно низким техническим уровнем и целиком основывалась на принудительном труде индейцев.

Развитие сельского хозяйства Мексики задерживалось властями отсталой аграрной Испании в интересах испанского сельского хозяйства. Разведение ряда культур было строго запрещено (виноград, оливы и др.).

Еще более ограничено было развитие промышленности. Мануфактуры, даже в начале XIX в., насчитывались единицами. Основной фигурой в промышленности были в течение всего колониального периода в промышленности были в течение всего колониального периода ремесленники, организованные в цезии по европейскому образцу.

Испанские власти сдерживали развитие мексиканской промышленности, так как монополия снабжения колоний товарами была источником огромных доходов для правительства и купцов метрополии. В силу экономической отсталости Испании, основанная масса этих товаров была неиспанского происхождения, и испанские купцы играли роль принудительных посредников, очень дорого обходившимися населению Мексики. Громадные суммы выкачивались из страны в качестве таможенных сборов и налогов.

Тяготевший над населением налоговый гнет усугублялся бесчисленными поборами в пользу католического духовенства, которое владело несметными богатствами. Одним монастырям к концу испанского владычества принадлежало более половины всех обрабатываемых земель. Духовенство взимало с индейцев десятину, заставляло их обрабатывать монастырские земли, участвовать в постройке храмов. В руках духовенства находилось все народное просвещение, в результате чего, даже в конце XVIII в., в стране насчитывалось не более 10 школ.

Население Новой Испании состояло из четырех основных национальных групп: испанцы, креолы (т. е. потомки испанцев, родившиеся в Мексике), метисы и индейцы.

Испанцы составляли привилегированное меньшинство. К началу XIX в. из 5 млн. человек населения Новой Испании было не более 70 тыс. испанцев. Это были главным образом разорившиеся дворяне, приезжавшие в Мексику с целью поправить свои дела. Они занимали в Новой Испании все высшие должности, рассматриваемые ими как средство быстрого обогащения.

Креолов к началу XIX в. было около 1 млн. человек. Презираемые испанцами креолы, в свою очередь, рассматривали индейцев как «низшую расу». Креолы составляли основную массу помещиков, занимали низшие и средние ступени иерархии в армии и административном аппарате, среди духовенства.

Метисы составляли около 25% всего населения Новой Испании, т. е. примерно 1,2 млн. человек. Они были в основном ремесленниками, мелкими торговцами, часто агентами и управляющими помещиков — креолов. Кроме того, из метисов состояла подавляющая часть немногочисленных свободных мелких землевладельцев — ранчерос (хуторян).

Основную массу — свыше 50% — населения Новой Испании к началу XIX в. все еще составляли индейцы, поработанные и подвергавшиеся жестокой эксплуатации со стороны помещиков, духовенства и государственных чиновников.

Война за независимость

В течение колониального периода происходили отдельные заговоры креолов и индейские восстания против испанского господства (в 1566, 1659, 1692 гг. и др.).

Передовой частью растущего освободительного движения была помещица — креольская и мелкобуржуазная (главным образом метисская) интеллигенция. Но креолы боялись народных масс и не решались опереться на индейцев в борьбе против испанского владычества.

Большое влияние оказали на мексиканских сепаратистов война США за независимость и французская буржуазная революция конца XVIII в. Оккупация Испании французами (1808 г.) подорвала авторитет колониальных властей.

Вскоре движение за независимость Мексики приняло характер массового восстания. В сентябре 1810 г. под руководством сельского священника Мигеля Идальго в поход на столицу двинулась сотысячная масса индейцев и метисов. Повстанцы истребляли помещиков и возвращали индейским общинам захваченные у них земли. Напуганные успехами крестьянского восстания, помещики — креолы стали на сторону испанских властей. Армия повстанцев потерпела поражение (ноябрь 1810 г.). Сам Идальго был схвачен предателями (март 1811 г.), выдан испанцам и расстрелян.

После гибели Идальго в различных районах страны продолжалась борьба под руководством его соратников, виднейшим из которых был сельский священник Морелос.

Испанским войскам, получившим подкрепления из Европы и поддерживаемым большинством помещиков-креолов удалось разбить Морелоса. Он был взят в плен и расстрелян (декабрь 1815 г.). Остатки его отрядов под руководством партизанского генерала Герреро и других продолжали борьбу вплоть до отделения Мексики от Испании.

После того как отпала угроза аграрной революции и особенно с 1820 г., когда ставшие у власти в Испании после буржуазной революции либера-

лы провели ряд мероприятий, которые ущемляли интересы крупных землевладельцев и в частности католической церкви, креольские помещики и духовенство стали готовиться к разрыву с Испанией. Во главе движения вскоре стал полковник испанской армии креол Августин Итурбиде, прославившийся зверскими расправами над партизанами. Обещав «дать землю народу», Итурбиде привлек на свою сторону часть партизан во главе с генералом Герреро. 24.02.1821 г. Итурбиде провозгласил «план Игуала», предусматривавший осуществление «трех гарантий»: *независимости* Мексики (под руководством Фердинанда VII или какого-либо другого монарха), *единения* (т. е. равенства испанцев и креолов) и *религии* (т. е. сохранения в Мексике господства католической церкви). 24.08.1821 г. последний вице-король Новой Испании О'Доноху признал этот «план», заключив с Итурбиде так называемый Кордовский договор, а в сентябре 1821 г. армия «трех гарантий» вступила в столицу отныне независимой Мексики.

Честолюбивый авантюрист Итурбиде после одержанной им победы совершил «пронунсиаменто» (переворот), провозгласив себя императором под именем Августина I (май 1822 г.). Однако в результате массового республиканского движения, Итурбиде вынужден был отречься от престола (март 1823 г.) и выехал в Европу. Надеясь восстановить свою власть, он вскоре вернулся в Мексику, но был схвачен и расстрелян (июль 1824 г.). 4.10.1824 г. была принята конституция, согласно которой Мексика объявлялась федеральной республикой, разделенной по образцу США на штаты.

Мексика в первой половине XIX в.

Первые десятилетия истории мексиканской республики характеризовались почти непрерывными переворотами и мятежами. С 1824 по 1857 г. в стране сменилось свыше 40 президентов. Постоянные «пронунсиаменто» и гражданские войны разоряли население, задерживали экономическое развитие страны и чрезвычайно ослабили ее внешнеполитические позиции.

Борьба шла, прежде всего, между двумя партиями (централистами и федералистами). Централисты, защищали интересы высшего духовенства, крупных помещиков, военщины. Путем политической централизации управления страной они стремились упрочить господство этих классов. Партия федералистов, наоборот, требовала расширения самоуправления отдельных штатов, ограничения власти духовенства, умеренных буржуазных реформ.

В рядах обеих партий было множество беспринципных и честолюбивых авантюристов, организовывавших заговоры и совершавших перевороты в чисто личных карьеристских целях. Виднейшим из них был ге-

нерал Антонио Лопес де Санта-Анна, правивший Мексикой (с перерывами) с 1833 по 1855 г. Придя к власти, Санта-Анна немедленно порвал с федералистами, с которыми был ранее связан, и заключил тесный союз с помещичье-клерикально-военным блоком, постепенно оформившимся в так называемую консервативную партию.

В Мексике воцарились террор и жесточайшая реакция.

Тем временем плантаторы-рабовладельцы из США заселяли пограничный мексиканский штат Техас.

Воспользовавшись тем, что хозяйничанье консерваторов ослабило страну, техасские плантаторы в 1835 г. восстали против мексиканского правительства. Во главе шеститысячной армии Санта-Анна вступил в Техас, но был разгромлен колонистами, получавшими из США щедрую помощь оружием и добровольцами (1836 г.). Вскоре Техас провозгласил себя независимым государством. В 1845 г. плантаторы-рабовладельцы добились включения его в состав США в качестве штата. Оккупация Техаса североамериканскими войсками и ряд возникших в результате ее пограничных инцидентов привели к войне между США и Мексикой (1846—1848 гг.), в ходе которой американские захватчики разгромили мексиканскую армию и заняли столицу страны — город Мехико (сентябрь 1847 г.).

По мирному договору 2.02.1848 г. к США отошла почти половина территории Мексики (Техас, Новая Мексика, часть Аризоны, а также Верхняя Калифорния, где вскоре были открыты огромные запасы золота).

Гражданская война и англо-франко-испанская интервенция.

Позорно проигранная война окончательно скомпрометировала в глазах народа правящий клерикально-консервативный блок.

В связи с этим усилились позиции либералов — партии, выросшей в основном из рядов федералистов.

Ведущей силой либералов была мелкая буржуазия, главным образом мелкобуржуазная интеллигенция, и сельская буржуазия. К ним примкнули часть мелких и средних помещиков, некоторая часть офицерства. Многие вожди либералов вышли из народа (Хуарес, Альварес и др.).

К весне 1855 г. большая часть Мексики была в руках либералов. Санта-Анна бежал. Временным президентом страны стал в августе 1855 г. один из виднейших вождей либералов, ветеран восстания Морелоса — индеец Альварес. 23.11.1855 г. по предложению министра юстиции и культов — будущего президента Мексики — Хуареса был издан закон, упразднивший особые привилегии военных и духовенства. В декабре 1855 г. Альварес передал власть умеренному либералу креолу Комонфорту.

Находившийся в руках либералов Конгресс принял закон, обязывающий церковь продать все ее земли частным лицам. Церкви запрещалось и

в будущем владеть недвижимым имуществом. Индейские крестьяне, конечно, были не в состоянии приобретать дорогостоящие церковные владения. Они попали главным образом в руки крупных либеральных чиновников, генералов и части помещиков. Мало того, согласно закону, под понятие «корпораций», лишенных права владеть землей, попали и индейские общины, земли которых начали расхищаться новыми помещиками.

5.02.1857 г. Конгресс принял новую конституцию Мексики. Конституция гарантировала населению демократические свободы (личности, слова, совести, печати, обществ и собраний), запрещала рабство, отменяла титулы и сословные привилегии, давало право голоса каждому гражданину Мексики, достигшему 21 г. (женатым — 18 лет). Католическая церковь в виду провозглашения свободы совести, лишилась каких бы то ни было привилегий, образование объявлялось светским, духовным корпорациям запрещалось владеть землей.

Реакционные элементы встретили эту конституцию крайне враждебно. Епископы отлучали от церкви всех присягнувших новой конституции. Римский папа Пий IX обратился к мексиканскому народу с энцикликой, в которой проклял и объявил недействительной «конституцию 1857 года».

В декабре 1857 г. консерваторы под руководством генерала Сулоаги подняли восстание, требуя отмены новой конституции. Началась кровопролитная гражданская война, длившаяся свыше трех лет (1857—1861). В январе 1858 г. консерваторам удалось овладеть столицей. Они объявили президентом Сулоагу (в 1859 г. его сменил генерал Мирамон) и немедленно отметили все декреты либералов, направленные против духовенства. Комонфорт бежал в США, но наиболее энергичный вождь либералов председатель Верховного суда Хуарес занял его место. В Мексике образовалось два правительства: правительство Хуареса в Веракрус и правительство консерваторов в Мехико.

В разгаре гражданской войны правительство Хуареса издало «Законы о реформы» (июль 1859 г.). Эти законы 1) безвозмездно национализировали все недвижимое имущество духовенства; 2) объявляли об отделении церкви от государства и вводили гражданский брак; 3) ликвидировали все мужские монашеские ордена, духовные конгрегации и т. п.

К концу 1860 г. либералы, получавшие некоторую помощь от США, опасавшихся победы тесно связанных с европейскими державами консерваторов, одержали победу. Поддерживая либералов, США рассчитывали подчинить своему влиянию всю Мексику.

После победы либералов единственной надеждой консервативной партии была интервенция реакционных европейских держав.

В виду крайнего истощения страны в результате гражданской войны мексиканский Конгресс принял 17.12.1861 г. закон о временном пре-

кращении платежей по иностранным долговым обязательствам. Этот закон послужил поводом для давно подготовлявшейся совместной интервенции Англии, Франции и Испании в Мексике.

Основной общей целью интервентов было свержение правительства Хуареса и замена его реакционным правительством, которое не препятствовало бы закабалению Мексики европейской буржуазией.

Посылая войска в Мексику, Англия и Франция также рассчитывали спровоцировать конфликт с США, чтобы поддержать южан-рабовладельцев, развязавших гражданскую войну в США.

В декабре 1861 г. в Веракрус высадились испанские, а в январе 1862 г. английские и французские войска. Однако, в результате разногласий между интервентами, Англия и Испания в апреле 1862 г. отозвали свои войска из Мексики.

Наполеон III, твердо решивший превратить Мексику в империю своего ставленника австрийского эрцгерцога Максимилиана, начал войну против Мексиканской республики. перебросив в Мексику крупные силы (свыше 30 тыс. человек), французы сумели овладеть основными центрами страны. 10.12.1863 г. «ассамблея нотаблей», составленная из консерваторов, по указке интервентов провозгласила Мексику империей, а Максимилиана — ее императором.

Мексиканский народ вел против интервентов ожесточенную борьбу. Руководила ею либеральная партия во главе с президентом Хуаресом (1806—1872) — сыном бедного индейского крестьянина.

Хуарес, возглавляя наиболее радикальное крыло либеральной партии, был противником каких-либо компромиссов с мексиканскими реакционерами и интервентами.

В 1864 г. прибыл в Мексику эрцгерцог Максимилиан. Он был лишь марионеткой в руках интервентов. Все его попытки подавить сопротивление мексиканского народа как с помощью демагогии, так и с помощью кровавого террора провалились.

Ожесточенная борьба мексиканского народа, а также растущая прусская угроза у восточных границ Франции вынудили Наполеона III к ликвидации мексиканской авантюры. Отзыв французских войск был ускорен непримиримой позицией США. После окончания гражданской войны в США американское правительство, само рассчитывавшее превратить Мексику в свою колонию, категорически потребовало от Наполеона III прекращения интервенции, угрожая в противном случае двинуть войска в Мексику. В марте 1867 г. Наполеон III был вынужден отозвать свои войска из Мексики. После этого мексиканская армия легко справилась с поддерживавшей Максимилиана кучкой предателей и иностранных наемников. Независимость Мексики была полностью восстановлена, а Максимилиан — расстрелян (19.06.1867 г.).

Диктатура Порфирио Диаса

В 1872 г. Хуарес умер, не доведя до конца свою программу реформ. После смерти Хуареса началась борьба за власть между виднейшими из его прежних соратников. Победителем из нее вышел генерал Порфирио Диас. Осенью 1876 г. он под демагогическими лозунгами совершил про- нунсиаменто, сверг сменившего Хуареса президента Лердо де Техада и провозгласил себя «временным президентом». С 1877 г. и до 1911 г. (с кратким перерывом в начале 80-х гг.) Диас был президентом и полновластным диктатором Мексики.

Помещики и чиновники-казнокрады, вместе с духовенством и военной силой составлявшие основную опору Диаса внутри страны, помогали иностранному империализму закабалить Мексику. В результате Мексика за годы правления Диаса превратилась в полуколонию иностранного капитала.

Все основные железные дороги Мексики оказались в руках американцев и англичан. В Мексике был основан ряд банков, капиталы которых находились в руках французов, испанцев и др. В руках американских компаний при Диасе было сосредоточено около ... горной промышленности и выше × добычи нефти. Остальная Оля почти целиком находилась под контролем английского капитала.

Режим Диаса основывался на жестоком терроре. Сохранив на словах демократическую конституцию 1857 г. и широко рекламируя, якобы, предоставляемые им населению свободы, Диас на деле беспощадно устранял своих политических противников. За время диктатуры Диаса «при попытке к бегству» было убито свыше 10 тыс. политических заключенных.

Земли индейских крестьян в огромных масштабах расхищались спекулянтами, чиновниками, генералами и др., образовавшими группу «новых помещиков». По данным мексиканского историка Л. Гутьеррес де Лара, за время диктатуры Диаса были захвачены 72 млн. га крестьянских земель. К 1910 г. около 85% земель принадлежало двум процентам населения. Крестьянские восстания жестоко подавлялись войсками и специально созданной Диасом сельской полицией («руралес»).

Развитие промышленности происходило почти исключительно в интересах иностранного капитала. Наиболее развитой поэтому была горнодобывающая и нефтяная промышленность, продукция которых почти целиком экспортировалась.

С развитием промышленности и пролетаризацией крестьянства начал развиваться мексиканский промышленный пролетариат.

При Диасе рабочий день достигал 14—16 часов. Не существовало никакой охраны труда. Заработная плата была чрезвычайно низкой. Дея-

тельность профессиональных союзов была запрещена. В конце XIX в. в Мексике начало зарождаться рабочее движение, в котором распространены были занесенные из Испании анархо-синдикалистские идеи. При Диасе произошел ряд крупных стачек.

Буржуазно-демократическая революция

К 1910 г. в Мексике наметился революционный подъем. Росли численность и активность партизанских отрядов, пополнявшихся за счет экспропрированного крестьянства, активизировалась борьба мексиканского пролетариата. Против диктатуры Диаса поднималась не только мелкая, но также средняя и крупная буржуазия, вытесняемая из всех решающих экономических позиций иностранным капиталом. В силу слабости рабочего класса и стихийного характера крестьянского движения, руководство перешло в руки мелкой и средней буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Эти социальные слои создали национально-либеральную партию (первый съезд ее состоялся в городе Мехико в 1910 г.).

На первый порох либералы не выставляли никаких социальных лозунгов, требуя лишь осуществления демократического избирательного права и запрещения вторичного выбора должностных лиц, в том числе и президента. Вождем либералов стал крупный помещик Франсиско Индалесио Мадеро.

В 1910 г. либералы выставили на президентских выборах кандидатуру Мадеро, но Диас вновь с помощью террора и фальсификаций добился своего переизбрания. В ответ либералы перешли к вооруженной борьбе. Чтобы привлечь на свою сторону крестьян, Мадеро в своей программе («План Сан-Луис-Потоси») обещал им вернуть захваченные помещиками земли. В результате большинство партизан примкнуло к либералам. США, недовольные англофильской политикой Диаса в последние годы его правления, поддерживали либералов.

К началу 1911 г. партизаны овладели значительной частью Мексики, нанося поражение за поражением правительственным войскам. В городах начались массовые антиправительственные демонстрации. В мае 1911 г. Диас был свергнут и бежал за границу, а власть перешла в руки национал-либералов.

В октябре 1911 г. Мадеро был официально избран президентом. Придя к власти, Мадеро, боясь дальнейшего роста народного движения, отказался от своих революционных лозунгов. Он сохранил в неприкосновенности старую армию и диасовский административный аппарат. Правительство Мадеро стало препятствовать захватам помещичьих земель и потребовало роспуска партизанских отрядов. Значительная часть партизан отказалась сдать оружие и, продолжая борьбу с помещиками, выс-

тупила и против правительства Мадеро. Виднейшим партизанским вождем в это время был Эмилиано Сапата (1869—1919) — крестьянин из штата Морелос, в котором помещичий гнет был особенно жестоким. Примкнув к Мадеро и получив звание генерала революционной армии, Сапата под лозунгом раздела помещичьих земель вскоре привлек на свою сторону большинство крестьян штата Морелос.

После разрыва Мадеро со своими крестьянскими союзниками Сапата выступил против его правительства, издав свой революционный «План де Аяла». Основным пунктом этого плана была конфискация в пользу крестьянства большей части помещичьих земель. Руководимое Сапатай крестьянское движение вскоре вышло за пределы штата Морелос, охватив почти все соседние штаты.

К этому времени во всех промышленных центрах страны возникли профессиональные союзы. В 1912 г. в столице была создана организация «Дом рабочих мира», которая вела пропаганду анархо-синдикалистских идей среди рабочих. Правительство Мадеро, после недолгого периода заигрывания с рабочим движением, начало подавлять забастовки и арестовало ряд рабочих лидеров. Политика Мадеро лишила его правительство опоры в народе. Этим воспользовались мексиканская контрреволюция и иностранные империалисты. Сторонники восстановления диасовского режима сгруппировались вокруг генерала Викторiano Уэрты.

В феврале 1913 г. Уэрты при поддержке иностранных капиталистов и посла США Г. Вильсона поднял мятеж против правительства Мадеро. Мадеро был свергнут и убит. Уэрты объявил себя президентом Мексики.

Правительство Уэрты обрушилось с репрессиями на рабочее движение и пыталось расправиться с партизанами. «Дом рабочих мира» был закрыт (май 1914 г.), против Сапаты и других партизанских вождей были брошены крупные военные силы. Однако результатом явилось лишь усиление революционного движения.

Против Уэрты выступили и США, недовольные его англофильской политикой.

Либералы собрали на севере крупную армию, во главе которой стал помещик Венустиано Карранса (1859—1920). Вскоре все партизаны севера объединились в армию под руководством Каррансы, выступавшего под демократическими и антиимпериалистическими лозунгами.

Виднейшим из присоединившихся к Каррансе партизанских вождей был Франсиско Вилья (1877—1923), происходивший из бедной крестьянской семьи. В свое время он оказал огромную помощь Мадеро в борьбе против Диаса и получил звание генерала революционной армии. В отличие от Сапаты, у Вилья не было определенной аграрной программы.

Сапата отказался присоединиться к Каррансе, видя в нем представителя господствующих классов. Но героическая борьба отрядов Сапаты, сковавшая все силы Уэрты на юге, объективно способствовала успехам каррансистов.

В апреле 1914 г. американский десант оккупировал Веракрус — крупнейший порт, находившийся в распоряжении Уэрты. Хотя официально эта мера была направлена только против Уэрты, Карранса протестовал против нее, учитывая, какую опасность представляет американская интервенция для всего мексиканского народа.

В ноябре 1914 г. под влиянием возмущения, вызванного в мексиканском народе американской интервенцией, США отозвали свои силы из Веракрус.

В августе 1914 г. части «Конституционной армии» под командой генерала Обрегона вступили в столицу. Уэрта бежал, и Карранса был провозглашен временным президентом. Однако вскоре столица была занята партизанами Сапаты и Вилья, порвавшего в это время с Каррансой. Но оба крестьянских вождя даже не пытались создать революционное правительство. Каррансе удалось вновь овладеть столицей в январе 1915 г. Вилья был разбит Обрегоном, Сапата отступил на юг, сохранив значительные силы. К весне 1915 г. под контролем Каррансы была уже большая часть территории Мексики.

В 1916 г. США, используя в качестве предлога нападение одного из отрядов Вилья на пограничный город Колумбус, послали в Мексику крупные воинские силы под командой генерала Першинга. Однако, опасаясь затяжной войны с Мексикой накануне своего вступления в мировую войну, правительство США вскоре отозвало свои войска (февраль 1917 г.).

Став прочно у власти, Карранса постарался подавить крестьянское движение. С целью внести раскол в среду партизан он обещал провести аграрную реформу, передал индейским общинам часть захваченной у них помещиками земли (январь 1915 г.) и при помощи ловкой социальной демагогии привлек на свою сторону отсталые слои пролетариата.

Большинство партизанский отрядов было разгромлено уже в 1917 г. Сапата был в 1919 г. коварно убит предателем, подосланным каррансистами. Вилья отошел от политической борьбы (в 1923 г. он также был убит).

Однако под давлением народных масс правительство Каррансы вынуждено было принять новую демократическую конституцию. Созванный осенью 1916 г. Конгресс выработал текст этой конституции, известной как «Конституция 1917 года», так как она была официально принята 5.02.1917 г. По статье 27, провозгласившей собственность мексиканского народа на земли, воды и недра страны, только мексиканцы получили право приобретать земли, воды или получать концессии на эксплуата-

цию недр. Что касается иностранцев, то они для получения подобных земель или концессий должны были обязаться «не прибегать к защите своих правительств в том, что касается этих имуществ», под страхом конфискации последних. Согласно той же статье, подлежали возврату все земли мелких собственников и общин, присвоенные помещиками. Крупные поместья должны были быть раздроблены «для развития мелкой собственности». Было декларировано введение 8-часового рабочего дня и прогрессивного фабричного законодательства (статья 123). Ряд статей конституции был направлен против духовенства, которое лишалось избирательных прав и др.

«Конституция 1917 года» в целом носила прогрессивный и антиимпериалистический характер. Значительная часть ее постановлений носила чисто декларативный характер и не была проведена в жизнь (что объяснялось не только сопротивлением внутренней реакции, но и угрозами со стороны американского и английского империализма), осуществление других, например аграрного закона, затянулось на многие годы, но в целом значение этой конституции очень велико. Она стала программой дальнейшей борьбы для народных масс не только самой Мексики, но и других стран Латинской Америки.

В первой мировой войне правительство Каррансы объявило строгий нейтралитет.

К концу правления Каррансы отношения с США вновь резко обострились. Американские нефтяные магнаты организовали в 1919—1920 гг. мощную кампанию с требованием интервенции против правительства Каррансы. Американское правительство воздержалось от открытой интервенции, но с нескрываемым удовлетворением встретило военный переворот, возглавленный генералами Обрегоном, Кальесом и Адольфо де ла Уэрта, в результате которого Карранса был свергнут и убит во время бегства из Мексики (май 1920 г.).

Мексика после первой мировой войны

После кратковременного президентства Адольфо де ла Уэрта (июнь — декабрь 1920) президентом стал генерал Альваро Обрегон (1920—1924), в прошлом один из виднейших соратников Каррансы. Он был избран при содействии значительной части рабочих и крестьянских и осуществление аграрной реформы. Еще в 1918 г. на конгрессе профсоюзов был создана первая крупная рабочая организация — КРОМ (Мексиканская районная рабочая конфедерация), возглавленная реформистом и оппортунистом, бывшим рабочим, Л. Моронесом. Однако Обрегон вскоре порвал с КРОМ и стал опираться на так называемую национальную аграрную партию. Ход наделения общин землей при Обрегоне значительно ускорился. Крестья-

не получили за годы его президентства 1.600 тыс. га земли, большая часть которой ранее не использовалась ввиду отсутствия орошения.

США признали Обрегона лишь в августе 1923 г., после того, как он дал устное обещание, что статья 27-я конституции не будет иметь обратной силы, т. е. не будет распространяться на концессии, приобретенные до 1917 г., и что Мексика возместит материальные убытки граждан США, причиненные им в результате Мексиканской революции. В декабре 1923 г. при активной поддержке Англии вспыхнуло контрреволюционное восстание под руководством А. де ла Уэрта. Однако, опираясь на вооруженные крестьянские отряды, Обрегон через три месяца подавил восстание. В августе 1924 г. Обрегон официально установил дипломатические отношения с СССР. Обрегона на посту президента сменил Кальес (1924—1928), опиравшийся на милитаристов и реформистские профсоюзы. В первый период своего президентства Кальес пытался продолжать политику укрепления независимости Мексики, в особенности в вопросе о нефтяных концессиях. Однако вскоре Кальес капитулировал перед американским империализмом: в декабре 1927 г. мексиканский Конгресс подтвердил, что статья 27-я конституции не имеет обратной силы. В 1926 г. левое крыло сторонников Обрегона при поддержке коммунистической партии [возникла в 1919 г.] создало Национальную крестьянскую лигу, объединившую около полумиллиона крестьян. Целью Лиги была борьба за осуществление аграрной реформы. Лига имела и вооруженные отряды, боровшиеся с католическими и помещичьими бандами. В 1928 г. президентом был вновь избран Обрегон, но через несколько дней он был убит фанатиком-католиком Торалем (в организации убийства был замешан руководитель КРОМ Моронес, ведший упорную борьбу против Обрегона). С 1928 г. по 1934 г. бессменным фактическим руководителем внешней и внутренней политики Мексики был Кальес, присвоивший себе в качестве руководителя созданной им Национально-революционной партии (НРП) звание «Верховного главы революции». Часто сменявшиеся президенты: Портес Хиль (1928—1930), Ортис Рубио (1930—1932) и генерал Родригес (1932—1934) были марионетками Кальеса. Для этого периода характерен открытый переход Кальеса на сторону реакции, подавление демократических элементов в стране, капитуляция мексиканского правительства перед иностранным империализмом. Внутренняя политика Кальеса представляла сочетание «революционной» фразы с преследованием левых профсоюзов и коммунистической партии, отказом от проведения аграрной реформы и уступками католической церкви. В 1931 г. был опубликован общегосударственный закон о труде, на деле упразднивший большинство предусмотренных конституцией прав трудящихся. Под прямым давлением иностранных (прежде всего американских)

империалистических кругов Кальес разорвал дипломатические отношения с СССР (27.01.1930 г.). В 1934 г. президентом страны был избран генерал Ласаро Карденас-и-дель Рио, представитель демократического крыла НРП. Основной задачей Карденаса было осуществление так называемого шестилетнего плана развития Мексики, принятого на съезде НРП в Керетаро в декабре 1933 г. Этот план имел целью укрепление национальной экономики Мексики.

За время президентства Карденаса было экспроприровано у помещиков и распределено среди крестьянских общин около 40 млн. акров земли.

При Карденасе уделялось большое внимание народному образованию: уже в 1935 г. в Мексике было около 22 тыс. школ, правительство субсидировало так называемый Рабочий университет, которым руководил профессор Ломбардо Толедано. Духовенству было запрещено вмешиваться в вопросы обучения детей.

В конце февраля 1936 г. на созванном по инициативе коммунистической партии съезде в городе Мехико оформился народный фронт.

В апреле 1938 г. Карденас реорганизовал НРП в «Партию Мексиканской революции» (ПРМ). Принимая в ряде вопросов требования народного фронта, правительство Карденаса все же не установило с ним полного единства. Политика Карденаса в отношении рабочего класса далеко не всегда была достаточно последовательной. Карденас восстановил свободу печати, легализовал и зачастую поддерживал пролетарские демократические организации и печать, резко выступал против фашистских элементов в стране, выступал против локаутов. Но он же проповедовал классовое сотрудничество между рабочими и капиталистами, объявил незаконными стачки государственных служащих.

Внешняя политика Карденаса носила в целом прогрессивный и антиимпериалистический характер, хотя и страдала непоследовательностью. Так, Карденас не восстановил дипломатических отношений с СССР и даже предоставил в Мексике убежище злейшему врагу советского народа — Троцкому. В июне 1937 г. Карденас издал декрет о национализации железных дорог, принадлежавших главным образом американским и английским капиталистам, а 18.03.1938 г. объявил об экспроприации собственности 17 американских и англо-голландских нефтяных компаний. Компенсация компаниям подлежала выплате в течение 10 лет нефтью и нефтепродуктами, добытыми на экспроприированных промыслах, управление которыми перешло в руки правительственной корпорации.

Американские и английские компании ответили бойкотом мексиканской нефти на рынках своих стран, результатом чего было резкое падение экспорта нефти (в 1938 г. вдвое по сравнению с 1937 г.). Анг-

лийское правительство направило Мексике ряд резких нот с требованием немедленной компенсации за экспроприированную собственность и с угрозами бойкота мексиканской нефти. В ответ на угрозы Англии Карденас 14.05.1938 г. порвал с ней дипломатические отношения.

Вспыхнувший весной = летом 1938 г. фашистский мятеж под руководством генерала Седильо, инспирированный США и Англией, был быстро подавлен правительственными войсками.

В период гражданской войны и итало-германской интервенции в Испании (1936—1939) правительство Карденаса неизменно поддерживало республиканцев, открыто выражая им свою солидарность и снабжая их оружием.

Мексика в период второй мировой войны

По отношению к начавшейся в 1939 г. войне в Европе мексиканское правительство объявило нейтралитет. Однако в своих официальных заявлениях Карденас резко осуждал действия фашистских агрессоров и выражал симпатию союзникам.

В связи с угрозой расширения войны, правительство Карденаса в сентябре 1940 г. ввело всеобщую воинскую повинность и создало Высший совет национальной обороны.

В 1940 г. президентом был избран один из руководителей ПРМ Мануэль Авила Камачо.

В мае 1942 г. Мексика объявила войну Германии, Италии и Японии. 12.11.1942 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Мексикой.

Во время войны правительство Авила Камачо заключило с США соглашения, способствовавшие усилению позиций американского капитала в мексиканской экономике и расширению политического влияния США на Мексику.

Внешняя политика Мексики все более подпадала под влияние США. Большую роль сыграла здесь Панамериканская конференция в г. Мехико (март 1945 г.), на которой была принята известная «Чапультепекская декларация», способствовавшая созданию блока американских стран под гегемонией США. Явно проамериканской была политика мексиканского министра иностранных дел (в 1940—1945 гг.) Падилья.

Американская дипломатия стремилась оказать влияние и на внутреннюю политику мексиканского правительства. Посол США в Мексике в 1941—1946 гг. Мессерсмит неоднократно вмешивался во внутренние дела страны, поддерживая реакционные элементы.

Для президентства Авила Камачо был характерен все больший отход от антиимпериалистической политики Карденаса. Было достигнуто пол-

ное примирение с церковью, и архиепископ Мексики впервые за долгие годы призвал католиков поддерживать президента. Были легализованы некоторые профашистские организации. Правящая «Партия Мексиканской революции» была в январе 1946 г. преобразована в Конституционно-революционную партию.

НИКАРАГУА

НИКАРАГУА, РЕСПУБЛИКА НИКАРАГУА, REPUBLICA DE NICARAGUA, государство в Центральной Америке.

Население около 5 миллионов человек, в основном испано-индейские метисы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Манагуа. Административно-территориальное деление — 16 департаментов.

Глава государства и правительства — президент.

Законодательный орган — однопалатное Национальное собрание.

С древнейших времен никарагуанские земли населяли индейские племена.

В 1522 году Никарагуа была завоевана испанскими конкистадорами, основавшими на никарагуанских землях две колонии — Гранадю и Леон.

В 1821 году Никарагуа провозгласила свою независимость, в 1823—1838 годах входила в состав Соединенных провинций Центральной Америки, с 1838 года независимое государство.

В 1912—1933 годах Никарагуа была оккупирована США. Партизанскую войну против американских войск возглавил генерал Сесар Аугусто Сандино, убитый в 1934 году во время американо-никарагуанских переговоров. Во главе Никарагуа встал генерал А. Сомоса, правивший страной до июля 1979 года.

Исторический очерк

Побережье Никарагуа было открыто Колумбом в 1502 г. Название страны происходит от имени вождя одного из племен ацтеков Никарао, правившего страной в 1522 г., когда на ее территории высадился испанский мореплаватель Хиль Гонсалес Давила. В союзе с Никарао испанцам удалось сломить сопротивление других индейских племен и включить завоеванную территорию в генерал-капитанство Гватемалу. В течение всего колониального периода территория Никарагуа подвергалась нападениям корсаров. Восстание 1811 г. против испанского владычества не увенчалось успехом. Восстание 1821 г. привело к отделению от Испании и провозглашению независимости Никарагуа, которая, однако, в январе

1822 г. была включена Итурбиде в состав Мексиканской империи (см. Мексика, Исторический очерк). В 1823 г. Никарагуа отделилась от Мексики и вступила в союз 5 центрально-американских республик, вся история которого была заполнена непрерывными войнами и pronunciamentos. В 1889 г. союз распался. Никарагуа стала отдельной республикой. В стране развернулась борьба между партией либералов, опиравшихся на связанную с тихоокеанской торговлей буржуазию города Леона, и партией консерваторов, представлявших ориентированную на США помещичью аристократию города Гранады и получавших поддержку от Гондураса и Сальвадора.

В эти же годы Никарагуа в связи с возникшим проектом постройки межокеанского канала стала привлекать усиленное внимание Англии и США. В 1841 г. Англия заявила о своем протекторате над Москитовым берегом. Английский десант в январе 1848 г. захватил порт Сан-Хуан-дель-Норте (атлантический конечный пункт проектировавшегося канала), переименованный затем в Грейтаун. В 1849 г. англичане захватили в заливе Фонсека остров Тигре (что давало им возможность контролировать тихоокеанский отрезок канала), опередив при этом США, которые в это время подготавливали заключение договора о «передаче» им острова. Все это чрезвычайно обострило отношения между США и Англией. В 1850 г. Англия и США заключили компромиссный договор (Клейтон-Бульвер) о нейтрализации проектируемого канала. Англия и США декларировали взаимное обязательство не оккупировать и не подчинять своей власти Никарагуа, Коста-Рику, Москитовый берег или какую-либо иную часть Центральной Америки. Тем не менее Англия еще на протяжении 10 лет сохраняла за собой Москитовый берег. Только в 1860 г. Англия по договору в Манагуа согласилась передать Никарагуа часть территории Москитового берега вместе с Грейтауном (часть территории Москитового берега была передана Гондурасу, ему же был передан остров Тигре). Тем временем в 1855 г. отряд североамериканских авантюристов во главе с Уильямом Уокером захватил власть в Никарагуа. Уокер провозгласил себя президентом (12.12.1856 г.). Опираясь на поддержку США и стекавшихся к нему со всех концов авантюристов, Уокер установил диктаторский режим. Осенью 1856 г. соединенные армии Гватемалы, Сальвадора и Гондураса вытеснили Уокера из его столицы Гранады. Вступление в войну Коста-Рики, опиравшейся на поддержку Англии, решило судьбу Уокера, который в мае 1857 г. бежал из Никарагуа. При попытке возобновить борьбу Уокер был схвачен и расстрелян в Гондурасе в 1860 г.

Столица Никарагуа была окончательно установлена в Манагуа, а президентом был избран консерватор Мартинес. Подавив в 1863 г. восстание

либералов, консерваторы продержались у власти вплоть до 1893 г. В это время в стране фактически господствовала диктатура немногих аристократических семейств, назначавших из своей среды президентов и высших государственных чиновников. Раскол консерваторов позволил в 1893 г. прийти к власти либералу Селая. Селая (1893—1909) ловко маневрировал между консерваторами и либералами, между соперничавшими иностранными капиталистами и установил в стране личную диктатуру. При Селая были проведены некоторые прогрессивные реформы в области экономики и народного образования. В 1895—1898 гг. Никарагуа входила в Великую Центрально-Американскую республику. Селая делал попытки противиться внедрению американского капитала в Никарагуа и другие страны Центральной Америки. Тогда США оказали прямую поддержку начавшемуся в октябре 1909 г. восстанию консерваторов. Селая был вынужден в 1909 г. выйти в отставку и передал свои функции Мадрису, которого США, однако, отказались признать. Консерваторы заняли Манагуа (20.08.1910 г.), и их лидер Эстрада был провозглашен временным президентом, которого вскоре сменил Адольфо Диас (1911—1916). Государственная казна была расхищена победителями, но США предоставили консерваторам крупный заем и по просьбе Диаса послали морскую пехоту для подавления восстаний либералов. При Диасе США установили полный финансовый контроль над Никарагуа, и власть президента опиралась на прибывшие американские войска.

В 1916 г. с помощью США лидер консерваторов Эмилиано Чаморро был избран президентом и оставался на том посту до 1920 г.

Важным этапом в истории господства американского империализма в Никарагуа был договор Брайан — Чаморро, подписанный еще в августе 1914 г., но ратифицированный лишь в 1916 г. По этому договору Никарагуа, за возмещение в 3 млн. долларов, предоставила США право на постройку межокеанского канала на территории Никарагуа. На срок 99 лет США получали право постройки военно-морских баз на территории залива Фонсека, а также получали в аренду на тот же срок острова в Карибском море с целью обеспечить морские подступы к будущему каналу и защитить Панамский канал. По истечении 99 лет США вправе продлить действие срока аренды еще на 99 лет.

После Эмилиано Чаморро президентом стал Диего Чаморро (1921—1923), а затем вице-президент Мартинес Бартоло (1923—1924). В 1921 году Никарагуа отказалась войти в Центрально-Американский союз. 5.10.1924 г. либерально-консервативный блок добился избрания президентом Солорсано (консерватор) и вице-президентом — Сакаса (либерал). США вывели свои войска в августе 1925 г. В октябре того же года Эмилиано Чаморро сверг правительство и захватил власть. Против него было поднято восстание либералов. США поспешили на помощь терпевшим

поражение консерваторам, но при этом навязали им в качестве вождя Адольфо Диаса, «избранного» президентом и получившего от американских банкиров большой заем. Весной 1927 г. президент США Кулидж послал в Никарагуа Генри Стимсона. При посредничестве Стимсона и под давлением американских войск, снова прибывших в Никарагуа в 1927 г., было заключено перемирие между консерваторами и либералами. На выборах 4.11.1928 г., происходивших под «охраной» американской войск, победил ориентирующийся на США либеральный генерал Монкадо. Однако еще в июле 1927 г. против интервенции США поднял восстание другой либеральный генерал Сандино, который требовал немедленного ухода американских войск. Сандино вел борьбу методами партизанской войны, принимавшей характер массового антиимпериалистического движения. Несмотря на поддержку американских войск, правительству в течение 7 лет не удавалось разгромить Сандино. Однако после выборов президента Сакаса (1932—1936) и эвакуации американских солдат Сандино прекратил борьбу. В январе 1934 г. он был вероломно убит во время переговоров во дворце президента в Манагуа.

Президент Сакаса был свергнут более надежным с точки зрения американского империализма генералом Сомоса (1936—1947), одним из крупнейших землевладельцев Никарагуа. Две трети национального богатства находится в обладании Сомоса и его родственников.

В январе 1933 г. США вывели свои войска, но экономическое и политическое влияние США в Никарагуа отнюдь не уменьшилось.

В 1939 г. Сомоса посетил Вашингтон. Одним из результатов его поездки было соглашение о посылке в Никарагуа американских военных инженеров для постройки канала, связывающего Манагуа (главный город) и Атлантическим океаном.

Во время правления Сомоса террор против всех противников диктатора достиг размеров, необычных даже для Никарагуа. Тюрмы были буквально забиты тысячами политических заключенных. Многие видные политические деятели были изгнаны или бежали из страны. Вслед за США Никарагуа в декабре 1941 г. объявила войну Японии, Германии и Италии, а также Болгарии, Румынии и Венгрии. В сентябре 1942 г. были арестованы генералы, планировавшие с помощью нацистских агентов военный заговор.

2.02.1947 г. состоялись президентские «выборы», на которых победил правительственный кандидат Аргель. В мае 1947 г. Аргель, однако, вступил в конфликт с Сомоса, занимавшим пост командующего национальной гвардией. Сомоса произвел переворот и распустил конгресс. «Избранная» в обстановке террора Конституционная Ассамблея (август 1947 г.) была составлена из сторонников Сомоса. Она избрала президентом Рейеса, бывшего министра иностранных дел в период правления Сомоса.

Фактическим руководителем правительства по-прежнему остался Сомоса. 23 января 1948 г. вступила в силу новая конституция, согласно которой компартия объявляется вне закона.

12 декабря 1944 г. между СССР и Никарагуа установлены дипломатические отношения.

Политические партии

Либерально-националистическая партия — буржуазная проамериканская партия. На словах выступает за отделение церкви от государства, за демократические принципы правления и т. д. На выборах в феврале 1947 г. партия получила большинство в Конгрессе. Лидер партии — Сомоса.

Традиционно-консервативная партия — реакционная проамериканская партия, выражающая интересы помещичье-клерикальных кругов. Выступает за сотрудничество государства с церковью.

Национально-консервативная партия — партия наиболее реакционных помещичье-клерикальных кругов.

Независимая либеральная партия — буржуазная партия, выступающая за демократизацию режима.

ПАРАГВАЙ

ПАРАГВАЙ, РЕСПУБЛИКА ПАРАГВАЙ, REPUBLICA DE PARAGVUAY, государство в южной Америке.

Население около 5 миллионов человек, парагвайцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Асунсьон. Административно-территориальное деление — 18 департаментов и столичный округ.

Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древнейших времен Парагвай населяли индейские племена.

В XVI веке Парагвай был колонизирован испанцами.

В XVII—XVIII веках в Парагвае существовало Иезуитское государство; с 1768 года Парагвай опять стал испанской колонией.

В 1811 году Парагвай стал независимой республикой.

Исторический очерк

Проникновение испанцев на территорию Парагвая началось в XVI веке. В 1526 г. отряд испанцев во главе с Себастьяном Каботом поднялся по реке Парагвай до слияния с ней реке Рио-Бермехо. В 1537 г. у слия-

ния реки Пилькомайо с рекой Парагвай, т. е. на месте нынешней столицы Асунсьон, испанцы основали поселение, явившееся опорным пунктом для их проникновения в глубь Парагвая. Населявшие Парагвай индейские племена гуарани и чако, находившиеся на стадии первобытнообщинного строя, сгонялись с занимаемых ими земель и частично подвергались истреблению. В 1618 г. территория Парагвая, включавшая в свой состав части, входящие ныне в состав Бразилии, Уругвая и Аргентины, входила в вице-королевство Перу. Отсутствие на территории Парагвая золотых и алмазных россыпей определило незначительный интерес к нему со стороны испанских конкистадоров, вследствие чего колонизация его осуществлялась очень медленно. Колонисты, прибывшие в Парагвай, становились собственниками больших поместий, которые они обрабатывали путем использования беспощадно эксплуатировавшихся индейцев. Сопротивляясь порабощению и насильственному распространению христианства, индейцы неоднократно поднимали восстания.

С конца XVI в. колонизацию Парагвая возглавил иезуитские миссионеры. Добившись от испанского короля и от колониальных властей предоставления им ряда привилегий, иезуиты образовали в Парагвае из своих поселений теократическое государство, пользовавшееся фактическим самоуправлением и лишь формально подчинявшееся испанскому губернатору Парагвая.

Вся земля в иезуитском государстве принадлежала ордену. Она обрабатывалась подневольным трудом индейцев, прикрепленных к поселениям миссионеров.

Привилегированное положение иезуитов, а также запрещение со стороны Испании торговли Парагвая с иностранными державами и господство испанцев во всех органах колониальной администрации вызывали недовольство среди креольской знати, результатом чего были восстания 1725 и 1733—35 гг. В 1750 г., в связи с уступкой испанским королем части Парагвая Португалии, начались военные действия между иезуитами и королевскими войсками (так называемые Гуаранийские иезуитские войны), окончившиеся в 1761 г. поражением иезуитов. Последнее в 1769 г. был изгнаны из Парагвая, а принадлежавшая ордену земля была объявлена государственной собственностью. С 1776 г. Парагвай составлял часть Ла-Платского вице-королевства. В конце XVIII в. Парагвай был одной из самых отсталых в экономическом и культурном отношении колоний Испании. После начала войны за независимость Испанской Америки и свержения испанского господства в Буэнос-Айресе (май 1810 г.) армией Парагвая были отражены попытки подчинить Парагвай господству Буэнос-Айреса (январь — март 1811 г.). 15.05.1811 г. в результате военного переворота была свергнута испанская власть в Пара-

гвае. С этого момента Парагвай стал фактически независимым государством. Был созван Национальный конгресс, в котором преобладали крупные землевладельцы. В 1814 г. Национальный конгресс объявил креола Хосе Гаспара Родригеса Франсия (1752—1840), лидера демократической части парагвайских сепаратистов, единоличным правителем на 3 года. Собранный в 1816 г. Национальный конгресс провозгласил Франсия пожизненным главой республики. Франсия осуществил ряд прогрессивных мероприятий. В 1824 г. собственность монастырей была конфискована, а монашеские ордена распущены. В 1826 г. Франсия конфисковал и объявил национальным достоянием половину помещичьей земли, используя значительную часть ее для сдачи мелкими участками в аренду крестьянам. Стремясь сохранить независимость Парагвая, Франсия сначала ограничил, а с 1827 г. запретил внешнюю торговлю, прекратив въезд иностранцев. Франсия беспощадно подавлял направленные против него заговоры реакционеров. Однако политика Франсия характеризовалась мелкобуржуазной ограниченностью и непоследовательностью — помещичье землевладение не было уничтожено до конца; силы реакции были ослаблены, но не разбиты. В 1840 г., со смертью Франсия верховным правителем стал Кралос Антонио Лопес, остававшийся во главе государства до 1862 г. Продолжая политику ограничения помещичьего землевладения, Лопес поощрял развитие промышленности и стремился укрепить мелкое крестьянское хозяйство. Система самоизоляции Парагвая была при нем ослаблена. Парагвай к началу 60-х гг. XIX в. превратился в одну из наиболее развитых в экономическом отношении стран Испанской Америки.

В 1864 г., во время правления сына Карлоса Антонио Лопеса — Солано Лопеса — Бразилия, Аргентина и Уругвай, стремясь к территориальным захватам и к ликвидации прогрессивного режима, втянули Парагвай в войну. Противники Парагвая пользовались помощью Англии и Франции, стремившихся открыть широкий доступ иностранному капиталу в Парагвай. Война окончилась в 1870 г. полным поражением парагвайских войск и оккупацией всей страны. согласно заключенному в 1870 г. миру Парагвай вынужден был уступить часть своей территории. В результате войны население Парагвая резко сократилось; страна была опустошена. Все прогрессивные мероприятия, осуществленные в Парагвае после прихода Франсия к власти, были отменены и было восстановлено господство реакционеров-помещиков. Иностранному капиталу был открыт доступ в Парагвай. После смерти Солано Лопеса Парагвай временно управлялся триумvirатом. Используя крайнее ослабление Парагвая, европейские державы и США вступили на путь усиленного проникновения в эту страну.

В годы пребывания у власти реакционно-помещичьей партии Колорадо (1874—1904) экономика страны продолжала находиться в состоянии крайнего упадка. Лишь с приходом в 1904 г. к власти буржуазной партии либералов вновь началось экономическое развитие страны; либералы поощряли иммиграцию, имевшую для развития Парагвая большое значение. В годы первой мировой войны Парагвай сохранял нейтралитет.

Возникшие еще в конце XIX в. споры между Парагваем и Боливией из-за пограничной территории Гран-Чако были урегулированы заключенным 19.07.1915 г. договором. Однако, после открытия на территории Гран-Чако богатых залежей нефти, разногласия между Парагваем и Боливией резко обострились. Переговоры относительно определения границы в районе Гран-Чако, которые в начале 1928 г. велись между представителями обеих стран, оказались безрезультатными. Последовали вооруженные стычки в пограничной зоне. В феврале 1931 г. против находившегося с 1928 г. на посту президента Парагвая либерала доктора Хосе Гуджиари началось восстание. Однако оно было подавлено, и восставшие бежали на территорию Бразилии. В октябре 1931 г., в обстановке крайне обострившегося положения внутри страны, последовала отставка президента Хосе Гуджиари, и президентом стал доктор Гонсалес Наверо. В сентябре 1932 г. между Парагваем и Боливией начались военные действия. Собственники английских нефтяных компаний открыто поддерживали Парагвай, в то время как Боливия опиралась на поддержку американских нефтяных компаний, в свою очередь претендовавших на господство в Гран-Чако. Парагвай, желая прекратить вмешательство со стороны Лиги наций, заявил о своем выходе из нее. В ходе войны Парагвай одержал над боливийскими войсками победу, и 21.01.1936 г. между Боливией и Парагваем был заключен мир.

Победа была использована военной кликой для совершения государственного переворота 18.02.1936 г., в результате которого президентом стал полковник Рафаэль Франко. В мае 1936 г. был раскрыт крупный заговор, направленный против правительства Франко. В 1938 г., при попытке созданного еще в 1935 г. нейтрального комитета окончательно определить границы Гран-Чако, между Парагваем и Боливией вновь возникли острые разногласия. В апреле 1939 г. на пост президента был избран ставленник либералов генерал Эстигаррибия. В результате резких разногласий с национально-республиканской партией Колорадо, бойкотировавшей президентские выборы, Эстигаррибия 18.02.1940 г. присвоил себе диктаторские полномочия. Назначенный президентом комитет выработал новую конституцию. Используя тяжелое финансовое положение Парагвая, резко ухудшившееся в результате войны с Боливией, США усилили свое экономическое и политическое проникновение в Парагвай, предоставив президенту Эстигаррибия крупные займы.

После гибели, в результате воздушной катастрофы, президента Эстигаррибия Совет министров 7.09.1940 г. назначил на пост президента генерала Хигинио Мориниго. Последний являясь ставленником американского империализма, еще более усилил зависимость Парагвая от США. 28.01.1942 г. Парагвай разорвал дипломатические сношения с Германией, Италией и Японией. Установленная Мориниго реакционная диктатура была направлена против всех прогрессивных и демократических сил страны. на президентских выборах 1943 г. Мориниго, являвшийся единственным кандидатом, оказался «переизбранным» на новый срок. Вспыхнувшая 24.01.1945 г. в Парагвае всеобщая стачка была сурово подавлена. 21.02.1945 г. был издан декрет о роспуске всех рабочих союзов. Против реакционной диктатуры Мориниго возникло массовое народное движение, возглавленное компартией, окончательно сложившейся в 1933 г., под давлением которого Мориниго был вынужден пойти на некоторые уступки прогрессивным организациям. В январе 1947 г. правительством Мориниго было объявлено осадное положение, запрещена деятельность коммунистической и других прогрессивных партий, усилены репрессии против демократических деятелей. 8.03.1947 г. вспыхнуло народное восстание против реакционной диктатуры Мориниго. Центром восставших стал Вилья-Консепсьон. Демократические силы одержали ряд успехов, но Мориниго, благодаря помощи США, удалось сохранить в своих руках столицу — г. Асунсьон, который в сентябре 1947 г. был осажден войсками восставших. После сильных боев на подступах к г. Асунсьону повстанцы были разбиты. Несмотря на жестокое подавление восстания, в стране продолжалось движение против режима Мориниго и правительство было вынуждено объявить выборы нового президента. В обстановке террора со стороны реакции 15.02.1948 г. президентом был «избран» кандидат правительственной партии Гонсалес, ставленник американских нефтяных компаний, контролирующих добычу нефти в районе Чако.

Политические партии

Национально-республиканская партия — «Колорадо» — правительственная партия, объединяющая помещичье-церковную олигархию и реакционную военщину. Тесно связана с северо-американским капиталом. Является единственной легальной партией.

Либеральная партия — представляет интересы прогрессивных групп буржуазии. Создана в 1904 г. До 1936 г. почти непрерывно находилась у власти. В 1942 г. распущена декретом генерала Мориниго.

Фебреристская партия — организация сторонников полковника Рафаэля Франко, совершившего в феврале 1936 г. государственный переворот. Объединяет значительное количество интеллигенции и пользуется поддержкой и народом. Запрещена правительством Мориниго.

Коммунистическая партия. В 20-х гг. в Парагвае образовались коммунистические группы. Партия окончательно сложилась в 1933 г. и была легализована лишь на короткий период в августе 1946 г.

ПЕРУ

ПЕРУ, РЕСПУБЛИКА ПЕРУ, REPUBLICA DEL PERU, государство на западе Южной Америки.

Население около 25 миллионов человек, испано-индейские метисы и индейцы кечуа и аймара. Официальный язык — испанский и кечуа. Основная религия — католицизм. Столица — Лима. Административно-территориальное деление — 25 департаментов.

Глава государства — президент. Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древнейших времен перуанские земли населяли индейские племена — инки, в X веке основавшие на территории Перу государство Тауантинсу́йу, через пятьсот лет ставшее величайшим государством Америки.

В 1532—1572 годах Перу была завоевана испанскими конкистадорами во главе с Франсиско Писарро, создавшими вице-королевство Перу со столицей в Лиме. По подсчетам специалистов за триста лет испанского господства в стране из перуанских золотых приисков в Испанию было вывезено 15000 тонн золота.

В 1821 году Перу стала независимым государством.

С 1993 года в Перу действует новая конституция.

Исторический очерк

Археологические экспедиции обнаружили на территории Перу остатки древнейших поселений эпохи палеолита и неолита. Уже в V—VIII вв. н. э. Перу было населено индейскими племенами кечуа, аймара, юнка и другими, находившимися на стадии родового быта. Основой хозяйства этих племен было земледелие и скотоводство. Выделившаяся, по-видимому, из индейцев аймара группа родов — инки — создали в начале XIV в. большое государство. Социальный строй государства инков представлял собой формирующееся рабовладельческое общество.

О существовании Перу испанцы впервые узнали в 1511 г. от знаменитого конкистадора Бальбоа. В 1524 г. находившиеся в Панаме испанские авантюристы Франсиско Писарро, Диего де Альмагро и священник Эрнандо де Лунке составили общество для завоевания Перу. Экспедиции 1524 и 1526—27 гг. не увенчались успехом, но убедили испанцев в сказочных богатствах государства инков. Писарро получил от Карла V разрешение на новую экспедицию и назначение на должность правителя

Перу. Набрал в Испании солдат, Писарро отправился в Панаму, откуда в 1531 г. отплыл в экспедицию для завоевания Перу. В царстве инков в это время шла борьба между Атагуальпой и Гуаскаром — двумя претендентами на власть. Атагуальпа вышел из нее победителем, но вскоре был вероломно захвачен в плен испанцами, а затем казнен. Восстание туземцев против иноземных захватчиков, во главе которого встал брат Атагуальпы — Манко Капак, поставило под угрозу испанские завоевания. Испанцы лишь с большим трудом и с помощью некоторых индейских племен подавил восстание. В том же году Писарро основал на берегу Тихого океана «Город королей» (впоследствии город Лима).

Одновременно с завоеванием и грабежом страны, сопровождавшимся страшными жестокостями, конкистадоры закрепили индейские общины. Конкистадоры фактически не признавали власти испанского короля и его представителя — вице-короля Перу. В 1537 г. в Перу разгорелась ожесточенная борьба за власть между двумя группировками конкистадоров, возглавлявшимися Франсиско Писарро и Альмагро. Во время этой борьбы погибли и Альмагро (1538 г.) и Писарро (1541 г.). В 1544 г. было учреждено вице-королевство Перу. Изданный вице-королем Бласко Нуньес Вела так называемый «Новый закон», по которому после смерти конкистадоров принадлежавшие им индейцы переходили в собственность казны, привел к восстанию конкистадоров, руководителем которого стал Гонсалес Писарро. Войска вице-короля были разбиты, а сам вице-король убит (1546 г.). «Новый закон» был отменен. Лишь после прибытия подкреплений из Испании, восстание конкистадоров было подавлено. Гонсалес Писарро был казнен (1548 г.). В 1553 г. был подавлен последний крупный мятеж конкистадоров, руководимых капитаном Хирона. В 1582 г. погиб и последний глава инков — Тупак Амару, сын Манко. По мере упрочения испанского владычества в Перу формировались креольские элементы, составлявшие основную часть господствующего класса. Но вся полнота власти была сосредоточена в руках испанской аристократии. В целях усиления административной власти из состава вице-королевства Перу в 1739 г. было выделено вице-королевство Новая Гранада, а в 1776 г. — вице-королевство Ла-Плата.

Испанские помещики жестоко эксплуатировали и безжалостно истребляли поработанных индейцев. Тысячи индейцев, работавших на золотых и серебряных приисках, гибли от непосильного труда и голода. Весь колониальный период истории Перу заполнен восстаниями индейцев против испанского колониального гнета и помещиков-креолов.

В 1780 г. вспыхнуло весьма значительное индейское восстание, во главе которого стоял Хосе Габриэль Кондорканки, провозгласивший восстановление инкской империи и принявший имя «последнего инки»

Тупак Амару. 6 апреля 1781 г. главные силы повстанцев были разгромлены, а вождь восстания схвачен и казнен.

Между тем, назревавший конфликт между метрополией и испанскими колониями в Америке ясно ощущался и в Перу. Но здесь борьба за независимость осложнялась наличием более значительного, чем в других колониях, слоя всемогущей колониальной «вице-королевской» бюрократии, военщины и католической церкви, не желавших порывать с метрополией. Поэтому Перу в период национально-освободительной борьбы стран Латинской Америки против испанского владычества играло роль оплота испанской политической реакции.

В 1814 г. войска перуанского вице-короля подавили восстания в Чили и Верхнем Перу, в 1815 г. — выступление к Куско, а в 1817—1818 гг. вели в Чили упорную борьбу против армии Буэнос-Айреса. Флот повстанцев под командованием англичанина Кокрена опустошал берегу Перу. В сентябре 1820 г. из Чили прибыли 4,5 тыс. повстанцев во главе с Сан-Мартином, которые захватили 12.07.1821 г. Лиму и провозгласили независимость Перу (22.07.1821 г.). Однако, вместе созывая парламента, Сан-Мартин установил диктаторский режим и замыслил, в подражание Итурбиде (см. Мексика, Историч. очерк), провозгласить себя императором, но в 1822 г. был вынужден отказаться от власти. Испанцы воспользовались последующим периодом смут и переворотов и вновь ненадолго овладели Перу (июнь 1823 г.). Вскоре в Лиму прибыл Боливар (см. Колумбия, Историч. очерк). Борьба за власть между несколькими претендентами позволила испанцам еще раз овладеть Лимой (февраль — март 1824 г.). Вернувшись из Колумбии с новой армией, Боливар разбил вице-короля при Хунине (6.08.1824 г.). Помощник Боливара генерал Сукре окончательно разгромил правительственные войска в битве при Аякучо (9.12.1824 г.), которую называют иногда «испанским Ватерлоо». Боливар разделил Перу на две самостоятельные республики — Перу и Боливию (Верхнее Перу), во главе которой встал Сукре.

Боливар стремился к превращению всей Южной Америки в одну федеративную республику, чтобы стать во главе ее в качестве диктатора. Это была невыполнимая задача. Когда Боливар отправился подавлять волнения в Колумбии, перуанцы низложили его и отменили выработанную им диктаторскую конституцию (1827 г.). Побуждаемая Боливаром Колумбия начала войну против Перу, окончившуюся безрезультатно (сентябрь 1829 г.). Последующие годы были для Перу непрерывных пронунсиаменто. Их организовывали различные политические клики и честолюбивые генералы, представлявшие главным образом помещичью аристократию. Шли также войны против Боливии и Чили. В 1845—1851 гг. президентом был ген. Кастилья, после которого впервые в истории Перу

власть законным образом перешла к генералу Эченике. В 1855 г. Кастилья был вновь избран президентом и распустил Конгресс. При нем было отменено рабство (1854 г.) и подушные подати с индейцев. При президенте Пасета в 1864 г. возник конфликт с Испанией из-за занятия испанским флотом острова Чинча. Конфликт был улажен в 1865 г. Вскоре Пасета был свергнут и после новых пронунсиаменто диктаторскую власть захватил полковник Прадо, при котором Перу вместе с Чили, Боливией, Эквадором участвовали в войне с Испанией (1865—1866). В 1867 г. Прадо вынужден был выработать конституцию, но уже в следующем году он был свергнут. Его преемником стал Бальта (1868—1872). В результате вооруженной борьбы в 1872 г. к власти пришел Мануэль Пардо, проводивший ряд реформ. В 1876 г. Пардо был убит. При его преемнике, полковнике Прадо, Перу в союзе с Боливией вело в 1879—1883 гг. войну с Чили из-за провинции Тарапака, богатой залежами селитры. Чилийцы заняли Южное Перу и вступили в Лиму (январь 1881 г.), в которой оставались почти три года. Еще до занятия столицы президент Прадо бежал из страны, как несколько позже сделал и его преемник Н. Пьерола, отказавшийся от власти в 1881 г. В 1883 г. был заключен Анконский договор, по которому провинция Тарапака отошла к Чили, а территории Такна и Арика остались за Чили на десять лет до решения вопроса плебисцитом. Лишь в 1929 г. вопрос был окончательно разрешен после вмешательства Соединенных Штатов Америки, причем Такна была возвращена Перу.

С середины XIX в. в Перу проникает английский капитал. С конца XIX в. в Перу стал проникать капитал США, захвативший в частности контроль над медными рудниками в Серро-де-Паско и принявший участие в проведении шоссейных дорог. При президентах Н. Пьерола (1895—1899), Эдуардо Романо (1899—1903), Кандамо (1903—1904) было установлено «гражданское управление» и относительный порядок в администрации, чего настойчиво домогалась буржуазия.

На выборах 1904 г. победил представитель гражданской партии — Хосе Пардо (1904—1908), которого сменил А. Легиа (1908—1912). В 1914 г. происходило грандиозное восстание 70 тыс. индейцев, требовавших возвращения общинных земель. Восстание было зверски подавлено буржуазно-помещичьим правительством Перу.

В период первой мировой войны спрос на перуанский хлопок и медь привел к промышленному подъему (1916—1918). Позиции американского капитала резко усилились в стране. В 1919 г. происходил мощный подъем стачечного движения, проходившего под требованием 8-часового рабочего дня и повышения зарплаты. В условиях бурного подъема рабочего движения к власти пришел опять Легиа — ставленник североамериканской компании «Стандард Ойл», которая стала своего рода госу-

дарством в государстве, издавая на территории своих концессий собственные законы, имея собственную полицию и т. д. Легиа держался у власти до 1930 г. С целью укрепления своей власти он установил тесный контакт с католической церковью. Диктатор распустил либеральную партию, выдвигавшую требования в защиту интересов национальной буржуазии и настаивавшую на разделе крупных латифундий. Однако с особой жестокостью преследовал Легиа революционные организации масс. В период революционного подъема в первые годы после первой мировой войны была создана анархо-синдикалистская перуанская рабочая федерация и другие профсоюзные организации, а в 1923 г. реформистский Международный рабочий центр и др.

В борьбе против рабочего движения диктатура Легиа опиралась на поддержку американского империализма. В условиях полукOLONиальной экономики Перу переход к частичной относительной стабилизации капитализма в значительной степени совершался с помощью иностранных займов. Американский финансовый капитал воспользовался затруднительным положением перуанских правящих классов для того, чтобы вытеснить своих английских конкурентов и закабалить страну.

Мировой экономической кризис 1929—1933 гг. тяжело отразился на экономике Перу. Резко упали цены на все основные виды перуанского экспорта — медь, сахар, хлопок и др. Безработица и лишения вновь усилили антиимпериалистическое движение среди масс и обострили между соперничавшими буржуазно-помещичьими кланами. Американские империалисты решили, что в этих условиях тактически выгоднее не препятствовать падению окончательно скомпрометированного и ненавистного массам режимам Легиа. В 1930 г. моргановский «Нейшннал Сити банк» и нью-йоркские банкиры Зелигман, займами у которых обычно покрывался хронический дефицит перуанского бюджета, отказали Легиа в новых кредитах. Противники Легиа подняли армию против правительства. Восстание началось 22.08.1930 г. выступлением гарнизона в Арекипе, которое возглавил полковник Санчес Серро. К восставшим присоединился флот и рабочие массы. Однако руководство восстанием сохранили буржуазно-националистические элементы и офицерство. Пришедшее к власти правительство Серро отказалось удовлетворить демократические требования масс и одновременно поспешило объявить о решимости соблюдать обязательства, принятые в отношении иностранных монополистов. С целью задуть массовое движение в стране было введено осадное положение и установлена военно-фашистская диктатура. Серро свирепо подавил стачки рабочих на рудниках Серро-де-Паско и на других принадлежавших американцам предприятиях в сентябре 1930 г., восстания крестьян и батраков в провинциях Анкауэс и Либертад и др.

В 1924 году возникла партия АПРА («Народно-революционный альянс Америки»), возглавляемая Раулем Айя да ла Торре. «Народно-революционный альянс Америки», представлявший тогда блок мелкобуржуазных и буржуазных элементов, при помощи антиимпериалистической пропаганды, обещаний земельной реформы и «левой» фразы завоевала большую популярность среди мелкобуржуазных и полупролетарских масс и отсталых слоев пролетариата. Организации АПРА возникли и в других государствах Южной Америки. В своей борьбе против массового движения правительство Серро обрушилось с особой свирепостью на революционное рабочее движение. В июле 1932 г. с чрезвычайной жестокостью было подавлено восстание рабочих в портовом городе Трухильо. Еще в начале 1932 г. перуанский парламент принял закон, уполномочивающий правительство запрещать демонстрации и собрания, «нарушающие общественное спокойствие», и применять против нарушителей меры, вплоть до ссылки на необитаемые острова. В новогоднем «послании к народу» Санчес Серро заявил, что «правительство находится в неблагоприятных условиях вследствие кризиса как экономического, так и морального. Власти не потерпят пропаганды идей, направленных против безопасности отечества или против социального строя».

Созданная в 1930 г. коммунистическая партия была загнана в подполье, но, в 1931 г. она поддержала восстание индейского крестьянства. На президентских выборах 1932 г. кандидат от коммунистической партии получил свыше 20% всех голосов. Вскоре коммунистическая партия вынуждена была уйти в подполье. В 1932 г. началась война Перу против Колумбии, вызванная соперничеством империалистических держав в Латинской Америке. Правительство Серро надеялось этой войной смягчить противоречия, раздиравшие правящие круги, и завоевать Летисийский коридор, что дало бы Перу доступ к системе Амазонки. По мирному договору, заключенному 24.05.1934 г. в Рио-де-Жанейро, Колумбия, однако, сохранила за собой Летисию. В мае 1933 г. Серро был убит членом АПРА. В стране было объявлено осадное положение. Президентом Перу стал реакционный генерал Бенавидес, которому на деле оказывала поддержку верхушка АПРА. Полномочия Бенавидеса истекли в 1935 г. Потерпев поражение на выборах, Бенавидес отказался передать власть новому президенту. После этого Конгресс «переизбрал» Бенавидеса президентом до конца 1939 г.

В правительстве Бенавидеса возникли противоречия между сторонниками ориентации на Германию, Италию и Японию и группой, опиравшейся на поддержку США. Министр внутренних дел Родригес потребовал от президента присоединения Перу к «антикоминтерновскому пакту» и передачи нефтяных концессий германским, итальянским и япон-

ским компаниям. Когда Бенавидес отказался выполнить это требование, Родригес организовал в начале 1939 г. при помощи обученной итальянцами полиции восстание против Бенавидеса. Однако более осторожные группы перуанских фашистов не присоединились к этому восстанию. Бенавидес подавил мятеж. В 1939 г. он провел «плебисцит», после которого была совершенно сведена к нулю роль парламента и усилился поход против левых организаций.

На президентских выборах 1939 г. победил Мануэль Прадо. Во внутренней политике Прадо продолжал линию президента Бенавидеса. Во внешней политике Прадо целиком ориентировался на США. В 1941 г. итальянская военно-воздушная миссия была выслана из Перу и заменена американской. Начальником штаба перуанской армии также был назначен американец. В январе 1942 г. правительство Перу прервало дипломатические отношения с Германией, Италией и Японией, а в 1945 г. объявило состояние войны с Германией и Японией. Во время второй мировой войны резко усилилось и без того огромное влияние американского капитала, поставившего под свой контроль как внешнюю торговлю, так и всю экономику Перу. Известное влияние в Перу продолжает еще сохранять английский капитал.

В июне 1945 г. на выборах боролись кандидаты двух фракций правящих классов — Бустаманте, опиравшийся на буржуазно-либеральные и «гражданские» элементы и поддержанный бывшим диктатором Бенавидесом, и кандидат созданного военщиной Национального фронта — Урета. Победил Бустаманте.

В послевоенный период в Перу произошла перегруппировка реакционных сил. Старые партии были окончательно скомпрометированы. В этих условиях на первый план выдвинулась партия апристов. При президенте Прадо АПРА была по-прежнему запрещена, несмотря на то, что она фактически отказалась от большинства прежних «левых» лозунгов и даже переименовала название на «народную партию», чтобы опровергнуть обвинение в «интернациональном» характере партии. В 1945 г. запрещение АПРА было отменено. Благодаря прежней популярности апристов, выступавших с внешне антиимпериалистическими лозунгами, АПРА получила большое количество голосов на выборах в парламент. Однако кабинет, сформированный без участия АПРА, но при ее активной поддержке, проводил реакционную политику. Были арестованы многие демократические деятели, в том числе лидер компартии Хуан Баррио. АПРА все более превращалась в агентуру иностранного — в первую очередь американского — империализма. Несмотря на усиливавшуюся внешнеполитическую экспансию США, апристы и их лидер Айя де ла Торре пытались, вопреки очевидным фактам, доказать народным массам, буд-

то бы империализм США перестал угрожать независимости стран Латинской Америки. В 1946 г. перуанский Конгресс, находившийся под влиянием апристов, утвердил передачу новых нефтяных концессий площадью в 5,5 млн. акров земли в Северном Перу компании «Стандард Ойл». Против этого решения Конгресса началось массовое народное движение, возглавляемое коммунистической партией Перу. Стремясь захватить власть в свои руки, апристы, опираясь на помощь «Стандард Ойл», усилили свою борьбу против правительства.

В октябре 1947 г. было сформировано новое правительство, главным образом из военных, которое уже в июне 1948 г. уступило место правительству, образованному Бустаманте из представителей армии и гражданских лиц. Бустаманте присвоил себе чрезвычайные полномочия и отказался произвести назначенный на 28 июля созыв Конгресса. 3 октября 1948 г. в порту Кальяо началось восстание на военных кораблях и в морском арсенале, которое правительству удалось подавить только в результате ожесточенных боев. «Народная партия» была объявлена вне закона.

Политические партии

Народная партия, до 1944 г. носила название «Партидо Априста», или АПРА («Народно-революционный альянс Америки») — партия профашистского типа. Образовалась в 1924 г. Первоначально выступала с антиимпериалистическими требованиями, в дальнейшем превратилась в агентуру американских монополий в Латинской Америке.

На выборах 1946 г. партия получила 56 мест (из 143) в Палате депутатов и 16 мест (из 48) в Сенате. Лидер партии — Рауль Айя де ла Торре. Деятельность партии запрещена 3 октября 1948 г.

Национально-аграрная партия — реакционная партия помещиков.

Гражданская партия — реакционная партия, защищающая интересы помещиков и католической церкви.

Либеральная партия — буржуазная партия. Выступает за децентрализацию управления и ряд социальных реформ.

Партия независимого гражданского действия — буржуазная партия. На выборах 1946 г. получила 14 мест в Палате депутатов и 7 мест в Сенате. Выступает против предоставления концессий империалистам США.

Коммунистическая партия образовалась из левых элементов социалистической партии. Работала в основном в условиях подполья. В мае 1947 г. партия насчитывала около 30.000 членов (в 1942 г. — 1.500 человек). Запрещена в ноябре 1948 г.

На выборах 1946 г. партия получила 4 места в Палате депутатов.

Социалистическая партия — реформистская партия. На выборах 1946 г. получила 3 места в Сенате и 2 места в Палате депутатов.

Коммунистическая партия, социалистическая партия и другие левые организации входят в созданную в январе 1947 г. «народную коалицию», которая добивается аграрной реформы, национализации нефтяной промышленности, развития национальной промышленности, разрыва отношений с Франко и установления дипломатических отношений с Советским Союзом.

В Перу существует также множество других партий, деятельность и самое существование которых связано с избирательными кампаниями. Так, избирательный блок 1946 г., созданный для сопротивления АПРА и для борьбы за создание национального правительства, называвшийся «Национально-демократическим фронтом», получил 23 места в Палате депутатов и 8 места в Сенате. Этот блок состоял из следующих партий: 1) «Революционный союз», 2) *социально-христианская партия*, 3) *социально-республиканская партия*, 4) «Подлинно социалистическая партия».

ПУЭРТО-РИКО

ПУЭРТО-РИКО, PUERTO RICO, остров в Вест-Индии, владение США.

Население более 4 миллионов человек, пуэрториканцы — креолы, мулаты, негры. Официальный язык — английский и испанский. Основная религия — католицизм. Главный город — Сан-Хуан. Административно-территориальное деление — 78 муниципий.

С древнейших времен остров Пуэрто-Рико населяли индейские племена.

В начале XVI века остров был завоеван испанскими конкистадорами.

В 1898 году, в ходе испано-американской войны остров Пуэрто-Рико был оккупирован армией США.

САЛЬВАДОР

САЛЬВАДОР, РЕСПУБЛИКА ЭЛЬ-САЛЬВАДОР, REPUBLICA DE EL SALVADOR, государство в Центральной Америке.

Население более 5 миллионов человек, в основном испано-индейские метисы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Сан-Сальвадор.

Глава государства и правительства — президент.

Законодательный орган — Законодательное собрание.

С древнейших времен Сальвадор населяли индейские племена; в I—VII веках в Сальвадоре жили индейские племена майя.

В 1524—1528 годах Сальвадор был завоеван испанскими конкистадорами Педро де Альварадо. С 1560 по 1821 год сальвадорские земли входили в состав генерал-капитанства Гватемала.

В 1821 году Сальвадор получил независимость и до 1838 года входил в состав федерации Соединенные провинции Центральной Америки.

С 1841 года Сальвадор — суверенная республика.

Исторический очерк

В 1524 г. на территорию Сальвадора прибыли из Мексики через Гватемалу испанские конкистадоры, возглавляемые Педро де Альварадо, захватившие в следующем году главный город местных индейских племен Кускатлан. Основанный в 1528 г. город Сан-Сальвадор был вскоре оставлен и в 1539 г. был заложен новый город того же названия на месте современной столицы. Испанские конкистадоры поделили завоеванные земли. Образовался класс крупных владельцев латифундий, беспощадно эксплуатировавших труд поработанных индейцев. Индейское население было в основном истреблено; часть его смешалась с завоевателями. В колониальный период территория, составившая в дальнейшем Сальвадор, входила в состав генерал-капитанства Гватемалы. В 1821 г., после провозглашения независимости от Испании, Сальвадор был насильственно включен в состав мексиканской империи Итурбиде (см. Мексика, Исторический очерк). В 1824—1839 гг. Сальвадор входил в состав федерации республик Центральной Америки, вся история которой была заполнена непрерывными усобицами. Борьба внутри Сальвадора велась между партиями либералов и консерваторов, опиравшихся обычно на поддержку единомышленников в соседних республиках. Недовольные засилием консерваторов Гватемалы, пытавшихся проводить централистскую политику в федерации, сальвадорцы помогли Франсиско Морасану из Гондураса стать федеральным президентом (1830 г.). Последний перенес местопребывание федеральных властей в Сальвадор и сделал его центром борьбы против своих противников. После распада Центрально-Американской федерации (1839 г.) господство поддерживавшей Морасана либеральной партии Сальвадора было свергнуто в результате вооруженной интервенции войск диктатора Гватемалы Каррера (1840 г.). Правительство Сальвадора подпало под контроль ставленника Каррера — Малеспина. В 1845 г., после кровавой борьбы, к власти вновь вернулись либералы, но в 1852 г. они опять были свергнуты консерваторами, опиравшимися на помощь Каррера. Кратковременное пребывание у власти либералов (1860—1862 гг.) повлекло новую войну с Каррера, в результате которой власть вновь перешла в руки консерваторов, возглавляемых Дуэнасом (1863—1871 гг.). Последний в 1871 г. был свергнут либералом Гонсалесом (1871—1876 гг.). После короткого правления Валье, во время которого происходила новая война с Гватемалой, он был заменен сподвижником Дуэнаса — Рафаэлем Сальдиваром, правившим до 1885 г. При

нем происходили новые военные столкновения с Гватемалой. Сальдивар был свергнут Франсиско Менендесом, оставшимся у власти до 1890 г. В последующие годы в стране воцарилась военная диктатура братьев Эсета. В 1894 г. в результате переворота их сменил Рафаэль Гутьеррес, при котором произошла новая попытка создания федерации центрально-американских республик. В 1898 г. его сменил Регаладо (до 1903 г.). Во время правления Эскалона (1903—1907) страна была вовлечена в войну с Гватемалой (1906 г.). После правления Фигероа (1907—1911) и сменившего его Араухо, который вскоре был убит, президентом стал бывший вице-президент Карлос Мелендес (1913—1919), представитель одной из богатейших семей, многие члены которой занимали видные правительственные посты. Во время его правления и в последующий период происходили отдельные восстания, но число пронунсиаменто (военных переворотов) резко уменьшилось.

В конце XIX — начале XX вв. резко усилилось проникновение в страну северо-американского капитала. Вмешательство в дела Сальвадора со стороны соседей, которые поощряли борьбу консервативной и либеральной партий, уменьшилось под давлением американского империализма, желавшего прекратить дальнейшие беспорядки в войны между зависимыми от него республиками Центральной Америки. Карлоса Мелендеса сменил его брат Хорхе Мелендес (1919—1923), в годы правления которого имела место новая попытка организовать Центрально-Американскую федерацию. Его сменил родственник Мелендесов Альфонсо Кинонес (1923—1927). Президент Ромеро Боске (1927—1931) установил более либеральный режим. Его преемник Араухо был свергнут 2.12.1931 г. в результате переворота, произведенного генералом Мартинесом, который установил в стране режим военной террористической диктатуры. В 1932 г. правящая клика во главе с Мартинесом зверски подавила восстание рабочих и крестьян, возглавленной компартией. Вопреки конституции, позволяющей объявлять осадное положение лишь на три месяца, Мартинес, введя его, так и не отменял в последующие годы. Сальвадор был единственной латиноамериканской страной, присоединившейся к «антикоминтерновскому пакту», и первым признал фашистское испанское правительство Франко.

В декабре 1941 г., после вступления США во вторую мировую войну, Сальвадор объявил войну Японии, Германии и Италии.

Во время войны резко усилились и без того прочные позиции американского капитала, поставившего под контроль экономику страны.

В мае 1944 г. в результате широкого народного движения Мартинес вынужден был уйти в отставку. Временным президентом стал военный министр Менендес, который в октябре был свергнут полковников Агир-

ре-и-Салинас. В январе 1945 г. президентом Сальвадора был избран Касаньеда Кастро. Вынужденный вначале провести некоторые либеральные мероприятия, Кастро создал затем режим, ничем не отличающийся от диктаторских режимов его предшественников.

Политические партии

Национальная сальвадорская партия («Партидо насиональ пропатри») — правительственная партия фалангистского типа, объединяет главным образом правительственных чиновников.

«*Национальный союз трудящихся*» — партия реформистского направления.

«*Демократический союз*» — буржуазно-либеральная партия.

«*Аграрная партия*» — реакционная партия выражает интересы крупных землевладельцев.

Политическая деятельность всех партий, за исключением правительственной, в условиях осадного положения, введенного правительством в 1946 г., сильно ограничена.

СЕНТ-ВИСЕНТ И ГРЕНАДИНЫ

СЕНТ-ВИСЕНТ И ГРЕНАДИНЫ, SAINT VINCENT AND GRENADINES, государство на одноименных островах в Карибском море в Вест-Индии; член Содружества.

Население около 150 тысяч человек, негры и мулаты. Официальный язык — английский. Основная религия — христианство. Столица — Кингстаун. Административно-территориальное деление — 14 департаментов.

Глава государства — королева Великобритании, представленная генерал-губернатором.

С древнейших времен острова Сент-Висент и Гренадины населяли индейские племена.

Острова Сент-Висент и Гренадины открыты Христофором Колумбом в 1498 году в день святого Винцента.

С 1763 года Сент-Висент и Гренадины — колония Великобритании.

С октября 1979 года Сент-Висент и Гренадины — суверенное государство.

СЕНТ-ЛЮСИЯ

СЕНТ-ЛЮСИЯ, SAINT LUCIA, государство на одноименном острове в архипелаге Малых Антильских островов в Карибском море в Вест-Индии; член Содружества.

Население около 150 тысяч человек, негры и мулаты. Официальный язык — английский. Основная религия — христианство. Столица — Кастри.

Глава государства — королева Великобритании, представленная генералгубернатором.

С древнейших времен остров Сент-Люсия населяли индейские племена.

Сент-Люсия был открыт англичанами в начале XVII века.

С 1814 года Сент-Люсия — владение Великобритании.

С 1979 года Сент-Люсия — независимое государство.

СУРИНАМ

СУРИНАМ, SURINAM, РЕСПУБЛИКА СУРИНАМ, государство на северо-востоке Южной Америки.

Население около полумиллиона человек, индейцы и креолы. Официальный язык — голландский. Основные религии — индуизм, христианство, мусульманство.

Столица — Парамарибо. Административно-территориальное деление — 9 округов.

Глава государства — президент. Законодательный орган — Национальное собрание.

С древнейших времен Суринам населяли индейские племена.

Суринам открыт испанцами в 1500 году. Колонизация Суринама проводилась Англией, в 1667 году передавшей Суринам Нидерландам в обмен на земли в Северной Америке. Со второй половины XVII века Суринам — Нидерландская Гвиана, колония Нидерландов.

С 1922 года Суринам — «Присоединенная территория Королевства Нидерландов».

С 1975 года Суринам — независимое государство.

ТРИНИДАД И ТОБАГО

ТРИНИДАД И ТОБАГО, РЕСПУБЛИКА ТРИНИДАД И ТОБАГО, REPUBLIC OF TRINIDAD AND TOBAGO, государство на одноименных островах в Карибском море в Вест-Индии.

Население около полутора миллионов человек, негры и индейцы. Официальный язык — английский. Основная религия — христианство. Столица — Порт-оф-Спейн. Административно-территориальное деление — 9 графств.

Глава государства — президент. Законодательный орган — парламент из Палаты представителей и Сената.

С древнейших времен острова Тринидад и Тобаго населяли индейские племена.

В 1498 году острова Тринидад и Тобаго были открыты Христофором Колумбом и колонизированы испанцами.

С конца XVIII века Тринидад и Тобаго — колонии Великобритании. В 1888 году острова объединены в одну колонию.

С 31 августа 1962 года Тринидад и Тобаго — независимое государство, с 1 августа 1976 года — республика.

УРУГВАЙ

УРУГВАЙ, ВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА УРУГВАЙ, REPUBLICA ORIENTAL DEL URUGUAY, государство в Южной Америке.

Население более 3 миллионов человек, уругвайцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Монтевидео. Административно-территориальное деление — 19 департаментов.

Глава государства и правительства — президент.

Законодательный орган — двухпалатный парламент.

С древнейших времен Уругвай населяли индейские племена.

С XVI века Уругвай колонизирован испанцами и португальцами; с 1750 года — колония Испании, вошедшая в состав вице-королевства Рио-де-Ла-Плата.

В 1811 году Уругвай стал независимым государством.

В 1816 году Уругвай был занят португальцами; с 1821 года Уругвай — в составе Бразильской империи; с 1825 года — в составе Аргентины.

С 1828 года Уругвай — независимая республика.

С 1983 года в Уругвае действует новая конституция.

Исторический очерк

Уругвай был открыт в 1512 г. испанским мореплавателем Хуаном Диасом де Солисом. В течение трех столетий он был ареной ожесточенной борьбы между испанскими конкистадорами и местным индейским населением (племена чарруа). В 1726 г. испанцам удалось прочно закрепиться на берегу Ла-Платы, где ими было основано поселение Монтевидео, ставшее опорным пунктом их дальнейшего проникновения в Уругвай (современный Уругвай в колониальный период назывался «Восточным берегом»). Борьба испанцев против индейцев продолжалась до начала XIX в., т. е. до тех пор, пока не были истреблены последние остатки не желавших покоряться индейцев. Одновременно испанцам пришлось выдерживать борьбу с проникшими из Бразилии португальцами, которые упорно стремились овладеть Монтевидео и которые лишь в 1777 г.

были изгнаны из Уругвая. Во второй половине XVIII в. территории современных нам Уругвая, Боливии, Парагвая и Аргентины были объединены в одно вице-королевство Ла-Плата с центром в Буэнос-Айресе (1776 г.). В начале XIX в. провинциями Ла-Платы стремятся овладеть англичане. Во время английской интервенции 1806—1807 гг. (закончившейся изгнанием оккупационных войск) в 1807 г. Монтевидео был захвачен англичанами, но через несколько месяцев они вынуждены были оставить его, потерпев поражение в сражении за Буэнос-Айрес. После свержения испанского господства в Буэнос-Айресе в 1810 г. и установления независимости Ла-Платы в 1814 г. войска Буэнос-Айрес захватили Уругвай. Испанское господство в стране было таким образом свергнуто. Однако федералистско-демократические элементы Уругвая, возглавленные Мануэлем Артигасом после изгнания испанцев, выступили против войск Буэнос-Айреса и в феврале 1815 г. заняли Монтевидео. Вскоре в борьбу вмешались португальские власти в Бразилии. В 1817 г. португальцам, несмотря на упорное сопротивление войск Буэнос-Айреса и самих уругвайцев, удалось овладеть Монтевидео и присоединить Уругвай к Бразилии под названием Цислатинской провинции. После отложения Бразилии от Португалии началась Аргентино-бразильская война за обладание Уругваем. Она продолжалась с 1825 г. по 1828 г. и закончилась подписанием мирного договора в Рио-де-Жанейро, по которому Уругвай был признан независимой республикой. Главную роль в достижении Уругваем своей независимости сыграло широкое освободительное движение уругвайского народа, во главе которого стояли Лавальеха и генерал Ривера.

Собравшийся в Монтевидео в 1830 г. национальный конгресс выработал конституцию, положившую начало существованию новой республики (Республика Ориенталь дель Уругвай). Законодательная власть, согласно этой конституции, принадлежала законодательному собранию, которое состояло из двух палат: Сената из 19 членов (от каждой провинции по одному), избираемых на 16 лет двухстепенным голосованием, и Палаты депутатов, которая избиралась прямым голосованием на основе пропорционального представительства. Пассивное избирательное право было ограничено высоким имущественным цензом. Вся полнота исполнительной власти была сосредоточена в руках президента, который избирался на 4 года на совместном заседании палат. Президент назначал министров, ответственных лишь перед ним. Первая конституция Уругвая просуществовала до 1919 г.

Первым президентом республики был избран герой освободительной войны против Бразилии генерал Фруктуоса Ривера (1830—1835). В первой половине XIX в провинциях Уругвая властвовали крупные помещи-

ки-скотоводы. Вокруг их гасиенд были разбросаны земельные участки средних и мелких скотоводов и землевладельцев, находившихся в экономической зависимости от владельцев латифундий. Существовал также значительный слой сельскохозяйственных рабочих, не имеющих земли и другого недвижимого имущества. Усиление торговой и промышленной буржуазии привело к образованию в стране политических партий. Борьба развернулась между двумя партиями. Одна из них, руководимая первоначально Лавальехой и Ориве, представляла интересы крупных землевладельцев и скотоводов, враждебных всяким реформам, которые могли бы поколебать феодальную и рабовладельческую систему, преобладавшую тогда в крупных поместьях северных районов страны, несмотря на то, что уругвайская конституция формально отменила рабство. Другая партия, во главе которой стоял Ривера, объединяла буржуазию, опиравшуюся на широкие слои ремесленников и неимущего населения, заинтересованных в прогрессивном развитии страны. Каждая из этих партий не представляла собой однородной политической силы. В период острых экономических и политических кризисов в обеих партиях возникали глубокие разногласия, порождавшие союзы между их реакционными фракциями.

В 1832 г. сторонники Лавальеха и Ориве предприняли попытку свергнуть власть президента Ривера, но потерпели неудачу. Однако в 1835 г. Мануэль Ориве одержал победу на президентских выборах. Не желая мириться с этим, риверисты подняли восстание, в результате которого пост президента снова занял Ривера (1838 г.), а Ориве был вынужден бежать в Аргентину. Заручившись поддержкой аргентинских войск, сторонники Ориве в 1842 г. осадили Монтевидео. С этого момента началась «Великая война», продолжавшаяся с 1842 по 1851 г. С осадой Монтевидео связан эпизод уругвайской истории, из которого родились названия двух традиционных партий: защитники столицы носили отличительные знаки красного цвета, а осаждающие — белого цвета. Так риверисты стали называться «колорадо» (красные), а партия Ориве получила наименование «бланко» (белые).

Гражданская война в Уругвае, поощряемая Аргентиной, выступившей на стороне «белых», была использована Англией и Францией как предлог для вмешательства в дела Уругвая. Эти страны потребовали в 1845 г. от аргентинского правителя Росаса прекращения военных действий против Уругвая, а затем ввели в действие свой флот, нанеся поражение флоту Аргентины. После прекращения военных действий Англией и Францией, гражданская война в Уругвае продолжалась. Ее исход решило выступление Бразилии на стороне «красных». В 1851 г. бразильские войска принудили Ориве снять осаду с Монтевидео, а затем

разбили его армию. Одновременно потерпели поражение и войска Росаса, против которых действовал союзник «красных» губернатор аргентинской провинции Энтре-Риос Уркиса.

После окончания «Великой войны» в обеих враждовавших партиях усилились левые фракции. Желая умиротворить страну и восстановить ее экономику, они объединились и добились в 1852 г. избрания президентом своего кандидата Хуана Франсиско Хиро, принадлежавшего к партии бланко. Однако год спустя Хиро был свергнут в результате реакционного военного переворота, организованного лидерами как бланко, так и колорадо. Власть перешла в руки триумvirата в составе Фруктуосо Ривера, Венансио Флорес (колорадо) и Хуана Антонио Лавальеха (бланко).

После смерти Лавальеха и Ривера в 1854 г. президентский пост последовательно занимали ставленники колорадо — Флорес, Бустаменте и Перейра (1856—1860). Затем власть перешла к представителям партии бланко — Берро (1860—1863) и Агирру (1864—1865). Эта президентская чехарда, происходила в обстановке непрекращавшихся междуусобиц, заговоров, восстаний, убийств и т. п. Эмигрировавший после потери власти в Аргентину Флорес в 1863 г. высадился в Уругвае и поднял восстание против Берро, но был разбит. Однако через два года он, пользуясь тем, что уругвайское правительство занято войной с Бразилией (1864—1865 гг.), организовал новое восстание. На этот раз Флоресу удалось свергнуть власть бланко в лице Агирра; он объявил себя главой временного правительства, а затем был «избран» президентом. Правление Флореса (1865—1866) ознаменовалось рядом важных событий. Он заключил мир с Бразилией (1865 г.) и вместе с бразильским и аргентинским правительствами объявил войну Парагваю, которая продолжалась до 1870 г. (см. Парагвай, Исторический очерк) и закончилась поражением последнего. При Флоресе началось строительство железных дорог, создание телефонной сети. В 1868 г. Флорес был убит политическими противниками из партии бланко.

В годы президентства представителя колорадо генерала Батлье (1868—1871) продолжалась ожесточенная борьба партий и фракций. В течение четырех последующих лет сменилось 3 президента. Страна была приведена в упадок. В 1876 г. произошел очередной государственный переворот, в результате которого установилась 4-летняя диктатура полковника Латорре (1876—1880 гг.). Латорре на после президента сменил Видаль, который через два года был свергнут генералом Сантосом. После Сантоса (1882—1886), сумевшего подавить несколько восстаний, президентом стал генерал Тахес (1886—1890). При Тахесе и его преемнике Эррера (1890—1894) в Уругвае оживилась торговля и промышленная деятельность, усилился приток иммигрантов, возобновилась выплата процентов по госу-

дарственному долгу. Однако при президенте Борда (1894—1897) в столице вспыхнуло большое восстание, организованное партией бланко. Борда был убит. В 1899 г., после подавления восстания, вице-президент Куэстас был избран президентом и оставался им до 1903 г. Несмотря на политическую смуту, вызванную острой и непрерывной борьбой различных групп господствующих классов, экономика Уругвая развивалась во второй половине XIX века и особенно в 80—90 гг. Создание мясоконсервной промышленности дало сильный толчок развитию основной отрасли уругвайского хозяйства — животноводству. Увеличилась и внешняя торговля Уругвая. Большую роль в экономическом развитии страны сыграл иностранный и главным образом английский капитал. Железные дороги и предприятия общественного пользования были построены англичанами. Значительные суммы Англия вкладывала в государственные займы. Она поглощала большую часть уругвайского экспорта. Североамериканский капитал создал и эксплуатировал мясохолодильную промышленность. Проникновение иностранного капитала в Уругвай поставило местную буржуазию в зависимое положение: уругвайское правительство вынуждено было проводить политику, угодную иностранцам. Соперничество же между иностранными империалистами еще больше осложняло внутриполитическое положение Уругвая.

По мере того, как в стране обострялись классовые противоречия, а также противоречия между различными империалистическими интересами, ослабевали и традиционные связи, которые удерживали в относительном единении ряды партий бланко и колорадо. Борьба внутри каждой из этих партий развивалась в основном по двум направлениям: с одной стороны, усиливались столкновения между партийными лидерами, представлявшими различные социальные силы и различные иностранные интересы, с другой — партийные массы, уже получившие политический опыт, начали выдвигать собственные требования.

Происшедшие в стране классовые сдвиги раньше и лучше других понял один из политических вождей радикальной буржуазии Хосе Батлье-и-Ордоньес, который начал выдвигать новые буржуазно-демократические лозунги. Впервые в истории Уругвая возникли политические клубы, в которые привлекались широкие слои населения агитацией за удовлетворение их экономических требований и тем, что отстаивалось право рядовых членов партии участвовать в выборах партийного руководства. Общеполитическая программа, выдвинутая Батлье, требовала введения демократических свобод, содействия развитию национальной промышленности путем покровительственных законов, расширения бесплатного народного образования, отделения церкви от государства и т. д. Батлье со страниц своей газеты «Эль Диа» поощрял развитие первых проф-

союзных организаций, возникших в конце XIX в. В 1903 г. Батлье был избран президентом.

В период своего первого президентства (1903—1907 гг.) Хосе Батлье, подавив два вооруженных восстания, поднятых партией бланко, провел ряд важных мероприятий: он стал строить дороги и мосты, провел законы, покровительствующие местной индустрии, благодаря которым уменьшился ввоз в страну промышленных изделий и увеличился импорт сырья. В то же время Батлье предоставил английской компании концессию на эксплуатацию трамвайных линий в Монтевидео. Владелец латифундий Батлье старался не трогать.

В 1907 г. президентом был избран Клаудио Вилиман. Его правление характеризуется угодничеством перед иностранным капиталом и жестоким преследованием рабочего движения. Свое обещание продолжать деятельность, начатую Батлье, Вилиман не выполнил, что обеспечило победу Батлье на президентских выборах в 1911 г.

В период своего второго президентства (1911—1915) Батлье пришлось выдержать борьбу с еще более сильной оппозицией, чем раньше: против реформ Батлье стали открыто выступать английские капиталисты, которые в его плане национализации предприятий общественного обслуживания и расширения государственного контроля видели угрозу своим интересам. Главная причина недовольства Англии заключалась в том, что Батлье с самого начала своей политической деятельности в борьбе против английского капитала ориентировался на США и получал от них займы.

На выборах 30 июля 1916 г. в Учредительное собрание, созываемое для рассмотрения проекта Батлье об установлении коллегиального управления (согласно этому проекту должность президента должна быть заменена административным национальным советом), оппозиционная фракция Колорадо во главе с Риосом отделилась и образовала новую партию — «Колорадо ривериста». Эта партия выступила совместно с Национальной партией (бывшая партия бланко), которая также использовала проект коллегиального управления в качестве предлога для усиления борьбы против батльизма.

Новая коалиция нанесла поражение батльизму на выборах, собрав 90 тыс. голосов из 143 тыс. Однако благодаря решительной позиции передовой части народа, Учредительное собрание пошло на компромисс. Окончательно утвержденная в 1919 г. новая демократическая конституция сохраняла должность президента республики, но сильно ограничивала его власть, подчинив президенту лишь два министерства — внутренних дел и военное. Руководство остальными министерствами было вверено Государственному административному совету из 9 членов, избираемому прямым и тайным голосованием. Вводилось также всеобщее избиратель-

ное право, пропорциональное представительство, система плебесцитов, автономия муниципальных управлений и отделение церкви от государства. В 1920 г. образовалась компартия.

За период второго президентства Батлье (1915 г.) и до государственного переворота 31.03.1933 г. находившаяся в то время у власти партия батльистов осуществила ряд прогрессивных реформ: расширение государственного контроля над промышленностью, национализация Республиканского и Ипотечного банков; установление государственной монополии на некоторые отрасли общественного обслуживания, например, электрическая энергия и водопровод и т. д.; покровительство национальной промышленности посредством создания таможенных барьеров; установление тайного голосования; расширение прав местного самоуправления; рабочее и социальное законодательство.

В 1926 г. между СССР и Уругваем были установлены дипломатические отношения. Пост президента республики в период реформ после 1915 г., когда окончились полномочия Хосе Батлье, занимали батльисты Визеры (1915—1919 гг.), Серрато (1923—1927 гг.), Кампистеги (риверист, 1927—1931 гг.) и Терра (с 1931 г.). Избрание в 1927 г. президентом Кампистеги явилось результатом ослабления батльистов, которые уже не были к тому времени уверены в своей победе на выборах, и чтобы заручиться поддержкой риверистов, уступили им президентский пост. Ослабление батльизма объясняется рядом причин. Батлье, который в начале деятельности поощрял профсоюзное движение рабочих, был противником классовой борьбы пролетариата. Батлье и его сторонники не тронули полуфеодальный уклад деревни. В Уругвае установилось резкое противоречие между буржуазно-демократическим политическим строем и полуфеодальной экономической структурой, на которой этот строй покоился. Таким образом существование демократических учреждений страны не имело твердой почвы. И, наконец, несмотря на стремление Батлье смягчить господство британского империализма, решающие экономические позиции были все же оставлены в руках английского капитализма. Крупные землевладельцы и иностранные империалисты воспользовались слабостью батльизма, чтобы отнять у него власть. Избранный батльистами президент Терра вошел в соглашение с лидером Национальной партии Эррерой и при его участии 31.03.1933 г. произвел государственный переворот. Опираясь на вооруженную силу, он распустил парламент и установил диктатуру, которая просуществовала до 1938 г. Успеху гос. переворота способствовала демагогическая социальная пропаганда Терры. Однако вместе отмены старых налогов были введены новые, зарплата государственным рабочим понижена, в то время как английские концессионеры получили новые привилегии. Кроме того, была

выработана особая система денежного размена для продажи скота за границу, которая благоприятствовала крупным скотоводам за счет народных масс. В политической области государственный переворот ознаменовался введением новой конституции, принятой Учредительным собранием в апреле 1934 г. Эта конституция усилила власть президента и отменила коллегияльную систему управления. Сенат составлялся из представителей двух партий, получивших наибольшее количество голосов на выборах, т. е. из колорадо и бланко, причем каждая из них в любом случае получала половину мест. Совет министров должен был на одну треть состоять из представителей от второй по количеству полученных голосов партии, т. е. от эрреристов. Таким образом без согласия эрреристов (располагавших половиной мандатов в Сенате и тремя министерствами) не мог быть решен ни один вопрос. Учредительное собрание продлило срок пребывания Терра на посту президента еще на 4 года, т. е. до 1938 г. В декабре 1935 г., пытаясь взвалить на советскую миссию ответственность за восстание в Бразилии, правительство Уругвая порвало дипломатические отношения с СССР. Реакционная политика Терра вызвала большое недовольство уругвайского народа и углубила разногласия внутри партии терристов. С наступлением выборов эта партия окончательно раскололась. Были выдвинуты две кандидатуры: генерала Бальдомира, вокруг которого сгруппировались все недовольные политикой диктатуры, и доктора Бланко-Асеведа, поддерживаемого реакционерами. С победой Бальдомира на президентских выборах в 1938 г. окончила свое существование партия терристов, породив две новых партии: колорадо — бальдомиристов и бланко-асеведастов. Старая партия колорадо таким образом разделилась на ряд враждующих партий. Придя к власти, Бальдомир (1938—1942 гг.) оказался под давлением двух противоположных сил: народа, который требовал обещанного восстановления демократии и экономических улучшений, и эрреризма, который противился всякому социальному законодательству и, тем более, конституционной реформе. Эти противоречия обострились с началом второй мировой войны и, особенно, после нападения гитлеровцев на Советский Союз. В то время как симпатии бальдомиристов были на стороне союзников, эрреризм старался под маской нейтралитета действовать в пользу держав оси. Делая уступки то народу, то эрреристам, Бальдомир так и не смог осуществить реформу конституции. Ввиду этого 21.02.1942 г., за месяц до новых выборов, он распустил парламент и сформировал Государственный совет с участием батильистов и при поддержке всех демократических партий (в том числе и коммунистической). Несколько месяцев спустя была осуществлена реформа конституции: восстановлено пропорциональное представительство в Сенате, расширена автономия муниципальных управле-

ний. Обеспечив демократизацию внутреннего порядка, правительство Бальдомира в январе 1942 г. порвало отношения с державами оси. В январе 1943 г. были восстановлены дипломатические отношения СССР с Уругваем. На президентских выборах в ноябре 1942 г. батильисты и бальдомиристы голосовали за общего кандидата — доктора Амесага, известного деятеля, сыгравшего видную роль в демократизации уругвайской конституции в качестве члена Государственного совета. Бланко-асеведасты выдвинули кандидатуру своего лидера — Бланко-Асеведа. Президентом был избран Амесага.

В период пребывания у власти Амесага (1942—1946 гг.) в Уругвае заметно усилилось влияние соединенных Штатов. Ярким примером этого может служить нота, с которой уругвайское правительство обратилось 21.11.1945 г. к министрам американских республик. В этой ноте Уругвай предложил принять принцип коллективного вмешательства американских стран во внутренние дела любой американской страны, если ее правительство лишает граждан основных прав человека или не выполняет своих международных обязательств*. Таким образом Уругвай явился проводником идеи панамериканизма, отражающей стремление империализма Соединенных Штатов к установлению своего безраздельного господства в странах Латинской Америки. Уругвайская нота была решительно отвергнута подавляющим большинством латиноамериканских республик. В области внутренней политики президентство Амесага ознаменовалось ростом экономических затруднений и понижением жизненного уровня народа, что привело к усилению забастовочного движения в стране. Правительство Амесага под давлением трудящихся издало законы о повышении заработной платы, о платных отпусках, о снижении квартирной платы и т. п. Однако эти полумеры не могли изменить тяжелое экономическое положение уругвайского народа. В стране по-прежнему хозяйничают иностранцы. Огромным социальным злом является и сохранение полуфеодалной формы землевладения. В 1946 г. президентом республики был избран представитель партии батильистов Томас Беррета.

Совместное выступление враждовавших ранее фракций партии колорадо на выборах 1946 г. в значительной степени объясняется американским влиянием. После раскрытия антиправительственного заговора в январе 1947 г. в стране было объявлено осадное положение. Под давлением реакционных элементов 27.02.1947 г. было сформировано новое однопартийное правительство, в состав которого вошли представители фракций колорадо, что вызвало оппозицию других партий. Правительство Беррета не провело мероприятий, обещанных народу во время избирательной кампании. Принятый в июне 1947 г. закон об установлении твердых цен в целях борьбы со спекуляцией, не мог приостановить ухудшающегося экономического положения Уругвая. 25.06.1947 г. был принят

антирабочий закон, ограничивающий деятельность профсоюзов и запрещающий забастовки на предприятиях общественного обслуживания. 3.08.1947 г. президентом стал Баталье Беррес, заменивший ушедшего по болезни в отставку Беррета. 22.12.1947 г. было сформировано правительство, также состоящее из представителей партии колорадо, связанное с монополистическими кругами США и Англии и выступающее за укрепление связей с Аргентиной.

Политические партии

Партия «колорадо», основана в 1835 г. Выражает интересы крупной буржуазии, однако в ее рядах есть немало представителей мелкой буржуазии. В результате ряда расколов разделилась на ряд самостоятельных фракций:

«Колорадо Батльисмо» названа по имени бывшего президента Батлье. Образовалась из левого крыла партии «колорадо».

«Колорадо пара сервир аль паис» (бальдомиристы), партия сторонников бывшего президента Бальдомира. В ее состав вошли правые группировки «колорадо».

«Колорадо либертад и хустисия», партия сторонников Бланко-Асведа. В начале занимала реакционную, профашистскую позицию, но позже превратилась в буржуазную партию Центра.

«Колорадо ривериста», включает в свои ряды крайне правые элементы «колорадо». Официально была распущена, но фактически продолжает свою деятельность.

На выборах 1946 г. все фракции партии «колорадо» выступили совместно, получив 48 мест в Палате депутатов и 15 мест в Сенате.

Национальная партия, бывшая партия бланко, существует с 1835 г. представляет интересы крупных помещиков, тесно связана с английскими капиталистами (владельцами железных дорог и др.). Лидер — Эррера. На выборах 1946 г. получил 31 место в Палате депутатов и 10 мест в Сенате.

Независимая партия бланко, левое крыло, отколовшееся от Национальной партии. часто блокируется с партией «Колорадо Батльисмо». На выборах 1946 г. получала 9 мест в Палате депутатов и 3 места в Сенате.

Социалистическая партия, ведет систематическую борьбу против коммунистов, особенно по вопросам профсоюзного движения и внутриполитического положения в стране. Имеет 2 депутатов в Палате депутатов.

ЧИЛИ

ЧИЛИ, РЕСПУБЛИКА ЧИЛИ, REPUBLICA DE CHILE, государство на юго-западе Южной Америки.

Население около 14 миллионов человек, чилийцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Сантьяго. Административно-территориальное деление — 13 областей.

Глава государства и правительства — президент.

Законодательный орган — двухпалатный Национальный конгресс.

С древнейших времен Чили населяли индейские племена.

В конце XIV века часть территории Чили была завоевана инками и вошла в состав их государства.

В XVI веке Чили завоевана испанскими конкистадорами во главе с Педро де Вальдивия.

С 1 января 1818 года Чили — независимое государство.

Исторический очерк

В период, непосредственно предшествовавший испанскому завоеванию, северная часть Чили входила в состав государства инков (см. Перу, Исторический очерк), а юг был заселен индейцами арауканцами. В 1535 г. в Чили прибыл, после покорения Перу, сподвижник Писарро — Альмагро, который, однако, вскоре покинул страну. В 1530 г. другой сподвижник Писарро — Пьетро де Вальдивия — организовал новую экспедицию, которая основала города Сантьяго (1541 г.), Консепсьон (1550 г.), Вальдивия и др. и завоевала значительную часть побережья. Дальнейшее продвижение испанцев натолкнулось на упорно сопротивление арауканцев, в сражениях с которыми погиб и сам Вальдивия. Завоеванные земли и покоренное туземное население были поделены между завоевателями, многие из которых оказались владельцами громадных латифундий. Испанцы нашли в Чили сравнительно мало залежей драгоценных металлов, и испанская колонизация приняла преимущественно земельный характер. Она сопровождалась жестокой эксплуатацией и истреблением поработанного индейского населения. Корона, заботясь о собственных интересах, пыталась несколько смягчить рабство туземцев. Карл V издал указы, требовавшие, чтобы после смерти владельцев индейцы получали свободу. Но эти эдикты, вследствие саботажа помещиков и колониальных властей, так и остались на бумаге. Часть индейского населения в Чили смешалась с испанскими поселенцами. Между тем основная масса арауканцев продолжала войну против иноземных захватчиков. Многочисленные неудачи в борьбе против арауканцев заставили испанские власти пойти на временное прекращение войны с туземцами и даже на признание независимости арауканцев (1655 г.). Испанцы попытались добиться «мирного» покорения индейцев с помощью католических миссионеров. Когда же эта попытка окончилась неудачей, испанцы возобновили войну. В течение всего XVII в. «военные» периоды сме-

нялись «мирными», но ни силой оружия, ни с помощью миссионеров испанцам так и не удалось привести к покорности индейцев и продвигнуть границу завоеванной территории за 37° ю. ш. Новые попытки добиться покорения арауканцев с помощью оружия вызвали всеобщее восстание индейцев (в 1723 и 1766 гг.). покорения индейцев удалось добиться лишь в начале 80-х гг. XIX в.

Население занятой испанцами территории Чили было разоряемо постоянными контрибуциями, накладываемыми властями для содержания войск. К тому же в течение почти всего колониального периода. Чили подвергалось нападениям голландских и английских корсаров.

В XVIII в. страна переживала известный экономический подъем. Увеличилась продукция земледелия и скотоводства, появляются деревообделочные и железоделательные (в особенности оружейные) мануфактуры, прядильные фабрики. Улучшаются дороги и порты. Однако испанский колониальный режим препятствовал дальнейшему экономическому и культурному развитию страны. народное образование находилось в руках католического духовенства. Подавляющая часть населения не умела читать и писать, причем обучение грамоте бедных и женщин считалось делом предосудительным. Хотя иезуиты, владевшие большими земельными площадями, были изгнаны в 1767 г. из Чили, католическая церковь владела огромными богатствами.

На занятой испанцами территории Чили к концу XVIII в. жило примерно полмиллиона человек. Из них лишь 20 тыс. составляли испанцы, родившиеся в метрополии. Это были высшая бюрократия, духовенство и генералитет, а также наиболее богатое купечество. Креолов было примерно 150—170 тыс. человек. Креолы составляли основную массу помещиков, владельцев копей и мануфактур, купцов, офицеров. Креольская знать покупала у испанского правительства почетные дворянские титулы. Она претендовала на всю власть в стране, принадлежащую испанцам. Метисов в стране было более 300 тыс. Они сохранили обычаи и культуру индейцев. Метисы составляли основную массу пеонов — крестьян, находившихся в полуфеодальной зависимости от помещиков, у которых они снимали на кабальных условиях землю. Помимо того, было около 20 тыс. рабов-негров, использовавшихся обычно в качестве домашних слуг, и двести тысяч уцелевших индейцев. Кроме того, более 10 тыс. арауканцев жили на территории, лишь номинально подчиненной испанцам.

Во второй половине XVIII в. недовольство колониальным режимом, ставшим препятствием для дальнейшего экономического развития страны, охватило в Чили, как и в других странах Латинской Америки, все слои населения, за исключением узкого слоя испанской светской и церковной бюрократии и кучки купцов-монополистов. В январе 1781 г. ис-

панскими властями был раскрыт заговор сепаратистов, возглавлявшийся французами Антуаном Берне и Антуаном Грамюзом и креолом Антонио Рохасом. Сепаратисты надеялись поднять восстание и провозгласить независимость Чили. Даже после раскрытия заговора «трех Антонию» чилийские сепаратисты посылали тайных эмиссаров в Лондон с просьбой о поддержке предполагаемого вооруженного выступления против Испании. Однако проходившие в эти годы (1780—1782 гг.) восстания крестьян (индейцев и метисов), переросшие из антииспанского выступления в движение против крупных землевладельцев, значительно умили сепаратистские устремления креольских помещиков, которые мечтали сбросить испанское иго путем «верхушечной» революции и иностранной интервенции, не прибегая к помощи масс.

В середине 1808 г., узнав о захвате Испании Наполеоном, власти Чили после некоторых колебаний высказались против Жозефа Бонапарта в пользу находившегося в плену у французов Фердинанда VII. 25.05.1810 г. испанцы арестовали главарей сепаратистского заговора во главе с Хосе Антонио Рохасом. Эти аресты вызвали большое возбуждение в стране, возросшее еще более после получения известия об успешной революции в Буэнос-Айресе (см. Аргентина, Исторический очерк). В июле 1810 г. началось восстание в столице Чили — Сантьяго. Созданная креольскими помещиками хунта объявила о низложении перуанского вице-короля, которому в административном отношении было в известной мере подчинено Чили. Хунта вскоре установила свою власть по всей стране (сентябрь 1810 г.). Одним из первых шагов хунты было объявление об открытии чилийских портов для иностранных торговых судов. Вскоре состоялись выборы в Национальный Конгресс, в которых приняли участие лишь креольская знать и ее клиентура. 4.07.1811 г. Конгресс открыл свои заседания. Большая часть депутатов (даже если не считать скрытых роялистов) во главе с Мигелем Инфанте не желала окончательного разрыва с метрополией. Эти депутаты требовали лишь уничтожения злоупотреблений колониального режима, свободы торговли и права посылать депутатов в испанские кортесы. Меньшинство — «радикалы» настаивали на полной независимости Чили. Вождем «радикалов» стал О'Хиггинс, сын бывшего испанского правителя Чили. 4.09.1811 г. «радикалы» произвели военный переворот и захватили власть в стране. Вскоре Чили, первое из латиноамериканских республик, провозгласило отмену рабства для негров, которые родятся после издания закона. Был проведен ряд реформ в экономической области. После нового переворота в декабре 1811 г. к власти пришла другая, в противовес англофилу О'Хиггинсу, ориентированная на США фракция креольских сепаратистов во главе с Хуаном Хосе Каррера, распустившим Конгресс. Еще 14.08.1811 г. была провозг-

лашена конституция Чили, превращавшая фактически страну в республику при сохранении формального суверенитета испанского короля. В 1813 г. против Чили двинулась армия перуанского вице-короля, которая, используя борьбу между вновь захватившими в 1813 г. власть сторонниками О'Хиггинсу и приверженцами Карреры, заняла в апреле 1814 г. Консепсьон, а в октябре вступила в Сантьяго. Начались репрессии против сепаратистов и конфискация их имущества. Был восстановлен колониальный режим. В 1817 г. войска Буэнос-Айреса под командованием генерала Сан-Мартина, включавшие отряды чилийских эмигрантов, перешли Анды и, разбив испанцев при Чавако, заняли Сантьяго (14.02.1817 г.). Во главе государства вновь стал О'Хиггинс, провозгласивший независимость Чили (1.01.1818 г.). Присланные перуанским вице-королем подкрепления были разбиты 5.04.1818 г. Сан-Марином в битве при Маипо, и чилийцы помогли Перу освободиться от испанского владычества.

Национально-освободительная война против Испании не сопровождалась в Чили сколько-нибудь серьезными демократическими преобразованиями. Креольская помещичья аристократия, свергнувшая с помощью масс колониальный гнет, захватила в свои руки власть и все плоды победы над испанцами.

Недовольство, возбуждаемое диктатурой О'Хиггинса, вступившего в столкновения с церковью и влиятельными группами креольских помещиков, вызвало в 1822 г. восстание. О'Хиггинс вынужден был отказаться от власти. Была организована правящая хунта, которую вскоре сверг генерал Фрейр (1823—1827 гг.). С 1826 г. в стране начались непрерывные перевороты и борьба за власть между различными политическими кликами. В этот период смут, организуемых различными фракциями и просто честолюбивыми авантюристами, оформляются либеральная партия, опиравшаяся в значительной степени на городскую буржуазию и требовавшая федеративного устройства, и консервативная партия, выражавшая в основном интересы землевладельческой аристократии и добивавшаяся установления сильной центральной власти. Буржуазные элементы были еще слишком слабы, чтобы прочно завладеть властью. В августе 1828 г. либералам удалось провозгласить федералистскую конституцию, но принятие ее послужило лишь стимулом к усилению междоусобицы. В 1830 г. победа склонилась на сторону консерваторов, возглавлявшихся Диего Порталесом и генералом Приэто, которые удерживались у власти в 30-х гг. 22.05.1833 г. была введена централистская конституция, предоставлявшая большую власть президенту. В 1836—1839 гг. Чили вело успешную войну с Перу и Боливией. Командовавший чилийскими войсками генерал Мануэль Бульнес стал президентом (1841—1851 гг.). Укреплению его власти способствовал начинавшийся период хозяй-

ственного подъема. Растет добыча селитры и меди. Усиление буржуазных элементов привело к возрождению либеральной партии. сменивший Бульнеса на посту президента другой лидер консерваторов профессор Монт (1851—1861 годы) в год своего вступления на пост главы государства подавил восстание либералов. В 1859 году ему пришлось иметь дело с новым крупным восстанием, организованным левым крылом либеральной партии, племена Южного Чили. В 50-х гг. продолжался быстрый экономический подъем. Быстрыми темпами росла добывающая промышленность. Стоимость вывозившихся меди, селитры и др. поднялась с 4,5 млн. песо в 1845 г. до 19 млн. песо в 1860 г. Рост экономической мощи торгово-промышленной буржуазии заставил Монт заключить компромисс с умеренным крылом либералов ценой разрыва с ультраконсерваторами. Правительство Монт стало опираться на «консервативно-либеральный блок». Выборы в июле 1861 г. привели к власти либерала Хосе Переса, опиравшегося на блок умеренных фракций обеих партий. В 1865 г. возник конфликт Чили и Перу с Испанией. Испанский флот блокировал побережье Чили (сентябрь 1865 г. — апрель 1866 г.) и подверг бомбардировке Вальпараисо (31.03.1866 г.). конфликт с Испанией был формально улажен лишь в 1871 г. В 1871 г. Перес был смещен на посту президента Эррасурисом. В годы правления последнего Конгресс воспретил повторное избрание на пост президента, и срок полномочий президента был сокращен до 5 лет. Было создано также ответственное министерство.

Семидесятые годы были периодом дальнейшего промышленного развития Чили и быстрого внедрения в экономику страны иностранного капитала, преимущественно английского, захватившего контроль над значительной частью добывающей промышленности. Семидесятые годы характеризуются также введением некоторых ограниченных буржуазно-демократических свобод. Несмотря на сопротивление консерваторов была установлена подсудность духовенства светским судам. В 1876 г. на пост президента Чили вступил Пинто. Экономическое соперничество и спор из-за обладания богатой селитрой Атакамы привели к так называемой Тихоокеанской войне (1879—1884 гг.) Чили против Перу и Боливии. Экономическое превосходство и значительно лучшая военная организация способствовали исходу войны в пользу чилийцев. По Анконскому мирному договору (май 1883 года) Перу уступило Чили область Тарапаку, богатую залежами селитры и гуано, и на десять лет — район Такна с портом Арика. Поскольку перуанцы не выполнили некоторых условий договора, Чили отказалось возвратить Такну и Арику. Конфликт был разрешен после вмешательства США лишь в 1929 г., причем Арика осталась за Чили, а Такна была возвращена Перу. По мирному договору в Вальпараисо, Боливия уступила Чили всю спорную территорию в Ата-

каме, потеряв выход к морю (см. Боливия, Исторический очерк). В 1881 г. был разрешен затяжной пограничный конфликт с Аргентиной, которая признала за Чили право владения Тихоокеанским побережьем — от города Вальдивия вплоть до Магелланова пролива — и западной часть Огненной Земли.

Преемниками президента Пинто были Санта-Мария (1881—1886 гг.), при котором был проведен закон о гражданском браке, и Бальмадеса (1886—1891 гг.), пытавшийся после истечения срока своих полномочий удержать в своих руках государственную власть. Однако Конгресс, после многомесячной борьбы (январь — август 1891 г.), одержал верх. Сантьяго был занят войсками Конгресса, и либерал Монт был избран президентом (декабрь 1891 г.). Результатом событий 1891 г. было изменение конституции 1833 г. в направлении дальнейшего уменьшения власти президента. После Монта пост президента республики перешел к Эррасурису (1896—1901 гг.), сыну прежнего президента. В эти годы возникает ряд новых буржуазно-помещичьих партий, большинство которых были очень близки друг другу по программе и классовой основе (консерваторы, либералы). В 1900 г. в Чили была введена всеобщая воинская повинность.

К началу эпохи империализму командные высоты в экономике Чили находились в руках иностранного капитала, в основном английского. В Англию шло $\frac{2}{3}$ чилийского экспорта. Президенты Ризко (1901—1906 гг.), Педро Монт (1906—1910 гг.), Фернандес (1910 г.), Фигероа (1910 г.), Баррос Луко (1910—1915 гг.) оставались у власти, лишь выполняя волю иностранного капитала.

В период первой мировой войны промышленность Чили, снабжавшая сырьем Антанту, сделала резкий скачок вперед. Английский капитал был частично вытеснен в пользу североамериканского. Окончание мировой войны, вызвавшее резкое падение спроса на предметы чилийского экспорта, нанесло тяжелый удар народному хозяйству Чили. Большое влияние на развитие и укрепление рабочего движения в Чили оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Экономический кризис, приведший к снижению жизненного уровня и безработице, вызвал к жизни в конце 1918 — начале 1919 гг. мощное стачечное движение. В 1919 г. левые элементы демократической партии образовали социалистическую партию, в 1921 г. преобразовавшуюся в коммунистическую партию.

Однако в эти годы широкие мелкобуржуазные массы и часть рабочих продолжали идти за различными политическими авантюристами, не скупившимися на демагогические обещания провести демократические формы, социальное законодательство, конфискацию помещичьих земель и т. д. Консервативного президента Санфуэнтеса (1915—1920 гг.)

сменил кандидат «либерального блока» (буржуазной партии, использовавшей для обмана масс социальную демагогию) — Артур Алесандри. Его правление (1920—1924 гг.) отличалось сочетанием «левых» обещаний с кровавыми репрессиями против революционных организаций и движения масс. В сентябре 1924 г. ориентированный на Соединенные Штаты Америки Алесандри был свергнут генералом Альтамирано, ставленником англофильских кругов. Алесандри нашел убежище в посольстве США. Альтамирано установил фактическую диктатуру и еще более усилил террор против массового движения пролетариата (убийство вождя компартии Луиса Рекаварена и т. д.) и мелкой буржуазии. В январе 1925 г. Алесандри использовал ненависть масс к диктатуре Альтамирано, организовал новый государственный переворот и вернулся к власти. Одним из первых мероприятий Алесандри было приглашение в Чили американской финансовой миссии под руководством профессора Кемерера. В 1925 г. была принята конституция, усилившая власть президента, причем этот пост в октябре 1925 г. занял близкий к Алесандри Э. Фигероа. 11.02.1927 крайний реакционер полковник Иваньес произвел в стране военный переворот. Влияние США в стране еще более возросло. Под давлением США был разрешен в 1929 г. старый пограничный спор с Перу (см. выше). В марте 1931 г. была организована монополярная «Чилийская селитряная компания» («Косач»), контролируемая американскими банкирами Гугенгейм.

Начавшийся в 1929 г. общий экономический кризис в капиталистическом мире вызвал резкое падение спроса и цен на все основные виды чилийского экспорта.

В 1931 г. под давлением широких масс в условиях обострявшегося кризиса правительство Иваньеса было свергнуто. 26.06.1931 г. президент Иваньес бежал из страны, передав власть министру внутренних дел Монтеро. Волна стачек и революционных выступлений (восстание Вальна Райсо, восстания воинских частей и т. д.) продолжала нарастать в течение второй половины 1931 г. — начала 1932 г. В сентябре 1931 года вспыхнуло восстание во флоте. Оно было подержано выступлением рабочих (в Вальпараисо, Сантьяго, Талькагуано и др.). Флот сдался правительственным войскам после бомбардировки кораблей с воздуха. Шесть руководителей восстания были приговорены к смертной казни.

Влияние коммунистической партии Чили значительно усилилось. В то же время развернули свою деятельность партии, организованные Мармадюком Грове и политическим авантюристом Карлосом Давила. Давилисты, спекулируя «левой» фразой, фактически защищали интересы буржуазии. Гровисты в своей политике отчасти отражали и действительное недовольство мелкобуржуазных масс господствовавшим ре-

жимом. 4.06.1932 г. организованный давиллистами и гровистами военный переворот привел к свержению правительства Монтеро. Пришедшее к власти правительство Давила — Грове объявило Чили «социалистической республикой», но на деле не провело ни одного последовательно революционного мероприятия. Правительство широко прибегало к демагогическим обещаниям: ввести монополию внешней торговли, ликвидировать «Косач» и «освободить Чили от ига международного и национального капитала». На деле правительство не намеревалось затронуть частной собственности и не решалось выступить против иностранных империалистов. Оно оставило в неприкосновенности даже пережитки средневековья, отменив изданный ранее декрет о роспуске монашеских орденов. Правительство оказалось вынужденным допустить легальное существование компартии, а также организованных под ее руководством советов в 11 городах страны. Создание советов породило элементы двоевластия. Но коммунистическая партия Чили допустила ряд серьезных ошибок. Она не встала на путь вооружения масс, не организовала серьезной работы в войсках, не смотрела на советы как на органы революционной власти, существовавшей наряду с официальной буржуазной властью. Между тем внутренние противоречия внутри правящей группы привели 12.06.1932 г. к отставке Давила. Последний, опираясь на феодально-буржуазную реакцию, 16.06 произвел переворот, арестовал и сослал Грове и предпринял наступление на революционные организации. Давила провозгласил неприкосновенность частной собственности и объявил о своем намерении приступить к борьбе с коммунистами. Серьезное сопротивление Давила встретил лишь со стороны советов (в Вальпараисо, Темуко, Ранкагуа). Однако ему удалось одержать победу и разогнать советы. Вскоре коммунистическая партия была загнана в подполье.

Вторая половина 1932 г. характеризовалась дальнейшим обострением кризиса внутри правящих кругов. 13.09.1932 г. генерал Бланше сверг Давила и провозгласил себя диктатором, но уже 1.10 он был сам, в свою очередь, смещен генералом Вингола, выступившим под лозунгом «восстановления конституционного порядка». Власть перешла к временному правительству во главе с Ойанеделом и Фигероа. На выборах 30.10.1932 г., на которых из-за образовательного ценза и других ограничений могло, как вообще на выборах в Чили, принять участие лишь небольшое число избирателей, победил Алесандри, получивший 185 тысяч голосов против 61 тысячи, поданных за Грове, и снова ставший президентом (1932—1938 гг.). В прошлом ориентировавшийся на Соединенные Штаты Америки Алесандри стал проводить англофильский курс, ликвидировав «Косач». Отбросив предвыборную «демократическую» фразеологию, он продолжал наступление на рабочий класс и его организации. В декабре

1933 г. чилийский парламент принял закон о предоставлении Алесандри чрезвычайных полномочий сроком на шесть месяцев. Алесандри осуществлял экономическое и политическое сближение с фашистской Германией и Италией. В 1937 г. чилийские железные дороги закупили в Германии железнодорожное оборудование на сумму свыше 3 млн. долл. В 1938 г. чилийская авиационная компания приобрела в Германии «Юнкерсы», отвергнув предложения американских фирм».

В борьбе против Алесандри окреп союз демократических сил. Путем объединения Рабочей федерации Чили со всеми другими профсоюзными организациями была создана мощная Конфедерация трудящихся Чили. В феврале 1936 г. произошла забастовка железнодорожников. По инициативе коммунистической партии был создан народный фронт, в который вошли коммунисты, социалисты, радикалы, демократы и Конфедерация трудящихся.

На президентских выборах в 1938 г. победил кандидат народного фронта лидер партии радикалов Педро Агирре Серда. В состав правительства А. Серда вошли представители радикальной и демократической партий, социалисты, а также сторонники Грове. Коммунистическая партия, не входя в правительство, заявила о своей готовности поддерживать его, в случае проведения им намеченных демократических реформ. Проведение умеренной программы народного фронта (рабочее законодательство, социальные реформы) натолкнулось на ожесточенное сопротивление реакционных сил, причем само правительство не проявило необходимой решительности в осуществлении этой программы. В сентябре 1938 г. был раскрыт заговор, имевший целью передать власть бывшему диктатору Иваньесу. Арестованные руководители заговора были вскоре отпущены на свободу.

В начале 1940 г. в страну вернулся Алесандри, заручившийся поддержкой американских банкиров. Он призывал к объединению латиноамериканских стран под гегемонией США. В конце 1940 г. реакция, объединив свои силы в так называемом отечественном фронте, в который вошли консервативная, либеральная и другие партии, усилила бешеную травлю коммунистов. Находящаяся в руках реакционеров Палата депутатов приняла закон о запрещении коммунистической партии (январь 1941 г.), но Сенат под давлением масс отказался утвердить этот закон. Выборы 2.03.1941 г. принесли крупный успех компартии, но не дали абсолютного большинства народному фронту. После этого радикалы пошли на ряд уступок реакции. За годы правления правительства народного фронта значительно выросли массовые организации, профсоюзы и др. Но большая часть крестьянской бедноты и сельскохозяйственного пролетариата по-прежнему оставалась неорганизованной и путем запугивания

и экономического давления часто использовалась в своих целях помещиками и реакционным духовенством. Народному фронту, вследствие колебания радикальной партии и других группировок его правого крыла, а также решительного сопротивления помещиков и финансовой олигархии, опиравшейся на поддержку американских и английских империалистов, не удалось осуществить аграрную реформу за счет крупного землевладения. Положение рабочих и крестьян улучшилось лишь в незначительной степени (закон о труде, о предоставлении крестьянам кредита и т. д.). В ноябре 1941 г. умер Агирре Серда. На президентских выборах в феврале 1942 г. кандидат народного фронта радикал Риос получил 255 тыс. голосов, а реакционер Иваньес получил 201 тыс. Партии и организации народного фронта создали «Национальный демократически Альянс», программа которого предусматривала аграрную реформу, борьбу с бесконтрольным хозяйничаньем иностранного капитала. Под сильным давлением реакции, располагавшей значительной позицией в парламенте и государственном аппарате, Риос не сумел осуществить последовательную демократическую внутреннюю и внешнюю политику. Он не препятствовал активной подрывной деятельности фашистской агентуры в городах Вальдивия, Вальпараисо и в самом Сантьяго, очень нерешительно проводил реформы в социальной области. Лишь 20.01.1943 г. Чили порвало дипломатические отношения с Германией, Италией и Японией. 11.11.1944 г. были установлены дипломатические отношения с СССР. 15.02.1945 г. была объявлена война Германии. 11.04.1945 г. Чили объявило войну Японии.

Во время второй мировой войны промышленность Чили сделала шаг вперед, причем капиталисты США сосредоточили в своих руках контроль над важнейшими отраслями чилийской национальной экономики. Развивая отдельные нужные им отрасли добывающей промышленности, американские капиталисты в то же время сознательно препятствуют индустриализации Чили, стремясь сохранить страну как рынок сбыта для промышленных изделий и увековечить ее экономическую зависимость от США. Компания «Стандард Ойл», опираясь на поддержку правительства США, пытается прибрать к рукам открытые в 1945 г. нефтеносные месторождения. Английский капитал продолжает удерживать видное положение в селитряной промышленности и является обладателем значительной части чилийских государственных ценных бумаг.

В результате давления реакции силы демократического блока были значительно ослаблены на парламентских выборах в марте 1945 г. Социалистическая партия раскололась, причем так называемая «Истинно-социалистическая партия» Мармадюка Грове осталась в демократическом союзе, а другая часть, возглавлявшаяся Иваньесом и Россети, перешла в

лагерь реакции. В 1946 г. из блока вышла демократическая партия. Политика радикальной партии и в особенности ее центра и правого крыла противоречила обязательствам партии в отношении демократического блока. Правые радикалы стремились оторвать партию от сотрудничества с коммунистами и заставить ее пойти на компромисс с реакцией. Правительство встало на путь полицейских репрессий против стачечников. В ответ была объявлена всеобщая забастовка, после чего правительство ввело осадное положение и отвергло требования профсоюзов о создании левого кабинета, о принятии мер против спекулянтов, против засилья иностранных концессионеров и т. д. (январь 1946 г.).

На президентских выборах в октябре 1946 г. победил Гонсалес Видела.

ЭКВАДОР

ЭКВАДОР, РЕСПУБЛИКА ЭКВАДОР, REPUBLICA DEL ECUADOR, государство на северо-западе Южной Америки.

Население около 11 миллионов человек, эквадорцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Кито. Административно-территориальное деление — 21 провинция.

Глава государства и правительства — президент. Законодательный орган — Национальная палата представителей.

С древнейших времен Эквадор населяли индейские племена.

В XV веке Эквадор завоеван инками; в первой половине XVI века — испанскими конкистадорами.

С 1822 года Эквадор — Область Кито в составе Великой Колумбии.

С 1830 года Эквадор — независимая республика.

Исторический очерк

По преданию, первые индейские племена появились на территории, ныне именуемой Эквадором, в первые века христианской эры. В середине XV в. эта территория подверглась вторжению инков (см. Перу, Исторический очерк), которые после упорной борьбы покорили местное индейское население. В 1532 г. здесь появился во главе испанского отряда Франсиско Писарро, который присоединил страну к владениям испанской монархии. Новая колония, получившая название резиденции Кито, входила в различные административные образования Испанской колониальной империи, пока не была окончательно подчинена вице-королю Новой Гранады. Эквадор стал страной крупного испанского землевладения (духовного и светского).

Весь колониальный период заполнен борьбой испанских колонизаторов против индейцев, составлявших подавляющее большинство населе-

ния. Восстания индейцев против колониального гнета беспощадно подавлялись. Во второй половине XVIII в. дальнейшее существование колониального режима стало в Эквадоре, как и в других странах Латинской Америки, препятствием для развития страны и нарушало интересы креольских помещиков и нарождающейся буржуазии. Однако из-за экономической отсталости Эквадора и засилья преданного Испании католического духовенства — крупнейшего земельного собственника страны — сепаратистское движение было здесь в течение долгого времени более слабым, чем в других частях Испанской Америки. В 1765 г. в Кито произошло восстание населения против испанцев, которое было поднято городской беднотой (метисами и индейцами), недовольной правительственной питейной монополией и поборами испанских чиновников. Городской капитул, состоявший из богатых креолов, вынужден был примкнуть к восстанию и декретировать изгнание испанцев из города.

Но вскоре подошли испанские войска, и восстание было подавлено. После получения известий о занятии Мадрида и значительной части Испании французскими войсками, в городе Кито началось восстание (10.08.1809 г.). Образовавшаяся хунта, в состав которой вошли видные представители креольской помещичьей аристократии, арестовала испанского губернатора, но объявила, что будет подобно хунте метрополии править «именем Фердинанда VII». Хунта не произвела никаких изменений в положении широких масс. Это облегчило испанским войскам вице-королей Перу и Новой Гранады занятие Кито (24.10.1809 г.) и жестокое подавление восстания. Восстание в Кито в 1811 г. также было подавлено испанцами (1812 г.). Вспыхнувшее в 1820 г. восстание было поддержано войсками Боливара во главе с генералом Сукре (см. Колумбия, Исторический очерк), который 24.05.1822 г. разгромил испанскую армию. Область Кито была присоединена к Колумбийской федерации. Однако в Кито было много сторонников присоединения к Перу, и Сукре пришлось отражать нападение перуанцев. В 1830 г. усилилось движение за отделение, которое привело к провозглашению независимости области Кито от Колумбийской федерации.

Собравшийся в Риоамба Конгресс в сентябре 1830 г. принял конституцию. Стране было присвоено название Эквадор. Президент, избираемый на 4 года, был наделен большой властью. Членами Конгресса, состоявшего из двух палат (Сената и Палата депутатов), могли быть лишь крупные землевладельцы. Единственной разрешенной религией был объявлен католицизм. Президентом был избран в сентябре 1830 г. генерал Флорес, подавивший восстания противников отделения от Колумбии и разрешивший вопрос о границах нового государства (1832 г.). Флорес был руководителем крайних консерваторов, представлявших интересы

помещичьей знати и влиятельнейшего католического духовенства. В тридцатых годах XIX века заметно усиливаются либералы, опиравшиеся на часть помещиков и растущую торговую буржуазию. Главный порт страны Гваякиль с его торговой буржуазией стал цитаделью либеральной партии. В 1833 г. было организовано Либеральное общество. Один из лидеров либералов Висенте Рокафуэрте был избран в Конгресс. Либералы протестовали против диктатуры Флореса и засилья клерикалов. По приказу президента, Рокафуэрте был изгнан из Конгресса, на что ответил организацией восстания против правительства в Гваякиле. Восстание было подавлено, но вскоре Флорес вынужден был помириться со своим противником, а в 1835 г. Рокафуэрте был избран президентом. В том же году была принята новая, несколько более либеральная, чем прежняя, конституция. При последующей политической борьбе победившая партия почти всегда вводила новую конституцию, редактированную соответственно в клерикальном или либеральном духе. За столетие (1830—1929 гг.) новые конституции принимались больше 10 раз. В 1839 г. Рокафуэрте был смещен Флоресом, при котором был по новой конституции продлен срок полномочий президента до 8 лет. Переворот, организованный либералами в марте 1845 г., заставил Флореса отречься от власти.

Последующий период был временем частых переворотов в Эквадоре. Пограничные споры с Новой Гранадой едва не привели к войне (1846 г.). В марте 1851 г. на пост президента вступил ставленник клерикалов Диего Новoa, при котором были возвращены в страну иезуиты. Новoa был свергнут начавшимся в Гваякиле переворотом. В июле 1851 г. захватил власть сторонник либералов генерал Урбина. В 1845 г. было отменено рабство. При преемнике Урбина либерале Роблесе (1856—1859) был введен новый гражданский кодекс. В 1861 г. к власти пришел Гарсия Морено, при котором клерикальное засилье в стране достигло невиданных даже в Эквадоре размеров. Церковь вмешивалась во все области государственной и общественной жизни. По конкордату с римским папой (26.09.1862 г.) католицизм был признан единственной разрешенной законом религией в Эквадоре. Каждый, являющийся сторонником учений, осуждаемых католической церковью, лишался гражданских прав. Морено уплатил Ватикану большую сумму из государственных средств. Клерикально-помещичий диктаторский режим Морено свирепо расправлялся со всеми своими противниками и жестоко подавлял восстание индейских крестьян. Во внешней политике Морено ориентировался на Францию. В 1865 г. президентом был избран ставленник Морено — Каррион, остававшийся у власти до 1867 г. Его сменил Эспиноса (1868—1869 гг.). В 1869 г. президентом вновь стал сам Морено, еще более усиливший клерикальный курс и провозгласивший Эквадор «республикой сердца

Иисуса» (октябрь 1873 г.). В 1875 г. Морено был убит, президентом стал Борреро, который, в свою очередь, был свергнут восстанием, поднятым либералами в Гваякиле. После новой борьбы власть снова захватили консерваторы, ставленниками которых были президенты Хосе Кааманьо (1884—1888 гг.) и Антонио Флорес (1888—1892 гг.). Новый переворот либералов, начавшийся, как обычно, в Гваякиле, привел к власти генерала Альфаро, 1.09.1895 г. вступившего в Кито и дважды избранного президентом (1895—1901 и 1907—1911 гг.). Альфаро провел школьную реформу. В 90-х годах начинается проникновение в Эквадор иностранного капитала (английского — в нефтяную промышленность, американского — в плантации). Во время второго президентства Альфаро американскими компаниями построена основная железнодорожная магистраль страны Кито — Гваякиль. Начиная с президентства Альфаро, либералы явно одерживают верх над своими политическими соперниками. Это объясняется как усилением городской буржуазии, так и развитием капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Последнее сказалось и в обуржуазивании консервативной партии.

В первое десятилетие XX в. возникает рабочее движение, находившееся вначале почти целиком под буржуазным влиянием, от которого оно начинает освобождаться после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1921 г. была основана социалистическая партия, которая после того, как она преодолела в основном ошибки мелкобуржуазного руководства, была принята в Коминтерн (1928 г.). В 20-х годах значительно окрепли профсоюзы. После президентства Гутьерреса (1912—1916 гг.), Альфредо Морено (1916—1920 гг.) и Хосе Томайо (1920—1924 гг.), начавшегося жестокие преследования рабочих организаций, к власти пришел «радикал» Исидоро Айора (1926—1931 гг.).

Еще до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. экономическое положение Эквадора ухудшалось в результате полуколониального характера страны, являвшейся объектом империалистической борьбы между США и Англией. Американские инвестиции направлялись главным образом в плантации какао, поставлявшие один из основных продуктов эквадорского экспорта — бобы какао. Англо-американская конкуренция на мировом рынке сбыта привела к быстрому росту плантаций в английских колониальных владениях Великобритании (главным образом на Золотом Берегу) и падению удельного веса Эквадора в мировой торговле какао. Еще более ухудшилось положение Эквадора с наступлением экономического кризиса. В годы кризиса продукция какао в Эквадоре снизилась больше чем вдвое.

Активизировались рабочие и революционные крестьянские организации. В 1930 г. социалистическая партия была преобразована в комму-

нистическую и преодолела раскол, вызванный оппортунистическими элементами (одновременно образовалась новая реформистская социалистическая партия).

Период экономического кризиса характеризуется обострением борьбы между политическими кликами правящих классов. Вместе с тем помещичьи и буржуазные группировки и стоящие за ними империалистические великие державы все чаще прибегают к режиму открытой диктатуры для борьбы с массовым революционным движением.

В этой связи происходят непрерывные смены президентов. После президента Мера (ноябрь 1932 г. — октябрь 1933 г.), вступившего в конфликт с Конгрессом и собственной либеральной партией, и после новых раздоров среди правящих клик президентом был избран Веласко Ибарра (сентябрь 1934 г. — август 1935 г.), поддержанный как либералами, так и консерваторами. Ибарра распустил Конгресс и установил фактическую диктатуру, но был свергнут военщиной, которая поставила во главе государства собственного кандидата Паэса (сентябрь 1935 г. — август 1937 г.). Последнего сменил Энрикес (октябрь 1937 г. — август 1939 г.), принявший титул «верховного главы государства». После смерти президента Нарваэса, умершего в ноябре 1939 г., произошли выборы. Широкие массы фактически были отстранены от активного участия в выборах. В районах английских и американских концессий индейское население спаивали водкой и насильственно сгоняли к избирательным урнам для голосования за официального кандидата. В январе 1940 г. президентом избран был лидер либеральной партии Арройро дель Рио.

Новый президент еще более усилил внешнеполитическую ориентацию Эквадора на США. В 1940 г. морская и военная миссия США были приглашены в Эквадор взамен отозванной итальянской военной миссии. В январе 1942 г. Эквадор разорвал отношения с державами оси и в феврале 1945 г. объявил войну Японии. В 1942 г. было заключено соглашение о предоставлении США на время войны военно-морских баз на Галапагосских островах. Эта группа из 16 островов является важным стратегическим пунктом на подступах к Панамскому каналу со стороны Тихого океана и была предметом постоянных империалистических притязаний Соединенных Штатов Америки.

В годы второй мировой войны начался новый подъем массового демократического движения против помещичье-буржуазной диктатуры и господства американских империалистов. Эта борьба привела к революционному выступлению (май 1944 г.) против президента Рио. В новое правительство, возглавленное Веласко Ибарра, вошли все противники стоявшей у власти либеральной партии. В состав правительства вошли представители компартии (Педро Саад), социалистической партии,

партии «Вангвардия Революсионария» (левые социалисты) и других демократических партий, но наряду с этим и представители консервативной партии. 16.06.1945 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Эквадором. Правительственная коалиция оказалась недолговечной, так как правые группы, поддерживавшие ее из-за своей враждебности к либеральной партии, вскоре перешли в наступление против демократических элементов. Уже в январе 1945 г. произошел разрыв. Социалисты и коммунисты вышли из правительства Ибарра, который летом того же года начал кампанию против компартии. Осенью имели место попытки организации блока левых партий — коммунистов и «Вангвардия Революсионария». В апреле 1946 г. президент Веласко Ибарра приступил к аресту всех своих противников, причем наряду с деятелями коммунистической, социалистической партий и партии «Вангвардия Революсионария» были арестованы руководители либеральной партии. Зато Ибарра получил восторженную поддержку со стороны фашистских и профашистских элементов. Веласко Ибарра был готов удовлетворить требование американских империалистов о закреплении за ними и в мирное время баз на Галапагосских островах, но сделке помешала всеобщая забастовка, объявленная эквадорской Конфедерацией труда. Правительство ответило на забастовку полицейскими репрессиями в Кито и Гваякиле, запрещением Национальной конфедерации трудящихся Эквадора и арестом ее председателя лидера компартии Саада и крупных профсоюзных деятелей коммунистов и социалистов (апрель 1946 г.). Выборы в июле 1946 г. происходили в условиях полицейского террора и легализовали диктатуру Ибарра.

В результате переворота в сентябре 1947 г. Конгресс избрал 16.09.1947 г. вице-президентом Карлоса Хулио Аросмена, возложив на него до 1.09.1948 г. обязанности временного президента.

Однако уже в июне 1948 г. состоялись выборы, на которых президентом был избран крупный землевладелец, ставленник монополий США Гало Пласо Лассо. С приходом к власти нового президента США еще больше усилили свои требования о предоставлении им баз на Галапагосских островах.

Политические партии

«Гражданское демократическое движение» — правительственная буржуазная партия; поддерживается католической церковью. Ориентируется на северо-американский капитал.

Либеральная партия представляет интересы промышленных и торговых кругов, основная буржуазная партия страны. В 1944 г. распалась, возродившись затем под названием «независимой либеральной партии».

Консервативная партия — представляет интересы крупных землевладельцев и католической церкви. Поддерживала правительство Веласко Ибарра.

Социалистическая партия — пользуется влиянием среди интеллигенции и среди части рабочих. Тесно связана с Американской федерацией труда.

Национально-демократическая партия — партия типа испанских фалангистов. Поддерживала антидемократические действия Веласко Ибарра и проводившуюся им антикоммунистическую кампанию.

«Вангвардия Революсионария» — прогрессивная партия.

ЯМАЙКА

ЯМАЙКА, JAMAICA, государство на одноименном острове в Карибском море в Вест-Индии; член Содружества.

Население около 3 миллионов человек, ямайцы. Официальный язык — английский. Основная религия — христианство. Столица — Кингстон. Административно-территориальное деление — 14 приходов.

Глава государства и правительства — королева Великобритания, представленная генерал-губернатором.

С древнейших времен остров Ямайка населяли индейские племена араваков.

С 1494 года Ямайка колонизирована испанцами, назвавшими новую землю островом Фердинанда и Изабеллы.

С 1670 года Ямайка — колония Великобритании, сделавшей из острова громадный рынок негров-рабов. Ямайский город Порт-Ройал стал столицей пиратов Карибского моря, переместившихся на Ямайку с острова Тортуга.

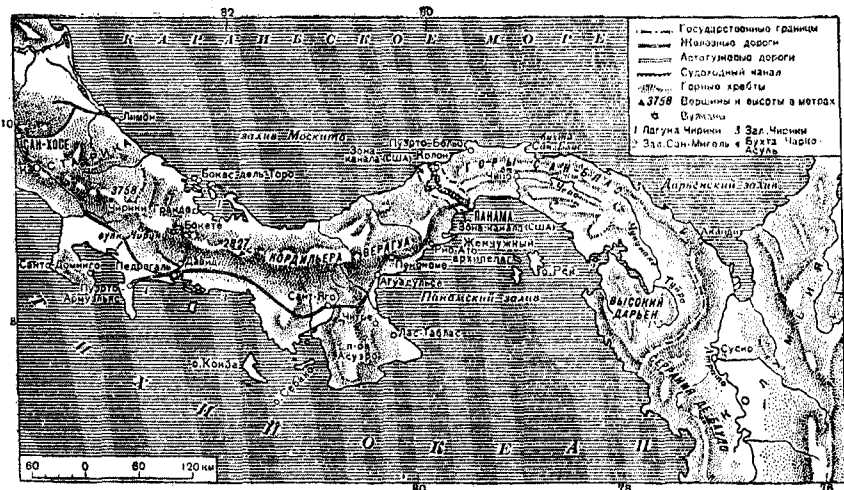
С 1962 года Ямайка — независимое государство.

Исторические очерки печатаются по изданию:
Страны Латинской Америки. М., 1949.

ПАНАМА

(Republica del Istmo) — республика в Америке, занимает самую узкую часть Центр. Америки между $9^{\circ}38'$ и $7^{\circ}15'$ с. ш. и $77^{\circ}15'$ и $82^{\circ}45'$ з. д. (бывш. колумбийск. пров. П.); площ. — 87480 кв. км. С З на В тянутся Кордильеры Верагуа (более 2500 м. над ур. м.) с вулканом Чирики (3650 м.); на Панамском перешейке местность понижается до 80 м., затем начинаются Кордильеры Чепо и Сиерра Мали (до 1000 м.); полуостров Азуэро также горист. Горы большей частью вулканического происхождения; в Кордильерах встречаются граниты, сиениты и диориты, а в Сиерра Мали — кристаллический сланец. Главные реки, впадающие в Атлантический океан — Сиксаола, Чангуэне (Changuene), Гваими и Чагрес, в Тихий — Туира, Байано (Bayano) или Чепо, Кокле (Cocle) и Чирики. Заливы и бухты Атлантического океана — Альмиранте, Чирики, Лимонная и С.-Блас; Тихого ок. — П., с бухтами Сан-Мигель и Парита и Чирики, с бухтой Монтихо. Климат тропический; в самом теплом месяце, апреле, ср. темп. $+26,6^{\circ}\text{C}$., в самом холодном — ноябре $+25,8^{\circ}\text{C}$ .. Осадков меньше всего выпадает с января по апрель; по берегу Атлантического ок. их более чем по берегу Тихого (Колон — 3108 мм. год., Наос — 1178 мм.); сообразно этому и флора П. по берегам первого — девственный тропический лес на болотистой почве, по берегам Тихого океана —

сухие хвойные леса и саванны. Жит. (1900 г.) 340 000, главным образом метисы; белых 6%, негров около 40 000, туземцев племени Чибча ок. 25 000, китайцев ок. 2 000. Фабричная промышленность не развита; горное дело мало развито, хотя страна богата ископаемыми; в 1903 г. вывезено в Европу и Америку золота на 159708 фнт. стерлинг. Земледелие не развито; скотоводство более развито в сухой части страны; в 1898 г. было 85 000 свиней, 35 000 лошадей и 12 000 коз; кож вывезено на 12 640 фнт. стерлинг. Кроме того предметами вывоза служат: бананы (ок. 125 000 фнт. стерлинг. в год), кофе, какао, ценные сорта дерева, каучук (ок. 20 000 фнт. стерлинг.), сассапарель, копаива, ипекакуана, кокосовые и бразильские орехи, черепахи, жемчуг и перламутр (ок. 28 000 фнт. стерл.). Вывоз в 1903 г. на сумму 435 000 фнт. стерлингов, ввоз — 473 000 фн. стерлинг. Внешняя торговля почти вся в руках иностранцев. Сухопутное сообщение плохое: только одна жел. дорога (75 км. дл.), соединяющая порты Колон и Панама, принадлежит северо-американской компании; постройка ее стоила 7 500 000 долл. доход в 1903 г. — 1 267 570 долл., издержки — 1 071 785 долл.; главный акционер — северо-американское правительство; в 1903 г. по Панамской железной дороге было перевезено товаров 187 796 тонн на З и 161 742 тонны на В. Водное сообщение хорошо развито: Панамский канал (см.), пароходство по обоим океанам; в 1903 г. в Колон пришло 332 парохода, в 611 035 тонн, в Панаму — 213 пароходов, в 250 654 тон. Длина телеграфной линии — 719 км. (1897 г.); кроме того проложены кабели из Панамы в северо-американские и южно-американские порты, из Колона в соединенные Штаты и Европу. Финансы Панамы еще не приведены в известность. Монетная единица — бальбоа, вес — 1,672 гр., чистого золота 0,9 веса; есть монеты в 1, 2,5, 5 и 10 б.; серебряные монеты: песо = 1 долл., 0,5 песо, 1/5 п. и 1/20 песо. Столица — Панама. Главные города и порты на берегу Атлантического ок. — Колон (Аспинвалль), с 3000 ж., Бокас дель Торо и Пуэрто Белло, на берегу Тихого океана — Агуа Дульсе, Педрегаль, Монтихо и Пуэрто Мудис.

Государственное устройство. По конституции 14 февраля 1904 г. Панама представляет из себя республику. Исполнительная власть принадлежит президенту и трем вице-президентам. Они избираются на четырехлетний срок всеобщей подачей голосов; президент не подлежит переизбранию непосредственно по окончании срока. Законодательная власть принадлежит национальному собранию из 32 членов (по расчету 1 на 10000 жителей), избираемых на двухлетний срок всеобщей подачей голосов. Активным правом голоса пользуются панамцы, достигшие 21 года, пассивным — достигшие 25 лет. Верховный суд состоит из 5 лиц, тоже избираемых всеобщей подачей голосов на четырехлетний срок.

Воинская повинность общеобязательна. Президент назначает министров и губернаторов провинций по своему усмотрению.

История. Панама прежде входила в состав испанской колонии Новая Гранада: в 1821 г. она присоединилась к Соединенным Штатам Колумбии, на правах самостоятельного штата (departamento); в 1841 и 1885 гг. делала попытки отделиться от Колумбии. Прорытие Панамского канала должно было чрезвычайно поднять значение Панама; усилились сепаратистские стремления, не ослабевшие и после краха первого (Лессепсовского) Панамского общества. Второе панамское общество вело работы не энергично, и им не предвиделось конца. В сентябре 1903 г. Колумбия отказалась заключить договор с Соединенными Штатами о прорытии Панамского перешейка этими последними (см. Панамский канал), и это дало ближайший повод к отделению желавшей прорытия канала Панама 3 ноября 1903 г. департамент Панама объявил себя независимым и выбрал временное правительство. Соединенные Штаты, все время покровительствовавшие сепаратистским стремлениям в Панаме, немедленно признали новое государство и послали к его берегам канонерку «Нэшвил», командир которой объявил, что он не допустит вооруженного вмешательства Колумбии для восстановления своего владычества, так как оно могло бы нарушить правильность железнодорожного движения по Панамской железной дороге. Колумбия подчинилась. Вслед затем Панамская республика была признана другими американскими и европейскими государствами. 18 ноября 1903 г. Панама заключила с Соединенными Штатами договор, по которому признала полный суверенитет Соединенных Штатов над всей территорией канала (см. ниже, Панамский канал). В январе 1904 г. собралось учредительное собрание, которое 14 февраля выработало конституцию, а 17 февраля единогласно избрало доктора Мануэля Амадора президентом республики.

Панамский канал

начат в 1881 г. с целью соединения вод Атлантического океана с Тихим и избежания длинного объезда через Магелланов пролив — прорывается на Панамском перешейке в том месте, где Колумб, во время своего четвертого путешествия, искал проезда к восточной части азиатской Индии. Сокращение пути тем значительнее, чем отдаленнее место от мыса Горна: путешествие из Ливерпуля в Окленд (в Новой Зеландии) сокращается на 8170 км, в Вальпараисо — на 4535 км, в Сан-Франциско — на 9 527 км. Мысль о прорытии междуокеанского канала явилась вследствие развития мировой торговли и успешного прорытия Суэзского канала. С этой целью предпринимались две экспедиции: 1-я — под руко-

водством Люсьена-Наполеона Бонапарта Уайз, 2-я — под руководством Армана Реклю, по поручению международного общ. междуокеанского канала, находившегося под председательством ген. Тюра. Было представлено на рассмотрение парижского географического конгресса несколько проектов, между прочим проект Никарагуанского канала, канала между заливом Сан-Блаз и истоком р. Баяна, канала между Дариенским зал. и Чиричирибаией и, наконец, проект П. канала. Большинство членов конгресса высказалось за прорытие последнего. В конце 1879 г. Фердинанд де Лессепс, строитель Суэцкого канала, отправился, со штабом инженеров различных национальностей, в Панаму. Инженеры эти представили к 1880 г. отчет, по которому выполнение канала на уровне океана объявлялось осуществимым. Расходы, принимая в расчет необходимость выкопать и удалить массу в 75 млн. куб. м, были высчитаны в 843 млн. франков. Но при составлении этой сметы не были приняты в расчет проценты на затраченную сумму, расходы по реализации и расходы по надзору за работами, которые должны были составить почти такую же сумму, по позднему разъяснению самого Лессепса. Акционерное общество для постройки канала, состоявшее как из крупных, так и из мелких французских капиталистов, приступило к работам уже в 1881 г. Предполагалось на протяжении 73 км прорезать перешеек открытым каналом на одном уровне с океаном, причем наибольшая высота над Атлантическим около 102 м, ширина канала среди гор должна была равняться 28 м, а в равнине 50 м, глубина у атлантического входа 8,5 м, а у Тихого океана, где во время прилива вода поднимается на высоту от 2 до 6 м выше уровня при отливе — 10,54 м. От г. Колона канал должен был следовать железнодорожному пути, проложенному в 1850—56 гг., через 10 км достичь Рио-Шагрес у Габуна, воспользоваться этой рекой до р. Обиспо (46 км до Колона) и следовать по ней на протяжении 7 км. Далее он должен был пересечь р. Кулебра, на расстоянии 54 или 55 км от Колона, и, пользуясь равниной Рио-Гранде, выйти в П. залив. Так как у Колона прилив наступает на 5 час. позже, чем в Панаме, и разница в уровне во время отлива и прилива здесь очень значительна, то казалось необходимым у Колона построить двойные приливные шлюзы, а у Панамы — отливные и приливные шлюзы. У Сан-Пабло, южнее Кулебры, П. канал должен был идти под землей. Скоро оказалось, что неостанет полученных средств для проведения канала на морском уровне. Камень обрушился и заваливал ночью работу, сделанную днем; в одну ночь обвалилось 80 000 км с боков канала, который пришлось бы сделать по крайней мере втрое шире, чтобы он был, на будущее время обеспеченным от подобных катастроф. Тогда было решено, якобы временно, отказаться от постройки канала на уровне с океаном и продолжать П. канал, как шлюз-

ный, с перенесением железной дороги между Бахио-Сольдадо и Кулеброй на вост. сторону канала. От уровня Атлантического ок. двойные шлюзы, № 1 и 2, должны были вести от Бахио-Сольдадо (в 24 км от Колона) на высоту +17; двойные шлюзы № 3 и 4 у Мамей (в 37 км от Колона и 2 км на В от С. — Пабло) должны были поднимать воду на высоту +35; затем, на расстоянии 1,5 км на ЮВ от Кулебры, повышение оканчивалось и, посредством двойных шлюзов № 5 и 6 у Парайзо и шлюз № 7 у Педро-Мигеля и № 8 у Мирафлорес, на расстоянии 57, 59,4 и 62 км от Колона, предполагалось достигнуть уровня Великого ок. Рабочие сильно страдали от убийственно жаркого и нездорового климата. Смертность среди европейских строителей достигала 6,4 %, а среди рабочих, по большей части негров и туземцев — 7,2 %. Большей частью умирали от болотной лихорадки. Большие затруднения представлял отвод горных потоков Рио-Шагрес; для этого требовалось проведение побочных каналов, которые необходимо было защищать на большом протяжении дорогами плотинами. В 1888 г. было уже израсходовано 1400 млн. франк., а едва 1/3 работ окончена; собственно судоходно было только расстояние от Колона до Габуна. Дальнейшая утайка положения дел была невозможна уже потому, что Лессепс нуждался в новых капиталах. Предприятие, несмотря на все старания поправить его, рухнуло; акционерное общество не могло в 1888 г. уплатить по декабрьским купонам и принуждено было ликвидировать дело. Ликвидатор Брюнэ потребовал отчет комиссии, который появился в июне 1890 г. Отчет этот рекомендовал проведение шлюзного канала и признавал необходимым для этого 900 млн франк, и от 7 до 8 лет работы. Правда, Уайз добился нового договора с Колумбией, который продолжал срок концессии, истекавший в 1889 г., до 1903 г.; но образование нового акционерного общества с солидными капиталами замедлилось. П. кризис имел важные политические последствия (см. Франция). Машины и нивелировочные инструменты частью погребены под сором и илом, и крупные суммы потребуются для восстановления дела. В 1894 г. основано было в Париже новое общество: «Compagnie Nouvelle du Canal de Panama» (Новое общество Панамского канала), с капиталом в 56 млн. франков, и работы снова начаты в Кулебре 1 октября того же года. В 1897 г. должна отправиться на перешеек техническая комиссия, для представления отчета о том: возможно ли доведение дела до конца. Большие суммы предполагалось затратить на устройство верфей в Колоне и Ла-Бока.

После краха Панамского общества, основанного Лессепсом, в Париже, в 1894 г., было основано второе Панамское общество, и работы в Панаме начались, но медленно. Число рабочих колебалось между 2000 и 3600, и к 1 янв. 1900 г. было вырыто всего 5000000 куб. ярдов земли

(тогда как первое общество успело вырыть 72 млн.). В 1902 г. конгресс Соединенных Штатов решил приобрести права и имущество второго Панамского общества, но вместе с тем приступить к прорытию канала через Никарагуа. По договору, заключенному президентом Соединенных Штатов с республикой Панама 17 ноября 1903 г., Соединенные Штаты приобрели за 10 млн. долларов в собственность полосу земли, по которой идет канал. Вместе с тем было куплено за 40 млн. долларов имущество ликвидировавшего свои дела Панамского общества. Имущество это представляло весьма малую ценность, так как прорытые участки были заброшены и отчасти заросли целыми лесами, отчасти засыпаны песком и илом; многие строения разрушены или испорчены, машины частью испорчены или засыпаны. Тем не менее, работы возобновлены правительством Соединенными Штатами.

ПАНАМА, РЕСПУБЛИКА ПАНАМА, REPUBLICA DE PANAMA, государство на Панамском перешейке в Центральной Америке. Омывается Тихим океаном и Карибским морем. Граничит на западе с Коста-Рикой, на востоке — с Колумбией.

Панама занимает самую узкую и южную часть Центральной Америки, шириной от 200 (с полуостровом Асуэро) до 48 (перешеек) километров. Климат Панамы очень жаркий и влажный.

Население около 3 миллионов человек, панамцы — метисы, испанские креолы, негры, индейцы. Официальный язык — испанский. Основная религия — католицизм. Столица — Панама. Административно-территориальное деление — 9 провинций и 1 специальная территория.

Глава государства — президент. Законодательный орган — однопалатная Законодательная ассамблея.

Государственный флаг Панамы — четыре прямоугольника белого (левый верхний и правый нижний), красного (правый верхний) и синего (левый нижний) цвета с двумя пятиконечными звездами синего и красного цвета на белых прямоугольниках.

Государственный герб Панамы — щит, разделенный на 5 частей. Вверху слева — скрещенные винтовка и сабля; вверху справа — скрещенные лопата и мотыга; в центре — солнце над Панамским каналом; внизу слева — рог изобилия; внизу справа — крылатое колесо. Над щитом расположен орел, в клюве которого лента с надписью — «На благо мира». Щит окаймлен национальным знаменем.

С древнейших времен панамские земли населяли индейские племена.

В начале XVI века Панама была завоевана испанскими конкистадорами, понимавшими что Панамский перешеек имеет колоссальное значение, связывая Атлантический и Тихий океаны. Перешеек — «Твер-

дая земля» — был превращен испанцами в свой опорный пункт в завоевании Центральной и Южной Америки, а также в громадный перевалочный склад, центр связи колоний с Испанией. Через Панаму Испания контролировала всю Центральную и Южную Америку.

Атлантическое побережье Панамского перешейка было открыто испанцем Родриго де Бастидас в 1501 году. В 1502 году, во время четвертого путешествия Христофор Колумб достиг Панамского перешейка и попытался основать первую колонию на берегу Верагуа в устье реки Белен. Конкистадоров к этому берегу привлекала золотоносность района и стремление найти западный путь в Индию. Испанцы назвали Панаму Золотой Кастилией — «Кастилья дель Оро».

В 1508 Алонсо де Охеда в 1509 году Диего де Никуэса получили королевскую грамоту на завоевание земель и на основание колоний по обе стороны залива Ураба — южной оконечности Атлантического побережья Панамского перешейка. В 1509 году Энсисо основал колонию в заливе Дариен. Восстание колонистов против его тиранического управления заставило его бежать; во главе колонии стал Бальбоа.

В 1509 году губернатором Панамы был назначен Диего де Никуэса, через год основавший город Номбре-де-Дьос — «Имя божье».

В 1512 году во главе Панамы стал Васко Нуньес де Бальбоа. В сентябре 1513 года Бальбоа за 25 дней пересек с экспедицией в составе 200 человек Панамский перешеек и достиг Тихого океана, названного им Южным морем. Это открытие стало европейской сенсацией.

В том же году новым губернатором Панамы был назначен Педраис Давила, со словами «Лучший индеец — мертвый индеец», основавший на перешейке несколько новых колоний.

В 1513 году на Тихоокеанском побережье был основан город Панама (в переводе с индейского «Изобилие рыбы», ставший административным центром колонии. Дариен-Панама сделался главным пунктом, через который осуществлялась связь Испании со всей Южной Америкой, а также стал главной базой при завоевании Перу.

В конце XVI века английскими корсарами была разгромлена колония Номбрэде-Диос. На этом же месте в 1588 году испанцами был построен укрепленный город-порт Порто-Белло — «Красивый порт», ставший важнейшим центром испанской колониальной торговли. В Порто-Белло, куда с 1606 по 1732 годы стекались купцы со всей Южной Америки, устраивались грандиозные ярмарки. Перевалочная дорога Порто-Белло — Панама считалась «дорогой сокровищ».

В течение всего колониального периода территория Панамы подвергалась набегам пиратов. В XVIII веке торговля Испании с ее тихоокеан-

скими владениями из-за постоянной угрозы нападения пиратов из Антилских островов велась обходным путем вокруг Южной Америки, через мыс Горн.

В 1718 году, с образованием вице-королевства Новой Гранады, Панама вошла в ее состав. При развитии в испано-американских колониях национальноосвободительного движения вице-король Новой Гранады перенес свою резиденцию в Панаму; она стала и военной базой.

Во время Войны за независимость испанских колоний в Америке 1810—1826 годов с помощью присланных Боливаром войск после упорных боев Панама была освобождена; с 28 ноября 1821 года Панама — независимое государство, позже в составе Великой Колумбии, а с декабря 1831 года, при распаде Великой Колумбии Панама осталась в составе Новой Гренады — с 1886 года Колумбии.

В 1846 году после подписания Договора «О мире, дружбе, торговле и мореплавании» США и Новой Гренадой Соединенные Штаты получили право беспрошлинного транзита через Панамский перешеек.

В 1855 году через Панамский перешеек между городами Колон на Карибском побережье и Панамой на Тихоокеанском была проведена железная дорога длиной 77 километров. Панама была превращена в самостоятельный штат и получила широкие права в области местного управления. После 1886 года Панама была лишена этих прав, что привело к массовым волнениям.

3 ноября 1903 года Панама отделилась от Колумбии и провозгласила себя независимой республикой. Первым президентом страны стал Мануэль Амадор Герреро. По договору с США часть панамской территории отошла к Соединенным Штатам для постройки и эксплуатации межокееанского канала.

ПАНАМСКИЙ КАНАЛ, искусственный водный путь, проложен через Панамский перешеек — наиболее узкую часть Центральной Америки (ширина 48 километров), соединяющий материки Северную и Южную Америки — на территории Панамы; соединяет Тихий океан у города Панама с Атлантическим океаном у города Кристобаль.

При открытии Панамы испанцами в начале XVI века стало известно, что Панамский перешеек — кратчайший путь между Тихим и Атлантическим океанами. Однако осуществить постройку канала удалось только через 400 лет.

В середине XIX века Великобритания и США оспаривали право на постройку канала. Воспользовавшаяся их противоречиями Франция в 1879 году начала строительство канала, но построить не смогла, и в 1901 году право на сооружение канала перешло к США.

Основатели Панамской республики.

Сидят слева направо: J.A. Arango, Manuel Amador Guerrero, Federico Boyd. Стоят: N.A. de Obarrio, Manuel Espinosa B., C.C. Arosemena, Tomas Arias, Ricardo Arias.

Первое судно прошло каналом в 1914 году.

Официально Панамский канал открыт в 1920 году. Длина канала 82 километра, ширина 150—300 метров, глубина до 12 метров, 12 шлюзов.

По договорам 1936 и 1942 годов США получили около 150 участков земли в Панаме вне зоны канала для строительства своих военных баз.

В начале октября 1968 года президент Панамы Ариос в нарушение предварительных договоренностей попытался сменить все руководство Национальной гвардии. Командующий получил назначение военным атташе в США, двое других видных офицеров были отправлены в отставку. Исполнительный секретарь Национальной гвардии Омар Торрихос был назначен военным атташе в Сальвадор.

11 октября 1968 года, в день торжественных проводов бывшего командующего Национальной гвардией в Вашингтон, в результате государственного переворота, совершенного бескровно вооруженными силами Панамы — Национальной гвардией во главе с полковником Омаром Торрихосом Эррерой, президент Арнульфо Ариас был свергнут. Вечером 11 октября столичные войска, поддержанные армией во всех панамских провинциях, заняли стратегические пункты столицы, включая и прези-

дентский дворец. Ариас с правительством бежал под охрану американцев в зону Панамского канала. Военными была сформирована Временная хунта во главе с полковниками Хосе Мария Фабрегасом и Боливар Уррутия.

ХУНТА (исп. Junta, собрание), в средние века на Пиренейском полуострове называли собрания дворянства и духовенства, а также специальные комиссии, административные комитеты и советы, назначаемые испанским королем.

В 1520 году восставшие против Карла V города образовали «святую хунту» для борьбы за свои вольности. Впоследствии слово «хунта» стало использоваться именно в этом значении.

В начале декабря 1968 года во главе Национальной гвардии встал полковник Омар Торрихос, с марта 1969 года — единственный генерал Панамской армии.

ОМАР ЭФРАИН ТОРРИХОС ЭРРЕРА (1929—1981), назван отцом в честь поэта Омара Хайяма; выпускник Сальвадорского военного училища, с 1952 года в Национальной гвардии Панамы.

В декабре 1969 года часть панамских военных, воспользовавшись тем, что генерал Торрихос находился в Мексике, попытались отстранить его от власти. Через два дня, в результате невероятной одиссеи, Омару Торрихосу удалось вернуться в Панаму, где в провинции Чирики его ждали оставшиеся преданными ему войска во главе с майором М. Норьегой.

Вечером 16 декабря генерал Торрихос во главе стотысячной колонны без оказания сопротивления вошел в здание штаба Национальной гвардии. Организаторы заговора полковники Сильвера и Санхур были арестованы. День 16 декабря в Панаме стал праздником — «Днем верности».

По конституции 1972 года Омар Торрихос стал «высшим лидером Панамской революции» и главой правительства.

«Это движение возникло не стихийно, ибо ни в одной стране революционное пламя не возгорается само собой. Оно явилось результатом того, что сознание народа созрело, народ накопил опыт борьбы, после чего уже не мог допустить, чтобы ими правили по-старому.

Мы, военные, сделали лишь одно: почувствовав, что чаша народного терпения переполнена, мы поставили оружие национальной гвардии на пользу народу.

Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала.

Омар Торрихос»

Конституция 1972 года гласила: «Территория страны не может быть никогда, ни временно, ни частично передана иностранному государству».

Тогда же в Панаме началось осуществление общественных и экономических реформ. Районы Панамы — коррехимьентос — стали управляться административным органом хунта коммуналь, а более 500 населенных пунктов — хунтой локаль.

В сентябре 1978 года генерал Торрихос ушел в отставку с должности премьер-министра, оставшись командующим Национальной гвардией. 31 июля 1981 года Омар Торрихос погиб в авиационной катастрофе — его самолет врезался в гору Марта в 40 метрах от ее вершины.

В 1984 году командующим Национальной гвардией (с 1987 года Национальные силы обороны) стал полковник Мануэль Норьего, многие годы возглавлявший разведку и контрразведку панамской армии.

В начале 1988 года правительство США обвинили М. Норьегу в организации ввоза и сбыта в Америке 1 миллиона фунтов марихуаны и 4 тысяч фунтов кокаина.

25 февраля 1989 года президент Панамы Артуро Дельвалье объявил об отставке М. Норьегу с поста командующего Национальными силами Обороны, в результате чего президент оказался отстраненным от своего поста и спрятался на американской военной базе. 20 декабря 1989 года по приказу президента США Джорджа Буша 25 000 американских солдат под предлогом защиты жизни американских граждан и восстановления демократии вошли в Панаму. Казармы Национальных сил обороны внезапным налетом истребителей-бомбардировщиков «Стеллс» были разрушены. В течение нескольких дней столица Панамы была оккупирована. 24 декабря генерал М. Норьего укрылся в здании нунциатуры Ватикана в Панаме. Президентом страны 7 мая 1989 года стал Гильермо Эндара.

В результате вторжения погибли 25 американских и 150 панамских солдат.

С 1 января 2000 года Панама установила суверенитет над Панамским каналом.

Д. С. МИЛЛС

ПАНАМСКИЙ КАНАЛ. ИСТОРИЯ И ОПИСАНИЕ ЕГО

I

Панамский канал

Природа обнаружила либо легкомыслие, либо лукавство, оставив американский материк, во всю его длину, без единого прохода к океану, или что еще хуже, допустив такую возможность у Никарагуа, но тут же уничтожив ее, благодаря вулканическим извержениям. Эта непроходимость длинного американского барьера имела, как мы увидим ниже, важные экономические и политические последствия и важные результаты. Панамский канал, после четырех столетий, осуществит те задачи, которые ставил себе еще Колумб, отправившись из порта Палоса — искать водный путь к Западу от Китая и Индии. Взятие Константинополя в 1453 г. турками закрыло древние торговые пути между Востоком и Западом. Разбойничьи шайки задерживали караваны, шедшие через пустыни с берегов Евфрата и Инда, и пираты, которыми кишели моря Средиземное и Красное, грабили транспорты шелка, драгоценных камней и пряностей, принадлежавшие итальянским купцам. Глаза всей Европы были обращены на Атлантический океан, и западный водный путь на Восток и в Индию, о котором рассказывали сказки еще со времен Аристотеля, стал экономической необходимостью.

Колумб, как известно, умер в уверенности, что он открыл этот путь и что земля, которую он достиг, составляла восточную часть Азиатского материка. Географы того времени сильно преувеличивали протяжение Азии на восток, и в результате расстояние от Европы до Китая и Индии преуменьшалось по меньшей мере на половину. Эта была счастливая ошибка, ибо сомнительно, чтобы Колумб, зная он заранее, что Китай и Япония находятся на расстоянии добрых 12.000 миль к западу от Испании, решился на это длительное путешествие на примитивных судах своего времени.

Только в четвертое свое путешествие (в 1502 г.) Колумб достиг и исследовал береговую полосу перешейка и Центральную Америку. По всем видимостям, он был уже не первым, высадившимся на перешейке.

Эта заслуга принадлежит либо Альфонсу Охеда, который, как говорили, достиг «Terra Firma» еще ранее 1502 г., или Родриго де Бастидас, который, как рассказывают, сел на корабль в Кадисе вместе с Ла Коца в 1500 г. и достиг перешейка поблизости от Порто-Белло. Относительно пребывания Колумба на материке мы получаем некоторые сведения от португальского историка и исследователя XVI века, Гальвана. Интересно узнать, что великий мореплавателю посетил тот крайний пункт, от которого нынешний канал берет начало со стороны Карибского моря. От Рио-Гранде, читаем мы, Колумб «направился к Крокодиловой Реке, ныне называемой Рио де Шагре, которая имеет свои верховья вблизи южного моря, в четырех (12 милях) от Панамы, и втекает в северное море». Это та самая река, как мы увидим ниже, которая сделалась источником, питающим канал водой, когда была принята схема высокого уровня. Расчеты Колумба были до того ошибочны, что в Панаме он воображал себя на расстоянии десяти дней пути от устья Ганга! Одним из намерений его было, как мы знаем из его собственного дневника, обратить великого хана татарского в христианскую веру, к чему он призывал «жителей островов индейского океана»; это обстоятельство явилось несчастной поехой в достижении им других своих целей. Он начал исследовать перешеек, который затем в течение тридцати лет занимал все внимание и время испанских, португальских и английских мореплавателей. Он слышал от туземцев о существовании «узкого места между двумя морями». Возможно, что они имели в виду именно узкую полосу земли, вроде Панамского перешейка. Но Колумб понял их так, что существует узкий водный путь, и распространял соответствующие слухи. Несомненно, он слышал также о существовании великого океана всего в тридцати милях расстояния, и удивительно даже, что он не предпринял перехода через перешеек и не предупредил Бальбоа и Дрейка в этом предприятии. Однако, в мае 1503 г. он покинул «Terra Firma», не раскрыв великой тайны, и больше никогда уже не возвращался сюда. Он умер в 1506 г., в полнейшем неведении о природе своего открытия. Он ничего не знал об американском материке и об океане в семьдесят миллионов квадратных миль вне его, которому Магеллан дал название «Тихого».

Даже Святой Грааль, наверное, не разыскивался с таким упорством и благоговением, как этот мифический, не дававшийся в руки проход со стороны мореплавателей первых лет XVI столетия. Губернатор перешейка, назначенный туда Испанией, получил настоятельное распоряжение открыть «секрет прохода». В 1513 г. Бальбоа сам взялся за это великое предприятие. Если он не мог найти водного пути, то мог, по крайней мере, посмотреть, что находится за этой узкой полосой земли. 6 сентября он отправился из Каиба по Дарьенскому перешейку со ста индейцами

проводниками и носильщиками. О трудности перехода достаточно говорить то обстоятельство, что лишь 26 сентября его глазам, глазам первого из европейцев, открылся безымянный и таинственный новый океан. Это он, а не Кортес, впервые «орлиным взором воззрелся на Тихий океан».

Кортес тоже был упорным исследователем мифического прохода. Он писал на родину, королю испанскому: «если проход будет открыт, я сочту это за величайшее дело моей жизни. Это сделает короля Испании владыкой стольких земель, что он по праву сможет называть себя владыкой мира».

Эти тщетные попытки имели, однако, громадное значение. Они имели последствие то, что была исследована вся береговая полоса Американского материка. Так например, Жак Картье, посланный около этого времени французским королем, разыскать «более краткий путь в Китай», исследовал весь берег к северу до Лабрадора, и этим проложил путь для основания французской колонии в Канаде. Наконец, в 1520 г., морской проход от Атлантического океана к Тихому был фактически открыт великим кругосветным мореплавателем Магелланом, но это было очень далеко от узкой полосы между Северной и Южной Америкой. Через опасный проход, носящий с того времени его имя, Магеллан совершил свой отважный путь в Великий океан. Но и Магеллан не имел представления о том, что несколькими милями южнее, суша кончается и Атлантический и Тихий океаны сливаются в одно безбрежное водное пространство. Этот факт был случайно открыт англичанином Дрейком, более чем 50 лет спустя (в 1579 г.). Дрейк сделал это открытие, затмившее по своему значению Магеллановское, когда бурей отнесло его к югу. В своем триумфе, как рассказывают, он пристал к самому отдаленному острову, и, отправившись один со своими инструментами к берегу моря, бросился наземь и стал целовать самый южный пункт известного западного берега Южной Америки, занимаясь своим любимым делом — «стрижкой бороды испанского короля», как выражался он, т. е., захватывая казенные испанские корабли, направлявшиеся в Панаму. Но он не забыл и более научных обязанностей изыскания прохода. Он прошел далеко к северу, мимо позднейшей Калифорнии, пока не достиг береговой полосы, составляющей ныне Британскую Колумбию, в надежде найти место, где Тихий океан встречается с Атлантическим в столь долго разыскиваемом северо-западном проливе. Но берег все тянулся на северо-запад, и Дрейк, отказавшись от своей задачи, повернул к Западу и продолжал свое кругосветное плавание.

Но вернемся к перешейку. Приблизительно в 1530 г. стали сознавать, что естественного водного пути через него не существует. И как только этот факт был признан, начали выдвигать разные проекты созда-

ния искусственного канала. Для географов, как и для купцов того времени было ясно, что проход на запад через перешеек дает большие преимущества перед путями *via* мыс Доброй Надежды, Магелланов пролив, или проблематический северо-западный пролив.

II

Проекты канала

Кажется, что честь первого проекта проложения искусственного водного пути сообщения через перешеек принадлежит Альваро де Сааверда Серону, двоюродному брату Кортеса, который был в Панаме вместе с Бальбоа. Серон 12 лет посвятил поискам пролива и, наконец, начал сомневаться в его существовании. Его мысль обратилась к Панамскому перешейку, где узкая полоса земли и низкий уровень почвы давали наиболее благоприятные условия для сооружения искусственного канала. Мы узнаем от историка Гальвано, что Серон изготовил план будущего канала, — почти совпадающий с тем, который был осуществлен американцами почти четыреста лет спустя. Однако, смерть Серона положила тогда конец этим ранним проектам.

Интересно, что португальский историк Гальвано, живший в середине XVI столетия, упоминает о четырех возможных направлениях для канала, именно через перешейки: Дарьенский, Панамский, Никарагуа и Тахуантепекский. Выбор, однако, пал на Панаму и Никарагуа. Читатель поражен, что в такую раннюю эпоху серьезно обсуждали проекты инженерных сооружений, которые могли осуществиться только при напряжении всех технических ресурсов, какими обладает величайшее из современных государств. Но дело в том, что мелкие суда начала XVI столетия легко могли плавать по естественным рекам и озерам перешейка, в особенности по линии Никарагуа, и гораздо менее нуждались в искусственных сооружениях, чем гигантские линейные и военные корабли наших дней.

Карл V, король Испании, по-видимому, прекрасно понимал значение таких проектов. В 1534 г. он предписал губернатору Коста Фирме, — тогдашнее название Панамы, — осмотреть долину Шагре, река которой снабжает водой верховья американского канала.

Но Карл V умер, не сделав никаких практических шагов к осуществлению своего проекта, а при его преемнике, Филиппе II, наступила даже заметная реакция. Следует заметить, что к тому времени установился постоянный путь через перешеек от Панамы до Порто-Белло, по которому испанские королевские караваны проходили от моря к морю без особенных препятствий. Быстро возраставшее влияние Англии зас-

тавляло Филиппа опасаться, что если канал будет проведен, то он не в силах будет удержать его в своих руках, и он, пожалуй, потеряет монополию на торговое передвижение через перешеек. Вследствие этого, он наложил вето на всякие проекты проложения канала. Он даже убедился, что это противно божественного предначертанию, если соединить два океана, которые Господь отделил друг от друга, и что подобная попытка будет жестоко отомщена. Вследствие этого, король не только запретил всякие такие проекты, но угрожал смертной казнью всякому, кто попытается проложить лучший путь через Центральную Америку, чем та столбовая дорога, которая шла от Панамы к Порто-Белло.

С течение времени «королевская борода» была так «острижена» английскими мореплавателями и искателями приключений в Карибском море, что пользование сухопутной дорогой сделалось почти невозможным, и испанские торговые корабли должны были возвращаться домой через отдаленный Магелланов пролив. Но в 1579 г., как мы видели, сэр Фрэнсис Дрейк («Эль Драке», как называли его напуганные испанцы) внезапно напал на испанские корабли и уничтожил их у берега Южной Америки на Тихом океане. Таким образом, опять пришлось обратить больше внимания на сухопутную дорогу, и испанцы напрягли все усилия, чтобы охранить ее безопасность.

В течение нескольких лет вопрос о канале через перешеек не двигался вперед. Война между Англией и Испанией сделалась естественным порядком вещей в Центральной Америке.

Проект канала через перешеек никогда не сходил со сцены совершенно. В 1694 г. была сделана решительная попытка основать британскую колонию на Дарьенском перешейке, немного восточнее панамского пути. Пионером был Уильям Петерсон, шотландец, который основал «компанию шотландской торговли с Африкой и Индией».

В течение XVIII столетия, хотя европейские инженеры и предпринимали исследования перешейка во многих его частях, проект проведения канала ни разу не ставился на серьезную почву.

С наступлением XIX столетия, однако, события на перешейке начинают разворачиваться более живо.

В течение первой половины XIX столетия было создано немало проектов проложения канала, в особенности по линии Никарагуа, но все они потерпели неудачу. Второе десятилетие этого столетия было свидетелем возмущения одной за другой всех испанских провинций в Центральной и Южной Америке. В 1825 г. посольство Центральной Америки побудило Соединенные Штаты соединиться, для проведения канала, с государствами, которые оно представляло. Результатом было то, что Генри Клей, американский министр, назначил официальный осмотр Никарагуа, и

план следовал за планом быстрым темпом. В 1829 г. король Голландский получил концессию на канал от Никарагуанского правительства. Это предприятие было приостановлено вспыхнувшей в Нидерландах и Бельгии революцией. Было бы утомительно перечислять все возникавшие в ближайшие годы проекты. Но достойно отметить, что Луи-Наполеон Бонапарт, который в то время находился в заключении в крепости Гам, заинтересовался этим вопросом, и, будучи еще арестантом, получил концессию и патент на учреждение компании от правительства Никарагуа для проведения канала. Он опубликовал памфлет по вопросу о канале через перешеек, который возбудил большое внимание, хотя сам автор в это время уже был занят более близкими ему политическими событиями на родине.

Мысль прорезать перешеек канала послужила в 50-х гг. прошлого столетия предметом спора, чуть ли не войны, между Англией и Соединенными Штатами. При наступательной иностранной политике лорда Пальмерстона Англия быстро увеличивала свое влияние и свои владения в Центральной Америке. В 1835 г. Британский Гондурас фактически сделался британской колонией, и британское влияние естественно распространилось на Никарагуа и Москитовый берег, т. е. на всю предполагаемую линию водного пути через перешеек. Соединенные Штаты укрепились на Тихом океане, благодаря вторжению в Мексику. В 1846 г. они приобрели штаты Калифорнию, Неваду и Нью-Мексико, и естественно стали проявлять больше интереса к проекту канала и относиться с большей чувствительностью к соперничавшим честолюбиям в Центральной Америке. Вскоре после того, как они присоединили упомянутые территории у Тихого океана, началась знаменитая золотая лихорадка в Калифорнии, и настоятельней почувствовалась необходимость более короткого пути от востока к западу, чем морской путь вокруг мыса Горна или утомительный железнодорожный путь по обширному американскому матерiku. Уже в 1846 г., до Мексиканской войны и открытия золота в Калифорнии, Соединенные Штаты заключили договор с Новой Гранадой, который обеспечивал за Штатами право транзита через перешеек «по ныне существующим путем или могущим быть проложенными», и который гарантировал Новой Гранаде верховное владычество над всей территорией перешейка.

Именно на основании этого договора была проложена Панамская железная дорога, которая вызвала к жизни город Колон; естественно, что управление последним перешло в руки Соединенных Штатов. Этот рельсовый путь сделался в первое время столбовой дорогой мировой торговли. У его заправил была монополия транспорта через перешеек, и они назначали цены, какие им было угодно. Развилось сильное пароходство

от Панама к северному и южному берегам Америки, и железная дорога делала такие блестящие дела, что в 1895 г. она выплатила акционерам дивиденды в 15% на вкладной капитал. Она была выкуплена первой французской панамской компанией за чудовищно большую сумму в 5.100.000 фунтов стерлингов. Существование этой железной дороги фактически заставило Лессепса избрать Панамский путь и значительная выемка, сделанная французами, сыграла большую роль в том, что и американцы остановились на нем; таким образом, проведение панамского железнодорожного пути явилось событием громадной важности для перешейка. Соединенные Штаты переняли от французов железную дорогу вместе с незаконченным каналом, а также с пароходством от Колона до Нью-Йорка, принадлежавшего дороге.

Соперничество между Англией и Соединенными Штатами вокруг линии Никарагуа сделалось столь острым и угрожающим, что в 1850 г., когда вопрос о Панамском канале занял все внимание текущей политики, обе страны решились заключить между собой важный договор. Договор Клейтон — Бульвера, названный так по именам американского министра Джона М. Клейтона и британского посла в Вашингтоне сэра Генри Бульвера, сохранял силу в течение пятидесяти лет и сделался предметом бесконечных дискуссий между Англией и Соединенными Штатами.

III

Договор Клейтон — Бульвера и Суэцкий канал

Договор 1850 г. первоначально имел в виду канал вдоль линии Никарагуа. Но, согласно статье VIII, он устанавливает «общий принцип», относящийся к водному пути через перешеек между Северной и Южной Америкой. Обе договаривающиеся стороны признают, что никто не должен «получить или иметь исключительный контроль над названным каналом», или «иметь укрепление, командующее над ним, или по соседству от него», или «оккупировать, или укреплять, или колонизировать, или приобретать, или пользоваться какой-либо областью над Никарагуа, Коста-Рикой, Москитовым берегом, или какой-либо другой частью Центральной Америки».

Затем последовала целая серия проектов проведения канала в различных пунктах перешейка.

В 1869 г. случилось событие, имевшее большое влияние на положение дел на перешейке, именно, открытие торговых сношения через сооруженный Лессепсом Суэцкий канал. Эти два перешейка на восточном и западном полушария имеют явно общие черты. Оба они связывают два обширных континента и составляют барьер между двумя океанами или

океанскими системами. Они почти равны и по широте: Суэц имеет шестьдесят миль, а Панама — около 54 миль в ширину. Кратчайший путь через каждый из них направляется почти точно с севера на юг. И оба до последнего времени оставались необитаемыми странами. Но имеется и некоторое различие между ними. Суэцкий перешеек — плоская и бесплодная пустыня; Панама — страна холмистая, покрытая почти непроходимой тропической растительностью. Затем, Суэц здоровая местность, Панама же до последних лет была очагом заразы, подобно Сьерра-Леоне или берегу Гвинеи.

Лессепс, под свежим впечатлением своего успеха в Суэце и неудовлетворенный своим великим достижением, готов был заняться разработкой планов о прорытии других перешейков, которые, подобно Суэцкому, являлись препятствием к слиянию между востоком и западом. В 1876 г. было учреждено общество «La Société Civile Internationale du Canal Interocéanique» в целях осуществления планов о прорытии канала через низменную часть перешейка. Главой этого общества был лейтенант Люсьен-Наполеон Бонапарт Уайз, который вскоре получил от колумбийского правительства концессию на прорытие канала в Боготе. В 1879 г. Лессепс созвал в Париже интернациональный конгресс инженеров, на котором сторонники Лессепса приняли решение в пользу панамской линии.

Однако, Соединенные Штаты, которые к тому времени уже решили соорудить канал собственными средствами, без участия кого бы то ни было и без интернациональной гарантии нейтральности, выступили против французских проектов. Не ошибки французских инженеров влияли на это сопротивление. Американский народ действительно имел право быть недовольным. Колумбийская концессия французам нарушала договор 1846 г. между этой южноамериканской республикой и Соединенными Штатами. Лессепс старался побудить Колумбию нарушить этот договор, и были использованы все средства, чтобы победить возражения Америки против этих проектов. В 1880 г. Лессепса чествовали на публичном банкете в Нью-Йорке, с большой теплотой, но даже личное присутствие гениального человека не произвело желательного действия. Президент Гейс обратился в сенат с резким посланием.

«Междоокеанский канал через американский перешеек существенно изменит географическое взаимоотношение между Атлантическим и Тихоокеанским берегом Соединенных Штатов и между Соединенными Штатами и остальным миром. Это будет великоокеанская дорога между нашими побережьями, Атлантическим и Тихоокеанским, и фактически явится частью береговой полосы Соединенных Штатов. Одни только наши коммерческие интересы затрагиваются им более, чем интересы всех других стран, так как этот канал касается нашей мощи и благосос-

тояния как нации, наших средств обороны, нашего единства, мира и преуспевания, — важнейших сторон национальной жизни Соединенных Штатов. Ни одна держава при подобных обстоятельствах не преминула бы обеспечить за собой справедливый контроль над предприятием так тесно и живо задевающим ее интересы и благосостояние.

Считая излишним еще подробнее обосновывать свое мнение, я повторяю, в заключение, что это право и обязанность Соединенных Штатов обеспечить за собой надзор над междуокеанским каналом.

Были предприняты длительные переговоры с Англией, чтобы порвать договор, запрещающий Соединенным Штатам самостоятельно сооружать канал и мешающий им выступить более реально против французских проектов, но переговоры ни к чему не привели.

Между тем, французы упорствовали в своих намерениях. Их канал должен был быть проведен на уровне прилива, глубиной в двадцать восемь футов и стоимостью в 26 400 000 фунтов стерлингов. Общество под названием «Compagnie Universelle du Canal Interocéanique du Panama» была основана в 1881 г., и в том же году начались работы по сооружению канала. Таким образом, казалось, что американцам приходится отказаться от всякой надежды провести канал через перешеек под собственным контролем. Однако, дальнейшие события решили иначе.

IV

Неудача французов

Французская компания приступила к работе и дело на редкость быстро пошло вперед. Имя Фердинанда Лессепса внушало такое доверие, что деньги текли рекой из Франции. Большая часть акций была размещена в мелких суммах, среди людей с очень скромным достатком, и не менее 16,000 женщин имели акции на свое имя. Начало работ было отпраздновано торжественным представлением в Панамском театре, среди артистов которого находилась Сара Бернар. Затем началась драма или мелодрама, полная экстравагантности и позора, продолжавшаяся семь лет. Деньги текли подобно бурным волнам в реке Шагре. Все траты производились в огромном масштабе. Царские оклады были назначены директорам и заведующим и для их удобства были выстроены роскошные помещения. Постройки — склады, госпитали, отели и т. п., воздвигались непрерывно. М-р В. Джонсон рассказывает об одном человеке, который владел тридцатью акрами земли, годной только для разведения москитов, но лежавшей по линии прохождения канала. Она стоила не более 300 долларов. Владелец запросил за нее в тысячу раз больше; колумбийские суды утвердили назначенную цену и французы ее заплати-

ли. Крупная ошибка, допущенная французами, заключалась в том, что они не закрепили за собой определенной зоны для канала, в котором они пользовались бы полным правом управления. Они начали строить свой канал на колумбийской территории, под контролем Колумбии, и в результате их грабили на каждом шагу. Может быть, эта ошибка была неизбежна, при том условии, что Соединенные Штаты положили бы вето на всякую уступку Колумбией Франции какой-либо части территории, как нарушающую доктрину Монро.

Перешеек быстро превратился в моральный, как и в климатический очаг заразы. Фрауд характеризует положение вещей в Панаме одной убийственной фразой: «Пожалуй, во всем мире не найдется такого места, где бы на одном клочке было сконцентрировано такое мошенничество, такая скверна, такая отвратительная навозная куча моральной и физической порчи». Однако, справедливость требует заметить, что Лессепс сам не может быть признан непосредственно ответственным за создавшееся положение вещей. Он жил в Париже и, пожалуй, не имел представления обо всем, что делалось в Панаме. Он представлял собой яркий пример отрицательного влияния чрезмерного успеха и богатства. Он, по-видимому, суеверно верил в свою звезду и думал, что не может быть неудачи там, где он принимает участие. Еще менее можно поставить в вину всей французской нации позорное поведение ее представителей на острове. Есть, однако, одна черта, искупающая до известной степени поведение этих людей. Посреди этой моральной и физической испорченности, которая заражала весь воздух на перешейке во все время занятия его французами, инженерные работы велись непрерывно и добросовестно. Большая часть работы французов были использована впоследствии американцами, когда они переняли это дело в свои руки, и инженеры Соединенных Штатов многократно свидетельствовали публично о превосходном качестве сделанных французами выемок и сооружений вдоль линии канала.

Следует заметить, что французский канал должен был иметь уровень моря, подобно Суэцкому, Коринфскому и Кильскому каналам. Конструкция такого канала во многих отношениях разнится от того шлюзового канала с высоким уровнем, который сооружают Соединенные Штаты. Чтобы понять это, нужно вкратце остановиться на характере страны, которая лежит между Панамой и Колоном. Решающим свойством перешейка в этом месте является река Шагре и горы Кулебра. Шагре впадает в Карибское море немного к западу от Колона. Ее долина проходит прямо через перешеек с юга-востока к Панаме на протяжении двадцати шести миль, затем, в одном месте, называемом Bas Opisbo внезапно поворачивает к северо-востоку в непроходимую заросшую холмистую местность. Эта долина единственно проходима низменная полоса через перешеек и

она всегда привлекала внимание исследователей, искавших путь для проложения канала. Если бы перешеек был безводной пустыней, подобно Суэцу, то канал мог бы быть сооружен углублением этой речной долины и некоторыми выемками на расстоянии девяти миль от Обиспо к Тихому океану. Затем он был бы соединен с морем, причем приливы и отливы Тихого океана (берег Атлантического океана не знает приливов) регулировались бы при помощи шлюзов. Но проблема далеко не так проста. Перешеек является одной из наиболее богатых дождями местностей на всем земном шаре: на атлантической стороне количество дождевых осадков достигает 140 дюймов в год. В Панаме — гораздо меньше, около 60 дюймов. На центральных холмах дождевые осадки достигают в среднем 90—95 дюймов. Среднее число дождевых дней в году 246 в Бохио (на атлантическом берегу), 196 в Колоне и 141 в Панаме. Читатель не должен представлять себе характер этих дождей, как нечто длительное. Ливень налетает бурными порывами, свойственными тропикам, оставляя полосы ясной погоды в разгаре грозы. Но перешеек несомненно сырой и туманный, и эта влажность его делает климат таким нездоровым, хотя переходы в температуре не особенно резки и средняя температура воздуха не очень высока. Например, средняя температура в Панаме колеблется между 81,6 Ф. в ноябре до 86,1 в марте, — это в самое жаркое время дня, от двух до четырех пополудни. Самое холодное время от 6 до 7 вечера, когда средняя температура колеблется между 74, в январе и 76,6 в июне. Годовая средняя дневная температура равняется 79,6°. Термометр в Панаме не поднимается даже до 100° Ф., в то время, как в Вашингтоне доходит до 104°.

Но вернемся к реке Шагре. Тропические дожди быстро превращают ее в бурлящий поток. Шагре в состоянии подняться на сорок футов выше уровня в 24 часа. Если долина Шагре должна была служить руслом для канала, то какими путями думали французы усмирить эту капризную бурную реку? М-р Джонсон замечает, что «тому, кто видел Шагре под действием типичного тропического ливня, можно простить, если он смотрит на возможность впрячь Шагре в канал как на нечто подобное тому, если бы мы захотели впрячь бешеного слона в семейный фаэтон». Единственно, что французы могли сделать при их проекте канала на уровне моря, это отвести Шагре с ее двадцатью шестью притоками, главнейшими из которых являются Гатун и Тринидад, из ее старого русла в новое, где она бы могла бурлить сколько ей заблагорассудится на ее кратком пути к Карибскому морю. Это было бы очень трудное предприятие, но не невозможное. Новая Панамская Компания, которая переняла дело от компании Лессепа в 1893 г., отказалась от канала на уровне прилива в пользу высокого уровня, и остановилась на плане проведения плотины через реч-

ную долину в Бохио, создав озеро выше этого пункта и спустив излишек воды, при помощи отводного канала меж прилегающих холмов. Ниже мы увидим, как американцы приняли этот принцип, но на практике изменили его.

Пока довольно об этой проблеме Шагре. Второй главный вопрос связан с тем пунктом на перешейке, где река внезапно меняет свое направление, — именно в Гамбоа, около девяти миль от устья Тихого океана. Здесь холмы достигают до 300 футов высоты, поднимаясь местами еще выше, что приближает их к Кордильерам Южной и Сьеррам Северной Америки. Ибо на расстоянии восьми-девяти миль канал должен пройти через этот центральный барьер по пути к Тихому океану. Первое французское намерение было провести судовой туннель, — проект, который, возможно, никогда серьезно и не обсуждался. Вторая возможность была — прямо прорезать эту гористую местность. Это было грандиозное предприятие, которое требовало большой доли той веры, которая, как говорится, «двигает горами». Мы остановимся на этом подробнее, когда будет говорить об американском канале. Большая часть работы французских компаний состояла в дренаже конечных частей канала у Атлантического и Тихого океанов. Но они прокопали довольно глубокую полосу через кулебийские горы, сделав в общем выемку в 22 600 000 кубических ярдов.

Со своим планом канала с морским уровнем, французы стояли перед более трудной задачей в горах, чем их американские преемники. Им предстояло прямо копать землю ниже уровня моря, в то время, как дно американского шлюзового канала находится на высоте 40 футов над уровнем моря. Вспоминая все затруднения, которые пришлось преодолеть американцам с облавами и оползнями по бокам прокладываемого канала, можно себе легко представить, что план более узкого и более глубокого канала французов был непрактичен. Французский план имел в виду канал шириной в 74 фута, в то время, как ширина дна американского канала составляет 300 футов. Вся земляная работа французов была утилизирована американцами, которые, хотя и с другими техническими средствами, приняли в общем тот же метод выемки.

В 1888 г. французская компания прекратила платежи и объявила себя банкротом. Канал был выкопан на протяжении приблизительно двух пятых длины, и стоил уже около 80 000 000 фунтов стерлингов. Говорили, что треть этой суммы израсходована на канал, треть — растрочена зря, а треть раскрадена. Первоначальный капитал с восемью дополнительными выпусками акций в 1882—1888 гг. представлял номинально сумму в 78 701 020 фунтов стерлингов, но фактически лишь 40 309 348, — потеря на дисконтах и т. п. достигла 38 391 672 фунта. Крах компании вызвал расследования и следствие со стороны Франции.

Десять сенаторов и депутатов вместе с директорами, были привлечены к суду. Фердинанд Лессепс и его сын Шарль были, вместе с другими, приговорены к заключению в крепости, но этот приговор по отношению к Лессепсам никогда не был приведен в исполнение. Ни сын, ни отец, по видимому, не были причастны к той бесчестности, которая характеризовала всю историю компании. Гений, создавший Суэцкий канал, был совершенно сломлен трагической развязкой второго своего предприятия и умер в 1894 г. в состоянии умственного и физического расстройств.

Но финансовое мощенничество было не единственной причиной неудачи французов. Болезнь и смерть с самого начала нависли над предприятием зловещим призраком. Желтая лихорадка и малярия скосили столько жизней среди французских работников, как на какой-нибудь большой войне. Сэр Рональд Росс, великий знаток тропических болезней, высчитал в 1904 г., что французские работы на перешейке стоили по меньшей мере 50 000 жизней. Может быть это несколько преувеличено, но несомненно, что смертность здесь была колоссальная, и может быть приостановила бы французские операции даже в том случае, если бы администрация и соблюдала большую экономию и честность. Нельзя, конечно, предполагать, что французы не предпринимали никаких мер против этих местных болезней. В Анкане, вблизи Панамы, был выстроен превосходный госпиталь, обошедшийся свыше чем в миллион, и в Колоне, стоивший четверть миллиона, — в обоих случаях в три раза дороже, чем следовало. В то время, когда французы занимали перешеек, еще ничего не известно было об истинной природе желтой лихорадки и малярии, о причинах распространения их, и о единственно верном средстве предупреждения болезней. Все новейшие успехи в изучении этих болезней стали известны лишь к тому времени, когда к работе приступили американцы, и новые методы лечения начали применяться с величайшим усердием и успехом. Медицинская наука почти столь же, как и инженерное искусство, сделала возможность осуществление Панамского канала.

Итак, мы не должны забывать, что, несмотря на все ошибки, французы сделали большую часть полезной работы, которая затем перешла к их американским преемникам. Часть французских машин, орудий и материалов тоже были использованы. Правда, среди последних имелся большой запас лопат для сгребания снега (и это на уровне моря на расстоянии менее 100 от экватора) и порядочное количество керосиновых факелов для торжеств, которыми когда-нибудь должно было завершиться сооружение канала. Но большая часть инвентаря была в хорошем состоянии. Экстравагантность и коррупция, царствовавшие на перешейке во время действия первой французской компании, не поддаются описанию. Но все же можно сомневаться насколько другая нация в 80-х годах прошлого столетия достигла бы успеха там, где французы потерпели поражение.

V

Договор Гай-Понсфота

В 1893 г. новое общество, известное под названием «Новая Панамская Компания по сооружению канала», приняла все обязательства компании Лессепса. Население Соединенных Штатов не особенно было огорчено по поводу краха великого французского предприятия. Оно все более и более утверждалось в своем желании создать американский канал под американским контролем. Многие предпочитали линию Никарагуа по сравнению с Панамской. В 1887 г. была послана партия разведчиков для исследования Никарагуа, а в следующем году была основана «Maritime Canal Company» для сооружения здесь канала. Важно отметить здесь этот частный проект, так как по нем начались фактические работы. Верфи, склады и волнорез были выстроены в Крейтоне, была проложена железная дорога и начаты работы по сооружению канала. Вне панамской линии это была единственная актуальная попытка проведения канала через перешеек и Центральную Америку. Проект потерпел неудачу вследствие разразившегося в 1893 г. громадного промышленного кризиса и невозможности достать нужные капиталы. Следует заметить, что этот проект проведения американского канала через Никарагуа, независимо от Англии, прямо противоречил договору Клейтон-Бульвера в 1850 г., который все еще оставался в силе. Наиболее рассудительные люди видели, что первым условием осуществления проекта американского канала было — отменить или изменить этот договор. Но все проекты каналов в общем были отодвинуты на задний план, когда в 1898 г. разыгралась испанско-американская война.

Это была морская война, и Соединенные Штаты имели случай почувствовать неудобство и опасность отсутствия соединенного водного пути между своим восточным и западным берегами, кроме окружного пути мимо южной оконечности материка. Операции флота на всем театре военных действий оказались невозможными. Случилось одно событие, которое окончательно убедило американский народ в том, что слова президента Гранта «американский канал на американской почве» вызваны национальной необходимостью. При начале войны военное судно «Орегон», одно из лучших в американском флоте, находилось в Сан-Франциско. Здесь его не было, но оно было крайне необходимо в Вест-Индии, — главной арене военных действий на море. Чтобы попасть туда «Орегону» пришлось пройти 13.400 миль вокруг мыса Горна, вместо 4.600 миль через Панамский канал, если бы таковой уже существовал. Каждый человек в Соединенных Штатах знал, что лучшее военное судно подвер-

гается во все время этого гибельного пути опасности подвергнуться атаке неприятеля. Если бы оно было потеряно, исход войны мог быть совсем иной, и даже задержка вследствие длительного пути в такое критическое время тоже вызывала серьезные опасения. Правда, судно прибыло благополучно и в нужное время во Флориду и опасения и тревога американского народа сменились торжеством. Но общенародное чувство подсказывало вывод из всего случившегося, — «больше этого не должно быть».

К концу войны в конгрессе началась новая кампания за сооружение канала, причем интересы Никарагуа и Панама поддерживались соответствующими защитниками. Результатом этого соперничества было назначение комиссии, третьей в этом роде, которая должна была отправиться на перешеек и исследовать Никарагуа и Пуаман. Можно было бы кое что возразить по поводу отчета этой комиссии, которая была учреждена в декабре 1900 г. Но уже до ее появления начались переговоры между Соединенными Штатами и Великобританией по поводу Клейтон-Бульверского договора. М-р М. Кинлей, в своем послании совету дал яркое освещение вопроса, после чего последовали переговоры между м-ром Джоном Гай, американским министром, и лордом Понсфотом, британским послом в Вашингтоне. В результате был заключен договор, предложенный сенату в феврале 1900 г. Эта первая попытка, однако, не имела успеха. Американский народ был недоволен, увидев, что новый договор не уничтожил Клейтон-Бульверского и оставил Соединенным Штатам очень мало возможности независимого контроля над каналом. Были внесены поправки и, измененный таким образом, договор был утвержден сенатом 20 декабря 1900 г. Но в этом новом виде он оказался неприемлемым для британского правительства и не вступать в силу. Лорд Лансдун, однако, сделал заявление, что становится необходимой попытка нового соглашения.

В ноябре 1901 г. был заключен новый договор. Он был ратифицирован сенатом без поправок и был окончательно принят обеими державами, под названием договора Гай-Понсфота.

Весьма важно отметить положение этого договора, ибо он устанавливает так называемые политические «статуты» нового канала. Договор Гай — Понсфота явственно превосходит договор Клейтон-Бульвера и допускает сооружение канала (не упоминая какого-либо отдельного направления) «под управлением Соединенных Штатов», которые «имеют и пользуются всеми правами, относящимися к такому сооружению, равно как и исключительным правом устанавливать правила управления каналом». Договор признал принцип «нейтральности», воплощенный в Константинопольском договоре 1888 г. в связи с Суэцким каналом.

Оба договора обеспечивают:

1. Свободный проезд во время мира, как и войны судам всех наций.
2. Неприкосновенность канала и его устьев в смысле блокады.
3. Устав о прохождении через канал военных кораблей.

Не было специальных оговорок об укреплениях, но Соединенным Штатам была предоставлена свобода такого военного управления вдоль канала, которое оказалось бы необходимым для защиты территории канала от беззакония и беспорядка. Между тем договор (известный как договор Гай-Бюно-Варилла), заключенный вслед затем между Соединенными Штатами и Республикой Панама, содержит следующие положения.

«Если когда-нибудь окажется необходимым прибегнуть к вооруженной силе для охраны канала, или судов, плавающих по нему, или железных дорог, или вспомогательных путей, то Соединенные Штаты имеют право во всякое время и по собственному усмотрению прибегнуть к содействию полиции и сухопутных и морских сил или создать для этой цели укрепления».

Но самым важным пунктом является вопрос об обложении и других условиях торговых сношений через канал. Этот параграф изложен довольно полно, хотя он сделался предметом довольно острого разногласия.

«Канал должен быть открыт для торговых и военных судов всех наций, в соответствии с этими правилами и на основе полного равенства; так что не может быть никакого изъятия в отношении какой-либо ином. Эти условия и обложения должны быть справедливы и одинаковы для всех».

Эти правила установлены в статье XVIII договора Гай-Бюно-Варилла. Нет сомнения, что британское правительство рассматривало это условие одинакового отношения ко всем, как своего рода компенсацию за отказ от тех прав на совместное сооружение и контроль, которые были предоставлены Великобритании по договору Клейтон-Бульвера. И действительно, м-р Гай, в меморандуме, посланном сенатской комиссии по иностранным делам, изображал этот договор как своего рода контракт между Великобританией и Соединенными Штатами, согласно которому первая отказывалась от вышеупомянутых прав в обмен на те «правила и принципы», которые заключаются в новом договоре, а из них самым главным является, конечно, правило об одинаковом отношении ко всем нациям.

Поэтому большой неожиданностью явилось то, что правительство Соединенных Штатов вдруг решило, что выражение «все нации» не применимо именно к Соединенным Штатам и что последним должны быть предоставлены преимущества в их «прибрежной» торговле. В выражение «прибрежная торговля» Соединенные Штаты включили морскую торговлю не только между портами вдоль своих берегов, но и между такими пунктами, как Сан-Франциско или Вашингтон и Филиппинс-

кие острова. Как на интересный факт, можно указать на то, что поправка, внесенная м-ром Бардом в сенат, о предоставлении Соединенным Штатам права покровительства своей «прибрежной» торговле была отвергнута в то время, когда обсуждался новый договор.

Но оставляя в стороне эти спорные вопросы, наиболее важным для нас фактом является то, что Панамский канал получил так называемый «интернациональный статут». Он не составляет такой абсолютной собственности Соединенных Штатов, как например, Кильский канал в отношении Германии, Коринфский — в отношении Греции, и амстердамский канал в отношении Нидерландов. Его управление обусловлено договорами, налагающими известные обязательства и ограничения на Соединенные Штаты и устанавливающие известные правила управления. Первоначально предполагалось установить для Панамского и Суэцкого каналов одинаковые статуты. Но тут приходится считаться со значительными различиями. «Нейтральность» Суэцкого канала гарантирована всеми европейскими державами, между тем, как «нейтральность» Панамского канала — только двумя, Англией и Соединенными Штатами, и охраняется он одними только Соединенными Штатами. Суэцкий канал не укреплен и должен оставаться таковым, в то время, как Панамский канал будет сильно укреплен Соединенными Штатами.

Читатель может с удивлением спросить себя, что собственно означает слово «нейтральный» в применении к новому водному пути. Это положение приблизительно освещено д-ром Воганом Корнишом в следующих словах:

«В случае войны, в которой Соединенные Штаты не являются заинтересованной стороной, каналом будут пользоваться в военных целях на тех же основаниях, как пользовались, например, Суэцким каналом во время Русско-Японской войны, и правительство Соединенных Штатов обязано заботиться о том, чтоб такая нейтральность соблюдалась. Но в случае войны, в которой Соединенные Штаты являются стороной, условия фортификаций и операций Соединенных Штатов фактически делают невозможным для другой воюющей державы пользоваться каналом, и это обязательство следует иметь в виду. При таком положении дел Соединенным Штатам придется охранять канал от атаки. Таким образом, чтобы ясно представить себе характер того начинания, которое предприняло правительство Соединенных Штатов, чрезвычайно важно усвоить себе, что канал нейтрален только в ограниченном смысле».

Фактически положение Панамского канала среднее между нейтральностью и подчинением американскому контролю. Договор Гай-Понсфота устанавливает также правила, которые надлежит соблюдать военным судам при пользовании каналами и прилегающими к нему водами, т. е. на

расстоянии трех морских миль от его оконечностей. Они аналогичны правилам установленным для Суэцкого канала, и поэтому мы не станем повторять их здесь.

VI

Соединенные Штаты и Колумбия

Те граждане Соединенных Штатов, которые думали, что с уничтожением договора Клейтон-Бульвера исчезнут все затруднения для получения канала в свою собственность, должны были испытать жестокое разочарование. Они не считались с тем что южноамериканская республика находится на краю банкротства и что ей представляется блестящая возможность наполнить свою опустевшую казну. Две предпосылки были необходимы для того, чтобы Соединенные Штаты могли обосноваться на перешейке и приступить к сооружению канала: они вынуждены были приобрести концессию, неоконченные работы и другой инвентарь новой Панамской компании, за цену, которую они могли выговорить себе, и во-вторых, необходимо было заключить договор с Колумбией, обеспечивающий за Соединенными Штатами в достаточно определенных выражениях постоянный контроль за частью территории на перешейке от океана к океану, на которой мог бы быть сооружен канал.

Первая из этих задач не представляла больших затруднений. Ново-Панамская Компания начала отчаиваться в своей способности довести до конца сооружение канала через перешеек, и уяснила себе, что лучше всего было бы для нее передать все свои дела Соединенным Штатам. Это положение настойчиво подчеркивалось отчетом третьей комиссии по сооружению канала, учрежденной в 1900 г. Возможно, что члены комиссии были убеждены в преимуществах Панамской линии и в желательности продолжить работы французских инженеров. Но они были люди умные. Они указывали в своем отчете на невероятность того, чтобы Ново-Панамская компания согласилась продать свою собственность Соединенным Штатам и на затруднительность передачи Колумбийской концессии. Они делали отсюда вывод, что «наиболее практичным и достижимым направлением для канала, который должен будет находиться под контролем, управлением и в собственности Соединенных Штатов будет так называемая линия Никарагуа».

По всей вероятности комиссия предвидела тот эффект, который будет иметь подобное решение как на директоров, так и на акционеров Ново-Панамской Компании. Если бы американский канал был проведен через Никарагуа, все имущество и сооружения компании в Панаме пошли бы насмарку. Компания определила стоимость своего имущества в

109 141 500 фунтов стерлингов, — цена, которую комиссия, представлявшая правительство Соединенных Штатов, отказалась обсуждать. Комиссия находила, что 40 000 000 фунтов вполне соответствуют стоимости имущества, и Штаты настолько оказались хозяевами положения, что эта цена и была принята в январе 1902 г. По этому поводу комиссия выпустила дополнительный отчет, которым отменялось прежде решение и рекомендовалось избрать Панамскую линию и перенять имущество от французов.

Тогда в конгрессе Соединенных Штатов начался острый конфликт между сторонниками линии Никарагуа и сторонниками линии Панама, — этих двух линий, которые так давно уже соперничали между собой. Первая партия настаивала на том, что Панама более отдалена от Соединенных Штатов, чем Никарагуа, и поэтому проезд с восточного берега на западный будет продолжаться дольше. Они говорили, что панама неблагоприятна для судоходства, ибо на берегу ее господствуют штили; что легче поладить с Коста-Рикой и Никарагуа, чем Колумбией; и что Никарагуа была «традиционной американской линией» в противоположность французской — Панамской. Появились также защитники старой Дарьенской линии. Возможно, что тут действовали американские железнодорожники, которые вообще были против канала, ибо по Дарьенской линии предстояло провести туннель через скалы длиной в пять миль и шириной в триста футов; такая попытка могла бы раз навсегда отбить всякую охоту предпринимать сооружение канала через перешеек.

Из этих препирательств вырос прославленный «билль Спунера», на основании которого был сооружен Панамский канал. Он уполномочивал американское правительство приобрести права и имущество Панамской компании не более чем за 40 000 000 фунтов; получить от Колумбии право постоянного надзора за полосой земли, не менее шести миль в ширину, по которой мог бы проходить канал; а затем и приступить к работам по сооружению канала. Но если бы не удалось достигнуть соглашения с Колумбией и Ново-Панамской компанией, то надлежало вернуться к никарагуанскому проекту. Мы увидим вскоре, как в ходе событий это последнее предположение было близко к осуществлению. Но фактически «Билль Спунера» положил конец спорам о направлении канала, длившегося четыре столетия.

Покупная цена на имущество Ново-Панамской компании была принята, но покупка была условная до удовлетворительного соглашения между Соединенными Штатами и Колумбией. Было бесполезно для Соединенных Штатов покупать неоконченное сооружение, если Колумбия воспротивится доведению его до конца. Положение было пикантное. Республика Колумбия находилась в крайне стесненных обстоятельствах. Курс ее

бумаг пал, казна была пуста, долги быстро возрастали вследствие ежегодного дефицита. Правительство, — если его можно назвать этим именем, — Колумбийской республики было, поэтому не прочь извлечь выгоду из затруднений более богатой северной республики. Соединенные Штаты хотели купить концессию как можно дешевле; Колумбия хотела продать как можно дороже. Это нередко случается с покупателями и продавцами. Но Колумбия зашла в своем запрашивании слишком далеко и под конец очень плохо рассчитала.

Соединенные Штаты начали предлагать условия, на которых они желали бы приобрести нужную им территорию. Условия были отвергнуты. Территория должна была оставаться под властью Колумбии, но управляться Соединенными Штатами. Санитарный и полицейский надзор должны были поддерживаться обоими правительствами совместно. Колумбия должна была управлять районом, но при помощи Соединенных Штатов, если это окажется нужным. Но более всего интересны были денежные условия. Соединенные Штаты должны были бы выплатить Колумбии одновременно 7 000 000 фунтов стерлингов, а по прошествии четырнадцати лет по 250 000 фунтов ежегодно. Эти условия, которые отнюдь не были обидными, колумбийский посол в Вашингтоне отказался принять.

Блестящая идея осенила тогда государственных мужей Колумбийской республики. Они вспомнили вдруг, что в октябре 1904 г. истекает срок концессии Панамской компании и что все ее имущество, которое не может быть убрано, должно достаться Колумбийскому правительству. Стоило только затянуть переговоры с Соединенными Штатами до того времени, и 40 000 000 фунтов стерлингов, которые должны ныне быть выплачены Ново-Панамской компании, польются золотым дождем в пустую казну Колумбийской республики. Это была блестящая идея, но колумбийский метод ее проведения в жизнь был груб и чересчур прост.

Чтобы пойти навстречу колумбийскому правительству, Соединенные Штаты изменили к лучшему свои предложения, повысив одновременную выдачу и удовлетворив другие условия. Соглашение, известное под названием договора Гай-Херрена было действительно достигнуто, причем Колумбия была представлена своим послом в Вашингтоне, д-ром Томасом Херреном. Этот договор, до вступления своего в силу, должен был быть утвержден колумбийским конгрессом, и президент этой республики позаботился о том, чтобы был избран состав конгресса, который на такие вещи не пойдет. Всякого рода влияния, тайные и явные, были пущены в ход. Германская «колониальная партия» заинтересовалась вопросом, и поняла возможность для Германии, скорее, чем для Соединенных Штатов, перенять французскую концессию. Почти несомненно, что

Соединенные Штаты воспротивились бы этому, вплоть до активных военных действий. Правда также и то, что партия в Соединенных Штатах, поддерживавшая план канала через Никарагуа, прибегала ко всякого рода обструкции, чтобы помешать удовлетворительному разрешению вопроса между большой и малой республиками.

Читатель легко себе может представить как велики были опасения Ново-Панамской компании в продолжение всех этих дипломатий и интриг. Они знали, что покупка Соединенными Штатами их имущества зависит от того, будет ли достигнуто соглашение между этим государством и Колумбией; и они знали также, что если покупка не состоится до октября 1904 г. им фактически нечего будет продавать, ибо права и владения компании после этого перейдут к колумбийскому правительству. Лучше продать имущество, на каких угодно условиях Германии или кому бы то ни было, только бы это случилось до рокового дня. В то же время Соединенные Штаты употребляли все усилия, чтобы убедить колумбийское правительство пойти на уступки. Министр Гай посылал настоятельные представления американскому послу в Боготе. Он напоминал Колумбии, что решение избрать Панамскую линию не непреложно. «Билль Спунера», предоставил американскому президенту лишь «нужное время» для достижения соглашения с Колумбией. Раз приходится так долго ждать, то он может и даже обязан привести в движение проект канала через Никарагуа.

Когда колумбийский конгресс окончательно отверг договор Гай-Херрена в августе 1903 г., Ново-Панамская компания забыла тревогу. Были возобновлены другие переговоры о покупке, и положение сделалось критическим для Соединенных Штатов. Американский юрист-консульт при компании, м-р Вильям Нельсон Кромвель, который в свое время сделал все возможное для достижения соглашения, теперь с большим трудом убедил своих клиентов действовать сообща с Соединенными Штатами. Он наскоро предпринял поездку в Париж, где его переговоры произвели надлежащее впечатление. Нет основания думать, что м-р Кромвель принял участие в неожиданных событиях, которые сразу изменили положение дела. Но он сыграл роль «первой ласточки», и вести, которые он привез, привели директоров Ново-Панамской компании в желательное состояние терпения и надежды.

Колумбия между тем заметно выигрывала время. Она предложила составить новый договор с Соединенными Штатами, который будет утвержден колумбийским сенатом в 1904 г. Это было прекрасно рассчитано, но в Вашингтоне понимали в чем дело. В октябре комитет колумбийского сената вновь предложил сенату не заключать соглашений с Соединенными Штатами, пока не истечет срок французской концессии. Сенат

оставил без внимания это предложение, но и не предпринял никаких шагов для заключения нового договора. Американское правительство дало общее толкование выражению «нужное время», определенное в «билле Спунера», и продолжало ждать, в надежде, что колумбийский конгресс, наконец, изменит свое настроение и утвердит договор Гай-Херрена, условия которого были благоприятны для Колумбийской республики. Но когда время заседания конгресса в Боготе, кончилось 31 октября 1903 г. без какого-либо решения по поводу договора Гай-Херрена, американцы решили, что все переговоры с Колумбией по поводу Панамы были напрасны и что, по-видимому, остается искать единственный выход в линии Никарагуа. А колумбийское правительство, без сомнения, думало, что оно дождет желанного дня исключительно усилиями остроумной дипломатии.

Но тут случилось событие, которое совершенно перемешало все карты. Совершилась Панамская революция, и Соединенные Штаты внезапно и без всяких затруднений получили все то, что им было нужно на перешейке. А Колумбия? Она потеряла в районе канала решительно все, что ожидала получить в собственность в октябре 1904 г., не получила ни грошу за Панаму, ни даже благодарности ни от Германии, ни от кого бы то ни было, и лишилась совершенно целой провинции. Таков был результат чрезмерной дипломатической тонкости государственных мужей Боготы.

VII

Миниатюрная революция

Нельзя было ожидать, что Панама, одна из провинций Соединенных Штатов Колумбии, с таким возмущением отзовется на проволочки и интриги в Боготе. Панама и не желала ничего лучшего, как то, чтобы богатое и могущественное государство — Северо-Американские Соединенные Штаты, переняли и осуществили предприятие французов. Канал должен был протекать прямо через провинцию и поставил бы ее в самом центре мировой торговли. Не подлежало сомнению, что центральное правительство в Боготе постаралось бы извлечь для себя по возможности больше выгоды от благосостояния и процветания перешейка; но и в таком случае на долю Панамы выпало бы достаточно преимуществ от того, что она сделалась бы столбовой дорогой, соединяющей восток и запад. Проволочки центрального правительства в переговорах с Соединенными Штатами вызвали большое неудовольствие и возмущение на перешейке.

Отношения между провинцией Панамы и Новой Гранадой, а затем ее преемницей, Колумбией, было довольно переменчивое уже со времени возмущения испанских колоний в Центральной и Южной Америке в

первые годы последнего столетия. Панама объявила свою независимость в 1821 г., и сразу присоединилась к Новой Гранаде. Но волнения начались и здесь. Снова и снова отпадала провинция на перешейке от Новой Гранады или Колумбии и присоединялась вновь, лишь после обещаний более благоприятных условий унии, — обещаний, всегда остававшихся неисполненными. В своем ежегодном послании конгрессу (в 1903 г.), президент Рузвельт насчитывает пятьдесят три «революции, мятежа, бунты, вспышки возмущения и т. п.», имевших место на перешейке в течение пятидесяти семи лет. Незадолго до этих затруднений между Соединенными Штатами и Колумбией, Панама получила новую конституцию, которая далеко не удовлетворила желания народа. Мало надежды было на существенное облегчение, пока сохранялось подчинение правительству Боготы.

Еще раньше, чем колумбийский конгресс, долженствовавший обсудить договор Гай-Херрена, собрался, один очень уважаемый панамский гражданин д-р Мануэль Амадор (Геррера), обратился с письмом к президенту Колумбии, предостерегая его, что в Панаме произойдут серьезные события, если этот договор не будет утвержден. В ответ на этот центральное правительство навязало Панаме кандидата в конгресс, который был хорошо известен, как заклятый враг Соединенных Штатов и самой идеи проведения канала через перешеек. Представления правительству в Боготе были бесполезны, и панамцы видели, что их надежда на сооружение канала через их территорию отодвигается в бесконечность.

Тогда один знаменитый панамец Хосе Августин Аранго, сенатор колумбийского конгресса 1903 г., тщетно отстаивавший ратификацию договора Гай-Херрена, пришел к мысли о том, что Панама может объявить независимость и заключить самостоятельный договор с Соединенными Штатами на предмет сооружения канала через перешеек. Тотчас же обнаружилось, что эта мысль уже многим приходила в голову, и моментально организовался кружок ярых заговорщиков. Сенатор Аранго однажды остановил д-ра Амадора на вокзале Панамской железной дороги и посвятил его в свои революционные замыслы. Доктор выказал большие симпатии к ним. Приверженцев найти было нетрудно. Сенатор Аранго, д-р Амадор и Ароземена руководили движением; в числе других лидеров находились родной сын сенатора Аранго и приемный сын его, Никанор де Обарио, Фредерико Бойд, Томас и Риккардо Ариас и Мануэль Эспиноса. В движении слегка были замешаны важный сановник генерал Эстебан Хуэрта, командовавший панамскими войсками, судьи, начальники полиции и другие видные должностные лица.

Первым делом было узнать официальное мнение Вашингтона, как отнесется американское правительство к возмущившейся провинции. Тем

более что революции стоят денег, и расходы должны кем-либо покрываться. Таким образом, д-р Амадор и Риккардо Ариас были уполномочены отправиться в Соединенные Штаты. Здесь они обратились к м-ру Кромвеллю, юрисконсульту Ново-Панамской компании, который не особенно обнадежил их.

Затем д-р Амадор направился в контору друга и благожелателя Панамы, Джошуа Линдо, и просил совета в своих затруднениях. Мистер Линдо сразу заявил, что наиболее подходящим человеком, который может помочь в этом деле, был бы м-р Бюно-Варилла, бывший главный инженер французской компании по сооружению канала. Интересно отметить, что этот инженер был университетским товарищем Альфреда Дрейфуса и оказал большую помощь в этой компании, которая кончилась после освобождения Дрейфуса с острова, расположенного неподалеку от Панамского перешейка. К несчастью, сказал м-р Линдо, м-р Бюно-Варилла находится в настоящее время в Париже; но как раз в тот момент, когда м-р Линдо пожалел об отсутствии друга, раздался звонок по телефону, и м-р Бюно-Варилла извещал о своем возвращении в Нью-Йорк. Такое совпадение можно счесть providенциальным, так как м-р Варилла оказался другом в горе и в радости. Он достал необходимый фонд и оказал всякое содействие революционерам, выговорив себе только одну награду: чтобы он был назначен послом восстановленной Панамы при Соединенных Штатах на то время, какое потребуется для проведения нового договора между обоими государствами для проведения канала через перешеек.

Неудивительно поэтому, если следующая телеграмма, посланная на родину революционными агентами, была более утешительного свойства. Теперь д-р Амадор сделал некоторые усилия, чтобы обеспечить себе симпатии и внимание правительства Соединенных Штатов. Он обратился к министру Гай. Очевидно, что когда человек обращается к иностранному государству и заявляет себя при этом заговорщиком против правительства, с которым это государство находится в дружественных отношениях, посетитель не может ожидать практического содействия и выражения симпатии. Однако, вашингтонские власти, которым уже давно надоели бесконечные проволочки Колумбии, не могли не испытать тайной радости по поводу движения, которое обещало такое быстрое возмездие Колумбии и такое легкое разрешение панамской проблемы. Д-ру Амадору было деликатно дано понять, что он больше не должен обращаться в департамент. Но он достаточно видел и слышал, чтобы убедиться, что Соединенные Штаты по меньшей мере сохраняют нейтралитет, а если революция победит, то заключат договор о сооружении канала с новой республикой. Он чувствовал, что для этого должны быть соблюдены два

условия. Во-первых, революция должна совершиться без кровопролития, дабы не оттолкнуть общественное мнение Соединенных Штатов, при том же конспираторы испытывали немало страха и за собственную кожу. Во-вторых, следовало иметь наготове новоиспеченное правительство, которое заняло бы место колумбийского, как только последнее будет свергнуто.

Картина на перешейке теперь изменилась. Вначале конспираторы склонны были отнестись скептически к сообщениям м-ра Амадора по поводу отношения Соединенных Штатов, но 2 ноября 1903 г. прибытие американское канонерка «Нэшвилл» в Колон убедило их в правильности вынесенных впечатлений. «Нэшвилл», как и впоследствии американские войска, прибывшие в Колон и Панаму, явились не для того, чтобы принять ту или иную сторону, а для того, чтобы спокойно и беспристрастно поддерживать порядок и охранять транспорт через перешеек.

Однако, о предстоящем перевороте были так же хорошо осведомлены в Боготе, как и в Вашингтоне. День для переворота был назначен на 4 ноября. Генерал Хуэрта должен был подготовить свои войска, и сигнал должен был быть дан в пожарный рожок. Но колумбийское правительство в последнюю минуту решилось действовать, и 3 ноября пароход «Картахена» прибыл в Колон, имея на борту генерала Товара с отрядом солдат в 450 человек. Командующие тремя другими отрядами, генералы Кастро, Албан и Амая, одновременно выступили в Панаму. Их войска, с сопровождавшими многих солдат женами, расположились лагерем на улицах Колона. Обо всем этом по телефону дано было знать в Панаму. Новость дошла до д-ра Амадора и его друзей в десять часов, приблизительно за час до прибытия колумбийских начальников. Это был «час испытания в славной жизни» для заговорщиков, многие из которых нашли его слишком сильным для своих нервов, и больше уже во всю жизнь не занимались заговорщическими делами. Но вожди были созданы из лучшего материала, и пока поезд подвозил в Панаму представителей законной власти, они быстро приняли несколько решений. Безнадежный характер всего положения вещей виден из того, что одно из решений предполагало одурманить чем-нибудь колумбийских офицеров и арестовать их прежде, чем они придут в сознание. В большом смущении д-р Амадор отправился к генералу Хуэрта; но последний надевал парадную форму, чтобы встретить своих начальников. Приходилось предоставить события собственному течению.

В одиннадцать часов на платформу панамского вокзала высыпала толпа блестящих генералов со штабом, всего пятнадцать человек. Можно было подумать, что их ожидали, чтобы приветствовать их музыкой и пением: здесь были владельцы театров и актеры, антрепренеры и хор комической оперы. В гавани стояли три колумбийские канонерки, политичес-

кие задачи которых не были в точности выяснены, хотя можно было думать, что командиры прибыли, чтобы потушить революцию. Генерал Хуэрта приветствовал новоприбывших и отвел их в главную квартиру, между тем, как заговорщики, несомненно с бьющимися сердцами, наблюдали за развертывающимися событиями издали.

Колумбийские офицеры пожелали тотчас же отправиться на укрепления и крепостной морской вал. Это было именно то, чего генерал Хуэрта, сердце которого под золотом мундира оставалось верным свободе и независимости, — желал бы избежать, именно по двум причинам: во-первых, для федеральных генералов было легко дать сигнал канонеркам в гавани об открытии действий; во-вторых, на этом самом морском валу было несколько скорострельных орудий новейшей конструкции, при помощи которых даже пятнадцать человек легко могли привести в повиновение весь город. Поэтому, генерал Хуэрта решил повести своих гостей куда бы то ни было, только не к крепостному валу. Он заявил, что можно иначе употребить жаркие часы дня, чем ходить вокруг фортификаций в тяжелом и плотном форменном одеянии. После завтрака и краткого отдыха под палатками, говорил он, будет гораздо удобнее заняться осмотром укреплений. Генералы изнывали от жары и жажды и дали уговорить себя.

Но в то время когда они завтракали, в них проснулась подозрительность. Кто-то, как говорят, обратил внимание на западню, в которую они дали поймать себя. И почему боготские войска до сих пор не прибыли из Колона? Как бы то ни было, но факт тот, что генералы внезапно стали настаивать на том, чтобы панамские войска собрались на площади, а сами они отправятся к фортификациям.

Генерал Хуэрта под каким-то предлогом оставил помещение, где генералы завтракали, и за дверями нашел д-ра Амадора, уважаемого панамского врача, теперь архи-заговорщика, хотя и без черной мантии и стилета. «Контраст между этими двумя людьми», пишет м-р Джонсон, «был поразительный». Один был обременен годами, почтенный и статный на вид, и однако, горяч, как юноша. Другой походил на мальчика фигурой и годами, был молод, однако же рассудителен и медлителен, как старец. Последний, тем не менее, живо откликнулся на горячую инициативу первого. «Сделайте это», прошептал д-р Амадор беззвучно, «сделайте сейчас же».

Дело было сделано. Хуэрта выслал своих солдат, знавших хорошо, что готовится. Затем, когда военные, прибывшие из Боготы, сошли со ступенек крыльца, маленький генерал отдал распоряжение, ружья поднялись на колумбийцев и они были отведены в главное полицейское управление и заперты там. Затем был арестован также губернатор Обалдия

и отведен в тюрьму, но это была лишь одна формальность. Он был пылким заговорщиком, но так как он представлял центральное правительство, то казалось более удобным совершить этот символический акт ареста его и заключения в тюрьму.

Теперь уже было поздно останавливаться на полпути. Ближайшая задача состояла в том, чтобы объявить о факте революции канонеркам в гавани. Относительно них существовали большие сомнения. Две из них «Падилья» и «Чукито» остались спокойными; но третья, «Богота», заявила, что если генералы не будут освобождены до десяти часов, то они направят свои пушки на город. Генералы не были освобождены, и «Богота» действительно выпустила в 10 часов три снаряда в город. Одним из них был убит несчастный невинный китайский кули у дверей своего барака, и это была единственная жертва великой панамской революции. Ибо «Богота», совершив это смертоносное действие, развела пары и ушла из гавани.

На следующее утро, канонерка «Падилья», обсудив за ночь положение дел, внезапно изменила свои намерения и, бросив якорь под укрепленным морским валом, выбросила флаг свободной и независимой Панамы. «Падилья» могла оправдать свое новое подданство на этот раз добрыми намерениями, ибо распространилась весть, что страшная «Богота» возвращается, чтобы бомбардировать город. В виду этого было составлено письмо, подписанное консулами Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, Голландии, Эквадора, Гватемалы, Сальвадора, Дании, Бельгии, Кубы, Мексики, Бразилии, Гондураса и Перу, протестующее против бомбардировки незащищенного города, не считаясь с присутствием в нем посольств, что противоречит всем правам и практике цивилизованных наций. Неизвестно, что ответил бы рассерженный командир «Боготы» на эти представления, ибо «Богота», несомненно, была смущена своими тремя выстрелами по населенному городу, и никогда уже не возвращалась, чтобы посмотреть на наделанные ею опустошения.

Что же в это время происходило в Колоне? Почему 450 колумбийских солдат не явились отомстить за арест своих начальников? Объяснение весьма простое, хотя и вполне неожиданное — они не имели средств, чтобы заплатить за свой проезд по железной дороге! После отъезда генералов, 3 ноября в Панаму, полковник Торрес, на попечении которого были оставлены правительственные войска, потребовал себе специального поезда, чтобы переправить свои войска через перешеек. Но начальник дороги заявил, что специальный поезд может быть подан ему только в том случае, если будет заплачено за проезд. А проездная плата за 450 человек составляла около 2000 фунтов стерлингов. Во всяком другом месте, а не в Панаме, ссылка на государственную необходимость в присутствии 450 вооруженных солдат не нуждалась бы в демонстрации и заставила

бы железнодорожных заправил пойти на уступки. Но здесь железнодорожное управление не сдавалось. Нет денег, нет проезда, таков был неизменный закон на железной дороге, и полковнику Торресу пришлось увести свое войско обратно на улицы Колона. Удивительным совпадением при всех этих обстоятельствах было еще то, что телеграфные и телефонные линии тоже оказались вдруг поврежденными, так что невозможно было передать какое-либо распоряжение из Колона в Панаму.

Наконец, 4 ноября Колон получил известие о революции и об аресте колумбийских офицеров. Среди колумбийских войск обнаружилось некоторое нетерпение. Они намеревались завладеть железной дорогой и отправиться в Панаму. Говорили также, что полковник Торрес, потеряв самообладание, угрожал расстрелять всех американских граждан в Колоне, если не будут тотчас же освобождены арестованные офицеры. Эти слухи были переданы командиру «Нэшвилла», который, собственной властью, взял вдруг да отрядил пятьдесят матросов для поддержания порядка в городе.

Командир написал также тюремному смотрителю в Колоне и начальнику полиции, сообщая им о содержании официального приказа, полученного им из Вашингтона. Приказ говорил о том, что пропуск колумбийских войск из Колона в Панаму вызовет вооруженное столкновение между двумя партиями и сделает невозможным свободный и открытый проезд через перешеек, поддержать который входит в обязанности Соединенных Штатов. Командир, поэтому, предупреждал начальника железной дороги, что необходимо закрыть проезд для военных сил обеих партий. Ни одному офицеру не приходилось еще так тяжело чувствовать насильственную помеху в исполнении своих очевидных обязанностей, как полковнику Торресу. И к тому же, среди создававшихся обстоятельств «Картахена», доставившая колумбийские войска в Колон смиренно отплыла домой.

В течение нескольких дней девять или десять судов Соединенных Штатов отправились в Колон и Панаму. 4 ноября было объявлено, что Соединенные Штаты не позволят приставать враждебным Панаме кораблям на расстоянии пятидесяти миль от года Панамы или где бы то ни было на Карибском море. Разве правительство Соединенных Штатов не было обязано, в силу договора, охранять мир и поддерживать, при условии оплаты, «свободный и открытый проезд» через перешеек? Излишне, конечно, пояснять, что великая и старая республика держала сторону маленькой крошки, только что народившейся в Панаме!

Между тем, присутствие 450 солдат, расположившихся, с женами, лагерем на улицах Колона, сделалось в высшей степени тягостным, и было крайне желательно убрать с пути революции эту кучу камней.

Командир этого войска сам помог достигнуть этой цели. Он просто предложил самолично убрать свою маленькую армию при условии достаточного вознаграждения. Панамская казна по счастью располагала в то время суммой в 140 000 фунтов колумбийских денег, стоимостью в 56.000 фунтов золотом. Часть этой суммы можно было потратить на то, чтобы освободить страну от колумбийских солдат. Командующий получил свои 8000 фунтов стерлингов золотом и живо посадил свои верные войска с женами на борт бронированного парохода «Ориноко», чтобы отвезти их домой. Сам он не думал возвращаться на родину и отчитываться перед своим правительством. Его план состоял в том, чтобы отправиться на Ямайку и спустить там в увеселительных местах внезапно найтвое состояние. Но тут произошло преступление. 450 солдат узнали про сделку, заключенную их начальником с панамским правительством и сделали логический вывод, что 8000 фунтов, уплаченных за их отъезд, принадлежат им столько же, как и их начальнику. Они наложили руки на несчастного и отобрали у него все деньги. Можно себе представить муки человека, который предал свою страну, опозорил свое имя, а затем и потерял свой «на чаек», из-за которого он все это совершил.

Теперь, после того, как колумбийские войска были отправлены домой, специальный поезд доставил в Колон пленных генералов, обещавших убраться на родину без всяких проволочек. Они оставили Колон 12 ноября, так что у них было достаточно времени, чтобы видеть начало нового режима в Панаме. Стали приходить всевозможные сведения о настроениях правительства Богота. Говорили, что морская экспедиция вышла из Буэнавтуры, но флот Соединенных Штатов получил инструкцию строго смотреть за недопущением подобного эксперимента. Затем, пришло известие, что вдоль перешейка движется сухопутная экспедиция. Это было бы оригинальным открытием. Это значило бы расчистить путь для войска через непроходимые заросли, через которые трудно было бы проложить даже узенькую тропу, при помощи простого топора. Дикие индейцы, которые не дают белому человеку провести ни одной ночи на своей территории, мобилизовали бы все свои силы против такого вторжения, точно так же, как и дикие кошки и обезьяны, которые разделяют с индейцами владычество над этой дикой местностью.

Революция была совершившимся фактом, и Колумбии ничего не оставалось, как покориться неизбежному и сожалеть о том, что рассеялись ее золотые сны. Революционеры были заняты своим конституционным строительством. Муниципальный совет Панама собрался непосредственно после переворота. Единодушно было решено, что Панама отныне свободная и независимая республика, и было назначено временное министерство.

7 ноября оно вступило в отправление обязанностей и получило формальное признание Соединенных Штатов.

VIII

Человек и комар

Как только американцы приступили к осуществлению великой задачи, им пришлось столкнуться с проблемой, с которой был связан вопрос об успехе или провале всего предприятия. Я упоминал уже о климатических условиях на перешейке. Можно почти с уверенностью сказать, что желтая лихорадка и малярия подорвали бы французское предприятие и в том случае, если бы других препятствий и не существовало. Не менее вероятно, что если бы американцы были не более вооружены в борьбе с этим бичом, их работы на перешейке тоже ни к чему не привели бы. Французы выстроили прекрасные госпитали и строго заботились о комфорте и лечении пораженных этими болезнями. Но не имея абсолютно никакого представления о причинах и способе передачи малярии и желтой лихорадки, они не могли предпринять ничего существенного в смысле предупреждения и искоренения этих болезней. Они думали, что малярия обуславливается климатическими условиями, болотными испарениями, туманом и т. д. Волнистые облака, которые окружали горы перешейка в периоды дождей получили незаслуженное название «белой смерти», со стороны французских рабочих. Точно также и желтая лихорадка ошибочно была приписана климату, и в частности нечистой обстановке. Неудивительно, если при таком ложном представлении о природе этих болезней, медицинская наука была бессильна в борьбе с ними во время оккупации французов, и рабочие умирали тысячами.

Но со времени Лессепса наука внесла яркий свет в природу этих тропических болезней и раскрыла секрет их распространения. Так как эти пионеры медицины и науки сделали возможным проведение панамского канала, хотя их имя и не связано непосредственно с делом сооружения, мы остановимся несколько подробнее на их открытии. Честь первого открытия того, что малярия не обуславливается вредными испарениями, но переносится от больных через укусы комара *anopheles*, принадлежит майору Рональду Россу, прежде врачу в Индии, который посвятил себя изучению этого вопроса в течение последних лет XIX столетия. Ценность этого открытия была вскоре доказана на практике.

Но раз малярия причиняется укусом комара, то можно было a priori предположить, что желтая лихорадка вызывается аналогичными же причинами. Насекомые сразу были взяты под сильное подозрение. Возможность дальнейшего изучения вопроса была дана во время испанско-американской войны.

риканской войны, когда болезнь сильно свирепствовала среди войск, оккупировавших Гавану и Кубу. Врачи были не в силах бороться с этой страшной болезнью. В виду полного незнания природы ее, все их лечение было случайным. Был создан комитет для борьбы с болезнью.

Д-р Карроль первый дал укусить себя москитами, — не виду *anopheles*, но другой разновидности — *stegomyia*. Он упал в страшном приступе желтой лихорадки, чуть не стоившей ему жизни. Далее, в госпитале для больных желтой лихорадкой д-р Лазир дал укусить себя москиту в руку. Через четыре дня он заболел желтой лихорадкой в такой острой форме, что умер от нее, — истинный мученик науки для блага человечества. Эти и другие опыты с несомненностью доказали, что желтая лихорадка, подобно малярии, передается укусами москитов, но оставалось еще не установленным, через сколько времени послу укуса москитом больного человека, он сам делается носителем заразы, и через сколько времени человек, заболевший лихорадкой, может заразить здорового москита. Таким образом, нужны были опыты; для этого были вызваны добровольцы. Все в армии знали про судьбу, постигшую д-ров Карроля и Лазира, и несмотря на это, нашлись добровольные мученики. «Первыми явились два молодых солдата из Огайо, Джон Киссинджер и Джон Моран. Д-р Рид изложил им обстоятельно все дело, растолковал про опасность и страдания, которой они подвергают себя, и про денежное вознаграждение, предложенное генералом Уудом. Молодые люди заявили, что они готовы подвергнуться опыту, но только без денежного вознаграждения. Услышав это, д-р Рид взял перед ними под козырек и воскликнул: «джентльмены, я салютую вам!» Киссинджер заболел от укусов москитов и выздоровел. Для Морана была приготовлена комната, и туда впущены пятнадцать комаров, страдающих желтой лихорадкой. Майор Рид описывает все это в следующих словах:

«В тот же день, в полдень, через пять минут после того, как в комнату были впущены москиты, туда вошел смелый огайский юноша, по имени Моран, одетый в одну только сорочку и только что принявший ванну; он лег на постель и оставался здесь в течение тридцати минут. Через две минуты после того, как он вошел, он был укушен в лицо и в руки насекомыми, тотчас же насевшими на него. Всего его укусило на этот раз семь насекомых. В 4 ч. 30 м., в тот же день, он опять вошел в комнату, где оставался на этот раз 20 минут; его опять укусили пять москитов. На следующий день в 4 ч. 30 м. он вновь вошел сюда и пробыл пятнадцать минут, в течение которых его укусили три москита; в общем за эти три посещения он получил 15 укусов. На Рождестве, в 11 ч. утра, этот brave молодец подвергся сильному приступу желтой лихорадки, перенесенному им без единого слова ропота.

Но опыты еще не кончились. Надо было доказать, что желтая лихорадка не передается через соприкосновение с платьем больных и с самыми больными. Эти опыты требовали даже большего геройства, чем предыдущие. Была построена маленькая деревянная хижина, 14 на 20 футов, и сюда было принесено много платья и постельных принадлежностей, которыми пользовались больные лихорадкой. Здание тщательно охранялось до отступа туда москитов, и в нем поддерживалась температура в 760 при достаточной влажности воздуха. «В течение двадцати последующих дней д-р Клерк и его помощники приходили в этот домик, одевали зараженные платья и спали на зараженных постелях, хотя вонь была такая сильная, что ее еле можно было переносить. Они остались совершенно невредимыми. Ясно было, что болезнь эта незаразная, и что москиты были единственными носителями болезни.

Поэтому, говоря о новом мировом торговом пути через Панамский перешеек, мы не должны забывать д-ра Лазира, пожертвовавшего жизнью, и других, ставивших свою жизнь на карту, чтобы установить те научные данные, без которых сооружение канала и поддержание его операций было бы воистину невозможным.

Оба москита очень похожи друг на друга, но тем не менее, различие между *stegomyia* и *anopheles* довольно существенное. Первый разводится, главным образом, в стоячих пресноватых прудах, как это бывает после обильных дождей на перешейке. Это комар, водящийся главным образом, в открытом поле. *Stegomyia*, например, проявляет больше склонности к фривольной жизни городов. Его излюбленным местом пребывания являются цистерны, чаны и другие водохранилища. По продолжительности жизни и силе полета эти насекомые также разнятся между собой, хотя эти детали не вполне еще установлены. *Stegomyia*, как говорят, живет три месяца. Д-р Корниш установил, что они делаются опасными лишь при нападении на человека в течение первых трех дней заражения желтой лихорадкой, но и после того должны пройти еще двенадцать дней прежде, чем их укусы сделаются совершенно незаразными. Через шесть дней после того, как человек подвергся укусу зараженного *stegomyia*, он заболевает желтой лихорадкой, и в течение ближайших трех дней может заразить здоровых москитов. М-р Бишоп сообщает, что если через 60 дней после последнего случая заболевания при эпидемии желтой лихорадки нет новых заболеваний, то можно заключить, что болезнь прекратилась вследствие того, что не осталось более в живых зараженных москитов. По прошествии 90 дней все сомнения в этом должны исчезнуть. Если, почему, совершенно изолировать больных в течение этого срока, то болезнь не вернется. Она может быть вновь занесена только извне. Таким образом, делается возможным избавить область от этого страшного бича одним только методом строгой санитарии и карантина.

Первые два с половиной года занятия американцами перешейка пошли на то, чтобы осмотреться и подготовиться к великому предприятию. Было очевидно, что настоятельнейшей и ближайшей задачей является очистка и оздоровление местности. В июле 1904 г. полковник Горгас стал во главе санитарной комиссии компании по сооружению канала. Он скоро убедился, что все зависит от деятельности и успехов его комиссии. «Опыт наших предшественников», писал он, «мог убедить нас в том, что до тех пор, пока мы не защитим себя от желтой лихорадки и малярии, мы не способны будем довести дело до конца. Когда американцы приступили к работам, случаи желтой лихорадки, хотя и имели место, но не особенно часто; однако, вскоре болезнь пошла в гору. В декабре 1904 г. было шесть случаев заболевания на перешейке с одним смертельным исходом. В январе 1905 г. было 19 случаев заболевания и 8 смертей, в том числе, среди рабочих по проведению канала — 7 случаев заболевания и 1 случай смерти. В мае уже заболело 33, двадцать два среди землекопов, — и умерло 7 человек, из них трое рабочих. В июне заболевания страшно повысились. Заболело на перешейке 62 человека, из них 34 рабочих; умерло 19, из них шесть рабочих. Последних охватила своего рода паника. Многие брали расчет, и пароходы, отправлявшиеся на родину, были переполнены рабочими, бежавшими от этой настоящей «желтой чумы».

Губернатор Магун приехал на перешеек в мае 1905 г., когда эпидемия желтой лихорадки достигла своего апогея. С этого момента он и полковник Горгас, которому он оказывал всяческую поддержку, начали вести отчаянную борьбу с лихорадкой. Первым делом, они поместили всех больных в абсолютно закрытые помещения, куда москиты *stegomyia* не могли проникнуть и заразиться. Затем, города Колон и Панама были подвергнуты такой радикальной чистке, какой свет еще не видал. После этого, все здания в районе канала были насквозь прокурены серой, и не только казенные здания, но и каждый дом в Панаме был продезинфицирован подобным же образом. Всякие отбросы и нечистоты были сожжены. Была введена строгая система инспекций и строгий карантин по отношению ко всем местностям, откуда могла быть занесена желтая лихорадка.

Но что еще более важно, кроме непосредственных мероприятий, были созданы более постоянные санитарные условия в Колоне и Панаме. Эти города были вымощены кирпичом или цементом и в них была введена отличная система дренажа. Водные сооружения были возведены и вне городов, и пользование хорошей чистой водой стало доступно всем. До этого времени воду приходилось собирать в периоды дождей в чаны и цистерны, в которых *stegomyia* находили почву для широкого развития. Теперь водохранилища сделались излишними и были убраны. Для того, чтобы провести эти блестящие реформы, губернатор Магун отозвал рабо-

чих из района канала и направил все усилия на водные сооружения и канализацию. Дело пошло вперед так быстро, что 4 июля водопровод уже был открыт для общественного пользования.

Результаты этой энергичной кампании сказались уже очень скоро в уменьшении количества заболеваний. В июле еще было 42 случая, из них 13 со смертельным исходом, в том числе среди рабочих 27 заболеваний и 10 смертных случаев. В августе наступило большое улучшение, было только 27 заболеваний и 9 смертей на перешейке, из них 12 заболеваний и только 1 смерть среди рабочих. Улучшение продолжалось во весь сентябрь, октябрь и ноябрь, а в декабре имело место уже только одно заболевание на перешейке и одно в районе канала. Три месяца прошли со времени последнего случая, и поэтому, всякая *stegomyia*, которая могла быть заражена лихорадкой, уже рассталась с жизнью, и эпидемия совершенно прекратилась. Как я уже заметил, возвращение ее при этих условиях может случиться только при занесении заразы извне. И если при новом заболевании больной будет сразу изолирован и огражден от москитов, то болезнь может быть подавлена в зародыше. Мы можем сказать поэтому, что желтая лихорадка на перешейке искоренена со всеми ее ужасами.

IX

Жизнь на перешейке

Прежде, чем перейти к описанию канала, к методу его сооружения, мы должны остановиться на социальной жизни и гражданском управлении на перешейке со времени занятия его американцами. Большие сооружения в тропическом климате не всегда предназначены для введения порядка и добрых нравов. Американцы в Панаме составляют исключение. Они совершенно свободны и пользуются всеми суверенными правами на перешейке, и сумели конструировать новое крошечное государство на основе самых идеальных принципов. Мы видели каковы были инструкции, данные президентом Рузвельтом первой комиссии. На этом клочке земли в 10 миль ширины и 50 длины надлежало ввести целую административную систему. Следовало создать законы и установить гражданское управление со всеми необходимыми аксессуарами в виде судебных учреждений, полиции, пожарных бригад, таможни и казначейства, почтовых учреждений, департаментов общественных работ и финансового департамента. Администрация сама заготовляла провизию и всякие припасы, почти ничего не оставляя на долю частных лиц. Приходилось ввозить решительно все, ибо маленькая территория сама ничего не производила. Селения поселки и все аксессуары социальной жизни долж-

ны были быть воздвигнуты вдоль линии работ. Были выстроены свыше 2000 зданий, — официальные учреждения, госпитали, отели, кухмистерские, лавки, склады и жилые помещения, — и кроме того были отремонтированы до 1500 зданий, полученных от французов.

Замечательным доказательством заботы, с какой администрация относится к своему рабочему населению, заключается в том, что она построила 26 церквей и содержит пятнадцать священнослужителей. Это интересно в том отношении. Что показывает, как государство, руководимое принципами общественности, может урегулировать религиозный вопрос, не вызывая и не причиняя несправедливости. Администрация относится ко всем исповеданиям с одинаковой терпимостью. Из пятнадцати одержимых им священников — 4 англиканца, 4 баптиста, 3 католика, 1 методист и 1 пресвитерианец. Но это еще не все церкви и капеллы на перешейке. Здесь имеются еще четырнадцать церквей, не находящихся под правительственным контролем, но поддерживаемые всячески правительством. Из 40 в общем церквей — 13 англиканских, 7 баптистских, 7 католических, 2 методистских и 8 неопределенных.

Добросовестность и добропорядочность администрации полосы отчуждения давно уже стоят вне всяких подозрений. Американцы дали пример того, как великое предприятие, над которым занято такое множество работников всех рас и наций, может вестись без тех зол и злоупотреблений, которые обычно сопутствуют подобного рода начинаниям. И действительно, способ регулирования и контроля над общественной жизнью полосы отчуждения заслуживает такого же признания, как и талантливые мероприятия, к которым они прибегали при непосредственном сооружении канала.

Но мы ничего еще не сказали о самих рабочих на постройке канала. Американцы, переняв работы от французов, нашли около 700 западных индейцев, занятых землекопательными работами в Кулебре. Из этого основного ядра выросла затем громадная армия рабочих. Число их росло непрерывно. В декабре 1905 г. было 5 000 рабочих; в 1906 г. — 24 000; в 1908 г. — 31 000; больше всего рабочих было занято над сооружением канала в 1910 г., когда число их достигло 50 000. среди рабочих было не больше 1/7 белых американцев, — все обученные рабочие, 1/7 составляли европейские рабочие, а 5/7 — вест-индские негры. Британская Вест-Индия, преимущественно Барбадос, продолжала оставаться главным поставщиком рабочей силы. Но эти рабочие оставляли желать многого в смысле качества работы и деловитости. В 1905 г. на это жаловался председатель комиссии по сооружению канала президенту Соединенных Штатов. В 1906 г. главный инженер докладывал:

«Критику характера общественных работ за последние годы можно считать благоприятной. Наши рабочие состоят почти всецело из вест-индских негров, и их работоспособность очень низка, хотя небольшая часть их является дельными работниками, — т. е., они все положенное время работают, чего нельзя сказать про остальных. Большинство из них работает лишь столько, сколько необходимо для удовлетворения их физических потребностей; и так как мы даем помещение и проезд свыше 20.000 этих негров, то ежедневная рабочая сила наша сильно уменьшается вследствие этого. Были сделаны первые шаг в том направлении, чтобы доставать большее число испанских рабочих непосредственно с северо-западных провинций Испании, а также, чтобы вывезти на пароходах китайцев из Кантона, так как мы верим, что ввоз рабочих этих национальностей будет благотворительным.

Проект ввоза китайцев был отвергнут под влиянием тред-юнионов Соединенных Штатов и отклонен представительством тихоокеанских штатов. Вест-индские рабочие вскоре заслужили лучшие отзывы. Было констатировано, что их малая работоспособность обусловливается недостаточным и недоброкачественным питанием. Эти негры совершенно преобразались, когда их начинали хорошо кормить. Чтобы быть уверенными, что они берут необходимое количество пищи, стоимость ее вычиталась из заработной платы. Кроме того, американское начальство очень скоро приучилось к тому, что эти люди с Барбадоса, Тринидада и т. п. суть британские подданные, и что с ними нельзя обращаться так, как привыкли обращаться с южными неграми. Как только усвоено было лучшее понимание причин «лени» этих рабочих и улучшилось отношение к ним, производительность их труда сильно возросла, и добрую часть заслуги в проведении Панамского канала следует отнести на долю этих 3000 чернокожих рабочих, рекрутируемых преимущественно с британских островов в Вест-Индии.

Но и Южная Европа дала прекрасную рабочую силу. Было предположено, что рабочие Испании, Италии и Греции легче привыкнут к землеробным работам в тропиках, чем уроженцы более северных областей умеренной полосы. Результаты получились в общем удовлетворительные. Греки, правда, не походили на итальянцев и испанцев, и лишь немногие из них пошли на эти работы. Итальянцы тоже, хотя их было нанято несколько тысяч, оказались мало сговорчивыми. Они были пропитаны коллективистскими идеями и склонны были действовать по указанию тред-юнионов. Испанцы явились во всех отношениях наиболее удобными рабочими, вывезенными из Европы. Их брали совершенно еще неразвитых, прямо из деревень Кастилии. Они были сговорчивы и порядочны и готовы слушаться делаемых им указаний. Трудная работа под

тропическим солнцем и в горячем тумане перешейка, казалось, не оказывала на них никакого разрушительного действия. Испанцы не обнаруживали желаний осесть на перешейке. Они скорее возвращались домой со своими сбережениями или уходили на железнодорожные работы в Бразилии. Их было набрано около 9000, но эти не ограничилось число испанцев, приложивших руку к великому сооружению.

Приходится сказать еще два слова относительно заработной платы, установленной в полосе отчуждения. Вест-индские рабочие получали по 6 × пенсов в час при восьмичасовом рабочем дне, бесплатной квартире и бесплатной доставке на родину. За пищевое довольство вычиталось с них по 1 шиллингу 2 пенса в день. Позднее плата всем незаконтрактованным была понижена до 5 пенсов в час, а вычеты за довольствие до 1 шиллинга 1 × пенса в день. Негры — квалифицированные рабочие, как например, плотники, каменщики, кузнецы и другие, которых было около 5 000, получали плату от 8 до 22 пенсов в час. В 1912 г. было 4 400 квалифицированных рабочих негров, получавших по 8 и более пенсов за час, в то время как 400 получали по 1 шиллингу в час при постоянной работе.

Европейские рабочие получали при готовой квартире 1,60 фунтов за восьмичасовой рабочий день, и отдельно за сверхурочные работы. 40 центов они тратили на свои три трапезы, и 1,20 фунтов оставалось у каждого чистоганом, т. е., в неделю немного менее 30 шиллингов. Некоторые получали больше, и значительное число испанских рабочих возвратилось домой с кругленькой суммой в кармане.

Люди интеллигентского труда поставлялись почти исключительно Соединенными Штатами, хотя вначале среди них были и европейцы. Оплата была отличная; социальная жизнь с ее гимназией, бильярдными, концертами и т. п. развлечениями, комиссариат с его тремя хорошими трапезами за определенную плату, напоминала жизнь хорошего отеля. Поэтому акции канала пользовались популярностью, и около 7000 американцев были заняты на перешейке.

Как я уже указывал ответственность за сооружение канала была возложена на президента Соединенных Штатов, который действовал через исполнительную комиссию, имевшую свое местопребывание в районе канала. Работа была организована при помощи большого числа департаментов, каждый из которых был ответственен за свою часть. Был департамент копательных и дренажных работ; департамент шлюзов и плотин; механических приспособлений и построек, ответственный также за работы по мощению улиц в Колоне и Панаме; департаменты работ, квартир и содержания рабочих; департамент материалов и вспомогательных средств; санитарный департамент, ответственный также за гигиеническое состояние городов Панама и Колона, расположенных вне района ка-

нала; гражданское управление; управление панамской железной дороги. Были более мелкие отделы, как например, служба закупок в Вашингтоне: почти все необходимое для района закупалось в Соединенных Штатах. Следует еще прибавить, что республика Панама ответственна за полицейскую службу этих двух городов, но департамент гражданского управления содержит 200 полицейских, 88 из которых суть туземцы Вест-Индии.

Эта беспокойная масса представляет собой странное зрелище. По мере окончания постройки канала число рабочих постепенно уменьшается. Среди американцев, занятых на канале, производится явный отбор. Когда канал будет окончен, для поддержания движения по нем потребуется всего 2.500 человек. Они будут размещены у шлюзов и других важных пунктов. И действительно, местные власти в полосе канала рекомендуют полное удаление население с перешейка, за исключением определенных городов и действующих станций по линии канала. В противном случае, думают они, придется израсходовать громадную сумму на санитарные мероприятия. Но нельзя забывать и вопроса охраны. Придется ведь держать на перешейке значительный американский гарнизон, и к населению, о котором мы упоминали, придется прибавить, пожалуй, 8 000 американских солдат. Беспокойные нравы, господствовавшие на перешейке, исчезнут, как дым, и будущие путешественники, которые с пароходов будут смотреть на светлые воды Гатунского озера или всматриваться в обширные безмолвные леса, с трудом смогут представить себе то зрелище, которое представляла собой эта узкая полоса земли в течение этих неутомимых десяти лет сооружения канала.

Х

Задача сооружения канала

Мы можем теперь приступить к рассмотрению самого канала, тех задач, которые пришлось разрешить его строителям, методов его сооружения, и характерных черт всего предприятия. Как мы уже видели первые два с половиной года были временем преимущественно подготовки к титанической работе по выемке и сооружению. Фактически было бы лучше, если бы это время ушло на очистку, канализацию и т. п. Рабочие были немного слишком рано привлечены на перешеек, раньше, чем последний был достаточно оздоровлен. Тогда можно было бы избежать паники от желтой лихорадки и других затруднений. Граждане Соединенных Штатов ответственны за эту чрезмерную поспешностью «Нужно пустить дело в ход», говорили они. Они хотели знать, что землечерпательные машины в полном ходу в русле канала и что дело у них в руках. Жители Соединенных Штатов проявляли столько живого интереса к опе-

рациям на полосе канала, что часто вызывали замешательство. Какой-нибудь газетный репортер сообщал о случайном или непредвиденном затруднении, иногда с большими преувеличениями, — и в публике уже возникала тревожная подозрительность, и приходилось отправлять на перешеек специальные комиссии, чтобы исследовать истинное положение дела и, по возможности восстановить доверие и спокойствие на родине.

Как читатель уже знает, американцы нашли в Панаме не чистое поле, на котором можно было начертать что угодно. Они наследовали двум французским компаниям, которые уже двадцать лет вели работу. Правда, Ново-Панамская компания, преемница компании Лессепса, не на много подвинула вперед дело. Она делала многие работы, главным образом, в целях сохранения концессии. Как бы то ни было, французы проложили довольно глубокую борозду между Колоном и Панамой, и большая часть сделанной ими работы, к счастью, годилась для какого угодно типа канала, — для канала с высоким уровнем, равно как и с уровнем морского прилива. Они совершили добрую часть дренажных работ по укреплению русла в месте прилива и с другого конца канала, и они произвели заметное «разделение континентов» в том месте, которое известно под названием «Culebra Cut». В общем, французские компании выкопали 81 548 000 кубических ярдов земли. Американцы унаследовали от своих преемников большое количество машин и приспособлений. Многие из них даже со времен Лессепса, были еще вполне годны к употреблению, и можно было начать с ними работать, хотя операции вслед за тем были сильно расширены.

Главная проблема, которую приходилось разрешить американцам состояла в том, — что делать с рекой Шагре. По плану канала на уровне прилива эта бурная и капризная река, которая в период дождей делалась судоходной до половины своей длины на расстоянии 100 миль, должна была быть отведена другое русло или отогнана назад при помощи высокой плотины в Гамбоа; при сильном разливе часть воды могла бы вступить и в канал. Но, как мы видели, приходилось утилизировать и ввести в границы реку Шагре при условии принятия проекта канала с высоким уровнем. Река, которая способна в 24 часа подняться на высоте 35 × футов нуждается в солидных регуляторах для того, чтобы ею можно было пользоваться, как источником для снабжения водой шлюзового канала. Единственный способ достигнуть этого заключался в том, чтобы собрать ее воды в большом искусственном озере, которое оставляло бы ее полноводной, но которое дало бы простор ее разливам. Этого можно достигнуть только при помощи ряда плотин, которые пересекали бы течение реки в более низких местах, в нескольких пунктах до вступления ее в Карибское море. Когда Ново-Панамская компания переменяла свой план и ре-

шила провести канал с более высоким уровнем, она предполагала устроить такое ограждение в Богио, — в пункте, расположенном значительно выше по реке, чем Гатун, на котором окончательно остановились американские инженеры. Комиссия по сооружению канала в своем докладе за 1901 г. также рекомендовала устройство плотины в Богио для урегулирования течения реки Шагре. По этому плану река должна была быть огражденной гораздо выше и искусственное озеро должно было быть гораздо меньше. Но когда в 1906 г. американцы окончательно остановились на типе канала с высоким уровнем, место устройства плотины было перенесено из Богио в Гатун, ближе к устью реки, где ей приходится предупреждать разливы на гораздо большем расстоянии. Это расположение плотины первоначально поддерживалось французским инженером Годеном де Лепино, который в докладе, прочитанном им на конгрессе инженеров в Париже в 1879 г. отстаивал план шлюзового канала с плотинной, регулирующей течение реки Шагре в Гатуне. Это была самая сложная задача, особенно при канале с высоким уровнем, ибо прорытие русла через перешеек составляло хотя и более титаническую работу, но было неизбежно при всяком типе канала.

На одна деталь конструкции работ не была предметом столь резкой критики и робких опасений как эта Гатунская плотина. От нее зависело существование Гатунского озера и подача воды в канал. Если дело с плотинной не выгорит, то все рухнет. Главное затруднение заключалось в фундаменте, на котором должна была быть воздвигнута эта громадная насыпь. Большая плотина в Ассуне в Египте покоится на твердом граните, на котором воздвигнуты громады естественного камня. Она составляет, таким образом, часть архитектуры нашей планеты и может рушиться пожалуй, лишь одновременно с ней. Между тем, Гатунская плотина построена на наносной почве реки Шагре. Эти наносные пласты состоят из гравия крепко сцементированного илом и глиной, и безусловно водонепроницаемы. Эти пласты идут вниз до глубины 280 футов пока не достигают твердых скал. Таким образом, плотину приходилось строить на этих именно пластах.

Этот фундамент, однако, хотя и водонепроницаем, но мягок. Было бы невозможно воздвигнуть на нем массивную постройку из камня и бетона. Пласты раздались бы под ее тяжестью. Единственно, что можно было сделать это построить внизу земляную насыпь, достаточно широкую, чтобы разместить всю тяжесть на большом пространстве. Крутой спуск был невозможен, ибо весь центральной части заставил бы раздаться по сторонам глину и гравий, и вся масса осела бы. Земляная насыпь должна была заградить долину, через которую отныне должна была протекать Шагре, непрерывно до самого моря. Эта долина имеет полторы мили в ширину и

такова, поэтому длина имеет полторы мили в ширину и такова, поэтому длина плотины. Ее основание должно иметь в ширину 2100 футов. На поверхности воды она имеет в поперечнике 398 футов, и 100 футов ширины на вершине своей. Предполагалось поднять ее на 115 футом выше уровня моря. Однако, она была доведена лишь до 104 футов, что является благоприятным моментом, так как соответственно этому уменьшилось и давление на основание.

В середине плотины уровень озера контролируется каналом с валами и порогами из бетона; через этот канал излишек воды отводится в старое русло реки Шагге и по нем стекает в море. Доступ в это русло закрывается при помощи нападающих дверей, или затворов. Эти предохранительные клапаны без сомнения в состоянии будут справиться с самым высоким и быстрым подъемом воды в озере. Они могут пропустить 137.000 кубических футов воды в секунду, причем вода будет течь со скоростью 35 футов в секунду. Но для полной безопасности, переполненные водопотоки, закрытые могучими Гатунскими шлюзами, могут быть и оставлены открытыми, и 170.000 кубических футов воды, могут быть спущены через них в секунду. Воистину, если Гатунское озеро может внушить опасения, то только в том смысле, как бы не оказалось недостатка в притоке воды, скорее чем может угрожать чрезмерный напор ее.

Уровень озера предполагается держать на 85 футов выше низкого уровня моря, это значит, что плотина на значительном расстоянии должна будет выдерживать напор воды в 85 футов. Само озеро будет простирается на 164 квадратных мили. Высказываются кое-какие разумные опасения относительно достаточной устойчивости плотины: один американский сенатор, посетивший местность во время производства работ, выказал по поводу этого свое смущение. Полковник Гетальс показывал комиссии конгресса ход работ, и во время осмотра они подошли к плотине и широкому пространству воды за нею. «Полковник», сказал делегат, «как это такая узкая полоса земли, как Гатунская плотина, может сдерживать такое громадное пространство воды, как Гатунское озеро. Старший инженер объявил, что давление воды зависит от ее глубины, а не от ее объема. Вопросавший, очевидно, не удовлетворился свидетельством этого закона гидравлики. Сенатор Нокс, впоследствии министр, пришел ему на помощь. «Сенатор», сказал он, «если бы ваша теория была верна, как могли бы голландские дюны сдерживать Атлантический океан?» Это было удачное замечание, скептик сам рассмеялся своему недоверию.

Как бы то ни было, Гатунская плотина должна исполнить две крайне ответственные и трудные задачи. Она должна противостоять горизонтальному напору слоя воды в 85 футов вышины, чтобы не быть унесенной течением реки Шагге вниз к Атлантическому океану. И она должна

заградить долину настолько тщательно, что воды из озера ни в одном пункте не могла прорвать ее. Есть всякое основание думать, что несмотря на все тревоги во время ее постройки, она выполнит обе эти задачи. Ее сложение и конструкцию можно вкратце описать. Два столба в виде громадных обломков скалы поставлены у крайних пунктов сооружения. Этот сырой материал был взят с того места, где расположены шлюзы, в двадцати шести милях от Culebra Cut. Пространство между этими столбами наполнено илом и водой, выкачиваемой гидравлическими машинами из долины реки Шагге. Излишек воды спускается через трубы. Мокрый ил осаждается и уплотняется при помощи атмосферного давления. Такого рода «гидравлическое наполнение» водонепроницаемо, причем, капли воды застревают в порах материала. Такая структура значительно отличается от бетонной или каменной постройки. Она пориста, но в то же время водонепроницаема.

Будущий путешественник через Панамский канала может быть никогда не догадается о той гигантской работе, которая была вложена в Гатунскую плотину. Она настолько похожа на часть естественного ландшафта, что нуждается в специальном осмотре. Не менее 21.145.931 кубического ярда земли было сложено здесь, — количество, достаточное для того, чтобы устроить вал в три фута вышины и три фута толщины почти на половину расстояния вокруг земного шара. На один сточный канал было израсходовано 225.485 кубических ярдов бетона.

После заграждения выхода Шагге в Гатун, воды озера стали постепенно накапливаться и покрыли поверхность в 164 квадратных мили. Не только сама река Шагге, но и ее притоки, Тринидад и др. были таким образом задержаны. Резервуар распространился на большое число длинных и извилистых рукавов, и поэтому имеет довольно нерегулярную форму. Само русло было очищено от плавучего леса и деревьев, но остальная длина покрыта довольно густой зарослью. Потому, когда вода поднялась и залила эти первобытные леса, то получилось скорее неприятное зрелище опустошения и разрушения. Озеро, действительно, совершенно изменило вид местности. Деревни и даже маленькие городки, названия которых сохранились со времен древних мореплавателей, лежат похороненными навеки под водами Гатуна. И это громадное пространство воды с лесистыми островками кажется скорее естественным ландшафтом природы, чем новейшим созданием инженерного искусства. Корабли, правда, будут проходить по дренированному и вымощенному руслу, но ведь его не видно будет, и путешественник после качки по бурному Карибскому морю, будет приятно изумлен, видя себе среди замкнутого фьорда или озера. Озеро Гатун занимает двойное пространство Лаго Маджиоре и 4/5 Женевского озера. Путь от Гатуна до Бас Обиспо, где водный путь

опять принимает вид канала и входит в пролет Кулебры, — составляет 22 мили, но тот же уровень в 85 футов остается вплоть до шлюзов в Педро Мигель, где озеро Гатун вновь заграждается плотиной, соединяющей валы шлюза с западным холмом. Остальная часть озера сдерживается естественным расположением местности, единственный выход оно имеет в Гатунском канале и, конечно, через шлюзы.

Но мы не должны проглядеть главную задачу озера, состоящую в том, чтобы доставлять воду для канала и системы шлюзов. В этом отношении все собственно зависит от количества выпавшего дождя на перешейке, и тут возникает вопрос можно ли полагаться на это для наполнения канала необходимым количеством воды. Полковник Гетальс утверждает, что в период засухи можно в среднем совершить 58 переездов по каналу в день, следовательно больше чем позволяют имеющиеся 24 часа в сутки, при условии, что корабли будут проходить один за другим с перерывами в один час. К счастью, имеется и еще ресурс, в случае, если обнаружатся признаки нехватки воды. В Альяхуэла, на реке Шаре, приблизительно 9—10 миль выше Обиспо, имеется прекрасное местоположение для плотины; там можно создать резервуар, в котором может накопиться вода в период дождей и переведена затем в канал, по мере надобности, в период засухи. Детали сооружения такой плотины были разработаны в связи с прежним проектом канала и могут быть использованы в случае нужды.

XI

Кулебра Кут

Наиболее замечательная часть работ по сооружению канала, это — прорытие хребта, который тянется вдоль перешейка со стороны Тихого океана. Это гигантское сооружение, носящее Кулебра Кут, по имени одной из гор, тянется на расстоянии девяти миль от Бас Обиспо до Педро Мигель. М-р Брайс справедливо замечает, что «никогда раньше на нашей планете не бывало сконцентрировано столько труда, столько научных знаний и столько исполнительного таланта на одном предприятии, предназначенном для того, чтобы сблизить нации между собою и служить интересам всего человечества». Дно канала в Кулебре, как и русло в озере Гарун, лежит на высоте 40 футов над уровнем моря. Максимальная высота первоначальной поверхности грунта над центральной линией канала достигает 312 футов над уровнем моря, так что глубина выемки на этом месте составляет 312 минут 40, т. е. 272 фута. Однако, это еще не было самым высоким пунктом по линии выемки. Золотая Гора, прилегающая к линии канала, поднимается на 534 фута выше уровня моря, и с

вершины этой горы пришлось сделать новый, более крутой скат. Поверхность воды находится на 85 футов выше уровня моря, следовательно на 227 футов ниже первоначальной седловины в высшем ее пункте. Мы уже отмечали, что канал с уровнем морского прилива потребовал бы выемки на 85 футов глубже, и ширина канала должна была бы быть бесконечно булышная. Обвалы, которые доставили так много излишних затруднений американцам в их землекопательных работах, заставляют предположить, что канал на уровне прилива мог оказаться практически неосуществимым.

Вся работа в Кулебре, сделанная французами, оказалась пригодной для их приемников. Французские компании рассчитывали выкопать в этом месте 18.646.000 кубических ярдов земли. Они успели сделать выемку в 152 фута ниже первоначальной поверхности самого высокого пункта, а утес, который они прорезали со стороны Золотой Горы, достигал 374 футов вертикальной высоты. Об этом не мешает напомнить, так как многие воображают, что французы лишь бессмысленно промотали деньги и время на Панаме. Следует еще присовокупить, что ширина дна, предположенная французами, должна была составить 74 фута, между тем как американский канал будет иметь дно шириной в 300 футов.

Немало путешественников, посетившую Кулебру во время производства работ, дало описание этого удивительного зрелища широкого и глубокого прохода в горах. Имеется также бесчисленное множество фотографий; изображающих расположенные в проходе, ряд за рядом, рельсовые пути, тысячи занятых здесь людей; грохот и дым динамита, разрывающего скалу на части; могучие паровые лопаты, врезающиеся железными зубьями в поверхность земли, набирающие полные лопасти земли и отбрасывающие ее в грязные тележки; на последних земля вывозится в свалочное место в Гатуне, вблизи Атлантического океана. Все роды приспособлений и машин были пущены в ход, чтобы ускорить и удешевить процесс работы. Там употреблялись усовершенствованные разгрузочные машины. Железнодорожные поезда были снабжены затворами такого устройства, что весь грузовой поезд превращался в одну платформу. Позади поезда огромная лопата прикреплена проволочным канатом к барабану, поставленному на специальной платформе в передней части поезда. Когда поезд приходит к свалочному месту, барабан останавливается, а лопата, толкаемая сзади, сбрасывает 320 кубических ярдов земли и камней из шестнадцати вагонов в семь минут. Затем, имелся «чистильщик дороги», — приспособление, придуманное одним рабочим для чистки полотна железной дороги. Этот могучий аппарат очищает полотно и скрепы от земли, которую и отбрасывает на 3—9 футов в сторону.

Поезда, нагруженные землей, мчались с такой быстротой, точно экспрессы на главных английских дорогах. Они отправлялись друг за дру-

гом от места земляных работ через каждые три минуты, и всякая заминка задерживала гигантский паровой заступ в его прожорливом выворачивании камней из горной стены. Об одной причине задержки было однажды сообщено по телефону начальнику путей сообщения в Империи, и препятствие тотчас же было устранено. При этом достигалось не только ускорение, но и удешевление вывоза земли.

Одной из наиболее серьезных причин опасений и затруднений вдоль линии канала, были обвалы, имевшие место в Кулебра Кут. Большие глыбы обваливались или осыпались и падали вниз, на место земляных работ, закрывая дренаж, опрокидывая паровой заступ и засыпая железную дорогу. Не особенно приятно было очищать лопатами дно канала от этой земли. Это прибавило немало работы к той, которую неизбежно предстояло сделать в Кулебра Кут. Полковник Гетальс говорит, что из 14 325 876 кубических ярдов земли, вывезенных в 1909 г., 884 530 или 6% приходилось на долю этих обвалов; в 1910 из 14.921.750 вывезенных кубических ярдов, на долю обвалов пришлось 2 649 000 или 18%.

Можно подумать, что эта обескураживающая прибавочная работа серьезно задерживала ход работ и отодвигала время окончания канала. Но деловитая и экономная организация работ побеждала все эти трудности. В начале земляных работ американские инженеры определили, что придется выкопать 103 миллиона кубических ярдов земли и что на эту работу потребуется девять лет времени. Но это количество земли оказалось гораздо ниже действительного. Расширение канала и непредвиденные обвалы в Кулебре довели общее количество подлежащей удалению земли до 195 миллионов кубических ярдов. И замечательным свидетельством практического ума и экономии организации работ американцами служит тот факт, что вся эта колоссальная работа будет закончена всего в шесть лет.

Некоторые представления о том, как полковник Гетальс заставил «летать землю» можно получить из того факта, что за 5 лет его директорства. До апреля 1912 г., было вывезено 160 миллионов кубических ярдов земли. «Если бы весь этот материал», писал Шоуальтер, можно было сложить в виде монументальной колонны, вроде памятника Вашингтону, то она поднималась бы ввысь более, чем на десять миль, превосходя величайшие горные вершины земного шара более чем на одну милю». Это действительно гигантское предприятие, ибо в то время, как подлежащая выемке земля увеличилась почти на 90%, время вывоза ее увеличилось всего на 30%. Более того, то увеличение работы не увеличило предназначенной суммы расхода. Общая сумма для окончания работ по сооружению канала была определена в 1908 г. в 375 миллионов долларов. И вот, несмотря на увеличение количества земляных работ, из этой

суммы еще останется остаток для сооружения волнореза и, может быть, большого водохранилища в Альяхуэне на возвышенностях у реки Шагре. В Кулебра Кут, несмотря на обвалы, стоимость землечерпательных работ фактически была низведена более чем на одну треть.

Пессимисты не в шутку были озабочены этими обвалами в Кулебре. Они предсказывали, что канал в этом месте всегда будет находиться под угрозой обвала. Но были приняты все предосторожности. Инженеры устроили гораздо более отлогий скат с горы и канал, поэтому, вышел гораздо шире, чем предполагалось. Кроме того, скат укреплен дерном, поросшим травой и другими растениями. Когда в канале будет вода глубиной в 45 футов, то дно будет находиться под давлением тяжести воды, и обвалы больше не будут места. Но если бы даже, несмотря на все предосторожности, такие и случились, то землю легко можно было бы удалить двадцатидюймовыми землечерпалками, которые можно было провести через шлюзы и пустить в ход. Так что нам не приходится особенно обеспокоиться положением дел в этой девятимильной части канала через Кулебрийские горы.

Здесь можно лишь дать общее представление трудностей, возникших в ходе работ. Дренаживание этого «пролета» было само по себе трудной задачей. Нужно было удалить воду из прилегающих местностей и освободить прокладываемое углубление от накопившейся в ней воды. Система канав, связанных с рекой Обиспо и ее притоками дала возможность совершить первую задачу, а вторая проблема была решена при помощи насосов. В общем, это колоссальное прорытие горы на перешейке является величайшим предприятием этого рода, когда-либо осуществленным на земле.

ХП

Шлюзы

Панамский канал есть детище «века бетона». Все другие великие сооружения, как пирамиды древности, так и Асуанская плотина наших дней, сделаны из естественного гранита. Американцы же не только возвели неподобные по своей грандиозности столбы, но они сами создали тот материал, из которого последние сделаны. Это обстоятельство делает наиболее удивительным быстрое окончание работ. Было произведено не менее четырех с половиной миллионов кубических ярдов искусственного камня. Из этого количества бетона, как мы слышали, можно было бы устроить обыкновенный тротуар в 9 футов ширины и шесть дюймов толщины на расстоянии в два раза большем, чем окружность земного шара.

Куски камня, входящие в состав бетона были добыты и вывезены из Порто-Белло, — имя, знаменитое в анналах Вест-Индского романа, — в

двадцати милях к востоку от Колона. Песок же доставлялся большей частью из Номбре де Диос, в двадцати верстах дальше к востоку, у Атлантического океана на границе старой мощеной дороги через перешеек, по которой испанские караваны вывозили серебро панамских инков. Миллионы ярдов камня шли из Порто-Белло. Сотни барж песка были доставлены из Номбре де Диос и с островов Атлантического и Тихого океанов. Мириады судов с цементом были присланы из Соединенных Штатов в Кристобаль, — пригород Колона, откуда он отправлялся на баржах в Гатун или по железной дороге в Педро Мигель и Мирафлорес к шлюзам. Десятки гигантских «мешалок» поглощали этот разнообразный материал. Каждая из них вмещала десять тонн песка, цемента, измельченного камня и воды. Всю эту смесь машина размалывала, смешивала и выбрасывала ее наружу в виде незатвердевшего камня.

Вера в бетон среди строителей Панамского канала доходила почти до суеверия. Они создали сорт цемента, из которого хотели сделать каменную одежду для стен Кулебра Кут, но этот опыт скорее потерпел неудачу. Действительно, все такие сооружения, как маяки, были построены целиком из бетона, и сообщают, что даже баржи строились из этого пластического материала. Что касается бетона, его характера и свойства, то ничто не было принято на веру. Были произведены опыты для установления таких важных обстоятельств, как влияние морской воды на бетон, время, необходимое для установки этих громадных масс искусственного камня, и для решения многих других вопросов, от которых зависит прочность и работоспособность шлюзов и всего канала. «Панамский канал», пишет м-р Шовальтер, «представляет собой величайшее сооружение, возведенное когда-либо человеком, и направленное к тому, чтобы симулировать геологические процессы и заставить природу сделать в несколько дней то, на что ей потребовались бы бесчисленные годы».

Эти замечания относительно бетона естественно подводят нас к вопросу о Панамских шлюзах, о величественной лестнице в Гатуне, о шлюзах в Педро Мигеле и о замечательном пролете в Мирафлорес. Особенно сильное впечатление производит колоссальный двойной пролет в Гатуне, по которому транзитное судно поднимается от уровня моря на протяжении семи миль от Лаймон Бей до поверхности Гатунского озера на высоту 85 футов над уровнем моря. Для сооружения этого гигантского подъема пришлось прорезать холм, задерживающий воды искусственного озера. Пришлось сделать огромные выемки свыше 5 000 000 кубических ярдов земли и шлюзы, сооруженные целиком из бетона, содержат около 2 046 100 кубических ярдов этого материала. Камеры всех шлюзов канала имеют полезную длину в 100 футов и ширину в 110. Эти размеры окажутся вполне достаточными для самых больших кораблей, не только

существующих в настоящее время, но и могущих быть построенными в течение многих ближайших лет. Таким образом, эти размеры отвечают требованию закона Спунера, чтобы канал был «достаточной емкости и глубины для удобного прохода кораблей с самым большим водоизмещением; более 95% плавающих ныне кораблей имеют в длину менее 600 футов, так что размеры канала для них вполне подходящи. Мы можем быть уверены, что американское правительство отнеслось с величайшим вниманием к вопросу о длине и ширине шлюзовых камер, потому что канал сооружен, главным образом, для стратегических целей, — для переправы, если это потребуется, всего американского флота из Атлантического океана в Тихий. Для сравнения можно прибавить, что шлюзы Кильского канала имеют размеры в 492 фута длины и 82 фута ширины.

Итак, судно, чтобы подняться из Атлантического океана до уровня Гатунского озера, должно пройти через пролет из трех последовательных шлюзов. Максимальный подъем — это 32 фута, или приблизительно на 4 фута выше существующих в других местах шлюзов. Все шлюзы вдоль Панамского канала двойные, т. е. имеются два параллельных пролета с общей центральной стеной, так чтобы два судна могли одновременно проходить в одном или в двух противоположных направлениях. Этот двойной путь сам по себе является одним из многочисленных предохранительных средств на случай порчи шлюзов. Эти предохранительные средства нигде в мире не отличаются такой точностью и многочисленностью. Само собой разумеется, что все это содействует росту доверия к каналу в мореходных кругах. Хорошая работоспособность канала, абсолютная уверенность в сохранности судов и грузов, переносимых им в течение десяти или двенадцати часов являются элементарными условиями успеха. Каждый шлюз, через который проходит судно, снабжен двумя парами двойных щитов, превосходящих по размерам шлюзные щиты во всех других каналах; верхние шлюзы имеют вторую пару щитов так, что если какое-либо судно раскроет один щит, то имеется наготове другой, для того, чтобы остановить его. Но это еще не все. Через канал протянуты тяжелые цепи, концы которых закреплены в гидравлических машинах. При помощи этих цепей можно сразу остановить судно 10 000 тонн водоизмещения, движущееся со скоростью пяти миль в час. Но этим еще не исчерпываются все предохранительные средства. Предположим, что все барьеры разрушены, хотя подобное предположение следует признать почти лежащим за пределами возможного. В начале каждого пролета имеются огромные наводные мосты, которые могут быть переброшены через канал на случай несчастья. С этих мостов может быть спущен ряд стальных решеток, а нижние концы этих решеток образовали бы порог навстречу низвергающимся водам.

Наконец, чтобы избежать необходимости прибегать к этим искусственным средствам, администрация канала издала приказ, по которому суда, входящие в шлюзы, должны точно сообразовываться с распоряжениями, касающимися прохода через канал. Почти все несчастья, которые случаются в шлюзах, вызываются тем, что проходящие через канал суда недостаточно считаются с администрацией шлюзов. Капитаны судов могут быть очень осторожными, но существует дистанция огромного размера между приказанием и его исполнением. Вполне понятно, что нельзя винить в чем-либо администрацию канала, если проходящее судно не находится всецело под ее контролем. Вот почему установлено, что суда при прохождении через шлюзы не могут пользоваться своей собственной двигательной силой. У шлюзов установлен ряд электрических буксиров. Когда приближается судно, его останавливают у шлюзов. Затем, судно зацепляется четырьмя буксирами — двумя за нос, чтобы протолкнуть судно в шлюзы, и двумя за корму, чтобы задерживать быстроту хода и остановить судно, когда это потребуется. Подобный контроль будет применяться во все время прохождения судна к верхнему или нижнему уровню, и мы уверены, что нам не придется слушать о каких-либо несчастьях в шлюзах Панамского канала.

Полагают, что на прохождение судна через три шлюза в Гатуну потребуется около 50 минут. Следует, однако, обратить внимание на следующее обстоятельство. С Атлантической стороны вода канала будет спокойна, судно будет до некоторой степени защищено от ветров, так что подход судов с этой стороны не встретит особых затруднений. Наоборот, при прохождении из Гатунского озера в шлюза судно может попасть в бурные воды, хотя большая сила ветра здесь редко бывает и на озеро не будет никаких течений. Что касается Тихоокеанской стороны, то здесь океан вполне отвечает своему названию. Вода здесь всегда спокойна, и нельзя ожидать каких-либо затруднений ни от ветров, ни от волн, ни от течений. На расстоянии тридцати миль от южной оконечности Кулебра Кут транзитное судно спускается от озера с высоким уровнем на 30 футов до поверхности другого искусственного озера, значительно меньшего размерами и находящегося на 55 футов выше уровня моря. Таковы двойные шлюзы, известные под названием Педро-Мигельских шлюзов. Сооружение этих шлюзов потребовало 770 000 кубических ярдов цемента. На западной стороне этих шлюзов находится другая плотина, которая вместе с могучей Гатунской плотиной на противоположном конце удерживает воды Гатунского озера. Эта меньшая плотина также сделана из земли и имеет около 1400 футов длины и 40 футов ширины. Максимум стояния воды — это 40 футов, но среднее — от 20 до 30 футов. Длина озера, известного под красивым названием Мирафлорес, между Педро-

Мигельскими шлюзами и ближайшим рядом шлюзов составляет около 2000 ярдов, а само озеро простирается приблизительно на 1200 акров. Его воды удерживаются на высоте 55 футов над уровнем моря двумя плотинами у шлюзов Мирафлорес.

Это — третий и последний ряд шлюзов для корабля, идущего из Атлантического в Тихий океан. При их помощи судно из озера Мирафлорес на высоте 55 футов спускается до уровня моря. Следует заметить, однако, что колебаний в приливах Тихоокеанского конца достигает около двадцати футов, и что высота озера дана при среднем состоянии. Другими словами, низкая вода в течение «весенних» приливов на десять футов ниже среднего уровня моря. Максимальный подъем для этих шлюзов достигает, поэтому, 65 футов. Имеются две плотины, удерживающие воды озера Мирафлорес, — одна на западе, земляная, а другая на востоке, из бетона. Первая из них имеет 2300 футов длины и 40 футов ширины. Среднее стояние воды — 30 футов, максимальное — 40 футов. По своему строению она походит на Гатунскую плотину. Бетонная плотина имеет около 500 футов длины и снабжена регуляторами, аналогичными как по своим размерам, так и по устройству с регуляторами в Гатунской плотине, с семью отверстиями, допускающими прохождение 7 1/2 тысяч кубических футов воды в секунду. Сами шлюзы потребуют миллион триста двенадцать тысяч кубических футов бетона. Следует прибавить, что эти плотины в Педро-Мигеле и Мирафлорес, в противоположность Гатунской плотине, покоятся на природном скалистом фундаменте. Здесь поэтому не возникало вопроса об их прочности. Кроме того и давление воды здесь почти вдвое меньше, чем в Гатуне.

Перестройка большинства старых Панамских железных дорог велась одновременно с сооружением канала. Две ветви старой линии, — одна от Колона до Минду на Атлантической стороне, другая от Корозаля до Панамы на Тихоокеанской стороне, могли быть оставлены в прежнем своем виде. Все остальные пришлось сооружать заново. Большая часть прежнего пути была потоплена водами Гатунского озера. Почти во всю длину пути пришлось прокладывать новую колею. Сначала предполагалось провести линию через Кулебра Кут на высоте десяти футов над поверхностью воды и пользоваться ею для землечерпательных работ при сооружении канала. Но оползни воспрепятствовали этому проекту, и поэтому было избрано новое направление к востоку от Кулебра Кут. Так как большая часть железной дороги проходит через озеро, то были устроены бетонные кладки для уравнивания вод на обеих сторонах набережной. К югу от Мирафлорес новая железная дорога проходит через туннель в 800 футов длины, и самым поразительным здесь является стальной мост через реку Шагре вблизи Гомбоа, длиной почти в четверть мили. Нет нужды оста-

навливаться на землечерпательных работах на Атлантической и Тихоокеанской сторонах. На высоте прилива можно было воспользоваться значительной частью французских сооружений, но сверх того пришлось сделать большие выемки при помощи землечерпательных машин. Ниже шлюзов Мирафлорес пришлось удалить 1 × миллиона кубических ярдов скалы. На Тихоокеанской стороне будет иметь место течение, вызываемое приливом, но так как часть канала на уровне моря нигде не будет превышать скорости одного фута в секунду. На Атлантической оконечности канала прилива почти не бывает, достигая здесь максимум 1 1/2 футов, тогда как на Тихом океане этот максимум достигает 21,1 фута.

ХІІІ

Канал в законченном своем виде

Теперь мы можем приступить к рассмотрению канала в целом в его законченном виде. От глубокой воды в Лаймон Бей (41 фут глубины во время среднего прилива) до глубокой воды за Панамой 145 футов глубины во время среднего прилива будет около 50 миль. Большая часть канала проходит по возвышенности и только 15 миль — на уровне моря. Мы отметим различную глубину и ширину канала, проделав по нему воображаемое путешествие. Здесь достаточно указать, что минимальная ширина канала 300 футов, минимальная глубина 41 фут; однако в большей части канала ширина и глубина будет больше этой минимальной. Его высшая точка над уровнем моря, как уже известно читателю, — 85 футов на уровне воды в канале и 40 фут. на дне канала. Глубина канала на этом протяжении, следовательно, 45 футов. Хотя Панамский канал уступает Кильскому и Суэцкому по длине, но превосходит их по ширине и глубине. Суэцкий канал имеет самое меньшее 107 футов в ширину и 31 фут глубины; Кильский канал — 72 фута ширины и 29 × фута глубины; Манчестерский канал — 120 футов в ширину и 26 футов в глубину. По длине Панамский канал занимает третье место; он имеет в длину 50 миль, тогда как Суэцкий канал — 90, Кильский — 61 и Манчестерский — 35,5 миль.

Во время прорытия канала управление строительных работ было разделено на три части: — на Атлантическую, обнимающую инженерные сооружения от глубокой воды в Карибском море до Гатунских шлюзов и дамб; центральную от Гатуна до Педро Мигеля и на Тихоокеанскую — от Педро Мигеля до глубокой воды в Тихом океане. Для широкой публики, однако, канал естественно разделяется на четыре части: уровень Атлантического океана, озеро, дамба и часть Тихого океана (два уровня, отделенные шлюзами).

Незаметно ложе канала начинается в устье Лаймон Бей, на расстоянии около восьми миль от Гатунских шлюзов. Лаймон Бей, известная также под именем Колон или Нари Бей имеет около трех миль в ширину и три с половиной мили в длину, считая от севера к югу. Это мелкое место, от трех до семи сажен глубины и, кажется, постоянно все больше мелеет. В этом нет ничего неожиданного, так как бухта эта совершенно открыта северным ветрам, которые с ужасной силой дуют с Карибского моря и, без сомнения, нагоняют в бухту немало измельченных камней и песка со дна моря. Сильные ливни на перешейке также должны непрерывно смывать землю в бухту. На восточной стороне бухты находится плоский остров Минцанилью с милею длиной и в три четверти мили в ширину, на котором расположен город Колон. Город этот известный когда-то под названием Аспинуэл, обязан своим существованием Панамской железной дороге, так как является ее северным или Карибским конечным пунктом. Местоположение Колона на железной дороге дает ему известное преимущество перед старым городом Шагрэй, расположенным на небольшом расстоянии на запад. Шагрэй, когда-то цветущий порт, теперь пришел в упадок и влачит жалкое существование. Близ Колона находится Кристобаль, — новый атлантический конечный пункт канала.

Без некоторого прикрытия вход в канал был бы подвержен в высшей степени сильным штормам, которые часто бывают в Карибском море в течение зимних месяцев. Во время этих штормов корабли не могут найти себе надежное убежище в Колоне, почему и не могли бы безопасно входить из канала. В виду этого выстроен волнорез длиной в две мили, который идет в восточном направлении от пункта Торо и прикрывает конец канала. Взгляд на карту показывает, что этот барьер не обеспечивает, однако, достаточной защиты и что необходимо будет построить еще один волнорез от восточного берега. Если возникнет надобность, будет также построено и это второе прикрытие.

В этом месте — на западе от Колона и в устье Лаймон бей наш корабль входит в подводное ложе канала и быстро подвигается вперед по первой части водного пути в 500 футов ширины (на дне) и 41 фут глубины, по направлению к Гатунским шлюзам. Но шлюзы еще не видны. Их не видно до пятой мили и только в Минди поворот канала открывает взору это гигантское сооружение. В это самое время корабль оставил уже широкие воды и движется меж берегов канала. Мистер Брайс живо изобразил переживания, ожидающие путешественника, который с понятным возбуждением вперяет свой взор вперед, чтобы увидеть величайшее из современных чудес мира. Наш покойный американский посол пишет:

«Путешественника будущего ждет много разнообразных впечатлений во время десяти — двенадцати часового переезда от океана до океана.

Горизонтальные лучи яркого тропического рассвета озарят дома Колона, когда путешественник раним утром, ибо пароходы обыкновенно прибывают по утрам, приблизятся к городу. С уровня Атлантического океана судно поднимется по величественной лестнице трех Гатунских шлюзов, а потом медленно и плавно поплывет по водам широкого озера, которое постепенно суживается по направлению к своему истоку. Озеро это окружено роскошными лесами, отличающимися той бархатной нежностью, которая встречается на тропиках. В просеках открываются прекрасные панорамы окаймленных лесом островков, простирающихся далеко направо и налево между холмами. Какая приятная перемена после оставшегося только что позади бурного Карибского моря. Затем судно входит в полосу гор; крутые склоны, покрытые травой или мелким кустарником, поднимаются на высоту двухсот футов. С уровня шлюза Мигеля путешественник увидит на юге широкую долину, которая открывает вид на океан, залитый светом заходящего солнца, а дальше каменистые островки, между которыми он будет подвигаться вперед к безбрежному Тихому океану. В Суэцком канале переход от моря к морю совершается посреди монотонной пустыни, с зыбучими, лишенными всякой растительности песками. Здесь же путешественник в течение нескольких часов оказывается в центре цветущего тропического сада. Корабль чуть-чуть покачивается на тихих водах, на время отрезанный от океана спереди и океана сзади — краткая, незабвенная минута спокойствия на границе между бурным прошлым и бурным будущим».

Гатунские шлюзы, каждая камера которых напоминает собой цементный каньон, почти подавляют воображение своей громадностью. У подножья шлюзов пароход как бы отказывается от собственной воли и отдает себя целиком в распоряжение рабочих канала. Его соединяют с электрическим аппаратом на берегу и осторожно на буксире вводят в шлюзные камеры. Меньше, чем в один час пароход должен подняться на три гигантские ступени и выйти на поверхность озера, находящегося на высоте 85 фут над уровнем моря. Путешественник может даже не заметить огромной плотины, замыкающей Гатунские шлюзы на западе. Для него может оказаться неожиданностью, что все существование канала зависит от этой земляной насыпи и что вместе с Кулебра Кут она поглотила большую часть труда, искусства и забот строителей канала. Природа так преобразовала Гатунскую плотину, что она кажется теперь частью и не очень выдающейся частью ландшафта. Без предварительного осведомления наш путешественник не отгадает также происхождения большого водоема, который тянется направо и налево на большое расстояние и окружает много живописных островов, и по которому наш корабль, снова получив собственную волю и силу, начинает подвигаться вперед. Баканы

одни только указывают, что канал — это прочно построенное звено между двумя океанами, — тихо прокладывает себе путь по дну озера. Мистер Брайс отметил в своем описании, какой приятной антракт представит собой во время долгого океанического путешествия этой тихий переезд в 22 мили по внутреннему озеру от Гатуна до Гамбоа. Ширина дна от одного конца озера до другого такова: 1.000 футов на протяжении 16 миль, 800 футов на протяжении 400 миль и 500 футов на расстоянии 3 миль.

В Гамбоа корабль вступает в восьмимильную часть канала — Кулебра Кут. Путешественник будущих времен не будет нуждаться ни в каких напоминаниях, которые указывали бы ему на огромный проезд, вырубленный в самом хребте перешейка; но ему трудно будет вообразить себе какой вид имела эта часть канала во время своего сооружения. Он должен попытаться представить себе промышленный городок в Горгоне недалеко от входа в Кулебра Кут, где были расположены машиностроительные мастерские, и строительные, кузнечные, вагонные, модельные мастерские, где производились починки и ремонт всякого рода и где строились машины всех размеров и сортов. Он должен бы подумать об этой образцовой резиденции к западу от Кулебра Кут, где жил главный инженер со своими помощниками, окруженные жилищами рабочих, где каждый дом был защищен тонкой проволочной сеткой от москитов, где вся домашняя обстановка отличалась скрупулезной чистотой, а перед домами были устроены лужайки и разбиты цветники. Все это будет убрано прочь и исчезнет вместе с толпами рабочих, которые на целых двенадцать лет прервали тишину первобытного леса. Природа и молчание снова в значительной степени вступят в свои права, но мир не забудет своего долга перед преодолевшей все трудности промышленной армией, которая разделила землю, чтобы объединить народ.

Ширина канала в разрезе — 300 футов. Пройдя восемь или девять миль по глубинному ложу канала, корабль достигает конца той части канала, которая имеет высокий уровень и приближается к шлюзам Педро Мигеля. Тут корабль тихо спускается вниз на 30 футов на поверхность небольшого озера Мирафлорес, расположенного на высоте 55 футов над уровнем моря. Длина этой части канала — около 1 × мили. Кончается она у шлюзов Мирафлорес, где корабль по двум уступам опускается до уровня Тихого океана. Затем следует последний этап этого полного приключений перехода — восьмимильная часть канала, подверженная влиянию приливов и отливов, по которой корабль скользит между низкими топиями по направлению к своей истинной стихии — к глубоким водам Тихого океана, за новым портом Бальбоа к западу от Панамы, набережные которого были построены из отбросов материалов, полученных при земляных работах. Новый волнорез, идущий от Бальбоа до острова Неос,

дает повод думать, что он сооружен для защиты от ветров и бурь. Но вечный покой царит у этих берегов и целью волнореза является в действительности защита канала не от бурных волн, а от наносящих тину течений с востока, которые идут под прямым углом к каналу. Понадобились непрерывные землечерпательные работы, чтобы оградить ложе канала от заполнения этими илистыми осадками. Воздвигнутая плотина оказалась весьма пригодной для этой цели.

Таков Панамский канал, который так много веков был предметом желаний народов и который является теперь одной из постоянных географических черт земного шара. Он построен так крепко и надежно, что землетрясение никогда не сможет серьезно повредить его. Разумеется, встает вопрос, приходится ли серьезно считаться с этой крайней опасностью. Панама находится в несколько подозрительной близости к области, где геологические условия не отличаются особой устойчивостью. Землетрясение в Кингстоне несколько лет тому назад по своей разрушительности явилось таким же бедствием, как и землетрясение в Мессине и в Сан-Франциско. Коста-Рика, страна, расположенная почти на перешейке, также пользуется очень дурной славой в этом отношении. К счастью, Панама расположена, по-видимому, вне зоны таких землетрясений. Легкие подземные толчки, которые слышны были в Панаме, являются, вероятно, лишь отражениями более сильных подземных ударов в других местах. Нет однако ни одного сообщения или предания о действительно серьезных землетрясениях в области Панамского перешейка. Более того имеется даже наглядное и успокоительное доказательство устойчивости и незыблемости земной поверхности в интересующей нас области.

В Гей-Понсфотском договоре нет специального указания на укрепление. Единственный намек на защиту канала встречается во втором разделе третьей статьи: «Соединенные Штаты будут вправе содержать вдоль канала такое количество военной стражи, какое может потребоваться для защиты его против правонарушений и беспорядков». Договор Гей-Бюно-Варилла более точен в своих постановлениях по этому предмету, хотя даже этот договор, кажется, вряд ли предусматривал вооружение и гарнизоны в больших размерах и как постоянное явление на перешейке.

Тем не менее Англия согласилась на предположение укрепление канала. Это решение, вероятно, не встретит возражения и со стороны других держав. Соединенные Штаты построили канал на свои собственные деньги и своими собственными силами. Они более тесно и непосредственно заинтересованы в канале, чем всякая другая держава, и поскольку они выполняют свое предприятие, ставя торговлю всех наций в одинаковые условия по отношению к провозным пошлинам и т. п., никто, вероятно, не станет протестовать против присутствия на перешейке американских солдат и пушек.

Действительно, имеет некоторую силу тот довод, что полная нейтрализация канала была бы несовместима с американским контролем и влиянием. Во время войны американцы стояли бы перед альтернативой: или отказаться от пользования каналом для своих военных кораблей (немыслимое предположение), или же позволить своему врагу или врагам пользоваться каналом на равных основаниях. Это означало бы тяжелое испытание для американских инженеров, управляющих, рабочих и других лиц, находящихся на перешейке. Они были бы обязаны проводить вражеские суда через канал, и таким образом совершать своего рода легализованную измену по отношению к своему собственному правительству путем оказания помощи и содействия неприятелю. Таким образом приходят к выводу, что канал будет нейтральным во всякое время за исключением того, когда Соединенные Штаты сами явятся воюющей стороной. Тогда он станет неотъемлемой частью суверенных владений США.

Но Соединенные Штаты должны будут отстаивать и все дальнейшие возможности и выводы из этой позиции. Если бы они вступили в войну, канал одновременно подвергся бы нападению. Фактически он сам напрашивался бы на атаку, как крайне уязвимый пункт оборонительных сооружений Американских Штатов. Верно сказано, что зона канала имеет все невыгоды острова и ни одного преимущества. Она будет целиком зависеть от подвозимых подкреплений и припасов и изолирована от центра американской державы. Если бы американский флот даже только на короткое время утратил господство на море, неприятель высадил бы войска в какой-нибудь части перешейка, направил бы их к какому-нибудь пункту далеко растянувшегося канала и причинил бы Соединенным Штатам тяжелую быть может смертельную рану в самое чувствительное место. Так что вместо простого удвоения действующей силы существующего американского флота путем приспособлений его для быстрого перебрасывания в случае нужды с западного берега на восточный, прорывание канала может скорее увеличить морские обязательства Штатов и принудить их к значительному усилению своей морской силы. Несмотря на это, англичанам развитие силы и ресурсов Соединенных Штатов не должно внушать других чувств, кроме удовольствия и удовлетворения. В предвидении обострения вековой борьбы между Востоком и Западом за господство на Тихом океане, борьбы, которая, по мнению некоторых, наполнит собой страницы будущей мировой истории, все, что усиливает позицию и престиж англосаксонской расы, как первого и главного стража идей и принципов Запада, должно быть приятным и желательным для всех членов этой расы.

Вычислено, что укрепление канала будет стоить около 12 000 000 долларов. Если прибавить эту сумму к 370 000 долларов (вычисленная

стоимость сооружения канала), то получится круглая сумма в 400 000 000 долларов или 80 000 000 фунтов стерлингов. Эта сумма затмевает все другие издержки на устройство водных каналов, так как Суэцкий канал стоит только 19 000 000 ф. стерл., Манчестерский судоходный канал — 15 000 000 и Кильский — 8 000 000 ф. ст. По поводу этих издержек и возможности обратных в погашение их поступлений — полковник Гэтгальс написал следующие интересные строки:

«Много говорили и предсказывали на тему о коммерческом значении канала для Соединенных Штатов. По этому поводу следует напомнить, что торговое судоходство этой страны никогда не испытывало нужды в канале.

«Плавание судна «Орегон» в 1898 г. выдвинуло на очередь вопрос о целесообразности постройки канала через перешеек. Будь канал построен в это время, избавив таким образом судно от огибания мыса Горна, не было бы никакого вопроса, что канал надо построить даже при затрате 375 000 000 долларов.

«В каком бы свете ни рассматривался Панамский канал, он окупит сам себя, если во время войны или перед угрозой войны сделает возможной концентрацию флота без долгого, утомительного и ненадежного пути, которым следовало судно «Орегон».

«Он фактически удвоит боевую силу флота. Несмотря на то, что мы — нация мирная, наши внешние владения делают Панамский канал военной необходимостью — и это следует признать. С этой точки зрения денежные затраты на постройку канала следует отнести на счет тех обстоятельств, которые сделали необходимым сооружение канала, а если будут получаться доходы из других источников, то тем лучше. Размер товарооборота через канал будет зависеть от пошлин, которые будут установлены. Президент Штатов предложил уже конгрессу законодательным порядком установить таможенные ставки.

Существует другая система, которая, будучи принятой, окажет значительное влияние на доходность предприятия. Через посредство Панамской железной дороги были сделаны крупные расходы на снабжение канала всякого рода орудиями и припасами. Хотя железная дорога расплатилась за все эти сооружения, последние не должны быть брошены, а использованы для снабжения судов необходимыми припасами. Следовало бы устроить соответствующие угольные склады для продажи угля кораблям, заходящим туда или проходящим через канал. Так как, с другой стороны, известное число судов, плавающих в Тихом океане, употребляют теперь в качестве топлива нефть, управление канала должно озаботиться также тем, чтобы и этот вид топлива имелся под рукой для продажи.

«Обширные механические мастерские, ныне расположенные в Горгоне, следует до окончания канала перевести в другое место и связать с сухим доком, который понадобится для коммерческих целей и сможет быть использован, как источник дохода для канала. Такая система эксплуатации канала также потребует вмешательства конгресса.

«При надлежащим образом урегулированных пошлинах и при наличии удобств для полного снаряжения, снабжения припасами и ремонта судов, Панамский канал представлял бы много преимуществ и давал бы достаточно доходов для возмещения не только издержек по содержанию канала, но и для постепенного погашения долга, который возложили на себя Соединенные Штаты для его сооружения».

XIV

Канал и Америка

Вероятное влияние Панамского канала на международную торговлю и на развитие мирового товарооборота представляет собой столь обширный предмет, что здесь можно остановиться лишь на более широких перспективах. В настоящей главе мы займемся рассмотрением, главным образом, влияния канала на Соединенные Штаты, страну, которая имеет возможность выиграть гораздо больше всех других от этого нового звена между Востоком и Западом.

Наиболее очевидным последствием открытия канала должно явиться безмерное усиление морского сообщения между восточными и западными берегами Северной Америки. Поводы к сооружению канала были, правда, скорее военного, чем коммерческого свойства. Канал стал необходимостью вследствие тяжелого опыта во время Испано-американской войны, под непосредственным впечатлением от морского перехода в 14 000 миль между двумя побережьями республики. Но коммерческие результаты открытия канала не будут менее значительны от того лишь, что они не входили в число главных целей и мотивов строителей канала. Совершенно ясно, что главное, так сказать, развивающее влияние канала скажется вдоль тихоокеанских берегов Америки, которые так долго были отрезаны от крупных центров промышленности в Новом и Старом Свете.

Мы так привыкли смотреть на Соединенные Штаты, как на вполне развитую и благоустроенную страну, что забываем, как медленно растет население и развивается промышленность к западу от Атлантического побережья. Даже теперь нельзя сказать, что железнодорожные сообщения между восточными Тихоокеанскими штатами по ту сторону кряжа Скалистых гор вполне соответствуют имеющейся потребности в товарообороте между востоком и западом. Трансконтинентальные железнодо-

рожные линии лишь недавно установили дешевое и удовлетворительное сообщение между Штатами на тихоокеанском побережье и их самыми обширными и естественными рынками. До сих пор железным дорогам приходилось конкурировать лишь с тремя возможными путями сообщения: 1) чисто морской путь вокруг мыса Горна для парусных судов и через Магелланов пролив для парусных судов; 2) дорога через Панаму с железнодорожным транзитом через перешеек; 3) дорога через Тегуэнтепек с железнодорожным транзитом по перешейку от Пуэрто-Мексика до залива Салина-Крус в Тихом океане. Новый канал будет гораздо более страшным конкурентом. Несомненно, что промышленность Соединенных Штатов много выиграет от соперничества между железными дорогами и каналом. Вполне правильно поступает правительство, предоставляя полную свободу этой конкуренции, даже вплоть до возможности запрещения пользования каналом для судов, принадлежащих, контролируемых или подчиненных влиянию железнодорожных компаний.

Нет никакой опасности, что даже в случае исключительного успеха, Панамский канал приведет к гибели трансконтинентальных железных дорог. Отчет комиссии канала в 1901 г. делает по этому поводу некоторые интересные замечания, сохраняющие свое значение и для настоящего времени:

«Конкуренция канала повлияет, во-первых, на размеры и характер сквозного транзита тихоокеанских железных дорог, а, во-вторых, на их местные перевозочные операции. В начале своего существования эти железные дороги почти всецело зависели от сквозного транзита товаров; но главной их целью за все время их существования было увеличить местный товароборот, который всегда более выгоден, чем «сквозной» транзит. И хотя большое пространство страны, изрезанное ими, до сих пор находится в детском периоде своего промышленного развития, местный товароборот на некоторых, если не на всех, тихоокеанских железных дорогах уже приобрел преобладающее значение. Вице-президент одной железнодорожной сети констатирует, что начиная с 1893 г., «увеличение товароборота трансконтинентальных железнодорожных линий обязано своим происхождением не морским портам, а развитию внутренних областей страны». канал не может, разумеется, никоим образом помешать росту этих местных сношений, а очевидные факты сильно подкрепляют веру, разделяемую многими лицами в то, что канал даст сильный толчок промышленному развитию территории, обслуживаемой тихоокеанскими железнодорожными путями.

«Если это верно, то ближайший результат Панамского канала — вынужденное понижение и приведение к нормальному уровню прибылей на акции трансконтинентальных железнодорожных предприятий,

под влиянием конкуренции нового водного пути, — будет больше, чем компенсировано крайним расширением в близком будущем сквозного и местного сообщения, которое необходимо будет обслуживаться железными дорогами. Возможно, что рост населения в стране и увеличение нашей внутренней и внешней торговли, рано обнаружит необходимость для нужд транспорта как канала, так и железных дорог».

Понижение фрахтов за пользование каналом наверное даст сильный толчок многим главным отраслям промышленности в тихоокеанских штатах. Одной из наиболее важных отраслей — является лесная промышленность. Калифорния и Орегон очень богаты сосновыми лесами, елью, кедром и красным деревом, причем последнее — в сильном спросе в Атлантических странах. Изрядное количество этого строевого леса вывозится в Европу и в восточные штаты — и все оно перевозится на парусных судах кругом мыса Горна. Вычислено, что открытие Панамского канала понизит фрахты на 50 %, а это значит, что весь строевой лес с тихоокеанского побережья соответственно возрастет в своей стоимости. Экспорт на восток наверное быстро разовьется с появлением новых средств транспорта. Зерновой хлеб, вино и фрукты — будут вывозиться в большем количестве, а фабричные товары из промышленных восточных штатов потекут во все возрастающим количестве через тот же самый канал в западные штаты.

Все крупные отрасли промышленности Соединенных Штатов получают новый стимул для своего развития, а Англия и вообще Европа испытывают на себе давление новой конкурирующей силы Американской республики. В особенности должен возрасти экспорт из восточных и южных штатов в области хлопчатобумажной и железоделательной промышленности. Хлопчатобумажные изделия, вывозимые из южных штатов, в прежнее время должны были перевозиться по железной дороге к западным портам, а оттуда на пароходах в Китай и Японию или еще восточнее, через Суэцкий канал, иногда даже через Англию или Германию. Можно представить себе, каким благодеянием явится Панамский канал для этой отрасли промышленности, как удобно расположен он по отношению к портам как Мексиканского залива и для всего их экспорта сырья и фабричных товаров.

Американское железо и сталь также приобретут несравненно большую способность к конкуренции с английскими металлическими изделиями на рынках Китая, Японии, Британкой Австралии и вдоль берегов Южной Америки. Нет нужды более подробно описывать возможное влияние панамского канала на целый ряд остальных американских отраслей промышленности.

Соединенные Штаты, кажется, действительно находятся накануне страшного роста. В докладе, прочитанном в Королевском Колониаль-

ном Институте хорошо известный физик-географ и экономист доктор Ф. Б. Врумэн дает нам некоторое представление о дальнейших американских предприятиях в области строительства после открытия Панамского канала.

«Панамский канал есть лишь часть более крупных, проектируемых Америкой, водяных путей. Возможно, что тотчас же после его окончания Соединенные Штаты выступят с проектом искусственной канализации Миссисипи, бассейн которой уже теперь представляет собой 16 000 миль судоходных вод и площадь для осушки, в 1 280 000 квадратных миль. Прорытие канала для океанских кораблей до Великих Озер превратит в морские порты канадские города на озерах Отарио, Эри и Верхнем, Саскачеван и Красная река могут быть канализованы на 1 000 миль, а короткий канал от озера Виннипег откроет всю Саскачеванскую долину почти от подножья Скалистых гор — вниз по течению, до всех дорог, ведущих к Мексиканскому заливу, а оттуда — к Панаме и тихоокеанским портам. Все трансконтинентальные фрахты в Канаде и Соединенных Штатах будут понижены, а может быть, и некоторые фрахты и в средней Америке. Как только осуществится это великое южное водное сообщение, промышленность южных штатов получит новый импульс. Мексиканский залив и Карибское море вступят в новую жизнь, вместе с Вест-Индией, Центральной Америкой и обширными и плодородными бассейнами Ориноко и Амазонки».

*Печатается по изданию: Д. С. Миллс. Панамский канал.
История и описание. Пг., 1914.*

В.Е. ТИМОНОВ

МИРОВОЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПАНАМСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Содержание: Васко Нуньес де Бальбоа и перенос морских судов через Панамский перешеек в начале XVI века. — Мощные дороги через перешеек и г. Панама. — Постройка Панамской железной дороги в 1855 году. — Концессия Общества Панамской железной дороги 1867 года на постройку морского канала. — Концессия Фердинанда Лессепа и работы первой французской компании. — Образование в 1894 году второй французской компании. — Отношение к вопросу о постройке морского канала правительства С. Американских Соединенных Штатов. — Трактат С. Американских Соединенных Штатов с Англией 1902 года. — Закон о морском канале 1903 года. — Переговоры с Колумбийской республикой. — Образование Панамской республики. — Договор С. Американских Соединенных Штатов с Панамской республикой 1904 года.

Мысль о необходимости устройства сообщения между Атлантическим и Тихим океанами через Панамский перешеек родилась очень рано, как только выяснились необыкновенно благоприятные в этом отношении естественные условия перешейка.

Замечательно, что первое из таких сообщений было как бы морское. Васко Нуньес де Бальбоа, португалец, убежавший от своих кредиторов, высадился в 1500 году на Панамском перешейке и увидел с высот Дарийских гор Тихий океан. Охваченный желанием плыть по этому неведомому морю, он задумал перенести в частях два судна через перешеек и собрать их на том берегу. Дерево для этих судов заготавливались на берегу Атлантического океана и затем со снастями и другими принадлежностями переносилось к Тихому океану. В распоряжении Бальбоа было несколько испанцев, тридцать негров и довольно много индейцев, которыми он мог располагать, так как женился на дочери одного из их вождей. Подобно муравьям, тащили они части судов по узким тропинкам через густые лесные чащи, то опускаясь в долины и перебираясь через болота,

то поднимаясь на горные кручи и повисая над пропастями. Их палило своими лучами полуденное солнце или обливали тропические ливни. А вокруг носились смертоносные лихорадки, вырывая непрерывно новые и новые жертвы. На этот переход, — при расстоянии в несколько десятков верст, потребовалось три года, чтобы победить тропический лес и тропический климат. Но в результате суда Бальбоа поплыли по Тихому океану. Бальбоа приплыл вскоре к архипелагу Жемчужных островов и собрал здесь богатую добычу.

Когда весть об этом сказочном предприятии и рассказы о лежащих к югу по берегу Тихого океана богатых странах Южной Америки достигла Мадрида, на Панамский перешеек устремились новые искатели наживы и приволья и здесь вскоре (в 1517 году) был основан города Панама, ставший исходным пунктом для захвата Перу и других стран Южной Америки. До середины XIX столетия довольствовались для передвижения через перешеек колесными дорогами, которые начинались у разных мест атлантического берега и сходились почти все у города Панамы. Эти дороги, из коих первой была Панама — Номбре де Диос, а дальнейшей, с 1597 года, Панама — Порто-Белло, были вымощены камнем и представляли достаточные удобства для обозов, которые по ним двигались, перевозя, главным образом, богатую перуанскую добычу в Испанию. Части этих дорог, сохранившиеся до сих пор в хорошем состоянии, могут быть прослежены на расстоянии многих миль сквозь заросли тропического леса, среди которого они теперь лежат без всякого употребления.

Первый проект канала через Панамский перешеек приписывается одному из последователей Бальбоа — испанскому инженеру Сааведра и относится к 1517 году. После многолетнего исследования вопроса он в 1529 году подготовил свой проект для представления испанскому королю Карлу V, но смерть унесла Сааведру. Тем не менее распоряжение об изысканиях на перешейке с целью проверки предположений Сааведры было сделано. Произведенные изыскания привели к заключению о неосуществимости канала через Панамский перешеек. Филипп II, вступивший на престол после Карла V, послал в 1567 году одного инженера исследовать иное направление канала, а именно через Никарагуа. Но и об этом предположении последовало неблагоприятное заключение. Говорят, что доклад по этому предмету был поручен, под воздействием инквизиции, одному доминиканскому монаху, который нашел вполне определенный ответ в словах Библии: «что Бог соединил, человек да не разъединяет». Это указание было, будто бы, достаточно, чтобы Филипп II прекратил дальнейшие попытки найти решение о водном пути между океане, постройка которого была бы сопряжена с отделением Северной Америки от Южной. Во всяком случае, мысль об устройстве канала была

заброшена испанцами в течение более двух веков. Только в 1788 году испанское правительство предприняло новое исследование этого вопроса и произвело изыскания по Дарийскому направлению. Затем, в 1814 году, желая поднять свой разрушающийся престиж среди центрально-американских владений, Испания объявила декретом о постройке канала через перешеек. Но было уже поздно. Прежде чем какой-либо шаг мог быть сделан для осуществления этого намерения, революция лишила Испанию ее колоний на континенте Америки, и роль Испании в создании междоокеанского канала окончилась.

В качестве инициатора в деле сооружения канала выступали тем временем и другие страны. В 1699 году шотландец Паттерсон учредил колонию на берегу Карибского моря и произвел исследование перешейка в целях постройки канала. Он убедился в его технической осуществимости, но приступить к исполнению не мог из-за лихорадок и отсутствия необходимых средств. Все что осталось от этого начинания — это название Каледонского залива за бухтой, где была колония Паттерсона.

В 1735 году французское правительство послало астрономическую экспедицию в Центральную Америку и ее члены, по возвращении во Францию, рекомендовали устроить канал через Никарагуа.

В конце XVIII века Англия в лице своего представителя лорда Нельсона делает попытку захватить эту последнюю территорию.

В начале XIX века вопрос об устройстве водного сообщения между Атлантическим и Тихим океанами привлекает к себе внимание Александра фон Гумбольдта. Он исследует никарагуанское и другие направления и составляет обширный доклад. Он пишет, что постройка канала вполне возможна и что она «сделает бессмертным правительству, занятое истинными интересами человечества». К этому же времени относится замечательное пророчество Вольфганга Гете о заселении с.-американцами Тихоокеанского побережья и о канале через перешеек для соединения восточного и западного берегов Северной Америки. Под впечатлением исследования Гумбольдта в своем разговоре с Эккерманом и Сорре 21 февраля 1827 года Гете сказал: «Я повторяю, что для Соединенных Штатов безусловно необходимо сделать проход из Мексиканского залива в Атлантический океан и я уверен, что они его сделают... Я хотел бы видеть еще другое — соединение Дуная и Рейна, но это предприятие так громадно, что я сильно сомневаюсь в его осуществлении... И, наконец, я желал бы видеть Англию владеющей каналом через Суэцкий перешеек. Я хотел бы жить до старости, чтобы видеть эти три великие предприятия. Стоит побеспокоиться просуществовать каких-нибудь пятьдесят лишних лет для этой цели!»

С освобождением Центральной Америки от испанской зависимости и образованием здесь нескольких отдельных республик, вопрос о пост-

ройке междуокеанского канала оживился, так как явились благоприятные условия для состязания между направлениями этого пути через разные государства и между различными странами, желавшими иметь канал в своих руках.

В 1825 году президент Ново-Гранадской республики дал концессию на постройку Панамского канала французу барону Тьерри, который не собрал нужного капитала, после чего президент Боливар поручил английскому инженеру Ллойдю исследовать перешеек в целях постройки канала или дороги.

В том же 1825 г. в Соединенных Штатах образовалась компания для постройки междуокеанского канала под названием «The Central American and United States Atlantic and Canal Company», которая ничего не успела сделать. Правительство же Соединенных Штатов С. Америки занялось вопросом в канале между Атлантическим и Тихим океанами только с 1835 года, когда президент Джексон, исполняя постановление сената, решившего построить канал через Никарагуа, но в то же время изучить предварительно весь вопрос, поручил Биддлю посетить перешеек и исследовать пригодность различных направлений для устройства междуокеанского сообщения. Биддль исследовал только Панамское направление и получил концессию на постройку здесь железной дороги. Стоимость междуокеанского канала была определена в это время в двадцать пять миллионов долларов. Большие финансовые затруднения в Соединенных Штатах, происшедшие в 1837 году, не дали этому предприятию возможности вступить в период осуществления.

В 1838 году новая концессия была дана французской компании для постройки на перешейке шоссе, железных дорог или канала. Французское правительство заинтересовалось этим вопросом и послало инженера Гарелла для исследования его на месте. Гарелла явился горячим сторонником устройства канала, как единственного пути сообщения, соответствующего потребностям грузообмена. За отсутствием денежных средств, французская компания не приступила ни к каким работам и утратила свои права.

Луи-Наполеон, еще ранее, чем он сделался императором, сильно интересовался вопросом о постройке междуокеанского канала и написал пламенную статью о том, что судьбы Франции требуют, чтобы она осуществила это начинание.

Вслед за тем к Панамскому перешейку вновь было привлечено внимание с.-американцев. Это явилось следствием присоединения С.-Американскими Штатами к своим владениям Орегона и Калифорнии. Сообщение с этими окраинами по суше было затруднительно и опасно. Вследствие этого главный поток переселенцев направлялся из восточных шта-

тов вокруг мыса Горн. Чтобы сделать новые территории Соединенных Штатов более доступными, были учреждены пароходные линии между Нью-Йорком и Панамским перешейком и между этим последним и Калифорнией и Орегоном. Создавшие это предприятие американцы имели в виду устройство через перешеек железной дороги, которая связала бы между собой атлантические и тихоокеанские порты Панамского перешейка и обеспечила бы всему предприятию большие выгоды. Концессия на постройку такой дороги была дана правительством Новой Гранады в 1848 году Аспинваллю, Стефенсу и Чонсей.

В 1855 году Панамская железная дорога была открыта. Она потребовала большой затраты денег и множества человеческих жизней. По твердо установленной на перешейке легенде каждая уложенная шпала стоила жизни одного рабочего. Но об утраченных человеческих жизнях думали мало, а израсходованные американцами деньги стали приносить огромный доход, благодаря быстро развившемуся движению и крайне высоким тарифам. О последних можно судить по цене проезда через перешеек в 1 классе, которая в течение многих лет составляла для расстояния в 50 англ. миль и 4-х часовой продолжительности 25 долларов. За время с 1853 года по 1895 год включительно Общество Панамской железной дороги уплатило до 37 миллионов долларов дивиденда или более 600% на затраченный капитал, т. е. около 15% в среднем в год. Такому финансовому успеху предприятия Панамской железной дороги много способствовало открытие в конце 1848 года в Калифорнии золотых россыпей, которое и было одной из главных причин быстрого роста переселенческого движения из восточных Штатов на запад через Панамский перешеек. По мере того как на Панамской железной дороге развивалось большое движение, несоответствие этого средства сообщения потребностям мировой торговли становилось, однако, все более и более очевидным, и пароходное движение вокруг мыса Горн не только не уменьшилось, а, напротив, возросло. Преимущества устройства через перешеек морского канала стали вновь выдвигаться и на этот раз уже крупными финансистами и политиками. Президент Соединенных Штатов Бьюкенен командировал уже в 1857 году на перешеек экспедицию для изысканий, которые затем с некоторыми перерывами продолжались в течение ряда лет, осложняясь упомянутой уже конкуренцией центрально-американских республик и великих держав, претендовавших на создание канала. Среди таких обстоятельств Общество Панамской железной дороги поспешило еще в 1867 году расширить свои права на перешейке, выговорив себе концессию на 99 лет, по которой колумбийское правительство предоставляло этому обществу единственное право строить на перешейке другие железные дороги или морской канал и эксплуатировать эти сооружения.

Закрепив за собой такие права, Общество Панамской железной дороги не стремилось их осуществлять. Будучи хозяином перешейка, оно собирало доход со своей дороги, зная, что ни один стремящийся через перешеек междуокеанский груз миновать ее не может. Дело Панамского канала было почти похоронено. Это дало повод многим частным предпринимателям возобновить исследования других путей для междуокеанского сообщения. Такими исследованиями было выдвинуто 19 проектов каналов, из которых наибольшее значение приобрел впоследствии проект никарагуанского сообщения.

В 1869 году правительство Соединенных Штатов, признавая, что Панамская дорога не дала удовлетворительного решения вопроса о междуокеанском сообщении, предприняло ряд новых исследований вопроса о канале. Президент Грант назначил для этого особую комиссию и заключил договор с Колумбийской республикой, предоставлявший Соединенным Штатам построить канал вне территории, покрываемой концессией Общества Панамской железной дороги. В 1876 году комиссия остановилась, однако, на Никарагуанском направлении, но к работам приступлено не было и верховенство в деле сооружения канала перешло вскоре к французам, которые сумели в это же время получить концессию на постройку более короткого и удобного канала на Панамском перешейке. Концессия эта была дана правительством Новой Гранады лейтенанту Уайзу, которым совместно с Турром в 1878 году было учреждено Общество Междуокеанского канала. Это общество озаботилось прежде всего устранением препятствия к избанию для канала наивыгоднейшего направления, заключавшегося в правах Общества Панамской железной дороги на постройку морского канала. С этой целью все предприятие Панамской железной дороги было куплено французской компанией за 18 миллионов долларов. Во главе французского Общества Междуокеанского Канала стал Фердинанд Лессепс — знаменитый инициатор и создатель Суэцкого морского канала. Руководствуясь примером Суэцкого канала и не оценив в должной мере совершенно иных условий, в которых находится Панамский канал, Лессепс хотел построить этот последний открытым, в уровне океанов, без шлюзов. Это его стремление встретило поддержку специально созванного Обществом особого международного конгресса из 136 лиц, из которых, впрочем, только 42 были инженеры и географы. При всем этом только 78 человек высказались за открытый канал. Стоимость такого канала была исчислена конгрессом при глубине в 28 фут и наименьшей ширине по дну в 72 фута кругло в 1.250.000.000 франков и продолжительность постройки в 12 лет. Но уже через восемь лет после начала работ в 1880 году были истрачены огромные суммы без того, чтобы можно было установить, когда же работа окончится. В 1887 году очевид-

ная невозможность окончить канал по первоначальному проекту в пределах допустимых расходов привела к замене открытого канала шлюзованным, как тогда предполагалось — замене временной, с отдельным бьефом, помещенным выше горизонта разлива реки Шагр — по-американски — Чагрес; здесь и в дальнейшем изложении мы сохраняем французское название) — и питаемым искусственным накачиванием воды из этой реки. Работы по этому измененному проекту продолжались до 15 мая 1889 года.

Постройка Панамского канала первой французской компанией вызывает в представлении многих с колоссальными хищениями и злоупотреблениями, сделавшими из названия перешейка нарицательное имя для крупных нарушений этических начал. По исчислению историка Панамы за треть века, Трейси Робинсона, расходы компании составляют 52 078 520 фунтов стерлингов или кругло 520 миллионов рублей и распределяются так: расходы на Панамском перешейке 31 330 937 ф. с., расходы в Париже 15 028 066 ф. с., уплата за Панамскую ж. д. 3 730 727 ф. с., уплата Колумбийской республике 98 203 ф. с., проект лотереи 1 290 587 ф. с.

Главные злоупотребления выпали при этом на долю Парижа, а не Панамы. В Париже, кроме подкупов влиятельных лиц и прессы, велась бессовестная игра на искусственном колебании курса акций. Стоявшие близко к делам общества лица то распространяли известия о крайних трудностях, встреченных при работах и о враждебном настроении Соединенных Штатов с его доктриной Монро, то сообщали, что трудности побеждены или переиначивали содержание послания президента Соединенных Штатов к парламенту, чтобы показать, с каким благожелательством американцы относятся к французскому предприятию. Цены на акции то падали, то подымались, следуя предубаждениям заправил компании, и огромные суммы перепали в их карманы, все более и более ослабляя общее положение предприятия.

На перешейке же независимо от колоссальных санитарных и технических трудностей предприятия было, несомненно, сделано много ошибок, среди которых особенно выделяются следующие:

- назначение слишком короткого срока для окончания работ, в который их выполнить было невозможно;
- постоянная смена начальников и замена одних другими, приносящими новые идеи, но не знавшими местных условий и нарушавшими всякую преемственность в работах;
- отсутствие экономической постановки работ и правильной администрации в их ведении.

Кроме того еще одно важное обстоятельство тормозило работу французов — они не были полновластными хозяевами районами района работ, а там распоряжались и местные власти. Вследствие этого все санитарные меры, которые предпринимали французы, не могли распространяться на находившиеся в непосредственном соседстве туземные поселения и оставались малоуспешными. Район работ оказывался иногда даже полем сражения отрядов различных революционных партий, отбравших провиант у французов и селившихся в их домах. Вместо извлечения грунта французам приходилось при этом подбирать убитых и раненых колумбийцев.

Трейси Робинсон, как очевидец, говорит также, что и на перешейке хищения и злоупотребления проникали во все службы. Не останавливаясь в границах работ канала, эти пороки распространили свое влияние на всю колонию и развратили ее. «Игры всякого рода и всякий разврат поглощали дни и ночи. Понятия о стыде и сраме были совершенно утрачены».

Наряду со всеми этими мрачными сторонами Панамского предприятия должны быть отмечены и подвиги самоотвержения и огромного труда при невозможно тяжелых условиях. Сотни молодых инженеров, несколько не думавших ни о парижских биржевых махинациях, ни о грязных забавах, охвативших местные центры, усердно с опасностью для жизни, трудились в тропическом лесе, снимая планы и карты, делая промеры, производя земляные и землечерпательные работы. Многие из этих самоотверженных тружеников погибли в непосильной борьбе. Результаты их исследований и работ высоко ценятся нынешними строителями Панамского канала — американскими инженерами. В этом труде, искреннем и полном надежды на успех, среди лихорадочной местности, труде, который парижские аферисты использовали для своих нечистых спекуляций, было нечто, глубоко драматичное.

К борьбе с природой, болезнями, недобросовестностью высшей администрации — присоединялись еще трудности особого рода. Отсутствие опыта земляных и дноуглубительных работ в таких исключительных условиях не позволило установить правильных цен, в соответствии с должной классификацией грунтов. Цены назначались чрезмерные и огульные. Пользуясь этим, подрядчики вынимали мягкие грунты, получали за них огромную плату, а затем бросали работу. Большие затруднения для успеха работ представляла также неудачная форма концессии, которая давала основания гражданам Колумбии вчинять бесчисленные иски к французам в своих судебных установлениях и выигрывать их, заставляя французскую компанию постоянно платить за самые разнообразные убытки. Но, конечно, самый страшный враг французов была лихорадка.

Относясь с большим осуждением ко многим мрачным сторонам панамского предприятия, Трейси Робинсон считает, однако, нужным огра-

дить самого инициатора всего дела — Лессепса — от обвинений в корыстных видах.

«Можно утверждать, говорит он, что Лессепс был энтузиаст; что у него не было нужного для такого большого дела административного таланта; что он был слишком стар, слишком тщеславен и жаден до новой славы, которую Панамский канал мог присоединить к его уже великому имени; что его легко могли обойти люди, первая цель коих был грабеж; что он был слишком плохой знаток людей, чтобы с успехом занимать такое ответственное место; что он не имел практических знаний и его вводили в заблуждение, — но при всем этом он не был человеком низким и обманщиком, каким его выставляют его враги».

30 декабря 1879 года Лессепс впервые посетил Панаму, в сопровождении своей жены и трех из своих детей. Трейси Робинсон в упомянутой книге говорит: «Лессепсу было тогда более семидесяти лет, но он был еще деятелен и крепок. Маленького роста, француз во всем, он имел привлекательное обхождение и то, что можно назвать магнетическим влиянием. Когда он говорил, слушатель не мог не быть убежденным, что все сказанное правда или, по крайней мере, не верить, что это правда. во время приемов и последующих бесед он отвечал на все вопросы по поводу канала с полной готовностью и любезностью, и каждый раз заканчивал свою речь словами: «Канал будет построен».

Первого января 1880 года первый удар киркой для начала работ канала был сделан при торжественной обстановке дочерью Лессепса, Фернандой. А в 1889 году произошло крушение компании. Денег не было и их больше не давали: 20.000 рабочих остались без хлеба. Компания обанкротилась, истратив около 260 миллионов долларов, вынудив кругло около 66.700.000 куб. ярдов грунта, при средней цене до 4 долларов за куб. ярд, и осуществив только четвертую часть задуманного предприятия.

Банкротство компании Панамского канала было огромным национальным несчастьем Франции. Большая часть акций оказалась в руках мелких землевладельцев и, вообще, людей малого достатка, покупавших их под влиянием яростной биржевой рекламы и доверия к имени великого француза Лессепса. Все эти бедняки разорились. Многие стали нищими. Политический скандал был громаден, так как в злоупотреблениях оказались замешанными многие члены парламента и правительства. Начался громкий процесс, который свел в могилу от стыда и горя Фердинанда Лессепса. Сын Лессепса Шарль был заключен в тюрьму. Не избежал ее и знаменитый Эйфель.

Полно трагизма было положение непосредственных исполнителей работ на перешейке, тех, которые, после восьми лет работы в страшных обстоятельствах, увидели, наконец, что канал действительно может быть

построен и что он будет построен, но что это сделают другие, а не они, рискующие своей жизнью для осуществления этой задачи...

Легкомыслие, с которым были сделаны исследования и составлен проект работ Панамского канала, в связи с действительно труднейшими местными условиями и бессовестной биржевой спекуляцией, остановили движение французов к желанной цели как раз в тот момент, когда их трудами были собраны необходимые сведения для правильной постановки технической стороны дела, определены способы его должной организации и когда уже была исполнена заметная часть работ.

При таких обстоятельствах мысль о возрождении Панамского предприятия через некоторое время возникла вновь во Франции.

В октябре 1894 г. образовалась новая компания Панамской канала, тоже французская, которая произвела очень тщательные исследования на месте и коренным образом переделала первоначальный проект. Канал должен был быть шлюзованным. Раздельный бьеф предполагался на высоте 102 × фут над уровнем моря. К которому вели с каждой стороны четыре шлюза. Питание раздельного бьефа проектировалось из особого резервуара, образованного запрудой р. Шагр. Наименьшая глубина канала принималась в 29 × фут, а наименьшая ширина в 98 фут. камеры шлюзов имели 738 фут длины и 82 фута ширины. Каждая шлюзовая ступень имела две параллельные камеры. Этой второй компании также не удалось достигнуть цели, так как недоверие к Панамскому делу было слишком глубоко во Франции. До 1904 года вторая французская компания вынула только 11.100.000 куб. ярдов. Ее денежные средства иссекали и работы велись лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы не потерять прав на концессию и устроить перепродажу этих прав на возможно выгодных условиях новому предпринимателю. Таковым явилось правительство С.-Американских Соединенных Штатов.

Хотя еще президент Грант указывал на важность для Соединенных Штатов иметь в своих руках морское сообщение между океанами через перешеек, но все значение такого соединения океанов для с.-американцев выяснилось лишь во время войны с Испанией из-за острова Куба, когда для усиления Атлантического флота потребовалось спешно отправить броненосец «Орегон» из Сан-Франциско вокруг всей Южной Америки и когда весь свет с замиранием сердца следил за этим небывалым спешным переходом. 3 марта 1899 года конгресс Соединенных Штатов особым актом предоставил президенту сделать подробное исследование перешейка в целях постройки канала между Атлантическим и Тихим океанами. Этим открывалась новая глава в истории создания Панамского канала, которая будет последней, так как конец дела уже близок.

Для выполнения указанного исследования была назначена особая комиссия, которой было предложено обратить особое внимание на Никара-

гуанское и Панамское направления, выяснить стоимость работ и относительные достоинства каждого варианта. В ноябре 1901 года комиссия высказалась за Никарагуанское направление, найдя, что требование 109 миллионов долларов второй французской Компанией Панамской канала за свою концессию и имущество более, чем уравнивало преимущества Панамского варианта. Когда же путем последовательных переговоров французы были приведены к уменьшению своей цены до 40 миллионов долларов, комиссия высказалась в январе 1902 года за Панамское направление. При этом комиссия рекомендовала устройство шлюзованного канала за раздельным бьефом на высоте 82—90 фут над уровнем моря. Ширина канала по дну проектировалась в 150 фут, кроме приморских частей, где она была больше; глубина наименьшая — 35 фут. Шлюзы имели полезные размеры 84×740 фут. После столь подробного исследования направлений, по которым могло быть создано соединение между океанами. Конгресс С.-Американских Соединенных Штатов актом 28 июня 1902 года (Акт Спунера) предоставил президенту Соединенных Штатов построить канал по Панамскому направлению и для этой цели выкупить у французской компании канала ее права и имущество за сумму, не превосходящую 40 миллионов долларов, и заключить соответственный договор с Колумбийской республикой, а в то же время войти в соглашение с республиками Никарагуа и Коста-Рика для обеспечения возможности, в случае неудачи переговоров с французской компанией, построить канал по другому направлению. Закон предусматривал, чтобы канал был достаточной ширины и глубины для удобного прохода судов наибольшей вместимости и осадки, как существующих ныне, так и могущих быть предусматриваемыми в будущем. Ассигнования, нужные для осуществления этого закона, были сделаны немедленно и вместе с тем разрешен выпуск специального займа на сумму 130 миллионов долларов в соответствии с исчислением комиссии, рекомендовавшей постройку шлюзованного канала.

История приобретения прав на постройку Панамского канала С.-Американскими Соединенными Штатами была неоднократно рассказана в печати с тем или иным освещением событий. Прорытие Панамского перешейка и открытие новых мировых путей затрагивает множество крупных интересов и, принося пользу одному, вредит или может вредить другим. Это объясняет огромное противодействие, явное и не явное, которое встретили намерения С.-Американского правительства принять окончательное и бесповоротное решение о постройке канала. Критика поэтому не всегда была беспристрастна. Оставляя будущему полную оценку всех обстоятельств дела, нельзя не признать наиболее авторитетным свидетелем интересующих нас событий из истории Панамского канала являет-

ся тот, кто играл в них самую активную роль, т. е. б. президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт. В дальнейшем поэтому и приводятся, прежде всего, высказанные им мысли и сообщаемые им сведения по возможности в его собственном ярком и индивидуальном изложении.

«Никакое другое сооружение на свете не имеет такого широкого и положительного значения, как Панамский канал, говорит Теодор Рузвельт в одной из своих статей, посвященных этому предмету (The Outlook, October 7, 1911). Никогда до сих пор не предпринималось подобной работы в столь колоссальном масштабе. Никогда ни одна работа этого рода, сколько-нибудь подходящая по размерам, не исполнялась с такой производительностью, с такой серьезной заботой о благосостоянии многочисленных рабочих и с такими, одновременно, высокими и практическими целями. Никакие три лица на службе у какого бы то ни было правительства не стоят выше по преданности своему делу и энергии, чем стоящие во главе панамских работ, — военный министр Симсон, главный инженер Готальс, ныне строящий канал, и доктор Горгас, который превратил одно из самых зараженных мест на свете почти в климатическую станцию. Примерно через восемнадцать месяцев канал будет, вероятно, настолько готов, что через него станут ходить небольшие суда для испытаний условий его окончательной эксплуатации. При таких обстоятельствах уместно вспомнить, как Америка добыла для себя и для всего мира право исполнить мировую работу, которую кто-либо должен был сделать и исполнение которой кем-либо иным было бы не только горьким унижением, но истинным несчастьем для нашего народа.

«В моих посланиях обеим палатам конгресса 7 декабря 1943 и 4 января 1904 года я, как президент Соединенных Штатов, полно и подробно изложил все существенные факты, касающиеся признания Панамской республики, переговоров с ней о трактате по постройке Панамского канала и о действиях, которые привели к этим переговорам и без коих канал не мог быть построен и даже не был бы начат... В то время, конечно, а также и потом, много раз повторяли, что действовал *не конституционно* и что я *захватил власть*, мне не принадлежащую. Такие утверждения повторялись много раз по отношению ко всему, что я, как президент, сделал наиболее важного для американского народа, перед которым я был ответственным и чьим интересам я служил. В действительности же, дело было так, что, когда интересы американского народа настойчиво требовали, чтобы известное действие было сделано и я имел власть его сделать, я его делал, если только оно не было категорически воспрещено законом, вместо того, чтобы робко отказываться его сделать, пока не будет найдено категорическое требование закона, чтобы я его сделал... По моему мнению, история учит, что президент имеет очень большую власть, если пожелает ею пользо-

ваться; но если он себялюбивый и робкий человек, боящийся ответственности и риска, то он, конечно, может фабриковать гениальные извинения в неиспользовании своей власти...

«В течение многих лет ранее 1903 года американское правительство вело переговоры с иностранными державами о постройке Панамского канала. В 1902 году заключением трактата с Англией (Договор Гей—Понсефота) мы достаточно расчистили путь, чтобы позволить конгрессу издать закон о постройке через Панамский перешеек морского канала. Этим законом (от 28 июня 1902 г.) президенту предоставлялось в соответственный срок приобрести за соответственную цену от французской Компании Панамского канала ее имущество, а от Колумбийской республики вечное владение полосой земли на Панамской перешейке, причем в случае неуспеха переговоров разрешалось избрать для канала направление через Никарагуа.

«В октябре и ноябре 1903 года на Панамском перешейке произошли события, которые позволили мне, и в то же время сделали это для меня полнейшей обязанностью перед народом С.-Американских Соединенных Штатов, исполнить постановления упомянутого закона. Я их исполнил, и канал теперь строится, потому что я так поступил. Совершенно верно, что, если бы я хотел покрыть свою ответственность, если бы я боялся исполнить свой долг, я мог бы пойти по иному, вполне защитимому пути, который избавил бы меня от критики, но который оставил бы Соединенные Штаты по отношению к постройке канала в том же положении, в каком они были в прошлые пятьдесят лет. Если бы я соблюдал законное невмешательство в то, что происходило на Панамском перешейке, представил бы событиям идти своим чередом и затем представил о них тщательно выработанный доклад конгрессу, я доставил бы конгрессу случай для многих мастерских дебатов, которые продолжались бы и до сих пор, а канал был бы весь в будущем на расстоянии от нас пятидесяти лет времени.

«Интересы американского народа требовали, чтобы я поступил так, как я поступил, и я поступил бы именно так, если бы даже это должно было иметь своим последствием мой уход из общественной деятельности на ближайших выборах, так как единственная причина, почему стоит занимать высокую должность, это возможность воспользоваться преимуществами этой должности, чтобы сделать большое дело, которое должно быть сделано и которое достойно этого.

«На основании правительственного закона, упомянутого выше, было заключено очень выгодное соглашение с французской Компанией Панамского канала. Эта компания истратила огромные суммы на Панамском перешейке. Мы считали себя вправе уплатить ей только небольшую часть ее расходов. Договор, который мы заключили, был очень выгоден

для нас и ценность того, что мы получили, была гораздо выше уплаченной цены. Но французская компания все же получила что-нибудь, а без нас она не получила бы ровно ничего. Каждый шаг правительства в деле переговоров с французской компанией и все уплаты ее представителям, согласно договору, были обставлены полной заботливостью и каждая деталь была сделана достойным гласности. Каждое действие не только было вполне правильно, но было исполнено вполне согласно с наивысшими, тончайшими и благороднейшими образцами общественной и государственной этики...

«После приобретения прав французской компании и устранения трактатом Гей-Понсефота затруднений, которые вызывались предшествующими трактатами, оставались только переговоры с Колумбийской республикой, которая тогда владела Панамским перешейком. По трактату Гей-Понсефота было установлено, что Соединенные Штаты могут построить и эксплуатировать канала, управлять им и охранять его, причем последнее, разумеется, значило и укрепить канал. Соединенные Штаты приняли на себя таким образом полную ответственность и гарантировали постройку канала. Около пятидесяти лет ранее этого, наше правительство заявило, что оно не допустит страну, владеющую перешейком, закрыть эти ворота или препятствовать открытию одного из величайших путей мира, оправдывая такой образ действий тем, что этот путь принадлежит данной стране, и она находит целесообразным закрыть его. Мы всегда настаивали на этой доктрине и, наконец, настало время, когда я смог ее осуществить. Мы вступили в переговоры с представителями Колумбии о постройке канала и предложили Колумбии даже большие выгоды, чем впоследствии были даны Панамской республике. Наше предложение было принято уполномоченными Колумбийской республики, но отвергнуто (в 1903 году) колумбийским правительством, хотя потом, когда мы признали Панамскую республику, Колумбия захотела вернуть прошлое и заключить с нами договор на предложенных основаниях. Причины, по которым колумбийское правительство отказалось утвердить договор, одобренный его уполномоченными, были, я должен, к сожалению, это сказать, очевидно весьма плохи.

«Представители в колумбийском парламенте штата Панама, составившего тогда часть территории Колумбийской республики, сейчас же предупредили свое правительство, что население Панамы не подчинится спокойно тому, что оно считает нарушением своих жизненных интересов. Мы, со своей стороны, в вежливой, дипломатической, но настойчивой форме обратили внимание уполномоченных Колумбии на тяжелые последствия, к которым должно было привести ее упорство. Я ясно сознавал, что Соединенные Штаты не исполнят своего долга, если допустят

Колумбии помешать постройке канала. Я был готов предложить конгрессу действовать вопреки оппозиции Колумбии, и с этой целью уже подготовил проект послания конгрессу, когда события на перешейке изменили положение дела.

«Перешеек был объят духом революции. Центральное правительство Колумбии было вообще бессильно и продажно. Беззаконие издавна царило во всех учреждениях страны. За семьдесят лет был только один или два случая, что президент прослуживал весь срок. Республика подвергалась внутренним смутам, которые совсем изменили ее физиономию. Наше правительство заключило первые трактаты с хозяевами Панамского перешейка в 1846 году. В это же время государство, с которым мы заключали договор, называлось Новая Гранада. Через некоторое время Новая Гранада распалась и на ее месте появилась Колумбия. Панама при этих превращениях была одно время независимым государством, а в другое — частью Колумбии и Новой Гранады. В дополнение к множеству революций, которые относились к Новой Гранаде и Колумбии в целом, на перешейке в течение пятидесяти семи лет было собственных пятьдесят три революции, восстания, возмущения, гражданских войн и других вспышек. Одни из этих революций были успешны, другие — нет, одна гражданская война тянулась почти три года, другая — почти год. Были две попытки выделения Панамы и шесть раз моряки и солдаты Соединенных Штатов были высажены на перешеек для защиты собственности и поддержания свободного транзита между океанами. Эту обязанность мы должны были исполнить в силу трактата, так как в силу этого трактата мы имели на перешейке некоторые права собственности и управления, которых не имела никакая другая нация. В четырех случаях колумбийское правительство само просило о высадке войск для защиты его интересов и поддержания на перешейке порядка, которая оно само не могло поддержать. В нескольких различных случаях только положение, занятое Соединенными Штатами, помешало европейским державам вступить на перешеек. Словом, Колумбия показала себя совершенно неспособной исполнять обыкновенные правительственные обязанности, ожидаемые от всякого цивилизованного государства, а в то же время она отказывала в разрешении построить канал при условиях, которые сохранили бы за ней суверенные права на перешейке и прекратили бы управление им при посредстве того, что можно правильно назвать лишь сменявшимися друг друга разбойничьими организациями. Соединенные Штаты были бы преступны и доказали бы свое бессилие, если бы согласились долее терпеть такое положение дела.

«Я был готов открыто признать, что наше положение стало невыносимым и что, во исполнение нашего долга перед самими собой и всем све-

том, мы должны приступить к постройке канала. Но мое знакомство с чувствами населения на перешейке подсказывало мне, что это население своими действиями само облегчит нам нашу задачу. Население перешейки сознавало, что постройка канала есть его жизненное дело, так как именно это население получит наибольшую пользу от этой постройки; поэтому в нем поднялось такое сильное чувство негодования к Колумбии, игнорировавшей его интересы и разрушавшей его надежды, что стремление к независимости стало на перешейке всеобщим. Не только не было ни одного человека на перешейке, кто желал бы сохранить подчинение Колумбии, но все колумбийцы, которых сюда присылали, даже солдаты, после очень кратковременного пребывания на перешейке, присоединились к стремлениям панамцев создать отдельную республику. До этого времени сознание, что Соединенные Штаты примут меры, чтобы прекратить на перешейке всякие беспорядки, которые могли бы прервать движение через него, действовало в пользу Колумбии; в этом сознании было главное противодействие революционному взрыву. Теперь население Панама оказалось в положении, при котором его интересы вполне совпадали с интересами Соединенных Штатов, так как правительство Колумбии продолжало с большим постоянством и близорукостью, равной ее нечестности, ввести ту же самую политику, которая сделала нравственно невозможным и недопустимым для Соединенных Штатов пользоваться своей силой в интересах Колумбии и против своих собственных интересов и интересов Панама. Не было никакой надобности во внешнем влиянии, чтобы вызвать революцию в Панаме. На перешейке уже были десятки деятелей, работавших изо всех сил в этом направлении. Не надо было поджигать фитиль, чтобы взорвать мину; такие фитили уже горели дюжинами все время. Надо было только Соединенным Штатам перестать считать впредь своей обязанностью тушить эти фитили и перестал действовать в интересах тех, кто стал врагом Соединенных Штатов, врагом всего мира.

«Каждый, кто читал газеты, знал, что с отказом Колумбии в ратификации трактата Гей-Херрана революционные попытки на перешейке были неизбежны... что множество оружия уже было привезено на перешеек, что правительственные войска в городах Панаме и Колоне сочувствовали революционерам и что в стране образовался целый ряд независимых центров революционной деятельности. Газеты также сообщали, что колумбийское правительство спешило организовать посылку войск на Панаму, чтобы пресечь революцию.

«Я, конечно, не доверялся только тому, что я читал в газетах. Из разных источников я собрал сведения, которые подтвердили, что положение было, по крайней мере, настолько худо, насколько его охаракте-

ризовали газеты. При посредстве двух офицеров, которые в сентябре 1904 года посетили перешеек, я получил конкретные и определенные указания, что революция непременно там разразится, что народ ей сочувствует и что она произойдет немедленно, как только колумбийский парламент будет распущен без ратификации договора. По их сведениям восстание не должно было, однако, начаться ранее 20 октября 1904 года, так как ранее не могло быть на перешейке достаточного количества оружия и патронов.

«При наличии всех этих обстоятельств я послал несколько военных судов к перешейку с приказанием сохранить свободный и непрерывный транзит через перешеек и с этой целью не допускать высадки вооруженных сил, имеющих неприязненные намерения, ближе 50 миль от границ Панама. Это приказание было совершенно одинаково с теми, которые давались в 1900, 1901 и 1902 годах. Оно было выполнено. Необходимость такого распоряжения была ясно подтверждена тем, что один отряд колумбийских войск высадился в Колоне и грозил террором, собираясь умертвить в Колоне всех американских граждан. Быстрые действия капитана Хэббарда и канонерки «Нэшвилл» помешали осуществлению этого намерения. Капитан Хэббард спас американцев и убедил колумбийские войска сесть на суда и уплыть в Колумбию.

«С полным единодушием население перешейка объявило себя затем независимой республикой (площадь около 31 000 кв. англ. миль и население по отчету 1910 года около 419 000 человек) и предложило немедленно заключить с Соединенными Штатами отвергнутый Колумбией договор, даже на более благоприятных для Штатов условиях. Ни одна капля крови не была пролита и не могла быть пролита, так как мы не допускали высадки колумбийских войск. Панамская республика стала фактом и, кроме ее правительства, другого не было на перешейке. Для нас было таким образом открыто два пути. Один состоял в том, чтобы обратиться против народа, который был нашим другом, оставить его и позволить народу, нам враждебному, пролить потоки крови и, разрушив частную собственность, захватить вновь Панаму, чтобы затем восстановить здесь анархический деспотизм прошедшего полувека, невежественный, кровавый и продажный. Другой путь состоял в том, чтобы, затем восстановить анархический деспотизм прошедшего полувека, невежественный, кровавый и продажный. Другой путь состоял в том, чтобы, предоставив нашим врагам уплатить за их безумие и нечестность и, став на сторону наших друзей, не допускать на перешейке кровопролития и беспорядков, для чего нам только нужно было заявить Колумбии, что ее войскам доступ на территорию Панама возбраняется. Конечно, мы приняли вторую альтернативу. Поступить иначе — значило бы совершить не

только невероятную глупость, но и невыразимую низость; это было бы притом еще более смешно, чем низко. Мы признали Панамскую республику. Не сделав ни одного выстрела, мы предупредили гражданскую войну. Мы также быстро заключили договор, согласно которому канал ныне строится. Вследствие этого Панама в течение восьми лет пользуется миром и благоденствием в степени, совершенно неведомой в прежние четыре столетия ее беспокойного существования.

«Да будет памятно, что, если бы я не действовал именно так, как я действовал, то теперь не было бы никакого Панамского канала. Безумно стремиться всеми силами к определенной цели и в то же время отвергать единственное средство для достижения этой цели. Каждый, кто противился или порицал действия, предпринятые для получения права строить канал, был противником постройки канала вообще. Такие критики непрямодушны и неискренни, если они не признают, что их критика представляется только маской и что в основе они хотели бы, чтобы канал совсем не был построен.

«Соединенные Штаты исполнили по отношению к Колумбии гораздо более, чем свой долг. Хотя Колумбия не имела никаких прав на особое внимание, тем не менее в интересах Панама и для предупреждения каких бы то ни было раздоров между ней и Колумбией, Соединенные Штаты согласились заключить несколько времени тому назад тройственный договор с обеими державами, по которому соглашались, из милости, а не по праву, уплатить Колумбии вознаграждение за понесенный ею ущерб; но Колумбия отказалась от этого предложения... Таким образом, наш образ действий в Панаме не только был вполне правилен в целом и деталях, но от этого образа действий нельзя было отступить иначе, как в худшую сторону. Мы сделали все, что оправдывалось обстоятельствами и, кроме того, все, что вызывалось всеми этическими соображениями, национальными и международными. Мы исполнили свой долг перед миром, мы исполнили его перед панамским народом, мы исполнили его перед собой. Мы не сделали никому вреда, если не считать, что разбойнику причиняет вред полицейский, когда он мешает ему совершить грабеж. Соединенные Штаты имеют много почетных страниц в своей истории, но ни одной почетнее той, где говорится, как было нами обеспечено право проплыть Панамский канал и как это сооружение было осуществлено».

Не для того, чтобы оспаривать в чем-либо правильность свидетельства Теодора Рузвельта, а лишь, чтобы показать, как отличны были от нарисованной им картины впечатления посторонних зрителей, можно привести следующие выдержки из описания путешествия Иоганна Вильда, посетившего Панамский перешеек дважды в 1904 году, в январе и полгода спустя.

«Когда колумбийская провинция Панама отделилась от своего государства, чтобы броситься в объятья С.-Американских Штатов, Франция и Англия молча стояли в стороне, что связало руки и Германии. Воздержание последней от вмешательства объясняется и начавшейся тогда политикой сближения Германии с Соединенными Штатами. Кто первый натянул нить между Вашингтоном и Панамой — едва ли можно установить, но это было, по-видимому, давно обдуманном шагом империалистических стремлений Рузвельта. Самый вопрос о прорытии перешейка интересовал с.-американцев десятки лет раньше, чем им занялись французы. Тем не менее способ, каким эта задача приведена к осуществлению, возбуждает сомнения в правильности и в праве. 3 ноября 1903 года совершилось отпадение провинции Панама. По приказанию из Боготы на перешеек был отправлен отряд в 400 человек из Картахены под начальством нескольких генералов, что представляло из себя вполне достаточную силу для подавления восстания. У тихоокеанского берега появились также два небольших колумбийских военных судна. В гор. Панаме, местонахождении временного правительства, уже склонялись к тому, чтобы сложить оружие перед этими силами, когда один из восьми членов освободительного комитета (в этот комитет входили Никанор А. де Обаррио, бывший впоследствии военным министром, Мануэль Эспиноса, Карлос Костантино Арросемена, в то время секретарь миссии в Вашингтоне, Томаса Ариас, Риккардо Ариас, Хосе Аугустин Аранго, д-р Амадор и Федерико Бойд), — семидесятилетний врач Мануэль Амадор Герреро энергично воспротивился этому. Он вошел в переговоры с молодым генералом Эстебаном Хуэртой, в результате коих все генералы правительственного отряда согласились прибыть без своих войск в Панаму для совещания. Такой поступок одни объясняют легкомыслием, другие подкупом с.-американского правительства. Как бы то ни было, генералы приехали по Панамской железной дороге в предоставленном им владеющей ею С.-Американской компанией вагон-салоне в Панаму, где им была приготовлена сердечная встреча и они были затем захвачены в плен и заперты в казарме. После этого, правительственный отряд возвратился в Картахену. Одно из военных судов выпустило в Панаму две гранаты, убившие двух китайцев, и вернулось в Буэнавентуру, второе судно передано панамскому правительству и дело было вполне окончено. Для его закрепления на перешейке были поставлены с.-американские войска, а у обоих берегов в Колоне и Панаме — эскадры из с.-американских военных судов. Панамская республика выработала свою конституцию и заключила с С.-Американскими Соединенными Штатами договор о постройке канала».

Как бы то ни было, с.-американское правительство является теперь хозяином на Панамском перешейке полосы земли в десять английских

миль шириной и площадью в 448 квадр. англ. миль. Эта полоса распространяется равномерно по обеим сторонам оси канала и вдаётся в каждый из океанов от уреза воды при среднем горизонте отлива на 3 англ. мили. Эта территория, получившая название Зоны Канала, есть полная собственность Соединенных Штатов, которые пользуются на ней всеми правительственными правами и преимуществами. Тем не менее, Зона Канала не есть часть территории Соединенных Штатов в полном смысле, так как пребывание в Зоне не дает права гражданства в Штатах и права участия в выборах в Штатах, а в то же время живущие в Зоне панамцы сохраняют свои избирательные права в Панамской республике и участвуют в городе Панаме или Колоне в выборах. Города Колон и Панама с небольшими при них водными площадями, хотя и находятся в пределах границ Зоны Канала, но считаются принадлежащими Панамской республике. Соединенные Штаты имеют, однако, договорное право принимать в этих городах всякие меры в целях оздоровления за счет панамского правительства, а равно меры по поддержанию порядка вооруженной силой. В вознаграждение за уступку территории Панамская республика получила 10 000 000 долларов и будет получать ежегодно, через девять лет после заключения договора, по 250 000 долларов, из которых, впрочем, будет вычитаться уплата по водоснабжению, канализации и мощению городов Панамы и Колона.

Насколько выгодна была сделка Соединенных Штатов с французской компанией, видно из расценки отдельных статей расхода. Выемка, исполненная французами и входящая в состав ныне строящегося по американскому проекту канала в количестве около 30 миллионов кубических ярдов, оплачена менее чем 25 миллионами долларов, т. е. по цене менее доллара за куб. ярд. Между тем, она обошлась французам около 4 долларов за куб. ярд и подобные работы обходились в первое время их работ американцев при исполнении их хозяйственно до 1,35 долларов за куб. ярд.

Панамская железная дорога с ее концессиями и разными правами, купленная у американской компании в 1879 году первой французской компанией канала за 18 миллионов, была приобретена американским правительством у второй компании за 7 миллионов долларов.

Все данные изысканий, многолетних наблюдений, проектные чертежи и другие технические документы пошли за 2 миллиона долларов. Наконец, все постройки, снаряды и приспособления исчислялись в стоимость лишь 3 1/2 миллионов долларов.

Правительство Соединенных Штатов сделалось при всем этом собственником 70% всей земли, входящей в состав Зоны.

Печатается по изданию: В. Е. Тимонов. Мировой водный путь через Панамский перешеек. СПб., 1913

Соединенные штаты должны были склонить на свою сторону и получить согласие на вечное управление полосой канала от правительства Колумбии, по территории которой должен был пройти новый канал.

В конце ноября 1902 года соединенные Штаты вступили с Колумбией в переговоры, которые и привели к заключению договора 22 января 1903 года, имевшего своей главной целью обеспечить Соединенным Штатам право постройки канала через перешеек и право полного и вечного владения полосой земли, отведенной для этой цели. Соединенные Штаты же, со своей стороны, должны были уплатить за это Колумбии 10 миллионов долларов. Но правительство Колумбии стало медлить с ратификацией, надеясь улучшить благоприятный момент, чтобы принудить Соединенные Штаты согласиться на изменение договора на более выгодных для себя условиях. Соединенные Штаты, не желая отказаться от своей гегемонии и проекта проведения канала через Панаму, решили в 1903 году поддержать вспыхнувшую в Колумбии революцию, чтобы отколоть от последней маленькую часть — Панамский перешеек и превратить ее в самостоятельную и независимую республику.

3 ноября 1903 года в Панаме вспыхнуло восстание, и вскоре вся область была охвачена революционным брожением. Во главе революционного движения стал французский инженер Филипп Буно-Варилья и 70-летний врач Мануэль Амадор Герреро.

По приказанию Колумбийского правительства был отправлен из города Картахена, находящегося на берегу Карибского моря, военный отряд из 450 человек и два небольших военных судов. Этой силы было бы вполне достаточно, чтобы подавить восстание, если бы Колумбии не пришлось столкнуться здесь с противодействием Соединенных Штатов. Войскам Колумбии, отправленным для подавления революции, было запрещено пускать в ход оружие под угрозой немедленного военного вмешательства Соединенных Штатов.

Восстание быстро разрасталось, распространившись по всей стране, и захватывало все большие и большие круги Панамского общества. Не только все панамцы, но даже и правительственные войска, сочувствуя революционерам, объединились в одном общем стремлении создать отдельную независимую республику. Охрана США Панамского перешейка от войск Колумбии дала вскоре свободу Панамской республике, без пролития крови. Панамская республика, таким образом, стала фактом.

Независимость Панамской республики была объявлена особой декларацией, подписанной членами Освободительного комитета. Цели и стремления новой республики были выражены в заключительной части декларации, которая гласила следующее:

«Мы стремимся к образованию настоящей республики, где будет господствовать терпимость, где право будет неизменным руководителем для правителей и управляемых, где установится настоящий мир, состоящий в постоянном и гармоническом развитии всех интересов и деятельностей и где, наконец, цивилизация и прогресс найдут постоянную устойчивость».

Теперь США, 18 ноября 1903 года, удалось без труда заключить договор, отвергнутый Колумбией, с послушной новой республикой, да притом еще на более выгодных условиях для Штатов, которые за 10 миллионов долларов получили в полное владение полосу земли, предназначенную для проведения Панамского канала.

Республика, в пределах которой проходит Панамский канал, занимает весь Панамский перешеек, состоящий из узкой полосы земли, соединяющей с третичной эпохи Северную и Южную Америку.

Панамская республика, со времени объявления в 1903 году независимости и отпадения от Колумбии, была разделена в административном отношении на 7 провинций — Панама, Колон, Чирикуи, Верагуа, Лос-Сантос, Кокле, Бокас-дель-Торо. Наибольшая длина территории Панамы равна около 480 милям, а ширина, колеблясь от 37 до 110, равна, в среднем, 70 милям. Вся береговая линия простирается в общем на 1245 миль, из которых 700 причитаются на Тихий океан.

Тропический, душливо-сырой, болотистый, постоянно пропитанный влагой климат Панамы издавна считается столь нездоровым, что перешеек был назван первыми испанскими переселенцами «Sepulturade Vivos» — «Живым гробом».

Характер устройства поверхности Панамского перешейка определяется горным хребтом, идущим от Аляски до Патагонии и распадающимся здесь на отдельно разбросанные холмы и горы. Страна представляет хаотическое скопление гребней и одиноких холмов, известных под местным названием «cerros». Эти «cerros» вулканического происхождения, обыкновенно конусообразны и разбросаны без определенного порядка и направления.

Орошение Панамы текучими водами чрезвычайно обильно. В Карибское море впадает 150 рек и вдвое больше — в Тихий океан. Чрезвычайно важна, по связи с каналом, река Чагрес, так как она является главным источником питания шлюзов Панамского канала.

Весь Панамский перешеек покрыт густой и самой разнообразной растительностью. Здесь средне-американская флора достигла своего наибольшего могущества и великолепия. В Панаме, кроме множества видов

специально панамской флоры, встречаются все лучшие виды флоры Колумбии и Мексики. Из деревьев, наряду с бананами, хлебным деревом, дубом и ольхой, растут, преимущественно, пальмы, которых насчитывается до 130 видов.

Главный город страны — Панама. Но старый город, давший 400 лет тому назад имя всему перешейку, находился в другом месте, западнее на 10 километров от новооснованного города. Старый город был основан в 1519 году, но, разрушенный в 1670 году Генри Морганом и превращенный в бесформенную груду развалин, он так и навсегда прекратил свое существование. Но под прежним именем, спустя несколько лет, возник другой город Панама, которого, повидимому, ждет довольно блестящее будущее.

Население Панамской республики, как и других соседних областей Центральной Америки, представляет собой смешанную расу, образовавшуюся из испанцев, индейцев и негров.

Панамский перешеек — страна очень богатая и весьма подходящая для целей сельского хозяйства, так как здесь, наряду со всеми почти тропическими растениями, могут произрастать и многие виды, свойственные умеренному климату.

Плетение прославленных шляп «панама» из волокон *corludovica palmata*, положившее начало целой отрасли промышленности, почти совершенно прекратилось. Этот промысел теперь сосредоточился, главным образом, в Эквадоре и Колумбии, где и составляет занятие местного индейского населения.

С.И. Новаковский. Панамский канал и его мировое значение. Киев, 1915

Панамская республика, самая маленькая из республик Средней Америки, занимает в международном отношении самое значительное место среди них, благодаря находящемуся в ее пределах каналу, соединяющему Атлантический океан с Тихим океаном, — знаменитому Панамскому каналу. Сама республика обязана своим возникновением этому каналу.

Р.М. Бланк. Америка. Париж, 1928

Охватывая своим взором всю историю Панамы, мы видим, что ей пришлось столкнуться с почти непреодолимыми препятствиями. Скованная по рукам и ногам в первые 33 года своего существования неравноправным договором 1903 года, Панама только с 1936 года смогла приступить к развитию своих природных ресурсов.

А.Б. Томас. История Латинской Америки. М, 1960

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА. Краткая хронология

Годы	Исторические факты
Аргентина	
1508	Первое посещение берегов Аргентины европейцами.
1535	Основание Буэнос-Айреса.
1580	Завершение испанского завоевания.
1776	Создание вице-королевства Ла-Плата с центром в Буэнос-Айресе.
1806, июня 27	Взятие Буэнос-Айреса английской военной экспедицией.
1807, июля 5	Попытка англичан захватить Буэнос-Айрес.
1808, августа 21	Принятие акта о верности Фердинанду VII.
1810, мая 25	Образование «временной хунты» в Буэнос-Айресе и захват ею власти.
1812	Запрещение ввоза рабов.
1812, сентября 24	Победа над испанскими войсками при Тукумане.
1813, января 31	Созыв Учредительного конгресса в Буэнос-Айресе.
1816	Тукуманский конгресс.
1816, июля 9	Провозглашение независимости «Соединенных провинций Ла-Платы».
1816—1819	Диктатура Пуэйрредона.
1819	Принятие конституции.
1825—1828	Воина с Бразилией из-за Уругвая.
1825—1827	Президентство централиста Ривадавия.
1826	Принятие названия «Аргентинская республика».
1828—1829	Гражданская война между унитариями и федералистами.
1829—1852	Диктатура Росаса.
1838	Блокада аргентинского побережья французским флотом.
1845	Блокада аргентинского побережья англофранцузским флотом.
1845	Объявление Парагваем войны Аргентине.
1849	Подписание конвенции о свободе плавания по Ла-Плате.
1852—1860	Правление генерала Уркисы.
1852, сентября 11	Провозглашение независимости Буэнос-Айреса от Аргентинской конфедерации.
1852, ноября 20	Открытие Учредительного собрания Аргентины в Санта-Фе.
1853, мая 25	Принятие конституции.
1854	Провозглашение столицей Параны.
1857, августа 30	Открытие первой железной дороги.
1859	Присоединение Буэнос-Айреса к Аргентинской конфедерации.
1862, октября 12	Перенос столицы в Буэнос-Айрес.
1862—1868	Президентство генерала Митре (унитариста).
1865—1870	Совместная с Бразилией и Уругваем война против Парагвая.
1868—1874	Президентство полковника Сармьенто (федералист).
1874—1880	Президентство Авельянеды (федералист).
1879	Расправа с индейскими племенами.
1880	Восстание унитаристов.
1860—1886	Президентство генерала Рока.
1886—1890	Президентство Сельмана.
1890	Финансовый кризис.
1890, июля 26	Восстание в Буэнос-Айресе.
1890—1892	Президентство Пельегрини.
1892—1895	Президентство Саэнс Пенья.
1895—1898	Президентство Уриву.
1896	Образование, социалистической партии.
1898	Увеличение таможенного тарифа.
1898—1904	Президентство генерала Рока.
1904—1906	Президентство Кинтана.
1906—1910	Президентство Алькорта.
1907	Всеобщие стачки.
1910, июля 12—августа 30	Четвертая Панамериканская конференция в Буэнос-Айресе.
1910—1914	Президентство Саэнс-Пенья.
1912	Избирательная реформа.
1914—1916	Президентство де-ла-Пласа.
1915	Договор «АВС» (Аргентина—Бразилия—Чили).
1916—1922	Президентство Иригойена.
1917	Стачечное движение.
1917	Оформление левого крыла в социалистической партии.

- 1917 Декларация о нейтралитете в войне между Германией и США.
- 1919, январь «Кровавая неделя» — расстрел бастующих рабочих.
- 1919, июля 18 Вступление в Лигу наций.
- 1919—1920 Создание компартии.
- 1922—1928 Президентство Альвеара.
- 1928 Победа Иригойена на президентских выборах.
- 1930, Военный переворот генерала Урибуру.
- сентября 5—8
- 1930—1932 Президентство генерала Урибуру.
- 1932—1938 Президентство генерала Хусто.
- 1932 Забастовки на Мясохладобойнях.
- 1933 Заключение торгового договора с Англией.
- 1936, Панамериканская мирная конференция в Буэнос-
- декабря 1—16 Айресе.
- 1938—1942 Президентство Ортиса.
- 1940—1942 Правление вице-президента Кастильо.
- 1941 Введение осадного положения.
- 1942—1943 Президентство Кастильо.
- 1943, мая 1 Создание антифашистского избирательного блока «Демократический союз».
- 1943, июня 4 Военный переворот Рамиреса.
- 1943—1944 Президентство Рамиреса.
- 1944, января 26 Разрыв дипломатических отношений с Германией и Японией.
- 1944, февраля 25 Отставка Рамиреса.
- 1944, марта 4 Разрыв отношений между США и Аргентиной.
- 1944—1946 Президентство Фарреля.
- 1945, марта 27 Объявление войны Германии и Японии.
- 1945, апреля 9 Возобновление отношений с Аргентиной со стороны США, Англии и латино-американских стран.
- 1945, апреля 30 Принятие в ООН.
- 1946, февраля 24 Избрание Перона президентом.
- 1946, июня 6 Установление дипломатических отношений между СССР и Аргентиной.
- 1947, ноябрь Крупная забастовка металлургов.
- 1948, июля 28 Крупная забастовка нефтяников в Ла-Плате.

Боливия

- 1535 Франсиско Писарро делит Верхнее Перу между своими братьями—Эрнандо и Гонсалес Писарро.
- 1545 Открытие залежей серебра в Потоси.
- 1548 Основание Ла-Паса.
- 1660 Открытие Месторождений серебра у Ла-Паса.
- 1776 Включение в вице-королевство Ла-Плату.
- 1780—1781 Восстание индейцев во главе с Туapak-Амару.
- 1809 Восстание против Испании в Ла-Пас и Чукисаке.
- 1811—1823 Война за независимость.
- 1814—1815 Восстание индейцев.
- 1825, августа 6 Провозглашение независимости от Испании. Стране присвоено название «Боливия» в честь Боливара.
- 1826, ноября 6 Принятие конституции.
- 1826, ноября 15 Федеративный договор с Перу.
- 1826, ноября 30 Избрание Боливара пожизненным президентом.
- 1828 Война с Перу.
- 1829—1839 Президентство Санта-Круса.
- 1831, августа 14 Новая конституция.
- 1835, июня 24 Заключение договора с Перу.
- 1836—1839 Конфедерация Боливии и Северного и Южного Перу.
- 1839—1841 Президентство Веласко.
- 1841—1842 Война с Перу.
- 1841—1847 Президентство Бальивиана.
- 1847—1848 Президентство Веласко.
- 1848—1855 Президентство Бельсу.
- 1851, сентября 21 Новая конституция.
- 1855—1857 Президентство Кордовы.
- 1857—1861 Президентство Линареса.
- 1861 Новая конституция.
- 1861—1864 Президентство Ача.
- 1864—1870 Президентство Мельгарехо.
- 1865, декабря 5 Союз с Перу, Чили и Эквадором против Испании.
- 1866, май—август Пограничное соглашение с Чили.
- 1867, марта 27 Пограничное соглашение с Бразилией.;
- 1869, февраль 27 Пограничное соглашение с Аргентиной.
- 1870—1872 Президентство Моралеса.
- 1872—1874 Президентство Адольфо Бальивиана.

- 1874—1876 Президентство Фриаса.
 1876—1880 Президентство Дасы.
 1879—1883 Война против Чили в союзе с Перу (Тихоокеанская война).
 1879, февраля 14 Взятие чилийскими войсками порта Антофагасты.
 1880—1884 Президентство Камперо.
 1880, октября 28 Новая конституция.
 1884—1888 Президентство Пачеко.
 1888—1892 Президентство Арсе.
 1892—1896 Президентство Баптисты.
 1892 Восстание индейцев.
 1895, мая 18 Договор с Чили о Такна-Арика.
 1895 Начало разработки оловянных месторождений.
 1896—1899 Президентство Фернандеса Алонсо.
 1898—1899 Восстание и победа либералов.
 1899—1904 Президентство лидера либералов Пандо.
 1902, декабря 30 Пограничный договор с Перу.
 1904—1908 Президентство генерала Монтеса.
 1904, октября 20 (Мирный договор с Чили).
 1906, февраль Забастовка железнодорожников. Волнения.
 1909—1912 Президентство Вильясона.
 1909, сентября 15 Пограничный протокол с Перу,
 1913—1917 Президентство генерала Монтеса.
 1917, апреля 13 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
 1917—1920 Президентство Гутьерреса Герры.
 1919, июня 28 Подписание Версальского договора.
 1920, января 10 Вступление в Лигу наций.
 1920, июля 12 Военный переворот.
 1920—1925 Правление президента Сааведры, ставленника США.
 1922 Предоставление «Стандард Ойл» нефтяных концессий.
 1925, июля 9 Пограничная конвенция с Аргентиной.
 1926—1930 Президентство Силеса.
 1927, май Студенческие волнения в Ла-Пасе.
 1927, август Восстание индейцев.
 1931—1934 Президентство Саламанки.
 1932—1935 Война с Парагваем за область Чако.
 1934—1936 Президентство Техада Сорсано.
 1936—1937 Президентство Торо.
 1937 Конфискация собственности «Стандард Ойл».

- 1937—1939 Президентство Буша.
 1938, июля 21 Подписание мирного договора с Парагваем.
 1938, октября Принятие конституции.
 1938, октября 10 Установление границы с Парагваем.
 1939—1940 Президентство Кинтанильи.
 1940—1943 Президентство Пеньярранды.
 1942, января 26 Разрыв дипломатических отношений с державами оси.
 1942, декабрь Забастовка на оловянных рудниках в Ка-тави.
 1943, апреля 7 Объявление войны Германии, Италии и Японии.
 1943, декабря 20 Профашистский переворот Вильяроэля.
 1945, апреля 18 Установление дипломатических отношений между СССР и Бразилией.
 1946, июля 16 Свержение Вильяроэля. Создание временного правительства.
 1947, января 5 Избрание президентом Энрике Эрсога

Бразилия

- 1500 Прибытие экспедиции Кабрала.
 1558—1567 Французское поселение в бухте Рио-де-Жанейро.
 1574 Ввоз первой партии негров-рабов.
 1624—1630 Военные экспедиции голландцев в Бразилию.
 1654 Окончательное вытеснение голландцев из Бразилии португальскими колонистами.
 1673—1695 Негритянское государство Пальмарес внутри Бразилии.
 1693 Открытие золота.
 1710—1711 Нападения французов на Рио-де-Жанейро.
 1721 Открытие алмазов.
 1727 Завезены первые кофейные деревья.
 1759 Изгнание иезуитов.
 1763 Перенос столицы из Баии в Рио-де-Жанейро.
 1789 Заговор Тирадентиса.
 1808 Прибытие португальского регента в Бразилию.
 1808 Декрет об открытии портов Бразилии для иностранной торговли.
 1815, декабря 16 Объявление Бразилии королевством, составной частью «Соединённого королевства Португалии, Бразилии и Алгарвы».
 1817, марта 6 Республиканское восстание в Пернамбуку.

- 1817 Завоевание Уругвая Бразилией.
 1821, апреля 22 Установление регентства дон Педру.
 1822, октября 12 Провозглашение независимости от Португалии. Установление империи. 1822—1889 Бразильская империя.
 1822—1831 Император Педру I.
 1824, марта 25 Провозглашение конституции.
 1824, июль—сентябрь Республиканское восстание в Пернамбуку. Создание «Конфедерации экватора».
 1825, августа 25 Отделение Уругвая от Бразилии.
 1826, мая 3 Созыв парламента.
 1825—1828 Война с Аргентиной за Уругвай.
 1831, апреля 7 Отречение Педру I.
 1831—1840 Регентство.
 1835—1845 Федералистские восстания в провинции Риу-Гранди-ду-Сул.
 1840—1889 Император Педру II.
 1841 Республиканские восстания в Сан-Паулу и Минас-Жераис.
 1848 Восстание либералов в Пернамбуку.
 1850, марта 22 Открытие первой паровой линии между Бразилией и Европой.
 1850, сентября 4 Запрещение торговли рабами.
 1854, апреля 30 Открытие первой железной дороги.
 1865—1870 Война с Парагваем — в союзе с Аргентиной и Уругваем.
 1888, мая 15 Закон об отмене рабства.
 1889, ноября 15 Провозглашение республики.
 1890, января 7 Декрет об отделении церкви от государства.
 1891, февраля 24 Опубликование конституции республики.
 1891, Президентство генерала Деодору да Фонсека.
 1891, ноября 3—23 Военная диктатура президента генерала Пейшоту.
 1893—1894 Восстание флота.
 1894—1898 Президентство Пруденти ди Мораис.
 1896 Восстание индейцев и метисов штата Бая.
 1898—1902 Президентство Кампуса Сальеса.
 1902—1906 Президентство Алвеса.
 1903 Создание первых профсоюзов.
 1906, июля 21— 3-я Панамериканская конференция в Рио-де-Жанейро.

- августа 26
 1906—1909 Президентство Пенна.
 1908 Создание бразильской рабочей конфедерации.
 1909—1910 Президентство Песанья.
 1910—1914 Президентство Гермеса да Фонсека.
 1910, ноября 22 Бомбардировка Рио-де-Жанейро восставшим флотом.
 1914—1918 Президентство Браса.
 1915 Договор «АВС» (Аргентина—Бразилия—Чили).
 1917, октября 26 Вступление в первую мировую войну.
 1917—1919 Стачечный подъём.
 1918—1919 Президентство Алвеса.
 1919—1922 Президентство Пессоа.
 1919, июля 2 Пограничное соглашение с Уругваем.
 1919, июня 28 Подписание Версальского договора.
 1920 Вступление в Лигу наций.
 1922—1927 Президентство Бернардеса.
 1922 Организация компартии.
 1924—1927 Поход «Колонны Престеса».
 1926, июня 10 Выход из Лиги наций.
 1926—1930 Президентство Вашингтона Луиса.
 1929 Создание Всеобщей конфедерации труда.
 1930—1945 Диктатура Варгаса.
 1933 Организация фашистской партии интегралистов.
 1933 Панамериканская конференция в Рио-де-Жанейро.
 1934, июля 16 Принятие новой конституции.
 1935 Разгром правительством Варгаса Народного фронта (национально-освободительного альянса).
 1937 Опубликование конституции фашистского типа.
 1938 Попытка фашистской партии интегралистов совершить государственный переворот.
 1942, Совещание министров иностранных дел американских стран в Рио-де-Жанейро.
 1942, января 15—28 Разрыв дипломатических отношений с Германией, Италией и Японией.
 1942, августа 22 Объявление войны Германии и Италии.
 1945 Присоединение профсоюзных организаций к Конфедерации трудящихся Латинской Америки.
 1945, апреля 2 Установление дипломатических отношений между СССР и Бразилией.

- 1945, мая 3 Новый избирательный закон.
 1945 Подъём забастовочного движения.
 1945, июня 6 Объявление войны Японии.
 1945 Легализация компартии.
 1945, октябрь Государственный переворот. Свержение Варгаса.
 1945, декабря 2 Избрание президентом генерала Дутра.
 1946 1-й национальный конгресс профсоюзов. Создание Конфедерации трудящихся Бразилии.
 1946 Изменение конституции. Разрешение иностранцам добывать в Бразилии нефть.
 1947, мая 7 Запрещение компартии.
 1947, мая 7 Запрещение Конфедерации трудящихся.
 1947, августа 15—31 Панамериканская конференция в Рио-де-Жанейро.
 1947, августа 22 Разгон полицией 50-тыс. антифашистского митинга.
 1947, октября 20 Разрыв дипломатических отношений с СССР.
 1948, января 7 Закон, лишавший коммунистов права занимать посты в законодательных органах.
 1948, февраля 7 Приказ об аресте генерального секретаря компартии Престеса.

Венесуэла

- 1498 Открытие берегов Венесуэлы Колумбом.
 1499 Испанское завоевание.
 1525 Сдача Венесуэлы на откуп немецкому торговому дому Вельзеров.
 1545 Превращение в колонию испанской короны.
 1561 Восстание колонистов.
 1750—1816 Франсиско Миранда.
 1783—1830 Симон Боливар.
 1786—1787 Пребывание Миранды в России.
 1797, июля 19 Сепаратистское восстание Гуаля и Эспаны в Каракасе.
 1806 Экспедиция Миранды в Венесуэлу.
 1810, апреля 19 Захват власти в Каракасе хунтой.
 1811, марта 2 Открытие Национального конгресса.
 1811, июля 5 Провозглашение независимости от Испании. I Венесуэльская республика.
 1811, июля 19 Назначение Миранды командующим армией.
 1811, декабря 21 Принятие конституции.
 1812, июня 24 Всеобщее восстание рабов.

- 1812, июля 26 Капитуляция Миранды. Договор в Сан-Матео о возвращении Венесуэлы под власть Испании.
 1813—1814, II Венесуэльская республика.
 август
 1813, августа 4 Вступление Боливара в Каракас.
 1814, августа 18 Разгром войск Боливара.
 1819, февраля 15 Созыв 2-го Национального конгресса в Ангостуре.
 1821, июля 12 Слияние Венесуэлы и Новой Гранады в государство Колумбия.
 1824, декабря 9 Окончательный разгром испанских войск в сражении на равнине Аякучо.
 1829, ноября 26 Отделение Венесуэлы от Колумбийской федерации.
 1838—1843 Президентство генерала Паэса.
 1830—1835 Президентство Сублета.
 1847—1858 Диктатура братьев Тадео и Грегорио Монагас.
 1854 Законы об уничтожении рабства.
 1857, 10 апреля Новая конституция.
 1858, декабря 24 Новая конституция.
 1858—1859 Президентство генерала Кастро.
 1859—1860 Президентство Гуаля.
 1859—1863 «Война федерации» — гражданская война между федералистами и унитариями.
 1860—1861 Президентство Товара.
 1861—1863 Президентство генерала Паэса.
 1863—1868 Президентство Фалькона.
 1864, марта 28 Принятие федералистской конституции.
 1869—1870 Президентство Руперто Монагаса.
 1870—1877 Президентство Гусмана Бланке.
 1876, сентябрь Основание национальной церкви в Венесуэле.
 1877—1879 Президентство Алькантары.
 1879—1884 Президентство Гусмана Бланке.
 1881, сентября 4 Пограничное соглашение с Колумбией.
 1884—1886 Президентство генерала Креспо.
 1886—1887 Президентство Гусмана Бланке.
 1887—1888 Президентство Лопеса.
 1888—1889 Президентство Рохаса Пауля.
 1890—1892 Президентство Паласио.
 1892—1898 Диктатура генерала Кресло.
 1895, октябрь—декабрь Англо-венесуэльский конфликт.

- 1898—1899 Президентство генерала Андраде.
 1899—1908 Президентство генерала Кастро.
 1902, декабря 11 Блокада венесуэльских портов военными судами Англии, Германии и Италии.
 1909 Конфликт с США.
 1908—1935 Военная диктатура Гомеса. (с перерывами)
 1923 Создание Венесуэльского рабочего союза.
 1931 Создание компартии.
 1936—1940 Диктатура Контрераса.
 1936, 11 июля Конституция.
 1941—1945 Президентство Медины.
 1941, декабрь Разрыв отношений с Германией, Италией и Японией.
 1944 Создание Конфедерации трудящихся Венесуэлы.
 1945, февраль Объявление войны Германии и Японии.
 1945, марта 14 Установление дипломатических отношений между СССР и Венесуэлой.
 1945, май Новая конституция.
 1945, октября 18 Государственный переворот.
 1945—1947 Президентство Бетанкура.
 1946, октября 27 Выборы в Учредительное собрание.
 1946, декабря 11 Попытка реакционеров свергнуть правительство.
 1947, июля 5 Принятие новой конституции.
 1947, декабря 14 Избрание президентом кандидата правительственной партии Ромуло Гальегоса.

Гаити

- 1492 Открытие о-ва Гаити Колумбом.
 1505 Ввоз первой партии негров-рабов.
 1697, сентября 20 Рисвикский мир, по которому северо-западная часть острова передаётся Франции.
 1790—1791 Восстания мулатов и негров.
 1793, августа 28 Отмена рабства комиссарами Конвента.
 1795, июля 22 Базельский мир между Францией и Испанией, по которому к Франции отходит испанская часть острова.
 1801, мая 9 Принятие республиканской конституции. Назначение Туссен-Лувертюра пожизненным правителем.
 1802 Захват Туссен-Лувертюра в плен французами.
 1803, апреля 7 Смерть Туссен-Лувертюра.
 1803 Восстание под руководством Дессалина.

- 1804, января 1 Провозглашение независимости.
 1804, октября 8 Коронация Дессалина императором.
 1806, октября 17 Убийство Дессалина.
 1806—1818 Президентство Петiona.
 1807, января 6 Победа Петiona над Кристофом.
 1807 Создание негритянского государства Кристофа на северо-западе острова к мулатского государства Петiona на юго-западе.
 1809 Англо-испанские войска завоёвывают восточную часть острова.
 1811, июня 2 Коронация Кристофа королём Генрихом I.
 1816 июнь Пересмотр конституции.
 1818—1843 Президентство Буайе.
 1820, октября 8 Свержение и самоубийство Кристофа.
 1843, март Восстание против Буайс.
 1843—1844 Президентство Эрара.
 1844—1845 Президентство Гаррье.
 1844, февраля 27 Образование Доминиканской республики в восточной части острова.
 1845—1846 Президентство Пьеро.
 1846—1847 Президентство Риша.
 1847—1858 Власть Сулука.
 1849, августа 26 Провозглашение Сулука императором.
 1858, декабря 22 Восстановление республики.
 1858—1867 Президентство Жеффара.
 1867—1869 Президентство Сальнава.
 1870—1874 Президентство Ниссаж-Саже.
 1874—1876 Президентство Доминика..
 1876—1879 Президентство Канала.
 1879—1888 Президентство Саломона.
 1888—1889 Президентство Лежитима.
 1889—1896 Президентство Ипполита.
 1896—1902 Президентство Сана.
 1902—1908 Президентство Алексиса.
 1908—1911 Президентство Симона.
 1911—1912 Президентство Леконта.
 1912—1913 Президентство Огюста.
 1914—1914 Президентство Ореста.
 1914, февраль—октябрь Президентство Самора.

- 1914, августа 7 Объявление нейтралитета в первой мировой войне.
 1914—1915 Президентство Теодора.
 1915, июля 3 Оккупация острова войсками США.
 1915 сентября 16 Договор с США, предоставляющий им экономический и военный контроль над островом.
 1915—1922 Президентство Дартигенава.
 1917, июня 17 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
 1918, июля Восстание против оккупантов.
 1918, июля 12 Объявление войны Германии.
 1920, июня 30 Вступление в Лигу наций.
 1922—1930 Президентство Борно.
 1929—1930 Восстание против оккупантов.
 1929, января 21 Пограничный договор с Доминиканской республикой.
 1934 Вывод американских войск.
 1935 Принятие конституции.
 1941—1946 Президентство Леско.
 1941, декабря 8 Объявление войны Японии.
 1941, декабря 12 Объявление войны Германии и Италии.
 1946, январь Военный переворот. Приход к власти военной хунты.
 1946, августа 16 Избрание президентом Эстиме.
 1948, февраль Сенат одобрил законопроект о запрещении деятельности коммунистов.

Гватемала

- 1522—1524 Испанское завоевание.
 1821, сентября 15 Провозглашение независимости от Испании.
 1822, января 5 Присоединение к Мексиканской империи Итурбиде.
 1823, июля 1 Вступление в федерацию Центрально-Американских республик.
 1839, апреля 13 Объявление независимости.
 1839—1841 Президентство Ривера Паса.
 1841—1842 Президентство Лопеса.
 1844—1865 Диктатура президента-консерватора Карреры.
 (с перерывами)
 1850—1856 Война с Сальвадором, Гондурасом и Никарагуа.
 1861, октября 19 Принятие конституции.
 1854, октября 21 Объявление Карреры пожизненным президентом.
 1865—1871 Президентство консерватора Серны.
 1871 Установление власти либералов.

- 1873—1885 Президентство лидера либералов генерала Баррьоса.
 1879 Новая конституция.
 1885 Война против Сальвадора, Никарагуа и Коста-Рики.
 1886—1892 Президентство Барильяса.
 1890 Война с Сальвадором.
 1892—1898 Президентство Рейна Баррьоса.
 1895, марта 1 Пограничный договор с Гондурасом.
 1897, июня 15 Договор о союзе с Центрально-Американскими государствами.
 1898—1920 Диктатура консерватора Кабреры.
 1906 Восстание против Кабреры. Вторжение в Гватемалу войск Сальвадора, Коста-Рики и Гондураса.
 1907 Участие в Вашингтонской конференции 5 Центрально-Американских республик.
 1917, апреля 27 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
 1918, января 3—4 Сильное землетрясение.
 1918, апреля 23 Объявление войны Германии.
 1919, июня 28 Подписание Версальского договора.
 1920, января 10 Вступление в Лигу наций.
 1920—1921 Президентство консерватора Эрреры.
 1921, января 19 Договор о создании Центрально-Американского союза.
 1922—1926 Президентство Орельяны.
 1922, января 18 Выход из Центрально-Американского союза.
 1926—1930 Президентство генерала Чакон.
 1930—1931 Восстание индейских крестьян.
 1931—1944 Диктатура генерала Убико.
 1941, декабря 8 Объявление войны Японии.
 1941, декабря 11 Объявление войны Германии и Италии.
 1914, июль—октябрь Диктатура генерала Понсе.
 1941, декабря 17 Избрание президентом Арвало.
 1945, марта 11 Принятие конституции.
 1945, апреля 19 Установление дипломатических отношений между СССР и Гватемалой.
 1947 Создание Конфедерации трудящихся Гватемалы.

Гондурас

- 1502, августа 14 Высадка Колумба на мысе Гондурас.
 1525 Испанское завоевание (Кортес).

1539	Включение в состав генерал-капитанства Гватемалы.
1821, октября 16	Провозглашение независимости от Испании.
1822	Присоединение к Мексиканской империи Итурбиде.
1823, мая 10	Вступление в федерацию Центрально-Американских республик.
1824, июля 1	Принятие конституции.
1838, октября 26	Выход Гондураса из Центрально-Американской федерации.
1839	Распад федерации Центрально-Американских республик.
1839	Война против Сальвадора (ген. Морасан) в союзе с Никарагуа.
1848	Новая конституция.
1849—1852	Захват англичанами части территории Гондураса.
1850—1856	Война с Гватемалой.
1853—1855	Президентство либерала Каваньяса.
1860, августа 6	Нападение на Гондурас американской экспедиции во главе с Уокером.
1860, сентября 12	Казнь Уокера.
1871	Восстание индейцев.
1880, ноября 2	Перенос столицы из Комоягуа в Тегусигальпу.
1895—1898	Пребывание в составе Великой Центрально-Американской республики.
1607	Война против Никарагуа в союзе с Сальвадором.
1907, марта 18	Интервенция флота США.
1907	Участие в Вашингтонской конференции стран Центральной Америки.
1907—1911	Президентство Мигеля Давиды.
1911—1913	Президентство Мануэля Бонильи.
1912, января 9	Интервенция флота США.
1913—1919	Президентство Бертранда.
1917, мая 17	Разрыв дипломатических отношений с Германией.
1918, июля 19	Объявление войны Германии.
1919, сентября 11	Интервенция флота США.
1920—1924	Президентство Гутьерреса.
1920, ноября 3	Вступление в Лигу наций.
1921—1922	Пребывание в Федерации Центральной Америки.
1924—1925	Интервенция флота США.
1925—1928	Президентство Бараоны.

1929—1932	Президентство Колиндреса. 1931—1932	Восстания крестьян и батраков.
1933		Вступление на пост президента Кариаса Андино.
1936		Конституция.
1941, декабря 8		Объявление войны Японии.
1941, декабря 12		Объявление войны Германии и Италии.
1942		Продление президентства Кариаса Андино в 3-й раз.
1947, январь		Восстание против Кариаса Андино.

Доминиканская республика

1492, декабря 6	Открытие Колумбом острова Гаити.
1496	Основание города Санто-Доминго.
1697, сентября 20	Рисвикский мир.
1795, июля 22	Базельский мир, по которому к Франции отходит испанская часть острова.
1800	Занятие неграми под руководством Туссеи-Лувертюра восточной части острова.
1803	Восстание негров под руководством Дессалина.
1808—1821	Санто-Доминго — под властью испанцев.
1821, декабря 1	Провозглашение независимости Санто-Доминго от Испании. Вступление в Колумбийскую Федерацию.
1644	Объединение острова Гаити.
1844, февраля 27	Восстание. Образование Доминиканской республики.
1844, ноябрь	Провозглашение конституции.
1844—1856	Президентство Сантаны.
1854, февраля 27	Новая конституция.
1854, декабря 23	Новая конституция.
1856—1859	Президентство Баэса.
1858, февраля 19	Новая конституция.
1859—1861	Президентство Сантаны.
1861—1865	Испанская оккупация.
1865—1873	Президентство Баэса.
1874—1876	Президентство Гонсалеса.
1876—1878	Президентство Баэса.
1879	Президентство Гильермо.
1880	Президентство Марино.
1882—1899	Президентство Эро.
1899—1902	Президентство Хименеса.
1903—1904	

- 1904 Установление финансового контроля со стороны США.
 1904—1906 Президентство Моралеса.
 1908—1911 Президентство Касереса.
 1911—1912 Президентство Виктории.
 1914, ноября 25 Провозглашение нейтралитета в мировой войне.
 1914—1916 Президентство Хименеса.
 1916—1924 Оккупация войсками США.
 1917, июня 11 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
 1922, июня 30 Договор с США.
 1924—1930 Президентство Васкеса.
 1924, сентября 29 Вступление в Лигу наций.
 1927, июня 16 Пересмотр конституции.
 1929 Пограничный договор с Гаити.
 1930 Военный переворот.
 1930 Вступление на пост президента Трухильо.
 1936 Переименование столицы из Санто-Доминго в Сьюдад-Трухильо.
 1936, апреля 14 Пограничный договор с Гаити.
 1941, декабря 8 Объявление войны Японии.
 1941, декабря 11 Объявление войны Германии и Италии.
 1942, января 10 Провозглашение конституции.
 1945, марта 8 Установление дипломатических отношений между СССР и Доминиканской республикой.
 1947, мая 16 Переизбрание президента Трухильо на 4-й срок.

Колумбия

- 1499 Первое посещение европейцев.
 1509 Первое поселение европейцев на территории Колумбии.
 1536—1540 Испанское завоевание.
 1538 Основание Боготы.
 1585—1586 Набеги английского пирата Дрейка.
 1739 Создание вице-королевства Новая Гранада.
 1767 Изгнание иезуитов.
 1810, июля 21 Образование хунты в Боготе.
 1813, июля 16 Принятие в Боготе декларации независимости.
 1819, августа 10 Вступление армии Боливара в Боготу. Свержение испанского господства в Новой Гранаде.
 1819, декабря 17 Провозглашение в Ангостуре Великой Колумбии
 1821, июля 12 Принятие конституции Колумбии

- 1821, августа 30 Избрание Боливара президентом Колумбии.
 1822 Присоединение Эквадора к Колумбийской федерации.
 1826 Участие в Панамском конгрессе.
 1828, июня 13 Установление диктатуры Боливара.
 1828, ноября 26 Отделение Венесуэлы от Колумбийской федерации.
 1828—1829 Война с Перу.
 1830, апреля 27 Отставка Боливара.
 1830, апрель—сентябрь Президентство Москеры.
 1830, мая 12 Отделение Эквадора от Колумбийской федерации.
 1830, декабря 17 Смерть Боливара.
 1831, ноября 17 Провозглашение республики Новая Гранада.
 1832, февраля 29 Новая конституция.
 1832—1837 Президентство либерала Сантандера.
 1837—1841 Президентство Маркеса.
 1839—1842 Федералистское восстание «супремосов».
 1841—1845 Президентство Эррана.
 1845—1849 Президентство Томаса де Москера.
 1849—1853 Президентство Лопеса.
 1850 Вторичное изгнание иезуитов.
 1851, мая 21 Отмена рабства.
 1853—1854 Президентство Овандо.
 1854—1857 Президентство Мальярино.
 1855, февраля 27 Предоставление Панаме самоуправления.
 1857—1861 Президентство Оспины.
 1858, мая 22 Конституция. Создание «Гранадской Конфедерации».
 1861, июля 18 Переворот под руководством либералов в Боготе.
 1861—1864 Президентство Москеры.
 1863, мая 8 Принятие конституции «Соединенных Штатов Колумбии».
 1864—1866 Президентство Торо.
 1866—1868 Президентство Москеры.
 1868—1870 Президентство Гутьерреса.
 1872—1874 Президентство Торо.
 1874—1876 Президентство Сантьяго Переса.
 1876—1878 Президентство Парры.

¹ Обмен дипломатическими представителями на основании этого соглашения произошел только 4 февраля 1943 г.

- 1878, мая 18 Предоставление французской компании права на постройку канала через Панамский перешеек.
- 1878—1880 Президентство Трухильо.
- 1880—1882 Президентство Рафаэля Нуньеса.
- 1881, сентября 4 Пограничное соглашение с Венесуэлой.
- 1882—1884 Президентство Сальдуа и Оталора.
- 1884—1894 Президентство Рафаэля Нуньеса.
- 1885, январь—август Восстание либералов.
- 1886, августа 5 Конституция республики Колумбия (нейтралистская).
- 1894—1896 Президентство Каро.
- 1898—1900 Президентство СанкLEMENTE.
- 1900—1904 Президентство Маррокина.
- 1903, ноября 3 Отделение Панамы.
- 1904—1909 Президентство Рейеса.
- 1909, апрель—август Президентство Ольгина.
- 1909—1910 Президентство Гонсалеса Валенсия.
- 1910, март Волнения против США в Боготе.
- 1910—1914 Президентство Рестрепо.
- 1914, апреля 6 Заключение с США договора Томпсон-Уррутия.
- 1914, сентября 1 Декрет о нейтралитете в европейской войне.
- 1914—1918 Президентство Внесите Конча.
- 1918—1921 Президентство Суареса.
- 1921, декабря 24 Признание Колумбией под давлением США «независимости» Панамы.
- 1921—1922 Президентство Ольгина.
- 1922—1926 Президентство генерала Нель Ospina.
- 1926—1930 Президентство Авадия Мендеса.
- 1928 Массовые стачки.
- 1929—1930 Массовые рабочие и крестьянские волнения.
- 1930 Организация коммунистической партии.
- 1930—1934 Президентство либерала Эрреры.
- 1932—1934 Война с Перу.
- 1933—1934 Подъем стачечного движения.
- 1934—1935 Крестьянские волнения.
- 1934—1938 Президентство Лопеса.
- 1934, мая 25 Пограничный договор с Перу в Рио-де-Жанейро.
- 1935, июня 25 Формальное установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Колумбией.

- 1936 Отделение церкви от государства.
- 1938—1942 Президентство Сантоса.
- 1941, апреля 5 Пограничный договор с Венесуэлой.
- 1941, декабрь Разрыв дипломатических отношений с Японией, Германией и Италией.
- 1942—1945 Президентство Лопеса.
- 1943, ноября 6 Объявление войны Германии.
- 1944, июля 12 Подавление военного мятежа полковника Хиль.
- 1945—1946 Президентство Льерас Камарго.
- 1946, мая 7 Избрание президентом консерватора Переса Ospina.
- 1947, января 1 Избрание представителя Колумбии в Совет Безопасности ООН.
- 1948, апрель Народное восстание в Боготе.
- 1948, мая 3 Опубликовано протеста Советского правительства правительству Колумбии против имевшего место преднамеренного лишения миссии СССР в Боготе связи с Москвой и открытого посягательства на неприкосновенность советских дипломатических представителей.

Коста-Рика

- 1502 Открытие побережья Коста-Рики Колумбом.
- 1530 Начало испанского завоевания.
- 1540 Создание провинции Коста-Рика.
- 1637—1647 Губернаторство Сандовалья. Экономический подъем.
- 1821, октября 29 Провозглашение независимости от Испании.
- 1822, января 10 Присоединение к Мексиканской империи Итурбиде.
- 1823, июля 1 Вступление в федерацию Центрально-Американских республик.
- 1824—1833 Президентство Хуана Мора.
- 1835—1837, Президентство Каррильо.
- 1838—1842
- 1838, августа 4 Выход из федерации Центрально-Американских республик.
- 1842, июль—сентябрь Президентство либерала Морасана.
- 1844, апреля 11 Провозглашение реакционной конституции.
- 1847, января 21 Новая либеральная конституция.
- 1849—1859 Президентство Рафаэля Мора.
- 1856—1858 Война с Никарагуа (с Уокером).
- 1858, января 16 Мирный договор с Никарагуа.

- 1859—1863 Президентство Монтеалегре.
 1863—1866 Президентство Хименеса.
 1866—1868 Президентство Хосе Мариа Кастро.
 1870—1882 Президентство Гуардии.
 1871, декабря 7 Конституция.
 1882—1885 Президентство Фернандеса.
 1885—1889 Президентство Сото.
 1890—1894 Президентство Родригеса.
 1894—1902 Президентство Иглесиаса.
 1896, марта 27 Пограничный договор с Никарагуа.
 1902—1906 Президентство Эскивеля.
 1906—1910 Президентство Викеса.
 1907 Участие в Вашингтонской конференции стран Центральной Америки.
 1910—1914 Президентство Хименеса.
 1914—1917 Президентство Флореса.
 1917, сентября 21 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
 1917—1919 Президентство Тиноко.
 1918, мая 23 Объявление войны Германии.
 1920—1924 Президентство Акосты.
 1920, декабря 16 Вступление в Лигу наций.
 1921 Участие в Центрально-Американской федерации.
 1921 Пограничный конфликт с Панамой.
 1924—1928 Президентство Хименеса.
 1928—1932 Президентство Викеса.
 1931 Организация коммунистической партии.
 1932—1930 Президентство Химеиса.
 1934 Крупная забастовка на банановых плантациях.
 1936—1940 Президентство Кортеса Кастро.
 1940—1944 Президентство Кальдерона.
 1941, декабря 8 Объявление войны Японии.
 1941, декабря 11 Объявление войны Германии и Италии.
 1943, октябрь Организация Конфедерации трудящихся Коста-Рики.
 1944—1948 Президентство Теодоро Пикадо.
 1944, мая 8 Установление дипломатических отношений между СССР и Коста-Рикой.
 1948, май Приход к власти «Хунты второй республики» во главе с Фигересом.
 1948, июля 19 Запрещение коммунистической партии.

Куба

- 1492 Открытие острова Колумбом.
 1511 Начало испанского завоевания.
 1524 Ввоз первой партии негров-рабов.
 1554 Набеги французов на Гавану.
 1762—1763 Английская оккупация.
 1812 Негритянское восстание под руководством Апонте.
 1818 Открытие портов для иностранной торговли.
 1837, ноября 19 Открытие первой железной дороги.
 1843—1849 Восстание негров.
 1850—1851 Экспедиция Лопеса (из Соединенных Штатов Америки).
 1868—1878 Борьба за независимость от Испании.
 1878, февраля 10 Договор с Занжоне.
 1880—1885 Отмена рабства.
 1895—1898 Восстание против испанского господства.
 1898 Испано-американская война.
 1898, декабря 10 Установление независимости Кубы (по Парижскому мирному договору).
 1899—1902 Первая оккупация войсками США.
 1900, ноября 5 Созыв Национального конвента.
 1901, февраля 21 Принятие конституции.
 1901, июня 12 Принятие «поправки» Платта к конституции Кубы.
 1902—1906 Президентство Пальмы.
 1906 Восстание.
 1906—1909 Вторая американская оккупация. Правление американского губернатора Могуна.
 1909—1913 Президентство Гомеса.
 1912 Негритянское восстание.
 1912 Интервенция США.
 1913—1921 Президентство Менокаля.
 1917, апреля 7 Объявление войны Германии.
 1920, марта 8 Вступление в Лигу наций.
 1921—1925 Президентство Саяс-и-Альфонсо.
 1925 Создание Национальной рабочей конфедерации Кубы.
 1925 Создание коммунистической партии.
 1925 Движение колонов.

- 1925—1933 Президентство Мачадо.
 1928, 16 января — 6-я Панамериканская конференция в Гаване.
 20 февраля
 1931—1933 Крупные забастовки.
 1933—1935 Революционные бои.
 1933, август—сентябрь Президентство Сеспедеса.
 1933—1934 Президентство Грау Сан Мартина.
 1933—1934 Создание советов в отдельных пунктах.
 1934 Отмена поправки Платта.
 1934—1935 Президентство Мендиэты.
 1935—1936 Президентство Барнета,;
 1935, июня 12 Конституция.
 1936, май—декабрь Президентство Мариано Гомеса.
 1836—1940 Президентство Ларедо Бру.
 1939 Создание Конфедерации трудящихся Кубы.
 1940 Созыв учредительного собрания. Принятие конституции.
 1940—1944 Президентство Батисты.
 1940 Панамериканская конференция в Гаване.
 1941, декабря 9 Объявление войны Японии.
 1941, декабря 11 Объявление войны Германии и Италии.
 1942, сентября 8 Подписание договора о военном сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки.
 1942, октября 14 Установление дипломатических отношений между СССР и Кубой.
 1942 Подписание декларации Объединенных наций.
 1943 Конгресс Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Гаване.
 1944, январь Создание народно-социалистической партии.
 1944, июня 1 Вторичное избрание Грау Сан Мартина президентом.
 1945, октября 17 Разрыв дипломатических отношений с франкистской Испанией.
 1947 Раскол Конфедерации трудящихся Кубы.
 1948, января 23 Убийство полицией члена Палаты депутатов коммуниста Менендеса.
 1948, июня 1 Избрание президентом Прио Сокарраса.
 1948, октября 17 Убийство профсоюзного лидера Иглесиаса.

Мексика

- X—XV вв. Государство ацтеков.
 1517 Высадка первых европейцев на берегах Мексики.
 1519—1526 Завоевание Мексики испанцами (Кортес).
 1535 Создание вице-королевства Новая Испания.
 1680 Восстание индейцев. Восставшие захватывают город Санта-Фе.
 1692 Восстание креолов и индейцев.
 1810—1823 Война за независимость.
 1810, сентября 16 Начало национально-революционного движения под руководством Идальго.
 1811, января 17 Разгром повстанцев Идальго при Гвадалахаре.
 1811, июля 31 Расстрел испанцами Идальго.
 1811, июля 31 Восстание под руководством Морелоса.
 1813, ноября 6 Декларация независимости.
 1814, январь—май Разгром повстанцев.
 1814, октября 22 Принятие первой мексиканской конституции.
 1815, декабря 22 Расстрел испанцами Морелоса.
 1821, февраля 24 Провозглашение «плана Игуала».
 1821, августа 24 Кардовский договор. Отделение Мексики от Испании.
 1822, мая 21 Провозглашение Итурбиде императором под именем Августина I.
 1823, марта 19 Отречение Итурбиде от престола под давлением республиканского движения.
 1824, июля 19 Расстрел Итурбиде.
 1824, октября 4 Опубликование республиканской конституции.
 1824, октября 10 Избрание Гвадалупе Виктории первым президентом.
 1829 Декрет об отмене рабства.
 1829 Военная экспедиция Испании против Мексики.
 1833—1855 Диктатура президента Санта-Аны. (с перерывами)
 1833 Введение светского образования.
 1835 Опубликование новой конституции.
 1835—1836 Техасская война. Отделение Техаса от Мексики.
 1838, ноября 27—28 французская эскадра берёт порт Веракрус.
 1841 Восстание индейцев на Юкотане.
 1843 Опубликование новой, централистской конституции.

1845	Присоединение Техаса к США.
1846	Сепаратистское восстание на Юкатане.
1846—1848	Война с США.
1847, сентября 14	Захват войсками США города Мехико.
1848, февраля 2	Мирный договор с США в Гваделупе-Идальго.
1848—1851	Президентство Герреры.
1851—1853	Президентство Ариста.
1855, август—декабрь	Президентство Карреры, генерала Диаса де ла Вега и Альвареса.
1855—1858	Президентство Комонфорта.
1856—1857	Буржуазная революция.
1857, сентября 16	Вступление в силу новой конституции.
1857—1861	Гражданская война.
1858—1872	Президентство Бенито Хуареса.
1859	«Законы о реформе» Хуареса.
1861, июля 17	Закон о приостановке платежей по иностранным займам.
1861—1867	Иностранная военная интервенция.
1861, декабрь	Прибытие испанского флота.
1862, января 7	Высадка английских и французских войск.
1862, январь—апрель	Пребывание в Мексике английских и испанских интервенционистских войск.
1863, июня 10	Вступление французских войск в Мехико.
1863, июля 10	Провозглашение австрийского эрцгерцога Максимилиана императором Мексики.
1863—1867	Национально-освободительная война.
1867, февраль—март	Отзыв французских войск из Мексики.
1867, июня 19	Расстрел императора Максимилиана. Восстановление независимости Мексики.
1872, июля 18	Смерть Хуареса.
1872—1876	Президентство Лердо де Техада.
1873, января 1	Открытие первой железной дороги.
1876—1911	Диктатура Порфирио Диаса. (с перерывом)
1877	Начало крупного железнодорожного строительства.
1880—1884	Президентство генерала Мануэля Гонсалеса.
1888	Первый профсоюз (железнодорожников).
1901, октября 22—	2-я Панамериканская конференция в Мехико.
1902, января 31	
1905—1906	Создание рабочих организаций.
1910	Создание национально-либеральной партии.

1910—1917	Буржуазно-демократическая революция.
1911, май—ноябрь	Временное президентство де ла Барры.
1911—1913	Президентство Мадеро.
1912	Создание «Дома рабочих мира» в Мехико, организационного центра проф. движения.
1913, февраля 18	Контрреволюционный мятеж Уэрты.
1914, апрель—ноябрь	Вооруженная интервенция США.
1914, августа 5	Провозглашение нейтралитета в европейской войне.
1914, ноября 21	Крестьянские отряды Сапаты и Вильи занимают Мехико.
1915—1920	Президентство Каррансы—лидера либералов.
1916, марта 15—	Интервенция США.
1917, февраля 5	
1917	Разгром крестьянских партизанских отрядов.
1917, февраля 5	Прогрессивная конституция.
1918	Создание Мексиканской рабочей конфедерации (КРОМ).
1919	Создание коммунистической партии.
1919—1920	Антимексиканская кампания в США.
1920, мая 21	Военный переворот. Убийство Каррансы.
1920, июнь — декабрь	Временное президентство Адольфо де ла Уэрты.
1920—1924	Президентство Обрегона.
1923, декабря 6—	Контрреволюционное восстание Адольфо де ла Уэрты
1924, март	
1924, августа 4	Установление дипломатических отношений между СССР и Мексикой.
1924—1928	Президентство Кальеса.
1925	«Конфискационные законы».
1926	Создание Национальной крестьянской лиги.
1928—1934	Фактическая диктатура Кальеса.
1928—1930	Временное президентство Портеса Хилья.
1929	Запрещение коммунистической партии.
1929	Создание Национально-революционной партии (НРП) (Кальес).
1930, января 26	Разрыв дипломатических отношений с СССР.
1930—1932	Президентство Ортиса Рубио.
1932	Массовое восстание крестьян в штате Веракрус.
1932—1934	Президентство генерала Родригеса.

- 1933 Раскол Мексиканской рабочей конфедерации. Выделение левого крыла под руководством Ломбарде Толедано.
- 1934—1940 Президентство Карденаса.
- 1934 Легализация коммунистической партии.
- 1936, февраль Создание народного фронта.
- 1936 Роспуск фашистских организаций.
- 1936, апрель Высылка Кальеса.
- 1936 Создание Конфедерации трудящихся Мексики.
- 1937, июнь Национализация железных дорог.
- 1938, марта 18 Национализация собственности иностранных нефтяных компаний.
- 1938, мая 14 Разрыв дипломатических отношений с Англией.
- 1938, лето Подавление фашистского мятежа.
- 1938 Организационный съезд Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Мехико.
- 1938 Преобразование НРП в партию Мексиканской революции (ПРМ) (Карденас).
- 1940—1946 Президентство Авила Камачо.
- 1941 Конгресс Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Мехико.
- 1941, декабря 8 Разрыв дипломатических отношений с Японией.
- 1941, декабря 11 Разрыв дипломатических отношений с Германией и Италией.
- 1942, мая 22 Объявление войны Германии, Италии и Японии.
- 1942, ноября 12 Восстановление дипломатических отношений с СССР.
- 1945, февраля 21— март 8 Панамериканская конференция в Мехико. Чапультепекская декларация.
- 1946, январь Мятеж синаркистов в Леоне.
- 1946 Преобразование ПРМ в конституционно-революционную партию.
- 1946, июля 7 Избрание президентом кандидата прогрессивных организаций Алемана.
- 1948, февраль 10-й Национальный съезд коммунистической партии Мексики.

Никарагуа

- 1502 Открытие побережья Никарагуа Колумбом.
- 1522 Испанское завоевание.
- 1811, декабрь Восстание против Испании.

- 1821, сентября 15 Провозглашение независимости от Испании.
- 1822 Присоединение к Мексиканской империи Итурбиде.
- 1823, марта 29 Выход из Федерации Центрально-Американских республик.
- 1838, апреля 30 Выход из Федерации Центрально-Американских республик.
- 1839 Война против Сальвадора в союзе с Гондурасом.
- 1841 Захват Англией Москитового берега.
- 1845 Восстание консерваторов.
- 1850, апреля 19 Договор Клейтон-Бульвера между Англией и США.
- 1850—1856 Война против Гватемалы совместно с Сальвадором и Гондурасом.
- 1851 Восстание консерваторов.
- 1854, июнь Восстание либералов.
- 1855—1857 Вторжение отряда Уильяма Уокера.
- 1856, марта 1 Коста-Рика объявляет войну Уокеру.
- 1856, июля 12 Уокер — президент.
- 1856, июля 18 Соглашение Гватемалы, Гондураса и Сальвадора о борьбе с Уокером.
- 1856, ноября 24 Эвакуация Уокером Гранады.
- 1857, мая 2 Отъезд Уокера в США.
- 1857—1867 Президентство Мартинеса.
- 1858, января 16 Мирный договор и пограничное соглашение с Коста-Рикой.
- 1860, января 28 Договор с Англией о признании суверенитета Никарагуа над Москитовым берегом.
- 1860, сентября 12 Расстрел Уокера.
- 1863—1893 Правление консерваторов.
- 1867—1871 Президентство Гусмана.
- 1871—1875 Президентство Куадра.
- 1875—1879 Президентство Чаморро.
- 1879—1883 Президентство Савалы.
- 1883—1887 Президентство Карденаса.
- 1887—1889 Президентство Карасо.
- 1889, января 24 Пограничный договор с Гондурасом.
- 1889—1893 Президентство Сакасы.
- 1893—1909 Президентство либерала Селая.
- 1895—1898 Никарагуа — в составе Великой Центрально-Американской республики.
- 1896, марта 27 Пограничный договор с Коста-Рикой.

- 1907 Участие в Вашингтонской конференции стран Центральной Америки.
- 1907 Война с Гондурасом и Сальвадором.
- 1909, октября 8 Восстание консерваторов.
- 1909, ноябрь—декабрь Интервенция США.
- 1909—1910 Президентство Мадриса.
- 1910—1911 Президентство Эстрады.
- 1911—1916 Президентство Диаса.
- 1912—1925 Оккупация Никарагуа войсками США.
- 1916, февраля 18 Договор с США (Брайан — Чаморро).
- 1916—1920, 1926, январь — октябрь Президентство Эмилиано Чаморро.
- 1917, апреля 18 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
- 1918, мая 8 Объявление Германии войны.
- 1920, ноября 3 Вступление в Лигу наций.
- 1921—1923 Президентство Диего Чаморро.
- 1923—1924 Президентство Мартинеса Бартоло.
- 1925, январь—октябрь Президентство консерватора Солорсано.
- 1927—1933 Восстание генерала Сандино.
- 1928—1932 Президентство Монкадо.
- 1932—1936 Президентство Сакасы.
- 1936—1947 Президентство Сомосы.
- 1936, июня 17 Выход из Лиги наций.
- 1939, марта 22 Конституция.
- 1941, декабря 8 Объявление войны Японии.
- 1941, декабря 11 Объявление войны Германии и Италии.
- 1944, декабря 12 Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Никарагуа.
- 1947, февраля 2 Избрание президентом Аргеля.
- 1947, мая 26 Государственный переворот Сомосы.
- 1947, август Избрание «Конституционной ассамблеей» президентом Рейеса.

Панама

- 1502 Посещение Колумбом территории Панамы.
- 1519 Основание города Панамы.
- 1595 Нападение английского корсара Дрейка на колонию Номбре-де-Диос.
- 1718 Включение в состав вице-королевства Новая Гранада.
- 1821, ноября 13 Провозглашение независимости от Испании.

- 1821, ноября 28 Вступление в состав Колумбийской федерации.
- 1826, июня 22—июля 15 Созванный Боливаром Межамериканский конгресс в Панаме.
- 1831 Панама входит в состав республики Новая Гранада.
- 1840—1841 Неудачная попытка отделения от Колумбии.
- 1846 Предоставление США права транзита через Панамский перешеек.
- 1850, апреля 15 Предоставление американской компании концессии на постройку Панамской железной дороги.
- 1853 Восстание панамских сепаратистов против Колумбии, организованное США.
- 1870, июня 26 Заключение Колумбией договора с США о постройке канала.
- 1873 Вооруженная интервенция США.
- 1878, мая 18 Предоставление французской компании привилегий на постройку канала через Панамский перешеек.
- 1881, февраля 24 Начало сооружения Панамского канала.
- 1885 Вооружённое вмешательство США в дела Панамы.
- 1889 Крах компании Панамского канала.
- 1903, ноября 4 Провозглашение «независимости» от Колумбии.
- 1903, ноября 18 Договор с США — предоставление Зоны канала в распоряжение США.
- 1914, августа 15 Открытие Панамского канала.
- 1917, апреля 7 Вступление в первую мировую войну.
- 1925 Забастовка транспортников.
- 1930 Создание коммунистической партии.
- 1931, сентября 2 Переворот под руководством либералов.
- 1932—1936 Президентство Армодио Ариаса.
- 1936—1940 Президентство Аросемены.
- 1936, марта 2 Новый кабальный договор с США.
- 1940—1941 Президентство Арнульфо Ариаса.
- 1941, декабря 8 Объявление войны Японии.
- 1941, декабря 12 Объявление войны Германии и Италии.
- 1941—1944 Президентство де Лагуардия.
- 1942, января 14 Установление морского контроля США над Зоной канала и побережьем Панамы.
- 1942 Предоставление США права на постройку военных и военно-воздушных баз вне Зоны Панамского канала.
- 1944, июня 5 Избрание временным президентом Хименеса.
- 1946, марта 1 Новая конституция, по которой гражданам США были предоставлены особые привилегии.

- 1946, сентябрь Массовые народные демонстрации с требованием возврата Соединенными Штатами военных баз.
- 1947, сентябрь—декабрь Массовое движение протеста с требованием возврата Соединенными Штатами военных баз.
- 1947, декабря 23 Отклонение Национальной ассамблеей под давлением масс соглашения с США о базах.
- 1948, октября 1 Вступление Аросемены на пост президента после фальсификации результатов выборов.
- 1948, октябрь Возобновление переговоров о предоставлении США военных баз.

Парагвай

- 1526 Проникновение испанцев на территорию Парагвая.
- 1537 Основание Асунсьона.
- 1608 Прибытие иезуитов.
- 1618 Установление фактической независимости иезуитского государства на юге Парагвая.
- 1725, 1733—1735 Креольские восстания.
- 1750—1761 Гуаранийские иезуитские войны.
- 1769 Изгнание иезуитов.
- 1776 Передача Парагвая из вице-королевства Перу в вице-королевство Ла-Плата.
- 1811 Созыв Национального конгресса.
- 1811, августа 14 Провозглашение независимости.
- 1813, октября 1 Созыв 2-го Национального конгресса.
- 1813, октября 12 Заключение договора с Соединенными Провинциями Ла-Платы, признавшими независимость Парагвая.
- 1813—1840 Правление Хосе де Франсиа.
- 1824 Конфискация монастырской земли. Роспуск монашеских орденов.
- 1826 Конфискация части помещичьей земли.
- 1827 Запрещение внешней торговли.
- 1841—1862 Правление Карлос Антонио Лопеса.
- 1844 Конституция.
- 1845, декабря 4 Объявление войны Аргентине.
- 1861, сентябрь Постройка первой железной дороги.
- 1862—1870 Правление Солано Лопеса.
- 1864—1870 Война с Бразилией, Аргентиной и Уругваем.
- 1869, октября 2 Уничтожение рабства.
- 1870 Конституция.

- 1870—1871 Президентство Риваролы.
- 1871—1874 Президентство Ховельяноса.
- 1874—1875 Президентство Хиля.
- 1874—1904 Власть партии Колорадо.
- 1875—1877 Президентство Барейро.
- 1876, февраля 3 Пограничный договор с Аргентиной.
- 1877—1878 Президентство Уриарте.
- 1878—1881 Президентство Барейро.
- 1879, октября 18 Пограничный договор с Боливией.
- 1881—1886 Президентство Кавальеро.
- 1886—1890 Президентство Эсковара.
- 1890—1894 Президентство Хуана Гонсалеса.
- 1891, октября 22 Восстание под руководством либералов.
- 1894—1898 Президентство Эгускисы.
- 1898—1902 Президентство Асевалья.
- 1902, январь—ноябрь Президентство Корвальо.
- 1902—1904 Президентство Эскурры.
- 1904 Начало правления либералов.
- 1904—1905 Президентство Гаоны.
- 1905—1906 Президентство Баэса.
- 1906—1908 Президентство Феррейры.
- 1908—1910 Президентство Эмилиано Гонсалеса Наверо.
- 1911, январь—июль Президентство Хары.
- 1911—1912 Президентство Рохаса.
- 1912, февраль—март Президентство Пены.
- 1912, март—август Президентство Эмилнано Гонсалеса Наверо.
- 1912—1916 Президентство Шерера.
- 1915, июля 19 Пограничный договор с Боливией.
- 1916—1920 Президентство Монтеро.
- 1920—1921 Президентство Гондры.
- 1921, октябрь—ноябрь Президентство Пайвы.
- 1921—1923 Президентство Эусевио Аялы.
- 1923—1924, Президентство Элихио Аялы.
- 1924—1928

- 1924, апрель— август Президентство Риарта.
- 1928, декабря 8 Разрыв дипломатических отношений с Боливией.
- 1928—1931, 1932, Президентство Гуджари.
январь— август
- 1932—1935 Война с Боливией из-за области Чако.
- 1932—1936 Президентство Эусевио Аялы.
- 1936—1937 Диктатура Франко.
- 1937—1939 Президентство Пайвы.
- 1938, июля 21 Подписание мирного договора с Боливией.
- 1938, октября 10 Установление границы с Боливией.
- 1939—1940 Диктатура президента Эстигаррибия.
- 1940 Диктатура президента Мориниго.
- 1940, августа 4 Новая конституция.
- 1942, января 26 Разрыв дипломатических отношений с Германией, Италией и Японией.
- 1945, января 24 Всеобщая стачка.
- 1945, февраля 8 Объявление войны Германии и Японии,
- 1945, февраля 21 Роспуск рабочих союзов.
- 1946, август Легализация коммунистической партии.
- 1947, январь Реакционный государственный переворот Мориниго. Запрещение деятельности коммунистической партии.
- 1947, март Убийство в тюрьме руководителя коммунистической партии Тимотео Охеда.
- 1947, март— сентябрь Народное восстание
- 1948, июля 2 Опубликование сообщения об убийстве в тюрьме генерального секретаря коммунистической партии Альберто Кандиа.
- 1948, августа 15 Вступление на пост президента Гонсалеса.

Перу

- 1524 Первая европейская экспедиция на территории Перу.
- 1535 Подавление испанцами восстания индейцев.
- 1535, января 18 Основание Лимы
- 1537 Борьба между конкистадорами Альмагро и Писарро.
- 1538, июля 8 Казнь Альмагро.
- 1541, июня 26 Убийство Франсиско Писарро.
- 1542, ноября 20 «Новые законы» императора Карла V об отмене «ре-партимьенто».

- 1543 Разработка испанцами серебряных рудников в Порко.
- 1544 Создание вице-королевства Перу.
- 1544—1548 Восстание Гонсалеса Писарро.
- 1545 Открытие залежей серебра в Потоси.
- 1548 Казнь Гонсалеса Писарро.
- 1553 Восстание Хирона.
- 1739, августа 20 Выделение вице-королевства Новая Гранада.
- 1767 Изгнание иезуитов.
- 1776 Выделение вице-королевства Ла-Плата
- 1780—1781 Восстание индейцев во главе с Тупак-Амару.
- 1814—1815 Восстание индейцев и сепаратистов.
- 1819—1824 Война за независимость.
- 1821, июля 12 Захват Сан-Мартинем Лимы.
- 1821, июля 22 Провозглашение независимости.
- 1821, август— 1822, сентябрь Сан-Мартин—протектор Перу.
- 1823, февраль— июнь Президентство Рива Агера.
- 1823, июня 16 Захват Лимы испанцами.
- 1823, сентября 1 Прибытие Боливара в Лиму.
- 1823, ноября 12 Провозглашение конституции.
- 1824, августа 6 Поражение испанцев при Хунине.
- 1824, декабря 9 Окончательный разгром испанских войск при Аякучо.
- 1825 Отделение Боливии от Перу.
- 1826, ноября 15 Федеративный договор с Боливией.
- 1826, ноября 30 Избрание Боливара пожизненным президентом.
- 1827, июня 4 Низложение Боливара.
- 1827—1829 Президентство Ламара.
- 1828—1829 Война с Колумбией.
- 1829—1833 Президентство Гамарры.
- 1833 Избрание президентом Орбегосо.
- 1836—1839 Война с Чили.
- 1836—1839 Конфедерация Боливии и Северного и Южного Перу.
- 1839—1841 Президентство Гамарры.
- 1841—1842 Война с Боливией.
- 1845—1851 Президентство генерала Кастилья.
- 1847, декабря 11 Конгресс южно-американских республик в Лиме.
- 1851—1855 Президентство Эченике.
- 1851, апреля 5 Открытие первой в Южной Америке железной дороги между Лимой и Кальяо.

- 1854, декабря 3 Отмена рабства негров.
 1855—1862 Президентство генерала Кастилья.
 1862—1863 Президентство Сан-Романа.
 1863—1865 Президентство Песета.
 1864, апреля 14 Захват испанским флотом острова Чинча.
 1864, ноября 14 Конгресс американских республик в Лиме.
 1865—1866 Совместная с Чили война против Испании.
 1865—1868 Президентство полковника Прадо.
 1867, августа 31 Новая конституция.
 1868—1872 Президентство Бальты.
 1872—1876 Президентство Пардо.
 1876—1881 Президентство полковника Прадо.
 1879, декабрь Провозглашение Пьеролы верховным правителем.
 1879—1833 Совместная с Боливией война против Чили (Тихоокеанская война).
 1881—1883 Президентство Гарсии Кальдерона.
 1881, января 17 Занятие Лимы чилийскими войсками.
 1881 Отказ Пьеролы от власти.
 1883, октября 20 Анконский договор с Чили.
 1883—1885 Президентство генерала Иглесиаса.
 1886—1890 Президентство генерала Касереса.
 1890—1894 Президентство полковника Бермудеса.
 1895—1899 Президентство Пьеролы.
 1899—1903 Президентство Романо.
 1903—1904 Президентство Кандамо.
 1904—1908 Президентство Хосе Пардо.
 1908—1912 Президентство Легиа.
 1912—1914 Президентство Биллингхерста.
 1914—1915 Президентство Бенавидеса.
 1014 Восстание индейцев.
 1914, августа 21 Декрет о нейтралитете в европейской войне.
 1915—1919 Президентство Хосе Пардо.
 1916—1918 Промышленный ажиотаж.
 1917, октября 5 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
 1918—1920 Подъём стачечного движения.
 1919 Создание Перуанской рабочей федерации (анархо-синдикалистская организация).
 1919—1930 Президентство Легиа.
 1920, января 10 Вступление в Лигу наций.

- 1923 Создание Международного рабочего центра (реформистская организация).
 1923 Рабочее и студенческое движение.
 1924 Восстание индейцев.
 1924 Создание партии АПРА.
 1925 Всеобщая стачка.
 1929 Создание Всеобщей конфедерации труда.
 1930—1934 Массовое рабочее и крестьянское движение.
 1930 Создание коммунистической партии.
 1930, август Переворот полковника Серро.
 1930—1933 Президентство полковника Серро.
 1931 Восстание индейцев.
 1932—1934 Война с Колумбией.
 1932 Запрещение коммунистической партии.
 1933—1939 Диктатура Бенавидеса.
 1939 Фашистский мятеж.
 1939—1945 Президентство Мануэля Прадо.
 1942, января 24 Разрыв отношений с Италией, Германией и Японией.
 1945, июня 10 Избрание президентом Бустаманте.
 1946 Предоставление «Стандард Ойл» новых нефтяных концессий. Массовое народное движение протеста.
 1948, октябрь Восстание в порту Каллао. Запрещение «Народной партии».
 1948, ноябрь Запрещение деятельности коммунистической партии.

Сальвадор

- 1524 Начало испанского завоевания.
 1539 Основание города Сан-Сальвадор.
 1811, ноября 5 Восстание против испанцев.
 1821, сентября 29 Провозглашение независимости от Испании.
 1821 Присоединение к Мексиканской империи Итурбиде.
 1824, июня 12 Принятие конституции.
 1824, ноября 22 Вступление в федерацию Центрально-Американских республик.
 1831, декабрь Сан-Сальвадор—столица Центрально-Американской федерации (президент Морасан).
 1839 Распад федерации Центрально-Американских республик.
 1840, сентября 20 Восстание Малеспина.

- 1842, сентября 15 Расстрел Морасана.
 1845 Победа либералов.
 1850—1853 Война с Гватемалой.
 1852 Победа консерваторов.
 1860—1862 Правление либералов.
 1863 Война с Гватемалой.
 1863—1871 Президентство консерватора Дуэнаса.
 1871—1876 Президентство либерала Гонсалеса.
 1876, январь— Президентство Валье.
 апрель
 1876 Война с Гватемалой.
 1876—1885 Президентство консерватора Сальдивара.
 1885 Война с Гватемалой.
 1885—1890 Президентство Менендеса.
 1886 Новая конституция.
 1890—1894 Президентство Эсета-
 1890 Война с Гватемалой.
 1894—1898 Президентство Гутьерреса.
 1895—1898 Пребывание в составе Великой Центрально-Американ-
 ской республики.
 1898—1903 Президентство Регаладо.
 1903—1907 Президентство Эскалона.
 1906 Война с Гватемалой.
 1907—1911 Президентство Фигероа.
 1907, ноябрь— Участие в Вашингтонской конференции стран
 декабрь Центральной Америки.
 1911—1913 Президентство Араухо.
 1913—1919 Президентство Карлоса Мелендеса.
 1919—1923 Президентство Хорхе Мелендеса.
 1921 Участие в Федерации Центральной Америки.
 1923—1927 Президентство Кинонеса.
 1927—1931 Президентство Ромеро Боске.
 1930 Организация коммунистической партии.
 1931 Президентство Араухо.
 1931, декабря 2 Переворот Мартинеса.
 1931 Массовый подъём.
 1931—1944 Президентство Мартинеса.
 1932 Восстание рабочих и крестьян.
 1939, января 20 Опубликование новой конституции.

- 1941, декабря 8 Объявление войны Японии.
 1941, декабря 12 Объявление войны Германии и Италии.
 1944, май— Президентство Менендеса.
 октябрь
 1944, октября 22 Переворот Агирре-и-Салинаса.
 1945, январь Избрание президентом Кастаньедо Кастро.

Уругвай

- 1512 Высадка первых европейцев.
 1726 Основание Монтевидео.
 1776 Включение области Монтевидео в вице-королевство
 Ла-Плата.
 1777 Изгнание португальцев.
 1807 Захват Монтевидео англичанами.
 1811 Провозглашение независимости от Испании.
 1811 Объявление Уругвая составной частью Соединённых
 провинций Ла-Платы.
 1814 Взятие Монтевидео аргентинскими войсками.
 1815 Признание губернатором Буэнос-Айреса
 независимости Уругвая.
 1817 Война с Бразилией.
 1817—1828 Бразильская оккупация.
 1821 Присоединение к Бразилии в качестве «Цисплатин-
 ской провинции».
 1825, августа 25 Провозглашение независимости от Бразилии.
 1825—1828 Аргентино-бразильская война из-за Уругвая.
 1828 Признание Аргентиной и Бразилией независимости
 Уругвая.
 1830, июля 18 Принятие конституции Уругвая.
 1830—1835 Президентство генерала Фруктуосо Ривера.
 1832, июль— Восстание под руководством генерала Лавальеха.
 сентябрь
 1835—1838 Президентство Ориве.
 1836—1838 Гражданская война.
 1838—1852 Президентство генерала Фруктуосо Ривера.
 1842 Отмена рабства.
 1843—1851 «Великая война» (гражданская война при участии
 Аргентины и Бразилии).
 1845 Вмешательство англо-французского флота в Уругвай-
 скую войну.

1852—1853	Президентство Хиро.
1854—1855	Президентство Флореса.
1855—1856	Президентство Бустаменте.
1856—1860	Президентство Перейры.
1860—1863	Президентство Берро.
1864—1865	Президентство Агирре.
1864—1865	Война с Бразилией.
1865	Заключение мира с Бразилией.
1865—1866	Президентство Флореса.
1865—1870	Совместная с Аргентиной и Бразилией война против Парагвая.
1866—1868	Президентство Видаля.
1868—1871	Президентство генерала Лоренсо Батлье.
1871—1873	Президентство Гоменсоро.
1872	Победа партии Колорадо в гражданской войне.
1873—1875	Президентство Эльяури.
1875—1876	Президентство Варела.
1876—1880	Военная диктатура полковника Латорре.
1880—1882	Президентство Видаля.
1882—1886	Президентство генерала Сантоса.
1886—1890	Президентство генерала Тахеса.
1890—1894	Президентство Эрреры.
1894—1897	Президентство Борды.
1897, февраль— сентябрь	Восстание Бланке.
1898	Возникновение первых профсоюзов.
1899—1903	Президентство Куэстаса.
1903—1907	Президентство Батлье.
1907—1911	Президентство Вилимана.
1911—1915	Президентство Батлье.
1915—1919	Президентство Визра.
1919—1923	Президентство Брума.
1919	Принятие новой конституции.
1920	Создание коммунистической партии.
1923—1927	Президентство Серрато.
1926, августа 22	Установление дипломатических отношений между СССР и Уругваем.
1927—1931	Президентство Кампистеги.
1931—1938	Президентство Терра.

1933	Континентальный антивоенный конгресс в Монтевидео.
1933, марта 31	Государственный переворот.
1933—1938	Диктатура президента Терра.
1934, апреля 19	Принятие новой конституции.
1935, декабря 27	Разрыв дипломатических отношений с СССР.
1938—1942	Президентство Бальдомира.
1942	Реформа конституции.
1942	Создание Всеобщего рабочего союза.
1942, января 25	Разрыв дипломатических отношений с Германией, Италией и Японией.
1942—1946	Президентство Амесаги.
1943, января 27	Восстановление дипломатических отношений между СССР и Уругваем.
1944	Конференция Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Монтевидео.
1945, февраля 15	Объявление войны Германии и Японии.
1945, ноября 21	Нота с предложением о вмешательстве американских стран во внутренние дела любой из них.
1946, ноября 24	Избрание президентом Беррета.
1947, июня 25	Принятие антирабочего закона.
1947, августа 3	Вступление на пост президента Бателье Бсрреса.

Чили

1520	Открытие южной оконечности Чили Магелланом.
1535	Начало испанского завоевания.
1540	Экспедиция Пьетро де-Вальдивия в Чили.
1541	Основание Сант-Яго.
1723	Восстание индейцев.
1766	Восстание индейцев.
1767	Изгнание иезуитов.
1780—1782	Крестьянские восстания.
1781	Сепаратистский заговор «Трех Антониев».
1810, июля 11	Восстание против испанцев в Сант-Яго.
1811	Созыв Национального конгресса.
1811, августа 14	Провозглашение конституции.
1811, сентября 4	Военный переворот радикалов.
1811, декабря 2	Переворот под руководством Каррери.
1814	Восстановление колониального режима.

- 1817, февраля 14 Вступление войск генерала Сав-Мартина в Сант-Яго.
1817—1823 Диктатура О'Хиггинса.
1818, января 1 Провозглашение независимости.
1818, апреля 3 Разгром испанских войск при Маипо.
1823—1827 Правление генерала Фрейра.
1828 Принятие федералистской конституции.
1829—1830 Вооружённая борьба между либералами и консерваторами. Победа консерваторов.
1833, мая 22 Принятие централистской конституции.
1836—1839 Война с Перу и Боливией.
1841—1851 Президентство консерватора Бульнеса. Экономический подъём.
1851—1861 Президентство консерватора Монта.
1861—1871 Президентство либерала Хосе Переса.
1865—1866 Совместная с Перу война против Испании.
1866, марта 31 Бомбардировка Вальпараисо испанским флотом.
1866 Пограничное соглашение с Боливией.
1868—1870 Война с индейцами.
1871—1876 Президентство Федерико Эррасуриса.
1875, июля 21 Пограничное соглашение с Боливией.
1876—1881 Президентство Пинто.
1877—1879 Экономический кризис.
1879—1884 Тихоокеанская война — между Чили с одной стороны. Перу и Боливией — с другой.
1881, января 17 Занятие Лимы чилийскими войсками.
1881, июля 23 Пограничное соглашение с Аргентиной.
1881—1886 Президентство Санта-Мария.
1886—1891 Президентство Бальмаседы.
1891, январь—август Восстание против Бальмаседы.
1891—1896, Президентство либерала Монта.
1895, мая 18 Договор с Боливией о Такна-Арика.
1896—1901 Президентство Федерико Эррасуриса.
1896, апреля 17 Пограничное соглашение с Аргентиной.
1897 Финансовый кризис.
1900 Введение всеобщей воинской повинности.
1901—1906 Президентство Рязско.
1906—1910 Президентство либерала Монта.
1909 Создание Чилийской федерации рабочих.

- 1910, август—сентябрь Президентство Фернандеса.
1910, сентябрь—декабрь Президентство Фигероа.
1910—1915 Президентство Луко.
1914 Декларация о Нейтралитете в европейской войне.
1915 Договор «АВС» (Аргентина—Бразилия—Чили).
1915—1920 Президентство Санфуэнтеса.
1917 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
1918—1919 Стаечное движение.
1919 Создание социалистической партии.
1920—1925 Президентство Алесандри.
1921 Создание коммунистической партии.
1923, марта 25—мая 11 5-я Панамериканская конференция в Сант-Яго.
1924 Диктатура генерала Альтамирано.
1924 Убийство руководителя коммунистической партии Луиса Рекаварена.
1925, октября 18 Новая конституция.
1925—1927 Президентство Фигероа.
1927, февраля 9 Военный переворот полковника Иваньеса.
1927—1931 Президентство Иваньеса.
1929 Возвращение Перу области Такна.
1931, март Создание селитряной компании «Косач».
1931—1932 Революционный подъём.
1932, июня 4 Создание правительства Давила — Грове.
1932 Организация советов в пролетарских центрах.
1932, июня 16 Контрреволюционный переворот Давиды.
1932—1938 Президентство Алесандри.
1935 Создание Конфедерации трудящихся Чили.
1935 Организация народного фронта.
1938—1941 Президентство кандидата народного фронта Агирре Серда.
1942—1946 Президентство кандидата народного фронта Риоса.
1943, января 20 Разрыв дипломатических отношений с Германией, Италией и Японией.
1944, декабря 11 Установление дипломатических отношений между СССР и Чили.
1945, февраля 15 Объявление войны Германии.
1945, апреля 5 Объявление войны Японии.

- 1946, январь Всеобщая забастовка.
 1946, октября 24 Избрание президентом Гонсалеса Видела.
 1946, ноябрь— Участие коммунистов в правительстве.
 1947, апрель
 1947, октября 21 Разрыв дипломатических отношений с СССР.
 1947, декабря 4 Крупная забастовка железнодорожников.
 1948, сентября 3 Запрещение коммунистической партии.

Эквадор

- 1526 Первое посещение европейцев.
 1533 Завоевание испанцами Кито.
 1718 Включение в состав вице-королевства Новая Гранада.
 1722—1740 Пребывание в составе вице-королевства Перу.
 1765 Восстание (против питейной монополии).
 1809, августа 10 Восстание против Испании в Кито.
 1809, октября 24 Капитуляция Кито перед испанскими войсками.
 1811, октября 4 Национальный конгресс в Кито.
 1812, февраля 15 Опубликование конституции.
 1812, ноября 3 Занятие Кито испанскими войсками.
 1820, октября 9 Провозглашение независимости от Испании.
 1822, март— Армия Боливара освобождает Эквадор от испанских
 июль войск.
 1822, мая 29 Присоединение к Колумбийской федерации.
 1830, мая 12 Провозглашение независимости от Колумбийской фе-
 дерации. Установление названия страны — «Эквадор»
 1830—1834 Президентство Флореса.
 1835—1839 Президентство Рокафуэрте.
 1839—1843, 1843—1845 Президентство Флореса.
 1845—1850 Президентство Рока.
 1845 Отмена рабства.
 1851, февраль— Президентство Новоа.
 сентябрь
 1851—1856 Диктатура генерала Урбива.
 1856—1859 Президентство Роблеса.
 1859—1860 Война с Перу.
 1859—1861 Президентство генерала Франко.
 1861—1865 Президентство Гарсия Морено.
 1862, сентября 26 Конкордат с папой римским.
 1865—1867 Президентство Карриона.

- 1866 Война с Испанией.
 1868—1869 Президентство Эспиносы.
 1869—1875 Клерикальная диктатура президента Гарсия Морено.
 1875—1876 Президентство Борреро.
 1876 Восстание либералов.
 1876—1883 Президентство генерала Вентимилья.
 1884—1888 Президентство Кааманьо.
 1884 Восстание под руководством радикалов.
 1888—1892 Президентство Флореса.
 1892—1895 Президентство Кордеро.
 1895—1901 Президентство Альфаро.
 1901—1905 Президентство Гутьерреа.
 1907—1911 Президентство Альфаро.
 1910 Первые рабочие организации.
 1911—1912 Президентство Эстрада.
 1912—1916 Президентство Гутьерреа.
 1916—1920 Президентство Морено.
 1917, декабря 7 Разрыв дипломатических отношений с Германией.
 1920—1924 Президентство Томайо.
 1921 Создание социалистической партии.
 1922 Создание Областной федерация рабочих.
 1924—1925 Президентство Кордовы.
 1926—1931 Президентство Айоры.
 1928 Принятие социалистической партии в Коминтерн.
 1928 Крестьянские восстания.
 1930 Образование коммунистической партии.
 1931, август— Президентство Аарреа Альба.
 октябрь
 1931—1932 Президентство Морено.
 1932—1933 Президентство Мартинеса Мера.
 1933—1934 Президентство Монтальво.
 1934—1935 Президентство Веласко Ибарра.
 1935—1937 Президентство Паэса.
 1937—1938 Президентство Энрикеса.
 1938—1939 Президентство Нарваэса.
 1940—1944 Президентство Арройо дель Рио.
 1941 Война с Перу.
 1942, января 29 Соглашение с Перу.
 1942, январь Разрыв дипломатических отношений с державами «оси».

- 1942, февраль — Предоставление США баз на Галапагосских островах.
1944 — Создание Конфедерации трудящихся Эквадора.
1944, мая 29 — Восстание под руководством Веласко Ибарра.
1944 — Создание правительства Веласко Ибарра с участием коммунистов.
1944—1948 — Президентство Веласко Ибарра.
1945, январь — Выход коммунистов и социалистов из правительства.
1945, февраль — Объявление войны Японии
1945, июня 16 — Установление дипломатических отношений между СССР и Эквадором.
1946, апрель — Антиимпериалистическая всеобщая забастовка, гонения и репрессии против демократических организации
1947, февраль — Роспуск Конфедерации трудящихся Эквадора.
1948, июнь — Избрание президентом Гало Плассо Лассо.

Межамериканские отношения

- 1823—1825 — Первый конгресс государств Центральной Америки
1823—1839 — Федерация стран Центральной Америки.
1826, июня 22— июля 15 — Панамский конгресс под руководством Боливара с участием Колумбийской, федерации, Гватемалы, Мексики и Перу.
1847, декабря 11— Конгресс в Лиме с участием Перу, Новой Гранады, Боливии, Чили и Эквадора.
1848, марта 1 —
1856, сентября 15 — Конгресс в Сант-Яго с участием Перу, Чили и Эквадора.
1864, ноября 14— 2-й Международный конгресс в Лиме с участием Гватемалы, Венесуэлы, Колумбии, Эквадора, Аргентины, Боливии и Перу.
1865, марта 13 —
1889, октября 2— 1-я Панамериканская конференция в Вашингтоне.
1890, апреля 19 —
1890 — Организация Международного бюро американских республик, позднее превратившегося в Панамериканский союз.
1895—1898 — «Великая Центрально-Американская Республика»
1901, октября 22— 2-я Панамериканская конференция в Мехико.
1902, января 31 —
1903, января 15 — 1-й таможенный конгресс 13 американских государств в Нью-Йорке.
1906, июля 21— августа 26 — 3-я Панамериканская конференция в Рио-де-Жанейро

- 1907, ноября 13— 1-я Центрально-Американская конференция декабря 20 в Вашингтоне.
1909, января 1—21 — 1-й Центрально-Американский конгресс в Тегусигальпе.
1910, февраля 1—7 — 2-я Центрально-Американская конференция в Сан-Сальвадоре.
1910, июля 12— августа 30 — 4-я Панамериканская конференция в Буэнос-Айресе.
1910 — Переименование Международного бюро американских республик в Панамериканский союз.
1911, январь — 3-я Центрально-Американская конференция в Гватемале.
1912, январь — 4-я Центрально-Американская конференция в Манagua.
1913, январь — 5-я Центрально-Американская конференция в Сан-Хосе.
1914, январь — 6-я Центрально-Американская конференция в Тегусигальпе.
1915 — 1-я Панамериканская финансовая конференция в Вашингтоне.
1918 — Конференция Панамериканской федерации труда в Ларедо (Техас) с участием делегатов США, Мексики, Центрально-Американских республик и Колумбии.
1921—1922 — «Федерация Центральной Америки» (Коста-Рика, Гватемала, Гондурас и Сальвадор).
1922, декабря 4— Центрально-Американская конференция
1923, февраля 7 — в Вашингтоне.
1923, марта 25— 5-я Панамериканская конференция в Сант-Яго.
мая 11 —
1923, мая 3 — Подписание Панамериканского договора о мирном улаживании конфликтов (пакт Гондра).
1924, мая 3 — «Пакт Амапала» между Коста-Рикой, Гватемалой, Никарагуа, Сальвадором и США.
1928, января 16— февраля 20 — 6-я Панамериканская конференция в Гаване.
1928, декабря 10— Международная конференция американских
1929, января 5 — государств по улаживанию конфликтов и арбитражу в Вашингтоне.
1929, января 6—8 — Панамериканский торговый конгресс в Нью-Йорке.
1929 — Создание Латино-Американской конфедерации профсоюзов.
1933 — Континентальный антивоенный конгресс в Монтевидео.

- 1933 7-я Панамериканская конференция в Монтевидео.
- 1933, октября 11 Подписание в Рио-де-Жанейро пакта о ненападении между странами Южной Америки.
- 1936, декабря 1—16 Панамериканская мирная конференция в Буэнос-Айресе.
- 1938 Организационный съезд Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Мехико.
- 1938, декабря 9—26 8-я Панамериканская конференция в Лиме. Принятие «Лимской декларации».
- 1940 Панамериканская конференция в Гаване.
- 1941 Конгресс Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Мехико.
- 1942, января 15—28 Совецание министров иностранных дел американских стран в Рио-де-Жанейро. Принятие резолюции о разрыве отношений с державами «оси».
- 1943 Конгресс Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Гаване.
- 1944 Конференция Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Монтевидео.
- 1944 Конгресс Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Кали (Колумбия).
- 1945, февраля 21—марта 8 Панамериканская конференция в Мехико. Принятие Чапультепекской декларации.
- 1947, августа 15 Панамериканская конференция в Рио-де-Жанейро.
- 1947, августа 31 Принятие Панамериканской конференцией Рио-де-Жанейро договора об «обороне Западного полушария».
- 1948, марта 22—28 3-й съезд Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Мехико.
- 1948, марта 30—апреля 30 Межамериканская конференция в Боготе. Создание «организации американских государств».
- 1948, июня 7 Сессия Экономической комиссии ООН для Латинской Америки в Сант-Яго.

Печатается по изданию:
Страны Латинской Америки. М., 1949

В. Л. ШЕСАРЕВ

КОКИСТАДОРЫ. Историческая хроника XVI века

ОТ АВТОРА

В настоящей хронике автор ставил своей целью дать в полубеллетристической форме общий очерк первого этапа колониальной экспансии Западной Европы в заокеанских странах. Начальный период этого длительного процесса, проходивший в дни международной гегемонии Испании, непосредственно связан с изменением великих путей мировой торговли старого времени.

С эпохи Александра Македонского (IV в. до н. э.) торговля Европы с Востоком шла через Средиземное море, за которым начинались три сухопутных пути через Сирию и Месопотамию и два морских — северный через Черное море к берегам Кавказа и Крыма и южный через Красное море в Индийский океан. С Востока шли на запад пряности, шелка, ковры, узорчатые ткани, красящие вещества, сахарный тростник и благовонные масла. В обмен на это Европа давала разное сырье, металлические изделия, вина, сукна. Торговый мир Запада искони жадно тянулся к Востоку; там, за морями, лежала сказочно богатая Индия, на границах которой некогда остановилось победоносное продвижение македонского полководца.

Характер этого традиционного товарообмена между Западом и Востоком резко изменился с VII столетия нашей эры, когда начались стремительные завоевания арабов-магометан. К первым десятилетиям VIII столетия арабами был завоеван ряд стран, широкой полосой тянувшихся от областей Северной Индии через Месопотамию, Сирию, Северную Африку и Пиренейских полуостров до северных его границ. В силу этого для Европы образовалась тогда экономическая плотина, так как арабы завладели (либо целиком, либо на громадном протяжении) всеми великими торговыми путями. Отныне товарообмен Европы с азиатскими странами стал происходить через таможи арабов, наживавших на всех восточных продуктах огромные барыши. Для Европы оставался свободным только один далекий околный путь на Восток — константинопольские проливы, ведущие в Черное море. Но этот путь явно не удовлетворял все

возраставшим потребностям европейцев в восточных товарах. Двухвековые старания Европы (1096—1270) прорвать давивший ее барьер посредством крестовых походов (движущим стимулом которых были экономические интересы) не дали должных результатов. В то же время и константинопольские проливы уже оказались под ударом вследствие начавшегося еще с XI века продвижения в Малой Азии новых завоевателей — турок, сперва сельджуков, потом османов. Перед торговой Европой встала тогда неотложная задача — найти новые морские пути на Восток в обход мусульманской преграды. Поиски прямого морского пути в Индию диктовались потребностями общего экономического развития Европы. Быстрый экономический рост Европы с конца XIII века, повсеместное развитие денежного хозяйства, все возрастающая потребность в драгоценных металлах совершенно не мирились со старым положением в восточноевропейской торговле, когда из Европы происходил ежегодный отлив золота и серебра на Восток вследствие преобладания импорта над экспортом и вздувания арабами цен на восточные товары. В связи с этим еще в XIV столетии начались планомерные плавания португальцев по Атлантическому океану вдоль западных берегов Африки (открытие в 1335 году Канарских островов). Взятие турками Константинополя в 1453 году окончательно отрезало Европе дорогу на Восток и послужило новым толчком к настоящему разрешению назревшей проблемы. Успехи мореплавания, употребление компаса, заимствованного от арабов, и общее расширение географических познаний, в частности возрождение учения о шарообразности земли, дали Европе возможность к концу XV столетия разрешить поставленный ей временем вопрос.

В поисках новых путей к экзотическим рынкам сбыта и вывоза итальянец Колумб переплыл, по поручению испанского правительства, Атлантический океан и открыл Америку (1492), а португалец Васко да Гама проложил для своей родины новый путь в Индию морем вокруг Африки (1497—1498).

С этого момента изменились традиционные пути мировой торговли, и фокус ее из бассейна Средиземного моря переместился на берега Пиренейского полуострова, чем и был обусловлен необычайно быстрый экономический расцвет Испании и Португалии. Вместе с тем в истории географических открытий и колонизации наступил новый, океанический период, с первых же моментов ознаменованный конкуренцией европейских держав друг с другом и беспощадным угнетением цветных рас. Эти последние явились для всех европейцев только объектом хищнического завоевания, обычно совершенно открытого, иногда лицемерно прикрытого маской культуртрегерства. Уже первый колонизатор Америки — Колумб — был в то же время и первым поставщиком в Испанию рабов из

Нового Света. Во второе свое путешествие он отправил сначала на Кубу судно невольников, а затем в Испанию целый транспорт индейцев-рабов, якобы для обращения их в христианство. По инициативе Колумба, в испанских колониях Нового Света была введена система «repartimento», по которой всякий белый имел право эксплуатировать у себя на ферме столько туземцев, сколько он мог прокормить впроголодь.

Колониальная политика испанцев и португальцев открыла собой эру европейского колониального грабежа, сыгравшего такую громадную роль в процессе первоначального накопления капитала.

К ЗОЛОТУ И ПРЯНОСТЯМ

Глава I

О том, как была основана конкистадорами¹ первая колония на материке Нового Света.

Летом 1510 года две каравеллы под флагом с геральдическими львами и башнями (старинный герб Испании) отплыли от берегов острова Эспаньола (ныне Гаити) — первой территориальной базы испанцев в западных водах Атлантического океана. В эти дни уже насчитывалось почти двадцать лет с тех пор, как Христофор Колумб в 1492 году открыл, сам того не ведая, Новый Свет. Однако точное местоположение этого огромного континента, его размеры, население и особенности, наконец, даже то, является ли он группой восточноазиатских островов, побережьем Китая или же самостоятельным материком, все еще оставалось облеченным покровом таинственности.

Однако, подобному самому Колумбу, полагали тогда, что новооткрытые им земли — это уже Азия или, во всяком случае, обширный архипелаг, непосредственно за которым лежит Китай, Сипанго (Япония), Индия; другие, напротив, склонны были думать, что это отдельный материк, протяжение которого вдоль меридиана пока трудно еще было определить. И в то же время все несогласные друг с другом в этом отношении вполне сходились в другом: вновь открытые земли, — будь то острова или материк — составляли преграду к местонахождению золота, серебра, пряностей и других сокровищ полуденного Востока, сокровищ, с незапамятных времен дразнивших алчность европейских завоевателей, купцов и всевозможных авантюристов. Известное количество драгоценного металла, уже обнаруженного у туземцев, и жемчуг, найденный на

¹ *Конкистадор* — завоеватель, от испанского слова *конкиста* — завоевание.

морских побережьях, подкрепляли среди испанцев мысль о необходимости во что бы то ни стало преодолеть этот барьер. За ним должны были открыться «золотоносная», по описаниям Марко Поло¹, империя богдыханов, Индия, «страна алмазов», и экзотические острова, родина всевозможных пряностей, ценившихся тогда в Европе на вес золота.

А что все эти восточные приманки не являлись лишь мифом, а существовали в действительности, об этом убедительно свидетельствовало плавание португальца Васко да Гамы, в 1498 году проложившего новый путь в Индостан, морем вокруг Черного материка (Африки). Плавание Гамы увенчалось блестящим успехом. Он привез с собою на родину мускатные орехи и перец, имбирь и изумруды, платье из дамасского шелка, бронзовые кресла с бархатными подушками, трубы из слоновой кости, блестящие ткани и ковры, оружие в серебряных ножных — ослепительный каскад азиатских сокровищ. Плавая в восточных морях, португальцы видели там большие, богатые горда, были принимаемы могущественными раджами (князьями), воочию увидели древнюю цивилизацию.

Ничего похожего не встретили на первых порах испанцы в тропических водах западного океана. Но они, как охотничьи собаки, «верхним чутьем» чувствовали «запах» золота, были убеждены, что драгоценный металл и драгоценные камни должны быть в изобилии где-то неподалеку, что нужно удвоить, утроить, удесятерить свои усилия, без колебания пролить свою и чужую кровь, чтобы достичь золотоносных мест.

В связи с этим еще сам Колумб настойчиво стремился найти «морской проход среди островов на Восток», но вместо этого наткнулся в последнее свое плавание (1502—1503) на сплошную преграду в виде перешейка, соединяющего северную и южную части заатлантического континента. Одновременно с Колумбом и непосредственно вслед за ним, с тех пор как испанское правительство разрешило с 1497 года своим подданным заселение новооткрытых земель, потянулся длинный ряд других открывателей. Поиски этих «рыцарей океана» были необычайно смелы и упорны, но с современной точки зрения как будто недостаточно планомерны. Иначе, впрочем, и быть не могло. Читая о морских и сухопутных экспедициях путешественников тех далеких времен, надо, по выражению историка Фримана, «освободиться от рабства современным картам», иначе говоря, отрешиться от современных нам географических представлений и иметь в виду тогдашние, как они суммированы на картах и глобусах конца XV — начала XVI столетия. Подобные пособия свиде-

¹ Венецианец Марко Поло (1254—1323), прожив четверть века в Азии, оставил после себя подробный, увлекательный, как роман, отчет о своих страстих, содержащий, между прочим, первые сведения о Японии.

тельствуют о том, как медленно эволюционировали тогда взгляды географов, и таким образом нам станет понятной кажущаяся «случайность» того или другого открытия, плавания и высадки на сушу в том или ином направлении. Впрочем, эти неверные представления являлись для старинных путешественников в известном смысле «путеводным огоньком»; при его мерцающем свете многое казалось им гораздо ближе, действительно, доступнее, менее рискованно, чем это было на самом деле. Ведь тот же Колумб, человек, всецело охваченный одной всепоглощающей идеей (проникнуть в Азию западным морским путем), знай он настоящие размеры нашей планеты и действительное соотношение морей и суши¹, может быть и не решился бы отплыть на запад, с тем чтобы сравнительно легко и быстро (как ему самому представлялось) достичь Восточной Азии. Но «незнание» поддерживало старинных путешественников, вселяло в них веру в успех их дела, и они смело отправлялись в свои далекие экспедиции. Многие из них гибли, но многие открывали неведомые дотопе земли, пролагали новые пути, тем самым попутно расширяя и рамки географических познаний. Алонсо Охеда, Педро Ниньо (спутник Колумба в двух первых его плаваниях), Висенте Пинсон, Диего Лепе, Хуан Ла Коса, Хуан де Солис и многие другие — вот имена испанских «рыцарей океана», в поисках золота и приключений совершавших с конца XV столетия открытия по ту сторону Атлантики.

Необходимо особо остановиться на путешествиях Охеды, между прочим потому, что его спутником в 1499 году был Америго Веспуччи (1451—1512), родом итальянец, переселившийся в Испанию. В молодости Веспуччи получил порядочное для своего времени образование и, между прочим, приобрел много сведений в астрономии, к которой всегда проявлял большую склонность. В совершеннолетнем возрасте, занимаясь коммерческими делами, он посвящал свой досуг изучению географии, усердному собиранию карт и глобусов, благодаря чему сделался настолько выдающимся картографом, что никто из его современников не мог с ним сравняться в умении рассчитывать широты и долготы. Есть полное основание полагать, что у себя на родине Веспуччи пользовался поучениями и беседами своего соотечественника Тосканелли*. Проживая же в Испании, в Севилье, он познакомился с Колумбом, с которым судя по письмам последнего, находился в дружеских отношениях. По-видимому, личное общение с Колумбом возбудило в Веспуччи желание самому увидеть заокеанские земли, в связи с чем им был совершен ряд плаваний в период 1497—1504. В мае 1499 года Веспуччи отправился в экспедицию

¹ Колумб считал, что объем земного шара сравнительно невелик, что шесть его частей представляют собою сушу и только седьмая покрыта водой.

с Охедой. Мene чем через месяц путешественники благополучно достигли северного, тогда совсем еще неисследованного, побережья Южной Америки, и корабли вошли в Маракайбский залив. Здесь мореплаватели увидели индейскую деревню, построенную на сваях и окруженную со всех сторон водою. Жители этого оригинального поселения общались друг с другом посредством лодок, что напомнило итальянцу Веспуччи Венецию с ее каналами. Он наименовал надводную деревню Венесуэлой, то есть Малой Венецией, и это название с течением времени перешло на всю область, прилегающую с востока к Маракайбскому озеру. В дальнейшем Веспуччи совершен еще ряд путешествий в Новый Свет, частью по поручению Португалии, когда он исследовал берега Бразилии, случайно открытой перед тем португальцем Кабралем¹.

Отыскивая, подобно другим, проход в Азию, Веспуччи за время своих неоднократных плаваний вдоль берегов Нового Света пришел к заключению, что земли, открытые Колумбом, представляют собой вовсе не острова, а самостоятельный материк. Свои взгляды и наблюдения Веспуччи изложил в письмах к флорентийцу Лоренцо Медичи и к своему другу Содерини. Письма Веспуччи были опубликованы, переведены с итальянского на латинский (тогда международный) язык, и мысль, что заатлантические земли являются самостоятельным материком, нашла себе много сторонников. С тех пор в ученых кругах, говоря об этих землях, все чаще стали суммарно именовать их «Землей Америго Веспуччи». В 1507 году немецкий космограф² Мартин Вельдземюллер предложил уже печатно в своей работе «*Cosmographiae introductio*» («Введение в космографию») назвать Америкой ту часть света, которая теперь известна под именем Бразилии; свое предложение он мотивировал тем, что эти земли исследованы и в значительной мере открыты флорентийским ученым путешественником Америго Веспуччи. Предложение Вальдземюллера было принято другими космографами, и название Америка, благодаря некоторому созвучию с названиями континентов восточного полушария (Африка, Азия, Европа), постепенно распространилось на весь западный материк, который, строго говоря, справедливее было бы назвать Колумбией.

Что же касается самого Охеды, то он и после 1499 года продолжал свои плавания в водах Карибского моря. Но его мало интересовала научная сторона открытий. Охеда, прозванный сотоварищами «железный

¹ Альварес Кабраль (1460—1526), отправленный в 1500 году в Индию по следам Васко да Гамы, был отнесен течением и бурей к восточным берегам Южной Америки.

² Космографами в старину назывались составители иллюстрированных атласов (космографией) с описанием всех известных тогда стран.

Алонсо», был типичный конкистадор-смельчак, обладавший огромной физической силой, энергичный авантюрист, неукротимый в своих желаниях. Руководящим желанием Охеда был захват новых земель и открытие обильных источников драгоценных металлов.

Когда среди современников стала крепнуть теория Веспуччи о новом континенте, Охеде первому пришла в голову мысль об устройстве колонии на материке, а не на островах, как это было до тех пор. Сам Охеда не имел денежных средств для снаряжения подобного предприятия, но зато он отличался способностью убеждать других в целесообразности своих проектов. К тому же его предложение очень удачно совпало с тенденциями испанского правительства, которое как раз с этого времени начало снаряжать экспедиции с чисто завоевательными целями ради упрочения своей власти в уже открытых областях. Благодаря этому Охеда был назначен в 1509 году губернатором материкового побережья от залива Ураба (ныне Дарьенский) до Маракайбо. Он отправился туда в надежде быстро прославиться и разбогатеть. Но в этих местах испанские завоеватели столкнулись с туземцами, отчаянно сопротивлявшимися захвату их владений. В бою они употребляли отравленные стрелы; несколько капель страшного яда кураре являлось неплохим оружием против испанских кольчуг и громомечущих аркебузов. Борьба с таким противником была очень не легка, и в одной жестокой схватке из отряда Охеда погибли все, кроме него самого и одного солдата.

Но, несмотря на это, Охеда не отказался от мысли колонизировать отведенные ему земли и у входа в Дарьенский залив, на восточном его берегу, основал с остальными спутниками небольшой поселок-крепостцу, громко названную городом Сан-Себастьян.

Под палящими лучами тропического солнца, ежеминутно ожидая нападения туземцев, испанцы начали строить дома, рыли ров, ставили часток. Работы, хотя и медленно, подвигались все-таки вперед. Но вскоре у колонистов появился новый враг, более грозный, чем индейцы, враг бестелесный, неуловимый — голод. Борьба с ним было почти невозможно. Съестные припасы, привезенные переселенцами с собой, подошли к концу. Охота и рыбная ловля не могли прокормить их, а с Эспаньолы что-то долго не приходило обещанное судно. Люди изнемогали, валялись от истощения, болезней, от ранений, полученных в схватках с туземцами.

Пришлось приостановить постройку поселка, и Охеда решил сам отправиться на Эспаньолу за подкреплением и провиантом. Перед отъездом было условлено, что соратники Охеда станут дожидаться его пятьдесят дней; по истечении этого срока всякий был волен идти, куда ему угодно. Охеда отплыл, передав на время команду Франсиско Писарро, тогда человеку ничем еще не замечательному, но в будущем затмившему собой фигуры таких первых конкистадоров, как его начальник.

Охеда так и не вернулся в основанную им колонию. После трудного плавания он потерпел кораблекрушение у берегов острова Кубы, тогда еще не оккупированной испанцами, и едва не умер там от голода. Преодолевая разные опасности на суше и на море, измученный Охеда добрался наконец до Эспаньолы. Но здесь ему не удалось организовать новую экспедицию под своей командой. Средств у него, разумеется, по-прежнему не было, а королевский губернатор дон Диего Колумб (сын Христофора Колумба), по-видимому, уже перестал доверять ему, и судебные власти назначили даже следствие по поводу неудачи дарьенского предприятия. Отстраненный от дела колонизации, Охеда впал в крайнюю нищету и несколько лет спустя умер на Эспаньоле, всеми забытый.

Глава II

О смелом бегстве Васко Бальбоа с острова Эспаньолы

Но еще в те дни, когда «железный Алонсо» голодал на берегах негостеприимной Кубы, на помощь поселку Сан-Себастьян уже отправились два корабля с лошадьми, съестными припасами и разной амуницией под общим начальством Мартина Энсисо. Этими кораблями и были те самые каравеллы, которые отплыли от берегов Эспаньолы летом 1510 года. Когда суда находились уже далеко в открытом море и вокруг не было ничего видно, кроме синевы безбрежных вод, выяснилось, что на каравелле, шедшей под командой самого Энсисо, имеется сверхкомплектный пассажир. Из огромной бочки, предназначенной для хранения солонины, неожиданно вылез молодой красивый человек. Отряхнувшись и приведя в порядок свой помятый костюм, он с непринужденным видом направился к начальнику экспедиции. Последний сразу признал его: перед ним стоял Васко Бальбоа, идадьго (дворянин), приехавший на Эспаньолу в 1501 году с капитаном Родриго Бастидой и получивший на острове от казны участок усадебной земли. Было известно, что Бальбоа всегда не прочь был повеселиться, поиграть в карты, вследствие чего запутался в своих делах, и теперь серьезно был тесним кредиторами.

— Чем объяснить ваше весьма странное появление на моем корабле, сеньор? — холодно задал ему вопрос Энсисо.

— Я почел за лучшее покинуть местопребывание моих кредиторов, — с беззаботной улыбкой ответил Бальбоа, — а так как я знаю, что капитанам строго запрещено принимать на борт несостоятельных должников, я и решил пробраться к вам тайком, чтобы понапрасну не беспокоить вас неподходящей просьбой.

Энсисо, юрист по образованию и страшный формалист по натуре, пришел в ярость от такой беспардонной развязности. Он считал поступок мо-

лодого идалго совершенно недопустимым и в сердцах приказал Былов высадить Бальбоа на первый же необитаемый островок. Очевидно, суровый законовед полагал вполне допустимым со своей стороны обречь таким способом беглеца на верную смерть среди волн пустынного моря. Однако красноречие самого Бальбоа, а главное — мысль, что он, человек смелый, сильный и решительный, будет очень полезным помощником на новых местах, заставили Энсисо сменить гнев на милость. Ворча и ругаясь, он все же разрешил нарушителю королевских указов остаться на корабле.

За день до прибытия в Сан-Себастьян каравеллы встретили в море бригадину с небольшим числом изголодавшихся, полумертвых людей. Это были жалкие остатки экспедиции Охеды под командой Писарро. Подозрительный Энсисо, немедленно же решив, что это дезертиры, хотел всех их заковать в цепи и предать военному суду. Несчастные с трудом убедили его в правдивости своего рассказа и выразили полное желание вернуться с ним в колонию.

На следующий день, к вечеру, небольшая флотилия достигла Дарьенского залива. Поселение было найдено в самом жалком состоянии. Наскоро построенные домишки уже разрушились, частокол обвалился, ров и валы быстро зарастали густыми тропическими травами. Работы предстояло много, и притом работы по-прежнему очень трудной и опасной, ибо туземцы, бродившие в окрестностях большими отрядами, постоянно грозили нападением. Настроение среди новых переселенцев стало понижаться; вместо ожидаемых раскопок золотых россыпей надо было копать твердую, насквозь прожженную солнцем землю, вместо собирания золотых слитков — таскать камни и бревна, вместо ловли морского жемчуга — рисковать в любую минуту получить в спину отравленную стрелу. Рассказы о перенесенных страданиях тех, кто приехал сюда раньше с Охедой, не могли, конечно, подбодрить остальных, и, несмотря на понукания Энсисо, колонисты работали спустя рукава.

Нарастало общее недовольство, люди роптали, многие уже жалели, что покинули Эспаньолу, мечтали скорее вернуться туда.

Тогда Бальбоа, уже побывавший на этих берегах года за три перед тем с экспедицией Бастиды и Ла Косы, посоветовал избрать новое место для поселения и перебраться на западный берег Дарьенского залива, где, как он знал, индейцы не употребляли отравленных стрел. Почти все приветствовали это разумное предложение, но сам Энсисо не сразу согласился на него по причинам формального характера. Ему было известно, что земли по ту сторону залива (берега Верагуа и Гондураса) были отданы в распоряжение другого конкистадора, Диего Никуэсы, отправившегося колонизировать их несколько позднее Охеды. Впрочем, усилившийся ропот подчиненных, опасение враждебных действий со стороны туземцев

и начавшаяся эпидемия калентуры (тропическая лихорадка) скоро положили конец колебаниям Энсисо. Колонисты переплыли залив, немедленно же напали на прибрежную индейскую деревню и разграбили ее, захватив неплохую добычу в виде золота, съестных припасов и хлопка. Затем, выбрав удобное место около устья реки Атрато, они приступили к постройке нового поселка Санта-Мария-делла-Дарьен.

Однако не Энсисо оказался устройтелем новой колонии. Его авторитет начальника, вследствие его нерешительности и формализма, был уже подорван в глазах колонистов. Вероятно, Энсисо имел свои положительные качества и, несомненно, был человеком очень образованным, впоследствии получившим известность в качестве историка и географа. Но он совершенно не подходил для дела, за которое взялся. Прежде всего он не мог руководить людьми, во главе которых он стоял. Не надо забывать, что испанцы, переселявшиеся тогда в Новый свет, явились продуктом своеобразной исторической обстановки. В VIII столетии арабы завоевали, как известно, почти весь Пиренейский полуостров, и вскоре за этим началось постепенное отвоевание его испанцами. Эта борьба затянулась на многие столетия. Только в XI веке испанцы отвоевали половину своей территории, после чего мавры (как называли арабов туземцы) перешли в положение уже обороняющихся. Медленно, шаг за шагом продвигались испанцы вперед, и в середине XII столетия мавританские ограничивались лишь королевством Гранадой на юге полуострова. В конце XV столетия, в тот знаменательный 1492 год, когда Колумб открыл Новый Свет, мавры уже были окончательно изгнаны из Испании.

В течение этих долгих восьми столетий не проходило почти где без войны между испанцами и маврами. Героическая, многовековая борьба с завоевателями ради национального освобождения безусловно имела свою положительную сторону. Но в данном случае дело имело и свою оборотную сторону. Испанцы, руководимые во всех отраслях своей жизни всемогущим духовенством, вышли из борьбы с иноверцами совершенно нетерпимыми католиками. В их глазах нехристианин или христианин-еретик (что было еще хуже), заслуживал, если он не отказывался от своего, по их мнению, заблуждения, только смерти. Вместе с тем, в то время как в центре и южных областях полуострова мавры развили замечательную промышленную цивилизацию, превосходившую цивилизацию всей средневековой Европы, на севере у испанцев, коренных обитателей страны, благодаря преобладанию военно-феодального класса развитие промышленной и торговой жизни приостановилось. Для испанцев средством приобретения необходимых им жизненных продуктов разного вида являлись тогда главным образом набеги на мусульман, и звание воина сделалось почетным. Так, в обстановке постоянного военного напряже-

ния, подогреваемого к тому же религиозным фанатизмом, выработался тип средневекового испанца, наследственного воина и фанатичного католика. Основным ядром подобных воителей был многочисленных класс идалго, т. е. средних и мелких дворян-землевладельцев, мало радевших о своих поместьях. По мере того, как испанская граница на полуострове продвигалась к югу, мусульманское население, остававшееся на местах, обращалось, обычно силой, в христианство и продолжало по-прежнему заниматься промыслами и земледелием. Испанцы с презрением смотрели на этих морисков-выкрестов. Всякое ремесло — ткачество, прядение, обработка земли — считалось среди испанцев — идалго и крестьян-солдат — занятием, приличным только побежденным. Испанец, победитель и «настоящий христианин», полагал своим неоспоримым правом присваивать себе плоды чужого труда, а сам занимался исключительно «благородным делом» — войной.

Но в последнее десятилетие XV столетий война с маврами кончилась, и они ушли в Северную Африку. В объединенной Испании сразу же масса людей осталась без всякого дела. У себя дома теперь им некого было больше убивать на законном основании, не у кого было отнимать в качестве надменных победителей имущество, нажитое повседневным трудом. Куда же, спрашивается, было деваться всем этим профессионалам, воинам-идалго и простым солдатам, не только не привыкшим к труду, но и презиравшим его? К чему могли они приложить на родине свои недюжинные силы, настойчиво требовавшие выхода? Это был очень серьезный вопрос, чреватый большими осложнениями в будущем; но тут как раз произошло открытие Нового Света, а немного спустя и проложение морского пути в Индию. Открылись новые миры, умственный горизонт людей, даже самых заурядных, сильно расширился, и современники этих великих событий были охвачены лихорадочной страстью к далеким странствиям и похождениям, сулившим легкую наживу. Тогда многие вполне серьезно верили, что в заокеанских странах драгоценные самоцветы и благородные металлы лежат чуть ли не прямо на земле, что и на самом деле существует какое-то *Эльдорадо*, т. е. «страна золота», и надо только, презирая опасности, найти ее. Там, за морем, судя по рассказам, можно было увидеть неслыханные чудеса, несказанно разбогатеть в несколько месяцев, можно было, уехав с родины голяком, вернуться на собственном судне, до отказа груженном сокровищами; из простого, известного солдата при удаче можно было превратиться в гордого идалго. Людьми той эпохи овладели фантастические представления, настоящее опьянение снами наяву. Тысячи испанцев потянулись тогда в Вест-Индию, туда, где солнце заходит, где морские берега покрыты золотым песком и жемчужными раковинами. С такими мыслями и надеждами

становились испанцы прежних времен у руля своих каравелл, смело проникали в первобытные леса и болота, зараженные смертоносной лихорадкой, взбирались на головокружительные высоты американских гор.

Если вначале за океан отправлялись преимущественно простые моряки и отчаянные сорвиголовы, которым уже нечего было терять дома, то несколько позднее туда двинулись представители дворянства. Эти «безработные» идалго, с пустым карманом и отцовским мечом при бедре, ехали туда с определенной целью захватить чужие земли лишь для того, чтобы награть золота, приобрести рабов и, разбогатевав, с триумфом возвратиться на родину. К воинственным идалго во множестве примыкали всевозможные авантюристы и неудачники из других классов общества; люди, окончательно прожившиеся, люди, имевшиеся люди, уже выброшенные за борт общественной жизни. Весьма свободная и притом достаточно буйная компания. Одни из них были высокомерны и в качестве дворян требовали к себе особого уважения, другие, не претендуя на почет, желали, чтобы с ними считались как с воинами, хотя сплошь и рядом они в действительности были беглыми преступниками. И все они, вместе взятые, в один голос требовали золота, золота, золота!..

Управлять подобными людьми было делом нелегким. Надо было уметь одних ублажить обещанием будущих, несомненно уже близким благ, других вовремя осадить, серьезно припугнуть, а в случае чего повесить или расстрелять. Коротко говоря, чтобы успешно начальствовать над скопищем своевольных искателей приключений, требовался такой человек, каким был, например, тот же Охеда и какими потом показали себя Кортес и Писарро. А хмурый Энсисо был, по меткому определению его подчиненных, «канцелярским крючком». Голова его была набита выдержками из законов, а в походном сундуке лежали объемистые тома разных кодексов, кипы бумаг, гусиные перья и склянки с чернилами. Прежде чем действовать, он начинал «юридически» размышлять; потом, ссылаясь на то или другое официальное постановление, не соглашался на предложенное ему; затем, вынуждаемый обстоятельствами, уступал, с тем чтобы тут же приостановить свое распоряжение, ибо, — заявлял он, — такой-то параграф гласит то-то и то-то; потом он опять уступал, и так без конца. Человек методичный, он желал, чтобы сперва основательно было устроено новое поселение, земля размежевана на участки, кому что полагается по закону, составлены обо всем акты, засвидетельствованные должным порядком, для отправки на Эспаньолу королевскому нотариусу.

Все это, вполне вероятно, возмущало людей, жаждавших настоящего, как они это понимали, дела и добычи; людей, переплывших необозримый океан и сражавшихся с дикарями не для того, чтобы выслушивать длинные лекции по законоведению. Когда Энсисо пробовал ссылаться на королевские статуты, ему вполне резонно отвечали:

— Хорошо королю и его советникам, сидя во дворце, издавать подобные постановления. Пусть они сами пожарятся в этом пекле, покушают ящериц вместо жирной баранины, — посмотрим, как они тогда станут рассуждать.

Когда Энсисо грозил, что королевский нотариус обязательно потребует отчета в том или ином действии, его не слушали или просто смеялись ему в лицо. И по-своему вполне были правы: людям, рисковавшим ежечасно умереть от солнечного удара, быть укушенными ядовитой змеей или убитыми индейской стрелой, такие угрозы действительно должны были казаться смехотворными. А раз уж дело дошло до подобных реплик и открытых насмешек — дисциплине пришел конец. К тому же, малообщительный Энсисо, отличавшийся знанием законов, не знал ни страны, ни своих подчиненных и не имел надежных сторонников, способных оказать ему поддержку в критический момент.

Глава III

О том, как Васко Бальбоа, сделавшись губернатором колонии, открыл Южное море

Среди колонистов начались совещания, во время которых выяснилась, между прочим, широкая популярность Бальбоа. К чести его следует заметить, что сам он ничего преднамеренно не делал для этого и отнюдь не интриговал против своего начальника. Он только плыл по течению. Его популярность явилась естественным следствием его личных качеств: открытого характера, обходительности, отваги, решимости, умения найтись в трудных обстоятельствах. Все, например, восхищались, каким остроумным и смелым способом улизнул Бальбоа из когтей своих заимодавцев. Кроме того импонировало его знание тамошних мест, почти для всех совершенно незнакомых. Колонисты, нисколько не стесняясь, открыто говорили о необходимости отстранить от командования Энсисо и выбрать себе нового начальника. Многие указывали на Бальбоа, но большинство считало более правильным сперва официально передать власть Никуэзе, в пределах губернаторства которого находилась колония. До его прибытия, — говорили они, — управление следовало поручить Бальбоа. Такое мнение одержало верх. Отдельные совещания закончились общей сходимостью, на которой было постановлено низложить Энсисо. Он, разумеется, энергично протестовал против подобного беззакония, требовал составления официального акта с подробным изложением всех обстоятельств и причин его низложения. Энсисо вел себя настолько беспокойно, что Бальбоа пришлось подвергнуть его аресту. Немного спустя его освободили под тем условием, чтобы он оставил колонию навсегда. «Кан-

целярский крючок» уехал, затаив жажду мести против дерзкого авантюриста, которого он, к своему сожалению, не выбросил вовремя за борт. Будь Бальбоа человеком иного склада, вроде, например, своего тогдашнего подчиненного Писарро, он, вероятно, поступил бы иначе и конечно сумел бы в тех глухих местах раз навсегда отделаться от «ученого юриста». Но Бальбоа не был жестоким человеком, питал отвращение к убийству из-за угла и отпустил соперника с миром, тем самым уже подготовив до некоторой степени свою собственную гибель.

Вообще положение Бальбоа было очень щекотливым.

Правда, междоусобицы среди колонистов, захват власти и столкновения начальников во время экспедиции были тогда нередким явлением, сопровождавшимся подчас серьезным кровопролитием. Но верховное правительство Испании смотрело на это очень строго, присылало в Вест-Индию для разбора подобных случаев особых судей, зачастую выносивших виновным смертные приговоры. Бальбоа, беглый должник и мятежник поневоле, прекрасно знал все это и понимал, что ему надо совершить нечто выдающееся, чтобы заглядеть в глазах короля свои правонарушения. Случай пришел ему на помощь.

Вскоре после отъезда Энсисо в поселок явились два испанцы. Отбившись как-то от своих, они заблудились в густых лесах гористой страны и, вероятно, стали бы жертвой голода или диких зверей, если бы не попали счастливо в большую деревню богатого кацика (вождя племени) Карэта, радушно приютившего их. Вернувшись в поселок, они поведали Бальбоа о золоте, виденном ими у кацика, которого советовали не оставлять на свободе. Бальбоа не стал мешкать и через несколько дней с вооруженным отрядом уже захватил в плен кацика со всем его семейством.

— Белый вождь, — сказал кацик, — какое зло сделал я тебе, что ты так враждебно поступаешь со мною и моими близкими? Разве я вышел против тебя с копьем в руках? Или разве я отказал в убежище и помощи твоим людям, когда они просили у меня пристанища? Освободи меня и мое семейство. Станем жить в мире и согласии. Мы будем доставлять тебе пищу и укажем тебе сокровища нашей страны. Ты сомневаешься в моих словах? Смотри, вот моя дочь, возьми ее себе в жены в залог моей верности тебе.

Дальновидный Бальбоа, сознававший, что лучше иметь среди туземцев друзей, нежели врагов, охотно пошел на предложение кацика. Возможно, что известную роль сыграла тут и красота молодой индианки, на которой Бальбоа женился с соблюдением местных обрядов.

Получив от индейцев золото, Бальбоа при содействии новых союзников продолжал исследовать страну. После нескольких небольших экскурсий он с немногими спутниками достиг владений могущественного

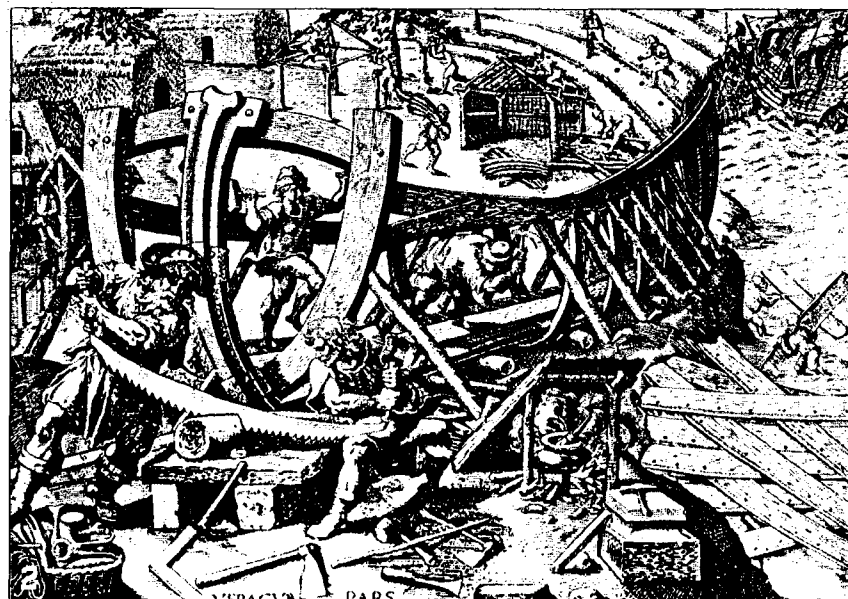
качика Комогра. Последний, узнав о приходе белых людей в его владения, миролюбиво вышел им навстречу и с торжественными церемониями провел их в свою резиденцию. Испанцы были поражены видом и размерами этого поселения. До сих пор в своих экспедициях они встречали только деревни, иногда очень обширные, здесь же они увидели настоящий городок. В центре его стоял большой, каменной постройки дворец качика, обнесенный каменной стеною. Потолки и полы этого здания были из прекрасно отделанного дорогого дерева; многочисленные комнаты полны разными предметами; погреба, кладовые и житницы ломились от всевозможных съестных припасов (маиса, сушеной рыбы, фруктов), хлопка и готовых тканей туземной выделки. Качик показал также своим гостям особое помещение, называвшееся «комнатой мертвых». Вдоль ее стен в строгом порядке висели высушенные мумии предков качика, одетые в бумажные ткани, украшенные золотыми пластинками и драгоценными камнями. Испанцам казалось, что они достигли наконец пышной азиатской цивилизации, что, может быть, Колумб был прав, утверждая, что открытые им земли лежат уже в пределах Восточного Китая.

Богатству дворца Комогра соответствовали и подарки, поднесенные им испанцам. Он подарил им семьдесят рабов и много золота в виде разных изделий. Туземцы были очень удивлены, когда испанцы, превратив золото в слитки, стали взвешивать их на весах. Еще в большее изумление пришли они, когда конкистадоры при дележке слитков начали ссориться. Сами индейцы не пользовались золотом как орудием обмена и, не придавая ему никакой цены, делали из него блестящие безделушки.

— Бледнолицые люди, — вмешался в спор пришельцев старший сын качика, — к чему такой шум из-за таких пустяков! Если вы так высоко цените эти изделия, то лучше всего будет отправиться вам в страну, где золота хватит на всех. Там, за горами, в шести днях пути, расстилается великое море, а еще дальше, — он указал к югу, — на берегу этого моря находится страна Биру, где золота так много, что люди выделывают из него домашнюю посуду.

Это было первое известие, услышанное европейцами о новом океане и об империи Инков. Нетрудно представить себе, какое впечатление произвело оно на испанцев. Итак, значит, таинственное Эльдorado действительно существует! А может быть, это и есть Квинсей¹, в котором, по словам Марко Поло, имеются здания с кровлями, дверьми и полами из настоящего золота?! Дух захватывало, голова шла кругом при мысли о таких блестящих открытиях. Но времени нельзя было терять, надлежало как можно скорее достичь «страны золота», пока кто-нибудь другой

¹ Большой город в Восточном Китае, современный Ханькоу.

Никуэса перестраивает свою каравеллу в Верагуа

не опередил их, и Бальбоа поспешил вернуться в Санта-Марию, чтобы подготовиться к большому походу.

Тут в жизни колонии произошло новое происшествие, связанное с прибытием конкистадора Никуэсы. Окольным путем, через Эспаньолу, Никуэса получил известие об устройстве новой колонии и о том, что его приглашают приехать туда. Уведомил его об этом друг Кольменарес, доставивший ему продовольствие. История экспедиции Никуэсы — это страшный рассказ о голоде и мятеже. Из отправившихся с ним в поход семисот человек осталось не более семидесяти. Остальные умерли от голода, от болезней или погибли в боях с туземцами и в столкновениях друг с другом. Уцелевшие заперлись в небольшом блокгаузе, страшась, что не сегодня, так завтра попадут на вертел людоедов. Кольменарес сообщает, что на высохшего от долгой голодовки и сплошь покрытого грязью и паразитами Никуэсу страшно было даже взглянуть. «Я не меньше жалел бы и его соратников, — замечает Кольменарес, — если бы нашел их уже мертвыми».

Когда эти живые трупы оправились настолько, что могли двигаться, все они во главе с Никуэсой отплыли на двух каравеллах к Дарьенскому заливу. Однако, несмотря на только что пережитые ужасы, сам Никуэса, лишь чудом избежавший смерти, не мог равнодушно думать о золоте, из-за которого он чуть было не погиб.

— Все золото, найденное в пределах моей провинции, — категорически заявил Никуэса, — принадлежит по закону мне. Я потребую его возвращения полностью, и горе тому, кто вздумает утаить хоть одну крупинку. Я сумею ее достать, даже если ее проглотят.

Такие необдуманные речи погубили неукротимого золотоискателя. Одна из его каравелл приплыла в Санта-Марио на день раньше, и кто-то успел разгласить о намерениях нового начальника. Вследствие этого Никуэсе с оставшимися ему верными людьми не было разрешено высадиться на берег. Бальбоа, не противясь общему решению не принимать Никуэсу, старался сделать все возможное, чтобы спасти ему жизнь. Но его усилия были тщетны: колонисты заставили Никуэсу в бурный день снова отплыть в море, и с тех пор о нем больше ничего не было слышно.

Это событие еще больше осложнило и без того сомнительное положение Бальбоа. За недолгий срок существования небольшой колонии это был уже второй случай смуты и свержения законного начальства; и всякий раз от такого происшествия выигрывал Васко Нуньес Бальбоа, в руки которого теперь фактически перешла власть над всей Дарьенской областью. Он был даже признан Диего Колумбом¹ в звании правителя материкового побережья, но это не особенно порадовало его. Вскоре пришло известие из Испании, что против Бальбоа уже начало, по проискам Энсисо, судебное преследование. Атмосфера сгустилась, надо было торопиться перейти горы в указанном туземцами направлении. «Если мне удастся открыть Эльдorado, — размышлял Бальбоа, — я сделаю не меньше Колумба и Васко да Гамы, и тогда все мои провинности конечно будут преданы забвению». Рискованно было дожидаться подкрепления с Эспаньолы: та самая каравелла, на которой приплыли бы солдаты, могла привезти и указ об аресте Бальбоа. Итак, медлить больше не приходилось, и в сентябре 1513 года Бальбоа выступил в свой знаменитый поход. С ним было около двухсот испанцев из числа наиболее сильных и смелых авантюристов, шестьсот индейцев в качестве проводников-носильщиков и свора огромных собак-ищеек.

Дарьенский перешеек (иначе обычно называемый Панамским) имеет в ширину там, где его предстояло пересечь Бальбоа с товарищами, не более пятидесяти километров². Но он на всем своем протяжении перере-

¹ Сын Христофора Колумба, назначенный в 1511 году адмиралом в вице-королев Вест-Индии.

² За десять лет перед этим Колумб, в свое последнее путешествие высадившись в этих же местах, настолько уже зашел в глубь страны, что через несколько переходов, очевидно, открыл бы новый океан. Но, будучи твердо уверен, что находится в пределах Восточной Азии, он занялся отысканием золотых россыпей и тем самым пропустил случай завершить свое великое открытие.

зан высокими горами, подножия которых поросли густой тропической растительностью, в те дни еще не тронутой топором дровосека. Благодаря этому испанцы вынуждены были зигзагообразным путем продираться через такие дебри вековых лесов, что иногда они целыми днями не видели ни клочка неба и шли как бы в сумерках. В панцирях, с тяжелыми щитами и аркебузами в руках, они должны были переходить затянутые обманчиво травой болота, потом взбираться на крутые утесы, переплывать на утлых плотках быстрые горные речки.

Нередко приходилось им долгими часами прорубать себе дорогу сквозь чащу лиан, обвивавших ноги, словно огромные змеи. К этим препятствиям надо еще прибавить москитов, буквально заедавших людей, и наконец, когда испанцы вступили на территорию кацика Квареква, сопротивление его воинственных подданных. Целое войско индейцев, вооруженных копьями и стрелами, решительно заступило дорогу небольшому отряду Бальбоа. Впрочем, до рукопашной дело все же не дошло; достаточно было двух-трех залпов, чтобы туземцы в паническом ужасе бежали от грозных пришельцев, в руках которых были «гром и молния». Одна пуля убивала или ранила только одного человека, но звук выстрела, дым и огонь из ружейного ствола обращали в бегство два-три десятка.

Захватив нескольких индейцев, Бальбоа ласковым обращением сумел приобрести их доверие и использовал как проводников. Вообще, если бы не содействие союзных и чужих индейцев, едва ли Бальбоа благополучно достиг цели своей экспедиции. Стоило только проводникам изменить белым людям, и они, заплутавшись в незнакомых трющобах, вероятно, все погибли бы. Но индейцы остались верны Васко Бальбоа, никогда вне боя не чинившему над ними насилий, и на двадцатый день пути испанцы услышали от проводников, что только одна гора отделяет их от «великого моря». Узнав об этом, Бальбоа, несмотря на усталость, не замедлил взойти на гребень горы и первым из европейцев увидел перед собой за лесной долиной бескрайнее лазурное море. Это и был Великий или Тихий океан, величайшее водноеместилище на земном шаре.

Спутники Бальбоа последовали за своим вождем. Картина, открывшаяся перед ними, произвела на них настолько сильное впечатление, что они совершенно забыли о перенесенных ими лишениях. Со слезами радости упав на колени, они клялись Бальбоа быть ему верными до конца похода, как бы далеко ни пришлось им еще идти. В память великого события Бальбоа приказал соорудить на вершине горы большую пирамиду из камней, увенчанную крестом. Затем был составлен документ с изложением всех обстоятельств похода совершенного открытия.

На следующее утро испанцы двинулись дальше. На своем пути они не встретили боше препятствий со стороны туземцев, но горный путь все

еще был нелегко, и только на третий день конкистадоры достигли наконец побережья нового океана. Здесь, около устья реки, был разбит лагерь, после чего Бальбоа, в полном вооружении, с развернутым знаменем Кастилии и обнаженным мечом и руками, вошел по колени в океанские воды и громким голосом произнес торжественную формулу, которой объявил, что он «во имя королей Кастилии, Леона и Арагона вступает во владение всеми южными морями¹, землями, берегами, гаванями и островами, со всем тем, что на них находится, городами и царствами, когда бы они ни были основаны — в прошлом, настоящем и будущем». Потом, пригласив своих спутников быть свидетелями того, что он законным образом вступил во владение новой страной, Бальбоа взял с испанцев клятву в том, что они обязуются «щитом и мечом» охранять новое владение испанской короны. Принесши установленную присягу, все конкистадоры, один за другим, вошли в воду, и каждый, зачерпнув ее в пригоршню, отведал, чтобы убедиться, что вода вновь открытого океана так же солон, как и вода Атлантики. После этого на трех прибрежных деревьях, до которых морские волны не доходили во время прилива, вырезали кресты и другие символические знаки, в доказательство того, что новооткрытые области принадлежат отныне испанцам. Индейцы с суеверным страхом взирали на подобные действия конкистадоров. Им казалось, что бледнолицые люди совершают какие-то ритуальные заклинания, которыми передают во власть своих грозных богов все, чем они собираются впредь завладеть.

Так совершилось присоединение колоссального океана, занимающего чуть не половину нашей планеты, к владениям Испании, размеры которой всего лишь в два раза превышают площадь Больших Антильских островов.

Глава IV

О новом губернаторе Педрариасе и гибели Васко Бальбоа, намеревавшегося открыть «золотое царство»

— Сеньоры! Сеньоры! — громко кричал из лодки молодой испанец. — Обратите на меня внимание и запомните хорошенько: я первый плаваю по Южному морю!

Товарищи, отвечавшие ему с берега веселыми приветствиями, передали потомству имя этого шутника. Алонсо Мартин — вот имя того ев-

¹ Испанцы пришли к Великому океану в направлении с севера на юг, в связи с чем Бальбоа и дал новооткрытым водам название Южного моря, очень долго державшееся за ними.

ропейца, который, действительно, первый разрезал, правда всего лишь носом челнока, волны Великого океана.

Отряд Бальбоа двигался в это время вдоль залива, названного им Сан-Мигель. Проворный Алонсо, заметив в тростнике индейскую пирогу, живо спустил ее на воду и, изо всех сил работая веслом, со смехом объявил себя адмиралом нового флота. Шутливая выходка Алонсо имела и свой практический результат. Бальбоа распорядился тщательно обыскать заросли прибрежных кустов, в чаще которых не без труда нашли пять-шесть больших пирог, способных поднять несколько десятков человек. На этой небольшой флотилии Бальбоа с шестьюдесятью товарищами проплыл часть моря и обогнул северный мыс залива. Местность за ним принадлежала кацiku Тумако. Осторожно высадившись на сушу, испанцы глубокой ночью внезапно напали на резиденцию кацика и быстро сломили сопротивление туземцев. Но, одержав эту легкую победу, Бальбоа, с присущим ему дипломатическим тактом, сумел установить с побежденными самые дружественные отношения.

У этих индейцев испанцы, кроме золота, открыли еще и другую драгоценность — жемчуг. Осматривая как-то челноки самого кацика, Бальбоа с удивлением увидел, что не только нос и корма, но даже весла этих пирог украшены огромными жемчужинами. Из расспросов выяснилось, что в тех местах добывалось великое множество жемчуга, которому, равно как и золоту, сами туземцы не придавали должной цены. По их рассказам, неподалеку находился большой остров, на побережье которого жемчуга было не меньше, чем камушков. К этому они прибавили, что остров принадлежит очень воинственному и сильному кацiku, часто тревожащему своих соседей нападениями. Воинственность кацика, разумеется, не могла остановить испанцев: там, где дело шло о золоте и других драгоценностях, конкистадоров не испугал бы и сам сатана, а не то что какой-то индейский вождь.

Бальбоа решил лично отправиться на удивительный остров, который он уже заранее окрестил именем «Острова сокровищ». Но этому помешало время года; наступил период равноденственных бурь, и фактически невозможно было, даже таким отважным морякам, как испанцы, выйти в открытое море на утлых индейских челноках. Впрочем, и во владениях самого Тумако жемчуга было достаточно. На берегу и на прибрежных островках испанцы во время отлива находили целые поля драгоценные раковин. Кацик Тумако подтвердил также и слухи о богатом царстве Биру к югу от его владений. Он показал, между прочим, Бальбоа, слепленную им тут же глиняную фигурку какого-то весьма странного животного, полуовцы, полуверблюда, водящегося в Биру. Это было примитивное изображение ламы, полезнейшего в мире животного, о котором европейцы не имели до тех пор ни малейшего представления.

При этом разговоре, происходившем на открытой площадке, с которой открывался далекий вид на пенящийся океан, присутствовал и Франсиско Писарро, один из самых неустрашимых и выносливых соратников Бальбоа. Высокий, худощавый, бородатый человек, всегда несколько замкнутый, стоял он теперь немного в стороне с рукой на эфесе тяжелой шпаги. Его глаза под насупленными бровями не отрывались от морской дали, ноздри орлиного носа раздувались; казалось, Писарро уже вдыхал в себя жестокий аромат желтого металла. Но много еще протекло лет, много произошло других важных событий, прежде чем Франсиско Писарро утолил свою жажду золота, буквально по локоть окунув свои обгоревшие кровью руки в груды перуанских сокровищ.

Сам Бальбоа мог быть тогда доволен результатами своего опасного похода. Он открыл «Великое море», гигантских размеров которого он, разумеется, и не подозревал, но наличие которого подтвердило правильность теории Веспуччи. Вместе с этим он окончательно убедился, что «золотое царство» действительно существует и что сам он, Бальбоа, уже стоял в его преддверии; наконец возвращался он далеко не с пустыми руками, а с хорошей добычей. Но пока что нечего было и думать немедленно же отправиться на поиски золотоносного Биру. Нельзя было пытаться плыть в неведомую даль по водам неисследованного моря на туземных пирогах; для этого требовались настоящие корабли. Да и вообще следовало подготовиться к такому важному предприятию как можно основательнее со всех сторон.

Обратный путь испанцев, шедший несколько в ином направлении, сопровождался кровопролитными стычками с индейскими племенами. Но всякий раз, несмотря на свою малочисленность, испанцы, благодаря хладнокровию своего предводителя и преимуществу своего вооружения, оставались победителями. После свыше чем трехмесячного отсутствия, усталые, сильно потрепанные в боях, но воодушевленные достигнутым успехом, участники славной экспедиции в январе 1514 года с торжеством вступили в Санта-Марию, где уже начинали сомневаться в их возвращении.

Немного отдохнув, Бальбоа занялся снаряжением каравеллы и на ней отправил в Испанию верного человека с подробным донесением об уже сделанных и предполагаемых в дальнейшем открытиях. Вместе с донесением он послал и так называемую «королевскую долю», т. е. пятую часть всей захваченной им добычи. В данном случае она состояла из 20 тысяч кастильянов золота (примерно 250—300 тысяч золотых рублей) и 300 отборных жемчужин. Это было гораздо солиднее добычи Христофора Колумба, привезшего из своего первого плавания пригоршни две-три золота, кожу большой ящерицы, перья птиц, образцы хлопка и разные

растения, которые сам он не совсем уверенно называл пряностями. «Королевская доля», отправленная Бальбоа, несколько напоминала те дары, которые португальцы уже привозили своему монарху из далеких морей Восточной Индии. По-видимому, конкистадор, открывший новый океан, мог смело рассчитывать, что теперь король посмотрит сквозь пальцы на прошлое и утвердит его в звании своего наместника. В надежде на это Бальбоа стал усиленно готовиться к новой большой экспедиции.

Но надежды смелого конкистадора не оправдались. Было уже слишком поздно для того, чтобы его подвиги имели те последствия, на которые он справедливо рассчитывал. Слух о «золотом царстве», изобилующем всевозможными богатствами, о котором впервые поведал испанцам сын кацика Комогра, достиг еще до сообщения об этом самого Бальбоа Испании и произвел там огромное впечатление. По времени это совпало, между прочим, с тем, что король в тот год распустил свою армию, собранную было для войны с французами на территории Италии. Опять, как это было после сдачи маврами Гранады, значительная часть военного дворянства осталась без «работы». Эти кабальеры, особенно кто помоложе, с величайшим удовольствием готовы были отправиться за Атлантический океан, чтобы поискать славы, добычи и приключений в Западной Индии, стране разных чудес.

Быстро снарядили эскадру, на которой отплыло сразу полторы тысячи военного люда. Адмиралом этой эскадры и наместником «Золотой Кастилии», как стали называть тогда Дарьенский перешеек, был назначен придворный Педро Ариас де Авила, обычно сокращено называвшийся Педрариас. Крепкий семидесятилетний старик, коварный, безжалостный человек с холодными зелеными глазами, он был одним из тех двуногих тигров, которые своей кровожадностью¹ опозорили испанское имя в Новом Свете.

Прибыв в Санта-Марию, Педрариас через адъютанта вывал к себе Бальбоа. Губернаторский посланец был изумлен, найдя человека, пришедшего к нему столько золота и великолепных жемчужин, в самой скромной обстановке, без малейшего намека на какую-либо роскошь. Было решено, что осторожный конкистадор припрятал в укромное местечко награбленные им сокровища. При личном свидании Педрариас вручил Бальбоа королевский указ об его отставке. Протестовать было бесполезно, и Бальбоа молча повиновался. Затем началось переустрой-

¹ Историк Овьеда, современник и сослуживец Педрариаса, считал, что он за время своего управления загубил два миллиона людей (разумеется, главным образом туземцев). Хотя эта цифра сильно преувеличена, все же действительное число жертв несомненно достигало нескольких десятков тысяч.

ство колонии. Деревня, состоявшая из примитивных построек, стала превращаться в «кафедральный город», ибо с Педрариасом приехал епископ Хуан де Кеведо, вскоре освятивший новый собор. Начали размежевывать земли, отводя участки сообразно чину и рангу. Появилось новое начальство. Главным инспектором колонии был назначен Гонсальво де Овьедо, впоследствии историк, главным алькадом (судьей) — Гаспаро де Эспиноса. Бывший командир Бальбоа, хмурый Энсисо, вернулся в качестве старшего альгасила (начальника полиции). «Канцелярский крючок», превратившийся теперь в «полицейского крючка», начал свою полезную деятельность с того, что арестовал Бальбоа и предал его суду на основании целого ряда обвинений. Он уже заранее торжествовал, будучи уверен, что расквитался со своим недругом. Но торжество его было несколько преждевременным. Громкий подвиг Бальбоа, все-таки снискавший ему расположение в придворных кругах, защита преданных друзей и популярность среди колонистов привели к тому, что Бальбоа был оправдан и освобожден от ареста. Однако он был совершенно отстранен от дела управления.

Впрочем, хотя Педрариас весьма опасался соперничества Бальбоа, он, благодаря вмешательству епископа, все же не решился запретить отважному исследователю готовиться к экспедиции в Южное море. Бальбоа держался в стороне от властей, всячески стараясь избегать столкновений с новым губернатором. Но политика последнего в отношении индейских племен была политикой сплошного грабежа и убийств, ничем не оправдываемых. К тому же и сам Педрариас и офицеры, выбираемые им, были бездарными вояками, не раз терпевшими серьезные поражения от туземцев, сильно осмелевших. Бальбоа не выдержал. Он отправил королю официальное донесение, указывая, что своими неудачными действиями Педрариас колеблет военный престиж испанцев и совершенно бессмысленно озлобляет индейцев, с которыми вполне можно ладить и без постоянного применения грубой силы.

Кое-кто в колонии проникнул об этом письме, и натянутые отношения между Бальбоа и Педрариасом грозили перейти в открытое столкновение. Тогда епископ Кеведо, всегда очень дружески относившийся к Бальбоа, задумал примирить его с Педрариасом. Он предложил им следующий компромисс: Бальбоа (кстати сказать, считавшийся в колонии очень выгодным женихом) должен был жениться на дочери Педрариаса, а тот в свою очередь обязывался всемерно способствовать скорейшему осуществлению задуманной Бальбоа экспедиции. Педрариас от души приветствовал такой план — Бальбоа в качестве зятя казался ему не опасен. Что же касается того, что Бальбоа был уже женат на индианке, то все, начиная с почтенного епископа, считали этот брак недействительным. Однако сам

Бальбоа был на этот счет иного мнения, не говоря уже о том, что он очень любил свою цветную кожу, подружку жизни, отвечавшую ему самой горячей взаимностью. Но так как особа, предложенная Бальбоа в супруги, проживала в далекой Испании и могла приехать еще не так-то скоро, Бальбоа сделал вид, что он согласен. Ведь главным тогда для него было выиграть время, отправиться в экспедицию, открыть «страну золота», а там можно было заговорить уже другим тоном и послать ко всем чертям старого негодяя с его брачными претензиями.

Руководясь, по-видимому, такими соображениями, Бальбоа принял предложенные ему условия, после чего уехал в Аклу, недавно устроенную гавань на атлантической стороне Дарьенского перешейка. Здесь началась страшно трудная и медленная работа. Надлежало разобрать на части несколько кораблей, в таком виде перенести их через горы на западную сторону перешейка, там снова собрать и спустить на воду. От невероятных трудностей этого предприятия погибло, как передавали, не менее двух тысяч человек. Под конец совсем было свалился с ног и сам Бальбоа, который в данном случае являлся не только главным руководителем сложных работ. По показаниям современников, он нисколько не щадил своих сил: во всякое время дня и ночи он был впереди всех, все делал сам, везде помогал, поощряя измученных людей своим личным примером. После нескольких месяцев убийственной работы четыре первых европейских корабля с хорошо подобранным экипажем в триста человек готовы были поставить паруса и поднять якорь в водах южных морей. Не хватало только про запас немного смолы и железа, чтобы все было в образцовом порядке. На месте этих материалов не оказалось, и Бальбоа решил послать за ними в Аклу.

Эта отсрочка надолго приостановила дело открытия «золотого царства» и погубила самого Бальбоа.

Тихим темным вечером, когда спал изнуряющий тропический зной, Бальбоа с несколькими друзьями сидел на веранде дома, служившего ему главной квартирой, пока шла постройка кораблей. Собравшиеся обсуждали очень важный для них вопрос: прошел слух, что король смещает Педрариаса и назначает кого-то другого дарьенским наместником. Отставка Педрариаса на этот раз не улыбалась Бальбоа. С «зеленоглазым стариком» в конечном счете удалось все же сговориться, новый же наместник, кто его знает, мог и запретить экспедицию. Было решено, в случае, если слух подтвердится, немедленно же отплыть без нужных материалов и даже вопреки запрещению, если такое последует. Во всем этом разговоре не было и намека на измену в отношении королевского наместника или чего-либо действительно преступного. Но кто-то другой понял это совсем иначе. В то время как Бальбоа и его друзья спокойно беседо-

вали, набежала туча, пошел дождь, и часовой, стоявший около дома, спрятался под верандой. Из отрывочных фраз, услышанных им под шум падающего дождя, он вывел заключение, что Бальбоа намерен отказаться от повиновения Педрариасу и устроить для себя новое губернаторство.

Побуждаемый страхом перед высшим начальством, а может быть и желанием выслужиться, солдат не стал таить про себя подслушанного, и ложное сообщение дошло, между прочим, до человека, имевшего, как он полагал, основание опасаться и ненавидеть Бальбоа. Это был некий Андрес Гаравито, великий поклонник женского пола. Влюбившись в индианку, жену Бальбоа, он стал преследовать ее своими ухаживаниями, о чем ею было сообщено мужу. Последний дал жестокую головомойку неудачливому ухажеру и посоветовал ему впредь быть поосторожнее. Гаравито, видимо большой трус в душе, понял это так, будто Бальбоа собирается расправиться с ним во время экспедиции. В действительности же отходчивый Бальбоа, постоянно к тому же занятый ответственным делом, скоро позабыл об этом неприятном инциденте. Но Гаравито ничего не забыл и мечтал обезопасить себя от воображаемой мести со стороны Бальбоа. Случилось так, что в это время его послали с каким-то поручением в Аклу. Он воспользовался таким удобным случаем и официально донес Педрариасу, что Бальбоа вовсе не намерен жениться на его дочери, так как безумно любит свою индианку, и кроме того собирается, открыв Эльдорадо и награбив золота, низложить Педрариаса, а самого себя провозгласить вице-королем Вест-Индии.

Страх и бешенство Педрариаса, с полным доверием выслушавшего этот подлый донос, не поддаются описанию. Жестокий, вероломный старик решил, что надлежит, не откладывая дела в долгий ящик, раз и навсегда покончить все счета с Бальбоа. Под предлогом необходимости посоветоваться с ним о некоторых важных обстоятельствах, касающихся экспедиции, он дружеским письмом пригласил Бальбоа приехать в Аклу. Ничего не подозревавший Бальбоа тотчас же отправился.

Бальбоа ехал на свидание с Педрариасом совершенно спокойно, не предполагая, что дни его уже сочтены. Когда он подъезжал к Акле, его остановил отряд солдат под командой Франсиско Писарро. Последний, предъявив королевский указ об аресте Бальбоа, надел на него цепи. Бальбоа не оказал ни малейшего сопротивления.

— Неужели это ты, Франсиско? Обыкновенно ты не так встречал меня, — вот все, что он сказал своему старому боевому товарищу.

— Я исполняю волю короля и его наместника, — ответил никогда и ничем не смущавшийся Писарро, прямо глядя в глаза Бальбоа.

Подвергнутый допросу, Бальбоа заявил своим обвинителям, что если бы он действительно задумывал измену и мятеж, то не явился бы по

первому призыву королевского наместника. Но всякие оправдания были ни к чему, так как решение было составлено уже заранее. Малодушные судьи, опасаясь мести со стороны всемогущего Педрариаса, признали Бальбоа виновным в мятеже и потому заслуживающим смертной казни. Впрочем, вынеся для проформы такой приговор, они тут же единодушно подали ходатайство о помиловании.

— Если он виновен в изменнических замыслах против его величества, пусть умрет, — с дьявольской усмешкой ответил Педрариас и утвердил приговор. Последний был приведен в исполнение в тот же день.

Незадолго до заката солнца Бальбоа вывели на смертную казнь. Колонисты с мрачным недоумением смотрели на печальный corteж. Впереди шел глашатай, громко выкрикивая:

— По указу нашего все милостивейшего короля и его полномочного наместника дона Педро Ариаса де Авила сейчас исполнится казнь над изменником королю и захватчиком королевских прав.

— Это ложь! — с негодованием воскликнул Бальбоа. — Никогда мне и на мысль не приходило такое низкое преступление! Я всегда честно служил королю и родине.

Как бы в подтверждение справедливости этих слов офицер, конвоировавший Бальбоа, молча обнажил голову.

Твердой поступью, подобно тому как он некогда первым всходил на крутизны Дарьенских гор, взошел теперь Бальбоа на эшафот. С улыбкой, полной достоинства, он отказался надеть на глазах повязку и потребовал, чтобы в последнюю минуту с него были сняты позорные оковы. Экзекутор суда¹ на свой страх исполнил его последнее желание, и свободный Бальбоа опустился на колени перед плахой. В следующий момент его голова от одного верного удара слетела с плеч. Все симпатии палача, подневольного исполнителя чужой воли, были на стороне Бальбоа, и он, собрав все силы и хладнокровие, артистически исполнил свое страшное дело. Вслед за этим были обезглавлены и четыре офицера, друзья Бальбоа, якобы замышлявшие совместно с ним государственную измену. Пять отрубленных голов, воткнутых на длинные шесты, несколько дней торчали на городской площади. Потом их разрешили снять и предать вместе с телами погребению.

Так в 1517 году, сорока двух лет от роду, простился с жизнью Васко Нуньес де Бальбоа, наименее жестокий и наименее алчный из всех известных нам конкистадоров. Его трагическая гибель была обусловлена всей обстановкой места и времени, когда люди, одержимые страстью к золо-

¹ Должностное лицо, наблюдавшее за приведением в исполнение судебных постановлений.

ту, всевозможными средствами устраняли со своего пути соперников не только действительных, но и кажущихся.

С точки зрения расширения географических знаний того времени, открытие Великого океана, совершенное Бальбоа, было одним из самых крупных событий после открытий Колумба. Благодаря Бальбоа было установлено, что так называемая Вест-Индия не является простым продолжением Китая или Индостана, а представляет собой самостоятельный материк, который требовалось всесторонне исследовать. Ближайшую задачу в этом отношении (учитывая главную цель тогдашних открытий, т. е. золото) определял все тот же Бальбоа. Теперь по его следам надлежало другим конкистадорам достичь «золотоносного рая». Однако экспедиции туда начались еще не так скоро. Это объясняется тем, что внимание правящей Испании было обращено тогда на другое величайшее предприятие в заокеанских областях — первое путешествие вокруг света.

Глава V

О разделе папой римским земного шара и о завоеваниях португальцев в Восточной Индии

В небольшом испанском городе Тордесиласе в самом конце XV столетия долгое время происходили бурные заседания представителей Испании и Португалии. Это конгресс, результатом которого явился знаменитый в летописях мореплавания и открытий Тордесиласский договор 1494 года, имел огромное значение. По существу вопрос стоял тогда ни много, ни мало, как о разделе всего земного шара. Возник же он в самой непосредственной связи с открытием Колумбом заатлантических земель. Но еще до этого великого события португальцы, стремившиеся с первой половины XV столетия проложить новый путь в Индию¹, выхлопотала себе у папы Николая V буллу (грамоту), согласно которой все страны, острова и области, которые будут открыты португальцами на юго-востоке от их родины, должны были принадлежать к владениям португальской короны. Получив такую буллу, португальцы считали, что отныне Индия, рано или поздно, станет их неоспоримым достоянием. Открытие Колумбом, как вначале все думали вместе с ним, побережья Восточной Азии резко изменило для португальцев положение вещей. Приходилось

¹ Энрике (Генрих) Мореплавателю (1394—1460) — принц, сын португальского короля Жоана I, человек очень образованный для той эпохи, снарядил много экспедиций для исследования западных берегов Африки. Эти экспедиции указали новые пути мореплаванию и подготовили открытие кругоафриканской морской дороги в Индию.

оставить мечты об исключительной монополии в «стране алмазов», и португальцы готовы были даже начать войну с Испанией, чтобы силой оружия заставить ее отказаться от намерения проникнуть в восточные моря, где лежали между прочим и Острова пряностей.

Впрочем, до вооруженного столкновения на этот раз дело не дошло. Спорящие стороны снова обратились к папе, тогда высшему авторитету всего христианского мира Западной Европы. Папа Александр VI Борджиа разрешил этот сложный вопрос с кажущейся легкостью.

— Раз наша планета, — заявил он, — действительно шар, рассечем ее мысленно, подобно яблоку, на две половины от полюса до полюса. Пусть раздельная линия будет идти на расстоянии ста испанских лиг¹ к западу от островов Азорских или Зеленого мыса. Все, что лежит к западу от этой линии, должно принадлежать, под условием насаждения христианской религии, Испании, к востоку — Португалии.

Однако португальцы были не вполне довольны папским решением. Недостаточно точно представляя себе действительное соотношение земной поверхности, они боялись упустить из своих владений Острова пряностей. Они всячески старались отодвинуть демаркационную линию как можно дальше к западу, не понимая, что чем больше они будут ее отодвигать, тем скорее желанные острова отойдут к испанцам. После бесконечных споров, расчетов и переговоров Испания согласилась отодвинуть раздельную линию на 370 лиг к западу от островов Зеленого мыса. Так наконец был установлен «папский меридиан», долгое время являвшийся важным фактором в истории колониальных приобретений.

Четыре года спустя португальцы достигли берегов Индостана, и началось освоение ими Восточной Индии и ее морей. Португальцы по-своему были правы, стремясь не допустить испанцев в восточное побережье. И без этих соперников там у них было немало затруднений. Им прежде всего приходилось считаться с такими конкурентами, как арабы, бывшими до тех пор хозяевами Индийского океана. Да и сами туземцы Индостана, уже знакомые с огнестрельным оружием, имевшие большие корабли и хорошо укрепленные крепости, были не чета островитянам Антильского архипелага, с которыми достаточно легко справлялись испанцы. Но это, разумеется, не могло остановить португальских завоевателей. Под командой таких выдающихся вождей, как Васко да Гама, Франсиско Альмейда и Альфонсо Альбукерк, они сломили соперничество арабов, истребили в нескольких сражениях их флот и оттеснили ненавистных им мавров в Красное море. Потом они захватили Каликут, Гоа, Ормуз, Занзибар и наконец «ворота Востока» — Малакку (тогда са-

¹ Лига — примерно четыре с половиной километра.

мый значительный рынок внутренней Индии), предшественницу современного Сингапура. Овладев наиболее важными стратегическими пунктами в Индийском океане, основав ряд крепостей-факторий на западном и отчасти восточном побережье Индостана, португальцы фактически превратили Индию в свое колониальное владение. Совершив это, они завязали торговые сношения сперва с Сиамом (в Индокитае), а потом и с Китаем, в один из главных портов которого, Кантон, они приплыли в 1517 году. Позднее (1542) португальцы добрались и до Японии, но не обосновались там.

Благодаря своей малочисленности португальцы вынуждены были держиваться так называемой *точечной колонизации*. При этой системе (принятой впоследствии голландцам) захватываются очень небольшие (иногда совсем ничтожные по своим размерам) земельные участки, главным образом у моря, и прочно занимают гарнизоны. Отсюда предпринимаются военно-торговые экспедиции в прилегающую страну, но без продвижения в глубь ее. Точечная колонизация при отсутствии соперников-европейцев удовлетворяла португальцев, ибо они главной своей целью ставили захват торговли на монопольных началах. Монополию же свою португальцы поддерживали такими жестокими насилиями, что один из историков (Пфлуг Гартунг) сравнивает их колониальную экспансию с пиратским предприятием в огромном масштабе.

Самое непосредственное участие в завоевательных предприятиях португальцев на Востоке принимал с 1505 года Фернандо Магеллан, или по-португальски Фернан Магланс. О ранней молодости этого замечательного человека мало что известно. Родился он в небогатой дворянской семье около 1480 года в Саброзе, в провинции Трас-ос-Ионтес, одном из самых диких и мрачных уголков Пиренейского полуострова. Население этой горной области истари славилось твердым, энергичным и решительным характером.

Свои юные годы Магеллан, подобно другим молодым идалго той эпохи, провел при королевском дворе в Лиссабоне, занимая должность пажа. Придворная жизнь не могла удовлетворить Магеллана, и в 1505 году он отправился на Восток с отрядом Альмейды, назначенного вице-королем индийских владений Португалии. Там Магеллан быстро зарекомендовал себя своей смелостью в самые опасные моменты. Особенно отличился он под городом Малаккой, куда приплыл в 1509 году на эскадре из четырех кораблей под командой Диего де Секвейры. Это была первая экспедиция, в которой европейские корабли осмелились пойти дальше к востоку от острова Цейлона. Колоритная экзотическая панорама бесчисленных зданий, мечетей и башен представилась тогда глазам мореплавателей. Малакка была в те времена большим городом, насчи-

тывавшим не менее ста тысяч жителей. Дворец султана, главная мечеть со стройным минаретом и каменные дома мантрисов (богатых купцов) поражали своими размерами и красотой. Рейд Малакки покрыт множеством индийских, сиамских, яванских, японских и китайских джонок. Тогдашняя Малакка являлась центром международной торговли на Востоке; Индостан, Китай, малайские королевства, острова Зондского архипелага посылали в этот город, лежавший на самом рубеже абсолютно неведомых европейцам областей, свои продукты. Отсюда они развозились во все страны Азии, в Африку, в Египет и в Европу.

Султан Махмуд принял Секвейру с торжественной любезностью и охотно пошел на его предложение заключить с ним торговый договор. Но это была только видимость. На самом деле малайцы, зная, как португальцы разгромили Каликут, Ормуз и другие города, приготовили незваным гостям страшную западню. Капитаны некоторых китайских джонок предостерегали Секвейру от лживой любезности султана, но он не придавал значения их словам. Пока португальцы забирали огромные грузы имбиря и перца, Секвейра разрешил малайским купцам всходить на борт своих кораблей, все лодки которых, кроме одной, были отправлены на берег. Сам Секвейра, сидя на палубе флагманского корабля, был погружен в шахматную игру, а с полдюжины темнокожих воинов, переодетых мирными торговцами, внимательно следили за ним. Вдали на холмистых берегах возвышалась, озаренная солнечными лучами, крепостная башня. Малайцы на кораблях и на берегу нетерпеливо поглядывали на ее верхушку. Оттуда с минуты на минуту должен был прогреметь выстрел — сигнал к беспощадной бойне. Капитаны и офицеры на кораблях должны были быть убиты, корабли захвачены, а португальцы на берегу истреблены все до последнего человека. Казалось, участь европейцев, дерзких захватчиков, была решена бесповоротно. Но их спасло никем не предвиденное обстоятельство, случившееся не только на страницах романов, но иногда и в действительной жизни. Молодая, красивая персиянка была влюблена в португальского офицера и, хотя с опозданием, все же успела как-то предупредить его о грозящей опасности. Благодаря этому перед самым сигналом матросы корабля, на котором служил Магеллан, стали прогонять малайцев. Сам же Магеллан на единственной лодке поспешил к флагманскому кораблю. С громовым криком: «Измена! К оружию!» вскарабкался он по трапу, подняв всех на ноги. Вслед за этим прогудел пушечный выстрел, и над крепостной башней взвились клубы дыма. Туземцы окружили португальцев, находившихся на берегу и почти всех перебили. Только немногие из них во главе с Серрано пробившись к лодкам и отплыли, но легкие малайские проа¹ быстро настигли

¹ Проа — узкий малайский парусный челн.

их. Завязался неравный бой, число малайцев все увеличивалось, и положение португальцев становилось безнадежным. Однако их выручил все тот же Магеллан. Он приплыл к ним на помощь и в последнюю минуту с такой стремительностью врезался в схватку, что Серрано с товарищами были спасены. Лишь только уцелевшие от резни португальцы добрались до своих кораблей, целая туча малайских лодок обступила их со всех сторон. Малайцы не сомневались, что добыча все равно не уйдет от них, но ошиблись. Португальцы уже опомнились от неожиданности, их бомбарды (пушки) сделали свое дело, и нападающие принуждены были отступить с огромным уроном.

Неудачная попытка малайцев уничтожить эскадру Секвейры не удалась, разумеется, без соответствующей мести со стороны португальцев. Вице-король Альбукерк, перед всеокрушающим натиском которого ничто не могло устоять, снарядил девятнадцать кораблей с полутора-тысячным экипажем. Он сам встал во главе этого флота и летом 1511 года после упорного сражения разгромил Малакку, захватив огромную добычу. Султан Махмуд бежал в горы, и малайцы были приведены в повиновение. После взятия Малакки Альбукерк построил здесь сильный форт и, чтобы показать, что португальский король отныне является полновластным хозяином всего полуострова, приказал отчеканить новые монеты с изображением государя своей страны, запретив в то же время обращение прежней монеты.

С покорением Малакки «ворота», ведущие из Индийского океана в тихоокеанские области, являвшиеся для европейцев, по выражению старых географов, *terrae incognitae* (неведомые земли), были открыты. В связи с этим неутомимый Альбукерк вскоре отправил дальше на восток три корабля под командой Антонио Абрея. Эта экспедиция обследовала весь Зондский архипелаг (острова Суматру, Целебес, Яву, Борнео), Симбалу и Галлам. Португальцы были совсем уже по соседству с северными берегами Австралии. Спустились они несколько южнее, они открыли пятую часть света (Австралию)¹. Но в поисках пряностей они поднялись к северу и приплыли к островам Буро и Амбоине, входившим уже в группу Молуккских. Так наконец была открыта полуполюгендарная «страна пряностей», о которой первые известия, совершенно достаточные для того, чтобы возбудить любопытство и жадность торговых кругов средневековой Европы, привез еще Марко Поло. Португальцы проникли теперь в самые недра восточных рынков и овладели «житницей» всех пряностей.

¹ Впрочем, есть предположение, что португальцы все-таки открыли северное побережье Австралии, но вследствие его пустынности, отсутствия пряностей и соображения, что эти земли входят уже в зону испанских владений, предпочли утаить свое открытие.

С тех пор торговля этими продуктами сосредоточилась в их руках; на подобные товары они могли диктовать Европе какие угодно цены и наживать на них до четырехсот-пятисот процентов прибыли. Наступил период головокружительного экономического расцвета Португалии. В какие-нибудь десять-пятнадцать лет эта маленькая страна превратилась на некоторое время в великую морскую державу, а Лиссабон — в мировую торговую столицу¹.

Вопреки мнению некоторых писателей, Магеллан не принимал участия в плаваниях на Молуккские острова. Но спасенный им Франсиско Серрано, с которым его связывала теперь самая горячая дружба, командовал одним из кораблей, совершивших первое путешествие в «страну пряностей». На обратном пути его каравелла потерпела крушение около уединенного острова, исстари являвшегося приютом для малайских пиратов. Разбросанные на берегу обломки португальского судна привлекли внимание морских разбойников, и они начали осматривать их. Тем временем Серрано и его матросы, притаившиеся среди скал, успели захватить пиратское судно и уплыли в море. Они вернулись на остров Амбоину, и Серрано поселился на Молукках в качестве союзника и покровителя местного короля Тернате. О своих приключениях он известил письмом Магеллана, который загорелся желанием последовать за своим другом в новооткрытые области. В это время Магеллан уже получил некоторые сведения о «великом море», находящемся между Индийским океаном и землями, открытыми Колумбом. Но, подобно Бальбоа, он не имел сколько-нибудь приближающегося к действительности представления о его величине. Он, между прочим, ошибочно полагал, что демаркационная линия, соответствующая в восточном полушарии папскому меридиану, проходит к западу от Молуккских островов и что таким образом его друг Серрано находится уже в испанских владениях.

Желание проверить это на месте путем астрономических вычислений еще больше подогревало желание Магеллана увидеть своего друга.

Однако некоторые свидетельства его личной карьеры помешали ему привести в исполнение свое намерение. Не угодив чем-то Альбукерку, человеку очень властному, он принужден был в 1512 году вернуться на родину. Король принял Магеллана довольно холодно, хотя возвел его в следующую степень дворянства и дал небольшую денежную награду. Магеллан не мог удовлетвориться этим и, чтобы добиться большего,

² Моментом высшего расцвета владычества португальцев в восточных морях были 30—40-е годы XVI столетия. Но у них не хватило сил до конца использовать свои завоевания. В 1580 году Португалия была присоединена к Испании. Приблизительно с этого же времени их начинают постепенно вытеснять новые колониальные завоеватели — голландцы.

отправился в Африку, в Марокко, где португальцы вели тогда войну с маврами. Здесь он провел год, отличился при осаде города Азамора, когда получил ранение в ногу, вследствие чего охромел на всю жизнь. Эта рана и недоразумения, возникшие при дележе богатой добычи после набега на туземцев, заставили Магеллана снова вернуться в Португалию. Он рассчитывал, что теперь король даст ему награду и повышение по заслугам. Но король ничем не вознаградил его и даже оставил в прежней должности. Тогда Магеллан, справедливо чувствуя себя обиженным, решил махнуть рукой на военную службу. Располагая небольшими денежными средствами, он обосновался в Лиссабоне, с тем чтобы основательно заняться космографией и навигационными науками. С этого момента начался новый, необычайно плодотворный, в смысле великих географических достижений, период жизни знаменитого мореплавателя.

Глава VI

О первом кругосветном путешествии, предпринятом Фернандо Магелланом.

Магеллан хорошо выбрал себе место нового жительства. Предприятия принца Энрике Мореплавателя издавна привлекали в Лиссабон искусных мореплавателей и ученых географов разных наций, благодаря чему этот город еще со второй половины XV столетия сделался в Европе главным центром науки мореплавания. Учителями португальцев в морском деле были итальянцы, лучшие мореплаватели и самые отважные путешественники всего европейского средневековья. В старый Лиссабон съезжались опытные иноземные капитаны дальнего плавания, на португальских кораблях бороздившие волны Атлантики. На берегах Португалии самый воздух был насыщен всевозможными морскими легендами, побуждавшими людей к далеким экспедициям. Сравнительно неподалеку лежали Азорские острова, к берегам которых волна океана прибивала деревья неизвестных в Европе пород, громадные бамбуки, обломки лодок с необычайной резьбой, подчас трупы со странными лицами и кирпичной окраской кожи. Из Лиссабона и смежных с ним гаваней с 1433 года начали отплывать одна за другой флотилии для исследования западных берегов Африки. Здесь, в Лиссабоне, Колумб грезил о западном пути в Индию, занимался картографией и собирал исторические сведения об Атлантическом океане. Отсюда же, из Лиссабона, отплыл на Восток Васко да Гама, проложивший новый путь в Индию. Трудно было найти тогда другое место, более подходящее для расширения географических познаний и приобретения практических навыков в области мореходного искусства. В известном смысле тогдашний Лиссабон мог быть назван «вольной академией навигационных наук».

Проживая в столице Португалии, Магеллан познакомился с наиболее выдающимися космографами того времени, между прочим с Фалейро, и из бесед с ними, из изучения их сочинений почерпнул много ценных сведений о размерах океанов, об их протяжении и о распределении таких больших материков, как Европа, Азия, Африка. Кабинетные занятия Магеллана явились дополнением к его практическим сведениям, приобретенным им за время службы в восточных странах. Владея не только мечом, но и пером, он на основании собственных впечатлений и рассказов других путешественников составил тогда интересную работу — «Описание царств, берегов, гаваней и островов Ост-Индии».

Благодаря подобным занятиям и постоянному общению с учеными географами в проницательном уме Магеллана постепенно окрепла идея достигнуть Островов пряностей не обычным путем вокруг Африки и через Индийский океан, а через Атлантический и, дальше к югу, вокруг Нового Света. Не сомневаясь в шарообразности земли, Магеллан полагал, что этот западный путь к Молуккам будет короче восточного. Иначе говоря, он замыслил совершить кругосветное путешествие.

Здесь следует заметить, что первый, у кого возник план подобного путешествия, был Америго Веспуччи. Это пришло ему в голову, когда он в 1503 году плыл вдоль берегов Бразилии, но, вследствие неумелости капитана своего корабля, вынужден был повернуть обратно. Впрочем, будь у него и другой капитан, едва ли бы ему удалось осуществить тогда свое намерение. Дело в том, что Веспуччи представлял себе протяжение Южной Америки несравненно менее значительным и потому недооценивал всех трудностей предстоящего плавания. Напротив, Магеллан, благодаря последующим исследованиям испанцами берегов Южной Америки, учитывал размеры этого огромного материка и правильно считал, что проход в Южное море, если он действительно существует, надо искать далеко от экватора. Кроме того за время своих плаваний вокруг Африки он обратил внимание на тот факт, что «черный материк» заостряется к югу, точно так же как на другой стороне Атлантики, в Бразилии, за мысом св. Августина, берега Нового Света сворачивают в юго-западном направлении. Из сопоставления этих двух фактов Магеллан сделал совершенно верный вывод, что материк Америки, подобно материку Африки, кончается в южном полушарии клином и, следовательно, там и должен находиться искомый путь на Восток.

Своими соображениями и проектом грандиозного кругосветного плавания Магеллан поделился с вышеупомянутым космографом Фалейро. Тот одобрил план Магеллана и посоветовал ему обратиться к королю Мануэлю. Но гениальный план Магеллана не встретил сочувствия со стороны короля. Португальский государя, считая Магеллана увлекающимся и беспокойным человеком, по-видимому, вообще плохо верил в существование западного морского пути в другую половину света. Да кроме

того, — рассуждал король, — если Острова пряностей действительно лежат в зоне испанских владений, какой же смысл португальцам прокладывать туда новый путь, которым имеют неоспоримое право пользоваться их соперники? В силу подобных соображений Мануэль отверг предложение Магеллана и наотрез отказался субсидировать экспедицию. Получив такой ответ, Магеллан попросил у короля разрешения уехать и предложить свои услуги кому-нибудь другому.

— Он может ехать куда ему угодно и делать что ему вздумается, — заявил Мануэль и, когда Магеллан хотел откланяться королю, тот даже не удостоил его аудиенции.

Тогда повторилась история, подобная истории с Колумбом, в свое время тоже ничего не добившимся в Португалии и уехавшим в Испанию. Магеллан в конце 1517 года тоже уехал в Испанию.

Но и здесь, как когда-то Колумбу, ему пришлось встретиться с большой косностью правительственных чиновников. Особая комиссия, назначенная правительством для обсуждения предложения португальского моряка, отклонила его; мотивировался отказ тем соображением. Что «Новый свет несомненно простирается, подобно непроницаемой плотине, от одного полюса до другого из Атлантического океана в Южное море». Таким образом казалось, что и в Испании Магеллану не на что было рассчитывать. Однако, на его счастье, среди членов комиссии нашелся все-таки человек, оценивший экономические выгоды для Испании плана Магеллана и добившийся для него аудиенции у короля Карла¹. Молодой король очень внимательно выслушал Магеллана, обсудил его предложение в совете министров и согласился помочь смелому мореходу. Было официально постановлено снарядить экспедицию «для проложения нового пути в Индию и к Островам пряностей». Когда об этом узнали в Лиссабоне, то спохватились и попытались разными способами помешать задуманной экспедиции. Португальский посланник в Испании старался очернить Магеллана в глазах короля Карла как темного авантюриста, а португальским капитанам, плававшим тогда в водах Ост-Инди (между прочим Секвейре, которому Магеллан спас жизнь под Малаккой), было предписано перехватить и арестовать испанскую флотилию, если она действительно появится в Индийском океане; одновременно с этим старались подкупить самого Магеллана выгодными обещаниями и переманить его снова на португальскую службу. Так как все это оказалось бе-

¹ Карл I Габсбург, род. 1500 г., король Испании в 1516—1556 гг., в 1519 г. был избран германским императором под именем Карла V. Путем наследования и завоевания он объединил под своей властью огромную державу, в состав которой входили Испания, Австрия со славянскими землями, графство Бургундия (Франш-Конте), Нидерланды (ныне Бельгия, Голландия и часть северной Франции), Сардиния, Сицилия, юг Италии и заокеанские колонии.

зупешным, решили прибегнуть к более крутым мерам. Наемные бандиты бродили по улицам Севильи, выжидая удобного случая убить Магеллана, но он держался осторожно, и покушение на него не удалось.

В необходимых приготовлениях к далекому путешествию прошло больше года, и флотилия из пяти кораблей с экипажем в двести шестьдесят пять человек под командой адмирала Магеллана¹ только в сентябре 1519 года вышла в море из устья реки Гвадалквивира.

Было бы слишком долго передавать все подробности первого кругосветного путешествия, длившегося целых три года. Главным источником истории всех событий, имевших место во время этого великого плавания, являются воспоминания, в форме дневника, любознательного итальянца Антонио Пигафетты, получившего от испанского правительства разрешение сопровождать экспедицию с целью «видеть чудеса океана». Всякому, хоть сколько-нибудь интересующемуся географическими открытиями старых времен, следует непременно обратиться к этой интересной книге. В данном же случае достаточно будет остановиться лишь на наиболее выдающихся моментах плавания, особенно ярко подчеркивающих невероятные трудности этого путешествия, ничем несокрушимую энергию, мужество и самообладание самого Магеллана.

В наше время величайших технических достижений не легко представить себе все трудности плавания без точных карт, наугад, по неисследованным еще морям на парусных кораблях, являвшихся, строго говоря, большими барками. Затем следует учитывать экипаж, которым командовал Магеллан. Государственные люди Испании понимали всю выгоду заставить опытного португальца служить интересам Испании, но не только простые матросы, но и офицеры принимали за оскорбление национального достоинства необходимость подчиняться иноземцу. Семена мятежа зрели среди экипажа, и три капитана отплыли от берегов Испании, уже тая измену в сердце. Это случилось, когда корабли плыли еще по Атлантическому океану, и Магеллан, чтобы предотвратить открытое неповиновение, пришлось собственноручно схватить за шиворот капитана Картагену и на время заковать его в цепи. Когда же флотилия достигла берегов Нового Света и остановилась на зимовку южнее Бразилии, у берегов новооткрытой Патагонии, в заливе св. Юлиана, вспыхнул уже открытый бунт. Мятежники под руководством капитанов Кесады и Картагены захватили из пяти кораблей три и собирались продиктовать свои условия Магеллану. Но они не рассчитали, с кем имели дело. Магеллан менее чем в двадцать четыре часа вооруженной рукой подавил бунт, казнил

¹ Подобно Колумбу, Магеллан, получив титул адмирала, был в то же время назначен королевским наместником всех областей и стран, которые он откроет по ту сторону Нового Света.

Кесаду, а Картагену, которого поддерживал интриган-священник Педро Санхес, заковал вместе с его сообщником в цепи. Все остальные получили прощение и больше уже не смели думать об открытом неповиновении грозному адмиралу. В августе, с наступлением теплого времени¹, корабли, старательно осмотренные и починенные, отплыли в дальнейший путь к югу вдоль материка. Магеллан захватил с собой несколько патагонцев, отличавшихся необычайно большим ростом, а мятежного Картагену со священником высадил на берег, представив их на волю судьбы. Флотилия, борясь с сильными бурями, двигалась медленно и только в конце октября вошла в большой открытый залив, только в конце октября вошла в большой открытый залив, в котором Магеллан, вопреки мнению окружающих, верно угадал желанный проход в Южное море. Началась наиболее опасная часть плавания. Теперь корабли осторожно продвигались по извилистому проливу (настоящему лабиринту скалистых островков и утесов), то расширявшемуся до трех-четырех километров, то суживавшемуся почти до одного. С левой от себя стороны мореплаватели по ночам постоянно видели огни от костров туземцев, вследствие чего прозвали эту южную землю «Огненной землей», считая ее огромным австральным (южным) материком. В действительности же это был сравнительно очень небольшой архипелаг, как только столетие спустя установил голландский мореплаватель Шаутэн, обогнувший в 1616 году самый конечный пункт Южной Америки, названный им мысом Горн.

Плавание Магеллана по проливу длилось целых пять недель, а запас провианта быстро истощался. Матросы угрюмо молчали, офицеры, кроме немногих, несмело роптали, говоря, что раз пролив найден, нечего идти дальше, пора повернуть назад. Но Магеллан был непреклонен, и одна каравелла под начальством Эстебана Гомеса тайком покинула экспедицию и вернулась в Испанию. По дороге Гомес захватил с собой оставленных Магелланом в заливе св. Юлиана капитана Картагену и священника Санхеса. Желая оправдать себя в глазах правительства, они, вернувшись в Испанию, возвели на Магеллана столь тяжелые обвинения, что король собирался даже арестовать его семью. Магеллан не подозревал об этой измене. Считая, что «Сан-Антонио», каравелла Гомеса, отстала или заблудилась, он продолжал свое плавание к западу, и наконец, это было 28 ноября 1520 года, флотилия, уже лишь из четырех кораблей, вышла на бескрайние просторы южных морей. Существование «морского коридора» из одного полушария в другое было доказано на деле.

¹ Южнее экватора времена года располагаются обратно общеевропейскому календарю, в связи с чем август—сентябрь соответствуют приблизительно нашим весенним месяцам.

Этот пролив испанцы называли по церковному празднику того дня «Проливом всех святых», но впоследствии он, вполне справедливо, был переименован в «Магелланов пролив». Громадный океан, открывшийся перед обрадованным мореплавателем, был так спокоен, что Магеллан назвал его Тихим — тем именем, которое, наряду с Великим, он носит и в наши дни. Но мореплавателям предстояло еще очень трудное и долгое путешествие. До середины декабря они держались вблизи берегов, плывя все прямо к северу, чтобы уйти от антарктического холода, потом от острова Хуан Фернандеса постепенно свернули к западу. Если бы Магеллан, по выходе из пролива, сразу взял западное, несколько к северу, направление, он открыл бы «райские острова» Полинезии, а вслед за этим, очевидно, и Австралию и таким образом свои подвигом затмил бы предприятие Колумба. Но по вполне понятным соображениям он не решился немедленно же оторваться от суши в новооткрытых водах, ведь плавание по ним и без того было сопряжено с невероятными лишениями.

Вот как описывает Пигафетта эту часть путешествия Магеллана: «Сухари, которыми мы питались, представляли собой не хлеб, а пыль, смешанную с червями, загаженную мышами и издававшую поэтому невыносимое зловоние. Вода, которую мы принуждены были пить, была гнила и также вонюча. Чтобы не умереть с голода, мы ели кожу, которою покрывают снасти, чтобы веревки не перетирали дерева. Эта кожа под действием воды, ветра и солнца так затвердела, что ее нужно было размачивать в морской воде в течение четырех-пяти дней. Затем мы пекли ее на углях и ели. Часто мы питались древесными опилками, и даже мыши, столь противные человеку, сделались таким изысканным блюдом, что за них платили по полдукату за штуку. Но это еще не все. Самое большое несчастье было в том, что нас постигла болезнь, при которой десны распухли до такой степени, что закрывали зубы как верхней, так и нижней челюсти, и люди пораженные этой болезнью, не могли принимать никакой пищи¹. Девятнадцать человек из нас умерло, в том числе патагонский гигант и один бразилец, сопровождавшие нас. За три месяца и двадцать дней мы сделали четыре тысячи левг² по морю, названному нами потому *Тихим*, что мы ни разу не испытали ни малейшей бури. Мы не открыли за это время никакой земли, за исключением двух пустынных островов, на которых нашли только птиц и деревья, и назвали их поэтому Злополучными³. Мы не достали также дна у этих берегов и видели лишь множество акул».

¹ Цинга.

² Левга — около семи километров.

³ Ныне остров Сан-Пабло и Остров акул.

Только теперь моряки могли осознать, как велика наша планета и как велик новый океан. Но это уяснили себе офицеры и кормчие, простые же, совершенно необразованные матросы, видя вокруг себя такое необъятное пространство воды, воспринимали это по-своему. Им должно было казаться, что теория шарообразности земли неверна, что прав деревенский священник, не признающий ее, и что таким образом их упрямый, полусумасшедший адмирал ведет их куда-то на край земли, в бездонную пропасть. Однако общее положение было таково, что мятеж был уже невозможен. Самая отчаянность положения была на пользу Магеллану. Мореplаватели зашли уже так далеко от пределов хоть сколько-нибудь известного мира, что единственным для них шансом на спасение было плыть все вперед и вперед. И вот в первых числах марта они достигли наконец островов, обитаемых людьми, дикарями, настолько первобытными, что они не знали даже употребления стрел и лука. Здесь страшные страдания мореплавателей кончились, ибо они нашли много плодов и другой растительной пищи. Назвали испанцы эти острова Ладронскими, т. е. Разбойничьими, очевидно, ввиду враждебности, проявленной по отношению к ним туземцами.

Недолго спустя Магеллан открыл к западу от Ладронских островов еще один остров — Замаль (Самар), покрытый роскошной тропической растительностью. Он принадлежал к архипелагу, известному теперь под именем Филиппинских островов. Здесь высадились на сушу и устроили долгую стоянку. Потом переправились на близлежащий остров Себу. Пигафетта сообщает много интересных подробностей о туземцах, их внешности, образе жизни и нравах, об обращении их Магелланом в христианство, о меновой торговле с ними, о золоте и других ценных продуктах, найденных здесь испанцами. Местный раджа очень легко согласился признать над собою власть испанского короля, совершенно ему неизвестного. Филиппинские острова — это уже «смежная комната» с Молуккскими. Так осуществилась заветная мечта Колумба: европейцы достигли восточноазиатских областей западным морским путем. И, как бы исполнив свою великую миссию, Магеллан, так и не увидав своего друга Серрано, нашел здесь свою смерть. Раджа соседнего острова Мактана, дотоле признававший верховенство раджи острова Себу, отказался платить ему дань. Магеллан, желая оказать услугу новому вассалу Испании и вместе с тем показать туземцам превосходство европейского оружия, отправился укрощать мятежника на трех шлюпках с шестьюдесятью солдатами; их сопровождали тридцать туземных челноков во главе с самим раджею острова Себу. Произошло столкновение с полчищем туземцев, и после отчаянной битвы испанцы принуждены были отступить к своим лодкам. Сам Магеллан, прикрывавший отступление товарищей, был окружен

индийцами и убит. Пигафетта с чувством неподдельной скорби говорит о последних минутах жизни великого мореплавателя: «Так как островитяне не знали нашего капитана, они направили главным образом на него все удары. Они сбивали два раза у него с головы шлем, но он держался, а мы в свою очередь в очень малом числе бились по его сторонам. Одному островитянину удалось в конце концов нанести капитану удар копьём в лоб. Капитан, рассерженный, пронзил его своим копьём, и оно осталось у него в теле. Капитан хотел обнажить пшагу, но это было невозможно, так как он был сильно ранен в руку. Островитяне, заметив это, все обратились против него, и один из них нанес ему такой сильный удар саблей в левую ногу, что он упал лицом вниз. В тот же миг островитяне бросились на него, — и вот каким образом погиб наш руководитель, наш свет и наша поддержка. Своим спасением мы обязаны исключительно нашему капитану, ибо в тот самый момент, когда он погиб, все островитяне бросились к тому месту, где он упал»¹.

Тот же Пигафетта в своих воспоминаниях дает следующую характеристику Магеллану, с одинаковой независимостью державшему себя и во дворцах королей и на палубе каравеллы дальнего плавания.

«Слава Магеллана, — пишет итальянец, — переживет его смерть. Он был одарен многими талантами. Он выказывал всегда беспримерную стойкость среди самых больших бедствий. На море он сам осудил себя на большие лишения, чем остальной экипаж. Сведущий, как никто, в знании морских карт, он владел в совершенстве искусством кораблевождения, и это он доказал своим путешествием вокруг света, на что никто другой не отваживался до него».

После гибели Магеллана положение испанцев сделалось критическим. Союзный раджа задумал захватить всю флотилию; однако ему удалось заманить только двадцать шесть человек, остальные, под командой португальца Карвальо, поспешили отплыть на дальний остров. Число испанцев уже настолько уменьшилось, что здесь пришлось один корабль сжечь. На трех каравеллах мореплаватели побывали на острове Борнео, бывшем в то время центром малайской цивилизации. Отсюда в первых числах ноября (уже только на двух каравеллах, ибо третью тоже пришлось разобрать и сжечь) испанцы, войдя в гавань острова Тадора (или Тидора из группы Малых Молуккских), достигли все-таки заветной «страны пряностей».

¹ Пигафетта объясняет, почему союзные туземцы не пришли на помощь испанцам: слишком смелый Магеллан, не сомневаясь в победе, категорическим приказом им не вмешиваться в битву и оставаться пассивными наблюдателями. Победители, между прочим, отказались выдать тело Магеллана.

«Мы возблагодарили тогда бога, — пишет Пигафетта, — и в знак радости сделали залп из всей нашей артиллерии. И не следует удивляться той большой радости, которую мы испытали при виде высоких островов, если принять во внимание, что уже двадцать семь месяцев без двух дней мы блуждали по морям, посетили бесконечное число островов, все время отыскивая Молуккские».

И действительно, испанцы имели полное основание ликовать. Ведь теперь они находились в «житнице» всевозможных пряностей — гвоздики, имбиря, перца, мускатного ореха, ванили и пр. Здесь же стояли рощи камфарного, хлебного и черного деревьев. По словам Пигафетты, первым из европейцев давшего описание тех восточных растений, которыми испокон веков так остро интересовалась Западная Европа, испанцы, получив от раджи груз гвоздики, приветствовали его оглушительным залпом из пушек. Мореплаватели не застали, между прочим, в живых Франсиско Серрано, с которым так жаждал встретиться его друг Магеллан. Оказалось, что по приказанию раджи острова Тидора он был отравлен приблизительно в то время, когда сам Магеллан пал на берегах острова Матана.

Вообще обстановка здесь была довольно тревожная. Приходилось опасаться быть захваченными португальцами, уже прослышавшими о появлении испанцев и выславшими против них военное судно. Себастьян Эль-Кано, выбранный после смерти Магеллана командиром флотилии, почел за лучшее продолжать кругосветное путешествие. Но когда в декабре собрался плыть дальше к западу, выяснилось, что «Тринидат», флагманский корабль, дал течь. Было решено, что по исправлению аварии он, пользуясь муссоном, вернется обратно, к Дарьенскому перешейку¹, а каравелла «Виктория» поплыла через Индийский океан. Со сломанной передней мачтой, с разбитым носом, с экипажем, уменьшившимся от голода и цинги, маленький корабль, борясь с бурями, счастливо пересек Индийский океан, добрался до мыса Доброй Надежды, обогнул огромный африканский материк и, едва не попав в руки португальцев, вошел в устье Гвадалквивира 6 сентября 1520 года, в тридцатую годовщину того дня, когда Колумб отправился в свое первое плавание, всего лишь восемнадцать худых, истомленных, ободренных моряков высадились после трехлетнего отсутствия на родные берега и поведали удивленным соотечественникам о первом кругосветном плавании².

¹ «Тринидат», попав в полосу так называемых пассатов, т. е. ветров, дующих круглый год между тропиками, принужден был в жалком виде вернуться в «страну пряностей», где был захвачен в плен португальцами.

² Пигафетта, все время тщательно заносивший в свой дневник исчисление времени, был в свою очередь поражен, увидев, что оно отстало от испанского на целый день. Тогда еще не понимали, что при путешествии вокруг земного шара в восточном направлении выигрывается один день, а в западном — проигрывается.

«Кончившееся таким образом путешествие, — пишет Джон Фiske, один из самых компетентных историков открытия Нового Света, — было величайшим подвигом мореплавания, какой только когда-либо был совершен, и нельзя ничего представить себе выше этого подвига, кроме разве путешествия на луну». Имя Магеллана и весть о совершенном им путешествии гораздо быстрее распространилась по изумленной Европе, нежели имя Колумба за тридцать лет перед тем. Но почести, заслуженные Магелланом, достались не ему и даже не его потомству¹. Они выпали на долю капитана Эль-Кано, человека незначительного, одного из тех, кто бунтовал против своего адмирала в заливе св. Юлиана. Эль-Кано получил от испанского короля пенсию в пятьсот дукатов и герб с изображением земного шара и многозначительной латинской надписью: «Primus circumdedisti me» («Ты первый объехал вокруг меня»). Соответственно были вознаграждены и остальные, лишь чудом уцелевшие участники великого предприятия.

В смысле специально географических, т. е. научных, достижений первое кругосветное плавание (вызванное, между прочим, отнюдь не научными интересами, а экономическим соперничеством) имело огромное значение, хотя практические его результаты, по крайней мере на первое время, были далеко не так велики. Оно наглядно доказало шарообразность земли, известную еще древним грекам и объявленную средневековой церковью злой ересью. После 1522 года шарообразная форма земли уже не оспаривалась ни одним упрямым «старовером». Новый морской путь на Восток был, как показали обстоятельства, чрезвычайно труден и длинен. Что же касается островов, открытых Магелланом, и Молуккских островов, уже известных португальцам, то вопрос о них продолжал висеть в воздухе. Португальцы решительно отказывались признать их лежащими в зоне испанских владений, и «страна пряностей» (мнением коренных обитателей которой по этому поводу никто из европейцев, разумеется, нисколько не интересовался) по-прежнему оставалось яблоком раздора. Впрочем, если бы испанцам и удалось доказать, что все эти дальневосточные острова действительно принадлежат им, все равно, принимая во внимание страшную отдаленность этих мест даже от Дарьенского перешейка, не так-то легко и быстро можно было бы освоить их в целях выгодной торговой эксплуатации. Правда, сперва казалось, что испанцы получили возможность вырвать из рук португальцев торговлю пряностями и направить плавание к Молуккам по новому пути. Карл V

¹ Приехав в Севилью, Магеллан поселился в семье Диего Барбосы, своего соотечественника, и женился на его дочери Беатриче. Их грудной сын Родриго умер в отсутствие отца в 1521 году, а через год умерла и сама Беатриче.

приказал основать в прибрежном городе Ла-Корунье фирму для торговли пряностями. Оттуда, так же как из Лиссабона, должны были впредь отправляться торговые флоты к Молуккам. Чтобы такое предприятие сразу могло стать на широкую ногу, в нем, согласно королевскому указу, должны были принимать участие не только Испания, но и остальные императорские земли. В 1526 каравелла «Виктория» вышла в новое плавание, кончившееся однако очень печально: пройдя Магелланов пролив, корабль бесследно исчез среди пустынь южных морей. На этом и прекратились первые кругосветные плавания через Магелланов пролив. Насколько подобные экспедиции были трудны для той эпохи, видно из того, что второе кругосветное путешествие по стопам Магеллана было совершено англичанином Фрэнсисом Дрейком только почти столетия спустя, в 1577—1580 годах.

Испанское правительство и торговые круги Испании, алчные до золота, драгоценных камней и пряностей, испытывали таким образом долю немалого разочарования. Но «утешение» было не за горами: Америка, тогда еще область монопольных владений испанской короны, уже начала приносить то, чего искали в Ост-Индии. В то время как португалец Магеллан под испанским флагом мужественно боролся с океанскими бурями, твердой рукой подавлял бунты и вместо сухарей грыз кожу, другой представитель колониальной экспансии Испании, Фернандо Кортес, и его спутники уже осматривали причудливые, пирамидальные постройки таинственной страны ацтеков.

ЗАВОЕВАНИЕ ВЕЛИКИХ ИМПЕРИЙ

Глава I

О том, как молодой идалго Фернандо Кортес в поисках счастья отправился за океан.

Стояла дивная испанская ночь. Одна из тех ночей, которые не раз были воспеты поэтами и описаны романистами. По пустынным улицам города Меделлины быстрым шагом шел юноша, напевая вполголоса веселый мотив. Дойдя до трехэтажного дома, он внимательно осмотрелся, потом, с цепкостью кошки, стал взбираться по стене, пользуясь, как ступеньками, каждым выступом, каждой трещиной старого здания. Прodelывал он это с не совсем похвальной целью, с намерением проникнуть в комнату молодой дамы, с которой у него недавно начался роман. Юноша почти уже добрался до полуоткрытого окна, на котором в виде условного знака белел платок, как вдруг поскользнулся, потерял равновесие и с

четырёхсаженной высоты упал на булыжную мостовую. Наверху раздавалось испуганное восклицание; кто-то выглянул в окно, затем ставень захлопнулся, и наступила полная тишина.

Падение было очень тяжелое, и юноша на несколько минут даже потерял сознание. Придя в себя, он почувствовал страшную боль во всем теле. Руки и ноги казались переломанными, голова и лицо были в крови. Сжимая зубы, чтобы подавить стоны, бедняга чуть не ползком кое-как доковылял до дому и почти в беспамятстве, в полубреду, тяжело повалился на кровать.

В таком печальном состоянии нашли его поутру родители. Они не стали расспрашивать его о ночном приключении: сынок был малый своенольный и никому не любил давать отчета в своих поступках. Впрочем, было и не до расспросов, надо было скорее лечить пострадавшего. Позвали соседнего цирюльника, он же и опытный костоправ. Ученый муж, осмотрев пациента, заявил, для важности вставляя в свою речь латинские слова, что опасности для жизни нет, все кости целы, но есть два серьезных вывиха и наблюдается *trauma communis* (общее сотрясение). Поставив диагноз, доморощенный эскулап бросил больному кровь (как тогда практиковалось почти при всех болезнях), ловко вправил вывихи, натер все тело мазью своего приготовления и недурно наложил где следует бинты. Прodelав все это, он ушел, предупредив, что пациенту придется провести в постели не менее двух недель.

Лежа в полном бездействии с повязкой на голове, Фернандо Кортес — так звали юношу — имел возможность от скуки оглянуться на свое короткое прошлое и поразмыслить о будущем. Родился он в 1485 году и был сыном капитана пехоты Мартино Кортеса, человека весьма уважаемого, женатого на Каталине Писарро Альтамирано. В детстве Фернандо был довольно слабого сложения, но быстро выровнялся и к десяти годам, беспрекословно командуя своими товарищами, с успехом поколачивал дворянчиков-ровесников. Отец, основывая большие надежды на несомненных способностях мальчика, послал его в четырнадцатилетнем возрасте в Саламанку¹, желая сделать из него законоведа — профессия тогда весьма выгодная. Но Фернандо проявил очень мало склонности к наукам и книгам. В университетской школе его неугомонный характер проявился в беспрестанных шалостях и своенравных выходках. Через два года, не доучившись, он вернулся домой, к великому огорчению родителей, людей небогатых. Однако за время своей недолгой уче-

¹ Город Саламанка славился тогда своим университетом, в который при тогдашних элементарных методах преподавания можно было поступать в очень раннем возрасте.

бы Фернандо все же набрался кое-какой латыни, несколько познакомился с историей и навострился хорошо писать прозой. Он сочинял даже стихи, «не лишённые некоторого достоинства, если принять во внимание, что их писал Кортес», как, не без легкой иронии, замечает старинный биограф знаменитого конкистадора.

Дома будущий покоритель Мексиканской империи продолжал бездельничать, совсем не соответствуя своим легкомысленным поведением степенному образу жизни родителей. Семнадцати лет он обнаружил определенную склонность к военной службе, вернее — к приключениям, связанным с ней, и объявил отцу, что желает поступить под знамена генерала Гонсальво де Кордовы¹, тогда победоносно сражавшегося на полях Италии. Родители не возражали. Они полагали, что военная дисциплина и жизнь за границей, полная трудов и лишений, будут очень полезны для их сына. Но сам Фернандо еще колебался, какую ему выбрать себе профессию: идти ли искать счастья в Европе, в качестве солдата, или же отправиться за золотом и славой в Новый Свет, где самые опасности носили пленительно-романтический характер. К последнему вскоре представился очень удобный случай. В Вест-Индию в 1502 году отправлялась большая экспедиция во главе с Николасом де Овандой, назначенным губернатором на место впавшего в немилость при дворе Христофора Колумба. Ованда был в свойстве с Кортесами и согласился по просьбе старика Мартино взять с собой Фернандо. Молодой бездельник должен был покинуть Одину дня через два-три, но, начав уже в это время заниматься любовными интригами, неудачно свалился, как мы видели, со стены и оказался прикованным к постели. Тем временем эскадра Ованды уже ушла в море, и таким образом весь план родителей Фернандо на некоторое время был расстроен.

Выздоровев и вполне оправившись от ушибов, Фернандо прожил дома еще два года. Полученный урок, по-видимому, принес ему очень мало пользы. По-прежнему шалопайничал, ухаживал за красивыми женщинами, мотал деньги и не думал ни о каком деле. Отец написал Ованде, прося его устроить беспутного юношу. Ованда ответил, что пускай Фернандо приезжает на Эспаньолу с первой же оказией. В это время в Вест-Индию отплывало три торговых корабля, и на одном из них Фернандо Кортес в 1504 году добрался с незначительными приключениями до Сан-Доминго, главного города и порта острова Эспаньолы.

Сойдя на берег, Кортес прямо отправился в дом Ованды. Того не было в городе, он находился в глубине острова, где усмирал туземцев, подняв-

¹ Гонсальво де Кордова (1443—1515) — знаменитый испанский полководец, отличился в Итальянских войнах с французами.

ших восстание. Вместо губернатора Кортеса очень любезно принял его секретарь. Цель своего приезда в Вест-Индию девятнадцатилетний Фернандо тотчас же и очень четко сформулировал в разговоре с этим чиновником. Когда секретарь, зная родстве Кортеса с Овандой, сказал, что ему непременно отведут хорошую коммунду¹, Кортес высокомерно ответил:

— Я прибыл сюда, сеньор, чтобы добыть себе золота, а не рыться в земле, как какой-нибудь мужик.

— Одно другому не мешает, — снисходительно улыбнулся секретарь. — Почему бы вам, сеньор, не получить даром землю с бесплатными работниками и не зажить барином? Таким образом вы можете хотя и медленно, но вернее разбогатеть, нежели пустившись в приключения, результаты которых все-таки весьма сомнительны.

По возвращении губернатор Кортес действительно получил прекрасную плантацию с должным количеством невольников. Сверх этого, ввиду некоторого знакомства Кортеса с законами, Ованда назначил его нотариусом селения Асуа.

Итак, молодой искатель приключений, не имевший ни гроша за душой, устроился весьма недурно.

Губернатор вообще благоволил Кортесу, что было очень важно, ибо Ованда был из числа тех людей которые умеют управлять железной рукой в бархатной перчатке. С виду это был небольшой светловолосый человечек, с вежливыми и мягкими манерами. Редко кто слышал от него окрик, а тем более угрозу, но с людьми недисциплинированными он справлялся как нельзя лучше. Желая, например, отделаться от непокорного человека, он приглашал его к себе пообедать. Во время занимательного разговора, которым гость чувствовал себя весьма польщенным, Ованда без всякого перехода задавал ему вопрос, указывая в окно на гавань:

— Скажите, сеньор, на котором из этих кораблей, готовых к отплытию, желаете вы вернуться в Испанию?

— Простите, ваше превосходительство, — начинал бормотать ошеломленный собеседник, — я не понимаю, что вы имеете в виду... я не знаю, я не собирался... у меня даже нет денег, чтобы заплатить за переезд...

— О, пожалуйста, не беспокойтесь о таких пустяках, — прерывал его любезный хозяин, — это уже мое дело позаботиться обо всем. — И вслед за этим гостя без дальнейших церемоний прямо с обеда препровождали под конвоем на каравеллу, собиравшуюся поднять якорь.

¹ Коммунда — поместье с приписанными к нему туземцами-рабочими. В то время индейцы в оккупированных уже испанцами областях Вест-Индии подразделялись на «поделенных» и свободных. Первые из них составляли кадры для крепостных невольников.

Так расправлялся с неугодными ему испанцами вежливый Ованда, смирявший индейцев тоже не без некоторой учтивости. Однажды он узнал, что индейцы области Ксарагуа замышляют мятеж. Какой-нибудь Охеда в подобном случае собрал бы солдат, «грубо» напал бы на индейское поселение и не менее «грубо» разорил бы его. Вежливый Ованда поступил совсем иначе. С отрядом вооруженных людей он приехал в Ксарагуа в качестве гостя. Анакаона, правительница племени, не желая до времени открыто ссориться с белыми, приняла их дружелюбно и устроила в их честь игры, пригласив и туземных вождей со всей округи. Те доверчиво собрались в большом деревянном доме, около дверей которого стоял Ованда. Как только начались игры, испанские солдаты по знаку Ованды вошли в дом, перевязали всех вождей, а дом вместе с индейцами подожгли. Анакаону с почетом повесили на дереве, несколько сот простых индейцев перебили для острастки, и область была замирена без лишнего шума. После этого Ованда основал в Ксарагуа город, назвав его как бы в насмешку «Городом мира», и дал ему идилический герб, изображавший голубя с оливковой ветвью.

С таким правителем шутки были плохи, и Кортес при его наклонностях рисковал легко быть выпровоженным обратно на родину. Но, повторяем, Ованда благоволил Кортесу, и он чувствовал и вел себя достаточно независимо. Управление плантацией и необходимость заниматься нотариальными делами мало нравились Кортесу. Его, как и на родине, тянуло к интересным похождениям, к веселым развлечениям, к женскому обществу. Благодаря последнему у него произошло несколько дуэлей, в которых обнаружилось, между прочим, его блестящее умение владеть шпагой. Стремясь вырваться из однообразной колеи жизни плантатора, Кортес неоднократно принимал участие в карательных экспедициях, посылавшихся обычно под начальством губернаторского помощника Диего Веласкеса. В этой школе Кортес получил первые уроки своеобразной тактики индейской войны, свyksя с трудами и опасностями боевой жизни, пригляделся к мрачным сценам бесчеловечной расправы с туземцами, вроде только что описанной. Но масштаб, а главное — цель таких экспедиций не удовлетворяли надежд и предприимчивости Кортеса. Ему хотелось неизмеримо большего и, разумеется, прежде всего золота. Поскольку в рудниках Эспаньолы, никогда не бывших особенно обильными, золото еще имелось, оно принадлежало уже казне. Золото же, которое мог добыть себе авантюрист по собственному почину, находилось где-то дальше, в местах, еще не захваченных испанцами. В связи с этим Кортес совсем было отправился в злополучную экспедицию Никуэсы, оставившую по себе память о страшных бедствиях, редко встречавшихся даже в летописях испанской конкисты. Но, очевидно, Кортес был рож-

ден под счастливой звездой. Случайное заболевание помешало ему присоединиться к Никуэсе, а вскоре он получил возможность принять участие в другом большом предприятии.

Глава II

О захвате острова Куба и плаваниях конкистадоров по Карибскому морю, приведших к открытию страны ацтеков

Эспаньола, на которой Кортес прожил несколько лет, являлась центром испанской колонизации Вест-Индии. От этого острова волны открытий и завоеваний расходились в разные стороны — к северу, к западу, к югу. В 1511 году (это было уже в правление Диего Колумба, сменившего «обходительного» Ованду) наступил черед оккупации соседнего с Эспаньолой большого острова Кубы. Экспедиция была поручена Диего Веласкесу, человеку, как описывает его один современник, «опытному в военном деле, так как он провел семнадцать лет своей жизни в европейских войнах, энергичному, знаменитому по рождению и репутации, жадному к славе, а еще больше к деньгам». Этот испытанный воин охотно взял с собой Кортеса, уже зарекомендовавшего себя в качестве способного офицера.

Завоевание Кубы, переименованной испанцами в честь короля в Фердинандину, произошло сравнительно легко и без особенного сопротивления. Только один вождь по имени Гаттия оказал отчаянное сопротивление, за что Веласкес присудил его к сожжению живым на костре. Перед смертью Гаттия дал достопамятный ответ, красноречиво говорящий о характере методов испанских завоеваний. Когда его, уже привязанного к костру, убеждали принять христианство, чтобы открыть своей душе доступ в рай, он спросил, будут ли там белые люди.

— Ну, конечно, — ответил священник, — ведь они же христиане.

— В таком случае, — воскликнул несчастный мученик, — я не хочу стать христианином, чтобы не быть хотя бы после смерти среди таких жестоких людей, как вы!

Завоевав Кубу, Веласкес, назначенный ее губернатором, приступил к устройству острова. Он основал на нем несколько поселений, сделал самое большое из них, Сантьяго, на юго-восточной стороне, резиденцией правительства. Привлеченные щедрой раздачей земель и золотыми рудниками, разработка которых обещала крупные результаты, испанцы быстро заселили Кубу. Сюда стали приезжать с семьями коронные чиновники, плантаторы, занимавшиеся разведением сахарного тростника и хлопка, арматоры (купцы-судовладельцы), ведшие прибыльную морскую торговлю, многочисленное духовенство, ремесленники разных профессий. Так в два-три года создалось на Кубе колониальное общество, по своим нравам и быту мало чем отличавшееся от общества провинциальных городов самой Испании.

Фернандо Кортес вначале был в большой милости у Веласкеса. Во время экспедиции он проявил выдающуюся храбрость и неутомимую деятельность, которые снискали ему расположение начальства. Вместе с тем его приветливый нрав, товарищеское обращение и живое остроумие сделали его любимцем солдат. С прекращением военных действий Кортес попал в число губернаторских секретарей. Но он мало занимался делами, предпочитая проводить время в знакомом обществе, особенно в семействе Хуаресов, состоявшем из брата и четырех сестер, замечательных красавиц. Увлечшись одной из них, Каталиной, которая от любви к Кортесу, по-видимому, совсем потеряла голову, он обещал жениться на ней. Однако, не желая, очевидно, так быстро проститься с холостой жизнью, Кортес тянул с официальным предложением, чем вызвал недовольствие Веласкеса, пользовавшегося благосклонностью другой сестры. Вероятно, на этой почве между Кортесом и губернатором произошло очень неприятное объяснение, ибо Кортес вдруг присоединился к партии недовольных, достаточно многочисленной на Кубе. Недовольные стали собираться в доме Кортеса и обсуждать причины своего недовольства. Они основывали его на том, что будто бы их заслуги не вознаграждаются должным образом при распределении земель и должностей. На самом деле едва ли это было так. Веласкес, как правитель, был для испанцев не хуже других, но невозможно было удовлетворить все требования людей, словно голодная саранча налетевших из Испании на легкую добычу. Недовольные конечно рассуждали по-иному и решили принести жалобу высшим властям, находившимся на Эспаньоле. Путешествие туда было сопряжено со значительной опасностью, так как плыть надо было тайком в простой лодке. Поручение подать жалобу было возложено на Кортеса, не отказавшегося от этого. Однако заговор стал известен губернатору еще до отплытия Кортеса, который был немедленно схвачен, закован в цепи и посажен в тюрьму под строгий надзор. Тогда передавали, что Веласкес горячая хотел даже повесить Кортеса, но был удержан от этого слезными просьбами влюбленной Каталины.

Впрочем, Кортес недолго просидел в заточении. Такую птицу, как он, трудно было удержать в клетке. Ночью он сумел освободиться от своих оков, при помощи кандалов раздвинул оконную решетку и благополучно спустился со второго этажа на землю. Никем не замеченный, он направился под покровом темноты в соседнюю церковь и там потребовал привилегии «священного убежища»¹.

¹ В древности и в средние века, одинаково у народов христианских и нехристианских, некоторые места (церкви, мечети, часовни с гробницами особо почитаемых святых) служили неприкосновенным убежищем для лиц, скрывавшихся от преследования властей и закона.

Губернатор, несмотря на гнев и размеры своей власти, не осмелился схватить беглеца в здании храма. Он расставил вокруг церкви часовых с приказанием арестовать беглеца, если тот выйдет наружу. Несколько дней спустя Кортес действительно рискнул выйти из церкви подышать свежим воздухом. Тотчас же на него набросился альгасил с подручными, скрутил ему руки за спину и снова надел кандалы. На этот раз пленника перевезли на каравеллу, готовую к отплытию в Испанию, где Кортеса должны были судить как мятежника. Но он в ту же ночь ухитрился бежать с корабля в маленькой лодочке, которую, боясь бурунов, бросил в море, а сам, будучи первоклассным пловцом, вплавь добрался до суши и снова скрылся в церкви. Легкость, с которой вторично бежал Кортес, заставляет думать, что побег произошел не без участия караула. Кортес, когда хотел, мог обворожить кого угодно и умел приобретать себе друзей в любом обществе.

В точности неизвестно, как именно состоялось примирение между ним и губернатором. Думается, вернее всего, дело тут опять не обошлось без женского влияния, хотя, разумеется, не сидели сложа руки и мужчины-друзья. Но, как бы то ни было, мы знаем, что враги вскоре примирились. Кортес открыто вышел из своего убежища и женился на девице Хуарес. В своей прежней должности губернаторского секретаря он не был восстановлен, но зато получил обширный участок земли рядом с городом Сантьяго, в котором позднее был назначен алькадом (судьей). С этого времени он жил почти постоянно в своем поместье, начав серьезно заниматься сельским хозяйством и разработкой доставшихся ему рудников. Его брак оказался очень удачным. Он сам не раз говаривал тогда, что живет с женой так счастливо, как если бы она была дочерью герцога. Замечание очень характерное для представителя тогдашнего испанского дворянства, чрезвычайно высоко ставившего знатность происхождения. Старики кортесы, люди скромные, тоже могли быть теперь довольны своим сыном-непоседой. Вообще, остепенившись, Кортес, в те по крайней мере дни, ничем особенно не выделялся среди других дворян-плантаторов. «В нем еще не было видно тогда, — говорит один современник Кортеса, — тех великих качеств, которые проявились впоследствии».

А между тем в те годы в Вест-Индии и помимо замечательных экспедиций Бальбоа происходили в сфере географических открытий важные события, в которых Кортес не принимал участия. В 1513 году Понсо де Леон, губернатор небольшого острова Пуэрто-Рико, открыл к северу от Эспаньолы огромный полуостров, окрещенный по дню праздника вербы *Флоридой*, т. е. Цветущей. Вследствие враждебности туземцев он на этот раз не мог утвердиться на ее берегах, а за вторую попытку в 1520 году заплатил жизнью. За три года до смерти Понсо де Леона Фернандо

Кордова отправился в 1517 году с Кубы на соседние острова на ловлю индейцев. Его корабли, отнесенные сильной бурей далеко на запад, через три недели плавания пристали к неизвестным берегам. Высадившись на сушу и расспрашивая туземцев о названии страны, испанцы услышали в ответ: «тектекан», что в переводе значит: «я тебя не понимаю». Но они, вообразив, что это название страны, переиначили непонятные слова в одно слово Юкатан, под которым именем с тех пор и стал известен этот огромный полуостров. В этих местах конкистадоры были удивлены размерами туземных построек, прочно сооруженных из камня и извести и совершенно не похожих на легкие жилища вест-индийских островитян из тростника и глины. Испанцев поразила также высокая обработка земли, массивные предметы из бронзы, тонкая ткань одежды туземцев и отделка их золотых украшений. Все здесь говорило испанцам о гораздо более высокой ступени культуры, чем та, совсем примитивная, какую им приходилось видеть до этого времени. Вместе с тем воинственность индейцев свидетельствовала, что они принадлежат не к тому племени, что обитатели архипелага. Очевидно, уже прослышав об испанцах, в невыгодную для них сторону, туземцы всюду встречали белых с открытой ненавистью и всячески противились их продвижению в глубь полуострова. Экспедиции Кордовы пришлось выдержать ряд кровопролитных схваток, в которых половина его людей погибла. Сам он, вернувшись после нескольких месяцев отсутствия на Кубу, вскоре умер. Но привезенное им известие о новооткрытой стране, а главное — затейливо отделанные золотые украшения и без слов убедительно говорили о важности сделанного им открытия¹.

Дела управления островом не мешали Веласкесу жадными глазами смотреть на подобные события и стремиться самому организовать «золотую экспедицию». Похоронив Кордову, он не замедлил снарядить в 1518 году маленькую эскадру из четырех судов под командой своего племянника Хуана Грихальвы, на преданность и благоразумие которого он мог положиться.

Плавание Грихальвы вдоль берегов Юкатана и по водам Мексиканского залива продолжалось с полгода. И где бы ни высаживались конкистадоры, всюду они, подобно Кордове, были поражены доказательствами значительной культуры. В особенности это касалось архитектурных сооружений с барельефами, развалины которых и в наши дни являются обширным полем для исследований и любопытнейших открытий. Туземцы по-прежнему относились к испанцам крайне неприязненно, но

¹ В то же время погиб Хуан де Солис, исследовавший в 1515 году берега Бразилии, и совершались открытия по ту сторону Дарьенскому перешейка.

они не так пострадали от этого, как Кордова и его спутники, ибо были гораздо лучше их подготовлены. Впрочем, в одном месте Грихальва имел мирную встречу с местным вождем, сделавшим ему, между прочим, весьма ценный подарок — целую кучу больших золотых блях, отделанных в виде лат. Это подношение подтвердило слухи о сокровищах новооткрытых земель и побудило Грихальву продолжать свое опасное плавание. Обогнув Юкатан и плывя вдоль Мексиканского залива, испанцы достигли реки, названной ими *Рио-де-Бандерас* (Река Знамен) по множеству белых флажков, выставленных туземцами в знак мирного приема. Здесь Грихальва имел свидание с кациком, желавшим, по приказанию императора Мексики, собрать как можно больше сведений о цели прибытия белых людей. Обе стороны сошлись дружелюбно на суше, куда Грихальва высадился со всеми своими солдатами, чтобы произвести самое внушительное впечатление на кацика. Свидание продолжалось несколько часов, и, хотя собеседники принуждены были объясняться преимущественно жестами, испанцами все же очень хорошо поняли, что несколько дальше находится большая, густо населенная страна, подвластная могущественному монарху ацтеков, властвующему над многими городами и обладающему несметными сокровищами. Грихальве начало казаться, что Колумб все-таки прав, что они действительно находятся уже в Азии и что страна ацтеков это и есть владение Великого хана, т. е. китайского императора. Ошибка с его стороны вполне понятная. Ведь уже четверть

Битва конкистадоров с индейцами при высадке на берег.
(С гравюры XVI века, наверху латинская надпись: «Остров каннибалов»)

века испанцы энергично исследовали Вест-Индию в разных направлениях. Но, плавая вдоль негостеприимных берегов, странствуя по тропическим лесам, они до сих пор не видели ничего, кроме деревень, населенных полуголыми дикарями, подчас людоедами. Теперь же на берегах Юкатана и смежной с ним области Табаско они встретили несомненные признаки восточной (как они думали) культуры и восточного великолетия, к которым они так настойчиво стремились.

Грихальва, исполненный самых блестящих ожиданий, отправил на Кубу капитана Педро Альварадо с отчетом о действиях экспедиции и поручением привезти людей для основания колонии. Сам он на трех каравеллах некоторое время продолжал еще свое плавание по заливу, но повреждение судов и отчаянное сопротивление со стороны индейцев, встреченных дальше, заставили его взять обратный курс на Кубу. О том, как-то были туземцы этого побережья, мы узнаем от одного из участников похода, Берналя Диаса. Вот что, по-военному коротко, рассказывает он:

«Вскоре мы наткнулись на небольшой архипелаг и отправили лодку на разведку. На самом большом острове мы нашли несколько каменных домов, в которых по ступеням можно было подняться к какому-то подобию алтаря, где стояли отвратительные идола. Не далее как ночью им принесли в жертву пять индейцев; тела их, растерзанные, с вскрытой грудью и отрубленными руками и ногами, валялись еще здесь; стены были окроплены свежей кровью. С великим удивлением увидели мы все это и острову было дано название *Острова жертвоприношения*».

Будучи первым мореплавателем, ступившим на почву Мексики и завязавшим сношения с ее обитателями, Грихальва рассчитывал продолжить свое открытие, но в колонии его ожидало полное разочарование. Капитан Альварадо, считая себя обиженным Грихальвой, успел уже возбудить подозрительность Веласкеса, и губернатор отстранил своего племянника от командования. Еще до его возвращения Веласкес отправил в Испанию донесение об открытии новых земель, просил себе самых широких полномочий для колонизации их и начал деятельно готовиться к новой большой экспедиции. Сам Веласкес по своему высокому положению не мог оставить Кубы и стать во главе завоевания, вследствие чего надлежало выбрать особого предводителя для этого дела. Веласкес долго не знал, на ком ему остановить свой выбор. Вопрос этот действительно не так-то легко было разрешить. С одной стороны, такой человек должен был обладать талантами полководца и администратора, с другой — быть послушным орудием в руках Веласкеса, желавшего всю славу и выгоды нового завоевания присвоить себе. Многие идалго предлагали себя губернатору в качестве начальников организуемого им предприятия, но он

или считал их недостаточно способными для этого или же, опасаясь, что они обманут его, отказывал им одному за другим.

Фернандо Кортес еще с момента возвращения Кордовы из Юкатана очень внимательно следил за развивающимися событиями. Когда же стали известны результаты экспедиции Грихальвы, он одним из первых понял всю важность нового открытия. Не могло быть сомнения, что это было то большое государство на далеком западе, о котором туземцы рассказывали Колумбу, когда он в 1502 году плавал по Гондурасскому заливу. Если бы великий адмирал направился тогда к северу, а не к югу, для отыскания воображаемого пролива, как он это сделал, он сам дошел бы до нее. Но Колумб, по собственному его выражению, «только отпер ворота, чтобы в них могли входить другие». Теперь Грихальва вплотную подошел к этим воротам, оставалось только кому-нибудь другому умело войти в них. Кортес, в котором с новой силой вспыхнула страсть к приключениям и золоту, решил, что этим человеком непременно будет он.

У Кортеса среди многочисленных приятелей были два друга: Амадор де Ларес, королевский казначей, и Андрес де Дуэро, личный секретарь губернатора. Оба они пользовались полным доверием Веласкеса. Они заключили с Кортесом негласный союз, предложив ему провести его в начальники экспедиции с условием, что он разделит с ними поровну привезенную из походов добычу. Такое предложение вполне совпадало с желаниями Кортеса, которому уже достаточно приелась прозаически-спокойная жизнь плантатора. Он жаждал вырваться из тесных пределов острова и выйти на новое, широкое поприще независимого действия.

Друзья стали хлопотать у губернатора за Кортеса, утверждая, что он единственный человек, способный успешно довести до конца такую экспедицию. Со всем красноречием, на какое они только были способны, доказывали они, что губернатор уже на деле сам видел храбрость и дарования Кортеса, указывали на его популярность, которая привлечет под его знамена множество охотников. Они подчеркивали, что личные средства Кортеса позволяют ему существенно способствовать снаряжению эскадры. Что же касается прежних недоразумений, то они заверяли Веласкеса, что все искренно забыто Кортесом и что доверие, которым губернатор теперь почитит их кандидата, окончательно упрочит его верность и благодарность.

Поколебавшись еще некоторое время, Веласкес решил наконец официально назначить Кортеса «капитан-генералом армады», отправляемой для исследования и колонизации новооткрытой страны к северу от Юкатана». Действительно, трудно было найти человека более подходящего для подобной цели, но вместе с тем и человека, которому Веласкес должен был меньше всего доверять, если б он мог только предвидеть буду-

щие события. Вообще с точки зрения своих личных интересов Веласкес сделал большую ошибку, отстранив от дела завоевания Грихальву и поручив это Кортесу.

Глава III

О снаряжении Кортесом эскадры для завоевания страны ацтеков, об устройстве, истории и преданиях древней Мексики

Резкая перемена, по словам современников, произошла в Кортесе с момента облечения его властью капитан-генерала. Обычная веселость и беззаботность покинули его. Он сделался серьезен, несколько задумчив и весь сосредоточился на мысли о предстоящем походе. Предусмотрительность и деловитость, проявленные тогда Кортесом, удивили его знакомых, не предполагавших в нем талантов большого администратора. У Кортеса было довольно приличное состояние, от двадцати до тридцати тысяч рублей, считая на золото. «Одному господу ведомо, — меланхолически замечает монах Лас Касас, историк и современник Кортеса, — скольких индейских жизней стоило это богатство». Все эти деньги Кортес истратил на экспедицию. Потом он заложил все свое имущество и кроме того занял у богатых арматоров значительную сумму под особое обязательство расплатиться по возвращении из похода. Когда истощился его собственный кредит, он пустил в ход кредит своих друзей. Полученные таким образом средства Кортес употребил на покупку кораблей, провианта, военной амуниции и экипировку тех соратников, которые не могли собственными силами подготовиться к экспедиции.

У дверей своего дома Кортес вывесил большое знамя из черного бархата, с золотым крестом и такой же надписью, гласившей: «Друзья! Последуем за крестом, и, если в нас сильна вера, мы победим этим знаком». Жажда обогащения, популярность Кортеса среди колонистов и солдат, его заманчивые обещания богатой доли из предстоящей добычи сделали свое дело. В несколько дней под черным знаменем собралось триста волонтеров, желавших попытать счастья в стране, сулившей золотые горы. Все закипело и засуетилось тогда в маленьком городке. Застучал топор, запела пила, задымились горны. Одни хлопотали около кораблей, конопатя их и приводя в порядок оснастку, другие грузили провиант и снаряжение, третьи превращали свое имущество в наличные деньги, чтобы купить себе оружие или лошадь¹. Все кузнецы Сантьяго работали только на экспедицию, изготавливая наконечники для пик и стрел

¹ Лошадей, тогда совсем еще неизвестных коренным обитателям Америки, приходилось с большим трудом привозить из Европы, благодаря чему они являлись очень дорогим товаром.

арбалетов, оружейники исправляли панцири и точили холодное оружие, пушкари проверяли фальконеты, выстрелы которых пугали женщин.

Кортес с утра до ночи был на ногах, всем распоряжаясь, во все сам вникая. Он понимал все значение экспедиции не только с точки зрения своих личных интересов, которыми руководилось большинство заурядных участников похода. Не представляя себе точно размеров и военного могущества новооткрытой страны, он не сомневался, что предстоит уже не оккупация какого-нибудь, хотя бы даже и большого, острова, населенного дикарями, а завоевание настоящего государства, подобного тем, какие в восточных морях завоевали в те годы португальцы. Теперь начиналось под его предводительством предприятие, в котором сам он мог легко потерять все решительно, начиная с имущества и кончая жизнью, или же, напротив, прославиться превыше всех современников и разбогатеть, как в сказке. И сознавая это, Кортес, в парадном камзоле, в шляпе с белым плюмажем и золотым медальоном, появлялся на заседаниях, уже усвоив себе диктаторские замашки: говорил повелительно, коротко отдавал приказания, выслушивал только дельные возражения. Его вид и общая повадка импонировали всем — и простым солдатам, и офицерам, и самому Веласкесу.

Веласкес, ревнивый к своим интересам инициатора экспедиции, снабдил Кортеса особой инструкцией. Конкистадор прежде всего должен был помнить, что желанием короля было обращение туземцев в христианство. Затем надлежало, внушив дикарям мысль о величии и добродетелях испанского монарха, предложить им добровольно покориться ему и выразить свое верноподданство соответствующими приношениями в виде золота, жемчуга и драгоценных камней, которые «доказали бы их собственное усердие и доставили бы им благоволение его величества». Достигнув этого, следовало заняться с туземцами меновой торговлей, «не обижая их и не делая им зла». Условие, не так-то легко исполнимое, если не забывать, что одна сторона, т. е. испанцы, намеревалась содрать с другой три шкуры. Равным образом Кортесу предписывалось ознакомиться с естественными произведениями страны, характером ее обитателей, их общественным устройством и степенью их просвещения. Обо всем этом Кортес должен был присылать Веласкесу самые подробные отчеты вместе с драгоценностями и разными товарами, тем или иным способом приобретенными у туземцев. Об основании новой колонии прямо ничего не было сказано.

В снаряжении эскадры и обсуждениях разных деталей экспедиции время проходило незаметно, и быстро приближался день отплытия в страну ацтеков.

Возникновение, культура и организация своеобразного древнемексиканского государства до сих пор являются предметом пытливого ис-

следования ученых специалистов. Оставляя в стороне разные предположения, более или менее вероятные, и многочисленные местные легенды, можно с достоверностью сказать, что примерно в VII столетии нашей эры на обширном Мексиканском плоскогорье, именуемом также Анагуак, стали появляться, в связи с общим передвижением обитателей Северной Америки, многочисленные полчища индейцев, говоривших на так называемом языке *нахоа*. Первые из этих пришельцев — *толтеки* — застали на новой для них территории древнейших обитателей страны, *шишимисов*, находившихся еще в стадии первоначального варварства. Шисимисы были совершенно дики, не ели жареного мяса животных, жили в пещерах и вели кочевой образ жизни. Столетия два спустя за толтеками на Анагуак устремились чичимеки, а затем более цивилизованные аколкуасы. Предания древней Мексики, записанные иероглифами на кусках полотна, кожи и древесной коры, сообщают о длительных переходах и враждебных столкновениях этого смешения племен, прежде чем они осели на удобных местах, основали значительные города (Толан и Тескуко) и сообщили занятой им территории известную степень культуры.

Позднее всех, уже на рубеже XII столетия, на плоскогорье пришло (по-прежнему все с севера) самое могущественное племя из группы *нахоа* — *ацтеки*. Найдя лучшие места уже занятыми, воинственные ацтеки вступили в вооруженную борьбу с ранее занявшими плоскогорье жителями и долго передвигались с места на место, то побеждая, то терпя поражение. За время своих странствований они, между прочим, приняли еще имя *мексиканцев*, как говорят, от названия области Мексоакан, где они думали было поселиться. Наконец, верно оценив все выгоды болотистой местности в центре юга плато, через которую протекали в большое озеро Тескуко речки и протоки других озер, они обосновались в этой области мексиканской равнины. Здесь в 1325 году, т. е. за два столетия до появления испанцев, они начали строить большой город, названный ими Теночтитлан¹. Все что происходило до этого времени в истории ацтеков, относится уже к области противоречивых преданий и разных гипотез, возможно весьма близких к действительности.

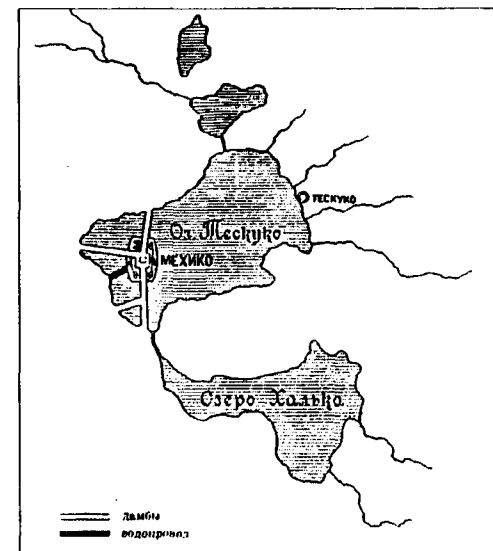
Место окончательного поселения ацтеков было выбрано ими очень удачно. Мексиканская котловина представлял собой одну из самых благословенных земель всего Нового Света. Благодаря тому, что эта котлови-

¹ Теночтитлан — в переводе «место кактусовой скалы». Название связано с легендой о находке древними ацтеками на берегах соленого озера жертвенного камня, из которого вырос кактус с сидящим на нем орлом со змеей в клюве. Изображение этого камня с орлом служило тотемом (племенным знаком) ацтеков и перешло в герб современной Мексиканской республики.

на лежит на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, климат ее был умеренным; здесь неизвестны были ни иссушающий зной тропиков, ни зимняя стужа, и почти весь год погода напоминала весеннюю пору. В связи с этим на плодородной почве и флора была самая разнообразная: наряду с пальмами, бананами и деревьями дорогих лесных пород произрастали рис, перец, какао, сахарный тростник, хлопчатник, табак и пр.

Стратегически выгодное положение в стране дало возможность окрепнувшему в экономическом отношении ацтекам распространить свои завоевания почти на всю площадь плоскогорья. После ряда удачных войн, в частности при Монтесуме I (1436—1464), они сломали сопротивление главных племен — ацкапутцалько, тескуко, тлакопана, почти совершенно истребили первое, а два других заставили вступить с ними в неравноправный союз. В течение всего лишь одного столетия ацтеки распространили свое верховное владычество от берегов Мексиканского залива, с одной стороны, и до побережья Великого океана — с другой. С конца XV столетия они стали проникать к югу от плоскогорья до самых отдаленных мест Никарагуа и Гватемалы — иначе говоря, до областей Центральной Америки.

Ацтеки, унаследовав культуру толтеков-строителей, и отчасти племен древних майя, создали свою замечательную цивилизацию, превосходившую цивилизацию всех остальных народов прежней Америки. Столичный город ацтеков, Теночтитлан или Мехико (правильно Мехико), стоял далеко от берега на островках соленого озера. Проникнуть в город можно было только по трем каменным проходам, дамбам, шириной от десяти до пятнадцати метров, длиной же в несколько километров. Вблизи города эти дамбы пересекались подъемными мостами и, продолжаясь в городе, составляли его главные улицы, сходящиеся к центральной площади. Кроме того город соединялся с суши длинным каменным акведуком, доставлявшим обитателям столицы питье-

План города Мехико на озере Тескуко до завоевания его испанцами

вую воду. Общий вид города, перерезанного каналами, с перекинутыми через них мостами, был чрезвычайно живописен. По каналам плавали лодки, что делало столицу Мексики похожей на Венецию. Каналы, улицы и узкие проходы, игравшие роль наших переулков и мощеные камнем, шли между большими домами из кирпича и красноватого камня. Фасады некоторых домов (редко выше трех этажей) были выложены белыми гипсовыми барельефами, что вместе с садами и цветниками очень красило панораму города. И в то же время он являлся первоклассной крепостью: его внешние и внутренние мосты через каналы при первой же тревоге могли быть подняты, окна домов представляли собой настоящие бойницы, а плоские крыши зданий защищались парапетами с небольшими башенками. Таким образом даже каждый дом в отдельности тоже являлся крепостной.

Трудно теперь сказать с точностью, как велико было население Теночтитлана, но вполне можно допустить, что оно достигало ста тысяч, если не больше. Вокруг озера Тескуко виднелись большие поселки и деревни, снабжавшие огромный город продуктами своего сельского хозяйства, а еще дальше по всему плоскогорью было разбросано до тридцати замкоподобных городов, признававших над собой верховную власть великого «озерного города». Все эти пункты в целях военных, торговых и административных соединялись друг с другом сетью довольно хороших дорог. Этими же дорогами пользовались гонцы и письмоносыцы-пешеходы, ибо лошадь была неизвестна в древней Мексике. Все тяжести и товары в этой богатой, оживленной стране перевозились на лодках или транспортировались на особых носилках.

Разные промыслы, ремесла и торговля процветали в стране ацтеков. Однако лавок и торговых помещений в нашем смысле на улицах ее столицы не имелось. Вместо этого на двух рыночных площадях города каждый пять дней происходил оживленный торг. Тут продавались съестные припасы, платье, украшение, оружие, циновки, столярные изделия, строительные материалы, глиняная посуда, красящие вещества и пр. Торг был меновой, хотя были уже некоторые попытки установить нечто вроде денежного обращения в виде ствола птичьего пера, наполненного золотым песком¹, мешочков с зернами какао и небольших кусочков меди и цинка. Но, возможно, весов еще не было, и весовая торговля была неизвестно.

Среди шумной толпы торговцев по рынку прохаживались горожане: мужчины в просторных балахонах из бумажной материи, украшенных бахромой, женщины в длинных, до земли платьях. В более холодное вре-

¹ В Мексике существовали богатые залежи серебра, олова, свинца и меди. Золото в изобилии вымывалось из песка и со дна рек.

мя года носили меховые шапки и камзолы из перьев птиц. На ноги надевали подобие сандалий, голову от солнца прикрывали белым колпаком. И мужчины и женщины носили обыкновенно длинные волосы, причем женщины красили их темнофиолетовой мазью, а зубы — кошенилью¹. Мужчины, редкородые, как все индейцы, чисто брились в уличных цирюльнях остро отточенными кремневыми ножами, так как аптеки не были знакомы с употреблением железа, которое заменял собой сплав из меди и цинка.

Объединив страну, аптеки выработали стройную религиозную систему, носившую отпечаток разных эпох. Кроме смутного представления о высшем едином божестве, которого называли Таотлем, мексиканцы почитали еще целый сонм богом. Главой их и покровителем всей страны был грозный Хуитцилопоцли, бог войны. Затем свято хранилось предание о мудром Кецалькоатле, имевшем длинную бороду и светлый цвет кожи. В отдаленнейшие времена (гласила легенда), когда еще среди толтеков возникали распри и междоусобия, явился в сопровождении иноземцев мудрый преобразователь божественного происхождения. Его правление было эпохой мира и благоденствия страны: он уничтожил человеческие жертвоприношения, выучил народ плавить и ковать металлы, установил календарь, упорядочил общественные отношения, поднял культуру земли и т. д. Закончив свою миссию, Кецалькоатль удалился к *восточным* берегам Мексики и исчез в море, обещав вернуться оттуда, когда исполнятся положенные сроки. Эта легенда о грядущем мессии, как увидим дальше, во многом облегчила испанцам завоевание огромной страны.

Национальным богом ацтеков был страшный Тецкатлипок, властелин ночи и мрака. Неподалеку от главного рынка столицы находился храмовый двор, обнесенный каменной стеной выше человеческого роста и поражающий обоняние отвратительным запахом бойни. Внутри этого двора стояло двадцать *теокаллий* (усеченных пирамид), из которых самая высокая (в сто футов) была посвящена этому мексиканскому Молоху². На вершине пирамиды лежал огромный выпуклый камень из яшмы, на котором совершались человеческие жертвоприношения. Рядом стояли алтари и святилища с чудовищными идолами богов Тецкатлипока, Хуитцилопоцли и других, меньших божеств. Все эти истуканы, вопреки своей неподвижности, были чрезвычайно прожорливы и требовали больших закляний. На их алтарях постоянно дымились излюбленное ими кушанье — человеческие сердца. Остальные части тела шли в общественные

¹ Кошениль — насекомое, водящееся на кактусе. Из высушенной кошенили добывается кармин (красная краска).

² Молох — бог древних финикийцев, требовавший человеческих жертв.

кухни к праздничным, довольно частым пиршествам, ибо ацтеки, кстати сказать, неплохие кулинары, придерживались и людоедства, с течением времени принявшего довольно широкие размеры. Внутренностями многочисленных жертв (негодными для питания людей) откармливали священных гремучих змей, во множестве содержащихся в особых помещениях при храмах.

Здесь же при храмах обитало не менее многочисленное сословие жрецов, пользовавшихся почти неограниченным влиянием как на общественную, так и на частную жизнь страны. Верховный правитель всей Мексики был одним из таких жрецов. При вступлении своем на престол он всходил на вершину храмовой пирамиды, посвященной богу войны, и там получал от верховного жреца ритуальное помазание и был окропляем священной водой. После этого торжественного таинства он, уже как жрец-воначальник, приносил человеческую жертву свирепому Хуитцилопоцли. Жрецы, образовавшиеся из прежних колдунов, с течением времени достигли известной степени учености, особенно в сфере математики и астрономии, о чем свидетельствует составленный ими календарь¹. Сверх отправления своих специально религиозных обязанностей, они занимались главным образом воспитанием и образованием детей и юношества прежде всего в духе уважения к религии и ее служителям, начиная с монарха-жреца. Пособием при изучении богословия, истории, астрологии и других наук служили иероглифы, заменявшие наши книги.

Что касается общественно-политической организации страны, то ее верхушку (исключая жрецское сословие) составляла аристократия, насчитывавшая, в своих рядах несколько десятков многочисленных дворянских фамилий, владевших огромными поместьями и невольниками. Многие из этой знати в качестве придворных чинов и высших администраторов постоянно проживали в столице. Далее шел многочисленный класс воинов и чиновников, затем землевладельцы средней руки, купечество, горожане-ремесленники, свободное крестьянство и в самом низу — рабы. Вся эта постройка, характерная, если не в деталях, то в существе своем, для любой страны в феодальном периоде ее развития, возглавлялась монархом, всегда избиравшимся из одного и того же рода. Власть монарха, сперва ограниченная, усилившись попутно военным успехом ацтеков, быстро превратилась в неограниченную. Мексиканские монархи правили при содействии тайного государственного совета и под охраной личной стражи, набиравшейся из семей родовитого дворянства.

¹ Солнечный год ацтеков (начинавшийся с нашего 1 февраля) состоял из 18 месяцев по 20 дней в каждом, с пятью добавочными днями, и был вычислен гораздо точнее, чем древний греко-римский год. По-видимому, ацтекским астрологам была известна также и причина солнечных затмений.

Проживали они рядом с главным храмом столицы, в огромном дворце, более других зданий города напоминавшим крепость.

Несмотря на, казалось бы, достаточно прочное владычество ацтеков над огромной конфедерацией, которую испанцы не совсем правильно называли империей¹, ацтекским монархам, не державшим в вассальных городах постоянных воинских гарнизонов, приходилось быть очень настроже. Всегда можно было опасаться смут и мятежа со стороны покоренных племен, особенно со стороны области Тласкалы, не так давно еще совсем независимой и все еще не мирившейся со своим подчиненным положением. Так было при всех ацтекских монархах, так продолжалось оно и при одном из самых последних, Монтесуме или Мотекусуме II (1502—1520), который в молодости был победоносным полководцем и больше всех своих предшественников расширил пределы своего государства. В связи с возможностью разных внутренних осложнений многочисленные ацтекские шпионы (явные и тайные) и калпиксы, т. е. сборщики податей, нещадно выколачивавшие из вассальных областей следуемую дань, постоянно рыскали по всей стране, чутко ко всему прислушивались и зорко за всем наблюдали.

Один из таких калпиксов (он же и шпион), по имени Пинотль, находился в Табаско как раз в то время, когда у его берегов появилась летом 1518 года эскадра Хуану Грихальвы. Какой-то индеец, житель прибрежной деревушки, сломя голову примчался к Пинотлю с неслыханным сообщением; по его утверждению, он видел на море большую «башню» с белыми крыльями, легко двигавшуюся по воде в разные стороны. Другие индейцы, немедленно же посланные проверить донесение, увидели уже две таких башни. С одной из них, — рассказывали они, — была спущена лодка, поплывшая к берегу. В лодке сидели удивительные существа, похожие как будто на людей, но с белыми лицами и большими бородами; одеты они были в странные светящиеся одеяния².

Выслушав все эти рассказы, Пинотль дал знать обо всем местному кадику, а сам по долгу службы поспешил к морю. Здесь, преодолевая вполне понятный суеверный страх, он с трепетом вошел на борт одной из чудесных «крылатых башен». Это была каравелла самого Грихальвы, очень любезно принявшего сборщика податей. Ободренный этим, Пинотль с грехом пополам, частью при помощи рисования, объяснился с конкис-

¹ Испанцы, не имея представления о каком-либо ином общественном строе, кроме феодальной монархии, перенесли свои понятия в этой сфере на политическое устройство древней Мексики. В связи с этим они приравнивали укрепленные мексиканские города к феодальным замкам Европы, кадики, т. е. вождей, называли королями, глав туземных родов — графами и т. п.

² Это были металлические панцири и латы.

тадором и обменялся с ним подарками. Грихальва, обрадованный сообщением Пинотля о богатстве его повелителя, обещал вскоре вернуться и непременно посетить императора (так будем мы, следуя испанцам, называть аптековского монарха) в его великолепной столице, построенной на воде.

Как только таинственные существа после свидания с кациком (уже описанным выше) удалились, сборщик податей со своей свитой кратчайшим путем направился в Теночтитлан и доложил Монтесуме, что он, Пинотль, удостоился видеть богов и лично беседовал с ними. Будучи человеком образованным, сборщик податей очень искусно изобразил на кусках пергамента испанцев, их «крылатые башни», лодки, вооружение и все это пояснил иероглифическим письмом. Во время этого доклада Монтесума, до которого уже успели дойти сбивчивые слухи о каком-то странном происшествии на берегах Табаско, председательствовал в тайном совете. Легко можно представить себе, какое впечатление произвел доклад Пинотля на всех присутствующих, какие взволнованные речи и страстные обсуждения начались тогда в совете. Больше всех смутился сам император. Подобно своим подданным, он хорошо помнил предание о «светлом божественном муже» и правильно считал, что дело больше всего касается его самого. Ведь, судя по всему, «божественный муж», действительно, вернулся, согласно своему обещанию, и собирался снова «принять власть», некогда оставленную им добровольно. Таким образом надлежало ожидать в скором же времени величайших событий. О них, между прочим, уже предвещали и грозные явления природы: за несколько лет перед тем озеро, на островах которого стояла столица, выйдя внезапно из берегов, затопило город и произвело в нем большие опустошения; вслед за этим зарокотали вулканы кратеров, давно безмолвствовавшие, а потом на небе появились три хвостатые звезды и зловеющий огненный полукруг. Едва ли приходилось сомневаться, что все это пророчило о появлении какого-то божества. Император, охваченный страхом, провел после донесения Пинотля ряд заседаний, посвященных обсуждению общего положения дел. Но ни премудрые жрецы, которым были открыты все тайны астрологии, ни смелые военачальники, ни опытные вельможи-администраторы не знали, что теперь следует предпринять. Одни утверждали, что надо противиться пришельцам открыто силой или тайно хитростью, другие полагали, что если это существа сверхъестественные, то ни сила, ни хитрость не помогут. После долгих прений и колебаний решили на первое время только осторожно наблюдать за «белыми существами», если они снова вернуться в Мексику.

Само собой разумеется, слух о появлении на море «крылатых башен», о существах в блестящих одеяниях, плавающих на них, о намерении таинственных мореплавателей проникнуть в столицу страны быстро распространился по всей конфедерации вместе с рассказами о беспокой-

стве, охватившем императора и его окружение. Повсюду на плоскогорье, в городах и деревнях, на рынках и проезжих дорогах заговорили тогда о надвигающихся событиях. Одни говорили и думали об этом со страхом, другие — со смутной надеждой на лучшее будущее. Но все одинаково чувствовали, что в жизни страны наступает великий перелом, неизбежно грядет что-то новое, еще неизвестно, хорошее или недоброе, а потому все-таки равно для всех страшное в своей неизвестности.

Таковы были, конечно, лишь в самых общих чертах, история, религиозные верования, культура, общественно-политическое устройство и настроение великой Мексиканской империи, над которой уже занесли свой беспощадный меч испанские завоеватели.

Глава IV

О неожиданном отплытии Кортеса и его первых битвах с туземцами Мексики.

— Ну, дядюшка Диего, поздравляю тебя, неплохого состряпал ты капитан-генерала! Славное произведение, смотри, оно тебя перерастет. Простись тогда со своим флотом. Дай-ка и я с ним поплыву, а то, пожалуй, с тобой здесь придется мне только плакать.

Так тараторил губернаторский шут, вертясь около Веласкеса и Кортеса, шедших в праздничный день в церковь.

— Слышите, сеньор капитан, что говорит этот плут? — сухо спросил губернатор, косясь на своего спутника.

— Велите его как следует высечь, ваше превосходительство, дерзкий болтун давно уже заслуживает хороших плетей, — с напускным равнодушием пожал плечами Кортес и возобновил прерванный шутлом деловой разговор.

Не подлежит сомнению, как в свое время говорил и Берналь Диас, что шут болтал по чьему-то наущению. Вокруг Веласкеса было, конечно, немало людей, сумевших раздуть всегда тлевшее в нем недоверие к Кортесу. Они, особенно некоторые родственники Веласкеса, чувствуя себя униженными внезапным возвышением Кортеса, напомнили губернатору о прежней их серьезной ссоре и о невероятности, чтобы подобного рода обида могла быть когда-нибудь действительно забыта Кортесом. В подтверждение правильности своего взгляда они обратились к авторитету некоего Хуана Мильяна, считавшегося великим астрологом. Продувной старикашка, посмотрев в сломанную подзорную трубу на звездное небо, категорически заявил Веласкесу при якобы случайной встрече с ним:

— Берегитесь, ваше превосходительство, этот Кортес, наверно, погубит вас, если вы его сами не предупредите.

Впрочем, и без таких внушений значение, приобретенное тогда Кортесом, а еще больше самостоятельная манера его поведения давно уже тревожили подозрительный ум Веласкеса, и он решил вверить главное начальство над экспедицией кому-нибудь другому. О таком решении губернатор сообщил своим доверенным советникам Ларесу и Дуэро, а те немедленно же обо всем предупредили Кортеса, который и сам, по перемене обращения Веласкеса, понимал, куда уже начал дуть ветер. Благожелатели настойчиво рекомендовали молодому конкистадору (Кортесу минуло тогда тридцать три года) со всей поспешностью выйти в море, если он хочет удержать в своих руках командование. Казалось, это было очень трудно осуществить: ни суда, ни люди Кортеса еще не были готовы, а запас провианта был в весьма недостаточном количестве. Но Кортес разрушил планы Веласкеса, проявив в данном случае ту стремительную решимость, которая и впоследствии столько раз выручала его в опасные моменты.

На следующий же день после разговора Кортеса с его друзьями весь город был в большом волнении. Когда поутру обитатели Сантьяго по обыкновению стали приходить к торговцу, снабжавшему город мясом, они не могли получить ни кусочка говядины. Выяснилось, что еще на рассвете Кортес самолично забрал в лавке все запасы, расплатившись за них массивной золотой цепью. Перед этим он обошел своих будущих соратников, сообщил им свое намерение немедленно отплыть, и в полночь, когда город спал крепким сном, все потихоньку перебрались на каравеллы. С первыми лучами солнца эскадра подняла якорь и, оставив город без обеда, спустилась по течению к выходу из залива.

Весть об этом мгновенно облетела весь Сантьяго и достигла губернатора, еще нежившегося в постели. Наскоро одевшись, он вскочил на коня и помчался со свитой в гавань. Заметив эту кавалькаду, Кортес спустился в шлюпку с вооруженными гребцами и подплыл к берегу на расстояние голоса.

— Нечего сказать, очень красивая манера, сеньор капитан, — закричал губернатор, — уезжать, даже не простившись!

Прошу снисхождения, ваше превосходительство, — насмешливо ответил Кортес, — ничего не поделаешь, сами понимаете, время и обстоятельства не терпят. Может быть, у вашего превосходительства есть какие-нибудь дополнительные распоряжения? Я готов их выслушать.

Но губернатор, сознавая, в сколь глупое положение он попал, безмолвствовал. Кортес, помахав в виде приветствия шляпой, вернулся к себе на каравеллу, а Веласкес поехал домой, с грустью размышляя, что он сделал две непростительные ошибки: первую — назначив Кортеса начальником экспедиции, и вторую — покусившись лишить его этого на-

чальствования. Он не сомневался, что нажил себе в Кортесе врага, но еще не терял надежды справиться с ним.

Военного снаряжения и провианта у Кортеса было все-таки настолько еще мало, что он не решился прямо плыть к главной цели своего похода и сперва завернул в маленький порт Кубы — городок Макаку. Здесь он забрал столько разных запасов, сколько мог найти на королевских фермах, назвав эту реквизицию «займом у короля». Потом он посетил Тринидат, более значительный город на южном берегу Кубы. Высадившись в Тринидате, он развернул свое черное с золотом знамя и объявил воззвание, которым приглашал желающих присоединиться к экспедиции. Кортес всем обещал богатую долю добычи, а после завоевания коммунду с индейцами. «Впечатление было громадное, — рассказывает Берналь Диас, — люди так и липли к вербовщикам». Добровольцы являлись каждый день к Кортесу. В их числе пришло много спутников Грихальвы и среди них, между прочим, капитан Педро Альварado, подставивший ножку своему прежнему начальнику. Он и его товарищи сообщили немало сведений, полезных для новой экспедиции.

Пока Кортес деятельно закупал провиант, лошадей и вооружение. Вердуго, коррехидор¹ Тринидата, получил от Веласкеса предписание арестовать Кортеса, как уже отрешенного от командования.

— Все мы, офицеры и солдаты, готовы положить свою жизнь за нашего предводителя, а потому, сеньор коррехидор, не начинайте такого дела, — посоветовал Вердуго один из капитанов, узнав о письме Веласкеса, и градоправитель благоразумно положил под сукно губернаторское предписание.

То же самое произошло и в городе Гаване, где Кортес инспектировал людей, корабли и вооружение перед окончательным отплытием с Кубы. Помимо преданности к Кортесу его подчиненных на градоправителя произвел сильнейшее впечатление и сам Кортес, всегда импонировавший окружающим. До нас дошло описание современников его наружности, его привычек и манеры обращения с людьми. Ростом он был выше среднего, лицом бледен, черные глаза смотрели серьезно и пронизательно, голос звучал повелительно. По сложению Кортес был сухощав, но грудь его была высока, плечи широки, члены мускулисты и стройны. Все его тело представляло соединение силы с ловкостью, благодаря чему он был выдающимся наездником, мастерски владел всяким оружием и отличался во всех гимнастических упражнениях. В пище он был умерен, вина пил мало и казался совершенно равнодушным к трудам, опасностям и

¹ Коррехидор — градоправитель, облеченный одновременно и административной и судебной властью.

лишениям. В одежде он не пренебрегал впечатлением, производимым внешностью, но его богатый костюм не бросался в глаза, не отличался, как у многих испанцев, блеском и пестротой. Он мало носил украшений и всегда одни и те же, но всегда очень ценные. Его обращение, открытое и спокойное, скрывало ум холодный и расчетливый. Даже в минуты самого веселого расположения духа в нем всегда можно было подметить выражение непоколебимой твердости, заставлявшей всех, кто имел с ним дело, чувствовать, что этому человеку надо повиноваться. К подобному описанию следует прибавить, что (по свидетельству Берналя Диаса) еще на Кубе Кортес завел себе настоящий штаб, особого домоправителя, стольника, капеллана (священника-духовника) и был окружен лейтенантами, как то и подобало человеку, занимающему высокое положение.

Население маленьких городков встречало музыкой и приветственными криками Кортеса с его внушительной свитой, идалго-плантаторы охотно становились под его знамя. Вполне понятно, что Барбо, человек заурядный, не решился арестовать такого предводителя. Он послал Веласкесу донесение, что одна попытка чего-либо подобного неминуемо поведет к возмущению солдат, которые могут сжечь город дотла. Вместе с тем он писал, что не сомневается в верности Кортеса, и советовал губернатору не раздражать его. Кортес со своей стороны тоже написал Веласкесу, в почтительных выражениях прося его «не слушать наушников и старых дураков-астрологов», положиться на его, Кортеса, преданность и быть уверенным, что уже завтра утром эскадра встанет под паруса. Более чем неприятно было тогда читать все это губернатору, а время показало, к глубокому прискорбию Веласкеса, что в некоторых случаях астрологи все-таки бывают правы в своих пророчествах.

Около мыса Сан-Антонио Кортес произвел смотр всем своим силам. Его флотилия состояла из одиннадцати судов разной величины и названий с экипажем в сто десять моряков. Их дополняли пятьсот пятьдесят три солдата, включая сюда тридцать два арбалетчика и тринадцать аркебузирова, двести индейцев и нескольких туземных женщин для черных работ. На двух-трех главных судах имелось десять больших медных пушек и четыре фальконета. Было еще шестнадцать лошадей, число как будто и не очень большое, но при полном незнакомстве с ними индейцев стоивших целого кавалерийского полка. В общем все это вместе взятое неизмеримо превосходило отряд Бальбоа, но в то же время было до смешного мало по сравнению с армией, которой располагала страна ацтеков. Зато тогдашний испанский солдат по силе и храбрости не уступал бульдогу, его кольчуга хорошо защищала от копий и стрел, его толедский клинок рассекал пополам подушку, а пушки и аркебузы были не только смертоносным оружием, но и предметами суеверного страха.

Перед отправлением в поход капитан-генерал обратился с краткой речью к своим воинам.

— Я готовлю вам, — сказал он, — великолепную добычу, но ее нужно заслужить мужеством и упорными трудами. Великие подвиги всегда совершались только великими же усилиями, и слава никогда еще не была уделом бездельников. Если кто-нибудь из вас предпочитает славе богатство, будто только мне верны, и я сделаю вас обладателями сокровищ, какие и во сне не грезились нашим соотечественникам. Нас мало числом, но мы сильны духом; если он не поколеблется, верьте, всевышний, никогда не покидавший испанцев в боях с неверными, защитит нас, хотя бы нас окружали несметные полчища врагов. Наше дело — дело правое, и мы идем сражаться под знаменем креста. Вперед!

Моряки, солдаты, офицеры, потрясая оружием, кидая шляпы в воздух, приветствовали Кортеса долго не смолкавшими криками восторга. Суровое красноречие вождя, затронувшее в душе авантюристов самые чувствительные стороны честолюбия, корысти и фанатизма, еще больше подняло их дух. Конкистадоры не сомневались, что Кортес ведет их не столько к битвам и опасностям, сколько к добыче и триумфу.

В середине февраля 1519 года флотилия, поручив себя особому покровительству апостола Петра, избранного патрона Кортеса, снялась с якоря и направила свой путь к берегам Юкатана. Погода, сначала благоприятная, вскоре переменялась, и заревела буря, раскидавшая флотилию в разные стороны. После трудного плавания суда порознь собрались у берега большого острова Козумеля, на восточной стороне Юкатана. Здесь Кортес узнал, что капитан Альварадо, прибывший несколько раньше, уже успел обобрать в туземных храмах имевшиеся там золотые украшения и вообще так напугал жителей, что те в страхе бежали в глубь острова. Сделав Альварадо строгий выговор перед фронтом, Кортес велел привести к себе двух захваченных в плен индейцев и, объяснив им через переводчика Мельчорехо¹ о своих мирных намерениях, отпустил их с подарками. Такая умная политика быстро дала должные результаты. Успокоенные беглецы вернулись в покинутые селения и завязали с испанцами меновую торговлю, с радостью отдавая золото за стеклянные бусы, стальные ножи и тому подобную мелочь. Но в общем остров был не богат золотом и не особенно населен. Однако везде на нем встречались признаки культуры неизмеримо выше той, какую испанцы видели на своих островах. Многие дома были выстроены из камня, а

¹ Индеец Мельчорехо был отвезен с Юкатана на Кубу Грихальвой и успел уже подучиться испанскому языку.

храмы с башнями в несколько ярусов поражали своей монументальностью. Во дворе одного из таких храмов конкистадоры были изумлены видом большого каменного креста, вделанного в алтарный столб. Это была эмблема бога ветра, грома и туч, повелителя всего света. Но испанцы вообразили, что здесь кроется нечто другое, — что перед ними эмблема полузабытого христианства. Ошибка вполне простительная для малообразованных людей начала XVI века, если помнить, что впоследствии европейские ученые делали по этому самые несообразные догадки и долго ломали головы над вопросом, кто же именно из христианских миссионеров, очевидно еще в незапамятные времена, ввел в тех местах этот внешний символ христианской религии¹.

Кортес, при виде креста, немедленно же решил обратить туземцев в истинную веру. Ведь он был испанцем своего времени и среды, и его искренно возмущало идолопоклонство туземцев, правда не обагрявших человеческой кровью своих жертвенников. Настоящий испанец-идальго той эпохи (а Кортес полностью воплощал этот тип со всеми его достоинствами и недостатками) у себя на родине неумолимо, огнем и мечом, уничтожал малейшее проявление какой-либо ереси, вне же пределов Испании являлся фанатичным миссионером католического толка. По мнению такого испанца, а тем паче идальго-воина, не позаботиться о душе своего ослепленного мраком неверия противника — значило подвергать гибели свою собственную душу. И, напротив, обращение на путь истины одной чужой души могло загладить множество собственных грехов. В связи с этим завоевательные экспедиции испанцев за океаном обычно были также и крестовыми походами *ad maiorem dei gloriam* (для вящей славы господя). Никто из испанцев ни минуты не сомневался в благодетельности обращения язычников в христианство, и, когда красноречие монахов и патеров² оказывалось недостаточно убедительным (а это случалось не так-то редко), костер и меч считались самыми лучшими аргументами.

Но на острове Козумеле дело не дошло до таких крутых мер при насаждении «религии любви и всепрощения». Тамошние туземцы, из боязни ли белых людей или вследствие слабой веры в своих богов, довольно легко согласились переменить (по крайней мере наружно) прежнюю религию, и конкистадоры, уничтожив идолов, могли пропеть благодарственный молебен в языческом храме, наскоро превращенном в христианскую церковь.

¹ В действительности изображение креста было предметом религиозного почитания во многих странах Старого и Нового Света, в которые до тех пор не проникло еще ни один из видов христианского вероучения.

² Патер (отец) — католический священник.

Перед отплытием с Козумеля к Кортесу явился, между прочим, один испанец, Херонимо Агвилар, пробывший восемь лет в плену у индейцев на материке и по наружности превратившийся в туземного забитого раба с остриженной по обычаю головой. Великолепно изучив за это время местный язык, он в качестве переводчика явился очень ценным приобретением для экспедиции.

Исправив суда, несколько пострадавшие от бури, и хорошо снабдив их провиантом, доставленным дружелюбными туземцами, Кортес в начале марта оставил гостеприимные берега Козумеля. Обогнув Юкатан, он поплыл по направлению к Табаско, откуда Гримальва привез на Кубу известие о стране ацтеков. На Козумеле золота было немного, и конкистадоры рассчитывали добыть его в Табаско. Однако в этой области туземцы встретили Кортеса иначе, чем за год перед тем Гримальву. Уже при первой высадке белых они оказали им энергичное сопротивление. Когда Кортес убедился во враждебности индейцев, он приказал переводчику провозгласить торжественную прокламацию. В ней говорилось, что испанцы требуют для себя только свободного пропуска ради возобновления дружеских связей, уже существовавших прежде между их соотечественниками и туземцами. Прокламация предупреждала, что если табасканцы доведут дело до кровопролития, то весь грех и его последствия падают на их головы, ибо они все равно будут побеждены. На это требование, провозглашенное громко и запротоколированное нотариусом экспедиции, индейцы, понявшие в лучшем случае одно слово из десяти, отвечали воинственными криками и тучей стрел. Началось сражение, быстро проигранное туземцами.

Но это было только начало. Конкистадорам пришлось выдержать ряд жестоких битв, прежде чем табасканцы смирились. Вся область взялась за оружие, и казики собрали огромные силы, до тридцати тысяч человек. Особенно кровопролитной была последняя битва, длившаяся несколько часов. Туземцы, уже неоднократно разбитые, все-таки надеялись подавить врага своей численностью. Меткий огонь испанских пушек и аркебуз был убийственен, густые массы индейцев представляли хорошую мишень для ядер и пуль, каждый залп испанцев вырывал у туземцев десятки убитых и раненых. Но индейцы, уже освоившись с действием огнестрельного оружия, не падали духом. Поднимая ногами густую пыль, бросая в воздух листья, чтобы скрыть своим потери, они с пронзительными криками, под звуки военных труб храбро продолжали наступать. Их сомкнутые колонны катились вперед, как морские волны, и, конкистадоры, осыпаемые градом стрел, дротиков и камней, дрогнули. В эту страшную для них минуту дело решила маленькая кавалерия. Шестнадцать всадников во главе с самим Кортесом, все в блестящих латах, с тяжелыми

копьями наперевес и военным кличем кастильских рыцарей «Санта Мария! Сантьяго!» (Святая Мария! Святой Яков!), как ураган, бронированным клином врезались с фланга в неприятельские толпы. Несколько мгновений остолбеневшие от неожиданности и удивления индейцы молча валились, словно подрубленные деревья, потом они бросились бежать с воплями, в неописуемом смятении давя друг друга, как стадо испуганных овец.

Они стойко выдержали огонь фальконетов и аркебуз; мужественно противопоставили тяжелым мечам конкистадоров свои копья с кремневыми наконечниками, но, когда они увидели ужасных чудовищ — лошадей, — их охватил страх, замораживающий в жилах кровь, страх перед *сверхъестественным*, против которого бесполезна всякая физическая храбрость. Индейцы приняли всадника, скачущего на коне, грызущем удила, ржущем, брызжущем пеной, *за одно* не постижимое для их понимания существо.

Может быть, историк Артур Гельпс, автор обширного труда «Испанские завоевания», и не слишком уж преувеличивает, говоря, что в конечном счете не аркебуза, не крест и меч, и даже не безумная смелость самих конкистадоров, а *лошадь* ниспровергла царство ацтеков и инков.

Потери индейцев были огромны. Даже и не соглашаясь с безусловно преувеличенными в данном случае показаниями испанцев, можно полагать, что они простирались до тысячи с лишком человек. Сами испанцы потеряли всего лишь несколько человек убитыми и около сотни ранеными¹.

Среди пленников, взятых в этой битве, было два кацика. Кортес велел их освободить, заявив на прощанье:

— Возвращайтесь к своим и передайте им от меня, что я готов простить прошлое, если мне тотчас же изъявят покорность; если же нет, то знайте, я пройду по всей стране и все живущее предаю огню и мечу.

Уже на следующий день в лагерь победоносных конкистадоров явилась депутация областных кациков, все в черных одеяниях — знак смирения. Кортес принял их дружелюбно, но потребовал полной покорности и признания верховной власти испанского монарха. У туземцев уже пропала всякая охота к сопротивлению, они приняли все требования победителя² и поднесли ему богатые дары, в том числе двадцать красивых молодых невольниц. Была там одна, самая красивая, появление которой в среде испанцев имело впоследствии гораздо большее значение, чем это могли предположить туземцы или конкистадоры.

¹ Малые потери испанцев объясняются, между прочим, тем, что Кортес еще на Кубе предусмотрительно приказал солдатам простегать походные куртки (далеко не все конкистадоры имели кольчуги, а тем более панцири) хлопчатой бумагой, благодаря чему стрелы очень редко пробивали их.

² В подобных случаях одним из неперенных требований было требование принятия христианской религии.

Овладев страной во имя короля и его наместника, Кортес в память дня великой победы основал на месте достопамятной битвы город Санта-Мария-де-ла-Виттория (св. Мария Победительница), долгое время бывший областным центром. Оставив там достаточный гарнизон, конкистадоры поплыли дальше, удачно занимаясь меновой торговлей с прибрежными жителями, а затем высадились в местах, входивших уже непосредственно в состав мексиканской конфедерации. Здесь Кортес, заложив на берегу моря город Вера-Крус, т. е. Истинный Крест, обосновался прочно и начала вести двойную игру. Он уже узнал, что многие подчиненные ацтекам города и округа с большой неохотой переносят их владычество. Кортес учел, что это обстоятельство в значительной мере облегчает ему разрешение поставленной им себе огромной задачи — завоевание новой страны. И вот он стал, с одной стороны, поощрять вассальные города не платить ацтекам дань, арестовывать сборщиков податей и присылать их нему в Вера-Крус, а с другой — он своей властью любезно освобождал ацтекских чиновников и с дружескими посланиями отправлял к Монтесуме.

Одновременно с этим в своей опасной игре Кортес сделал очень искусный ход, свидетельствующий, как правы были современники, что в Кортесе «скрывался чрезвычайно расчетливый ум». Среди спутников Кортеса было все-таки некоторое количество сторонников Веласкеса. Задумав свалить своего капитан-генерала и тем заслужить милость губернатора, они начали, не без некоторого успеха интриговать против Кортеса. Ополчение конкистадоров не являлось регулярным войском, привыкшим к строгой дисциплине. То было собрание искателей приключений, пустившихся в рискованное предприятие, в котором каждый авантюрист (особенно идалго) считал себя в известном смысле равноправным, а на своего начальника смотрел, выражаясь по-старинному, как на *primus inter pares* (первого среди равных). Нездоровый климат местности Вера-Краса, скудное продовольствие, утомление от страшных битв, эпидемия лихорадки привели к тому, что часть солдат, науськиваемых недругами Кортеса, начала роптать. Стали поговаривать на ту тему, что достаточно уже сделано, пора, мол, вернуться на Кубу, тем более, что Кортес даже не имеет полномочий устраивать новую колонию, что кроме того он уже смещен королевским наместником, что продолжать экспедицию с такими ничтожными силами — значит идти на верную гибель, и т. д. и т. п.

Кортес был прекрасно осведомлен обо всем этом. Конечно ему ничего не стоило бы перехватать смутьянов и без долгих разговоров отправить их к праотцам. Но это был бы метод действия конкистадора типа Охеды или Никуэсы, плохо кончивших. Кортес же поступил гораздо тоньше и сумел одним камнем убить двух зайцев. До поры до времени он молчал, выжидая, чтобы окончательно выяснилось настроение большинства, а

когда убедился, что оно несомненно на его стороне, ловко воспользовался фактом основания новой колонии. В связи с этим событием в Вера-Круссе было уже введено городское самоуправление, выборные члены которого все принадлежали к партии Кортеса. Он явился в здание муниципалитета и с напускной скромностью заявил, что сам он, действительно, хотел бы остаться здесь и продолжать завоевание, начатое столь успешно, но что в то же время он отнюдь не желает выходить за пределы данной ему губернатором инструкции, намерен сообразоваться с желанием войска, готов, достигнув пока еще малого, уже теперь вернуться на Кубу. Закончил же он тем, что во избежание в дальнейшем каких бы то ни было недоразумений и нареканий на него он добровольно слагает с себя звание начальника экспедиции.

В ответ на такое заявление разразилась целая буря протестов. Солдаты, созданные капитанами, окружили палатку Кортеса, вызвали его и тут же совместно с представителями муниципалитета провозгласили его одновременно и своим главнокомандующим и правителем колонии, независимым от губернатора Кубы. Несогласным с этим оставалось только поджать хвосты и прикусить языки. Таким образом Кортес, ясно сознавая, что впереди его ждет или полная победа или топор палача, сделал именно то, в чем так несправедливо был обвинен Бальбоа. В то же время он в отношении центрального правительства подвел все-таки под свое, с официальной точки зрения довольно шаткое, положение несколько более прочный фундамент.

Поблагодарив за избрание и составив об этом официальный акт, Кортес приказал заковать в кандалы и предать суду за подстрекательство к мятежу на походе главных зачинщиков смуты. Затем, не теряя времени, он отправил в Испанию на флагманском корабле своего друга Монтехо с несколькими преданными и влиятельными лицами. Послы, минуя Кубу, повезли Карлу (только что избранному тогда на престол Германской Священной Римской империи) подробный отчет о делах экспедиции, жалобу на противодействие со стороны Веласкеса и богатые подношения золотом.

Теперь у Кортеса до известной степени руки были развязаны. Он мог начать поход в самые недра страны. И было пора, к Вера-Крусу уже приближалось посольство великого мексиканского императора.

Глава V

О посольстве великого Монтесумы, об уничтожении Кортесом своего флота и о трудном походе конкистадоров на город Мехико.

— Как это возможно, что ты, находясь здесь так недавно, уже требуешь счастья видеть нашего императора? — надменно спросил Кортеса Теухтлиле, важный ацтекский вельможа и посол Монтесумы.

Спросил и, струхнув при виде нахмуренных бровей победителя табасканцев, поспешил прибавить тоном уже много ниже:

— Я удивляюсь известию о твоем государе, столь же могущественном, как и великий Монтесума, но если это действительно правда, то я уверен, что мой повелитель почтет за удовольствие иметь с ним сношения.

Затем, чтобы уклониться от продолжения разговора, ведшегося через переводчика Мельчорехо и грозившего принять нежелательный оттенок, посол приказал своим невольникам принести подарки, присланные Монтесумой испанскому вождю. Они состояли из десяти тюков тонких бумажных материй, нескольких великолепных плащей (сделанных из перьев пестрых птиц) и большой плетеной корзины, до краем наполненной предметами из золота. Сверху они были прикрыты массивным золотым же блюдом, оцененным испанцами в двадцать тысяч песо — огромная сумма.

Кортес, со снисходительностью победителя поблагодарив Теухтлиле за подношение, в свою очередь распорядился показать ему подарки, привезенные для Монтесумы: кресла с искусной ярко раскрашенной резьбой, шапку из алого сукна с золотым медальоном и массу стеклянных бус, браслетов и других безделушек. Подобные изделия стоили недорого, но в стране, где и понятия не имели о стекле, они были сочтены за драгоценный дар. Кроме того посол сам выпросил еще один подарок. Увидев на солдате ярко начищенную каску, напоминавшую своей формой шлем на голове «светлого бога» Кецалькоатля, он изъявил желание показать ее Монтесуме. Кортес, которому уже была известна легенда о божестве, ожидаемом с востока, охотно согласился, выразив надежду, что каску возвратят наполненной золотым песком.

— Я хочу сравнить ваше золото с золотом моей родины, — пояснил он, присовокупив к слову: — Мы, испанцы, страдаем особого рода сердечным недугом, который может быть излечен только золотом.

Он дал таким образом ясно понять послу мексиканского императора, что ему требуется как можно больше желтого металла, и кстати, воспользовавшись удобным случаем, показал послу и степень военного могущества испанцев.

Произошло это так.

Во время переговоров Кортес заметил, что один ацтек из свиты Теухтлиле усердно что-то чертит на куске полотна, очевидно стараясь зарисовать какой-то предмет. Взглянув на полотно, Кортес увидел на нем изображение испанцев, их костюмов, оружия и других предметов, новых для мексиканцев. Были тут изображены и корабли, неподвижно стоявшие на глади залива. Все это было сделано чрезвычайно искусно и всему был придан достаточно верный вид и окраска. На вопрос, зачем это делается, посол ответил, что художник рисовал людей и вещи для представле-

ния рисунков императору, который тем самым получит гораздо более точное представление о новоприбывших, нежели из описания на словах¹.

Эта мысль понравилась Кортесу, и он предложил художнику зарисовать военные эволюции испанцев. На мокрый песок взморья выехала кавалькада всадников, смелые и быстрые движения которых и легкость, с какой они управляли разгорячившимися конями, сверкание оружия и звуки военной трубы повергли туземных зрителей в трепетное изумление. Но главный эффект был еще впереди. Кортес махнул рукой, и прогремел залп сразу из всех шестнадцати орудий, превращенных в походную артиллерию. Когда раздался пушечный гром, повторенный эхом, когда оглушенные ацтеки увидели клубы дыма и пламени, извергавшиеся из жерл, дотоле безмолвных, когда они слышали протяжный визг ядер, вдребезги разбивавших стволы больших деревьев, — они почти все, кроме посла, упали на колени, закрывая лица руками. Ими овладел ужас, которого они не в силах были преодолеть, ни скрыть.

Оправившись от сильных впечатлений новизны и страха, Теухтлиле тронулся с торжественными церемониями в обратный путь, приказав туземцам от имени императора беспрекословно доставлять бледнолицым людям провиант и все, что им понадобится. Самого же Кортеса он подобострастно просил подождать известий о новых распоряжениях Монтесумы. Но конкистадор не имел ни малейшего желания руководствоваться в своих действиях распоряжениями ацтекского монарха. Он и без него знал, что ему надо делать, и считал, что теперь пришла уже пора навестить Монтесуму в его собственной резиденции.

Начались приготовления к походу, во время которых случайно был открыт небольшой заговор. Несколько человек, во главе с патером Диасом, не желавшие отправляться в опасную экспедицию, задумали, захватив одно судно, вернуться на Кубу. План этот хранился в такой глубокой тайне, что заговорщики успели снабдить провизией и водой бригантину, не возбудив ничьих подозрений. Только в ночь, назначенную для отплытия, один из заговорщиков, неизвестно почему, выдал своих сообщников. Все они были арестованы и немедленно судимы. Двух главных приговорили к повешению, лоцману постановили отрубить ноги, остальных высечь плетью. Патер-коновод, благодаря привилегиям своего звания, отделался лишь испугом. Один из повешенных был, между прочим, тот самый альгасил (полицейский), по имени Эскудеро, который за несколько лет перед тем так ловко схватил Кортеса, когда тот

¹ Насколько ацтеки были искусны в рисовании, видно из следующего: художник, например, так верно изобразил лицо Кортеса, имевшего большое сходство с одним ацтекским вельможей, что испанцы впоследствии сразу узнали его и прозвали «мексиканским Кортесом».

неосторожно вышел в Сантьяго из церкви, служившей ему убежищем. Однако в его казни ни в коем случае не следует видеть со стороны Кортеса акт личной мести. Кортес был слишком крупным человеком для таких мелких счетов. Напротив, рассказывают даже, что, подписывая эти смертные приговоры, он покачал головой и со вздохом сказал: «Как бы я желал не уметь писать». Впрочем, Берналь Диас, всегда очень сочувственно относившийся к Кортесу, не без некоторого ехидства замечает по этому поводу: «Но ведь это или нечто подобное говорилось уже не раз, начиная с императора Нерона».

Обнаруженный заговор произвел на капитан-генерала очень сильное впечатление. Этот случай показал ему, что среди его соратников есть люди, на которых нельзя положиться и которые при малейшей неудаче будут смущать менее стойких. Не приходилось сомневаться, что пока было средство к отступлению, всегда можно было опасаться дезертирства и связанного с ним уменьшения и без того немногочисленного войска. Надлежало поэтому создать такую обстановку, при которой отступление было бы совершенно невозможно. В такой большой и сложной игре, которую вел тогда Кортес, поневоле приходилось рисковать очень крупными ставками, лишь бы выиграть первый приз. И вот, воспользовавшись тем, что главные силы были уже не на побережье, Кортес, ознакомившись в Саламанке с древней историей, решил, по примеру Агафокла Сицилийского¹, уничтожить, без ведома солдат, свою флотилию.

Он провел это щекотливое дело весьма осторожно и ловко. Его приверженцы путем подкупа убедили лоцманов донести Кортесу, что корабли, сильно потерпевшие от бурь, уже негодны для плавания, особенно в своих подводных частях, будто бы совершенно источенных червями. Капитан-генерал принял это сообщение с великолепно разыгранным удивлением и явной печалью.

— Если так, — воскликнул он, — я должен исполнить свой тяжелый долг! Да будет воля божья!

После этого пять кораблей были оснащены, весь такелаж, паруса и железо были перенесены на берег, а суда пущены ко дну. Но на этом не остановились. Дело было доведено до конца по-настоящему. Последовало новое донесение лоцманов, вроде первого, и еще четыре корабля из пяти поглотили морские волны. Осталась только одна бригантина², на

¹ Правитель Сицилии и полководец Агафокл (IV до н. э.), напав на Карфаген в Северной Африке, сжег свой большой флот из тех же соображений, что и Кортес. Формально он мотивировал это тем, будто бы дал богам обет поступить так, если благополучно доплывет до африканских берегов.

² Флотилия состояла из одиннадцати судов. Девять было потоплено, одно, после основания Вера-Крус, отправлено с донесением в Испанию.

которой могло бы дезертировать самое большое человек сорок-пятьдесят, что было уже не страшно.

Когда весть о полном уничтожении флота дошла до солдат, среди них поднялся ропот. Стали говорить, что это похоже на измену, что Кортес ведет своих соратников на убой. Обстоятельства приняли весьма неприятный оборот для капитан-генерала, ему грозила, несмотря на весь его авторитет, большая опасность. Но находчивость и самообладание не покинули Кортеса. Выступив на сходке, им же созванной, он спокойно заявил, что корабли оказались никуда негодны, что от факта их истребления прежде и больше всего пострадал он сам, ибо истратил на их снаряжение все свое состояние. Да, кроме того, — увещевал Кортес мрачно слушавших его солдат, — корабли в данном случае вообще не играли особой роли. Если поход удастся, каравеллы не нужны, если же экспедиция потерпит неудачу, то войско, находясь далеко от берега, все равно не может воспользоваться флотом. А между тем потопление флота дало возможность усилить экспедиционный корпус значительным количеством боеспособных людей. Заранее обдумывать способы отступления, — говорил Кортес, сверкая глазами, — недостойно храбрых испанцев. Начав такое великое предприятие, нечего оглядываться назад. Надо быть по-прежнему уверенными в себе и в своем предводителе, тогда успех обеспечен.

Все, что говорил с обычным своим апломбом Кортес, было убедительно и логично, заключение же явилось эффектным выпадом в сторону колеблющихся и смутьянов.

— Что касается меня, — закончил он свою речь, — моя участь решена... Я останусь здесь, пока при мне будет хоть один товарищ. Если среди нас, к нашему позору, есть трусы и малодушные, которые боятся опасностей нашего славного предприятия, — пусть они поскорее убираются на Кубу, ведь для этого имеется еще одно судно. Дома у них будет достаточно времени порассказать, как они доблестно покинули своего генерала и своих боевых товарищей. Болтая у печки с бабами, они могут терпеливо поджидать, пока мы вернемся с мешками мексиканского золота. Теперь довольно! Я сказал все!

По мере того как Кортес говорил, лица слушателей прояснялись все больше. Первый порыв неудовольствия солдат уже прошел, предвидение возможных опасностей потускнело, а картина будущих сокровищ предстала в ослепительном великолепии. На смену недоверчивости пришел восторг, энтузиазм охватил самых осторожных, и, едва Кортес кончил говорить, снова, как при отплытии с Кубы, в воздух полетели шляпы, снова зазвенело оружие, обнажаемое сильными руками, и по рядам конкистадоров пронесся общий крик: «Вперед! В Мехико! В Мехико!»

Однако, хотя побережье отделяло от города Мехико-Теночтитлана всего лишь семьдесят лиг, а мексиканские дороги были очень не плохи, достигнуть ацтекской столицы оказалось не так-то просто и легко. Между областью Табаско, уже завоеванной Кортесом, и страной собственно ацтеков лежала еще гористая область — республика Тласкала¹. Тласкаланцы, племя, родственное ацтекам по крови и религии, истари отличалось свободолобием и воинственностью. Они были отличными стрелками и могли разом пускать две и даже три стрелы, но особенно славились они метанием дротиков и умением владеть мечом и особой палицей с лезвием из обсидиана². В то же время они достигли довольно высокой материальной культуры, знали обработку металлов, кроме железа, и разные другие ремесла, построили города-крепости, удивившие испанцев монументальностью каменных сооружений. Благодаря умению хорошо обрабатывать плодородные земли своей страны, тласкаланцы пользовались значительным благосостоянием. Не стремясь распространить пределы своих владений, они всегда с успехом сопротивлялись всяким покушениям извне на их независимость неоднократные попытки могущественных ацтеков покорить Тласкалу кончились ничем, и только при Монтесуме II удалось заставить тласкаланцев согласиться на уплату ежегодной дани «озерному городу».

Когда в Тласкале стало известно, что «белые бородатые люди с востока» собираются идти в Мехико через их страну, собрался великий племенной совет, на котором было решено не пропускать пришельцев. То, что испанцы шли войной на ацтеков, подлежало в глазах тласкаланцев еще сомнению, ибо им было ведомо, что Кортес обменивается подарками и любезностями с Монтесумой и отпускает его чиновником, арестованных другими индейскими племенами. Факт же, что иноземцы свергали кумиры древних богов, вводили новую религию путем насилия, основали военный город и алчно забирали золото где только можно, — было неоспорим. Возникло понятное опасение, что, соединившись с Монтесумой, они, подкупленные им, помогут ацтекам покончить с независимостью Тласкалы. И на требование Кортеса пропустить его с войском в Мехико тласкаланцы ответили категорическим отказом.

¹ Тласкалу приходится условно называть республикой в противоположность государству ацтеков, возглавлявшемуся единоличным монархом. Тласкала состояла из четырех отдельных самостоятельных владений, управляемых кациками. Важные вопросы, касавшиеся всей Тласкалы (война, мир и т. п.), решались советом (по терминологии испанцев «сенатом»), состоявшим из четырех главных кациков и представителей родовой знати.

² Обсидиан — стекловатая горная порода вулканического происхождения, легко оттачиваемая до остроты бритвы, но быстро притупляющаяся.

Опять начался у конкистадоров длинный ряд кровопролитных битв с меднолицыми воинами. Никогда, ни прежде, ни потом, не встречали испанцы такого жестокого сопротивления, как в Тласкале. Борьба была необычайно упорная и походила на баснословные битвы испанских баллад, в которых горсть рыцарей сражается с целыми легионами врагов и побеждает их. Но теперь в Тласкале были не воображаемые поля сражений, а реальные битвы такого характера, что среди конкистадоров невольно поднималось сомнение: не смешно ли им, ослабевшим численно, израненным, больным лихорадкой, идти походом против самого великого Монтесумы, если даже небольшая Тласкала не пропускает их? Но положение дел было таково, что идти можно было только вперед. Ведь флот, благодаря предусмотрительности Кортеса, был уничтожен, не на чем было плыть на Кубу, а возвращение в Вера-Крус побежденными означало восстание табасканцев против белых и поголовную резню их.

Если бы обитатели Тласкалы, при их храбрости и умении владеть оружием, были также знакомы хоть с основами военного искусства, судьба нескольких сотен конкистадоров, подкрепленных тысячьо-другой союзных табасканцев, несомненно была бы самая плачевная. Они не только не пробивались бы к цели своего похода, но постепенно все были бы частью перебиты, частью взяты в плен. Это было лишь вопросом времени. Но, к счастью испанцев, тласкаланцы не имели ни малейшего представления о регулярном строе, двигались огромными массами, в бою толпясь и напирая друг на друга. Они совершенно не умели сосредоточивать свои превосходящие силы в так называемом фокусе битвы и выдерживать натиск врага, вводя в дело один отряд на смену другому. У них фактически сражались с противником лишь передние ряды, остальная громада оставалась в тылу и была хуже чем бесполезной: беспорядочно наседая на передовой отряд, задние только мешали, а чуть что — заражались паническим страхом и повергали все войско в страшное смятение.

Пришлось более подробно остановиться на битвах Кортеса с табасканцами и тласкаланцами, потому что они дают общее представление обо всех боевых столкновениях испанцев с наиболее многочисленными и лучше организованными племенами Нового света. Эти битвы можно сравнить с битвами между древними греками и персами, когда первые с малым, но хорошо обученным войском побеждали огромные ополчения вторых.

И все-таки, вследствие неизмеримого превосходства сил тласкаланцев, они, заперев дерзких завоевателей в своей гористой стране, в конце концов уничтожили бы их. Но между кациками Тласкалы не было должного единения. Одни из них под влиянием легенды о «белом боге с длинной бородой», другие из личных соображений или страха перед оружием пришельцев, третьи в надежде раз навсегда рассчитаться с ацтеками мало-помалу начали склоняться в пользу мира. Кортес, превосход-

ный дипломат, искусно пользовался подобными настроениями. В перерыве между боями он завязывал переговоры с туземцами, одаривал их, доказывал им, что испанцы и Тласкала естественные союзники против одного общего врага — Монтесумы, убеждал, что тласкаланцы ничего не потеряют, а только выиграют, прекратив бесполезные сопротивления и пропустив его в Мехико.

Такие переговоры велись при помощи переводчика, причем переводчиком теперь была уже женщина. Испанец Херонимо Агвилар, бежавший из плена, знал только юкатанские наречия, индеец Мельчорезо, очевидно считая дело конкистадоров проигранным, тайком покинул их. Место прежних мужчин-переводчиков заняла женщина, та самая невольница, которую в числе других рабынь Кортес получил в подарок при заключении мира в Табаско. Эта девушка родом была из страны ацтеков, но рано попала в плен к обитателям Табаско. Кроме своей выдающейся красоты, она обладала и другими достоинствами: была очень умна, смела, находчива и одарена большими лингвистическими способностями, в связи с чем прекрасно знала многие местные наречия. Став личной собственностью белого вождя, она приняла христианство, получив при крещении имя Марины. Немного времени потребовалось Марине при ее дарованиях на изучение испанского языка, тем более, что этот язык (по поэтическому выражению одного из биографов Кортеса) оказался для нее «языком любви».

Здесь, забегаая несколько вперед, следует сказать, что красавица-индианка вскоре сделалась фактической женой Кортеса, которого до конца дней своих любила с восторженным обожанием и от которого имела сына¹. Ее преданность Кортесу была безгранична.

Никогда не отделяла она своих интересов от интересов соотечественников своего мужа, с необычайным мужеством разделяла с ними все трудности и великие опасности завоевания, всегда была настороже, предупреждала о грозящей испанцам опасности, разрушала предательские замыслы туземцев. И вместе с тем, по свидетельству Берналя Диаса, ее влияние на индейцев было огромно; они верили ей, выслушивали ее доводы, после бесед с нею начинали менее враждебно смотреть на пришельцев. Все это конечно очень облегчало, между прочим, и дело мирных переговоров. В этом вопросе Марина оказала испанцам неоценимые услуги.

Тласкаланцы, прежде чем пойти на мир, дали, подобно табасканцам, еще одну великую битву конкистадорам. И на этот раз дело в последнюю минуту решила маленькая кавалерия с Кортесом впереди. Туземцы, уже освободившиеся от суеверного страха не только перед огнестрельным ору-

¹ Дон Мартино Кортес, носивший фамилию отца, получивший дворянское звание и бывший командором военного ордена Сантьяго.

жием, но и перед лошадьми¹, все же не выдержали ураганной атаки всадников, закованных в сталь, и показали тыл. Вскоре после этого между испанцами и тласкаланцами был заключен прочный мир, а затем и военный союз, которому Тласкала осталась верна до конца завоевания Мексики.

Теперь путь в Мехико был открыт. Нельзя было считать скольконибудь серьезным препятствием то обстоятельство, что Монтесума, неоднократно присылая посллов, старался под разными предложениями, посулами золота и даже замаскированными угрозами заставить Кортеса отказаться от его намерения вступить в страну ацтеков.

Отдохнув от длинного ряда битв, подсчитав свои потери, оказавшиеся довольно серьезными, конкистадоры военным маршем двинулись на Мехико. По пути они остановились в большом городе Холуле, одним из крупнейших звеньев ацтекской конфедерации, где Кортес чуть было не сложил свою голову. Вожди округа Холулы приняли конкистадоров чрезвычайно гостеприимно и беспрепятственно впустили их в город. Кортес, учитывая свою славу непобедимого завоевателя, принял это, вопреки своей обычной пронциательности, за чистую монету. На самом же деле испанцам, по наущению ацтекских эмиссаров, была уже приготовлена западня, из которой они не выбрались бы, если бы не Марина. Все уже было готово, резня белых должна была произойти через день. Но жена одного кацика, очарованная Мариной и сожалея, что ей предстоит погибнуть вместе с испанцами, рассказала ей все, предложила изменить новым господам и бежать к своим. Марина, ответив полным согласием, начала даже в присутствии своей доброжелательницы готовиться к бегству, а когда ушла, сообщила о заговоре Кортесу. Кортес немедленно же разыграл комедию, быстро перешедшую для туземцев в трагедию. Пригласив к себе главных вождей, он объяснил им о своем намерении выступить завтра же в поход на Мехико и с видом полного доверия просил дать ему провианта и вспомогательный отряд. Вожди были в восторге — страшный зверь сам лез в ловушку, белый вождь оказался совсем не таким всеведущим, как это можно было думать. Но пока они, едва сдерживая свое нетерпение, ликовали, Кортес, уже разработав план контрзаговора, разместил в нужных местах пушки. Поутру холулские воины вспомогательного отряда собрались на площади, где стояли бивуаком испанцы, а вожди вошли, ничего не подозревая, к Кортесу пожелать ему доброго пути. Тут картина сразу переменилась. Кортес объявил вождям, похолодевшим от ужаса, что ему, по его всеведению свыше, известен их гнусный замысел со всеми его подробностями и что теперь наступил час рас-

¹ В одном сражении тласкаланцам удалось, убив лошадь, захватить ее труп и таким образом убедиться, что она не является сверхъестественным существом.

платы за предательство. «Я сумею, — прибавил конкистадор, — отделить правых от виновных¹. Мне говорили, что в заговоре участвует сам Монтесума, но я не хочу верить, чтобы великий монарх мог запятнать себя такой низкой изменой». Говоря так, Кортес на самом деле не хотел преждевременно запугивать представителей Монтесумы, со смущенным видом присутствовавших при этом разговоре.

При последних словах Кортеса его лейтенант, выйдя из палатки, подал условный знак, и тотчас же загрохотал пушечный залп картечью в упор по собравшимся туземцам. Вслед за этим на них бросились кавалеристы и пехотинцы, — произошла бойня, но только в порядке, обратном задуманному вождями.

Была уничтожена не одна тысяча людей, в том числе и главный вождь, а другие кацики, взятые в плен, сожжены на кострах, несомненно в виде грозного предупреждения самому Монтесуме.

Спустя несколько дней испанцы возобновили свой поход на Мехико. Останавливаясь, с соблюдением крайних предосторожностей, только для необходимого отдыха, они не встретили больше на своем пути, гористом и очень живописном, ни военного сопротивления, ни других препятствий.

В первых числах ноября 1519 года с предозерного нагорья перед восхищенными конкистадорами открылась наконец во всей своей красе царица мексиканских городов, с ее пирамидальными храмами, императорским дворцом, каналами, мостами, башнями и плоскими крышами домов, украшенными цветниками.

Глава VI

Об оккупации Кортесом столицы ацтеков, о смерти Монтесумы и ужасной для конкистадоров «ночи печали»

«Когда мы подошли, — повествует Берналь Диас, — к месту скрепления главной дамбы с меньшей, нас остановила громадная процессия саванников и высокопочтенных лиц, занявшая всю ширину дамбы. Они приветствовали Кортеса и нас от имени самого Монтесумы, и сопровождавшие нас высокие князья заторопились вперед, чтобы со своей стороны встретить своего повелителя. И вот вдали показался и он сам, Монтесума, несомый на несказанно дорогих носилках, окруженный громадной блестящей свитой. Пори нашем приближении он поднялся; и сейчас же склонились спины, и самые высшие кацики схватили его под руки и как бы снесли на землю, а над ним возвышался балдахин, ослепительно

¹ Через Марину Кортес был осведомлен, что некоторые вожди не только не сочувствовали заговору, но даже старались расстроить его.

сверкавший золотом и драгоценными камнями, от которого нельзя было оторвать глаз. Одевание великого монарха было столь богатым, что даже мягкие его полусапожки были усыпаны камнями и жемчугом. Служаки все время расстилали дорогие шали, дабы ноги монарха не коснулись голышом земли. Никто, кроме четырех князей-родственников, не смел смотреть прямо в глаза Монтесумы: у всех головы были почтительнейше и благоговейно склонены. При приближении Монтесумы Кортес соскочил с коня и пошел ему навстречу. Обменялись поклонами. Монтесума произнес: «Приветствую вас», а Кортес через Марину: «Как изволите здравствовать?» Затем Кортес из надушенного мускусом платка извлек ожерелье граненого венецианского стекла и возложил его на Монтесуму, когда же он хотел при этом обнять его, ему помешали ближайшие люди из свиты, ибо особы монарха никто не смеет коснуться. Затем было произнесено еще несколько ласковых и учтивых слов, и Монтесума отбыл в Мехико, повелев двум своим племянникам сопровождать нас в наши квартиры».

Такова была первая встреча конкистадоров с мексиканским императором Монтесумой, высоким человеком лет сорока, с важными манерами и представительной, строгой наружностью.

С распущенными знаменами и музыкой вступили испанцы в столицу ацтеков. Толкотня на улицах была невероятная. Всякому интересно было взглянуть на «белых людей с востока», которых в их планомерном продвижении по стране не могли удержать ни природные препятствия, ни оружие, ни угрозы, ни даже подкуп золотом, столь ими любимым. С крыш, балконов, мостов, лодок и плотов на каналах жадно впились в испанцев десятки тысяч глаз, горевших любопытством, ненавистью, недоумением. Конкистадоры вместе с вспомогательным отрядом горцев Тласкалы казались затерянными в этом человеческом море¹. Кортес, смело переезжая через подъемный мост дамбы, все же невольно подумал, что, если ацтеки поднимут или сожгут мост, конкистадоры окажутся в положении пленников.

Для гостей был отведен дворец Ахаякатля, отца Монтесумы, обширное каменное строение, в середине двухъярусное. Оно стояла почти рядом с оградой главного храмового двора и неподалеку от обиталища самого императора. Первой заботой Кортеса было, осмотрев помещение, превратить его в настоящую крепость. Это было нетрудно при той манере, с какой вообще строились ацтекские дома, а дворец к тому же был обнесен еще стеной с башенками. Фальконеты установили так, чтобы они могли обстреливать подступы к главному входу дворца, разместили, где

¹ Конкистадоров, вошедших в столицу, насчитывалось менее четырехсот человек, так как пришлось оставить гарнизоны в двух основанных Кортесом городах; часть же испанцев уже погибла в боях; тласкаланцев, вероятно, было тысячи две-три.

полагается чаждать во всех отношениях усилили военную дисциплину до крайней ступени, виною чему находились на походе, а не в гостях.

— Держу я не хеда в таком положении, как будто вы не только готовитесь к (зкой из) уже действительно начинаете ее, — приказал Кортес своим людям, запудучивая неизбежные осложнения.

Но опасектвовавнцев были ничто по сравнению с тревогой и суеврым страхом дних слеля ацтеков. Он совершенно упал духом. Когда, еще до вступлени знак, ицев в столицу, брат Монтесумы, взывая его к чувству долга вовшимся тика, убеждал его встать во главе войска и прогнать немногочислинцы, —ришельцев, Монтесума с горькой улыбкой ответил:

— Могу лвождямнибудь предпринять, когда сами боги против нас?

Этими слтожена император определил свое отношение к надвигающимся событки, взятсчитал себя уже обреченным. Нечто подобное сказал он и Корупреждеервый же день посетив его на новой квартире. По объяснению зколько мы, он принимал испанцев не как иноземцев, но как родных, съ, с соблих потомков «белого вождя-бога», некогда правившего странойотдыха,з и обещавшего вернуться из-за моря с востока. Соответственно исном, вло и поведение Монтесумы в отношении испанцев. Он одаривал числах ном «со щедростью большого барина», по выражению Берналяконкистаботился, чтобы все они, начиная с простого солдата, ни в чем нканскихлись, постоянно устраивал для Кортеса и его офицеров роскошном, канцы, увеселял их представлениями фигляров и акробатов. Он разнными эстям осмотреть свою столицу, благодаря чему конкистадоры и возможность познакомиться с внутренним расположением огромно з, — обстоятельство очень важное на случай военного столкновения,пации Ксдами. Испанцы с большим интересом осматривали столичные зд и ужасрщественные и частные, подивились на обширные рынки, где к овар продавался в особом ряду, любовались с башен видом озера и подошлвпшихся за ним горных вершин. Наконец, по просьбе Кортеса, имдамбы с логласился, чтобы испанцы вместе с ним осмотрела главный храмсокопопы. Он даже приказал, чтобы Кортеса внесли, как его самого, на веи Кортепирамиды на плечах¹, но капитан-генерал отказался от этой честисокие кчочел взойти сам впереди своих людей. Наверху испанцы увиго повебой формы камень-жертвенник из яшмы², огромна неска:

¹ Восхождтой. Поысокую пирамиду было очень утомительно, ибо лестницы разделялины, итять отделений так, что, взойдя на первое отделение, надо было про на землротивоположную сторону пирамиды, чтобы взойти на второй этаж, и ыре раза.

² Камень и укную форму, так что, когда на него клали человека на спину, грудь вину Корсь вперед, и жрецу было очень удобно расечь ножом грудь и вынутзаговору,

ный цилиндрический барабан из змеиных кож, унылый звук которого, слышимый на расстоянии нескольких километров, раздавался только в исключительно важных случаях. Посмотрели они на барельефы с изображениями ацтекского календаря и религиозных обрядов, на вечный священный огонь, поддерживаемый весталками (жрицы-девственницы), на истуканов чудовищных богов с украшениями и эмблемами из чистого золота и на другие принадлежности мрачного святилища, вроде клеток со змеями. Отвратительный застарелый запах крови, следы которой были видны повсюду на стенах, полу, на одеяниях темного цвета жрецов, уродливые лица богов — копия физиономии самого сатаны в изображениях художников средневековья — произвели на испанцев потрясающее впечатление. Им казалось, что они на самом деле попали в ад, который они, как христиане, обязаны уничтожить во что бы то ни стало.

После посещения храма Кортес под влиянием всего виденного поднял вопрос о введении в Мехико христианства и искоренении язычества. Но Монтесума с твердостью отклонил это предложение, сказав:

— Малинче¹! Если бы я знал, что ты будешь поносить моих богов, я никогда не показал бы их тебе. Для нас они — добрые боги; от них исходит жизнь и смерть, удача и урожай, а потому мы им поклонимся. Очень прошу тебя оставить впредь всякое дерзновенное слово.

Кортес почел за лучшее пока не спорить, тем более, что Монтесума не воспротивился желанию испанцев построить в своем помещении капеллу и даже прислал для работ придворных каменщиков.

При сооружении этой капеллы испанцы сделали, между прочим, открытие, подтвердившее слухи о несметных сокровищах мексиканского императора, хранимых им в разных тайниках. Выбирая место для постройки и старательно исследуя стены здания, они наткнулись на след недавно замурованной двери, о чем и доложили Кортесу. Он приказал вскрыть дверь и с несколькими конкистадорами вошел в замурованное помещение, лишенное света. Когда зажгли факелы, испанцы сперва стояли молча, как замороженные, потом разразились криками неопишимо восторга. Они увидели большое помещение, доверху наполненное сокровищами Монтесумы. Тут были богатейшие материи, покрывала и плащи из перьев колибри, изыскано отделанные великолепным жемчугом, сосуды с драгоценными камнями, всевозможные предметы ювелирного искусства, в котором ацтеки достигли большого совершенства, а главное — в изобилии золото в виде самородков, песка, ожерелий, браслетов и плиточек. Если бы в Западной Европе в те времена люди читаю-

¹ Так туземцы, плохо выговаривавшие букву «р», прозвали Кортеса, что в переводе значило «повелитель Марины».

щие уже были бы знакомы со сказками «Тысячи и одной ночи», Кортес мог бы сказать, что он вошел в заколдованную пещеру Али-Бабы, открытую Алладином, или же, напротив, подумать, что все это только сон, игра воображения, что перед ним лишь ослепительный мираж, который рассеется при первом толчке грубой действительности. Но это была самая настоящая действительность, о которой Берналь Диас на старости лет вспоминал так: «Я был тогда молодым человеком, и мне показалось, будто все богатства вселенной были собраны в этой комнате». Итак, столица ацтеков уже начинала оправдывать надежды, связанные с нею.

Однако Кортес, считая, что время еще терпит, не реквизирует тотчас же «клада Монтесумы». Он распорядился снова заделать дверь и не разглашать о находке. На очереди стоял тогда другой, более важный вопрос, от удачного разрешения которого зависело все дальнейшее. Испанцы провели в Мехико всего лишь шесть дней, но благодаря Марине и отчасти тласкаланцам уже хорошо были осведомлены о закулисных настроениях столицы. Снаружи все было как будто спокойно, но внутри уже шло большое брожение, грозившее внезапным взрывом. Всемогущие жрецы всеми силами восстанавливали народ против иноземцев. Служителям ацтекского культа было из-за чего беспокоиться. Ожидаемое возвращение «светлого бога», детьми или представителями которого считались испанцы, необходимо предполагало низвержение темнокожего свирепого Тецкатлипока и аналогичных ему божеств. «Светлый бог», утверждало никогда не умиравшее в народных массах древнее предание, не допускал человеческих жертвоприношений, считая, что при богослужении совершенно достаточно аромата цветов и воскурения фимиама без всякого пролития крови. Такое учение совпадало с некоторыми внешними сторонами церковного ритуала испанцев-католиков. С утверждением господства «детей» светлого Кецалькоатля неминуемо должны были быть низвергнуты кумиры кровожадных богов войны и ночи, а вместе с ними полетели бы и их служители, жрецы, которых только в одном Мехико насчитывалось тысячи три. Эти тунеядцы, любители человеческого мяса, прекрасно понимали, что им грозит: ведь с введением новой религии они должны были потерять не только свою власть, но и свои огромные доходы и, уступив место испанским патерам, оказаться в положении «безместных заштатных попов» — звание весьма мало почетное и еще того менее прибыльное. И жрецы мучили население везде, где только было можно. Простонародью они внушали, что пришельцы всех обратят в рабство (тут они были очень близки к истине); купцам толковали, что их лишат возможности свободно торговать и задавят непосильными налогами; воинов пугали, что их истребят или продадут в рабство тласкаланцам, теперь союзникам пришельцев; самому Монтесуме грозили

страшным гневом богов, если он не исполнит своего долга жреца-вождя и не освободит страну от чужеземцев. Вместе с тем жрецы доказывали всем и каждому, что пришельцы вовсе не «дети бога», а обыкновенные смертные люди, и ацтеки, уже приглядевшись к испанцам, все больше начинали соглашаться с мнением своих духовных руководителей.

Сильнее всех под влиянием испанцев находился сам Монтесума. Но на него конечно Кортесу нельзя было положиться. Император мог оказаться искусным лицемером: одну руку протягивать для дружеского рукопожатия, а другой уже оттачивать меч для нанесения предательского удара. Но и помимо этого он мог в любой момент уступить требованиям своего окружения и даже против воли согласиться на резню иноземцев. Таким образом Кортесу надо было обезопасить себя самым решительным образом и самому нанести быстрый удар, чтобы предотвратить всякую попытку к сопротивлению. И вот капитан-генерал, считая, что в некоторых случаях смелость является наилучшим способом действия, решил арестовать могущественного императора в самом центре его владений. Следующее обстоятельство навело Кортеса на такую мысль. Еще раньше испанцы заметили, что когда кацик воюющего с ними племени был убит, то туземцы на его место избирали другого и продолжали воевать, если же вождь попадал в плен, то военные действия прекращались. Объяснялось это, по-видимому, тем, что раз пленный кацик оставался в живых, он сохранял свой сан жреца-военачальника, не сменяемый до смерти, вследствие чего племя без верховного руководителя было как бы парализовано для активного действия. Такой случай уже был с Кортесом в Табаско, теперь его надлежало повторить. Поводов к аресту Монтесумы долго искать не пришлось. Когда Кортес пробивался с боем через Тласкалу, один кацик в Табаско, заманив к себе двух испанцев из гарнизона Вера-Круса, убил их и голову одного мертвеца послал в подарок Монтесуме. Комендант Вера-Круса, капитан Хуан Эскаланте, предприняв в связи с этим предательством карательную экскурсию, захватил в плен несколько индейцев, которые показали (может быть и ложно), что испанцы были умерщвлены по приказанию Монтесумы. Да к тому же оставалось еще под сильным подозрением участие Монтесумы в предательских замыслах кациков города Холулы.

Вооруженный такими данными, Кортес на седьмой день своего пребывания в столице ацтеков отправился с вооруженными людьми к Монтесуме, ничего не подозревавшему. Принятый по обыкновению очень дружески императором, вождь конкистадоров прямо приступил к делу: предъявил свои обвинения и предложил Монтесуме переехать к нему на жительство. Монтесума от всего отрекся: он ни в чем не был виновен, положительно ничего не знал и глубоко возмущен злодейством своих

вассалов. В доказательство искренности своих слов он сейчас же посылает, — заявил император, — воинов арестовать преступного кацика и доставить его в столицу для казни. Что же касается предложения переселиться к испанцам, то Монтесума воскликнул с негодованием:

— Посуди сам, что ты говоришь, Малинче! Слыхано ли когда, чтобы великий государь, подобный мне, добровольно покинул свой собственный дворец и отдался в плен чужеземцам?!

Это была последняя вспышка гордости монарха, участь которого была решена, как только испанцы вошли в его покои. Кортес, не желая обострять и без того уже напряженного положения, принялся убеждать Монтесуму, что это вовсе не плен, а залог мира, что император, ввиду несколько возбужденного состояния своих подданных, подстрекаемых жрецами, будет чувствовать себя гораздо спокойнее и безопаснее среди испанцев, относящихся к нему как к другу и союзнику. Но Монтесума продолжал не соглашаться. Беседа длилась уже часа два и грозила затянуться до бесконечности, как вдруг офицер Веласкем де Леон, грубый солдат, считавший, что все споры и недоразумения лучшего всего разрешать мечом, крикнул Кортесу хриплым голосом: «К чему ваша милость теряет столь много слов?! Или он сейчас последует за нами добровольно, или мы его прикончим. Пусть он поторопится, ведь и наша жизнь висит на волоске».

Этот окрик, смысл которого был понятен без перевода, и язг обнаженных шпаг сломили остатки мужества Монтесумы. Он поник головой и согласился на требования Кортеса. В пышных носилках, с соблюдением всех церемоний, требуемых сложным придворным этикетом, перенесли печального императора, полубога в глазах его подданных, во дворец, обращенный испанцами в укрепленную казарму. Населению через доверенных императорских вельмож было объявлено, что «великий Монтесума в знак своего благоволения и доверия к Малинче изволит некоторое время пожить с ним под одной кровлей». Народ, толпившийся на площади, разошелся в мрачном молчании.

Вскоре за тем на этой же площади был публично сожжен со своими сообщниками кацик, убивший двух испанцев. Для их костров Кортес забрал из столичного арсенала весь запас стрел, копий, деревянных палиц и мечей, уничтожив таким способом значительную часть оружия ацтеков. Кроме того он потребовал, чтобы при казни кацика присутствовал и сам Монтесума в оковах, надетых на него в виде наказания за предполагаемое участие в преступлении. Но, помимо этого случая, Кортес неплохо обращался со своим коронованным узником, от имени которого он правил своей страной в течение шести месяцев. Именем пленного императора Кортес собирал подати, смещал и назначал чиновников, ут-

верждал судебные постановления и вообще по мере возможности входил во все подробности управления. Также он посылал испанцев в разные области империи, чтобы на месте исследовать, где мексиканцы добывают золото и серебро. Одновременно с этим он приступил к постепенному искоренению язычества. Начал он не с главного, а с второстепенного храма, торжественно превращенного в христианский. Население довольно спокойно смотрело на эту процедуру: ведь крест, как предмет религиозного поклонения, был ему известен, а католическое богослужение напоминало во многом легендарный культ «светлого бога».

Считая свою власть достаточно упроченной, Кортес предложил Монтесуме признать себя вассалом испанского короля и принести в том установленную присягу. Монтесума беспрекословно согласился и обязался платить Карлу ежегодную дань. Затем он добровольно отдал все богатства своего отца, найденные испанцами при постройке капеллы, сказав при этом Кортесу:

— Возьми все, Малинче, и да будет упомянуто в ваших летописях, что Монтесума принес этот дар твоему государю.

«Клад Монтесумы» (за исключением всего, что было не золото) оценили, считая на наши деньги, в девять-двенадцать миллионов золотых рублей, но тогдашняя покупательная сила денег было во много раз больше нынешней. Из этого сокровища выделили пятую часть — долю короля, столько же взял себе сам Кортес, прибавив еще сумму, издержанную им на снаряжение эскадры. Остальное было поделено между всеми участниками похода, глядя по чину и рангу; на долю простого солдата пришлось не так чтобы уж очень много — примерно две с половиной тысячи рублей.

К концу первого полугодия своего управления обширной империей Кортес получил с побережья сообщение, доставившее ему поначалу величайшую радость: около Вера-Круса появился флот под испанским флагом. Кортес был уверен, что это корабли, посланные ему на помощь королем Карлом в ответ на его донесение и золото, отправленное в Испанию с Монтехо. Но вскоре наступило разочарование. Выяснилось, что эта флотилия послана под командой Панфило Нарваэса с Кубы Диего Веласкесом, чтобы захватить Кортеса и доставить в Сантьяго как государственного преступника¹. Флот состоял из восемнадцати судов, на которых находилось, не считая матросов, триста солдат (из них восемьдесят кавалеристов) при двенадцати пушках — силы, равные силам Кортеса и притом

¹ Каравелла, посланная в 1519 году из Вера-Круса в Испанию с депешами от капитан-генерала к королю, не заходила в Сантьяго, но остановилась не надолго у северных берегов Кубы, благодаря чему Веласкес вовремя узнал о мятежных действиях Кортеса.

свежие. Комендант Вера-Круса отказался сдать город Нарваэсу, но не мог помешать ему высадиться на берег. Положение Кортеса сразу сделалось критическим. Через неделю Нарваэс с войском мог уже появиться у стен Мехико, обитатели которой, готовые восстать, недоумевали, кто же является настоящим представителем государя, которому ацтекский монарх принес присягу и обязался платить дань.

Кортес не любил играть ва-банк, но когда его вынуждали к тому обстоятельства, шел напролом, все сокращая. Он решил напасть на Нарваэса, не дожидаясь его прихода. Впрочем, он послал предварительно в Вера-Крус своего капеллана, патера Ольмедо, с целью склонить Нарваэса к миру. Но тот отказался от всяких переговоров, заявив, что, если Кортес не желает кровопролития, он должен сам явиться в Вера-Крус без оружия. Миссия патера, казалось, кончилась неудачей. Но отец Ольмедо был большой пролаза, он стал от имени Кортеса задаривать солдат Нарваэса золотыми цепочками, кольцами, браслетами и рассказывать им о громадной добыче, доставшейся соратникам капитан-генерала. Солдаты, развесив уши, слушали лису в сутане, и популярность Кортеса среди них росла с часу на час. Они очень неохотно думали о предстоящем столкновении с завоевателем Мексики, и таким образом дисциплина в войске Нарваэса была уже подорвана.

Кортес, уведомленный патером, что почва для наступления достаточно подготовлена, вышел из Мехико, оставив там Альварадо со ста двадцатью солдатами. Сам он форсированным маршем достиг побережья и с двумястами пятьюдесятью солдатами в бурную ночь неожиданно напал на стоянку Нарваэса. После недолгой схватки Нарваэс, раненый в глаз, сдался, а его солдаты и флот тотчас же все перешли на сторону Кортеса, который таким образом не только победил, но и получил огромное подкрепление.

Насчет своего вооруженного сопротивления Веласкесу, возведенному уже в звание *ателантадо* (королевского наместника), Кортес не особенно беспокоился, но его сильно встревожило известие из Мехико: там началось восстание. Оставив в Вера-Крусе только самое необходимое количество людей, капитан-генерал со всевозможной поспешностью покинул побережье и через несколько дней вторично вступил со всеми своими силами в столицу ацтеков. На этот раз она приняла конкистадоров далеко не так, как в первый. Еще в пути по многим признакам чувствовалось приближение бури. У стен Мехико все стало ясно. Прежняя почтительность ацтеков исчезла: не было больше торжественной встречи за городом, пустынные улицы которого поражали злобещей тишиной.

Испанцы, остававшиеся в столице, уже были осаждены в своем дворце-крепости; впрочем, при появлении Кортеса ацтеки немедленно рассе-

ялись. Педро Альварадо выбежал навстречу капитан-генералу и подробно доложил ему о последних событиях. Из рассказа начальника гарнизона выходило, что он сам во всем был виноват. Ежегодно в столице справляли праздник весны, на который собирались жители из всей областей Мексики. Празднество сопровождалось обычными у ацтеков человеческими жертвоприношениями, и Альварадо, то ли опасаясь, что ацтеки под влиянием религиозного исступления нападут на испанцев с целью освободить Монтесуму, то ли желая искоренить мечом варварский обычай человеческих жертвоприношений, сам напал на туземцев, перебив около шестисот человек, преимущественно из родовой знати. Ацтеки не были трусами. После ничем не спровоцированного избиения мирных людей, все мужское население столицы мгновенно вооружилось и бросилось на приступ дворца, где заперлись испанцы. Благодаря фальконетам и аркебузам, приступ был отбит с большим уроном для нападающих. Началась осада, за время которой ацтеки сожгли, между прочим, легкие бригантины, уже построенные испанцами для плавания по озеру.

Возвращение Кортеса с внушительными силами заставило ацтеков отступить от дворца, но несколько дней спустя осада, сопровождаемая яростными штурмами, возобновилась с новой силой. Испанцы были совершенно отрезаны от остального мира. Продовольствия на первое время у них было достаточно, но они страшно страдали от недостатка питьевой воды. Ацтеки с каждым днем усиливали свои нападения и начали уже подкапывать ограду дворца. Испанцы ежедневно убивали нападающих десятками, но силы туземцев были неисчерпаемы, на место одного убитого вырастало тут же двадцать-тридцать новых воинов. Конкистадоры предпринимали отчаянные вылазки, с боем пробивались к соседнему храмовому двору, где засело четыре тысячи ацтеков, взяли штурмом это укрепление, очистили его от врагов, но не могли удержать за собой. Им пришлось с потерями уйти в свою берлогу, вокруг которой снова сомкнулось море вооруженных людей.

Дела день ото дня становились все хуже. Солдаты Нарваэса, рассчитывавшие попасть в «кладовую с золотом» и вместо этого очутившиеся, словно волки, в западне, вели себя, по словам Берналя Диаса, неважно. Было уже немало убитых и почти все были ранены. Кортес, всегда прямо смотревший в глаза опасности, как бы страшна она ни была, решил, что надо, пока еще не поздно, уходить из города. Он обратился к пленному императору, прося его уговорить своих подданных, чтобы они без сопротивления пропустили конкистадоров. Монтесума, уже давно на все согласный, взошел на стену, окружавшую дворец, и обратился с речью к народу. Но стоило только ему назвать Кортеса своим другом, как слова его были прерваны негодующими воплями: «Изменник! Женщина! Трус!

Недостойный ацтек!», и, прежде чем испанские солдаты успели прикрыть Монтесуму щитами, он был тяжело ранен несколькими стрелами в грудь и камнем в голову. Принесенный во внутренние покои, он отказался от врачебной помощи, сорвал наложенные повязки и умер среди лета 1520 года, прося Кортеса позаботиться о его детях.

После смерти Монтесумы ни о каком примирении с ацтеками, во главе которых встал ненавистник испанцев, принц Куитлагуатцин, брат покойного, не могло быть и речи. Теперь конкистадорам предстояла продолжительная осада и голодная смерть, ибо провиант их быстро истощался. Тогда начали тайно готовиться к отступлению, решив уйти ночью, так как было замечено, что ацтеки по неизвестной причине ночью избегали сражаться. Вместо их воинственных криков и шума оружия в это время раздавался заунывно-протяжный звук огромного барабана из змеиной кожи, наводивший смертельную тоску на осажденных. Среди испанцев был один солдат, родом итальянец, Ботельо, занимавшийся астрологией. Конкистадоры, в том числе сам Кортес, не так еще давно советовавший Веласкесу не слушать дураков-звездочетов, обратились к этому прорицателю, прося его назначить ночь для отступления. Ботельо с уверенностью назначил последнюю июньскую ночь, утверждая, что она принесет победу. Но Ботельо жестоко ошибся. Вместо обещанной победы наступила для испанцев страшная *Noche triste* («ночь печали»).

Под покровом темноты, орошаемые мелким дождем, конкистадоры и тласкаланцы выступили в назначенный час в боевом порядке. Впереди шла пехота, за ней артиллерия, в центре находился сам Кортес с кавалерией и заложниками (детьми Монтесумы и знатными ацтеками), дальше двигались индейцы-союзники с поклажей и переносным мостом для перехода через канал; в арьергарде шли опять испанские пехотинцы под командой Альварадо и Веласкеса де Леона. Все было тихо и спокойно вокруг, но, как только испанцы достигли канала дамбы и наложили мост, со всех сторон на них обрушились ацтеки, засыпая градом камней, дротиков, стрел. На каналах появились лодки с тысячами воинов, и плотина мгновенной покрылась сплошной массой сражающихся. Деревянный мост под тяжестью орудий и людей начал погружаться в воду. Ошеломленные испанцы не знали, с какой стороны им защищаться. Столпившиеся на узкой плотине, не имея возможности ввиду страшной тесноты пустить в ход огнестрельное оружие, они гибли под ударами несметного врага или, бросаясь в воду, тонули. Отовсюду, — вспоминает Берналь Диас, — слышались отчаянные крики: «Помогите, я тону! Помогите, меня хватают! Меня убивают!» Задние напирали на передних, упавших давили свои же, и все в полном беспорядке теснились вперед, думая уже не о борьбе, а только о своем собственном спасении.

Кортес, в момент всеобщей паники не потерявший присутствия духа, с сотней солдат перебрался через канал, врезался в ряды туземцев и заставил их немного попятиться. Но с озера в лодках подоспели новые отряды ацтеков, и битва, вернее — избиение испанцев, продолжалась. «И все же мы продвигались! — восклицает Берналь Диас. — Трудно сказать, что случилось бы с нами, если все произошло бы не ночью, в темноте, а при дневном свете! Несомненно, не спасся бы ни один человек!»

Только на рассвете прорвались наконец испанцы на берег, где могли несколько опомниться и подсчитать свои потери.

Они были колоссальны. Из тысячи двухсот пятидесяти конкистадоров, ночью покинувших город, осталось только пятьсот; убыль тласкаланцев-союзников трудно было определить. Погибла почти вся кавалерия, потонули дети Монтесумы и заложники, все пушки, большая часть добычи, золото, вся военная амуниция, провиант, походная канцелярия, все личные бумаги Кортеса и его дневник, который он вел со дня отплытия с Кубы. Все это покрыли волны соленого озера. Погибли такие сподвижники Кортеса, как Хуан Саласара, его любимый паж, Веласкес де Леон, Франсиско Сальседо, Хуан Алькантро, Франсиско Морла и многие другие — цвет военного дворянства Вест-Индии. Несколько десятков конкистадоров, захваченных живыми, уже умирали тогда на жертвенниках ацтекских храмов. Подобные поражения испанцы терпели только в давнопрошедшие времена, в дни великих битв с маврами. Все были физически и морально раздавлены невиданным разгромом, и даже сам Кортес, этот несокрушимый человек, не выдержал: опустившись на камень, он закрыл лицо руками, чтобы скрыть набежавшие слезы. Казалось, все было потеряно для конкистадоров, о завоевании Мексики нечего было и помышлять.

Глава VII

О том, как пал великий город Мехико; об успехах, неудачах и смерти завоевателя страны ацтеков.

В ночной битве ацтеки тоже потерпели очень тяжелый урон: целый день хоронили они с плачевными песнопениями своих убитых и подбирали раненых. Но, находясь у себя дома, они имели возможность быстро оправиться и скоро должны были снова напасть на разбитого врага. Кроме того, если испанцам и удалось бы уйти от их преследования, им, прежде чем добраться до Вера-Круса, предстояло пройти через Тласкалы, где был один кацик, который, не примирившись с завоевателем, постоянно призывал своих соотечественников к восстанию. Теперь его голос мог быть услышан; тласкаланцы, желая примириться с ацтеками-

победителями, уже пославшими к ним гонцов, могли из соображений личной выгоды загородить дорогу отступающим. Тогда наступил бы копец: экспедиция Кортеса кончилась бы тем же, чем и экспедиция злополучного Никуасы. Мысль об этом заставила Кортеса подвить минутную слабость и подняться на ноги: не время было оплакивать мертвецов, надлежало подумать о живых.

Кортес был серьезно ранен. Альварадо посоветовал ему перевязать рану и прилечь отдохнуть.

— *Sabra soja no tenga siesta* (раненая серна не знает отдыха), — ответил ему народной пословицей капитан-генерал, приступая к смотру конкистадоров.

Жалкое зрелище представляли они. Несколько уцелевших лошадей были ранены, кавалеристы шли вперемежку с пехотинцами, с трудом передвигавшими ноги. Сквозь иссеченные панцири и оборванную одежду воинов виднелись вспухшие от ударов кровоподтеки и сочащиеся раны; аркебузов почти не было, холодное оружие поломано, знамена, трубы, барабаны потеряны. У одного солдата была забинтована голова, у другого рука висела на перевязи, третий едва брел, опираясь на копье, как на костыль, — словом, ни одного человека не оставалось не раненным. Такое войско являлось для вождя скорее обузой, нежели помощью. Вероятно, многие на месте Кортеса поддались бы искушению и стали бы помышлять уже о своем личном спасении. Но, при всех своих многочисленных недостатках, Кортес всегда был образцовым боевым товарищем. В дни ужасных испытаний он не бросил свою разбитую армию, как это не раз делали другие предводители под предлогом необходимости формировать новые силы. Кортес поступил не так. Испанские солдаты снова увидели своего вождя спокойно распоряжающимся, точно на параде. По-прежнему отдавал он обычным голосом свои ясные приказаний, сам проверял оружие, осматривал тяжелораненых, благодарил их, подбадривал остроумными шутками. Он сумел поднять дух обескураженных солдат, передав самому приунывшему из них частицу своего мужества, и остался на ногах, пока все не пришло в относительный порядок.

Отдохнув, подтянувшись, конкистадоры сомкнутыми рядами начали отступать по направлению к морю. Встречные туземцы не решались задержать их, — раненый зверь все еще был слишком страшен. Но уже через день главные силы ацтеков настигли конкистадоров и тласкаланцев в долине около деревни Отумбы. По показаниям испанских историков того времени, ацтеки собрали ополчение в двести тысяч человек. Едва ли это так, но несомненно оно достигало нескольких десятков тысяч, полукругом охвативших врага. Началась жестокая битва, от которой теперь зависело все. Испанцы дрались с мужеством отчаяния. Для них дело шло уже не о завоеваниях, не о захвате золота, а о спасении

самого дорогого для человека — собственной жизни, о том, чтобы не попасть в плен и дальше на жертвенный камень храмовой пирамиды. Неумение ацтеков (присущее всем индейцам) маневрировать в бою большими массами облегчало положение конкистадоров, но не могло в данном случае само по себе решить исхода в их пользу. Почти без кавалерии и аркебузов, без одной пушки, испанцы не были в состоянии остановить натиск несметного врага. Сколько бы ни убивали холодным оружием конкистадоры и тласкаланцы ацтеков, их в конечном счете оставалось все столько же. Уже некуда было бежать конкистадорам; оставалось или сдаваться или умирать. И конкистадоры умирали под ликующие крики врага... Еще немного — и конкистадоры, изнемогавшие от невероятных усилий, были бы окончательно раздавлены.

Кацик Сигуака, руководивший боем, полулежа в роскошном паланкине под балдахин, нисколько в этом не сомневался. Он уже с удовольствием мысленно подсчитывал, сколько сердец, вырванных из груди белых людей, будет поднесено послезавтра богу войны, дарователю победы. Но Кортес разрушил эти мечтания. Собрав последних кавалеристов, он внезапно прорвал центр вражеского войска и обрушился на кацика с победным криком:

— Товарищи! Вот наша цель! За мной, не отставайте!

Ударом копья Кортес сбросил кацика на землю. Молодой офицер Хуан Саласалка пронзил Сигуаку мечом и передал его золотой жезл с пышными перьями капитан-генералу. Это знамя, имевшее для туземцев мистическое значение, очутилось в руках вождя конкистадоров, теперь высоко потрясавшего им над головой. Все описанное произошло в несколько минут и в глазах ацтеков походило на подлинное чудо.

Их победные крики смokли, их охватил суеверный страх, а подбодренные конкистадоры и тласкаланцы ударили с новой силой; усталость, раны, голод, жажда — все было забыто ими, нестройные полчища ацтеков дрогнули под их дружным натиском и побежали. Поле битвы еще раз осталось за Кортесом. Несомненно, из всех сражений, когда-либо выигранных конкистадорами, это было самое замечательное.

Хотя вера туземцев в то, что белых людей нельзя убить, совершенно исчезла, военный авторитет испанцев после битвы при Отумбе был вполне восстановлен, и Тласкала прекрасно приняла конкистадоров. Здесь они могли как следует отдохнуть и подлечиться, в том числе и Кортес, вторично раненный в последней битве. Его рана в голову была настолько опасна, что, если бы не уход преданной Марины, он, всего вернее, не выжил бы. Поправившись, Кортес вернулся в Вера-Крус и стал деятельно готовиться к походу на Мехико. Он получил тогда весьма неожиданно значительное подкрепление: в Вера-Крус пришли две каравеллы с солдатами и военным снаряжением, посланные Веласкесом на помощь Нарвасу.

Новоприбывшие беспрекословно подчинились Кортесу. Затем к нему присоединилось несколько десятков хорошо вооруженных авантюристов с острова Ямайки; кроме того он сам послал на двух кораблях своих вербовщиков на Эспаньолу за солдатами и лошадьми. Месяца через четыре Кортес имел уже в своем распоряжении вполне снаряженную армию из 700 пехотинцев, 180 аркебузирров, 86 всадников при дюжине пушек и несколько тысяч туземных союзников, подучившихся приемам регулярного боя. С такими силами Кортес предпринял окончательное завоевание столицы ацтеков, покинутой испанцами полгода назад.

История этого завоевания свидетельствует, что Кортес был не только блестящим кавалерийским генералом, но и очень хорошим тактиком. Он загодя построил в Тласкале легкие бригантены для плавания по озеру и теперь взял их с собой. Покорение столицы он начал с захвата соседних городов, в которых оставлял гарнизоны, чтобы обезопасить себе тыл и фланги. Свою штаб-квартиру он устроил в приозерном городе Тескуко, лежавшем напротив Мехико. Спустив на воду бригантены, Кортес осадил город и с озера и с суши. Ацтеки, во главе которых, после смерти Куитлагуатцина, стоял молодой воинственный Гуатемозин, племянник Монтесумы, защищались с невероятным упорством. Им удалось даже раз нанести осаждающим очень серьезное поражение и едва не захватить в плен самого Кортеса. Благодаря своей силе ему удалось кое-как отбиться, но несколько испанцев попали в тот день в руки ацтеков и были принесены в жертву богу войны. Конкистадоры, — рассказывает Берналь Диас, — в бессильной ярости видели издали, как умирали на вершине пирамиды их несчастные товарищи.

Жажда мести и опасение самим попасть на жертвенник удесятирили силы испанцев, ни днем ни ночью не давали они отдыха врагу. Все теснее сжимая кольцо осады, Кортес совершенно отрезал столицу от подвоза провианта, а разрушением каменного акведука лишил ее пресной воды. Среди осажденных начались болезни, голод. Многочисленность защитников города являлась теперь уже не плюсом, а минусом. Среди ацтеков начали раздаваться голоса о необходимости сдаться, но молодой Гуатемозин, был непоколебим. Наконец, после длинного ряда кровопролитных приступов, часто сопровождавшихся сильными пожарами, Мехико был взят в августе 1521 года. Гуатемозин, пытавшийся бежать в лодке через озеро, попал в плен. В следующую после этого ночь над столицей ацтеков разразилась страшная гроза, а с восходом солнца из города, представлявшего груды развалин, начался великий исход; потянулись тысячные толпы его исконных обитателей, получивших от Кортеса свободный пропуск. Древняя Мексика доживала свои последние дни, ее должна была заменить Новая Испания, одна из провинций огромных владений императора Карла V, самого могущественного государя Европы XVI столетия.

Овладев столицей ацтеков, Кортес быстро перестроил ее, придав ей вид испанского города. На месте главного храма была воздвигнута церковь в готическом стиле, в 1573 году замененная огромным собором, сохранившимся до нашего времени¹. Столь же быстро Кортес обратил всех простых мексиканцев в рабов, оставив свободу только тласкаланцам за их верность делу завоевания. Упрочив свою власть в стране, Кортес занялся ее устройством, посылая в то же время отряды конкистадоров в разные области, чтобы исследовать их естественные богатства. Не забыл он, разумеется, и свои личные дела, стремясь добиться признания своих заслуг у центрального правительства. Для этого он отправлял в Испанию Карлу каравеллу за каравеллой и посла за послом с драгоценнейшими сокровищами завоеванной им страны. Но председатель Индийского совета², всемогущий епископ Фонсека, доброжелатель Веласкеса, был враждебен Кортесу, и его дело подвигалось очень туго. Вся Мексика трепетала перед именем Малинче, а при королевском дворе на него продолжали смотреть как на мятежного авантюриста, и он постоянно мог ожидать ареста и казни. Из Испании был прислан в Мексику чиновник высокого ранга специально для проверки деятельности Кортеса и определения степени его верности королю. Увидев, какой властью и популярностью в стране пользуется Кортес, чиновник, получивший от капитан-генерала приличную долю мексиканского золота, дал, по возвращении в Испанию, самый блестящий отзыв о конкистадоре, как по преимуществу звали Кортеса. Только тогда, в 1522 году, был отменен указ об аресте Кортеса и издан декрет, которым он назначался королевским наместником, главнокомандующим всеми военными силами и главным судьей Новой Испании. Офицеры Кортеса получили разные награды и отличия, простые же солдаты удостоились лишь «высочайшей благодарности».

На радостях своего утверждения наместником завоеванной им страны, Кортес приказал отлить для подарка серебряную пушку. На ней была выгравирована следующая надпись:

«Никто подобной птицы никогда не зрел.

Никто еще слугой Кортеса не имел.

Никто тебе³ подобно миром не владел.

¹ Современный Мехико не является уже «водяным городом». Мексиканское озеро, некогда представлявшее собой скорее обширное болото, искусно превращенное древними ацтеками в настоящее озеро, было осушено испанцами и превращено в обширные пастбища.

² Вскоре после открытия Нового Света в Севилье было учреждено под названием «Индийского совета» главное управление по всем делам заатлантических владений Испании.

³ Имеется в виду Карл V, король Испании и император Германии, одновременно владевший Нидерландами и значительной частью Италии.

Пушка, с должным количеством золота в придачу, была отправлена в Толедо. По-видимому, гордая надпись на пушке не особенно понравилась при дворе, ибо орудие вскоре было перелито на монеты.

Но Кортесу мало было до этого дела. Чувствуя себя в безопасности, он снарядил по договору с правительством несколько экспедиций в южные моря и занялся отыскиванием в Центральной Америке пролива в Великий океан. С этой целью он отправил в Гондурас одного из своих капитанов, Христовала Олиду, с небольшим отрядом. Но Олида, достигнув Гондураса, вместо географических открытий вздумал отложиться от королевского наместника и объявил себя независимым. В связи с этим Кортес лично предпринял опасный поход в Центральную Америку, осложнившийся заговором мексиканцев и кончившийся казнью Олиды. Подавив мятеж, Кортес вернулся в Мехико, где его уже ожидало королевское предписание о временном замещении и предложение безотлагательно явиться в Испанию. Враги Кортеса не дремали, и против него снова было возбуждено обвинение в стремлении к независимости от короны.

В начале лета 1528 года, благополучно переплыв океан, Кортес с драгоценнейшими подарками для Карла V и образцами мексиканского искусства высадился в гавани Палоса, откуда Колумб за тридцать шесть лет до того отплыл, как полагал, в Восточную Азию. По дороге в Толедо, резиденцию короля, Кортес остановился в монастыре Ла-Рабида, сыгравшем важную роль в деле открытия Нового Света¹. В этой обители завоеватель Мексики встретился, между прочим, с Франсиско Писарро тоже приехавшим из Америки с целью просить у правительства поддержки своих планов.

«Переезд Кортеса от Палоса, — пишет историк Прескотт, — был триумфальным шествием. Улицы попутных городов и селений были переполнены толпами людей, ожидавших проезда героя, который своей отвагой и военным искусством покорил для Испании целую империю. Всякому испанцу, разумеется, хотелось увидеть соотечественника, совершившего столько громких подвигов».

В Толедо Кортес был обласкан королем-императором. Карл даровал ему титул маркиза, пожаловал большие поместья в Мексике, но лишил неограниченной власти наместника; Кортесу было оставлено только главное начальство над войском и право получать двенадцатую долю дохода от всех открытых им земель. Придворная жизнь была не по душе Кортесу.

¹ В этом монастыре нашел себе приют Колумб, когда, не рассчитывая на поддержку испанского правительства, собирался навсегда покинуть Испанию. Образованные монахи, заинтересовавшись проектом Колумба, устроили ему протекцию при дворе, благодаря ему состоялось его первое плавание через Атлантику.

су, и в 1530 году он вернулся в Новую Испанию. Поселившись в своих поместьях, Кортес жил владетельным князем, занимаясь разведением сахарного тростника, шелковицы, конопли и льна.

Таково было положение самого Кортеса, достигшего славы и богатства. И тут сам собой возникает вопрос: какова же была судьба его соратников, второстепенных конкистадоров, в частности простых солдат? Ответ на это дает в своих «Записках» все тот же Берналь Диас:

«Но что стало с теми, которые совершили все эти великие деяния? От пятисот пятидесяти товарищей, направившихся вместе с Кортесом с острова Кубы, ныне, в 1568 году, в Новой Испании осталось не более пяти. Все остальные погибли: на полях сражений, на жертвенных алтарях, на одре болезни. Где памятник их славы? Золотыми буквами должны быть высечены их имена, ибо они приняли смерть за великое дело. Но нет! Мы пятеро согбенны годами, ранами, болезнями, и влечим мы остаток своей жизни в скромных, почти убогих условиях. Несметное богатство доставили мы Испании, но сами остались бедны. Нас не представляли королю, нас не украшали титулами, не отягощали замками и землями. Нас, подлинных конкистадоров, людей первого призыва, даже забыли: писатель Гомара¹ много и красиво говорит о Кортесе, о нас же не упоминает. Но довольно! Пусть никто не посмеет злоключать на основании моих слов... Что нам осталось и что от нас осталось? — с гордостью профессионального рубаки заканчивает Диас. — Все! в ста девятнадцати битвах и сражениях я участвовал; и участвовал в приобретении Новой Испании; в этом — моя сила и слава».

То, что сообщает Берналь Диас об участии подавляющего большинства сподвижников Кортеса², касается также судьбы рядовых соратников и других конкистадоров-генералов, завоевавших Перу, Чили, Флориду.

От Берналя же Диаса мы узнаем подробности обычного способа дележа добычи после того, как была уже выделена доля короля, доля главнокомандующего, сделаны разные формальные вычеты и прочее. «Только затем уже приступали к наделению прямых участников. Но и тут шли в таком порядке: сначала духовные лица, затем офицеры, затем всадники, затем аркебузиры и арбалетчики; все предоставлялось по двойному паю. Когда же, после стольких надувательств, очередь дошла до нас, остальных солдат, по расчету — один пай на человека, то этот

¹ Гомара Франсиско Лопе (1510—1560) — испанский историк, первый описал завоевание Вест-Индии и Мексики.

² Некоторые из них устроились все же хорошо. Например, Педро Альварадо был губернатором богатой провинции Гватемалы, на завоевание которой его отправил в 1523 году еще Кортес. Сам Диас в 1568 году, когда он составлял свои записки, был рехидором (комендантом) города Сантьяго в Гватемале.

пай был столь мизерен, что многие его даже не брали, и тогда конечно и их доля шла в карман Кортесу».

Но, несмотря на это, Берналь Диас на всем протяжении своих «Записок» всегда с теплым чувством, по-солдатски вспоминает о завоевателе Мексики. Несомненные достоинства Кортеса как вождя-товарища, очевидно, покрывали в глазах солдат его отрицательные качества. «Всякое дело, — говорит Диас, — он исполнял охотно и до точности, ночные обходы делал сам, проверяя лично, как спят солдаты, в полном ли снаряжении, не раздеваясь, как было приказано, или раздевшись, в преступной беспечности. Воля его была непреклонна, особенно насчет военных дел. Повеления его должны были исполняться во что бы то ни стало, какой угодно ценой. В гневе на шее и на лбу у него раздувались жилы; иногда он сбрасывал с себя плащ, но никогда не изощрялся в брани, да и вообще был терпелив с людьми... Конечно, без нас, своих сотоварищей не свершить бы ему всех подвигов, но он был нашим сердцем и головой, он нас направлял и объединял... Он, — продолжает Диас, — предпочитал имя Кортеса всем титулам, на которые имел право¹, и в этом отношении он был прав, ибо имя Кортеса так же славно в наши дни, как было некогда славно для римлян им Цезаря, или имя Ганнибала для карфагенян... Он был, — заканчивает свою характеристику Кортеса летописец мексиканских походов, — великолепным человеком. Пусть он покоится с миром! Это лучше, нежели все наши завоевания и победы.

Спокойная жизнь в поместьях и устройство плантаций недолго могли удовлетворять еще далеко не старого Кортеса. Его по-прежнему тянуло к приключениям, к опасностям, к открытию и завоеванию новых областей. В связи с этим он за восемь лет (1532—1539) организовал несколько экспедиций с целью исследования Великого океана в северо-западном направлении от Мексики. В 1536 году он сам руководил одной экспедицией и, в поисках пресловутого пролива в Азию, плавал по водам, названным им Багряным морем. В результате этих экспедиций побережье Тихого океана было исследовано до Рио-Колорадо и установлено, что Калифорния является огромным полуостровом, а Багряное море, омывающее его, — заливом, ныне известным под именем Калифорнийского².

С 1535 года в Мексику стали назначать вице-королей, и новый правитель, Антонио Мендоса, из опасения популярности Кортеса, постоянно мешал ему в деле снаряжения экспедиций. Раздраженный этим кон-

¹ Когда Кортес был в зените своей славы, услужливые люди сочинили ему генеалогию, согласно которой он якобы происходил от королей Ломбардии (Северная Италия). В Гербе у него было семь княжеских голов — число побежденных им туземных властителей.

² Испанцы до сих пор называют этот залив *Кортесово море*.

квистадор вторично отправился в Испанию, чтобы добиться справедливости у короля. Но там отношение к Кортесу уже изменилось. При испанском дворе, как обычно и при всяком другом, мало ценили прежние заслуги людей, уже сделавших свое дело. Всем вертели дельцы, нажившие богатства на подвигах и крови других. Кортес, никогда не слагавший оружия на полях сражений, не хотел сложить его и в мирной обстановке. Решив лично переговорить с Карлом V, он протеснился к экипажу императора, выезжавшему с большой свитой куда-то на парад.

— Кто этот человек? — спросил король окружающих, делая вид, что не узнаёт знаменитого конквистадора.

— Я тот, — громко и гордо ответил Кортес, — кто подарил вашему величеству земель больше, чем вам оставили в наследство городов ваши предки.

Такой ответ понравился высокомерному императору, умевшему ценить смелость в других. Индийскому совету было приказано рассмотреть все претензии Кортеса. Но толку из этого вышло весьма мало. «Канцелярские крючки» вроде Энсисо, недолюбливавшие конквистадоров, державших себя независимо, сумели затянуть дело Кортеса на несколько лет. Справиться с подобными крючкотворами даже самому Кортесу было гораздо труднее, нежели сражаться с воинственными индейцами или усмирять мятежных капитанов. Постаревший, утомленный покоритель ацтекской империи жил в Испании без всякого дела до 1541 года, когда принял, в качестве добровольца, участие в неудачном походе Карла V на Алжир. Лично для самого Кортеса этот поход тоже был очень неудачен. Потерпев на обратном пути крушение в Средиземном море, он едва не утонул, потеряв при этом три изумруда огромной ценности. Вспоминая об этой катастрофе, он говорил с горькой усмешкой, что алжирская экспедиция, после короля, дорожке всего стоила ему.

Вернувшись из Алжира, Кортес стал быстро сдавать. Возраст, раны, лишения, перенесенные в долгих походах, с каждым днем давали себя чувствовать все сильнее, и последние годы своей жизни он тяжело болел. Он неоднократно возобновлял свои требования перед Индийским советом, но безрезультатно. Убедившись, что ему ничего не добиться в Испании, Кортес решил вернуться в Мексику, где все говорило о его подвигах. Рука смерти помешала этому. Он умер в Испании осенью 1547 года, неподалеку от Севильи, измученный болезнями, уже полузабытый современниками, и не индианка Марина, верный товарищ боевых дней, закрыла ему глаза.

Смерть покорителя Мексиканской империи, подобно смерти Колумба, незамеченной. Все в Испании были заняты тогда другим громким предприятием за океаном — завоеванием и освоением «страны золота» Биру, или, как переименовали испанцы это туземное слово, Перу.

Но, прежде чем перейти к обзору подвигов конквистадоров в Перу и в других областях Южной Америки, необходимо вернуться к тем годам, когда был казнен Васко Нуньес Бальбоа.

Глава VII

О замысле конквистадора Писарро и Альмагро покорить «золотое царство»; краткая история, устройство и особенности древнего Перу

В августе 1519 год на дарьенском побережье Великого океана, открытого Васко Бальбоа, происходило торжественное празднество по поводу основания Панамы. Это поселение, с течением времени сделавшееся беломраморной столицей всех испанских владений в Центральной Америке, своим возникновением было обязано не кому иному, как Педрариасу. Губернатор дарьенских земель, сторяча отправив на эшафот своего предполагаемого зятя, почувствовал конечно не утрызения совести, ибо он всегда был «выше» подобных слабостей, но опасение, и весьма основательное, за дальнейшее. С точки зрения самого снисходительного, но сколько-нибудь порядочного судьи, казнь Бальбоа была настоящим убийством. Верховное королевское правительство, очень ревнивой к своей прерогативе казнить и миловать провинившихся, могло в любой момент потребовать Педрариаса к ответу. Такая возможность усугублялась еще тем, что слухи о смещении Педрариаса и о прибытии нового губернатора все усиливались. Тогда люди, прежде молчавшие от страха или подлости, должны были заговорить и обрушить на голову старого негодяя целый ворох ничем не опровержимых обвинений в убийствах, грабежах, вымогательстве, растрате казенного имущества и тому подобных преступлениях.

Учитывая столь опасные перспективы, Педрариас решил заблаговременно обезопасить себя и, под предлогом продолжения открытий Бальбоа, перебрался на тихоокеанскую сторону перешейка. Этим он создавал между собой и свои будущим преемником трудно преодолимую преграду еще мало исследованного горного хребта. А в случае надобности Педрариас готов был с многочисленной шайкой своих приспешников оказать даже вооруженное сопротивление новоприбывшим властям.

Через несколько месяцев после основания Панамы (место для которой, надо отдать справедливость Педрариасу, было выбрано замечательно удачно) слух о назначении нового губернатора оправдался. Весной 1520 года в Вест-Индию прибыл губернатор Лопе де Соса с особым алькадом (судьей) от Индийского совета. Педрариас притаился, словно оцепеневшая гиена, готовая укусить. Однако никакого «укуса» не потребовалось. Негодяю, умывавшуюся человеческой кровью, всю жизнь нео-

бычайно везло. Лопе де Соса, заболевший еще в плавании, умер на борту своей каравеллы, так и не высадившись на сушу. Узнав об этом, Педрариас отправился на атлантическое побережье в Номбре-де-Диос (порт, им же основанный) для встречи с представителем Индийского совета. Алькад оказался, по-видимому, вполне под пару самому Педрариасу. Они быстро поняли друг друга и не мене быстро договорились обо всем. Алькад опубликовал, как того требовал закон, объявление, приглашавшее всех обвинителей губернатора выступить в течение тридцати дней со своими показаниями и претензиями. Однако никто не посмел и пикнуть, так как алькад не отстранил (что он мог сделать) от власти Педрариаса. По истечении установленного срока в Индийский совет в Севилью было отправлено пространное донесение о том, что решительно никто и ни в чем не обвиняет губернатора, что все жалобы, поступившие на него прежде, сплошная клевета, что под отеческим управлением Педрариаса все благодевают и т. п. Так, благодаря счастливой случайности, Педрариас остался на своем посту и продолжал тиранствовать еще лет семь.

Все конкистадоры отличались жадностью к золоту, но Педрариас стоил целой дюжины самых ретивых из них. По возвращении в Панаму ему чуть было не удалось захватить «золотые плоды» похода одного второстепенного конкистадора. В 1520 году к нему явился Хиль Гонсалес с требованием, чтобы ему были переданы корабли Бальбоа. Педрариас отказал. Тогда Гонсалес с великим трудом сам построил небольшую флотилию; она была уничтожена червями и непогодой. Настойчивый Гонсалес построил еще четыре корабля, на которых отплыл на поиски «пряных островов», ибо результаты открытий Магеллана тогда не были еще известны. Гонсалес вернулся в Панаму года через полтора с огромным грузом золота из открытого им Никарагуа (область к северу от Панамы). Когда он переходил перешеек со своими сокровищами, Педрариас послал воинский отряд захватить его, но Гонсалес ушел от преследователей и благополучно достиг Эспаньолы, где получил уже официальное разрешение овладеть новооткрытой землей. Чтобы избежать столкновения с Педрариасом, он двинулся в Никарагуа сухопутным с севера, мимо берегов Гондураса. Но проворный Педрариас уже предупредил его, послав в Никарагуа своего капитана Фернандо Кордову (родственника или однофамильца Франсиско Кордовы, открывшего в 1517 году Юкатан). Два конкистадора встретились, завязался бой, и разбитый Гонсалес отступил в Гондурас, где в то время хозяйничал отложившийся от Кортеса Кристовал Олида. В свою очередь и Кордова, вытеснив Гонсалеса из Никарагуа, отказался повиноваться Педрариасу. Но медлительность и лень не принадлежали к числу пороков Педрариаса. С быстротой и энергией, поразительными для восьмидесятилетнего старика, он лично появился в Никарагуа, и в

кратчайший срок отрубленная голова Кордовы, посаженная на кол, уже сушилась на тропическом солнце. Почти одновременно с этим, не без участия Гонсалеса, в Гондурасе (как уже упоминалось) был повешен другой мятежник — Олида. Сам Гонсалес, захваченный друзьями Олиды, был отправлен в Испанию для суда по обвинению в убийстве. От перенесенных потрясений здоровье Гонсалеса внезапно ослабело, и по прибытии в Севилью он умер. Так один за другим быстро сошли со сцены три второстепенных конкистадора. Многие из их братьев, и прежде и после, кончали в погоне за золотом подобным же образом.

К этому времени кругосветное путешествие Магеллана уже уничтожило долго державшуюся иллюзию относительно близости Азии и Молуккских островов к Дарьенскому перешейку. Вследствие этого плавание по необъятному океану к западу за золотом и другой добычей теперь переставало привлекать конкистадоров. Одновременно с этим выяснилось, что не имеет смысла продвигаться сухопутным к северу по Дарьенскому перешейку. Ведь там неизбежно пришлось бы столкнуться с самим Кортесом, и охотников на подобное дело не нашлось. Таким образом оставался только юг, где лежала Биру, о богатствах которой по-прежнему настойчиво твердила людская молва. В связи с этим в 1522 году Паскуаль Андагойа, переплыв залив Сан-Мигель, обследовал часть побережья нынешней Колумбии, лично повидал кое-что новое и собрал много свежих сведений относительно «золотого царства». Тяжелая болезнь помешала ему снарядить вторую экспедицию. Но на этот раз дело за охотниками не стало. На место Андагойи выступил Франсиско Писарро, одним из первых прослышавший о стране, где можно купаться в золоте.

Франсиско Писарро (1470—1541) был, подобно Бальбоа, Магеллану и Кортесу, уроженцем Эстремадуры¹. Он доводился даже родственником Кортесу, мать которого была из рода Писарро. Так же как и Кортес, он, по крайней мере по отцу, был дворянского происхождения, но только фактически, а не формально, ибо являлся внебрачным сыном пехотного офицера Гонсальво Писарро от простой крестьянки. Каково было детство Писарро и насколько заботились об его воспитании и образовании, видно хотя бы из того, что подростком он был пастухом и всю жизнь оставался неграмотным человеком, не умевшим подписать даже своего имени. То обстоятельство, что мать Франсиско была крестьянкой, не составляло еще особой беды: многие идалго победнее женились тогда на девушках совсем не родовитых, но скверно было — незаконность происхождения, с малых лет накладывавшая на ребенка известное пятно. Тяжелое созна-

¹ Эстремадура — местность на Пиренейском полуострове, принадлежащая частью Испании, частью Португалии.

ние этого оказало несомненное влияние на характер молодого Франсиско, по природе гордого и честолюбивого. Он считал, что в жилах его течет кровь не менее благородная, чем кровь барчуков, гордо прохаживающихся в бархатных беретах и цветных кафтанчиках с маленькой шпагой на поясе. В то время как они готовились поступить пажами к королевскому двору или ехали в Саламанку обучаться разным наукам, он, босой, в дерюге, пас свиней, питаясь хлебом с отрубями. Под влиянием этого в Писарро с ранних лет развивались черты суровой замкнутости и немногословия, горячее желание поскорее выйти в люди, достигнуть почестей и богатства, начинавшего играть все большую роль в разлагавшемся феодальном обществе.

Страсть к приключениям, стремление увидеть новые места проснулись в Писарро еще в дни отрочества. Достигнув подходящего возраста, он без колебаний поступил в солдаты, участвовал в последних битвах с маврами, потом побывал в других военных походах. Потянулись годы солдатской службы с небольшим, нерегулярно выплачиваемым жалованием. Храбрость Писарро в сражениях, его исполнительность и дисциплинированность в мирное время не могли помочь ему быстро выдвинуться; в испанской армии тех времен офицерские места принадлежали исключительно настоящим дворянам. Видя, что ему ничего не добиться на родине, Писарро правильно решил попытать счастья за океаном, куда и отправился уже в чине, соответствующем унтер-офицерскому.

Молодые идалго вроде Бальбоа и Кортеса, приезжая в Вест-Индию без единого песа в кармане, имели протекцию и, прежде чем сами раздобывали золото, получали по общему правилу от казны коммendu. Простой солдат мог рассчитывать на это лишь за особые заслуги. Писарро, крутой с товарищами и подчиненными, но образцовый служака, умел сдерживать себя при случае и хорошо ладил с начальством, благодаря чему добился, наконец, офицерского чина и маленькой коммеды. Но этого, разумеется, ему было слишком мало. Однако, так как ему не пришлось участвовать, кроме экспедиции Бальбоа, ни в одном большом предприятии, его служебные успехи на этом приостановились. Так дело шло до того момента, когда выяснилось, что Андагойа не в состоянии продолжать экспедиции для открытия Биру. Тогда Писарро, подогреваемый мыслью о великих завоеваниях Кортеса и об открытии Гонсалесом золотосного Никарагуа, взялся со своим товарищем Диего де Альмагро довести до конца предприятие, начатое другим. Альмагро, несмотря на дворянскую частицу «де» перед своей фамилией, был человеком неизвестного происхождения и столь же неграмотным, как и сам Писарро. Но это, понятно, нисколько не мешало ему быть превосходным конкистадором, правда несколько горячим. Впрочем, этот его недостаток вполне

уравновешивался холодной осмотрительностью и настойчивостью самого Писарро. Оба товарища не имели средств для снаряжения экспедиции и потому вошли в соглашение с патером Фернандо де Люке, человеком денежным, желавшим, вопреки обету нестяжательства, пустить свой капитал в хороший оборот.

Ловкий патер сумел выпросить у Педрариаса две каравеллы из числа кораблей, оставленных в Панаме Гонсалесом, и в ноябре 1524 года на юг отплыл сперва Писарро, потом Альмагро. Слабость сил (число всех участников экспедиции едва достигало двухсот человек) и недостаточность вооружения позволили конкистадорам на этот раз захватить и ограбить только одно поселение на колумбийском побережье; но зато они вернулись, окончательно уверившись, что дальше к югу действительно лежит богатейшая, неведомая белым страна, откуда идет уже добытое ими золото.

Подобно тому как Юкатан и Табаско уже давали известное представление о цивилизации страны ацтеков, так и область, лежавшая на границе между Дарьенским перешейком и Южной Америкой и отчасти

Писарро, Альмагро и Люке готовят поход в Перу

уже исследованная испанцами, могла познакомить их с некоторыми сторонами культуры самого Перу, или *империи инков*. Уже в преддверии этой страны туземцы мумифицировали своих покойников (по крайней мере более знатных), вместо того чтобы сжигать их, как это практиковалось в Мексике. Туземные дома, конусообразной или пирамидальной формы, местами были очень велики и строились из толстых бревен, скрепленных балками и обмазанных глиной. Туземцы возделывали маис, хлопчатник и выделывали прекрасные бумажные ткани с красивыми рисунками. Их плоты и мосты соответствовали, как увидели потом испанцы, аналогичным сооружениям страны инков. Орудием обмена служили здесь золотые кружочки без всякой чеканки или соль, но торговля была преимущественно меновая и товары продавались на меру, а не на вес. Управлялись туземцы кациками и жрецами, пользовавшимися большим влиянием. Главный военачальник был в то же время и верховным жрецом. Поклонялись туземцы идолам, которые кое-где приносились, по-видимому лишь в особых случаях, человеческие жертвы, но каннибалами они не были. В их религиозном культе содержалось также поклонение солнцу и луне. В общем эта промежуточная область, населенная несколькими племенами, по культуре своей была не ниже Юкатанской, кроме одного — письменности. На Юкатане и в Мексике существовала письменность и некоторые зачатки литературы, здесь же письмо вовсе не было известно. Его заменяли разноцветные шнурки, на которых особым образом завязывались узелки; разобраться в значении таких узелков могли лишь очень немногие туземцы, так называемые амауты, т. е. мудрецы. Эта система была заимствована из страны инков, под культурным и политическим влиянием которой находилась промежуточная область.

Отсутствие в самой стране инков иероглифов, дающих известную базу при исследованиях, делает древнейшую историю Перу еще более туманной, чем история древней Мексики. Основоположниками истории Перу были испанцы-завоеватели. Не зная в большинстве случаев местных языков, они, пользуясь невежественными переводчиками, многие басни приняли за факт, а многое достоверное (теперь уже окончательно забытое) просмотрели. К тому же эти историки склонны были слишком сблизить слышанное и виденное ими в Перу с порядками и явлениями своей родины; в области же религиозной они стремились разные формы перуанского культа объяснять извращением христианских преданий¹.

¹ Испанские миссионеры, встретив в туземных храмах Америки изображение креста и заметив в религиозных преданиях индейцев некоторое сходство с библейскими, решили, что незапамятные времена христианство уже проникло в Новый Свет, но что дьявол, кощунственно извратив в борьбе с Христом его учение, совратил индейцев.

При сопоставлении староиспанских показаний (очищенных от разных вымыслов позднейшей научной критикой)¹ с данными современных археологических открытий история, культура, общественная организация, образ правления и религия страны, которую собирался завоевать Франсиско Писарро, рисуются в следующем виде. По-видимому, еще в первые века нашей эры на территории будущей империи инков уже существовали культурные государства в бассейне реки Санти и в горной области озера Титикака, прародине всей цивилизации древнего Перу. Затем, очевидно в связи с массовым наплывом первобытных племен с востока, они сошли на нет, и наступил длительный период варварства. Потом началось постепенное возрождение.

Согласно местным преданиям, в конце X — начале XI века нашего летосчисления среди племени аймара, обитавшего около озера Титикака, появился некий муж, Манко Капак, называвший себя «сыном солнца». Он научил своих соплеменников постройке домов, земледелию, добыванию металлов, выделке оружия и пр. Он же якобы основал город Куско и сплотил окрестных жителей в одно государство. Его преемники продолжали его дело вплоть до прихода испанцев. Они расширили пределы своего государства к северу, югу и востоку², всюду искореняя человеческие жертвоприношения и внося почитание солнца, луны и некоторых других планет. Они же обучили население лучшим приемам земледелия, искусству ирригации и разработке рудников³. Людей, особенно отличившихся, Манко Капак и его наследники⁴ жаловали, — рассказывает легенда, — званием *инков*, которое носили сами.

Эту легенду надо понимать в том смысле, что сильные своей военной организацией инки, племя, родственное аймарам и говорившее на одном с ними языке квишуа, победили остальных плена и создали большое государство, культура которого своими истоками несомненно имела цивилизацию угасших государств. Сами победители превратились в много-

¹ Одним из первых историков является Гарсилъасо Инка де ла Вега, мать которого была туземной принцессой, внучкой великого Инки Тупак Юпанки. Фиске, авторитетный в этом вопросе, считает его сочинения хорошим источником для истории древнего Перу.

² Древнее Перу охватывало собой нынешнее Перу, Эквадор, часть Колумбии, Бразилии, Боливии и Чили.

³ По мнению авторитетных ученых, устройство некоторых ирригационных каналов и разработка рудников Перу восходят к глубокой древности, еще до владычества инков.

⁴ Местные предания насчитывали до прихода испанцев тринадцать императоров, но строго исторически можно считать их только с восьмого, Виракоши, жившего около 1390 года. С этого момента начинается более достоверная история древнего Перу.

рез реку, водопад или глубокий ров. Не зная принципа арки, они не могли строить каменных мостов и зданий со сводами; не имея необходимых сведений в плотницком и инженерном искусстве, употребляя вместе железных гвоздей деревянные скрепы и веревки, они не могли строить и деревянных мостов. И в том, и в другом случае недостаточно было только огромного запаса мускульной силы. Но перуанцы придумали свой способ переправы: они натягивали через реки и пропасти толстые канаты, на которые накладывался помост из поперек уложенных досок. По сторонам этих висячих мостов устраивались легкие веревочные перила. Через подобные мосты переходили люди, переводили навьюченных лам, перегоняли небольшие стада, но при сильном ветре эти сооружения были весьма небезопасны. Неосведомленность перуанцев в плотницком искусстве сказалась также и в отношении кораблестроения. Древнее Перу, на всем своем огромном протяжении омываемое Великим океаном, не имело представления о кораблях, — их заменяли неуклюжие плоты, годные только для берегового плавания.

В отношении своих естественных богатств древнее Перу и в буквальном, и в переносном смысле действительно было «золотой страной». Растительность здесь была самая роскошная, урожай всевозможных злаков колоссальные. Наряду с редкими породами дорогих деревьев в изобилии имелись кустарники и травы красящего и лечебного свойства (например хинное дерево); культивировались маис, картофель, хлопок, своим качеством не уступавший современному. На прекрасном орошаемых пастбищах паслись огромные стада лам и альпага (овец), дававших молоко и шерсть для материи. Ламы заменяли собой не только коров, но и отчасти лошадей, неизвестных в Перу. В диком состоянии здесь водились викуна и гуанако¹, охота на которых, строго регламентированная, производилась под наблюдением специальных надзирателей. Шерсть викуны поступала в распоряжение только перуанской аристократии. Залежи золота, серебра, меди, селитры были неисчерпаемы. Рудничное дело было поставлено хорошо. Золото сверх этого легко добывалось при промывке речного песка. Но благородные металлы ценились, в силу их блеска, не ржавления и плавкости, только как материал для украшений, другого значения они не имели, ибо торговля, поскольку она вообще существовала, была чисто меновой и главным образом на меру, а не на вес. Изобильные доходы страны поступали в большей своей части в казну «императора-бога», несомненно, являвшегося тогда богатейшим монархом во всем мире.

«Император-бог», он же верховный военачальник, возглавлял собой обширное сословие жрецов, пустынников, прорицателей. Его значение и

¹ Викуна, или вигонь — разновидность ламы, обитающая в горах; гуанако — вероятный предок ламы и альпага.

достоинство было более высоким, нежели достоинство средневекового папы, императора и даже халифа¹. Он сосредоточивал в себе власть административную, судебную, законодательную и религиозную. Он считался наместником на земле бога Солнца, главного божества религии инков. В храме этого бога, находившемся в Куско, устраивались четыре раза в год (во время солнцестояний и равноденствий) общегосударственные празднества. На этих праздниках перуанцы приносили в жертву домашних животных с их агнятами, кроликов, птиц, маисовое вино, тонкие ткани и листья сильно возбуждающего растения кока². Все это с хвалебными гимнами сжигалось в качестве благодарственной жертвы богу Солнцу за его многочисленные благодеяния людям. Человеческие жертвоприношения преследовались и искоренялись повсюду. В религиозном культе древнего Перу были черты, несколько роднившие его с культурами некоторых стран нашего полушария. Так, в империи инков, подобно тому как в древнем Египте, тела мертвых, набальзамированные и обернутые в ткани, сохранялись в виде мумий, вместе с которыми зарывались разные драгоценности и оружие. Существовали здесь пустынники, жившие в уединенных местах; иногда эти отшельники образовывались в братства, похожие на монастырские братства Европы. Одни жрецы принимали исповедь кающихся (характерная черта католического и православного вероисповедания), другие, как авгуры (прорицатели) древнего Рима, угадывали грядущие события по полету птиц и по внутренностям приносимых в жертву животных. Так же, как и в Риме, в Перу существовал обычай сохранения священного огня. Ежегодно в дни весеннего равноденствия зажигали новый огонь, собирая при помощи металлического зеркала солнечные лучи. Огонь в течение года поддерживался жрицами-девственницами, соответствовавшими римским весталкам. Эти жрицы, число которых по всей стране достигало нескольких тысяч, жили в монастырях, управляемых настоятельницами. Жрицы считались посвященными богу Солнца, именовались «девами солнца» и, если нарушали обет целомудрия, зарывались, подобно римским весталкам, живыми в землю. Впрочем, будучи обручены с «небесным супругом», его перуанские невесты имели все-таки некоторые шансы вкусить и от земных радостей, ибо из их среды правящий Инка избирал себе многочисленных наложниц. Дети этих весталок, при условии, что сами они были чистой крови инков, считались законными, но не могли наследовать престола; дети же великого Инки от простых женщин считались незаконными, но все же более благородными, чем остальные его подданные. Верховный

¹ Халиф — наместник пророка Магомета, глава всех мусульман, соединяющий в себе светскую и духовную власть.

² Из листьев этого растения добывается кокаин.

повелитель древнего Перу мог иметь только одну законную жену, причем ради сохранения чистоты крови царствующей династии она должна была быть (опять аналогия с древним Египтом) его сестрой. Старший сын от такого недопустимого с физиологической точки зрения брака являлся законным престолонаследником. Так как каждый царствующий Инка, сверх детей от законной жены, имел от наложниц еще сотни две-три потомков, то род его не подвергался опасности вымирания.

Имея в своем распоряжении личную гвардию, многотысячное легко созываемое ополчение, целую армию преданных чиновников и полицейских, сильные гарнизоны в покоренных областях¹, обладая несметными сокровищами и пользуясь религиозным авторитетом «воплощенного бога Солнца», — инки к концу XV столетия достигли апогея своего могущества. Все было им внешне покорно на огромной территории, на которой они создали государственную систему военно-теократической деспотии с примесью некоторого подобия социализма. Эта цветущая, обширная организация со стороны могла произвести впечатление чего-то незыблемого, но уже близкое будущее показало, что это было далеко не так. Империя инков в действительности оказалась колоссом на глиняных ногах. Самое ее существование и ее культура, в некоторых отношениях уступавшая культуре Мексики (незнакомство с начатками алфавита и кораблестроением), в других более прогрессивная (отсутствие людоедства и человеческих жертвоприношений), подобно мексиканской, тоже уже была обречена на гибель. Подробности истории и общественно-политического строя империи инков не могли, впрочем, особенно интересовать таких людей, как Писарро и Альмагро. Для них интерес представляли военные силы перуанцев, которые они с бесстрашием настоящих конкистадоров не сомневались сломить, их прельщали сказочные сокровища таинственной страны, которыми они надеялись завладеть.

Ради этих сокровищ, золота и серебра, делавших простых офицеров королевскими наместниками, они и отплыли на юг во второй раз весной 1526 года.

Глава IX

О том, как Писарро после долгих приключений прибыл в страну инков и захватил в плен ее императора

Отбытию этой экспедиции, предпринятой по частному почину, предшествовал формальный договор между патером Люке и конкистадора-

¹ Инки не довольствовались, подобно ацтекам, только сбором дани с побежденных областей, они присоединяли их к своему государству в качестве провинций.

ми. Согласно этому договору, известному в истории конкисты под именем «Союза трех завоевателей», патер Люке брал на себя всю финансовую часть предприятия, а Писарро с Альмагро обязывались завоевать южную империю (точного местоположения, размером и военного могущества которой они не представляли) и разделить добычу на три равные части. Священнослужитель конечно подписался под соглашением собственноручно, за неграмотных же конкистадоров расписались свидетели; сами они могли поставить только кресты.

Нет надобности подробно останавливаться на всех трудностях походов Писарро, на всех его мирных встречах и переговорах с перуанцами, на многочисленных битвах с ними конкистадоров. Обо всем этом достаточное представление дают экспедиции Бальбоа, Грихальвы, Охеды и мексиканские походы Кортеса. В данном случае интерес представляют только главные моменты завоевания и отдельные его случаи, замечательные в том или ином отношении.

На двух кораблях с Писарро отплыло всего лишь сто шестьдесят добровольцев. С такими силами он благополучно достиг устья реки, ныне называемой Сан-Хуан, где испанцы, разграбив несколько больших деревень, захватили много золота. С этой добычей Альмагро немедленно отправился обратно в Панаму, чтобы вербовать новых добровольцев, а Писарро устроил лагерную стоянку в долине, с виду казавшейся очень плодородной. Другое свое судно он послал под начальством кормчего Бартоломе Руиса в дальнейшее плавание, которое прошло весьма удачно. С попутным ветром каравелла Руиса быстро неслась мимо цветущих берегов, с которых туземцы с изумлением смотрели на никогда не виданный ими «плавающий дом». Плывая все к югу, конкистадоры увидели однажды вдали белый парус. Они обрадовались, думая, что это испанский корабль, на самом же деле оказалось, что это была туземная бальза, огромный плот с навесом, мачтами и парусами. Бальза причалила к каравелле, и конкистадоры через переводчика с жадностью слушали рассказы о стране, над которой властвует «сын Солнца», обитающий во дворцах, сверкающих золотом и серебром. Драгоценные камни, золотые и серебряные украшения рассказчиков, их платья, спитые из тончайшей шерстяной материи, наглядно подтверждали их рассказы о богатствах Перу.

Захватив с собой несколько перуанцев, Руис поспешил вернуться к Писарро, чтобы порадовать его вновь полученными сведениями. Это было очень кстати, ибо за это время Писарро с товарищами терпел ужасные лишения. Долина, где высадились конкистадоры, представляла собой сплошной девственный лес, населенный обезьянами, пумами, ядовитыми змеями и кайманами, пожравшими двух-трех неосторожных испанцев. Плодовых деревьев в этом лесу не росло, но зато москитов было

столько, что для спасения от них надо было зарываться в песок по горло. Дичи в лесах тоже не было, если не считать попугаев, мало пригодных для еды, и среди конкистадоров начался голод. Прибытие Руиса, а вслед за ним Альмагро с новым отрядом авантюристов, спасло спутников Писарро от полного отчаяния. Но сам он все так же был непоколебим в своем твердом решении завоевать, несмотря ни на какие опасности и препятствия, золотоносную страну. Золото — главная цель жизни Писарро, — золото, дающее власть и славу, притягивало его к себе, как магнит железо.

Сообщение Руиса и рассказы привезенных им перуанцев заставили конкистадоров воспрянуть духом, и все в один голос постановили безотлагательно плыть дальше на юг. Выдержав жестокую бурю, испанцы достигли области Такамеса — границы империи инков — и, войдя в сношения с туземцами, были ослеплены количеством их украшений из золота и драгоценных камней. Все известия о богатствах Перу вполне подтверждались теперь на каждом шагу. Но когда испанцы захотели овладеть во имя своего короля прибрежной областью, туземцы немедленно же выступили против них с оружием в руках. В бою, как вообще все перуанцы, они употребляли стрелы и копья с бронзовыми наконечниками, тяжелые палицы, окованные медью, и лассо, которым пользовались с поразительным искусством. Сражались же они очень храбро. Во время одной битвы весь небольшой отряд Писарро, не исключая и его самого, вероятно, погиб бы, если бы конкистадоров не спас непредвиденный, несколько даже комический случай. С Писарро было человек пять всадников, и в бою один из них по неосторожности упал с лошади; перуанцы, считавшие человека и лошадь за одно существо, были так поражены его внезапным распадением на два отдельных существа, что в ужасе разбежались, и конкистадоры лишь благодаря этому уцелели.

Писарро понял, что с небольшим отрядом нельзя покорить «золотую страну». Он вернулся обратно несколько к северу, на остров Гальо, а Альмагро снова отправился в Панаму набирать как можно больше добровольцев. Но это ему не удалось. Один из матросов привез кому-то письмо, в котором сообщалось, что едущие на завоевание Перу идут на верную гибель. Содержание письма сделалось известно новому губернатору Панамы Лос-Риосу¹, и он категорически запретил Альмагро вербовать добровольцев. Вместо подкрепления губернатор послал вооруженную каравеллу с предписанием захватить Писарро и привезти его вместе со всеми спутниками в Панаму.

¹ В это время Педрариас был наконец смещен, он года три сумел еще прогубернаторствовать в Никарагуа.

Писарро, положив руку на эфес меча, отказался подчиниться губернаторскому предписанию. С лаконичностью солдата, привыкшего действовать, а не говорить, он, проведя обнаженным мечом черту на песке, сказал своим товарищам:

— На одной стороне — Перу и его сокровища, на другой — Панама и нищета. Здесь — богатство и свобода, там — голод и тюрьма! Выбирайте сами, что хотите. Настоящий кастилец знает, что надо делать, и я лично иду на юг.

Говоря так, он преступил проведенную им черту.

Только шестнадцать человек последовали за Писарро, среди них кормчий Руис и Гарсия Херес (один из историков завоевания Перу), остальные предпочли вернуться в Панаму, бросив своего вождя на произвол судьбы. Суровый, немногословный вояка Писарро мало походил на блестящего Кортеса, с молодых лет обладавшего способностью импонировать людям и убеждать их при самых разнообразных обстоятельствах жизни. Однако, несмотря на малое число сторонников Писарро, капитан, посланный губернатором, не решился прибегнуть к силе; всем было достаточно известно, что, когда дело доходило до вооруженного столкновения, Писарро умел быть убедительным, как никто.

Писарро с горстью верных соратников перебрался на соседний остров Горгону, где было много кроликов и съедобных растений. Здесь, кое-как перебиваясь со дня на день, он прожил с полгода, ни на минуту не отказываясь от мысли довести до конца задуманное им дело. Тем временем Альмагро, живя в Панаме, тщетно добивался разрешения вербовать добровольцев; губернатор по-прежнему был непреклонен в своем решении. Наконец, под единодушным давлением окружающих (особенно патера Люке и Альмагро), требовавших, чтобы Писарро было послано хотя бы извещение, что ему нечего рассчитывать на помощь, Лос-Риос отправил на Горгону небольшую бригантину с приказом доставить в Панаму непокорного конкистадора. Для того чтобы Писарро не мог воспользоваться в своих целях бригантиной, ее не снабдили ни военным снаряжением, ни солдатами. Спокойно выслушав губернаторский приказ, Писарро захватил прибывшее судно и вместо возвращения в Панаму поплыл на юг.

Экипаж Писарро был до смешного мал: с ним было только двадцать человек. Отсюда понятно, что Писарро старался придать своей экспедиции внешне мирный характер. Погода благоприятствовала плаванию, и бригантина без задержек шла мимо живописных берегов с величественными горными вершинами Чимборазо и Котопахи. Красоты природы, разумеется, мало привлекали конкистадоров, их глаза напряженно высматривали поселения, где можно было пожить драгоценными металлами. В этом отношении их удовлетворил город Тумбес, стоявший среди зелени лугов, на берегу бухты Гуаякиль. Областной курака (губернатор),

считая испанцев, благодаря белизне их кожи, сверхъестественными существами, принял их очень предупредительно и послал им большой запас провианта. Потом бригантину посетил проживавший здесь знатный инка, задавший Писарро не один вопрос о цели его прибытия. Писарро отделался общими фразами, но очень настойчиво предложил инке принять христианство. Инка уклончиво ответил, что подумает об этом на досуге.

За несколько стеклянных безделушек и железный топор испанцы получили в обмен от губернатора много золотых украшений и серебра в слитка. Они получили от него также и приглашение осмотреть город. Сперва отправился туда один матрос с негром. Масса перуанцев толпилась на берегу, с любопытством рассматривая «плавучий дом». Еще больше дивились они белому и черному цвету кожи таинственных мореплавателей. Черный цвет кожи негра показался им настолько странным, что они даже пытались стереть или смыть его. В это время петух (птица, неизвестная перуанцам), которого матрос держал подмышкой, пронзительно закричал. Перуанцы пришли в детский восторг и стали добиваться у испанцы, что именно его замечательный «зверь» хочет сказать и не сердится ли он на них. Осмотрев город и захватив с собой нескольких лам и перуанцев, чтобы обучить этих последних испанскому языку, Писарро поплыл дальше. Экспедиция по-прежнему носила характер мирного путешествия. Всюду туземцы принимали испанцев крайне гостеприимно, и всюду мореплаватели видели, так же как и в Тумбесе, высокую степень благоустройства и богатства страны и вели выгодную меновую торговлю. Достигнув 9° южной широты, места, где впоследствии был основан город Трухильо, Писарро повернул обратно и хорошо сделал: тогда в Перу еще царствовал воинственный Инка Гуайна-Капак, который силой или хитростью, вероятно, захватил бы два десятка белых смельчаков и едва ли выпустил бы их живыми.

Возвращение Писарро в Панаму после полуторалетних странствований было для всех крайней неожиданностью, его считали уже давно погибшим. Рассказы конкистадоров о чудесах Перу и золото, привезенное ими оттуда, произвели в колонии очень сильное впечатление. Но губернатор Лос-Риос по-прежнему не давал разрешения на организацию большой экспедиции. Тогда Писарро, по совету патера Люке, имевшего связи с испанским двором, решил сам отправиться в Испанию, чтобы лично доложить Карлу V о своих открытиях. Он отплыл туда весной 1528 года, везя с собой трех молодых перуанцев, живых лам и образцы перуанских изделий из золота, серебра (сосуды, блюда, ожерелья) и шерсти (разные ткани).

На родине Писарро в первое время попал в беду. В Севилье тогда крючкотворствовал его старый знакомый, бывший главный альгасил в Сан-Себастьяне, Фернандо Энсисо. Встретив Писарро, он на основании

неуплаты последним пустяшного долга, сделанного лет за двадцать перед этим, предъявил к нему взыскание. В результате Писарро, человек, собиравшийся залить золотом свое отечество, а себе положить в карман несколько миллионов (что он и сделал вскоре), попал в тюрьму. Впрочем, он был быстро освобожден из заключения, а Энсисо за излишнее усердие получил от начальства выговор. По приезда в Толедо Писарро был очень милостиво принят императором. Этому весьма содействовал Кортес, заодно по-товарищески преподавший Писарро немало полезных советов, как надо вести завоевательную кампанию против туземцев. История романтических походов Писарро сделала его героем дня. Король разрешил ему собрать новую экспедицию и назначил его губернатором всех имеющих быть завоеванным им земель; Альмагро назначался командующим и коррехидором города Тумбеса (тогда еще не завоеванного), а патер Люке — его епископом. Кроме того Писарро и его товарищи по последнему плаванию — не дворяне — все получили дворянское достоинство.

Писарро вернулся в панаму в 1530 году с четырьмя своими братьями; в качестве солдат все они отличались необычайным упорством и считались храбрейших из храбрых¹. Для Альмагро было крайне неприятно, что целый выводок Писарро приехал делить славу и добычу предполагаемого завоевания. Он чувствовал себя оттесненным на задний план, но ему пришлось скрепя сердце примириться с этим. Однако из-за этого с самого начала экспедиции между ее главными участниками уже были посеяны семена раздоров.

В январе 1531 года Писарро на трех каравеллах отправился в свою последнюю экспедицию к берегам «золотого царства». Альмагро должен был отплыть с вспомогательным отрядом вслед за ним. По сравнению с Кортесом Писарро располагал очень незначительными силами, предмет же его завоевательных стремлений — империя инков — превышала своими размерами и внешним могуществом Мексиканскую империю. К тому же она была значительно дальше от операционной базы Писарро, т. е. от Панамы, нежели империя ацтеков от Антильских островов. С Писарро было двести восемьдесят добровольцев, из них пятьдесят всадников. Огнестрельное оружие имели только немногие солдаты, правда все вооруженные металлическими панцирями и хорошими мечами; фальконетов было наперечет, штук пять-шесть. Но зато политическое состояние самого Перу в тот момент очень благоприятствовало смелым замыслам Писарро. Когда после долгого плавания и ряда кровопролитных сражений с прибрежными жителями Писарро, весной 1532 года, достиг города Тумбеса (лежавшего уже в развалинах), он узнал, что стра-

¹ Все они, кроме старшего, Фернандо, были, подобно Франсиско Писарро, внебрачными детьми и неграмотными солдатами.

на охвачена междоусобием. Дело сводилось к следующему. Со смертью могущественного Инки Гуайна-Капака его государство распалось на две части: собственно Перу, где воцарился инка Гуаскар, сын покойного от законной жены-сестры, и обширное Кито, которым правил Атагуальпа, любимый сын Гуайна-Капака от дочери последнего независимого владельца Кито. И тот и другой отпрыск умершего императора претендовали на все отцовское наследство целиком. Между братьями начались военные действия, и в начале 1532 года, после того как разбитый Гуаскар попал в плен, власть над всей страной перешла к Атагуальпе. Чтобы укрепить свое положение, новый император, нечистокровный инка, начал систематически истреблять своих братьев, родственников и многочисленных приверженцев Гуаскара. В связи с этим в стране создалась крайне напряженная обстановка.

Франсиско Писарро, не умевший писать, сумел очень хорошо разобраться в этих событиях и выждать для действия подходящий момент. Только через несколько месяцев после окончательного поражения Гуаскара Атагуальпой он, приняв от победителя мирное посольство с богатыми подарками, двинулся в глубь страны в горный город Кахамарку, куда пригласил его новый император. Не подлежит сомнению, что Атагуальпа рассчитывал завлечь испанцев в засаду и истребить поголовно всех. Но он ошибся в своих расчетах.

Оставив в устроенной им крепости Сан-Мигель небольшой гарнизон и послав Альмагро в Панаму за подкреплением, Писарро выступил в поход со ста десятью пехотинцами и несколькими десятками всадников. Ему пришлось пересечь безводную пустыню, где конкистадоры, страшно страдавшие от зноя и жажды, легко могли быть уничтожены Атагуальпой, располагавшим пятьюдесятьютысячной армией. Но император пропустил этот удобный случай, больше не повторившийся. Дальше за пустыней путь шел через Анды, по дорогам с мостами, описанными выше, и на седьмой день конкистадоры достигли цветущей долины Кахамарки, омываемой речкой.

На ее берегу были раскинута бесчисленные палатки огромного стана Атагуальпы. Наскоро устроив свой маленький лагерь и снова принял императорского посла, Писарро отправил к Атагуальпе своего брата Фернандо и своего главного сподвижника рыцаря Фернандо Сото. Оба конкистадора в блестящих панцирях поехали, в сопровождении тридцати пяти всадников, на рослых конях, производивших огромное впечатление на туземцев. Атагуальпа, высокий, хорошо сложенный человек лет тридцати, принял послов Писарро, сидя на троне в окружении большой свиты. Две женщины держали перед ним прозрачную ткань, ибо не всякий смертный мог смотреть на «сына Солнца». Испанцы, объясняясь через переводчика, сообщили императору, что они, подданные великого государя,

прибыли издали с целью оказать великому Инке военную помощь и познакомить его с истинной верой. Затем они просили Инку прибыть на следующий день в город, как нейтральное место для дальнейших переговоров. Молча выслушав испанцев, Атагуальпа приказал опустить покрывало, чтобы лучше рассмотреть бледнолицых чужестранцев. После этого, обещав посетить Писарро завтра же, он предложил испанцам поселиться в городском дворце. Эта первая встреча конкистадоров с Атагуальпой прошла очень торжественно и чинно, кроме момента, когда Сото, великолепный наездник, нарочно пришпорив своего скакуна, заставил его, к величайшему ужасу перуанцев, становиться на дыбы и выделывать разные курбеты¹.

— Запомните, Франсиско, — поучал Кортес Писарро при их встрече в Испании: — если вам удастся овладеть священной особой короля Перу, судьба его страны будет бесповоротно решена. Я это утверждаю по личному опыту.

Писарро хорошо запомнил совет завоевателя страны ацтеков и, выслушав своего брата и Сото, решил тотчас же захватить в плен Атагуальпу. Да иначе в положении Писарро и нельзя было поступить. Очень опасно было положение Кортеса в Мехико, но положение Писарро в Кахамарке было безвыходно. Здесь полтора-два конкистадора с тремя-четырьмя аркебузами и двумя маленькими пушками были бы раздавлены, как мухи, бесчисленными перуанцами, сколько бы их они ни убили предварительно. Тревожную, бессонную ночь провели испанцы, глядя на склоны окрестных гор, озаренные бесчисленными огнями туземных костров.

Атагуальпа, видимо, предчувствовал беду и колебался ехать на свиданье. День склонялся уже к вечеру, а он был еще только на полпути от испанского лагеря и послал сказать Писарро, что прибудет завтра. Такая отсрочка могла оказаться роковой для испанцев, и Писарро приказал передать императору, что все готово к его приему и что его ждут непременно сегодня же. Наконец, в сопровождении огромной свиты и телохранителей, прибыл, несомый в паланкине из чистого золота, Атагуальпа, украшенный всеми знаками своего царского достоинства. На шее у него было драгоценное ожерелье, на голове особая шапочка-повязка из алого сукна, заменявшая собой корону. Никто не вышел навстречу великому Инке. Рыночная площадь была почти пуста; Писарро со своими солдатами притаился в соседних домах, а фальконеты уже стояли за углом.

— Где же чужеземцы? — нетерпеливо спросил Атагуальпа.

Тут появился с крестом и библией в руках патер Вальверде (патер Люке благоразумно сидел пока что в безопасной Панаме) и через пере-

¹ Полудюжине своих телохранителей, не сумевших скрыть страха, Атагуальпа по отъезде испанцев приказал отрубить головы.

водчика произнес длинейшую казуистическую речь. Он начал с Адама, говорил о пророках, о Христе, о его заместителе — папе — и в заключение предложил Инке под страхом наказания огнем и мечом, отречься от его религиозных заблуждений, принять христианство и стать подданным испанского короля.

— Я самый могущественный государь в мире! — гневно воскликнул император инков. — Я согласен, жрец, уважать твоего государя, как брата, но не как господина, и вере своих предков я не изменю. Ваш бог был убит созданными им же людьми, а мой все еще обитает на небе и посылает нам свои милости. Смотри, бледнолицый жрец! — и Атагуальпа указал на заходящее солнце, лучи которого играли на золоте его великолепного седалища.

Потом, несколько успокоившись, он спросил патера, по какому праву ему предъявляют такие странные требования.

Монах молча указал Инке на библию. Император взял книгу, раскрыл ее, приложил к уху. Затем, покачив головой, с презрением бросил библию на землю, прибавив:

— Твоя книга, жрец, ничего мне не говорит!

Это послужило знаком к бою. Патер бросился к Писарро с иступленным криком:

— Довольно! Долго ли ты будешь церемониться с этим нечестивым язычником? Вперед! Я отпускаю вам все грехи!

Раздался боевой клич: «К оружию! Сантьяго!» Конкистадоры ринулись на туземцев; загрели выстрелы, заработали мечи, и в несколько минут все было кончено для Атагуальпы. С ним поступили гораздо быстрее, решительнее и грубее, нежели с Монтесумой. Ошеломленные телохранители и свита разбежались без боя, и верховный Инка был взят в плен самим Писарро. До наступления полной темноты преследовали испанцы туземцев, убив, как говорят, около четырех тысяч и взяв в плен тысячи три.

На следующий день конкистадоры заняли Кахамарку, разместившись в лучших ее зданиях. Добыча, собранная в городе, превзошла их самые смелые ожидания.

Глава X

О завоевании и ограблении испанцами «золотого царства»;
о междоусобицах среди конкистадоров и гибели главных из них

Захватив в плен великого Инку, Писарро вместе с тем получил в значительной мере и власть над его империей. Никакого восстания против испанцев не последовало, административная машина страны работала по-прежнему. Известную роль сыграл в этом и религиозный момент.

Перуанцы склонны были, подобно ацтекам, приписывать белым пришельцам божественное происхождение. Это открыто засвидетельствовал, между прочим, и посол Атагуальпы, приветствовавший Писарро, когда тот прибыл в Кахамарку. Почтительно приблизившись при свидании к вождю конкистадоров, перуанец пал перед ним ниц, величая его «сыном Виракопи». Виракоша же почитался у древних перуанцев богом неба, выходящим из морской пены, богом-громовержцем и собирателем туч. Изображался он белым, со светлыми или золотистыми волосами. В силу этого бледнолицый Писарро и его товарищи, тоже пришедшие с моря, поражавшие людей выстрелами из пушек и аркебузов, словно молнией и громом, и с непостижимой легкостью безнаказанно захватившие великого Инку, вполне могли сойти в глазах перуанцев за «детей Виракопи». Которым надлежало повиноваться.

Писарро, управляя страной от имени Атагуальпы, обращался со своим пленником хорошо. Великий Инка скоро заметил страсть «детей Виракопи» к желтому металлу и обещал Писарро покрыть золотом пол своей темницы, если ему вернут свободу. Когда же Писарро с улыбкой недоверчиво покачал в ответ на это головой, Инка воскликнул:

— Не только пол, но и всю комнату до такой высоты, какую достанет моя рука!

— Довольно будет вот столько, — усмехнулся Писарро, проведя концом меча черту на стене на аршин от пола.

Тогда по приказанию великого Инки в течение двух месяцев со всех концов империи стали свозить в Кахамарку золото и серебро в виде слитком, песка, разных украшений и сосудов. Тем временем Писарро, считая, что его военные силы еще недостаточны для похода на Куско, столицу империи, отправил в Сан-Мигель гонца за подкреплениями, а сам с двадцатью шестью спутниками проехал на несколько сот километров в глубь страны к знаменитому храму Пахакамака. Перуанцы верили, что никто, кроме жрецов, не может войти в алтарь этого храма, где находилось резное изображение бога «создателя мира», не погибнув тотчас же. Писарро не только без вреда для себя вошел в святилище, но и разбил его идола. Такой смелый поступок еще больше утвердил среди перуанцев религиозный престиж Писарро; очевидно, им не приходилось сомневаться, что белый вождь сам был богом, о сопротивлении которому нечего было и думать.

Вернувшись в Кахамарку, Писарро застал там Альмагро с подкреплением в сто пятьдесят человек и приступил к дележу уже внесенного Атагуальпой колоссального выкупа. Сокровища, собранные великим Инкой, были оценены (без серебра, наполнявшего отдельную комнату) в сто пятьдесят миллионов, считая на золотые рубли. Это превышало в

двенадцать-пятнадцать раз «клад Монтесумы». Все золото Атагуальпы было превращено алчными конкистадорами в слитки равной величины, вследствие чего навеки погибли драгоценные произведения древнеперуанского искусства. Пятая часть этой баснословно огромной добычи была отправлена с Фернандо Писарро в Испанию королю, остальное разделено между всеми, из расчета по десяти тысяч на каждого конкистадора. Но себе и своим братьям Писарро, разумеется, выделил львиную долю (тоже вроде королевской), а Альмагро и его солдатам дал меньше, чем своим; это вызвало понятное недовольство Альмагро, грозившего выйти из повиновения. Офицеры Писарро кое-как уладили начавшуюся было генеральскую ссору.

Теперь можно было двинуться походом дальше на Куско, но сперва следовало разрешить важный вопрос относительно Атагуальпы, настойчиво требовавшего своего освобождения. Отпустить великого Инку на свободу было опасно, он мог поднять своих поданных против завоевателей, как бы ни был велик их престиж; дальнейший его плен тоже мог вызвать восстание, ибо в Кито, родине Атагуальпы, уже началось волнение. Из этого затруднения испанцы вышли при помощи одного из тех подлолицемерных способов, к которым так охотно всегда прибегали в колониальных странах вообще все европейцы. Писарро в данном случае разыграл пародию суда, воспользовавшись для этого следующим обстоятельством. Атагуальпа, опасаясь сношений свергнутого им Гуаскара с испанцами, сумел, сидя в заточения, отдать приказ об умерщвлении своего брата, что и было исполнено. Теперь испанцы выступили в качестве «защитников» убитого Гуаскара, по их утверждению законного императора страны.

Атагуальпа был предан суду по обвинению в похищении власти, убийстве брата, идолопоклонстве, прелюбодеянии (ввиду его открытого многоженства) и даже расхищения сокровищ страны, уже принадлежащей испанскому королю. Защитники Атагуальпы были бессильны. Голос нескольких испанцев, еще не потерявших окончательно совести, был заглушен властным окриком Писарро, и великого Инку приговорили по совокупности его многочисленных преступлений к сожжению на костре.

Когда Писарро объявил ему страшный приговор, злосчастный император с рыданиями умолял пощадить его и обещал отдать все золото своей страны за свою жизнь. Но смерть Атагуальпы устраивала Писарро больше, нежели золото, которое он рассчитывал взять сам, и великого Инку повели на костер. Тут снова выступил на сцену патер Вальверде и снова стал уговаривать Атагуальпу перейти в христианство, обещая, что костер будет заменен виселицей. Инка робко взглянул на Писарро, тот утвердительно кивнул головой, и Атагуальпа подчинился обряду крещения. Затем, это было в августе 1533 года, его повесили с разными церемониями, а по другой версии просто удавили шнурком.

Разделавшись с Атагуальпой, Писарро через месяц-другой без сопротивления занял Куско, древнюю столицу империи. Собственно говоря, с этого момента перу было почти завоевано. Все остальное явилось уже только подробностями, правда временами очень опасными и сложными для испанцев. После казни Атагуальпы Писарро облек было королевской властью одного из его сыновей, Пауло, совсем еще юношу, но тот вскоре умер. Тогда к Писарро явился Манко, сын убитого Гуаскара, с изъявлениями преданности и покорности. Приняв присягу Манко на верность испанскому королю, Писарро торжественно короновал его в Куско.

Столица инков была огромным богатым городом с множеством роскошных каменных дворцов и сильной крепостью на горе¹.

Достопримечательностью Куско являлся великолепный храм Солнца с обширными садами и помещениями для жрецов. Всякого входящего в главный зал этого храма ослеплял яркий свет. Он исходил от огромного золотого диска с изображением солнца в виде человеческого лица. Диск был поставлен так, что первые лучи восходящего солнца, падая прямо на диск, отбрасывались на многочисленные золотые дощечки-рефлекторы; вокруг стояли огромные золотые, и все это, казалось, горело неугасимым пламенем. Сокровища храма, начиная с диска, были взяты испанцами, а самое здание превращено в доминиканский монастырь.

Между тем из Испании вернулся Фернандо Писарро с королевскими милостями: Франсиско Писарро был назначен наместником Новой Кастилии (как стало называться с тех пор Перу) получил титул маркиза; Альмагро был назначен губернатором земель, расположенных к югу от наместничества Писарро. Эти земли (территория нынешней республики Чили), еще не завоеванные, получили название Нового Толедо. В эти дни Франсиско Писарро, уже старик, достиг вершины своих успехов. Еще недавно простой офицер, он, почти без поддержки правительства, овладел огромным царством, свергал его самодержавных монархов, казнил их, возлагал на их головы короны. Он, кого буквоед Энсисо лет пять тому назад засадил было в тюрьму за несколько жалких песо, сделался королевским наместником и, что было для него особенно важно и почетно, *титулованным* дворянином Испании. Теперь, предвосхищая знаменитое изречение Наполеона, величайшего конкистадора всех времен и народов, Писарро, побочный сын знатного дворянина, мог бы при желании с гордостью сказать: «Я сам себе предок»².

¹ Это и была знаменитая Саксагуаманская крепость, самый замечательный памятник древней цивилизации в Америке, существующий и в настоящее время.

² Эту фразу Наполеон сказал своим подчиненным, когда они советовали ему ради уппрочения своей будущей династии жениться на какой-нибудь представительнице древнего королевского рода.

Граница между наместничеством Писарро и будущим губернаторством Альмагро была определена настолько неясно, что даже самый город Куско оказался на спорной территории. Это послужило новым предлогом к раздору между Писарро и Альмагро. Но и на этот раз окружающим удалось, правда, с трудом, предотвратить открытую ссору двух полководцев, и Альмагро со значительным отрядом отправился в 1535 году на завоевание Чили. В этом же году в Перу хлынула новая волна авантюристов, привлеченных рассказами о невероятных богатствах страны; среди новоприбывших были и солдаты, и купцы, и священники. Началась колонизация Перу, которой руководил, впрочем, не особенно умело, Писарро из «Города королей», или Лимы, основанного им в девяти километрах от моря.

Завоеванная страна оказалась далеко не таким Эльдorado для переселенцев, как они ожидали. Чрезвычайное обилие драгоценных металлов (конкистадоры ковали своих лошадей серебряными подковами) вызвало страшное возвышение всех цен, а нежелание самим работать и неумение организовать правильные торговые сношения с туземцами привели к тому, что испанцы-завоеватели, сидя на мешках награбленного ими золота, частенько терпели голод. Стремясь привести страну к полной покорности и собрать еще как можно больше золота, Писарро разослал отряды своих солдат в самые отдаленные уголки Перу, благодаря чему в Куско осталось незначительное количество войска. Тогда инка Манко, за время своего проживания у испанцев достаточно освоившийся с их военными порядками и научившийся владеть огнестрельным оружием, поднял в 1536 году знамя восстания. Оно охватило огромное пространство от Кито на севере до Чили на юге. Несколько небольших отрядов испанцев были истреблены, а три брата Писарро — Хуан, Гонсало и Фернандо — осаждены в Куско. Они стойко держались полгода, отражали все приступы туземцев, делали смелые вылазки, во время которых был убит Хуан Писарро. Положение осажденных конкистадоров было очень тяжелым, но тут из Чили подоспел Альмагро, узнавший о восстании. С этого момента начался ряд столкновений между самими конкистадорами.

Альмагро разбил Манко, бежавшего в горы, но потребовал, чтобы ему было сдано Куско. Братья Писарро отказали ему в этой. Альмагро с виду пошел как будто на мировую; устроил свой лагерь за городом, виделся с братьями Писарро, а потом внезапно арестовал их. Франсиско Писарро, сам осажденный туземцами в Лиме, дал знать в Трухильо Алонсо Альваро, чтобы он шел на выручку Куско. Подойдя к этому городу, Альваро наскочил на засаду, уже приготовленную Альмагро, и тоже был взят им в плен. После этого Альмагро двинулся на Лиму, чтобы покончить

все счеты с Франсиско Писарро и самому сделаться единоличным правителем страны. Но Писарро в свою очередь разбил его, взял в плен, обвинил в государственной измене и казнил в 1538 году. Завоеватели уничтожили друг друга в Перу, так же как и в других областях Нового Света.

Чтобы загладить в Испании неблагоприятное впечатление от этой междоусобицы, Франсиско Писарро снова отправил к королю своего брата Фернандо с огромным запасом золота и просьбой прислать помощь против мятежников. Но его опередил посланец сторонников казненного им Альмагро. Фернандо Писарро, по приезде в Испанию, был арестован и без всякого суда посажен в тюрьму, где просидел двадцать лет. Это не помешало однако его брату маркизу Писарро управлять заокеанским царством еще несколько лет.

За это время, успешно подавляя попытки восстания со стороны Манко, Писарро отправил на юг в 1540 году Педро де Вальдивиа закончить начатое Альмагро покорение Чили¹. За год перед этим он назначил своего брата Гонсало губернатором северной провинции Кито с поручением исследовать леса прианостей, лежавшие к востоку от этой области. С тремястами пятьюдесятью испанцами Гонсало, сначала сопровождаемый четырьмя тысячами туземцев, перешел Анды², проникая все глубже и глубже в девственные леса, пустыни и болота, пока не оказался на берегах реки, по-туземному называвшейся Мараньон. Дальше продвигаться нельзя было из-за недостатка провианта. Здесь, с большим трудом построив барку, испанцы поместили на нее Франсиско Орельяно с пятьюдесятью солдатами. Они должны были раздобыть продовольствие и вернуться поскорее назад. Не найдя достаточно провианта и не имея возможности быстро плыть обратно против сильного течения, Орельяно решил плыть вниз по реке. Подвергаясь всевозможным лишениям и нападениям дикарей-людоедов, Орельяно и его спутники проплыли на утлой ладье несколько тысяч километров до самого устья неведомой реки, названной ими Амазонкой. Это было одно из самых смелых путешествий, известных в истории открытий. Выйдя в Атлантический океан, конкистадоры благополучно добрались до острова Кубагуа, откуда Орельяно отправился в Испанию. Рассказывая здесь о виденных им издали поселе-

¹ Вальдивиа, конкистадор типа Бальбоа, сумел, несмотря на сопротивление воинственных аракуанцев, быстро замирить страну и уже в 1541 году основал город Сантьяго, после чего приступил к разработке ископаемых богатств и повышению культуры земли. Несмотря на свое миролюбие, он все же погиб в 1549 году во время восстания аракуанцев.

² Туземцы, совершенно не заинтересованные в этой экспедиции, постепенно покинули ее.

ниях с домами, крыши которых были покрыты листовым золотом¹, он успел организовать экспедицию специально для завоеваний на Амазонке. Впрочем, эта экспедиция не состоялась вследствие смерти самого Орельяно и энергичных протестов Португалии, в зону владений которой входила восточная половина бассейна реки Амазонки.

Тем временем Гонсало Писарро, не дождавшись Орельяно, вернулся в 1542 году в Кито, потеряв в походе две трети своих людей. Его ожидали очень скверные новости: маркиз Франсиско Писарро уже покончил свое бурное существование. Когда Фернандо Писарро уезжал в последний раз в Испанию, он предостерегал Франсиско относительно «людей Чили», как звали сторонников казненного Альмагро. Но королевский наместник, по отзывам современников «знакомый со страхом лишь понаслышке», самоуверенно ответил:

— Пока в Перу знают, что я могу в любой момент лишить жизни всякого, кто посягнет на меня, до тех пор я нахожусь в полной безопасности.

На деле вышло по-иному. В стране было достаточно недовольных управлением Писарро. Человек вроде Кортеса сумел бы привлечь их на свою сторону, вовремя давая им подачку, но у Писарро не было ни ума и обходительности Кортеса, ни даже осторожности своего брата Фернандо. Он обращался вообще со всеми грубо, а офицеры и солдаты не особенно любили его, а скорее боялись. Сторонников Альмагро Писарро открыто оскорблял, притеснял, обделял при распределении земельных участков, а о своей безопасности совершенно не заботился. Хуан де Рада, очень способный офицер, составил заговор с целью убить Писарро. В июле 1541 года восемнадцать сообщников с обнаженными шпагами и криками: «Смерть тирану!» ворвались во дворец, где обедал Писарро с приятелями. Сотрапезники Писарро почти все спаслись бегством через окна. Сам старик храбро защищался, убил четверых, нескольких ранил, пока не упал мертвым под градом ударов. Он был убит в Куско, в древнем центре империи, которую оставил опустошенной, разоренной и обгащенной потоками крови.

Убив Писарро, заговорщики объявили его преемником внебрачного сына Альмагро, обычно называемого Диего Альмагро-младший. Его управление было очень непродолжительно. Вако де Кастро, ученый судья, присланный из Испании Карлом, чтобы руководить к тому времени уже

¹ Не следует думать, что Орельяно и другие конкистадоры в подобных случаях сознательно лгали. Одержимые страстью к золоту, доходившей до безумия, они всюду видели драгоценные металлы и часто становились жертвами оптического обмана. Так, например, во время похода Кортеса на Мехико несколько всадников, заглянув раньше других в ворота города Семпоаллы, прискакали обратно с восторженным криком, что городские дома снаружи выложены серебром. В действительности они были покрыты полированной штукатуркой из гипса, ярко сверкавшей на солнце.

убитым Писарро, разбил с помощью его капитанов, Беналькасаро и Альварадо, узурпатора и казнил его осенью 1542 года.

В том же году на королевском совете в Испании был выработан статут для управления новозавоеванными землями. Во главе их был поставлен вице-король, а в качестве совета при нем и верховного суда так называемая аудиенция из четырех членов, назначаемых центральным правительством. Тогда же столицей Перу был объявлен город Лима, расположенный у моря в прекрасной долине реки Ремак.

Гонсало Писарро благоразумно держался в стороне от смутных событий последнего времени и мирно проживал в своем поместье. Но в 1546 году, когда, вследствие неудачного управления и насилий нового вице-короля Бласко Нуньеса Велы, среди самих испанцев началось брожение, Гонсало возглавил мятеж, разбил Велу, казнил его и сделался правителем «золотого царства». И его торжество тоже было весьма кратковременным. Из Испании был прислан военный священник и член совета инквизиции Педро де ла Гаска с самыми широкими полномочиями вестать и решать все дела — военные, гражданские, религиозные. Этот, по выражению историка Артура Гельпса, «Кортес в рясе» прекрасно сумел справиться с отважным конкистадором.

Вначале Гонсало наголову разбил высланного против него капитана Диего де Сентено и считал свое дело уже выигранным. Но никакой меч не мог противостоять хитрости военного священника. Он подкупил приверженцев Гонсало, и, когда тот весной 1548 года встретился с королевскими войсками, его собственные солдаты вместе с офицерами стали дезертировать толпами. Среди немногих верным Гонсало до конца остался восьмидесятипятилетний офицер Карвааль, ветеран итальянских войн. Глядя, как один за другим перебежали к противнику его товарищи по многим походам, он, весело подмигивая своему начальнику, беззаботно напевал, как в былые дни, старую испанскую песенку:

Вот мои волосы, матушка,

По одному волосу разносит их ветер.

После недолгой схватки, в которой было убито только пятнадцать человек, у Гонсало Писарро не осталось ни одного солдата. Он поехал в лагерь Гаски и сдался на милость победителя. На следующий день он был обезглавлен, а старик Карвааль повешен и четвертован. При таких обстоятельствах сошел с арены конкисты последний из братьев Писарро; все они, кроме старшего — Фернандо, кончили свой жизненный путь насильственной смертью¹. Педро де ла Гаска, с успехом закончив свою нелегкую миссию, уехал в Испанию, где был вознагражден епископским саном.

¹ Получив, наконец, свободу, Фернандо Писарро проживал в Испании в своем поместье, где умер в 1578 году, στα четырех лет от роду.

С 1556 года для Перу наступает новая эпоха под управлением вице-короля Андреа де Мендосы. При нем было, и фактически и формально, доведено до конца завоевание «золотого царства». Мендоса, хороший администратор и неплохой генерал, не только покорил всех туземцев Перу, но и привел в полное повиновение беспокойных конкистадоров. В стране установился порядок, фундаментом которого послужили трупы бесчисленных тысяч убитых и замученных переселение из Испании в Перу, и вскоре там насчитывалось восемь тысяч обитателей европейцев.

Еще в 1544 году инка Манко, смирившись, вторично признал власть испанского короля. Жил он в горной крепости на полунезависимом положении, имея при себе придворный штат. Его сын инка Титу Кузи был заподозрен в агрессивных намерениях, и миссионер, подсланный испанцами, по-видимому, отравил его, ибо он скончался внезапно. Перуанцы схватили монаха и убили его за колдовство.

Тогда, в 1571 году, вице-король Франсиско де Толедо послал в горы сильный отряд, который разрушил последнюю резиденцию инков, перебил массу туземцев и захватил сына умершего, юного Тупака Амару. Доставленный в Куско, он был обезглавлен, и вместе с ним прекратилась династия древних перуанских императоров.

Вест-Индия — главная арена походов конкистадоров

ГИБЕЛЬ НЕПОБЕДИМОЙ АРМАДЫ

Глава I

О том, как испанцы управляли своими колониальными владениями.

Теперь можно подвести итоги грандиозным завоеваниям Испании в Америке и посмотреть, что дали завоеванные колонии самой метрополии.

В результате деятельности ряда открывателей и конкистадоров испанские владения в Новом Свете к середине XVI столетия (когда уже выяснились примерные очертания этого материка) протянулись широкой полосой от берегов полуострова Флориды в Северной Америке, через Антильские острова, Мексику и Центральную Америку, далеко к югу вдоль западных берегов Южной Америки и по плоскогорью Анд до озера Озеро (40° южной широты). При этом в Венесуэле и Ла-Плате испанские владения сильно вдавались на восток в сторону Атлантического океана, а со стороны тихоокеанского побережья Испании же принадлежали Филиппинские и Марианские острова, лежащие у юго-восточных берегов Азии. Сверх этого с 1580 года заокеанские владения Испании разом расширились до невероятных размеров благодаря присоединению к ней Португалии с ее колониями¹. Испанские владения охватили тогда весь земной шар, в связи с чем и возникла гордая поговорка, гласившая, что «во владениях испанского короля никогда не заходит солнце».

Так образовалась колоссальная монархия, которой до конца XVI столетия принадлежала гегемония, которой до конца XVI столетия принадлежала гегемония на суше и на море. В эпоху экономического расцвета Испании различные классы, поражающих своей энергией и способностями.

В те годы никакая другая держава в Европе не была страной таких выдающихся государственных деятелей и воинов, какой была Испания. Искусство испанских дипломатов славилось тогда во всем мире, ее мореплаватели не знали страха и преград, ее полководцы не имели сопер-

¹ Вследствие гибели (1578) в походе в Марокко короля Португалии Себастьяне, с которым пресеклась Ависская династия, Филипп II, состоявший в близком родстве с покойным, предъявил свои права на португальский престол, подкрепленные силой испанского оружия, и в 1580 г. присоединил Португалию. Шестьдесят лет спустя в Португалии вспыхнуло восстание против испанского владычества, и страна восстановила свою независимость.

ников как в регулярной, так и в иррегулярной войне. Воинственное французское дворянство и «несокрушимая» фаланга швейцарцев одинаково уступали в сражениях испанской пехоте. В колониальных войнах испанские авантюристы обнаружили при крайней жестокости дальновидность в переговорах, находчивость в момент опасности и мужество в боях. К тому же многие из них, помимо грабежа и разорения Нового Света, совершали замечательные открытия, расширившие географический кругозор их современников. Люди таких дарований и такого склада много способствовали в эпоху блестящего царствования Карла V созданию империи, на противоположных концах которой лежали золотоносное Перу и промышленные Нидерланды, а сердце которой билось на Пиренейском полуострове. Этот полуостров на некоторое время сделался центром товарообмена Европы с Америкой, Африкой, Азией, чем и было обусловлено первенствующее положение Испании XVI века.

Но уже при преемниках конкистадоров первого призыва великодержавное положение Испании начинает изменяться к худшему. А между тем, казалось, все данные для ее дальнейшего процветания по-прежнему были налицо. По-прежнему ее морские караваны подвозили к берегам Пиренейского полуострова огромные грузы благородных металлов и пряностей; по-прежнему обширнейшие заокеанские колонии принадлежали к владениям испанского короля, по-прежнему не было среди испанцев недостатка в твердых людях, отважных мореплавателях и образцовых солдатах. И все-таки, вопреки всему этому, уже во второй половине XVI столетия Испания начинает регрессировать, с тем чтобы в XVII столетии безвозвратно потерять свое прежнее значение.

Язва, подтачивавшая организм огромной империи, гнездилась в глубине ее самой. Несмотря на свои колониальные успехи, Испания и в XVI веке оставалась по укладу своего хозяйства феодальной страной. Ее промышленность, по сравнению с передовыми странами, была развита явно недостаточно. Господствующим классом были феодалы-помещики — гранды и идальго, — которые были совершенно неспособны обеспечить дальнейший рост производительных сил страны. Крестьянство было задавлено феодальными повинностями и разорено, буржуазия, слабая в промышленном отношении, неорганизованная и оттененная от политического управления, рассчитывала более на монополию, на запреты ввоза иностранных товаров и новые потоки золота из колоний, чем на успешное развитие ремесел и мануфактуры. Объективные условия нового времени требовали людей, способных управлять торгово-промышленным государством, Испания по-прежнему выдвигала деятелей типа конкистадоров, способных организовывать кадры хороших солдат, при помощи которых можно залить кровью побежденную страну, но нельзя создавать новые формы общественного бытия.

Колониальная политика испанцев носила примитивный, хищнический характер. Эмиграция из метрополии была очень значительна, но то, что в результате этой эмиграции возникло за океаном, было старым обществом в новой части мира, и притом обществом далеко не высокого сорта. Переселенцы, как общее правило, стремились возможно скорее достичь богатства, чтобы вернуться с ним на родину. Мало кто из испанцев ставил своей прямой целью (подобно Кортесу и Вальдивии) при помощи долгой планомерной работы подчинить человеку девственную почву страны и устроить себе в ней новое, прочное отечество. Испанское дворянство, массами притекавшее в колонии, предоставляло обработку земли и устройство асиенд (усадеб) миссионерам. Духовенство нашло здесь полное удовлетворение своему вечному стремлению к приобретению земельной собственности. Церкви и монастыри росли, точно грибы после дождя, и усиленно захватывали целые области, пользуясь туземным населением, как крепостными.

Колонии подвергались мелочной бюрократической опеке. Правительственные чиновники колоний обычно назначались не из местного населения, а присылались из метрополии. Эти были люди, не знавшие ни местных отношений, ни местных нужд, служаки, в большинстве случаев стремившиеся только осуществлять «престиж власти». За редкими исключениями, всякий думал только о самом себе, о своей личной выгоде, а не об успехе общего дела или, тем паче, об участии покоренных туземцев. Представители духовенства, назначаемые на высшие должности гражданского управления, вертели в колониях всем и всеми. Они забрали себе такую власть, что в свое время с ними принужден был считаться даже сам Кортес, чему (как сообщает Берналь Диас) очень удивлялись туземцы. Но удивительного здесь ничего не было, ибо духовенство опиралось на инквизицию, работавшую неустанно. Третьего сословия в колониях, разумеется, не возникло, и скоро в них, не считая некоторого количества фермеров, преимущественно на церковных землях, остались лишь богачи (отчасти помещики, отчасти арматоры), духовенство, чиновники, военные и многочисленные рабы¹.

Торговля метрополиями с ее колониями (долженствовавшая быть главной пружиной процветания старой Испании) была организована крайней однобоко. Почти полная монополия этой торговли принадлежала городу Севилье, где и находилось «управление по индийским делам». Доходы купечества, ведшего монопольную торговлю, была, правда, очень значительны, но это достигалось совершенно искусственным путем: вместо того чтобы создавать новые рынки сбыта, испанское правительство ограничивало ввоз в свои колонии европейских товаров. В продолжение всего XVI столетия из Испании в Америку совершалось ежегодно под

¹ Уже с начала XVI столетия в Америку стали ввозить в качестве рабов негров из Африки.

военной охраной только два торговых путешествия — весной и осенью. Сперва так поступали только в военное время из соображений безопасности, потом это стало общим правилом. В силу этого торговля метрополии с ее заокеанскими владениями не развивалась, но зато процветала «ночная торговля», т. е. контрабанда, наносившая большой ущерб легальной торговле. Главным предметом вывоза из колоний в метрополию являлись драгоценные металлы, но вывоз этот был организован так же ненормально, как и торговля. Обычно только один раз в году приплывал в Испанию под охраной военных кораблей целый флот с транспортом сокровищ из американских рудников, и тогда в стране на время наступало сильнейшее коммерческое оживление. Всякий, кто мог, спешил воспользоваться этим моментом для выгодных спекуляций, а затем в ожидании следующего каравана на весь остаток года хозяйственная Испания снова замирала. Вдобавок к этому вследствие громадного количества вывезенного из Америки золота и серебра в Западной Европе еще в первой половине XVI века началась так называемая «революция цен», повлекшая за собой и в самой Испании страшное вздорожание жизни, понижение покупательной силы денег, падение нормальной торговли и общее расстройство финансов страны. Испания, владевшая «золотоносным царством», подчас задыхалась, как это ни странно на первый взгляд, от долгов своим германским и нидерландским кредиторам, которых она разоряла своей неплатежеспособностью.

Ежегодный подвоз золота и серебра мало помогал этой беде, ибо деньги шли главным образом на военные веля, а не на развитие каких-либо отраслей полезной промышленности.

Таким образом Испания, с головокружительной быстротой достигшая высших ступеней государственного могущества, остановилась на точке своеобразного замерзания. Но, согласно испанской же пословице, «стоящий на месте — идет назад», и потому упадок Испании был неизбежен. Для ускорения его требовался только сильный удар извне. Он и был нанесен Испании вскоре после присоединения к ней Португалии, в тот момент, когда король Филипп II, сын Карла V, никого из монархов не считал себе равным. Но, прежде чем это произошло, Испании, и помимо ее недоразумений с Португалией, уже пришлось натолкнуться на активное противодействие другого соседа своим непомерным требованиям в области колониальной политики.

Глава II

О крушении завоевательных планов испанского короля Филиппа II

— Мне было бы весьма интересно взглянуть на тот пункт завещания нашего прауродителя Адама, в силу которого мне и моим подданным запре-

щены плавания к берегам Нового света. Если запрещение действительно существует, я готов подчиниться ему.

Так ответил французский король Франциск I на протест испанского посла по поводу нарушения французскими моряками зоны испанских владений в Атлантическом океане.

Остроумный ответ Франциска исчерпывающе выясняет точку зрения соседей Испании, вовсе не желавших признавать ее монопольных притязаний на Америку и, тем более, хоть сколько-нибудь серьезно считаться с пресловутым «папским меридианом». В соответствии с этим французские моряки из Бретани и Нормандии еще с начала XVI столетия облюбовали себе места для постоянного рыбного промысла в водах Северной Америки около острова Ньюфаундленда. Одновременно с этим французские корсары начали охоту за испанскими и португальскими кораблями, груженными золотом, серебром и другими колониальными продуктами. Французские моряки нападали также и на длинную береговую линию испанских владений, бомбардировали приморские города, налагали на них большие контрибуции.

В середине XVI века французы в лице гугенотов сделали попытку основать колонии в Центральной и Южной Америке. Но из Бразилии французов быстро вытеснили португальцы, а когда они построили на испанской территории во Флориде форт Каролину и занялись корсарством в Антильском море, с ними очень решительно и жестоко расправились испанцы. Педро Менендес, воин, «храбрый, как лев, и дикий, как волк», тайком пробрался к французской крепостце, напал на нее врасплох и истребил всех французов (сто сорок девять человек), без различия пола и возраста. Затем он сумел заманить тех, кто был на кораблях, и тоже всех перебил или повесил, исключая немногих, согласившихся принять католицизм. Над трупами повешенных Менендес велел прибить дощечку с лаконичной надписью: «Повешены не как французы, а как еретики». Несколько лет спустя другая партия гугенотов под командой Доминика Гурга выступила мстительницей за смерть своих соотечественников-единоверцев. Напав, тоже тайком, при помощи индейцев на испанский форт, построенный на месте прежней Каролины, Гург, офицер, отличившийся в итальянских войнах, взял крепость и уничтожил ее гарнизон в четыреста человек. В живых осталось не более двадцати испанцев. Гург приказал повесить их на тех же самых деревьях, на которых незадолго перед тем были повешены гугеноты, и в свою очередь прибил дощечку с контрнадписью: «Повешены не как испанцы, но как лжецы и убийцы». Случаи, подобные этим, достаточно ярко иллюстрируют характер взаимоотношений европейцев в колониальных странах.

Но морские предприятия французов не могли поколебать испанской гегемонии на морях. Ожесточенная борьба между Испанией и Францией

шла главным образом на континенте за обладание Италией. А здесь перевес, особенно после неудачной для французов битвы при Павии в 1525 году (когда попал в плен сам Франциск I), определенно был на стороне Испании. Сокрушающий удар морскому могуществу Испании нанесла другая держава, выступившая позднее Франции на арену колониального соперничества.

На юго-западе Европы Пиренейский полуостров, а на северо-западе Британские острова образуют собою два выступа, далеко вдающиеся в Атлантический океан. Когда с конца XV столетия главные пути международной торговли передвинулись в Атлантический океан, соперничество из-за них неминуемо должно было перейти в борьбу между Испанией и Англией. Объясняется это тем, что и та и другая держава одинаково обладали гаванями, способными стать центрами заокеанской торговли.

До второй половины XVI столетия Англия не была морской державой в настоящем значении этого слова. Море, омывающее ее берега, являлось для нее скорее защитой от вражеских нападений, чем стихией, влекущей к далеким плаваниям и открытиям. Впрочем, Англия не осталась вполне равнодушной к такому великому событию, как открытие Нового Света. Напротив, она приняла даже некоторое участие в его исследовании. Двое итальянцев Каботов (Габотто), Джованни и Себастьян, отец и сын, предприняв по поручению английского правительства плавание через Атлантику в 1497—1498 годах, открыли Ньюфаундленд, Лабрадор и спустились вдоль восточно-американского берега дальше к югу. Однако, насколько в Англии мало придавали в то время значения подобным предприятиям. Видно из того, что за свои открытия Джованни Кабот получил от короля Генриха VII в награду только десять фунтов стерлингов. Но такое отношение англичан к колониальному вопросу изменилось, когда испанские и португальские каравеллы стали регулярно доставлять в Европу грузы драгоценных экзотических продуктов. В Англии пробудился тогда острый интерес к заокеанской торговле, и тут она немедленно почувствовала всю тяжесть испанской гегемонии на морях. Однако Англия не сразу выступила с оружием в руках против Испании. Английские торговые круги предварительно сделали вполне мирную попытку проложить свой новый морской путь на Восток. По инициативе престарелого Себастьяна Кабота были снаряжены в 1553 году три корабля под общим начальством Хьюга Уиллоуби. Маленькая эскадра должна была, обогнув северные берега Европы и Азии, достигнуть Китая и Индии¹. Два корабля погибли, затертые в полярных льдах, третий под ко-

¹ Мысль об этом возникла еще в начале XVI столетия у итальянца Бенедетто Скотто, считавшего, что южному морскому пути в Индию и Китай вокруг Африки должен соответствовать аналогичный северный путь через Ледовитый океан. Впервые такую экспедицию осуществил швед Норденшельд в 1870—1880 годах на корабле «Вега».

мандой Ричарда Ченслера был занесен бурей в Белое море и пристал к берегам Северной Двины. Так англичане совершенно случайно открыли неведомую им Московию — богатейший рынок пушного товара и всевозможного сырья. Англичане широко использовали свое открытие. Они заключили с московским правительством необычайно выгодный для себя договор на право беспошлинной торговли и добились разрешения проезжать Волгою и Каспийским море на Кавказ, в Персию и Бухару.

Но главная цель, поставленная экспедиции Уиллоуби, не была достигнута: путь в Индию, Китай и Америку по-прежнему преграждала Испания, властительница океанов, Индии и Нового Света. Столкновение между двумя державами, определявшееся их торгово-колониальным соперничеством, вылилось в многолетнюю войну при Елизавете Тюдор.

Колониальная борьба требовала инициативы и находчивости, отваги и знания мореходного искусства, вообще тех качеств, которыми в свое время так отличались испанские конкистадоры. И вот Англия выдвинула своих завоевателей. В одно поколение в ней выросла целая плеяда смелых моряков, полукупцов, полупиратов, отчасти и путешественников, пользовавшихся то явной, то тайной поддержкой своего правительства. Эти моряки — «морские события», как клеймили их испанцы, — заложили на трех китах (корсарстве, контрабанде и работоторговле) фундамент будущей Великобританской империи, достигшей во второй половине XIX столетия вершины своего мирового могущества. На легких быстроходных судах, угнаться за которыми было не под силу неуклюжим испанским военным кораблям, британские моряки во всех направлениях бороздили моря, нанося немалый ущерб военно-торговой гегемонии Испании. Наступило время, когда лондонские мальчишки прислушивались на берегах Темзы к повествованиям моряков, объехавших мыс Доброй Надежды, посетивших Индостан и Бразилию. Теперь в английских тавернах и у сельских очагов сидели загоревшие от ветров и тропического солнца бородатые люди, странствовавшие по океанам, жившие где-нибудь на восточных островах и привозившие с собой разные диковинки вроде обезьян и говорящих попугаев. Эти мореплаватели рассказывали о таинственном Эльдорадо, об ураганах, о кровавых битвах на суше и на море, о действительных и фантастических опасностях в отдаленнейших странах света. Они опустошали берега Мексики и Пуэрто-Рико, облагали контрибуцией фактории Ост-Индии и Флориды, грабили и топили испанские галеоны с благородными металлами у самого входа в гавани Пиренейского полуострова. В длинной веренице этих отважных морских волков, смешивавших воедино патриотизм, религиозную ненависть (еще при отце Елизаветы, Генрихе VIII, в 30-х гг. XVI в. католицизм был заменен в Англии протестантизмом) и жажду золота, особенно выдвинулись тогда

Английский военный корабль XV века

Уолтер Рэли, мореплаватель, воин-корсар и писатель, работорговцы Хоукинсы, владевшие целой корсарской флотилией, Фрэнсис Дрейк, совершивший по следам Магеллана второе (хронологически) кругосветное путешествие (1577—1580 гг.), Мартин Фробишер, между битвами искавший морского пути в Восточную Азию среди льдов Полярного океана.

Но конечно не одни эти люди создавали в те дни преуспевание Англии. В основе оно было обусловлено видоизменением ее внутренней структуры. Несмотря на самодержавные замашки королей династии Тюдоров, общественно-политический строй Англии уже принимал тогда буржуазный характер. На смену феодально-поместному дворянству приходило новое, «коммерческое» дворянство. А рядом с ним все больше выдвигались и представители торгового капитала, уже начавшие занимать командные высоты хозяйственной и политической жизни страны. Тогдашний Лондон являлся уже вторым, после Амстердама, торговым горо-

дом Европы, и с голосом его Сити (торговый квартал) королям постоянно приходилось считаться¹.

Одновременно в Англии бурно развивалась и промышленность, в первую очередь суконная. В конце XVI века сукна составляли основной предмет английского экспорта. Подъем Англии выражался тогда не только в области узкоматериальных успехов. Прогрессивные общественные силы страны, подойдя к кормилу правления, выдвинули почти во всех областях интеллектуальной жизни замечательных людей. Достаточно вспомнить хотя бы о таком высокообразованном человеке, как Филипп Сидней, поэте и полководце, о Фрэнсисе Бэконе², закладывавшем тогда основы современного научного мировоззрения, о Вильяме Шекспире, создававшем свои бессмертные произведения. В те годы торгово-промышленная Англия переживала период восхождения, в ее соперница, феодально-клерикальная Испания, при всей видимости внешнего могущества и великодержавия, уже деградировала.

Успехам Англии, в особенности успехам ее морской торговли, чрезвычайно способствовало начавшееся в 1572 году восстание Нидерландов против тирании Испании. Несмотря на свою огромную армию, на крайнее финансовое напряжение своей страны и на то, что старый полководец герцог Альба буквально топил в крови нидерландские города, Испания оказалась не в состоянии подавить этот «мятеж», как его презрительно называл Филипп II...

Англия очень активно помогала нидерландцам в борьбе против общего врага — Испании. Нидерландские пираты находили верный приют в английских гаванях, английские корсары усиленно нападали на ис-

¹ Значение английской буржуазии XVI столетия в деле управления страной очень тонко подметил один из современников королевы Елизаветы Тюдор — московский царь Иван Грозный, — который в гневе на нежелание королевы заключить с ним военный союз в письме своем стыдил ее тем, что у нее в государстве правят «торговые мужики», как именовали по старомосковской терминологии купцов.

² Сидней Филипп (1554—1586) — родился в аристократической семье (он был племянником фаворита королевы Елизаветы — графа Лестера), получил прекрасное образование, блистал при королевском дворе, любил военное дело. Погиб в битве при Арнгейме, сражаясь за свободу и независимость Нидерландов. Из литературных произведений Сиднея наибольшей славой пользовался пасторальный роман в стихах «Аркадия».

Фрэнсис Бэкон (1561—1626) — философ и государственный деятель; выходец из среды незнатного дворянства, он своим трудом и знаниями сделал блестящую карьеру, венцом которой стали титул лорда и звание лорда-канцлера. Главный научный его труд — «Новый органон», в котором изложены методы научного познания природы.

Фрэнсис Дрейк

панские корабли, а в 1585 году Елизавета Тюдор открыто послала в Нидерланды войско на помощь восставшим. Два года спустя Фрэнсис Дрейк, совершив дерзкий набег на испанские берега в Европе, сжег в гавани Кадиса торговые склады и потопил много кораблей. Этот набег вызвал среди испанцев панику. Всем в Испании стало ясно, что для сохранения гегемонии на морях и усмирения Нидерландов необходимо нанести ошеломляющий удар Англии. Тогда, по инициативе Филиппа II, была снаряжена «непобедимая армада», невиданный дотоле флот в 130 кораблей, вмещавших 32 тысячи матросов и солдат при 2 500 орудиях.

Этот флот, на палубы судов которого поспешил взойти цвет военного дворянства Испании, должен был поразить зазнавшуюся Англию в самом сердце. Экспедиции был придан характер крестового похода. Матросам и солдата внушали, что они плывут на освобождение английского народа от его королей-еретиков. Экспедицию сопровождало сто восемьдесят монахов и патеров, возглавляемых великим инквизителем. План завоевания «еретического острова», заранее отданного папой Сикстом V в полное владение испанского короля, был разработан самим Филиппом. Армаде надлежало подойти к гавани Дюнкерка, где находились испанские войска, действовавшие против голландцев, и прикрыть их высадку на берега Англии.

В мае 1588 года грозный флот, воплощение, казалось бы, несокрушимой мощи великой Испании, отплыл под командованием герцога Медины-Сидони, человека, совершенно незнакомого с морским делом. Вопреки своему желанию, он был назначен генерал-адмиралом армады исключительно за свою родовитость. Очевидно, король Филипп видел в этом обстоятельстве верный залог успеха своего грандиозного замысла. Поход кончился полной катастрофой. Только через два месяца, вследствие бурь и недостаточной организованности, «непобедимая армада» достигла южных берегов Англии. Ее население понимало, что наступил

момент, когда надолго решается судьба страны. Английские купцы щедрой рукой давали деньги на спешное снаряжение судов, раньше служивших главным образом для торговых целей. Английские моряки показали в этой борьбе образцы большого мужества и высокого военного искусства.

Английский флот состоял всего лишь из восьмидесяти небольших кораблей. Только половина их была военными, но зато они находились под командой таких испытанных боевых моряков, как Дрейк, Рэли, Фробишер. Преимущество испанской армады заключалось в численном превосходстве ее огромных судов. При абордажном бое, когда корабли сцепляются и дело решается рукопашной, перевес несомненно был бы на стороне испанцев. Но англичане, лавируя, избегали большого сражения. На своих легких кораблях с дальнобойными орудиями они целую неделю преследовали противника, словно волки стадо буйволов, постоянно изнуряли его отдельными стычками и дождались наконец страшной бури, которая довершила их победу. Шторм разметал в разные стороны испанский флот, и без того уже дезорганизованный: одни корабли армады погибли в Ла-Манше, другие, спасаясь бегством, утонули у берегов Норвегии и Шотландии. «Непобедимая армада» перестала существовать, только жалкие остатки ее бесславно вернулись в Испанию. Гегемонии «владычицы морей» был нанесен удар, от которого она уже никогда не могла оправиться. С этого момента на солнце, «не заходящем во владениях испанских королей», появляются черные пятна — зловещий признак угасания. И с этого же момента Англия, будущая «владычица морей», твердой ногой становится на путь превращения в великую морскую и колониальную империю.

Наступает новый период в истории географических открытий и колонизации внеевропейских стран. Он проходит, как и прежде, под знаком вооруженной конкуренции европейских держав между собой и жесточайшего угнетения стран, ими колонизируемых. Разница, по сравнению с периодом преимущественно испанской колонизации, в сущности сводится к тому, что, в противоположность испанцам, другие европейцы оказались более расчетливыми, а тем самым и более практичными колонизаторами. Благодаря этому они, в особенности англичане, сумели получить из своих колоний максимум выгоды, чего не достигли испанцы, к концу XIX века потерявшие последние крохи (острова Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппинские) своих некогда необозримых заокеанских владений.

Печатается по изданию: В.Л. Снесарев. Конкистадоры. Историческая хроника XVI века. М., 1936.

С. ШУМОВ, А. АНДРЕЕВ

КОРОЛИ «ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА». ФЛИБУСТЬЕРЫ В КАРИБСКОМ МОРЕ

Корабли с резким стуком ударились друг о друга правыми бортами. Спустившись с квартердека на шкафут, Блад отдавал приказания, и они выполнялись с поразительной скоростью: мгновенно были спущены паруса, обрублены веревки, поддерживавшие реи, выстроен на корме авангард абордажного отряда. В ту секунду, когда корабли столкнулись друг с другом, пираты по команде Блада взмахнули абордажными крючьями: тонущая «Арабелла» была накрепко пришвартована к «Викторьез». Трубач проиграл атаку, и Блад, увлекая своих людей, стремительно ринулся на палубу французского корабля.

Бой длился не более получаса. Начавшись в носовой части корабля, он быстро перекинулся на шкафут. Французы упорно сопротивлялись, ободряя себя тем, что они численно превосходят противника, и ожесточая свои сердца сознанием, что противник их не помилует. Но, несмотря на отчаянную доблесть французов, пираты постепенно оттесняли их к одной стороне палубы. Корсары дрались с безумной храбростью людей, знающих, что им некуда отступать и что они должны либо победить, либо погибнуть. И в конце концов им удалось овладеть «Викторьез», хотя эта победа стоила жизни половине экипажа.

Р. Сабатини. Одиссея капитана Блада

Капитан Макартни засопел от изумления.

— Чтоб мне сдохнуть! — хрипло пробормотал он. — Но вы же пират!

— Я — капитан Блад, — холодно прозвучал в ответ суровый голос флибустьера.

Р. Сабатини. Одиссея капитана Блада

ФЛИБУСТЬЕРЫ (франц. *flibustieres*), **БУКАНЬЕРЫ** (англ. *buccaniers*), **КАПЕРЫ** (голл. *kapers*), **КОРСАРЫ** (ит. *corsaro*), **ПИРАТЫ** (греч. *peirates*), морские разбойники XVI—XVIII веков, нападавшие на испанские суда и колонии в Латинской Америке, позднее, с ослаблением Испании, незаконно захватывавшие, грабившие и топившие любые

торговые и гражданские суда, как правило, в «флибустьерском» Карибском море, в Вест-Индии.

В XVI—XVII веках флибустьеры, которых европейцы также называли буканьерами, каперами, корсарами, использовались Великобританией и Францией, дававшим им суда и вооружение, в борьбе с Испанией, объявившей Карибское море «закрытым» для любым неиспанских судов, за колонии Латинской Америки.

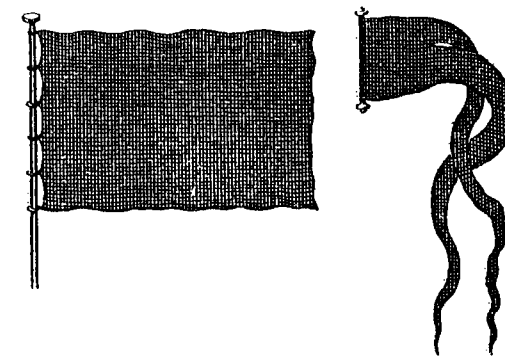
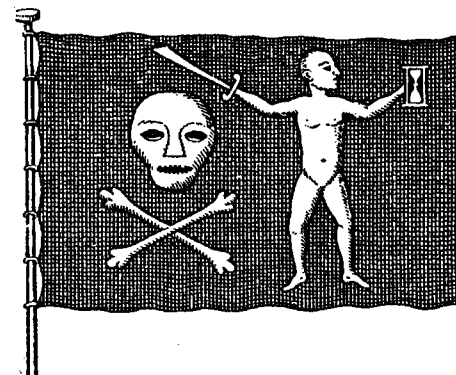
Когда в 1588 году гибелью «Непобедимой Армады» было подорвано морское могущество Испании, в Вест-Индию устремились искатели приключений, а за ними и так называемые «вест-индские компании» всех сколько-нибудь значительных морских держав Западной Европы.

Разгорелась борьба за Вест-Индию, которую начали английские, французские и голландские флибустьеры.

Флибустьерские частные корабли получали от правительства Англии и Франции каперские свидетельства, разрешающие воюющим государством нападать на суда

своего противника — Испании. С ведома и под покровительством своих правительств они грабили возвращающиеся в Европу с золотом и товарами испанские корабли и нападали на испанские колонии. Именно флибустьеры выбили испанцев с Антильских островов.

В XVII веке флибустьеры были как бы самостоятельной державой в Вест-Индии, имели опорные пункты на некоторых из Багамских островов. Флибустьерским центром в Вест-Индии до 1654 года был остров Тортуга, расположенный к северо-западу от Гаити; после 1657 года — остров Ямайка, на котором флибустьерами был построен город Порт-

Пиратские флаги

Ройал — «пиратский Вавилон», разрушенный в 1692 году землетрясением. К тому времени флибустьерство пошло на убыль и почти исчезло.

С 1697 года оставшиеся члены «берегового братства» — пираты, подняв на флагштоках своих судов черный флаг с черепом и перекрещенными костями — «Веселый Роджер», стали грабить все суда и колонии, как испанские, так и английские и французские в Латинской Америке — на островах Вест-Индии и материке. В середине XVIII века объединенными усилиями европейских стран с пиратами, как организованной силой, было покончено.

Наибольшую известность получили флибустьеры Фрэнсис Дрейк и Генри Морган.

ФРЭНСИС ДРЕЙК, DRACE (1540—1596), английский мореплаватель, руководитель морских экспедиций в Вест-Индию, в 1577—1580 годах совершил второе после Ф. Магеллана кругосветное плавание; руководитель разгрома в 1588 году испанской «Непобедимой армады»; адмирал, рыцарь.

ГЕНРИ МОРГАН (ум. 1688), английский моряк, невольник на Барбадосе, флибустьерский адмирал, английский губернатор острова Ямайка; рыцарь.

Ю. МАХАЛЬСКИЙ

ПИРАТСТВО В КАРИБСКОМ МОРЕ

Пираты Нового света, подобно их европейским и африканским предшественникам, были зачастую в состоянии сочетать свою разбойничью деятельность с занятием торговлей и мореплаванием.

Основной ареной колоритной истории американского пиратства стали в XVI и XVII веках воды бассейна Карибского моря и рассеянные по нему архипелаги Антильских островов. Эти острова, изобилующие множеством неприступных и укромных заливов, многие десятилетия служили укрытиями для разного рода авантюристов и морских разбойников.

Карибское пиратство выступало в двух разновидностях. С одной стороны, оно было связано с войнами, которые велись между европейскими колониальными державами за раздел Нового Света. Существовая наряду с корсарством, а порой и сочетаясь с ним, оно характеризовалось выступлениями мощных военных флотилий, принимавших участие в крупных военно-разбойничьих операциях. Этот союз пиратства и корсарства был столь тесен, что трудно порой строго разграничить оба эти явления и установить, какие фигуры из карибской эпопеи следует отнести к пиратам, а какие — к корсарам. Трудность эта стала одной из причин частого смешения по существу разных понятий: пиратства и корсарства.

С другой стороны, карибские пираты занимались прибрежным морским разбоем в мирное время, который зачастую был связан с торговлей. Здесь пираты чаще выступали в роли купцов и контрабандистов, чем воинов.

Испанский королевский двор, считавший себя единственным хозяином всех земель, расположенных к западу от пограничного меридиана, установленного договором, заключенным 7 июня 1494 года в городе Тордесильясе, вел в своих американских колониальных владениях особую политику. Основой этой политики было обеспечение испанской метрополии полной изоляции ее заморских владений от всего остального мира. Католическая Испания к тому же придавала этой политике религиозный характер. Королевским указом был запрещен доступ в колонии всем еретикам, и особенно *corsarios luteranas*, то есть корсарам-протестантам.

Вскоре, однако, у берегов Нового Света появились корабли Англии, Франции, Голландии и Дании, которые не признавали испанской коло-

ниальной монополии. Между этими державами разгорелась борьба за передел Нового Света, которая в значительной своей части разыгралась на сцене Карибского военного театра. Немалое участие в этой борьбе приняли корсары и пираты.

Буканьеры и флибустьеры

Исследователи карибской корсаро-пиратской эпопеи обычно делят ее на несколько исторических этапов, принимая за основу периоды господства отдельных европейских держав, участвовавших в борьбе.

Первый этап носит название *французского периода* (1530—1559 гг.).

В 1554 году Франсуа Леклерк, нагнавший страх на испанцев в Эспаньоле и Пуэрто-Рико, где разграбил беззащитные прибрежные поселения, напал на Сантьяго-де-Куба, занял и ограбил это поселение, а в следующем году снарядил экспедицию из десяти кораблей и без труда захватил Гавану. Восемнадцать дней разбойники хозяйничали в городе и ушли оттуда, обобрав жителей до нити. Уходя, французы сожгли город дотла. В 1556 году они атаковали Ямайку. Период французского господства закончился в 1559 году, когда Франция заключила с Испанией мир в Като-Камбрези, который положил на некоторое время конец разбойничьи экспедициям под французским флагом против испанских владений в Америке. На этом, однако, деятельность французских корсаров и пиратов не закончилась. Они продолжали ее, только под чужим флагом.

В этих условиях начался второй этап карибской эпопеи, так называемый *английский период* (1560—1620 гг.), хотя первые английские кор-

сары появились в карибских водах уже в 1519 году, то есть меньше чем через четверть века после открытия Америки Колумбом, в широких масштабах свою деятельность они развили лишь во второй половине XVI века. Каперы или корсары были владельцами кораблей, выступавшими от имени государства, которое выдавало им грамоту или каперское свидетельство. В грамоте указывалось, кто является врагом, а кто — союзником, и определялись условия дележа добычи. Обычно девяносто процентов получал сам корсар, а десять — отдавал патрону в знак покорности и в качестве компенсации за оказанную ему правовую защиту.

Англия, не обладавшая еще тогда сильным военным флотом, создавала свои вооруженные силы на море именно из таких корсаров. Эти отважные люди, отчаянно боровшиеся против врагов гордого Альбиона, высоко ценились английским королем и обществом, и многие из них получили в награду высокие титулы и звания.

Число английских корсаров и пиратов, оставивших кровавый след в бурной истории Антильских островов, столь велико, что перечислить их всех просто невозможно. Достаточно вспомнить лишь некоторых, наиболее знаменитых и дерзких из них, чтобы понять ту роль, какую они сыграли в истории. Ведущее положение в этой галерее занимают Джон Хоукинс, Фрэнсис Дрейк, Томас Баскервилл и Уолтер Рейли.

Первый из них, Джон Хоукинс, больше купец, чем корсар, пытался вести торговлю в 60-х годах XVI века на беспокойном рынке бассейна Карибского моря; Фрэнсис Дрейк, приобщенный Хоукинсом к ремеслу корсара, действовал, главным образом, в 1570—1596 годах. Его преемник, Томас Баскервилл, не мог уже равняться со своим «наставником».

Дрейк, совершивший в 1577—1580 гг. кругосветное плавание, прославился успешным нападением на Санто-Доминго. Десятого января 1586 года он появился во главе двадцати трех судов близ столицы Эспаньолы. На следующий день Дрейк тайно высадил на берег несколько сот людей, которые быстро продвинулись к университетскому городу Санто-Доминго. Хотя город был окружен крепкими стенами и располагал кое-каким оружием, весь его гарнизон состоял всего из тридцати кавалеристов. К тому же городские ворота оставались открытыми, так что англичане вторглись в город без сопротивления. Испанский губернатор бежал. Дрейк потребовал с жителей выкуп в сумме двухсот тысяч дукатов. Однако горожане оказались не в состоянии собрать такую самую и вручили вождю корсаров всего лишь двадцать пять тысяч дукатов. Тогда Дрейк приказал уничтожить город.

В 1595 году Рейли захватил Тринидад, в 1598 англичане разграбили Сан-Хуан, а затем обратили свое внимание на Ямайку. В начале февраля 1597 года они под командованием Антони Ширли совершили первое круп-

ное нападение на остров, высадив отряд из двухсот пятидесяти человек в Пуэрто-де-Кагуайа (нынешний Пассидж-форт), откуда двинулись на столицу Ямайки — Сантьяго-де-ла-Вега. Немногочисленный испанский гарнизон обратился в бегство. Ведь в карибских условиях даже несколько десятков человек, особенно таких отчаянных, как корсары, которые нападали всегда неожиданно, составляли уже внушительную силу. Английские корсары ограбили город и, уходя, оставили после себя лишь руины и пепелища.

В 1600 году корсары вновь напали на Ямайку, на этот раз на другую часть острова. Следующий набег они совершили в 1643 году под командованием Уильяма Джексона, вновь захватив Сантьяго-де-ла-Вега. Англичанам так понравился этот «райский остров», что двадцать корсаров дезертировали со своих кораблей, перешли на сторону испанцев и поселились там навсегда.

Следующий этап — *голландский период* (1620—1640 гг.). В это время другое враждебное Испании государство, Голландия, усилило развило свою колонизаторскую деятельность в Азии (Индонезия) и в Америке (Нью-Амстердам, Гвиана). В 1624—1635 годах голландские корсары совершили успешное нападение на Пуэрто-Рико.

Однако все прежние деяния корсаров и пиратов затмил своими «подвигами» голландский мореплаватель Питер Питерсон Хейн, известный в народе под именем Пита Хейна. Это был сын голландского рыбака, занимавшегося рыболовством в открытом море, поэтому уже в юные годы он научился искусству мореплавания. В 1628 году Пит Хейн был назначен главнокомандующим флотом Вест-Индской компании, созданной Голландией для организации колониальной экспансии в Америке. Под его командованием оказался довольно большой флот, насчитывавший тридцать один корабль с тремя тысячами моряков на борту. Однако этот флот, несмотря на многочисленность, был довольно слабым, так как экипаж его состоял из малоопытных и плохо вооруженных мореплавателей. Тем не менее, Хейн получил ответственное и трудное задание. Ему было приказано захватить команду, сокровища и корабли одной из «серебряных» испанских флотилий, шедших в сопровождении конвоя из Америки в Европу.

В связи с постоянной опасностью со стороны корсаров и пиратов, действовавших вдоль морских трасс, которые связывали Испанию с ее американскими владениями, испанская Торговая палата, существовавшая с 1530 года и монополизировавшая морскую торговлю, решила для перевозки сокровищ из Америки в Европу использовать караваны судов, шедших под охраной могущественных военных кораблей. Однако плохо приходилось «золотым» или «серебряным» галеонам, если из-за аварию или непогоды они отрывались от своего каравана. Английские, француз-

ские и голландские корсары, а также многочисленные карибские пираты только и ждали таких случаев, следуя за караванами испанских судов, словно акулы за жертвами. Притаившийся у побережья Кубы корабль французских корсаров напал как-то на один из испанских галеонов и взял его на бордаж. Кроме золота корсары нашли на галеоне военно-морские карты с обозначенным на них, тогда еще секретным, морским путем, по которому из Америки в Испанию перевозили золото, серебро и другие сокровища Нового Света. Эта находка вызвала целую серию нападений на «золотые» и «серебряные» испанские морские караваны.

Питу Хейну не сулили больших успехов. Во главе своей эскадры он должен был атаковать одну из испанских «серебряных» флотилий, состоявшую из четырех крупных военных галеонов и одиннадцати более мелких торговых судов. Мощь огня одного только испанского галеона превышала силу всей голландской эскадры.

Обманув бдительность береговой охраны, Пит Хейн притаился со своим флотом близ Матансаса на Кубе, к востоку от Гаваны. Как он и предвидел, никто не ожидал встретить врагов у самых ворот Кубы, одного из главных испанских бастионов в районе Антильских островов.

Нападение голландских корсаров было проведено столь умело и так неожиданно, что они не успели даже пустить в ход свою артиллерию. Девять крупных судов, груженных ценными металлами и пряностями, попали в руки голландцев. Пропал годовой труд испанских подданных и колонистов. В Европе поколебалось доверие к испанским банкирам, а кастильцам нечем было даже оплатить расходы на свою армию.

После поражения, нанесенного голландцами, испанцы укрепили в своих карибских владениях береговую охрану, изменили сроки рейсов и пути прохождения флотилий, перевозивших сокровища, но, несмотря на все меры предосторожности, корсары и пираты продолжали наносить им ощутимые удары. Ослабленные только на оборону. Вырастали толстые стены фортов, разбросанных на Антильских островах, которые и по сей день остаются немymi свидетелями происходившей здесь кровавой борьбы. Монополия испанского господства на Карибском море рушилась, как стены крепостей, захватываемых англичанами, французами и голландцами. Испанцы оказались фактически не в состоянии защищать свои колониальные владения. В 30-х годах XVII века новые завоеватели вторглись на Малые Антильские острова, после чего наступила очередь Больших Антильских островов и, наконец, самого Американского континента.

Борьба в бассейне Карибского моря вступает в новый этап. Пришельцы из Западной и Северной Европы наряду с корсарством и пиратством предпочитают заниматься теперь торговлей, охотой и скотоводством, а порой даже и земледелием. При этом они продолжают борьбу как с испанцами, так и с местными жителями.

В этот период на пестрой карибской сцене появляются новые фигуры — буканьеры и флибустьеры.

Буканьерами называли охотников, которые готовили мясо убитых ими зверей по индейскому способу, получившему название «букана». Его солили, затем подсушивали и коптили в густом дыму. Приготовленное таким образом мясо было легко хранить в условиях тропиков, и оно пользовалось большим спросом на Антильских островах.

Буканьеры появились в Карибском море в то время, когда испанцы, прельщенные золотом ацтеков, майя инков вскоре после открытия Нового Света, покинули свои колонии на Антильских островах, направившись на Американский континент. На островах они оставили привезенных ими из Европы домашних животных: коров, коз, овец и свиней, которые из покинутых дворов ушли в лесную чащобу, положив там начало особой разновидности одичавших домашних животных. Именно на этих зверей охотились буканьеры, выходцы из среды французских моряков или потерпевших кораблекрушение корсаров и пиратов, поселившихся на Эспаньоле.

Колонисты покинули побережье, но в глубинных районах острова, заросших девственными лесами, осталось много всякого люда. Индейцев тогда уже почти не было, но в лесных дебрях скрывались преступники, бежавшие из тюрем или с принудительных государственных работ, а также люди, которым не повезло в жизни и которые не сумели нажитья во времена конкисты. Они переженились на индейках, положив начало поколению, которое ввиду испано-индейского происхождения сразу же оказалось на низшей ступени социальной лестницы. Вскоре к метисам и «лесным людям» присоединились преследуемые инквизицией еретики и дезертиры с кораблей.

Когда разочарованные результатами своего ухода на континент испанцы вернулись на Антильские острова, обитавшие там буканьеры пришли им не по вкусу. Правда, они вели себя миролюбиво и никому не мешали. Приготовленное ими мясо пользовалось у испанцев спросом. Однако последние все же продолжали враждебно относиться к буканьерам, которые не платили податей, не признавали власти испанского короля и подрывали испанскую колониальную монополию, ведя торговлю с местным населением. Испанцы стали посылать карательные отряды в глубь лесной чащобы против буканьеров, используя при этом дрессированных собак, с помощью которых в свое время были почти полностью истреблены карибские индейцы. Но буканьеры оказались сильнее индейцев. Они имели огнестрельное оружие и перед лицом опасности помогали друг другу, объединяясь в крупные отряды. Одни из таких отрядов ушли в неприступные горы Сьерра-дель-Эскамбрай и Сьерра-Маэстра на Кубе, другие подались на континент, в район так называемого Москитового берега. Часть буканьеров испанцы вытеснили с Эспаньолы на

небольшой остров Тортуга, расположенный к северо-востоку от нее. К этому времени «буканьеров» стали называть еще и «флибустьерами». Французы охотнее пользовались наименованием «флибустьеры», а англичане «буканьеры», хотя между ними и существовала определенная разница. Обои понятия часто обозначали как пиратов, так и охотников, и не случайно, так как в XVII веке только пиратство или только охота не были приняты. Флибустьеры все чаще брались за мирные занятия, такие, как земледелие, скотоводство, торговля и выделка кож. Что же касается буканьеров, то они предпочитали кожевенное дело и торговлю кожей. Следует критически пересмотреть мифы, сложившиеся о флибустьерах. По одной версии, они будто бы были благородными, патристически настроенными и глубоко религиозными рыцарями, по другой — свирепыми разбойниками. Истина лежит где-то посередине. Флибустьеры действительно отличались необыкновенной отвагой и удалью. Однако на своих легких маневренных судах они отправлялись в море чаще для того, чтобы грабить рыбаков, а не испанские галеоны.

Флибустьеры, называемые еще и «братья побережья», создали на суше и море необычно дисциплинированное сообщество, основанное на принципах общности имущества. Все попытки присвоить себе часть добычи карались исключением из пиратского клана, а порой и еще более сурово. Доходы пиратов были строго дифференцированы и зависели от выполняемых ими функций. Например, капитан корабля получал четыреста песо; фельдшер — двести, корабельный плотник — сто семьдесят пять, матрос — сто, а юнга — пятьдесят. На общие средства приобреталось оружие, продовольствие, корабельная оснастка и т. п. В этом пиратском сообществе была организована своеобразная система социального обеспечения с выплатой соответствующей компенсации тем, кто пострадал в боях. Так, за потерю правой руки пират получал шестьсот песо или в качестве эквивалента шесть невольников; соответственно за потерю левой руки выплачивались пятьсот песо или выдавалось пять невольников; так же компенсировалась потеря ноги, а за выбитый глаз или отрубленный палец платили сто песо или давали одного невольника.

Все пираты должны были приносить присягу на верность и обязывались подчиняться установленному распорядку, который, следует признать, они редко нарушали. Одним из обязательных правил было полное равенство. Члены судовых команд, от юнги до капитана, получали одинаковую пищу. Каждый мог есть и пить сколько хотел, однако пьянство сурово каралось. При решении важнейших вопросов, таких, например, как определение цели экспедиции, ее курса и т. д., капитан должен был представлять свои предложения на утверждение совета, в состав которого входила вся команда корабля. Ведь экипаж беспрекословно подчинялся капитану, а последний отчитывался в своих действиях перед пират-

ким сообществом. Вступление в братство не представляло особой сложности. Достаточно было капитану корабля, пожелавшему присоединиться к пиратам, бросить якорь на Тортуге и поклясться в своей верности, как его уже считали своим.

Упрочив свое положение, карибские пираты постепенно превратили Тортугу в мощную крепость, претендовавшую на роль подлинной пиратской метрополии в районе Карибского моря. У этого скалистого и недоступного островка находился только один залив, пригодный под гавань. Вход в него прикрывался высокой скалой, на которой пираты построили замок, предназначенный для обороны и прозванный «Голубятней» (по-испански «Эль Паломар»).

Постепенно Тортуга стала богатой колонией — настоящей жемчужиной Антильских островов.

Прибытие в 1629 году на Тортугу французских и английских эмигрантов с островов Невис и Сент-Китс положило начало многонациональному флибустьерству. На остров стали стекаться мореплаватели самых разных наций: англичане, французы, датчане, голландцы, португальцы, немцы и даже испанцы. Хотя на Тортуге не придавали особого значения национальному происхождению, численного превосходства там достигли англичане, которые в 1631 году символически взяли верховную власть в свои руки. На рубеже 1634—1635 годов Тортугой на короткое время вновь овладели испанцы, но уже через несколько месяцев вынуждены были возвратить ее англичанам.

Последние стали рассматривать этот островок как свою колонию. Такая политика привела к раздорам между местными флибустьерами: более многочисленными англичанами и более слабыми французами. Около 1639 года в результате этих распрей французов вытеснили с Тортуги.

Однако французские пираты не сочли себя побежденными. После непродолжительной борьбы они ушли на Санто-Доминго. И там выжидали благоприятного случая для возвращения на Тортугу, которую трудно было захватить, но легко защитить. В связи с этим она имела большое значение для пиратов.

Благоприятный случай вскоре представился. Губернатор французской части острова Сент-Китс, Филипп де Лонгвилье де Пуанси, подговорил некоего Левассера, которого он стремился выжить при случае со своего острова, выступить против англичан с целью отобрать у них Тортугу. Для выполнения этой задачи в распоряжение Левассера предоставили сорок девять человек. Прибыв на Санто-Доминго, он вступил в контакт с англичанами. Когда переговоры провалились, он объединился с находившимися на Санто-Доминго французскими флибустьерами и 31 августа 1640 года высадился с сотней людей на Тортуге, бросив вызов гарнизону острова из трехсот пиратов. Несмотря на численное превосход-

ство противника, французы, захватив гарнизон врасплох, разбили англичан и вытеснили их с острова.

Более десяти лет Левассер правил Тортугой, стремясь превратить ее в процветающую французскую колонию. Своим жестоким правлением он вооружил против себя привыкших к независимости пиратов. В 1652 году Левассера убили двое его приближенных, надежных, как он полагал, людей.

В следующем пятилетии (1652—1657 годы) на Тортуге воцарился страшный хаос. Французские губернаторы менялись один за другим, и в конце 1654 года колония вновь осталась за испанцами, которые опустошили остров и истребили часть его населения. Остальные жители нашли убежище на Санто-Доминго. Годом позже остров вновь перешел под власть англичан. Вскоре, однако, французы вернули себе Тортугу и в 1657 году утвердили там власть короля Людовика XIV.

В 1661 и 1663 годах англичане безуспешно пытались овладеть французской колонией. В 1665—1685 годах она постепенно переходила под контроль экономического и политико-административного аппарата французской же колонии Гаити.

Во второй половине XVII века вновь наступил период английского господства (1640—1660 годы). Это было время флибустьеров различных национальностей. Французская экспансия в бассейне Карибского моря привела к созданию национальных буканьерских сообществ. Один из них искали опоры у властей на островах, колонизованных французами, другие — на островах, занятых англичанами.

Среди небольших, но быстроходных и маневренных корсарских и пиратских суденышек все чаще стали появляться крупные и тяжелые, отлично вооруженные трофейные военные корабли. Флибустьеры начали создавать целые эскадры, плававшие под черным флагом с изображением скелета, прозванного «Веселым Роджером». Росла слава Шевалье Монбара, Жамба де Буа (Деревянная Нога), Франсуа Лолонэ (или д'Олонж), Луиса Скотта, Джона Девиса, Лаурента де Граффа, Ван Горна, Мансфильда и Моргана.

Двое последних пытались создать республику буканьеров, которая должна была стать своего рода пиратским государством со столицей на Олд-Провиденс. Однако попытка эта не удалась, и флот Генри Моргана, несомненно самого знаменитого из карибских пиратов, обрел базы на ставшей уже к тому времени английской Ямайке и французской Тортуге.

Захват англичанами Ямайки в 1655 году укрепил и политические и экономические позиции в Карибском районе. Столица острова Порт-Ройял, прозванная «пиратским Вавилоном», стала главным рынком сбыта добычи, захваченной у испанцев. Местное население и купцы охотно покупали товары у пиратов ввиду их низких расценок.

Кроме двух названных островов районом проникновения пиратов стали также Большие и Малые Антильские острова. Во второй половине XVII века они высаживались даже на Американский континент, где отваживались нападать на такие большие города, как Пуэрто-Бельо (1668 год) и Панама (1671 год). В 1683 году корабли пиратов обогнули мы Горна и появились в водах южной части Тихого океана. Ограбив испанские колонии, расположенные на западном побережье Южной Америки, особенно Перу, пиратская флотилия достигла в 1695 году со стороны Тихого океана Панамского перешейка.

После 1660 и вплоть до 1690 года в Карибском районе вновь наступил период французского господства. Англия после Кромвеля в значительной мере утратила свое могущество. Кроме того, в бассейне Карибского моря положение начало стабилизироваться. Завершался политический раздел Антильских островов, начавшийся около второй половины XVII века. В 1640 году испанцы еще сохраняли часть Эспаньолы, Кубу, Пуэрто-Рико и Ямайку, то есть Большие Антильские острова; французы обладали островами Мартиникой, Гваделупой и Мари-Галантом; голландцы занимали Сент-Эстатиус и три небольших острова у побережья Венесуэлы — Кюрасао, Аруба и Бонайре; англичане колонизовали Барбадос, часть острова Сент-Китс, а также острова Неви, Антигуа и Монтсеррат.

Этот раздел был, однако, неустойчив, и положение все время менялось. Флибустьеры принадлежали к различным национальностям. Они искали опоры то у одних, то у других государств, порой выступая даже от их имени и основывая на тех или иных островках маленькие, эфемерные пиратские государства, которые служили им базами для разбойничьих экспедиций.

К четырем названным выше метрополиям — Англии, Франции, Голландии и Испании — вскоре присоединились датчане, колонизовавшие в 1671 году остров Сент-Томас.

Наступил наконец период относительного покоя. По договору, заключенному в Мадриде в 1670 году, Испания окончательно отказалась от своих прав на Ямайку, а в 1697 году в западной части Санто-Доминго окончательно обосновались французы.

Утвердившись в бассейне Карибского моря, колониальные державы общими силами искореняли пиратство. Часть буканьеров и флибустьеров вошла в состав новых объединений в Карибском районе, часть мигрировала в другие районы земного шара, чтобы продолжать там свою пиратскую деятельность.

---

*Печатается по изданию:
Ю. Махальский. Пиратство. М., 1952.*

И.В. АРХЕНГОЛЬЦ

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ МОРГАНА

Одним из отличнейших предводителей флибустьеров был Морган, сын богатого английского откупщика из Уэльса, человек, который дикостью характера, силой духа, обширностью и продолжительностью подвигов и наконец счастьем превзошел, может быть, всех флибустьеров. Он поступил в морскую службу матросом, приехал на Ямайку и вскоре пристал к вест-индским корсарам. Один из предводителей их, старинный флибустьер Мансфельд, также англичанин, полубил молодого Моргана, и как последнему скоро удалось выказать свои необыкновенные способности замечательными подвигами, то Мансфельд наименовал его своим вице-адмиралом. В 1668 году Мансфельд умер. Смерть его сделалась эпохой в жизни Моргана. Никто из товарищей не стал спорить с ним о звании предводителя. Морган принял его по единодушному выбору товарищей и в короткое время за ум свой и отчаянную храбрость прославился как один из опаснейших начальников пиратов.

Совершив несколько удачных разбоев, Морган уговорил товарищей не тратить своих денег, а копить их для обширнейших предприятий. Многие последовали его совету, и через несколько месяцев у него явилось двенадцать кораблей и меньших судов с 700 человеками, с которыми он опустошил южные гавани Кубы и наконец решился напасть на город Эль-Пуэрто-дель-Принчипе.

Этот город, находящийся во внутренности острова Кубы, и сам остров, для большей ясности дальнейшего рассказа, требует короткого описания.

Остров имеет в длину 200, а в самую большую ширину 50 французских миль. Он перерезывается высокими горами, изобилующими медью, серебром и золотом. Город Эль-Пуэрто-дель-Принчипе был чрезвычайно богат, многолюден, удален от берегов и никогда еще не подвергался посещению морских разбойников.

На одном из кораблей Моргана находился пленный испанец, умевший отлично плавать. Ночью он бросился в море, счастливо выплыл на берег и уведомил губернатора о намерении флибустьеров. Немедленно были приняты меры: всех жителей призвали к обороне города. Окончив эти распоряжения, губернатор пошел навстречу Моргану с 800 солдата-

ми. На большом лугу завязалась битва, продолжавшаяся четыре часа и кончившаяся совершенным поражением испанцев и смертью самого губернатора. Город защищался еще несколько времени, жители заперли дома и стреляли из окон, но наконец сдались, потому что флибустьеры грозили за дальнейшее сопротивление зажечь город и разорвать в куски всех жителей, не исключая жен и детей.

Морган крайне огорчился, увидев, что во время битвы жители увезли лучшее свое имущество. Много несчастных, попавшихся в плен, были подвергнуты пытке, чтобы открыть места, где скрыты сокровища, но от них не могли ничего добиться. Весьма незначительные остатки были, однако, собраны в одно место. Для большей безопасности всех испанцев обоего пола, даже грудных младенцев и невольников, заперли в церкви, причем, так как обыкновенно им не давали ничего есть, большая часть умерла с голоду. Флибустьеры требовали, чтобы Морган вел их дальше. Он потребовал у пленных двойного выкупа: один за них самих, если не хотят быть отправленными все без исключения на Ямайку, второй за город, если не хотят видеть его превращенным в кучу пепла. Четырех пленных отправили в леса для собрания от скрывшихся жителей и из окрестных мест требуемой суммы. Посланные скоро возвратились и объявили, что все требования будут удовлетворены, но на это необходим двухнедельный срок. Морган было согласился, но спустя два дня привели негра с письмами к некоторым пленным от губернатора Сантьяго. В них он советовал не торопиться с выкупом, но под разными предложениями задерживать пиратов, потому что он сам спешит на помощь городу. Морган не разгласил содержания этих писем, но объявил пленным, что не может ждать долее другого дня. Уверенный в невозможности исполнения требования и опасаясь скорого нападения сильного неприятеля, он удовольствовался пятьюстами быками и коровами, которые отправил на свои суда, и взял с собой в залог шесть знатнейших жителей города.

Флибустьеры сели на суда, добыча их, кроме некоторых товаров, простиралась только до 50 000 пиастров золотом и серебром. Эти незначительные выгоды породили неудовольствие. Флибустьеры начали ссориться, и при этом случае англичанин убил француза. Тут проснулась народная ненависть. Отряд состоял весь из людей этих двух наций, все взялись за оружие. Но Морган не дал вспыхнуть междоусобию — велел заковать в цепи убийцу и торжественно обещал предать его уголовному суду в Ямайке. Хотя это и успокоило французов, но они продолжали досадовать, что получили такую незначительную добычу. К этому присоединилось и то, что они не могли сойтись с англичанами насчет новых предприятий. Некоторые французы, немедля более, захватили один корабль и уехали, впрочем со всеми наружными знаками дружбы. Морган

пожелал им счастливого пути, еще раз обещал, что убийца будет наказан, и сдержал слово: приехав на Ямайку, он немедленно нарядил суд, и виновный был повешен.

Однако, это не прекратило взаимной ненависти двух народов. Нельзя не удивляться, как могли так долго пробыть вместе люди, различествовавшие в языке, образе мыслей, вере и нравах. Так как они большей частью сидели на отдельных судах, то французы могли легко разлучиться с англичанами, что и исполнилось без дальнейших ссор. Почти все французы оставили Моргана, избрали себе предводителя из среды своей и пустились на новые подвиги. При Моргане осталось их весьма немного.

Сэр Генри Морган

Доверие флибустьеров к этому пирату было необыкновенно, поэтому они, казалось, едва заметили отбытие значительного числа французов. Напротив, составляя теперь отряд из людей одной нации, они соединились дружнее, поклялись следовать за предводителем повсюду и с ревностью вербовали новых товарищей на Ямайке, так что в короткое время собралось опять девять судов и 460 человек. До сих пор флибустьеры грабили всегда только на островах, но план Морган имел гораздо больший объем. Он направил путь свой к твердой земле Америки, намереваясь ограбить большой, богатый город Порто-Белло. Этот город, защищаемый тремя фортами, находится на океане, при заливе, на северной стороне Панамского перешейка. Они принадлежит к провинции Коста-Рика и в продолжение двух столетий славится как богатейший серебряный рынок в мире. Находясь в четырнадцати морских милях от Дарьенского залива, Порто-Белло в то время уже был значительным городом и, вместе с Гаваной, самым укрепленным городом в испанским владениях в Америке. В двух фортах, находившихся у входа в гавань и считавшихся почти неприступными, Св. Якова и Св. Филиппа, находился гарнизон в 300 человек. В самом городе, несмотря на его величину, жило только четыреста семейств, потому что климат от испарений близлежащих гор был очень нездоров. Город состоял по большей части из магазинов, хозяева которых жили в соседнем городе Панаме и в известные времена года отправляли привозимое из Перу и Мексики золото и серебро на мулах в Порто-Белло. Впрочем, жители, несмотря на свою малочисленность, славились как отличные воины, потому что в разных случаях защищались мужественно.

Морган не открыл никому своего намерения напасть на Порто-Белло, чтобы отнять у испанцев (которые везде содержали лазутчиков, но теперь вовсе и не воображали такого дерзкого подвига) возможность узнать что-нибудь. Флибустьеры и сами не воображали ничего подобного и ужаснулись, когда он открыл им свое намерение. Даже самые отчаянные задумались при мысли о малочисленности своей и невозможности с такими незначительными силами взять такой большой и сильно укрепленный город. Морган старался ободрить их и сказал наконец: «Хотя число наше слабо, но дух силен, чем меньше нас, тем мы будем действовать согласнее и тем большая часть добычи достанется на долю каждого». Слова эти и надежда на большие богатства наконец воодушевили всех мужеством и все единогласно решились исполнить задуманное предприятие.

И предприятие это совершилось в 1668 году, в тот самый год, когда испанцы были включены в Ахенский мир. Наконец-то они надеялись успокоиться: помирившись со всеми европейскими державами, им оставались одни неприятели — флибустьеры, которые, однако же, в сущности, были вреднее всех, потому что истощали жизненные силы государства. Напрасно, основываясь на мирном трактате, старались остановить

хоть на время набеги их. Флибустьеры отвечали: «Нам дела нет до Ахенского трактата, нас не приглашали на совещания и мы не присылали представителей на конгресс». Итак, ничто не останавливало их намерения напасть на Порто-Белло.

Ночью Морган бросил якоря недалеко от города, оставил только несколько человек на кораблях и со всеми прочими сел на мелкие суда, чтобы втихомолку высадиться в самой гавани. Первый шаг был удачен. Морган послал четырех человек под командой англичанина, хорошо знакомого с местностью, приказав им убить или увести часового на форпосте. Последнее удалось: на солдата напали врасплох, отняли ружье, связали его самого и отвели к Моргану, который со страшными клятвами и угрозами выпросил у него обо всем, что ему было нужно знать. Тогда отправились все к первому форту и незаметно подошли к самым стенам. Пленный солдат от имени Морган должен был кричать гарнизону, чтобы он сдался немедленно, если не хочет, чтобы всех изрубили в куски. Но эта угроза не произвела ожидаемого действия. Гарнизон открыл пальбу и защищался отчаянно. Однако же форт был скоро взят. Флибустьеры, думая, что для собственной безопасности и для страха другим надо исполнить угрозу, заперли пленных солдат в один дом, бросили огонь в пороховой магазин и взорвали форт и весь гарнизон, сами же немедленно пошли к городу. Здесь испуганные жители старались спрятать хоть часть своих богатств и для этого бросали их в колодцы и зарывали в землю. Напрасно губернатор уговаривал их защищаться. Видя, что все усилия его напрасны, он кинулся в другой форт и открыл сильный огонь. Флибустьеры не утражились и второго штурма, который продолжался с зари до полдня. Во все это время они не продвинулись ни на шаг вперед. Флибустьеры старались калеными ядрами открыть ворота, но и это не удалось, потому что они были почти из цельного железа, притом же осажденные так яростно осыпали их камнями и горшками, наполненными порохом, что всякий, кто подходил к стенам, находил неминуемую смерть. Уже и самый упорный Морган начал сомневаться в успехе, когда вдруг на небольшом форте развился английский флаг. Этот вид воодушевил его и пиратов и внушил им странную, бесчеловечную уловку. Из ближайших монастырей привели всех монахов и монахинь и срубили двенадцать лестницы такой ширины, что по ним можно было всходить четверем человекам в ряд. Несчастных монахов и монахинь принудили приставить эти лестницы к стенам. Таким образом, они служили защитой флибустьерам, которые подвигались вперед, закрытые ими. Морган думал, что губернатор не осмелится стрелять в своих земляков и притом в духовных, которые тут играли роль совершенно страдательную и, мучимые страхом, кричали во все горло и заклинали его всеми святыми сдать крепость и спасти их от неминуемой гибели. Флибустьеры прида-

ли этой сцене еще более ужаса угрозой, которой никогда не произносили напрасно — изрубить всех до последнего при дальнейшем сопротивлении. Положение осажденных и без того было ужасно, стены, у основания которых уже находились флибустьеры, были невысоки, и батареи открыты, так что пираты, меткие стрелки, не подпускали почти никого безнаказанно к пушкам. Несмотря на все это, никто не хотел слышать о сдаче. Губернатор в особенности был глух ко всем угрозам и к воплям несчастных монастырских обитателей, которых число увеличили еще множеством женщин и детей, приведенных из другой крепости. Не обращая внимания ни на религиозные чувства, ни на чувства человеколюбия, испанский комендант приказал стрелять в пиратов, которые, закрытые живым валом, претерпевали весьма незначительный урон, тогда как монахи, монахини, женщины и дети падали десятками от каждого выстрела.

Наконец лестницы были приставлены к стенам. Флибустьеры быстро бросились вперед, мигом взбежали на стены и оттуда начали бросать глиняные ядра, наполненные порохом, в испанцев, которые отступали понемногу и защищались уже одними пиками, но все еще не сдавались. Наконец их изрубили всех без исключения.

Этот штурм продолжался от зари до полудня. Между тем, флибустьерам оставалось взять еще один форт, хотя не столь значительный, как уже взятый, но защищенный, однако, вход в гавань и потому бывший необходимым для пиратов. Правда, ничего не мешало им приступить к грабежу города, но им нужны были корабли, чтобы укрыть на них добычу и раненых.

Чтобы не терять понапрасну времени, они предложили губернатору сдаться. Ответом были выстрелы. Нечего было думать долго. Флибустьеры атаковали второй форт подобно первому с саблей в руке, причем взятые в покоренной крепости пушки оказали им весьма важное пособие. Все офицеры дрались до смерти, солдаты же положили оружие и просили о помиловании. Губернатор оборонялся как бешеный и убил несколько врагов. Флибустьеры удивлялись его мужеству и предлагали ему жизнь, но он отказался, несмотря на то, что жена и дочь со слезами просили его пощадить себя. Он отвечал: «Лучше хочу умереть с оружием в руках, чем нести голову на плаху». И он продолжал сражаться как лев, пока не пал смертельно раненый.

Наконец-то Морган овладел обеими крепостями, и совершил это с 400 только флибустьеров и без пушек. Мужчин, женщин и раненых заперли в особые помещения, причем этот варвар сказал в отношении к последним: «Взаимный визг заменит им пластыри и мази для ран».

Наступила ночь, которую флибустьеры провели в пьянстве и насилиях. Женщинам, которые оказывали сопротивление, грозили немедленной смертью, а тех, которые не сдавались решительно, убивали на

месте. На другой день начали искать сокровища, причем множество людей были подвергнуты жесточайшим пыткам и истязаниям: многие умерли на месте.

Морган узнал, что генерал-губернатор или президент Панамы дон Хуан Перес де Гусман собирает со всех сторон войска, чтобы задавить его числовым превосходством. Но это нисколько не препятствовало ему действовать по предначертанному плану, тем более, что в крайнем случае он мог спастись на своих кораблях. На всякий случай, впрочем, он приказал очистить форты и поставить пушки, чтобы иметь защиту, если того потребуют обстоятельства.

Флибустьеры провели две недели в Порто-Белло, нагружая корабль провиантом и добычей. Они остались бы и долее, если бы своевольная трата и порча жизненных припасов не принудила их убраться, в последнее время они питались большей частью лошадиным и ослиным мясом. Такие обстоятельства были особенно невыгодны для пленных, которым давали только этого мяса и то в незначительном количестве, без хлеба и соли, причем они должны были запивать его водой из луж. Правда, эта скверная вода составляла обыкновенное питье жителей, но они всегда очищали ее — чего теперь не могли сделать. У пиратов также не было другой воды и это заставило их поторопиться еще более оставить Порто-Белло.

Однако же перед отъездом, Морган имел дерзость отправить двух пленных к панамскому президенту, требуя 100 000 пиастров за выкуп города и угрожая в противном случае сжечь его. Президент еще не собрал всех войск: при нем находилось только 1500 человек. Но он решился не медлить долее и лично отнести ответ, тем более, что отряд его был вчетверо сильнее отряда флибустьеров. Флибустьеры, не усташась числа, пошли к нему навстречу и заняли теснину, в которой сами напали на испанцев и отразили их со значительным уроном. Но Гусман не хотел ничего слышать, надеясь на скорое усиление своего войска и на несомненную победу, он отправил к Моргану посланника с требованием, чтобы он немедленно оставил Порто-Белло, — в противном же случае погибель его люде его неизбежна. Морган отвечал, что прежде должен получить требуемый выкуп, если же не получит его, то, конечно, уедет, но предварительно сожжет город, разрушит форты и зарежет всех пленников. Этот решительный ответ лишил президента мужества. Он, правда, при первом известии о взятии Порто-Белло, отправил гонца в Картагену, предписав находившейся там эскадре немедленно выступить и отрезать флибустьеров от моря, между тем, как сам нападет на них на сухом пути, но, как обыкновенно водилось у испанцев, эта экспедиция откладывалась со дня на день, и когда пираты были уже совершенно готовы к отъезду, не было еще никакой надежды, чтобы эскадра прибыла вовремя. При таком положении дел президент Панамы предоставил жителям Порто-Белло

действовать по своему усмотрению, и они немедленно собрали 100.000 пиастров. Сам Гусман, долгое время сражавшийся во Фландрии, начал теперь удивляться флибустьерам, которые в таком малом числе совершили необыкновенные подвиги: без правильной осады и без всяких орудий взяли город, защищаемый двумя фортами и пушками, и не мог понять, какое особенное оружие употребили они при этом. Он отправил к Моргану разные припасы и попросил прислать ему в память образчик его оружия. Морган ласково принял посланного, вручил ему пистолет и несколько пуль и сказал: «Попроси президента принять это, как маленький образчик того оружия, которым я взял Порто-Белло, и пусть хранит его в продолжение года. По истечении этого срока обещаю явиться в Панаму и лично показать его употребление». Президент присоединил к благодарности драгоценный перстень, но, возвратив подарок, велел сказать при этом, что он не имеет недостатка в подобном оружии, впрочем, советует Моргану и его сподвижникам не принимать на себя беспокойства — являться в Панаму, потому что там ждет его иная встреча, чем в Порто-Белло. При этом сожалел он, что такие храбрые люди служат не какому-нибудь значительному государю и не выказывают своего достойного удивления мужества и доблести в законной войне.

Флибустьеры спокойно сели на корабли, взяв еще с собой лучшие пушки из фортов и заклепав прочие. Сперва поехали они на остров Кубу, где осмотрели свою добычу, которая, кроме великого множества драгоценных товаров и камней, состояла из наличной суммы в 250.000 пиастров. Кончив дележ, они поехали на Ямайку.

Но люди эти не знали покоя. Они скоро занялись приготовлением к новому походу, причем со всех сторон стекались охотники к пресловутому Моргану. При помощи губернатора Ямайки, покровительствовавшего флибустьерам, он добыл тридцатипушечный корабль, на котором в 1669 году поехал на Эспаньолу, чтобы предварительно, до совершенного снаряжения, добыть еще что-нибудь. Здесь стоял такой же тридцатипушечный корабль, принадлежавший французским морским разбойникам. Он вышел из Сен-Мало для торговли с испанцами в Америке, но, вступил в вест-индские моря, переменил свое намерение и, добыв каперское свидетельство, счел за выгоднейшее крейсировать против испанцев, причем был поддерживаем многими французскими флибустьерами с Тортуги. Морган желал присоединить этот корабль к своему флоту, но французы отказались, потому что опасались наказания за только что совершенный подвиг. Несколько времени перед тем, находясь в крейсерке и претерпевая недостаток в припасах, они насильно взяли нужное количество на английском корабле и дали в том расписку. Морган знал об этом и старался успокоить их, но так он не мог привлечь на свою сторону офицеров и притом капитан делал такие требования, которые

противоречили уставам флибустьеров, то он решился отомстить ему и его советникам. К этому поощряли его еще более некоторые французские флибустьеры, которые, в надежде на добычу, перешли к нему и объявили, что капитан бросал якорь в Баракоа, на острове Кубе, и там выхлопотал каперский патент для крейсирования против англичан. Узнав об этом, Морган сделался ласков и любезен и пригласил к себе на обед капитана и офицеров, но лишь только ступили они на палубу, он приказал схватить их за преднамереваемую крейсерку против англичан.

Эту удачу праздновали созывом военного совета, в котором Морган объявил всем собравшимся флибустьерам план свой — ехать в Савону и взять ожидаемый из Испании богатый флот. Предложение было принято со всеобщим одобрением, радость обуяла всех, на кораблях палили из пушек и пьянствовали, пока большая часть не упала без чувств. Посреди этого пиршества корабль взлетел на воздух, триста двадцать англичан и пленные французы нашли могилу в волнах. Только тридцать, и между ними Морган, находившиеся в большой каюте, вдаль от пороховой камеры, спаслись от гибели. Кроме этих счастливых, и другие могли бы избавиться от посетившей их участи, но вино лишило их совершенно памяти, и они тотчас пошли ко дну. Таким образом, погибло триста двадцать флибустьеров, оставшиеся в живых товарищи их всячески старались ловить трупы, чтобы снять с них кольца и другие дорогие вещи.

Англичане уверяли, что пленные, в слепой ярости мщения, не щадя себя, взорвали корабль. Подозрение это подкреплялось найденными на них бумагами, в которых англичан объявили врагами французской нации, которых щадить грешно. Этого было достаточно для Моргана: с небольшим остатком флибустьеров он овладел французским кораблем и отправил его вместе с экипажем на Ямайку.

Это неожиданное несчастье лишило Моргана главного корабля, у него оставалось, правда, еще пятнадцать кораблей, но из них самый большой имел только 14 пушек. Экипаж их составляли девятьсот шестьдесят пиратов. Но эта флотилия, после разных приключений, в одну ночь до того была рассеяна бурей, что на другое утро у Моргана оказалось только восемь кораблей и пятьсот человек экипажа. Так как, в случае разлуки, местом соединения был назначен Окоаский залив, то Морган поехал туда, но не нашел ни одного судна. Поэтому он переменил первоначальный план свой и, по совету одного француза, упомянутого уже выше Пьера Пикардийца, который в качестве командира кораблей был вместе с Лолонуа в Маракайбо, решился еще раз посетить этот город. Они прибыли благополучно к Маракайбскому озеру, но нашли здесь крепость, выстроенную испанцами после первого нашествия флибустьеров, которая встретила флотилию сильной пушечной пальбой. Пираты, однако, спокойно высадились под градом ядер и картечи, и эта дерзость, вместе с воспомин-

нением о прежних неистовствах, до того ужаснула испанцев, что они все убежали из крепости, положив, однако, близ порохового магазина зажженный фитиль, чтобы взорвать крепость вместе со всеми неприятелями. Но Морган открыл этот план перед самым исполнением его, когда взрыв должен был последовать через несколько минут. В крепости нашли три тысячи фунтов пороха и множество ружей и пик, значительное количество военных снарядов и шестнадцать больших пушек. Все это, за исключением нескольких пушек, которые заклепали, перевезли на корабли. Крепость попортили сколько позволяла поспешность. Она была устроена очень странно: в нее можно было входить только поодиночке, по железной лестнице, которую, достигнув верхней стены, подымали.

Впрочем, завоевание это не могло принести флибустьерам никакой существенной пользы. Им надо было идти вперед. Но тут-то представились чрезвычайные препятствия. Мелководье принудило пиратов бросить свои корабли и сесть на простые лодки. Но испуганные испанцы облегчили им все дело. Не обращая внимания на слабые средства своих врагов, они предали флибустьерам не только город Маракайбо, но и форт де ла Барра, стараясь только о спасении себя и своих семейств. Пираты не нашли ничего, кроме нескольких дряхлых невольников и больных в госпитале, но вместе с тем весьма мало съестных припасов и пустые дома: испанцы имели время укрыть не только все товары и драгоценности, но увезли с собой даже мебель и малейшие челноки и все это скрыли далеко на озере.

Морган приказал обыскать леса, и в первый же день привели пятьдесят богато нагруженных мулов и тридцать человек мужчин, женщин и детей. Несчастных, по обыкновению, пытали. Тела их растягивали веревками, между пальцами привязывали зажженные лучины и голову стягивали до тех пор, пока глаза не выскакивали из орбит. Несколько невольников, которые не хотели открыть, куда спрятались господа их, были изрублены в куски. Между тем, всякий день отряды пиратов обыскивали леса и никогда не возвращались без живой добычи. Морган пробыл в Маракайбо три недели и потом пошел на Гибралтар, к чему особенно побуждало его известие, что там скрылись все богатые жители из Маракайбо и окрестных мест. Со времени посещения Лолонуа протекло три года, и тогдашний товарищ его — Пьер Пикардиец, памятуя кровавые препятствия, обещал товарищам своим нелегкую победу. Но они обманулись весьма приятно. Правда, сначала оказывали им некоторое сопротивление, но скоро жители стали искать спасения в окрестных лесах, вход в которые загородили засеками.

Гибралтар, раз уже сожженный флибустьерами, был взят вторично. Затем последовали обыкновенные сцены: охота за беглецами, привоз добычи и пленных, пытки и другие неистовства. В короткое время набралось до 250 пленных. В отношении их флибустьеры оказывали себя ис-

тинно воплощенными дьяволами: они были неистощимы в придумывании адских мучений. Иных пленников распинали и нагих жгли головешками, других клали в огонь, но так, чтобы жарились только ноги, иных вешали за руки, а к ногам привязывали пудовые камни, которые вытягивали все жилы, так что суставы лишались всякой связи, еще других вешали так, чтобы несчастные обрывались собственной тяжестью и медленно умирали в неизъяснимых муках. В таком положении пленные проживали иногда еще по четыре дня и более, если какой-нибудь разбойник не убивал их из сострадания. Злодеи эти, достойные предшественники французских санкюлотов и во многом с ними сходные, в этом отношении тоже поступали по прославленной во Франции «системе равенства»: звание, сан, лета, пол и цвет кожи были совершенно равны в глазах их; белые, мулаты и негры, прелестные женщины, дряхлые старцы и нежные дети подвергались одинаковой участи.

Невольникам, предавшим своих господ, по большей части даровали свободу, Впрочем, только немногие пользовались этим чрезвычайным случаем, чтобы освободиться без всякой опасности, другие, напротив, которым открывать было нечего, из одной злобы или мщенья доносили на своих пленных господ. При одном подобном случае Моргану вдруг пришла охота быть правосудным. Невольник, сделавший ложное показание и тем подвергнувшийся господина своего ужасной пытке, был обвинен всеми испанцами в ложном доносе. Морган передал невольника в руки господина, позволяя последнему поступить с ним по своему усмотрению. Несчастный отказался от мести и предоставил Моргану судить его — невольник был немедленно изрублен в куски.

Морган прожил в Гибралтаре пять недель, потом потребовал за пощаду города выкуп, а в обеспечении исполнения взял с собой множество пленных. Уступая мольбам некоторых из них, он отпустил их в леса для собрания требуемой суммы, ибо несчастливцы с горечью помышляли о вторичном сожжении только что возобновленного города. Морган дал им восемь дней срока, приказывая принести ему ответ в Маракайбо, и со всеми товарищами отправился туда.

Но в Маракайбо ждало его необыкновенное и неожиданное известие: еще на дороге туда узнал он весть, от которой сам потерялся на несколько минут, между тем, как обыкновенно неустрашимых флибустьеров его объял неизъяснимый ужас.

У входа в озеро три испанские корабля, отправленные для отыскания пиратов, бросили якорь и привели покинутый испанцами форт ла Барра в оборонительное положение. На одном корабле было 48, на другом 38, на третьем 24 пушки, тогда как самый большой корабль флибустьеров имел только 14 маленьких пушек. Пробраться мимо этих кораблей не было никакой возможности. Испанцы приняли такое положение, что флибус-

тьерам оставалось проехать через узкий проход, оставленный нарочно между кораблями испанцев и крепостью. Все считали гибель свою неизбежной, один только Морган, скоро опомнившийся, не терял надежды и оказывал свое всегдашнее мужество и твердость. Первым делом его было узнать в подробности и сколько можно вернее положение испанцев, величину и число кораблей их. Сведения, полученные им, не имели в себе ничего утешительного: они вполне подтверждали первое известие с той прибавкой, что экипаж многочислен и всеми мерами старается восстановить крепость, на которой уже развеялся большой флаг Испании. Желая поддержать характер флибустьеров, Морган счел нужным и в этом отчаянном положении выказать обыкновенную самонадеянность и потому отправил к испанскому адмиралу невольника, требуя у него 20 000 пиастров за выкуп города Маракайбо, находящегося во власти его, угрожая в противном случае испепелить его и убить всех пленных.

Такая дерзость изумила испанцев. Начальник их, дон Альфонсо дель Кампо-и-Эспинола, послал к Моргану формальный письменный ответ, в котором говорил откровенно: что он послан унимать и карать флибустьеров, и теперь наступила удобная для того минута, причем доказывал Моргану невозможность спастись со своей флотилией, но если он согласен возвратить всю добычу: золото, серебро, драгоценности и товары, всех пленных и невольников, то простит его, в противном же случае все флибустьеры будут изрублены, ибо храбрые воины его пламенно желают отомстить за своих замученных соотечественников. На требование о выкупе за город дон Альфонсо отвечал словесно: «Скажи Моргану, что я могу выплатить ему требуемую сумму только пулями и ядрами и что сам привезу ему эту монету».

Морган не ожидал другого ответа и потому составил уже план действия. Получив ответ, он собрал всех пиратов на маракайбском рынке и, сообщив им письмо и словесный ответ, спросил, хотят ли они возвратить свою добычу и получить за нее свободу, или биться за то и другое? Все объявили единодушно, что лучше хотят сражаться до последней капли крови, чем малодушно уступать купленное трудами и кровью. Но эта восторженность несколько уменьшилась при хладнокровном обсуждении их положения и при ближайшем сравнении взаимных сил. Никогда еще ни они, ни другие флибустьеры не были в таком критическом положении, которое, так сказать, парализовало их мужество и счастливое избавление от которого казалось невозможным. Поэтому они уговаривали Моргана сделать на другой день адмиралу следующее предложение: «Что они согласны очистить Маракайбо, не причиняя городу вреда и не требуя за него выкупа, отпустить всех пленных, половину невольников и всех заложников, взятых из Гибралтара, тоже без выкупа».

Дон Альфонсо с презрением отверг эти предложения, давая флибустьерам только два дня срока для принятия первых требований его, если же они не согласятся, то узнают его силу и месть. Итак, корсарам оставался выбор между постыдной свободой с лишением всей добычи и битвой на жизнь и смерть.

Морган принудил всех употребить величайшие усилия, приказал связать и бдительно стеречь пленных, заложников и невольников, собрать всю смолу, деготь и серу, какую можно было найти, весь лишний порох и переделать одно из самых больших судов в брандер. На него перенесли все горючие материалы, причем старались наперерыв выдумывать разные скоровоспламеняющиеся снаряды из смолы и серы, которые обмазывали дегтем и назначали к метанию на вражеские корабли. Все эти вещества были расположены в таком порядке, в каком могли произвести сильнейшее и выгоднейшее действие. Потом утончили бока корабля, и весь корабль после этого едва держался на своих связях. Целью этого было усилить действие пороха. На палубу поставили колоды, покрытые платьями, шляпами, с ружьями, саблями и знаменами, так что они издали походили на людей. В боках прорубили несколько окон, в которые выставлялись, вместо пушек, раскрашенные чурбаны, на главной мачте подняли большой английский флаг. Целое имело вид хорошо вооруженного военного корабля. Этот корабль должен был открывать шествие. На одном из следующих находились пленные мужчины, на другом пленные женщины со всеми похищенными драгоценностями: серебром, золотом и проч. Остальная добыча была распределена по другим кораблям. Перед отъездом все флибустьеры поклялись Моргану сражаться до последней капли крови и не просить пощады.

Испанский генерал дал флибустьерам только два дня срока на принятие его предложения, но по истечении этого срока не показывал и вида, что хочет напасть на них. Надеясь на свое превосходство, он не посчитал нужным торопиться и, по-видимому, забыл, с какими людьми имеет дело. Эта-то беспечность дала Моргану время приготовиться к отчаянному отпору.

Через шесть дней все было готово и 30 апреля 1669 года флибустьеры сами пошли навстречу испанцам. Еще не светало. Адмирал, корабль которого находился на самой середине узкого канала, поспешно стал готовиться к встрече пиратов и спокойно подпускал брандер, считая его главным неприятельским кораблем. Но этот корабль приближался без выстрела, да он и не мог стрелять, потому что на нем не было ни одной пушки. Это бездействие на таком близком расстоянии и палуба, казавшаяся в сумерках покрытой множеством народа, заставила адмирала подумать, что флибустьеры хотят приняться за свой любимый маневр: идти на abordаж, поэтому адмирал велел прекратить пальбу и приготовиться к отчаянному

отпору. Это приказание было счастьем для пиратов, которым оно вообще благоприятствовало во многих случаях, доказывая справедливость поговорки, что «смелыми Бог владеет»: несколько хорошо нацеленных выстрелов неминуемо потопили бы брандер. Теперь же желание флибустьеров подвести его как можно ближе к адмиральскому кораблю исполнилось сверх чаяния, и даже сами испанцы пособляли им при этом. Последние заметили свою ошибку только тогда, когда брандер подошел уже так близко, что все старания остановить его были тщетны. Флибустьеры прицепили брандер и тотчас бросились в лодку, которая поспешно удалась.

Однако адмирал не потерялся: он приказал отряду испанцев перейти на брандер, срубить мачты и, если можно, не дав пламени вспыхнуть, но деятельные враги предупредили его и уже перед отъездом своим зажгли судно. Адмиральский корабль в минуту был объят пламенем и с большей частью экипажа погрузился в бездну морскую. Многие испанцы бросались в море, стараясь вплавь достигнуть берега, но и эта попытка не удалась им. Иные из них могли спастись на судах флибустьеров, которые предлагали им свою помощь, но все испанцы отказались от этого средства и только весьма немногие вышли на берег, где уже находился адмирал, спасшийся на шлюпке.

Флибустьеры только и ждали этой минуты смущения неприятеля, чтобы напасть на второй военный корабль, который после слабого сопротивления взяли на abordаж. На нем-то они огласили воздух кликами победы, между тем, как адмиральский корабль исчезал в волнах подобно тени. Испанцы на третьем корабле до того были поражены этим зрелищем, что, не выжидая нападения, перерубили якорные канаты и бросились к крепости, под стенами которой сами потопили свой корабль. Флибустьеры бросились было туда же, чтобы спастись хоть что-нибудь, но испанцы, бывшие на берегу, заметив намерения пиратов. Сожгли остатки. Все это совершилось в течение одного часа.

Флибустьеры, спасшись таким чудесным образом от страшной опасности и не потеряв при решительной победе, ими одержанной, ни одного человека, едва верили своим глазам. Опомнившись, они хотели штурмовать также крепость, сильно защищенную спасшимися экипажами, и не из-за добычи, а чтобы показать испанцам свое непоколебимое мужество, однако это не удалось им. Испанцы, под начальством только что разбитого адмирала, защищались так отчаянно, что пираты, не имевшие ни пушек, ни осадных лестниц, должны были отступить, оставив на месте 30 человек убитыми и унося с собой 40 человек раненых.

Пленный испанский штурман объяснил все Моргану. Флот из шести военных кораблей был нарочно отправлен из Испании для уничтожения флибустьеров. Из числа этих шести кораблей два самые большие, в 66

пушек каждый, признанные неудобными для плавания у этих берегов, отправлены были обратно, а третий погиб во время бури. Дон Альфонсо, на главном корабле которого «Святой Людовик» находилось 350 человек, искал флибустьеров в Эспаньоле, Кампеше, Сан-Доминго и Каракасе и обрадовался несказанно, встретив их наконец при Маракайбо. За два дня до решительной катастрофы беглый негр известил его о брандере, но дон Альфонсо отвечал, презрительно улыбаясь: «Возможно ли, чтобы у этих мерзавцев достало ума соорудить брандер! Да и где им взять материалов и инструментов?» Штурман прибавил, что на потонувшем корабле находилось 40 000 пиастров, частью деньгами, часть серебряными слитками.

Это известие произвело между флибустьерами сильную деятельность и желание исхитить, если можно, это сокровище из волн морских. Морган назначил для этой цели один корабль, которому и удалось спасти двадцать центнеров слитками и пиастрами.

Между тем, предводитель флибустьеров возвратился с остальными судами в Маракайбо, где взятый испанский фрегат о 22 пушках назначил своим командорским кораблем и снова предложил разбитому адмиралу дать выкуп за город, если не хочет видеть его сожженным. Глубоко пораженный своим несчастьем, дон Альфонсо имел сочувствие только к своей потере, а так как пожар города не мог причинить ему никакого личного убытка, то и не хотел слушать о выкупе. Однако несчастные жители думали иначе: не спрашивая разрешения адмирала, они вступили в переговоры с Морганом и заплатили ему 20 000 пиастров и 500 штук скота.

Оставалось победить еще одно большое затруднение. Чтобы выйти из озера в море, флибустьеры должны были проехать мимо крепости, стоившей им уже множества людей. Рискнуть на новое нападение было опасно, тем более, что успех был очень сомнителен, а добычи не предвиделось никакой. Морган снова отрядил к дону Альфонсо посольство, требуя за выдачу пленных свободного проезда, в случае отказа грозился повесить их всех на реях в виду крепости, и все-таки проехать. С этим поручением отправились к адмиралу несколько пленных и умоляли его сжалиться над ими, их женами и детьми. Но адмирал был неумолим. Он был слишком унижен потерей своей эскадры и все еще надеялся отомстить флибустьерам. Поэтому он дурно принял просителей, умолявших о спасении своем и своих земляков, упрекал их в трусости и сказал: «Если бы вы так же защитили въезд от пиратов, как я защищу теперь выезд, то никогда не попали бы в такое положение». С этим ответом возвратились посланные. Тут Морган выказал всю свою решимость и скал: «Если адмирал отказывает мне в свободном проезде, то я найду средства обойтись без его позволения». Затем он приказал снести всю добычу в одно место и разделить ее по законам общества. Она состояла в серебре, золоте и алмазах на 250 000 пиастров, не считая бесчисленного множества товаров и

невольников. Каждому выдали причитавшуюся ему часть, предоставляя уже ему самому защищать ее.

Во время этого раздела, Морган придумал воинскую хитрость. Утром он приказал высадить на берег недалеко от крепости несколько сот флибустьеров. Место это было покрыто густым кустарником. Пробыв тут несколько часов, флибустьеры ползком пробирались к лодкам, ложились в ничком или боком, и отправлялись обратно на корабли, испанцы же, не видя спрятавшихся, думали, что лодки возвращаются пустыми. Этот маневр продолжался весь день, и испанцы были уверены, что почти весь экипаж высадили и намерен штурмовать крепость ночью с береговой стороны, и потому перевели на ту сторону всю тяжелую артиллерию и большую часть гарнизона. Этого-то ожидали пираты. По наступлении ночи они все перебрались на корабль, снялись с якоря, и, предаваясь течению, не раньше подняли паруса, как поравнявшись с цитаделью. Месяц светил ярко и скоро показал испанцам их ошибку, они бросились за тяжелой артиллерией и начали сильный огонь, но поздно: ветер благоприятствовал флибустьерам, и они благополучно выбрались в море, отсалютовав еще к крепости ядрами. Морган высадил пленных на ближайшем берегу и взял с собой только гибралтарских заложников, потому что не получил за них всего выкупа.

Едва вышли в открытое море, как поднялась жестокая буря, грозившая гибелью и без того уже поврежденным судам, которые лишились якорей и мачт, при этом с одной стороны скалы грозили ежеминутным разрушением, с другой — не менее опасный и в счастливейшем случае все-таки бесплодный берег, за ними испанцы. При этом в некоторых судах открылась такая сильная течь, что ничем не могли остановить вторжения воды, иные корабли угрожали даже развалиться надвое, почему их обвязали канатами. Эта страшная буря, сопровождаемая громом и молнией, продолжалась непрерывно четверо суток, и во все это время никто не мог сомкнуть глаз, опасаясь, как выразился один из флибустьеров, закрыть их навсегда. Только что кончилась буря, флибустьеры подверглись новому ужасу: они завидели 6 кораблей, которые приняли сначала за испанские, но страх скоро превратился в радость: то была французская эскадра под командой адмирала д'Эстре, которая оказала им всевозможную помощь. Флибустьеры разделились: одни поехали на Сан-Доминго, другие под начальством Моргана на Ямайку, куда и прибыли благополучно.

ВЗЯТИЕ И СОЖЖЕНИЕ ПАНАМЫ

Обогатившийся Морган подумывал теперь о покое, но товарищи его хищничеств, скоро истратившие свою добычу и даже еще задолжавшие,

всячески убеждали его приступить к новым предприятиям, и он наконец согласился. Едва разнеслась эта весть, как с Ямайки, Сан-Доминго и Тортуги стали съезжаться к Моргану на судах и лодках флибустьеры; за ними последовали многие охотники с Сан-Доминго, не служившие еще на море: они прошли для этого пешком неизмеримые леса. Подкрепленный таким образом, Морган назначил для отъезда 24 октября 1670 года, однако оказались препятствия. Корабли, экипаж, оружие и снасти были налицо — не доставало провианта, которого и за деньги нельзя было собрать в достаточном количестве. Для дополнения этого недостатка назначена экспедиция из 400 человек на 4 кораблях. Им было приказано высаживаться где будет удобнее и, не думая о дальнейших планах, отнять только у ближайших к берегу городов и деревень хлеб и съестные припасы, в то же время Морган отправил охотников в леса, чтобы настрелять сколько можно более буйволов и других животных.

Маленькая эскадра под начальством француза Бродели направилась к реке де ла Гача. Здесь встретили корабль, нагруженный хлебом, взяли его и потом штурмовали город Ла-Ранхерия, недалеко от Картахены. Жители защищались храбро, но после десятичасовой битвы принуждены были уступить. Город был разграблен и, чтобы не быть сожженным, согласился на поставку огромного количества маиса, сбор которого требовал, однако, много времени, и пираты возвратились только после пятидневного отсутствия. Морган считал их уже погибшими и придумывал новые планы для снабжения флота провиантом. Хлеб и маис были разделены на все суда, но прочая добыча, по приговору Моргана, осталась собственностью флибустьеров, ее завоевавших.

Наконец флот Моргана, величайший из всех, когда-либо появлявшихся под флагом флибустьера в Западном океане, был готов к отплытию. Он состоял из 37 кораблей, и все они были снабжены пушками. На адмиральском корабле было 32, на других по 20, 18, 16, на самом меньшем четыре пушки, кроме того запаслись множеством пороха, ядер, пуль и новоизобретенными пороховыми машинами. На флоте находилось 2.000 морских солдат, не считая матросов и служителей. С такой силой можно было предпринять что-нибудь значительное. Действительно, Морган обнадежил флибустьеров, что они возвратятся домой с такими сокровищами, которые обогатят их на всю жизнь, но что, вместо доселе употреблявшейся системы нападения на места открытые, должно нападать преимущественно на места укрепленные: он знал из опыта, что где испанцы защищаются, там есть что взять.

Морган, поднявший на своем корабле королевский английский флаг, разделил флот на две эскадры, отличавшиеся одна от другой красным и белым флагом, и присвоил себе титул адмирала. Для другой эскадры он

назначил вице-адмирала, принял присягу в верности, назначил сигналы и выбрал офицеров, из которых четверо получили также титул адмиралов, вследствие своевольного расширения полномочия, данного ямайским губернатором флибустьеру Моргану. Кроме того, офицеры получили формальные патенты и каперские свидетельства следующего содержания: «Всеми способами поступать вражески с испанцами на море и суше, поскольку они суть отъявленные враги его государя, короля английского». Затем он созвал всех офицеров и уговорил подписать условие о разделе добычи. Сообразно с ним, Моргану отдавали сотую часть всей добычи и, кроме того, с каждых ста человек одну порцию, то есть такую часть, какая следовала отдельному флибустьеру. Каждый командир корабля получал, кроме своей доли, определявшейся суммой представленных им денег на вооружение корабля, провиант и проч., еще восемь порций добычи. Главному хирургу из общей массы, кроме определенного жалования, выдавались 100 пиастров и каждому корабельному плотнику, кроме жалования, сто же пиастров в подарок. При этом возвысили издавна водившиеся инвалидные деньги за увечья и назначили награды за все отличия в битвах и на штурмах.

Кончив все приготовления, Морган открыл флибустьерам свой план, который состоял в нападении на обширный и богатейший город Панаму, где он надеялся найти беспрестанно накапливаемые для Европы груды золота и серебра. Но трудности исполнения казались непреодолимыми. Первая состояла в том, что Панама находилась в значительном расстоянии от моря и никто из пиратов не знал дороги. Чтобы устранить это затруднение, адмирал решил ехать сперва на остров Санта-Катарина, место ссылки испанских преступников, и добыть там проводников. Он скоро прибыл туда, высадил 1000 человек, которые угрозой истребить весь гарнизон при малейшем сопротивлении до того напугали испанцев, что последние не замедлили заключить капитуляцию, причем для спасения чести гарнизона условились дать фальшивое сражение. Укрепления и корабли открыли сильный огонь, но без ядер, комендант, по условию, при переходе из одного форта в другой дал взять себя в плен. Следствием этого было поддельное замешательство. Морган сначала не доверял этому фарсу и приказал флибустьерам заряжать ружья пулями, но стрелять в воздух, пока не заметят измены испанцев. Но последние и не помышляли ни о чем подобном: комедия продолжалась несколько часов, и пираты взяли один за другим десять фортов, причем ни с одной стороны не было ни одного убитого, и даже раненого.

Всех жителей острова заперли в большой стоявшей на скале форт. Св. Терезии и потом объявили жестокую войну коровам, телятам и птицам, потому что победители не ели ничего в продолжение суток. На острове находилось 459 душ обоего пола, и между ними 190 солдат, 42 зак-

люченных преступника, 85 детей и 66 негров. В десяти фортах находилось 68 пушек, притом они были сильно укреплены самой природой, почему не сочли нужным содержать значительнейший гарнизон. В арсеналах кроме большого количества военных припасов, ружей и ручных гранат, бывших тогда в большом употреблении, нашли более 30.000 фунтов пороха. Все это было перевезено на корабли пиратов, пушки же заклепаны, лафеты сожжены, укрепления скрыты, за исключением одного, в котором флибустьеры оставили гарнизон. Морган выбрал между преступниками трех испанцев в провожатые, которым, по возвращении на Ямайку, обещал свободу и награду.

Флибустьеры были восхищены планом, величие которого воспламеняло их мужество.

Город Панама, лежащий на берегу Южного океана, под 9° сев. широты, был тогда одним из величайших и богатейших городов Америки, в нем было 2000 больших, частью великолепных, и 5000 меньших домов, но и те почти все были трехэтажные. Многие из них были каменные, все прочие построены из кедрового леса. Красивы и роскошны меблированы. Целое окружали вал и стены. Город этот был складочным местом мексиканского серебра и перуанского золота, перевозимых отсюда на мулах через знаменитый перешеек на северный морской берег. Для этого транспорта содержали 2000 мулов. Кроме того, здесь производился значительный торг неграми, который тогда еще не перешел исключительно в руки англичан, голландцев, французов и датчан. Никто в то время не понимал торговли лучше итальянцев, которые и в этом случае были учителями Европы, поэтому, торг неграми, требовавший хитрости и больших капиталов, преимущественно находился в руках гемуэзцев, снабжавших невольниками Перу и Чили.

Обер-президент города, которому подчинялись также города Порто-Белло и Ната, местечки Крукс, Пенома, Капира и Вергуа, с гражданским званием обер-штатгальтера соединил чин генерал-капитана всех войск Перуанского королевства. Город Панама имел также епископа, подчиненного перуанскому архиепископу.

Купцы панамские были очень богаты, церкви великолепны, собор, на манер итальянских, был украшен огромным куполом; собор этот и восемь монастырей города были богато наделены золотом и серебром. Близ города находилось несколько небольших, но изукрашенных природой и искусством островов, на которых богатейшие жители имели дачи. Острова эти назывались панамскими садами. Все это делало город важным и привлекательным. Многие европейские нации содержали здесь свои торговые конторы, между прочим гемуэзцы, которые имели огромные складочные места и великолепные торговые дома. Дома знатнейших граждан были наполнены драгоценными картинами и произведениями изящ-

ных искусств, выписанными из Италии не по любви к изящному, но для удовлетворения страсти к царской роскоши. Такова была Панама в 1670 году, когда обесмертившиеся своей дерзостью и своими странностями флибустьеры избрали ее целью своих опустошительных набегов.

К этому приступили с величайшей осторожностью и жестокостью. Прежде всего необходимо было овладеть фортом Сан-Лоренцо на реке Чагере. Для этого Морган отрядил 4 корабля с 400 человек, под начальством смелого флибустьера Бродели, так хорошо исполнившего описанное выше добывание провианта. Прочие суда остались в Санта-Катарине. По плану Моргана, надо было как можно дольше скрывать цель похода и выставить взятие форта простым набегом для добычи. Бродели исполнил поручение мужественно и удачно. Сан-Лоренцо был построен на высокой горе при устье реки и с большей части сторон неприступен. Сначала все покушения были напрасны и наступавшие флибустьеры, ничем не прикрываемые, теряли много народа, потому что не только испанцы стреляли из пушек и ружей, но и бывшие в форте индейцы метали стрелы, которые были гибельнее ядер и пуль. Нападающие видели, как подле них падали товарищи, и не могли отомстить за них. Положение и оружие их делали, по-видимому, успех невозможным. Уже мужество их начинало ослабевать, уже они стали расстраиваться и готовы были отступить, когда насмешки испанцев возбудили всю прежнюю энергию их. «Еретические собаки! — кричали они со стен. — Преданные дьяволу англичане. Так вы хотите идти в Панаму? Вздор! Здесь, под стенами этого форта, погибнете вы все до единого, и товарищей ваших ждет та же участь!» Эти слова показали флибустьерам, что план их открыт, и они решились взять форт или пасть до последнего. Они продолжали штурмовать, несмотря на множество поражавших их стрел и на падение Бродели, которому ядром оторвало обе ноги. Вдруг один флибустьер, которому воткнулась в плечо стрела, вырвал ее и вскричал: «Постойте, братцы, мне пришла мысль, которая погубит всех испанцев!» Он достал из кармана хлопчатой бумаги, обернул ею шомпол, зажег бумагу и выстрелил этот горючий материал на крышу одного из домов форта, которые были покрыты легкой дрянью и пальмовыми листьями, другие флибустьеры последовали его примеру, подобрав валявшиеся на земле стрелы, и в минуту вспыхнуло множество домов и взлетел пороховой ящик. Испанцы занялись тушением пожара, ночь наступала. Тогда флибустьеры попробовали зажечь деревянные палисады — и это удалось, ничем не поддерживаемая более земля рухнула и засыпала ров. Испанцы все еще защищались храбро, поощряемые комендантом, который сражался, пока не пал мертвый. Флибустьеры овладели фортом. Многие испанцы бросились со стен в реку, чтобы не попасть заживо в руки флибустьеров, кото-

рые взяли только 24 пленных, 14 здоровых и 10 раненых, спрятавшихся между убитыми. Это был остаток от гарнизона из 340 человек. Его усилили недавно, потому что панамский обер-комендант узнал уже из Картахены о цели экспедиции и сам, приняв начальство над 3600 человеками, расположился перед городом. Флибустьеры, что в числе этого войска находилось 400 человек кавалерии, 600 индейцев и 200 мулатов, опытных охотников за буйволами, которым было поручено выпустить в случае нужды 2000 буйволов на флибустьеров.

Изувеченный Бродели продолжал раздавать приказания, он не хотел рисковать столь дорого купленными выгодами: из четырехсот человек его отряда 110 были убиты и 80 ранены, из последних 60 не могли пошевельнуться. Трупы англичан и французов были зарыты, тела же испанцев сброшены с вершины форта и оставлены там. Бродели нашел в форме множество снарядов и съестных припасов, которые были ему тем приятнее, что остальной флот нуждался в них. Он приказал исправить поврежденные укрепления, чтобы иметь возможность отразить нечаянное нападение испанцев. В таком положении ожидал он прибытия Моргана и флота, которое не замедлило.

Флибустьеры, подъезжая к форту, были чрезвычайно обрадованы, увидев на нем английское знамя. Они пели и пили, не обращая внимания на ход судов в устье реки Чагера, в котором был подводный риф. С берега отправились было к ним навстречу лоцмана, но пираты в радости не дождались их. Эта неосторожность имела гибельные последствия, ибо стоила им 4 кораблей, в числе которых находился и адмиральский. Экипажи и груз были, однако, спасены. Морган, исполненный великих замыслов, смотрел равнодушно на эту потерю и вступил в Сан-Лоренцо, в котором оставил пятисотенный гарнизон, кроме 150 человек, которых посадил на испанские суда, захваченные на реке. Съестных припасов взяли мало, как для того, чтобы не замедлять похода, так и по причине затруднительности перевозки их, и, наконец, чтобы не подвергнуть голоду гарнизон и пленных, всего около 1000 человек. Кончив все эти приготовления, Морган в торжественной речи увещевал своих товарищей иметь непобедимое мужество, чтобы возвратиться на Ямайку покрытыми славой и с богатствами, которые обеспечат их на всю остальную жизнь. 18 января 1671 года выступил он с 1300 флибустьерами, отборнейшими воинами отряда, по дороге в Панаму.

Отряд отправился водой вдоль реки. На пяти судах была поставлена артиллерия. Флибустьеры стеснились на 32 лодках. К вышеприведенным причинам не брать с собой съестных припасов присоединялась надежда найти достаточное количество их на пути. Но в первый же день, прибыв в Рио-де-лос-Бракос, флибустьеры увидели, что обманулись.

Выйдя на берег, они не нашли ничего. Испанцы бежали и взяли с собой не только все съестные припасы и домашний скот, но даже всю домашнюю утварь и мебель, срезали неспевший еще хлеб и садовые плоды и даже корни вырывали из земли. Оставались пустые дома и конюшни, в которых поместились флибустьеры на ночь, потому что на лодках не было даже места присесть. В этом городе провели они первый день поста, не имея ничего, кроме табаку. Второй день не был удачнее. К этому присоединилось еще другое бедствие: от недостатка дождей река обмелчала так, что в Ла-Крукс-де-Хуан-Галлиего флибустьеры принуждены были бросить лодки и продолжать путь берегом или вернуться. Однако все это не могло поколебать мужества пиратов: одобряемые начальниками, они решились идти дальше. На третий день достигли они леса, в котором не было ни малейших признаков дороги и наполненного болотами. С величайшими усилиями достигли они местечка Педро-Буэно. Но и здесь не нашли ничего.

Голод страшно усиливался в отряде, многие ели листья с деревьев, большая же часть оставалась без пищи. Мучимые ужасными недостатками и легко одетые, ложились они в холодные ночи на берегу реки и в этом положении, дрожа от холода, не дававшего им заснуть, ожидали утра. Мужество их поддерживалось надеждой встретить испанский отряд или скрывающихся поселенцев и, следовательно, съестные припасы. При этом флибустьеры не удалялись от реки, по которой нашли возможность провезти несколько лодок. Там, где река становилась глубже, на лодки садилась часть отряда, а прочие шли берегом. Несколько сот шагов впереди отряда шел авангард в 30 человек с знающим местность проводником, чтобы открыть засады испанцев и, если можно, схватить несколько пленников.

На четвертый день флибустьеры достигла Торна-Каваллоса, укрепленного места, но и оно было оставлено испанцами, взявшими с собой все, что можно было унести, и сжегшими остальное. Вообще, испанцы приняли за правило лишать флибустьеров всех решительно потребностей, чтобы тем скорее принудить их отказаться от своего намерения. В Торна-Каваллосе не осталось ничего, кроме пустых кожаных мешков. Голод приводил пиратов в иступление: надо было утолить его. Для этого разрезали и роздали куски мешков, которые немедленно были съедены не без споров для получения больших порций. Кожу разрезали на мелкие кусочки, терли и колотили их между двумя камнями, мочили в воде, потом жарили, ели и обильно запивали водой.

Угощенные таким образом, пришли флибустьеры в Торна-Мунни, где опять нашли покинутую крепость, на пятый день достигли Барбакоа — но нигде ни людей, ни животных, ни съестных припасов. Наконец случайно нашли в пещере два мешка с мукой, несколько плодов и два боль-

ших сосуда с вином. Но эта находка, в сравнении с числом нуждавшихся, была слишком незначительна, чтобы возбудить радость. Морган, хотя томимый голодом, не взял ничего на свою долю, но велел разделить припасы между слабыми. Многих из них были при смерти, их перевели на лодки, а прежние защитники их соединились с сухопутным корпусом. По причине великой слабости отряда и дурной дороги, он шел весьма медленно, питаясь одними древесными листьями и травой.

На шестой день едва продвигались вперед, недостаток в пище чрезвычайно изнурил флибустьеров и они поминутно останавливались для отдыха. Наконец пришли на плантацию, тоже покинутую, но в одной риге нашли большое количество маиса. Как бешеные бросились на него пираты и часть его пожрали сырым, остальной был роздан, завернут в банановые листья и частью сварен, частью испечен. Подкрепившись таким образом, продолжали они путь и вскоре завидели за рекой толпу индейцев, которые, однако же, тотчас убежали. Несколько человек было убито, прочие же, скрываясь, кричали: «Погодите, английские собаки! Выйдите только на луг, там мы встретим вас!» Съев весь запас маиса, флибустьеры, снова проголодавшись, расположились ночевать под открытым небом.

До сих пор выказывали они удивительное терпение в мучительном, так сказать, противном природе положении. Но наконец поднялся ропот. Осуждали Моргана и его дерзкие планы, многие хотели вернуться, однако большинство объявило, что лучше погибнет, чем откажется от предприятия, начало которого стоило им стольких мучений.

На другой день переправились через реку и пошли к месту, казавшемуся деревней или городом. Издали уже радовались они дыму, выходящему из труб, они надеялись наверно найти здесь людей и припасы. Однако они обманулись еще раз: во всем местечке не было ни одного человека и ничего съестного, кроме кожаного мешка с хлебом и нескольких кошек и собак, которых тотчас убили и съели. Это было местечко Крукс, где обыкновенно выгружали товары, привозимые вверх по реке Чагеру для отправления сухим путем в Панаму, находившуюся от Крукса в 8-ми французских милях. Здесь были прекрасные каменные магазины и конюшни, принадлежавшие казне. Жители местечка, уходя, зажгли дома свои, не тронув только казенный строений. Флибустьеры обыскали все углы и закоулки и наконец нашли 16 сосудов с перуанским вином. Они немедленно воспользовались этой находкой, но едва выпили несколько, как захворали все без исключения. Они думали, что их отравили, и с отчаянием ждали неизбежной смерти. Но причиной нездоровья был не яд, а отвратительная пища, которую употребляли они в последнее время. На другой день они оправились. Принужденный бросить здесь лодки, Морган высадил всех пиратов, даже слабейших, а лод-

ки с 60 человеками отправил назад к кораблям, оставив только одну, чтобы в случае нужды дать о себе известие флотилии. Притом Морган запретил отлучаться из местечка отрядами менее ста человек. Но голод заставил пиратов преступить это приказание. Десять человек отправились искать съестных припасов в окрестности, на них напали испанцы, и флибустьеры с большим трудом пробились обратно в город, причем один из них был взят в плен.

Морган приказал выступить. Сделав смотр своему отряду, он насчитал 1100 воинов. Желая освободить флибустьеров от страха, что пойманный товарищ откроет испанцам их намерения и силу, он сказал им, что пират этот не пойман, а только заблудился было в лесу и уже возвратился к отряду. Наступил восьмой день ужасного похода, тягость которого облегчала только надежда, что уже недалеко от Панамы. 200 человек были отправлены вперед для наблюдения за движениями неприятеля. Они шли целый день, ничего не открывая, как вдруг с вершины горы посыпалось на них более 4000 стрел. Флибустьеры с минуту были озадачены: не видя никакого неприятеля, а только высокие скалы, деревья и пропасти, в минуту потеряли они 20 человек убитыми и ранеными. Но как нападение тем и кончилось, то ни продолжали идти вперед и, проходя через лес, попали в ущелье на толпу индейцев, храбро защищавших его. Однако пираты вскоре одолели противников, потеряв 8 человек убитыми и 10 ранеными. Они всячески старались взять несколько пленных, но это не удалось им: индейцы бежали с быстротой серн и скрылись в известных им одним ущельях. Раненый предводитель их, лежа на земле, оборонялся до тех пор, пока его не убили. Он носил корону из разноцветных перьев. Смерть его произвела сильное впечатление на индейцев и была причиной бегства, потому что ущелье было такого рода, что 100 человек могли не только остановить, но и уничтожить весь отряд пиратов. Победители воспользовались этой оплошностью испанцев и поспешили выбраться из дефилей на более ровное место.

В девятый день похода они вышли на равнину, состоявшую из лугов без всяких деревьев. Шел сильный дождь, флибустьеры промокли до костей, ружья их на время сделались негодными к употреблению. Морган очень желал встретить кого-нибудь, чтобы получить нужнейшие сведения, и для этого отрядил 50 человек, обещая тому, кто приведет испанца или индейца, кроме законной части в добыче, 300 пиастров из общественной казны.

Около полудня взойшли на холм, с которого в первый раз увидели Южный океан. Это зрелище, предвещавшее конец мучений, привело флибустьеров в неописанный восторг. Вместе с тем увидели шесть кораблей, направлявшихся из Панамы к соседним островам Тароге и Тароги-

ле. Самого города еще не было видно. Радость их еще усилилась, когда они открыли в соседней долине множество быков, коров, лошадей и ослов, пасшихся под надзором нескольких испанцев, которые, увидев флибустьеров, тотчас убежали. Ничто не могло быть приятнее пиратам, умирающим от голода, как эта находка. Неосторожность испанцев, так сказать, спасших этим от голодной смерти неприятеля, была непростительна. Флибустьеры расположились здесь на несколько часов, убили достаточное число быков и с величайшей жадностью ели мясо почти совсем сырое, так что кровь текла изо рта по всему телу. Чего не могли съесть, то взяли с собой, потому что Морган, боясь нападения среди испанских войск, не дал долго отдохнуть своим товарищам.

Желание Моргана достать несколько пленных не исполнилось, и флибустьеры все еще были в недоумении о том, далеко ли остается им до Панамы, когда вдруг, с вершины одного пригорка, открылись им башни города. Раздались всеобщие клики восторга. Наступил вечер, и флибустьеры расположились на ночлег у пригорка, решившись на другое утро напасть на Панаму.

В городе все пришло в движение: первым делом было выслано 50 кавалеристов для рекогносцировки неприятеля. Они подъехали на ружейный выстрел к флибустьерам и стали осыпать их ругательствами, но вскоре повернули назад, восклицая: «Собаки! До свиданья!». Недолго спустя, показался другой отряд в 200 человек пехоты, которому было приказано занять все проходы, чтобы после несомненной, как полагали испанцы, победы, ни один пират не мог вернуться восвояси. Флибустьеры смотрели очень спокойно на все эти приготовления и укрепляли себя пищей. Так как им было запрещено разводить огонь, то они ели мясо сырое, причем дивились непостижимой беспечности испанцев, которые позволяли им отдыхать спокойно. Между тем, чтобы показать свою бдительность, испанцы всю ночь палили из пушек.

На другой день, десятый своего похода, 27 января 1671 года флибустьеры поднялись рано и при звуках музыки отправились к городу, но свернули с прямой дороги и, по совету одного из своих проводников, пошли обходом через густой лес, в котором не было ни малейшей тропинки. Этого не предвидели испанцы и потому устроили только на дороге батареи и укрепления, которые теперь сделались бесполезными. Надо было покинуть их, чтобы противостать неприятелю на другой местности, причем не имели даже времени перевезти пушки.

После двухчасовой ходьбы, флибустьеры увидели испанскую армию, весьма красивую и выстроенную в ученый боевой порядок. Солдаты были одеты в разноцветные шелковые ткани, а кавалеристы разъезжали на рьяных конях, как будто готовились к бою быков. Обер-президент лично предво-

дительствова́л этим весьма значительным корпусом, состоявшим из четырех полков регулярной пехоты, 2400 пехотинцев, 400 кавалеристов и 2000 диких быков, которыми управляло несколько сот индейцев и негров.

Флибустьеры, завидя эту армию, покрывавшую всю равнину, испугались ее многочисленности и начали опасаться неудачи. Но они скоро убедились, что им не остается другого выхода, как победить или умереть, и потому поклялись друг другу сражаться до последней капли крови. Разделившись на три отряда, они послали вперед 200 искуснейших стрелков и двинулись на испанцев, окончательно построившихся. Губернатор приказал коннице врубиться в неприятеля и выпустить на него быков. Но местность была невыгодна для кавалерии: в ней были болота, за которыми расположились вышеупомянутые 200 стрелков, производившие такой непрерывный и меткий огонь, что кавалеристы и лошади падали кучами, и из них только 50 человек спаслись бегством. Вследствие того же, быков нельзя было выпустить на пиратов — и весь план атаки расстроился. Флибустьеры, между тем, смело бросились на испанскую кавалерию, поочередно становились на одно колено и в этом положении стреляли, а стоявшие за ними заряжали ружья. Искусство и хладнокровие пиратов решили битву. Почти все выстрелы их попадали. Испанцы защищались храбро, но не могли ничего против такого отчаянного мужества. Наконец приказано выпустить быков, чтобы потревожить тыл неприятеля, но и тут не подумали о союзниках флибустьеров, буканьерах, которые очутились здесь в своей стихии. Испугав быков криком и флагами, они застрелили их всех до единого.

Битва продолжалась два часа при неравных силах и оружии, а между тем она решилась совершенно в пользу флибустьеров. Кавалерия, на которую более всего рассчитывали испанцы, были большей частью уничтожена, и только немногие всадники спаслись бегством вместе с пехотой, бросившей свои мушкеты, чтобы бежать скорее. Не считая раненых и пленных, на поле сражения осталось 600 убитых испанцев. Между пленными было несколько монахов, которые подвергались величайшей опасности, ободряя сражающихся. Морган приговорил их всех к смерти — и их застрелили из пистолетов. Многие испанцы спрятались по кустарникам на морском берегу, но почти все были открыты флибустьерами и без милосердия убиты.

Но этим дело не было еще кончено. Оставалось взять большой, населенный, защищенный фортами и пушками город Панаму, куда скрылся обер-президент с бежавшими с поля сражения. Трудности были тем больше, что флибустьеры также потеряли много народа — и остальных казалось мало для такого предприятия. Однако было решено приступить к делу. Морган собрал нужные сведения от пленного офицера. Нельзя было терять времени, иначе испанцы могли принять новые меры

к защите. Несмотря на сильнейшую пушечную пальбу, имевшую губительные следствия, город был штурмован в тот же день и после упорной трехчасовой битвы взят.

Начался всеобщий грабеж. Морган, опасавшийся излишеств флибустьеров в употреблении вина, особенно после такой продолжительной воздержанности, строжайше приказал не дотрагиваться до вина, но опасаясь, что одного запрещения будет недостаточно, он объявил, будто узнал из достоверного источника, что испанцы отравили все вина.

Большая часть жителей спаслась бегством. Женщин и все драгоценности отправили на остров Тарога, а мужчины, рассеявшись около города, все еще составляли число, опасное для флибустьеров, ослабленных битвами и не могших ждать ниоткуда подкрепления. Это заставляло их быть осторожными, и большая часть расположилась вне города.

Наконец Морган совершил дело жестокое, непонятное и не довольно поясненное современными описателями этих ужасов, которым преднамеренно лишил себя и свой отряд огромнейших богатств. Хотя самое драгоценное было увезено жителями, однако же все лавки, магазины и кладовые оставались наполненными товарами всех родов. Кроме множества изготовленных мануфактурных и фабричных произведений и бесчисленных предметов роскоши и промышленности, здесь находились огромные запасы муки, вина, оливкового масла и благовоний, большие магазины с железом. За сто фунтов железа платили тогда 32 пиастра.

Эти товары не имели, правда, ценности в глаза Моргана, потому что он не мог их взять с собой, но сохранение их могло доставить выкуп. Впрочем, последнее было еще только предположение, а негодность их для флибустьеров дело решенное. Разорение нескольких тысяч семейств ничего не значило для Моргана. Поэтому можно сказать, что главной побудительной причиной было бешеное своеволие, совершенно согласное с его жестоким характером. Не сообщив никому своего намерения, он приказал зажечь Панаму в разных местах, и в несколько часов весь великолепный город был объят пламенем.

Испанцы, оставшиеся в городе, вместе с флибустьерами, не зная причины пожара, соединенными силами старались погасить огонь, таскали воду и срывали дома, чтобы остановить пламя, но все было тщетно: дул сильный ветер и большая часть домов были деревянные. Прекраснейшие дома с их драгоценностями, между ними великолепная биржа генуэзцев, церкви, монастыри, городская ратуша, лавки и госпитали и богоугодные заведения, магазины с бесчисленными кулями муки и двести кладовых, наполненных товарами, превратились в пепел. Той же участи подверглось множество животных: лошадей, мулов и проч. и много невольников, которые спрятались от флибустьеров в подвалах и на чердаках, теперь были изжарены живьем. Только немногие дома спас-

лись от огня, который тлел четыре недели. Пираты снова бросились грабить развалины — и довольно успешно. Морган тщательно скрывал свое участие в этом деле и обвинял в нем испанцев. На другое утро на месте цветущего города была куча золы, уцелел только уголок его, самый бедный, в котором жили погонщики мулов, два монастыря и дворец обер-президента, стоявший отдельно.

После пожара флибустьеры собрались в один отряд и окопались в развалинах церкви. Морган отправил сильный отряд в Чагер для извещения оставшихся там флибустьеров о победе и для узнания о их положении. Вместе с тем отправил два отряда, каждый в 150 человек, в окрестности города для отыскания бежавших жителей и корабль для поисков в Южном океане. Корабль вернулся через два дня с тремя взятыми судами, но также с весьма неприятным известием, что упустил большой галион, нагруженный спасенными из Панамы церковными сокровищами и множеством серебра, золота и другими драгоценностями, принадлежавшими казне и богатейшим купцам. Далее, на нем находились жены богатейших жителей со всеми их украшениями, словом, с отборнейшими богатствами города. Галион этот не имел балласта, который заменяли ему золотые и серебряные слитки. На том же судне были все монахи из Панамы. Оно было вооружено только 6-ю пушками, имело незначительный экипаж и шло весьма беспечно, потому что испанцы не воображали, чтобы флибустьеры пустились в море. Казалось, что эта добыча никак не уйдет от пиратов, галион виднелся весь вечер и начальник разбойничьего судна, Шарп, считал его уже как бы взятым и хотел только дожидаться утра. На ночную же экспедицию нельзя было пуститься, потому что экипаж, запасшийся на маленьких островах близ Панамы вином и женщинами, был не в состоянии действовать против неприятеля. На утро же галион исчез из вида. Отрезвившимся флибустьера оставалось одно сожаление, что они от собственной оплошности и легкомыслия лишились огромной добычи. Но Морган никак не хотел оставить мысли о поиске этого галиона, тем более, что по собранным сведениям, судно это терпело недостаток в воде и съестных припасах, даже в снастях и парусах. Предполагая, что оно укрылось в каком-нибудь заливе около Панамы, он послал четыре корабля для розысков, но и они, прокрейсивав неделю, возвратились без добычи и потеряв всякую надежду когда-либо отыскать ее.

Из Чагера получены были хорошие известия: там все было спокойно и в порядке. Гарнизону удалось захватить испанский корабль, беспечно пливший из Картахены мимо форта и нагруженный съестными припасами и несколькими ящиками со смарагдами. Вследствие этих известий флибустьеры решились продлить еще свое пребывание в Панаме. Пираты рылись в пожарище, ища скрытых сокровищ, и находили нема-

ло в подвалах и даже в колодцах, куда их запрятали испанцы. Другие занимались выжигой материй, шитых золотом и серебром.

Так как всякое опасение о нападении испанцев извне исчезло, то все флибустьеры расположились в уцелевших домах, полагаясь на сильные отряды, посланные ими за город, которые ежедневно добывали новых пленных и добычу. Набралось уже более ста богато нагруженных мулов и до 200 пленных, и новые патрули никогда не возвращались с пустыми руками. Несчастных пленных предавали жесточайшим пыткам, и многие испускали дух среди страшных мук, на что флибустьеры смотрели не только хладнокровно, но и с удовольствием, потому что не имели избытка в съестных припасах. С некоторыми женщинами, особенно с красивыми, обходились довольно хорошо, если они соглашались удовлетворять скотские похоти варваров, в противном же случае они подвергались тем же мучениям. Морган сам подавал пример своим подчиненным, доказательством чего служит следующий случай.

Между приведенными пленниками находилась молодая, прелестная женщина, кроткая и благородная, жена богатого купца, недавно уехавшего по торговым делам в Перу. Она убежала вместе со своими родственниками, но была поймана. Едва увидев ее, Морган назначил ее для себя, сначала обходился с ней почтительно и отделил от других пленников, хотя она со слезами просила избавить ее от такой чести. Он отвел ей комнату в занимаемом им доме, назначил негра для прислуги и пищу со своего стола, кроме того, позволял ей принимать пленных испанок. Женщину эту чрезвычайно удивляло такое обращение, тем более, что ей описали флибустьеров дикими зверьми и исчадиями ада. Сначала она не подозревала настоящей причины, но скоро все объяснилось. Морган дал ей три дня срока, чтобы кончить миролюбиво, предлагая богатейшую добычу свою, золото и жемчуга, но отказалась ото всех подарков и, наконец, сказала: «Жизнь моя в руках ваших, но телом моим вы не овладеете, скорее я разлучу его с душой». При этом она показала ему скрытый кинжал, который однако, тотчас отняли у ней. Дикий Морган, чуждый великодушия и всем добродетелям, пришел в исступление, приказал сорвать с нее одежду и полунагую запереть в мрачный, вонючий подвал, где давали ей самую негодную пищу, и то в таком незначительном количестве, что она едва могла поддержать ей жизнь. Так как подобные жестокости и еще большие происходили здесь ежедневно, то никто не обратил бы на это внимания, но необыкновенная красота пленницы возбудила жалость в сердцах разбойников, они начали так громко порицать поступок Моргана, что он мог извиниться только ложью, сказав, что она отвечала на его милости неблагодарностью и на погибель всем поддерживала тайную связь со спасшимися испанками. Вследствие этой лжи, она осталась его пленницей.

Флибустьеры вообще были недовольны своим предводителем. Многие намеревались отделиться от него, не возвращаясь в Чагер, уехать из Панамы на кораблях и разбойничать несколько времени в Южном океане, где не ожидали их нападений. При этом предполагали укрепиться на уединенном острове, собрать туда втихомолку добычу и потом ост-индским путем вернуться в Европу. Для этого собрали они уже значительное количество съестных и воинских запасов, даже несколько пушек, и выбрали самый большой из недавно взятых кораблей. План созрел, но перед самым исполнением Морган узнал о нем. Решительный человек этот тотчас нашел средство уничтожить его: он приказал срубить большую мачту на избранном корабле и потопить его и все другие находившиеся в гавани суда.

После этого Морган стал думать серьезно о возвращении. После четырехнедельного пребывания флибустьеры оставили Панаму, или, правильнее, место на котором еще недавно стоял этот город. Добычу, состоявшую почти исключительно в золоте, серебре и драгоценностях, потому что не было средств перевозить более грузные вещи, несли 175 лошаков, подле которых шли слишком 600 пленных испанцев и невольников, мужчин, женщин и детей. Несчастные, не знавшие, куда ведут их, и умирая от голода, подняли громкий плач и вопли и на коленях молили о милости дозволить им возвратиться на пепелище Панамы. Морган отвечал, что отпустит их, если они внесут выкуп. Но это было не всем возможно. Четыре дня ждали возвращения нескольких монахов, отправленных за выкупом, но как они не возвращались, то пошли дальше, причем пираты погоняли остальных прикладами. Тут были матери с грудными детьми, которые, за недостатком пищи, не могли дать своим младенцам ни капли молока. Упомянутая выше красавица шла среди толпы. Морган назначил за нее 30.000 пиастров выкупа. Для принесения их отправила она двух монахов, которым указала место, где были скрыты деньги. Они действительно нашли их, но употребили на выкуп своих друзей. Этот предательский поступок, сделавшись известным, еще усилил сострадание флибустьеров и сам Морган почувствовал припадок добродушия. Он расспросил других монахов и, узнав истину, освободил несчастную, оставил взамен ее всех монахов, которые были во власти его, но и они были скоро выкуплены, что случилось и со многими другими пленниками в продолжение пути. Но большая часть не могла добыть денег и должна была идти все далее.

На полудороге между Панамой и Чагером остановились на дневку. Каждый должен был присягнуть, что не утаил ни малейшей части из добычи клятва была дана, но тогда Морган потребовал еще подробного обыска платья и ранцев, причем сам подал пример, дозволив обыскать себя, и снял даже сапоги. Другие должны были согласиться на то же,

хотя многие, особенно французы, явно роптали. Офицеры приняли на себя труд обыскать, причем разряжали даже ружья. Многие приходили в ярость от такой недоверчивости и грозили убить предводителя, но большинство соглашалось со справедливостью распоряжения Моргана, который приказал офицерам, если найдут затаенную вещь, отнять ее без шума, не обнаруживая преступников. С помощью этой предосторожности, все кончилось благополучно.

9 марта 1671 года флибустьеры пришли в Чагер, где все нашли в довольно хорошем положении, исключая раненых, которые все почти, по недостатку врачебной помощи, умерли. Отсюда Морган отослал всех пленных, отягощавших его, на корабле в Порто-Белло, причем требовал за сохранение Чагера значительного выкупа, грозя в противном случае срыть форт. Ему отвечали, что не дадут ни копейки и что он может делать что угодно. Тогда все пушки из форта перенесли на суда пиратов, взорвали стены, сожгли дома и уничтожили все, чего не могли взять с собой.

Предприятие было, таким образом, кончено. Приступили к разделу добычи, которую оценили в 443 000 фунтов серебра по 10 пиастров на фунт, причем, однако, Морган поступил очень несправедливо со своими товарищами, которые по большей части спокойно дали обыскать себя и все отдали в общую казну. Он скрыл множество драгоценностей и очень уменьшил тем массу добычи. Следствием этого было то, что после таких опасностей, ужасом и лишений пиратов, после ограбления и сожжения богатейшего города и смерти огромного числа испанцев в битвах и в пытке, на каждого флибустьера пришлось не более 200 пиастров! Флибустьеры громко роптали и сказали Моргану в лицо, что он скрыл и присвоил себе большую и драгоценнейшую часть добычи. Дело было тем очевиднее, что многие пираты не видели при разделе предметов, доставленных ими самими. К тому присоединялись еще другие жалобы, и должно было опасаться возмущения. Вероломный предводитель не имел охоты удовлетворять своих товарищей, но также не хотел ждать, пока вспыхнет возмущение. Поэтому он тайком пробрался на свой корабль и уехал в сопровождении трех других кораблей, которых начальники разделили добычу также пристрастно, как он, и потому были ему преданы. Прочие флибустьеры, увидев себя покинутыми, пришли в ярость, они хотели догнать Моргана и атаковать его, но у них не доставало провианта и других припасов, что принудило их рассеяться небольшими отрядами на берегу Коста-Рики и наконец различными путями, спустя долгое время и после многих опасностей, удалось им возвратиться на Ямайку.

Морган все еще не думал успокоиться, и как ни подло поступил с товарищами, был уверен, что и впредь найдет помощников. Он возымел мысль переселить значительное число народа на остров Св. Екатерины, сильно укрепить его и превратить в место жительства всех флибустье-

ров. Уже приступили было к исполнению этого плана, когда в Ямайку прибыл английский линейный корабль, которого депеши ужаснули флибустьеров. Губернатор колонии был вызван в Англию, чтобы дать отчет за покровительство кроважам злодеям. На корабле прибыл и новый губернатор, который тотчас объявил во всех портах острова, что английский король намерен жить в мире с испанским монархом и его подданными в Америке, причем строжайше приказывал: не позволять ни одному флибустьеру оставлять Ямайку для нападения на испанские владения.

Английские пираты, бывшие в море, боялись возвратиться, опасаясь, что при таком расположении умов у них, пожалуй, отнимут добычу, и были принуждены отправиться на французский остров Тортугу, этот давнишний притон флибустьеров, единственный, оставшийся им в вестиндских морях. Тогда Морган оставил свои планы и более не выступал на поприще разбоев. Он жил в бездействии спокойно в Ямайке, достиг почетнейших мест на острове и наслаждался своими богатствами.

* * *

Прошло десять лет со времени сожжения Панама Морганом. Но это несчастье было во многих отношениях даже благотельно для жителей, обширная торговля которых вскоре вознаградила понесенные потери. Город выстроили снова, но четырьмя милями далее к западу. Здесь местоположение было удобнее, гавань лучше и больше пресной воды, потому что город был возобновлен при устье реки Рио-Гранде, впадающей в Южный океан и весьма важной для судоходства. Новый город был выстроен в обширнейших размерах и лучше укреплен. Вместо прежних деревянных домов почти все были теперь каменные и большей частью в несколько этажей. Постройка 8 церквей также далеко продвинулась вперед и замедлялось только обширностью плана. Город простирался в длину на полторы, в ширину на одну английскую милю. Между тем, много бедных людей жили еще в развалинах старого города, в котором уцелела и соборная церковь.

Печатается по изданию:

И. В. Архенгольц, История морских разбойников. СПб., 1909.

Ф. МАРШАЛЛ, Д. КРЕЙН

БОЛИВАР

Часть первая

ОРЕЛ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Глава I

ДЕТСТВО В КАРАКАСЕ

Имя Симон принесет ему славу

В главном городе Венесуэлы — Каракасе, в укромном уголке мощного патио жарким июльским утром играли трое детей. Солнце, показавшись из-за выступа крыши, залило этот уголок знойным блеском. Детям велели никуда отсюда не уходить. Мария-Антония, с завистью поглядывая на прохладную тень возле самого дома и бросая тревожные взгляды на верхние окна, в то же время зорко следила за младшей сестренкой Хуаной и братишкой Хуаном-Висенте, упрямым карапузом: так ей наказывала Ипполита, и шестилетняя Мария-Антония, по праву старшей, не преминула воспользоваться предоставленными ей полномочиями.

Однако все это казалось весьма таинственным. Никогда еще их не вводили в этот уголок; никогда еще не было так тихо в огромном доме. Но дети не огорчились: их няня Ипполита, рыхлая негрятанка, обещала, что если они не будут шалить, если они будут умниками, то они приготовит им сюрприз и покажет еще до послеобеденного сна. Хуан, сидя на коленях у Марии, забавлялся блестящими четками, которые Хуана достала ему из красной коробочки. Он с восторгом надевал их себе то на шею, то на руку, точно это было бриллиантовое кольцо, или кольцо, или браслет. Бусинки то и дело падали и катились: Хуан сползал с колен и подбирал их.

Теперь солнце освещало уже все крыши Каракаса; деревянные двери, раскрашенные в яркие цвета, открывались настежь. По узким кри-вым улицам брели бедно и грязно одетые индейцы, креолы, метисы и негры: лишь при закате солнца, когда тени станут длиннее, облекутся они в свои пестрые одежды, наденут блестящие козловые башмаки и широкие панамы. Обычно днем эти люди работали, но в такую жару всякая работа прекращалась.

В патио доносился глухой топот босых ног, погружавшихся в густую белую пыль. Видеть прохожих дети не могли: дом семейства Боливар, как и все аристократические дома в Каракасе, смыкался кольцом вокруг патио. Его зарешеченные окна, выходящие на улицу, были задернуты шторами, другие окна выходили в патио, а парадную железную дверь с затейливыми украшениями постоянно держали на запоре. Таким образом достигалась полная обособленность семейного круга от внешнего мира. В бедняки жили в предместьях, в одноэтажных, побеленных известью домишках с низкими потолками. Черепичную крышу заменял им пальмовый лист, на котором сушили белье и, на деревянных подносах, фрукты, — все это придавало хижинам более живописный и веселый вид. На затворках, куда плыл пропитанный пряностями кухонный чад, в грязи и пыли возилась детвора. Дети боливара такой свободой не пользовались.

Было восемь часов, а Мария уже истощила всю свою изобретательность, придумывая разные игры с четками. День еще только-только занимался, еще в этой уголке не было солнца, когда Иполита привела их сюда. Утреннюю тишину нарушало лишь жужжанье мошек над бассейном да легкие и какие-то необычные шорохи, долетавшие из дома. Мария не вытерпела. Она взяла Хуана за руку, прошептала что-то на ухо сестренке и побежала к окну. Поднялась на цыпочки и заглянула в комнату, а в это время маленькая Хуана старалась как можно выше подпрыгнуть и рассмотреть, что там делается.

Внезапно послышался тонкий, пронзительный крик. Дети в испуге бросились от окна в свой солнечный уголок и прижались друг к другу. Хуана заплакала, но сейчас же смолкла: в доме началась беготня. Вдруг дверь с шумом распахнулась, и на пороге появилась Иполита. Лицо у нее было потное от волнения, но глаза сияли радостью, а губы расплылись в улыбке. Одной рукой она помахала детям, приглашая их войти, а другой погрозила, чтобы они не вздумали шуметь.

Мария и Хуана медленно подошли к Иполите и, взяв ее за руки, на цыпочках вошли в дом. Хуан не захотел войти первым, но, оставшись один, вдруг испуганно припустился за ними на своих неуклюжих ножонках. Он вскарабкался по недавно мытым ступенькам, сделал последнее отчаянное усилие и ухватился за нянину юбку. В зале царил полу-

мрак, — Хуану показалось, что предки лукаво поглядывают на него с портретов, и он еще тесней прижался к няне. Иполита осторожно отворила дверь в комнату матери, и тут снова кто-то невидимый, лежавший на кровати, закричал, — только еще ужасней, еще пронзительней.

Спальня доньи Марии была обставлена скромно, но изящно. Здесь стояли старинные низкие стулья — их обивка, когда-то яркая, с годами поблекла; стены украшала панель вышиной в три фута, с мозаичными орнаментами. В этой комнате было еще больше потемневших от времени портретов, а из ниши, над самой кроватью, улыбалась своей неизменной улыбкой богородица.

Когда дети подошли к кровати, их юная мать ласково улыбнулась им и откинула одеяльце. Под ним оказался виновник утренней суматохи, и Мария, Хуана и Хуан-Висенте с опаской, и с радостью в то же время, взглянули на своего нового брата, о котором им уже успела шепнуть Иполита. По-видимому, они ему не понравились, потому что он, отвернув красное личико, опять залился плачем. Иполита выпроводила детей из комнаты и, притворив за ними дверь, покачала головой.

— Трудно с ним придется, — сказала она важно, — только, господи благослови, появился на свет, а уж командует.

Итак, утром 29 июля 1783 года, у доня Хуана-Висенте Боливар, богатого и знатного сеньора, родился второй сын. В тот же день зашла речь о том, как его назвать. Отцу хотелось назвать его Сантьяго, в честь святого — покровителя Испании и города Каракаса; донья Мария, склонившись над черной головкой новорожденного, выразила свое согласие. Но священник, который должен был крестить ребенка, запротестовал.

— Нет, — сказал он, — его нужно назвать Симоном, по имени первого боливара, приехавшего в эти края. Имя Симон принесет ему славу. Народ израильский был освобожден Симоном Маккавейским, и, кто знает, может быть, и ему предстоит совершить славные дела. Может быть, он принесет большую пользу своей отчизне.

Тон у священника был торжественный. Отец и мать невольно рассмеялись. И все-таки второй сын Боливар получил при крещении имя Симона Хосе-Антонио де Сантисима Тринидад. Разумеется, дома его звали просто Симон, а затем для всех он стал Симон Боливар.

Брат и сестры охотно возились с ним, когда он еще только ползал. Потом он незаметно научился ходить и бегать. И вскоре он уже, верхом на палке, мчался вместе с Хуаном по двору, совершая чудеса храбрости и приводя в ужас взрослых. Сестры в это время прыгали через веревочку, и, перебив все вражеское войско, мальчики присоединялись к ним. Только благодаря своевременному вмешательству Иполиты подобные игры оканчивались благополучно.

Симон рос бледным, худым и нервным ребенком. Он был непохож на брата и сестер; волосы у него были темно-каштановые, вьющиеся, а глаза черные, блестящие. Его врожденная непоседливость и любознательность с оттенком лукавства заставляли взрослых вечно быть начеку. Кроме отца, чье слово в семье было законом, он слушался только свою старую няню. Больше всего он любил играть в солдатики, которых ему подарил дядя Эстебан. Он расставлял их шеренгами и звонким голосом подавал команду, но они не проявляли той покорности, какой отличались в совместных играх его старший брат и сестры, и не хотели маршировать. Это приводило его в ярость. Настанет время — и целые армии двинутся за ним по первому его знаку. Но пока он с плачем бежал к Ипполите. Ее объяснения не удовлетворяли его, и он ломал солдатиков, чтобы посмотреть, почему они не ходят. Потом опять бежал к няне и с самым серьезным видом заявлял: «Ипполита, им нужно то самое лекарство, которое дают мне, когда я не слушаюсь».

Дети Боливар боялись темноты. Когда солнечный свет превращался в золотую пыльцу и первые мягкие звуки гитары возвещали закат, дети, боясь, что их рано уложат, подбегали к Ипполите и просили рассказать сказку. Звонили колокола, призывая на молитву, а дети, усевшись вокруг няни, слушали страшные истории про морских разбойников, в мгновение ока глотавших живьем непослушных детей. Начинало смеркаться, и наши храбрецы наперебой давали обещания, что завтра они будут вести себя лучше. Тогда, улыбаясь про себя, старая няня вела их к родителям, чтобы те послушали, как они молятся, а затем укладывала. Дети засыпали, а Ипполита долго еще шептала над ними непонятные слова и заботливо укрывала их.

Так прошли первые годы детства — счастливые годы! Едва Симону исполнилось три года, случилось то, что сразу нарушило течение жизни всей семьи Боливар: умер отец. Донья Мария, не имевшая никакого влияния на младшего сына, решила взять учителя, и, к неудовольствию детей, началось ученье. За короткий срок все лучшие учителя Каракаса перебивали в доме Боливар, и ни один из них не сумел сладить с Симон. Наконец появился некий дон Мигель. Он живо прибрал к рукам Хуана, а Симон продолжал выкидывать всевозможные фокусы, — только дон Мигель с его изумительным терпением мог долгое время выносить его шалости. Симон не желал учиться. Он предпочитал купаться в реке, пока Ипполита следила за ним с берега. Еще веселей было ездить верхом с Ипполитой: именно ей он обязан тем, что так рано постиг искусство верховой езды. Она ехала обычно на сером ослике, который покорно брел, полузакрыв глаза, а мальчуган гарцевал вокруг нее на коне, поднимая облака пыли. Ипполита не обращала на это внимания. По прав-

де сказать, она каждый раз подкупала чем-нибудь конюха, чтобы тот дал мальчику лошадь. Она позволяла Симону самому править и ездить рысью. Иной раз он падал прямо на изгородь, а не то летел со всего маху в канаву, но в конце концов достиг того, что лошадь стала его слушаться.

Дон Мигель, конечно, запретил бы ему ездить на такой норовистой и нервной лошади. Он разрешал ему кататься на осле: так он был спокоен, что Симон далеко от него не уедет. Однажды дон Мигель со своим воспитанником по гладкому, торной дороге в окрестностях города. Симон, сидя на буром осле, по-видимому, разделявшем неудовольствие своего хозяина, вдруг заметил мальчишек, которые лезли на дерево за птичьим гнездом, и погнался к краю дороги. Осел, не долго думая, сбросил его. Симон ушибся, поцарапался и разбил до крови нос. Ему стоило больших усилий сдерживать свое бешенство, осел же имел равнодушный и, пожалуй, даже довольный вид. Дон Мигель начал выговаривать Симону:

— Пенять не на кого. Сам виноват: до сих пор не научился ездить верхом.

— Как же вы хотите, чтобы я выучился, когда мне подают старого осла, который даже лук возить не годится? — с досадой ответил Симон, все еще не вылезая из канавы.

В буром осле заговорило оскорбленное достоинство, и он рысцей затрусил к дому, так что дону Мигелю пришлось потесниться и посадить Симона на свою лошадь.

Упрямство мальчика, с годами превратившееся в настойчивость, проявлялось всякий раз, когда учитель пробовал приучить его к дисциплине. Однажды, сидя за обедом у него в доме, Симон так часто вмешивался в разговор взрослых, что дон Мигель, наконец, не выдержал и строго-настрого запретил ему раскрывать рот, пока все не выйдут из-за стола. Мальчик после этого смолк, но перестал есть.

— Симон, почему ты не ешь? — сердито спросил дон Мигель.

— Вы же сами не велели мне раскрывать рот, пока не кончится обед, — возразил мальчик, и дон Мигель ничего не мог с ним поделать: Симон так и не раскрыл рта.

Симону было тогда семь лет. Дон Мигель, постаревший за время своих занятий с Симон, в конце концов, в виду полной их бесполезности, вынужден был уйти.

Донья Мария надумала переехать в свое имение, в Сан-Матео. Здесь ей пришлось отказаться от той затворнической жизни, какую она вела в городе. У нее было много земли, которую возделывали рабы. Донья Мария ежедневно объезжало ранчо и маленькие хутора, разбросанные по ее обширному владению. Мальчики принимали участие только в полевых работах. В деревне можно было, не чувствуя над собой докучливого надзора

учителей и наставников, ездить верхом и купаться в реке. Девочки несли дежурство по дому: каждой полагалось отдежурить месяц. Проснувшись в пять утра, они звали слуг, и те будили остальных членов семьи. После молитвы в домашней часовне все шли завтракать, и начинался день.

Девочки купались в широком пруду, под сенью старого, полузасохшего апельсинового дерева. Несколько раз в день вся семья пила холодное молоко: его приносили в огромных кувшинах прямо из погреба. До обеда девочки выходили немного погулять, читали молитвенник, потом занимались починкой или штопкой белья. Словом, течение жизни в Сан-Матео своей размеренностью напоминало ход часовой стрелки.

Вечером, когда звонили к «Ангелусу», в громадном коридоре собрались рабы, чтобы получить благословение. Иной раз кто-нибудь из них испрашивал позволения отпраздновать свадьбу или добивался согласия одного из членов семьи Боливар быть крестным отцом и матерью новорожденного. Просили лекарств, просили рассудить их, если между ними возникали споры. Разбирал жалобы управляющий. Хуан-Висенте и Симон обычно присутствовали при этом. Рабы особенно любили Симона: он часто к ним ходил, заступался за них перед управляющим. Они называли его «наш господин», «дорогой наш хозяин» и были полны к нему уважения и благодарности.

Прежде чем разойтись по своим лачужкам, рабы усаживались кружком на заднем дворе, под темным небом, на котором, по мере того как сгущался мрак, все чаще с тревожным блеском вспыхивали звезды. Рабы слушали рассказы Ипполиты. Симон всегда сидел возле нее: страсть часам весь дом погружался во тьму и всюду водворялась тишина.

Семья Боливар прожила в Сан-Матео два года. Когда Симону исполнилось восемь лет, мать подарила ему белого коня. Этот конь был его самой большой радостью и гордостью; на нем Симон сопровождал мать во время ее поездок по имению. Ему нравилось проводить целый день на свежем воздухе, и он решил, что когда вырастет, то станет сельским хозяином.

Донья Мария не отличалась крепким здоровьем. Потеря мужа, заботы о детях и множество хозяйственных дел подточили ее и без того хрупкий организм. Легкая простуда быстро перешла в чахотку. Спасаясь от невыносимой жары, стоявшей в Сан-Матео, донья Мария собралась однажды в Каракас. На ней было ее обычное черное платье, — она дала обещание до самой смерти носить по мужу траур. Дети, выйдя на дорогу, махали ей вслед рукой. Скоро облако пыли скрыло ее от них. Больше они ее не видели. В Каракасе ей сделалось хуже, и в начале июля 1792 года, в Петров день, донья Мария скончалась. Печально и пусто стало в огромном доме. Дети уныло бродили по комнатам.

Им предстояла разлука. Симона через некоторое время взял к себе его дядя по матери дон Карлос Паласьос, Хуан-Висенте и сестры пере-

брались к другим родственникам. Хуан должен был вскоре вернуться в Сан-Матео. Он был уже достаточно велик и мог вести дела в имении. Сестрам пора было выходить замуж. Оставался Симон. В надежде снять с себя ответственность за его воспитание, дядя подыскал ему учителя. Дон Карлос был человек беспечный; пригласив учителя, он уже мало интересовался тем, как идут занятия и достаточно ли прилежен его воспитанник.

Новый учитель, Симон Родригес, был еще совсем молод; жители Каракаса считали его чудачком, испанские власти — подозрительным. Он сразу возымел большое влияние на Симона, и тот на всю жизнь запомнил его уроки. Родригес ни с кем не говорил о себе, и даже Симону, который стал его неразлучным другом и товарищем, рассказал свою историю лишь много спустя. Симон, как и все, находил его странным. Родригес весьма небрежно одевался, носил невероятных размеров башмаки, фанатически любил природу и постоянно читал Руссо. На уроках, попеременно с беседами о философии и политике, в которые он вкладывал всю свою ненависть к испанцам и их правительству, Родригес старался преподать своему ученику начальные сведения из арифметики, истории, латыни и новых языков. Дяде Карлосу он сообщил, что Симон обладает хорошей памятью и быстро соображает, что натура у него пылка и широкая, но что он легко раздражается, когда ему противоречат дон Карлос остался доволен. Он ни разу не задумался на том, что заставило Симона так привязаться к этому суровому на вид, грубоватому в разговоре и неряшливо одетому человеку: он считал, что раз мальчик находится под чьим-то присмотром, то он вправе не вмешиваться в его жизнь.

Родригес служил в департаменте народного просвещения. Это был мечтатель, стремившийся постигнуть законы житейской науки путем наблюдения над людьми и природой. Симон сделался его последователем. Родригес не скрывал от него своих политических убеждений, а Симон, в восторге от разговоров с ним, охотно сообщал их содержание гостям дяди Карлоса.

Беседы учителя с учеником достигли ушей правительства. Однажды Родригес не явился в обычное время. Симон подождал немного и отправился на поиски. В департаменте ему сказали, что Родригес выехал за границу. В дальнейших объяснениях ему было отказано. Тогда он принялся расспрашивать каждого встречного и в конце концов добился истины от одного испанского солдата. Тот рассказал ему, что правительство арестовало группу лиц, подготовлявших восстание против испанского короля, и что одним из главарей заговора был Родригес. «Эти люди могли много навредить, — добавил солдат, — да, спасибо, правительство вовремя раскрыло заговор». Солдат сказал еще, что план восстания был

очень умно составлен и что если бы удалось привести его в исполнение, то вице-король был бы свергнут.

Симон был поражен и взволнован. Он был знаком с идеями своего учителя, но никогда не думал об их практическом приложении. Значит, этот человек, с которым он беседовал, давал ему уроки, оказался одним из вождей настоящей революции! Все это было чудесно, и Симон гордился Родригесом, но он предпочел бы, чтобы заговор не был раскрыт. Ему очень не хватало Родригеса. Мятежный ум учителя задевал чувствительные струны его сердца и воспламенял его воображение. Какие бы вопросы ни возникали в его юном сознании, он всегда обращался к Родригесу.

Теперь вместе Родригеса появился новый учитель, Андрес Бельо: и по возрасту и по поведению он казался немногим старше своего ученика. Арифметику сменили гимнастические упражнения, латынь была забыта, классная комната пустовала: занятия происходили на воздухе. Хуан-Висенте уже вступил во владение Сан-Матео, и Симон с новым учителем проводили там большую часть времени. Дядя Карлос, поняв, что из такого ученья проку не будет, решил направить Симона по стопам его предков. Симону надо ехать учиться в Испанию. Там это дело поставлено хорошо; к тому же, оттуда приехал в Венесуэлу первый Боливар, фамилия которого, кстати сказать, писалась тогда *Болибар*. Этот блудный сын знатных родителей отправился в Южное полушарие с гораздо более скромной целью, чем та, которую ставил перед собой достоправные конкистадоры. Покинув родовой замок, возвышавшийся на одном из древних холмов Испании, он прибыл в Южную Америку с пером писца. Некоторое время он занимался тем, что составлял по просьбе жителей прошения и писал им письма.

Однако, обосновавшись в Сан-Доминго, этот первый Боливар, заменивший в своей фамилии букву «б» буквой «в», быстро занял солидное положение: он сделался секретарем королевской судебной палаты. Туземцы приходили к нему с жалобами, и секретарь постепенно проникся симпатией к этим беднякам, роптавшим на повинности, которыми их обременяло правительство метрополии. Он тоже находил это несправедливым и не раз вступался за них. Но и ему пришлось разделить их участь. Как-то раз он, за отсутствием денег, не уплатил налога, который с него взимали как с постоянного жителя испанской колонии. Правительство не посчиталось ни с его возрастом, ни с положением, ни с тем, что он верой и правдой служил королю, постаралось забыть, что когда-то он построил на свой счет фрегат и участвовал на нем в бою против врагов короля, а однажды даже сражался на глазах у его величества, — все это предали забвению, и Боливар был посажен в тюрьму. Выпустили его, когда было уже поздно: старик сошел с ума.

Сын этого первого Боливара по смерти отца решил было пойти в священники, но раздумал и поступил на военную службу, а затем приобрел земельный участок; налоги он всегда платил аккуратно. Другая ветвь рода Боливар приобрела медные рудники близ Пуэрто-Кабельо.

Отец Симона, дон Хуан-Висенте, унаследовал от предков накопленные ими богатства и их положение в обществе. Он родился в Каракасе, в 1726 году, как раз когда его родители разбогатели.

Во времена его детства недалеко от Каракаса произошла рукопашная схватка между студентами местного учебного заведения и властями. Причиной бунта послужил официальный запрет, наложенный на ввоз литературы в Южную Америку. Зачинщиками были два профессора. После их смерти пламя мятежа погасло. Король издал указ, воспрепятствовавший всем креолам и тем испанцам, которые переехали сюда на постоянное местожительство, занимать должности в государственных учреждениях.

Дон Хуан, получив образование в Мадриде, занял высокий пост в венесуэльском казначействе, но он был другом вице-короля, так что этот указ к нему не относился. Кроме того, он имел чин полковника, перешедший к нему по наследству от отца, и числился на службе в каракасском ополчении. Большой любитель военного искусства, дон Хуан подобрал себе специальную библиотеку: у него можно было найти такие книги, которые далеко не все граждане имели право держать у себя. Женился он на донье Марии, когда ей было всего пятнадцать лет. Она принадлежала к знатному роду Сохо. Воспитывали ее, как и всех ее сверстниц, в религиозном духе. Доброта и ласковость являлись приметными свойствами ее характера. Церковь в Сан-Матео получила от нее в дар тот самый колокол, что много лет спустя радостным звоном встретит ее младшего сына, когда он после жаркого сражения с победой возвратится домой.

Итак, род Боливар исстари отличался знатностью, богатством и любовью к наукам. Старший сын дон Хуана вступил во владение отцовским поместьем, младший намеревался закончить образование за границей, что также соответствовало семейным традициям. Когда дядя Карлос позвал его к себе и сказал: «Ну, мальчик, я хочу отправить тебя в Мадрид, тебе надо закончить образование», — Симон сразу почувствовал себя взрослым и очень обрадовался. Не то, чтобы в нем заговорило стремление расширить свой умственный кругозор, — нет, путешествие в чужую неведомую страну должно было утолить его затаенную страсть к приключениям.

Глава II

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕВРОПУ

Моя родина не хочет испанского короля

Симон, сопровождаемый напутствиями семьи, отправился верхом на осе в гавань Ла-Гуайру, расположенную в девяти милях от Каракаса. Путешествие не было особенно приятным ни для осла, ни для всадника. Сейчас же за городом начались горы высотой в шесть тысяч футов, и Симону пришлось забыть свою давнюю антипатию к ослиной породе. Подъем был тяжел и опасен. Между Каракасом и гаванью, образуя естественную стену, высится скала под названием Седло. Подъем на нее со стороны Каракаса так же крут, как и спуск к Ла-Гуайре, зажатой между этой скалой и вечно грозящим ей морем. По прямой линии от города до гавани всего шесть миль, по той дороге, которую выбрал Симон, — девять, а в наше время, если ехать поездом по узкой извилистой трассе, то наберутся и все двадцать четыре. Симон достиг вершины и, обернувшись, взглянул на свой родной город, сверкающий и искрящийся, как драгоценный камень, в Арагуайской долине. Но тоски по родине он не ощутил: слишком заманчив был путь.

Симон выехал из Каракаса рано, по холодку. Улицы были еще полны народа. Туземцы в живописных одеждах, кое-как спитых из разноцветных тряпок, сидели возле своих хижин, а кто и прямо на мостовой. Всю дорогу, то и дело подсакивая в седле и качаясь из стороны в сторону, Симон думал о народе, населяющем его страну, и вспоминал слова Родригеса.

В былые времена испанские конкистадоры истребляли беззащитных индейцев. Все эти Кортесы, Кесада, Писарро и Беналькасары, которых привлекали в Южную Америку ее богатства, пощады не знали. С европейского континента они везли с собой целые орды всякого сброда, и этот сброд врвался в города, расположенные по берегам рек, растекался по бескрайним зеленым пампам и проникал в горы, таившие в себе богатейшие залежи. Так Испания приобрела новые колонии, в том числе Мексику, Новую Гранаду, Перу, Чили, Венесуэлу и Буэнос-Айрес. Завоеванные области оказались вдвое больше всей территории Испании.

Главным представителем короля в испанских колониях являлся вице-король. Однако подведомственные ему владения были столь обширны,

что он при веем желании не мог проводить в жизнь королевские законы и указы. Пути сообщения были примитивны. Связь осуществлялась через посредство гонцов, передававших один другому письменные распоряжения. Многие из тех, кого назначали вице-королем в колонии, рассматривали это как временное изгнание и заботились лишь о том, чтобы компенсировать себя за счет местных богатств, причем формой компенсации обычно не стеснялись. В индейцах видели только машины, годные для добывания столь возжеланного золота. Испанцы не замечали или, верней, не желали замечать, что для индейцев, привыкших работать на воздухе, труд на золотых рудниках влечет за собой болезни и смерть. Наконец им все же пришлось обратить на это внимание, и тогда, дабы восполнить убыль вымирающего индейского населения, был разрешен ввоз рабов-негров. Это привело к тому, что кровь испанцев, индейцев и негров смешалась. Чистокровные испанцы сразу отмежевались от метисов. Но и среди испанцев также возникли трения: тех, кто переехал в Южную Америку с семьями и прочно обосновался на новом месте, их соотечественники, приезжавшие сюда ради легкой наживы, а затем возвращавшиеся в Испанию, чтобы начать жить в свое удовольствие, презрительно называли *креолами*. Эти заезжие испанцы очень скоро начали помыкать местными жителями; косо посматривал на них и король. Кто предпочел Южную Америку Испании, тот уже не мог считаться впредь настоящим испанцем. Прозвище *креол* привилось: семью Боливар тоже наградили этим эпитетом. Король строго следил за тем, чтобы креолы исправно платили налоги, и все более ограничивал их участие в управлении колониями. Вполне естественно, что когда гордившихся своей родовитостью испанцев заставили пойти на поклон к их соотечественникам, не имевшим перед ними никаких преимуществ, то они воспылали ненавистью к этим выскочкам — ненавистью, переходившей от отцов к детям, ненавистью, которая стала традицией. За три столетия в сердце каждого креола накопилось слишком много горечи. И эта горечь, эта исконная, застарелая злоба рано или поздно должна была вырваться наружу и сбросить те оковы, которые наложила на свои колонии испанская империя.

Но время для этого еще не настало. Симон Боливар, креол в глазах уроженцев Мадрида, еще не подвергался оскорблениям со стороны менее знатных испанцев. Свободу креола Боливара еще никто не стеснял, но еще не чувствовал себя изгоем, как многие другие креолы. Он еще не задумывался над тем, что его ожидает по приезде из Испании. Его нисколько не трогало то обстоятельство, что из семисот пятидесяти государственных должностей, учрежденных в Южной Америке, креолы занимали не более восемнадцати. Креолы еще находились в состоянии апатии. Воль-

нолюбивый дух дремал в них. Они ждали появления вождя, который пробудил бы их и спрыснул живой водой.

Откровенно говоря, в том юноше, что ласково поглаживал бока кроткому ослику и, наклонившись к его настороженным ушам, подбадривал его, пока еще не было заметно особого желания повернуть колесо своей личной судьбы и изменить условия существования своих соотечественников.

Тропический климат Южной Америки оказывает свое действие на детей: четырнадцати-пятнадцати лет они уже становятся взрослыми. Симон Боливар уезжал из Венесуэлы в чине лейтенанта королевской армии. Блестящая новая форма была ему немного широка в плечах, но когда он делал глубокий вдох, казалось, что мундир ему как раз впору. Над верхней губой у него пробивались задорные усыки.

Наконец Симон добрался до Ла-Гуайры. Усталый, измученный, он, в последний раз похлопав ослика по крупу, сел на испанское судно «Сан-Идельфонсо», которое должно было перенести его в иную, полную опасность жизнь. Солнце уже зашло и над Карибским морем догорали последние кроваво-красные полосы заката, когда корабль медленно, осторожно вышел из гавани, держа курс на Веракрус — в то время главный порт Мексики. Там ожидалась погрузка золота, на которую рассчитывали потратить три дня. В Веракрусе Симон, приготовив рекомендательные письма, сошел на сушу и быстро зашагал по улице.

Вице-король, управлявший мексиканской провинцией, зазвал его к себе. Сюда редко кто приезжал, а имя Боливар благодаря высокому положению и богатству членов этой семьи пользовалось известностью. Симон, вступив в разговор с посетителями, собравшимися в приемной у вице-короля, поразил всех смелостью своих суждений и тем, как он разбирался в политике. На самом деле он просто повторял слова Родригеса. В первый раз с ним говорили и слушали его как взрослого. Он был польщен, заметив, что произвел впечатление на собеседников.

Вице-король, одарив Симона благосклонной улыбкой, в хвалебном тоне заговорил о короле Испании Карле, о его доброте и мудрости и беспредельной любви к нему «туземных» южноамериканцев.

То ли слово «туземные» задело самолюбие Симона, то ли снисходительная улыбка хозяина, а может быть, ему стало досадно, что внимание слушателей устремилось теперь на вице-короля, но только Симон вскочил, его черные глаза засверкали, и он произнес неслышанно дерзкую тираду:

— Сеньор, моя страна не хочет испанского короля. Как раз наоборот, сеньор: она желает быть свободной!

В голосе Симона звучала та же вера, с какой он когда-то слушал Родригеса. Он действительно верил в то, что говорил. После минутного молчания с ним вежливо распрощались, предложив вернуться на судно.

Симон побывал и в других мексиканских городах: Пуэбле и Халапе, а также в столице Кубы — Гаване. Затем начался мучительный путь через океан.

Дон Карлос Паласьос поручил племянника заботам капитана. И когда судно, пройдя Бискайский залив, вошло в гавань Сантонья, то оба, и капитан и Симон, ступив на сушу, почувствовали большое облегчение. Из гавани Симон отправился в Мадрид — сперва в экипаже, потом в дилижансе. В Мадриде он остановился у другого своего дяди по матери, старого холостяка, дона Эстебана Паласьоса, который потом, вероятно, проклял тот день, когда оказал гостеприимство племяннику.

Всех братьев Паласьос было девять, и все они, за исключением Карлоса и Педро, живших в Венесуэле, были близки к веселому и развратному двору Карла IV.

Симон вступил в новую жизнь со всем пылом и увлечением молодости. Было решено, что он, оставаясь в армии, возобновит свои занятия. Но очень скоро дядя убедился, что, кроме ученья на плацу, игр и амурных дел, мало что интересует этого легкомысленного «иностранца». Все приготовления к занятиям были прерваны, как скоро стало известно, что юный креол из Южной Америки будет представлен ко двору Карла IV, милостью божьей короля и императора Испании.

Глава III

ТОВАРИЩ ИГР НАСЛЕДНОГО ПРИНЦА

Я убью первого солдата, который посмеет ко мне прикоснуться

Симон приехал в Испанию в 1799 году. Вращаясь в придворных кругах, он легко мог догадаться, почему Южная Америка платит Испании такие огромные налоги. Жизнь мадридского двора отличалась роскошью и причудами. Симон приобщился к ней благодаря дружбе с доном Мануэлем Мальо, человеком значительно старше его, старинным приятелем дяди Эстебана. Мальо родился в Новой Гранаде, но его считали настоящим испанцем. Он и Мануэль Годой были фаворитами. Великолепный особняк Мальо превратился в вертеп для паразитов, присосавшихся к семье короля. Мальо не способен был внушить уважение даже семнадцатилетнему юноше. Он ловил часы наслаждений и пользовался особым покровительством королевы — очаровательной и легкомысленной Марии-Луизы, осыпавшей его щедротами.

Симона приглашали играть в волан с наследным принцем, будущим испанским королем Фердинандом VII. Юный венесуэлец с его заносчи-

вым и властным характером, конечно, не мог понравиться принцу. Как-то раз, в Аранхуэсе, куда король с семьей приезжал развлекаться, Симон во время игры запустил мячом в Фердинанда, может быть, и нечаянно, но с такой силой и так метко, что угодил наследнику престола прямо в лицо. Взбешенный принц бросился к сетке, и мгновение спустя юноши, сцепившись, уже катались по земле. Понадобилось вмешательство самой королевы, чтобы помирить их. Но — ненадолго. Меньше чем через пять лет Симон даст полную волю своей ненависти к Фердинанду и найдет более эффективный способ для ее выражения.

Частые встречи с Мальо, пышность двора, так непохожая на то, что он привык видеть дома, и напоминавшая волшебный сон, вихрь развлечений, превращавших жизнь в вечный праздник — все это, казалось, могло бы вскружить голову семнадцатилетнему юноше. Но семена, брошенные Родригесом, пали на добрую почву. Пустота этой жизни не укрывалась от Симона, и подобно тому как радуга, если на нее долго смотреть, теряет свою вначале изумляющую красоту, так и придворная жизнь постепенно теряла в его глазах привлекательность. И в первый раз Симон Боливар добровольно взялся за учебу.

Он должен был потратить на это несколько лет. Ему наняли учителей, и он, уединившись от приятелей, которые, пожимая плечами, называли его чудачком и продолжали вести рассеянный образ жизни, погрузился в изучение математики и языков. Дядя стал опасаться за его здоровье: Симон забросил гимнастику и ни с кем не виделся, за исключением учителей и своего друга маркиза де Устарис, известного в то время ученого и литератора. Через него Симон познакомился со своей будущей женой. С маркизом он был вполне откровенен: он говорил с ним о своих идеалах, рассказывал о Родригесе, о его вольнолюбивых мечтах. Так прошел первый год его пребывания в Мадриде.

Чтобы немного отвлечься от напряженных умственных занятий, Симон, по совету дяди, решил возобновить прогулки верхом, но непременно — в одиночестве. Однако, если он сам окончательно забыл своих друзей и знакомых. То по крайней мере один человек его не забыл. То была королева Мария-Луиза. Она не забыла его тесной дружбы с Мальо, который к этому времени вышел у нее из доверия. За Симоном учредили надзор. И вот когда, по прошествии нескольких месяцев, он в первый раз выехал верхом, у Толедских ворот его окружили солдаты личной гвардии Марии-Луизы, Симон на всем скаку осадил лошадь, та взвилась на дыбы, и солдаты расступились.

— Что это значит? — грозно спросил юноша.

— Вы арестованы! — крикнул гвардейский капитан.

— Арестован? Я — арестован?

Капитан кивнул головой, а один из солдат попытался схватить лошадь Симона под уздцы. Круто повернув ее, Симон выхватил из ножен шпагу.

— За что? Что я сделал?

— Вы — иностранец, приехали из колоний, и мы подозреваем, что у вас спрятаны драгоценности. Придется обыскать вас.

Взбешенный этим глупым, оскорбительным ответом, Симон, взмахнув шпагой, крикнул:

— У меня нет никаких драгоценностей, и первого солдата, который посмеет ко мне прикоснуться, я убью на месте.

С этими словами он тронул поводья и двинулся прямо на солдат.

Симон был крайне возбужден и полон негодования. Несправедливость обвинения возмущала его до глубины души. Солдаты, убедившись в искренности его слов, отступили. Капитан пробормотал извинения, и гвардейский отряд удалился.

Симон поехал прямо к Мальо. Около его дома он слез с коня и быстрыми шагами вошел к нему в комнату. Мальо еще спал, но Симон бесцеремонно растолкал его. Вскочив, раздосадованный Мальо увидел перед собой всклокоченного, задыхающегося от гнева Симона. Не дав опомниться своему приятелю, Симон пристал к нему с вопросом: чем вызвана, по его мнению, эта чудовищная несправедливость?

Мальо сонным голосом пробормотал, что королева приказала проверить всех его друзей, нет ли у них каких-то бумаг, которые Симон якобы тайно пересылал кому-то. Затем Мальо повернулся на другой бок и заснул.

Возмущенный всей этой интригой и поведением королевы, которую он привык уважать, Симон вышел, сел на коня и, погрузившись в глубокое раздумье, направился к дому. Впервые он понял, с каким презрением смотрят испанцы на «иностранцев» из Южной Америки.

Дома он рассказал об этом происшествии дяде. Тот был поражен и сейчас же собрался во дворец. Симон, немного успокоившись, стал ждать его возвращения. Наверное, вместе с ним явится гвардейский капитан, — думал он, — и в самых изысканных выражениях извинится за дерзость, которую он позволил себе, задержав лейтенанта Симона Боливара во время его утренней прогулки. Симон сначала будет с ним сух, а потом все-таки простит его.

Наконец вернулся дядя. По его виду совсем нельзя было предположить, что перед ним извинились; напротив, он объявил, что должен немедленно покинуть Мадрид.

Пока он обходил оба этажа, приказывая слугам запирать все двери и ставни, Симон ждал, что дядя хотя бы предложит ему поехать вместе, но тот не проронил ни звука. Было ясно, что гордый он Эстебан, как и его

юный племянник, не мог снести подобного оскорбления, и раз ему не дали никаких объяснений, раз он не добился аудиенции, то благородный кабальеро решил, что единственный способ не уронить своего достоинства — это уехать. И он уехал, даже не простившись с Симоном, которого он считал прямым виновником происшествия, запятнавшего честь семьи.

Симон перебрался к маркизу де Устарис — там его приняли с распростертыми объятьями. Маркиз познакомил его с семьей дон Бернардо дель Торо. Старшая его дочь, Мария-Тереса, с широко раскрытыми глазами слушала рассказы Симона о Южной Америке и о его путешествии через океан; стычка же с королевской гвардией создала ему в глазах девушки ореол героя.

Некоторые говорят, что Мария была старше Симона на три года, другие — что на три года моложе, но в конце концов это не так важно. Как бы то ни было, взаимная страсть двух юных существ росла столь стремительно, что дон Бернардо решил со всей семьей переехать на лето в Бильбао. На Симона это не произвело ни малейшего впечатления: он продолжал верить свою тайну всем, кому только не лень было слушать, и заявлял, что первый раз в жизни пламенно влюблен.

Более того, он проследовал за семейством дель Торо в Бильбао. Вместе с ним отправился и маркиз де Устарис, который отлично понимал, что ласковые уговоры скорей подействуют на самолюбивого и упорного юношу, чем строгий запрет. Что же касается дон Бернардо, то он, относясь к Симону с искренней симпатией, полагал, однако, что ему и Марии рано еще думать о браке. Тем не менее, он предложил маркизу с Симоном жить у него, и роман возобновился.

— Что? — воскликнул однажды дон Бернардо, когда Симон через несколько месяцев, в течение которых он всех ходил вокруг да около, вдруг решился просить у него руки Марии. — Поженить вас с Марией? Да ведь вам, сударь мой, еще и девятнадцати нет! Конечно, когда-нибудь и вам придет пора жениться, а пока подождите: надо хоть немножко подрасти. Лучше постранствуйте по свету, это очень полезно, а вернетесь, тогда сами увидите, сохранилось ли у вас прежнее чувство.

Несмотря на свое упрямство, Симон умел слушаться добрых советов; Устарис торопил его с отъездом, и вскоре он выехал в Париж.

Прибыл он туда в начале 1802 года. В памяти юноши были еще свежи его столкновения с деспотической монархией, а теперь он очутился в том городе, где ярче всего горел факел свободы. Наполеон только вступал на путь славы. Коленопреклоненная Франция старалась угадать малейшее желание этого единственного человека, который способен был управлять ею. Столица ему рукоплескала. Он был сейчас здесь, этот вождь,

которого так ждал французский народ, измученный долгими распрями. В глазах юного путешественника, прибывшего из-за океана, Наполеон был таким же героем, как и в глазах французов.

Пламя войны угасало. На очередь стоял вопрос о государстве. Кто возьмет на себя бремя государственной власти? Конечно, тот, кто пользуется всеобщим признанием. Это должен быть герой. Из генералов никто не обладает талантом Наполеона. Еще менее могут с ним соперничать штатские... Итак, совершив государственный переворот, Наполеон занялся организацией управления страной.

Симон тщательно изучал политическую обстановку. Он сделался убежденным сторонником республиканской формы правления — единственно справедливой, по его мнению. Всенародное избрание Бонапарта пожизненным консулом вызвало в юном Боливаре новый прилив восторженной любви к этому человеку, в котором он впоследствии так горько разочаруется.

Из Парижа Симон часто писал Марии. Разлука, вместо того чтобы охладить пыл влюбленных, произвела обратное действие. В своих письмах Симон разъяснял Марии выработавшийся в Париже Кодекс гражданского права, который в 1808 году получит наименование Кодекса Наполеона, но между строк Мария могла прочесть его страстное желание как можно скорее увидеться с ней.

Кодекс Наполеона в дальнейшем имел огромное влияние на венесуэльцев и на другие народы Южной Америки. Это был революционный кодекс, рожденный в те годы, когда еще жив был дух борьбы с тиранией. Он упразднял потомственное дворянство, возлагал на родителей ответственность за благосостояние детей, давал евреям равные права с христианами, узаконял гражданский брак и его расторжимость. Во Франции он сохранял свою силу до последнего времени, в других государствах он был введен в несколько измененном виде. Так, на глазах у Симона, в стране, еще не вполне оправившейся от потрясений, началась новая эра свободы.

После того как вступил в силу Гражданский кодекс, был основан Французский банк. Во время революции никто не платил налогов, но позднее Боливар узнал, что Наполеон во всей стране учредил налоговые конторы. Мэров назначал сам Наполеон, причем, для того чтобы занять эту должность, надо было иметь личные заслуги. Симон невольно вспомнил Каракас, где государственные должности распределялись по протекции.

Наполеон Бонапарт, знакомя французский народ с новой конституцией, обратился к нему с такими словами:

«Граждане, если иные честолюбцы продолжают еще злопыхательствовать, то скажите им, что кормило власти находится ныне в сильных руках, привыкших преодолевать любые препятствия. Граждане, револю-

ция вернулась к принципам, провозглашенным ею вначале, и цель ее достигнута».

Если бы Симон слушал эту речь, то его голос, несомненно, присоединился бы к тысячам других, приветствовавших маленького генерала, уже ставшего главой государства и готовившегося стать диктатором.

Все же интерес Симона к французской республике был не настолько велик, чтобы из-за этого откладывать свидание с Марией. Он решил, что прошел уже достаточный срок и что теперь он может снова начать решительный разговор с доном Бернардо. На самом же деле он пробыл в отсутствии всего несколько месяцев. Но у Симона был такой обычай: задумано — сделано. Он уложил вещи и с твердым намерением во что бы то ни стало добиться своего выехал в Мадрид. Не успев перекинуться несколькими словами с маркизом де Устарис, который совсем не ждал его так скоро, Симон направился прямо к отцу Марии.

На этот раз у застигнутого врасплох дона Бернардо не нашлось благо-разумных советов для юноши. Старик добродушно усмехнулся, кивнул головой и, положив ему руку на плечо, позвал Марию.

Мария стояла в это время за дверью и с волнением прислушивалась к их разговору. Как только отец произнес ее имя, она вбежала в комнату и бросилась к нему в объятия. Отец крепко прижал ее к себе. На одну секунду Симону показалось, что он передумал. Но дон Бернардо соединил их руки, и жених с невестой уже не слышали тех благословений, которые он над ними шептал.

Глава IV

МАРИЯ-ТЕРЕСА

В жены мне досталась чистейшая жемчужина

Сейчас же начались приготовления к свадьбе. Необходимо было добиться разрешения короля. Симон вспомнил Францию, где подобные нравы отошли в область предания. Он рвал и метал и часто, не стесняясь, говорил о том, что пора освободиться от испанской опеки. Устарис советовал Симону быть осторожнее; когда Мария объявила, что они уедут в Венесуэлу, он облегчено вздохнул. Наконец пришло разрешение короля. Документ был составлен 15 мая министром юстиции Карла IV, доном Хосе Кабальеро. Приводим его полностью:

«Король соизволил удовлетворить просьбу дна Симона де Боливар-и-Паласьос, подпоручика дисциплинарной гвардии Арагуайской долины, что в провинции Венесуэла, ныне пребывающего в Мадриде, и разрешил

вышеупомянутому дону Симону Боливар Паласьос, понеже им выполнены все предписания короля, касающиеся до настоящего дела, и соблюдены все необходимые формальности, и понеже имеется согласие родителей брачующихся, вступить в брак с доньей Марией-Тересой Родригес дель Торо.

При приказу короля имею честь довести до Вашего сведения все вышеизложенное, дабы Вы приняли это к сведению и исполнению. Да сохранит Вас Господь на многие лета.

Кабальеро».

По приезде в Каракас новобрачные должны были предъявить этот документ представителю короля.

В мае 1802 года Симон Боливар, как подобает правоверному католику, обвенчался с Марией-Тересой в церкви.

Итак, девятнадцатилетний юноша получил от жизни все, что он от нее ожидал. Мечтательная нежность доньи Марии пленила его с первого взгляда. «Это было необыкновенно привлекательная и очень развитая девушка с тонкой и чуткой душой», — отозвался о ней один ее знакомый. Здоровье у нее было слабое, но пока еще не внушало опасений. Симон надеялся, что воздух Венесуэлы принесет ей пользу и укрепит ее. Дону Бернардо не хотелось отпускать ее так далеко. Возможно, в нем говорило дурное предчувствие, но так как только он один и возражал против путешествия молодоженов, то они не придавали этому значения и отделились шутками, когда он уговаривал их остаться. Старик вынужден был уступить, и после бесконечных проводов со слезами, объятиями и пожеланиями счастливого пути юная чета отправилась на «родину».

Мария побаивалась предстоящего ей долгого морского путешествия: ведь она раньше никогда не расставалась с отцом и ездила не дальше Бильбао. Но погода выдалась благоприятная, и они доехали прекрасно. По дороге из Ла-Гуайры в Сан-Матео они остановились в Каракасе, где родные Симона устроили им торжественную встречу. Хуан-Висенте переехал на время в Каракас, уступив Сан-Матео новобрачным. И там, на лоне деревенской тишины, быстро протекли первые счастливые месяцы их совместной жизни. Мария любила природу не меньше Симона. Она готова была целые дни проводить на воздухе и наблюдать за полевыми работами. Симон поддерживал традицию рода: он превратился в заправского сельского хозяина, каким мечтал стать в детстве.

Увлеченный своими новыми обязанностями, он ежедневно, пешком или на лошади, производил осмотр плантаций. Это доставляло ему, как в свое время его отцу, большое удовольствие. Однообразие не тяготило его, — напротив, никогда еще не было у него так спокойно и легко на душе.

Он читал книги из отцовской библиотеки, перечитывал «Эмиля» Руссо, которого ему оставил Родригес. Иногда зачитывался до ночи, а Мария в это время спала сладким сном под тонким балдахинном.

Вскоре Симон заметил, что она сильно побледнела, и хотя врач уверял, что это от непривычки к жаре, но юный супруг встревожился. Теперь он часто просиживал всю ночь у ее ложа, заботливо обмахивая ее веером. Немного погодя тревога сменилась страхом: Мария заболела серьезно. У нее оказалась желтая лихорадка — болезнь, распространенная в тропиках, настоящий бич европейцев. Четыре дня, полных тоски и отчаяния, Симон не отходил от Марии и видел, что она тает с каждым мгновением. На пятый день он вдруг почувствовал, что ее хрупкое тело застыло у него на руках. Обезумев от горя, Симон то часами сидел неподвижно, то, в припадке отчаяния, рвал на себе волосы, — слишком резок был переход от счастья к безнадежности, слишком сильно было душевное потрясение. И когда он, убитый, сторбленный, опустив голову, шел за осыпанным цветами гробом Марии, который несли в каракасский собор, где находился фамильный склеп Боливаров, то казалось, что это не девятнадцатилетний юней, а сорокалетний мужчина.

Марию положили рядом с его родителями. Через много лет после смерти Симона на склепе появилась простая надпись:

ПОД СИМ КАМНЕМ ПОКОИТСЯ ПРАХ
ДОНА ВИСЕНТЕ ДЕ БОЛИВАР

И

ДОНЬИ МАРИИ-КОНСЕПЬСОН ПАЛАСЬОС-И-СОХО
ОТЦА И МАТЕРИ ОСВОБОДИТЕЛЯ

И

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ СУПРУГИ ЕГО, ДОНЬИ
МАРИИ-ТЕРЕСЫ РОДРИГЕС ДЕЛЬ ТОРО-И-АЛАЙСА

После смерти Марии Симон долго жил как во сне, охладев ко всему на свете. Сестры ничем не могли его утешить. Хуан-Висенте пытался говорить с ним на разные темы, устраивал совместные прогулки верхом, но все было напрасно. «Жизнь для меня кончена», — повторял юный вдовец, показывая на ожерелье, которое он сам надел Марии в день свадьбы. Обильные слезы текли по его щекам, но он не стыдился их. Он похудел, осунулся, глаза ввалились. Но чем сильнее он страдал, тем больше настойчивость проявляли родные, стараясь развлечь его. Хуан советовал ему поехать в Европу. Мало-помалу Симон начал прислушиваться к его словам; вместо прежнего безучастного выражения на лице его появился проблеск жизни. Дон Бернардо был в Испании. Мария, умирая, просила послать ему кое-какие вещицы. Симон решил передать их ему самолучно. В Европе находился и Родригес: он был занят научными изыс-

каниями и кочевал из страны в страну. Родригес — вот кто мог бы его поддержать! Вскоре после женитьбы Симон писал своему учителю: «В жены мне досталась чистейшая жемчужина», а теперь, делясь с ним планами своего путешествия, признавался: «Я никогда больше не женюсь. Вовек не заполнить мне той пустоты, что образовалась в душе с кончиной Марии; сердце мое погребено вместе с ней». Сдавшись на уговоры семьи, Симон стал собираться в дорогу. Хуан заговорил было с ним о денежных делах, связанных с отцовским наследством, но Симон быстро прекратил разговор, заявив, что отказывается от львиной доли имущества в его пользу и просит оставить ему только на прожитие. Однако Хуан на это не пошел.

И вновь Симон пустился в плаванье. Но он был уже не тот: потух блеск его глаз, изменилась его стремительная походка. И как непохоже было это путешествие через океан на первое! Началась буря, лил дождь, ветер грозил перевернуть утлое суденышко. Запершись в каюте, Симон молил бога послать ему смерть именно здесь, где она никому не причинит хлопот, а ему, после стольких дней безумного ожидания, принесет желанное избавление.

В конце 1803 года он благополучно высадился в Кадисе. Его встретил дон Бернардо, который за это время весь поседел. Печальные, унылые, оба выехали в Мадрид. Дон Бернардо полагал, что Симону захочется как можно дольше побыть в кругу людей, горячо любивших Марию и способных понять и разделить его горе. И в самом деле: прошла пасха, а Симон не проявлял ни малейшего желания трогаться в путь. Возобновив прежние знакомства, он вместе с доном Бернардо делал визиты.

Но Симону все же пришлось покинуть Мадрид. 27 марта 1804 года король издал указ, предлагавший всем креолам, жителям колоний и эмигрантам выехать из столицы. Никакие ходатайства в данном случае не могли помочь Симону. Снова он оказался жертвой произвола и тирании. Когда высылаемые — а таких насчитывались сотни — пожелали узнать, чем вызвана эта мера, им ответили: «Недостатком продуктов».

Вместе с другими богатыми и знатными изгнанниками Симон выехал из Мадрида и опять очутился в Париже в изысканнейшем обществе.

Здесь он сразу обратил на себя внимание, чему немало способствовала его незаурядная внешность. Симон был среднего роста, статен и худощав; густые курчавые волосы, пушистые усы и вьющаяся борода оттеняли худобу и бледность его остроносого лица; из-под темных, всегда нахмуренных бровей, отчего весь лоб его был изборожден ранними морщинами, сверкали черные, горящие глаза, избличавшие пылкий нрав юноши.

В Париже у него было много друзей и знакомых. Он сделался частым гостем своей кухни, Фанни-Луизы Дервье дю Виллар, чей салон,

один из известнейших в то время, посещали литераторы, артисты, политические деятели и молодые люди, искавшие протекции. Здесь Симон познакомился с такими знаменитостями, как мадам де Сталь, пользовавшаяся огромным влиянием в политических кругах, прославленный полководец Удино, участник многих войн, Евгений Богарне¹, сверстник Симона, Тальма² и Шатобриан, только что выпустивший своего «Рене». Бывали там и крупные ученые Гумбольдт и Бонплан. Эти люди вызывали в Симоне живейший интерес. В свою очередь и они им заинтересовались.

Кухина Фанни любила пошутить над его мрачностью. В один из ее журфиксов она обратилась к Евгению Богарне:

— Евгений, как по-вашему, на какую птицу или зверя похож Симон?

Симон, прохаживаясь в другом конце залы, неожиданно остановился возле одной картины; подойдя к ней вплотную, он сделал вид, что весь ушел в ее созерцание, а сам насторожился. Но разговор, разумеется, велся по-французски, и он ничего не понял.

— По-моему, он похож на нахохленного воробья, — вполголоса, но достаточно отчетливо ответил Богарне.

Воробей по-французски «муану», а Симону ясно послышалось «муно», что значит по-испански обезьяна.

Только что перед этим Фанни донимала Симона насмешками над его морщинами, он и так уже был раздражен, а тут еще Богарне позволяет себе издеваться над ним!.. Фанни пришлось долго и серьезно убеждать кузена, что Евгений не хотел его оскорбить. Но и поняв значение слова «муано», он не был вполне удовлетворен ее объяснениями. Затаив обиду, самолюбивый Симон перестал ходить к ней, пока, наконец, лукавая кузина, в сущности, искренно любившая Симона и скучавшая без него, не сумела его умаслить.

Париж 1804 года был совсем не похож на Париж 1802 года, когда Симон побывал в нем впервые. Слово «республика» исчезло. Его заменило слово «империя», в место «первый консул Бонапарт» Симон всюду читал «император Наполеон».

Не довольствуясь тем, что его избрали первым консулом, Наполеон стал изыскивать способ увековечить свое имя. Наследников у него было. Братья женились против его желания. Его жена Жозефина отличалась

¹ Богарне Эжен (Евгений) (1781—1824) — сын виконта Александра де Богарне и Жозефины Ташер де ла Пажери, пасынок Наполеона. Принц Империи. Вице-король Италии (1805—1814). С 1814 г. — герцог Лейхтенбергский. Талантливый военачальник. Пользовался полным доверием Наполеона. Отличился в войнах Империи.

² Тальма, Франсуа-Жозеф (1763—1826) выдающийся французский трагедийный актер, любимый артист Наполеона.

ненасытной алчностью. В настоящее время мы располагаем документами, из которых явствует, что она мечтала о наследственной монархии¹.

В салонах мадам де Сталь и Фанни Дервье дю Виллар блестящие дамы, политические деятели и поэты разбились на два враждебных лагеря и, затаив дыхание, следили за человеком, который некогда заявил: «Французская революция — это я, и я сумею ее зацеловать». Симон продолжал поклоняться своему кумиру, другие яростно нападали на него и называли тираном.

Наполеон задал себе вопрос: что же такое, собственно, трон? Обыкновенный стул с подушкой для сиденья. Но пронизательный консул отлично понимал, что этот деревянный стул с шелковой подушкой обладает магической силой в глазах даже людей незаурядных. Сидя на этом стуле, можно управлять своими подданным так же, как ими управляли на протяжении столетий. Вот только королем он себя не назовет: этот титул устарел, он режет слух и дает повод для нежелательных исторических аналогий. Наполеону не к лицу становиться в один ряд с его ничтожными предшественниками. Нет, титул императора внушительней, чем королевский. И руки Наполеона потянулись к императорской короне.

Боливар был поражен. Он долго не хотел этому верить. А затем, с той же страстностью, с какой он недавно защищал первого консула, Симон ополчился на этого без пяти минут императора. При каждом удобном случае он подчеркивал свое глубочайшее презрение к нему.

От былых иллюзий не осталось и следа. Почувствовав, что ему надо рассеяться, Симон зачастил в игорный дом. Он вел крупную игру и наделал долгов. Фанни взяла с него слово больше не играть. Да он и сам страдал от унижительной необходимости просить займы на покрытие картонного долга.

Тогда он придумал новое развлечение: у себя на улице Вивьен, он стал устраивать званые обеды. Заканчивались они обычно тем, что кто-нибудь из гостей, оскорбленный очередной выходкой неуравновешенно

¹ Утверждение авторов весьма спорно. Выдающийся российский историк А. З. Манфред, напротив, утверждает, что именно Жозефина была противницей установления наследственной власти Наполеона, и его точка зрения представляется более обоснованной: Жозефина по состоянию здоровья и в силу возраста (она была на шесть лет старше Наполеона, т. е. в 1804 г. его было больше 40 лет) не могла больше рожать и вполне обоснованно считала, что муж разведется с ней, ради того, чтобы вступить в новый брак с женщиной, способной подарить ему сына-наследника. Существует версия, что Жозефина даже способствовала любовной связи Наполеона с ее дочерью от первого брака Ортанс Богарне, насильно выданной замуж за Луи Бонапарта (брата императора), с тем, чтобы Жозефина и Наполеон усыновили ребенка от этой связи и объявили бы его наследником престола. Но мальчик умер в возрасте пяти лет.

го амфитриона, хлопал дверью и удалялся. За столом у Симона собирались люди всей наций и состояний. Когда Фанни высказала ему свое удивление, Симон объяснил ей, что благодаря этому он имеет возможность изучать несколько языков сразу. В самом деле, после истории с «муано» он сделал большие успехи во французском языке; одновременно он занимался немецким; английскую речь он понимал уже без труда.

Между тем трагедия Франции, трагедия, главную роль в которой играл Наполеон, достигла своего кульминационного пункта. Спокойно и уверенно шел Наполеон к намеченной цели. Те самые французы, которые двенадцать лет назад, казалось, навсегда свергли монархию и все, что стояло за ней, теперь с неменьшим энтузиазмом устанавливали еще более жестокую деспотию. В несколько дней все было кончено. В Сенате и Трибунате провели чисто формальное голосование, требуемое большинством голосом оказалось налицо, и Наполеон получил титул наследственного императора. Так Наполеон Бонапарт, генерал и консул, стал Наполеоном Первым, императором французов.

Симону предлагали удобное место, откуда ему была бы видна вся церемония коронации, но он вежливо отказался. Он не желает быть зрителем этого спектакля, — заявил Симон, — он запрется на это время в своем новом, более скромном помещении на улице Ланкри и ни за что не выйдет оттуда. Так он и сделал. Он не мог простить Наполеону этого превращения из героя в тирана.

Однако праздничный шум достиг его слуха. Гремели оркестры, толпа кричала, смеялась, пела: весь Париж ликовал. Симон отдернул штору и распахнул окно. В комнату ворвались приветственные клики в честь Наполеона. Мимо пробегали женщины, раскрасневшиеся, возбужденные. На углах танцевали дети. Всё, что было в Париже веселого и счастливо-го, — всё это высыпало на улицы и восторженно славilo гений Наполеона.

Надо сознаться, что, глядя на праздничную суету Парижа, Симон невольно завидовал былому кумиру своих мечтаний. Он вышел из дома и, с трудом пробираясь в толпе, направился к кухне. Ее салон был уже полон, и, слушая оживленные толки гостей, Симон, вероятно, раскаивался в своем упрямстве и жалел, что столь крупное событие прошло мимо него.

В салоне Фанни он охотнее всего беседовал с Гумбольдтом и Бонпланом. Во Франции можно было говорить свободно, забыв ту осторожность, к какой его приучил Устарис. Поэтому в беседах с людьми Симон довольно откровенно излагал свой взгляд на положение вещей в Южной Америке. К этим же двум ученым он сразу почувствовал особую симпатию.

Симону хорошо запомнился их первый разговор. Гумбольдт тогда только что вернулся из научной экспедиции. Путешествуя по Южной

Америке, он познакомился с Хуаном-Висенте и со всей семьей Боливар, оказавшей европейскому ученому исключительно сердечный прием. Поэтому Гумбольдту было особенно интересно и приятно познакомиться с младшим отпрыском этого рода.

Едва он успел сообщить Симону, что дома у него все благополучно, как тот поразил его неожиданным вопросом:

— Скажите, Южной Америке пора стать независимой?

Поставив локти на колени и подперев ладонями щеки, Симон впился глазами в Гумбольдта.

— Да, Южная Америка созрела для этого, — улыбкой глядя на пылкого юношу, ответил Гумбольдт. — Вы далеко ушли по пути прогресса и имеете все права на самостоятельность, но...

Гумбольдт сдвинул брови и покачала головой.

— Что «но»? — воскликнул Симон, съехав на край стула. — Что «но»? — повторил он, видя, что Гумбольдт медлит с ответом.

— Там нет никого, кто был бы способен освободить свою родину, — заключил Гумбольдт.

Симон насупился, но тут вмешался Бонплан, который до этого молча слушал, сидя в темном уголке.

— До сих пор я был с вами согласен, Гумбольдт, но тут вы, по-моему, неправы, — сказал он. — Мне кажется, что раз колонии созрели для независимости, а они действительно созрели, то как только поднимется восстание, оно само выдвинет вождя.

Все трое заспорили. Уже догорели свечи, пора было расходиться по домам. Гумбольдт и Бонплан решил проводить Симона, и на улице, под звездным небом, спор разгорелся с новой силой. Симон, разумеется, был на стороне Бонплана, но им так и не удалось убедить Гумбольдта.

Вскоре после этого разговора Симон, зайдя к Гумбольдту, спросил его, как он относится к проекту создания свободной школы в Каракасе, и, не дав ему ответить, прибавил, что он жертвует на это предприятие все свое состояние. Гумбольдт знал, что Испания старается свести на нет народное образование в Южной Америке, а тут ему настойчиво предлагают крупную сумму, специально ассигнованную на открытие школы.

— Об этом мы с вами поговорим, когда колонии станут свободными, — сказал он. — Тогда я вам помогу, а теперь я не желаю ссориться с его величеством Карлом IV. Ведь основать такую школу — это значит учинить против него форменный бунт. Нет, я слишком стар для этого... Но помните, — заключил он, — что только в союзе с просвещением свобода может принести счастье народу.

Спустя некоторое время Симон поймет и оценит это замечание Гумбольдта, а пока что он мрачно бродил по улицам Парижа, полный новых идей, которыми он никого не в силах был увлечь.

Наконец приехал Родригес. Учитель и ученик несказанно обрадовались друг другу. Все эти годы и тот и другой мучились над всякого рода мировыми проблемами, и теперь они желали обсудить их сообща. Наскоро разрешив некоторые из них к обоюдному удовольствию, Родригес отошел на шаг от Симона и внимательно оглядел его. Он был явно изумлен.

— Что с вами? — спросил Родригес. — Ведь вы еще так молоды, — неужели горе вас так сразило? Друг мой, дела в жизни много; вам рано складывать руки.

Тут Родригесу пришлось выслушать безрадостную повесть о двух последних годах жизни Симона. Когда тот закончил, Родригес, испустив столь глубокий вздох, что на его костюме в нескольких местах лопнули швы, встал и властно заговорил:

— Вам нельзя жить в Париже. Вы похудели, побледнели — это дурной знак. Лихорадочный блеск в глазах заметен даже при дневном свете. Знаете что, давайте отправимся в путешествие, вы да я? Собирайтесь!

— Какой же нам взять экипаж? — спросил Симон. Ему захотелось ехать сегодня же, раз у него есть теперь спутник, друг и помощник. Влачить бесполезное существование ему давно уже было невмозготу — нужно было лишь, чтобы кто-то сдвинул его с мертвой точки. Припадки мрачного отчаяния не миновали, напротив: за последнее время они повторялись все чаще и чаще. Да, ему надо проветриться. С помощью своего друга он возьмет себя в руки.

— Экипаж? Экипаж? Никаких экипажей! — Родригес резко потрянул головой и, показав на бедное лицо юноши, прибавил торжественно: — Мы побредем, как два странника.

Г л а в а V

КЛЯТВА НА МОНТЕ-САКРО

**Я не успокоюсь до тех пор, пока не разорву цепи,
которыми Испания опутала мою родину**

Апрельским утром из Парижа вышли два южноамериканца. По виду их и впрямь можно было принять за обыкновенных бродяг: в дорогу они оделись попроще, за плечами у них болтались мешки с провизией. Путешествие обещало много любопытного: Родригес стремился в Италию. Ему было тридцать четыре года, Симону — двадцать один.

В первый день Симон скоро устал, и Родригес, заботившийся о нем, как о малом ребенке, попросил обогнавшего их крестьянина подвезти его.

— Я буду вас ждать у ближайшего стога! — крикнул Симон. Возница подстегнул лошаденку, повозка заскрипела, и у Родригеса запершило в горле от густой пыли.

Родригес попал в свою излюбленную лабораторию: перед ним расстилались необозримые поля. Созерцание природы доставляло ему глубокую и неизменную радость. Симон часто засыпал на стогу, а он в это время собирал в лугах цветы и редкие растения и подолгу рассматривал их. Потом, разбудив Симона, делился с ним своими наблюдениями. И под его лекцию, имевшую предметом строение какого-нибудь чахлого цветка и содержащую в себе весьма сложные и парадоксальные выводы, Симон снова засыпал.

Этот образ жизни оказался целебным для Симона. Родригес ни разу не заговорил с ним о будущем. Вообще он избегал разговоров на серьезные темы. Пока он думал только о том, как поправить здоровье своего юного спутника. Оба чувствовали себя превосходно. Когда позволяла погода, они укладывались спать под открытым небом, в копнах сена, а в дождь ночевали в деревне.

Однажды Симон проснулся первый и побежал к ручью освежиться. Искушавшись, он с наслаждением запягал босиком по росистой, приятно щекочущей ноги траве. Родригес все еще мирно спал. Симон сел поодаль. Вглядываясь в знакомые черты, он вдруг почувствовал особый прилив нежности к этому человеку, который так много ему дал и прожил такую богатую приключениями и невзгодами жизнь.

Симон припомнил вчерашний разговор. Против обыкновения Родригес вчера целый день болтал без умолку, а за ужином впервые поведal ему свою историю. Прислонившись к старому кряжистому дереву и вытянув длинные ноги, он начал:

— Я сирота, как и вы, друг мой. Мои родители умерли, когда мне было четырнадцать лет. Мой брат был славный малый, но он не одобрял моего беспокойного и беспечного нрава.

Родригес бережно провел рукой по своему ветхому, дырявому скуртку, который он таскал и в дождь и в вёдро.

— Я решил переменить фамилию, — продолжал он. — Фамилия моего отца — Карреньо, а я взял фамилию матери — доньи Росалии Родригес. Меня одолевала страсть к приключениям. Я нанялся на судно юнгой и поплыл к берегам Европы. Интересное было время. Я исходил всю Испанию, Германию, Францию. Больше всего мне понравилось во Франции. В Венесуэлу я вернулся, когда мне было лет двадцать семь. Я женился, у меня родилось двое детей. Я хотел дать им имена растений, но жена воспротивилась. Потом она заставила меня поступить на службу, и я устроился в департаменте народного просвещения. Прослужил я там недолго, как вам известно...

Родригес смолк. Между тем близилась ночь, и кругом уже залегли лиловые тени. Первое время Симон еще слышал тяжелые вздохи Родригеса, но потом и они прекратились: учитель задремал.

И вот сейчас Симону не терпелось узнать, ушла ли от Родригеса его супруга, которая, как видно, была столь же благоразумна, как и его братец, и не это ли толкнуло его на бродячую жизнь.

Чувствуя на себе пристальный взгляд Симона, Родригес открыл глаза.

— Почему вы меня не разбудили? — спросил он с упреком. — За это время мы бы уж сколько миль отшагали! — Задрав ноги, он потянулся. Симон подал ему руку, Родригес вскочил и побежал купаться. Когда он шел обратно, с его лица и волос ручьям стекала вода.

Путники двинулись к ближайшей ферме. Их встретила семилетняя девочка, оставшаяся в доме за хозяйку: вся семья работала в поле. Они попросили у нее поесть. Малышка принесла молока и поджаренные на свежем масле хлебцы. Симон вложил ей что-то в руку, взяв с нее обещание, что она не станет смотреть до тех пор, пока они не скроются за поворотом дороги. Когда настала эта вожделенная минута, девочка разжала кулачок и, вновь сжав его, со всех ног помчалась в поле — показать родителям ослепительно блестящую на солнце золотую монету.

Несколько дней спустя наши путники, вооружившись посохами, уже шли сквозь иссиня-белый блеск Альп. Они делали частые привалы. Хотя Симон и чувствовал себя с каждым днем крепче, но подъем его утомлял.

Во время одного из таких привалов Родригес заговорил с ним о революционном заговоре, в котором он когда-то принимал участие. В беседах с Симоном он последнее время часто возвращался к вопросу о бедственном положении южноамериканского народа, изнывавшего под игом испанской тирании.

— Помните, Симон, мое внезапное исчезновение из Венесуэлы? — спросил Родригес.

— Еще бы! — воскликнул Симон. — Как я тогда горевал!

— Гм... Так... Ну, раз вы это помните, то, стало быть, не забыли и причину моего отъезда, то есть мою причастность к революционному заговору. Не изгладилось из вашей памяти, наверно, и то, что я не умел держать язык за зубами.

Симон смутился. Гордясь своим умным учителем, он в детстве с особым удовольствием повторял в разговорах со взрослыми его слова и, таким образом, невольно выдал его. Но Родригес ничем не показал, что намекает на это. Он продолжал:

— Испанские власти имели все основания подозревать меня. Мы должны были совершить подлинную революцию. Она вспыхнула в Коро. Там находилась колония французских политических ссыльных — они были

с нами в контакте. Туземцев они разожгли до того, что начались уличные демонстрации против испанского короля. Тот день, когда я не пришел к вам на урок, — Родригес улыбнулся при воспоминании о своей конспиративной деятельности, — я провел на тайных собраниях, на которых мы обсуждали план свержения испанского правительства в Каракасе.

Восстание, не в пример прежним, было очень хорошо организовано, план наш был задуман широко. Но среди нас нашелся предатель, а я слишком много болтал на собраниях. Вечером за мной пришли солдаты. Я выскочил в окно, но меня все-таки схватили. Не расстреляли меня тут же, на месте, только потому, что не нашли компрометирующих бумаг.

Испанский губернатор решил не поднимать шума и ограничился высылкой главарей восстания. Я имел данные полагать, что и меня ждет такая же участь, и в ту же ночь выехал сам.

— Ведь у нас давно уже делались попытки свергнуть испанское правительство? — весь загоревшись, спросил Симон. — Я помню все, что вы мне рассказывали об индейцах и, в частности, об их вожде Тупаке Амару, которого испанцы предали мучительной казни: они привязали его за руки и за ноги к двум лошадям и погнали лошадей в разные стороны. Я помню также тех людей, которые вместе с вами участвовали в заговоре и которых потом, через два года, когда они вернулись на родину, расстреляли, не дав даже повидаться с родными. — Виски у Симона покрылись мелкими капельками пота. Он дрожал, как в лихорадке.

— Вы меня многому научили! — сказал он, устремив горящий взгляд на Родригеса.

— Да ну? В таком случае, скажите мне, что вы помните о Руссо и об его «Эмиле»? — поспежив переменить разговор, шутливым тоном спросил Родригес.

Он оседлал своего конька, а Симону не хотелось прерывать начатый разговор.

— Эмиль — гениальное создание гениального Руссо, — ответил он. — Его качества вы старались привить мне. Это был трудолюбивый, смелый, горячий и мужественный человек. Видите, я все помню, но боюсь, что во мне нет ни одного из свойств этого идеального героя.

— Значит, вы ничего в нем не поняли! — с жаром возразил Родригес. — А знаете ли вы, что эта книга есть доля участия Руссо в подготовке французской революции? Знаете ли вы, что в ней изложена одна из замечательнейших педагогических систем? Иметь своими учителями природу, разум и опыт — вот что говорит Руссо в «Эмиле». И это единственно верный путь.

Теперь разволновался учитель. Он вскочил и, размахивая руками, вдохновенно продекламировал:

— Я не хочу быть деревом, ибо оно, пустив корни, не двигается с места. Я хотел бы стать ветром, ибо он вечно веет, я хотел бы стать солнцем, ибо оно вечно светит, я хотел бы стать рекой, ибо она неустанно стремится к морю. Я хочу творить, быть вечно в движении!..

Высоко подняв плечи, Родригес зашагал вдаль.

Как всегда, речь его произвела на Симона сильное впечатление. Она вызвала в нем целый рой новых мыслей. Симон догнал своего друга и забросал его вопросами, но на этот раз ответа не получил.

Однако вскоре их беседы возобновились. Симон узнал от Родригеса новые факты из истории Южной Америки. Те революционные идеи, которые он воспринял еще в детстве, под влиянием этих последних бесед приобретали в его сознании бульшую четкость и определенность. Он все чаще принимался говорить о неизбежности революции в Южной Америке. Родригес смолоду не прочь был играть первую роль, но теперь, свободный от тщеславных побуждений, он как бы передоверял ее Симону.

Шел 1805 год. У Родригеса была особая причина спешить в Милан: там сейчас находился Наполеон. Симон испытывал отвращение к своему былому кумиру. Зная это, Родригес надеялся, что сцена коронации Наполеона заставит его перейти от слов к делу.

Родригесу стоило немалых трудов уговорить Симона пойти в Миланский собор. Они попали к самому моменту коронации. На голову императора французов была возложена «железная корона Ломбардии», и новоиспеченный итальянский король заявил во всеуслышание: «Бог мне ее вручил, и горе тому, кто протянет к ней руку!» При этих словах Родригес обернулся, чтобы обменяться с Сином впечатлениями, но тот уже направлялся к выходу. Пока они шли домой, он не вымолвил на слова. Его ненависть к Наполеону не уменьшилась — она лишь выразалась у него в упорном молчании.

— А что, если нам отправиться в Венецию?

Симон оживился. Он давно лелеял мечту побывать в Венеции. Ведь отсюда произошло название его родной страны. Открыл ее впервые итальянец Америго Веспуччи. Заметив, что хижины туземцев, раскиданные по берегам озера Маракайбо, стоят на столбах, как дома в Венеции, он назвал этот край Венесуэла, что значит «маленькая Венеция».

Итак, Родригес с Сином отправились в Венецию. Но чем откровенней становился Родригес, тем заметнее уходил в себя его ученик. Они словно поменялись характерами. Родригес проявлял необычайную словоохотливость, на все отзывался, относился ко всему с живым любопытством, Симон же был молчалив и задумчив.

В таком настроении он не мог оценить красуы Венеции. Когда он бродил вдоль ее каналов, невольно прислушиваясь к мягким звукам бар-

каролы, далеко разносившимся по воде, со dna его души поднималась вся горечь ранних утрат. Родригес предоставил его самому себе. Душевное состояние Симона не укрылось от него, но он считал, что тот должен справиться с этим сам, без посторонней помощи. В Венеции жил друг Родригеса, такой же чудаковатый ученый, и он, захватив с собой пачку книг, на целый день уходил к нему.

А Симон весь отдавался во власть своих переживаний. Тот мучительный разлад, который он нес в себе, не мог не сказаться на его здоровье. Он слег. Он был уверен, что умрет. Порой его охватывал страх смерти, но тут же он убеждал себя, что для него это единственный исход. Целые дни он проводил в том, что задавал себе вопросы и сам же отвечал на них. «Зачем я покинул отчий дом? Зачем я увез из Испании Марию-Тересу? Зачем? Зачем?» Его мысль тщетно пыталась вырваться из круга этих вопросов, как птица, которая бьется об оконное стекло, не замечая, что наружная дверь распахнута настежь.

Вечером возвращался домой Родригес.

— Слушайте, вам надо развлечься, — твердил он больному. — Познакомьтесь с местной молодежью.

Но Симон поворачивался лицом к стене и стонал.

Врач, пришедший его навестить, погладив окладистую бороду, посоветовал переменить обстановку. На ночной столик он положил какие-то желтые пилюли: несколько минут спустя он обнаружил их на тротуаре, как раз против окна Симона.

По уходе врача у изголовья больного сел Родригес.

— Мне стыдно за вас, — сказал он. — Мне понятен ваш разлад с жизнью, но я полагал, что вы более мужественный человек. Вот в такие-то трудные минуты жизни и познается твердость характера. Отец оставил вам в наследство богатейшие медные рудники. Брат ничего не сказал вам, когда вы уезжали, зная, что вам не до этого. Я слышал, что рудники оценены в несколько миллионов. Таким образом у вас не будет недостатка в деньгах. Какой же вы счастливый! Насколько же вы счастливее многих своих сверстников! А вы ни с того, ни с сего падаете духом! Вы не больны: вас просто истомило безделье. Вот и вся ваша болезнь.

Родригес проговорил всю жизнь, и под конец Симон стал подавать признаки жизни. На другой день они отправились в Верону.

Симон машинально шел туда, куда его вел Родригес. Взгляд его был угрюм, движения вялы. Родригес, останавливаясь, чтобы обратить его внимание на какой-нибудь пейзаж, не раз замечал на его глазах слезы. Через Падую и Феррару Симон прошел, как лунатик, ничего не заметив. В Монтекьяро он явился невольным свидетелем парада, в котором принимало участие шестьдесят тысяч французских солдат. Но Симон

повернулся спиной к величественному зрелищу. Только когда они с Родригесом, оборванные, грязные, пришли в Неаполь и расположились в доме брата Гумбольдта, Симон немного встряхнулся.

Путников приняли радушно. С их появлением у Гумбольдта стало еще многолюднее. Родригес и Симон встретились здесь с мадам де Сталь и с одним немецким скульптором, который быстро успел надоесть Симону: держа наготове кусок глины, он ходил за ним по пятам и заставлял позировать. Симон придумал для него своеобразную мезь: стоило скульптору отвернуться, как у бюста кто-то уже ухитрялся отбить ухо или кончик носа.

Спустя несколько дней Родригес с Симоном отправились в Рим. Испанский посол, проведав о том, что Симон человек состоятельный, предложил им обоим остановиться в посольстве. Симон согласился, а Родригес из предосторожности отклонил это предложение: в доме у испанца, пусть даже в Италии, он не мог чувствовать себя в безопасности.

Симон получил приглашение в Ватикан. Другой посол несколько раз принимался подробно описывать ему церемониал. Посол был утомлен жизнью и ко всему относился безразлично: он уже не испытывал прежнего волнения, идя на прием к папе. Но равнодушное спокойствие юного гостя его смущало. И когда их вели по холодным и мрачным дворцовым покоем, в нем снова заговорило дурное предчувствие.

Войдя в аудиенц-залу, папа приблизился к группе ожидавших выхода его священной особы. Посол незаметно мигнул Симону, и тот опустился на колени. «Теперь поцелуйте крест на сандалиях его святейшества», — прошептал старый дипломат. Голова юноши были все так же низко опущена, но он не шевелился. «Целуйте же эмблему на сандалиях!» — наклонившись к самому уху Симона повторил посол, но тот не поднимал глаз от пола. На лбу у посла выступил пот. Присутствующие замерли. Желая замять происшествие, папа изящным жестом протянул Симону руку для поцелуя и сейчас же заговорил с ним о Южной Америке.

На улице багрово-красный посол, задыхаясь от бешенства, потребовал у Симона объяснений. Симон внушительно посмотрел на него и сказал:

— Сеньор, должно быть, папа не уважает эмблему христианства, раз он носит ее на сандалиях, а ведь даже могущественнейшие монархи считают за честь носить ее на короне.

С этими словами он повернулся и пошел к Родригесу, а разгневанный дипломат поспешил в посольство, чтобы отменить те почести, которые он предполагал воздать своему гостю.

Родригес, выслушав рассказ Симона, чуть не прыснул, но для вида пожурил его. В глубине души он был рад тому, что перед ним прежний Симон. В тот же день Симон перебрался из посольства к Родригесу, и старые друзья вновь соединились.

В середине августа Родригес с Симоном совершили экскурсию в окрестности Рима. Упоительные виды, открывавшиеся их глазам, вызвали у обоих вполне понятные чувства. Симон захватил с собой «Энеиду» и время от времени принимался громко декламировать из нее. Становилось все жарче. Немолчно гудела мошкара. Но друзья не замечали ни жары, ни насекомых.

Солнце уже склонялось к закату, когда на обратном пути Родригес и Симон, усталые, запыхавшиеся, взойшли на Монте Сакро. Родригес, с трудом переводя дух, в изнеможении опустился на обломок мрамора — последний остаток стариной колонны. Он хотел было предложить спутнику сесть с ним рядом, но слова замерли у него на устах. Охваченный каким-то необыкновенно сильным и глубоким чувством, Симон весь преобразился. Он глубоко и часто дышал. Вскинув руки к пылавшему небу, он всей своей фигурой выражал стремление вперед. Казалось, еще один только миг — и он оторвется от земли и полетит. А под ним лежал Виа Аппиа с ее бесчисленными монументами, воздвигнутыми в память великих героев древнего Рима. Глухим, срывающимся от волнения голосом, Симон заговорил:

— Передо мной столица древнего Рима: город Августа и Нерона, Цезаря и Брута. Я вижу, как из ее неисчислимых могил встают и движутся печальной вереницей тени прошлого. И что же осталось от вас, кроме имен? Но что не могли сделать вы, сто сделает другой — для своей страны.

Он опустился на колени и сложил руки на груди. Голос его окреп, но говорил он до того тихо, что Родригесу приходилось сильно напрягать слух, чтобы не пропустить ни слова из его торжественной.

— Честью моей и жизнью клянусь, что рука моя не устанет разить врагов и душа моя не обретет покоя до тех пор, пока я не разорву цепи, которыми Испания опутала мою родину.

Родригес молча встал, подошел к Симону и опустился рядом с ним на колени. Они обнялись. Глаза Родригеса были полны слез.

Какая чудесная, непостижимая перемена! Кто бы мог подумать! Этот юноша, еще так недавно мечтавший о смерти, вдруг, словно озаренный свыше, проникается отчетливым сознанием своей великой миссии на земле.

Солнце взошло. Подул легкий ветерок. На потемневшем небе, похожая на каплю крови, загорелась вечерняя звезда. Взявшись за руки, путники начали спускаться в город.

Настала пора серьезно подумать о будущем. Как ни уговаривал Родригеса Симон, тот не захотел поехать с ним на родину. Вряд ли он сможет быть полезным Симону в Венесуэле: испанским властям ничего не стоит упрятать его в тюрьму за участие в заговоре столетней давности.

Итак, разлука была неизбежна. Симон должен был еще некоторое время провести в Риме, под наблюдением врача, чтобы набраться сил для длительного морского путешествия. К тому же, надвигалась зима — время, рискованное для подобных предприятий. На этот раз Родригес трогался в путь один. Учитель и ученик обменялись быстрым рукопожатием и разошлись было в разные стороны, потом вернулись, снова пожали друг другу руки и снова расстались — уже окончательно.

Часть вторая

ПЕРВЫЕ УДАРЫ ГРОМА

Глава VI

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАТРИОТА

Слава Наполеона — это отголосок бурь, свиристествовавших в преисподней

Симон задержался в Риме, хотя ему уже не сиделось на месте. Он скучал без Родригеса. Ему не с кем было отвести душу. Испанский посол захлопнул перед его носом дверь своего гостеприимного дома, а итальянски Симон изъяснялся так, что прохожие подозрительно на него поглядывали. Каждый день он показывался врачу, изводившему его бесконечными осмотрами и назойливыми советами. «Дождитесь более благоприятной погоды», — покачивая головой, говорил он. Из его кабинета Симон направлялся в мореходные конторы, где выдавшие виды моряки твердили одно: «Подождите до весны». Благоразумие взяло верх, и Симон, укрепив сердце, отложил путешествие. Он отправился в Неаполь, с тем чтобы весной выехать в Бордо и там сесть на корабль. Но весной пришло письмо от Фанни: она сообщала парижские новости и просила непременно заехать к ней. Симону пришлось выбрать новый маршрут: Париж — Гамбург — Соединенные Штаты — Южная Америка.

В Париже жизнь была ключом. В салонах царил необычайное оживление. Симон не успел войти к Фанни, как к нему подлетела пышно одетая, красивая дама и, не дав опомниться, отвела в сторону. Сопровождая свою речь повышенной жестикующей, она заговорила с ним о причудах императрицы Жозефины. Знает ли Симон, что у Жозефины шестьсот платьев? Ну-с, как это ему понравится? Этого мало, у нее двести пятьдесят шляпок! А на ее драгоценности, шали и парики Наполеон тратит ежегодно несколько миллионов.

Пытаясь ускользнуть от словоохотливой собеседницы, Симон столкнулся с длинноволосым юношей, шепнувшим ему, что Наполеон уничтожил завоевания революции. «Добыть корону можно только ценой крови, и кровь уже льется. Участь Франции решена», — добавил юноша. Симон согласился с ним и стал пробираться к Фанни. Его обворожительная кузина все так же молодо выглядела и была все так же оживлена. Она очень обрадовалась Симону и попросила рассказать о Риме.

Еще до путешествия в Италию, живя в Париже, Симон многое понял, многому научился. Принеся торжественную клятву освободить Южную Америку, он стал особенно внимательно приглядываться к политической обстановке. Драма, которую переживала Франция, быстро развивалась, и в счастливый конец не верил уже никто.

Франция была опутана двойной сетью шпионов. Наполеон настороженно следил за биением пульса страны. Этот заколдованный круг шпионажа расходился все дальше и дальше, по всей Европе. Симон узнал от Фанни, что мадам де Сталь было предложено покинуть Париж и что все поборники свободы во Франции впали в немилость. Бетховен, убедившись, что упоенный властью Наполеон занят исключительно самовосхвалением и что французский народ для него — вода, которую он может беспрепятственно лить на мельницу своих фантастических притязаний, отказался от намерения посвятить ему одно из последних своих произведений.

В салонах шушукались о новых замыслах Бонапарта. Вся Европа подпадает под власть Франции. Париж — столица европейского материка. Короли склоняют головы перед императором и послушно исполняют его приказания. «Что за гений этот человек! — размышлял Боливар. — Если бы только он больше заботился о благосостоянии своей родины, чем о расширении ее территории, если б, вместо того чтобы создавать династию Бонапартов, он ограничился тем, что вручил плоды своих побед французскому народу!..»

Битва под Аустерлицем еще сильнее разожгла в Наполеоне желание завоевать Европу. Русская и австрийская армии были разбиты — Наполеон заявил, что это «одна из самых славных битв в истории». Германия была расчленена, Австрия — раздавлена. На основе договора, который подписали шестнадцать германских государей, склонившихся перед наполеоном и ставших отныне его вассалами, возник Рейнский союз. Жозеф Бонапарт сделался неаполитанским королем, Луи Бонапарт — королем Голландии.

Фанни и Симон не сомневались, что французскую империю ждет скорый крах. Это не мешало им поражаться обширным познаниям Наполеона. Он знал, когда его кавалерии нужно ковать лошадей, сколько хлеба потребляет его армия в неделю и во что этот хлеб обходится казне. Те

офицеры, которые пытались нагреть руки на провианте, неукоснительно попадали в тюрьму, так как император уличал их в плутовстве на основании их же собственных докладов.

Симон поделился с Фанни своим планом освобождения Южной Америки от испанского владычества. Не скрыл он от нее и своего возмущения той медленной, но теперь уже совершенно явной эволюцией, какую проделывал его былой кумир.

— Я привык восхищаться им как республиканским героем, — признался он однажды Фанни, когда они совершали прогулку верхом в Булонском лесу. — Мне казалось, что равного ему не было, нет и не будет. Но он стал императором, и слава его представляется мне теперь отголоском бурь, свирепствующих в преисподней.

— Если господь сподобит меня сдержать клятву, — после некоторого молчания продолжал он, — я не стану навязывать соотечественникам свою волю. Я создам республику и займусь устройством школ — таким образом, народ будет сам управлять своим государством. Да, просвещение и свобода — вот в чем прежде всего нуждается мой народ!

Взгляд Симона был устремлен вдаль, и перед ним вырисовывались пока еще смутные очертания нового свободного государства, которое он создаст своими руками.

— Хорошо у вас там? — спросила Фанни.

Симон принялся описывать ей Каракас и внезапно почувствовал гордость за свой родной город, за свою страну, за свой народ.

— Я должен немедленно ехать на родину! — воскликнул он.

Фанни, увлеченная страстной речью Симона, загорелась желанием сопровождать его. Она хотела быть его другом и помощником. Но ему она не решилась об этом сказать. Признавшись, что вполне сочувствует его стремлениям, хотя и опасается испанцев, она посоветовала ему заняться пока свои здоровьем и, прежде чем отправиться на родину, выработать окончательный план действий.

Симон выехал через неделю. Фанни купила ему на дорогу провизии, заботливо уложила его платье, книги и пузырьки с лекарствами. Не забыла она положить ему на память и свой портрет-миниатюру.

Симон тепло простился с кухней и со своими многочисленными друзьями, обещав непременно еще побывать в Париже. Жажда действия была в нем так сильна, что он испытывал сожаления при расставании с ними.

До Гамбурга он доехал скоро и на другой же день сел на корабль, отправлявшийся в бостон. Это было голландское судно, и капитан очень им гордился. Произведя тщательный осмотр, Симон обнаружил, что оно принадлежит к разряду полувойенных кораблей. На нем было сорок пушек, и в редкие дни штиля капитан учил Симона заряжать их или прини-

мался рассказывать страшные истории о том времени, когда он торговал невольниками. Судовая команда представляла собой смешение чуть ли не всех национальностей. Тут были даже южноафриканцы, с головокружительной быстротой и поразительной ловкостью взбиравшиеся на мачты.

Дни стояли солнечные, безветренные, и корабль быстро приближался к берегам Соединенных Штатов. Симон знал, что там тоже была совершена революция, но среди американцев, к счастью, не нашлось своего Бонапарта, который задушил бы юную республику. И теперь Симон сгорал от нетерпения увидеть этот народ, созидающий независимое государство.

Корабль прибыл в Бостон. Проходя по кривым улицам города, Симон невольно обратил внимание на то, что всюду строились новые общественные здания и частные дома. Улицы были вымощены кирпичом и плитами. Симон бродил по обширному парку, по мостам, соединяющим предместья с городом, и не переставал изумляться той кипучей деятельностью, которую он наблюдал кругом.

Из Бостона путь его лежал в Филадельфию. Здесь уже давно были открыты школы. Симон, побывав в этом городе, получил наглядное представление о той системе народного образования, которую он будет применять позднее у себя на родине. С большим удовлетворением выслушал он известие о том, что в ряде северных штатов рабы получили свободу. В трех штатах рабство уже не существовало, а в некоторых других прошел закон о предоставлении свободы всем неграм, достигшим двадцатилетнего возраста.

Симон заметил, что в разговорах американцы часто упоминают имя Наполеона в связи с попыткой президента Соединенных Штатов Джефферсона приобрести у него Флориду. Но император был сыт по горло победой под Аустерлицем и не пожелал марать руки из-за каких-то двух миллионов долларов.

Боливар посетил Нью-Йорк, а оттуда отправился пешком в Южную Каролину и остановился в Чарльстоне. Здесь юный венесуэлец осмотрел знаменитый арсенал и вновь построенное военное судно. Мысленно он сравнивал свой народ, «непросвещенный, задавленный непосильными налогами, изнывающий под игом испанских тиранов, с этим свободным, деятельным с самолюбивым народом». Всё, чему он явился свидетелем в этой стране, недавно вырвавшейся из-под родительской опеки, укрепляло Боливара в решении освободить Южную Америку.

Некоторое время спустя Боливар сел на небольшое грузовое судно и, полный веры в успех своего грандиозного начинания, отплыл к родным берегам.

Глава VII

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ НАЧАЛАСЬ

Торопиться не следует, предупреждаю вас

Осень 1806 года была уже на исходе, когда Симон Боливар снова ступил на родную землю. В Ла-Гуайре его встретил Хуан-Висенте, и оба верхом, через горы, отправились в Каракас. За это время у Хуана родилось трое детей, сестры удачно вышли замуж; сейчас они и старые друзья Симона с нетерпением ждали его.

Когда Симон увидел ту самую дорогу, по которой он четыре года назад проезжал с любимой женой, он ощутил жгучую, невыносимую боль, словно кто-то изо всей силы хлестнул его по глазам. На него опять нахлынули мрачные мысли о бесцельности одинокого существования, о даром прожитой жизни. Но, вспомнив о том, что цель теперь у него есть, цель достойная и благородная, Симон взял себя в руки.

Дома Симон долго переходил из одних объятий в другие. Сестры расспрашивали его о Париже. «Что носят парижанки?» Симон, взяв за образец Фанни, удовлетворил их любопытство. Хуан-Висенте спросил, не встретился ли он со своим отважным и суровым соотечественником Франсиско Мирандой, который, после неудавшейся попытки совершить революцию в Венесуэле, бежал в Европу и жил то в Англии, то во Франции. Племянники и племянницы Симона, игравшие с соседскими детьми, обступили его, требуя рассказов о пиратских судах под черными флагами и о флибустьерах с красными поясами и с ножами в зубах.

За время отсутствия Симона в Венесуэле произошли важные события. События эти были ему на руку. Симон слышал о Миранде, но не был с ним знаком. Впервые он узнал о нем от Родригеса. Семнадцати лет Миранда выехал из Каракаса сражаться за Испанию, но, обвиненный в измене завидовавшими ему офицерами, был вынужден бежать в Соединенные Штаты. Его освободительные идеи, отличавшиеся, правда, некоторой туманностью, принесли ему известность не только в Америке, но и в Европе, а сам он приобрел репутацию мужественного и смелого до дерзости человека. В настоящее время он старался привлечь на свою сторону видных общественных деятелей Европы.

Симон, оставшись вдвоем с Хуаном, спросил, какого он мнения о Миранде и других венесуэльских революционерах. Хуан считал их бе-

зумцами. Он рассказал о заговоре, организованном де Эспанья. За свое стремление освободить родной народ де Эспанья был предан мучительной и позорной казни. Голова его, на потеху толпе, долго висела в железной клетке, охранявшейся испанскими солдатами. Потом клетку унесли, и вслед за ней, радостно махая крыльями в чайнии обильного пиршества, полетели хищные птицы.

Хуан вспомнил также капитана Хавьера. Хавьер не замышлял переворота, он лишь позволял себе в разговорах с друзьями высказывать мысль о желательности для Венесуэлы независимого существования. В результате капитана и десятирех его друзей приговорили к пожизненному заключению.

— Испания еще достаточно сильна и достаточно жестока, — заключил Хуан.

— А что тебе известно о Миранде? — спросил Симон. Он жалел, что послушался Фанни и поехал в Париж. Ему надо было ехать в Бордо, а оттуда прямо в Америку. Тогда он еще застал бы Миранду в Венесуэле.

— Франсиско Миранде теперь, наверно, за пятьдесят, — начал Хуан. — Я его ни разу не видел, но мне про него говорили, что он рожден быть императором. (При слове «император» Симон сдвинул брови, но промолчал.) В каких он только заговорах не участвовал, в каких только тюрьмах не сидел! За ним охотятся шпионы всех стран, в которых он побывал. Прибыл он сюда в марте, но не в Каракас, а в Окумаре. Экспедицию свою, если ее так можно назвать, он готовил в Соединенных Штатах, но не считал нужным держать свои планы в секрете. Испанский посол в Соединенных Штатах пронюхал об этом и дал знать местным властям. Те приготовились, и как только показался флот Миранды, они встретили его пальбой из пушек. Вот какой прием оказали Миранде на родине!

— Почему же его не взяли в плен? — спросил Симон.

— Должно быть, решили, что не стоит труда. Он потерял почти весь свой флот, потерял людей, но ему самому удалось бежать на остров Тринидад, а оттуда — опять в Соединенные Штаты.

— Смелый же он человек! — воскликнул Симон.

— Смелый, верно, да какой прок от этой смелости? Ведь он взял Коро и продержался там четыре дня, но ни один туземец к нему не примкнул.

— Труссы! — воскликнул Симон.

— Осудить легче всего, — возразил Хуан. — Ты лучше подумай о том, что ожидает тех, кто отважится на такое дело. Кому охоту рисковать своей головой? Жизнь здесь у нас и без того тяжела.

«Неудивительно, что Миранда ищет помощи в Англии и во Франции», — подумал Симон.

— Послушай, Хуан, — заговорил он, — ты вот называешь революционеров безумцами, а мне кажется, что ты многое о них знаешь и в глубине души даже восхищаешься ими. Только боишься сознаться, а отсюда — опять в Соединенные Штаты.

— А разве можно ими не восхищаться? — живо подхватил Хуан. — Но я все же считаю их безумцами.

Симон ничего не ответил. Он только чуть заметно усмехнулся при мысли о том, что Хуана нетрудно будет привлечь на свою сторону.

— Ты сам видишь, что из их стараний ничего не выходит, — продолжал Хуан, — а в отместку Испания может всех нас задушить налогами...

Симон поехал в Сан-Матео. Он хотел в тишине, в одиночестве тщательно продумать свой план, чтобы потом, уже не останавливаясь, идти до конца. Но чем больше он размышлял, тем больше препятствий возникало перед ним. Только здесь, на родине, ему стало понятно, почему Гумбольдт с такой настойчивостью утверждал, что идея южноамериканской независимости — это несбыточная мечта, почему те соотечественники, которых он встречал за границей, выслушав его, отрицательно качали головами, почему Хуан считал Миранду и других революционеров безумцами: в Венесуэле не было еще той силы, на которую могла бы опереться революция. И все же он пришел к заключению, что пора действовать. Отметая бесчисленные доводы против, он руководствовался иными, высшими соображениями, побуждавшими его сделать это, казалось бы, нечеловеческое усилие и освободить свой народ.

Законы, которые Испания установила в колониях, были выгодны только ей и в большинстве своем отличались предельной жестокостью. Метрополия желала только получать, а взамен не давала ничего. Креолов отстранили от всех государственных должностей. Для отца Симона в свое время сделали исключение, но уже Хуан-Висенте не имел права занять его место.

Губернаторам была предоставлена неограниченная власть; будучи связаны круговой порукой, они беззастенчиво нарушали неудобные им законы и королевские указы. Генерал-губернаторы подчинялись непосредственно вице-королям и имели в своем распоряжении вооруженную силу. Судебные палаты, где разбирались дела креолов и туземцев, находились в ведении испанцев, использовавших эти учреждения в своих интересах: это были рассадники всяческих интриг и плутней. За малейшее подозрение в антипатии к правительству сажали в тюрьму. Ссылали без суда и следствия: каждую ночь кто-нибудь исчезал бесследно. Удел товарищей Родригеса был уделом многих венесуэльцев. Они постоянно чувствовали над собой железную лапу правительства. Даже люди состоятельные не имели права выехать за границу или отправиться в путешествие по

родной стране, не испросив на то разрешения губернатора. Книгопечатание находилось под запретом. Один смельчак привез было из Соединенных Штатов печатный станок. Сейчас же к нему нагрянули с обыском. Станок был разбит, а владелец с землей арестован. Помимо того, что жители колоний не пользовались свободой слова, печати и передвижений, — они еще были лишены права на образование! Ни школ, ни высших учебных заведений не существовало. Гумбольдт лишней раз доказал свою осведомленность о положении дел в испанских колониях, отклонив щедрый дар Симона на организацию университета. Король отказался удовлетворить ходатайство каракасцев об открытии школы за пределами города: он считал «неблагоразумным» насаждать культуру в Южной Америке, жители которой «самой природой предназначены к труду на рудниках». Может показаться странным, что детям некоторых креолов все же разрешалось получать образование за границей. По-видимому, это объяснялось тем, что мало кто из креолов имел такую возможность, а образованных одиночек правительство не боялось. Однако, если бы губернатор не дал разрешения Симону на выезд за границу, история Южной Америки могла бы сложиться по-иному.

Ни одна из колоний не имела права вывозить продукты куда-либо, кроме Испании. Разумеется, эти богатейшие колонии производили больше, чем могла потребить метрополия, и страдали от перепроизводства. Туземцы нищенствовали: не успевали они уплатить один налог, как на них накладывали новый. Никто ничего не продавал, никто не был заинтересован в расширении своего хозяйства, у всех опускались руки. Желавшим вступить в брак чинились всевозможные препятствия, ибо король опасался, что его ставленники не справятся со своими обязанностями в случае, если население колоний увеличится. Южноамериканский народ влачил жалкое, унылое, бесцельное существование.

Король, якобы желая защитить колонии от вторжения иноземцев, издал указ, предлагавший рассматривать все суда, которые будут обнаружены в южноамериканских водах, как враждебные, и учреждавший особую флотилию для борьбы с ними. В эту флотилию набирались в принудительном порядке туземцы, а содержать ее вменялось в обязанность богатым креолам. Чувствуя себя пленниками в родной стране, туземцы, однако, должны были сражаться за своих угнетателей, главной целью которых являлось держать народ в нищете, невежестве и бесправии. Такое положение застал еще предок Симона, когда он причалил к берегам Южной Америки, таким оно оставалось и теперь, когда один из младших отпрысков семьи Боливар размышлял о возможности освобождения Венесуэлы.

А народ, свыкшись с ярмом, покорно сносил все. Попытки восстания были немногочисленны. Восставали обычно индейцы и креолы. В 1780

году вспыхнуло восстание индейцев под предводительством Тупака Амару, но оно, как и восстания креолов, было направлено не столько против метрополии, сколько против коррумпированного правительства. Это восстание, так же как и другие, проходило под лозунгом: «Долой вице-короля!», а не «Долой короля!» Задача свержения всего колониального строя тогда еще не стояла перед туземцами. Им казалось, что все зло исходит от данного колониального правительства; их верность Испании длилась до тех пор, пока Симон Боливар не присоединил свой имя к именам других южноамериканских революционеров.

Правительство усиленно разжигало и ловко использовало в своих интересах национальную рознь. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что креолы помогали испанцам подавлять восстание Тупака Амару. Когда же восстали креолы, то к испанцам присоединились индейцы.

Между тем у южноамериканцев было еще больше поводов для недовольства колониальным режимом, чем в свое время в Северной Америке. Правда, в североамериканских колониях существовали суровые навигационные законы, жители облагались большими налогами, на территории колоний Англия держала десятитысячную армию, которая якобы должна была защищать их от внешних врагов... Но с жителями Северной Америки никогда не обходились так жестоко, как с южноамериканцами.

Симон решил первым делом завербовать в число своих сторонников Хуана-Висенте. Он вызвал его в Сан-Матео под тем предлогом, что им нужно совместно обсудить какой-то важный вопрос, связанный с землей. Но когда Хуан приехал, Симон, нарочито спокойно и обстоятельно, начал рассказывать ему о своей жизни в Испании, о парижских салонах, затем с волнением заговорил о Родригесе, об их путешествии в Италию и закончил клятвой на Монте Сакро. Хуан сперва слушал Симона с явным изумлением, но все понял и обещал помогать ему чем только может. Вместе с тем он предупредил брата, чтобы тот высказывал свои взгляды с осторожностью, ибо здесь и у стен есть уши.

— За последнее время в Каракасе состоялось несколько тайных собраний, — сообщил Хуан. — В них принимают участие многие наши знакомые. Мне тоже довелось побывать, — прибавил он.

— Скоро я услышу, что ты стоишь во главе революционной организации! — смеясь, воскликнул Симон. — Кто же из тех, кого я знаю, ходит на эти собрания?

— Наш дядя, Хосе Ривас, с сыном, — начал перечислять Хуан, — Торресы, Мартин, Товар, Давила, Сальяс, Айяла, Асуола, многие из вновь прибывших и несколько священников. Все это — наши сверстники, люди, среди которых мы выросли.

К словам Хуана следует добавить, что это были креолы, принадлежавшие к наиболее знатным и богатым венесуэльским семействам.

Братья Боливар стали посещать эти тайные собрания, устраивавшиеся под видом званых обедов. Их участники называли себя патриотами. Целый год они ждали удобного момента, чтобы нанести Испании первый удар. Симон не претендовал на роль вождя растущего патриотического движения. Большинство патриотов, в том числе и Симон, считало своей путеводной звездой Миранду, жившего в то время в Лондоне.

В течение 1808 и 1809 годов в Испании совершались события исключительной важности, и вести о них доходили до Южной Америки.

Зять Наполеона Мюрат двинулся со своим войском на Мадрид и занял его. Мадридцы подняли восстание — Мюрат утопил его в крови. Этот день вошел в историю под названием «кровавого третьего мая». 5 мая 1808 года Карл IV и его сын Фердинанд были вынуждены отречься от престола в пользу Наполеона. 10 мая император французов передал испанскую корону своему брату Жозефу. Французские солдаты «позаботились» о том, чтобы испанский народ подчинился Жозефу, но страна волновалась: восставали целые города, объявлявшие королем Фердинанда.

Англия поддерживала испанский народ в его борьбе против новоявленного короля Жозефа. Англия была владычицей морей, а военный флот Наполеона, на котором он мог бы перебросить свои войска в испанские колонии, был разбит, так что, вместо посылки в Южную Америку целой армии, Наполеон и Жозеф ограничились тем, что послали дипломатов. Наполеон рассчитывал присоединить испанские владения в Новом Свете к королевству своего брата. Но за судном с двумя французскими дипломатами следовало английское военное судно под командой капитана Бивера, которому было приказано не упускать из вида вражеское судно, а, прибыв в Венесуэлу, лично представиться генерал-губернатору Каракаса и разъяснить ему, каково отношение Англии к Жозефу, насильственным путем ставшему королем Испании.

Генерал-губернатором Каракаса был тогда Хуан де Касас. В один прекрасный день ему донесли, что в Ла-Гуайру прибыл французский бриг. Он получил эту весть, когда послы были уже в Каракасе. Одетые в парадную форму, они имели внушительный вид. Немедленно им была предоставлена аудиенция у де Касаса. Тот был так подавлен их величием и так сильно подействовало на него всемогущее имя Наполеона, что он тут же признал его брата законным королем Испании.

Капитана Бивера, издали следившего за демаршами французов, де Касас принять отказался и предложил ему покинуть генерал-губернаторский дворец. Капитан бросился на улицу и поразил слух прохожих сногшибательной новостью:

— Карл IV — уже не король Испании. Жозеф Бонапарт, брат Наполеона, узурпировал трон против воли народа!

Капитану сперва не поверили. Но когда окружившая его кучка людей увидела, что по лестнице генерал-губернаторского дома спускается де Касас в сопровождении двух французских офицеров, — новость распространилась с молниеносной быстротой. На улицу выбежали возбужденные жители, к ним присоединялись другие, пока разрозненные группы людей не слились в одну тесную и шумную толпу.

Симон собирался в этот день в Сан-Матео, но события заставили его отложить поездку. Оба брата, оповестив других патриотов, вышли на улицу. Всюду раздавались крики: «Да здравствует король!», «Да здравствует Фердинанд!», «Смерть узурпатору!» Над толпой колыхались знамена. На балконах поспешно вывешивали только что выкрашенные, еще не успевшие высохнуть куски материи. Магазины запирались. Толпа, проникнув в дом генерал-губернатора, ворвалась в аудиенц-залу. В это время де Касас возвращался из гостинцы, где он устроил послов Жозефа; столкнувшись лицом к лицу с разъяренной толпой, он был вынужден признать Фердинанда.

В первом ряду манифестантов, вместе с другими участниками патриотического движения, связанными между собой торжественной клятвой, находились братья Боливар. Патриоты вели себя, как подобало верноподданным испанского короля. Стуча кулаками по изящному письменному столу перепуганного генерал-губернатора, они над самым его ухом прокричали «ура» Фердинанду. Но это был тактический маневр, и ничего больше. Они сознавали, что их час настал и что это только начало.

Те, кто не поместился в аудиенц-зале, направились к гостинице, где остановились французы. В окна полетели камни, посыпались стекла, а когда под напором толпы рухнули ворота — именитые гости, ехавшие сюда с намерением обратить южноамериканцев в верных слуг Жозефа, позорно бежали через черный ход. Под охраной солдат де Касаса они добрались до Ла-Гуайры и там сели на свой корабль. Капитан Бивер настиг их в открытом море и взял в плен. Таков был бесславный конец французской дипломатической миссии.

Испанские монархисты объявили войну Франции. В связи с этим патриотический подъем в Южной Америке достиг апогея. В каракасских церквах не прекращались молебны о здравии Фердинанда. Мужчины стали носить шляпы с красными лентами, на которых было написано: «Победим или умрем за своего короля». Жены завидовали мужьям и тайком от них примеряли эти ленты.

По страной прихоти судьбы движение за независимость Венесуэлы началось под флагом верности испанскому королю. Каракасские креолы, мнимые приверженцы Фердинанда, выступая сомкнутым строем против Жозефа, увлекали за собой остальных.

Патриоты стали чаще собираться. На «званом обеде», который устроили братья Боливар, было оглашено письмо Миранды. Массивные двери столовой были плотно закрыты. У входа в дом стояли на часах рабы.

Вот что писал Миранда:

«В Испании нет больше короля. Она разделена на два враждебных лагеря. Одни объявили себя сторонниками Франции, другие — сторонниками Англии. Вот-вот может вспыхнуть гражданская война. Колонии уже достаточно зрелы для того, чтобы образовать самостоятельное правительство. Шлите своих представителей, и мы совместно решим судьбу континента. Торопиться не следует, предупреждаю вас. Из-за малейшей неосторожности мы можем упустить благоприятный момент, посланный нам свыше. Недостаточная сплоченность способна погубить наши замыслы».

Прослушав письмо, один из заговорщиков предложил тост за независимость, и все, с мыслью об отсутствовавшем Миранда, молча подняли и осушили бокалы.

Симон, окинув взглядом своих друзей, предался размышлениям. Ах, если б Миранда был здесь! Все эти горячие головы и фантазеры нуждаются в руководстве опытного человека. Сам он чувствовал себя среди них одиноким. Он примкнул к ним недавно, и на него смотрели как на дилетанта.

Собрание затянулось. Было произнесено немало пламенных речей. Симон тоже блеснул ораторским талантом, заслужив одобрение и похвалу даже наиболее почтенных по возрасту заговорщиков. Ривас, два брата Монтилья и он считались лучшими ораторами тайного общества. Таким образом по крайней мере однажды в истории не оправдалась старая поговорка: «Из красная бойца не выйдет»: Симон Боливар опровергал ее самым фактом своего существования.

Заговорщики постановили создать хунту, которая временно взяла бы власть в свои руки и выработала программу будущего строя. В хунту были выбраны старшие из членов тайного общества и один священник. Всем членам хунты были предоставлены равные права: никого из них в отдельности тайное общество не обладало той неограниченной властью, какой пользовался генерал-губернатор.

В 1809 году на посту генерал-губернатора де Касаса сменил Эмперан. Вначале он не преследовал тайные общества, — по-видимому, он не верил в их существование. При нем в Каракасе появились книги и журналы: их раскупали нарасхват. Сохранились рассказы о званых обедах у Эмперана, во время которых он пытался втолковать патриотам, сколь вредна идея независимости.

Это было бесполезно. Эмперан всякий раз встречал резкий отпор. В конце концов он арестовал главарей. Тех, что казались ему наиболее опас-

ными, он велел держать в тюрьме, других отдал под надзор полиции, третьих выслал. В числе последних был Симон. Ему дали понять, что Каракасе слишком жарко и что ему лучше съездить проветриться в деревню. Хуану разрешили остаться в Каракасе, но куда бы он ни пошел, за ним всюду следовали соглядатаи.

Первой мыслью Симона было не подчиниться распоряжению генерал-губернатора, но предостережение Миранды, уговоры друзей и привычка слушаться благих советов ради пользы дела внушили ему необходимость покинуть Каракас.

Итак, даже этот первый шаг вперед по пути к независимости оказался робким. К тому же заговорщикам пришлось тут же отступить. Но они не падали духом. Они знали, что будущее — за ними. А ока надо было запастись терпением и ждать.

Глава VIII

РАЗРЫВ С ИСПАНИЕЙ ЖОЗЕФА БОНАПАРТА

Берите пример с патриотов Каракаса

Эмперан желал быть мудрым тираном. Удалив Симона Боливара в Сан-Матео и разбросав по разным местам его друзей, он вообразил, что ему удалось охладить пыл юных смутьянов. Но он ошибся в расчетах. Обладая он большей проницательностью, он немедленно взял бы под стражу Симона со всеми его единомышленниками. Но это был не единственный его промах. Эмперан лишь спугнул свою добычу: нити заговора тянулись и вширь и вглубь. Агенты Эмперана, высунув язык, бегали по старому следу, а в это время менее видные заговорщики продолжали втихомолку делать свое дело.

19 апреля 1809 года ознаменовалось новым смелым выступлением патриотов. В этот день в муниципалитет явился генерал-губернатор, чтобы вместе с городскими советниками пойти в собор, стоявший как раз напротив, на торжественное богослужение.

Но едва он направился к выходу, как на пороге появилась группа людей. Эмперан всех их хорошо знал. Вид у них был спокойный, но решительный. Они без обиняков заявили Эмперану, что пришло время образовать самостоятельное правительство для защиты интересов Фердинанда VII и что высшим органом власти должна быть хунта. Слово «самостоятельное» особенно резко прозвучало в зале муниципалитета. Эмперан молчал. Патриоты назвали своих кандидатов. Взгляды их были обращены на Эмперана и не предвещали ничего доброго. Тот, поняв всю серьез-

езность своего положения, постарался оттянуть время и дал обещание, что этот вопрос будет обсужден по окончании службы в соборе.

Патриоты растерялись. Они никак не ожидали такого благополучного исхода: они были уверены, что генерал-губернатор немедленно велит их схватить, и приготовились дать отпор. Мягкий тон Эмперана обезоружил их, и они в смущении вышли на площадь. Однако они быстро опомнились и двинулись вслед за генерал-губернатором.

На площади выстроились солдаты. При появлении генерал-губернатора они взяли на караул.

До сих пор не выяснено, почему Эмперан не отдал приказа арестовать следовавших за ним патриотов. Быть может, он был слишком уверен в своем всемогуществе, и это чувство усилилось в нем, когда он увидел свое преданное войско. Быть может, он думал, что жители Каракаса не раз могли убедиться в свирепости испанского террора и что это удержит их от безрассудного шага. Быть может, он опять счел нужным проявить свою «мудрую кротость». Так или иначе, он допустил ошибку.

Поздоровавшись с солдатами, генерал-губернатор стал медленно подниматься по ступенькам соборной лестницы. Вдруг один из наиболее рьяных каракасских патриотов, Франсиско Сальяс, пробившись сквозь толпу, схватил его за руку. Народ, собравшийся на паперти, замер от ужаса. Казалось, над Сальясом неминуемо свершится казнь — здесь же, на глазах у всех. Патриоты приготовились выручать товарища.

— Я требую, чтобы вы сейчас же дали решительный ответ относительно создания нового самостоятельного правительства! — не выпуская руки Эмперана, крикнул Сальяс.

Эмперан не привык к подобному обращению. Он силился что-то выговорить, но губы его шевелились беззвучно. Народ осмелел. Глухой зловеющий ропот вскоре сменился мощным, всепокрывающим ревом: народ требовал нового правительства.

Ошеломленный стремительным разворотом событий, Эмперан покорно дал себя свести вниз по ступенькам. На площади, по-прежнему навтыяжку, стояли солдаты, в которых он прочел полнейшее равнодушие. Генерал-губернатор был беззащитен, и он это понял. Сальяс крепко держал его руку, и толпа перед ним расступалась, восторженно приветствуя патриотов.

В муниципалитете Эмперан сложил свои полномочия. Сальяс активно поддерживал Хосе Кортес де Мадарьяга, уроженец Чили, каноник каракасского собора. Это был маленький, подвижной человек, смелый и решительный по натуре. Когда кто-то предложил ввести Эмперана в состав хунты, он и Сальяс, выразив энергичный протест, вышли на балкон, чтобы спросить мнение народа. Под одобрительные возгласы толпы

они выступили с требованием полного обновления органов власти. Народ обещал им горячую поддержку. Народ не желал полумер. Эмперана снабдили на дорогу деньгами и под усиленным конвоем отправили в Ла-Гуайру; оттуда он выехал в Соединенные Штаты.

На заседании, состоявшемся тотчас же после отъезда Эмперана, Сальяс и другие крайние элементы оказались в меньшинстве. Помня совет Миранды, собрание постановило назвать каракасскую хунту — «хунтой защиты интересов Фердинанда VII». Объявлять полную независимость, как того требовал Сальяс, было еще не время.

Хунта обнародовала свой первый манифест. С ее легкой руки манифесты приобрели огромную популярность. По мере того как ширилось движение за независимость, число выпускавшихся манифестов все росло.

Этот первый манифест закладывал основы свободного строя в Венесуэле. Отныне испанцы и креолы уравнивались в правах. Налог на предметы первой необходимости был отменен. Предлагалось в самое ближайшее время создать общества содействия промышленности и сельскому хозяйству. Заканчивался манифест следующей знаменательной фразой: «Берите пример с патриотов Каракаса».

Симон узнал о событиях в Каракасе от слуги, подававшего ему за обедом фрукты. Опрокинув стул и едва не повалив слугу со всеми фруктами, он вскочил и, не медля ни минуты, велел седлать коня. Он не верил своим ушам. Раз десять он заставлял слугу повторять все с самого начала, пока ему не сказали, что можно ехать. Он помчался, не разбирая дороги, по полям, по болотам, спугивая сонных ящериц, уползавших в траву, и, наконец, усталый, забрызганный грязью, осадил взмыленного коня возле родного дома. Хуана-Висенте он не застал: тот ушел к бывшему учителю Симона Андресу Белью. Симон бросился туда и в изнеможении упал на крыльце. Из дома выбежали испуганные люди. Они вообразили, что на них готовится нападение и кто-то спешит предупредить их. Увидев Симона, они чрезвычайно обрадовались и наперебой стали рассказывать ему новости.

На другой день Симон Боливар был официально представлен хунте. Тут же, в торжественной обстановке, состоялось его производство в чин подполковника национальной гвардии. С этого дня он стал активной силой освободительного движения в Южной Америке, одним из тех, кто делал ее историю.

Хунта разослала патриотов по провинциям, поручив им раздуть пламя борьбы за независимость. Мадридский регентский совет, узнав о том, какой оборот приняли события в Венесуэле, разумеется, выразил свое неудовольствие и отказался признать хунту. Венесуэльские порты были заблокированы, но это не дало желаемых результатов.

В июне восстали Буэнос-Айрес, Богота, столица Новой Гранады, и Сантьяго-де-Чили. Главные города почти всех южноамериканских колоний, за исключением Лимы и Гватемалы, по примеру Каракаса, образовали самостоятельные правительства.

Эти новые правительства оказались в положении человека, который, собираясь в гости, надел лучшее платье, но которому, оказывается, некуда пойти. Они декларировали свою полную независимость от Испании Жозефа Бонапарта, но их пока никто не признал. Испанское регентство не обманули верноподданнические заявления хунты. Ему достаточно было того факта, что хунта низложила вице-королей, назначенных еще Карлом IV. Для хунты весь вопрос заключался в том, к какой стране обратиться с просьбой о посредничестве.

На одном из собраний Симон выступил с конкретным предложением:

— Англия — одна из могущественнейших европейских держав, — сказал он. — Мы знаем, что она в союзе со старой Испанией; она доказала свою верность Карлу и Фердинанду. Старая Испания не захочет нас слушать, она прекрасно понимает, каковы истинные цели нашего движения, но ее можно заставить разговаривать с нами, если этого пожелает Англия. Я предлагаю прибегнуть к ее посредничеству. Есть и еще одна причина, почему нам следует обратиться именно к Англии. Там находится Миранда, и английское правительство с ним считается. Обратимся же за помощью к Англии.

Симон закончил речь под аплодисменты. Однако некоторые патриоты не согласились с ним. Это были противники немедленного и полного отделения колоний от метрополии. Находя это преждевременным, отстаивая принцип верности Карлу и Фердинанду, они утверждали, что обращаться к Миранде и тем самым подчеркивать свою связь с ним — неблагоприятно. Их точка зрения возобладала. Хунта приняла решение отправить в Англию дипломатическую миссию, которая обратится за помощью непосредственно к английскому правительству.

Когда речь зашла о том, кого назначить главой миссии, Симон выставил свою кандидатуру, и ее утвердили. Сопровождать его должны были Андрес Белью и юный аристократ Лопес Мендес. Им было предложено соблюдать величайшую осторожность, ни под каким видом не открывать истинных намерений хунты и не слушать советов Миранды. Никто из трех членов миссии не был искушен в дипломатическом искусстве. Белью, поэт и педагог, и Мендес, новичок в политике, ни разу не были за границей.

Члены миссии уже собирались покинуть собрание, чтобы обсудить втроем план действий, когда выяснилось, что казна пуста и им не на что ехать. Симон нашел выход из положения. Когда-то он предложил свою долю наследства брату, но тот отказался. Тщетно предлагал он ее и Гум-

больдту на организацию университета. Теперь он предложил ее хунте. Хунта согласилась принять ее и выделила определенную сумму на путевые расходы членам миссии.

Боливар, Бельо и Мендес уезжали, полные радужных надежд. Вслед за ними в Соединенные Штаты выехал Хуан-Висенте. По примеру брата, он обратился к хунте с просьбой, чтобы туда послали именно его. Из общей суммы, переданной Симоном в распоряжение хунты, ему выделили шестьдесят тысяч песо на закупку военного снаряжения в Филадельфии. Другой целью его поездки было по возможности заручиться поддержкой североамериканского правительства.

Когда Хуан-Висенте прибыл в Соединенные Штаты, его сейчас же разыскал испанский посол и с видом крайнего удовлетворения сообщил, что Карл и его сын Фердинанд на днях признают венесуэльскую хунту. Покупать оружие было как будто не для чего. Доверчивый Хуан возликовал. Он совершенно забыл, что этот самый не в меру расторопный посол погубил десант Миранды. Попросив посла проводить его, Хуан зашел в сельскохозяйственный магазин и накупил разных машин и орудий на все шестьдесят тысяч.

Но ему было не суждено вернуться в Венесуэлу. По дороге его застиг шторм. Судно разбилось у берегов Флориды, и все, кто был на нем, погибли. Не успел Симон приехать в Лондон, как на него свалилось новое горе. Несмотря на различие в характерах, братья горячо любили друг друга. Что ж, надо было пережить и это! Стиснув зубы, Симон с удвоенной энергией принялся за дело.

Часть третья

ГРОЗА

Глава IX

НА АВАНСЦЕНЕ МИРАНДА

Где та великая армия, которой я призван командовать?

Венесуэльская миссия трудилась не покладая рук. Бельо, взявший на себя обязанности секретаря, заново отредактировал текст послания хунты Георгу III; при этом он старался выражаться как можно изысканнее. Симон, добившись приема у английского министра иностранных дел Уэлсли, вручил ему это послание, которое хунта из предосторожност-

ти сочла необходимым закончить так: «Мы хотим одного: сохранить в целостности владения короля Фердинанда, коему мы присягали на верность». Уэлсли был удовлетворен и обещал оказать свое содействие колониям в их переговорах с метрополией.

Но Симону не хватило дипломатического такта. Вместо того чтобы тут же удалиться, как только он увидел, что дело идет на лад, он принялся развлекать смущенному и испуганному министру свои смелые взгляды, заявив, что он лично — за полный разрыв с метрополией. Уэлсли ясно дал понять, что он не может и не должен поддерживать подобную точку зрения и что он со своей стороны выдвигает следующие условия: сохранение мирных отношений между метрополией и колониями, отмена блокады венесуэльских портов, предоставление креолам права служить в государственных учреждениях и свобода торговли для колоний, впрочем, с некоторыми ограничениями.

— Нет, — ответил Боливар, — этого не достаточно.

Хунта была бы рада такому исходу переговоров, но Симон ушел от министра недовольный и направился прямо к Миранде. О встрече с ним он, втайне от других членов хунты, мечтал еще в Каракасе, ради нее он и вызвался ехать в Англию. Это очень характерно для Боливара. Он был непреклонен во всем, что касалось борьбы за независимость. Задумав что-нибудь, он шел к намеченной цели, никуда не сворачивая и не оглядываясь, часто наперекор своим начальникам и соратникам, которые отставали от него и не в силах были его удержать. И почти не было случая, чтобы он раскаивался в своем непослушании. Эту уверенность в себе — отличительную черту своего характера — он сохранил до конца жизни.

Свидание с Мирандой оказалось несравненно приятнее, чем прием у министра. Симон живо охарактеризовал сложившуюся в Венесуэле ситуацию, которая выгодно отличалась от той, какую мог наблюдать Миранда, и уговорил его поехать туда вместе с ним на английском судне «Сапфир». Энтузиазм Симона передался его собеседнику. Успехи революционеров чрезвычайно обрадовали Миранду. Вдобавок Симон нарисовал перед ним величественную картину: многочисленное войско, в полной боевой готовности, выстроилось в ожидании, что он примет над ним командование, радостно возбужденные патриоты рукоплещут своему герою и выражают желание идти за ним в огонь и в воду.

Симону, еще сохранявшему юношеский пыл и несдержанность, Миранда с его величавой осанкой и внушительной манерой держать себя представлялся идеалом вождя народной армии. При этом свои мечты он принимал за действительность. Он ни минуты не сомневался в том, что как только Миранда появится в Каракасе, хунта с радостью вручит ему бразды правления, а ему, Симону, проявившему столько настойчивости

и умения, чтобы уговорить Миранду вернуться в Венесуэлу, выразит благодарность.

В декабре 1810 года Симон и Миранда прибыла в Ла-Гуайру, а оттуда проследовали в Каракас, и тут их постигло горькое разочарование.

Хунта не только не выказала никакой радости по поводу их возвращения, но напротив: она была явно недовольна. Вместо похвал Симону пришлось выслушать упреки в неосмотрительности и легкомыслии. Миранду одни встретили равнодушно, другие — откровенно враждебно. Почувствовав себя оскорбленным, он уединился и этим окончательно вооружил против себя венесуэльцев. Огорченный своей неудачей и поведением Миранды, Симон поехал в Сан-Матео. Перед отъездом у него произошёл крупный разговор с Мирандой.

— Где же та великая армия, которая, как вы мне говорили, ожидает моих приказаний? — спросил Миранда. Оттенок презрения, с каким он произнес эти слова, задел Симона.

— Вот она! — воскликнул он, указывая на босоногих туземцев, бродивших по улицам.

— Н-да-а! — возмущенно протянул Миранда.

— Это очень храбрые люди, и если их обучить, из них выйдут стойкие и бесстрашные воины! — с жаром возразил Симон, которого не на шутку начинал раздражать высокомерный тон Миранды.

— Откуда вы знаете, какие они солдаты? — удивлено вскинув левую бровь, осведомился Миранда. Симон вспыхнул. Миранда был значительно выше его, что придавало ему еще более надменный вид и еще более бесило Симона. Стараясь казаться выше и не понимая, что на Миранду это может произвести комическое впечатление, он выпрямился и, хотя внутри у него все кипело, с достоинством проговорил:

— Сеньор, я — полковник национальной гвардии.

Всем своим видом выразив насмешливое изумление, Миранда принялся задавать ему вопросы: как составляется план похода, какой тактики следует держаться во время атаки, — Симону все это было незнакомо.

— У меня в армии вы начнете лейтенантом, — закончил экзамен Миранда и, расхаживая по комнате, достаточно явственно, чтобы мог слышать Симон, пробормотал что-то о народе, который до того глуп, что, желая свободы, поручает ее завоевание таким молокососам, как Боливар.

Пока Симон отдыхал в Сан-Матео, Миранда успел прекратиться от отшельника в общественного деятеля. Его произвели в генерал-лейтенанты и выбрали делегатом в конвент, который предполагали созвать в марте 1811 года.

Между тем почва стремительно ускользала из-под ног хунты. Престиж ее был слишком слаб для того, чтобы она могла разом покончить со

всеми враждебными элементами, уже начинавшими поднимать голову. Члены хунты готовы были бросить все и бежать, но их удерживал страх, что они будут схвачены и расстреляны своими же. Декларация независимости была одобрена народом, но не утверждена официально. Патриоты решили созвать представителей всех провинций, подчинившихся каракасскому правительству. Выборы делегатов, если только это можно было назвать выборами, тянулись бесконечно долго, вокруг них плелась запутанная сеть интриг — народ еще не привык к самоуправлению. Конвенту предстояло решить: провозглашать ли полную независимость и объявлять ли войну Франции, или подчиниться Жозефу.

Наконец открылся конвент. Миранда явился туда в качестве делегата от провинции Пао. Жители этой провинции понятия не имели о том, кто их делегат; они даже не подозревали, что созывается конвент, но над этим никто не задумывался. Симон не был делегатом. Он прошел на съезд вместе с публикой, которую стали пускать после того как собрались «полномочные» представители провинций.

Конвент заседал три дня. В зале негде было упасть яблоку. Чтобы не потерять своих мест, люди приносили еду с собой. Ораторы требовали, обличали, выходили из себя и договаривались до невероятных вещей, отстаивая свою точку зрения. Многие предрекали страшную кару тем, кто выступал против короля. Атмосфера накалялась. Симон выступал на улицах, в перерывах между заседаниями.

Миранда выжидал, пока улягутся страсти. Он выступил перед самым закрытием конвента. Он заявил во всеулышание, что Испания не сегодня-завтра подпишет с Францией договор и что скоро все ее колонии подпадут под власть Наполеона. Он старался доказать присутствующим, что отступать теперь уже поздно и что это было бы гораздо опаснее, чем идти дальше. Превосходный оратор, Миранда сумел увлечь аудиторию, и по окончании его речи конвент санкционировал полную независимость. Но подписание декларации состоялось лишь 5 июля 1811 года. Таким образом Миранда оказался в самом центре событий, Боливар же сознательно стоял в тени: он претендовал только на то, чтобы быть его скромным помощником в борьбе за независимость.

Над зданием муниципалитета взвился красно-желто-голубой флаг. Был выпущен манифест, в котором венесуэльские патриоты, обращаясь ко всему миру, объясняли причины совершенного ими смелого революционного акта.

Декларация независимости была принята далеко не единодушно, даже в Каракасе. Шли уличные бои, толпа монархистов осаждала муниципалитет. Миранда своей властью приговорил зачинщиков к смертной казни, но усмирить монархистов было не так-то легко. В Валенсии раз-

вернулось целое сражение — первое в истории борьбы Южной Америки за независимость. Местных монархистов поддержали испанцы, прибывшие из Коро, — того самого Коро, который когда-то, во время своей неудачной экспедиции, захватил Миранда и где он продержался всего несколько дней. Хосе Ривасу, главнокомандующему республиканской армией, не удалось сломить сопротивление мятежников. Миранда выступил в хунте с речью: он заявил, что эта неудача его нисколько не удивляет, и подверг резкой критике венесуэльскую армию. Члены хунты, обеспокоенные тем, что их ожидает в случае победы валенсийских монархистов, упростили его принять командование армией.

Миранда выехал на фронт. То, что он там нашел, превзошло самые мрачные его ожидания. Необученные, недисциплинированные республиканские войска приводили в отчаяние этого прирожденного полковника, привыкшего держать в повиновении лучших солдат Европы. К довершению всего, среди офицеров арагуайской гвардии он заметил Симона Боливару. Это было уже слишком.

— Где команду я, там не должен командовать Боливар, — заявил он представителям хунты, и тем ничего другого не оставалось, как принять его ультиматум.

Симон сорвал с себя знаки различия и бросил на землю.

— Хорошо! — сказал он. — Я пойду простым солдатом.

Миранда молча продолжал смотреть.

В Валенсии Миранда одержал полную победу, потеряв всего лишь восемьсот человек. Симон так отличился в этом бою, что Миранда вынужден был вернуть ему чин полковника.

Победа воодушевила каракасских патриотов. Миранда был счастлив. Хунта приступила к составлению политической хартии. Но дело не клеилось. Начали составлять в сентябре, а кончили только в декабре 1811 года. Каждый день вносились новые изменения и поправки, одни пункты заменялись другими. Не отличаясь новизной идей, венесуэльская конституция была до того сложно построена и до того витиевато изложена, что даже юристы, редактировавшие ее текст, эти опытные крючкотворы, но неопытные политики, потрудившись над ней весь день, к вечеру, вероятно, сами запутывались в ее двухстах двадцати восемью пунктах. А темные массы, для которых она, собственно, и была предназначена в первую очередь, и подавно ничего в ней не понимали. Таким образом она не достигла своей основной цели.

Симон высказался против этой конституции и, к вящему своему удивлению, нашел поддержку в лице Миранды. Позабыв на время былые распри, они оба ратовали за сильное централизованное правительство, способное вывести страну из всех испытаний, которые предстоят ей

в будущем, и отвергали проект «федеративного» правительства, предложенный в конституции.

Над этой хартией не стоило долго ломать голову, так как она все равно была недолговечна. В пограничных районах дело республиканцев висело на волоске. Вместо долгожданного мира в стране началась смута, находившая удобную почву в невежестве народных масс. Юристы, весьма довольные своей четырехмесячной работой над составлением конституции, сделали еще одну оплошность: они выпустили бумажные деньги, не обеспеченные золотым запасом. Финансовый крах был неминуем. К неудовольствию каракасцев, вновь созванный конвент постановил перенести столицу в Валенсию. Главари валенсийского заговора, приговоренные Мирандой к смертной казни, были помилованы. Выслушав это постановление, Симон, сидевший рядом с Мирандой, задрожал от ярости. Миранда хранил презрительное спокойствие.

1812 год начался неудачно для венесуэльской республики. С посредничеством Великобритании ничего не вышло. Испания собиралась покончить с национально-освободительным движением в Южной Америке. Венесуэльские монархисты, в ожидании подкреплений из Метрополи, теснее спланивали свои ряды.

Симон под начальством Миранды энергично взялся за обучение солдат: патриоты намеревались послать экспедиционный корпус на запад. Это была одна из неудачных кампаний, предпринятых за время национально-освободительной борьбы. И кончилась она неудачей не потому, что испанцы нанесли ей сокрушительный удар, а потому, что она столкнулась с несравненно более грозной силой, с которой не властен бороться человек.

Глава X

ЗЕМЛЕТРЕСЕНИЕ

Беспрекословное повиновение — необходимое качество солдата

26 марта 1812 года. Великий четверг. Весь Каракас захвачен предстоящей религиозной процессией. Всюду яркие цвета. На общественных зданиях и домах патриотов красуются колеблемые ветром трехцветные республиканские флаги. Ослепительной синевой блистает небо. Все рады и счастливы. Говорят, на Венесуэлу идет свирепый испанский генерал Монтеверде, но даже хунта не придает этому значения. Уже два года, как Эмперан изгнан из пределов страны. Патриоты одержали победу, и теперь, чем бы им ни грозили из-за моря, они не сойдут со своего пути.

Сверкая новой формой полковника, Симон присоединился к процессии, которая должна была направиться к собору. Вскоре показалось духовенство в белом облачении, за ним — губернатор, весь в красном. Хор детей запел молитву. Монахи и монахини, в черных одеждах, плавно задвигались в такт песнопениям. Офицеры в последний раз опраивали свои эполеты. Почтенные сеньоры зорко следили за своими дочерьми — и недаром: несмотря на торжественность момента, в черных глазах девушек то и дело вспыхивал шаловливый огонек.

Процессия медленно тронулась. Из мрачной глубины собора, озаренной трепетными огоньками свечей, струились мягкие звуки хора. Войдя в собор, участники процессии опускали пальцы в чашу со святой водой и осеяли себя крестом. В благоговейной тишине слышен был молитвенный шепот коленапоклоненной толпы и треск свечей. Двери затворились. Священник произнес по-латыни свой первый возглас. Ему ответил тихий и стройный хор детских голосов. Окутанный кадыльным дымом, священник благословил алтарь и молящихся. Те усердно закрестились. Извне врывал торжественный гул колоколов.

Внезапно к колокольному звону примешался новый и сильный звук. Хор перестал быть слышен. Наконец певчие смолкли, и в храме воцарилась мертвая тишина. Все напряженно прислушивались к странному звуку. Неожиданно он перешел в ужасающий грохот, от которого заколебалось все здание собора. Землетрясение... Из уст собравшихся вместо молитвы вырвался дикий вопль. Толпа ринулась к выходу. Руки, еще недавно творившие крестное знамение, принялись в тщетных усилиях пробиться наружу царапать и рвать живое человеческое тело. Рухнули балки, алтарь скрылся в облаке пыли. На престолах вспыхнули покровы, и от них легко воспламенялись воздушные мантильи. Мало кому удалось выбраться на улицу.

Внутри собора и вокруг него раздавались душераздирающие крики о помощи. Дома дрожали, будто картонные, на улицах образовывались глубокие провалы. Подземные толчки следовали один за другим. Спасаться было негде. Многие, боясь, что их придавит обломками рушащихся зданий, сгрудились на середине площади. Мгновение — и толпа исчезла.

Пострадал не один Каракас. Разгневанная природа ополчилась также на Мериду, Баркисимето и Ла-Гуйару. Стоявший в Сан-Фелипе батальон патриотов, который насчитывал шестьсот человек и готов уже был к походу на запад, оказался отрезанным. В Баркисимето, во время смотра, тысячу двести солдат в несколько секунд поглотила земля. Как нарочно, землетрясение охватило лишь те города, где власть перешла к патриотам, войска же испанца Монтеверде ничуть не пострадали. Во всей восточной части Каракаса уцелела одна лишь колонна часовни с изображе-

нием испанского национального герба. Наоборот, все здания, над которыми развевались республиканские флаги, были разрушены. Священники, бродившие вокруг рухнувших церквей, громко молили бога о прощении. Многие из их духовных сынов публично каялись в грехах.

Симону Боливару чудом удалось вырваться из собора. Едва рассеялось первое облако паники, он присоединился к своим уцелевшим друзьям, перетаскивавшим на носилках мертвецов.

Земля перестал колебаться, но страх не исчез. Те, кто выжил, не знали куда деваться. В одном Каракасе погибло десять тысяч человек. Подземные удары шли по двум направлениям: первый — с юга на север, второй — с запада на восток. Окраины превратились в груды развалин.

Все это продолжалось меньше часа. На закате во всей округе водворилась кладбищенская тишина. Оставшиеся в живых откапывали родных и близких. Раненые умоляли облегчить их нестерпимые мучения.

Священники, большинство которых поддерживало испанцев, и монархисты воспользовались благоприятным моментом. «Эта тяжкая кара постигла патриотов за то, что они неверны королю», «покайтесь и впредь обещайте быть покорными слугами Фердинанда», «господь покарал бунтовщиков», «два года назад был изгнан Эмперан, вот и расплата»... Перепуганных каракасцев легко было сбить с толку, и они, окружив священников, слезно молили простить им их заблуждение и давали обет искупить свой великий грех, чтобы господь не прогневался вновь.

Симон, опасаясь, как бы в городе не началась эпидемия чумы, помогал зарывать трупы. Он слышал речи священников, натравливавших народ на патриотов, видел пришибленных горожан, которые проходили мимо него, растеряно бормоча что-то. Было ясно, что роковое стечение обстоятельств нанесло делу освобождения Венесуэлы серьезный удар. Появился новый враг, с которым предстояло сразиться. Некий священник, увидев Боливара, крикнул:

— Бог сохранил вам жизнь для того, чтобы вы доказали ему свою преданность. Долой республику! Долой всех патриотов!

Симон, раздвинув плечами толпу и столкнув священника с разбитой ступеньки, на которой тот стоял, с неменьшим жаром воскликнул:

— Граждане, сама природа протягивает руку помощи деспотизму. Природа хочет раздавить нас, а мы, в свою очередь, должны сломить ее сопротивление и победить ее. Заставим природу повиноваться нам.

Лишь немногие прониклись речью Боливара. Вокруг простирался безмолвный Каракас, являвший собой груды окровавленных руин, и, словно для того чтобы эта мрачная картина еще рельефнее представилась глазам зрителей, на очистившемся от туч небе показалась багровая луна.

Сто двадцать тысяч человек пали жертвой пали жертвой катаклизма. Процесс восстановления страны шел медленно. В это смутное время

Миранда сделался генералиссимусом, и никто не оспаривал у него новый титул. Доминго Монтеверде, моряк по профессии и авантюрист по натуре, ныне командовавший испанскими войсками в Южной Америке, сейчас же после землетрясения захватил Баркесимето и там, где прежде стояли казармы, извлек из-под обломков пушки и боеприпасы. Властный и жестокий, Монтеверде, однажды решившись ввязаться в драку, шел вперед, уже не дожидаясь приказаний свыше. Путь его был усеян трупами замученных патриотов. Ужас, который он навел повсеместно, и последствия землетрясения заставили венесуэльцев отказаться от мысли о независимости. Монтеверде готовил поход на Валенсию.

Миранда находился в Каракасе. Когда Монтеверде стал подходить к Валенсии, его вызвали туда, чтобы возложить на него миссию, которая была выше его сил. За все время его стремительной и изменчивой карьеры ему ни разу еще не приходилось иметь дело с неопытными новобранцами. Европейские солдаты, которыми он командовал, призывались молодыми, подолгу служили в армии и рвались в бой. Не так обстояло дело с жителями Каракаса и его окрестностей. Обученной армии не было. Лишь недавно хунта приняла решение дать рабам свободу и призвать их на десятилетнюю военную службу. Мобилизованных крестьян силой угоняли в город. «Давайте людей» — таков был приказ Миранды. Могут ли они и хотят ли они воевать — об этом у них не спрашивали. Республика нуждалась в солдатах, или в «пушечном мясе», как выразился в запальчивости один крестьянин, когда его погнала воевать.

Симона срочно вызвали из Сан-Матео, куда он выезжал с целью выяснить размеры ущерба, нанесенного его владениям недавней катастрофой. Потратив больше месяца на обучение насильственно мобилизованных новобранцев, он получил приказ явиться к Миранде. Симон знал о предстоящих боях с восками Монтеверде, и когда ему передали приказ генералиссимуса, у него мелькнула мысль, что Миранда предложит ему непосредственно участвовать в военных операциях.

— Вам надлежит выехать в Пуэрто-Кабелью и принять командование местным гарнизоном. Там много заключенных испанцев, в крепости сосредоточены ценные боеприпасы и провиант. Выезжайте двадцать девятого апреля.

С этими словами Миранда поклонился, давая понять, что беседа окончена. Пуэрто-Кабелья! Нет, это не то назначение, о котором мечтал Симон. Миранда нарочно усылает его в этот захолустный городишко, подалее от театра войны.

— Но это очень важное и опасное поручение, — попробовал его утешить Ривас.

— Опасное! — в сердцах воскликнул Симон. — Сторожить заключенных да подсчитывать пушки — на это годится самый тупой солдат

нашей армии. Ведь там одни политические заключенные, а не военнопленные. Я хочу действовать, Миранда это знает и пользуется своей властью, чтобы помешать мне. И надо же было мне привозить его из Европы!

Боливар был в исступлении. Только когда Ривас напомнил ему, что необходимым качеством солдата является беспрекословное повиновение, Симон решил подчиниться приказу и стал собираться в путь.

Как он и предполагал, события развернулись стремительно. Уже на полдороге к Пуэрто-Кабелью он узнал, что Валенсия без боя сдалась испанцам. Для него не являлось тайной, что республиканские войска плохо обучены, но зато своей численностью они превосходили врага по крайней мере раз в семь. Миранда отступил к Ла-Кабьерере, небольшому местечку между Валенсией и Каракасом. Это отступление подорвало и без того непрочный престиж Миранды. Солдаты, чувствуя, что главнокомандующий презирает их и не верит в их способность сопротивляться испанцам, несмотря на численное превосходство, не скрывали своего недовольства.

Миранда, из боязни поражения, не рискнул встретиться с противником лицом к лицу. Предоставлять же войску инициативу не входило в его правила. Он предпочел отступить, чем давать противнику бой, в благоприятном исходе которого он далеко не был уверен. «Предатель!» — глухо роптали солдаты, и, хотя это было несправедливое обвинение, ропот усиливался с каждым днем. Миранда искренно желал свободы для своего народа, но он считал, что народ еще не готов для этого, и не хотел зря тратить свои силы. Вместо того чтобы воодушевлять войска и увлечь за собой вперед, он тащил их назад, ограничиваясь нанесением противнику булавочных уколов, чтобы тот знал, что он близко. Сверх этого он не предпринимал ничего.

Монтеверде оказался менее деликатным. К нему присоединились монархисты из Коро. Он получил ценные сведения о состоянии республиканских войск от одного перебежчика, капитана Педро Понсе. Пока республиканские офицеры, изнывая в бездействии, умоляли Миранду вырвать у врага инициативу и перейти в наступление, войска Монтеверде, которым указывал дорогу Понсе, начали заходить в тыл армии патриотов. Миранда и на этот раз отказался дать бой и приказал поспешно отступить к Ла-Виктории, являвшейся ключом к Каракасу. Над республикой нависла смертельная опасность.

Симон в болю в сердце пересчитывал сообщения о военных действиях. Возвращаясь с ежедневной прогулки по песчаному взморью в крепость, где предстоял часовой обход, он особенно остро ощущал каждый раз всю томительность своего вынужденного бездействия в этой почетной ссылке. Он испытывал непонятную тревогу. В том дремотном покое,

в который был погружен тихий Пуэрто-Кабельо, ему, не знакомому с тишиной, чудилось дыхание грозы. Скоро гроза разразится, и Симону Боливару не достанет сил ее укротить.

Глава XI

ПАДЕНИЕ ПУЭРТО-КАБЕЛЬО

Удар нанесен в самое сердце Венесуэлы

Есть основания полагать, что непосредственным виновником падения Пуэрто-Кабельо, которое привело к гибели первую венесуэльскую республику, явился никто иной, как сам Боливар. Он был крайне недоволен своим новым назначением. Все его внимание было приковано к событиям, происходившим вдали от Пуэрто-Кабельо, вокруг Каракаса. Тем не менее, когда он узнал, что Монтеверде захватил Сан-Матео, ему и тут не пришла в голову мысль о бегстве. Но к своим обязанностям, заключающимся в ежедневных обходах и военной подготовке солдат, приставленных караулить орудия и провиант, он относился небрежно, что было вполне естественно в его положении, но едва ли простительно.

До приезда Боливара местным гарнизоном командовал капитан Франсиско Винони, человек, по-видимому, достойный доверия. Боливар оставил этот пост за ним, считая, что во всем, что касается крепости, на него вполне можно положиться. Крепость стояла в стороне от города, и ходить туда каждый день Боливару представлялось нелепым: он предпочитал вместе с другими офицерами упражняться в искусстве фехтования. Так время шло незаметнее.

30 июня заключенные испанцы, казавшиеся Симону столь беззащитными, подговорили Винони изменить республике. Винони прежде служил лейтенантом в том самом полку, которым командовал Боливар. Ничто не предвещало в нем будущего изменника, хотя население, вообще говоря, не разделяло того доверия, какое питал к нему Боливар. Измена Винони явилась первым звеном в длинной цепи предательств, которая, подобно змее, медленно, но верно начала обвиваться вокруг патриотов.

В то самое время, когда Симон фехтовал в казарме с одним из офицеров, заключенные вышли на свободу, мост, соединявший город с фортом, был поднят, и орудийные залпы поразили слух застигнутых врасплох патриотов. Так как крепость господствовала над местностью и отсюда легко было отражать атаки с разных сторон, то испанцы, выйдя на свободу, в сущности, уже владели ведем Пуэрто-Кабельо, разве только какая-нибудь исключительно мощная сила бросилась бы на штурм крепости.

Но такой силы в городе не оказалось. Военные материалы были сосредоточены в крепости, и испанцы немедленно использовали их.

В городе никто сперва не мог понять, что, собственно, случилось. Раздался чудовищный взрыв — похоже, что в городском саду... Ни одного корабля не улавливал на горизонте взгляд испуганных жителей Пуэрто-Кабельо, кстати сказать, названного так потому, что в его боте вечно царил безмятежный покой, и достаточно было как бы одного волоска, чтобы корабль прочно стал на якорь¹.

Боливар со своим партнером бросили фехтовать. Другие офицеры вскочили с мест. Схватив бинокль, Боливар навел его на крепость и отчетливо, слишком отчетливо увидел — кого же? Винони! Винони, которому он всецело доверял и который теперь отдавал приказ бывшим заключенным стрелять по городу. Неслыханное вероломство...

Боливар мог рассчитывать лишь на небольшой кавалерийский отряд; боеприпасов и других военных материалов было недостаточно. Он не решился на штурм крепости, это было бы безумием. Один пушечный выстрел рассеял бы все его войско. Одна надежда — на подкрепления. Попросить их у Миранды! Немедленно! Пока спешно рылись окопы и вокруг казармы возводился земляной вал, чтобы она была менее уязвимой, Боливар сел за письмо к генералу.

Миранда давал обед своим офицерам, когда ему доставили письмо Симона. Среди гостей меньшинство составляли креолы. Преобладали французы, англичане и ирландцы, словом, представители всех европейских национальностей, которые можно было встретить в Венесуэле. Этим-то искателям приключений и доверил Миранда наиболее ответственные посты в своей армии. Ему льстило их дружеское расположение, и он настойчиво искал их общества, предпочитая их своим соотечественникам. Чтобы угодить европейскому вкусу гостей, он составил меню из одних французских блюд.

Обед был прерван сообщением о прибытии гонца, тайно покинувшего Пуэрто-Кабельо и теперь в изнеможении свалившегося у порога. Миранда вышел к нему и с нескрываемым любопытством выхватил письмо из его грязных и потных рук. Вот что он прочел:

«Ваше превосходительство!

Один офицер, недостойный именоваться венесуэльцем, завладел фортом и с помощью испанских военнопленных подвергает город разрушительному обстрелу. Если ваше превосходительство немедленно не атакует противника с тыла, то Пуэрто-Кабельо будет для нас потерян. До тех пор я буду защищать его всеми имеющимися у меня средствами.

Симон Боливар».

¹ Кабельо по-испански волос.

Миранда присел на крыльцо возле измученного гонца. Гости, опасаясь покушения на жизнь генерала, пошли его искать. Отвечая на их вопросы, Миранда печально воскликнул:

— Удар нанесен в самое сердце Венесуэлы!

Это был конец первого этапа национально-освободительного борьбы в Южной Америке и начало конца самого Миранды.

А там, в осажденном городе, на каждый залп крепостных орудий отвечала артиллерия Боливар. Симон не терял надежды, хотя положение было безнадежное. Часами простаивал он на колокольне, вглядываясь вдаль: не покажется ли откуда-нибудь трехцветное знамя республики, а за ним войско Миранды? 5 июля, когда он все так же тщетно дежурил на колокольне, ему вдруг почудилась награда за долгое ожидание: тонкое облако пыли возникло на горизонте. Радостно взволнованный и окрыленный, он с нетерпением ждал, когда же можно будет явственно различить знамя. Облако пыли, постепенно увеличиваясь, закрыло все поле. Но разглядеть, что за ним скрывается, все еще не представлялось возможным. Симон лихорадочным движением протер стелы бинокля и, снова наведя его, внезапно увидел то, что означало крушение не только его надежд, но и всего дела патриотов: на ветру развевалось испанское знамя. Оно уже было хорошо видно, оно уже наполовину выглянуло из-за облака пыли, прорезав его, как молния прорезает черную грозовую тучу. Оно стремительно приближалось, и вот-вот должна была разразиться гроза.

Боливар понял, что с городом кончено, но он не мог оставить его. Только не сдаваться! Пусть испанцы возьмут его приступом. Видя, что они окружают Пуэрто-Кабелью, он приказал горсточке защитников города отбросить врага. Но это была лишь видимость сопротивления: все, за исключением нескольких человек, перешли в лагерь противника, остальных испанцы без труда взяли в плен.

Боливар прекрасно отдавал себе отчет в том, что означает для республиканцев потеря Пуэрто-Кабелью, и не преуменьшал силы удара, нанесенного противником. Но у него не было времени размышлять над тем, почему к городу подошли испанцы, а не патриоты. Оставались считанные минуты, в течение которых надо было обдумать, как спастись самому и спасти семерых офицеров, оставшихся верными ему и избежавших плена. За излучиной бухты, куда не достигали снаряды крепостной артиллерии, скрывалась рыбацья лодка. Только бы добраться до нее, а там — свобода! Симон и его офицеры молили бога, чтобы скорее настала ночь. Их моления были услышаны: вскоре настала ночь. Их моления были услышаны: вскоре грозовые тучи, громоздясь одна на другую, заслонили солнце. Тогда они, пробираясь берегом и прячась за низкорослыми, но густолиственными деревьями, подошли к излучине, погрузились в теп-

лую воду и поплыли по направлению к лодке. Вдали бороздили водное пространство испанские суда. Тучи сгущались и становились все чернее. Беглецы молча подняли паруса — как раз в ту минуту, когда начался дождь. Сперва, словно пули на излете, застучали по бортам большие редкие капли, мало-помалу стук участился, и, наконец, все вокруг затянулось серым колышущимся саваном.

Дождь лил всю ночь, а когда занялся день, беглецы причалили к Ла-Гуайре. Симон, которому в время не было еще двадцати девяти лет, был совершенно подавлен. Он не сомневался в величии духа республиканской армии, но отчаяние от того, что он не выполнил своего долга, побуждало его снять с себя часть ответственности и возложить ее на Миранду. Удрученный случившимся, он все же готов был ответить вопросом на вопрос, который, он знал, ему зададут.

Миранда, уже утративший всякую популярность, использовал это печальное обстоятельство в своих целях. Герой европейской военной эпопеи уступил в нем место нерешительному, растерявшемуся, обыкновенному генералу. От былого величия у него остался лишь великолепный мундир. Прежние его заслуги были таковы, что он, не роняя своего достоинства, мог бы носить и более скромную форму, а в этой ему теперь было явно не по себе. По наущению одного испанца, выдававшего себя за сторонника патриотического движения, он приблизил к себе министра финансов Каса Леон. Тот стал ему нашептывать, что казна пуста, что внутри партии патриотов идет борьба между представителями отдельных рас и что нет никакой надежды на улучшение ситуации. Каса Леон указывал, что единственный почетный исход — это мирные переговоры с противником, на что Миранда и согласился, не посоветовавшись ни с кем из патриотов. Переговоры начались, и 25 июля был заключен мир...

Борьба кончилась. Миранда сдался Монтеверде, потребовавшему полной капитуляции патриотов и признания испанской конституции 1812 года основным законом государства.

Боливар, высадившись в Ла-Гуайре, намеревался проехать в столицу, как вдруг пришла весть о мире. Дополнительное сообщение о том, что Монтеверде вошел в Каракас, вынудило его задержаться в Ла-Гуайре.

Миранда, прибыв из Каракаса в Ла-Гуайру, застал там Боливар и многих других патриотов, бежавших от испанцев. Они встретили его весьма почтительно. Комендант крепости де Касас устроил в его честь ужин. В гавани стояло английское судно «Сапфир». Капитан уговаривал Миранду сейчас же сесть на корабль. Усталый и голодный, экс-генералиссимус низложенной республики сдался на уговоры офицеров переночевать в городе.

После ужина он удалился в небольшую комнату на втором этаже. Как только наверху послышались его тяжелые шаги, тотчас блюда были отодвинуты в сторону, комната потонула в облаках табачного дыма, и патриоты принялись решать судьбу Миранды. Считая его виновником полного крушения всех своих чаяний и надежд и усматривая в его намерении покинуть Венесуэлу неопровержимое доказательство того, что он сам не верит в выполнимость подписанного им договора, Боливар предложил подвергнуть генерала суровой каре.

В три часа утра патриоты пришли к решению немедленно арестовать Миранду. Симон встал из-за стола, взял свечу и в сопровождении трех патриотов направился к нему в комнату. Миранда спал крепким сном; на полу валялось его скомканное платье. Он долго не мог взять в толк, чего от него хотят, но слово «предатель», произнесенное Симоном, дошло, наконец, до его сознания, и, уставив свои сонные голубые глаза в черные сверкающие глаза Болизара, Миранда процедил одно только слово: «Глупец!»

Заговорщики окружили генерала. Старый воин оделся и, повинувшись их знаку, вышел на улицу. Заговорщики ответили его в старинную крепость, и там он провел несколько месяцев.

Патриоты постановили на другой же день расстрелять Миранду за измену, но им помешал новый приказ Монтеверде, которому не замедлил подчиниться де Касас. Всем судам воспрещалось выходить из гавани. Это вызвало панику среди патриотов, рассчитывавших сейчас же после казни Миранды покинуть берега Венесуэлы. Кое-кому удалось сесть на «Сапфир», но за Симоном неусыпно следил де Касас, чьи политические взгляды после приказа Монтеверде претерпели значительные изменения. Вскоре в Ла-Гуайру вступили испанские войска. Попытка бегства не удалась, и Симон, переодетый, отправился в Каракас. Там ему пришлось скрываться в доме Итурбе, верного своего друга, хотя и убежденного монархиста, считавшего, что венесуэльцы не способны к самоуправлению. Итурбе пользовался особым расположением испанцев; его многолетняя привязанность и любовь к Боливару позволяли надеяться, что он поможет ему вырваться за границу.

Миранда был препровожден в одну из подземных камер крепости Пуэрто-Кабельо. Он так и не вышел на свободу. Из Пуэрто-Кабельо его перевели в Кадис, откуда он писал: «Друг мой, испанские цепи не так тяжелы, как те, что я принужден влачить у себя на родине». Он умер в тюрьме, в 1816 году; в день смерти на нем был все тот же, хотя и изношенный, мундир генералиссимуса.

Очень скоро Монтеверде показал, сколь наивны были те венесуэльцы, которые питали надежду на мир, — надежду, впрочем, достаточно робкую. Предположение патриотов, что от них потребуются больше, не-

жели простое подчинение закону, полностью оправдалось. Подстрекаемый своими друзьями-монархистами, Монтеверде начал преследовать вождей патриотического движения. Военные патрули охраняли улицы днем и ночью, и, чуть что, открывали огонь по мирным жителям.

Положение с каждым днем становилось все напряженнее. Итурбе, решив, что Симону небезопасно оставаться долее на родине, обратился к Монтеверде с просьбой разрешить ему выехать за границу. Монтеверде выслушал его неохотно, но Итурбе обратил его внимание на то обстоятельство, что инициатором ареста Миранды был именно Боливар и что, мол, в благодарность за это испанцы должны отпустить его. К тому же, в борьбе за независимость Боливар до сих пор не играл видной роли. Миранда его не любил и не доверял ему ответственных должностей. Таким образом, имя его ничего не говорило Монтеверде. В конце концов все удалось, и Симона вызвали к нему за получением заграничного паспорта.

Расхаживая в своем кабинете перед Симоном, стоявшим подле письменного стола, Монтеверде неожиданно задал ему вопрос:

— Правда, что вы расстреляли двух испанцев в Пуэрто-Кабельо?

— Они были шпионы, а у нас шла война, — ответил Симон.

Удовлетворенный этим ответом, Монтеверде вручил ему паспорт, присовокупив:

— Арест Миранды — это доблестный поступок. Вы заслужили милость короля.

Боливар, не замечая отчаянных знаков Итурбе, к великому его ужасу воскликнул:

— Вы смеетесь надо мной, сеньор? Я наказал предателя. Вы мне приписываете мнимые заслуги. Я действовал по совершенно иным побуждениям.

Монтеверде, вырвав у Симона паспорт, велел арестовать его. Весь остаток дня Итурбе провел в хлопотах. Под конец, только из уважения к Итурбе, который особенно упирал на молодость Болизара и на то, что он был «незаметной» фигурой, Монтеверде выдал ему для передачи Симону заграничный паспорт.

Из боязни, что его новый друг еще что-нибудь выкинет и тогда — прощай паспорт, Итурбе, придя домой с драгоценным документом в руках, начал уговаривать Симона не медлить с отъездом. Однако в этом не было необходимости: Симон именно этого и хотел. Итурбе советовал ему также выбросить из головы либеральные бредни, но в ответ на это Симон только улыбнулся и на прощанье крепко пожал ему руку.

Он уже изыскивал новые средства воплощения в жизнь никогда не оставлявшей его мечты. Он поедет в Новую Гранаду и поднимет несравненно более мощную волну патриотического движения, которая докажется и до его многострадальной родины.

Вместе с ним уезжал Ривас. Повторяя, как затверженную с детства молитву, ту клятву, что он произнес на Монте Сакро, Боливар сел на корабль и устремился к новым берегам и к новым неведомым приключениям. Это было 31 августа 1812 года.

В письме к Итурбе Симон просил сообщить ему, в каком состоянии находится его имение. Итурбе ответил, что такового в природе не существует: оно конфисковано.

У Боливара оставались, следовательно, его личная отвага и тот урок, который он вынес из поражения. С этим ценным багажом он и принялся за осуществление своих планов.

Часть четвертая

ПОЯВЛЕНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЯ

Глава XII

МЕЧТА БОЛИВАРА СБЫВАЕТСЯ

Свобода — всем

Впоследствии Монтеверде, вероятно, проклял тот день, когда он выдал заграничный паспорт другу Итурбе, ибо Симон Боливар, едва успев покинуть родную Венесуэлу, сразу выделился из массы патриотов и по праву сделался их вождем.

На Кюрасао, маленьком островке в Карибском море, он встретился с теми патриотами, которых взял «Сапфир». Одеты они были в рубище, в кармане у них не было ни гроша, но они не падали духом. Признав Боливара своим вождем, они отправились в Картахену — богатейший порт Новой Гранады. Эта тропическая горная страна, исхлестанная знойным суховеем, дующим в низинах, и ледяными шквалами, налетающими с гор, обладала большой притягательной силой для Испании благодаря тому, что недра ее гор были прорезаны золотыми и серебряными жилами, с искрившимися в них блестками изумрудов.

В 1809—12 годах в Новой Гранаде шла ожесточенная борьба за независимость. В Кито, столице нынешнего Эквадора, представитель испанского короля Кастильо был низложен, а затем снова посажен на прежнее место. Стремительный круговорот событий в Кито вызвал ряд новых бесплодных восстаний в близлежащих районах. В эти бурные годы перевороты и реставрации чередовались с молниеносной быстротой. Не только

каждая провинция, но и каждый город устанавливал свое правительство и объявлял себя независимым. Результатом этого был полнейший хаос, из которого страна до сих пор не могла выбраться. Единое правительство так и не было создано, потому что ни одна провинция и ни один город не желали ему подчиняться. За междоусобными распрями вожди патриотического движения потеряли из виду своего общего врага — Испанию.

Дух времени проник и в Картахену: в 1811 году она тоже объявила себя независимой. Остальная часть Новой Гранады пыталась объединиться с Венесуэлой. Когда в Картахену прибыл Боливар, Кито все еще находился в руках испанцев. Картахена упорно отстаивала свою независимость, которой, в силу географического положения города, угрожала непосредственная опасность. Монархисты из Санта-Марта могли напасть в любую минуту, и это заставляло картахенцев быть начеку.

Диктатором Картахены был двадцатичетырехлетний юноша Торисес. Ближайшим его помощником являлся французский авантюрист Лабатю, с которым Боливар познакомился еще в Европе и который за это время успел занять в Картахене ответственный пост. Лабатю не терпел вмешательства в свои дела, не желал ничьей помощи и питал нескрываемую неприязнь к венесуэльцам.

Боливар об этом не подозревал. Он даже не имел понятия, что Лабатю — здесь. Его интересовал Торисес, и он приложил все усилия к тому, чтобы заручиться поддержкой диктатора. Личное обаяние, красноречие. Сила убеждения — все средства были венесуэльским патриотом. Боливар обладал острым и гибким умом. Он мог быть то вкрадчивым дипломатом, то искусным оратором, который сначала терпеливо расспрашивал и объяснял, а под конец приказывал. Подчинить своему влиянию Торисеса для него не составляло труда.

Явившись к диктатору Картахены, Боливар, несмотря на свой малый рост, сразу сумел произвести на него внушительное впечатление.

Росту он был пяти футов шести дюймов. Плечи у него были узкие и сутулые, а руки слишком малы для мужчины. Жизнь, полная опасностей и лишений, которую он вел в последнее время, наложила на него свой отпечаток: лицо вновь покрылось восковой желтизной, некогда так напугавшей Родригеса; морщины стали глубже и уже не разглаживались, что делало его старше и солидней на вид. Правильной формы нос заострился от худобы. Щеки впали и оттого резче выступили скулы. Тонкая верхняя губа выдалась вперед от привычки постоянно оттягивать ее и кусать в долгие часы глубоких раздумий. Когда же улыбка отпускала ее на волю — под ней открывались изумительно ровные и белые зубы. Зато нижняя губа была толще и не примыкала плотно к верхней.

Выражение глаз — вот что сообщало мощь и значительность его тщедушной фигурке. Исходивший из их бездонной глубины опалаящий

властный огонь вырвал у Торисеса слова покорности, но они пока замерли у него на устах, потому что Боливар говорил не умолкая. Когда же его пылкая, яркая речь вылилась в целый поток неопровержимых доводов, Боливар решил сделать передышку и подождать, что скажет его собеседник. И вот тут Торисес признался, что он сочувствует проекту Боливара, — остается лишь добиться поддержки жителей города. Да, но промедление для Боливара невозможно. Как бы ему поскорее войти в контакт со всеми слоями населения? Выступать с речами? Нет, на это уйдет много, слишком много времени, да и народ может и не прийти их слушать. А вот есть народ увидит расклеенное на общественных зданиях воззвание, то уж, наверно, остановится почитать, сперва из любопытства, а потом... За остальное Боливар ручается.

Возвратившись в свое новое помещение, Боливар снял скюртук и принялся записывать те самые слова, при помощи которых он только что склонил на свою сторону диктатора Картахены. Но теперь он уже обращался ко всем гранадцам. Слова лились у него из души, чтобы навсегда остаться в народной памяти. В этом манифесте его творческая мысль, ныне свободная от оков и учитывающая горестный опыт прошлого, нашла себе полное выражение.

Новогранадский народ должен начать борьбу. Он должен драться не на жизнь, а на смерть. *Никакой пощады врагу.* Начертая эти грозные слова на стен своей комнаты, Боливар с удовлетворением перенес их на бумагу. Объяснив, для чего он прибыл в Новую Гранаду («для того, чтобы помочь ей, для того, чтобы отвоевать для нее Каракас и для того, чтобы раз навсегда покончить с испанским владычеством в Южной Америке»), он обратился к причинам гибели Первой венесуэльской республики: «Мы были слишком снисходительны, слишком терпимы, мы слишком много рассуждали и слишком мал делали». Расхаживая по комнате, Боливар воскрешал в памяти первоначальные эпизоды борьбы в Венесуэле. Страх, сковывавший народ всякий раз, как ему предлагалось действовать решительно... Вначале, конечно, следовало прикрыться именем Фердинанда, но это продолжалось слишком долго... Вообще дело революции попало в слабые руки, не способные к борьбе. Туземцы должны были истреблять врагов, как истребляли их самих на протяжении ряда столетий.

Боливар откинулся на спинку стула, взъерошил волосы и продолжал писать: «Полководцами у нас были философы, солдатами — крестьяне, которых надо было оставить работать в поле, чтобы не нанести ущерба сельскому хозяйству». Сам — пылкий мечтатель, он обличал других мечтателей из первой хунты с их утопическим представлением о республике — мечтателей, подрывавших то здание, которое они же начали стро-

ить. Глаза Боливара сощурились от напряжения и стал колючими, когда он перешел к критике венесуэльской хунты.

«Мы руководствовались принципом, что ни один человек не имеет права лишить жизни себе подобного, даже если тот изменил родине. Все заговорщики получали прощение и тут же устраивали новый заговор; результатом же нашего гуманного отношения к ним явился недавний крах всего нашего дела».

Рука Боливара устала писать, и он машинально засунул ее в пустой карман. Возникшая при этом ассоциация вызвала в нем новый град обвинений хунте — обвинений в расточительности, в неэкономном использовании государственных средств. Целая армия тунеядцев-чиновников была тем камнем на шее у республики, который потянул ее ко дну. Выпуск бумажных денег, не обеспеченных золотом, подорвал доверие народа к правительству и усилил его недовольство.

Теперь — о самой государственной машине... Правительство и тут обанкротилось, оно даже не сумело правильно построить административную систему в городах.

«Каждая провинция управлялась самостоятельно, и, глядя на нее, каждый город тоже заявлял свое право на самостоятельность, считая, что именно этот образ правления отвечает его потребностям. Федеративная система, которая в иных условиях может оказаться наилучшей, наиболее способствующей общему благосостоянию, оказалась наименее подходящей для нас. Венесуэльцы до сих пор не научились свободно и независимо пользоваться своими правами: они еще не обладают гражданскими добродетелями истинных республиканцев — добродетелями, которые не прививаются под игом абсолютизма, ибо он не учит народ его правам и обязанностям и не признаёт их».

Итак, Боливар ответил на вопрос, почему Венесуэла вновь оказалась под пятой Испании. К чему же он призывал?

«Новая Гранада видела те скалы, о которые разбилась Венесуэла, и должна избежать их. Необходимым средством обеспечения ее безопасности я считаю освобождение Каракаса. Сперва это покажется нежелательным, трудным, даже неосуществимым, но если заранее все тщательно продумать и взвесить, то нельзя будет не признать неизбежность этого шага и не сделать его немедленно».

Боливар подчеркнул опасность, нависшую над страной — опасность вторжения иноземцев не только с моря, но и с суши. Он призывал новогранадцев к решительным действиям. Заканчивалось его пространное воззвание пламенной тирадой:

«Слава Новой Гранады зависит от того, сумеет ли она выполнить задачу освобождения колыбели колумбийской независимости, освобожде-

ния тех, кто пострадал за наше общее дело, освобождения самоотверженных жителей города Каракаса, чей крик о помощи может быть обращен лишь к их дорогим новогранадским соотечественникам, на которых они, изнывая от нетерпения, смотрят как на своих избавителей. Поспешим же разбить цепи. Сковывающие этих несчастных, что, томясь в темницах, ждут со дня на день спасения, которое — в ваших руках. Не злоупотребляйте же их доверием. Не будьте глухи к стонам ваших братьев. Скорей летите отомстить за убитых, вернуть жизнь умирающим, снять ярмо с угнетенных и даровать свободу всем!»

Поставив свою подпись, Боливар бросился к Торисесу. Пока тот читал, он в волнении ходил из угла в угол. Когда юный диктатор поднял глаза, они горели у него тем же лихорадочным огнем, как и у Боливара.

— Я сейчас же велю напечатать воззвание. Его надо не только разослать по почте, но и распространить среди местных жителей.

Заметив, что Боливар смертельно бледен, Торисес прибавил:

— А теперь идите домой отдыхать.

Молодые люди обменялись торжественным рукопожатием, и Боливар зашагал по улицам города, который вскоре должен был узнать его имя.

Не спав несколько ночей кряду, Боливар, едва добрался до дому, заснул как убитый и проснулся, когда солнце начало бить ему прямо в лицо. Спросонок он долго не мог понять, что было вчера, и, хотя надо было скорей встать и одеваться, некоторое время лежал в оцепенении. Наконец вспомнил: сегодня жители Картахены прочтут его воззвание, следовательно все должно решиться сегодня. Судьба Венесуэлы зависит от того, как будут реагировать картахенцы. Не слишком ли далеко он зашел? Не безумны ли его надежды? Ведь он не житель Картахены, здесь он, в сущности, иностранец. От имени своего отечества он обратился за помощью к стране, которой со всех сторон угрожают вторжением те же испанцы, только что разорившие Венесуэлу. Чем Новая Гранада может помочь Венесуэле, и почему она должна верить ему?

Обуреваемый сомнениями, он оделся и вышел на улицу. Приближаясь к кучкам людей, взволновано обсуждавших что-то, он замедлил шаг. В нарастающем гуле голосов он различил свое имя и, всматриваясь в лица картахенцев, внезапно почувствовал, что бледнеет. Но во до него донеслось:

— Складно пишет...

— И все правильно...

— Возразить нечего.

При мысли, что это говорят о нем, Симоне Боливаре, венесуэльском патриоте. Он весело усмехнулся и бодро зашагал дальше. Опыт народного трибуна подсказал ему, как нужно выражать свои мысли, если хо-

чешь, чтобы они вызвали сочувственный отклик. Новогранадцы явно заинтересовались. Боливар с сияющим лицом явился к Торисесу. Тот радостно встретил его и объявил, что устроит ему свидание с командующим новогранадской армией, Лабатю. Боливар был на седьмом небе.

Только после жарких споров и категорического приказа согласился Лабатю взять к себе в армию Боливара. Как никак, диктатор — Торисес, а он горой стоит за венесуэльца. С другой стороны, воззвание Боливара имело несомненный успех, и состязаться с ним Лабатю не по силам...

Лабатю вышел к Боливару с твердым намерением так или иначе отделаться от этого выскочки. Едва взгляды их встретились, оба почувствовали неприязнь друг к другу. Лабатю понял, что перед ним — рожденный вождь, чья слава затмит его славу. Боливар прочел в глазах француза зависть неудачливого военачальника. Прежде чем Лабатю заговорил, он уже знал, о чем пойдет речь.

— Вам надлежит принять командование отрядом, расположенным в Барранке. На реке Магдалене, к востоку от Картахены. Это единственный пункт, связывающий нас со столицей и со всем побережьем. Вам нельзя будет отлучаться отсюда ни на шаг. Понятно?

Боливар стиснул зубы. Как далек он от осуществления своих планов! Он поклонился и достаточно учтиво ответил:

— Понятно.

Он решил на этот раз вести себя дипломатично, прикинуться исполнительным подчиненным. Тем более, что отказываться от назначения у него не было причин. К тому же, всякое назначение можно использовать в своих целях.

Лабатю остался очень доволен собой. Он дал почувствовать венесуэльцу свою власть. Теперь Боливар в его руках. Все-таки он, Лабатю, молодец! Но Симон Боливар под мундиром покорного служаки таил грандиозный замысел, о чем Лабатю, конечно, не подозревал.

Глава XIII

БОРЬБА НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Да здравствует Освободитель!

Симон Боливар подверг укрепления в Барранке подробному осмотру. Они оставляли желать лучшего, но это его не смущало. Их легко можно было перестроить по его усмотрению.

В Барранке стояло, примерно, четыреста солдат, плохо обмундированных и необученных. Новый командир заставил и работать и достаточ-

но поработал сам, пока они не научились исполнять его приказания с такой точностью, которой остался бы доволен сам Миранда. Тот замысел, что таил в своем сердце Боливар, отличался необычайной смелостью. Боливар решил послушаться Лабатю. Остаться в Барранке? Ни за что! Как только он убедился, что Лабатю, занятый другими делами, забыл про него, Боливар поспешил привести задуманный план в исполнение.

На реке Магдалене стоит сильно укрепленная и имеющая важное стратегическое значение крепость Тенерифе. Вот если овладеть ею — тогда можно будет быстро наладить по реке связь с отрезанной группой патриотов.

Внезапное нападение увенчалось успехом. Боливар и его солдаты, уже прошедшие хорошую подготовку, подъехали к Тенерифе на баркасах. Испанцы поспешно отступили, побросав боеприпасы, продовольствие и самые крупные свои суда.

Когда эта весть достигла Лабатю, он пришел в бешенство. Расстрелять Боливару перед строем за нарушение дисциплины! Но Лабатю понимал, что его дни, как командующего армией, сочтены. Тем не мене, пока власть находилась в его руках, надо было воспользоваться ею во что бы то ни стало. Он потребовал у Боливару объяснений, но тот прочел его запрос уже на подступах к Момпоксу — не менее важному в стратегическом отношении городу, стоящему на той же реке. Боливар быстро овладел им. Его войско непрерывно увеличивалось за счет тех, что прежде колебались, а ныне, привлеченные его успехами, спешили к нему примкнуть. Теперь, благодаря трофейному оружию, оно превратилось в настоящую армию, все сметающую на своем пути. Это была безумно смелая авантюра. Боливару некогда было думать о Лабатю.

Проходя через болотистые районы, Боливар схватил лихорадку. Но, не обращая на это внимания, он следовал дальше, овладел еще тремя городами и двинулся на Пуэрто-Реаль-де-Оканья, стоящий у подножья горной цепи. Он считал необходимым пойти на этот город в момент наивысшего подъема, пока не остыл всеобщий энтузиазм. Вместе с тем он знал, что завоевывать города с помощью солдат — этого еще не достаточно. Надо завоевывать сторонников — с помощью слова. И Боливар боролся мечом, пером и ораторским красноречием: этими тремя видами оружия он владел в совершенстве.

Весь поход был им проделан меньше, чем в две недели. У Пуэрто-Реаль он все же остановился, для того чтобы повнимательней изучить обстановку и восстановить расстроенное здоровье. Кстати, нельзя уже было больше игнорировать Лабатю. На первый его запрос Боливар ответил, что позицию в Барранке он нашел «ненадежной» и счел нужным «укрепить» ее. Лабатю швырнул его донесение в корзину и потребовал друго-

го, более вразумительного. Тогда Боливар послал правительству полную и блестящую реляцию о своем походе вдоль Магдалены. Она была написана в том же стиле, что и воззвание. Картахенцы пришли в дикий восторг, узнав о его успехах. Им не часто доводилось слышать о таких блистательных победах, особенно в последнее время, и никто из них, конечно, не разделял негодования Лабатю, который требовал военно-полевого суда для изменившего своему воинскому долгу офицера. Ни в ком не встретив поддержки, оставшись в полном одиночестве, Лабатю вынужден был умолкнуть.

Убедившись, что доверие новогранадского народа и правительства им завоевано, Симон Боливар отважился на дальнейший шаг. Он обратился к правительству с посланием, в котором указывал, что, несмотря на одержанные победы, непосредственная угроза вторжения противника не миновала. В Маракайбо, расположенном как раз на границе двух государств, находится испанский генерал Корреа, собирающийся перейти в наступление. Командующий войсками патриотов в Памплоне, Кастильо, просит подкреплений. Из многих других пограничных городов тоже поступают просьбы о помощи. Положение там серьезное.

«Неужели вы будете сидеть и ждать, пока враг вторгнется в вашу страну, и только потом поднимете патриотов на борьбу и отбросите его? Или, может быть, вы разрешите мне напасть на него первым, а для этого двинуться со всем моим войском вверх по течению реки Магдалены, перевалить через горы, соединиться с Кастильо и уже вместе с ним начать поход в Венесуэлу?» В такой, скорей повелительной, чем вопросительной форме выразил Боливар свою заветную мечту. Несмотря на проявленный им военный талант и убедительность его аргументации, оторопевшие картахенские власти не одобрили его дерзкий план. Перевалить через горы? Одно это страшило даже самых опытных генералов. Войска не привыкли к столь суровым походам. Нет, Боливару не добиться успеха. Но Боливар ответил на все возражения и устранил все препятствия, причем сделал это с таким блеском, что правительству оставалось только согласиться с ним. Кастильо, беспрестанно перебежавший из одного лагеря в другой, в настоящее время поддерживал патриотов. Боливар стремился соединиться с ним, пока он еще не переметнулся к испанцам. Кончился 1812 год. Для Боливару он завершился блестяще, а новый, 1813 год, сулил еще больший триумф.

Переход от Оканья, где войска некоторое время почивали на лаврах, до Кукуты был полон опасностей и многим стоил жизни. Та горная цепь, через которую должна была перейти армия Боливару, представляла собой гряду островерхих зубчатых скал, нелегких для подъема. Глубокие овраги пересекали местность. Из расщелин прямо на головы солдатам

падали мягкие, раздувшиеся ядовитые пауки — их укус был смертелен. Едва окончив спуск по отвесной скользкой стене, во время которого много солдат поплатилось жизнью за один неверный шаг, войско сейчас же начало не менее опасный подъем. Холод забирался под тонкую одежду, дождь, ливший не переставая, вызывал озноб и наводил уныние.

Испанский генерал Корреа, узнав о приближении неприятельской армии, не поверил, что с ней идет сам Боливар, однако, отдал приказ встретить ее в Ла-Агуаде, единственной крепости между горной цепью и Кукутой. Передовые отряды донесли об этом Боливару, и он, учитывая, что его войско в данный момент не боеспособно и что, следовательно, крепость нужно взять без боя, пустился на хитрость.

От войска отделился солдат. В шинели у него было зашито письмо к некоему офицеру, якобы посланному ему навстречу генералом Кастильо. В этом письме Боливар предлагал Кастильо атаковать испанцев с тыла. Расчет Болизара оправдался: разумеется, «гонец» был по дороге схвачен, обыскан, и Корреа, поверив ложной информации, содержащейся в письме Болизара, оставил свою позицию для того, чтобы внезапно обрушиться на врага, угрожающего его тылу. Таким образом путь для Болизара был очищен. Преодолев слабое сопротивление противника, 21 февраля войска патриотов вступили в мирно зеленевшую долину Кукуты.

Но дальше путь был прегражден войсками генерала Корреа, хотя и поздно, но разгадавшего военную хитрость Болизара. В результате четырехчасового боя испанцы были разбиты наголову. Патриоты заняли Памплону. Не довольствуясь этим, Боливар приказал усталым солдатам преследовать отступающего противника до западной границы Венесуэлы, с тем чтобы завтра же ступить на родную землю и свергнуть ненавистного тирана Монтеверде, захлебывающегося в народной крови.

Боливар известил новогранадское правительство о взятии Памплону и попросил разрешения войти в Венесуэлу. Он умолчал о том, что конечной целью его наступления является Каракас. Генерал Кастильо, привыкший приказывать сам и не желавший выполнять чужие приказы, — а Боливар с ним не стеснялся, — после того как Корреа был отброшен, заявил об уходе и отправился в Картахену. Большинство офицеров из солидарности с ним тоже подали в отставку и возвратились к своим пенатам. Одно из немногих исключений составлял Рафаэль Урданета — впоследствии верный друг и сподвижник Болизара. Командование оставшейся частью армии Кастильо принял Франсиско Сантандер и немедленно повел интригу против своего нового начальника.

От правительства пришло разрешение продолжать кампанию. Вместе с разрешением пришел указ о производстве Болизара в бригадные генералы и об учреждении специальной комиссии, которой надлежало

выехать на фронт за подробной информацией о его действиях. Но комиссия приехала, когда Боливар был уже на пути в Венесуэлу. В Ла-Грите, где Кастильо разбил генерала Корреа, он узнал, что Сантандер задался целью воспрепятствовать слиянию республиканских армий и сорвать поход в Венесуэлу.

— Мы выступим немедленно, — грозно сверкнув глазами, отрезал Боливар.

— Нет, — вызывающе проговорил Сантандер.

Подойдя к нему вплотную, Боливар спокойно и веско сказал:

— Если вы не пойдете с нами, то или вы должны будете расстрелять меня, или я вас. Другого выхода нет.

Сантандер, ни слова не говоря, удалился. У Болизара вырвался облегченный вздох. Ему важно было, чтобы Сантандер не путался у него под ногами.

Поход в Венесуэлу начался 17 мая. Меньше чем через неделю Боливар занял Мериду, столицу одноименной провинции, где среди всеобщего безудержного ликования произошло нечто такое, что изменило характер войны. До сих пор патриоты исключительно гуманно обращались с пленными испанцами, о чем Боливар говорил в своем первом воззвании. Но теперь новый главнокомандующий республиканской армией, узнав о том, что испанский генерал Янес казнил попавшего к нему в плен патриота Антонио Брисенью, начал против испанцев «борьбу не на жизнь, а на смерть». Это название сохранится за ней в летописях южноамериканской истории.

Боливар стягивал свои силы на запад, чтобы оттуда ударить на Каракас, а в это время на востоке выдвигались другие республиканские военачальники, с которыми Боливар встретится позднее. Капитан Мариньо, еще при Миранде назначенный командующим вооруженными силами Гуирийского побережья, не прекращал активных боевых действий. Когда Боливар занял Каракас, он уже именовался «диктатором Востока». Вермудес, энтузиаст патриотического движения с 1809 года, воевал на юге, в бескрайней долине Ориноко, вместе с сыном каракасского плотника, мулатом Пьяром. Тогда впервые получило известность имя патриота Хосе-Антонио де Сукре.

Боливар выступил в поход. Одновременно двинулся из Мериды Ривас, которому Боливар выделил небольшую армию в четыреста человек. На нем был красный берет — эмблема патриотического движения. И Боливар и Ривас шли на Каракас, но — разными дорогами. Весь поход занял немного больше месяца. Боливар не потерпел ни одного поражения. Ривас со своей горсточкой солдат сражался не мене храбро и из всех сражений выходил победителем. Монтеверде, который в это время сра-

жался против Пьяра и чуть не попал в плен, узнав о том, что его генералы Марти, Тискар, Оберто и Искьердо разбиты, встревоженный, поспешил в Валенсию. Город был окутан пылью, поднятой удиравшими так, что сверкали пятки, войсками Монтеверде бежал в Пуэрто-Кабелью. Боливар отрядил за ним в погоню новогранадца Хирардота. Теперь ему представлялся случай взять реванш за свое первое поражение.

Губернатор Каракаса, испанец Фьерро, выслал к нему для переговоров Итурбе, но, не дожидаясь результатов, покинул столицу. Боливар принял Итурбе с честью. Уговорились они на том, что гражданам города Каракаса будет предоставлено право самим выбрать форму правления. Вся провинция должна сдать Боливару, а Монтеверде обязан заявить о своей капитуляции в течение двадцати четырех часов.

6 августа 1813 года Симон Боливар вошел в Каракас. Впервые его встретили криками: «Да здравствует Освободитель!» Празднества длились несколько дней. К ногам Боливара благодарные жители несли дары и сплетали венки, чтобы возложить на его голову. Радостный шум голов наполнял улицы.

Освободитель одержал победу на поле битвы, простиравшемся от Картахены до Каракаса, от Новой Гранады до Венесуэлы. Его разутых и раздетых солдат одели и накормили. На базарных площадях были выставлены свернутые знамена врага, на которых рдели свежие пятна крови.

Звезда Симона Боливара только еще всходила.

Глава XIV

ЗЛОВЕЩИЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Внутренний враг не менее опасен, чем внешний.

После триумфального марша сразу возник целый ряд трудностей. Прежде всего надо было уведомить новогранадское правительство. Боливар обратился к Торисесу с посланием, в котором описал свой поход, представлявший собой непрерывную цепь побед и служивший ему оправданием за нарушение приказа. Но в его собственной стране царил такой хаос, что он тут же забыл о Новой Гранаде. Старый губернатор бежал, у кормила правления его никто не сменил, и никем не охранявшееся казенное имущество безжалостно расхищалось.

Вынужденный взять власть в свои руки, Боливар изо всех сил старался направить государственный корабль в спокойные воды. Но тут нужен был не только искусный рулевой. Сам корабль требовал капитально-го ремонта. Боливар ограничился затыканием щелей и этим, в конечном итоге, погубил республику.

Он начал с установления порядка в стране. Было объявлено о восстановлении венесуэльской республики под протекторатом правительства Новой Гранады. На 9 августа был назначен съезд, которому предстояло выбрать форму правления. На первом же заседании огласили заявление Боливара об отставке, открывавшее целую серию подобного рода заявлений с его стороны. Быть может, оно-то как раз было искренним, но впоследствии этот акт превратился в чистую условность: подавать время от времени в отставку он считал столь же необходимым, как снимать при поклоне шляпу.

Заявление Боливара заканчивалось так: «Освободитель Венесуэлы навсегда уходит в отставку и официально отказывается принимать участие в управлении страной, оставляя за собой право в минуту опасности вести войска в бой за родину».

Эта отставка, как и последующие не была принята. Тем не менее среди патриотов не наблюдалось единства. Одни, разочаровавшись в политике, отошли от нее, другие разбились на мелкие группы. Боливару стало ясно, что при таких условиях власть его не может быть прочной и что ему вряд ли удастся сплотить вокруг себя все эти враждующие между собой партии, преследующие чисто эгоистические цели.

Приняв на себя бремя власти, надо было ликвидировать все усилившийся раскол в стане патриотов и обуздать «диктатора Востока» Мариньо, не делавшего подчиняться Освободителю. А в Пуэрто-Кабелью, с которым у Боливара были связаны столь печальные воспоминания, прочно засел Монтеверде.

Боливар не раз порывался сразиться с ним, но мятежи, то и дело вспыхивавшие в окрестностях Каракаса, целиком поглощали его внимание. Только 16 августа ему удалось, наконец, выступить в поход. Но сил у него было мало, и он опасался за исход сражения. На его настойчивые предложения заключить мир Монтеверде не ответил ни звука. За это время он получил из Пуэрто-Рико подкрепление, о чем Боливар не знал. При первой стычке обе стороны захватили пленных. Боливар предложил обмен. Монтеверде молчал. Тогда, верный своему лозунгу: «Борьба не на жизнь, а на смерть», Боливар приказал расстрелять старшего в чине пленного офицера. В ответ на это Монтеверде заявил: «За каждого казенного испанца я буду расстреливать двух креолов, преимущественно — офицеров». Затем он бросил в бой свои резервы, и Боливар, под давлением численно превосходящих сил противника, снова вынужден был отойти от Пуэрто-Кабелью.

Монтеверде, пустившись с пятьюстами солдатами за ним в погоню, настиг его в Барбулы, на полпути между Пуэрто-Кабелью и Валенсией. В результате сражения испанцы были разбиты. Но победа была омрачена для Боливара одним печальным событием. В то время когда торжествующие патриоты, взбирались на холм, новогранадец Хирардот, доблестный сподвижник Боливара, бросился поднимать упавшее республиканс-

кое знамя. Он гордо взмахнул им в воздухе под рукоплескания солдат и в тот же миг, сраженный вражеской пулей, рухнул наземь, прикрыв себя, точно саваном, красно-желто-голубым республиканским знаменем.

Боливар произнес над телом Хирардота речь, в которой он осыпал похвалами правительство Новой Гранады и выразил уверенность, что ее народ будет защищать до конца дело республики. Сердце павшего героя он положил в серебряный ларец и отослал в Каракас, где его с великими почестями и церемониями похоронили в соборном склепе.

Пуэрто-Кабелью остался в руках испанцев, но Боливар решил не предпринимать нового похода, пока ему не удастся объединить раздробленные силы патриотов. Часть их находилась под командой Риваса, не склонного беспрекословно исполнять приказы племянника, часть — под командой Мариньо, по-прежнему именовавшегося «диктатором Востока», часть — под командой Пьяра, который стал не только искусным полководцем, но и соперником Боливару. Не вполне доверял Боливар и Урданете. Будущее показало, однако, что это был один из немногих искренно преданных ему соратников.

Титул, присвоенный Боливару, вызывал зависть у других полководцев. Поэтому он счел за благо разделить с ними эту честь, оставив за собой лишь власть, какую давал этот титул. Был учрежден «Орден Освободителя», и Боливар наградил им всех военачальников, принимавших участие в войне за независимость. Этот орден представлял собой большого размера, сразу бросающуюся в глаза медаль, на которой было выгравировано имя патриота, а рядом: «Освободитель Венесуэлы».

Объединение республиканских военачальников не предотвратило мятежей, охвативших внезапно всю страну подобно страшной эпидемии. Они вспыхивали один за другим в разных концах страны. Боливар решил посылать на их подавление небольшие отряды. Это была непоправимая ошибка: тем самым он расплыл свою армию, а цели не достиг. Все равно, каждый такой отряд, прибыв в указанный пункт, начинал настойчиво требовать подкрепления. «Внутренний враг не менее опасен, чем внешний», — повторял Боливар при известиях о новых мятежах или о разбое на дорогах.

Но завистливый рок послал этому смельчаку, дерзнувшему вступить в бой за свободу всей Южной Америки, нового врага, который надолго прикует к себе его внимание. Новый враг не шел ни в какое сравнение с ничтожным Лабатю, которого легко можно было сбросить со счетов; он не был труслив, как испанские генералы. Нет, этот свирепый борец выходил на арену, готовый драться до последнего вздоха. Он задумал померяться силами с освободителями.

Низкорослый, с бесцветными, глубоко запавшими глазами, с рыжей щетиной волос, Бовес обладал недюжинной физической силой. При-

ехав в Венесуэлу из Испании, он вскоре попал под суд за свои полупиратские, полуконтрабандистские похождения. Вмешательство двух испанцев помогло ему выйти сухим из воды, и он примкнул к монархистам. Это он омрачил жителям Каракаса первые дни торжества: листья на лавровых венках триумфаторов еще не успели поблекнуть, когда Бовес, очутившись в долине Ориноко, уже вербовал в свою шайку свирепый «льянеро», которым суждено было вписать кровавую страницу в историю Южной Америки. Он объявил себя сторонником Испании, быть может, только потому, что она была непревзойденным мастером кровопролитий. Аморальный, беспринципный, Бовес сражался только для того, чтобы убивать. Он шел на поле битвы, как охотник отправляется в лес. Убийство было для него спортом, наслаждением.

А льянеро представляли собой полудикое племя, происшедшее от смешения индейской и испанской крови. Жители необозримых степей, они занимались разведением лошадей и крупного рогатого скота, боролись с природой и были отличными наездниками. Из всех видов оружия они применяли лишь длинное и тонкое копьё, которым они убивали скот. По правде сказать, им мало было дела до того, кто стоит у власти в Каракасе. Они пользовались полной свободой, и, сложись обстоятельства по-иному, у Боливару не вышло бы с ними никаких недоразумений.

Как многие невежественные и темные люди, льянеро были падки на чужое добро. Яркие шелка, блеск серебра и золота, борьба за добычу и радость победителя — ради всего этого они покидали свои разбросанные в степях грязные хижинки.

Бовес, сразу нащупав их слабую струнку, подобно матадору, дразнящему быка красной тряпкой, дразнил их возможностью легкой поживы. Собрав целую шайку из этих бесстрашных льянеро, к которым охотно присоединились все, кому нечего было терять, Бовес скоро стал известен как кровожадный командир «Адской дивизии». Ближайшим его помощником был Моралес — из той же породы моряков-авантюристов, что и Монтеверде. В жестокости он уступал одному предводителю шайки.

В одно время с Бовесом на распыленную армию Боливару повели натиск испанские генералы: Росете, Янес и Суасола, носивший в виде украшения на ленте от шляпы ухо казненного патриота. Когда в степи раздался крик: «Спасайтесь! Адская дивизия!» — из разрозненных частей армии Боливару понеслись вопли о помощи.

Боливар приказал Урданете выбить испанцев из Коро. Препградить дорогу неслышанно жестокой орде Бовеса выпало на долю патриота Элиаса. И в этом первом бою Элиас каким-то чудом одолел льянеро.

Однако Элиас, сознавая, что эта победа не решает дела, одновременно с Урданетой обратился к Боливару с просьбой о помощи. Долго колеб-

лясь, кого же выручить первого, Боливар решил идти на подмогу Урданете. Соединившись с ним, он напал на испанцев и потерпел поражение как раз в тот момент, когда ему уже казалось, что он побеждает. Вернувшись вместе с Хосе Ривасом в Валенсию, Боливар пополнил свою армию тремя тысячами солдат. Урданета, обследовав местность, доложил, что не смог установить расположение войск противника. Тогда Боливар сам, во главе своей армии, отправился на поиски и начал опрашивать местных жителей, но толку от них не добился. Он проделал с армией утомительный переход до Баркисимето и там узнал, что противник избрал противоположное направление. Раздосадованный, он бросился назад, чтобы настигнуть испанцев, прежде чем они опять ускользнут от него, и, наконец, нанес им сокрушительный удар.

Пламя мятежей постепенно угасало, и теперь уже не осталось ни одного участка, где непременно требовалось бы его присутствие. Боливар решил вернуться в Каракас и заняться государственными делами. 31 декабря 1813 года он прибыл в столицу, снова встретившую его как героя. Оказалось, что за это время правительственными чиновниками ровным счетом ничего не было сделано. На каждую административную меру требовалась, видите ли, его санкция. Чиновники сидели сложа руки в своих кабинетах и ждали его возвращения.

Новой победой Боливар вновь завоевал всеобщее доверие. Но он ошибся, думая, что разгромил главные силы испанцев. В яркой речи, обращенной к правительственным чиновникам, он говорил о том, что намерен создать, — разумеется, при условии их неперемогания участия — единое южноамериканское государство. Объединение Венесуэлы с Новой Гранадой представлялось ему бесценным сокровищем, которое именно он призван добыть. В эту минуту он не замечал тех косых и завистливых взглядов, что бросали на него другие креолы. Забыл он и предостережения Элиаса, твердившего ему о силе и жестокости Бовеса, командира «Адской дивизии» свирепых льянеро.

Глава XV

ГОДИНА ИСПЫТАНИЙ

Искусству побеждать учатся на поражениях

После краткого затишья, во время которого Бовесу удалось увеличить свою шайку, предводитель льянеро снова стал налетать на мирные города и деревни, сея ужас и проливая реки крови. В каждом селении, лежавшем на его пути, он учинял бойню. Голый до пояса, не слезая с

маленького взмыленного скакуна, скакуна, дико враппавшего белками, он творил суд и расправу над пленниками. Те, обезумев от мук, стояли привязанные к столбам под палящими лучами солнца. Их стегали огромными бичами из черной кожи, рассекавшими тело до кости. На открытые раны слетались мухи, причиняя несчастным жертвам новые страдания, как только те приходили в себя. Агония была мучительней смерти. Те, кто не умирал от укусов насекомых, гибли от голода и жажды.

А полчища Бовеса надвигались, как степной пожар. Вторая их встреча с Элиасом в Ла-Пуэрте окончилась для патриота молниеносным разгромом. Боливар пошел было на Пуэрто-Кабелью, но его вызвали обратно в Каракас: город дрожал от страха перед наступавшими льянеро. После безуспешной попытки стянуть основную массу войск в столицу Боливар двинулся навстречу Бовесу.

Между тем у Бовеса был другой план. Он налетел со своей бандой на Ла-Викторию, где стоял Ривас. Атака свирепых льянеро была для Риваса совершенно неожиданной. Он располагал незначительными силами, и нужна была сверхчеловеческая стойкость этой горсточке патриотов, чтобы сдерживать яростный натиск врага. Город был обращен в дымящуюся грудку развалин. Воздух пропитался удушливым запахом крови. Дым сражения и знойное марево застилали улицы багровым туманом. Ривас, сдвинув берет на лоб, подбадривал солдат.

К вечеру враг, оттеснив патриотов к центру города, окружил их кольцом. Ривас сделался мрачен. Трагический финал, казалось, был близок. Но в ту минуту, когда Бовес повел новую ожесточенную атаку на город, на востоке послышался многоголосый рев. Противники на мгновение оцепенели, а рев все приближался. Это Элиас спешил со своим войском отомстить врагу за недавнее поражение. Зажатый между двух огней, Бовес отступил, и Ла-Виктория была спасена. Ривас поправил берет, вытер пот со лба и улыбнулся болезненной, хотя и довольной улыбкой. Это был самый жестокий бой за все время революции.

Галопом прискакавший в Ла-Викторию Боливар, узнав об исходе сражения, обрадовался чрезвычайно, но то, что ему не удалось встретиться с Бовесом, привело его в бешенство.

Однако радость победы была недолгой. Бовес обладал способностью быстро оправляться после очередного поражения. Пополнив свою банду, он изматывал войска Боливара неожиданными маневрами. Боливар, как ни старался, не мог его настигнуть.

Пленные, захваченные в большом количестве в последних боях, являли собой несомненную угрозу для безопасности страны. Особенно много их было в Каракасе. Выделять для них специальную охрану не представлялось возможным: все мужчины, способные держать в руках оружие,

мобилизовывались для защиты провинций. Оставалось прибегнуть к политике борьбы не на жизнь, а на смерть.

Боливар разослал всем командирам приказ следующего содержания: «Приказываю вам расстрелять всех пленных испанцев без исключения». В особом манифесте он разъяснил причины, побудившие его на этот шаг. Он ссылаясь на зверства испанцев, на ту опасность, какой подвергались те города, где было сосредоточено столь большое количество пленных, что они легко могли бы обезоружить и перебить караульных, и на заговоры, подготовлявшиеся арестованными. Боливару навсегда врезалось в память его первое поражение в Пуэрто-Кабельо, которое он потерпел из-за того, что не был достаточно бдителен к пленным испанцам.

Штаб-квартира Боливара находилась в Сан-Матео, и там-то, в его родовом имении, и произошла, наконец, его встреча с Бовесом. В продолжение нескольких месяцев война велась с переменным успехом. Но вот 25 марта 1814 года мирный и тихий дом, где протекало детство Боливару, вздрогнул от орудийной пальбы. Вода в озере, в котором купались он сам, его сестры и брат, покраснела от крови. Льянеро дрались жестоко. Их атаки следовали одна за другой, и сам Бовес по временам врезался в гущу боя. Роте льянеро удалось прорваться к госпиталю, где лежали раненые патриоты, и к складу боеприпасов. Новогранадец Рикаурте ценой собственной жизни решил исход боя в пользу патриотов. Он поджег пороховой склад, и вместе со складом взлетели на воздух он сам и ненавистные льянеро. Победа дорого обошлась патриотам, но зато она отвела на некоторое время угрозу от Сан-Матео.

Армия патриотов понесла серьезный урон. Война тяжелым бременем ложилась на плечи мирного населения, а конца ей не предвиделось. Дезертиров ловили и снова гнали на фронт, наиболее подозрительных из них — расстреливали. Боливар очищал ряды своей армии от врагов, но они все же туда проникали. Тем временем Бовес нанес сокрушительный удар Второй венесуэльской республике. Он напал врасплох на неповоротливого «диктатора» Мариньо и разбил его. Боливар присутствовал при исходе сражения. Когда разгром Мариньо стал непреложным фактом, народ закричал, что все кончено. Разве вместе с Мариньо не потерпел поражения сам Освободитель? Разубедить народ было трудно.

А между тем весь успех Бовеса сводился к тому, что он прорвал фронт у Ла-Пуэрты — места недавнего триумфа патриотов. И единственным виновником этого прорыва был Мариньо, не разгадавший хитрого маневра, придуманного Бовесом: он погнался за небольшим отрядом льянеро, а в это время Бовес с основной частью войска устроил ему засаду.

В задачу Бовеса входило заманить патриотов в открытое поле, а затем выйти из засады и окружить их. Боливар, едва появившись на поле

боя, сразу разглядел ловушку и приказал Мариньо немедленно отступить, но было уже поздно. Налетели льянеро, и началось беспорядочное бегство. Мариньо, Боливару и Ривасу в последний момент удалось вырваться из окружения.

Вера народа в своего Освободителя, уже давно подточенная сомнениями, рухнула. Ведь теперь был разбит сам Боливар, и никто уже не слушал больше его красноречивых увещаний.

Вернувшись в Каракас, Боливар окончательно убедился в безнадежности своего положения. В городе поднялась паника. Освободителю не на кого было опереться. Те, кого он созвал на последнее совещание, метали на него злобные взгляды и упорно молчали. Солдаты, опасаясь мести подходивших к городу испанцев, разбежались по домам. Они знали, что Боливару их не удержать.

В конце месяца Бовес занял Валенсию. Находившийся на востоке Урданета оказался отрезанным от столицы и не мог пойти на помощь Боливару. Боливар сделал последнюю отчаянную попытку организовать оборону столицы, но все его усилия были напрасны. Оставаться долее в Каракасе значило попасть в плен. 6 июля Боливар решился на такой шаг, против которого восставало все его существо: он заставил себя покинуть родной город. Сестер он оставлял здесь. Они с детьми не выдержали бы долгого похода. Боливар прошел в комнату матери и опустился на колени перед мадонной. Он молил ее сохранить ему родных. Вину за случившееся он брал на себя. Он горько каялся в своих ошибках, которые постепенно свели на нет все то, чему он посвятил жизнь.

С группой верных солдат, сопровождаемый многочисленной толпой испуганных беженцев, он в тот же час двинулся на восток. Каракасцы шли за ним не потому, что они все еще верил в него, а потому, что предпочитали погибнуть в пути или покончить с собой, чем подвергаться пыткам, которые готовили для них испанцы.

Порой слышался плач детей, потерявших родителей. Аристократки, всю жизнь заботившиеся только о том, чтобы сохранить свою красоту, шурша шелками, шли в толпе своих недавних рабов. Многие беженцы, не вынеся тяжести пути, лишали себя жизни. Матери бросали детей в пропасть: им легче было расстаться с ними навсегда, чем вечно трепетать за их жизнь. Солдаты понуро брели, еле передвигая израненные ноги. На двадцатый день пути Боливар все же привел тех, кто остался в живых, в Барселону.

Тем временем Бовес, заняв Каракас, пустился за ним в погоню. Он решил во что бы то ни стало вернуться в столицу с головой Освободителя, выставить ее на показ, а затем точно таким же образом расправиться с другими патриотами.

Преследуемый Бовесом, Боливар замыслил новый план спасения отчизны. «Искусству побеждать учатся на поражениях», — твердил он солдатам.

Барселонские власти объявили измученным беженцам, что они должны будут сдаться Бовесу, ибо, какие бы дружеские чувства ни питали к ним местные жители, но класть за них голову на плаху они не желают.

Решено было идти в Куману — другой приморский город Венесуэлы. Перед лицом смертельной опасности начались распри среди самих патриотов. Боливар и Мариньо сделались мишенью для злобы остальных креолов, проклинавших тот день, когда они привели Боливару к власти. Они считали его главным виновником разгрома под Ла-Пуэртой. Вот когда Боливар впервые понял, что должен был испытывать в Ла-Гуайре Миранда! К вящему его изумлению, яростней всех нападал на него Ривас. Пьяр тоже держался резко вызывающе. Патриоты особенно возмущались разгромом под Ла-Пуэртой. В самом деле, после той роковой битвы народ, утратив веру в своих вождей, отошел от них, а это было страшнейшего целого десятка Бовесов, что Боливар и сам отлично понимал.

В один холодный, пасмурный день Боливар и Мариньо сели на корабль. Вскоре глазам Освободителя и «диктатора», двух недавних участников великой войны, а ныне изгнанников, оставленных ближайшими сподвижниками, открылся суровый простор океана. Позади остались горестные следы поражения. Тела не преданные погребению, продолжали лежать на земле. Поля были вновь опустошены, но уже не по вине природы, которая, разрушая, всегда очищает, а безжалостной рукой варвара. Второй венесуэльской республики больше не существовало.

В ушах Боливару все еще раздавались упреки Риваса и других креолов, а перед глазами все время стояло злобное лицо его спутника. Судьба подвергла Симона Боливару тяжкому испытанию. Что же делать дальше? Куда идти? Отказаться от мечты освободить Южную Америку? Неужели до гроба будет его преследовать слава неудачливого освободителя? Он молил бога послать ему силы продолжать борьбу, и бог внял его мольбам. С его помощью Боливар выполнял до конца миссию Освободителя. Он должен вернуться в Новую Гранаду, в Картахену, где год тому назад он сумел убедить народ в правоте своего дела и блестящими победами завоевать его доверие. Теперь все надо начинать сызнова. Под рокот волн, разбивавшихся о борта корабля, изгнанник произнес новую клятву, и ветер далеко разнес ее по океану.

А в Венесуэле между тем продолжали развиваться события. Ривас был пойман испанцами и обезглавлен. Вермудес, отбиваясь от льянеро, метнул наудачу копье, и оно прервало жизнь Бовеса. Вскоре после этого ему удалось бежать за границу. Единственно, о чем пожалел Бовес в предсмертные мгновения, это что он не умертвил Боливару.

По приезде в Картахену Боливар отправился прямо к Торисесу. Тот искренно ему обрадовался. Печальные события в Венесуэле не поколебали его веры в Боливару. Он снова обещал ему поддержку, но тотчас же натолкнулся на сопротивление Кастильо — того самого Кастильо, которому год назад Боливар хотел оказать помощь в Памплоне и который до сих пор таил обиду на заносчивого венесуэльца, пытавшегося отстранить его от управления городом. Тогда Кастильо ушел в отставку, чтобы не быть в подчинении у «иностранца», теперь же он, как видно, отнюдь не намеревался повторить этот жест.

Положение обострилось, когда конгресс предоставил Боливару две тысячи солдат и разрешил получить снаряжение у Кастильо. Боливар обратился к Кастильо с просьбой выдать ему оружие и боеприпасы, но тот, пользуясь тем, что его гарнизон сильнее армии Боливару, отказался даже впустить его в город. Оба военачальника знали, что из Испании в Южную Америку направляется мощная армия и что не сегодня — завтра она может высадиться в Санта-Марте, которую должен был защищать Боливар. А в это время Боливар тщетно домогался снаряжения у Кастильо. Пока генералы препирались, испанцы захватили всю территорию между Картахеной и Боготой — столицей Новой Гранады. Боливар со своим малочисленным и безоружным войском очутился между Кастильо, упорно не желавший подчиниться распоряжению конгресса, и быстро приближавшимися испанцами. Снова он был беззащитен и одинок. У себя на родине он — вне закона, здесь — чужестранец, а его солдаты, все до одного новогранадцы, спорят между собой, кого признать вождем: Боливару или Кастильо. Значит, не к чему продолжать комедию. Своим присутствием он только вносит смуту в умы солдат, что пагубно отражается на их боеспособности. А новогранадская армия должна быть сплоченной, как никогда.

9 мая 1815 года Боливар, приказав войску выстроиться, объявил, что при сложившихся обстоятельствах у него нет другого выхода, как покинуть Новую Гранаду. Затем он простился с солдатами, подписал рапорт об отставке и на английской судне отбыл на остров Ямайку.

Положение патриотов было исключительно неблагоприятным. Все наиболее активные революционные деятели либо погибли, либо жили в изгнании. Королем Испании был провозглашен злейший враг национально-освободительного движения южноамериканских народов — Фердинанд. Династия Бонапартов была низложена. Жозеф Бонапарт, наголову разбитый Веллингтоном, отказался от престола и бежал во Францию.

Колониям было выгодно, чтобы на испанском троне сидел Жозеф. Он почти не вмешивался в их дела, и они могли бороться за установление республиканского строя, не опасаясь вторжения из-за океана. Жозеф так

же мало был заинтересован в колониях, как и в испанском троне. Но с приходом к власти Фердинанда ситуация резко изменилась. Заняв 13 мая 1814 года престол своих предков, он тотчас устремил алчный взгляд на свои отдаленные владения. Эти владения с минуты на минуту грозили отпасть от него — и отпасть навсегда. Это навело его на мысль отправить туда самую мощную экспедицию, которая когда-либо переплывала Атлантический океан. Вспомнив кстати и о Боливаре, он приказал Морильо, который по рекомендации Веллингтона был назначен начальником экспедиции, захватить его в плен и сделать распоряжение относительно его дальнейшей судьбы.

Фердинанд поставил перед экспедицией грандиозную задачу: не только усмирить Венесуэлу и Новую Гранаду, где борьба за независимость приобрела особенно ожесточенный характер, но поработить почти весь континент, до границ Бразилии. Фердинанд мечтал покорить Южную Америку; Боливар мечтал освободить ее. Во исполнение своего замысла Фердинанд снарядил десятитысячную армию; Боливар в это время жил на Ямайке, на положении изгнанника, без единого гроша в кармане.

Надо отдать справедливость Фердинанду: в своей карательной политике он достиг больших успехов. Его экспедиция применяла те же методы насилия и террора, что и разбойничья шайка Бовеса. Сотни патриотов, мужчин, женщин и детей, были зверски замучены. Зато меньше чем через год испанское знамя победно реяло над всей Венесуэлой и Новой Гранадой. Донесения Морильо тешили тщеславие Фердинанда. Король предоставил начальнику экспедиции полную свободу действий в колониях, и тот не преминул ею воспользоваться. Он задумал идти все дальше и дальше по пути завоеваний. Не довольствуясь убийством Кастильо, Торисеса и других вождей патриотического движения, он стремился покончить и с теми, куда удалось от него ускользнуть. В списке патриотов против имени Боливара он поставил крестик, имена почти всех остальных революционеров были уже вычеркнуты им.

Боливар по-прежнему жил на Ямайке и проводил почти все время в составлении писем к разным состоятельным людям, прося их помочь делу патриотов.

Декабрьской ночью 1815 года он встал из-за стола и лег. Но ему не спалось. Тогда он начал ходить по комнатам. В эту ночь должен был нести караул Феликс Амestay, один из немногих оставшихся ему верными республиканских офицеров. Однако его нигде не было видно. Закутавшись в рваный плащ, Боливар отворил наружную дверь и затерялся в ночи.

Долго бродил он по долине, приминая густую траву. Верхушки столетних платанов, образуя подобие арки, задумчиво колыхались над ним. Сырой и горячий воздух был пропитан пряным запахом гниющих растений.

Между тем Амestay, придя с караула спустя несколько минут после ухода Боливара, лег в его гамак. Боливар, вернувшись, нашел его мертвым: кто-то по рукоять вонзил ему в спину ржавый кинжал.

В убийстве Амestay вскоре сознался один из слуг. Он был подослан врагами Боливара.

Рука испанского короля все же оказалась недостаточно длинной.

Часть пятая

ВЕЛЕНИЕ ДОЛГА

Глава XVI

НА БЕРЕГУ ОРИНОКО

Я осную новую столицу

Патриотическое движение не могло остановиться на мертвой точке: в сердце Освободителя, даже в изгнании, бил неистощимый родник любви к родине. Когда ямайцы, полагая, что его дело проиграно, отказали ему в поддержке, он переселился на Гаити. Здесь он нашел моральную и материальную поддержку в лице богатого голландского коммерсанта Брайона, а также в лице президента негритянской республики мулата Александра Петьона. Сюда же, на Гаити, прибыли в январе 1816 года несчастный беженцы из Картахены. В толпе, сходящей с корабля на пристань, Боливар узнал Мариньо, Пьяра, Монтильо и Вермудеса.

Разногласия, возникшие между патриотами по поводу предстоящей экспедиции, были быстро улажены. Петьон снабдил экспедицию оружием и боеприпасами, а в виде компенсации взял с Боливара обещание, что он отпустит на волю рабов, когда отвоюет Венесуэлу. Освободитель дал ему торжественную клятву и впоследствии свято исполнил ее.

Между тем личный состав экспедиции насчитывал всего лишь двести пятьдесят человек, и многие из них выражали недовольство, что начальником назначили Боливара. Они словно предчувствовали неудачу. И впрямь: что могла поделаться с испанцами эта горсточка смельчаков?

31 марта 1816 года экспедиционные суда вышли в море. Путь был долгий; только 13 мая войска высадились на острове Маргариты. Местный патриот Арисменди, подняв восстание против испанцев, присоединился с войсками к Боливару. Испанский военачальник, убедившись в бесплодности сопротивления, спустил свой флаг.

Боливар созвал хунту. Подавляющим большинством голосов он был избран верховным главой республики. Затем собрался конгресс, и 16 мая 1816 года была провозглашена Третья венесуэльская республика. Боливар издал манифест, в котором он, обращаясь ко всем венесуэльцам и ко всем испанцам, находившимся на территории Венесуэлы, отказывался от методов войны на истребление. Генерал-губернатор Каракаса ответил на это чисто по-испански: он предложил десять тысяч песо за голову Боливера и каждого из его виднейших соратников.

Сражение, развернувшееся в Кумане, окончилось плачевно для патриотов. Третья попытка завоевать независимость не удалась. В октябре Боливар выехал на Гаити: деньги и боеприпасы были у него на исходе. Брайон снарядил вторую экспедицию. На этот раз Симон Боливар, высадившись на континенте в ноябре, не сделал ни шагу назад.

Боливар обладал безграничной верой в свои силы. Он с прежним жаром говорил своим товарищам о необходимости продолжать борьбу и после освобождения Венесуэлы и Новой Гранады — до тех пор, пока испанцы не будут изгнаны со всего южноамериканского материка.

К трудностям борьбы с вооруженным противником, к трудностям перехода через пересеченную местность присоединялось еще одно неблагоприятное для Боливера обстоятельство. Дело в том, что он не мог доверять некоторым из своих соратников. Во-первых, Мариньо, вечно снедаемому неутолимым честолюбием и влюбленному в свой громкий, но пустой титул «диктатора Востока», — это был открытый враг; во-вторых, более опасному сопернику, Пьяру, одержавшему немало побед, которые обличали в нем опытного военачальника, и, наконец, Арисменди, патриоту с острова Маргариты (прозванного венесуэльской Спартой), действовавшему против Морильо, но болезненно воспринимавшему малейшее указание Боливера.

Итак, в Восточной Венесуэле был установлен республиканский строй. Однако общая ситуация складывалась не в пользу республиканской армии, готовившейся к решительному наступлению. Валенсийскую и Каракасскую провинции наводняли испанцы, жаждавшие крови патриотов. В эти многотрудные дни у Боливера возникла идея, которая позволила ему восторжествовать над мене удачливыми соперниками. Задуманный им план еще тесней сплотил вокруг него всех тех, кто безоговорочно признавал его своим вождем: Боливар решил основать новую столицу Венесуэлы на берегу Ориноко.

По его расчетам новая столица должна была представлять выгоднейшую позицию для отражения вражеских атак с побережья. Кроме того, с этой позиции можно было повести наступление на север. По реке был обеспечен подвоз живой силы и боеприпасов. Когда Боливар начал при-

водить свой план в исполнение, оказалось, что Пьяр уже основал на реке Ориноко гавань. Боливар положил быть новой столице в Ангостуре — одном из наиболее сильно укрепленных испанцами городов на Ориноко. Совместно с Пьяром он принялся очищать побережье от испанцев. Испанские крепости сдавались ему одна за другой. И вот, когда путь к Ангостуре был уже почти совсем свободен, Боливар едва не попал в плен к врагу.

Однажды, отъехав со своими офицерами на значительное расстояние от войска, он вдруг очутился лицом к лицу с испанцами. Противник открыл огонь. Боливар и его офицеры, соскочив с коней, через густой прибрежный кустарник бросились к реке. Но река представляла не меньшую опасность: в воде зашевелились кайманы, недовольные, что потревожили их сон. Защищенные от выстрелов зеленой стеной дикого винограда и бамбука, беглецы кое-как доплыли до противоположного берега. И там, растянувшись на теплой, влажной, парной земле, в соседстве с мелкими лесными хищниками, они провели несколько долгих часов.

Боливар излагал офицерам свои планы на будущее. А те, молча слушая его и недоумевающее покачивая головами, невольно думали, что человек, который, только что избежав смертельной опасности и все еще находясь перед лицом смерти, продолжает, как ни в чем не бывало, строить планы освобождения всей Южной Америки, этот человек — безумец.

Рядом с ним лежал один из офицеров, крепко сжимая кинжал в той руке, что была ближе к Боливару.

— Отчего ты его не спрячешь? — спросил другой офицер.

— Оттого что я должен держать его наготове, — ответил тот. — Если испанцы нападут на нас, я убью Освободителя. — И, указав на Боливера, прибавил: — Он сам меня просил.

Но испанцы не были так хорошо знакомы с южноамериканскими джунглями, как патриоты: после тщетных поисков они удалились. Когда стемнело, патриоты начали пробираться берегом и, обнаружив, наконец, что находятся как раз напротив лагеря Пьяра, еще раз переплыли реку. На другой день армия Боливера разбила испанцев и двинулась вверх по течению к Ангостуре, ныне носящей название Сьюдад-Боливар. Этот город, самый крупный из расположенных на Ориноко, не устоял против внезапной атаки крупных сил Освободителя. Войдя в Ангостуру, Боливар тотчас же объявил ее столицей Третьей венесуэльской республики.

Теперь Боливар мог спокойно заняться государственными делами. Он написал письмо в Лондон своему бывшему коллеге по дипломатической миссии Лопесу Мендесу, и тот немедленно принялся вербовать солдат в республиканскую армию.

Наполеоновские войны отошли в прошлое. Участники этой эпопеи разбрелись по разным местам и не знали, за что взяться, к чему прило-

жить руки. Их-то и начал вербовать Мендес, рассказывая им необыкновенные истории о войне в Южной Америке. Ему удалось возбудить в них жажду славы и интерес к приключениям в далекой экзотической стране. Было сформировано несколько рот. Мендес собрал необходимую сумму денег, и пять кораблей с девятыстами солдатами отплыли в Венесуэлу.

В пути состав экспедиции значительно уменьшился: многие погибли, не выдержав всех трудностей. Некоторым из вновь прибывших суждено было стать позднее ближайшими друзьями и вернейшими соратниками Освободителя. Из них сразу выделились Джеймс Рук и О'Лири. Полковнику Руку было вверено командование британскими частями. О'Лири сделался личным адъютантом Боливару, а в дальнейшем — его биографом. Это был симпатичнейший ирландец, грубоватый, но умный.

Участники наполеоновских войн ступили на венесуэльскую землю, когда Боливару было тридцать восемь лет. Однако Гипспли отмечает, что он выглядел на пятьдесят. По его описанию, «это был человек невзрачный, худой, с продолговатым, острым лицом, всегда выражавшим волнение и тревогу». Его черные волосы были небрежно зачесаны назад. Он носил «голубую форму и черный шарф на шею».

Во время банкета, устроенного в честь Боливару британскими офицерами, он заметил, что воротник на мундире Рука до того туго стянут булавками, что лицо англичанина налилось кровью.

— Что с вами? Вам нехорошо? — спросил Боливар.

— Да, — ответил Рук, — воротник давит, трудно дышать.

— Сделайте посвободней, — сказал Боливар, но Рук покачал головой.

— Расстегните же воротник! — настаивал Боливар. Рук опять покачал головой.

Тогда Боливар встал и направился к нему. Но Рук быстро проговорил:

— Это невозможно, ваше превосходительство, я без рубашки.

— Почему? — изумился Боливар.

— Потому что у меня ее нет, — сознался англичанин.

Боливар, откинувшись на спинку стула, расхохотался и позвал слугу.

— Принесите полковнику одну из моих рубашек, — показав ему на Рука, распорядился он.

Слуга смущенно мялся.

— Что это значит? — вскипел Боливар. — Ты слышал, что я сказал?

— Да, сеньор, слышал, — ответил слуга. — Но ведь у вашего превосходительства всего две рубашки: одна — на вас, другую только что выстирали, и сейчас она сушится на веревке.

Тут уже Рук залился таким смехом, что булавки на его воротнике расстегнулись сами собой. Слуга принес ему рубашку Боливару, и, хотя она еще не высохла, он с удовольствием надел ее и вздохнул свободно.

Итак, британские части влились в малочисленную республиканскую армию. С их помощью Боливару предстояло вести борьбу за освобождение Южной Америки.

Глава XVII

СВИРЕПЫЕ ЛЬЯНЕРО

Мы воспользуемся испанскими судами

После того как в новой столице была провозглашена Третья венесуэльская республика, наступило кратковременное затишье: прекратились стычки с испанцами, утихли распри между патриотами. И тут до Боливару стали доходить слухи о том, что у льянеро появился новый командир, искусный и храбрый. В отличие от Бовеса, он сражался не только из любви к кровопролитию. Звали этого льянеро Хосе-Антонио Паэс.

Родился он в степях Апуре, на семь лет раньше Боливару. «Это был совершенно неграмотный человек», — говорит о нем О'Лири. До 1810 года он вел жизнь вакеро¹. Затем вступил в народное ополчение. Четыре года спустя, когда Боливар и Бовес безуспешно охотились друг за другом, Паэс, служивший под командой одного из республиканцев, своими смелыми подвигами сумел подействовать на воображение льянеро и многих привлек в армию патриотов.

Он был примерно одного роста с Боливаром. Его массивные плечи давили на туловище и как бы пригибали его к земле. На коне он выглядел внушительно, вообще же производил скорей комическое впечатление. У него была мясистая красная шея, коротко подстриженные, жесткие, темно-каштановые волосы, черные глаза, прямой нос с широкими, раздувающимися ноздрями, толстые губы, густая борода. Он был достаточно тактичен, чтобы не вступать в разговоры с образованными людьми. Зато с льянеро он проявлял крайнюю словоохотливость, с ними ему всегда было весело. Единственно, чего он не выносил, это неповиновения. Когда ему перечили, он приходил в неопишемую ярость и терял способность рассуждать. После смерти Бовеса он сделался предводителем льянеро и перешел на сторону патриотов. Первым его подвигом, о котором прослышал Боливар, была победа над испанским генералом Ла Торре.

Кавалерия Ла Торре, составленная из ветеранов европейских войн, одетая с иголочки, сомкнутым строем двигалась вперед. Это был авангард армии Морильо. Навстречу кавалерии, в полном беспорядке, мча-

¹ Вакеро — пастух, гоняющий коровьи стада.

лись с копьями в руках голые до пояса льянеро, не имевшие понятия о том, как надо держать строй. Встреча произошла в Мукуритасе, куда прибыл из Новой Гранады и сам Морильо. Паэс смекнул, что при таком соотношении сил бросаться в атаку безрассудно, и приказал поспешно отступить. Льянеро галопом помчались вспять.

Испанцев отделяло от них лишь плотное облако пыли, поднятое конскими копытами. Преследуя льянеро, они смешали строй, но, уверенные в победе, продолжали нестись вперед, не заботясь о сохранении боевого порядка. Заметив это, Паэс приказал своей кавалерии нанести внезапный удар по правому флангу противника. Льянеро с воем и визгом повернули коней и, держа копыта наперевес, налетели на оторопевших испанцев. Они сшиблись с ними грудь с грудью и опрокинули их. С поля боя она возвращались, держа в зубах обломки сломанных копий и выискивая новые жертвы.

Испанские пехотинцы во время этой страшной битвы не решались стрелять — из боязни попасть в своих. Укрепиться им было негде: перед ними лежала ровная, открытая местность.

Вдруг им почудился странный запах. Они начали озираться по сторонам, и хмурые лица их вытянулись. Справа, слева, сзади взвизвались белые тонкие спирали дыма. Ветер превращал их в смрадные стены, немолимо надвигавшиеся на испанцев, подобно раскаленным стенам в средневековых камерах пыток. Отступая, льянеро воздвигли еще один дымовой вал, так что испанцы оказались как бы замурованными.

Ла Торре со своими полками заметался, как зверь, в этой огненной клетке. Но когда у него уже не оставалось никакой надежды на спасение, кто-то обнаружил за колеблемыми ветром столбами пламени грязное болото. Пехотинцы один за другим попрыгали туда, а вслед за ними — кавалеристы в своих парадных мундирах.

Наслушавшись рассказов о лихих наскоках Паэса, Боливар решил вступить с ним в переговоры. Правда, Паэс совсем не знал военной тактики: он действовал по вдохновению. И все же нельзя было не использовать этого отважного человека и его не менее отважных соратников. Переговоры увенчались успехом: Паэс согласился перейти в распоряжение Боливару как раз в тот момент, когда патриотов разбил Ла Торре, который только что сам едва избежал участи быть заживо сожженным.

Паэс преисполнился сознанием собственного величия, и это делало его опасным для тех, кто от него зависел. С тем же, кто в данную минуту имел над ним власть, он был уступчив и кроток. Это его непостоянство доставит Боливару немало огорчений в будущем.

Паэс обладал исключительным военным талантом: во время боя в нем шла напряженная работа мысли, и всякий раз он изобретал хитроумней-

шие способы достижения победы. Нельзя было отнять от него и большой личной храбрости: он всегда бросался навстречу опасности и действовал решительно там, где мене находчивые люди стали бы в тупик. Планы его отличались наивностью, и чем запутаннее они были, тем упорнее он их придерживался.

Шел 1818 год. Предыдущий год ознаменовался малой активностью обеих сторон. Патриоты и испанцы исподволь готовились к новым битвам. В начале нового года Боливар предпринял наступление вверх по Ориноко. У Урбане он соединился с Паэсом.

Желая польстить предводителю льянеро, Боливар назначил смотр его войску. Оба военачальника прошли перед строем. Паэс представлял Боливару особо отличившихся, тот поздравлял их с победой. Затем они обратились к войскам с приветствием, и льянеро огласили воздух неистовым «ура» в честь нового командира.

После смотра Боливар и Паэс, выработав совместный план действий против Морильо, двинулись со своими хорошо отдохнувшими войсками на Сан-Фернандо, стоявший на противоположном берегу Апуре. Прежде всего надо было переправиться через широкую реку. У Боливару не хватило лодок, но Паэс взялся обеспечить переправу. Это были его родные места, и Боливару оставалось только всецело на него положиться. Паэс, указав место переправы, вызвался подойти туда с группой солдат и все приготовить.

Боливар с главными силами патриотов, соблюдая предельную осторожность, направился по его следам. Подойдя к реке, он не обнаружил ничего, кроме каких-то дырявых челнов и испанских канонерок с наведенными прямо на патриотов жерлами орудий. Это его взорвало.

— Где же те суда, на которых мы сможем переправиться на тот берег? — вскричал он.

Паэс широким жестом указал на флотилию испанских канонерок.

— Мы воспользуемся этими судами, — сказал он, и глаза у него загорелись.

— Испанскими канонерками? — переспросил Боливар, не понимая: кто сошел с ума — он или Паэс.

— Да, испанскими канонерками, — подтвердил Паэс тем, как показалось Боливару, шутивно-уверенным тоном, каким старший брат сообщает младшему, что луна — это круглый сыр.

У Боливару раздулись ноздри от бешенства.

— А как же мы, позвольте вас спросить, завладеем этими судами? — процедил он сквозь зубы.

Фамильярно подмигнув ему, Паэс рванул поводья коня:

— Будьте спокойны, генерал Боливар: я захвачу для вас испанские суда. — И, прежде чем Боливар успел излить свой гнев, Паэс галопом

помчался вперед, увлекая за собой Арисменди. Они о чем-то пошептались в стороне, и, получив, по-видимому, согласие Арисменди, Паэс обратился к льянеро:

— Ребята! Что мы делаем, когда видим вещь, которая нам нужна?

Льянеро ответили дружно, как на экзамене:

— Мы ее берем!

— Видите вон те испанские суда? — Паэс указал на флотилию. —

Так вот, они нужны генералу Боливару. Кто из вас поможет мне захватить их для него?

Все вызвались с великой охотой, и Паэс с пятьюдесятью льянеро на неоседланных конях бросился в воду.

Достигнув ближайшего судна, отряд смельчаков окружил его. Пока матросы, растерявшиеся при виде этих фантастических существ, словно вынырнувших с речного дна, осыпали их градом пуль, льянеро, обвязавшись веревками и цепляясь друг за друга, с победным криком вскарабкались по гладким бортам на канонерку. Теперь победа была обеспечена. Испанцы, не успев перезарядить ружья и дать залп, уже лежали, с копьями в груди, на палубе. В мгновение ока все было кончено. Остальные суда сдались без боя. Немного погодя торжествующие льянеро привели к берегу всю флотилию.

Солдаты Болиvara встретили их восторженными криками. Паэс, отряхиваясь по-собачьи, подъехал к Боливару на своем маленьком, мокром, тяжело поведившем боками скакуне. Не находя слов, чтобы выразить свое восхищение, Боливар крепко пожал ему руку. Патриоты весело поплыли по реке на испанских судах.

Морильо, конечно, и в голову не могло прийти, что Боливар переправится через реку. Подвергшись внезапному нападению патриотов в Калабосо, испанский генерал поспешно отступил. Он думал теперь лишь о том, как бы спастись от настойчивого преследования Арисменди. Боливар намеревался тоже двинуться за ним в погоню, вверх по течению, но против этого неожиданно восстал Паэс, который после эпизода с канонерками не желал признавать над собой ничьей власти. Льянеро вообще не представляли надежной опоры. Заставить их сражаться за идею было невозможно. Большинство из них воевало из чисто спортивного интереса и ради наживы. К тому же, власть Паэса над ними была безгранична. Боливар не мог обойтись без Паэса и без льянеро, и когда тот отказался преследовать Морильо, он, вместо того чтобы проявить твердость, из боязни, что льянеро отойдут от него, предоставил Паэсу полную свободу действий.

Паэс заявил, что его люди нуждаются в отдыхе и что дальше начинается горный район, где они не нужны: льянеро привыкли к открытой местности, а драться в горах они неспособны. Для истины в этих его

соображениях была. Впрочем, Паэс был настолько хитер, что всегда нашел бы себе оправдание. Он хотел вернуться и захватить Сан-Фернандо. Дело в том, что, направившись вместе с Боливаром прямо в Калабосо, он оставил для осады Сан-Фернандо небольшой отряд, но испанцы, засевшие в городе, не сдавались. Боливар разрешил ему идти туда и заранее назначил его комендантом города. Паэс быстро принудил к капитуляции умиравший от голода испанский гарнизон и без боя занял Сан-Фернандо.

Отпустив льянеро, Боливар ослабил свою армию. Он уже чувствовал себя полным хозяином Арагуайской долины. Однако Морильо и Ла Торре не могли с этим примириться. Они надвигались на него с разных сторон. Боливар вынужден был отступить. Морильо почти достиг его в Куре, но начавшаяся полоса сильных дождей помогла патриотам благополучно отойти к Ла-Пуэрте. В шесть часов утра на затопленном ливнями поле патриоты встретились с испанцами. Морильо, подтянув резервы, добился решительного успеха. Паэс прибыл на подмогу слишком поздно, и ему пришлось бежать вместе с Боливаром и тяжело раненным Урданетой. Но и Морильо получил удар копьем, едва не стоивший ему жизни. За победу под Ла-Пуэрто Фердинанд пожаловал ему новый титул. Король считал, что теперь он может спокойно сидеть на троне и ждать скоро конца войны.

Итак, патриоты снова потерпели серьезную неудачу. Тут было от чего придти в отчаяние, но Освободитель лишь укреплялся в своем решении сражаться до полной победы. Враг гнался за ним по пятам, а он, взвесив свои силы и силы противника, строил план новой компании. У него остается еще столица. Скоро начнет работу конгресс и изберет новое правительство. С ним — Паэс, Урданета, Рук и европейские солдаты. Ему верят, у него есть определенная цель. Все это придавало ему бодрости.

По пути в Ангостуру Боливар едва не стал жертвой нового покушения. Как-то ночью он спал под деревьями в гамаке. Одному испанцу, по имени Реновалес, получившему точные сведения от пленного республиканца, удалось обмануть бдительность часовых и подползти на близкое расстояние к койке Болиvara. Он готов уже был спустить курок, как вдруг Боливар, инстинктом почуяв опасность, проснулся и вскочил с постели. Испанец выстрелил, но пуля просвистела над головой опеломленного генерала.

В несколько минут весь лагерь был на ногах. В темноте никто не мог понять, что произошло. Сообщники Реновалеса, которых он поставил караулить, бросились наутек и на бегу дали несколько выстрелов. Патриоты тоже открыли огонь. Боливару спросонья показалось, что лагерь окружило многочисленное вражеское войско, и он поспешил укрыться в лесу. Наутро, вернувшись в лагерь, он узнал, что многие из солдат, заме-

тив его исчезновение, разбежались. Оставшейся части войск Боливар приказал двинуться по направлению к Ангостуре.

В Сан-Фернандо Боливар опасно заболел. Целый месяц он пролежал в кровати. Сильный жар сменялся ознобом. Лихорадка до того изнурила его, что он потом так и не смог восстановить подорванное здоровье. А тут еще Паэс со своими авантюрами, неизменно кончавшимися неудачей! От Мариньо, воевавшего на востоке, тоже приходили дурные вести, ангостурское правительство было деморализовано, солдаты разбежались, а Боливар уже не мог найти в себе силы остановить их грозным окриком или властным взглядом.

В июне 1818 года он вернулся в Ангостуру. Тужа же несколько позже прибыл Вермудес и сообщил о новых поражениях. Поговаривали, будто льянеро изменили Боливару и провозгласили Паэса верховным главнокомандующим и главой государства. Боливар делал вид, что ему ничего не известно. В свое время он передал власть государственному совету, а теперь пора было созывать конгресс. По существу, однако, конгресс не мог быть правомочным, так как всеми провинциями, за исключением двух, владели испанцы.

В предвыборном манифесте Боливар предлагал выбирать «достоинейших граждан, не считаясь с тем, участвовали ли они в освободительной войне, или нет». Конгресс избрал президентом Боливару, тот отказался. Но отставка его не была принята, да он и сам убедился в необходимости взять власть в свои руки.

Боливар находился в трудном положении. Только человек с его государственным и военным гением и с его способностью провидеть будущее способен был в эти дни стать у кормила власти и одновременно руководить военными действиями. Он действительно не хотел быть диктатором. Он хотел управлять страной, когда она станет свободной, а сейчас она была далека от этого. Его отказ должен был определить степень его популярности. Не окажи ему конгресс единодушной поддержки, он должен был бы отойти от управления страной.

Президент обратился к конгрессу с речью, в которой изложил свои принципы. Эти принципы остались у него неизменными еще с той поры, когда он излагал их во Франции кузине Фанни, Гумбольдту и Родригесу. Те же принципы отстаивал он на первых тайных собраниях патриотов, и они же легли в основу его воззваний к новогранадцам и ямайцам. Но теперь он достиг той зрелости мышления, которая выдвигала его в первые ряды мировых государственных деятелей.

«Наш образ правления должен быть республиканским», — заявил он депутатам, жадно ловившим каждое его слово. В руках правительства должна быть сосредоточена власть законодательная, исполнительная,

юридическая и моральная. Президент республики выбирается пожизненно, власть сенаторов переходит по наследству. Боливар указал на английскую палату лордов, как на пример, достойный подражания. Вполне оригинальную часть его проекта составлял раздел о моральной власти. «Нравственность и образование — вот два незыблемых устоя республики», — сказал он своим согражданам. По мысли Боливара, моральная власть правительства заключалась в «священной заботе» о воспитании детей.

Сверх ожидания, конгресс, обсудив проект, не одобрил его в целом. Он отверг три его весьма существенных для Боливара положения. В окончательной редакции места в сенате не могли переходить по наследству; моральная власть не составляла особой функции правительства, а совмещалась с другими; наконец, президент избирался не пожизненно, а всего лишь на четыре года.

Тем не менее, конституция была уже реальностью, и это одно радовало Боливара. Он не соглашался с поправками, но считал возможным принять их, раз у него пока не было более убедительных доводов против.

Основы республиканского строя были заложены. Теперь вставала другая задача: освободить захваченные врагом провинции и тем увеличить радиус действия новой политической хартии. Пора было сменить черный сюртук президента на голубой мундир полковника.

Глава XVIII

ЧЕРЕЗ АНДЫ

Сильные духом выдержали

При звуке военной трубы Боливаром завладела новая мысль — самая дерзкая, самая фантастическая из тех, что когда-либо пленяли его воображение.

Когда на горах растаял снег и вышли из берегов реки, Морильо, решив, что кампания этого года закончена, отступил к Калабосо и стал на бивуаках. А в это время Боливар созвал офицеров на совещание. По колону в грязи, стали они пробиваться по вытопанным стадами тропинкам к полуразрушенной хижине, стоявшей в самом центре степной полосы. Никто из них не знал, что на уме у Освободителя. Перед ними расстились степи, словно душистый зеленый, волнующий ветром океан.

В хижине не на что было сесть. Кто расположился прямо на грязном полу, кто прислонился к стене. Обведя присутствующих нервным, горящим, пронзительным взглядом, Боливар принялся излагать свой грандиозный военный план.

— Я полагаю, что настал благоприятный момент для освобождения Новой Гранады.

Офицеры растеряно переглянулись. Боливар продолжал:

— Там — Сантандер; он отправился туда в августе прошлого года, чтобы обеспечить нам наступление в долине Касамаре.

— Но ведь сейчас самые дожди, ваше превосходительство! Дорог там почти нет, — возразил сидевший на полу офицер.

— Да, почти нет, — подтвердил Боливар.

— А до конца степей еще много миль, — заметил другой офицер.

— Много, много, — согласился Боливар.

— Но ведь придется перейти Анды! — воскликнул самый юный из офицеров, испуганно раскрыв глаза.

— Совершенно верно, — глядя в потолок, спокойно проговорил Боливар.

— Это невозможно! — раздались несколько голосов.

Боливар молчал. Офицеры заговорили между собой. Атмосфера в хижине накалялась. Голоса становились все громче и взволнованнее. Боливар смотрел в окно. И вот, в момент наивысшего возбуждения, одним прыжком вскочил сидевший на полу Рук.

— Генерал, ведите нас! — крикнул он. И крик его был подобен искре, из которой мгновенно возгорелось пламя энтузиазма. Офицеры подбегали к Боливару, клялись в верности, пожимали ему руку. Так, среди всеобщего ликования, был сделан первый шаг к осуществлению одного из самых блестящих замыслов Освободителя. Так начался один из самых славных периодов в истории освободительного движения Южной Америки.

Морильо, разумеется, находится в блаженном неведении. Сантандер дал знать Боливару, что новогранадский народ жаждет присоединиться к патриотам и с нетерпением ждет Освободителя. Бульшая часть Венесуэлы оставалась еще в руках Морильо, но с освобождением Новой Гранады задача патриотов значительно облегчалась.

Боливар выступил в мае, когда полоса дождей подходила к концу. Его армия насчитывала около тысячи трехсот человек и восемьсот коней. Вся дорога до самого Баринаса патриотов поливал дождь. Несмотря на это, в армии царил бодрое настроение. Шли с песнями, подбадривали увязавших в грязи. Дорог не было. Целую неделю пришлось тащиться по залитым водой пастбищам и с трудом выволакивать из грязи усталые, исцарапанные колючками ноги. Что ни речка — то бурное море. А в нем — и кайманы, и электрические угри, и страшная рыба карибе, что нападает целыми стаями и своими острыми зубами рвет на куски мясо людей и животных. Ночью высшим комфортом считался не залитый водой клочок земли, или, вернее, грязи.

Боливар хранил в тайне взятое им направление. Даже те, что шли рядом с ним, не знали в точности, куда он их ведет. Если б они представили себе все опасности, ожидавшие их впереди, они отказались бы перейти первый же ручей, встретившийся им на дороге. Два отряда под командой Паэса и Вермудеса отделились от армии Боливара с тем, чтобы отвлечь внимание Морильо.

Вот уже и Анды показались вдали. И уже близок тот подвиг, что золотыми буквами будет записан на скрижалях истории, — тот подвиг, что потребует сверхчеловеческого напряжения сил от всех этих смельчаков, бросивших вызов стихиям.

Боливар обегал ряды, подбадривая солдат, расспрашивая их о здоровье. Самым веселым и жизнерадостным из участников похода оказался Рук. Он рассказывал солдатам небылицы, и они, изнуренные, оборванные, не могли удержаться от смеха. 11 июля эта армия призраков достигла Тамме, где ее восторженно встретили войска Сантандера. Боливар получил подкрепление в количестве тысячи человек, а, самое главное, вдоволь съестных припасов.

Обсохнув и утолив голод, солдаты расстелили свои одеяла и легли. Боливар, с нежностью глядевший на них, грустно улыбнулся. Самое страшное было еще впереди. Он знал необузданную ярость Анд.

И снова — в поход. Проторенных дорог нет. Всюду путь преграждают скалы, а в долинах — бурелом. С каждым днем холоднее, а солдаты почти раздеты. Льянеро разбегаются целыми партиями. Но Освободитель неуклонно ведет свое войско к вершинам. Вот и граница вечных снегов. Нигде ни признака жизни. Резкий северо-восточный ветер обжигает тело. А отступать поздно: кругом непроницаемая пелена тумана. Лошади гибнут без чета: скользя по обледенелой круче, они срываются, и тут их подстерегает ненасытная смерть. Солдаты не слышат, что им рассказывает Рук: слух изменил им на высоте. Они заоченели. Из носу у них течет кровь. Многие сходят с ума. Иные шатаются и падают замертво. Товарищи, стараясь привести их в чувство, изо всех сил колотят их — только бы не дать им умереть! Один лишь Рук не теряет отличного расположения духа; никто его не слушает, а он все продолжает рассказывать сказки, так что многим кажется: уж не свихнулся ли он?

К довершению всего, патриотов постигло новое бедствие: показались испанцы. Значит, предстояло сражение. Собрав последние силы, патриоты с решимостью отчаяния ринулись в бой и — опрокинули испанский отряд. Испанцы отступили на позиции, которые занимал генерал Баррейро на дороге к Боготе. Войско патриотов не могло ее миновать, так как это была единственная дорога к столице Новой Гранады. Баррейро это знал и потому не очень был огорчен известием о поражении. Пусть патриоты, выбиваясь из сил, продолжают поход — от него они все равно не уйдут.

Боливар решил избежать этой встречи. Он приказал войску остановиться. Солдаты уставили на него воспаленные глаза. Рядом с ним стоял Сантандер. Рук сидел у его ног и согревал дыханием свои замерзшие пальцы.

— Солдаты! — сказал Боливар. — Враг преградил нам путь к Боготе; у него свежее войско, а мы драться не в состоянии. Но в Боготу мы прийти должны, и путь наш лежит вон там.

Он показал направо, на узкую извилистую тропинку, которая вела к пустынным утесам Парамо де Писба. Этот путь был до того опасен, что никто им не пользовался даже в сухую погоду. Тем более в сезон дождей испанцам не могло прийти в голову защищать его. Даже у Рука задрожали челюсти. Перевалить через Парамо де Писба!.. но другого выхода не было. Всякий иной путь означал смерть. Идти назад — погибнуть от голода; впереди смерть была еще ближе.

Был отдан приказ выступать. Солдаты, построившись по одному, двинулись вперед под проливным дождем, от которого при каждом движении расплзлась их слипшаяся одежда. Так шли они всю ночь — в холоде и кромешной тьме. Делать привал на ночевку не решались — боялись замерзнуть.

Наконец 6 июля начался спуск по ущелью. По сторонам исполинскими призраками вздымались вершины Парамо де Писба, и при взгляде на них кружилась голова. А внизу, на дне долины, царил вечная весна. Было непонятно, как она туда добралась. Солдатам казался недоступным этот волшебный рай. Измученные, обросшие жесткой бородой, с бледными изможденными лицами, с кровоподтеками на руках и ногах, они время от времени устраивали привал прямо на дороге. Боливар, дрожа от озноба, возвращался, протягивал руку тем, кто падал, не дойдя до привала, вел за собой, указывал место для отдыха и только тогда ложился сам. Солдаты молча смотрели вверх, туда, где рассвирепевшая природа только что дала им бой, потом в изнеможении закрывали глаза, и сонные их лица озаряла довольная улыбка. Крестьяне из ближних деревень несли героям одежду, пищу и оставались дежурить у изголовья спящих.

Когда войско приободрилось, Боливар отдал приказ овладеть городом. От шедшего рядом с ним Рука не укрылось скорбное выражение его лица. Руку была непонятна причина этой грусти, и он выразил ему свое удивление: армия Болизара совершила беспрецедентный подвиг в истории освободительных войн, — о чем же теперь грустить?

— Я думаю о тех, кого мы оставили там, наверху, о сотнях смелых бойцов, которых мы потеряли навек, — печально проговорил Боливар.

— Ничего! Сильные духом выдержали, — заметил несокрушимый оптимист.

Пора было подумать о предстоящем сражении. Армия перешла через Анды и вступила на территорию Новой Гранады. Она отдохнула, запаслась провиантом. Дивизии Рука, Сантандера и Ансоатеги были приведены в полную боевую готовность. Оставались считанные дни до великой битвы. Боливар, стоя у бивуачного огня, воздел руки к звездному небу, а затем в раздумье опустился на землю. При ярком свете костра черты его казались неподвижными, но мозг полководца работал неутомимо. Боливар соображал, рассчитывал, взвешивал, проверял, а затем принимал решения.

На рассвете армия форсированным маршем двинулась в путь. Боливар поставил себе цель отрезать генералу Баррейро дорогу на Боготу. Прежде чем тот узнает, что патриоты прошли равнину, они уже займут дорогу. Но на сей раз Баррейро не дал себя обмануть. Поспешно оставив свои позиции, он, в свою очередь, пустился наперерез Боливару. Обе армии встретились в Пантано де Варгас.

Завязалась частая перестрелка, но ни одна сторона не уступала ни пяди. Взволнованный Боливар, желая поднять дух войска, зычным голосом подавал команду. Баррейро призывал своих солдат не давать спуску врагу. «Эти оборванцы долго не продержатся», — уверял он. Перестрелка продолжалась. Боливар подозвал к себе полковника Рондона, храбро сражавшегося под командой Паэса, и сказал ему: — Полковник Рондон, спасите отечество!

Рондон, крепко зажав в руке копьё, крикнул своим льянеро: «Вперед!» и первый бросился в атаку. Тем только того и нужно было: ничего увлекательнее кавалерийской атаки они не знали. В приливе безумной отваги устремились они на врага, нанося ему меткие удары копьями. В войсках Баррейро произошло замешательство. Для Болизара этого было достаточно. Он бросил в бой пехоту, и она довершила начатое Рондоном. В битве за независимость Новой Гранады патриоты одержали победу.

Но день победы принес им и утраты. Смерть вырвала из их рядов командующего британскими частями, неутомимого сказочника, весельчака и балагура, который в трудные минуты поднимал своими шутками упавший дух солдат. Его ранило в руку, пришлось ее ампутировать. После операции он прожил несколько часов, и ему еще довелось услышать победные крики республиканцев. Он умер со счастливой улыбкой на лице. Похоронили Рука вечером, и всю ночь потом лагерь патриотов хранил благоговеющее молчание. Боливар тяжело переживал эту потерю.

Благодаря смелой атаке Рондона бой за Пантано де Варгас окончился победой патриотов, но Баррейро не был разбит окончательно. Снова Боливар просидел всю ночь у костра. Предстоял жаркий бой за Бойяку.

Баррейро занимал теперь еще более укрепленную позицию на пути к Боготе. Любовью атакой тут ничего нельзя было достигнуть. Надо было

идти в обход. На другой день Боливар привел армию в боевую готовность, как если бы он собирался дать бой противнику, а ночью переменил позицию. Баррейро, разумеется, был уверен, что враг стоит на расстоянии выстрела. Но Боливар под прикрытием ночной темноты повел войско на юг и на рассвете, когда Баррейро только еще отправлялся на поиски, занял Тунху, и, таким образом, снова оказался в тылу у испанцев. Гарнизон Тунхи снабдил его боеприпасами и провиантом.

Но тут у Боливара начались мучительные сомнения. Подойдет ли враг сюда и даст ему бой здесь, или направится восточнее Тунхи, к Бойяке, и перейдет мост по дороге на Боготу? Путем тщательных наблюдений было установлено, что Баррейро направляется к мосту. Солдаты, набив карманы остатками прерванного завтрака, по сигналу снялись с лагеря.

Обе армии встретились лицом к лицу на мосту. Снедаемый жаждой мести, Баррейро открыл огонь. Ансоатеги бросился в атаку, и началась схватка. Бились молча. Каждому было ясно значение этой битвы. От ее исхода зависело: быть ли Новой Гранаде свободной или оставаться под иноземным игом? Боливар, уже не бледный, как обычно, а красный от возбуждения, скинув мундир и с непокрытой головой, наблюдал за сражением. Он приказал Сантандеру и Рондону поддержать Ансоатеги. Баррейро приказал своим солдатам снова перейти в контратаку. Патриоты отбили ее и взяли инициативу в свои руки. Поле битвы было усеяно ранеными. Тут же судорожно бились издыхающие лошади. Скрещивались сабли, сшибались кони, рубились люди. Но вот испанцы начали медленно отступать. И наконец — Баррейро с двухтысячным войском сдался в плен.

Да здравствует Боливар! Да здравствует республика!

Путь к столице Новой Гранады был открыт. Патриоты дали и выиграли бой за Бойяку. Вице-король, узнав об их победе, бежал столь поспешно, что забыл захватить с собой или спрятать казну. Народ, почувствовав себя свободным, бурно выражал свою радость. Путь в столицу на много миль был устлан цветами. Солдаты Боливара шли по ним до самой Боготы. Навстречу спешили жители. Каждый старался пробиться вперед, чтобы взглянуть на Боливара. Город был украшен арками из цветов. Это триумфальное шествие напоминало времена древнего Рима.

Боливар вступил в столицу Новой Гранады через два месяца после того, как он вышел из Баринаса. Его армия разбила армию Баррейро, своей численностью превосходившую ее в три раза. Две последние его победы были самыми блестящими за всю кампанию. При этом ему удалось сохранить большую часть своей армии, отличавшейся редкой выносливостью. Это была армия героев, и теперь ее ожидала достойная награда. Многие патриоты полегли, но Новая Гранада была свободна.

Боливар выслал отряды для защиты границ освобожденной страны. Затем он составил послание к правительству Ангостуры и обратился к народу с манифестом. В Новой Гранаде организовалось гражданское управление. Бремя повинностей, тяготевшее над народом, было снято. В благодарность жители Боготы провозгласили Боливара президентом и верховным главнокомандующим. Возложив на его голову лавровый венок, они наградили его почетным званием Освободителя Новой Гранады. Кроме того, ему был вручен специально учрежденный «Военный орден Бойяки».

18 сентября 1819 года столица Новой Гранады торжественно праздновала триумфальное вступление армии Освободителя. На чествовании вместе с Боливаром присутствовали Сантандер и Ансоатеги. Преодолев пространство, поборов враждебные стихии, разгромив вражеские полчища, патриоты пожинали плоды победы.

Часть шестая

ШЕСТЬ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ЗНАМЕН РЕЮТ В ВЫШИНЕ

Глава XIX

ВЕЛИКАЯ КОЛУМБИЯ

Да здравствует свобода!

Имя Симона Боливара прозвучало от края до края Новой Гранады.

20 сентября Освободитель покинул Боготу. Вице-президентом он назначил Сантандера, уроженца Новой Гранады. Это была самая крупная его ошибка. Сантандер, прикидываясь его верным другом и товарищем, был на самом деле коварнейшим его врагом. Отправляясь в столицу Венесуэлы, Боливар, разумеется, не догадывался об его истинных чувствах.

Перед тем как выступить в поход, Боливар поручил юному полковнику республиканской армии Хосе де Сукре закупить в западных штатах Северной Америки военное снаряжение и выслал специальные отряды на ликвидацию остатков испанской армии: по полям Новой Гранады все еще, как голодные волки, рыскали чужеземцы. Но не этим были заняты его мысли: он думал о Кито — стране, лежащей к югу от Новой Гранады, и о далеком Перу, представлявшим соблазн для всякого истинного полководца, ибо борьба за него обещала быть упорной и требовала особой сноровки.

Но для Боливара поход в Кито и Перу был пока только мечтой. Все его внимание поглощала Венесуэла. Морильо, узнав о победе патриотов в Новой Гранаде, обратился к Фердинанду с просьбой о подкреплении, и за границей распространились слухи о том, что Испания снаряжает необычайно мощную экспедицию, не имеющую прецедентов в истории. Уже одно это тревожило Боливара. Но были и другие неприятности. В Ангостуре среди патриотов опять возникли разногласия, которые усиленно раздувал Мариньо. Он командовал республиканскими войсками в Венесуэле и теперь выехал к месту их расположения для того, чтобы соответственно их настроить и в случае нужды бросить против Боливара и против всякого другого, кто станет ему поперек дороги.

У реки Апуре Боливар соединился с войсками Паэса, а в ноябре он уже подходил к Ангостуре. В честь его прибытия был дан пушечный салют. Народ стекался приветствовать героя Байяки и президента Новой Гранады. Любимый сын своей родины возвращался к ней со славой.

Восторженная встреча, устроенная Боливару жителями Ангостуры, не могла не возбуждать зависти у Мариньо. На вид он держался лояльно, а за спиной у Боливара готовил заговор, в успехе которого не сомневался. Боливар об этом догадывался и не выпускал Мариньо из поля зрения.

Сделав конгрессу доклад о своем походе, Боливар потребовал от него реальной награды: конгресс должен помочь ему в осуществлении того плана, который родился у него давно, когда он впервые прибыл в Новую Гранаду. План этот заключался в слиянии Новой Гранады с его родной Венесуэлой в единое государство под названием Колумбия.

Популярность Боливара в обеих странах была так велика, что объединение состоялось, а Боливар был избран президентом Колумбии. Вице-президентом был избран Сеа. Кроме того, по решению конгресса, каждой стране полагалось иметь своего вице-президента. В Новой Гранаде этот пост остался за Сантандером, а вице-президентом Венесуэлы был избран Хуан Росьо.

К великой радости Боливара, дела приняли дурной оборот для Морильо. Он так и не получил обещанной помощи от Фердинанда. Правда, король снарядил экспедицию. Ему пришла гениальная мысль отправить с ней своих политических врагов, которые и сидя в тюрьме не давали ему спокойно спать. Узники, однако, не пришли в восторг от этой идеи, напротив: они учинили бунт. Всколыхнулась вся страна. Фердинанд струхнул не на шутку. Почувствовав, что корона начинает сползать ему на уши, он приостановил отправку экспедиции и занялся наведением порядка внутри страны. А Морильо получил новый приказ, при чтении которого матерый вояка чуть не лопнул от ярости: ему предлагалось выпустить на свободу всех политических заключенных, ввести в силу испанскую конституцию и начать переговоры с патриотами!

Морильо отчетливо сознавал, что эта попытка примирения с патриотами очень и очень запоздала.

— В Мадриде сошли с ума, — жаловался он своим офицерам и друзьям. — Фердинанд сам не знает, что делает. Он не имеет ни малейшего представления о том, что здесь творится. Это не просто унижение, это гибель. Теперь я должен, видите ли, умолять своих врагов: «Давайте станем братьями!» Воображаю, как обрадуется Боливар! А меня это погубит.

Как бы то ни было, первый долг испанского солдата — слушаться своего короля. Поборов досаду, Морильо сказал:

— Я повинюсь его величеству. Но надежду подчинить себе колонии нам придется оставить навсегда.

Учредив в Каракасе «хунту умиротворения», Морильо со скрежетом зубным разослал письма к Боливару и другим вождям патриотического движения.

Его предсказание сбылось: Боливар, прочитав письмо, весело и громко рассмеялся. Будучи осведомлен о критическом положении Фердинанда, он все же находился от него слишком далеко, чтобы еще раз залепить ему мячом в физиономию, и потому ограничился отменно вежливым, хотя и твердым посланием к Морильо: «Буду очень рад вступить с вами в переговоры, но при том условии, что Колумбия будет признана независимой республикой». Скрепив послание своей подписью, президент Колумбии отправился в инспекционную поездку.

Ответ Морильо застал его на пути в Новую Гранаду. Распечатав послание, Боливар прочел его раз и другой. Офицеры впились в него взглядом. Вдруг он крикнул: «У черту!», скомкал послание и зашвырнул его далеко прочь от своей палатки.

Ответ Боливара, приди по назначению, подвергся той же участи. Морильо и Ла Торре отказались признать независимость и даже самый факт существования Колумбии. Морильо воспринял ответ Боливара как оскорбление всей испанской нации. Боливар же утверждал, что учтивее, чем он, нельзя быть с испанцем.

Отказ представителей Фердинанда признать Колумбию не беспокоил Боливара. Он мог теперь рассчитывать на поддержку извне. Сукре закупил в Северной Америке оружие и боеприпасы, вице-президент Сеа, побывав в Англии, добился ее финансовой помощи, необходимой для укрепления неустойчивого бюджета Колумбии. Правда, испанский посол не захотел с ним разговаривать, но Боливар написал в Лондон, чтобы Сеа и не домогался его покровительства, — признание скоро произойдет само собой. В Соединенных Штатах представитель Боливара был благожелательно встречен спикером палаты депутатов Генри Клэем.

Боливар еще раз подтвердил Морильо свои условия. Тогда тот двинул на него двухтысячное войско. В ответ на это Боливар заявил, что он

все равно не примет его предложений, хотя бы ему навязывали их силой. Мирные переговоры остановились на точке замерзания. Морильо отказывался признавать Колумбию, а Боливар не менее твердо отказывался разговаривать с Испанией до тех пор, пока она не примет его условий.

21 ноября, когда армии Боливара и Морильо, готовые к бою, продолжали стоять друг против друга, представители обеих сторон, соответственно инспирированные своими вождями, собрались на мирную конференцию.

Результатом этой четырехдневной конференции явилось перемирие на полгода, устраивавшее делегатов больше чем мир. Кроме того, участники конференции достигли соглашения об обмене пленными и об улучшении режима для остающихся в плену; об отмене смертной казни для дезертиров, попавших в плен к противнику, и о некоторых мероприятиях, касавшихся убитых. Были сделаны и другие, не менее робкие демарши с обеих сторон.

Перемирие было заключено на шесть месяцев; в случае же, если какая-либо из сторон пожелала нарушить его, она должна была предупредить об этом за сорок дней.

Боливар презрительно усмехнулся, но договор подписал; Морильо выразил свое отношение краткой, но сильной кастильской поговоркой и тоже подписал. Он был не прочь повидаться с Боливаром. Он испытывал уважение к этому креолу, и ему хотелось встретиться с ним на нейтральной территории, пока они не перебьют друг друга на поле сражения. Перемирие сделало свидание возможным. По этому поводу между ними началась переписка. Боливар со своей стороны тоже изъявил желание встретиться с генералом Морильо, чью личную храбрость и боевой опыт он никогда не отрицал.

Местом свидания выбрали Санта-Ана — селение, находившееся на одинаковом расстоянии от обеих армий. Утром 27 ноября 1820 года одетый в парадную форму Морильо, с эскортом из двадцати офицеров в расшитых золотом мундирах, первым прибыл на место встречи. Вид у него был строгий и важный. Немного погодя приехал О'Лири и известил о приближении Освободителя.

— Где же его эскорт? — осведомился Морильо.

— Боливара сопровождают двенадцать офицеров: они вынудили его взять их с собой, — ответил О'Лири.

Взглянув на свою блестящую свиту, Морильо немного смутился и, обернувшись к ней, приказал, чтобы бульшая ее часть удалась. Оставив при себе всего несколько офицеров, в том числе Ла Торре, он обратился к О'Лири:

— Среди тех, кого я оставил, есть кто-нибудь, чье присутствие вызовет неудовольствием Боливара?

О'Лири окинул их взглядом и, слегка пожав плечами, ответил:

— Никого.

Все двинулись навстречу Освободителю. На лице Морильо, после того как он оглядел патриотов, изобразилось удивление.

— Кто из них Боливар? — спросил он О'Лири.

О'Лири с гордостью показал ему Освободителя.

— Как? — воскликнул испанский главнокомандующий. — Вот этот человек в голубом мундире, верхом на осле?

— Да, это президент Колумбии, — подтвердил ирландец.

Взгляды Боливара и Морильо встретились, и когда Боливар спешился, испанец не смог скрыть от О'Лири улыбки.

Боливар и Морильо подошли друг к другу, обменялись приветствиями, пожали друг другу руку и обнялись. Затем оба направились к селу, где в одной из лучших хижин их ожидал завтрак. В это время в другой хижине их офицеры рассказывали друг другу анекдоты и свои похождения. Целый день генералы беседовали друг с другом. Свидетелей при этой беседе не было, так что никто о ней ничего потом не мог рассказать. Ночью они спали под одной кровлей. На другой день проснулись рано. Морильо предложил водрузить монумент в память их встречи. О'Лири распорядился прикатить большой камень. Впоследствии предполагалось заменить его постоянным гранитным памятником. Боливар и Морильо расстались добрыми друзьями и обменялись прощальным приветствием. Офицеры стояли в это время навтыжку. А затем генералы разъехались в разные стороны, чтобы потом никогда уже больше не встретиться.

Боливар, надеясь все же осуществить поход в дальние страны, направил в Кито Антонио де Сукре, дабы тот со всей тщательностью изучил обстановку. В своих действиях Сукре обязан был исходить из условий перемирия. Между кит и Перу находилась еще одна небольшая провинция — Гуайякиль. Присоединение ее к Колумбии могло дать последней значительное преимущество. Сукре рекомендовалось обратить внимание и на эту провинцию.

Боливар написал письмо Фердинанду: он просил его принять двух своих посланцев, которым он поручил добиться от короля признания Колумбии. Но в это самое время Маракайбо, один из северных городов Венесуэлы, объявил себя независимым и присоединился к Колумбии, прося у нее защиты от испанцев. Ла Торре заявил Боливару решительный протест, подчеркнув, что отправка войска в Маракайбо есть нарушение перемирия. Боливар отклонил его протест. Он ясно дал понять Ла Торре, что хотя самый факт, что Маракайбо провозгласил свою независимость, явился неожиданным для патриотов, но, поскольку теперь это часть Колумбии, они, конечно, будут его защищать.

Боливар предложил Ла Торре встретиться и обсудить положение, но тот вместо ответа двинул на Маракайбо двухтысячную армию. Тотчас же по всем направлениям полетели приказы. Перемирие было забыто. Да, но ведь надо предупредить за сорок дней! Боливар решил соблюдать договор до последней возможности, а пока что готовить армию к будущим военным действиям. Они должны были, по-видимому, начаться в Карабобо.

В мае состоялись очередные выборы. Боливар снова избрали президентом, но он отказался. Однако, уже выступая в поход, он узнал, что конгресс не принял его отставки, и это явилось для Боливара новым доказательством его популярности. Он лишь отказался наотрез от президентского жалования, составлявшего семьдесят пять тысяч долларов в год. Конгресс ответил, что «Симон Боливар в праве отказаться от жалования и наградных сумм, полагающихся ему по закону, но отказываться от признательности колумбийского народа он не властен».

После этого обмена любезностями Боливар отправился со своей армией в поход.

С целью воспрепятствовать концентрации сил противника Боливар выслал небольшие отряды, и они выбивали испанцев из укрепленных пунктов. В конце концов дивизия Вермудеса заняла Каракас. Опять патриоты соединились в Сан-Карлосе с Паэсом и Урданетой. Невдалеке, в долине Карабобо, стояли Ла Торре и Моралес, тщетно пытавшиеся стянуть сюда свои, рассеянные отрядами патриотов, войска.

Бой начался только 24 июня утром. День выдался нестерпимо жаркий. Всю ночь шел дождь, и теперь от земли исходили густые испарения. Противник, занимавший хорошо защищенные позиции, ожидал со стороны патриотов фронтального удара. Но Боливар приказал Паэсу охватить противника справа. Под частым огнем кавалерия Паэса, при поддержке британской пехотной дивизии, начала обходной маневр. Со своих позиций противник имел возможность следить за каждым движением патриотов. И когда Паэс перешел в наступление, испанцы тотчас усилили свой фланг. Там вдруг прекратили огонь, но как только Паэс подошел на близкое расстояние, по нему открыли такую яростную стрельбу, что его кавалерия в беспорядке отступила, тесня свою же пехоту. Однако британцы не только устояли, но и без труда опрокинули испанцев, имевших над ними огромное численное превосходство.

На беду у британцев иссякли боеприпасы, а новых не поступало. Испанцы косили их ряды, но тут на подмогу подоспел Паэс. Завязалась рукопашная. Силы патриотов слабели. Тогда Боливар, приказав одному кавалерийскому эскадрону укрыться за склоном горы, внезапно бросил его в атаку.

Кавалерия врубилась в строй противника, и его правый фланг был смят. Затем испанцы начали отступать по всему фронту, и, наконец, Ла

Торре с единственным оставшимся у него батальоном пустился в бегство по направлению к Пуэрто-Кабелью.

Новая победа, и на этот раз — в Венесуэле! Это было особенно приятно Боливару. Радость его омрачалась лишь серьезными потерями, которые понесла армия патриотов в Карабобо: не стало многих славных офицеров.

Особые почести были возданы британской дивизии. Паэс получил звание генерал-аншефа.

На другой день Боливар через Валенсию направился в сопровождении льянеро в Каракас. Там его ждали сестры. В Сан-Матео весь день в его честь звонили колокола. Народ кричал до хрипоты: «Да здравствует свобода!», и крик этот будил ответное эхо по всей стране.

Глава XX

БОРЬБА ЗА КИТО

Мы должны победить — и победим!

Перед Боливаром вставали новые задачи, одна другой сложнее и ответственнее: некогда было выходить на балкон и приветствовать радостные толпы, некогда было отдыхать. Он разослал своих офицеров в разные концы. Паэс подошел к Пуэрто-Кабелью и, предварительно лишив его источников водоснабжения, ворвался в крепость. Оставался еще один очаг сопротивления испанцев — Сан-Фелипе. Взбешенный их упорством, Паэс двинул свое войско туда и быстро овладел городом.

Боливар мог теперь вплотную заняться проблемой Кито и Перу. Поручив своим генералам ликвидацию остатков испанских войск, он отправился на свидание с Сукре, который ждал его в изрезанной озерами долине реки Кауки. Сукре наладил прочную связь с Кито и Гуайакилем. Страстное желание Боливара присоединить эти провинции к Колумбии было ему хорошо известно, и он делал все возможное, чтобы проторить ему дорогу. Трудность его положения заключалась в том, что на него смотрели как на иностранца. Поэтому он должен был проявлять особый дипломатический такт.

Борьба за независимость началась в Кито еще десять лет назад, но испанский террор держал местных патриотов в состоянии выжидательного бездействия. Наконец в 1820 году в южном порту Кито, Гуайакиле, вспыхнуло восстание.

Антонио-Хосе де Сукре выступил в качестве активной силы на исторической сцене в тот момент, когда испанцы пытались взять Гуайакиль и подавить восстание. Прежде роль его была незаметной. Он зарекомен-

довал себя стойким, убежденным последователем Боливара, но и только. А с этого момента он становится самой крупной после Боливара фигурой в южноамериканской революции. Отношения этих двух людей характеризовались полным взаимопониманием, единством взглядов и тесной дружбой, которую они сумели пронести через все невзгоды и испытания.

Гуайякильские повстанцы уже считали, что все потеряно, как вдруг, точно в старинном романе, явился неожиданный избавитель с армией в тысячу человек и прогнал испанцев. Это был Сукре.

Боливар, находясь в Кали, намечал то один план похода, то другой и, наконец, в январе 1822 года остановился на таком, который требовал особого умения и любви к военному искусству. Сукре выступает из Гуайякиля и атакует испанцев на дороге в Кито. Боливар одновременно двигается на юг из Кали, входит в соприкосновение с противником и, в случае удачи, вступает на территорию Кито с севера. Получалось как бы состязание в скорости: кто первый придет к финишу? Но тут-то и сказались характеры обоих генералов: между ними не возникало ни раздоров, ни подозрений. Они не соперничали друг с другом. Они думали о победе общего дела.

В воззвании к гражданам Кито Боливар заявил, что он идет освободить их от цепей рабства. В ответ на это испанский губернатор потребовал, чтобы он немедленно очистил территорию Кито. Боливар, чуть заметно вскинув брови, приказал своим войскам наступать.

Переход от Попайяна до Пасто ознаменовался, прежде всего, частыми стычками с воинственными горцами, которые так же храбро действовали в горах, как льянеро на равнине, и ревностно старались поддержать шатавшийся трон Фердинанда. Это был утомительный и долгий путь. В Южном Попайяне не существовало иных путей сообщения, кроме тропинок для мулов, да и те были размыты дождями. Туманный саван, облежавший горы, казался живым: словно страшась приближения человека, он рос на глазах и не пускал дальше. Солдаты принялись вырубать кустарник: каждую пядь пространства приходилось отвоевывать у природы. В долине на кустах клочьями висел все тот же густой туман, таивший в себе бациллы лихорадки. С гор сбегали потоки, грозным ревом оглашая местность. А в глубине долины стоял город Пасто, прекращенный испанцами в неприступную крепость. Люди умирали от лихорадки, от истощения, срывались с крутизны и находили себе могилу на дне пропасти. Но Боливар ни разу не оглянулся назад. Однако состояние, в какое находилась армия, заставляло его временно уклоняться от боя. Он повел ее более легким путем: правым берегом реки Хуанамбу.

Яростные воды Хуанамбу и Гуайтары, низвергаясь с отвесных скал, сливались в теснине и вздымали чуть не до неба белоснежную пену и

каскады разноцветных брызг. Освободитель вперил жадный взор в противоположный берег. Вон там, на краю обрыва, что-то виднеется: уже не испанское ли войско? Он зажмурил глаза и снова открыл их. Да, сомнений нет: это — испанцы. А вон и полковник Гарсия, скрестив руки на груди, любитесь живописным ландшафтом.

Что же делать? Идти назад, по малярийным болотам, или броситься вперед, прямо в память к врагу? Боливар на секунду призадумался... Да, решено: вперед!

Природа была точно в заговоре с испанцами: на каждом шагу воздвигала она гряды островерхих скал. Враг вырыл окопы и залег. В рядах армии Гарсии сражались горцы, которым была известна каждая тропинка. Гарсия был уверен в победе: его войско с двух сторон прикрывали вулканические горы, позади тянулись леса, а впереди — ущелье, через которое был только один мост, и этот мост защищала его артиллерия.

Боливар расположился напротив, на отрогах вулканических гор. Отсюда было видно глубокое ущелье, за которым сейчас же начиналась долина Бомбоны.

Противник занимал почти неприступную позицию. Тем не менее, Боливар заявил своим мрачно настроенным офицерам:

— Отступать мы не можем.

Взглядом он приглашал их высказаться. Но они молчали.

— Мы должны победить — и победим!

Бледный, как полотно, от волнения и усталости, он приказал Вальдесу спуститься по склону горы и, пройдя у края ущелья, фланкировать правое крыло противника. Патриот Торрес повел наступление на центр, но ущелье было сплошь завалено деревьями, и ему пришлось остановиться. Потери были огромны. Командиры гибли один за другим. Два батальона патриотов были полностью уничтожены.

Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Плотное облако дыма повисло над окровавленной низиной, и сквозь него Боливар не мог разглядеть, что же случилось с Вальдесом. Немного погодя разведка донесла, что Вальдес яростно атакует правый фланг противника.

Боливар держал в резерве один батальон, составленный из участников битвы за Бойяку: это была его последняя надежда. Солнце уже зашло, когда он неожиданно предстал перед ними.

— Победители, вперед! — отрывисто крикнул он. — Возвращайтесь со славой!

Солдаты двинулись вперед. Быстро спустившись по склону ущелья, они бросились на помощь к Вальдесу. По небу, отражаясь в воде и заливая все вокруг матовым светом, величественно плыла полная луна. Наконец, после жаркой схватки, испанцы отступили. Ветераны Бойяки не подвели Освободителя.

Организовать преследование не представлялось возможным: солдаты падали от усталости, да и местность была предательская.

На другой день противник вернул республиканские знамена, захваченные им в начале сражения. Но Пасто, дерзкий Пасто, и не думал сдаваться. Боливар послал за подкреплениями. Они пришли, хотя и с запозданием. Армия патриотов насчитывала теперь две тысячи человек. Гарсия не шевелился. Боливар тоже не желал наступать: он берег живую силу.

Между тем Сукре, выступив из Гуайякиля в январе, с большими трудностями продвигался вперед — по холодным безлюдным равнинам, через темные леса — и, наконец, соединился с войсками, которые на подмогу ему выслал из Перу республиканский генерал Сан-Мартин. Силы его увеличились до двух тысяч человек. С этим войском он разбил испанцев под Риобамбой. Проявив изрядное искусство в преследовании врага, он заставил его уйти в горы. Эта победа была им одержана после сражения в Бомбоне. Целая неделя прошла у него в подготовке к решительному наступлению. Под проливным дождем повел он свою армию через горы на Кито. Его встретило испанское войско под командой Аймерича. И здесь, среди снежных вершин, началась битва за город, лежавший глубоко внизу.

Это была яростнейшая битва, не менее яростная, чем в Бомбоне. Пройти ее значило для испанцев потерять всю провинцию, а для Сукре и его солдат — попасть в плен или погибнуть в снегах. Испанцы, выйдя из леса, росшего по склону горы, обрушились на левый фланг армии патриотов, но были немедленно отброшены. Усилив натиск, они потеснили патриотов. У тех кончились боеприпасы, и они пошли в штыковую атаку. Поле боя несколько раз переходило из рук в руки. Наконец патриоты, под предводительством Сукре и Кордовы, стремительным ударом сломили сопротивление противника. Испанцы врассыпную бросились по склонам вулкана к Кито. Ликующие патриоты преследовали их до самой столицы.

На другой день попавший в плен Аймерич сдал Кито со всеми его военными складами генералу Сукре. Провинция была полностью освобождена от испанцев — почти через триста лет после того как Беналькасар впервые водрузил здесь кастильский стяг.

Это была победа Сукре. Он занял Кито в то время, когда на подступах к Пасто Боливар и Гарсия все еще нерешительно посматривали друг на друга. Но вот весть о победе Сукре дошла до Гарсии, и он, поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, сдался.

В Кито Боливар вошел через месяц после Сукре, но это не повлияло на торжественность встречи. Под оглушительные аплодисменты граждан полководцы обменялись на городской площади дружеским рукопожатием.

Кито со всеми смежными провинциями составил особую Эквадорскую республику, присоединившуюся к Великой Колумбии. Сукре был

назначен губернатором. К числу ранее освобожденных стран Южной Америки прибавилась еще одна.

Боливар и Сукре вопросительно смотрели друг на друга. Их усилия были вознаграждены, но полного удовлетворения они не ощущали. Они совершили грандиозный, опаснейший поход. Но оставался еще далекий, казавшийся неприступным Перу...

Глава XXI

БОРЬБА ЗА ПЕРУ

Я сдержал свою клятву!

На севере лежат Венесуэла, Новая Гранада и Эквадор, вместе составляющие многонациональную Колумбийскую республику, — вся эта территория освобождена Боливаром и его генералами. На далеком юге — Чили и Аргентина, освобожденные Сан-Мартинем и его генералами, а ближе к Колумбии — Перу. Сан-Мартину удалось освободить лишь небольшую его часть.

В силу многих причин испанцы сделали перу своей штаб-квартирой в Южной Америке. По своему географическому положению он являлся центром их колониальной империи, и до тех пор, пока здесь находились их войска, ни одна из южноамериканских республик не могла быть спокойной за свою свободу. К тому же, это была сказочно богатая страна: она обладала как раз теми ископаемыми, в которых нуждались испанцы.

В августе 1823 года Боливар и Сукре встретились в предместье Лимы. Оба вступили в город и были ошеломлены тем приемом, который был оказан Освободителю. Боливар был отведен во дворец и провозглашен диктатором Перу. Правда, большая часть страны находилась в руках испанцев, но зато у народа был теперь вождь.

Через некоторое время была сформирована народная армия, и тут, к великому разочарованию перуанцев, обнаружилось, что соотношение сил равно двум к одному в пользу испанцев. Боливар и Сукре выехали из Лимы, чтобы набрать побольше солдат, а в это время президент, боясь за свою жизнь, добровольно сдал столицу испанцам. Это был чудовищный удар для Боливара. Сукре минутами казалось, что он сходит с ума.

Но нельзя было сидеть сложа руки. Однажды Боливар заявил солдатам: «Меньше чем через год мы будем в Потоси». Солдаты посмотрели на него с изумлением: в сказочно богатом Потоси, до которого так далеко и который охраняет несметная сила испанцев!.. Простившись с Сукре, Боливар отправился в глубь страны вербовать добровольцев в армию.

Летом 1824 года испанские войска, стоявшие в Лиме, одном из самых красивых городов Южной Америки, готовились к наступлению. В тенистых парках весь день шло ученье. Еще на заре гулкий топот солдатских ног, четко отбивающих шаг, спугивал ласточек: не докончив утренней трапезы, они целыми тучами взвивались к небу.

Тем временем Боливар и Сукре производили смотр своему десяти-тысячному войску, которому были вверены ныне судьбы Колумбии. Над ними, нацелившись остриями в небо, вздымались вершины Анд. Впереди сверкало озеро Рейес, порой сливавшееся с неоглядно широкой Амазонкой, которая несла свои воды в девственную глубь страны.

Боливар, верхом на белом коне, держал к войскам речь:

— Солдаты, вам предстоит совершить величайший из подвигов, который когда-либо был предрекан человеку свыше: вы должны низвергнуть рабство. Солдаты, вам предстоит сразиться с людьми, которые дерзают скрестить свое оружие с нашим, одержавшим столько славных побед! Солдаты, на вас смотрит весь мир. Перу и вся Южная Америка возлагают на вас надежды. Неужели вы их обманете? Нет, нет, тысячу раз нет. Вы — непобедимы!

Мощное ура, грянувшее в ответ Освободителю, стократно отдалось в горах.

Пять лет назад иные из этих ветеранов участвовали в бою за Бойяку, утвердившем независимость Новой Гранады, а теперь они снова стояли на пороге решительной битвы.

Во время боя за Хунин не раздалось ни единого выстрела: действовала исключительно кавалерия. Потери испанцев значительно превышали потери патриотов, но для Боливара этот бой не имел решающего значения. Войска его медленно продвигались вперед и 24 августа заняли Айякучо. Здесь они пробыли до середины сентября.

Боливар, временно возложив командований армией на Сукре, выехал в ближайшие районы вербовать добровольцев. Перед отъездом он устроил своим офицерам банкет. После третьего тоста в честь Освободителя все бросили стаканы на пол. Боливар встал.

— Пусть ваши верные шпаги, — начал он, — разом вопьются в мою грудь, если я стану угнетателем тех народов, которые я веду к свободе! Пусть единственной властью на земле отныне станет власть народа! Пусть самое слово «тирания» исчезнет из народной речи и позабудется навсегда!

7 декабря Боливар возвратился в Лиму, к тому времени уже освобожденную от испанцев. Он мало ел, плохо спал. Бродя в тоске по дворцовому парку, он устремлял свой взгляд к синевшим вдаль горным вершинам.

В этот день генерал Сукре, потратив целый месяц на мучительный и труднейший переход через эти самые вершины, остановился как раз

напротив вражеского войска, которым командовал испанский генерал Ла Сэрна. Их разделала лишь пропасть в шестьсот футов глубиной.

На другой день, когда Боливар опять в тревоге бродил по аллеям парка — то присаживался на каменную скамью, то вставал и принимался нервно рассказывать взад-вперед — в горах началась перестрелка, послужившая прелюдией к битве за Айякучо.

Ночью Боливар метался на постели, а Сукре, еще до наступления темноты приведя армию в боевую готовность, сидел у костра и мысленно оценивал свое опасное, в сущности, безвыходное положение. В течение месяца он маневрировал с таким расчетом, чтобы его армия двигалась параллельно армии Ла Сэрны. Сейчас обе армии стояли друг против друга. Налево виднелся неглубокий обрыв, за которым сейчас же начинались пологие холмы, а там опять обрыв в восемьсот футов глубиной и, наконец, долина. Позади — деревня. Большая дорога, которая вела к ней, загибалась влево, и создавалось впечатление, что она спускается в долину. Направо — тесное ущелье. Негде было скрыться от противника; не было дороги, по которой патриоты могли бы отступить с тем, чтобы выбрать более удобное поле сражения. Сукре отлично понимал план Ла Сэрны. У испанцев был расчет на то, что патриоты бросятся в беспорядке по обрыву в долину и попадут в ловушку.

Еще раз внимательно осмотрев свою позицию, Сукре поник головой. Порой до него долетал треск ружейных выстрелов: это патриоты старались помешать ночной атаке противника. Бивуачные огни на вершинах Анд скрадывали еле мерцающий свет звезд, и казалось, что звезды, устав бодрствовать, скатились одна за другой с неба. Всю ночь Сукре в глубоком раздумье провел у костра.

Утром 9 декабря Боливар долго сидел во дворце за ранним, уже остывшим завтраком, так и не притронувшись к нему. Его невидящий взгляд был устремлен в пространство; мысли его витали далеко.

Над вершинами Анд, точно предвестница грядущей битвы, по всему небу протянулась кроваво-красная лента зари. Сегодня должна была решиться судьба перу, а может быть, и всей Южной Америки.

Дрожа от утреннего холода, солдаты Сукре с нетерпением и тревогой ожидают сигнала. Они все превратились в слух. Вот уже солнце начало заметно пригревать, а сигнала все нет как нет. Может, сегодня и не будет сражения? Солдатам надоело стоять. Они рассеялись небольшими группами и, закулив, повели мирную беседу.

В десять часов послышался стук копыт. На гору въехал Сукре. Солдаты, горя желанием ринуться в бой, быстро построились. С противоположных вершин начал наступление Ла Сэрна. Вот он — ведет за собой кавалерийскую дивизию. Сукре спокойно обратился к солдатам:

— Сегодня судьба Южной Америки находится в ваших руках. А завтра слава увенчает вашу изумительную стойкость.

— Ура! — вскричали солдаты.

И грянул бой.

Когда испанцы построились для атаки, колумбийские батальоны Кордовы начали было отступать. Тогда Кордова спрыгнул с коня и пронзил его штыком.

— Лежи, мой конь! — крикнул он. — Теперь мне уже нет пути назад. Солдаты будем сражаться плечо к плечу! Вперед, к победе!

Солдаты, ответив ему громовым ура, со штыками наперевес пошли в атаку. Бились упорно. Слышались лишь предсмертные стоны раненых, визг и скрежет стали и глухой стук падающих тел. А когда налетела колумбийская кавалерия, испанцы в смятении оставили поле боя. Ла Сэрна был ранен и взят в плен, почти все его войско легло костьми. Кто уцелел — тот сдался на милость патриотов. Бой длился всего час. Война за Перу была кончена. Убедившись в этом, Сукре дрожащей рукой начал составлять донесение Боливару.

Руки диктатора Перу тоже дрожали, когда он читал донесение, которое ему с невероятной быстротой доставил гонец. «Война кончена, Перу освобожден полностью». Вне себя от радости Боливар, прежде чем обнародовать донесение, еще раз прочитал его.

Сукре одержал победу благодаря тому, что правильно рассчитал момент перехода в контратаку. Когда испанцы стали спускаться с холмов, он удержал патриотов от преждевременного выступления. Один Боливар способен был себе представить, на какой тоненькой ниточке он удержался.

Итак, Сукре освободил Перу. Только в гавани Кальяо все еще развевался, как жалкая и смешная угроза, испанский флаг. Подвиг Сукре и его войск был оценен по достоинству. Сам полководец получил титул «великого освободителя Перу» и звание «маршала Айякучо», других участников битвы наградили орденом Айякучо, семьям убитых была оказана помощь.

Через две недели Сукре занял Куско, а в начале 1825 года вошел в «город серебра» — Потоси, как это и предсказывал Боливар. Испанская поговорка «богат, как Потоси» сделалась достоянием патриотов. Но в Кальяо все еще с упорством обреченного держался испанский генерал Родиль. Наконец и он спустил флаг. Это была последняя эмблема испанского владычества в Южной Америке. Теперь над всем материком по бедно реяло ославленное солнцем знамя республики.

Вот они, эти шесть свободных стран: Венесуэла, Новая Гранада, Эквадор, Перу, Чили и Аргентина. Южный Перу выделяется в самостоятельную республику под названием Боливия. Молодая республика про-

сит Боливара принять ее под свое покровительство. Боливар выезжает туда и с благодарностью принимает оказанную ему честь. Столица Боливии переименовывается в город Сукре. Боливар обещает добиться от перуанского конгресса признания новой республики. Ликующий, счастливый, он возвращается в Лиму.

Резвый конь несется стрелой, и под веселый топот его копыт так хорошо вспоминать прошедшее и мечтать о будущем!

«Двадцать лет промелькнули, как сон, — думает Боливар. — Я сдержал свою клятву. А теперь да пошлет нам господь мир!»

---

*Печатается по изданию:
Ф. Маршалл, Д. Крэйн. Боливар. М., 1944.*

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая история Латинской Америки	5
Р.М. Бланк. Открытие Америки	10
Дж. Бейкер. Христофор Колумб и его последователи	40
А. Деберль. История Южной Америки от завоевания до нашего времени	73

Исторические очерки стран Латинской Америки

Антигуа и Барбуда	138
Аргентина	138
Багамские острова	155
Барбадос	155
Белиз	156
Боливия	156
Бразилия	162
Венесуэла	163
Виргинские острова	168
Гаити	168
Гайана	171
Гваделупа	171
Гватемала	172
Гондурас	174
Гренада	176
Доминика	177
Доминиканская республика	177
Каймановы острова	180
Колумбия	180
Коста-рика	186
Куба	189
Мартиника	195
Мексика	196
Никарагуа	213
Парагвай	217
Перу	222
Пуэрто-Рико	230
Сальвадор	230
Сент-Висент и Гренадины	233
Сент-Люсия	233
Суринам	234
Тринидад и Тобаго	234
Уругвай	235
Чили	244
Эквадор	255
Ямайка	261
Панама	262

Д.С. Миллс. Панамский канал. История и описание его	274
В.Е. Тимонов. Мировой водный путь через Панамский перешеек	335
Латинская Америка. Краткая хронология	358
В.Л. Снесарев. Конкистадоры. Историческая хроника XVI века	405
С. Шумов, А. Андреев. Короли «Веселого Роджера».	
Флибустьеры в Карибском море	546
Ю. Махальский. Пиратство в Карибском море	549
И.В. Архенгольц. Первые победы Моргана	559
Ф. Маршалл, Д. Крэйн. Боливар	591

Издательско-книготорговая фирма «АЛЬТЕРНАТИВА»

предлагает широкий ассортимент книг по мировой и российской истории, психологии, востоковедению, словари, энциклопедии ведущих российских и украинских издательств

— В 2003 году в издательстве "АЛЬТЕРНАТИВА" выходят —

- ✓ История Румынии
- ✓ История Ирана
- ✓ История Бразилии
- ✓ История Латинской Америки
- ✓ История Индии
- ✓ История Израиля и Иудей
- ✓ История Англии
- ✓ История Армении
- ✓ История Франции
- ✓ История Кипра
- ✓ История Средней Азии
- ✓ История Швейцарии
- ✓ История Ближнего Востока. Ассасины
- ✓ История Прибалтики
- ✓ История Африки
- ✓ История Армении
- ✓ История Кенигсберга и Восточной Пруссии
- ✓ Женщины-звезды в жизни человечества. Сафо, Аспазия, Таис Афинская, Клеопатра, царица Тамара
- ✓ Психология любви: возникновение, сущность, сохранение
- ✓ Психология женщины: логика, ум, обаяние
- ✓ Психология животных: инстинкт, ум, душа
- ✓ Психология души
- ✓ Психология человека: чувства, темперамент, характер, талант, гениальность
- ✓ М. Грушевский. История украинского народа
- ✓ А.Р. Андреев. История Крыма
- ✓ А.Р. Андреев. Монашеские ордена
- ✓ А.Р. Андреев. История власти в России
- ✓ История Группы специального назначения «Вымпел»

НБ ПНУС

659908

История Латинской Америки

Подготовка оригинал-макета: С.А. Глебов, serge_gl@mail.ru

Подписано к печати 14.07.2001. Формат 60x90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Объем 44,5 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ № 225.

Лицензия ЛР № 066700 от 23.06.99.

Издательство «Альтернатива» — «Евролинц»,
г. Москва. Тел. 197-35-97

Отпечатано в типографии ГП "Облиздат",
248640, г. Калуга, пл. Старый торг, д. 5, тел. 57-40-70